

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I.

Съ неизданнаго рисунка художника Рибо (1717 г.), принадлежащаго П. Я. Дашкову.

Доз. ценз. 21 декабря 1901 г. Спб.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ LXXXVII.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

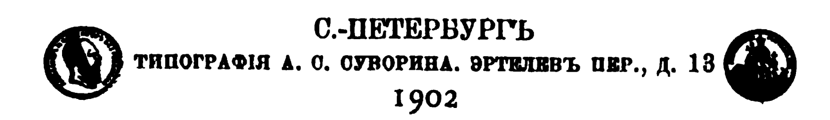
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ LXXXVII

1902

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1902

СОДЕРЖАНІЕ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ СЕДЬМОГО ТОМА

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЪ 1902 года).

СТРАН.

СТРАН.

1902 г.—Н. Стороженко. Изъ области литературы. Его же. Опыты изученія Шекспира. Изданіе учениковъ и почитателей. Москва. 1902. п. а.—28) Э. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти. Томъ II. Римская императорская власть отъ Гальбы до Марка Аврелія. Спб. 1901. а. м.—29) Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Томъ IV. Изданіе 2-е. Спб. 1901. п. к.—30) В. В. Розановъ. Легенда о великомъ инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія съ присоединеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изд. 2-е. Спб.—дта.—31) Архивъ графовъ Мордвиновыхъ. Два тома. Спб. 1902. с. ш.—32) В. М. Грибовскій. Въ годы юности. Повѣсти и разсказы. Спб. 1902. н. Юрьина.—33) Жанна Д'Аркъ, романъ Марка Твена. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей проф. А. Трачевскаго. Спб. 1902. а. Фаресова.—34) З. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Спб. 1901. к.н. Михайлова.—35) Н. Н. Буличъ. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Томъ I. Спб. 1902. м. п—аго.—36) Commentationes Nikitinianae. Сборникъ статей по классической филологіи въ честь Петра Васильевича Никитина по поводу тридцатилѣтія служенія его русскому просвѣщенію. 1871—1901. Спб. 1901. а. м—на.—37) А. В. Амфитеатровъ (Old Gentleman). Недавніе люди. Спб. 1901.—дта.—38) В. В. Сиповскій. Пушкинская юбилейная литература (1899—1900 гг.). Критико-библіографическій обзоръ. Спб. 1901. п. щ.—39) Мих. В. Хелтуплишвили. Вступленіе Грузіи въ составъ Россійской имперіи. Изд. Ал. Арабидзе. Кутаисъ. 1901. Кон. Мих—ва.—40) Отчетъ о дѣятельности Тверской ученой архивной коммиссіи за 1900 годъ. Составилъ правитель дѣлъ И. А. Виноградовъ. Тверь. 1901. а. м—на.—41) А. Барановъ. Въ защиту несчастныхъ женщинъ. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1902. Вас. Якимова.—42) Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Томъ VII. Изданіе Императорской Академіи Наукъ, подъ редакціей П. А. Сырку. Спб. 1901, Σ.—43) Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ ихъ основанія до 1897-го года включительно. Историческій очеркъ разныхъ отраслей желѣзнодорожнаго дѣла и развитія финансовой и экономической стороны желѣзныхъ дорогъ въ Россіи по 1897 годъ включительно. Составленъ съ высочайшаго соизволенія по распоряженію министра путей сообщенія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя М. И. Хилкова подъ редакціей инженера тайнаго совѣтника В. М. Верховскаго. Спб. 1901. в. п—на.—44) Труды Я. К. Грота. IV. Изъ русской исторіи. Изслѣдованія, очерки, критическія замѣтки и матеріалы. (1845—1890). Изданы подъ редакціей профессора К. Я. Грота. Спб. 1901. м. п—аго.—45) Семевскій, В. И. Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. Томъ второй. Спб. 1901. в. Строева.—46) Князь М. А. Накашидзе. Автомобиль, его экономическое и стратегическое значеніе для Россіи. Съ 9-ю рисунками, Спб. 1902. Бориса Тагѣева.—47) Европа. Иллюстрированный географическій сборникъ. Москва. 1902. в. I.—48) Постройка и эксплоатація Николаевской желѣзной дороги (1842—1851—1901 г.г.). Краткій историческій очеркъ. Составленъ управленіемъ дороги. Спб. 1902. в. п.—49) Художественныя сокровища Россіи. Ежемѣсячный, иллюстрированный сборникъ, издаваемый императорскимъ обществомъ поощренія художествъ, подъ редакціей А. Бенуа. Выпускъ I. Спб. 1902. с. ш.—50) Суворовъ, какъ представитель славянства. Составилъ ординарный профессоръ Николаевской академіи генеральнаго штаба, генералъ-маіоръ Н. А. Орловъ. Спб. 1901. I.—51) А. Оларъ. Политическая исторія французской революціи. Москва. 1902. а—ва.—52) Феликсъ Рокэнъ. Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Спб. 1902. п. а.—53) Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Томъ III. Изданіе А. М. Пантелѣева. Спб. 1902. в.—54) Краткій очеркъ исторіи грузинской церкви и экзархата за XIX столѣтіе. Е. К. Тифлисъ. 1901. а. Хаханова.—55) Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Iussu et impensis Societatis Archaeologicae Imperii Russici edidit Basilius Latyschev. Volumen quartum. Petropoli MDCCCCI. (Древнія греческія и латинскія надписи сѣвернаго побережья Чернаго моря. По порученію и на средства императорскаго Русскаго археологическаго общества издалъ Василій Латышевъ. Томъ четвертый. Спб. 1901). а. м—на.—56) Г. Г. Нибуръ. Рабство, какъ система хозяйства, этнологическое изслѣдованіе. Переводъ съ англійскаго А. Н. Максимова. Москва. 1902. I.—57) Д. Мережковскій. Любовь сильнѣе смерти. Итальянская новелла XV-го вѣка. Книгоиздательство «Скорпіонъ». Москва. 1902. в. Розанова.—58) Исторія польской артиллеріи (Historga artylerji polskiej). Константина Гурскаго. Варшава. 1902. I. к.—59) Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Въ 12 томахъ подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Томъ V. Спб. 1901. в.—60) Э. Бессонъ. Бюджетный контроль во Франціи и за границей. Историческое и критическое изслѣдованіе финансоваго контроля первостепенныхъ государствъ Европы. Перев. съ франц. С. А. Халютина. Спб. 1901. с. н.—61) Джонъ Рескинъ. Современные художники. Общіе принципы и правда въ искусствѣ. Перев. со 2-го англійскаго

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.
ЯНВАРЬ, 1902

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1902 г.

См. слѣд. стр.

О ПОДПИСКѢ

НА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

въ 1902 году

(ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ" будетъ издаваться въ 1902 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе двадцать два года (1880—1901).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ (со всѣми приложеніями) **десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.**

Главная контора „Историческаго Вѣстника" въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"**, Невскій проспектъ, № 40. Отдѣленія конторы: въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ,** при находящихся въ этихъ городахъ отдѣленіяхъ книжнаго магазина **„Новаго Времени"**.

ТРАГИЗМЪ БЕЗВОЛІЯ.

I.

«Не плоть, а духъ растлился въ наши дни
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ».

(Тютчевъ).

Николай Ивановичъ Ивковъ вышелъ сіяющій изъ канцеляріи: билетъ у него былъ въ карманѣ.

На такой благопріятный исходъ своей просьбы онъ не разсчитывалъ; работы въ полку было пропасть, многіе офицеры болѣли инфлуэнцей, и, отправляясь просить отпускъ, онъ готовился къ отказу.

Но вышло иначе; полковника онъ засталъ въ прекрасномъ расположеніи духа и бесѣдующимъ съ офицеромъ, недавно оправившимся отъ тяжкой болѣзни, и, узнавъ про желаніе Ивкова провѣтриться, онъ весело вскричалъ:

— Поѣзжайте съ Богомъ, довольно вы тутъ за всѣхъ потрудились. Вотъ онъ васъ замѣнитъ, всталъ, слава Богу!—прибавилъ онъ, кивая на выздоровѣвшаго офицера.

— Когда же могу я ѣхать?—спросилъ Ивковъ.

— Да хоть сегодня. Поѣздъ уходитъ въ три часа. Прикажите приготовить билетъ, я подпишу.

Канцелярія была въ томъ же домѣ, этажемъ ниже. Вихремъ слетѣлъ Ивковъ съ лѣстницы, и пока писарь писалъ билетъ, онъ разговаривалъ съ товарищами (которыхъ, какъ всегда, толкалось тутъ человѣкъ пять-шесть) о пѣвицѣ, которой они наканунѣ аплодировали въ загородномъ театрѣ, о полковыхъ дѣлахъ, о послѣднемъ скандалѣ въ клубѣ.

Мысли самаго радостнаго свойства кружились въ головѣ Ивкова. Надоѣла ли ему эта усиленная работа, въ которую его впрягли, благодаря противному повѣтрію, свалившему съ ногъ большинство его товарищей, или соскучился онъ по роднымъ и знакомымъ, оставленнымъ въ Москвѣ, такъ или иначе, но никогда еще не радовался онъ такъ перемѣнѣ мѣста и впечатлѣній, какъ въ этотъ день.

Опустивъ подписанный билетъ въ боковой карманъ, онъ вышелъ на улицу, залитую яркимъ, весеннимъ солнцемъ и пестрѣвшую прогуливающимися въ свѣтлыхъ весеннихъ нарядахъ, и, мурлыча вполголоса мотивъ, застрявшій у него въ ушахъ со вчерашняго вечера, спѣшилъ домой.

До отхода поѣзда времени оставалось немного. Надо было еще уложиться. На Илью полагаться нельзя: малый честный и преданный, но безтолковый.

— Отпускъ дали... укладываться... Живо! — объявилъ онъ молодому парню съ простодушнымъ лицомъ южно-русскаго типа, въ засаленной полотняной курткѣ, входя въ комнату и бросая фуражку на столъ.

— Да нѣтъ ли чего нибудь поѣсть?

— Можно бифштексъ изжарить, ваше благородіе.

— Жарь.

И пока ему готовили завтракъ, Ивковъ, не теряя времени, принялся за приготовленія къ отъѣзду.

Выдвинувъ ящики письменнаго стола, онъ началъ сортировать накопившіяся въ нихъ письма, записки, счеты. Одни онъ рвалъ и бросалъ на полъ, другіе откладывалъ въ сторону. Попадались фотографіи, между прочимъ, карточка молодой дѣвушки въ малороссійскомъ костюмѣ, которой онъ засмотрѣлся влюбленными глазами. Какъ она ему обрадуется!.. И сейчасъ надуетъ губки и, если встрѣча ихъ произойдетъ безъ свидѣтелей, начнетъ его упрекать, что не предупредилъ о пріѣздѣ... Чтобы ее подразнить... (ничего онъ такъ не любитъ, какъ ее дразнить), онъ скажетъ, что забылъ это сдѣлать, и она придетъ въ отчаяніе. Поднимется настоящая буря, она расплачется, и онъ начнетъ ее утѣшать, скажетъ, что всегда она у него на умѣ и въ сердцѣ, что никакія кокетки и франтихи не въ состояніи вытѣснить, даже на минуту, ея милый образъ изъ его души... И это правда. По крайней мѣрѣ, въ эту минуту онъ былъ въ этомъ убѣжденъ. Онъ влюбчивъ, любитъ ухаживать, заводитъ интриги съ дамами, но все это вздоръ передъ тѣмъ, что онъ чувствуетъ къ Лидочкѣ. Кончится тѣмъ, что онъ на ней женится.

И ему стало казаться, что онъ именно для этого и торопится въ Москву. Тянуть дольше это дѣло не для чего. Василій Сергѣевичъ будетъ очень радъ, Марья Алексѣевна тоже. Если поломаются, то только для формы, чтобы онъ не подумалъ, что они навязы-

ваютъ ему дочь. На самомъ же дѣлѣ на него въ домѣ давно смотрять, какъ на хорошаго жениха. Сколько разъ Василій Сергѣевичъ намекалъ ему на земскую службу! У нихъ имѣніе подъ Москвой, ихъ зятю самой судьбой предназначено быть въ томъ уѣздѣ земскимъ начальникомъ. А онъ точно созданъ для этой должности. Энергіи у него хоть отбавляй, разъѣзжать никогда не надоѣстъ. Лидочка будетъ хозяйничать въ деревнѣ, а онъ возиться съ народомъ. Зиму можно будетъ проводить въ Москвѣ...

Размышляя такимъ образомъ, онъ услышалъ шумъ въ кухнѣ. Кричали, бранились, раздался стукъ захлопываемой двери, и голоса удалились, продолжая переругиваться на лѣстницѣ, а затѣмъ все стихло.

На происшествіе это Ивковъ не обратилъ никакого вниманія, однако, когда Илья принесъ ему завтракъ, онъ про это вспомнилъ.

— Съ кѣмъ ты тамъ воевалъ?—спросилъ онъ, принимаясь ѣсть.

— Жидовка за деньгами приходила, ваше благородіе.

— Что же ты мнѣ не сказалъ, я бы ей заплатилъ.

— Намеднись ваше благородіе приказали ее гнать.

— Болванъ! Намеднись у меня не было денегъ, а теперь есть, я бы ей заплатилъ.

Этимъ разговоръ про жидовку и кончился. Позавтракавъ, Ивковъ продолжалъ укладку вещей съ помощью Ильи.

Когда все было готово, онъ взглянулъ на часы и увидалъ, что до отхода поѣзда остается часа полтора. Онъ вынулъ портмоне, отсчиталъ нѣсколько рублей Ильѣ на необходимыя издержки во время его отсутствія и замѣтилъ, что мелочи у него даже на извозчика не осталось.

— Размѣняй мнѣ это,—сказалъ онъ Ильѣ, подавая ему сторублевку.

Илья побѣжалъ исполнять порученіе, а баринъ его, закуривъ папиросу, принялся укладывать въ письменный столъ стоявшія на немъ вещи, между прочимъ, мраморное пресспапье, которое ему было дорого, какъ память любимаго товарища.

Но вещь эта не протискивалась въ ящикъ, наполненный до верху бумагами; не выпуская ея изъ рукъ, онъ соображалъ, куда бы ее спрятать, какъ вдругъ по сосѣдней комнатѣ раздалось шлепанье ногъ въ туфляхъ.

— Кто тамъ?—спросилъ онъ, возвышая голосъ.

Отвѣта не послѣдовало, но шаги приблизились къ припертой двери и остановились, точно чего-то выжидая.

— Кто тутъ?—громче прежняго повторилъ онъ, повертывая голову къ двери, которая растворилась, чтобы пропустить грязную, старую еврейку.

— Откуда взялась? Какъ смѣла? Ступай вонъ!—вскричалъ онъ, раздосадованный ея наглостью и мыслью, что Илья, уходя, опять оставилъ дверь не запертой.

«Вѣчно забываетъ! Сколько ни говори! Вотъ олухъ!»—мелькало у него въ головѣ.

А старуха, между тѣмъ, не обращая вниманія на его окрикъ, нагло къ нему приблизилась и стала требовать рубль шестьдесятъ копеекъ, должные ей за апельсины, грозясь, что не уйдетъ, пока требованіе ея не будетъ исполнено.

— У меня нѣтъ мелкихъ, послалъ размѣнять... Ступай вонъ!

— Я буду дожидайть.

— Жди, только не здѣсь, а на дворѣ.

— Я буду дожидайть уздѣся... Гаспадинъ офицеръ хочитъ уѣхать, денщикъ будетъ деньги пропивайть, я не получай, я хочу получайть,—повторила она.

— Уберешься ли ты, старая кочерга!—вскричалъ онъ, срываясь съ кресла.

Но она не трогалась съ мѣста и, не спуская съ него дерзкаго, вызывающаго взгляда, повторяла, что ей нужны деньги сейчасъ.

Онъ наконецъ потерялъ терпѣніе.

— Я тебя вонъ вытолкаю, если ты меня не оставишь въ покоѣ!

Но вмѣсто того, чтобъ отступить къ двери, на которую ей указывали, она съ яростью на него надвинулась и, схватившись за рукавъ его тужурки грязными, крючковатыми пальцами, объявила, дерзко возвышая голосъ, что пожалуется полковнику, если онъ тотчасъ же съ нею не расплатится.

Взбѣшенный этой угрозой, онъ поднялъ на нее пресспапье, которое продолжалъ держать въ рукѣ, а она, цѣпляясь за его рукавъ и обдавая его своимъ вонючимъ дыханіемъ, неистово завизжала.

Что случилось дальше, какъ вышло, что, выбиваясь изъ ея когтей, онъ ударилъ ее по головѣ,—этого онъ не помнилъ: отъ гнѣва у него на мгновеніе потемнѣло въ глазахъ, а когда онъ очнулся, старуха лежала на полу безъ движенія.

«Экъ, я ее хватилъ!»—подумалъ онъ, съ омерзѣніемъ бросая пресспапье.—«Возись теперь тутъ съ нею, того и гляди, на поѣздъ опоздаешь!»

Растворивъ дверь въ коридоръ, онъ позвалъ Илью.

— Вотъ я тутъ что, по твоей милости, надѣлалъ,—сказалъ онъ, указывая на старуху.—Ты опять, уходя, забылъ запереть дверь, она прилѣзла, стала приставать, схватила меня за рукавъ, какъ когтями вцѣпилась, не выпускаетъ... Я ее вотъ этимъ хватилъ и чуть не убилъ... Возьми одеколону, потри ей виски, чтобъ скорѣе очухалась, отдай ей деньги и выгони вонъ,—брезгливо стряхивая съ рукава слѣды грязныхъ пальцевъ старухи, продолжалъ онъ, въ то время, какъ Илья, опустившись передъ нею на колѣни, теребилъ ее, чтобъ привести въ чувство.

— Да возьми же одеколону, говорятъ тебѣ!—повторилъ онъ съ раздраженіемъ.

И хотѣлъ еще что-то такое прибавить, но Илья, не поднимаясь съ колѣней, обернулся къ нему съ такимъ страннымъ выраженіемъ въ широко раскрытыхъ глазахъ, что слова застряли у него въ горлѣ.

— Ваше б—діе, она умерла,—произнесъ чуть слышно денщикъ, съ трудомъ шевеля побѣлѣвшими губами.

— Что ты врешь!—вскричалъ Ивковъ, кидаясь къ старухѣ и пригибаясь къ ея груди, чтобъ уловить біеніе ея сердца.

Но сердце не билось, въ раскрытыхъ глазахъ не было взгляда, она умерла.

Съ минуту времени воцарившаяся въ комнатѣ тишина ничѣмъ не нарушалась. Отъ наплыва мыслей и чувствъ, вихремъ проносившихся въ умѣ, до боли тѣсня грудь, Ивковъ ничего не могъ ни сообразить, ни понять.

Вывелъ его изъ оцѣпенѣнія Илья.

— Вотъ что, ваше б—діе, извольте-ка скорѣе уѣзжать. Я тутъ безъ васъ все облажу,—произнесъ онъ хриплымъ, измѣнившимся голосомъ, но такъ рѣшительно, что баринъ, не возражая, поднялся на ноги. —Вотъ вамъ деньги,—продолжалъ Илья, вынимая изъ кармана и кладя на столъ размѣненную сторублевку. — Не извольте безпокоиться,—продолжалъ онъ, точно понимая, какъ слова его нужны Ивкову, какимъ ободряющимъ образомъ дѣйствуетъ его голосъ на пораженный ужасомъ мозгъ его господина.—Мы тутъ все запремъ, ключъ я возьму съ собою, провожу васъ до вокзала, а когда поѣздъ тронется, вернусь сюда и все облажу. Не извольте безпокоиться, я этотъ грѣхъ, если что, возьму на себя, — повторилъ онъ.

«Что онъ говоритъ? И какъ же это будетъ? Вѣдь не онъ убилъ, а я... какъ же онъ можетъ взять на себя?.. Нѣтъ, нѣтъ, я этого не могу допустить!»—вертѣлось въ головѣ Ивкова, но гдѣ-то далеко, въ сторонѣ, не мѣшая ему запрятывать деньги въ карманъ, въ то время, какъ Илья, захлопнувъ крышку чемодана, сталъ на него колѣнями, чтобъ умять вещи и повернуть ключъ въ замкѣ.

Комната была не велика: трупъ, распростертый на полу, занималъ много мѣста, безпрестанно приходилось его обходить, чтобъ достать то то, то другое; но ни разу ни баринъ, ни слуга не взглянули на него, и обоимъ имъ казалось, что стóитъ имъ только скорѣе отсюда выбраться, и все пойдетъ хорошо.

— Пожалуйте-съ, ваше б—діе,—сказалъ Илья, порывисто схватывая одной рукой чемоданъ, а другой растворяя передъ Ивковымъ дверь въ сосѣднюю комнату. — Извольте выйтить на крыльцо, я той же минутой, только запру дверь.

И не успѣлъ Ивковъ сойти съ лѣстницы, какъ онъ его нагналъ и побѣжалъ за извозчикомъ. Черезъ минуту они ѣхали къ вокзалу, гдѣ застали кассу запертой и пассажировъ, стремившихся къ экипажамъ, подъ дребезжаніе третьяго звонка.

Но къ нимъ поспѣшилъ знакомый артельщикъ.

— Садитесь, ваше б—діе, билетъ возьмете на ходу,— поспѣшно проговорилъ онъ, выхватывая изъ рукъ Ильи чемоданъ и торопливо направляясь къ вагонамъ.

Поѣздъ тронулся въ ту самую минуту, когда Ивковъ вскакивалъ на подножку.

II.

Возня и суета при отыскиваніи мѣста, новыя лица, все это на нѣкоторое время развлекло Ивкова и заставило его забыть то, что онъ оставлялъ за собою; но это блаженное состояніе длилось не долго, и пришлось убѣдиться, что чѣмъ дальше уѣзжаетъ онъ отъ мѣста, гдѣ свершилось роковое событіе, тѣмъ живѣе и мучительнѣе поднимается въ его воображеніи представленіе о немъ. И къ воспоминанію этому примѣшивалось горькое сознаніе сдѣланныхъ ошибокъ.

Какъ могъ онъ не сообразить нелѣпости совѣта, даннаго ему Ильей! Какъ могъ онъ ему послѣдовать, не заставивъ его опредѣленнѣе высказаться насчетъ его намѣреній! Какъ будетъ поступать Илья, когда начнутъ добираться до причинъ, повлекшихъ за собою смерть старухи?

При этихъ вопросахъ у него поднимался въ головѣ такой сумбуръ неожиданныхъ представленій, одно ужаснѣе другого, что ему казалось, что онъ сходитъ съ ума.

Тѣмъ не менѣе, къ утру онъ заснулъ, и сонъ его освѣжилъ; проснулся онъ въ болѣе спокойномъ расположеніи духа.

Новыя впечатлѣнія произвели желаемое дѣйствіе, ему было легче отгонять тяжелыя воспоминанія и останавливаться мыслями на другихъ предметахъ. Онъ могъ думать о томъ, гдѣ ему остановиться въ Москвѣ, въ гостиницѣ или у родственниковъ; онъ вспомнилъ про Лидочку и, представляя себѣ встрѣчу съ нею, забывалъ про Илью и про еврейку.

На одной изъ станцій, неподалеку отъ Москвы, въ ихъ вагонъ сѣлъ офицеръ, большой говорунъ и забавный чудакъ, который немедленно со всѣми перезнакомился и разсказывалъ такія интересныя вещи про новый край, изъ котораго возвращался, что всѣ его заслушались, а у Ивкова начали развертываться въ умѣ новые и весьма заманчивые горизонты.

Все бросить на произволъ судьбы и уѣхать туда, куда вѣсти изъ Европейской Россіи доходятъ только черезъ два, три мѣсяца... когда доходятъ! А тамъ отличиться въ какомъ нибудь опасномъ дѣлѣ и просить у государя прощенія за невольно содѣянное преступленіе...

Но тутъ мысли его опять прилипли къ еврейкѣ, и въ головѣ поднялась сумятица. Когда пришлось выходить изъ вагона по пріѣздѣ въ Москву, онъ безъ ужаса не могъ подумать о томъ, чтобы остановиться у родственниковъ, и приказалъ везти себя въ гостиницу.

III.

Переодѣваясь, устраиваясь въ номерѣ и разъѣзжая по городу, Ивковъ думалъ все о томъ же: какую непростительную сдѣлалъ онъ глупость, уѣхавъ, не узнавши про намѣренія Ильи.

Мысль эта отравила ему и свиданіе съ Лидочкой, которая, какъ онъ ожидалъ, очень ему обрадовалась, вспыхнула до ушей при его появленіи и отъ волненія не могла произнести ни слова. Но какъ она на него смотрѣла! Съ какимъ восторгомъ и любовью! И какъ усиливалось въ ея милыхъ глазкахъ выраженіе страха и недоумѣнія по мѣрѣ того, какъ она вглядывалась въ его лицо!

«Что съ тобою? Почему ты не такой, какъ прежде? Неужели разлюбилъ?» читалъ онъ въ этихъ глазкахъ каждый разъ, когда встрѣчался съ ними взглядомъ.

Ему это такъ было непріятно, что онъ отъ нея отвертывался.

Сознаніе, что обманывать ее ему будетъ труднѣе, чѣмъ другихъ, приводило его въ раздраженіе, и, находя ее назойливой, онъ мысленно упрекалъ ее въ недостаткѣ деликатности и чуткости сердца. А вмѣстѣ съ тѣмъ ему ее было жаль и хотѣлось, чтобъ она безъ словъ поняла, что онъ ничего не можетъ ей сказать, что надо ждать, пока не разъяснится мучительная неизвѣстность, въ которой онъ находился.

А она не хотѣла этого понимать и обижалась. Наконецъ, не выдержала и, невзирая на его явное нежеланіе оставаться съ нею наединѣ, остановила его въ дверяхъ столовой, куда всѣ прошли завтракать, чтобъ прерывающимся отъ волненія и сдержанныхъ слезъ голосомъ спросить, устремляя на него умоляющій взглядъ:

— Скажите скорѣе... все конечно? Да? Вы ужъ не тотъ, что были прежде?

— Я не понимаю, что вы хотите сказать,—вымолвилъ онъ съ усиліемъ.

Она поблѣднѣла и, отшатнувшись отъ него, отрывисто произнесла:

— Вы меня ужъ не понимаете?! Хорошо... такъ и буду знать...

И убѣжала къ себѣ. Онъ вошелъ одинъ въ столовую, гдѣ вся семья сидѣла за завтракомъ.

— А гдѣ же Лидочка?—спросилъ отецъ.

И, замѣтивъ укоризненный взглядъ жены, не дожидаясь отвѣта, сталъ потчевать Ивкова водкой и сыромъ.

Оба, и мать и отецъ, приписали смущеніе гостя и исчезновеніе дочери мимолетной размолвкѣ между влюбленными и, мысленно рѣшивъ въ нее не вмѣшиваться, съ напускнымъ равнодушіемъ заговорили о постороннихъ предметахъ. Но Ивковъ понялъ, что между имъ и Лидочкой все кончено, и такая неожиданная развязка прелестнаго романа, какъ солнечнымъ лучемъ скрашивавшаго его жизнь, скорѣе обрадовала его, чѣмъ огорчила.

Лучше до поры до времени подальше отойти отъ этой любопытной и страстной дѣвочки. Все равно ему теперь нельзя мечтать ни о любви, ни о женитьбѣ; надо прежде узнать, что «тамъ» дѣлается.

Отъ предложенія Марьи Алексѣевны остаться обѣдать онъ отказался, подъ предлогомъ множества визитовъ, которые ему надо было сдѣлать, и чтобъ она не подумала (какъ Лидочка), что онъ къ нимъ перемѣнился, поспѣшилъ смягчить свой отказъ нѣсколькими теплыми словами, имѣвшими цѣлью доказать, что у него въ цѣлой Москвѣ нѣтъ людей ближе ихъ.

Но по одному тому, какъ онъ спѣшилъ съ ними разстаться, и какъ онъ вздохнулъ свободно, выѣхавши изъ ихъ дома, можно было убѣдиться, что Лидочка права: онъ сдѣлался «другой».

Впрочемъ, иначе и не могло быть. Вотъ когда все кончится такъ или иначе, онъ опять сдѣлается такимъ, какимъ былъ прежде. Надо только какъ нибудь пережить это время и сдѣлать такъ, чтобъ никто не догадался объ его тайнѣ, это главное.

И какъ можно скорѣе узнать про то, что «тамъ» дѣлается.

Но какъ узнать, когда онъ даже не распорядился, чтобъ его объ этомъ увѣдомили?

И какъ увѣдомить? Илья писать не умѣетъ. Не поручать же постороннему человѣку такое дѣло... Остается, значитъ, ждать, пока всѣ не узнаютъ... Можетъ быть, появится въ газетахъ...

Прошло нѣсколько дней томительнаго ожиданія. Каждое утро, съ замирающимъ сердцемъ открывая газеты, онъ искалъ извѣстій оттуда, гдѣ произошло событіе, превратившее его изъ жизнерадостнаго офицера въ существо, изнемогавшее подъ гнетомъ мрачныхъ предчувствій и мучительныхъ сомнѣній.

И въ такомъ-то нравственномъ состояніи надо было притворяться внимательнымъ и сочувствующимъ чужимъ радостямъ и печалямъ, соболѣзновать кузинѣ Алинѣ, мужъ которой такъ грубъ и такъ мало способенъ ее понимать, что она начинаетъ подумывать о разводѣ, терпѣливо выслушивать разсказы дяденьки Ивана Николаевича о проигранномъ процессѣ, надо было, пребывая въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Василіемъ Сергѣевичемъ и Марьей Алексѣевной, избѣгать объясненій съ ихъ дочерью...

Впрочемъ, Лидочка была горда, и чтобъ доказать, что сожалѣнія ни въ комъ возбуждать не желаетъ, она сама избѣгала оставаться съ нимъ наединѣ и выходила изъ комнаты, когда разговоръ кос-

венно касался плановъ, нѣкогда съ такою любовью ею лелѣянныхъ, какъ, напримѣръ, земской службы, жизни въ деревнѣ и т. п.

Онъ не могъ этого не замѣчать, и до извѣстной степени ему это было больно, но онъ успокоивался мыслью, что выяснить недоразумѣніе не въ его власти. Не могъ онъ ей открыть ни тревогъ своихъ, ни опасеній пока все не выяснится, пока онъ не убѣдится, что Ильѣ удалось устроить дѣло такъ, чтобъ опасаться за послѣдствія несчастнаго случая съ еврейкой не нужно было.

Мало ли преступленій остается нераскрытыми!

А тутъ и преступленія нѣтъ, есть только неосторожность, несчастье, бѣда, случившаяся въ минуту запальчивости, и ничего больше.

Что непростительно, это то, что растерявшись онъ подчинился чужой волѣ, смалодушничалъ и бѣжалъ, какъ мальчишка отъ розги, вмѣсто того, чтобъ немедленно на себя донести.

Въ этомъ ему уже не оправдаться. Какъ объяснитъ онъ нашедшее на него затменіе разума? Кто повѣритъ, что внезапно обрушившаяся на него бѣда лишила его способности мышленія и силы воли? Да и какъ теперь сознаваться, когда онъ этимъ можетъ погубить не одного себя, а также и Илью? Вѣдь, если его будутъ судить за неумышленное убійство, то Ильѣ придется отвѣчать за умышленное сокрытіе убійства.

Цѣпляясь за это соображеніе съ отчаяніемъ погибающаго, онъ рѣшилъ ждать, не переставая при этомъ сознавать, что злой рокъ втягиваетъ его все глубже и глубже въ пропасть, изъ которой нѣтъ исхода.

Въ такихъ мысляхъ и чувствахъ провелъ онъ недѣли двѣ, тщетно пытаясь развлекаться театрами, свиданіями съ бывшими товарищами и друзьями, и, наконецъ, поѣхалъ навѣстить тетку, Вѣру Николаевну, сестру его отца, жившую послѣднія пять лѣтъ безвыѣздно въ деревнѣ, подъ Москвой.

VI.

Въ теткѣ онъ разочаровался.

Когда мальчикомъ онъ ходилъ къ ней въ отпускъ, она казалась ему чрезвычайно умной и развитой особой, но теперь, потому ли, что взглядъ его на людей измѣнился, съ тѣхъ поръ какъ самъ онъ сдѣлался не «тотъ», она показалась ему одряхлѣвшей какъ тѣломъ, такъ и духомъ. Съ досадой спрашивалъ онъ себя: какъ могъ онъ раньше не замѣчать ея недомыслія, односторонности, пристрастія къ чужимъ сужденіямъ и полнѣйшей неспособности что либо обсудить и рѣшить безъ помощи выдохшихся и набившихъ оскомину авторитетовъ. Слушая ее, нельзя было не вспо-

мнить Герцена, Чернышевскаго, Писарева и прочихъ вожаковъ русской молодежи шестидесятыхъ годовъ.

Никакого нравственнаго удовлетворенія она ему дать не могла, и ему съ нею было скучнѣе, чѣмъ одному.

Не нашелъ онъ также ничего интереснаго въ окружавшемъ ее обществѣ. Вопросы о новыхъ вѣяніяхъ въ высшихъ сферахъ, предложенные ему школьной учительницей и земскимъ врачемъ, привели его въ раздраженіе, а разсказы старичковъ-помѣщиковъ, ближайшихъ сосѣдей Вѣры Николаевны, о ихъ внучатномъ племянникѣ, который, судя по ихъ словамъ, находился въ такихъ близкихъ сношеніяхъ съ личностями, окружавшими царя, что чуть ли не управляетъ черезъ нихъ судьбами Россіи, вызвали у него улыбку состраданія.

Въ былое время эти глупости его бы забавили, но Лидочка вѣрно его опредѣлила: онъ былъ уже не тотъ, и наивныя заблужденія ближнихъ его тяготили. Проживъ здѣсь дней пять, онъ началъ подумывать объ отъѣздѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ, можетъ быть, остался бы здѣсь еще нѣсколько дней, еслибъ не случай, самъ по себѣ ничтожный, но про который онъ безъ волненія не могъ вспомнить.

Впрочемъ, то, что произошло, даже и случаемъ нельзя было назвать; это былъ разговоръ между его теткой и деревенскимъ священникомъ, при которомъ ему пришлось присутствовать.

Однажды, вечеромъ, священникъ завернулъ къ нимъ во время вечерняго чая и разсказалъ, между прочимъ, что, возвращаясь изъ сосѣдняго города по желѣзной дорогѣ, онъ встрѣтился съ г-мъ Туманскимъ.

— Такъ онъ вернулся изъ-за границы?—спросила Вѣра Николаевна.

— Вернулся.

— Одинъ?—съ живостью освѣдомилась она.

— Должно быть, одинъ, я не рѣшился спросить...

— Да ужъ послѣ того, что произошло, попамъ съ нимъ разговаривать неудобно,—замѣтила она язвительно.

И, обернувшись къ Ивкову, она продолжала, кивая на улыбавшагося загадочной улыбкой священника:

— А еще представителями Спасителя на землѣ себя считаютъ! Что они съ бѣднымъ Туманскимъ сдѣлали!

И она съ возрастающимъ волненіемъ начала разсказывать про несчастье г-на Туманскаго. Настоящій романъ, написать—никто не повѣритъ. Молодой, красивый, прекрасно воспитанный, богатый, онъ влюбился въ замужнюю женщину. И она въ него, разумѣется. Мужъ, нравственный уродъ какой-то, на разводъ не согласился, какъ его ни умоляли. Мучились, мучились и рѣшили на все махнуть рукой и жить гражданскимъ бракомъ.

— Такого брака у насъ нѣтъ, сударыня,—робко замѣтилъ священникъ.

Она съ усмѣшкой махнула на него рукой и продолжала:

— Онъ бросилъ службу, поселился съ нею въ деревнѣ. Жили, какъ голубки. Она вела себя такъ прилично, какъ дай Богъ вѣнчанной. Всѣ у нихъ бывали; весело было на нихъ смотрѣть, такъ они были счастливы. И вдругъ какому-то глупому попу вздумалось разстроить ихъ счастье! Она была набожная, каждый годъ говѣла, конечно. Въ прошломъ году ей кто-то сказалъ про одного московскаго попа, что онъ будто бы прекрасно исповѣдываетъ и очень строгій. Ей захотѣлось непремѣнно у него говѣть, и она нарочно для этого поѣхала въ Москву. А попъ этотъ не допустилъ ея до причастія, какъ тебѣ это нравится?

— Дуракъ,—равнодушно замѣтилъ Ивковъ.

— Онъ не могъ иначе поступить,—сказалъ священникъ,—разъ она не пожелала отказаться отъ своей грѣховной жизни...

— Легко сказать, отказаться отъ человѣка, котораго любишь, для котораго она бросила свѣтъ, семью!.. Родные отъ нея отказались. Къ мужу вернуться? рисковать быть выгнанной? Положеніе ужасное!

— Все это послѣдствія ея грѣха. Церковь за это не отвѣтственна. У церкви свои законы, незыблемые, которые она преступить не можетъ...

— Законы должны быть прежде всего человѣчны и согласоваться съ человѣческими потребностями...

— Извините, сударыня, законы церкви не отъ міра сего,—дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ прервалъ ее священникъ.

— Но вѣдь вы ихъ примѣняете къ людямъ, которые живутъ на землѣ?

— Къ вѣрующимъ въ будущую жизнь, съ прочими намъ дѣлать нечего, намъ остается только молиться, чтобъ Господь ихъ обратилъ на путь истинный.

— Господь хочетъ спасенія грѣшниковъ, а не погибели ихъ...

— Раскаивающихся и желающихъ очиститься.

— А если ей нельзя было этого желать въ такомъ смыслѣ, какъ вы это понимаете? Если это было сверхъ ея силъ?

— Господь креста свыше силъ не посылаетъ. И мы это на ней видимъ. Развѣ она, наконецъ, не приняла посланнаго ей креста и не несетъ его?

— Вы не знаете, чего ей это стоитъ!—вскричала, внѣ себя отъ досады, Вѣра Николаевна.

— Но Господь это знаетъ и помогаетъ ей. Христосъ сказалъ: «Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные»...

— Ахъ, все это можно объяснить иначе! И гдѣ же вы видѣли въ Евангеліи, чтобы Спаситель выталкивалъ изъ храма грѣшни-

ковъ? Онъ за нихъ заступался, спасалъ ихъ отъ казни, отпускалъ ихъ съ миромъ...

— Прибавляя къ этому: «ступай и не грѣши».

— Ахъ, перестаньте, пожалуйста! Если вы начнете выѣзжать на текстахъ, которые каждый понимаетъ по-своему, то, разумѣется, мнѣ за вами не угоняться, но вѣдь мы живемъ не текстами, а страстями и потребностями, которыя тоже отъ Бога.

— Съ этимъ я согласиться не могу. Церковь учитъ другому, — замѣтилъ священникъ: — зло отъ дьявола, а не отъ Бога.

— Отъ дьявола? Вотъ до чего мы договорились! Что же послѣ этого съ вами толковать! Voila où nous en sommes!—прибавила она, обращаясь къ племяннику, съ усмѣшкой по адресу невѣжественнаго попа.

— Да, съ предразсудками бороться труднѣе, чѣмъ со стотысячной арміей,— сказалъ Ивковъ, повторяя гдѣ-то слышанное изреченіе, застрявшее у него въ умѣ.

И не успѣли слова эти сорваться съ его языка, какъ онъ раскаялся въ нихъ. Не то надо было сказать, совсѣмъ не то... Но что именно,— этого онъ не зналъ.

А тетка его, между тѣмъ, продолжала свои нападки на священника.

— Что жъ она теперь спасена, по-вашему, потому что и свое счастье погубила и сдѣлала несчастнымъ человѣка, который любитъ ее больше всего на свѣтѣ?

И, не дожидаясь отвѣта, продолжала:

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ тамъ ни толкуйте, а подвергнуть такому позору порядочную женщину...

— Позвольте-съ, какой же тутъ позоръ, когда сами же вы сейчасъ изволили сказать, что весь свѣтъ за нее, и что всѣ осуждаютъ священника, не допустившаго ея до причастія?

— Разумѣется, осуждаютъ и даже удивляются, что ему это прошло даромъ. Но ее это такъ потрясло, что никакими логическими доводами невозможно было ее заставить понять нелѣпость этого изувѣра...

— Слава Богу, что восчувствовала! Она, значитъ, нашла то, чего искала ея душа, и значитъ исповѣдь разбудила спавшую въ ней совѣсть...

— Вы, батюшка, все свое! Васъ не переспоришь. Вотъ у насъ какіе еще водятся фанатики въ началѣ двадцатаго столѣтія!— обратилась она къ Ивкову.

Но замѣчаніе ея осталось безъ возраженія. Ивковъ съ любопытствомъ разсматривалъ священника, молодого, некрасиваго человѣка, въ поношенной рясѣ, съ жидкой бородой и свѣтлыми волосами, откинутыми назадъ со вспотѣвшаго отъ волненія лба.

Онъ видѣлъ его раньше. Въ день его пріѣзда, священника позвали обѣдать, и передъ вечеромъ онъ съ нимъ игралъ на бильярдѣ и разговаривалъ, или, лучше сказать, говорилъ одинъ Ивковъ, а священникъ его слушалъ съ большимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Рѣчь шла о политикѣ, о послѣднихъ открытіяхъ въ области науки, о московскихъ новостяхъ, и онъ показался Ивкову простымъ и добрымъ малымъ, старавшимся не упустить случая расширить скудныя свои познанія, просвѣтиться... Не ждалъ онъ отъ него такихъ словъ...

Впрочемъ, какія же это слова? Понадерганные изъ Евангелія тексты, ничего больше.

Очень нужно было затѣвать при немъ такой разговоръ! Развѣ съ ними можно про это говорить...

Но почему же нельзя?

Ему вспомнилось выраженіе лица этого человѣка, когда съ языка его сорвалась презрительная брань насчетъ другого священника, поступкомъ котораго этотъ не только восхищался, но даже какъ будто гордился... Должно быть, и онъ также не допустилъ бы до причастія женщину, не желавшую отказаться отъ грѣха, котораго въ свѣтѣ никто и за грѣхъ не считаетъ, а только несчастьемъ и неудобствомъ... Услышавъ ругательное слово, произнесенное Ивковымъ, онъ не обидѣлся и не разсердился, а только посмотрѣлъ на него немножко свысока и съ снисходительной улыбкой, какъ знающій человѣкъ смотритъ на невѣжду, берущагося судить о томъ, чего онъ не понимаетъ...

Точно также относился онъ и къ нападкамъ Вѣры Николаевны, пропуская мимо ушей то, что лично до него касалось, и волнуясь только за церковь, за плохо понимаемые ея законы и права... Тетушка говорила вздоръ, совсѣмъ другое надо было сказать... Ивкову было за нее совѣстно... такъ не спорятъ, кидаясь въ сторону отъ аргумента, когда нечѣмъ его опровергнуть... Въ данномъ случаѣ попы восторжествовали, грѣшница послѣдовала указанію церкви, ушла отъ грѣха, это свершившійся фактъ, противъ котораго спорить невозможно... Попъ увѣренъ въ томъ, что она нашла именно то, чего искала!.. Но почему онъ это знаетъ? Интересно бы послушать про это Туманскаго, который ѣздилъ, чтобъ упрашивать ее вернуться къ прежней, счастливой, грѣховной жизни... Но она не вернулась, однако, значитъ, дѣйствительно восчувствовала, по выраженію попа... Чѣмъ объяснила она своему бывшему возлюбленному свое упорство?.. А, можетъ быть, ему не удалось ее и видѣть... И вѣдь не вернулась же...

Все это казалось ему очень дико и наводило его на такія мысли, которыхъ у него никогда раньше не было...

И вдругъ передъ нимъ предсталъ такой вопросъ: какъ назвалъ бы священникъ то, что съ нимъ произошло? Несчастіемъ

или преступленіемъ? И какъ бы онъ ему приказалъ поступить, чтобъ успокоиться?

Онъ уже лежалъ въ постели, когда вопросъ этотъ предсталъ передъ нимъ, и ему такъ страстно захотѣлось услыхать на него отвѣтъ, что онъ сорвался съ кровати, чтобъ бѣжать къ священнику, который жилъ неподалеку, у церкви, виднѣвшейся изъ оконъ его комнаты. Но ему представилось, какъ всѣ изумятся такому поступку, какъ начнутъ добиваться причины такой странности, какія непріятныя и опасныя заключенія могутъ изъ этого вывести, и, во время опомнившись, онъ снова повалился на подушки.

«Фу, ты, пропасть, какъ я, однакожъ, изнервничался! Надо скорѣе отсюда бѣжать, какъ изъ Москвы... И всему причиной неизвѣстность... Ничего не можетъ быть хуже неизвѣстности... Надо скорѣе ѣхать «туда», повидать Илью, узнать, какъ стоитъ дѣло, и какъ онъ намѣренъ поступать... Нечего дольше ждать... хуже не будетъ... Хуже того, что есть, быть не можетъ», повторялъ онъ себѣ, стуча зубами отъ внутренней дрожи.

«Даже для того, чтобъ покаяться священнику, надо все знать», шепталъ ему внутренній голосъ.

Тотъ властный таинственный голосъ, который теперь вмѣшивался во всѣ его помыслы, и котораго онъ не въ силахъ былъ заглушить.

«Ну, да, конечно, надо прежде всего узнать про то, что «тамъ» дѣлается»,—поспѣшилъ онъ согласиться съ невидимымъ совѣтчикомъ.

«Тамъ», гдѣ онъ оставилъ трупъ еврейки съ Ильей.

Эти двое, трупъ и Илья, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, захватывали все больше и больше мѣста въ его душѣ, вытѣсняя изъ нея всѣ прочія чувства и впечатлѣнія. Ко всему они присасывались, во все проникали, все леденили своимъ мертвящимъ давленіемъ.

V.

Онъ вернулся въ Москву съ тѣмъ, чтобъ во что бы то ни стало узнать про то, что происходитъ «тамъ», и съ твердою рѣшимостью ни передъ чѣмъ не останавливаться, чтобъ этого достигнуть, даже передъ поѣздкой «туда», а между тѣмъ, когда, войдя въ номеръ, который она оставилъ за собою въ гостиницѣ, онъ увидалъ на столѣ повѣстку отъ судебнаго слѣдователя, вызывавшаго его въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу убійства еврейки въ городѣ Z, сердце его захолонуло отъ ужаса, и первымъ его чувствомъ было пожалѣть, что онъ поторопился покинуть мирное убѣжище, гдѣ могъ бы прожить еще нѣсколько дней, ничего не зная.

Вызывали его къ двѣнадцати часамъ. Было десять, времени оставалось достаточно, чтобъ переодѣться съ дороги и привести въ порядокъ мысли и чувства.

Обдумавъ положеніе, онъ рѣшилъ во всемъ сознаться.

— Это будетъ всего лучше и во всякомъ случаѣ много цѣлесообразнѣе, чѣмъ разговаривать съ глупымъ деревенскимъ попомъ.

Безъ сомнѣнія, Илья растерялся, и все открылось. Судьба—значитъ. Какъ войдетъ къ слѣдователю, такъ скажетъ: «Вотъ какъ было дѣло, прикажите меня арестовать».

Ему казалось, что ничего счастливѣе для него не могло произойти. Конецъ сомнѣніямъ и неизвѣстности. Дѣло его рѣшатъ посторонніе люди и опредѣлятъ степень его виновности, ничего больше ему и не надо.

Но вышло такъ, что его не тотчасъ позвали къ слѣдователю, а заставили довольно долго дожидаться въ сосѣдней комнатѣ, съ другими людьми, судя по ихъ скорбнымъ и озабоченнымъ лицамъ, прикосновеннымъ къ преступленіямъ.

Неужели и у него такое же лицо? Неужели и его принимаютъ за преступника?

Какъ отнесутся къ его признанію? Повѣрятъ ли ему, когда онъ скажетъ, что, отбиваясь отъ старухи, у него и въ мысляхъ не было ее убивать? Вѣдь свидѣтелей не было... А внезапное его бѣгство послѣ того, что произошло, не подорветъ ли всякую вѣру къ его словамъ? И наконецъ, не зная, что сказалъ Илья, онъ можетъ разойтись съ нимъ въ показаніяхъ...

Сомнѣніе въ принятомъ рѣшеніи съ минуты на минуту возростало. Во всякомъ случаѣ, не будетъ ли глупо кинуться въ пропасть, ничего не узнавши, не зная даже, подозрѣваютъ ли его въ прикосновенности къ дѣлу... Вѣдь его вызываютъ только, какъ свидѣтеля...

Обдумать новое соображеніе ему не удалось: не успѣло оно сложиться въ его головѣ, какъ его позвали къ слѣдователю, который принялъ его весьма учтиво, любезно пригласилъ сѣсть и, заглядывая въ бумагу съ печатнымъ заголовкомъ, лежавшую передъ нимъ, спросилъ: что можетъ онъ ему сказать про служившаго у него денщикомъ, Илью Соколова?

Въ душѣ Ивкова поднялась цѣлая буря враждующихъ между собою силъ.

«Вотъ она, роковая минута! Вотъ она! Пользуйся ею... упустишь, все пропало», твердилъ внутренній голосъ въ то время, какъ онъ напрягалъ всѣ силы, чтобъ казаться спокойнѣе и ни единымъ мускуломъ не выдать внутренняго волненія.

Ему это удалось: съ полнымъ самообладаніемъ человѣка, не знающаго за собой никакой вины, онъ отвѣчалъ, что знаетъ Илью болѣе года и ничего дурного про него сказать не можетъ. Человѣкъ

онъ трезвый, честный, нѣсколько разъ покидая городъ, оставлялъ онъ на его попеченіе квартиру и всегда находилъ все въ цѣлости и въ порядкѣ.

— Я и теперь все оставилъ на его рукахъ...

Произнося эти слова, онъ чувствовалъ, какъ поднявшаяся было въ груди его буря постепенно стихаетъ, а внутренній голосъ смолкаетъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ всѣмъ своимъ существомъ сознавалъ, что все кончено, что входъ туда, куда рвалась его душа, навсегда для него запертъ, и что все, что происходило съ нимъ до сихъ поръ, сущіе вздоръ и пустяки передъ тѣмъ невѣдомымъ и страннымъ, что ждетъ его на новомъ пути, съ котораго уже свернуть некуда, а остается только какъ можно дольше всѣхъ держать въ заблужденіи насчетъ того, что произошло. Только этимъ и можно отдалить роковую и неизбѣжную развязку.

Проникаясь съ каждой минутой все больше и больше этимъ убѣжденіемъ, онъ становился развязнѣе и наглѣе.

— Вообще, я былъ очень доволенъ этимъ человѣкомъ... А что тамъ случилось? Вотъ скоро мѣсяцъ, какъ я оттуда выѣхалъ и ничего не знаю,—продолжалъ онъ такимъ естественнымъ тономъ, что если-бъ даже и существовало противъ него какое нибудь подозрѣніе, оно должно было разсѣяться отъ его словъ.

— Тамъ случилось убійство, и противъ вашего бывшаго денщика довольно важныя улики,—отвѣчалъ слѣдователь.

— Не можетъ быть!—вскричалъ Ивковъ.

Теперь онъ былъ уже увѣренъ, что его не подозрѣваютъ, и увѣренность эта придавала ему столько бодрости и энергіи, что лгать и притворяться ничего не стоило. Ему это даже доставляло какое-то особенное наслажденіе. Когда слѣдователь въ краткихъ словахъ передалъ ему суть дѣла, въ томъ видѣ, въ которомъ оно представлялось тѣмъ, которые его разслѣдовали, Ивковъ, съ несвойственнымъ ему краснорѣчіемъ, началъ доказывать, что такой добродушный и безхитростный малый, какъ Илья, не способенъ убить беззащитную старуху.

— Да и причинъ у него на это никакихъ не могло быть. Вы говорите, что онъ ей былъ долженъ нѣсколько копеекъ за апельсины? Но у него были деньги, и онъ хорошо зналъ, что я вышлю ему еще, если-бъ нужно было.

Однимъ словомъ, онъ такъ хорошо притворился возмущеннымъ и удивленнымъ, что самъ на себя надивиться не могъ. Совершенно новый человѣкъ въ немъ проснулся, о которомъ онъ до сихъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія.

Вышелъ онъ отъ слѣдователя въ торжествующемъ настроеніи, точно ему удалось побѣдить могущественнаго невидимаго врага, но оставаться одному съ самимъ собой было жутко, тянуло къ шуму, къ людямъ, хотѣлось слышать и говорить о предметахъ, не имѣю-

щихъ ничего общаго съ тѣмъ, что гнѣздилось въ глубинѣ души и продолжало мучительно въ ней скрести.

Онъ поѣхалъ къ кузинѣ Алинѣ, той самой, у которой былъ грубый мужъ, неспособный ее понимать, засталъ обоихъ супруговъ дома, и его начали разспрашивать про тетеньку Вѣру Николаевну и про то, что у нея происходитъ.

— Что вы тамъ нашли новенькаго? —спросила Алина.

— Ничего особеннаго. Сплетничаютъ, какъ всегда въ провинціи...

И ему вдругъ такъ захотѣлось узнать, какъ здѣсь отнесутся къ случаю съ согрѣшившей дамой, что онъ не вытерпѣлъ и сказалъ, что у тетушки очень интересуются романомъ г-на Туманскаго.

Оказалось, что и здѣсь этимъ интересовались.

— А что? Удалось ему привезти ее изъ-за границы?—съ живостью спросила Алина.

— Нѣтъ. И, повидимому, она уже къ нему никогда не вернется,— отвѣчалъ Ивковъ.—Обращеніе ея на путь истинный приписываютъ вліянію какого-то вашего московскаго чудотворца,—прибавилъ онъ насмѣшливымъ тономъ.

Но шутка его не произвела желаемаго дѣйствія; слушатели его на нее не улыбнулись; по недовольному выраженію ихъ лицъ, онъ не могъ не догадаться, что коснулся щекотливаго предмета, о которомъ имъ обоимъ было непріятно вспоминать, и онъ мысленно упрекнулъ себя въ неделикатности. Можно было бы, кажется, сообразить, что людямъ въ ихъ положеніи всякое напоминаніе о нелегальныхъ сожительствахъ должно быть непріятно.

— Во всемъ этомъ виноватъ, разумѣется, ея мужъ, отказывающій ей въ свободѣ, но и ея нельзя не винить за то, что она отправилась исповѣдываться именно къ такому попу, отъ котораго она не могла ждать къ себѣ христіанскаго отношенія,—объявила съ горечью Алина дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ.—Какъ будто нѣтъ другихъ священниковъ!—прибавила она, продолжая отвертываться отъ мужа и обращаться къ Ивкову. Но этотъ послѣдній понялъ, что слова ея относятся не къ нему, а къ мужу.

— Накуролесятъ, накуролесятъ, а тамъ сами на рожонъ лѣзутъ,— угрюмо замѣтилъ этотъ послѣдній.

«Вотъ какъ и я», подумалъ Ивковъ, вспоминая, какъ онъ чуть было не поддался искушенію бѣжать среди ночи исповѣдываться священнику, котораго самъ же обзывалъ изувѣромъ за дикій образъ мыслей.

Но онъ тотчасъ же понялъ нелѣпость этого сравненія и поспѣшилъ заговорить о другомъ.

Впрочемъ, случай этотъ послужилъ ему хорошимъ урокомъ, и онъ сталъ еще строже за собою слѣдить, особенно въ присутствіи Лидочки, которая, по возвращеніи его изъ деревни, подозрительнѣе прежняго къ нему относилась и при каждомъ удобномъ случаѣ ему доказывала, что все между ними кончено.

Ему было все равно. До разрѣшенія мучившаго его дѣла онъ не могъ себя стѣснять не только какими бы то ни было планами насчетъ будущаго, но даже и помышлять объ этихъ планахъ и еще менѣе связывать, даже мысленно, свою судьбу съ судьбой другого человѣка. Она какъ будто это поняла, ну, и прекрасно. На войну съ женщинами не идутъ, а ему предстоитъ мучительнѣйшая и опаснѣйшая борьба съ самимъ собой.

Съ недѣлю времени тѣшился онъ мыслью, что ему удается какъ нельзя лучше обманывать всѣхъ близкихъ въ Москвѣ, какъ удалось обмануть слѣдователя, и что никому и въ голову не приходитъ подозрѣвать, чѣмъ полна его душа; но въ одно прекрасное утро онъ проснулся въ четвертомъ часу отъ ноющей боли въ сердцѣ и ужъ не могъ заснуть отъ мрачныхъ мыслей и представленій. Опять начали его терзать мучительныя сомнѣнія, и опять страшнымъ призракомъ поднялся передъ нимъ вопросъ: что «тамъ» дѣлается? Все ли крѣпится Илья, и что будетъ, если онъ не выдержитъ и выдастъ ихъ тайну?

Москва ему опротивѣла, и онъ рѣшилъ ее покинуть.

За полчаса до отъѣзда не зналъ онъ, куда поѣдетъ: въ Петербургъ ли хлопотать о переводѣ въ Владивостокъ, или «туда», гдѣ Илья улаживаетъ дѣло.

Только въ самую послѣднюю минуту рѣшилъ онъ взять билетъ въ Петербургъ.

VI.

Тѣмъ временемъ вотъ что происходило «тамъ».

Во рву, близъ города, найденъ былъ трупъ старой еврейки, съ признаками насильственной смерти.

При вскрытіи у нея было усмотрѣно на вискѣ темное пятно, какъ бы отъ удара тупымъ орудіемъ, причинившаго ей смерть.

Но опредѣлить, что это было за орудіе, оказалось такъ трудно, что между прочимъ было высказано и такое предположеніе: старуха могла спотыкнуться, удариться о камень вискомъ и ушибиться до смерти.

Однимъ словомъ дѣло представлялось очень просто, ничѣмъ отъ множества ему подобныхъ не отличалось и ни въ комъ интереса не возбуждало.

Слѣдователь, которому оно было поручено, не сомнѣвался въ томъ, что ему въ самомъ непродолжительномъ времени удастся сдать его въ архивъ.

По собраннымъ справкамъ оказалось, что старуха принадлежала къ разряду полунищенокъ, полуторговокъ, которыми кишитъ городъ. Изо дня въ день перебивалась она понронайничествомъ и продажей такого незатѣйливаго товара, какъ наполовину испор-

ченные апельсины и яблоки, была безобразна и стара, а найденный въ карманѣ ея отрепьевъ засаленный старый кошелекъ, съ наторгованными въ тотъ день копейками, отстранялъ всякую корыстную цѣль въ убійцѣ.

Въ домѣ, переполненномъ бѣднымъ людомъ, въ глухомъ предмѣстьѣ, гдѣ она нанимала смрадный уголъ, всѣ единогласно показывали, что ни друзей, ни враговъ у нея не было, и что смерть ея никому не была нужна.

Тѣмъ не менѣе начатое слѣдствіе надо было довести до конца и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, когда приходится допрашивать множество людей, чтобъ узнать какую нибудь, часто не идущую къ дѣлу, подробность, сплетни по поводу этого событія распложались съ каждымъ днемъ все больше и больше.

Пустыя и вздорныя сплетни, скорѣе мѣшавшія, чѣмъ способствовавшія раскрытію истины, но вмѣстѣ съ этими сплетнями начали возникать странныя явленія, самымъ досаднымъ образомъ затягивавшія слѣдствіе, порождая путаницу въ умѣ слѣдователя.

Явленія эти были скорѣе отвлеченнаго свойства, между ними не было ни одного, на которое можно было бы опереться, но, тѣмъ не менѣе, оставлять ихъ безъ вниманія было невозможно.

Между прочимъ открылось, что въ день своего исчезновенія старуха приходила въ кухню къ одному офицеру, покупавшему у нея иногда апельсины, и была выгнана его денщикомъ съ бранью и угрозами.

— За что онъ ее ругалъ?—спросилъ слѣдователь у доносчика.

— Неизвѣстно, но на черной лѣстницѣ многіе слышали, какъ онъ кричалъ, выталкивая ее изъ двери, и видѣли, какъ она грозилась ему кулакомъ.

— У кого служитъ этотъ денщикъ?

— У офицера, по фамиліи Ивковъ. Господинъ его уѣхалъ въ отпускъ и квартиру ему препоручилъ. Хорошій, говорятъ, человѣкъ, звать его Ильей.

Такого свидѣтеля невозможно было упустить, и денщика офицера Ивкова призвали къ слѣдователю.

Явился Илья, ясный и спокойный.

Онъ такъ же, какъ и господинъ его, недѣли три спустя, приготовился къ отвѣту и очень можетъ быть, что Ивковъ поступилъ бы совершенно иначе, еслибъ зналъ, какъ выдержалъ первый свой искусъ его сообщникъ, наивный, придурковатый Илья.

Весьма вѣроятно, что, предлагая барину все взять на себя, онъ смутно разсчитывалъ на благопріятный исходъ дѣла. Господу Богу было извѣстно, какъ приключилась бѣда, и, можетъ быть, Онъ поможетъ ему и барина спасти отъ отвѣтственноси и себя выгородить. Но когда дѣло повернулось иначе, Илья рѣшилъ, что во всякомъ случаѣ надо обѣщаніе исполнить и барина спасти.

Какъ онъ будетъ поступать—этого онъ не зналъ. Да и не заботился объ этомъ. Съ первой же минуты, какъ ему сказали, что его требуютъ къ слѣдователю, почувствовалъ онъ себя во власти такой могучей силы, что придумывать для своего спасенія слова и поступки ему и въ голову не приходило.

Обѣщалъ барину, самъ натравилъ его на отъѣздъ, надо, значитъ, выручать, вотъ и все.

До отхода поѣзда, уносившаго Ивкова, Илья все еще не сознавалъ вполнѣ ясно значенія принятаго на себя рѣшенія, но когда вагоны скрылись у него изъ глазъ, онъ понялъ, что баринъ спасенъ, и что вся тягость отвѣтственности за случившееся лежитъ ужъ теперь на немъ одномъ. И забывая про Ивкова, онъ началъ дѣйствовать такъ, какъ будто помощи, кромѣ какъ отъ Бога, ему ждать не откуда.

Не разбиралъ онъ причинъ, побудившихъ его въ роковую минуту поступить такъ, какъ онъ поступилъ. Мысль избавить барина отъ хлопотъ и все на себя взять внезапно вскочила ему въ голову, и какъ сорвалось съ его языка роковое обѣщаніе, онъ и самъ не зналъ. Но слова не вернешь, обѣщаніе дано, баринъ на него разсчитываетъ, и надо его исполнить. Значитъ, такъ надо, значитъ, такъ Богу угодно, чтобъ онъ пострадалъ за другого. Жалѣть нечего, раскаиваться не въ чемъ, противъ Бога не пойдешь.

И на этомъ убѣжденіи онъ успокоился.

— Ты зналъ старую Ривку?—спросилъ у него слѣдователь.

— Точно, такъ-съ, ваше б-діе.

— Какъ ты ее зналъ?

— Ходила къ намъ, баринъ у нея апельсины покупалъ.

— Ты съ нею, говорятъ, ссорился?

— Зачѣмъ мнѣ съ нею ссориться, ваше б-діе?

— За что ты ее изъ кухни выгналъ?

— Баринъ приказалъ.

— За что?

— Докучала. Приказали гнать, когда придетъ.

— Она тебѣ, можетъ быть, зло сдѣлала?

— Какое зло, ваше б-діе?

— Ты на нее, можетъ быть, былъ сердитъ за что нибудь?—съ досадой на тупость допрашиваемаго пояснилъ слѣдователь.

— Мнѣ не за что было на нее сердиться, ваше б-діе. Извѣстно, баба, баринъ приказалъ гнать, я гналъ.

Ничего больше нельзя было отъ него добиться, и его отпустили, ничего не узнавши.

Однако, сплетни продолжали расти и размножаться. Оказалось, что товарищъ Ильи, Матвѣй, денщикъ другого офицера, жившаго въ томъ же домѣ, разсказывалъ, будто въ ночь послѣ столкновенія Ильи съ еврейкой этотъ послѣдній приходилъ къ нему за клю-

чомъ въ подвалъ, и, растворяя дверь, чтобъ дать ему этотъ ключъ, онъ замѣтилъ у Ильи за плечами большой мѣшокъ, съ которымъ онъ и ушелъ, взявъ ключъ.

Дѣло начинало принимать интересный оборотъ.

Вызвали къ слѣдователю и Матвѣя.

Этотъ оказался словоохотливѣе Ильи, ничего не стоило заставить его выболтать все, что слѣдователю нужно было знать, а именно: что мѣшокъ былъ длинный, и что предметъ, заключавшійся въ немъ, былъ похожъ на человѣческое тѣло, и что у Ильи былъ видъ человѣка, совершившаго преступленіе.

Для чего Матвѣй все это наплелъ на товарища, которому не желалъ зла, никто бы не могъ объяснить, а невольный погубитель Ильи меньше всѣхъ.

Какъ бы тамъ ни было, но изъ этихъ двухъ фактовъ, ссоры одного денщика съ еврейкой и разсказа другого о приходѣ къ нему перваго ночью, съ мѣшкомъ за плечами, за ключомъ въ подвалъ, нашли возможнымъ построить обвинительный актъ, по которому Илью привлекли къ суду за убійство.

И ужъ тутъ заговорили съ нимъ другимъ тономъ; не допуская сомнѣнія въ его виновности, напирали только на подробностяхъ и добивались отъ него сознанія всѣми средствами, предоставленными закономъ: увѣщаніями, скрытыми угрозами, улавливаніемъ душевныхъ движеній, которыхъ такъ трудно не проявлять человѣку, подвергаемому нравственной пыткѣ, придуманной современными инквизиторами съ цѣлью узнать истину.

Илью водили къ трупу, давали ему очныя ставки съ горничными и кухарками, свидѣтельствовавшими о столкновеніи его съ еврейкой, а также съ товарищемъ, погубившимъ его разсказомъ о приходѣ его къ нему за ключомъ въ подвалъ.

При видѣ трупа, Илья, какъ русскій человѣкъ, перекрестился и прошепталъ тѣ же слова, которыя повторялъ на всѣ допросы: я ея не убивалъ.

На свидѣтелей же онъ и не взглянулъ и такъ равнодушно слушалъ ихъ показанія, точно не о немъ идетъ дѣло.

Бились съ нимъ, бились, слѣдователи и прокуроры, теряли терпѣніе, выходили изъ себя, наговаривали другъ другу колкостей, увлекаясь собственными измышленіями, принимали ихъ за дѣйствительность, перепутывали то, что есть, съ тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, должно было бы быть, уличали другъ друга въ легкомысліи и въ недальновидности, расходились и снова сходились въ тщетныхъ усиліяхъ уловить въ туманѣ безпросвѣтной тьмы ту нить правды, за которую можно было бы уцѣпиться, чтобъ выбраться къ свѣту, но все напрасно.

Оставалось разсчитывать на случай, на судьбу, иногда вмѣшивающуюся въ людскія дѣла, чтобъ въ послѣднюю минуту сказать

свое рѣшающее слово, когда несостоятельность человѣческаго разума доказана, и разсчитывать на него невозможно.

Другого исхода не представлялось. Илья всѣхъ измучилъ, всѣмъ надоѣлъ. Даже назначенный ему отъ суда защитникъ, послѣ свиданія съ нимъ, объявилъ, что ему никогда еще не доводилось имѣть дѣло съ такимъ нелѣпымъ субъектомъ.

И ему такъ же, какъ и всѣмъ, онъ ничего не хотѣлъ сказать, кромѣ того, что еврейки онъ не убивалъ.

Всеобщее противъ него раздраженіе усиливалось отзывами людей, знавшихъ его до рокового событія. Всѣ въ одинъ голосъ утверждали, что честнѣе, добрѣе и добродушнѣе человѣка трудно найти.

— Однимъ словомъ святой, а все-таки еврейку, кромѣ него, убить было некому,—замѣтилъ съ досадой слѣдователь на эти заявленія.

Всѣмъ такъ хотѣлось скорѣе покончить съ этимъ дѣломъ, что назначить судъ торопились тѣ самые, которые при началѣ слѣдствія стояли за недостаточность уликъ противъ Ильи. И этихъ также закружило въ водоворотѣ чудовищнаго недоразумѣнія, и они также не въ силахъ были остановиться.

Среди всеобщаго волненія одинъ только Илья оставался невозмутимъ и вѣренъ самому себѣ, не проявляя ни испуга, ни изумленія, когда ему объявили, что, невзирая на то, что онъ ни въ чемъ не хочетъ сознаваться, его все-таки будутъ судить.

— Форменный идіотъ,—рѣшилъ слѣдователь.

— Тѣмъ лучше для него, навѣрное найдутъ невмѣняемымъ,— замѣтилъ одинъ изъ судей.

Во время судоговоренія ничего особеннаго не произошло. Новыхъ свидѣтелей не явилось, а прежніе повторили то, что говорили раньше. Также безучастно сидѣлъ Илья на скамьѣ подсудимыхъ, какъ сиживалъ не разъ въ коридорѣ передъ дверью въ камеру слѣдователя, въ ожиданіи допроса, также невозмутимо и вытянувшись во фронтъ передъ начальствомъ, глядя прямо въ глаза допрашивавшимъ его, повторялъ онъ внятно и громко всѣмъ надоѣвшую фразу: «Я ея не убивалъ, ваше б-діе!»—вызывая пожиманіе плечами у судей и улыбку у публики, впрочемъ весьма немногочисленной. Дѣло было такое неинтересное! Какой-то солдатъ убилъ старую еврейку, чтобъ не заплатить ей нѣсколькихъ копеекъ за апельсины; очень просто, ничего нѣтъ любопытнаго.

То огромной важности и величія, таинственное проявленіе человѣческой души, незримо трепетавшее въ этой залѣ передъ конечнымъ рѣшеніемъ загадочнаго дѣла, никѣмъ здѣсь не замѣчалось...

По крайней мѣрѣ, какъ впослѣдствіи утверждали представители правосудія, никто не замѣтилъ перемѣны въ настроеніи прокурора

до тѣхъ поръ, пока онъ, поднявшись съ мѣста, чтобъ сказать обвинительную рѣчь, совершенно неожиданно объявилъ, что отказывается отъ обвиненія.

Потомъ начали припоминать, что онъ пріѣхалъ въ судъ блѣдный и разстроенный, жаловался на головную боль отъ безсонной ночи, вспоминали его разсѣянность во время судоговоренія. Но все это послѣ, когда явилась потребность объяснить, такъ или иначе, внезапный переворотъ въ его убѣжденіяхъ, а въ ту минуту, когда онъ произносилъ слова, которыя никто не ожидалъ отъ него услышать, всѣ были такъ поражены, что не вѣрили своимъ ушамъ.

Однако, пришлось повѣрить, когда защитникъ подсудимаго, о которомъ всѣ забыли, началъ свою рѣчь такими словами:

— Господа судьи! Послѣ заявленія почтеннаго представителя обвинительной власти, рѣчь моя будетъ коротка...

«Само собою разумѣется, что же послѣ этого толковать, солдатикъ будетъ оправданъ», мысленно соглашались съ нимъ всѣ присутствующіе.

Но это былъ день сюрпризовъ, всеобщее ожиданіе не оправдалось: судьи вынесли обвинительный приговоръ.

Илью приговорили къ каторжнымъ работамъ и увели обратно въ тюрьму.

Понялъ ли онъ значеніе переполоха, поднявшагося въ залѣ при отказѣ прокурора его обвинять, и невольный приливъ къ нему участія въ присутствующихъ, а затѣмъ всеобщее негодованіе, встрѣтившее вердиктъ судей? Никто не могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ равнодушно продолжалъ онъ относиться ко всему, что происходило вокругъ него. Точно не его все это касалось, точно не его обвиняли, защищали, оправдывали и, въ концѣ концовъ, осудили, а совершенно посторонняго человѣка, съ которымъ у него нѣтъ ничего общаго.

Да иначе и не могло быть. Вынесенныя испытанія такъ усилили и умножили въ немъ вѣру въ Промыселъ Божій, что видимому проявленію этого Промысла онъ ужъ не могъ изумляться. Свидѣтели, а также и виновникъ неожиданнаго явленія, могли его не понимать и удивляться ему, но Ильѣ все было ясно: что Господу будетъ угодно, то и будетъ.

Вскорѣ по городу разнесся слухъ, что прокуроръ подастъ протестъ на приговоръ судей.

А тѣмъ временемъ Илья сидѣлъ въ тюрьмѣ и ждалъ рѣшенія своей судьбы.

Никакой видимой перемѣны въ немъ не произошло, похудѣлъ только немного, да поблѣднѣлъ отъ сидячей жизни, безъ чистаго воздуха, духомъ же пребывалъ все также ясенъ, спокоенъ и даже веселъ.

Невзирая на отсутствіе сообщительности, столь цѣнимой товарищами его по заключенію, въ тюрьмѣ его любили и довѣряли ему.

Деревня, гдѣ онъ родился, была далеко, и желѣзной дороги къ ней не было, тѣмъ не менѣе вѣсть о приключившейся съ нимъ бѣдѣ доползла и туда. Смотритель острога, гдѣ содержался Илья, получилъ отъ его матери письмо съ деньгами и съ просьбой ему передать, что, прознавши о приключившемся съ нимъ несчастіи, она, его родительница, шлетъ ему свое родительское благословеніе, навѣки нерушимое, три рубля денегъ и спрашиваетъ: какое будетъ его желаніе насчетъ супруги его Агаѳьи: собираться ей съ ребенкомъ за нимъ въ ссылку, или оставаться дома при хозяйствѣ?

Слушая чтеніе этого письма, Илья радостно ухмыльнулся и просилъ отписать, что всѣмъ кланяется, за деньги благодаритъ, а Агаѳьѣ приказываетъ сидѣть дома да Богу за него молиться.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. ПАТКУЛЬ.

ВЪ МАЙСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года былъ помѣщенъ біографическій очеркъ и портретъ покойной вдовы генералъ-адъютанта Паткуля, Маріи Александровны, рожденной маркизы Траверсе («Русская красавица прошлаго вѣка»). Біографическій очеркъ этотъ составленъ, главнымъ образомъ, по рукописнымъ «воспоминаніямъ» М. А. Паткуль, которымъ авторъ очерка, К. Я. Г—тъ, дѣлаетъ слѣдующую оцѣнку:

«Хотя «воспоминанія» М. А. Паткуль и написаны ею для своей семьи, но они чрезвычайно интересны, какъ историческій памятникъ своего времени, благодаря той видной и блестящей роли, которую играла нѣкогда М. А. въ высшемъ обществѣ, и благодаря близости ея ко двору государей Николая Павловича и Александра Николаевича и къ многимъ высочайшимъ особамъ. Много весьма характерныхъ и любопытныхъ эпизодовъ изъ жизни и быта царской семьи и изъ выдающихся событій эпохи 1840—1860 годовъ передаетъ въ простомъ, искреннемъ и живомъ разсказѣ М. А. Паткуль. Они, по моему мнѣнію, заслуживаютъ быть цѣликомъ обнародованы, тѣмъ болѣе, что авторъ ихъ обладалъ даромъ легкаго, непринужденнаго, литературнаго изложенія».

Благодаря любезности зятя покойной М. А. Паткуль, генералъ-лейтенанта К. М. Войде, мы имѣемъ теперь возможность напечатать полностью эти любопытныя воспоминанія.

Считаемъ не лишнимъ напомнить въ нѣсколькихъ словахъ біографическія данныя объ авторѣ воспоминаній. М. А. родилась въ 1822 года близъ Ревеля. Отецъ ея былъ капитанъ перваго ранга, маркизъ А. И. Траверсе (сынъ морского министра въ царствованіе Але-

ксандра I), а мать А. Л. Спафарьева, также дочь заслуженнаго моряка. Природа щедро надѣлила М. А. своими дарами и внутренними и внѣшними, а тщательное воспитаніе и образованіе еще болѣе развили эти дары. М. А. отличалась не только замѣчательной красотой, но и остротой ума, веселымъ характеромъ и живымъ воображеніемъ. Неудивительно, что она производила на всѣхъ сильное впечатлѣніе и влекла къ себѣ даже такихъ серіозныхъ и ученыхъ людей, какъ адемики П. А. Плетневъ и Я. К. Гротъ, которые посвящали ей свои стихотворенія и вели съ нею переписку. Въ 1841 г. М. А. вышла замужъ за Александра Владимировича Паткуля, совоспитанника цесаревича Александра Николаевича, и это обстоятельство сдѣлало ее близкой особой къ царской семьѣ, неизмѣнное участіе и вниманіе которой сопровождало чету Паткуль во всѣ періоды ихъ жизни, на всѣхъ ступеняхъ судьбы Александра Владимировича, сперва, какъ адъютанта наслѣдника, затѣмъ, какъ командира лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, петербургскаго оберъ-полицеймейстера, начальника гренадерской дивизіи и, наконецъ, члена военнаго совѣта,— до самой его смерти, послѣдовавшей въ 1877 году. М. А. на много лѣтъ пережила мужа и скончалась въ 1899 году, въ глубокой старости, 79 лѣтъ.

I.

Мои отецъ и мать.—Первая дочка во флотѣ.—Участіе отца въ войнѣ съ Турціей.—Назначеніе его флигель-адъютантомъ.—Недоброжелательство къ нему князя Меншикова.—Лишеніе отца флигель-адъютантскаго званія.—Біографія дяди маркиза Траверсе.—Болѣзнь моя и сестры.—Эпизоды изъ моего дѣтства.—Морякъ Купріяновъ.—Наши учителя.—Страшная гроза.—Пріѣздъ въ Ревель великихъ княженъ.—Представленіе имъ.—Празднество въ ихъ честь.—Дѣтскій балъ.—Опасная шалость.—Морской переѣздъ до Свеаборга.—Жизнь въ Гельсингфорсѣ.—Балъ на корветѣ «Львица».—Изученіе шведскаго языка.—Домашній спектакль.—Кончина дяди Спафарьева.—Подарокъ матери.—Ночная прогулка на кладбище.—Дядя Бутеневъ.—Болѣзнь и кончина матушки.—Предзнаменованія, сопровождавшія это горестное событіе.

Жизнь моя, выходящая изъ ряда обыкновенной, такъ обильна чудными, незабвенными воспоминаніями, что дѣти мои и поколѣнія ихъ прочтутъ, быть можетъ, не безъ удовольствія мое повѣствованіе, которое начну съ ранняго моего дѣтства. Такъ какъ я не вела дневника, то хронологія, въ знаніи которой похвастаться не могу, будетъ отсутствовать, поэтому я не ручаюсь въ точной послѣдовательности событій. Постараюсь, изъ всѣхъ моихъ замѣтокъ, набросанныхъ въ разныя времена на бумагу, составить одно цѣлое, если мое бездарное перо не откажется отъ непосильнаго для него труда.

Подъ покровительствомъ св. апостоловъ Петра и Павла и, могу прибавить, подъ счастливою звѣздой, я родилась 29-го іюня 1822 года въ предмѣстьѣ города Ревеля, Эстляндской губерніи.

Отецъ мой, маркизъ Александръ Ивановичъ Траверсе, видный и красивый мужчина, очень добрый и веселый, былъ сынъ морского министра императора Александра I и служилъ во флотѣ.

Мать моя, Александра Леонтьевна, рожденная Спафарьева, была въ полномъ смыслѣ слова красавица, съ сердцемъ и душою, вполнѣ соотвѣтствовавшими счастливой наружности.

Дѣдъ мой, Леонтій Васильевичъ Спафарьевъ, былъ древнегреческаго происхожденія, но кто изъ его предковъ поселился въ Россіи и принялъ подданство, этого я не знаю. Вѣроятно, когда-то къ греческой фамиліи Спафарій прибавили русское окончаніе.

Бабушка моя, Анна Васильевна, рожденная баронесса Розенбергъ, родомъ изъ остзейскихъ провинцій, была лютеранка, никогда не выучилась говорить хорошо по-русски, несмотря на то, что дѣдъ мой ни слова не зналъ по-нѣмецки.

Жили они въ Ревелѣ, въ собственномъ домѣ, по Нарвской улицѣ, между городомъ и Екатериненталемъ, съ тремя незамужними дочерьми, Екатериной, Вѣрой и Наталіей.

Дѣдъ мой тоже былъ морякомъ, но какую должность онъ занималъ, я не помню, знаю только, что всѣ маяки въ Финскомъ заливѣ имъ устроены и находились подъ личнымъ его наблюденіемъ.

Англичане поднесли ему изъ благодарности за постановку маяковъ массивную серебряную вазу. Это доказываетъ вѣрность французской поговорки:

«Nul n'est prophète dans son pays».

Маяки были его дѣтищемъ, онъ съ любовью занимался этимъ дѣломъ. Разныхъ маячныхъ моделей изъ пробковаго дерева, рефлекторовъ, у него было видимо-невидимо, и много онъ потратилъ на нихъ денегъ.

Первое воспоминаніе моего дѣтства относится къ тому времени, когда горе посѣтило нашу семью.

Мнѣ было три года, когда я и двухлѣтній братъ мой заболѣли скарлатиной, жертвой которой сдѣлался братъ.

Въ дѣтствѣ впечатлѣнія такъ глубоко врѣзываются въ память, что рѣдко забываются. Мнѣ памятно то утро, когда маменька вошла въ дѣтскую съ заплаканными глазами и, поцѣловавъ меня, повела за руку въ комнату, гдѣ лежалъ на столѣ, въ бѣленькомъ платьѣ, мой маленькій братъ. Когда увезли его изъ дома, я начала плакать, сознавая инстинктивно, что онъ не вернется и играть со мною уже не будетъ.

Годовая сестра моя не могла быть моимъ товарищемъ въ играхъ что я понимала хорошо.

Дѣдушка и тетушки любили меня, даже баловали; я была очень ласковый ребенокъ, но страшная рѣзвушка. Бабушки я боялась, но вмѣстѣ съ тѣмъ любила ее.

Дѣдушка прозвалъ меня первой дочкой во флотѣ. Вотъ чѣмъ я это заслужила.

Родители взяли меня однажды съ собой покататься на гичкѣ по рейду. День былъ чудный. Море казалось невозмутимымъ. Подулъ легкій попутный вѣтерокъ.

Натянули парусъ, и мы быстро неслись по морю. Мнѣ было очень весело. Вдругъ вѣтеръ перемѣнился, и гичку такъ накренило, что отецъ, правя рулемъ, тотчасъ велѣлъ убрать парусъ. Гребцы взялись за весла, навалились и стали бороться съ волнами, которыя сердито то поднимали гичку вверхъ, то бросали ее внизъ, какъ бы желая поглотить. Въ добавокъ разразилась гроза, молнія сверкала. Не зная страха и не понимая возможности опасности, я продолжала болтать и, какъ попугай, повторяла: «навались, ребята». Гребцы улыбались и приговаривали: «ай, да храбрая барышня». Хотя я была еще очень мала, но понимала, что мое удальство нравилось имъ.

Когда дѣдушкѣ разсказали, какимъ я была молодцемъ, онъ выразился, что гордится своей внучкой, и не иначе представлялъ меня своимъ знакомымъ, какъ «это первая дочка во флотѣ».

Не помню, сколько мнѣ было лѣтъ, когда мы переѣхали въ городъ. По воскресеньямъ и средамъ мы всей семьей обязательно отправлялись на цѣлый день къ дѣдушкѣ, что было для насъ, дѣтей, настоящимъ праздникомъ.

Наступила турецкая кампанія. Въ какомъ чинѣ и какого рода службу исполнялъ отецъ мой въ то время, не знаю, но съ объявленіемъ войны онъ былъ назначенъ на корабль или фрегатъ «Память Азова», на которомъ находился адмиралъ графъ Гейденъ. Много было пролито нами слезъ при разставаніи съ отцемъ; а бѣдная маменька, которая въ ту пору была не совсѣмъ здорова, съ грустью и со страхомъ отпускала его на войну.

Когда почта приносила отъ него проколотыя письма (въ то время въ Турціи была чума), это былъ общій восторгъ, потому что у маменьки тогда являлась улыбка, смѣнявшая частыя ея слезы. Долго ли отецъ былъ въ отсутствіи, этого я не помню, мнѣ было тогда только шесть или семь лѣтъ.

Во время кампаніи, онъ былъ контуженъ, но въ письмахъ объ этомъ не говорилъ. При окончаніи войны, онъ настолько поправился, что былъ посланъ графомъ Гейденомъ курьеромъ къ императору Николаю съ донесеніемъ о взятіи Наварина. Когда онъ имѣлъ счастіе доложить его величеству о взятіи Наварина, государь за радостную вѣсть, поцѣловавъ его, поздравилъ флигель-адъютантомъ и повелъ представить императрицѣ. Подозвавъ великихъ княженъ, государь сказалъ: «Вотъ мои три фрегата--Марія,

Ольга и Александра». Отецъ былъ такъ тронутъ и очарованъ милостивымъ пріемомъ ихъ величествъ, что часто со слезами на глазахъ разсказывалъ намъ этотъ счастливый, но, увы, кратковременный эпизодъ въ его жизни. Узнавъ, что отецъ женатъ и семейный, государь сказалъ ему: «еще разъ спасибо, а теперь поѣзжай на свиданіе съ семьей».

Какъ тяжела была минута разлуки, такъ было радостно свиданіе. Какъ мала я ни была, помню, какъ отецъ въ дорожномъ костюмѣ вбѣжалъ въ комнату, бросился въ объятія маменьки, потомъ, поцѣловавъ насъ всѣхъ по очереди, взялъ съ рукъ маменьки мою маленькую сестру, родившуюся вскорѣ отъѣзда отца на войну, и долго цѣловалъ ее.

На радостяхъ меня однажды взяли въ театръ; давали «Freichütz» (Волшебный стрѣлокъ). О произведенномъ на меня впечатлѣніи говорить не буду, это слишкомъ хорошо понятно всякому, какой восторгъ ощущаетъ ребенокъ въ минуту такого необыкновеннаго для него зрѣлища. Но въ этомъ спектаклѣ главное мое вниманіе было обращено на ложу, гдѣ сидѣлъ губернаторъ Бенкендорфъ; онъ былъ такой непомѣрной толщины, что я, обратясь къ маменькѣ, спросила ее, не раньше ли Адама онъ родился.

Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Петербургъ, отецъ былъ посланъ его величествомъ произвести какое-то слѣдствіе и получилъ приказаніе прислать рапортъ на имя государя черезъ военнаго министра, минуя морского министра. Получивъ рапортъ, государь призвалъ къ себѣ князя Меншикова и, сообщивъ ему донесеніе о произведенномъ слѣдствіи, вѣроятно, сдѣлалъ Меншикову выговоръ или замѣчаніе.

Этого было достаточно, чтобы Меншиковъ вооружился противъ отца всѣми силами своего мстительнаго и самолюбиваго характера. Что было наговорено государю, неизвѣстно, но отецъ лишился званія флигель-адъютанта.

Когда отцу была объявлена немилость государя, онъ тотчасъ отправился къ Меншикову узнать причину, но тотъ, понятно, не принялъ его, а велѣлъ сказать, чтобъ онъ отправлялся обратно на мѣсто своего служенія.

Маменька, узнавъ изъ письма о причинѣ его возвращенія, выѣхала ему навстрѣчу, чтобъ утѣшить и ободрить его. По пріѣздѣ въ Ревель, отецъ сильно заболѣлъ и долго оправиться не могъ; немилость государя, которому онъ всей душой былъ преданъ, сильно подѣйствовала на здоровье отца и даромъ ему не прошла.

Подобный же случай былъ въ мое время съ графомъ О..., который по какому-то доносу былъ лишенъ званія флигель-адъютанта. Не помню, черезъ сколько времени государь узналъ, что графъ О... незаслуженно былъ предъ нимъ очерненъ. Вызвавъ его къ себѣ и собравъ всѣхъ министровъ и свиту во дворецъ, его ве-

личество при всѣхъ извинился передъ графомъ О..., поцѣловалъ его и вернулъ ему свое прежнее расположеніе. Несомнѣнно, что если бы и объ отцѣ моемъ была возможность доложить государю истину, то результатъ былъ бы тотъ же. Императоръ Николай Павловичъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, рыцарь благородства и справедливости, но истина не всегда допускалась до него.

Когда отецъ поправился, маменька, желая развлечь его, предложила съѣздить навѣстить дѣдушку, маркиза Траверсе, жившаго на покоѣ въ имѣніи своемъ Лужскаго уѣзда, селѣ Романщинѣ. Названо оно въ честь императора Александра I, который, объѣзжая осматривать войска, двѣнадцать разъ посѣтилъ старика, останавливаясь у него въ домѣ на сутки и дольше. Въ такія счастливыя минуты, когда приходилось принять царя, дѣдъ съ дочерью своей, фрейлиной двора ея величества, очень некрасивой дѣвицей, переселялся во флигель, а домъ предоставлялся въ распоряженіе императора.

Вотъ со словъ отца краткая біографія дѣда моего, маркиза Ивана Ивановича Траверсе.

Онъ родился на островѣ Мартиникѣ, служилъ во флотѣ, былъ любимъ королемъ Людовикомъ XVI, имѣлъ мѣсто въ его экипажѣ, что считалось и считается, понятно, большой честью. Когда вспыхнула революція во Франціи, друзья уговорили его бѣжать, такъ какъ имъ было извѣстно, что ему угрожала гильотина.

Оставивъ все свое состояніе во Франціи, онъ ночью съ молодою женою покинулъ Парижъ и уѣхалъ въ Швейцарію, гдѣ поселился на время. Тамъ родился у нихъ сынъ, который названъ былъ Александромъ. Вскормленъ онъ былъ козой, средствъ къ жизни на чужой сторонѣ не хватало. Бабушка моя, хорошо писавшая масляными красками, продажею своихъ картинъ содержала семью своими трудовыми деньгами.

Въ Швейцаріи дѣдъ получилъ одновременно приглашеніе императрицы Екатерины и короля шведскаго поступить къ нимъ на службу. Предпочитая предложеніе первой, онъ отправился въ Россію, гдѣ былъ очень милостиво принятъ императрицею, которая, отпуская дѣда на мѣсто его назначенія, въ Финляндію, выразила желаніе быть воспріемницей его будущаго сына, назначивъ ему въ честь своего внука имя Александръ. Вотъ почему дядя и отецъ мой носили одно и то же имя.

Появленіе на свѣтъ отца моего стоило жизни матери его, которая похоронена въ Рочесальмѣ, на островѣ Коткѣ.

Къ крестинамъ императрица пожаловала своему крестнику чинъ мичмана.

Во время воспитанія въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ юный мичманъ однажды такъ сильно заболѣлъ, что доктора объявили состояніе его совершенно безнадежнымъ. Тогда дѣду посовѣтовали

просить императрицу перевести дарованный ею чинъ мичмана на старшаго сына, что и было сдѣлано. Между тѣмъ, отецъ выздоровѣлъ и доказалъ докторамъ, что они преждевременно приговорили его къ смерти.

Зимнимъ путемъ подали четырехмѣстный возокъ, въ который умѣстились родители, я съ сестрой, няня, и мы пустились въ дорогу. Другого сообщенія, какъ на лошадяхъ, тогда не было.

Въ Романинѣ ожидалъ насъ съ распростертыми объятіями высокій, прямой, съ французскимъ лицомъ, еще видный старикъ. На немъ былъ морской сюртукъ тогдашнихъ временъ. Говорилъ онъ очень плохо по-русски и очень обрадовался, что, несмотря на нашъ дѣтскій возрастъ, мы бѣгло объяснялись съ нимъ по-французски. Онъ былъ ласковъ, привѣтливъ, и мы очень полюбили его. О тетушкѣ этого, къ сожалѣнію, сказать не могу, она не внушила намъ симпатіи. Когда насъ накормили и напоили, дѣдушка повелъ насъ по всѣмъ комнатамъ, показалъ намъ кабинетъ, въ которомъ занимался императоръ Александръ I во время своихъ посѣщеній; кабинетъ оставался всегда въ томъ же видѣ и былъ неприкосновененъ, пока дѣдъ мой былъ живъ. Помѣщеніе для насъ было отведено во флигелѣ, тамъ мы ночевали, а день проводили у дѣдушки въ домѣ. Вскорѣ, однако, сестра моя заболѣла корью, такъ что почти все время провела во флигелѣ, потому что тетушка страшно боялась заразиться; съ нами она здоровалась издали.

Послѣ обѣда дѣдушка приносилъ нѣсколько толстыхъ книгъ съ картинами (естественная исторія Бюффона), раскладывалъ ихъ передо мной на особомъ столѣ и, посадивъ меня на стулъ, обыкновенно говорилъ: «eh, bien, ma chère Marie, amusez vous à regarder les gravures». Самъ же усаживался за другой столъ съ моими родителями, дочерью своей, докторомъ Екатеринишъ съ женой и вслухъ читалъ письма императрицы Жозефины, которая называла его «mon cher cousin». Не знаю, былъ ли онъ дѣйствительно двоюроднымъ ей братомъ, или она только называла его такъ.

Дамы въ это время работали. Къ вечеру меня закутывали и на рукахъ уносили въ флигель. Какъ только сестра моя поправилась, мы простились съ дѣдушкой, котораго въ этотъ пріѣздъ я видѣла въ первый и послѣдній разъ. Выѣхали мы вечеромъ, были сильные заносы снѣга, и нашъ возокъ опрокинулся въ аллеѣ, ведущей отъ усадьбы къ большой дорогѣ, но это было единственное приключеніе во время нашего путешествія до Петербурга, исключая развѣ того обстоятельства, что у меня дорогой сдѣлалась корь.

Дядюшка мой, Аполлинарій Петровичъ Бутеневъ, который въ то время, если не ошибаюсь, былъ посломъ въ Константинополѣ или Римѣ, предложилъ намъ остановиться въ его квартирѣ, которая оставалась за нимъ для его пріѣздовъ. Когда мы прибыли вечеромъ въ столицу, квартира дяди оказалась нетопленою. Управляющій, не

получилъ письма, въ которомъ ему сообщалось о днѣ нашего пріѣзда, не приготовилъ ея. Я въ кори, сестра только что поправилась, занять нетопленыя комнаты было не мыслимо. На наше счастье, мать управляющаго, добрая старушка, не побоялась для своего внука, мальчика лѣтъ семи, взять насъ къ себѣ на то время, пока квартира дяди не обогрѣется. Мы остались у нея съ няней. Родители помѣстились въ одной небольшой комнатѣ, въ квартирѣ дяди, которую удалось нагрѣть. Насъ очень потѣшалъ внукъ старушки; по утрамъ и вечерамъ она заставляла его молиться передъ иконами, и когда онъ читалъ «Отче нашъ», то каждый разъ на извѣстномъ мѣстѣ останавливался и говорилъ: «больше не помню». Старушка подскажетъ, а по окончаніи пожуритъ его, мы же въ постели хихикаемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ намъ было жаль бѣдняжку. Черезъ нѣсколько дней, съ разрѣшенія доктора, насъ закутали и перенесли на верхъ. Ѣздилъ къ намъ докторъ Habersang, медикъ великаго князя Михаила Павловича. Онъ прописалъ мнѣ лѣкарство, которое я ни за что принимать не хотѣла, увѣряя, что оно пахнетъ ядомъ. Откуда мнѣ, семилѣтней дѣвчонкѣ, пришла такая фантазія, этого объяснить не могу, но принять его заставить меня не могли. Когда онъ пріѣхалъ на слѣдующій день, и ему передали причину, по которой я отказывалась принимать лѣкарство, онъ засмѣялся, погладилъ меня по головѣ и сказалъ, что онъ добрый, любитъ дѣтей, а такъ какъ мнѣ бѣлое лѣкарство не нравится, то пропишетъ розовое. Съ этимъ я помирилась.

Однажды родители мои поѣхали провести вечеръ у родныхъ, это было на святкахъ; вдругъ къ нянѣ привели какихъ-то страшныхъ ряженыхъ, которые начали гадать ей. Мы такъ съ сестрой перепугались, что спрятались подъ кровать и вылѣзли оттуда блѣдныя и дрожащія только тогда, когда эти непрошенные гости ушли. Нянѣ сдѣлали строгій выговоръ за то, что въ отсутствіе родителей она позволила себѣ принять ряженыхъ въ дѣтской.

Передъ отъѣздомъ въ Ревель, насъ покатали по Петербургу. Огромные дома, церкви, дворцы казались намъ какимъ-то чудомъ, а при переѣздѣ черезъ Цѣпной мостъ, который дрожалъ подъ экипажемъ, насъ разбиралъ невольный страхъ.

Въ Ревелѣ застали здоровыми сестеръ и братьевъ, которые остались у дѣдушки на попеченіи тетушекъ.

На лѣто дѣдушка съ семьей переѣхалъ въ казенный домъ, около Екатериненталя; кажется, на горѣ перестраивался маякъ, и онъ долженъ былъ наблюдать за работой. Онъ пригласилъ всю нашу семью провести съ ними лѣто.

Однажды я очень обидѣлась на него, и вотъ за что. Влѣзла я на диванъ, сѣла на ручку и начала качаться, дѣдушка вошелъ въ это время и боясь, чтобъ я не упала навзничь, прикрикнулъ на меня, снялъ съ дивана и погрозилъ. Я такъ не привыкла къ тому,

чтобъ дѣдушка возвышалъ на меня голосъ, что залилась слезами, убѣжала къ маменькѣ и объявила, что послѣ такой обиды я въ домѣ оставаться не могу.

— Куда же ты, глупенькая, пойдешь?—спросили меня.

— Далеко, далеко,—отвѣчала я и начала собирать въ узелокъ свои игрушки, а куклу завернула и взяла на руки. Сестры и братья расплакались, когда я стала съ ними прощаться. Маменька, утѣшая ихъ, сказала, что такъ какъ мнѣ не жаль покинуть своихъ, то плакать обо мнѣ не стоитъ.

Тутъ она завязала мнѣ платокъ на голову, сказавъ, что въ шляпѣ дѣвочкѣ по улицамъ одной ходить нельзя.

Няня дала мнѣ на дорогу булочку и грошъ. Простившись со всѣми, я сошла внизъ и вошла въ садъ, чтобъ еще разъ покачаться на качеляхъ, а качаясь забыла свое горе и намѣреніе уйти и вернулась домой. Няня, которой велѣно было слѣдить за мной, спряталась за дверью, такъ что я не видѣла ея, когда вошла въ сѣни и поднялась по лѣстницѣ.

Когда я вернулась, маменька сказала:

— Ты пришла уже домой, вѣрно, здѣсь лучше, чѣмъ на улицѣ?

Видя ея серіозное лицо, я бросилась ей на шею и просила прощенья, обѣщая никогда больше на дѣдушку не обижаться и не уходить изъ дома.

Признаваясь въ моихъ шалостяхъ, я надѣюсь, что никто изъ, моихъ потомковъ подражать мнѣ въ нихъ не будетъ, но умолчать о нихъ не хочу, не желая выказать себя лучше, чѣмъ я дѣйствительно была. Нянѣ постоянно приходилось воевать со мною.

Если она къ обѣду одѣнетъ меня въ чистенькое платье, а на горе ея въ это время идетъ дождь, то я непремѣнно уловлю удобную минуту выбѣжать на дворъ, сѣсть подъ водосточную трубу, гдѣ, понятно, вымокну и перепачкаюсь. Какъ она за это ни ворчала на меня, а переодѣвать приходилось. Часто я изводила ее тѣмъ, что спрячусь такъ, что она меня найти не могла.

Одно лѣто мы жили на дачѣ, гдѣ садъ былъ окруженъ широкой каменной стѣной, на подобіе монастырскихъ оградъ. Излюбленная прогулка наша была влѣзть съ помощью лѣстницы на стѣну и ходить по ней; впрочемъ это намъ не запрещалось. Въ саду были большія каштановыя деревья; у одного развѣтвленіе было такое удобное, что образовало кресло, на которомъ я очень любила сидѣть. Лазать по деревьямъ я была большая мастерица. Няня, не подозрѣвая, что я сижу на деревѣ, очень часто бывало ищетъ меня, зоветъ, проходитъ мимо и, не находя, идетъ къ маменькѣ и съ безпокойствомъ передаетъ: Fräulein Marie kann ich nirgends finden. Тогда маменька отправляется въ садъ, и какъ только я услышу ея голосъ, моментально спускаюсь съ дерева и бѣгу къ ней. Часто

меня наказывали за мои шалости, но часто и прощали, потому что я была очень ласкова и услужлива.

Съ осени, когда эскадра на зимовку останавливалась въ Ревелѣ, у дѣдушки по воскресеньямъ и средамъ обыкновенно собиралось много моряковъ, домъ его слылъ однимъ изъ самыхъ гостепріимныхъ. Къ обѣду насъ рѣдко садилось меньше двадцати человѣкъ за столъ, по вечерамъ съѣзжались и другіе знакомые, часто кончалось танцами, если соберется достаточно дамъ. Сколько мнѣ помнится, на долю маменьки, которая великолѣпно играла на роялѣ и участвовала неоднократно въ концертахъ съ благотворительною цѣлью, выпадала роль тапера. Такъ какъ насъ раньше отвозили домой, то я не знаю, смѣнялъ ли ее кто нибудь или нѣтъ.

Бабушка была большая хозяйка, всевозможная провизія и заготовки всегда были дома, поэтому обильный ужинъ являлся всегда во время, какъ бы по щучьему велѣнью.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней мнѣ очень хотѣлось остаться поужинать съ большими, и, не испросивъ на то позволенія, я объявила нянѣ, что домой не поѣду. Бывъ увѣрена, что я осталась съ разрѣшенія маменьки, она уѣхала съ младшими дѣтьми. Едва карета успѣла отъѣхать, какъ меня сталъ разбирать страхъ, я кинулась въ переднюю и просила человѣка вернуть карету, но догнать было уже невозможно.

Не зная, что дѣлать, я спряталась въ комнатахъ тетушекъ и выползла оттуда только къ ужину. Боясь встрѣтить взглядъ маменьки, я сѣла на самый край стола. При всей своей ангельской добротѣ, она воспитывала насъ очень строго, и мы понимали значеніе каждаго ея взгляда. Сидѣла я, потупя взоръ, и ужинъ, для котораго я осталась, останавливался у меня въ горлѣ. Маменька дѣлала видъ, что не замѣчаетъ меня. Но каково было мое положеніе, когда, прищурясь и взглянувъ на меня, она спросила громко:

— Кто эта дѣвочка? Дѣтямъ давно спать пора, какъ можно было оставить ребенка такъ поздно въ гостяхъ?

Я покраснѣла, слезы, давно душившія меня, хлынули изъ глазъ; сконфуженная, пристыженная, не думая уже объ ужинѣ, сидѣла съ поникшей головой, а слезы такъ и капали на мою салфетку. Вѣроятно, я сдѣлалась предметомъ общаго сожалѣнія, потому что, какъ только встали изъ-за стола, родные и гости, всѣ обступили маменьку и просили для меня прощенія. Хотя она и простила, но нѣсколько дней была холодна со мной, а это для меня было великимъ наказаніемъ. Сколько мнѣ было лѣтъ, не помню, но этотъ урокъ былъ достаточенъ, чтобъ я впередъ ничего подобнаго не позволила себѣ.

Бабушка любила играть въ бостонъ, послѣ обѣда устраивалась для нея партія, въ которой участвовалъ отецъ мой съ двумя партнерами; маменька и тетушки за другимъ столомъ занимались рабо-

той и гостями, а мы, дѣти, отправлялись играть въ столовой, которая превращалась въ рекреаціонную. Какихъ затѣй у насъ не было, изъ стульевъ составляли себѣ карету, карманы наполняли хлѣбомъ, калеными орѣхами, сушенымъ горошкомъ, малиной и земляникой, которыхъ цѣлыми мѣшками присылали изъ деревни. Усядемся и воображаемъ, что путешествуемъ, и преисправно все поѣдаемъ, несмотря на то, что не задолго сытно пообѣдали. Бабушкѣ разъ понадобилась сушеная малина, и она велѣла принести. Когда ей пришли сказать, что ничего нѣтъ въ шкафу, она позвала меня и поручила сходить, прибавя, что горничная ничего не можетъ найти. На это я сказала ей, что дѣйствительно нѣтъ ничего, такъ какъ мы все уже съѣли во время нашихъ мнимыхъ путешествій. Она всплеснула руками, покачала головой и спросила: неужели никто изъ васъ не захворалъ? На это я отвѣтила: нѣтъ, милая бабушка, вѣдь мы съѣли въ продолженіе зимы во время нашихъ путешествій.

Между нашими играми мы устраивали нѣчто въ родѣ спектаклей. Для этого мы освѣщали сцену восковыми свѣчами, воткнутыми въ выдолбленную свеклу; онѣ давали очень пріятный матовый розоватый свѣтъ. Разставивъ стулья, мы приглашали зрителей, которые были очень снисходительны и аплодировали нашимъ незатѣйливымъ пьесамъ, какъ-то: «Arlequin et Colombine», «Pierrette», разбившая съ кувшиномъ молока всѣ свои планы и надежды; представляли тоже сцены, на которыхъ являлись разбойники, ихъ вооруженіемъ зимой служили большія ледяныя сосульки; когда начиналось нападеніе и драка, сосульки разлетались вдребезги, а хлопушки замѣняли пистолетные выстрѣлы.

Всѣми первоначальными уроками маменька занималась съ нами сама; когда же настало время для болѣе серьезныхъ занятій, взяли учителей. Она же сохранила за собой французскій языкъ, Законъ Божій и музыку. Таланта своего къ музыкѣ она, къ сожалѣнію, передать мнѣ не могла; несмотря на все мое стараніе и добросовѣстное выучиваніе уроковъ, я бѣглости никогда не достигла и только легко разбирала.

Первый посторонній учитель русскаго языка, ариѳметики и чистописанія былъ Ермолаевъ, съ очень красивымъ почеркомъ кантонистъ или учитель кантонистской школы, въ унтеръ-офицерскомъ мундирѣ, но съ манерами очень благородными и съ умѣньемъ держать себя съ большимъ достоинствомъ.

Тамъ, гдѣ много дѣтей, въ шалостяхъ недостатка нѣтъ, поэтому и у насъ являлись разныя новыя выдумки. Ермолаева мы очень любили, но иногда злоупотребляли его добротой и деликатностью. Любя его, мы старались готовить исправно заданные уроки. Если же случалось ихъ не знать, то, снисходя къ нашимъ просьбамъ, Ермолаевъ на насъ не жаловался. Какъ-то разъ, во время урока, мы

вмѣсто того, чтобъ заняться, начали разсматривать картины, а кто-то изъ дѣтей нарвалъ папильотокъ изъ бумаги, влѣзъ на стулъ и хотѣлъ завить учителю локоны. Видя, что на его увѣщеванія никто не обращаетъ вниманія, Ермолаевъ всталъ и объявилъ, что идетъ жаловаться маменькѣ. Мы такъ были убѣждены въ томъ, что онъ только стращаетъ насъ, что вмѣсто того, чтобъ извиниться, всѣ въ одинъ голосъ закричали: «идите, мы васъ не боимся!». Наша выходка была для него такъ непривычна и неожиданна, что онъ тотчасъ же вышелъ изъ комнаты. Признаться, мы думали, что онъ стоитъ за дверью, и не допускали возможности, чтобъ онъ дѣйствительно пожаловался на насъ. Но каковъ былъ нашъ испугъ, когда вошла маменька, окинула насъ строгимъ, очень строгимъ взглядомъ и сѣла съ работой у окна. Мы притихли и смиренно занялись уроками, которые были хорошо приготовлены. Съ какой же стати намъ такая дурь пришла въ голову вывести изъ терпѣнья нашего добраго учителя? Послѣ класса насъ разставили всѣхъ по угламъ, во время обѣда посадили за Katzentisch и оставили безъ сладкаго. Три наказанія за одинъ проступокъ, но это было по дѣломъ.

Учитель нѣмецкаго языка былъ сѣдой, маленькаго роста, лысый, съ длиннымъ носомъ, косолапый, но очень добрый старичекъ, фамилія его была Zeibt; мы тоже очень любили его. Послѣ урока, который продолжался два часа, онъ намъ разсказывалъ интересныя, длинныя поучительныя сказки. Онъ былъ человѣкъ семейный и бѣдный, мы часто дѣлали складчину изъ экономическихъ денегъ, которыми надѣлялъ насъ дѣдушка, и покупали ему то, въ чемъ онъ нуждался; къ нашей складчинѣ присоединялась и маменька. Въ то блаженное время считалось на ассигнаціи. Обыкновеннымъ учителямъ платили за часъ 50 к., что равняется пятиалтынному, а профессорамъ по рублю за часъ, значитъ около 30 коп. Впослѣдствіи, мы, ученицы его, по выходѣ замужъ положили ему ежемѣсячную пенсію, которую производили до его смерти.

Изъ всѣхъ моряковъ, посѣщавшихъ насъ, я больше всѣхъ любила Купріянова, онъ былъ не молодъ, очень даже не красивъ, но добрый и симпатичный. Постоянно игралъ съ нами, дѣтьми, и съ семилѣтняго моего возраста называлъ меня своей невѣстой. Однажды, весной, передъ отплытіемъ въ море, онъ пригласилъ къ обѣду, къ себѣ на фрегатъ, которымъ онъ командовалъ, все семейство дѣдушки и родителей моихъ, прося маменьку взять меня непремѣнно съ собой. Эта радость, къ сожалѣнію, была сообщена мнѣ за нѣсколько дней. Могли ли итти въ голову уроки, когда предстояло такое удовольствіе? Одинъ день я не знала урока, на второй тоже, и, увы, въ тотъ день, когда всѣ должны были ѣхать на фрегатъ, маменька объявила мнѣ, что не беретъ меня съ собой, потому что я такъ плохо училась. Понятно, что я залилась слезами, просила, обѣщала впредь хорошо учиться, но ни обѣщанія, ни слезы не могли

поколебать ея рѣшенія. Когда всѣ уѣхали, въ видѣ утѣшенія я взяла кусочекъ канвы и по ней вышила шерстью фрегатъ, съ намѣреніемъ сдѣлать подушку для булавокъ и подарить ее Купріянову на память. На другой день я показала маменькѣ свою работу. Улыбаясь она сказала, что мужчины не употребляютъ булавокъ, и что Купріянову нечего будетъ съ нею дѣлать. Сконфуженная, я отвѣтила, что когда онъ женится, то можетъ подарить своей женѣ. Не помню, сколько времени спустя онъ написалъ маменькѣ, что назначенъ въ Ситху, намѣренъ жениться, такъ какъ одному ѣхать скучно, и проситъ ее исходатайствовать мое разрѣшеніе на женитьбу. Маменька прочла мнѣ его письмо и сказала: «Тебѣ только десять лѣтъ, онъ уже не молодъ, а когда ты будешь взрослая, то онъ будетъ старымъ грибомъ». Хотя мнѣ не вѣрилось, чтобъ онъ могъ при его добротѣ походить когда нибудь на старый грибъ, но я сказала: «пусть женится и подаритъ мою подушку своей женѣ».

По мѣрѣ того, какъ мы подростали, являлись другіе учителя. Учителемъ рисованія былъ Вальтеръ, ботаники, минералогіи, нѣмецкаго и литературы —профессоръ Гюбнеръ; заниматься съ нимъ было просто наслажденіемъ, такъ какъ его уроки были чрезвычайно интересны. Послѣ класса онъ ходилъ гулять съ нами и все наглядно объяснялъ намъ.

Астрономіей, очень меня интересовавшей, и латинскимъ языкомъ занимался со мной и двоюроднымъ братомъ (готовившимся въ Константиновское училище, гдѣ въ то время требовалась латынь) профессоръ Луттеръ, человѣкъ еще не старый, видный, педантъ и очень занятый собой; онъ не былъ намъ симпатиченъ, иногда спрашивалъ уроки, которыхъ никогда не объяснялъ и не задавалъ. Память у насъ была хорошая, но отвѣчать то, о чемъ мы никогда не слышали, было трудно, и мы простить ему не могли, что за свою же оплошность онъ ставилъ намъ незаслуженные баллы. Мнѣ надобности въ латыни не было, но, имѣя вообще большую способность къ языкамъ и бывъ любознательною, я просила разрѣшенія учить и латинскій языкъ. Двоюродному брату я служила подспорьемъ, такъ какъ очень скоро обогнала его, и готовить урокъ со мной ему было легче.

Ермолаева замѣнилъ намъ русскій учитель Rolleder, котораго между собой мы по переводу называли «катай кожу», за что онъ, узнавъ это, очень злился. Разъ онъ пришелъ къ намъ въ очень дурномъ расположеніи духа, придирался ко всему, безъ всякой причины возвышалъ голосъ и такъ былъ непріятенъ, что я не выдержала и сказала, что при его поэтической фамиліи злиться не подобаетъ. При этой насмѣшкѣ онъ вышелъ изъ себя, что-то сказалъ и назвалъ меня по имени, не прибавя отчества; этого я не спустила и, хотя была еще дѣвчонка, лѣтъ десяти, фамильярнаго со мною обращенія учителямъ не позволяла и рѣзко остановила его.

Онъ былъ вообще человѣкъ неотесанный, позволялъ себѣ трепать за волосы двоюроднаго брата, за что, къ нашему удовольствію, ему было отказано. Географіей и всеобщей исторіей маменька занималась съ нами сама.

Вообще я была очень впечатлительна, имѣла большую наклонность къ поэтическимъ и восторженнымъ настроеніямъ, умѣла цѣнить все прекрасное, все изящное; хотя и не была одарена никакимъ выдающимся талантомъ, но любоваться природой, красивой мѣстностью, созвѣздіемъ, луной и прочимъ я могла по цѣлымъ часамъ.

Проводили мы одно лѣто въ городѣ, жили противъ церкви св. Олая. Однажды отправили насъ купаться въ море; погода была чудная, день жаркій, и ясное небо не предвѣщало непогоды. Едва мы успѣли одѣться и выйти изъ купальнаго домика, какъ небо нахмурилось, затянулось темными тучами, и послышались раскаты грома. Пройдя длинные мостки, мы едва успѣли сѣсть въ коляску, ожидавшую насъ на берегу, какъ разразилась такая буря, что песокъ началъ подниматься столбами, кружиться, вырывать деревья съ корнями и сносить крыши. Небо, недавно еще такъ привѣтливо спокойное, приняло сплошной свинцовый цвѣтъ, море почернѣло, волны, покрытыя бѣлыми гребнями, съ яростью разбивались о берегъ; казалось, всѣ стихіи сговорились бушевать одновременно, громъ оглушалъ насъ, безпрерывныя сверканія молніи ослѣпляли, кучеръ гналъ лошадей. Какъ только мы успѣли въѣхать въ городскія ворота, хлынулъ такой ливень, что въ одно мгновеніе вода потоками бѣжала по улицамъ. Маменька, ожидавшая насъ съ тревогой, заплакала отъ радости, когда увидѣла насъ всѣхъ цѣлыми и невредимыми, только вымокшими до костей. Какъ только меня переодѣли, я усѣлась у окна и любовалась грозой и долго не могла оторваться отъ этого величественнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ страшнаго зрѣлища. Какъ различны бываютъ ощущенія въ юныхъ и зрѣлыхъ лѣтахъ; теперь я не восхищаюсь грозой, она дѣйствуетъ мнѣ на нервы, предугадываю ее заранѣе, чувствуя непреодолимую слабость, однимъ словомъ радуюсь, когда она минуетъ.

Слѣдующее лѣто мы провели у дѣдушки на Нарвской улицѣ. Ревель готовился къ рѣдкому для него празднику. Все вдругъ забѣгало, засуетилось, начали красить дома, чинить дороги, обновлять Екатеринтальскій дворецъ, готовились къ пріему давно не бывалыхъ дорогихъ высочайшихъ гостей.

На время морскихъ купаній ожидали трехъ юныхъ великихъ княженъ, дочерей государя. Наконецъ насталъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемый день ихъ пріѣзда. Нашъ скромный и далеко не блестящій городъ встрепенулся и ожилъ. Должностныя лица въ мундирахъ съ высокими, подпирающими подбородокъ, воротниками, съ длинными фалдами, въ треугольныхъ шляпахъ съ плюмажами, съ

утра ѣздили взадъ и впередъ, осматривая, все ли въ порядкѣ, точно всѣ пробудились отъ летаргическаго сна; жители, гурьбой спѣшили въ гавань, чтобы хотя издали полюбоваться на царскихъ дѣтей. Дорога въ Екатеринтальскій дворецъ шла по Нарвской улицѣ мимо дома дѣдушки. Мы открыли окна, взгромоздились на стулья и ждали проѣзда высокихъ гостей. Когда коляска поравнялась съ нами, мы закричали «ура» и кланялись, а великія княжны, привѣтливо улыбаясь, отвѣчали на наши поклоны. Вечеромъ была иллюминація и гулянье въ Екатеринталѣ, гдѣ на балконъ выходили великія княжны съ своей наставницей. Оглушительное «ура» публики встрѣчало ихъ при каждомъ появленіи.

За нѣсколько времени до 22 іюля, дня тезоименитства великой княжны Маріи Николаевны, дѣдушка, не сообщивъ никому о своемъ намѣреніи, поѣхалъ къ Васильчикову, состоявшему при ихъ высочествахъ, и просилъ его исходатайствовать разрѣшеніе государя дочерямъ, или, вѣрнѣе сказать, дѣвочкамъ лучшихъ фамилій тамошнихъ жителей, поздравить въ русскомъ національномъ нарядѣ августѣйшую именинницу.

Когда на посланную въ Петербургъ эстафету пришла отвѣтная съ высочайшимъ разрѣшеніемъ, Васильчиковъ сейчасъ же сообщилъ о томъ дѣдушкѣ, который, созвавъ насъ всѣхъ, сказалъ съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ: «ну, дѣти, отгадайте, какую радость я вамъ несу!» Любопытства нашего онъ долго не мучилъ.

Когда онъ намъ сообщилъ это извѣстіе, мы начали обнимать и цѣловать дорогого старика, прыгая, хлопая въ ладоши, не зная, за что намъ приняться послѣ такого неожиданнаго сюрприза. Намъ, четыремъ сестрамъ, сшили сарафаны, кисейныя бѣлыя рубашки съ широкими рукавами, головныя ленты были вышиты бусами маменькой, которая была большая искусница въ рукодѣліяхъ.

Настало 22-е число, мы поднялись ни свѣтъ ни заря, у насъ собрались всѣ участвующія въ привѣтствіи дѣвицы. Я, какъ старшая изъ двадцати двухъ (мнѣ было 12 лѣтъ), выучила короткіе поздравительные стихи на нашемъ родномъ языкѣ. Намъ дѣлали репетиціи, какъ кланяться въ поясъ; у каждой была корзиночка съ живыми цвѣтами, а у меня—букетъ.

Подали кареты, всѣ дѣти усѣлись съ своими матерями, и поѣздъ нашъ двинулся ко дворцу. Сердце у меня сильно билось отъ радости, отъ какого-то необъяснимаго восторга, дотолѣ не испытаннаго, а вмѣстѣ и отъ страха, какъ бы не сконфузиться, не оробѣть и не спутаться въ стихахъ. У подъѣзда насъ высадили, ввели въ залъ, гдѣ встрѣтилъ насъ Васильчиковъ, настоящій русскій баринъ, учтивый, привѣтливый, ласковый, не важничающій своимъ высокимъ положеніемъ. Объявивъ намъ, что ихъ высочества сейчасъ выйдутъ, насъ выстроили лѣсенкой въ шеренгу; моя трехлѣтняя сестра была самая меньшая. Только что мы установились, дверь распахнулась,

и вошли три прелестныя княжны: Марія, Ольга и Александра Николаевны, съ ихъ наставницей Юліей Θеодоровной Барановой (впослѣдствіи графиня, титулъ этотъ былъ ей данъ въ день бракосочетанія великой княгини Ольги Николаевны).

Марія Николаевна подошла ко мнѣ первой; сначала голосъ мой дрожалъ, но потомъ, ободренный ея чуднымъ взглядомъ, онъ окрѣпъ, и привѣтствіе сошло благополучно. Она благодарила, поцѣловала меня, а потомъ, подойдя къ каждой, сказала ласковое слово. Послѣ нея подошли Ольга и Александра Николаевны. Угостивъ насъ шоколадомъ, предложили пройти въ садъ. Марія Николаевна шла со мной рядомъ, спросила, какъ меня зовутъ, и узнавъ, что я тоже именинница, поздравила меня и спросила, какъ мы проведемъ день. Я сообщила, что участвуемъ вечеромъ въ живыхъ картинахъ, устраиваемыхъ въ ихъ честь съ благотворительною цѣлью. На ея вопросъ, въ какой я участвую, я отвѣтила, что во всѣхъ трехъ, и что маменька обѣщала, если мы будемъ смирно и хорошо стоять, взять насъ послѣ театра на фейерверкъ. Картины были вечеромъ очень удачны: великія княжны аплодировали, и занавѣсь поднималась, согласно ихъ желанію, болѣе трехъ разъ.

Сколько десятковъ лѣтъ съ тѣхъ поръ прошло, а я хорошо помню всѣ картины, костюмы наши, постановку, и все, все живо представляется мнѣ.

Когда насъ переодѣли, и мы остыли, маменька поѣхала съ нами, двумя старшими, на фейерверкъ. Только что мы усѣлись, и были пущены ракеты, явился посланный, который, обходя скамейки, спрашивалъ, гдѣ семейство маркиза Траверсе. Найдя насъ, онъ передалъ маменькѣ приглашеніе великихъ княженъ пріѣхать съ нами во дворецъ, т. е. въ маленькій, такъ называемый, домикъ князя Волконскаго, стоявшій на окраинѣ сада, недалеко отъ мѣста, гдѣ сожженъ былъ фейерверкъ. Такимъ лестнымъ приглашеніемъ мы, понятно, воспользовались, не теряя времени.

Во дворцѣ великія княжны нѣсколько разъ повторяли, что картины были прелестны, и что ихъ высочества очень веселились. Когда огненное зрѣлище кончилось, подали чай, послѣ чего, простясь съ присутствовавшими, ихъ высочества уѣхали во дворецъ, а мы—домой.

Во время пребыванія великихъ княженъ данъ былъ въ салонѣ около Екатериненталя балъ, на который маменька со мной удостоилась приглашенія въ ложу ихъ высочествъ. На этомъ вечерѣ было и купечество первыхъ гильдій съ женами; послѣднія были въ богатыхъ шелковыхъ платьяхъ, а головы повязаны шелковыми платочками, какъ онѣ обыкновенно носили. Тогда, какъ видно, купеческія жены не гнушались своимъ нарядомъ, что, конечно, служило къ ихъ чести.

Ихъ высочества оставались на балѣ не больше часа; раскланявшись съ публикой и простившись съ нами, онѣ уѣхали домой, за

ними увезли и меня. 22-е іюля и балъ въ салонѣ—это эпохи въ нашей дѣтской жизни. Долго о нихъ только и шла рѣчь. Такія впечатлѣнія глубоко врѣзываются въ намять, и чрезъ долгое время вспоминаешь о нихъ съ удовольствіемъ.

По повелѣнію государя долженъ былъ состояться дѣтскій балъ во дворцѣ. Васильчиковъ пріѣхалъ къ дѣдушкѣ съ просьбою помочь ему составить пригласительный списокъ, такъ какъ онъ общества не зналъ. Сестрѣ и мнѣ сшили хорошенькія бѣлыя платья. Мы съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали этого вечера, но день не былъ еще рѣшенъ окончательно.

Велико было наше разочарованіе, когда прислали намъ сказать, что балъ отмѣняется. Получена эстафета, вызывающая немедленно великихъ княженъ въ Петербургъ, по случаю болѣзни императрицы. Ихъ высочества такъ скоро и неожиданно собрались въ путь, что до отъѣзда намъ больше видѣть ихъ не удалось, но, тѣмъ не менѣе, у насъ сохранилось неизгладимое впечатлѣніе о 22-мъ іюля.

Дѣдушка, замѣтивъ, что мы ходимъ, повѣся носы, и все вздыхаемъ, обѣщалъ устроить для насъ балъ, какъ только узнаетъ, что здоровье ея величества поправилось.

Вскорѣ было получено успокоительное извѣстіе, и дѣдушка сдержалъ свое обѣщаніе. Устроивая балъ, онъ все приговаривалъ: «и на нашей улицѣ будетъ праздникъ». Подростковъ и дѣтей собралось много, всѣ радовались, что нашелся случай надѣть платья, сшитыя къ великокняжескому балу. Когда между танцами начали освѣжать комнату, онъ пригласилъ насъ на балконъ взглянуть на иллюминацію. Она была очень оригинальна: по всему саду, по дорожкамъ, въ травѣ, между цвѣтами, огоньки прогуливались; никто не могъ угадать, почему они двигаются. Это было его изобрѣтеніе; онъ накупилъ массу раковъ, наклеилъ каждому на спину восковой огарокъ, велѣлъ огарки зажечь и распустить раковъ повсюду. Вся Нарвская улица была освѣщена маячными запасными рефлекторами.

Вечеръ былъ очень оживленный и веселый, но онъ не обошелся безъ приключеній. Пятнадцатилѣтній сынъ губернатора, Бенкендорфъ, считая себя слишкомъ взрослымъ, чтобъ танцовать съ нами, прислонясь къ двери, долго смотрѣлъ свысока на насъ. Спустя нѣкоторое время, онъ исчезъ. Оказалось, что онъ отправился гулять по саду, было темно, и не разсмотрѣвъ, что шла широкая поперечная канава, покрытая тиной или цвѣтомъ, онъ прямо окунулся въ нее. Гувернеръ подоспѣлъ къ нему на помощь, вытащилъ и увезъ его мокраго, покрытаго зеленью, домой. Когда мы узнали объ этомъ, то рѣшили, что это было наказанье за то, что онъ важничалъ и пренебрегалъ танцовать съ нами.

Зима прошла за уроками. Къ танцклассамъ собирались у дѣдушки, гдѣ присоединялись къ намъ знакомыя дѣти.

Хотя нельзя сказать, что выдѣлывать па, стоять въ позиціи, учиться ходить, кланяться и присѣдать было очень весело, но мы ѣздили съ удовольствіемъ на эти уроки; въ особенности мы радовались, когда дошло до танцевъ, въ которыхъ одинъ другого старался превзойти въ искусствѣ.

Весной отецъ мой получилъ назначеніе въ Гельсингфорсъ командовать канонерской флотиліей; онъ уѣхалъ къ новой должности, а мы на время его плаванія перебрались къ дѣдушкѣ, куда пріѣхала на каникулы тетушка Ширманъ съ сыномъ, товарищемъ нашего дѣтства, съ которымъ мы не видались со времени поступленія его въ Константиновское училище. Вспоминали мы съ нимъ наши игры со всѣми затѣями, совмѣстные уроки, разбирали учителей симпатичныхъ и противныхъ, однимъ словомъ, вспоминали нашу дѣтскую старину.

Гуляя однажды по саду, онъ предложилъ мнѣ прокатиться на пруду въ ящикѣ, въ которомъ мѣшали и тушили известь. За неимѣніемъ лодки, не долго думая, я прыгнула въ этотъ ящикъ, а мой милый братецъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ оттолкнуть меня отъ берега, а самъ, смѣясь, остался смотрѣть, какъ я плыву. Но смѣхъ его превратился вскорѣ въ нешуточный испугъ, когда ящикъ наполнился водой и вмѣстѣ со мной началъ погружаться ко дну. Глубокъ ли былъ прудъ или нѣтъ, этого мы не знали, а потому оба начали кричать, что было силъ. Къ моему счастью, находившійся въ оранжереѣ садовникъ выбѣжалъ, схватилъ багоръ и притянулъ ящикъ къ берегу. Когда я прибѣжала въ комнату, вымокшая выше колѣнъ, и разсказала о неудачномъ катаньѣ, то обоимъ намъ порядкомъ досталось отъ нашихъ матерей, да и было за что, къ тому же маменька пристыдила меня, напомнивъ мой тринадцатилѣтній возрастъ и прибавивъ, что пора угомониться и бросить дѣтскія шалости. Эта, дѣйствительно, была послѣдняя.

Наступила осень, начали собираться къ переѣзду въ Гельсингфорсъ. Дѣти вообще рады всякой перемѣнѣ, все новое, невиданное подстрекаетъ ихъ любопытство, и они готовы охотно промѣнять вѣрное на невѣрное. Какъ ни жаль намъ было разстаться съ нашими добрыми старичками и тетушками, баловавшими насъ, мы укладывались съ радостью и съ нетерпѣніемъ ожидали дня нашего отъѣзда.

Эскадра отплывала на зимовку въ Финляндію; командиръ фрегата «Марія», капитанъ 1-го ранга Трескинъ, предложилъ довезти насъ до Свеаборга. Прощаясь съ родителями и сестрами, маменька взяла съ нихъ обѣщаніе провести будущее лѣто у насъ. Съ гаваньской пристани мы въ катерѣ доѣхали до фрегата, гдѣ былъ спущенъ трапъ, по которому мы поднялись на палубу. Командиръ и всѣ офицеры, давно знакомые намъ, встрѣтили насъ любезно; были и гардемарины, съ которыми я не замедлила познакомиться:

молодое съ молодымъ невольно сближается. Между ними былъ Бокъ, Георгій Тимоѳеевичъ, состоявшій впослѣдствіи при великихъ князьяхъ и подъ конецъ гофмаршаломъ при дворѣ великаго князя Владимира Александровича. Правда, что гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ рано или поздно сойдется. Когда я вышла замужъ, Бокъ оказался родственникомъ моего мужа, и мы всегда были, какъ съ нимъ, такъ и съ семьею его, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Бывъ очень любознательною, я интересовалась всѣмъ, а Бокъ взялся посвящать меня въ подробныя названія мачтъ, снастей, парусовъ, по песочнымъ часамъ узнавать, сколько проходимъ узловъ въ часъ, однимъ словомъ, въ этотъ непродолжительный переходъ я ознакомилась со всѣми терминами, касающимися фрегата. Погода была чудная, теплая и тихая. Сдѣлался штиль, вывѣсили колдуничикъ (маленькій флагъ изъ перьевъ, нанизанныхъ на тонкую бичевку); это меня очень занимало: онъ такъ легокъ, что при самомъ незначительномъ колыханіи воздуха начинаетъ шевелиться, указывая, съ которой стороны подуетъ вѣтеръ. Удовлетворивъ вполнѣ свое любопытство, я сѣла на палубѣ, меня начало клонить ко сну, и я положила голову на канатъ или цѣпь, которою прикрѣплялась пушка. Сколько длился нашъ переходъ, не помню; когда матросъ выдвинулъ пушку для салюта при входѣ въ крѣпость, голова у меня скатилась, и я не только не проснулась при этомъ, но даже не слышала пушечнаго выстрѣла, а ихъ было сдѣлано семь. Богатырскій сонъ! Какъ было красиво, когда вся эскадра выстроилась на Свеаборгскомъ рейдѣ и стала на якорь. Отецъ узнавъ, что эскадра приближается, выѣхалъ намъ навстрѣчу въ катерѣ. Поблагодаривъ командира, всѣхъ офицеровъ и прося ихъ навѣщать насъ, мы простились, сѣли въ катеръ и отчалили.

Крѣпость съ своими гранитными скалами имѣла видъ довольно суровый, но по другой сторонѣ масса острововъ, густо обросшихъ деревьями, изъ-за которыхъ то тамъ то здѣсь выглядывали небольшіе домики, представляла живописную картину. Проѣхавъ три версты, мы пристали къ небольшой пристани, недалеко отъ дома, приготовленнаго для нашего жилья. Надо было пройти только домъ барона Клинковстрема, стоявшій на самомъ берегу залива и отдѣлявшійся отъ нашего узкимъ переулкомъ. Море я любила, какъ родную стихію, и поэтому радовалась, что оно видно изъ нашихъ оконъ. Домъ двухъ-этажный, деревянный, былъ очень помѣстителенъ и удобенъ для нашей многочисленной семьи, состоявшей изъ отца, матери и насъ, шестерыхъ дѣтей. Разобравшись и устроившись, мы ѣздили кататься по городу и за городъ. Гельсингфорсъ произвелъ на насъ самое пріятное впечатлѣніе: чистенькій, улицы хорошо вымощенныя, гористыя; на Сенатской площади были очень хорошія зданія. За городомъ, по обѣимъ сторонамъ природнаго

шоссе, Абовской и Петербургской дороги, торчали высокія гранитныя скалы и росъ лѣсъ, изобилующій грибами, я же съ дѣтства была большая охотница собирать ихъ. Небольшая, красивая на мой тогдашній взглядъ, русская церковь, которую мы посѣщали по воскреснымъ, праздничнымъ и торжественнымъ днямъ, мнѣ нравилась, быть можетъ, и потому, что тогда я лучшей не видѣла. Родители мои были очень набожны, и хотя отецъ мой былъ католикъ, но всегда ѣздилъ къ обѣднѣ вмѣстѣ съ нами. Мы были воспитаны въ любви и страхѣ Божіемъ.

Послѣ того, какъ родители обмѣнялись визитами съ большинствомъ интеллигентныхъ жителей, насъ познакомили съ ихъ дѣтьми. Никто изъ нихъ не понималъ ни одного русскаго слова, а потому мы объяснялись съ ними по-французски или по-нѣмецки. Обоими языками мы хорошо владѣли.

Въ эту же осень двоюродный братъ мой, Леонтовичъ, командиръ корвета «Львица», человѣкъ съ хорошимъ состояніемъ, хотѣлъ ознаменовать нашъ пріѣздъ и устроить балъ на своемъ корветѣ. Маменьку онъ просилъ сдѣлать за него всѣ приглашенія, быть хозяйкой и привезти на балъ и меня съ сестрой. Для бала палуба была превращена въ палатку изъ разноцвѣтныхъ флаговъ, люстра и бра были собраны изъ штыковъ, а стѣны убраны разной арматурой и зеленью; все было устроено съ большимъ вкусомъ. Музыка гремѣла, танцы были очень оживлены, угощеніе и ужинъ безукоризненны. По окончаніи вполнѣ удавшагося вечера, простясь съ любезнымъ хозяиномъ, гости поочередно начали спускаться по трапу и усѣлись въ катера. Передъ ними плыла музыка, звуки которой далеко и пріятно разносились по морскому пространству. Съ обѣихъ сторонъ путь нашъ освѣщался бенгальскими огнями. Такого праздника до того времени никогда не видѣли въ Финляндіи, поэтому о немъ говорили, какъ о сказкѣ изъ Тысяча одной ночи, и долго его забыть не могли. Намъ, подросткамъ, было очень весело танцовать съ офицерами и гардемаринами, очень милыми и любезными. На этомъ вечерѣ я не упустила случая выказать свое знаніе въ морскихъ терминахъ, выученныхъ во время перѣзда изъ Ревеля, что удивило офицеровъ и доставило имъ удовольствіе. Многіе изъ нихъ часто посѣщали насъ, зная что найдутъ въ домѣ родителей всегда радушный пріемъ.

Зимой въ домѣ одного изъ финляндскихъ магнатовъ состоялся дѣтскій балъ, на который мы были приглашены; тамъ я познакомилась почти со всѣмъ обществомъ и со многими студентами, которые хотя гораздо были старше насъ, однако не пренебрегали танцами съ нами. Были два сына сенатора Валленъ, старшій Эдуардъ, не красивый, но очень милый и умный, второй же Альфонсъ—красавецъ съ кудрявой головой. Былъ и сынъ профессора медицины, Карлъ Гартманъ, съ старшею сестрою котораго мы въ скоромъ времени стали закадычными друзьями.

Меня представили старушкамъ, но многія изъ нихъ ни на какомъ языкѣ говорить не умѣли, кромѣ шведскаго, поэтому, не теряя времени, я начала заниматься изученіемъ его, достала у подругъ сагу Тегнера «Фритіофъ», прочла ее нѣсколько разъ съ помощью лексикона и къ веснѣ могла уже объясняться настолько, что старушки меня понимали и даже увѣряли, что Markisinnan tala wücke bra svencka [1]). Всѣ старушки и старички полюбили меня, какъ за мою веселость, такъ и за мое вниманіе и предупредительность къ нимъ. Я вообще любила и почитала старость.

Уроки шли своимъ чередомъ, но такъ какъ маменькѣ трудно было заниматься нами всѣми и вести хозяйство, то она выписала изъ Петербурга гувернантку. Пріѣхала пепиньерка Смольнаго монастыря, М. К. Бальзеръ, рекомендованная начальницей,—маленькаго роста, кругленькая, бѣлокурая и очень молодая. Я была гораздо выше ея, и поэтому-то не очень признавала ея авторитетъ; заставляла она насъ учить все вдолбяжку, не допуская ни замѣнять одного слова другимъ, ни даже перестановки словъ.

Впрочемъ она была добрая, но педантка въ высшей степени.

На лѣто къ намъ пріѣхали гостить родители и сестры моей матери. Пріѣздъ ихъ былъ большою радостью для насъ. Ко дню рожденія бабушки мы устроили ей сюрпризъ, выучили французскую пьесу «l'Infante d'Espagne», написанную, кажется, г-жею Campan. Мнѣ сдѣлали великолѣпный костюмъ Инфанты. Пока мы устраивали сцену, разставляли стулья для зрителей и одѣвались, бабушку повезли кататься. Какъ только она возвратилась, зрители усѣлись на мѣста, раздался колокольчикъ, ширмы раздвинулись, и я выступила на сцену, держа на пальцѣ цыпленка, исправляющаго должность попугая. Сначала онъ сидѣлъ довольно чинно, но въ самомъ патетическомъ мѣстѣ, когда мнѣ пришлось плакать, мой глупый попугай закричалъ своимъ цыплячьимъ голосомъ и началъ биться, стараясь освободиться изъ моихъ рукъ. Это возбудило всеобщій смѣхъ; братъ мой, сидѣвшій подъ столомъ, накрытымъ салфеткой, чтобъ говорить за попугая, не выдержалъ и громко расхохотался. За исключеніемъ неудачнаго представителя попугая, пьеса сошла отлично, благодаря тому, что я не смутилась и, отдавъ цыпленка, продолжала свою роль.

Бабушка, не подозрѣвавшая приготовленнаго для нея сюрприза, была тронута до слезъ и благодарила за доставленное ей удовольствіе. Въ половинѣ августа родилась моя меньшая сестра. Въ сентябрѣ наши дорогіе гости уѣхали, взявъ обѣщаніе съ маменьки пріѣхать на будущее лѣто къ нимъ со всѣми дѣтьми, на время плаванія отца.

[1]) Маркиза очень хорошо говоритъ по-шведски.

Въ слѣдующемъ году, при въѣздѣ въ Ревель, на Нарвской улицѣ, мы встрѣтили похоронную процессію, которая произвела на маменьку какое-то тяжелое необъяснимое впечатлѣніе, точно предвѣщала близость несчастія. Радость свиданія продолжалась недолго. Вскорѣ получено было извѣстіе, что любимый нашъ дядя, Аполлинарій Спафарьевъ, старшій братъ маменьки, скоропостижно скончался отъ удара въ Стокгольмѣ, куда былъ посланъ, кажется, для осмотра пушечныхъ заводовъ.

Окончивъ блистательно свое образованіе въ лицеѣ, гдѣ имя его записано на мраморной доскѣ, онъ вступилъ въ военную службу, участвовалъ въ польской и турецкой кампаніяхъ и былъ награжденъ за храбрость орденами; однимъ словомъ, онъ былъ гордостью и утѣшеніемъ родителей въ ихъ старости и всеобщимъ любимцемъ.

Страдая приливами къ головѣ, онъ имѣлъ обыкновеніе окачивать ее холодной водой; смерть застигла его недалеко отъ одной изъ станцій, съ которой онъ направлялся къ ручью, вѣроятно, съ тою же цѣлью, пока перепрягали лошадей. Камердинеръ его, который пошелъ доложить ему, что экипажъ готовъ, засталъ его бездыханнымъ у берега ручья.

Это извѣстіе громовымъ ударомъ поразило всю семью, много было пролито слезъ. Никогда не забуду трогательной картины, когда дѣдушка, вставъ передъ бабушкой на колѣни, рыдая, склонилъ къ ней свою серебряную голову (онъ былъ совершенно сѣдой съ 25-ти-лѣтняго возраста) и старался съ обрывающимся отъ рыданья голосомъ утѣшать ее.

Черезъ нѣсколько времени пріѣхала изъ Швеціи депутація для выраженія соболѣзнованія дѣдушкѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ для испрошенія разрѣшенія поставить его сыну памятникъ. Это вниманіе со стороны шведовъ было не только лестно, но и трогательно.

Кончина любимаго брата сильно повліяла на здоровье маменьки, которая стала чувствовать себя нехорошо; она постоянно видѣла брата во снѣ и говорила тетушкамъ, что онъ манитъ ее къ себѣ.

Въ день моего рожденія, когда мнѣ минуло 15 лѣтъ, маменька подарила мнѣ кольцо съ бирюзой; надѣвая мнѣ его на палецъ, она сказала: «Ты теперь не ребенокъ, носи его и помни всегда, даже когда меня не станетъ, что оно должно служить тебѣ талисманомъ, напоминать мои наставленія и предохранять отъ всего дурного». При этомъ мы обѣ прослезились. Это былъ послѣдній подарокъ моей дорогой матери, который хранится у меня и по сіе время.

Въ августѣ маменька поѣхала со мной провести вечеръ у графа Гейденъ; я была очень дружна съ его внучками, баронессами Шлипенбахъ. Насъ собралось нѣсколько подругъ. Гуляя по саду, мы по очереди разсказывали другъ другу разныя страшныя исторіи про домовыхъ, привидѣнія и тому подобное. Зашла рѣчь о храбрости, начали спрашивать другъ у друга, кто рѣшится пойти на

кладбище староввровъ, прилегавшее къ саду за невысокой оградой, сорвать цвѣтокъ на одной изъ могилъ и принести его въ знакъ трофея. Это кладбище было мнѣ знакомо, мы часто проходили черезъ него для сокращенія пути и читали надписи на крестахъ. Я вызвалась, такъ какъ не оказалось охотниковъ. Напутственные возгласы далеко не были успокоительны; кто говорилъ, что я встрѣчусь съ привидѣніемъ, другой, что мертвецъ, на чьей могилѣ я сорву цвѣтокъ, недовольный тѣмъ, что я пришла нарушить его покой, встанетъ изъ гроба и возьметъ меня въ свое холодное жилище. Но сказано и сдѣлано. Не стану хвастаться; не съ большою храбростью и не безъ внутренняго волненія перелѣзала я черезъ ограду, тѣмъ болѣе, что совсѣмъ смерклось, только луна, пробираясь таинственно сквозь густую тѣнь деревьевъ, освѣщала садъ.

Никто не подозрѣвалъ, съ какимъ замираніемъ сердца я отправилась туда; притаивъ дыханье, я дошла до условленной могилы, сорвала цвѣтокъ и мгновенно кинулась обратно къ оградѣ; соскочила съ нея и бѣгомъ пустилась къ подругамъ, ни разу не оглядываясь; мнѣ казалось, что кто-то гонится за мной. Встрѣтили меня съ рукоплесканіями, восклицаніями: браво! браво! прибавивъ при этомъ, что, стоя на оградѣ, въ своемъ бѣломъ платьѣ, освѣщенная луной, я сама казалась привидѣніемъ. Всѣ съ особеннымъ уваженіемъ говорили о моемъ геройскомъ подвигѣ, хотя я призналась, что не повторю его. Весь вечеръ я была блѣдна и чувствовала внутреннюю дрожь. Сознаюсь, что бояться было глупо, но сами же подруги были виноваты, зачѣмъ стращали меня. Вспомнила я одинъ эпизодъ, бывшій съ дядею моимъ, Леонтіемъ Петровичемъ Бутеневымъ, лишившимся лѣвой руки во время Наваринскаго сраженія. Храбрый на войнѣ, онъ ужасно боялся мышей. Въ одинъ изъ его пріѣздовъ у насъ были гости, т. е. у дѣдушки; мы всѣ сидѣли за чайнымъ столомъ; онъ, разсказывая намъ что-то очень интересное, вдругъ вскрикнулъ: «мышь», вскочилъ на стулъ, а со стула на столъ. Оказалось, что кто-то изъ дѣтей бросилъ изъ другой комнаты мячикъ, который перекатился черезъ его ногу. Все общество разсмѣялось; сконфуженный онъ извинился, сказавъ, что сдѣлалъ это совершенно безсознательно и вмѣстѣ съ тѣмъ отчета о своемъ страхѣ дать себѣ не можетъ. Онъ любилъ одну изъ моихъ тетушекъ, любовь была обоюдная, но по близости родства дѣдушка не соглашался на эту свадьбу и наотрѣзъ отказался ходатайствовать о разрѣшеніи на ихъ бракъ.

Когда Бутеневъ умеръ, тетушка, нѣсколько лѣтъ спустя, бывъ уже не первой молодости, рѣшилась выйти замужъ за адъютанта графа Гейдена, В. А. Иванова. Свадьба ихъ состоялась въ концѣ августа, трауръ по дядѣ Аполлинаріи не былъ еще оконченъ. Маменька была посаженой матерью своей сестры. Вся въ бѣломъ она была такъ необыкновенно хороша въ этотъ вечеръ, что въ церкви

поразила всѣхъ не только красотой, но какимъ-то неземнымъ выраженьемъ.

Недѣлю спустя, она слегла. Когда обнаружилось, что у нея оспа, то она просила отдѣлить насъ и не пускать къ себѣ. Заразы я никогда никакой не боялась и выпросила позволеніе у тетушки входить въ комнату рядомъ съ той, гдѣ лежала маменька, чтобъ хотя издали слышать ея голосъ. Пользуясь ея разрѣшеніемъ, я часто входила туда нацыпочкахъ и молча сидѣла, чтобъ маменька не подозрѣвала моего присутствія, которое могло бы тревожить ее. Жаръ съ каждымъ днемъ усиливался, и состояніе здоровья дѣлалось тревожнѣе. Отцу моему дано было знать о болѣзни маменьки, и онъ вскорѣ пріѣхалъ.

Подозвавъ разъ къ себѣ тетушку, которая все время находилась при ней, она ей сказала: «пригласите всѣхъ докторовъ, если это можетъ успокоить мужа, но тебѣ, Катенька, я скажу, что ни одинъ изъ нихъ спасти меня не можетъ. Послѣ того видѣнья, которое я имѣла, жить мнѣ нельзя; имя мое записано тамъ въ книгѣ,—объясняла она, указывая на небо,—братъ манилъ меня къ себѣ, а Спаситель вручилъ мнѣ крестъ. Приведи дѣтей, я хочу благословить ихъ и проститься съ ними». Она говорила такъ громко и внятно, что я слышала каждое слово; при послѣднемъ я выбѣжала, чтобъ она не слышала моихъ рыданій, и пошла за братьями и сестрами, которыхъ привела къ ней. Насъ подошло семеро, меньшую годовую сестру принесли на рукахъ. Поцѣловавъ и благословивъ насъ, она мнѣ сказала: «помни мои наставленія, ты старшая, береги младшихъ братьевъ и сестеръ»; потомъ, оборотясь къ тетушкѣ, просила увести насъ; ей было слишкомъ тяжело.

Видѣніе ея всѣ считали бредомъ воспаленнаго мозга. Въ воскресенье 12-го сентября, когда всѣ разошлись отъ обѣденнаго стола, насъ осталось въ столовой четверо: двѣ тетушки, одна знакомая барышня и я, варившая кофе; въ эту минуту я съ грустной думой смотрѣла въ уголъ, направленный къ комнатѣ маменьки. Какъ будто сговорившись, взоры остальныхъ были направлены въ тотъ же уголъ, гдѣ стояла высокая деревянная точеная подставка (колонна) съ висячей на ней лампой. Вдругъ эта колонна покачнулась и мѣрно, громко три раза ударила ножкой о полъ. Мы переглянулись въ недоумѣніи; тогда тетушка Екатерина вскочила со стула и сказала: «Сашенька зоветъ меня, пойду предложить ей причаститься», и съ этими словами быстро вышла изъ комнаты. Только что тетушка сдѣлала ей это предложеніе, лицо больной просіяло, и она сказала: «благодарю тебя, вотъ то слово, о которомъ я все просила, чтобъ мнѣ его сказали, и никто, кромѣ тебя, не понялъ меня». Когда пріѣхалъ духовникъ съ дарами, мы всѣ стояли на колѣняхъ въ сосѣдней комнатѣ. Пока она исповѣдывалась и пріобщалась, священникъ ободрялъ ее, говоря, что, дастъ Богъ, она поправится, но

она на это отвѣтила, что какъ ей ни тяжело разстаться съ мужемъ и дѣтьми, она совсѣмъ приготовилась къ смерти, зная, что послѣ своего видѣнья она жить не можетъ.

Въ слѣдующій день, понедѣльникъ, погода была чудная; сентябрьское солнце ярко освѣщало садъ, въ который я вышла подышать свѣжимъ воздухомъ. Дойдя до окна комнаты, гдѣ лежала маменька, я встала на колѣни и молилась, чтобъ Господь намъ сохранилъ ее. Когда я поднялась, то увидѣла на семи кустикахъ Aurikeln распустившіеся весенніе цвѣты, тогда какъ накануне не было даже и почекъ. Это странное явленіе очень меня поразило, тѣмъ болѣе, что распустилось столько кустовъ, сколько насъ было дѣтей. Пока я разсматривала ихъ, за мной послышалось рыданье; я обернулась и, увидя отца, бросилась въ его объятія, предчувствуя, что роковой часъ насталъ. Онъ едва былъ въ силахъ выговорить: «бѣдныя дѣти, у васъ нѣтъ матери, нашъ ангелъ улетѣлъ!»

Причина появленія весеннихъ цвѣтовъ осенью осталась тогда для всѣхъ необъяснимою; такому необычайному, хотя и естественному явленію мы не могли не придать особеннаго значенія и связи съ постигшимъ насъ горемъ.

Грусть и уныніе, царствовавшія въ домѣ, описать невозможно, день кое-какъ еще проходилъ, пріѣзжали друзья, знакомые, дѣлить съ нами горе, но когда наставала ночная тишина, прерываемая однообразнымъ «тикъ-такъ» маятника и монотоннымъ чтеніемъ псаломщика, долетавшимъ до сосѣдней комнаты, гдѣ я сидѣла въ креслахъ, сердце у меня сжималось, и я не только не могла уснуть, но и оставаться на мѣстѣ и безпрестанно приходила молиться около маменьки. Отецъ былъ такъ убитъ горемъ, что посѣдѣлъ въ одну ночь. О возможности заразиться никому изъ насъ въ голову не приходило; благодаря Бога, всѣ остались цѣлы и невредимы, несмотря на то, что дезинфекціи въ то время не были въ модѣ.

Въ день похоронъ, когда всѣ собрались къ выносу, насъ привели въ залъ; мы были въ глубокомъ траурѣ съ плерезами. При нашемъ появленіи у всѣхъ навернулись слезы на глазахъ. Улица была полна народа, который съ одинаковымъ любопытствомъ стремится какъ на похороны, такъ и на свадьбу, было бы только на что посмотрѣть.

По возвращеніи съ похоронъ, домъ казался намъ пустымъ; всѣ говорили шопотомъ, даже маленькія дѣти, точно чувствуя утрату, не шумѣли и не кричали въ этотъ печальный день. Кто можетъ замѣнить ребенку, юношѣ и молодой дѣвушкѣ добрую, нѣжно-любящую мать, отъ которой зависитъ съ самаго дѣтскаго возроста направленіе въ жизни? Кто выросъ, согрѣтый материнской любовью, не можетъ сдѣлаться дурнымъ человѣкомъ.

М. А. Паткуль.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЕКАТЕРИНЫ ПЕРВОЙ.

«При Петрѣ она свѣтила не собственнымъ свѣтомъ, но заимствованнымъ отъ великаго человѣка, котораго она была спутницей... вьющееся растеніе достигало высоты, благодаря только великану лѣсовъ, около котораго обвивалось; великанъ сраженъ — и слабое растеніе разостлалось по землѣ». (Соловьевъ, XVIII, 279).

ВЪ «ФИНЛЯНДСКОЙ Газетѣ», отъ 25-го апрѣля (8 мая) 1900 года, въ № 49, появилась замѣтка о «сохранившейся въ университетской библіотекѣ, въ Упсалѣ, родословной Екатерины I, супруги Петра Великаго». Эти документы Упсальской библіотеки, переведенные съ шведскаго на русскій языкъ и доставленные намъ съ правомъ напечатанія (Н. Н. Асмусомъ), относятся къ 1725 году, т. е. году восшествія на престолъ Екатерины I. Въ виду интереса, представляемаго этими документами, мы считаемъ нелишнимъ вернуться къ старому и уже оставленному вопросу о происхожденіи первой русской императрицы.

Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, возбудилъ немало всякихъ толковъ и догадокъ за границей и въ самой Россіи. Возведеніе въ санъ русской царицы неродовитой плѣнницы, самыя условія ея плѣна служили поводомъ къ ропоту въ русскомъ народѣ и къ неблагопріятнымъ слухамъ[1]. Безсильны были противъ нихъ всѣ за-

---

[1] Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XVII, изд. 1867 г., гл. II, стр. 227. Ibid. А. Филипповъ, «О наказаніи по законодательству Петра Великаго» и пр., М., 1891, стр. 7.

прещенія, царскіе указы и розыски Тайной канцеляріи и даже угрозы смертной казнью «злодѣямъ, обличеннымъ» въ непристойныхъ и противныхъ словахъ... противъ персоны ея императорскаго величества и ихъ величества высокой фамиліи [1]). Строгія, принимаемыя мѣры только усиливали толки и еще болѣе сгущали мракъ, окружавшій прошлое второй супруги Петра; но тайна была внезапно обнаружена, едва ли не въ самый неудобный моментъ для Екатерины.

Въ маѣ 1721 года, послѣ длиннаго ряда блестящихъ побѣдъ и по окончаніи трудной, долголѣтней Сѣверной войны, Петръ отправился въ Ригу съ своей супругой. Она являлась вмѣстѣ съ нимъ на всѣхъ выходахъ, церемоніяхъ, смотрахъ, празднествахъ и пирахъ, окруженная царскимъ великолѣпіемъ, представлявшимъ рѣзкій контрастъ съ простотой одежды и всей обстановки Петра. Въ этотъ моментъ наибольшаго величія и счастья Екатерины Алексѣевны, ко двору неожиданно явилась крѣпостная крестьянка Христина Сковорощанка, которая «показала», что она сестра ея величества, и просила свиданія. Неизвѣстно, какой пріемъ встрѣтила Христина у императрицы, но изъ писемъ рижскаго генералъ-губернатора князя Репнина мы знаемъ только, что «та женка была у ея величества и паки отпущена въ свой домъ» съ пожалованіемъ двадцати червонныхъ [2]). Съ слѣдующаго 1722 года начинаются поиски родственниковъ императрицы въ Лифляндіи; но, повидимому, Петръ не имѣлъ намѣренія приблизить ихъ ко двору и не желалъ огласки. Прежде всѣхъ отысканъ въ деревнѣ Догабенъ Карлъ Сковороцкій, братъ Христины, но взятъ «подъ крѣпкій караулъ» и въ 1723 году отправленъ въ Москву къ кабинетъ-секретарю Макарову, и велѣно было «имѣть его подъ присмотромъ съ дѣтьми» [3]). Только въ 1725 году, при воцареніи Екатерины I, французскій посланникъ Кампредонъ въ донесеніи своему двору отъ 16 октября сообщаетъ, въ видѣ новости, что «ходятъ темные слухи о прибытіи въ русскую столицу съ семействомъ одного изъ братьевъ царицы», и пишетъ между прочимъ: «Это, кажется, человѣкъ очень низкаго происхожденія и грубаго нрава. Если то, что я слышалъ, справедливо, то надо думать, что люди, посовѣтовавшіе царицѣ призвать этихъ родственниковъ въ Петербургъ, не очень-то заботятся о прочности ея правительства» [4]).

---

[1]) Полн. Собраніе Зак., VII, №№ 4870, 5004.

[2]) Сборникъ отд. русск. языка и словесности Имп. Ак. Н., т. XVIII, Спб., 1878, стр. 21. Переписка Макарова съ княземъ А. И. Репнинымъ.

[3]) Дѣти Карла Самуиловича Сковороцкаго: три сына и три дочери, по его желанію, были привезены въ Россію въ 1723 году: но жена отказалась ѣхать къ нему, несмотря на увѣренія, что «онъ содержится во всякомъ довольствѣ», и осталась въ Лифляндіи. См. Ученыя записки второго отд. Имп. Ак. Н., кн. II, вып. I., Спб., 1856, стр. 234. Выписка изъ дѣла: «Корресподенція съ княземъ Репнинымъ о фамиліи Скавронскихъ».

[4]) Сборникъ И. Р. И. Об. 1888, т. 64. Спб., 16 октября 1725 г. Письмо Кампредона къ графу де-Морвилю.

Но ни это, ни даже послѣдующіе, болѣе основательные поводы къ неудовольствію не могли поколебать могущества женщины, игравшей такую первенствующую роль въ жизни Петра Великаго и заслужившей его глубокую привязанность. Обаяніе геніальной личности преобразователя было еще всесильно въ Россіи; гробъ, заключавшій останки Петра, накрытый императорской мантіей, долго стоялъ подъ балдахиномъ, среди Петропавловской церкви, «на нарочно уготованномъ тронѣ», напоминая о немъ свидѣтелямъ его славы и блестящихъ подвиговъ. Прошли годы, прежде чѣмъ его предали землѣ [1]).

Къ тому же Екатерина, провозглашенная императрицей сподвижниками Петра I, не имѣла никакого основанія бояться за прочность своего престола и въ данномъ случаѣ несомнѣнно дѣйствовала по собственному усмотрѣнію. Изъ донесеній саксонскаго резидента Лефорта, конца 1725 года, видно, что Карлъ Самуиловичъ Сковороцкій съ дѣтьми, въ первое время по пріѣздѣ въ Петербургъ, жилъ инкогнито въ домѣ Монса, а по другимъ извѣстіямъ въ Царской мызѣ. Изъ его дѣтей только старшая дочь Софья Карловна была тогда взята ко двору и возведена въ званіе фрейлины [2]).

Вообще, со стороны первой императрицы не видно особенной осторожности въ отношеніи ея родственниковъ или боязни возбудить чье либо неудовольствіе, судя по тому, что въ началѣ слѣдующаго 1726 года она рѣшилась вызвать изъ Лифляндіи и другого

---

[1]) Въ запискахъ и мемуарахъ иностранцевъ, жившихъ тогда въ Россіи, нѣтъ объ этомъ никакихъ извѣстій, кромѣ Вебера, который упоминаетъ мимоходомъ, что 29 іюня 1725 года, пять мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Петра Великаго, «въ день апостоловъ Петра и Павла, государыня въ сопровожденіи всего двора отправилась въ главную церковь, гдѣ еще лежало на показъ (zur Schau) тѣло императора» и пр. (Verânderte Russland, III, s. 41.—Ibid. II, s. 204). По свидѣтельству Богданова (Описаніе Петербурга, изд. 1779 г., стр. 149—152, 166, 279—280) гробъ Петра I оставался въ церкви Петропавловской крѣпости до 21 мая 1731 года.—См. также «Дѣянія Петра Великаго» Голикова, т. IX стр. 211 и слѣд. Ibid. Соловьевъ «Исторія Россіи», М. 1878, т. XVIII, стр. 275.— Подобное отступленіе отъ русскихъ обычаевъ и традицій можетъ быть объяснено только настойчивымъ желаніемъ Екатерины почтить память своего супруга особымъ погребеніемъ, по примѣру погребенія наиболѣе уважаемыхъ и знаменитыхъ шведскихъ королей, гроба и саркофаги которыхъ выставлены въ отдѣльныхъ капеллахъ, за желѣзными рѣшетками, въ старинной Риддаргольмской церкви Стокгольма. Остальныя гробницы расположены въ подземныхъ склепахъ той же церкви.

[2]) Саксонскій резидентъ Лефортъ въ своемъ донесеніи королю отъ 25 декабря 1725 года пишетъ о Софьѣ Карловнѣ: «Она не глупа, но дурна, смѣла, рѣзка и довольно упряма», а затѣмъ въ одномъ изъ своихъ позднѣйшихъ писемъ онъ сообщаетъ, что воспитательницей фрейлины Софьи Карловны была княжна Лобанова, вышедшая въ 1727 году за камергера Маврина. (Сб. Имп. Р. Ист. Общ., III, 423—460). Французскій посланникъ Кампредонъ, сообщая въ видѣ новости, въ письмѣ къ гр. де-Морвилю отъ 4 декабря 1725 года, что племянница царицы начала появляться въ обществѣ, добавляетъ что «она очень хорошо воспитана» (ibid., т. 64, стр. 128).

Сковороцкаго, Өедора (Фридриха), и двухъ сестеръ: Христину и Анну, съ мужьями и дѣтьми.

Но, такъ какъ это были люди «темные» изъ крѣпостного состоянія, мало пригодные для придворной жизни, то, по пріѣздѣ въ Россію, они были прямо отправлены въ Стрѣльну, уединенную и малонаселенную мызу, заброшенную послѣ смерти Петра, съ недостроеннымъ дворцомъ [1]). Тѣмъ не менѣе, преувеличенные слухи о щедрыхъ подаркахъ императрицы своимъ родственникамъ, пожалованіе имъ вотчинъ, переселеніе Карла Самуиловича съ дѣтьми въ роскошный, устроенный для него домъ (возлѣ Мраморнаго дворца), возбудили зависть придворныхъ. Безпокойство ихъ еще болѣе увеличилось, когда, по указу 5 января 1727 года, оба брата Сковороцкіе съ потомствомъ были возведены въ графское достоинство и переименованы въ графы Скавронскіе [2]); Меншиковъ и другіе высшіе сановники явились лично къ Карлу Самуиловичу съ поздравленіями.

I.

Въ настоящее время, на разстояніи многихъ десятковъ лѣтъ, трудно сказать, почему Екатерина, вызвавъ въ Петербургъ свою многочисленную лифляндскую родню и осыпая ихъ открыто всякими щедротами, до конца жизни, нигдѣ въ своихъ указахъ и распоряженіяхъ не упомянула объ этомъ родствѣ. Равнымъ образомъ, въ перепискѣ кн. Репнина съ кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ о Сковороцкихъ нѣтъ ни одного намека на ихъ родство съ императрицей; они названы по именамъ и фамиліи, или же встрѣчаются такія выраженія: сіи люди, мужъ сей женщины, та женка, извѣстная женская персона съ мужемъ и дѣтьми и пр. Только въ своемъ духовномъ завѣщаніи Екатерина I, оставляя Скавронскимъ принадлежавшія ей лично «маетности и земли», для раздѣла между ними, называетъ ихъ «ближними сродниками ея собственной фамиліи».

Тѣмъ не менѣе, фактъ родства государыни съ крѣпостными лифляндскими крестьянами былъ достаточно извѣстенъ въ Петербургѣ и Москвѣ и на первое время возбудилъ толки въ публикѣ, но мало-по-малу потерялъ для нея всякое значеніе, уступивъ мѣсто болѣе живымъ и насущнымъ интересамъ. Если, по поводу низкаго

---

[1]) Сб. Имп. Р. И. Общ., Спб., 1868, т. III, стр. 589.

[2]) Родственники Екатерины въ нѣкоторыхъ документахъ названы Сковороцкими, въ другихъ—Сковородскими, Сковоронскими и даже Икавронскими. По свидѣтельству Гельбига, фамилія Скавронскіе была принята, по предложенію П. И. Сапѣги. (См. «Русскій Архивъ» 1865 г., изд. второе, I, 894, статья «Случайные люди» изъ соч. Гельбига: «Russische Günstlinge», Tübingen, 1809).

происхожденія императрицы Екатерины, и бывали случаи недовольства въ народѣ, которое проявлялось въ подметныхъ письмахъ и распускаемыхъ слухахъ, то противъ этого по прежнему принимались строгія правительственныя мѣры.

Не такъ легко и просто могъ быть рѣшенъ вопросъ о происхожденіи Екатерины I въ ученомъ мірѣ, въ виду ея близости къ Петру и его упорнаго стремленія сдѣлать ее соучастницей своей славы и подвиговъ. Женщина, имѣвшая такое значеніе въ жизни Петра Великаго, не могла остаться внѣ окружавшаго его ореола, не только въ Россіи, но и за границей, гдѣ преобразовательная дѣятельность русскаго царя, громкія побѣды, борьба съ Карломъ XII, а также его своеобразная личность, привычки и чудачества обращали общее вниманіе. Историки и авторы мемуаровъ и дневниковъ, писавшіе о Петрѣ послѣ его смерти и объ его второй супругѣ, болѣе или менѣе подробно касались вопроса объ ея происхожденіи; и такимъ образомъ, въ данномъ направленіи, создалась довольно значительная литература на русскомъ и иностранныхъ языкахъ и особенно на нѣмецкомъ.

Однако, несмотря на это, происхожденіе и дѣтство Екатерины I до сихъ поръ представляютъ далеко не рѣшенный вопросъ. Всѣ сообщенныя по этому поводу извѣстія отличаются неполнотой, крайне сбивчивы и противорѣчивы, что объясняется отсутствіемъ, или, вѣрнѣе, недостаточностью документовъ. Обнародованіе ихъ при жизни Екатерины Алексѣевны едва ли было для нея желательно, а тѣмъ болѣе для Петра; и поэтому весьма возможнымъ является предположеніе, высказанное барономъ Брюйнингкомъ и другими, что если были какіе либо письменные документы, то они намѣренно уничтожались. Разговоры на эту тему были запрещены и подвергались преслѣдованію, что заставляло молчать и тѣхъ, которые могли бы сообщить вѣрныя свѣдѣнія о происхожденіи Екатерины I. Иностранцы, жившіе въ Россіи по нѣскольку лѣтъ, какъ Плейеръ Перри, Бассевичъ, Берхгольцъ и др., въ своихъ дневникахъ и мемуарахъ и донесеніяхъ также не находили нужнымъ сообщать что либо по этому поводу при жизни Петра.

Первыя письменныя извѣстія о происхожденіи Екатерины I относятся къ году ея воцаренія; но уже въ это время, вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, сообщаемыя свѣдѣнія лишены всякаго фактическаго основанія и носятъ характеръ догадокъ и предположеній. Такъ, цесарскій посланникъ Вусси Рабутинъ, въ своемъ донесеніи изъ С.-Петербурга вѣнскому двору отъ 28-го сентября 1725 года, сообщаетъ, что «Екатерина, незаконнорожденная дочь лифляндскаго дворянина фонъ-Алфендаля и его крѣпостной служанки, родилась въ 1683 году, а послѣ смерти матери взята Глюкомъ» и пр. [1]). Равнымъ образомъ въ «Генеалогическихъ таблицахъ»

[1]) Busching's Magazin für die neue Hist. und Geographie, XI, s. 481.

Гюбнера, изд. 1725 года, сказано: «Катерина фонъ-Алфендель изъ Лифляндіи родилась 24-го февраля 1684 года» (супруга Петра I) [1]),

Такимъ же фантастическимъ является извѣстіе, сообщенное въ донесеніи того же 1725 года, ганноверскаго резидента Вебера, который долго жилъ въ Россіи и бралъ уроки у Вурма, учителя дѣтей Глюка (взятаго въ плѣнъ въ Маріенбургѣ вмѣстѣ съ Екатериной), и могъ, повидимому, получить отъ него точныя свѣдѣнія объ ея происхожденіи. По словамъ Вебера, Екатерина родилась въ деревнѣ Рингенѣ, Дерптскаго округа, и была незаконной дочерью крѣпостной дѣвушки и шведскаго подполковника Розена [2]). Но Веберъ, передавая это извѣстіе, самъ находилъ его довольно сомнительнымъ, судя по тому, что въ своемъ обширномъ сочиненіи «Das veränderte Russland», онъ нашелъ нужнымъ сдѣлать такую оговорку: «Сознаюсь, что относительно происхожденія Екатерины я не знаю ничего основательнаго и заслуживающаго довѣрія, потому что сообщаемыя извѣстія крайне противорѣчивы» [3]).

Понятно, что если при жизни Екатерины не было возможности собрать точныхъ свѣдѣній въ данномъ направленіи, то тѣмъ затруднительнѣе было собирать ихъ лѣтъ пятьдесятъ спустя. Извѣстный историкъ-географъ Бюшингъ, жившій въ Петербургѣ въ началѣ царствованія Екатерины II, «долго и напрасно наводилъ справки и потерялъ всякую надежду узнать что либо вѣрное» о родителяхъ первой русской императрицы. Въ своихъ статьяхъ онъ нигдѣ не упоминаетъ фамиліи ея отца и называетъ его то Самуиломъ, то Карломъ [4]).

Другой иностранецъ, Альбедилль, секретарь шведскаго посольства при русскомъ дворѣ, въ 1778—1784 гг., заявляетъ, что «въ Петербургѣ не только было безполезно, но даже опасно наводить справки о происхожденіи Екатерины, хотя бы съ научною цѣлью» [5]).

При этихъ условіяхъ открыто было широкое поле для всевозможныхъ варіацій на данную тему [6]). Между прочимъ было вы-

[1]) Iohann Hübners «Genealogischen Tabellen». I. Im Jahr 1725, Leipzig, Tab. 113, — Въ Supplement-Tafeln, 1-e Liefer., Kopenhagen, 1822, Tab. 39, вторая супруга Петра, Катерина, означена неизвѣстнаго происхожденія.

[2]) Донесеніе Вебера въ книгѣ Шмидта-Физельдека: «Materialen zu der Russischen Geschichte» etc., I, Riga, 1777, s. 203—217.—См. также La Neuville: «Histoire de Pierre I surnommé le Grand», Amsterdam et Leipzig, 1742, liv. III, p. 109. —Ibid. Histoire de Pierre I etc. Mauvillon, 1742, I, 307.

[3]) «Das veränderte Russland», 1740, III, s. 6.

[4]) Magazin für die neue Historie und Geographie, von A. F. Büsching, t. III, 1769, s. 190.—Ibid. Jahrgang. IV, s. 135.

[5]) Rigascher Almanach für 1887, Riga: «Die Geschwister der Kaiserin Katharina I».

[6]) Въ № 7 «Illustrirte Monatshefte» 1857 г. появилась статья Иверсена, который доказывалъ, что Екатерина I законная дочь рижскаго гражданина Петра Баденцика и родилась въ 1679 году. Но заявленіе это, по свидѣтельству сына

сказано предположеніе, что Екатерина родилась въ Дерптѣ въ 1686 году, и что ея родители—польскіе крестьяне, переселились въ Маріенбургъ и умерли отъ чумы, послѣ чего она была взята мѣстнымъ пасторомъ, а затѣмъ Глюкомъ [1]). У Вольтера отецъ Марты (Катерины)—польскій дворянинъ Скавронскій, умершій во время польскихъ войнъ, оставилъ послѣ себя двухъ дѣтей: дочь взята Глюкомъ, а сынъ Карлъ какимъ-то крестьяниномъ и впослѣдствіи найденъ въ корчмѣ, гдѣ онъ исполнялъ должность слуги. Петръ Великій, узнавъ объ этомъ, велѣлъ привезти ко двору Карла Скавронскаго; Екатерина, при видѣ брата, упала въ обморокъ и проч. Однако, Вольтеръ, передавая этотъ романическій разсказъ, списанный по его словамъ «съ рукописи, посланной царю королемъ Августомъ», добавляетъ, что не считаетъ его безусловно вѣрнымъ [2]).

Гупель, перечисливъ различныя показанія о происхожденіи Екатерины, съ своей стороны сообщаетъ свѣдѣнія, собранныя имъ въ Лифляндіи отъ лицъ, знавшихъ Скога и Олоссона (Skogh и Olosson), воспитанниковъ пастора Глюка, жившихъ у него вмѣстѣ съ Екатериной. Хотя лица эти, за давностью лѣтъ, не помнили въ точности фамиліи, но утверждали, что отца Екатерины «не звали Скавронскимъ», потому что Скогъ и Олоссонъ упоминали какую-то другую фамилію. По свидѣтельству этихъ двухъ воспитанниковъ Глюка, Екатерина была сирота, оставшаяся въ его домѣ послѣ смерти родителей, и вела у него все хозяйство. Но, такъ какъ она отличалась чрезмѣрной экономіей и отпускала порціи, не соотвѣтствующія ихъ молодому аппетиту, то у нихъ изъ-за этого происходили ссоры, и Олоссонъ заявлялъ ей, что «онъ не женился бы на ней и въ томъ случаѣ, если бы она была единственная женщина въ мірѣ» [3]).

Иверсена, не подтверждается ни церковными книгами, ни другими документами. — См. также ст. Щебальскаго: «Новое предположеніе о происхожденіи Екатерины I». Чтенія, 1860, кн. II, стр. 77.

[1]) Neuern Geschichte der Chineser, Japoner u s. v. T. XVII, ss. 118, 128.— Ibid. Mémoires secrets du sieur Villebois, Paris, 1853, p. 72—75.

[2]) Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand, par Voltaire, 1771, p. 271.—Шведскій историкъ Нордбергъ, опровергая Вольтера, заявляетъ, что Екатерина никогда не носила имени Марта. Мужъ ея, Іоганъ Крузе, считалъ ее дочерью купца и родомъ изъ Польши, «звалъ ее Катериной; фамилія ея была ему неизвѣстна» (habe sie Katharina geheissen, den Familiennamen habe er nicht gekannt). См. Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre, 1894, s. 117.

[3]) A. W. Hupel: «Ueber das lief und esthländische Kirchenpatronat» (Der nord. Miscellaneen zweites Stück), Riga, 1781, ss. 223—224.

II.

Въ противоположность этой пестрой вереницѣ всякихъ гадательныхъ показаній, шведскіе источники отличаются однообразіемъ, полной опредѣленностью и ссылками на подлинныя свидѣтельства и документы. Разница только въ подробностяхъ, а въ главныхъ чертахъ одни показанія дополняются и подтверждаются другими.

Историкъ Карла XII, шведскій придворный проповѣдникъ Нордбергъ, взятый въ плѣнъ подъ Полтавой въ 1709 году и жившій около шести лѣтъ въ Россіи, то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ, приводитъ свидѣтельство одного лифляндца, знавшаго отца и мать Катерины, подтверждаемое церковною книгою: «Отецъ ея былъ шведскій квартирмейстеръ Эльфсборгскаго полка Іоганъ Рабе. Находясь съ полкомъ въ Ригѣ, онъ женился на мѣстной уроженкѣ Елизабетѣ Морицъ. По прибытіи въ Швецію со вторымъ мужемъ, Елизабета родила въ 1682 году, на бастели Гермундеридъ, въ приходѣ Тоарпа, дочь Катерину. Черезъ два года Іоганъ Рабе умеръ, а жена его съ дочерью и новорожденнымъ сыномъ вернулась въ Ригу, гдѣ, нѣкоторое время спустя, Катерина поступила въ сиротскій домъ, затѣмъ на Ревельское подворье и наконецъ къ маріенбургскому пробсту Глюку»... [1]).

Другое извѣстіе о происхожденіи и первыхъ годахъ жизни второй супруги Петра I заключается въ донесеніи военнаго комиссара фонъ-Сета, напечатанномъ въ шведской газетѣ «Tiden» на 1849 г., въ № 89. Извѣстіе это, въ главныхъ чертахъ вполнѣ сходное съ разсказомъ Нордберга, дополнено нѣкоторыми новыми подробностями; кромѣ того, Свенъ Рейнгольдтъ Рабе названъ другимъ именемъ и оказывается на два года старше сестры. Здѣсь сказано: шведскій квартирмейстеръ Іоганъ Рабе «привезъ съ собою изъ Риги жену Елизабету Морицъ, съ которою прижилъ въ замкѣ Варбергъ, гдѣ находился въ гарнизонѣ, сына Свена-Рейнгарда и потомъ на бастели Германдередъ дочь Елену-Катерину. Жена черезъ мѣсяцъ по смерти мужа съ обоими дѣтьми удалилась въ Ригу: сыну было пять лѣтъ, а дочери три года».

Третье извѣстіе представляетъ мало разницы отъ первыхъ двухъ, хотя это не болѣе, какъ преданіе, которое Нордбергъ слышалъ въ Россіи отъ лифляндцевъ. По ихъ разсказу, «мать Катерины вышла въ Швеціи замужъ за одного унтеръ-офицера и по смерти его уѣхала въ Эстляндію; затѣмъ во время «великаго» голода въ 1697 году она удалилась въ Лифляндію, гдѣ искала хлѣба у дворянъ и пасторовъ. Такимъ образомъ пришла она къ пробсту

---

[1]) «Leben Carl des Zwölften», 1746, II, s. 258.

Глюку, который недѣли двѣ держалъ ее въ своемъ домѣ, потомъ отпустилъ; Катерину оставилъ у себя» [1]).

Другой шведскій историкъ, Лагербрингъ, по вопросу о происхожденіи Екатерины I ограничивается краткой замѣткой: «Въ Россіи утверждаютъ, что она происходитъ изъ польской фамиліи Скавронскихъ; въ Швеціи убѣждены, что ея отецъ носилъ фамилію Раабе и былъ квартирмейстеръ Эльфсборгскаго полка. Слухи эти вполнѣ извѣстны въ Петербургѣ» [2]).

III.

Шведскіе историки почему-то не обратили на себя вниманія изслѣдователей; и при избыткѣ всякихъ догадокъ и предположеній вопросъ о происхожденіи первой русской императрицы оставался въ томъ же заколдованномъ кругѣ не только при ея жизни, но и десятки лѣтъ спустя. Разногласіе мнѣній и выводовъ перешло и въ литературу болѣе поздняго времени, гдѣ оно выразилось еще рельефнѣе.

Новѣйшіе иностранные изслѣдователи не высказываютъ никакихъ новыхъ догадокъ и, склоняясь въ пользу того или другого мнѣнія, не считаютъ вполнѣ достовѣрнымъ ни одного изъ нихъ.

Бюлау, тщательно изучившій литературу вопроса, приходитъ къ выводу, что «до сихъ поръ настоящее происхожденіе Екатерины не доказано въ точности», и считаетъ несомнѣннымъ только извѣстіе, подтверждаемое всѣми источниками, что Екатерина «была сирота, принятая въ домъ Глюкомъ и воспитанная имъ въ лютеранской вѣрѣ». Затѣмъ, упомянувъ о томъ, что въ первое время послѣ замужества ее звали die Rabin, онъ не отрицаетъ близкаго родства Екатерины съ многочисленной семьей Скавронскихъ, хотя не опредѣляетъ степени этого родства. Кромѣ того, онъ обращаетъ особенное вниманіе на тотъ фактъ, что ни въ одномъ изъ болѣе или менѣе заслуживающихъ довѣрія извѣстій не сказано о братьяхъ и сестрахъ Екатерины [3]). Въ нѣкоторыхъ источникахъ упомянутъ только одинъ братъ (который въ шведскихъ источникахъ названъ Свенъ-Рейнгольдъ, въ остальныхъ—Карлъ); или же Екатерина является единственной дочерью.

Валишевскій въ своемъ послѣднемъ сочиненіи замѣчаетъ по поводу происхожденія Екатерины I, что относительно этого нѣтъ

[1]) «Исторія царствованія Петра Великаго» Н. Устрялова, т. IV., Спб., 1863 г., стр. 132—134.

[2]) «Abriss der Schwedischen Reichshistorie», von Swen Lagerbring, 1776, s. 312 (перев. со шведскаго).

[3]) Geheime Geschichten und räthselhafte Menschen». F. Bülau. VI. Leipzig, 1855.—Katharina I Kaiserin von Russland. ss. 285—287, 296—297.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА I.

Съ портрета масляными красками, находящагося въ музеѣ П. И. Щукина.

дозв. ценз. 21 декабря 1901 г. спб.

«никакихъ точныхъ свѣдѣній. Въ исторіи и въ легендѣ маріенбургская плѣнница носитъ разныя фамиліи, и мѣсто ея родины показано различно; болѣе или менѣе заслуживающіе довѣрія документы и преданія противорѣчатъ одно другому... и нѣтъ ничего вѣрнаго, а только вѣроятное». При этомъ авторъ съ своей стороны не высказываетъ никакихъ предположеній, но считаетъ возможнымъ, что «Екатерина была родомъ изъ Польши, и что ея братья и сестры Сковороцкіе (Скавронскіе), несомнѣнно, простые крестьяне, быть можетъ, переселились откуда нибудь въ Лифляндію»[1]).

Совсѣмъ иное отношеніе къ вопросу о происхожденіи Екатерины I встрѣчаемъ мы въ русской исторической литературѣ, а именно: отсутствіе какихъ либо колебаній и сомнѣній. Въ противоположность большинству иностранныхъ изслѣдователей, русскіе историки и ученые считаютъ этотъ вопросъ безповоротно рѣшеннымъ и на основаніи донесеній Бестужева 1715 года [2]) и доказаннаго родства Скавронскихъ съ Екатериной признаютъ несомнѣннымъ фактомъ, что она была дочь лифляндскаго обывателя (по другимъ —крестьянина), Самуила Скавронскаго.

К. Н. Арсеньевъ въ своемъ изслѣдованіи: «Царствованіе Екатерины I», пишетъ о ней: «дочь безвѣстнаго выходца литовскаго, Самуила Скавронскаго, рожденная въ нищетѣ, сирота безпріютная съ младенчества, сохраненная въ первые годы жизни сердоболіемъ жителей Рингена, прочно потомъ устроилась въ Маріенбургѣ въ домѣ пастора Глюка». (Ученыя записки второго отд. академіи наукъ, кн. II, вып. I, Спб., 1856, стр. 227).

Щебальскій въ статьѣ: «Новое предположеніе о происхожденіи Екатерины I», заявляетъ, что происхожденіе ея отъ Скавронскихъ, какъ бы темны и сбивчивы ни были подробности, должно быть принято за достовѣрное» (Чтенія въ Моск. общ. ист. и древн., 1860, кн. II, стр. 77).

Устряловъ пишетъ, что «очевидно Катерина была изъ семейства лифляндскаго обывателя Самуила Скавронскаго. Впослѣдствіи Петръ неоднократно напоминалъ ей въ шутку, что она шведская подданная... слѣдовательно, Катерина была изъ шведской области; оттого очень вѣроятно извѣстіе Вебера, что она родилась въ городкѣ Рингенѣ, Дерптскаго округа» (Исторія царствованія Петра Великаго, т. IV, ч. 1, Спб., 1863, стр. 139—140).

---

[1]) K. Waliszewski, «Pierre le Grand», Paris, 1897, pp. 289—290.

[2]) См. «Исторія Россіи» Соловьева, т. XVIII, прим. 210.—Письмо къ Екатеринѣ I русскаго генералъ-комиссара при Курляндскомъ дворѣ, Петра Бестужева, изъ Риги отъ 25-го іюня 1715 года.—Ibid. Записка Бестужева отъ 25-го іюля того же 1715 года въ приложеніи къ ст. акад. Я. Грота: «Происхожденіе Екатерины I», въ Сборн. отд. русск. яз. и слов. импер. акад. наукъ, Спб., 1878, стр. 80—81.

У Соловьева мы встрѣчаемъ такое извѣстіе: «при дворѣ сестры Петра, царевны Натальи Алексѣевны, съ 1703 или 1704 года, явилась молодая Екатерина, дочь лифляндскаго обывателя Самуила Скавронскаго, находившаяся, какъ говорятъ, въ услуженіи у маріенбургскаго пастора Глюка и попавшаяся съ нимъ вмѣстѣ въ плѣнъ къ русскимъ при взятіи Маріенбурга» (Исторія Россіи, т. XVI, М., 1866, стр. 70).

Костомаровъ въ своей обширной статьѣ: «Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица», говоритъ между прочимъ: «Изъ дѣлъ государственнаго архива узнаемъ только, что Екатерина была дочь крестьянина Скавронскаго» («Древняя и новая Россія», 1877 г., № 2, стр. 130).

По мнѣнію академика Я. К. Грота, донесеніе Петра Бестужева къ Екатеринѣ отъ 25 іюля 1715 года изъ Риги «весьма положительнымъ образомъ утверждаетъ, что она была дочь лифляндскаго обывателя Самуила Скавронскаго... и что, какъ бы то ни было, вопросъ о происхожденіи Екатерины можно считать рѣшеннымъ» (статья «Происхожденіе Екатерины I» въ Сборн. отд. русск. яз. и слов. ак. наукъ, т. XVIII, Спб., 1878, стр. 11).

Феттерлейнъ, въ своей замѣткѣ: «По вопросу о происхожденіи императрицы Екатерины I», подтверждаетъ мнѣніе академика Грота новыми данными и на основаніи ихъ высказываетъ убѣжденіе, что «не подлежитъ уже сомнѣнію, что родители Екатерины носили фамилію Скавронскихъ или сходную съ нею» («Вѣстникъ Европы», сентябрь, 1896 г., стр. 386).

Затѣмъ изъ приведенныхъ здѣсь историковъ и ученыхъ одинъ Устряловъ считалъ необходимымъ, по поводу происхожденія второй супруги Петра, коснуться подробно въ числѣ другихъ и шведскихъ источниковъ, не отвергая и не защищая ихъ. Остальные или вовсе не упоминаютъ о шведскихъ источникахъ и какъ бы отказываютъ имъ въ правѣ существованія, или же презрительно относятъ къ области легендарнаго вымысла, не придавая значенія ни одному изъ нихъ.

IV.

Такимъ образомъ, въ русской исторической литературѣ не только самый фактъ, но даже предположеніе о полушведскомъ происхожденіи Екатерины I по отцу признано чѣмъ-то невозможнымъ и несовмѣстимымъ съ ея лифляндскимъ происхожденіемъ по матери, которое подтверждается шведскими и всѣми другими источниками. Между тѣмъ, существуетъ немало положительныхъ и довольно очевидныхъ доказательствъ въ пользу полушведскаго происхожденія Екатерины, и далеко не всѣ доводы и доказательства,

приводимые защитниками исключительно лифляндскаго происхожденія, могутъ быть приняты безусловно и на вѣру.

Наиболѣе горячимъ и нетерпимымъ сторонникомъ исключительно лифляндскаго происхожденія второй супруги Петра Великаго является академикъ Я. К. Гротъ въ своей статьѣ «Происхожденіе Екатерины I» [1]). Онъ не выслушиваетъ своихъ противниковъ, заранѣе безповоротно опровергаетъ ихъ доводы и возраженія, и называетъ всѣ шведскіе источники шведскимъ преданіемъ. По его словамъ, «не было бы, пожалуй, надобности говорить о немъ, если бы это преданіе не держалось до сихъ поръ въ Швеціи и не возобновлялось отъ времени до времени въ тамошней литературѣ» (стр. 11—12).

Но, при этомъ, авторъ статьи «Происхожденіе Екатерины I» не обратилъ вниманія, или не нашелъ нужнымъ упомянуть о томъ, что такъ называемое имъ шведское преданіе было извѣстно въ Петербургѣ при жизни Екатерины I и съ тѣми же подробностями‘ что въ Швеціи. Ганноверскій резидентъ при русскомъ дворѣ Веберъ пишетъ по поводу появленія въ Петербургѣ родственниковъ императрицы въ 1727 году: «Прибытіе этихъ чужихъ людей возбудило всякаго рода разговоры; нѣкоторые осмѣлились разсуждать о происхожденіи царицы и распространяли неприличные слухи, что ея отецъ—Іоганъ Рабе, квартирмейстеръ Эльфсборгскаго полка, а мать—дочь рижскаго государственнаго секретаря, и что Іоганъ Рабе съ женой записали въ 1682 году рожденіе своей дочери Катерины въ шведскомъ приходѣ Вара, Эльфсборгскаго лена. Послѣ смерти Рабе, вдова его съ ребенкомъ отправилась въ Ригу къ своимъ родственникамъ и также умерла; послѣ этого, пробстъ Глюкъ принялъ Катерину, какъ сироту, въ сиротскій домъ» [2]).

Вообще, Я. К. Гротъ не только не придаетъ никакого значенія шведскому преданію, но даже беретъ на себя объясненіе, какъ могло образоваться такое преданіе. По его мнѣнію, первымъ поводомъ къ этому могла быть неизвѣстность участи, постигшей вдову Рабе, по ея возвращеніи въ Лифляндію съ дочерью и возникшія по этому случаю догадки; а съ другой стороны толки о происхожденіи Екатерины Скавронской послѣ ея возвышенія. Затѣмъ, Я. К. Гротъ, возражая сторонникамъ полушведскаго происхожденія Екатерины I и доказывая несостоятельность ихъ этимологическихъ объясненій фамиліи Рабе, высказываетъ въ свою очередь слѣдующую этимологическую догадку: такъ въ объясненіе факта, что Екатерину въ первое время послѣ ея замужества звали die Rabin [3]), онъ признаетъ возможнымъ, что «это имя пошло въ ходъ,

---

[1]) Сборн. отд. русск. яз. и слов. ак. наукъ, т. XVIII, Спб., 1878, стр. 7—32

[2]) «Das veränderte Russland», Th. III, s. 76—77.

[3]) Geheime Geschichten und räthselhafte Menschen, F. Bülau, Leipzig, 1855 VI B. «Katharina I, Kaiserin von Russland», s. 287.

вслѣдствіе смѣшенія его со словомъ раба, рабыня, которое могло прилагаться къ Екатеринѣ не только по ея предполагаемому происхожденію изъ крѣпостного состоянія, но и потому, что она была военноплѣнной,—плѣнные тогда признавались рабами» (стр. 17—18).

Съ такимъ же недовѣріемъ почтенный академикъ относится и ко всѣмъ другимъ доводамъ своихъ противниковъ. Изъ нихъ онъ особенно нападаетъ на шведскаго учителя въ городѣ Фелькенбергѣ (юго-западной Швеціи) Кастена Рабе за его попытку доказать шведское происхожденіе Екатерины I по отцу фактическими данными.

Свѣдѣнія, собранныя Кастеномъ Рабе, въ общихъ чертахъ, вполнѣ сходны съ данными вышеприведенныхъ шведскихъ источниковъ. Здѣсь также отцомъ Екатерины является шведскій квартирмейстеръ Эльфсборгскаго полка Іоаннъ (Іоганъ) Рабе; «жена его была Елизавета Морицъ, прежде бывшая замужемъ за секретаремъ въ Ригѣ; она съ нимъ не имѣла дѣтей; но отъ второго мужа Рабе (Іоанна) родила сына Свена Рейнгольда и дочь Катерину. Іоаннъ Рабе умеръ въ 1684 году въ Гермундередѣ и похороненъ въ семейномъ склепѣ въ церкви Тоарпа за алтаремъ; вслѣдъ затѣмъ вдова его, Елизавета, съ двумя малолѣтними дѣтьми уѣхала въ Лифляндію. Впослѣдствіи сынъ ея, Свенъ Рейнгольдъ Рабе, служилъ въ шведской арміи и былъ убитъ въ Польшѣ, а дочь сдѣлалась супругой императора Петра» и пр.

Въ подтвержденіе сообщаемыхъ имъ извѣстій, Кастенъ Рабе привелъ подлинную, засвидѣтельствованную выписку изъ протокола судебной книги Осскаго округа, селенія Вебю, за 15 сентября 1758 г., и приложилъ къ ней родословную таблицу всей фамиліи Рабе, добытую имъ у одного пастора.

Тѣмъ не менѣе, Я. К. Гротъ въ данномъ случаѣ не придаетъ никакого значенія и письменнымъ документамъ: «Что это за документъ?—спрашиваетъ онъ относительно выписки изъ судебной книги Осскаго округа.—Сохранившаяся подъ этимъ заглавіемъ бумага заключаетъ въ себѣ извлеченіе изъ описанія рода Рабе, составленнаго самими лицами этой фамиліи... Этотъ, такъ называемый, документъ, писанный въ 1758 году, то-есть черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ по смерти Екатерины I и составленный только по слухамъ, въ сущности не есть даже документъ и ничего важнаго не прибавляетъ къ имѣющимся до сихъ поръ свѣдѣніямъ» (стр. 12—13).

V.

Кромѣ выписки изъ судебной книги Осскаго округа, Кастенъ Рабе сообщаетъ еще разсказы мѣстныхъ пасторовъ и стариковъ, знавшихъ семейство Екатерины, и, между прочимъ, заявляетъ: 1) что «запросы о происхожденіи Екатерины изъ Вестготландіи дѣлались уже въ 1725 году, то есть при восшествіи супруги Петра Великаго на престолъ; и 2) что между членами фамиліи Рабе сохранилось преданіе о принадлежавшемъ имъ, но, къ сожалѣнію, утраченномъ письмѣ сильной руки, которымъ требовались свѣдѣнія о фамиліи Рабе».

Понятно, что преданіе само по себѣ, при утратѣ письма съ запросами, а равно и отвѣтовъ на нихъ, не имѣло и не могло имѣть научнаго значенія для почтеннаго академика, безусловно отвергающаго и болѣе основательные доводы противниковъ своего мнѣнія; и онъ только мимоходомъ упоминаетъ объ этомъ въ своей статьѣ «Происхожденіе Екатерины I» (стр. 13—14).

Между тѣмъ, заявленіе шведскаго учителя Рабе о существованіи письма 1725 года съ запросами, касающимися происхожденія Екатерины, вполнѣ подтверждается недавно найденными документами Упсальской библіотеки. Документы эти, переведенные со шведскаго на русскій языкъ Н. Н. Асмусомъ и доставленные намъ съ правомъ напечатанія въ настоящей статьѣ, представляютъ не что иное, какъ отвѣты на сдѣланные кѣмъ-то въ 1725 году запросы, въ видѣ двухъ краткихъ записокъ, съ приложеніемъ родословной.

Первая изъ этихъ записокъ носитъ офиціальный характеръ и раздѣлена на четыре пункта, которые служатъ прямымъ отвѣтомъ на точно поставленные вопросы, такъ что можно ясно видѣть, какого рода справки требовались изъ Гермюннаведа, Осскаго уѣзда, въ Вестготландіи, а именно:

1) точное названіе мѣстожительства фамиліи Рабе;

2) происхожденіе и родословная Іоанна Рабе, о которомъ, повидимому, желательны были наиболѣе подробныя свѣдѣнія;

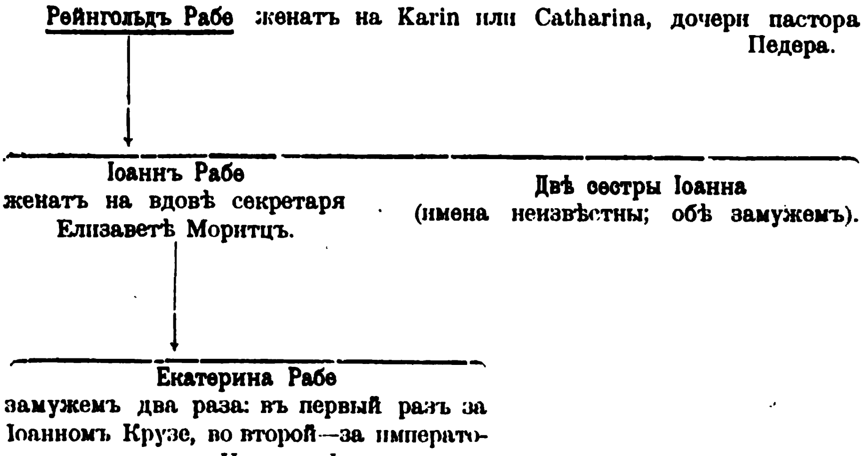
3) наличный составъ членовъ фамиліи Рабе въ 1725 году;

4) точное названіе Тоарпскаго прихода.

Записка, какъ видно изъ подписи, составлена мѣстнымъ пасторомъ, Гельстадіусомъ, который почему-то нигдѣ не упоминаетъ имени Екатерины, а называетъ ее дочерью Іоанна Рабе или дочерью вдовы Рабе или даже дѣвочкой, что едва ли можно объяснить простой случайностью.

Вторая записка написана неизвѣстнымъ лицомъ въ отвѣтъ на запросы, которые, повидимому, сдѣланы были частнымъ образомъ съ цѣлью узнать: извѣстна ли на родинѣ фамиліи Рабе дальнѣйшая судьба дочери квартирмейстера Іоанна Рабе?

Мы помѣщаемъ здѣсь оба документа Упсальской библіотеки въ томъ видѣ, какъ они были получены нами:

Письмо пастора Гельстадіуса, отъ 29-го іюля 1725 г. (Библ. Упс. унив. Cod. E. 126. b.). Переводъ:

«Краткая записка въ отвѣтъ на четыре вопросные пункта относительно семейства Рабе изъ Гермюннаведа, расположеннаго въ Вестерготландѣ, Эльфсборгскомъ ленѣ, Осскомъ уѣздѣ, Ронгидальской общинѣ и Тоарпскомъ приходѣ [1]).

1. Гермюннаведъ изстари сохранялъ это свое имя неизмѣннымъ въ поземельныхъ книгахъ и не назывался Гермюнделундомъ, но такъ его прозвалъ покойный Іоаннъ Рабе, въ то время, когда онъ тамъ проживалъ.

2. Что касается до фамиліи Рабе, то имя Рейнгольда Рабе носилъ нѣкій полковой крартирмейстеръ при пѣхотномъ полку Эльфсборгскаго лена; онъ былъ по происхожденію нѣмецъ и прибылъ на житье въ Гермюннаведъ, всегда, какъ и теперь, служившій бостелью полкового квартирмейстера. Означенный Рабе женился въ Ронгидальскомъ пасторскомъ имѣніи [2]) на дочери покойнаго главнаго пастора Педера, Каринъ или Екатеринѣ [3]), прижилъ съ нею сына, Іоанна Рабе, и двухъ дочерей, изъ которыхъ одна вышла впослѣдствіи замужъ въ Боросѣ [4]) за именитаго купца Тера Ларсона Хольма, а другая переѣхала въ Скароборгскій ленъ и вышла за солдата [5]), сынъ котораго, Рейнгольдъ Рабе, былъ въ послѣднюю войну лейтенантомъ при Эльфсборгскомъ полку и убитъ при Гельсинборгѣ [6]). Относительно Іоанна Рабе, сына Рейнгольда, извѣстно, что онъ

---

1) ......från Germunnaved bolägit i Westergiötland, Elfsborgs låhn, Ahs hårud, Rångndahls församling och Toarps Sochn.

2) Prestegård.

3) ...... med kÿrkiohirdens Sal: Hr. Poders dotter Karin cl: Catharina.

4) . ....till Boråhs.

5) ......och fick en militair betiente.

6) Нѣсколько сомнительное мѣсто это изложено въ подлинникѣ такъ: «..... hvars Son Reinholt Rabe war nu i Sidsta krikit leutenant...». Ср., однако, ниже, пунктъ 8 письма.

выслужился при полку, такъ что напослѣдокъ, по смерти своего отца, получилъ ту же должность полкового квартирмейстера и такимъ образомъ постоянно проживалъ въ Гермюннаведѣ. Около 1674 года полкъ, подъ начальствомъ полковника Свена Ранка, былъ посланъ въ Германію, гдѣ и оставался нѣкоторое время. Когда же вскорѣ, вслѣдствіе враждебнаго вторженія датчанъ въ Скону, пришлось вызвать его обратно, то полковой квартирмейстеръ Іоаннъ Рабе, женившійся въ Лифляндіи на одной женщинѣ [1]), взялъ жену съ собою въ Швецію, въ Вестерготландъ; здѣсь они поселились въ Гермюннаведѣ, несмотря на то, что самъ Рабе продолжалъ свою службу въ теченіе всей войны, которая окончилась въ 1679 году. Этотъ бракъ Богъ благословилъ рожденіемъ дочери, и когда Рабе скончался и былъ погребенъ въ Тоарпской церкви, то пережившая его супруга нашла, что ей незачѣмъ оставаться долѣе въ Швеціи, тѣмъ болѣе, что она не имѣла здѣсь родственниковъ, къ помощи которыхъ ей было бы можно прибѣгнуть. Поэтому она уѣхала отсюда на свою родину, въ Ригу или Ревель, вмѣстѣ со своею маленькой дочерью, послѣ чего о ней прекращаются всякія извѣстія.

3. Здѣсь, въ нашей мѣстности, имѣется еще нѣсколько молодыхъ людей, которые называютъ себя Рабе и которые суть дѣти племянниковъ покойнаго квартирмейстера Іоанна Рабе [2]): изъ нихъ одинъ — сержантъ Оссской роты, а остальные служатъ у офицеровъ [3]).

4. Тоарпскій приходъ въ Ронгндальской общинѣ уже съ незапамятныхъ временъ всегда носилъ это свое имя «Тоарпъ» и никогда не назывался въ поземельныхъ книгахъ иначе.

Въ правдивости этой краткой записки я убѣжденъ тѣмъ болѣе, что я самъ не разъ видѣлъ покойнаго Іоанна Рабе и его жену въ домѣ моихъ покойныхъ родителей, здѣсь, въ пасторскомъ имѣніи Бельстадѣ; кромѣ того, я съ дѣтства знавалъ Іоанна Рабе по Ронгндальскому пасторскому имѣнію, гдѣ онъ часто бывалъ у своего дяди, покойнаго главнаго пастора церкви св. Петра и Павла, который былъ женатъ на моей покойной бабкѣ. Тѣмъ не менѣе, я долженъ сознаться, что я не помню точно числа и года по каждому отдѣльному обстоятельству и не имѣю возможности спросить объ этомъ кого нибудь другого, такъ какъ всѣ старики, которымъ здѣсь могло быть что либо извѣстно по данному вопросу, уже перемерли; я же, которому теперь исполнилось 63 года, не въ силахъ упомнить того, что было въ тѣ времена [4]). Если впредь потребуются какія либо ближайшія о семъ свѣдѣнія, то я обѣщаю (если Богу будетъ угодно продлить мою жизнь) разспросить о желаемомъ тщательнымъ образомъ и, по возможности, сообщить узнанное.

Пасторское имѣніе Бельстадъ.

29 іюля 1725 г.

Стеф. Гельстадіусъ,
пасторъ въ Бельстадѣ.

---

[1]) ......gift Sig med en fru i Lifland. Изъ другого документа (см. ниже) видно, что это была вдова Елизавета Морицъ, изъ Риги.

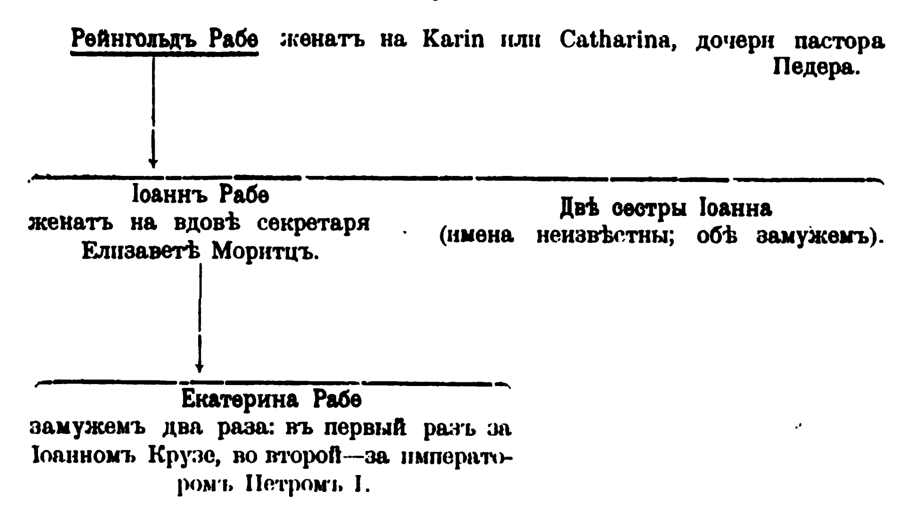
[2]) ...... Som äro Sal: regementz qvartermästarens Joh. Rabes Syštersöners barn, т. е. «дѣти сестриныхъ сыновей».

[3]) ...... tjena hos oficerare.

[4]) ...... och jag som nu innehafwer 63 åhr, kan någorlunda minnas hvad i the tider skiedt warit.

Мы помѣщаемъ здѣсь оба документа Упсальской библіотеки въ томъ видѣ, какъ они были получены нами:

Письмо пастора Гельстадіуса, отъ 29-го іюля 1725 г. (Библ. Упс. унив. Cod. E. 126. b.). Переводъ:

«Краткая записка въ отвѣтъ на четыре вопросные пункта относительно семейства Рабе изъ Гермюннаведа, расположеннаго въ Вестерготландѣ, Эльфсборгскомъ ленѣ, Осскомъ уѣздѣ, Ронгидальской общинѣ и Тоарпскомъ приходѣ [1]).

1. Гермюннаведъ изстари сохранялъ это свое имя неизмѣннымъ въ поземельныхъ книгахъ и не назывался Гермюнделундомъ, но такъ его прозвалъ покойный Іоаннъ Рабе, въ то время, когда онъ тамъ проживалъ.

2. Что касается до фамиліи Рабе, то имя Рейнгольда Рабе носилъ нѣкій полковой крартирмейстеръ при пѣхотномъ полку Эльфсборгскаго лена; онъ былъ по происхожденію нѣмецъ и прибылъ на житье въ Гермюннаведъ, всегда, какъ и теперь, служившій бостелью полковаго квартирмейстера. Означенный Рабе женился въ Ронгидальскомъ пасторскомъ имѣніи [2]) на дочери покойнаго главнаго пастора Педера, Каринъ или Екатеринѣ [3]), прижилъ съ нею сына, Іоанна Рабе, и двухъ дочерей, изъ которыхъ одна вышла впослѣдствіи замужъ въ Боросѣ [4]) за именитаго купца Тера Ларсона Хольма, а другая переѣхала въ Скароборгскій ленъ и вышла за солдата [5]), сынъ котораго, Рейнгольдъ Рабе, былъ въ послѣднюю войну лейтенантомъ при Эльфсборгскомъ полку и убитъ при Гельсинборгѣ [6]). Относительно Іоанна Рабе, сына Рейнгольда, извѣстно, что онъ

---

[1]) ......från Germunnaved belägit i Westergiötland, Elfsborgs lähn, Ahs härud, Rångndahls församling och Toarps Sochn.

[2]) Prestegård.

[3]) ...... med kÿrkiohirdens Sal: Hr. Poders dotter Karin cl: Catharina.

[4]) . ....till Boråhs.

[5]) ......och fick en militair betiente.

[6]) Нѣсколько сомнительное мѣсто это изложено въ подлинникѣ такъ: «..... hvars Son Reinholt Rabe war nu i Sidsta krikit leutenant...». Ср., однако, ниже, пунктъ 8 письма.

выслужился при полку, такъ что напослѣдокъ, по смерти своего отца, получилъ ту же должность полкового квартирмейстера и такимъ образомъ постоянно проживалъ въ Гермюннаведѣ. Около 1674 года полкъ, подъ начальствомъ полковника Свена Ранка, былъ посланъ въ Германію, гдѣ и оставался нѣкоторое время. Когда же вскорѣ, вслѣдствіе враждебнаго вторженія датчанъ въ Скону, пришлось вызвать его обратно, то полковой квартирмейстеръ Іоаннъ Рабе, женившійся въ Лифляндіи на одной женщинѣ [1], взялъ жену съ собою въ Швецію, въ Вестерготландъ; здѣсь они поселились въ Гермюннаведѣ, несмотря на то, что самъ Рабе продолжалъ свою службу въ теченіе всей войны, которая окончилась въ 1679 году. Этотъ бракъ Богъ благословилъ рожденіемъ дочери, и когда Рабе скончался и былъ погребенъ въ Тоарпской церкви, то пережившая его супруга нашла, что ей незачѣмъ оставаться долѣе въ Швеціи, тѣмъ болѣе, что она не имѣла здѣсь родственниковъ, къ помощи которыхъ ей было бы можно прибѣгнуть. Поэтому она уѣхала отсюда на свою родину, въ Ригу или Ревель, вмѣстѣ со своею маленькой дочерью, послѣ чего о ней прекращаются всякія извѣстія.

3. Здѣсь, въ нашей мѣстности, имѣется еще нѣсколько молодыхъ людей, которые называютъ себя Рабе и которые суть дѣти племянниковъ покойнаго квартирмейстера Іоанна Рабе [2]: изъ нихъ одинъ — сержантъ Оесской роты, а остальные служатъ у офицеровъ [3].

4. Тоарпскій приходъ въ Ронгидальской общинѣ уже съ незапамятныхъ временъ всегда носилъ это свое имя «Тоарпъ» и никогда не назывался въ поземельныхъ книгахъ иначе.

Въ правдивости этой краткой записки я убѣжденъ тѣмъ болѣе, что я самъ не разъ видѣлъ покойнаго Іоанна Рабе и его жену въ домѣ моихъ покойныхъ родителей, здѣсь, въ пасторскомъ имѣніи Бельстадѣ; кромѣ того, я съ дѣтства знавалъ Іоанна Рабе по Ронгидальскому пасторскому имѣнію, гдѣ онъ часто бывалъ у своего дяди, покойнаго главнаго пастора церкви св. Петра и Павла, который былъ женатъ на моей покойной бабкѣ. Тѣмъ не менѣе, я долженъ сознаться, что я не помню точно числа и года по каждому отдѣльному обстоятельству и не имѣю возможности спросить объ этомъ кого нибудь другого, такъ какъ всѣ старики, которымъ здѣсь могло быть что либо извѣстно по данному вопросу, уже перемерли; я же, которому теперь исполнилось 63 года, не въ силахъ упомнить того, что было въ тѣ времена [4]. Если впредь потребуются какія либо ближайшія о семъ свѣдѣнія, то я обѣщаю (если Богу будетъ угодно продлить мою жизнь) разспросить о желаемомъ тщательнымъ образомъ и, по возможности, сообщить узнанное.

Пасторское имѣніе Бельстадъ.

29 іюля 1725 г.

Стеф. Гольстадіусъ,
пасторъ въ Бельстадѣ.

---

1) ......gift Sig med en fru i Lifland. Изъ другого документа (см. ниже) видно, что это была вдова Елизавета Моритцъ, изъ Риги.

2) ...... Som äro Sal: regementz qvarteremästarens Joh. Rabes Sÿstersöners barn, т. е. «дѣти сестриныхъ сыновей».

3) ...... tjena hos oficerare.

4) ...... och jag som nu innehafwer 63 åhr, kan någorlunda minnas hvad i the tider skiedt warit.

Записка неизвѣстнаго автора (ibidem). Переводъ.

Іоаннъ Рабе, шведскаго происхожденія, женился въ Ригѣ на вдовѣ секретаря Елизаветѣ Морицъ, родившейся въ томъ же городѣ и принадлежавшей къ мѣщанскому сословію [1]). Этотъ Рабе впослѣдствіи прибылъ въ Швецію и былъ принятъ на службу въ полкъ полковника Свена Ранка, въ Хальмста [2]), а затѣмъ сдѣланъ полковымъ квартирмейстеромъ при Эльфсборгскомъ полку. Въ 1682 году у означеннаго квартирмейстера и его супруги родилась дочь, названная Екатериной и появившаяся на свѣтъ въ Эльфсборгскомъ ленѣ, Ронгндальской общинѣ [3]) Тоарнскомъ приходѣ, въ бостели полкового квартирмейстера, Гермюнделундѣ. По смерти отца, вдова его отправилась въ Ригу, гдѣ Екатерина сперва была отдана въ Weisen-huset (сиротскій домъ) [4]). Отсюда она попала къ пастору Глюку въ Лифляндіи [5]) и у него вышла замужъ за одного капрала кавалеріи, но сразу же затѣмъ была взята въ плѣнъ русскимъ генераломъ Верниковымъ и привезена ко двору князя Меншикова, который представилъ ее царю. Послѣдній..., спустя нѣкоторое время, взялъ ее въ царицы, а подъ конецъ соизволилъ короновать императрицею.

VII.

Приведенные нами документы Упсальской библіотеки, во всякомъ случаѣ, должны быть приняты во вниманіе при рѣшеніи вопроса о происхожденіи Екатерины I. Трудно предположить, чтобы постороннее лицо, помимо дочери Іоанна Рабе, могло собирать въ 1725 году такія подробныя свѣдѣнія относительно его родословной, мѣста жительства, прихода, гдѣ онъ погребенъ, и пр. [6]). Затѣмъ не лишено значенія и смѣлое заявленіе автора второй записки, что Катерина Рабе, взятая въ плѣнъ въ Лифляндіи, была представлена царю княземъ Меншиковымъ, и что Петръ I «взялъ ее въ царицы, а подконецъ соизволилъ короновать императрицею». Такое заявленіе уже потому является достовѣрнымъ, что легко могло быть опровергнуто въ 1725 году при жизни Екатерины, тѣмъ болѣе, что при иностранныхъ дворахъ проживали русскіе резиденты и зорко слѣдили за ходившими о ней слухами и толками въ разныхъ государствахъ.

Съ другой стороны, если мы признаемъ, что справки объ Іоаннѣ Рабе наводились въ Швеціи по желанію императрицы, что она

---

1) ...... af borgerlig Slächt.
2) ...... uti Halmsta.
3) ...... Rångndahls giäld.
4) ...... först uti Weisen-huset (barnhuset).
5) ...... tilt Probsten Glück uti Lifland.
6) Такого рода свѣдѣнія не могли имѣть никакого значенія для единственнаго брата Катерины, Свена-Рейнгольда Рабе, который (по свидѣтельству учителя Кастена Рабе) былъ вмѣстѣ съ сестрой привезенъ матерью въ Лифляндію, впослѣдствіи служилъ въ шведской арміи и былъ убитъ въ Польшѣ. (См. ст. Я. К. Грота «Происхожденіе Екатерины I», стр. 13).

была дѣйствительно его дочерью, привезена въ младенчествѣ матерью въ Лифляндію, осталась безпріютной сиротой и пр., то подтвержденіемъ этого служатъ и слѣдующія данныя.

Извѣстно, что на ряду съ полнымъ разногласіемъ и сбивчивостью свѣдѣній о происхожденіи Екатерины I всѣ источники, всѣ показанія современниковъ и позднѣйшихъ изслѣдователей сходятся въ томъ, что она въ младенчествѣ лишилась матери и осталась круглой сиротой на чужихъ рукахъ. Такое единодушное подтвержденіе одного и того же факта можетъ быть безусловно принято за доказательство существованія самаго факта. Разница показаній только въ подробностяхъ. По однимъ извѣстіямъ Екатерина послѣ смерти матери была отдана въ рижскій сиротскій домъ или въ Ревельское подворье, а по другимъ свѣдѣніямъ: а) взята изъ состраданія кистеромъ [1]); б) вмѣстѣ съ братомъ нашла убѣжище въ крестьянской семьѣ; в) осталась на рукахъ крестившаго ее пастора, обремененнаго большой семьей, и отъ него взята Глюкомъ; г) прямо принята Глюкомъ въ виду ея сиротства и пр. Исключеніе составляетъ единичное и потому сомнительное извѣстіе Бестужева 1715-го года, что Екатерина «жила въ Крейсбургѣ у тетки своей Маріи Анны Веселевской и 12 лѣтъ возраста взята въ Лифлянды маріенбургскимъ пасторомъ».

Еще болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ ранняго сиротства Екатерины служитъ свидѣтельство ганноверскаго резидента Вебера, который описываетъ взятіе Маріенбурга, со словъ очевидца, учителя богословія Вурма, жившаго въ домѣ Глюка: «Во время осады Маріенбурга въ 1702 году пасторъ Глюкъ, съ славянской библіей въ рукахъ, сопровождаемый своимъ семействомъ, Катериной, учителемъ Вурмомъ и прихожанами, явился въ русскій лагерь и просилъ помилованія. Фельдмаршалъ Шереметевъ принялъ его ласково и, замѣтивъ Катерину, спросилъ о ней: Глюкъ отвѣтилъ, что она найденышъ, недавно вышла за драгуна» и пр. [2]).

И такъ, если мы признаемъ вполнѣ вѣроятный фактъ ранняго сиротства Екатерины I и допустимъ возможность предположенія, что она была увезена изъ Швеціи въ двухлѣтнемъ возрастѣ, то приходимъ къ выводу, что у нея не могло сохраниться никакихъ личныхъ воспоминаній о своей далекой родинѣ. Если она имѣла какое нибудь представленіе о Швеціи, то развѣ по чьимъ либо разсказамъ и могла любить ее въ память объ отцѣ и рано умершей матери. При этихъ условіяхъ Екатерина, вступивъ на престолъ въ 1725 году, послѣ смерти Петра, могла воспользоваться достигнутой властью, чтобы поручить довѣренному лицу вытребовать изъ Швеціи желательныя для нея свѣдѣнія о родословной покойнаго отца, о своей

[1]) Motraye Travels, III, 1732, p. 196.
[2]) Das veränderte Russland, 1740, IV, s. 180.

роднѣ и пр. Подлинники сдѣланныхъ запросовъ и присланныхъ изъ Швеціи отвѣтовъ были, вѣроятно, уничтожены; но копіи отвѣтовъ сохранились въ Упсальской библіотекѣ, въ видѣ помѣщенныхъ нами документовъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ 1725 году никого изъ родныхъ Іоанна Рабе уже не было въ живыхъ, кромѣ дѣтей его племянниковъ, а при такомъ далекомъ родствѣ милость къ нимъ императрицы могла ограничиться «значительнымъ пожалованіемъ», о которомъ, по словамъ Кастена Рабе, сохранилось преданіе между членами его рода.

VIII.

Если Екатерина I до 1725 года ничѣмъ не проявила своихъ чувствъ и интереса къ шведскимъ родственникамъ, то понятно, что при жизни Петра Великаго, при условіи многолѣтней упорной войны съ Швеціей, немыслимы были какіе либо поиски въ этомъ направленіи. Женитьба русскаго царя на шведской подданной была настолько неудобна въ политическомъ отношеніи, что не допускала огласки. Въ данномъ случаѣ весьма характеренъ правдивый или вымышленный разсказъ одного «русскаго господина», передаваемый шведскимъ историкомъ Нордбергомъ. По заключеніи Ништадтскаго мира, въ 1721 году, царь сказалъ въ шутку своей супругѣ: «Какъ договоромъ постановлено всѣхъ плѣнныхъ возвратить, то не знаю, что съ тобою будетъ?» Царица, поцѣловавъ его руку, отвѣчала: «я ваша служанка; дѣлайте, что угодно; не думаю, однако, чтобы вы меня отдали» и пр. Вообще Петръ I, повидимому, не разъ напоминалъ шутя своей супругѣ, что она шведская подданная. Въ 1718 году, 11-го октября, въ день Нотебургскаго штурма, ежегодно празднуемаго имъ, онъ писалъ ей собственноручно: «Катеринушка, другъ мой сердешниинькой, здравствуй! Поздравляемъ вамъ симъ счастливымъ днемъ, въ которымъ русская нога въ вашихъ земляхъ футь взяла, и симъ ключемъ много замковъ отперто». Въ другомъ письмѣ изъ Гангеуда Петръ пишетъ 27 іюня 1719 года, по поводу годовщины Полтавской битвы: «Поздравляю, другъ мой, вамъ симъ днемъ—русскимъ нашимъ воскресеньемъ. Дай Боже! что̀ въ девятомъ началось въ девятый бы на десять благой конецъ воспріяло! Чаю, я вамъ воспоминаньемъ сего дня опечалилъ, однакожъ разсуждай» [1].

Екатерина, съ своей стороны, не только не скрывала, что она родилась шведской подданной, но даже, повидимому, не стѣснялась открыто заявлять объ этомъ. Извѣстно ея настойчивое желаніе вы-

[1]) «Собственноручныя письма Петра Великаго къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ». См. Приложеніе къ V тому Исторіи Петра Великаго Н. Устрялова. Ibid., т. IV, стр. 139—140.

дать дочь свою за Карла-Фридриха, герцога голштинскаго (сына старшей сестры бездѣтнаго Карла XII), имѣвшаго законныя права на шведскую корону и устраненнаго отъ престола шведскими государственными чинами въ 1718 году [1]). О неизмѣнно милостивомъ отношеніи царицы къ герцогу голштинскому, во время его пребыванія при русскомъ дворѣ, пишетъ Берхгольцъ въ своемъ «Дневникѣ», а также Бассевичъ, состоявшій въ свитѣ герцога, который, между прочимъ, разсказываетъ о пріемѣ, оказанномъ герцогу въ началѣ 1721 года. При этомъ Екатерина, въ присутствіи герцогини курляндской, сказала угнетенному принцу, что «принимаетъ живое участіе въ его интересахъ и для нея, супруги величайшаго изъ смертныхъ, небо прибавило бы еще славы, даруя ей въ зятья того, котораго она была бы подданной, если бы счастье не измѣнило Швеціи, и если бы Швеція не нарушила присяги, данной ей дому великаго Густава» [2]). Далѣе въ своихъ «Запискахъ» Бассевичъ опять передаетъ приблизительно тѣ же слова Екатерины, на этотъ разъ сказанныя ему лично передъ отъѣздомъ ихъ величествъ въ Персію, въ 1722 году, по поводу разрѣшенія, даннаго герцогу и его свитѣ остаться во время ихъ отсутствія въ Москвѣ: «Ждите терпѣливо нашего возвращенія; ничто не измѣнитъ моей материнской нѣжности къ вашему государю и моего желанія видѣть дочь мою на престолѣ государства, подданною котораго я родилась»... [3]).

Извѣстно также, что Екатерина открыто покровительствовала шведамъ, снабжала шведскихъ плѣнныхъ деньгами и теплой одеждой, и при дворѣ ея было «много шведокъ» [4]).

Доказательствомъ шведскаго происхожденія первой русской императрицы служитъ и тотъ фактъ, что датскій посланникъ Вестфаленъ, жившій въ Россіи съ 1718—1733 г., враждебно настроенный противъ Екатерины за ея нерасположеніе къ Даніи, даже называетъ ее шведкой въ своемъ донесеніи отъ 2 (13) апрѣля 1725 года: «Царствованіе этой шведки (cette femme suédoise) всегда будетъ представлять опасность для Даніи, потому что ея зять завзятый противникъ нашего короля» и пр. [5]).

---

[1]) Въ трактатѣ о супружествѣ цесаревны Анны Петръ обѣщаетъ «помогать герцогу всѣми своими способами къ достиженію престола шведскаго». Равнымъ образомъ Екатерина I по 18-му пункту своего завѣщанія настойчиво требуетъ отъ своего преемника относительно герцога голштинскаго: «дѣло шведской короны по взятымъ обязательствамъ имѣетъ накрѣпко исполнено, и Россійское государство такъ, какъ и великій князь къ тому обязаны быть»...

[2]) «Русскій Архивъ» 1866, изд. второе, «Записки Бассевича», стр. 196.

[3]) Ibid., стр. 215.

[4]) «Русскій Архивъ» 1872, кн. 6, стр. 29. См. также «Дневникъ Берхгольца», М., изд. 1857, I, стр. 75—78.

[5]) Изъ документовъ датскаго архива, ст. А. Брикнера: «Россія и Данія при имп. Екатеринѣ I», въ «Русской Мысли», 1895, № 2, стр. 58.

И такъ, на основаніи приведенныхъ нами фактовъ, а тѣмъ болѣе подлинныхъ документовъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что Екатерина I родилась въ Швеціи и по отцу была шведскаго происхожденія. Кромѣ того, вопреки общепринятому у насъ мнѣнію о родствѣ Скавронскихъ съ Екатериной, ея преждевременно умершая мать ни въ какомъ случаѣ не могла быть женой Самуила Сковороцкаго и оставить послѣ себя многочисленное потомство будущихъ графовъ Скавронскихъ. Насколько мы могли прослѣдить, сыновья и дочери Сковороцкаго, по всѣмъ даннымъ, были не родные, а только двоюродные братья и сестры русской императрицы.

IX.

Въ пользу высказаннаго нами положенія мы можемъ, между прочимъ, привести и то, что Екатерина, милостивая ко всѣмъ несчастнымъ, никому не отказывавшая въ помощи и заступничествѣ передъ грознымъ царемъ,—относится съ поразительнымъ равнодушіемъ къ семьѣ своего предполагаемаго отца Самуила Сковороцкаго. Зная изъ донесенія Бестужева 1715-го года о несчастной судьбѣ своихъ братьевъ и сестеръ Сковороцкихъ, она не думаетъ объ облегченіи ихъ участи, оставляетъ многіе годы выносить всѣ ужасы тогдашняго крѣпостного состоянія. Подобное безучастное отношеніе со стороны Екатерины могло быть вызвано такимъ же безсердечнымъ отношеніемъ близкихъ родныхъ къ ея овдовѣвшей матери по ея прибытіи съ дѣтьми въ Лифляндію и въ томъ случаѣ, если дѣти Самуила Сковороцкаго не были ея родными братьями и сестрами. Къ тому же Екатерина, взятая въ младенчествѣ пасторомъ Глюкомъ, могла лично не знать ихъ до появленія Христины Сковорощанки въ Ригѣ въ 1721 году, при значительномъ разстояніи Маріенбурга отъ Крейсбурга и Риги.

Если, при жизни Петра, политическія причины могли служить препятствіемъ къ собиранію свѣдѣній о семьѣ Іоанна Рабе въ Швеціи, то такихъ причинъ не существовало относительно лифляндскихъ родственниковъ царицы. Значительная часть Балтійскаго побережья уже была покорена рускими войсками. Петръ, получивъ извѣстіе о пораженіи Шлиппенбаха при Гуммельсгофѣ 18 іюля 1702 года, повелѣлъ разорять Лифляндію всѣми средствами, чтобы «непріятелю пристаница и сикурсу своимъ городамъ подать было невозможно» [1]). Въ августѣ того же года Шереметевъ писалъ царю, что въ Лифляндіи «только осталось цѣлаго мѣста Перновъ и Колывань и межь ими нѣсколько осталось около моря да Риги; а то все запустошено и разорено въ конецъ»... Поэтому, если здѣсь и

[1]) «Ист. Петра Великаго» Устрялова, IV, стр. 192.

были какія либо препятствія къ отысканію родственниковъ царицы, то они скорѣе зависѣли отъ ея положенія, которое долго оставалось шаткимъ при русскомъ дворѣ.

Во всякомъ случаѣ, только въ 1714 году русскій генералъ-коммиссаръ при курляндскомъ дворѣ, Петръ Бестужевъ, получилъ черезъ Матоея Алсуфьева указъ ея величества изъ Петербурга и роспись, «дабы въ Крышборхѣ сыскалъ фамилію Веселевскихъ и Дуклясовъ» [1]).

Порученіе было нелегкое, судя по общему положенію страны, опустошенной многолѣтней войной, голодомъ и моровымъ повѣтріемъ, о которой пишетъ очевидецъ Веберъ, въ январѣ того же 1714 года: «Отъ Мемеля до Митавы я нашелъ почтовую дорогу почти совершенно запустѣлой; не видно было ни людей, ни домовъ, ни скота, такъ какъ всѣ народныя бѣдствія свирѣпствовали въ этомъ герцогствѣ, и по сдѣланной переписи осталась всего $^1/_8$ часть бывшихъ въ немъ душъ»... Далѣе Веберъ добавляетъ: «Ригу я нашелъ еще въ худшемъ состояніи въ февралѣ 1714 года, тѣмъ болѣе, что чума скосила здѣсь до 60.000 душъ, а во время осады русскими брошенныя восемь тысячъ ядеръ разрушили дома; многія семьи обратились въ бѣгство передъ сдачей города»... [2]).

Понятно, что при такомъ положеніи края Бестужевъ не могъ скоро выполнить возложеннаго на него порученія, и собранныя имъ свѣдѣнія не могли быть особенно точными. Только 25-го іюня слѣдующаго 1715 года онъ послалъ свое донесеніе императрицѣ, что по ея величества указу «сыскать фамилію Веселевскихъ и Дуклясовъ» онъ въ Крышборхъ ѣздилъ и кого могъ тѣхъ фамилій сыскалъ [3]). При этомъ донесеніи сохранилась собственноручная записка Петра Бестужева, составленная имъ черезъ мѣсяцъ, а именно 25 іюля того же года, которая служитъ нагляднымъ свидѣтельствомъ его старанія передать буквально все слышанное и доставить возможно подробныя свѣдѣнія [4]).

Свѣдѣнія эти были слѣдующія.

Донесеніе Петра Бестужева изъ Риги 25-го іюня 1715 года.

1) Вильгельмъ Ганъ, курляндецъ, у него четыре сестры:

«Первая, Катерина-Лиза, была замужемъ за Яномъ Веселевскимъ... Вдова Катерина-Лиза послѣ Веселевскаго вышла замужъ за Лаврина Дукляса и родила съ нимъ 6 сыновъ, померла въ повѣтріе; одинъ сынъ ея, Симонъ Дуклясъ, и нынѣ живъ въ Крейсбурхѣ.

---

[1]) «Исторія Россіи» Соловьева, т. XVIII, прим. 210, М., изд. 1868 г.

[2]) Veränderte Russland,» 1726, Th. I, s. 1—2.

[3]) Ibid. «Исторія Россіи», прим. 210, т. XVIII.

[4]) См. Приложенія I къ ст. Я. К. Грота: «Происхожденіе имп. Екатерины I», въ Сборн. отдѣл. русск. языка и словесн. акад. наукъ, т. XVIII, Спб., 1878, стр. 80—81.

Вторая сестра Дорота была за Сковородскимъ, имѣла два сына и четыре дочери, была Лютерскова закону; одинъ (сынъ) Карлъ, другой Фрицъ въ польскихъ Лифляндахъ, одна дочь Анна, другая Доротея, обѣ въ польскихъ Лифляндахъ замужемъ; третья, Катерина, жила въ Крейсбурхѣ у тетки своей Маріи-Анны Веселевской, которую въ 12 лѣтъ возраста ея взялъ въ Лифлянды шведскій маріенбургскій пасторъ, четвертая, Анна, въ повѣтріе умерла.

Третья сестра Ганова, Софья, за Гендербергомъ, у ней два сына въ Курляндіи въ Субочѣ, живы.

Четвертая сестра Ганова, Марія-Анна, была за другимъ Веселевскимъ, у нихъ остался сынъ Андрей Веселевскій и нынѣ живетъ въ Крейсбурху.

Записка, сохранившаяся при донесеніи Петра Бестужева къ императрицѣ отъ 25-го іюля 1715 года.

Фамилія вдовы Веселевской и мѣщанина Дукляса.

Вдова Катерина-Лиза Веселевска жила въ Крыжборху вдовою лѣтъ съ пять, которая была за сыномъ Веселевскимъ и имѣла съ нимъ двухъ сыновъ, и оба умерли.

Отецъ ея, Мерхертъ Ганъ, жилъ въ польскихъ Лифляндтахъ, въ Калкунѣ мызѣ, у маіора Фелькерзама. Оная Катерина-Лиза дѣвицею жила барона Унгера у его жены въ мызѣ Унгарѣ и оттоль вышла замужъ въ Крыжборхъ за Яна Веселевскаго... Катерина-Лиза послѣ Веселевскаго изъ Крыжборга перешла черезъ рѣку на Курляндскую сторону въ Якубштатъ и взяла мужа Лаврина Дукляса и родила съ нимъ 6 сыновъ и дочь; всѣ померли, одинъ Симонъ Дуклясъ, сынъ ея, и нынѣ живъ въ Якубштатѣ.

У ней (Катерины-Лизы) было три сестры, да братъ Вильгельмъ Ганъ, который и нынѣ живъ въ Якубштатѣ на курляндской сторонѣ; сестры:

Одна Дорота была за католикомъ Сковоротскимъ, имѣла съ нимъ четыре дочери; одна жила у меньшой Веселевской въ Крыжборху и взяли шведы, другія померли.

Вторая сестра (Катерины-Лизы) Софія, за Гендербергомъ. У ней два сына въ Курляндіи въ Субочѣ у Сакина и нынѣ живы.

Третья сестра была за сыномъ мужа ея (Катерины-Лизы), за Яномъ же Веселевскимъ. У нихъ остался сынъ Андрей Веселевскій и нынѣ живетъ въ Якубштатѣ.

X.

При сравненіи «донесенія» и «записки» Бестужева мы видимъ, что эти документы далеко не отличаются точностью, и въ нихъ встрѣчаются противорѣчія, которыя главнымъ образомъ касаются фамиліи Сковороцкихъ (Скавронскихъ). Между тѣмъ эти самые документы и представляютъ собою красугольный камень и исходную точку приводимыхъ доказательствъ и доводовъ въ пользу того, что Екатерина была родная дочь Самуила Сковороцкаго.

Такъ мы читаемъ въ приведенномъ нами донесеніи Бестужева: «вторая сестра (Ганова) Дорота была за Сковородскимъ, имѣла съ нимъ два сына [1]) и четыре дочери, а въ его «запискѣ» отъ 25 іюля, того же года, приложенной къ донесенію, сказано, что у ней всего четыре дочери, а сыновья не упомянуты.

Затѣмъ, въ той же запискѣ, Бестужевъ заявляетъ, что изъ этихъ четырехъ дочерей Дороты Сковороцкой «одна (повидимому, Екатерина) жила у тетки своей меньшой Веселевской и взяли шведы» (?), другія померли. Между тѣмъ въ донесеніи Бестужева, писанномъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ, 25 іюня, — двѣ замужнія дочери Дороты Сковороцкой: Анна Ефимовская и Доротея (Христина) Гендрикова, показаны существующими въ Лифляндахъ въ 1715 году. Извѣстно также, что обѣ онѣ вмѣстѣ со своими семьями были впослѣдствіи привезены въ Россію въ царствованіе Екатерины I. Настолько же невѣрно свѣдѣніе, что Екатерину взяли шведы.

Что касается показанія Бестужева, что Екатерина въ дѣтствѣ жила у своей тетки, младшей Веселевской Маріи-Анны, то этотъ фактъ является довольно сомнительнымъ. Младшая Веселевская, повидимому, не представляетъ никакого интереса для Екатерины, какъ и другая тетка Софья Гендербергъ, и Вильгельмъ Ганъ, о которомъ Бестужевъ сообщаетъ, что «онъ и нынѣ живъ въ Якубштатѣ». Екатерина не упоминаетъ о нихъ въ указѣ Бестужеву 1714 года; и если они были включены въ посланную при этомъ «роспись», то наравнѣ съ другими родственниками старшей Веселевской. Впослѣдствіи мы также не встрѣчаемъ ихъ въ числѣ род-

[1]) Прим. Изъ «корреспонденціи съ генералъ-фельдмаршаломъ Репнинымъ о фамиліи графа Скавронскаго» видно, что у Дороты Сковороцкой былъ еще третій сынъ Дирихъ, взятый въ плѣнъ въ Лифляндіи Шереметовымъ, и который не былъ отысканъ въ 1728 году, когда дано было высочайшее повелѣніе о сыскѣ лифляндца Дириха Самуилова, сына Сковороцкаго, и для сего посланы нарочные... «Но сего лифляндца не сыскано ни въ Архангельской, ни въ Вологодской, ни въ Устюжской, ни въ Галицкой провинціяхъ. Равнымъ образомъ, не нашли его въ Малороссіи, куда также послано было предписаніе». (См. Арсеньевъ: «Царствованіе Екатерины I», въ Ученыхъ запискахъ второго отд. ак. наукъ, кн. II, вып. I, Спб., 1856, стр. 284).

ственниковъ, отыскиваемыхъ въ Лифляндіи, начиная съ 1722 года, и привезенныхъ въ Россію.

Бестужевъ, согласно полученному указу, долженъ былъ отыскивать только фамилію Веселевскихъ и Дуклясовъ, т. е. семью старшей Веселевской—Катерины-Лизы, и о ней онъ сообщаетъ наиболѣе подробныя данныя въ своей «Запискѣ» 1715 года. Поэтому, если вѣрно извѣстіе Бестужева, что Екатерина I жила въ дѣтствѣ у тетки своей Веселевской, то развѣ у старшей—Екатерины-Лизы (бывшей замужемъ за Веселевскимъ отцомъ, а послѣ его смерти за Дуклясомъ), такъ что, повидимому, только съ этой теткой—старшей Веселевской, у нея существовали въ дѣтствѣ или ранней юности какія-то отношенія. Нагляднымъ свидѣтельствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что изъ всѣхъ своихъ лифляндскихъ родственниковъ русская царица имѣла наиболѣе точныя свѣдѣнія о старшей Веселевской. Она знала фамиліи ея двухъ мужей, а также, что этой тетки уже нѣтъ въ живыхъ въ 1714 году, судя потому, что поручила Бестужеву навести справки о родныхъ ея перваго и второго мужа—Веселевскихъ и Дуклясахъ.

Равнымъ образомъ можно считать довольно сомнительнымъ свѣдѣніе, сообщаемое Бестужевымъ, что Екатерина «жила у тетки Веселевской до 12 лѣтъ возраста ея и взята въ Лифляндѣ маріенбургскимъ пасторомъ». Въ этомъ возрастѣ всѣ сколько нибудь важныя событія жизни, окружающая обстановка и родственныя отношенія болѣе или менѣе отчетливо остаются въ памяти и не исчезаютъ безслѣдно. Поэтому трудно предположить, чтобы Екатерина могла настолько забыть своихъ лифляндскихъ родныхъ, чтобы впослѣдствіи дважды отыскивать и собирать о нихъ свѣдѣнія. Но она, конечно, знала объ ихъ существованіи и помнила фамиліи, такъ какъ только при данномъ условіи возможны были поиски, что подтверждается сдѣланными по этому поводу правительственными распоряженіями. Въ «Росписи», приложенной къ указу 1714 г., были, вѣроятно, также перечислены если не всѣ, то нѣкоторые изъ родственниковъ царицы, иначе Бестужевъ не могъ бы отыскать ихъ въ виду исключительно неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ онъ находился при исполненіи возложеннаго на него порученія. Съ другой стороны, показаніе Бестужева, что Екатерина до 12-ти-лѣтняго возраста жила у тетки Веселевской, и потому не заслуживаетъ довѣрія, что, по свидѣтельству шведскихъ и многихъ другихъ источниковъ, маріенбургская плѣнница была въ младенчествѣ взята изъ состраданія Глюкомъ. Въ противномъ случаѣ Глюкъ при осадѣ Маріенбурга не могъ бы назвать Екатерину найденышемъ на вопросъ Шереметева: кто она?

XI.

Указъ генералъ-комиссару Бестужеву 1714 года «объ отысканіи фамиліи» старшей Веселевской неизбѣжно приводитъ къ вопросу: почему Екатерина оказываетъ такое предпочтеніе одной изъ своихъ тетокъ Веселевской передъ своими предполагаемыми родителями Скворонкими, передъ родными братьями и сестрами? Сковороцкіе, какъ сказано выше, не упомянуты въ указѣ, отодвинуты на второй планъ и наравнѣ съ другими родственниками царицы включены въ общую роспись, приложенную къ указу. На ряду съ этимъ мы видимъ еще другое доказательство полнаго равнодушія предполагаемой «дочери обывателя Самуила Сковороцкаго» къ родной семьѣ. Бестужевъ заявляетъ въ своемъ «донесеніи», что «въ польскихъ Лифляндахъ живутъ два сына Самуила Скворонкаго: Карлъ и Фрицъ (Фридрихъ), и двѣ замужнія дочери—Анна и Доротея» [1]); но Екатерина ни въ чемъ не проявляетъ къ нимъ своихъ родственныхъ чувствъ. Сковороцкіе, повидимому, настолько же чужды ей, какъ и двоюродные братья Гендерберги (жившіе тогда въ Курляндіи) и Симонъ Дуклясъ, о которомъ Бестужевъ пишетъ въ 1715 году, что онъ и «нынѣ живъ въ Крейсбурху». Она не дѣлаетъ относительно ихъ никакихъ распоряженій и какъ бы забываетъ о нихъ до 1721 года, то-есть до появленіи въ Ригѣ Христины Гендриковой, напомнившей русской царицѣ объ ея лифляндской роднѣ.

Въ пользу того, что Сковороцкіе были, повидимому, не родные, а только двоюродные братья и сестры Маріенбургской плѣнницы, служитъ и тотъ фактъ, что Екатерина не могла быть «третьей дочерью Самуила Сковороцкаго, взятой маріенбургскимъ пасторомъ», какъ сказано въ донесеніи Бестужева. Извѣстно на основаніи многихъ свидѣтельствъ, что Екатерина родилась въ 1682—1683 гг. [2]), а также извѣстенъ въ точности воз-

[1]) Старшая замужняя дочь Дороты и Самуила Сковороцкихъ Анна была за Якимовскимъ; вторая дочь за Гендриковымъ. Въ донесеніи Бестужева она названа Доротеей, во всѣхъ другихъ документахъ — Христиной; но такъ какъ она была католичка, то при крещеніи могла получить оба имени: Христина-Доротея.

[2]) Шуточное письмо Петра, гдѣ онъ (родившійся въ 1672 г.) прибавляетъ себѣ два года, чтобы изобразить себя старикомъ въ сравненіи съ супругой, едва ли можетъ служить доказательствомъ при опредѣленіи возраста Екатерины, тѣмъ болѣе, что онъ могъ на томъ же основаніи уменьшить ея года. Въ письмѣ отъ 14-го августа 1712 года, Петръ пишетъ по поводу своего свиданія съ супругой: «Хотя хочетца съ тобою видетца, а тобѣ, чаю, горазда больше, для того, что я въ 27 лѣтъ былъ, а ты въ 42 не была, однакожъ подождать будетъ немношко, чтобъ веселея пріѣхать». (См. Письма русскихъ государей и другихъ особъ царскаго семейства. «Переписка Петра I съ Екатериной Алексѣевной», кн. I, Мо-

расть Христины «Сковорощанки», по мужу Гендриковой, изъ сохранившихся архивныхъ документовъ, гдѣ означено, что она появилась на свѣтъ въ 1686 году [1]). Такимъ образомъ мы видимъ, что Екатерина, названная въ «донесеніи» Бестужева третьей дочерью Самуила Сковороцкаго, оказывается на четыре или три года старше его второй дочери Христины. Но, и помимо этого неточнаго показанія Петра Бестужева, если бы Екатерина дѣйствительно принадлежала къ многочисленной семьѣ Сковороцкихъ, имѣла бы родныхъ братьевъ и сестеръ, то почему она одна изъ всей семьи названа сиротой и найденышемъ? Затѣмъ трудно предположить, чтобы безъ всякаго основанія былъ признанъ въ исторической литературѣ фактъ ранняго сиротства Екатерины, которая, по свидѣтельству наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ, очутилась въ такомъ безпомощномъ положеніи, что взята была изъ состраданія чужими людьми, отдана въ сиротскій домъ и проч.

Отсюда мы неизбѣжно приходимъ къ предположенію, наглядно подтверждаемому многими данными, что рано умершая мать Екатерины была также одна изъ сестеръ курляндца Вильгельма Гана, какъ и Дорота—жена Самуила Сковороцкаго, обѣ Веселевскія и Софья Гендрикова. Неизбѣженъ и другой выводъ, что именно эта сестра Гана и есть Елизавета Морицъ, вдова рижскаго секретаря, которая, по свидѣтельству шведскихъ источниковъ, вышла вторично замужъ за Рабе, уѣхала съ нимъ въ Швецію, гдѣ у ней родилась дочь Екатерина, будущая царица, и проч. Но мы не можемъ считать этотъ послѣдній вопросъ рѣшеннымъ, при отсутствіи прямыхъ доказательствъ, въ видѣ подлинныхъ документовъ [2]).

сква, 1861 г.). Но даже по этому письму, если вѣрно, что Екатерина родилась въ 1685 г., то все-таки она оказывается на годъ старше своей предполагаемой второй сестры, Христины Гендриковой.

[1]) См. «Архивъ кн. Воронцова», кн. I, стр. 34. Ibidem. «Русскій Архивъ» 1866 г., второе изданіе, стр. 435.

[2]) Для выясненія даннаго вопроса мы обратились въ Петербургѣ къ доктору К. Ѳ. Морицу и къ его брату Э. О. Морицу, живущему въ Ригѣ, въ надеждѣ, что въ фамильныхъ преданіяхъ и генеалогическихъ таблицахъ ихъ рода сохранились какія либо свѣдѣнія объ Елизаветѣ Морицъ, вдовѣ рижскаго секретаря Морица. Но изъ полученныхъ отвѣтовъ оказалось, что эта вѣтвь фамиліи Морицъ не состоитъ въ родствѣ съ Ганами и Рабе, и что у нихъ не сохранилось никакихъ традицій о родствѣ съ Екатериной I членовъ ихъ рода. Между тѣмъ, по свидѣтельству рижскаго археолога, доктора А. Бухгольца, «въ половинѣ XVII вѣка въ Ригѣ находилось нѣсколько лицъ фамиліи Морицовъ», и въ реестрахъ о о крещенныхъ Домской церкви и церкви св. Петра въ Ригѣ съ 1657—1691 г. записано много дѣтей: Людвига, Ролофа, Германа и Магнуса Морицовъ»... Но такъ какъ имя рижскаго секретаря, вдовой котораго была Елизабета Морицъ, неизвѣстно, то трудно рѣшить, который изъ Морицовъ былъ первымъ мужемъ Елизаветы Рабе. Также неуспѣшны были справки, наведенныя для насъ въ Ригѣ В. Сорокинымъ о курляндской фамиліи Ганъ, которая не принадлежитъ къ лифляндскому дворянству и не имѣетъ генеалогическихъ таблицъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что Бестужевъ въ виду важнаго, возложеннаго на него порученія употребилъ всѣ усилія, чтобы доставить ея величеству возможно точныя данныя, и не могъ ничего выдумать или прибавить по собственному усмотрѣнію. Онъ собиралъ свѣдѣнія отъ мѣстныхъ жителей, самихъ Сковороцкихъ и ихъ родственниковъ, которые не могли не знать дочерей Самуила Сковороцкаго, а также, которая изъ нихъ моложе или старше, такъ что неточность показаній не можетъ быть объяснена простой случайностью или недоразумѣніемъ. Что касается Сковороцкихъ, то они, люди «темные», могли включить Екатерину въ свою семью и объявить родной сестрой въ надеждѣ на великія блага отъ такого родства и въ томъ расчетѣ, что Екатерина, оставшись въ младенчествѣ на чужихъ рукахъ, могла не помнить родителей и фамилію своего отца. Мы не знаемъ, руководились ли Сковороцкіе именно этими или другими мотивами, но фактъ обмана очевиденъ, и обмана настолько наивнаго, что онъ не могъ ввести въ заблужденіе Екатерину, которая по всѣмъ даннымъ помнила фамилію своихъ родителей и нѣкоторыхъ родственниковъ. Во всякомъ случаѣ, попытка Сковороцкихъ прошла безслѣдно и не измѣнила къ лучшему ихъ положенія, такъ какъ относительно этого, со стороны ея величества, не послѣдовало никакихъ распоряженій.

Съ 1715 года проходитъ нѣсколько лѣтъ, и наконецъ весною 1721 года Христина Гендрикова, наиболѣе энергичная и честолюбивая изъ Сковороцкихъ, узнавъ о пребываніи ихъ величествъ въ Ригѣ, является ко двору, подъ именемъ «Сковороцанки», и добивается свиданія съ императрицей. Свиданіе это, вѣроятно, происходило наединѣ или въ присутствіи немногихъ, судя по тому, что о немъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній; неизвѣстно также, сдѣлала ли Христина попытку убѣдить Екатерину Алексѣевну, что она ея родная сестра. Мы знаемъ только, что Христина была «паки отпущена» съ пожалованіемъ двадцати червонныхъ и должна была вернуться въ деревню Кегему (около Риги) къ мужу. Подарокъ 20 червонныхъ родной сестрѣ кажется намъ довольно скуднымъ со стороны императрицы, щедро надѣлявшей червонными своихъ слугъ, князь-игуменью за выпитые ею кубки, гудочниковъ, волторнистовъ на хрустальныхъ колоколахъ, пѣвчихъ и прочихъ. Мы знаемъ изъ приходо-расходной книги императрицы Екатерины, что она однажды пожаловала 20 червонныхъ какому-то Горлецкому за поднесеніе французской грамматики, а въ другомъ случаѣ—30 червонныхъ комедіанту, который «показывалъ штуки, и въ барабанъ билъ и на головѣ стоялъ» [1]).

---

[1]) См. «Русская Старина», т. I, 1870, стр. 407—410, «Княгиня-игуменья 1722—1725 гг.».—Ibid. «Русскій Архивъ», 1874 г., № III, «Книга приходо-расходная комнатныхъ денегъ императрицы Екатерины Первой за 1723 годъ».

Христина, съ своей стороны, едва ли осталась довольна пожалованіемъ императрицы и оказаннымъ ей пріемомъ, но, тѣмъ не менѣе, при жизни Петра Великаго не рѣшалась болѣе заявлять о своемъ существованіи. Въ декабрѣ слѣдующаго 1722 года, по письму генералъ-прокурора Ягужинскаго къ князю Репнину, «былъ отыскань и взять подъ крѣпкій караулъ братъ Христины, крестьянинъ Карлъ Самуиловъ Сковороцкій, а потомъ отправленъ въ Москву къ кабинетъ-секретарю Макарову» [1]). Съ этого момента до смерти Петра о Карлѣ Сковороцкомъ нѣтъ никакихъ извѣстій, кромѣ того, что онъ гдѣ-то содержался въ полномъ довольствѣ, и къ нему были привезены дѣти изъ Лифляндіи, а жена «никакъ не согласилась пріѣхать»...

Содержаніе въ неволѣ болѣе двухъ лѣтъ подъ присмотромъ, хотя бы въ довольствѣ, «родного» брата Екатерины не можетъ служить доказательствомъ ея нѣжныхъ чувствъ къ нему, и Петръ въ данномъ случаѣ не рѣшился бы причинить огорченіе любимой супругѣ, если бы это было противъ ея воли. Такое суровое обращеніе съ Карломъ Сковороцкимъ, личностью безобидною и ничтожною, и соблюденіе тайны относительно мѣста его пребыванія скорѣе могло имѣть цѣлью удержать его отъ «пустыхъ разговоровъ», и только съ этой стороны онъ и могъ казаться опаснымъ. Возможно, что заявленіе Карла Скавронскаго о своемъ родствѣ съ русской царицей и послужило основаніемъ романическаго разсказа Вильбоа и Вольтера (пользовавшагося современной рукописью), что Карлъ Самуиловичъ былъ найденъ въ корчмѣ, слугою, объявилъ себя братомъ высокой особы и пр.

Мы привели доводы и нѣкоторыя данныя въ пользу того, что Сковороцкіе могли быть не родными, а только двоюродными братьями и сестрами Екатерины, но не считаемъ себя въ правѣ утверждать это. Единственный намекъ на то, что Екатерина I могла быть дочерью старшей сестры Вильгельма Гана, мы находимъ въ слѣдующемъ письмѣ цесаревны Елисаветы Петровны къ вдовѣ Ѳедора Сковороцкаго, урожденной Сабуровой, отъ 4 іюля 1732 года: «Понеже извѣстно намъ, что мужъ вашъ, гр. Ѳедоръ Самуиловичъ, опредѣлилъ тебѣ нѣкоторыя вотчины изъ пожалованныхъ господамъ гр. Скавронскимъ въ фамилію ихъ, а у него, мужа вашего, дѣтей никого не имѣется, того ради изволите въ томъ себя предостеречь, и въ тѣ вотчины вступать вамъ не подлежитъ... и ежели вы въ мою волю отдадитеся, то надѣюся, крѣпчей будетъ... Для того я надѣюсь, что вы не забыли, что я большая у васъ» [2]). Въ этомъ письмѣ Елисавета Петровна, пле-

---

[1]) Ученыя записки второго отдѣла Академіи наукъ, кн. II., Спб., 1856. «Корреспонденція съ княземъ Репнинымъ о фамиліи графа Скавронскаго», стр. 284.
[2]) «Осьмнадцатый вѣкъ», второе изд., кн. первая, М., 1869, стр. 47.

мянница Скавронскихъ, Ефимовскихъ и Гендриковыхъ, не имѣвшая никакой власти и значенія въ царствованіе Анны Іоанновны, могла называть себя большой, развѣ только въ томъ смыслѣ, что она себя считала старшей въ родѣ по матери.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о матери Екатерины I, одной изъ сестеръ Вильгельма Гана, т. е. была ли она старшей изъ нихъ, ея имени и фамиліи по мужу также не можетъ считаться рѣшеннымъ, пока не будутъ найдены подлинные, относящіеся сюда документы [1]).

Екатерина I, насколько мы могли прослѣдить, ни въ одномъ изъ своихъ писемъ и указовъ не упомянула о своемъ родствѣ съ Сковороцкими, и только въ своемъ «завѣщаніи» называетъ ихъ «ближними сродниками нашей собственной фамиліи» наравнѣ съ Ефимовскими и Гендриковыми, назначая для раздѣла между ними лично принадлежавшія ей «маетности и земли». Императрица Елисавета Петровна въ одномъ изъ своихъ указовъ сенату отъ 17-го августа 1743 года, по поводу тяжбы графа Ивана Скавронскаго съ камергеромъ Валкъ-Полевымъ, называетъ Ефимовскихъ, Скавронскихъ и Гендриковыхъ сродными фамиліями ея «любезнѣйшей» матери, «блаженной и вѣчнодостойной памяти государыни Екатерины Алексѣевны» [2]). Ека-

[1]) Изъ подлинныхъ документовъ важное значеніе имѣли бы данныя о бракосочетаніи Елизаветы Морицъ съ квартирмейстеромъ Рабе, годъ смерти Елизаветы Рабе, а затѣмъ сиротскій пріютъ, въ который была помѣщена Екатерина, будущая императрица, послѣ смерти матери. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ Ригѣ отъ ученыхъ членовъ Лифляндскаго археологическаго и историческаго общества— барона Брюйнингка и доктора А. Бухгольца и доставленнымъ намъ Э. О. Морицомъ и В. Сорокинымъ, оказывается слѣдующее. Реестры о бракосочетаніяхъ въ рижскихъ городскихъ церквахъ имѣются только съ 1702 года, кромѣ бывшаго шведскаго прихода Jacobikirche, гдѣ записи доходятъ до 1668 г. И такъ какъ Іоаннъ Рабе былъ шведскаго происхожденія, «то слѣдовало бы предполагать, что его бракосочетаніе состоялось при содѣйствіи пастора названной церкви, но о таковомъ отъ 1668 до 1704 никакихъ слѣдовъ не найдено». Равнымъ образомъ ничего не отыскано въ церковныхъ книгахъ г. Крейсбурга и въ Калкунѣ, а тѣмъ болѣе въ Маріенбургѣ, гдѣ всѣ архивныя бумаги исчезли безслѣдно. Тщательныя изысканія въ данномъ направленіи были произведены барономъ Брюйнингкомъ, и, какъ упомянуто выше, привели его къ заключенію, что «многіе документы были нарочно уничтожены, такъ какъ ничѣмъ инымъ нельзя объяснить нѣкоторыхъ пробѣловъ въ записяхъ»... Реестры умершихъ съ 1685—1700 гг., хотя и существуютъ въ рижской Domkirche и Jacobikirche, но въ Leichenbücher этихъ церквей имени Елизаветы Рабе не найдено.

Что касается пріюта, въ которомъ могла быть помѣщена Екатерина въ раннемъ дѣтствѣ, то существуютъ въ Ригѣ два старинныхъ учрежденія: »Waisenhaus« (сиротскій домъ), основанный въ 1651 году, и «Convent zum Heil. Geist», который состоитъ изъ нѣсколькихъ благотворительныхъ убѣжищъ, основанныхъ въ разныя эпохи, начиная съ XIII вѣка, но служило ли одно изъ этихъ учрежденій убѣжищемъ для Екатерины,—неизвѣстно.

[2]) Опытъ историч. родословія графовъ Ефимовскихъ», Спб., 1841. Приложеніе № 1.

терина II въ письмѣ къ графу М. Л. Воронцову (женатому на Аннѣ Карловнѣ Скавронской) отъ 2 декабря 1764 года заявляетъ о своемъ нежеланіи вступаться въ дѣло развода его дочери съ мужемъ А. С. Строгановымъ «по причинѣ близкаго свойства графовъ Скавронскихъ съ покойною бабкой императрицей Екатериной I» [1]).

XII.

Вступленіе на престолъ Екатерины I послужило поводомъ для новыхъ, еще болѣе смѣлыхъ заявленій со стороны Христины Гендриковой о своемъ родствѣ съ императрицей, такъ какъ, повидимому, она была увѣрена, что теперь устранены всѣ препятствія къ ея появленію при русскомъ дворѣ и полному благополучію.

Едва прошло четыре мѣсяца послѣ смерти Петра Великаго, и уже 3 іюня 1725 года къ рижскому генералъ-губернатору, князю А. И. Репнину, явилась Христина Гендрикова и подала «суплику» на польскомъ языкѣ. Въ этомъ прошеніи Христина, жалуясь на обращеніе съ нею помѣщика Вульфеншильда, писала между прочимъ: «...Всевышній по особенной милости своей возвелъ сестру мою въ императорскій санъ; мы же двѣ (т. е. Христина и старшая Анна) остались въ крайней бѣдности... Сдѣлайте милость, не откажите мнѣ бѣдной въ совѣтѣ вашемъ, какимъ бы образомъ мнѣ можно было поклониться ея величеству императрицѣ, ибо я вовсе не знаю, какъ и въ чемъ мнѣ пріѣхать. Я совершенно увѣрена, что она не отречется отъ меня» и т. д. [2]).

Князь Репнинъ на другой же день извѣстилъ кабинетъ-секретаря Макарова о супликѣ, поданной Христиной, и сдѣланномъ ею словесномъ заявленіи, что «она сестра императрицы», и приказалъ содержать ее подъ карауломъ въ ея домѣ съ мужемъ и дѣтьми. На это извѣщеніе послѣдовало повелѣніе ея величества «содержать упомянутую женщину и семейство ея въ скромномъ мѣстѣ, дать имъ нарочитое пропитаніе и одежду и приставить къ нимъ повѣренную особу, которая могла бы ихъ удерживать отъ пустыхъ разсказовъ» [3]).

Но принятая мѣра оказалась недостаточною, какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ князя Репнина, который доносилъ въ Петербургъ, что Гендриковы, по слухамъ, «уже многимъ о себѣ разгла-

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, кн. седьмая, стр. 650.

[2]) См. русскій переводъ суплики въ ст. Я. К. Грота «Происхожденіе императрицы Екатерины I», стр. 22, въ Сборникѣ отд. русск. яз. и слов. имп. акад. наукъ, т. XVIII, Спб., 1878.—Ibid. въ ст. В. О. Михневича: «Семейство Скавронскихъ», въ «Историч. Вѣстн.», февраль 1885 г., стр. 256.

[3]) Ученыя записки второго отд. имп. ак. наукъ, кн. II, Спб., 1856: «Корреспонденція съ кн. Репнинымъ о фамиліи гр. Скавронскаго», стр. 234—235.

сили, и оба люди глупые и пьяные», и что слѣдуетъ «взять ихъ куда въ другое мѣсто, дабы отъ нихъ больше вракъ не было». Не получая никакого отвѣта на это извѣстіе, князь Репнинъ «паки доносилъ» о томъ же 7-го іюля и писалъ, что всего «удобнѣе бъ взять оную женщину съ фамиліей въ Русь и содержать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ про нихъ не знаютъ». Совѣтъ этотъ былъ принятъ императрицей, и рѣшено было отправить за Гендриковыми «нарочнаго курьера», который долженъ былъ доставить ихъ въ Петербургъ.

Между тѣмъ князь Репнинъ, узнавъ черезъ своего офицера, посланнаго въ Польскіе Лифлянды, что тамъ находится большая, старшая сестра Христины, Анна Ефимовичева съ мужемъ и дѣтьми, и «также о себѣ безопасно гласитъ», приказалъ доставить ихъ въ Ригу. Но обѣщанный курьеръ не явился изъ Петербурга. Князь Репнинъ посылалъ письмо за письмомъ кабинетъ-секретарю, напоминалъ о людяхъ, которые содержатся у него многое время подъ карауломъ и о томъ «вельми сомнѣваются», а особливо «тѣ, которые изъ Литвы привезены, нарекаютъ, что, оставя домъ свой, сюда пріѣхали». 14-го ноября рижскій генералъ-губернаторъ опять пишетъ въ Петербургъ и повторяетъ свою просьбу, «дабы о помянутыхъ арестантахъ получилъ какой указъ; ибо опасенъ я на себя отъ нихъ жалобы, которую уже и нынѣ производятъ».

Тѣмъ не менѣе, прошло еще болѣе мѣсяца безъ всякихъ извѣстій изъ Петербурга, и только въ началѣ слѣдующаго 1726 года Макаровъ написалъ, что «для извѣстной женщины съ дѣтьми нараженъ курьеръ и скоро будетъ отправленъ». Сообщеніе это сильно встревожило кн. Репнина, судя по его письму отъ 23-го января, въ которомъ онъ почтительно докладывалъ кабинетъ-секретарю, что «помянутая женщина съ мужемъ и дѣтьми не одна, но съ нею есть братъ ея родной съ женою и дѣтьми, да большая родная сестра ея съ мужемъ и дѣтьми», и что всего содержатся у него три семьи, которымъ посылаетъ роспись. При этомъ онъ просилъ извѣстить его: «всѣхъ ли отправлять, какъ прибудетъ курьеръ, или токмо упомянутую женщину съ дѣтьми, и что съ достальными дѣлать» [1]).

Кн. Репнинъ получилъ приказъ снарядить въ дорогу и «другихъ той же фамиліи», и наконецъ 23 февраля 1726 года отправилъ изъ Риги съ присланнымъ курьеромъ Микулинымъ всѣхъ содержащихся у него людей, кромѣ латышки, жены Фридриха Сковороцкаго, съ двумя дочерьми, его падчерицами, «которыя сами слезно просили, дабы ихъ оставить, да и къ посылкѣ оныя весьма не потребны» [2]).

---

[1]) Сборн. отд. русск. языка и слов. имп. ак. наукъ, т. XVIII, Спб., 1878, стр. 23—27.

[2]) Ibid., стр. 29.

Участь привезенныхъ въ Россію родственниковъ императрицы, отосланныхъ въ Стрѣльну, была довольно печальная. Хотя Екатерина I щедро надѣлила ихъ вотчинами, драгоцѣнностями и деньгами, но не имѣла съ ними никакихъ сношеній, и даже братья Сковороцкіе, пожалованные въ графы Скавронскіе 5 января 1727 года, не были приближены къ особѣ ея величества. Изъ нихъ только Карлъ Самуиловичъ жилъ въ Петербургѣ въ роскошномъ, устроенномъ для него домѣ соотвѣтственно его званію, и дѣти его были взяты ко двору и получали воспитаніе.

Послѣ смерти Екатерины I въ положеніи ея «ближнихъ сродниковъ», получившихъ по оставленному ею завѣщанію новыя значительныя вотчины, произошла существенная перемѣна въ томъ отношеніи, что имъ дозволено было выбрать мѣстожительство по своему усмотрѣнію. И такъ какъ ничто не удерживало ихъ въ Петербургѣ, и имъ не предстояло играть никакой роли при новомъ дворѣ, то всѣ они одни за другими переѣхали въ Москву и въ пожалованныя имъ помѣстья, гдѣ вскорѣ довольно своеобразно заявили о своемъ существованіи. Неожиданное превращеніе нищихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ богатыхъ господъ, владѣющихъ большими землями и сотнями душъ, настолько вскружило имъ головы и возбудило алчность, что они требовали себѣ все новыхъ и новыхъ даяній и милостей. Такъ Карлъ Самуиловичъ, какъ видно изъ журнала верховнаго тайнаго совѣта отъ 3 апрѣля 1728 года, въ своемъ прошеніи о выдачѣ ему диплома на графскій титулъ, слезно молитъ «о пожалованіи его, графа, дворомъ послѣ кн. Меншикова, который на Мясницкой улицѣ» [1]. Затѣмъ въ письмѣ отъ 14 іюня того же года онъ просилъ гофмейстерину Елисаветы Петровны, чтобы она доложила цесаревнѣ «о дачѣ ему для житья въ Москвѣ двора» [2], и при своемъ громадномъ по тому времени богатствѣ [3]) жалуется, что ему приходится жить въ наемномъ домѣ «съ нуждою».

Съ прошеніями и письмами обращались къ Елисаветѣ Петровнѣ и другіе родственники ея покойной матери, приносили жалобы и молили о заступничествѣ въ своихъ нескончаемыхъ распряхъ. Двѣ родныя сестры, Гендрикова и Ефимовская, получившія съ дѣтьми значительныя помѣстья, при совмѣстномъ владѣніи нѣкоторыми имѣніями затѣяли изъ-за дѣлежа и пользованія ими «жестокое междоусобіе», бранились и ссорились изъ-за каждаго клочка земли.

---

[1]) См. Сборникъ Имп. Р. Ист. Общ., т. 79, стр. 268—269.

[2]) «Историческій Вѣстникъ», мартъ 1885 г., ст. В. О. Михневича»: «Семейство Скавронскихъ», стр. 551.

[3]) О значительномъ богатствѣ гр. Карла Самуиловича Скавронскаго можно составить понятіе по его духовному завѣщанію, написанному 8 апрѣля 1729 года, почти за два мѣсяца до его смерти. (Сборникъ Муханова, Спб., 1866, изд. второе, стр. 483—484).

Гр. Өедоръ (Фридрихъ) Скавронскій, до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1732 году, приносилъ цесаревнѣ жалобу за жалобой на сестру Анну Ефимовскую и дѣтей ея, отъ которыхъ, по его словамъ, онъ терпѣлъ «несносныя обиды, брань и разореніе» въ видѣ форменныхъ наѣздовъ, сопровождаемыхъ грабежемъ и насиліемъ [1]).

Елисавета Петровна, считавшая своимъ долгомъ оказывать покровительство роднымъ покойной матери, вступалась за ихъ обиды, разбирала ссоры, но не могла принести имъ существенной пользы въ царствованіе Анны Іоанновны, «не милостивой ко всѣмъ сроднымъ фамиліямъ императрицы Екатерины I» [2]). Анна Іоанновна, гордившаяся своимъ происхожденіемъ отъ старшаго брата императора Петра, относилась съ презрѣніемъ къ незнатнымъ родственникамъ Маріенбургской плѣнницы и не упускала случая притѣснять ихъ [3]). Краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ этого служитъ дѣло гр. Мартына Карловича Скавронскаго (второго сына Карла Самуиловича), начатое 23 іюня 1735 года, по поводу принесенной имъ жалобы на своего слугу Урядова, котораго онъ обвинилъ въ волшебствѣ. Урядовъ, призванный въ Тайную Канцелярію, сказавъ «слово и дѣло», въ свою очередь обвинилъ гр. Скавронскаго, что онъ во время ужина, сидя за столомъ, говорилъ ему, Урядову, и стыремъ людямъ своимъ: «нынѣшней де государынѣ не жить, а послѣ де ея, какъ буду я императоромъ, то разошлю тогда по всѣмъ городамъ указъ ,чтобъ всякаго чина у людей освидѣтельствовать и переписать, сколько у кого денегъ имѣется»...

Несмотря на явную нелѣпость доноса и на то, что гр. Мартынъ Скавронскій въ «говореніи означеннаго не винился и показалъ, что если что и говорилъ, то не съ какого умыслу, но въ пьянствѣ отъ простоты своей»,—онъ не избѣгъ строгаго наказанія. Не помогло ему и свидѣтельство четырехъ человѣкъ, указанныхъ Урядовымъ, которые заявили на допросѣ, что никакихъ словъ отъ Скавронскаго не слыхали. Дѣло кончилось тѣмъ, что 30 сентября 1735 года, на основаніи выписки Тайной Канцеляріи и по опредѣленію ея величества, въ присутствіи его превосходительства,

---

[1]) «Историческій Вѣстникъ», 1885, мартъ, стр. 553—554, ст. Михневича.

[2]) Въ именномъ указѣ сенату имп. Елисаветы Петровны отъ 17 августа 1743 года по поводу пересмотра тяжбы гр. Ивана Ефимовскаго съ камергеромъ Балкъ-Полевымъ сказано: «Былъ по оному дѣлу указъ сестры нашей императрицы Анны Іоанновны 1757 года, іюня 8, въ пользу оному Балку, «но оное по тогдашнему времени отъ немилости Ея не токмо къ онымъ Ефимовскимъ, но и ко всѣмъ сроднымъ фамиліямъ.... государыни Екатерины Алексѣевны, яко Скавронскимъ и Гендриковымъ, и ко утѣсненію ихъ учинено, ибо и запрещеніе въ продаже деревень всѣмъ учинено безъ всякой причины». (См. Опытъ истор. родословія гр. Ефимовскихъ, Спб., 1841 г. Приложеніе № 1).

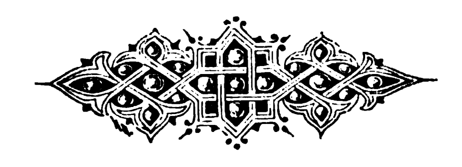
[3]) Архивъ кн. Воронцова, кн. первая, 1870, стр. 27.

Андрея Ивановича Ушакова, «помянутому Скавронскому нещадное наказаніе плетьми учинено, и онъ освобожденъ»....[1]).

При вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны, повидимому, никого изъ старшихъ родственниковъ новой императрицы со стороны матери не было въ живыхъ, но для младшаго поколѣнія Скавронскихъ, Гендриковыхъ и Ефимовскихъ наступили счастливые дни. Гр. Мартынъ Карловичъ Скавронскій, помимо придворныхъ должностей, былъ пожалованъ въ 1744 году въ генералъ-лейтенанты, а черезъ десять лѣтъ въ генералъ-аншефы и получилъ орденъ св. Андрея. Что касается Гендриковыхъ и Ефимовскихъ, то они, кромѣ другихъ отличій, возведены въ графское Россійской имперіи достоинство. Въ спискѣ статсъ-дамъ императрицы Елисаветы Петровны мы встрѣчаемъ имена: Анны и Маріи Гендриковыхъ, Анны Карловны Воронцовой, Маріи Николаевны Скавронской, жены Мартына Карловича, урожд. Строгановой [2]).

Такимъ образомъ, Скавронскіе, Гендриковы и Ефимовскіе заняли въ гербовникахъ и родословныхъ книгахъ видное мѣсто среди титулованныхъ дворянскихъ фамилій Россійской имперіи. Но, кромѣ Анны Карловны Скавронской, по мужу Воронцовой,— одной изъ наиболѣе яркихъ и замѣчательныхъ представительницъ высшаго русскаго общества XVIII вѣка,—никто изъ нихъ не выдѣлился своими способностями или заслугами въ области государственной, общественной и научной дѣятельности.

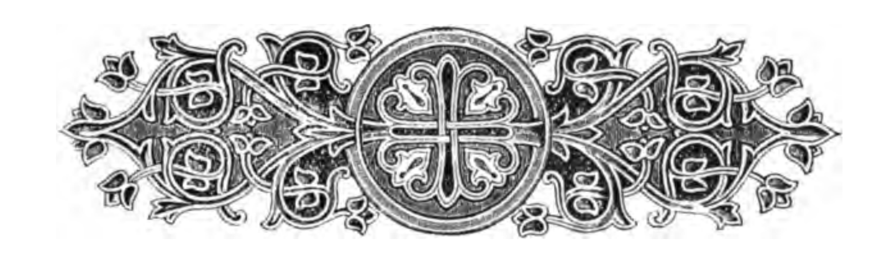
Н. А. Бѣлозерская.

[1]) «Историч. бумаги, собр. К. Ив. Арсеньевымъ», изд. П. Пекарскимъ (Сборникъ отд. русск. яз. и слов. ак. наукъ, Спб., 1872, т. IX, стр. 109—118).

[2]) Чтенія въ Имп. О. И. и Др. Росс., 1860, кн. I, «Списокъ статсъ-дамамъ, пожалованнымъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ»

ВЪ ЧЕМЪ СИЛА?

ИЗДАТЕЛЬ весьма серіозной газеты «Зарница» былъ человѣкъ мягкій, покладистый, сговорчивый, примирительный. Газету свою онъ любилъ, какъ дѣтище, съ которымъ возился больше двадцати лѣтъ, которое взлелѣялъ, ради котораго немало испортилъ крови и—можетъ быть, это причина не послѣдней важности—на которое ухлопалъ добрую половину своего состоянія.

Но это время прошло, время, когда за право быть издателемъ серіозной газеты онъ платилъ. Теперь газета сама себя содержала и каждый годъ возвращала ему значительную часть истраченныхъ денегъ, словомъ, дѣла шли хорошо, и было все для того, чтобы издателя не покидало хорошее настроеніе. И, тѣмъ не менѣе, можетъ быть, никогда его еще не видѣли такимъ нервнымъ и раздражительнымъ, какъ теперь. По временамъ, онъ замѣчалъ въ себѣ приливы желчи и злости, а потомъ, когда это проходило, и онъ оглядывался назадъ, оказывалось, что онъ совершилъ рядъ несправедливостей, и его мучило позднее раскаяніе.

Перемѣна эта произошла отъ странной причины. Главный редакторъ газеты, человѣкъ, которому газета была обязана своей репутаціей, былъ властолюбивъ и давно уже предъявлялъ претензію—устранить издателя отъ вмѣшательства во внутреннюю жизнь газеты. Но пока дѣло требовало денегъ, и издатель давалъ ихъ, этого нельзя было сдѣлать. Деньги требуютъ своихъ правъ. Человѣка можно отстранить, но деньги всегда возьмутъ свое.

Но вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ газета не нуждается въ его тратахъ, и въ первый же годъ, когда это началось, онъ какъ-

то незамѣтно оказался устраненнымъ отъ дѣла. Ему предоставили получать доходы и подписывать чеки, а дирижерскую палочку взялъ въ обѣ руки редакторъ и со свойственной ему рѣзвостью понесся стрѣлой, закусивъ удила. Появились новые сотрудники, завелись новыя идеи, противъ которыхъ возмущалась душа издателя. Стали писать развязно, нахально, хлестко, и каждый день утромъ, когда ему приносили газету, онъ, прочитывая ее, переживалъ такое ощущеніе, какъ будто ему разсказывали о воровствѣ, учиненномъ его собственнымъ сыномъ, или объ измѣнѣ жены.

Тысячу разъ поднималъ онъ голосъ противъ этого. Онъ былъ, что называется, тихій идеалистъ, какіе въ изобиліи водились въ прежніе годы, и какихъ нынче уже не водится. Онъ вѣрилъ, что у газеты есть призваніе —проповѣдывать, руководить, просвѣщать. А между тѣмъ его собственная газета шла въ хвостѣ пошлой повседневной жизни и увеселяла читателей.

— Что у васъ пишутъ? Что вы печатаете?—съ негодованіемъ восклицалъ онъ, обращаясь къ редактору.

Тотъ пожималъ плечами.

— Вамъ не нравится? Въ такомъ случаѣ разстанемся!..

Разстанемся! Этотъ человѣкъ зналъ, что это для него немыслимо. Разстаться съ нимъ значитъ отказаться отъ успѣха, отъ возможности возстановить свое состояніе, растраченное многолѣтними приплатами. Начинать сначала—этого его карманъ не выдержитъ, да и старъ онъ для этого, ему—шестой десятокъ въ половинѣ, голова его сѣда. И онъ пасовалъ, подписывая въ качествѣ издателя столбцы и страницы, на которыхъ было оттиснуто отрицаніе всей его жизни.

Онъ говорилъ себѣ въ оправданіе: «убѣжденія, это—мое личное дѣло. Но состояніе, это—будущность моихъ дѣтей. Я не имѣю права дѣлать ихъ нищими».

И все шло такъ, какъ шло. Ему приносили счета, онъ провѣрялъ и подписывалъ ихъ, отъ него требовали чековъ на расходы, онъ выдавалъ ихъ, и это было ему противно, это выводило его изъ себя, а иногда приводило его въ бѣшенство и изъ мирнаго, мягкаго, покладистаго человѣка превращало его въ тигра.

Но годичный балансъ ежегодно значительно пополнялъ его «надорванное» состояніе, и онъ терпѣлъ.

Самымъ ужаснымъ дѣломъ для него было, когда являлись къ нему сотрудники. Въ ту же минуту онъ начиналъ ненавидѣть ихъ. Въ прежнее время, когда онъ былъ «дѣйствующимъ лицомъ» въ газетѣ, онъ, напротивъ, любилъ, когда они приходили. Они обращались къ нему съ принципіальными вопросами, у нихъ завязывались споры, въ которыхъ онъ нерѣдко побѣждалъ. Онъ чувствовалъ тогда себя живымъ, дѣйствующимъ, чувствовалъ, что въ томъ живомъ дѣлѣ, которое было созданіемъ его жизни, лежитъ частица его души.

Теперь они говорили съ нимъ только о деньгахъ. Имъ не зачѣмъ было обращаться къ нему по общественнымъ или литературнымъ вопросамъ, на этотъ счетъ у нихъ былъ вдохновитель и вершитель—редакторъ. И когда въ кабинетѣ у него появлялся одинъ изъ сотрудниковъ, то, прежде чѣмъ тотъ открывалъ ротъ, у него въ головѣ уже звучала фраза: «я къ вамъ съ просьбой, Григорій Александровичъ... не можете ли»... и т. д. Такъ и оказывалось. Заводилась рѣчь о прибавкѣ жалованья или построчной платы, о выдачѣ аванса. Онъ удовлетворялъ... Въ первое время онъ удовлетворялъ всѣ просьбы, потому что отъ природы былъ добръ, мягокъ, сговорчивъ, миролюбивъ. Но потомъ, когда онъ уже окончательно понялъ, что это—его единственное право, онъ какъ бы старался хоть этимъ правомъ воспользоваться полностью и сталъ несговорчивъ, ворчливъ, даже рѣзокъ, нерѣдко отказывалъ, о чемъ иногда искренно сожалѣлъ потомъ.

Особенно энервировали его два-три изъ новыхъ сотрудниковъ. Эти люди «послѣдней формаціи», никогда не видавшіе его въ прежней роли и привыкшіе смотрѣть на него, какъ на мѣшокъ съ золотомъ, оскорбляли его однимъ своимъ появленіемъ.

Въ этотъ день онъ былъ какъ-то особенно скверно настроенъ. Да и день былъ отвратительный, сѣрый, слякотный, холодный,—ни зима, ни лѣто. Въ его кабинетѣ, который былъ изолированъ отъ комнатъ, гдѣ жила его семья, была тишина. Тамъ, внизу, происходила какая-то работа,—писались широковѣщательныя статьи, добывались новости, велась полемика; однихъ миловали, другихъ казнили; все это дѣлалось на его деньги, всю эту огромную живую махину создалъ онъ своимъ рискомъ и трудомъ. Но всѣ тамъ чувствовали себя хозяевами, людьми, прикосновенными къ дѣлу; только онъ здѣсь, наверху, отрѣзанъ отъ любимаго дѣла. И ничего онъ не можетъ измѣнить. Они—активная сила, они владѣютъ перомъ, а онъ писать не умѣетъ, онъ только любитъ дѣло, и, если бы они, сговорившись однажды, всѣ его оставили, онъ съ своею любовью не сумѣлъ бы написать одного столбца.

Все это его бѣсило, и онъ переживалъ то состояніе, когда человѣку требуется жертва, когда онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не испортитъ кому нибудь, если не жизнь, то хоть одинъ часъ жизни.

Было два часа дня. На лѣстницѣ послышались шаги. Издатель, ходившій по кабинету, сталъ шагать чаще и ступать тяжелѣе.

— Къ вамъ можно, Григорій Александровичъ?

Голосъ былъ кроткій, неувѣренный, но для него это было все равно. Онъ отвѣтилъ сквозь зубы: «сдѣлайте милость... я всегда къ услугамъ».

И въ этомъ «къ услугамъ» слышались горечь и желчь. Вошелъ человѣкъ средняго роста, нелѣпаго сложенія. Плечи у него были

приподняты, но неравномѣрно — правое выше, чѣмъ лѣвое. Грудь вдавленная, ноги тонкія, длинныя. Сильно потертый черный сюртукъ висѣлъ на немъ, какъ на гвоздѣ, вбитомъ въ стѣну. Каблуки на сапогахъ были стоптаны внутрь, сѣрыя брюки внизу обтрепаны. Шея у него была тонкая, жилистая, лицо обросло безпорядочно. Въ маленькихъ глазкахъ выражалась усталость.

— Садитесь,—весьма нелюбезно бросилъ ему издатель, но такъ какъ самъ онъ продолжалъ ходить, то и гость не сѣлъ.

— Садитесь же, Остыловъ,—повторилъ онъ и, какъ бы что-то сообразивъ, сѣлъ въ кресло. Тогда и Остыловъ медленно опустился на стулъ.

— Ну-съ? Въ чемъ же дѣло? —спросилъ издатель, глядя на него исподлобья и съ явной враждебностью барабаня пальцами по столу.

— Мнѣ совѣстно безпокоить васъ, Григорій Александровичъ... промолвилъ Остыловъ, мучительно вертя въ рукахъ свою шапку изъ фальшиваго барашка.

— Однако-жъ, безпокоите... Выходитъ наперекоръ совѣсти!. Впрочемъ, совѣсть здѣсь не при чемъ... Продолжайте!

— Я собственно не имѣю права...

— Въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы пришли?

Остыловъ временно замолкъ. Онъ внутренно укорялъ себя за то, что не разузналъ прежде о настроеніи Григорія Александровича. Когда не имѣешь права, то весь успѣхъ основывается на настроеніи. А его право опиралось на единственномъ обстоятельствѣ, состоявшемъ въ томъ, что ему до зарѣза были нужны деньги.

Однако, разъ ужъ онъ пришелъ сюда, надо доводить дѣло до конца, тѣмъ болѣе, что откладывать нельзя. И онъ началъ объяснять.

— Я пришелъ къ вамъ, Григорій Александровичъ... побезпокоить васъ просьбой...

— Удивляюсь, - воскликнулъ Григорій Александровичъ, нервно пожавъ плечами:— зачѣмъ вы такъ пространно говорите? Вѣдь ко мнѣ ни зачѣмъ другимъ не ходятъ, какъ только за деньгами! Значитъ, достаточно молча протянуть руку и сказать: столько-то.

— Я не знаю, Григорій Александровичъ, чѣмъ я вызвалъ съ вашей стороны...

— Ахъ, ничего вы не вызвали, ровно ничего... Право, мнѣ даже не позволяютъ разсуждать... Ну, наконецъ, что же вамъ угодно, господинъ Остыловъ?

— Я хотѣлъ бы попросить у васъ авансомъ въ счетъ гонорара семьдесятъ пять рублей...

— И скажите: я могу дать и не дать, или уже заранѣе приговоренъ къ тому, чтобы дать?

— Конечно, Григорій Александровичъ, это въ вашей власти... Но... но мнѣ очень нужно. У меня старшій сынъ въ гимназіи учится, а теперь холода наступаютъ, такъ надо ему сдѣлась пальто... Тоже и книги еще... Разумѣется, я не имѣю никакого права...

— Ага! Хорошо, по крайней мѣрѣ, что вы это признаете! И такъ какъ вы не имѣете права, то я... я и не дамъ... — сказалъ издатель и, поднявшись съ мѣста, началъ опять ходить по комнатѣ.

Остыловъ опустилъ голову и произнесъ подавленнымъ голосомъ: — А мнѣ очень, очень нужно, Григорій Александровичъ.

— Я вѣрю, вѣрю, что вамъ очень нужно, — желчно подчеркивая слова, говорилъ издатель, — но вѣдь это вовсе не доводъ! Вы зарабатываете въ среднемъ менѣе ста рублей въ мѣсяцъ, забрали уже впередъ больше трехсотъ и теперь желаете еще... Позвольте, вѣдь это безпорядокъ. Въ какомъ благоустроенномъ предпріятіи вы найдете это? Вѣдь это немыслимо... Я не понимаю, какъ у васъ хватаетъ рѣшимости приходить ко мнѣ съ такими просьбами...

— Григорій Александровичъ, я вѣдь отработаю! Ей-Богу, я отработаю! Мнѣ очень нужно!

Странное душевное состояніе переживалъ издатель. Остыловъ былъ репортеръ и работалъ въ его газетѣ уже лѣтъ пятнадцать. Человѣкъ онъ былъ незначительный, не надѣленный никакими дарованіями. Замѣтка въ двадцать-тридцать строкъ стоила ему большого труда и отнимала много времени. Но работникъ онъ былъ старательный и добросовѣстный. Съ утра онъ начиналъ бѣгать по городу по порученіямъ редакціи, уставалъ страшно и, возвратившись часамъ къ четыремъ, долго еще сидѣлъ надъ бумагой, ломая голову надъ какой нибудь незамысловатой фразой. Небольшой заработокъ доставался ему тяжело. Но зато редакція, поручая ему какое нибудь дѣло, была спокойна, зная, что онъ исполнитъ его точно, не упуститъ ни малѣйшей подробности, и —главное— дастъ отчетъ нелицепріятный. Неподкупность его была внѣ всякаго сомнѣнія. Въ этомъ невзрачномъ, забитомъ человѣкѣ жилъ высокій духъ идеалиста. Несмотря на скромное амплуа репортера, онъ боготворилъ печатное слово и съ глубокимъ уваженіемъ относился къ чернильницѣ и перу.

Семья, требовавшая, расходовъ, сдѣлала его кроткимъ, забитымъ, и онъ, можетъ быть, боясь потерять свое шаткое мѣсто, молчалъ, когда передъ нимъ его товарищи, сдѣланные изъ другого тѣста, попирали ногами то, что онъ считалъ святыней, молчалъ и тогда, когда смѣялись надъ нимъ самимъ, называя его «цѣломудреннымъ репортеромъ», «газетнымъ Іосифомъ» и т. п. прозвищами.

Все это очень хорошо зналъ издатель и въ свое время, когда его еще не изгнали наверхъ, въ кабинетъ, для подписыванія счетовъ и чековъ, цѣнилъ и съ уваженіемъ относился къ Остылову. И зналъ онъ также, что Остыловъ не пришелъ бы къ нему гово-

рить о деньгахъ, если бы его не подвинула на то крайняя нужда. Все это зналъ издатель, и тѣмъ не менѣе у него была злоба противъ этого человѣка; можетъ быть, и не противъ него, а вообще—злоба; но все равно онъ сидѣлъ здѣсь, съ наклоненной головой, комкая въ рукахъ свою шапку. И издатель, злобно шагая по комнатѣ, говорилъ самыя жестокія вещи.

— Вамъ очень нужно, я въ этомъ не сомнѣваюсь! Но ужъ въ томъ, что вы отработаете, позвольте мнѣ усомниться. Вѣдь вамъ всегда будетъ очень нужно, это въ порядкѣ вещей. Ваши дѣти будутъ существовать и требовать отъ васъ расходовъ, вы будете больше запутываться... А я не могу, не могу за всѣхъ платиться... Позвольте, вы забрали триста и хотите еще семьдесятъ пять! Ивановъ забралъ пятьсотъ и потребуетъ полтораста и такъ далѣе и такъ далѣе... Дѣло не можетъ этого выдержать...

— Григорій Александровичъ...

— Ахъ, да вѣдь я знаю, что вы скажете! Вы скажете, что въ будущемъ мѣсяцѣ приналяжете и заработаете вдвое больше... А, это старая сказка, это вамъ никогда не удается... Наконецъ, наконецъ... Для заработывающаго сто рублей въ мѣсяцъ долгъ въ 300 рублей уже великъ, и увеличивать его онъ не имѣетъ права!.. Понимаете, не имѣетъ права!

Понималъ это Остыловъ, очень хорошо понималъ, что онъ пришелъ сюда безъ всякаго права, но не понималъ онъ, что такое сдѣлалось съ Григоріемъ Александровичемъ. Почему этотъ мягкій, покладистый человѣкъ, всегда даже какъ-то конфузившійся, когда съ нимъ говорили о деньгахъ и торопившійся исполнить просьбу, чтобы только не быть въ положеніи человѣка, у котораго просятъ денегъ,—вдругъ такъ освирѣпѣлъ и такъ упорно отказываетъ.

Въ сущности, ему пора было обидѣться, но онъ не спѣшилъ по двумъ причинамъ. Съ одной стороны, ему хотѣлось видѣть въ этомъ только недоразумѣніе. Григорій Александровичъ всегда цѣнилъ въ немъ стараго, добросовѣстнаго работника и, въ случаѣ крайности, всегда спѣшилъ оказать ему услугу. И много уже одолженій онъ ему сдѣлалъ. Взять да и обидѣться на такого человѣка было бы несправедливо. А, можетъ быть, это только настроеніе, и оно пройдетъ. Можетъ быть, его разстроили домашнія дѣла или что нибудь постороннее. Но была и другая причина, можетъ быть, болѣе могущественная: ему сегодня безъ денегъ нельзя было показаться домой.

И онъ старался придумать, какимъ бы способомъ ему смягчить издателя. Онъ перебиралъ въ своей головѣ всевозможные доводы и мысленно говорилъ самыя чувствительныя рѣчи, которыя замирали на его губахъ, какъ только онъ открывалъ ротъ.

— Позвольте мнѣ сказать два слова, Григорій Александровичъ,—промолвилъ онъ, наконецъ, когда издатель на секунду прервалъ свою рѣчь.

— Ахъ, можете говорить ихъ хоть цѣлую сотню...

— Дѣло въ томъ, Григорій Александровичъ, что я... я не всегда былъ въ долгу... Каждый годъ, конечно, накопляется, но... къ концу года понемногу погашается... Это всегда такъ было, и вы... вы никогда мнѣ не отказывали, и я... я всегда погашалъ... Вы всегда говорили, что я... что я хорошій работникъ, и хорошо относились ко мнѣ...

Григорій Александровичъ слушалъ его съ жестами крайняго нетерпѣнія...

— Ха! саркастически произнесъ онъ: — хорошій работникъ! Вы говорите это такъ, какъ будто дѣлаете мнѣ этимъ одолженіе. Но развѣ вы не должны быть хорошимъ работникомъ? Развѣ вы должны быть плохимъ? Быть хорошимъ работникомъ это вовсе не заслуга, это обязанность... Всѣ должны быть хорошими работниками или никакими! Именно за это вы получаете вознагражденіе... Что же касается того, что я хорошо къ вамъ относился, то, во-первыхъ, это сюда не имѣетъ никакого касательства... А, во-вторыхъ... во-вторыхъ, я никакъ не ожидалъ, что мнѣ поставятъ это въ вину, и я въ первый разъ слышу, что за мое хорошеніе отношеніе я долженъ платить деньги...

Послѣ этихъ словъ издателя Остыловъ поднялся. Лицо его было блѣдно, въ глазахъ свѣтилось какое-то смѣшанное выраженіе измученности и обиды. Онъ слегка наклонилъ голову и тихимъ дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ я... я не считаю себя въ правѣ больше безпокоить васъ...

И онъ тихимъ, но рѣшительнымъ движеніемъ повернулся къ двери, чтобы выйти. У Григорія Александровича въ груди что-то заскрипѣло, словно тамъ съ необычайной силой столкнулись двѣ противоположныя струи. Съ одной стороны, онъ испытывалъ какое-то глупое чувство удовлетворенія, потому что уже излилъ весь запасъ своей желчи; но въ то же время онъ не могъ простить себѣ, что это удовлетвореніе доставилъ ему именно Остыловъ, этотъ невиннѣйшій изъ людей, не заслужившій ни одного изъ тѣхъ обидныхъ словъ, которыхъ онъ наговорилъ такъ много. «И зачѣмъ онъ попался мнѣ? Зачѣмъ именно онъ пришелъ въ такую минуту, когда мнѣ нужна была жертва?»—размышлялъ онъ, чувствуя, что у него остался только одинъ моментъ для того, чтобы загладить свою несправедливость, что онъ не имѣетъ права дать этому человѣку выйти изъ его комнаты оскорбленнымъ, и въ то же время боясь чѣмъ-то поступиться и открыто признать себя неправымъ...

— Погодите!—промолвилъ онъ, наконецъ, когда Остыловъ уже взялся за ручку двери:—я вовсе не хочу обижать васъ. Я только говорю, что это... Ну, однимъ словомъ, можетъ быть, вы примиритесь рубляхъ на... ну, на пятидесяти?..

Остыловъ обернулся къ нему и посмотрѣлъ на него глубоко недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Благодарю васъ, Григорій Александровичъ!.. Я очень вамъ буду благодаренъ!—съ видимой радостью торопливо отвѣтилъ Остыловъ, которому послѣ потери всякой надежды пятьдесятъ рублей казались настоящимъ подаркомъ.

— Вы согласны? Ну, хорошо.. Такъ вотъ... Вотъ вамъ записка въ контору...

Онъ подошелъ къ столу и стоя, быстрымъ почеркомъ, написалъ короткую записку.—Вотъ вамъ.

Ему теперь хотѣлось только одного: чтобъ Остыловъ еще разъ поблагодарилъ и вышелъ, унося въ рукѣ желанную записку.

Григорій Александровичъ сѣлъ въ кресло и закрылъ глаза. Онъ испытывалъ ощущеніе какой-то внутренней гадости. Его обидѣли, да, его насильно отстранили отъ участія въ его собственномъ дѣлѣ... А, да не все ли равно, чѣмъ его обидѣли? Но его обидѣли другіе. Онъ недоволенъ, онъ золъ. Но при чемъ здѣсь Остыловъ, жалкій, несчастный Остыловъ, никогда не пользовавшійся въ газетѣ нималѣйшимъ вліяніемъ и, конечно, менѣе всѣхъ виновный въ его огорченіяхъ? И что такое для него, для издателя, эти семьдесятъ пять рублей, изъ-за которыхъ онъ такъ долго поджаривалъ на медленномъ огнѣ этого бѣднаго человѣка и въ концѣ концовъ самымъ глупымъ образомъ, ради какого-то нелѣпаго самолюбія, оттягалъ таки у него жалкихъ двадцать пять рублей... Эти деньги ему не нужны, онѣ не прибавятъ ему ни капли счастья, не доставятъ нималѣйшаго удовольствія, а у Остылова не хватитъ этой суммы на пальто для сына. И такъ поступилъ онъ, всю жизнь пользовавшійся репутаціей «добраго человѣка». Какая гадость!.. И ему хотѣлось подбѣжать къ двери и кликнуть Остылова, вернуть его и дать ему не двадцать пять рублей, а сто, тысячу, сколько онъ захочетъ. Но этотъ порывъ замеръ въ его душѣ. На лѣстницѣ уже слышались другіе шаги. Кто-то подымался твердой увѣренной поступью. Кто-то постучалъ къ нему въ дверь властнымъ, смѣлымъ стукомъ.

— Войдите!—сказалъ Григорій Александровичъ.

Вошелъ фельетонистъ Бабакинъ. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, съ привлекательнымъ, неглупымъ лицомъ, съ умышленно небрежной прической, ловкій, изящный, одѣтый элегантно, со вкусомъ. Онъ поставилъ свой цилиндръ на стулъ и, протянувъ руку издателю, заговорилъ въ высшей степени развязно и непринужденно.

— Рѣшительно мы съ вами сто лѣтъ не видались... Надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ моего посѣщенія?

— Напротивъ... очень пріятно... Прошу садиться...

Григорій Александровичъ произнесъ эти слова машинально. Бабакина онъ зналъ очень мало. Это былъ недавній сотрудникъ, при-

главленный редакторомъ уже безъ его вѣдома, человѣкъ самой новѣйшей формаціи. Фельетоны его были хлестки, номера газеты, въ которыхъ они помѣщались, покупались нарасхватъ. Но Григорій Александровичъ находилъ ихъ пошлыми и несовсѣмъ чистоплотными. И если бы онъ сказалъ то, что хотѣлъ, онъ просто послалъ бы его къ чорту. Но любезныя слова вылетѣли изъ его устъ какъ-то помимо его воли.

Неугодно ли присѣсть?- повторилъ онъ и пододвинулъ гостю кресло.

Бабакинъ поклонился, ловко повернулъ кресло и, сѣвъ въ него, фамильярно развалился на спинку и протянулъ ноги передъ самымъ носомъ хозяина, который тоже сѣлъ.

— Какой противный день сегодня, не правда ли?—заговорилъ Бабакинъ и, не дожидаясь отвѣта со стороны хозяина, продолжалъ: — для меня въ особенности! Можете себѣ представить, я только часъ тому назадъ кончилъ вчерашній завтракъ!...

— Вчерашній завтракъ?—съ изумленіемъ спросилъ Григорій Александровичъ.

— Ха, ха, ха, ха! Да, да, вчерашній завтракъ. Собралось маленькое общество—вы, вѣроятно, всѣхъ знаете: Оглоблинъ, сынъ каретнаго фабриканта, его подруга, мамзель Клю, пѣвица изъ кафешантана,—вы вѣдь ее знаете?

— Нѣтъ, не имѣю чести...

— Напрасно! Милѣйшее существо!... Анекдоты такіе разсказываетъ, что даже я краснѣю... Ха, ха, ха!.. Потомъ жандармскій полковникъ Ахлюевъ,—ну, этого ужъ вы знаете!.. И еще одинъ актеръ... Право, ужъ не помню, по какому поводу, но поводъ былъ, это знаю навѣрно... Ну, вотъ и просидѣли до сегодня...

— Значитъ, было весело?

— О, да! Безусловно! Но вѣдь всю ночь не спалъ, и потому можете себѣ представить мое душевное и тѣлесное состояніе... А тутъ еще къ завтрему долженъ накатать фельетонъ... Воображаю, что это выйдетъ...

— Да, я тоже воображаю!

— А вы думаете, выйдетъ плохо? Напрасно. Да вотъ я этотъ самый завтракъ и опишу...

— Кому же это интересно?

— Какъ кому? Всѣмъ, рѣшительно всѣмъ. Публика, которая обыкновенно плохо завтракаетъ и обѣдаетъ, страшно любитъ, когда ей разсказываютъ, какъ кто нибудь хорошо завтракалъ или обѣдалъ...

— А главное—это поучительно!

— Ахъ, да зачѣмъ поучать? Никто въ этомъ не нуждается. За поученіями ходятъ въ церковь и на публичныя лекціи въ Соляной Городокъ. Публика терпѣть не можетъ, когда ее въ газетѣ поучаютъ.

Я всегда говорю: газета должна быть подобна кондитерской помадкѣ. Пока она таетъ во рту—пріятно; а растаяла—о ней забыли. Да я только два анекдота разскажу, и фельетонъ готовъ...

— Тѣ самые, отъ которыхъ даже вы краснѣете?

— Тѣ самые! Разумѣется, я имъ придамъ болѣе или менѣе приличный видъ...

— Только болѣе или менѣе?

— О, да! Совсѣмъ прилично, значитъ—скучно. Тогда не надо и разсказывать. Я кой-гдѣ приложу фиговый листочекъ, кой-гдѣ повяжу ленточку, кой-гдѣ прикрою газовой дымкой. Не надо, чтобы было все видно, но совершенно необходимо, чтобы слегка просвѣчивало, интриговало, подавало надежды... Въ этомъ весь секретъ успѣха...

— Успѣха кондитерской помадки. Успѣха, который не стоитъ того, чтобы его добиваться...

— Какъ не стоитъ? Всякій успѣхъ этого стоитъ, ибо всякій успѣхъ есть деньги. Если добродѣтель доставляетъ вамъ успѣхъ, отлично, я признаю добродѣтель. Если успѣхъ доставляетъ порокъ, превосходно,—да здравствуетъ порокъ! Недавно я читалъ, что въ Америкѣ появился благочестивый отшельникъ, который ходилъ въ власяницѣ, босикомъ, ѣлъ разъ въ двѣ недѣли, по крайней мѣрѣ, при другихъ, ну, и тому подобное. Онъ проповѣдывалъ отреченіе отъ благъ жизни и творилъ чудеса. За нимъ ходили толпы народа, и каждый приносилъ, что могъ: кто деньги, кто корову, кто брилліанты, кто дюжину яицъ. А пророкъ ничѣмъ не брезгалъ и въ концѣ концовъ собралъ два милліона долларовъ. Это успѣхъ добродѣтели. А въ Парижѣ одна развратная дама зарабатывала по тысячѣ франковъ въ день тѣмъ, что показывалась предъ публикой совершенно голая. Она въ качествѣ любезной хозяйки, принимала гостей, разливала имъ чай, играла на роялѣ, пѣла романсы, сражалась съ ними въ бостонъ, словомъ дѣлала самыя обыкновенныя буржуазныя вещи, все это—безъ малѣйшаго прикрытія. И этимъ только однимъ сдѣлала состояніе. И говорятъ, тѣло ея не представляло ничего красиваго,—самое обыкновенное тѣло. Успѣхъ былъ основанъ на смѣлости порока, рѣшившагося явиться въ оригинальной, никѣмъ еще не практиковавшейся формѣ...

— Такъ что вашъ успѣхъ, это—успѣхъ порока?

— О, мнѣ это, право, все равно! Если бы это потребовалось для успѣха, я готовъ быть ультра-добродѣтельнымъ, проповѣдывать пользу школъ, святость семейныхъ узъ и прочее и прочее. Мы за этимъ не стоимъ...

«Позвольте, милостивый государь,—мысленно говорилъ Григорій Александровичъ, но если у васъ такіе гнусные взгляды на вещи, какое же вы имѣете право грязнить своими произведеніями, своимъ именемъ, мою газету, мое любимое дѣтище, на которое я

положилъ столько труда, средствъ и мученій?! А что, если я возьму метлу и всѣхъ васъ вымету вонъ отдуда?!»

Такъ думалъ издатель, а Бабакинъ въ это время смотрѣлъ на него прищуренными, вслѣдствіе безсонной ночи, глазами, и на лицѣ его было выраженіе невинности и добродушія.

— Вотъ какіе у васъ взгляды!—замѣтилъ Григорій Александровичъ, оставивъ до другого раза свои мысли.

— Да-съ, такіе! Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!—самодовольно отозвался Бабакинъ.

Въ сущности этотъ молодой «сотрудникъ» при всей своей видимой пошлости обладалъ какимъ-то средствомъ подавлять издателя. То, что онъ говорилъ, было ему противно, своей наружностью онъ отталкивалъ его; съ ногъ до головы онъ представлялъ собою типъ, ему враждебный; а между тѣмъ у него не хватало рѣшимости не только возразить ему, какъ слѣдуетъ, но даже быть съ нимъ нелюбезнымъ. Наглая, ничѣмъ не прикрытая, самоувѣренность точно стальнымъ кольцомъ окружала его, раздвигала передъ нимъ толпу, пробивала для него стѣну. Его поза, тонъ, тембръ голоса, общими силами устраняли съ его дороги препятствіе, завоевывали ему побѣду. И кресло, на которомъ онъ сидѣлъ, казалось, относилось къ нему съ почтеніемъ. Такъ душевно-больной, воображающій себя королемъ, заставляетъ окружающихъ если не вѣрить этому, то обращаться съ нимъ такъ, какъ бы они вѣрили.

Бабакинъ потянулся и полузѣвнулъ.—Въ сущности это безуміе—проводить ночи безъ сна!—сказалъ онъ.—А главное ça coute quelque chose... Мнѣ, напримѣръ, этотъ долгій завтракъ обошелся не въ одну и даже, если хотите знать, не въ двѣ сотни... Да, кстати, Григорій Александровичъ, чтобы не забыть... Вы мнѣ начертайте записочку въ контору рублей на четыреста...

Издатель выпрямился отъ неожиданности.

— Развѣ контора вамъ должна эту сумму?—спросилъ онъ...

— Ха, ха, ха! Контора должна! Какія вы смѣшныя вещи говорите! Развѣ уважающій себя сотрудникъ допуститъ такое оскорбленіе? Напротивъ, говоря правду и рискуя уменьшить мои шансы, я вамъ скажу, что за мною есть долгъ восемьсотъ рублей...

— Но какъ же такъ? Вы должны и хотите еще...

— Долженъ, и мнѣ это такъ нравится, что хочу быть еще больше долженъ... Ха, ха, ха! Ну, да не все ли равно? Что за охота вамъ тратить душевныя силы на такіе пустяки? Развѣ это такъ трудно: сѣсть и написать записку?..

— Это не трудно, но... но я не вижу основаній...

— Я вамъ ихъ дамъ. Я вамъ докажу, что вы обязаны выдать мнѣ авансъ.

— Даже обязанъ?

— Обязаны. Это ясно, какъ день. Позвольте васъ спросить, вы на какія деньги издаете газету?

— То-есть какъ на какія?

— То-есть именно — на какія? На деньги публики. Въ началѣ года вы объявили подписку и получили деньги съ подписчиковъ. Что такое подписка? Подписка, это есть авансъ, выдаваемый издателю публикой. Газету вы будете печатать и доставлять подписчику цѣлый годъ, а ужъ онъ вамъ деньги заплатилъ въ январѣ. Не такъ ли? Представьте себѣ, что подписчикъ отказался заплатить вамъ деньги въ январѣ, а сказалъ бы: я буду платить за каждый номеръ. Могли бы вы издавать газету? Нѣтъ. Чтобы издавать газету, вамъ нуженъ авансъ, и подписчикъ даетъ вамъ его. Онъ оказываетъ вамъ довѣріе. Но почему? Потому что онъ знаетъ, что вы въ теченіе года дадите ему статьи такого-то, такого-то и такого-то, въ томъ числѣ и вашего покорнаго слуги. Такимъ образомъ я являюсь виновникомъ извѣстной части довѣрія, которое оказываетъ вамъ публика, и имѣю право на полученіе извѣстной доли аванса, который она вамъ выдала въ видѣ подписной платы... Надѣюсь, вы убѣдились?

Григорій Александровичъ растерялся. Смѣлая ли логика Бабакина, или его самоувѣренный тонъ такъ дѣйствовалъ на него, но ему начинало казаться, что этотъ господинъ не только убѣдилъ его въ этомъ, но могъ бы убѣдить въ чемъ угодно.

— Но это, разумѣется, пустяки... Дѣло гораздо проще. Мнѣ нужны деньги, у васъ онѣ есть, я сотрудникъ вашей газеты... Ну, значитъ, вамъ остается только начертать записочку...

— Вы непремѣнно этого хотите?

— Непремѣнно! Иначе я — банкротъ до перваго числа.

Издатель круто вмѣстѣ съ своимъ стуломъ повернулся къ столу, нервно оторвалъ клочекъ бумаги отъ листа и быстрымъ почеркомъ написалъ ему записку на четыреста рублей.

— Извольте!—и онъ поднялся. Бабакинъ тоже всталъ.

— Merci! Однако, какъ вы нервно относитесь къ самымъ простымъ вещамъ. Теперь пойду спать, а потомъ — фельетонъ... Вы непремѣнно прочтите. Увидите, какъ выйдетъ занимательно!

Онъ пожалъ издателю руку, взялъ свой цилиндръ, сдѣлалъ еще при его помощи прощальный жестъ и вышелъ.

Григорій Александровичъ смотрѣлъ ему вслѣдъ неподвижными глубоко-изумленными глазами, которыхъ долго еще послѣ его ухода не могъ отвести отъ затворившейся уже двери. У него было такое ощущеніе, какъ будто какое-то огромное, безобразное чудовище сѣло ему на плечи и придавило его къ землѣ. Что же это за сила такая? Неужели можно сковать волю человѣка одной только смѣлостью, одной способностью прямо и самоувѣренно смотрѣть въ глаза?

И вдругъ припомнился ему другой сотрудникъ, недавно только, за двадцать минутъ передъ этимъ, вышедшій изъ его кабинета. И мгновенно въ душѣ его промелькнуло сравненіе—не между этимъ и тѣмъ, потому что ихъ нельзя было сравнить, а между самимъ собою, какимъ онъ былъ для одного и другого... И ему стало невыразимо стыдно. «А,—говорилъ онъ себѣ,—такъ вотъ та сила, которая можетъ заставить меня смириться, уступить, стушеваться, это—самоувѣренность, смѣлость, нахальство! Но достаточно быть только порядочнымъ и скромнымъ и имѣть смущенный видъ, чтобы у меня выросли когти»...

И вспомнилъ Григорій Александровичъ, какъ онъ безсердечно издѣвался надъ бѣднымъ репортеромъ, какую муку заставилъ его перенести, какъ онъ оскорблялъ его и затѣмъ еще унизилъ, предложивъ какую-то жалкую скидку... ты, молъ, не стоишь семидесяти пяти рублей, а стоишь всего пятьдесятъ...

И какъ ничтожна была просьба Остылова, и изъ-за чего онъ торговался и наговорилъ столько ненужныхъ и жестокихъ словъ!.. Этотъ негодяй истратилъ деньги на завтракъ съ кафешантанной пѣвицей, и онъ ему далъ безъ запинки, а Остылову деньги нужны, дѣйствительно нужны на семью, на дѣтей... онъ знаетъ это навѣрно и зналъ въ ту минуту, когда отказывалъ ему...

Онъ всталъ, быстро подошелъ къ стѣнѣ и крѣпко надавилъ пуговку звонка; вошелъ разсыльный.

— Послушай... сходи внизъ и, если Остыловъ тамъ, попроси его сюда... А если онъ ушелъ, догони его... отыщи!.. слышишь! непремѣнно!

Минуты черезъ двѣ явился Остыловъ. Его извлекли изъ репортерской, гдѣ онъ писалъ замѣтку о случившемся ночью пожарѣ.

— Вотъ что... смущеннымъ голосомъ, не глядя ему въ лицо, сказалъ издатель:—я совсѣмъ забылъ... я давно хотѣлъ... Извините, пожалуйста... И онъ сунулъ въ руки Остылову четыре сторублевыхъ бумажки. Онъ взялъ эту сумму, какъ бы въ пику Бабакину. Кромѣ того, ему хотѣлось сразу сдѣлать бѣднаго репортера счастливымъ. Остыловъ стоялъ передъ нимъ и съ глубокимъ недоумѣніемъ смотрѣлъ то на него, то на красивыя бумажки, лежавшія у него въ рукѣ.

— Григорій Александровичъ... За что же? Я, право, не заслужилъ...

— Нѣтъ, пожалуйста... я давно хотѣлъ, да все забывалъ... Это не въ зачетъ, это такъ... Пожалуйста... И потомъ—идите... У васъ вѣдь дѣло... Вы вѣдь заняты...

— Да... я тамъ пишу о пожарѣ... Ночью былъ пожаръ... Григорій Александровичъ!.. я даже не знаю, какъ отслужу вамъ...

— Голубчикъ, идите, идите и... пишите о пожарѣ!..

И онъ, взявъ Остылова правой рукой за талію, нѣжно повелъ его къ двери и ласково выпроводилъ его. Остыловъ спускался по лѣстницѣ, перепрыгивая черезъ нѣсколько ступеней разомъ. А Григорій Александровичъ подошелъ къ окну и смотрѣлъ на улицу. Онъ видѣлъ, какъ черезъ пять минутъ Остыловъ выскочилъ изъ подъѣзда и почти бѣгомъ пустился вдоль улицы, по направленію къ своей квартирѣ. Глаза его горѣли, а лицо сіяло радостью. Ему было теперь не до пожара...

И. Потапенко.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ.

(1854—1892 г.).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ДЛЯ ЧЕГО я рѣшился печатать свои воспоминанія? Какой интересъ они могутъ представлять для публики?

Всякія воспоминанія, а литературныя въ частности, могутъ имѣть двойной интересъ: во-первыхъ, они могутъ сообщить намъ факты, заслуживающіе нѣкотораго вниманія, и утрата которыхъ для публики была бы нежелательна; во-вторыхъ, они выражаютъ тотъ или другой взглядъ автора воспоминаній на факты и людей, а это имѣетъ значеніе, по меньшей мѣрѣ, для автора, если онъ придаетъ извѣстную цѣнность своимъ взглядамъ. Но кто же не дорожитъ своими взглядами? Ужъ дѣло публики рѣшить, дѣйствительно ли эти взгляды заслуживали сообщенія. Но безъ желанія сообщить свои взгляды не было бы и литературы.

Съ конца 1878 г. и по настоящій день я всецѣло сталъ принадлежать литературѣ и литературной средѣ, перебравшись изъ провинціи въ Петербургъ. Съ этого знаменательнаго для меня года у меня не было иной жизни, кромѣ литературной, не было иной среды, кромѣ писательской. Въ эти 22 года впечатлѣній и выводовъ накопилось много, но всю сумму ихъ я, конечно, не сдѣлаю достояніемъ публики ужъ по одному тому, что о встрѣчахъ, зна-

комствѣ и различныхъ столкновеніяхъ съ писателями, находящимися еще въ живыхъ, говорить печатно было бы крайней нескромностью, по меньшей мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда это могло бы шокировать ихъ или задѣть, такъ или иначе, ихъ самолюбіе, ихъ частную жизнь или разговоры со мною, не предназначавшіеся для публики.

Я позволю себѣ сдѣлать уклоненія лишь изрѣдка, напримѣръ, для такихъ писателей, здравствующихъ и нынѣ, какъ Левъ Николаевичъ Толстой,—о частной жизни которыхъ уже было говорено въ печати. Но и въ этихъ случаяхъ я буду разсказывать лишь тѣ изъ моихъ наблюденій, которыя могутъ представить новизну для русской публики и, при томъ, новизну, не шокирующую и не оскорбляющую никого, а въ то же время имѣющую какое нибудь существенное, положительное или отрицательное значеніе для освѣщенія вопросовъ, уже возбуждавшихся объ этихъ писателяхъ въ нашей печати.

Долженъ сдѣлать еще одну оговорку.

Я озаглавилъ мои воспоминанія «литературными», а между тѣмъ начну ихъ съ описанія гимназической жизни въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Читатели, на первыхъ строкахъ, могутъ подумать: «какое же отношеніе имѣютъ къ литературѣ стѣны гимназіи или ощущенія автора отъ этихъ стѣнъ» и т. п.?

Однако, дальнѣйшее чтеніе первой главы убѣдитъ читателя, что и мои гимназическія воспоминанія имѣютъ прямое отношеніе къ литературѣ. Мнѣ необходимо начать именно съ этого времени по нѣсколькимъ причинамъ. Во-первыхъ, на скамьѣ «Благороднаго пансіона при Орловской гимназіи» (какъ офиціально называлось образовательное учрежденіе, куда меня отдали родители девятилѣтнимъ мальчикомъ) я познакомился и сдружился съ будущимъ сотрудникомъ лучшихъ, тогдашнихъ журналовъ,—талантливымъ поэтомъ, Николаемъ Александровичемъ Вормсомъ. Онъ теперь забытъ публикой, такъ какъ успѣлъ напечатать очень немногое и умеръ въ Швейцаріи 21 года отъ роду.

Во-вторыхъ, читатель моихъ воспоминаній вынесетъ изъ немногихъ страницъ, которыя я посвящаю этому рано погибшему дарованію, нѣсколько цѣнныхъ фактовъ о дѣтствѣ и юности поэтической натуры вообще,—о положеніи такой натуры въ стѣнахъ закрытаго офиціальнаго заведенія до 60-хъ годовъ, наконецъ, о характерѣ подобныхъ заведеній въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, т. е. въ переходную, колеблющуюся эпоху первыхъ десяти лѣтъ царствованія Александра II, первыхъ вѣяній новой русской жизни, эпохи реформъ, сказавшихся во всемъ и даже въ жизни гимназій, а также первыхъ шаговъ реакціи, начавшихся очень скоро.

Если мнѣ удастся вкратцѣ намѣтить эти первыя черты перерожденія, — первыхъ ласточекъ нашей русской весны, которыя при-

летѣли и подъ кровлю Орловской гимназіи, въ видѣ двухъ-трехъ педагоговъ новаго типа, то вы не пожалѣете, читатель, что я началъ мои воспоминанія издалека. Достаточно сказать, что однимъ изъ этихъ педагоговъ, бывшихъ для насъ весенней ласточкой, является очень извѣстный впослѣдствіи Иванъ Өедоровичъ Рашевскій, недавно умершій въ Петербургѣ, гдѣ онъ стоялъ во главѣ педагогическихъ курсовъ. Его похороны въ Петербургѣ доказали, какимъ любимцемъ своихъ учениковъ былъ этотъ выдающійся дѣятель народнаго образованія въ Россіи. Я же въ теченіе многихъ лѣтъ зналъ его, какъ любимѣйшаго учителя Орловской гимназіи, друга и руководителя нашей юности, въ то время еще совсѣмъ молодого, полнаго вѣры въ жизнь, въ лучшія идеи эпохи, полнаго огня, энергіи, жажды дѣла и любви къ молодежи.

Вотъ основанія, надѣюсь, достаточно солидныя, которыя возлагаютъ на меня долгъ коснуться и этого періода. Черты его драгоцѣнны сами по себѣ, такъ какъ относятся къ величайшей изъ эпохъ нашей исторіи. Онѣ интересны и въ частностяхъ, о которыхъ я упомянулъ, такъ какъ помогутъ мнѣ сохранить образы двухъ-трехъ выдающихся работниковъ той эпохи. Наконецъ, у насъ весьма немного въ литературѣ подлинныхъ матеріаловъ о дѣтствѣ и юности даровитыхъ поэтовъ. А такіе матеріалы цѣнны для психологіи поэтическихъ организмовъ и поэтическаго творчества вообще.

I.

Гимназія въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ 60-хъ годовъ. — Старые порядки и новыя вліянія.—Поэтъ Н. А. Вормсъ въ «Орловскомъ Благородномъ пансіонѣ».— Иванъ Өедоровичъ Рашевскій.

Въ августѣ 1854 г. мать повезла меня изъ уѣзднаго города Малоархангельска въ г. Орелъ, чтобы отдать въ мѣстную гимназію.

Ѣхать пришлось всего только 75 верстъ, но въ то время еще не было желѣзныхъ дорогъ, и это разстояніе казалось громаднымъ. При проводахъ служили молебенъ, на которомъ присутствовала вся дворня; отецъ плакалъ, какъ ребенокъ, повторяя среди рыданій безсвязныя фразы: «учись хорошенько... веди себя примѣрно... слушайся наставниковъ...» и т. д.

Мать тоже плакала навзрыдъ, хотя и ѣхала со мною.

Плакала прислуга, прослезился даже батюшка, о. Іоаннъ Зерновъ, десятки лѣтъ знавшій нашу семью и не преминувшій сказать мнѣ, какъ мой духовный отецъ, напутственную рѣчь.

Наконецъ поѣхали съ цѣлымъ возомъ, нагруженнымъ и на верху коляски, и сзади ея, и на козлахъ. Для характеристики того

времени замѣчу, что въ числѣ предметовъ, составлявшихъ этотъ грузъ, была, напримѣръ, большая кадочка съ перепелами, залитыми въ коровьемъ маслѣ, и другая такая же кадочка, съ такъ называемыми «палатками», т. е. копчеными гусями. Эти кадочки везлись въ подарокъ тогдашнему директору гимназіи, г. З—у, потому что одинъ изъ орловскихъ пріятелей отца предупредилъ о необходимости именно этихъ даровъ, очень любимыхъ г. З—мъ.

Кажется, везлись подарки въ томъ же родѣ и еще кое-кому, но это обстоятельство помню смутно. Знаю, что впослѣдствіи одарялись съѣстными припасами и нѣкоторые изъ «надзирателей» пансіона.

Не описываю путь съ кормежками и даже ночевкой (мы ѣхали на своихъ лошадяхъ, хотя по дорогѣ до Орла и были казенныя станціи съ почтовыми лошадьми).

Помню, что мы съ матерью плакали всю дорогу. И эти слезы вызывались не страхомъ будущей гимназической жизни, а мучительнымъ чувствомъ предстоявшей разлуки. Между мною и матерью любовь была какая-то особенная, почти истерическая, что объясняется, вѣроятно, нѣсколько суровой и до болѣзненности трудолюбивой личностью отца; это дѣлало мать совершенно одинокой цѣлые дни, мѣсяцы, годы; она часто тосковала и плакала, скрывая это отъ меня. Но я все зналъ и видѣлъ, что ея касалось. Она должна была невыносимо скучать въ глухомъ уѣздномъ городкѣ, гдѣ служилъ отецъ. Образованіе она получила въ одномъ изъ лучшихъ московскихъ пансіоновъ того времени, была хорошая піанистка, любила читать... Можно вообразить себѣ, какое мучительное одиночество чувствовала она среди маленькаго уѣзднаго общества, которое въ то время еще рѣшительно ничѣмъ не отличалось отъ уѣзднаго общества, выведеннаго Гоголемъ въ «Ревизорѣ».

Конечно, ничего такого я въ то время не понималъ сознательной мыслью. Но зато сердцемъ, чувствомъ, я жилъ одной жизнью съ матерью, даже, быть можетъ, преувеличивая въ своей душѣ ея страданія.

И теперь, когда мы ѣхали съ нею, одна мысль, что придется не видѣть ея нѣсколько мѣсяцевъ, порождала во мнѣ такое мучительное страданіе, такую тоску, какой я не въ состояніи передать словами. Это было настоящее физическое страданіе, невыносимая боль въ сердцѣ и груди, заставлявшая меня плакать до судорогъ въ горлѣ. Почти то же было и съ матерью.

Замѣчу, что не говорилъ бы объ этомъ, если бы не этотъ именно фактъ сблизилъ меня скоро съ Н. Вормсомъ, который испытывалъ въ гимназическомъ пансіонѣ совершенно такое же состояніе. Изъ многихъ десятковъ остальныхъ нашихъ товарищей развѣ двое или трое страдали также.

Чтобы не возращаться къ этому, добавлю, что у меня эта истерическая мука продолжалась только до 14 лѣтъ, т. е. до 5-го класса

гимназіи. У Вормса же она продолжалась до смерти его матери, т. е. до 17 лѣтъ. Послѣ этой смерти онъ едва не сошелъ съ ума. Я же перенесъ на 16-мъ году смерть матери уже довольно покойно, почти не плакалъ и распоряжался на похоронахъ, такъ какъ отецъ былъ въ полусознательномъ состояніи отъ горя. Но возвратимся къ началу.

Когда, остановившись въ гостиницѣ и переночевавъ въ ней, мать повела меня на другой день въ гимназію, мы столкнулись у входа въ гимназическую калитку съ молодой, худощавой брюнеткой, которая вела за руку худенькаго, болѣзненнаго мальчика, съ очень смуглымъ цвѣтомъ кожи и большими, темно-карими глазами. Этотъ мальчикъ и былъ Вормсъ, котораго также привезла мать въ гимназію изъ г. Сѣвска. Въ этомъ городѣ отецъ его былъ исправникомъ.

Наши матери успѣли познакомиться, уже входя въ калитку. Сердце сердцу подало вѣсть. Насъ, мальчугановъ, заставили поздороваться, что я сдѣлалъ охотно, а Вормсъ, наоборотъ, поразилъ меня непріятно уже въ тотъ моментъ какой-то не столько пугливой, сколько брезгливой сдержанностью и холодностью. Такимъ я зналъ его и впослѣдствіи по отношенію ко всѣмъ, исключая немногихъ избранныхъ, къ числу которыхъ я скоро сталъ принадлежать.

Экзамены были выдержаны; матери пожили въ Орлѣ дня три-четыре и уѣхали, а мы остались среди шумной, драчливой, полудикой толпы мальчиковъ и взрослыхъ пансіонеровъ (были даже 18 и 19-лѣтніе).

Послѣ полной свободы, послѣ рощъ, полей, луговъ, сада мы попали въ стѣны, напоминавшія стѣны тюрьмы. «Классная» съ длинными скамейками, съ черной доской и съ чернымъ возвышеніемъ для стола и стула надзирателя. Большой залъ, гдѣ гуляли, обѣдали, пили чай, играли; наконецъ—дортуары съ рядами кроватей. И между всѣмъ этимъ, отъ одного конца зданія до другого, длинный, высокій коридоръ съ гулкимъ резонансомъ отъ шаговъ и вѣчнаго гама голосовъ полусотенной толпы ребятъ.

Какъ все это было не похоже на прежнюю жизнь, какъ поражало, било по нервамъ, терзало тоской! Хотѣлось уединиться, не быть на глазахъ у толпы и плакать, плакать, вспоминая мать, вспоминая и переживая въ воображеніи каждую мелочь, каждую деталь жизни тамъ, «съ нею», среди родныхъ и близкихъ.

Но и мнѣ, и Вормсу, приходилось уединяться только въ часы рекреакцій, шагая въ одиночку по коридору, когда толпа играла, шумѣла и гоготала кругомъ. Такъ какъ мы не всегда могли скрыть слезы, то скоро заслужили прозвища «дѣвчонокъ», «бабъ», «плаксъ». Въ отвѣтъ я иногда дрался, но мало-по-малу привыкъ къ пансіону, началъ принимать участіе въ общихъ играхъ и втянулся въ общую

жизнь. Вормсъ же оставался неизмѣнно вѣренъ себѣ. Когда къ нему приставали съ обидными названіями, онъ какъ-то брезгливо съеживался; его большіе темные глаза презрительно смотрѣли на пристававшихъ. Затѣмъ онъ быстро поворачивался и уходилъ въ глубину коридора, къ дальнему окну его, около котораго дверь направо вела въ физическій кабинетъ, а налѣво на внутреннюю лѣстницу въ нижній этажъ, гдѣ были классы всей гимназіи (т. е. и пансіонеровъ, и приходящихъ). Мало-по-малу это отдаленное окно стало его собственностью. Я всегда вспоминаю его на этомъ окнѣ во время рекреацій, послѣ обѣда (если не шли гулять). Въ то время мы еще не разговаривали съ нимъ, но я замѣчалъ, что онъ постоянно что-то пишетъ въ тетрадкѣ изъ довольно грубой бумаги, сшитой въ четверку. Писалъ онъ и въ классной, сидя на своемъ мѣстѣ (у каждаго было особое мѣсто съ выдвижнымъ ящикомъ въ «партѣ»). Избави Боже, если кто нибудь заглядывалъ черезъ плечо Вормса въ эту тетрадку! Онъ, по обыкновенію, съеживался, какъ разсерженный звѣрекъ, который готовъ броситься и кусать, и царапать. Лицо его искажалось, сморщивалось, дѣлалось почти старческимъ, а глаза темнѣли и сверкали. Онъ въ самомъ началѣ выпросилъ позволеніе вдѣлать въ ящикъ замокъ, а ключъ отъ этого замка носилъ на томъ шнуркѣ, на которомъ былъ и крестъ.

Писалъ онъ что-то въ свои тетрадки, конечно, только послѣ того, какъ заявлялъ надзирателю, что приготовилъ уроки къ слѣдующему дню.

У меня тоже были тетрадки завѣтныя, но я въ нихъ не столько писалъ, сколько рисовалъ, а рисовалъ я почти всегда одно и то же: нашу гостиную въ Малоархангельскѣ, съ колонками, диваномъ, креслами, а на диванѣ—мать за какой нибудь работой. Иногда эта картина замѣнялась общимъ фасадомъ нашего дома, но тогда мать стояла у открытаго окна. Или я рисовалъ ея спальню съ ширмами, съ иконами въ одномъ углу и лампадой, съ открытой печкой, въ которой горятъ дрова, а мать сидитъ на скамеечкѣ передъ печкой, пригорюнилась и «думаетъ обо мнѣ» и плачетъ. Да, я рисовалъ и слезы у нея на щекахъ...

Кромѣ рисованія этихъ картинокъ, я въ свободное время писалъ письма къ матери и перечитывалъ ея письма по сту разъ. Своихъ картинокъ я не пряталъ и вообще былъ гораздо общительнѣе Вормса; у меня скоро завелись друзья и даже неособенно хорошіе; были среди нихъ и негодяи, сообщавшіе мнѣ такія свѣдѣнія, о какихъ я и не подозрѣвалъ дома. Однимъ словомъ, я мало-по-малу втягивался въ жизнь толпы, увлекался ея шалостями, ея маленькими заговорами противъ надзирателей, состоявшими, напримѣръ, въ томъ, чтобы въ дортуарѣ въ полутьмѣ прокричать хоромъ прозвище надзирателя—нѣмца «der Bock» (козелъ).

Съ Вормсомъ не было ничего подобнаго. Среди толпы онъ жилъ совершенно уединенной жизнью, вѣчно погруженный въ свои думы и въ свои тетради. Какъ-то вышло такъ, что скоро его оставили въ покоѣ; на него даже стали смотрѣть съ уваженіемъ. Кто-то пустилъ слухъ, что онъ поэтъ и пишетъ въ своихъ тетрадкахъ стихи. Это подняло его престижъ. Но онъ его не замѣчалъ; онъ продолжалъ жить той же жизнью отшельника среди толпы. Престижъ явился невольно.

И вотъ однажды разъ онъ позвалъ меня съ собой къ «своему» окну. Послѣ онъ объяснилъ мнѣ, почему именно меня онъ избралъ себѣ другомъ: онъ увидѣлъ мои картинки, гдѣ постоянно фигурировала мать; онъ замѣчалъ не разъ, что я плачу и «цѣлую» ея письма, и за это онъ «выбралъ» меня.

И вотъ, когда мы подошли къ окну и сѣли на подоконникъ, онъ прежде всего заставилъ меня дать «честное слово», что я никогда никому не скажу о томъ, что узнаю.

— Я хочу, чтобы вы были моимъ другомъ (онъ никогда никому не говорилъ «ты» даже и впослѣдствіи). Я буду вамъ читать все, что напишу, если хорошо выйдетъ у меня. Но вы не должны объ этомъ разсказывать никому. Если скажете кому нибудь, наша дружба кончится навсегда.

До сихъ поръ не могу понять, отчего въ немъ была эта стыдливость, эта робость писательства. Обыкновенно мальчики, начинающіе писать, стараются, чтобы всѣ объ этомъ узнали. Онъ же, наоборотъ, дѣлалъ изъ этого тайну до такой степени ревниво, что однажды, уже въ 4-мъ классѣ, перенесъ изъ-за этого крупную катастрофу. Но объ этой катастрофѣ —въ своемъ мѣстѣ.

Я далъ ему честное слово, и онъ прочелъ мнѣ нѣсколько стихотвореній. Почти всѣ они говорили о матери и поразили меня своей музыкальностью, тоской и сходствомъ съ тѣмъ, что чувствовалъ я самъ. Въ музыкальности стиховъ я понималъ толкъ, потому что пробовалъ не разъ самъ писать стихи и считалъ ихъ не дурными, но когда онъ прочелъ мнѣ свои, я почувствовалъ, что мои—ужасно прозаичны и не музыкальны, и что онъ—настоящій поэтъ.

Черезъ нѣсколько времени онъ мнѣ прочелъ на томъ же окнѣ свой разсказъ. Я теперь помню только одно, что тамъ было описаніе весны, вечера, цвѣтущихъ яблонь; какой-то молодой человѣкъ умиралъ отъ чахотки. Помню, что мнѣ показалось все это до такой степени прекраснымъ, то-есть увлекательнымъ, грустнымъ (это я считалъ тогда прекраснымъ), и такъ переносило меня домой, въ нашъ садикъ, что я не могъ удержать слезъ въ концѣ разсказа. Онъ замѣтилъ это, крѣпко сжалъ мою руку и тихо прошепталъ:

Я вамъ всегда буду читать!..

И быстро ушелъ. Быть можетъ, и ему хотѣлось заплакать, но онъ не желалъ, чтобы даже я видѣлъ его слезы. Послѣ первыхъ

дней жизни въ пансіонѣ и общихъ насмѣшекъ надъ слезами онъ никогда больше не плакалъ даже при мнѣ.

Такъ завязалась наша дружба. Подъ вліяніемъ того сильнаго впечатлѣнія, какое производили на меня его стихи и прозаическіе разсказы, я самъ началъ писать больше, но ограничивался только стихами.

Небезполезно замѣтить, что среди мальчиковъ и юношей закрытаго заведенія рано обнаруживаются наклонности къ разнымъ спеціальностямъ, которая впослѣдствіи совершенно исчезаютъ. Такъ, среди насъ былъ одинъ «астрономъ», М—въ. Онъ уже въ третьемъ классѣ увлекался чтеніемъ Митчеля и даже Гумбольдтовскаго «Космоса», самъ клеилъ подзорныя трубы, въ которыя разсматривалъ небо. Впослѣдствіи онъ сдѣлался акцизнымъ чиновникомъ. Другой, К.—въ, обѣщалъ сдѣлаться знаменитымъ химикомъ и механикомъ. Онъ вѣчно возился съ добываніемъ кислорода, водорода и тому подобными маленькими опытами; устроивалъ машину для вѣчнаго движенія; его даже сѣкли не разъ, хотя не прямо за это, но косвенно: мальчикъ увлекался до такой степени, что почти не успѣвалъ учить уроковъ: сѣкли его за единицы. Впослѣдствіи, не окончивъ курса гимназіи, онъ сдѣлался уланомъ и, встрѣчаясь съ нами на улицахъ, очаровывалъ своимъ необыкновеннымъ киверомъ, пестротой шнурковъ, отворотами, гремящей саблей и закрученными усиками!

Быть можетъ, если бы этихъ юношей направить въ началѣ на путь, излюбленный ими, изъ нихъ и вышли бы великіе ученые. Но кто могъ сдѣлать это въ то время? Директоръ З—ій, о которомъ я уже упоминалъ, былъ полувыжившій изъ ума старикъ; онъ рѣдко появлялся среди гимназистовъ, а когда появлялся, то говорилъ длинныя, безсвязныя рѣчи, дѣлавшія его посмѣшищемъ. Такъ, у него была, напримѣръ, кличка «Сыплетъ», данная ему гимназистами за то, что, придя однажды въ какой-то классъ, онъ началъ свою рѣчь съ описанія погоды, при чемъ повторилъ разъ семь подрядъ, что «снѣгъ сыплетъ, сыплетъ, сыплетъ»...

Инспекторъ гимназіи, Г., преподававшій прежде исторію, читалъ ее, какъ разсказывали старые гимназисты, цѣликомъ по Кайданову (школьники слѣдили за нимъ по учебнику). Сдѣлавшись инспекторомъ, онъ напустилъ на себя необыкновенную величественность и неприступность, что еще усиливалось его монументальной наружностью: это былъ плотный, словно вылитый изъ темной бронзы, сильно смуглый брюнетъ, съ коротко подстриженными волосами и выбритымъ лицомъ, исключая бакенбардъ котлетами. Ходилъ онъ медленно, выпятивъ грудь впередъ, цѣдилъ слова съ какимъ-то присвистомъ; иронически улыбался только изрѣдка своими красивыми карими глазами, а остальное время сохранялъ на лицѣ замороженное выраженіе Юпитера. Ничего, впрочемъ, онъ этимъ не достигъ: его терпѣть не могли, прозвали «спартанцемъ», превосходно

передразнивали его манеры и рѣчь. Вотъ и все! Впрочемъ, далеко не все. Такая отчужденность отъ душевнаго міра учениковъ и пансіонеровъ чуть не погубила Н. Вормса, а мою жизнь она буквально исковеркала, направивъ ее не туда, куда она направлялась въ началѣ. Но объ этомъ въ слѣдующей главѣ.

II.

Еще о гимназіи. — Катастрофа съ Вормсомъ. — Какъ и за что насъ сѣкли въ концѣ 50-хъ годовъ.—Новое направленіе и отмѣна розогъ.—Либеральный директоръ и какъ онъ превратился въ нелиберальнаго, подъ вліяніемъ дальнѣйшихъ вѣяній.

Какъ я уже сказалъ, Вормсъ получилъ разрѣшеніе имѣть въ ящикѣ замокъ. Пока надзирателями были «старики», совершенно индифферентные къ нашей жизни, - добродушный, огромнаго роста и съ сѣдыми бакенбардами «Стаканъ Стаканычъ» (то-есть Степанъ Степановичъ), желчный и вспыльчивый Ж—ръ, обрусѣвшій французъ, вѣчно больной (какъ говорили, отъ картежной игры по цѣлымъ ночамъ), наконецъ старичокъ—нѣмецъ, худой, прямой, какъ аршинъ, плохо говорившій по-русски и постоянно шагавшій изъ угла въ уголъ съ какой-то загадочной улыбкой на деревянномъ лицѣ,—пока, повторяю, были эти надзиратели, Вормса не безпокоили. Имъ было дѣло только до того, чтобы никто громко не кричалъ, не дрался, сидѣлъ на мѣстѣ и «смотрѣлъ въ книгу». Стаканъ Стаканыча даже боготворили, такъ какъ онъ иногда добродушно вступалъ въ разговоры, разспрашивая объ отцѣ, матери, о членахъ семьи. Правда, это кончалось иногда намеками, что хорошо бы было, если бы ему изъ деревни прислали «гостинца». Но, во всякомъ случаѣ, въ немъ чувствовался человѣкъ, нѣчто въ родѣ добродушнаго стараго дядьки.

Бѣда наступила тогда, когда на его мѣсто поступилъ надзиратель съ нѣмецкой фамиліей, хотя прекрасно, безъ акцента говорившій по-русски. Это былъ—бѣлокурый красавецъ, съ изящной шевелюрой, франтъ; отъ него нахло духами; онъ былъ очень «либераленъ» съ учениками старшихъ классовъ; отпускалъ ихъ вечеромъ въ городъ, послѣ обычнаго посѣщенія «спартанца» (инспектора), но въ то же время этотъ сравнительно «новый» духъ былъ смѣшанъ съ претензіями на настоящее «воспитательство». Къ сожалѣнію, это были только «претензіи», не имѣвшія почвы ни въ сердцѣ, ни въ умѣ нашего «Аполлона», какъ его скоро прозвали.

Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на «таинственныя» занятія Вормса. Что можетъ писать этотъ задумчивый мальчикъ, вѣчно

уединяющійся отъ всѣхъ? Почему онъ такъ старательно запираетъ то, что пишетъ? Ужъ нѣтъ ли тутъ чего нибудь «экстраординарнаго»?

И вотъ однажды Аполлонъ потребовалъ у Вормса ключъ, чтобы «осмотрѣть», что было у него въ столѣ. Я былъ отчасти ознакомленъ Вормсомъ съ содержимымъ его стола: кромѣ стиховъ и разсказовъ, тутъ былъ цѣлый музей, напоминавшій о матери: ея письма, ея портретъ (дагеротипъ), медальонъ съ ея волосами; бантики и ленточки, взятыя у нея; даже ея перчатки и т. п.

Вы можете себя представить, что сдѣлалось съ Вормсомъ,—который хранилъ все это, какъ религіозныя реликвіи,—когда Аполлонъ потребовалъ отъ него ключа!

— Я не позволю осматривать свой столъ! — прошипѣлъ онъ, весь блѣдный, съежившійся, съ искаженнымъ лицомъ.

— А ты вотъ какъ умѣешь разговаривать! Тебя надо проучить!—проговорилъ глухимъ голосомъ Аполлонъ, блѣднѣя въ свою очередь.

Послали за «спартанцемъ».

Трудно себѣ представить, что произошло потомъ. Аполлонъ попробовалъ силой взять ключъ, висѣвшій на крестѣ у Вормса, но тотъ упалъ ничкомъ на скамью, прижался къ ней грудью и такъ судорожно вцѣпился въ ножки скамьи, что его могли оторвать только при помощи двухъ дюжихъ сторожей, позванныхъ спартанцемъ. Я былъ такъ взволнованъ, слезы такъ застилали мои глаза, что дальнѣйшія подробности почти исчезли изъ моей памяти. Знаю только, что, когда были позваны сторожа, чтобы оторвать Вормса отъ скамьи, намъ всѣмъ велѣли выйти изъ «классной». Мы перешли въ залъ, черезъ который скоро пронесли Вормса на рукахъ два сторожа, держа его надъ головами, такъ какъ онъ царапался и билъ ихъ ногами. Его несли черезъ весь коридоръ, направляясь къ тому окну, гдѣ онъ читалъ мнѣ обыкновенно; затѣмъ спустились внизъ по лѣстницѣ, ведущей въ «классы», тамъ же помѣщалась и больница, куда, повидимому, направлялось это шествіе. По крайней мѣрѣ, мы всѣ такъ думали. Намъ и въ голову не приходило, что могутъ высѣчь «его», Вормса, поэта!

И никогда впослѣдствіи ни я, и никто другой не узнали, что съ нимъ было въ больницѣ. Вернулся онъ къ намъ только дней черезъ пять, еще болѣе молчаливый, ушедшій въ себя, еще болѣе исхудавшій и почернѣвшій.

Я почти увѣренъ, что его тогда высѣкли. Думаю я такъ потому, что незадолго передъ этимъ высѣкли меня самого и даже два раза въ теченіе двухъ недѣль. И каждый разъ виновникомъ былъ Аполлонъ, т. е. его замѣчательная способность являться «сыщикомъ» въ мелочахъ и, раздувъ ихъ, не замѣтить многаго, что очень важно.

Въ первый разъ высѣкли меня за то, что, наученный однимъ

«приходящимъ» гимназистомъ, я вырѣзалъ у себя на рукѣ инниціалы своей сестры «М. О.». Аполлонъ пронюхалъ объ этомъ. Вѣроятно, ему сообщилъ это «важное» извѣстіе одинъ негодяй — пансіонеръ, Б., сынъ богатаго помѣщика, нашъ сосѣдъ по имѣнію, и съ которымъ, въ силу этого, я дружилъ больше, чѣмъ съ другими, пока не убѣдился опытомъ, какого рода это былъ «другъ». Думаю, что выдалъ меня именно онъ, потому что никому, кромѣ его, я не показывалъ своей руки. Да, кромѣ того, черезъ нѣсколько дней онъ уже явно подвелъ меня подъ второе наказаніе розгами—своимъ доносомъ «Аполлону».

Могу судить о состояніи Вормса, если онъ былъ дѣйствительно высѣченъ, по моему собственному состоянію. Дѣло въ томъ, что дома меня никогда не наказывали даже болѣе мягкими способами, чѣмъ сѣченье. Кромѣ того, я все время шелъ «первымъ» ученикомъ, былъ записанъ на такъ называемую «золотую доску», а потому мнѣ никогда и въ голову не могло прійти, что меня можетъ кто нибудь высѣчь. Да я и не позволилъ бы себѣ сдѣлать ничего такого, за что назначались даже самыя ничтожныя наказанія: я былъ довольно порядочно воспитанъ дома матерью, дѣдомъ (нѣмцемъ), теткой (очень образованной дѣвушкой) и гувернеромъ—замѣчательнымъ педагогомъ. И вотъ меня зовутъ къ «спартанцу»; тотъ заставляетъ меня обнажить руку; я дѣлаю это, хотя и неохотно, но не жду никакой бѣды. И вдругъ слышу приказаніе:

— Ивановъ! отведи его въ кухню!

Я зналъ, что въ кухнѣ, расположенной на противоположномъ концѣ гимназическаго двора,—сѣкли. Оттуда частенько раздавались неистовые вопли гимназистовъ, выходившихъ потомъ съ блѣдными лицами, въ красныхъ пятнахъ.

Меня охватилъ какой-то животный ужасъ, когда я понялъ, что хочетъ со мной сдѣлать этотъ желѣзо-образный спартанецъ. Я кричалъ что-то безсмысленное, требовалъ, чтобы сперва написали моему отцу, что безъ его согласія меня не смѣютъ наказывать, умолялъ замѣнить наказаніе чѣмъ угодно: не давать мнѣ ѣсть недѣлю, стереть меня съ золотой доски... Я катался по полу, хваталъ за ноги спартанца, цѣплялся за столы и шкафы, но спартанецъ скомандовалъ Иванову (сторожу огромнаго роста, прозванному «Кабаномъ»), чтобы онъ «отнесъ» меня въ кухню. Тотъ положилъ меня къ себѣ на плечо и понесъ черезъ дворъ, не обращая вниманія на то, что я бился, визжалъ и кричалъ. За нами слѣдовалъ и спартанецъ.

Процедуру сѣченья не буду описывать. Я и теперь не могу о ней вспомнить безъ такого замиранія сердца, которое близко къ обмороку.

Мнѣ нанесли только три удара (во второй разъ—пять), но я ихъ не забывалъ всю жизнь. На цѣлые десятки лѣтъ они переродили мою душу—кроткую, женственно-нѣжную и любящую, въ душу

униженную, оскорбленную, въ которой загорѣлась безконечная ненависть, злоба, жажда мести всякимъ насильникамъ, всѣмъ, кто оскорбляетъ или употребляетъ во зло свою власть. Эта ненависть и злоба сказались тотчасъ же, какъ только спартанецъ прошипѣлъ сторожу: «довольно». Я, какъ безумный, поднялся съ длинной, кухонной скамьи и, забывая, что меня могутъ сейчасъ же высѣчь снова, подбѣжалъ къ инспектору, стоявшему, какъ статуя, со своей выпяченной впередъ грудью и мѣднымъ лицомъ. Я ему говорилъ вещи, за которыя во всякое другое время меня не только высѣкли бы, но и исключили. Я кричалъ на него, бросался съ кулаками, ловилъ его руки, чтобы вцѣпиться въ нихъ зубами. Меня оттащилъ отъ него тотъ же Ивановъ. И мнѣ ничего за это не было: спартанецъ или самъ испугался своего дѣла, или правду говорили впослѣдствіи товарищи, что самъ онъ не любилъ наказывать, а ему приказалъ директоръ З—ій, мстившій мнѣ за то, что въ тотъ годъ отецъ мой ничего не прислалъ ему.

И дѣйствительно это было черезъ нѣсколько дней послѣ моего возвращенія съ каникулъ. А затѣмъ черезъ нѣсколько дней меня высѣкли во второй разъ за поступокъ еще болѣе невинный, въ которомъ былъ виноватъ Б—въ, упомянутый выше, но сумѣвшій ловко забѣжать къ Аполлону, свалить на меня свою вину и выйти сухимъ изъ воды. Меня даже не спросили о томъ, виноватъ ли я, не сказали, за что наказываютъ...

Второе наказаніе потрясло меня больше перваго, такъ какъ у меня явилась «idée fixe», что какъ бы я ни велъ себя, какъ бы хорошо я ни учился, меня каждую минуту могутъ высѣчь. Вѣдь это же случилось два раза безъ всякой вины съ моей стороны! Эта idée fixe окончательно перевернула мою натуру: изъ беззаботнаго ребенка я вдругъ превратился въ нервнаго больного, который цѣлые дни «дрожалъ» не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова, при малѣйшемъ трескѣ экипажа на улицѣ (мнѣ казалось, что пріѣхалъ инспекторъ и будетъ меня сѣчь) или при входѣ въ классъ какого нибудь посѣтителя, даже при малѣйшемъ стукѣ. Такъ какъ мнѣ казалось, что идутъ за мной, то я вскакивалъ съ мѣста, кровь отливала отъ головы и приливала къ сердцу, которое начинало биться такъ, что, казалось, сейчасъ разорвется. Въ то же время у меня начинали дрожать руки и ноги такъ, что я едва могъ стоять. Все тѣло холодѣло и покрывалось холоднымъ потомъ. Въ промежуткахъ между этими припадками нервнаго ужаса, я плакалъ все время, т. е. совершенно ничѣмъ не занимался, не училъ уроковъ, а былъ весь погруженъ въ одну мысль, что я опозоренъ, что я погибъ навсегда, что мнѣ не для чего жить и даже нельзя жить, потому что ежеминутно можетъ войти инспекторъ и велитъ тащить меня въ кухню.

И, поразительная вещь: на мое состояніе даже не обратили бы вниманія, если бы его не замѣтилъ пансіонеръ старшаго класса, Б—въ, впослѣдствіи профессоръ исторіи. До тѣхъ поръ онъ не обращалъ на меня вниманія, вѣчно погруженный въ книги. Онъ, конечно, не замѣтилъ бы моего болѣзненнаго состоянія, если бы ему не сказалъ объ этомъ Вормсъ, испугавшійся за меня. И вотъ, дня черезъ три послѣ второго наказанія, Б—въ совершенно неожиданно подсѣлъ ко мнѣ на скамью и, всматриваясь въ мое лицо своими умными, симпатичными глазами (онъ уже въ гимназіи носилъ очки), сталъ разспрашивать: отчего я плачу постоянно, что случилось со мной? Надо замѣтить, что пансіонеры 7-го класса сидѣли не въ общей нашей классной, а въ залѣ. Узнавъ отъ меня всѣ подробности, Б—въ разсказалъ все спартанцу, и тотъ не на шутку испугался. Мнѣ разрѣшено было сидѣть съ 7-мъ классомъ, и Б—въ сталъ моимъ воспитателемъ: онъ прежде всего употребилъ всевозможныя усилія, чтобы я забылъ свою «idée fixe» и снова принялся учиться и читать. Помню, что онъ принесъ мнѣ романъ Вальтеръ-Скотта «Гей-Меннрингъ или астрологъ» и, чтобы заинтересовать меня имъ, прочелъ мнѣ вслухъ начало. Также онъ поступалъ и съ уроками. Впослѣдствіи, когда онъ уѣхалъ въ Петербургъ, мы переписывались, а въ 1863 году я, пріѣхавъ не надолго въ Петербургъ, былъ у него и прожилъ три дня. Онъ въ то время писалъ магистерскую диссертацію.

И вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, картина нашей пансіонской и гимназической жизни измѣнилась.

Розги уничтожены. На мѣсто стараго директора явился новый, молодой, симпатичный М—скій, совершенно очаровавшій насъ, по крайней мѣрѣ, сначала. Онъ, какъ только пришелъ въ первый разъ въ гимназію, заговорилъ съ нами новымъ, неожиданнымъ языкомъ:

— Я хочу быть для васъ не начальникомъ, а другомъ вашимъ! Если кто нибудь встрѣчаетъ затрудненія въ изученіи какого нибудь предмета, пусть открыто скажетъ мнѣ: я помогу ему, буду съ нимъ репетировать. А, если у меня времени не хватитъ, попрошу другихъ. И со всѣми своими нуждами, со всѣми сомнѣніями можете итти ко мнѣ, какъ къ другу. А чтобы ближе ознакомиться съ вами, я буду приходить къ вамъ по вечерамъ и читать вслухъ лучшія произведенія нашей литературы. Затѣмъ мы будемъ бесѣдовать о нихъ.

И онъ, дѣйствительно, нѣсколько разъ приходилъ вечеромъ и читалъ намъ отрывки изъ Гоголя, Тургенева, а затѣмъ просилъ высказывать ему свои впечатлѣнія, свои мысли о прочитанномъ.

Мы все это приписывали лично ему, не подозрѣвая, что въ его лицѣ пришла къ намъ «новая эпоха» и сразу все освѣтила, прибавила тепла и воздуха, такъ что дышать стало легче. Самъ М—скій

скоро оказался только носителемъ «новыхъ вѣяній», поворачивающимся въ ту или другую сторону вмѣстѣ съ вѣтромъ. Ознаменовавъ свое вступленіе призывомъ къ «дружбѣ», освѣтивъ нашу темную жизнь, устроивъ въ началѣ даже литературные вечера въ залѣ гимназіи, на которые собирался весь орловскій бомондъ, и гдѣ мы, гимназисты, читали свои стихи и разсказы [1]), онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, много годъ, отмѣнилъ всѣ эти новшества; пересталъ и самъ читать пансіонерамъ; напустилъ на себя видъ олимпійца. Мы этого не могли понять въ то время. Но теперь для меня ясно, что въ общей весенней температурѣ тогдашней эпохи черезъ нѣсколько времени вдругъ повѣяло реакціоннымъ морозцемъ, какъ это нерѣдко случается въ нашемъ климатѣ.

Мало этого: когда мы, настроенные самимъ же М—скимъ на литературный ладъ, вздумали издавать гимназическій, письменный журналъ, въ которомъ помѣщали стихи, разсказы (мои, Вормса и другихъ), научныя статейки и т. п., М—скій, послѣ выхода 2-го нумера, вызвалъ къ себѣ меня и Вормса, кричалъ на насъ, топалъ ногами и объявилъ, что, если журналъ не прекратится, намъ придется оставить гимназію.

III.

Иванъ Өедоровичъ Рашевскій и его вліяніе на насъ.—Какъ проникали къ намъ «новыя» идеи.—Первыя попытки юношескаго протеста.—Совѣтъ Н. А. Вормсу Некрасова, какъ нужно писать стихи.

Неизмѣннымъ нашимъ любимцемъ былъ И. Ө. Рашевскій, хотя были попытки и со стороны другихъ учителей пріобрѣсти себѣ популярность среди учениковъ. Но онѣ были неудачны. Рашевскій же не заботился о популярности и, тѣмъ не менѣе, имѣлъ ее. Въ классѣ онъ требовалъ безусловной тишины и вниманія. Малѣйшій разговоръ даже шопотомъ вызывалъ громкій возгласъ съ его стороны:

— Пóлно!

Если разговоръ продолжался, онъ также коротко, но вѣско говорилъ:

— Изъ класса вонъ!

Тутъ ужъ приходилось уходить и торчать гдѣ нибудь въ коридорѣ. Зато онъ никогда не обращался за содѣйствіемъ ни къ ди-

---

[1]) Я читалъ на двухъ такихъ вечерахъ: на одномъ свой прозаическій разсказъ: «Мой учитель Константинъ Александровичъ», на другомъ—стихотворную поэму «Леммъ», герой которой былъ взятъ изъ «Дворянскаго гнѣзда». Вормсъ не читалъ самъ, но его стихи читали товарищи.

ректору, ни къ инспектору. Спрашиванье уроковъ и писаніе «отмѣтокъ» (т. е. балловъ) почти отсутствовало. Онъ судилъ о нашихъ знаніяхъ по задаваемымъ работамъ, такъ что весь урокъ проходилъ въ сообщеніи имъ различныхъ свѣдѣній, по большей части прямо на самой практикѣ, у доски, или при разборѣ нашихъ работъ.

Но больше всего мы привязались къ нему съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ читать вслухъ и разбирать въ V классѣ образцовыя произведенія русской литературы. Читалъ онъ превосходно. Я и впослѣдствіи не встрѣчалъ такого чтеца. До сихъ поръ я помню, какъ будто это было только вчера, то впечатлѣніе, какое произвело на насъ чтеніе имъ Тургеневскаго «Муму», а потомъ «Жида». Теперь я понимаю, почему онъ выбралъ именно эти двѣ вещицы: онѣ били важнѣйшія ошибки прошлаго сословную гордость и національную нетерпимость. Во время чтенія многіе плакали. Для нихъ это было новымъ откровеніемъ, лучомъ, освѣщавшимъ новые, неожиданные горизонты. Мы начинали впервые понимать, повидимому, простыя вещи, но въ то время бывшія совсѣмъ новыми, напримѣръ, что еврей - тоже человѣкъ, что оскорблять его, какъ еврея, безбожно, что положеніе крѣпостного возмутительно, etc., etc. И я знаю по самому себѣ, какъ глубоко и на всю жизнь запали мнѣ въ душу эти первыя, юношескія впечатлѣнія.

До какой степени мы довѣряли Рашевскому, доказываетъ слѣдующій случай. Въ то время уже начиналось польское возстаніе; случались волненія въ университетахъ; Герценъ уже работалъ въ Лондонѣ. Смутное эхо этого движенія доходило и до насъ черезъ студентовъ, пріѣзжавшихъ изъ Москвы на лѣто. Среди гимназистовъ («передовыхъ») распространялись и списывались «запрещенныя» стихотворенія. Разъ къ намъ даже попалъ нумеръ «Полярной Звѣзды», но не черезъ студентовъ, а просто отецъ одного ученика далъ этотъ нумеръ сыну для передачи своему знакомому черезъ сына этого послѣдняго, тоже ученика гимназіи. Весь нумеръ былъ прочитанъ нами, въ тѣсномъ кружкѣ 5—6-ти лицъ, отъ доски до доски, и я до сихъ поръ, почти черезъ 40 лѣтъ, помню его содержаніе.

Понятно, что все это, вмѣстѣ съ тѣмъ озлобленіемъ, которое было посѣяно въ нашей душѣ при прежнемъ порядкѣ съ его мертвой формалистикой, сѣченіями и т. п., вызывало въ насъ протесты, иногда вполнѣ младенческіе. Такъ, напримѣръ, въ то время былъ губернаторомъ въ Орлѣ графъ Л.; онъ занималъ домъ-особнякъ на одной изъ улицъ съ узенькими тротуарами. Около подъѣзда стояла будка, и по тротуару расхаживалъ часовой, который заставлялъ всѣхъ проходившихъ сходить съ тротуара на улицу. Насъ, гимназистовъ, возмутила такая «привилегія», и вотъ, собравши совѣтъ, мы рѣшили наклеить ночью на заборахъ и столбахъ

ядовитое обличеніе этого «безобразія». Десятки рукъ принялись переписывать «объявленіе». Къ вечеру былъ готовъ клейстеръ, доска, а ночью наша компанія направилась по улицамъ города. Но одинъ изъ товарищей, П. (впослѣдствіи русская знаменитость въ области этнографіи и путешествій) рѣшился отправиться къ Рашевскому, чтобы посовѣтоваться съ нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ П. догналъ насъ и сталъ уговаривать итти къ Рашевскому, который хочетъ побесѣдовать съ нами.

Было уже около полуночи. Мы согласились итти къ Рашевскому, и черезъ нѣсколько минутъ весь кружокъ былъ у него: насъ ждалъ самоваръ, вкусный чай, который разливала г-жа Ф., очень интеллигентная барыня, большой другъ Рашевскаго и замѣчательная піанистка (впослѣдствіи онъ женился на ея родной сестрѣ). Часа два мы пробыли въ уютномъ уголкѣ этихъ симпатичныхъ людей, бесѣдуя съ Рашевскимъ о предпринятой нами затѣѣ. Онъ убѣждалъ просто и задушевно, что изъ нея ничего не выйдетъ, кромѣ исключенія многихъ изъ насъ изъ гимназіи, что публика даже не прочтетъ нашихъ объявленій, которыя рано утромъ будутъ сняты полицейскими. Въ заключеніе г-жа Ф. угостила насъ чудесной музыкой, и часу въ первомъ мы мирно разошлись по домамъ. Вормсъ участвовалъ во всѣхъ подобныхъ предпріятіяхъ, оставаясь попрежнему сдержаннымъ только въ личныхъ отношеніяхъ.

О Рашевскомъ скажу еще два слова: онъ впослѣдствіи открылъ съ г-жей Ф. небольшой частный пансіонъ для приготовленія въ университетъ; въ этотъ пансіонъ въ 1860 году поступилъ и я, выйдя для этого изъ 6-го класса гимназіи, такъ какъ Рашевскій посовѣтовалъ мнѣ, вмѣсто лишняго года, теряемаго въ 7-мъ классѣ, приготовиться въ нѣсколько мѣсяцевъ къ университетскому экзамену прямо изъ 6-го класса.

Лишь много лѣтъ спустя, въ концѣ 70-хъ годовъ, я встрѣтился съ Рашевскимъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ сильно пополнѣлъ и какъ-то остылъ, сталъ важнѣе и сдержаннѣе. На меня это произвело тяжелое впечатлѣніе, и я не поддерживалъ нашего стараго знакомства.

Что касается Вормса, то онъ скоро перешелъ въ черниговскую гимназію, гдѣ попытался издавать журналъ, и нѣкоторые нумера выслалъ мнѣ. Это былъ уже настоящій журналъ съ критикой, съ общественной хроникой и даже съ иностранной политикой. Вормсъ писалъ горячія статьи о Кавурѣ и Гарибальди, онъ зачитывался «Современникомъ» и тогдашними газетами.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ Петербургѣ, осенью 1866 года, когда онъ ѣхалъ въ Швейцарію. Цѣлую ночь просидѣли мы въ его номерѣ, въ гостиницѣ на Казанской. Въ то время Некрасовъ уже напечаталъ въ своемъ журналѣ нѣсколько его стихотвореній. Между прочимъ, я отлично помню слѣдующій его разсказъ о томъ,

какой совѣтъ далъ ему нашъ великій поэтъ: «коли вы чувствуете, что пришла мысль для стихотворенія, стоящая обработки, запишите эту мысль прозой, стараясь какъ можно полнѣе передать свое настроеніе. Потомъ уже переложите ее въ стихи».

Вормсъ не могъ говорить неправду, поэтому его разсказъ можно считать безусловно достовѣрнымъ.

IV.

Въ Петербургѣ въ началѣ 60-хъ годовъ. — Знакомство съ Василіемъ Степановичемъ Курочкинымъ. — Знакомство съ Плещеевымъ.—Плещеевъ въ 60-хъ годахъ и впослѣдствіи, какъ предсѣдатель «Пушкинскаго кружка».— Эпизодъ съ предложеніемъ О. О. Миллера, сдѣланнымъ Плещееву относительно матеріаловъ для біографіи Достоевскаго.—Послѣдняя моя встрѣча съ Плещеевымъ въ Ниццѣ, въ началѣ 90-хъ годахъ.—Краткая характеристика Плещеева и отношеніе къ нему тогдашней молодежи.—Его кружокъ въ Москвѣ.

Оставимъ гимназію и перейдемъ къ настоящей литературѣ. Осенью 1861 г. я перебрался въ Петербургъ. Въ то время я попробовалъ отдать только одно стихотвореніе въ «Искру» Василію Степановичу Курочкину. Когда я пришелъ за стихотвореніемъ, этотъ рѣдкій, замѣчательный человѣкъ просидѣлъ со мною около двухъ часовъ, разбирая строчка за строчкой, почти слово за словомъ, несовершенства моего произведенія и давая мнѣ совѣты. Онъ принялъ и напечаталъ другое, маленькое стихотвореніе. Большое же, подвергнутое такому подробному разбору, совѣтовалъ исправить и отдать въ какой нибудь «толстый» журналъ. Оно не подходило къ «Искрѣ» даже по характеру, такъ какъ въ немъ описывалась трагическая судьба падшей дѣвушки.

Въ своихъ стихахъ я въ то время увлекался общественными движеніями и скептически относился къ чистой поэзіи. Мой гимназическій спаситель, Б—въ, котораго я въ то время посѣтилъ въ Петербургѣ, пришелъ въ ужасъ отъ моего мрачнаго и отрицательнаго настроенія. Онъ совѣтовалъ мнѣ знакомиться съ болѣе радостными сторонами жизни, но, конечно, эти совѣты не повели ни къ чему. Я былъ черезчуръ озлобленъ и тѣмъ, что со мной сдѣлали въ гимназіи, и той катастрофой, которая совершилась тогда съ однимъ виднѣйшимъ представителемъ литературы. Трудно теперь передать, какое озлобляющее дѣйствіе на молодежь произвела эта катастрофа. Многія ужасныя событія, совершившіяся позднѣе, были плодомъ этого невыразимаго озлобленія и негодованія... Мысль о чужомъ страданіи, напоминая мнѣ мое собственное, доводила до изступленія, до безумія, до желанія отдать жизнь за каждаго обиженнаго.

Къ тому времени относится мое первое знакомство съ Плеще-

вымъ. Я проѣхалъ къ нему въ Москву по небольшому порученію отъ кружка петербургской молодежи. Онъ принялъ меня радушно, усадилъ рядомъ на диванъ, даже обнялъ какимъ-то широкимъ, нѣсколько театральнымъ жестомъ. Въ то время онъ еще не былъ сѣдъ: его длинные, заброшенные назадъ волосы и длинная борода показались мнѣ только бѣлокурыми, а не сѣдыми. Рѣчи его дышали горячимъ сочувствіемъ къ «молодежи». Эти рѣчи и весь его обликъ, высокая фигура съ львиными волосами, произвели на меня хорошее впечатлѣніе, хотя молодежь относилась тогда къ нему свысока. Даже нѣкоторая слащавость и приподнятость тона казались мнѣ вполнѣ естественными: вѣдь, во мнѣ онъ видѣлъ представителя тогдашней молодежи, а себя чувствовалъ, вѣроятно, патріархомъ, который 30 лѣтъ тому назадъ былъ также молодъ и находился въ подобномъ же положеніи.

Съ такими же широкими, плавными жестами, красивыми и теплыми словами и объятіями онъ проводилъ меня, а на другой день самъ пріѣхалъ въ мою скромную коморку (въ «номерахъ Голяшкина»), но, не заставъ меня дома, оставилъ въ конвертѣ 25 р. (на нужды тогдашней молодежи, о которыхъ я говорилъ съ нимъ, между прочимъ).

Послѣдующія мои встрѣчи съ нимъ относятся уже къ концу 70-хъ и 80-хъ годовъ. Забѣгая впередъ, чтобы уже не возвращаться еще разъ къ почтенному поэту, я разскажу объ этихъ встрѣчахъ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ, въ Петербургѣ образовался съ разрѣшенія законныхъ властей такъ называемый «Пушкинскій кружокъ». О немъ болѣе подробно я разскажу въ своемъ мѣстѣ (глава XII).

Въ то время я уже напечаталъ первый томъ своихъ стиховъ, издавалъ въ Петербургѣ свой журналъ, много писалъ, и, вѣроятно, благодаря всему этому, нѣкоторыя изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ «Пушкинскаго кружка», обратились ко мнѣ съ предложеніемъ принять въ немъ участіе (ранѣе я не былъ его членомъ). Одновременно обратились и къ другимъ писателямъ, между прочимъ, и къ Плещееву.

На первомъ же общемъ собраніи, Плещеева выбрали предсѣдателемъ, а меня товарищемъ предсѣдателя. Болѣе года намъ пришлось работать вмѣстѣ, вводя кое-что новое. Но объ этомъ также въ своемъ мѣстѣ. Теперь же собственно о Плещеевѣ. Онъ былъ очень усерднымъ предсѣдателемъ, не пропускалъ ни одного засѣданія нашего комитета, постоянно соглашался участвовать въ публичныхъ чтеніяхъ, еженедѣльно устраивавшихся въ кружкѣ, заботился о пополненіи его состава наиболѣе видными представителями русской литературы, которые первоначально относились скептически къ этому предпріятію. Дѣло пошло блестяще. Но вотъ въ одинъ

изъ вечеровъ «Кружка» (помѣщавшагося, въ то время, въ залахъ теперешней «Сѣверной» гостиницы) два юныхъ поэта явились въ нетрезвомъ видѣ. Одного изъ нихъ удалось скоро отвезти домой, но другой бранился и кричалъ, хотя и не публично, а въ комнатѣ распорядителей. Тѣмъ не менѣе на Плещеева это произвело такое удручающее впечатлѣніе, что онъ отказался отъ предсѣдательства и съ тѣхъ поръ рѣдко бывалъ въ кружкѣ. Онъ уговаривалъ и меня отказаться отъ обязанностей товарища предсѣдателя, говоря, что «чувствуетъ начало конца» этого симпатичнаго учрежденія, и что «слѣдуетъ уйти изъ него во-время». И онъ былъ правъ. Кружокъ быстрыми шагами приближался къ паденію. Но я не послушался Плещеева. Молодость подсказывала мнѣ вѣру въ возможность дальнѣйшаго развитія хорошаго дѣла. Кромѣ того, мнѣ казалось не достаточно «принципіальнымъ» покидать поле сраженія (говоря высокимъ слогомъ тогдашняго моего настроенія) при первомъ пораженіи...

Эту черту осторожности, быть можетъ, и излишней я замѣчалъ у Плещеева не одинъ разъ. Я говорю «излишней», потому что, весьма вѣроятно, кружокъ не палъ бы, если бы онъ остался предсѣдателемъ, и, быть можетъ, удалось бы сдѣлать изъ него то, о чемъ я и нѣкоторые другіе мечтали въ то время, т.-е. передѣлать его въ болѣе солидное литературное учрежденіе.

Другой случай крайней осторожности (чтобы не сказать больше), состоялъ въ слѣдующемъ. Покойный профессоръ Орестъ Өедоровичъ Миллеръ, бывшій, какъ извѣстно, горячимъ поклонникомъ Ө. М. Достоевскаго, задумалъ собрать свѣдѣнія о кружкѣ Петрашевскаго, о положеніи въ этомъ кружкѣ Достоевскаго, о нѣкоторыхъ весьма интересныхъ деталяхъ жизни этого кружка, его собраній, рѣчей, какія говорились тамъ, книгъ, какія читались, etc. etc.

Каждому понятно, какую историческую важность имѣли бы такіе матеріалы, сообщенные бывшимъ членомъ кружка, живымъ свидѣтелемъ того, что въ немъ происходило, да еще художникомъ-поэтомъ, который могъ бы передать всѣ детали тогдашней умственной жизни съ яркостью и наглядностью, какія недоступны обыкновенному лѣтописцу прошлаго. Вѣдь, всѣ лица той эпохи,—лица наиболѣе талантливыя и выдающіяся,—воскресли бы вновь подъ художественнымъ перомъ и навсегда сохранились бы для потомства. А эпоха была интересная, важная!

И вотъ Орестъ Өедоровичъ, находившійся въ неособенно дружелюбныхъ отношеніяхъ съ Плещеевымъ, избралъ меня посредникомъ для переговоровъ съ нимъ объ этихъ «воспоминаніяхъ».

Но, увы! Плещеевъ отнесся къ этому съ такимъ неожиданнымъ для меня взрывомъ вражды, досады и какого-то ужаса, что я былъ не радъ, что взялъ на себя порученіе говорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Оно казалось мнѣ такимъ простымъ, такимъ важнымъ

и, кромѣ того, такимъ безопаснымъ для стараго поэта, отдѣленнаго отъ своего юношескаго прошлаго почти полустолѣтіемъ, что я даже понять не могъ того душевнаго состоянія, которое въ ту минуту испытывалъ Плещеевъ. Онъ весь покраснѣлъ, вскочилъ съ мѣста, замахалъ руками и съ какой-то невыразимой ненавистью сталъ кричать:

— Ничего, ничего не дамъ! Какъ онъ смѣетъ мнѣ предлагать это! Пусть мнѣ не напоминаютъ объ этомъ! Ничего, ничего, ничего!..

Меня особенно поразилъ его негодующій тонъ, рѣзкій, грубый. Обыкновенно, это былъ человѣкъ чрезвычайно мягкій, а тонъ его со мною и съ другими былъ, можно сказать, «елейный». И вдругъ такое превращеніе!

Я тогда же передалъ О. Ѳ. Миллеру общій результатъ моего разговора, не упоминая подробностей, такъ какъ не хотѣлъ еще болѣе обострять отношеній, повидимому, и безъ того достаточно приподнятыхъ. Я не зналъ въ то время, не знаю и теперь, что имѣлъ Плещеевъ противъ О. Ѳ. Миллера, или противъ Достоевскаго, или вообще противъ этого глубоко-симпатичнаго предпріятія. Мнѣ показалось страннымъ, что человѣкъ отказывается отъ весьма важнаго дѣла, повидимому, изъ-за личныхъ отношеній. Впрочемъ, я и теперь не смѣю утверждать, были ли тутъ одни только личныя отношенія. Во всякомъ случаѣ, мнѣ всегда казалось, что общее дѣло (а тутъ было общее дѣло, исторія русской умственной культуры) должно заставлять иногда забывать даже кружковыя злобы, если онѣ были въ этомъ дѣлѣ.

Другой подобный же случай,— но уже рѣшительно безъ всякой возможности объяснить его идейными разногласіями,—мнѣ пришлось наблюдать въ Ниццѣ, въ началѣ 90-хъ годовъ. Я тамъ встрѣтился съ Плещеевымъ. Онъ былъ уже милліонеромъ; жилъ въ лучшемъ отелѣ на берегу моря, и я видѣлъ его ежедневно прогуливающимся по такъ называемому «Promenade anglaise»; въ изящной сѣренькой легкой парѣ, съ легкой панамой на сѣдыхъ кудряхъ и съ тростью въ рукѣ.

Я не бывалъ у него, но нерѣдко мы бесѣдовали во время прогулокъ.

Между прочимъ, не могу не вспомнить, что онъ съ восторгомъ отзывался объ одномъ молодомъ русскомъ инородцѣ, жившемъ въ то время въ Ниццѣ и очаровывавшемъ французовъ однимъ своимъ музыкальнымъ произведеніемъ, въ которомъ соединялся русскій народный гимнъ съ марсельезой.

Но дѣло не въ этомъ: я писалъ своимъ знакомымъ въ Петербургѣ, между прочимъ, и о томъ, что встрѣчаю въ Ниццѣ Плещеева, и вотъ нѣкоторые изъ нихъ, предполагавшіе купить нѣкій журналъ, просили меня переговорить съ Плещеевымъ, не поможетъ ли онъ имъ въ этой покупкѣ. Надо сказать, что лица эти всѣ были когда-

то сотрудниками «Отечественныхъ Записокъ», въ которыхъ Плещеевъ до полученія имъ огромнаго наслѣдства былъ секретаремъ редакціи.

Когда, встрѣтившись съ поэтомъ на одной изъ прогулокъ, я сообщилъ ему просьбу его бывшихъ товарищей, онъ пришелъ въ раздраженіе, напомнившее мнѣ инцидентъ съ предложеніемъ Ореста Ѳедоровича Миллера. Онъ также вспыхнулъ, замахалъ руками и съ крайней досадой, почти злобой, категорически отвергъ всякіе разговоры по этому вопросу.

Вотъ два случая, которые, конечно, можно толковать самымъ различнымъ образомъ, но разсказать которые я считалъ нужнымъ для характеристики Плещеева, какъ личности.

Я не думаю, чтобы подъ конецъ жизни онъ индифферентно относился къ тому, что любилъ въ молодости; но, очевидно, это былъ уже не тотъ человѣкъ, который писалъ когда-то:

Впередъ безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ истинный, друзья.

И это чувствовала чуткая молодежь.

Уже въ 60-хъ годахъ, къ которымъ я теперь возвращаюсь, онъ стоялъ въ сторонѣ отъ болѣе живыхъ кружковъ. Въ Москвѣ, въ 60-хъ годахъ, вокругъ него собирались мѣстные и пріѣзжавшіе изъ другихъ городовъ поэты и любители поэзіи. Вормсъ также бывалъ у него часто. Отъ него, а также отъ одного изъ моихъ московскихъ друзей, Р., я слышалъ, что около Плещеева молодежь этого сорта чувствуетъ себя тепло и весело. Особенно весело бывало лѣтомъ, когда онъ живалъ на дачѣ въ Богородскомъ. Тамъ, въ то время, дачники устроивали танцовальные вечера, а мѣстечко въ паркѣ, назначенное для танцевъ, называлось шутя «Плѣшью». Молодая компанія, окружавшая Плещеева, часто посѣщала и эту «Плѣшь» и съ увлеченіемъ танцовала. Однитъ разъ, возвращаясь домой поздно ночью, Алексѣй Николаевичъ сказалъ экспромтомъ:

Въ Богородскомъ на Плѣши,
Сколько хочешь напляши.

Этотъ экспромтъ привелъ всѣхъ въ восторгъ и затѣмъ передавался въ разсказахъ о Плещеевѣ его друзьями. По этому восторгу можно судить, что людямъ было весело, что они отдавались радостнымъ моментамъ жизни, не особенно анализируя ихъ.

Вообще, направленіе этого кружка было преимущественно эстетическое, хотя и съ гражданскимъ оттѣнкомъ.

V.

Другіе Московскіе кружки и ихъ связь съ тогдашней литературой.—Справедливы ли обвиненія въ деморализирующемъ вліяніи литературы 60-хъ годовъ.—Ея истинное вліяніе и дѣйствительныя причины деморализаціи.—Кающійся дворянинъ и принципъ «долга народу цивилизованныхъ классовъ», въ литературѣ и жизни.

Между тѣмъ, тогда были и иные кружки съ ярко выраженной общественной закваской и даже ригористическими, почти аскетическими требованіями. Такъ какъ они стояли въ связи съ литературой и ея выдающимися дѣятелями, то скажу нѣсколько словъ и о нихъ.

Рахметовъ, герой «Что дѣлать», напоминаетъ ихъ, хотя никто не спалъ на гвоздяхъ, не отправлялись на Волгу тянуть барки вмѣстѣ съ бурлаками, но, напримѣръ, зимой, 1865 г., я близко зналъ такой кружокъ (состоявшій изъ очень богатыхъ людей, по большей части, юныхъ помѣщиковъ Саратовской губерніи), который поселился въ садовой бесѣдкѣ [1]). Отоплялась эта бесѣдка небольшой желѣзной печью, въ которой постоянно приходилось поддерживать огонь, чтобы не замерзнуть. Только одинъ изъ этой компаніи, страдавшій наслѣдственными ранами на ногахъ, и самый молодой изъ всѣхъ (ему было въ то время 19 лѣтъ), нѣкто Е—въ, спалъ на желѣзной кровати, поставленной въ углу. Остальные спали въ повалку на матрасахъ, положенныхъ прямо на полъ. Въ этой бесѣдкѣ жило 7 человѣкъ. Самому старшему, Ю., было около 24 лѣтъ. Одинъ изъ компаніи, К., какъ самый сильный, взялъ на себя обязанность приносить воду и готовить обѣдъ. Весь обѣдъ состоялъ изъ хлѣба и кусковъ говядины, которую жарилъ К. на сковородѣ, помѣщаемой на ту же чугунную печку, замѣнявшую плиту. Впрочемъ, и эта роскошь была дозволена ими себѣ впослѣдствіи, по приказанію врача: сперва они рѣшили питаться одной колбасой съ хлѣбомъ, но черезъ недѣлю у всѣхъ развились различныя болѣзни желудка, пришлось обратиться къ доктору, и вотъ почему режимъ былъ измѣненъ.

Трудно повѣрить теперь, что все это дѣлалось ради принципа. Но это было именно такъ: въ одно изъ моихъ посѣщеній этой знаменитой бесѣдки, я видѣлъ въ небольшомъ кожаномъ саквояжѣ, висѣвшемъ надъ постелью Е., шестнадцать тысячъ рублей его собственныхъ денегъ, назначенныхъ на общественное дѣло, о которомъ скажу сейчасъ, а сперва поясню, почему считаю нужнымъ, даже необходимымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ кружкѣ и его судьбѣ.

Дѣло въ томъ, что у насъ установилось еще со времени знаменитаго романа Лѣскова совершенно невѣрное и даже извращенное

---

[1]) Бесѣдка, конечно, была съ рамами и стеклами; стеклянныя двери отворялись прямо въ садъ, безъ сѣней. Холодъ былъ страшный.

понятіе о вліяніи литературы 60-хъ годовъ на тогдашнюю молодежь и общество вообще. Да и самыя представленія объ этой молодежи до сихъ поръ крайне ошибочны.

Этимъ я вовсе не хочу сказать, что не было между другими типами и такихъ типовъ, какіе выведены Лѣсковымъ. Были и хуже, но это были подонки тогдашней молодежи, ея отбросы, и не имѣли ни малѣйшей связи съ литературой той эпохи, проповѣдывавшей на первомъ мѣстѣ, даже въ знаменитомъ романѣ «Что дѣлать», крайній ригоризмъ и почти аскетизмъ, передъ которымъ блѣднѣетъ ригоризмъ такъ называемыхъ «толстовцевъ» 80-хъ годовъ.

Между тѣмъ, литературу 60-хъ годовъ обвиняли въ томъ, что она сѣяла «разнузданность нравовъ», чуть-чуть не общинный бракъ etc. etc.

Такія обвиненія повторилъ еще недавно одинъ изъ молодыхъ писателей-публицистовъ (г. Меньшиковъ) въ «Недѣлѣ», журналѣ, очень распространенномъ среди провинціальной публики.

Пора же сказать объ этомъ слово правды. Вѣдь уже болѣе 30 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ! Все движеніе тогдашней молодежи прошло на моихъ глазахъ, и я видѣлъ съ мучительнымъ отчаяніемъ, какъ видѣли и многіе другіе, какимъ образомъ и подъ вліяніемъ какихъ условій, не имѣющихъ ничего общаго съ литературой и даже прямо враждебныхъ ей, почти уничтожившихъ ее, — возникли «лѣсковскіе» типы на смѣну высоко-моральнымъ, ригористическимъ и аскетическимъ типамъ, созданнымъ тогдашней литературой. Да, эти высокіе типы, съ дѣятельностью и планами самыми мирными и которые теперь, черезъ тридцать лѣтъ, офиціально разрѣшаются—эти высокіе типы были созданы именно тогдашней литературой. Это ясно можно доказать не только ихъ стремленіемъ воплотить въ своей жизни ригористическій идеалъ, выставленный наиболѣе выдающимся изъ представителей литературы того періода,— это доказывается еще болѣе убѣдительно и другими фактами: какъ извѣстно всякому, знакомому съ публицистическими статьями наиболѣе любимаго и популярнаго въ то время журнала, принципомъ дѣятельности ставился тогда для интеллигенціи «долгъ народу цивилизованныхъ классовъ» (статьи Г. З. Елисѣева и др.). И вотъ этотъ же самый принципъ лежалъ въ основѣ всей дѣятельности и даже всѣхъ внѣшнихъ формъ жизни тогдашней лучшей передовой молодежи. Я нарисовалъ образчикъ этихъ внѣшнихъ формъ жизни: люди почти мучили, почти истязали себя подъ вліяніемъ мысли, что они и ихъ предки въ теченіе многихъ столѣтій получали отъ народа всевозможныя блага комфорта и цивилизаціи, и должны ихъ возвратить теперь народу.

Могла ли тутъ быть рѣчь о какой нибудь разнузданности нравовъ или о послабленіи своимъ чувственнымъ инстинктамъ, когда

даже «пустое словопреніе» воспрещалось кодексомъ тогдашней морали, выраженнымъ, напримѣръ, прямо въ слѣдующемъ стихотвореніи, которое повторялъ въ то время каждый изъ молодежи:

Мое презрѣнье
Меня далеко оттолкнетъ
Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье
Опять права свои найдетъ [1]).

Но, чтобы хорошенько разобраться въ этомъ кажущемся для несвѣдущаго человѣка противорѣчіи, а именно: съ одной стороны, въ типахъ крайняго ригоризма, а съ другой—въ типахъ, дѣйствительно, не чуждыхъ нѣкоторой легкости нравовъ, хотя и блѣднѣвшихъ передъ разнузданностью героевъ крѣпостничества, необходимо хотя кратко нарисовать душевное состояніе тогдашней интеллигенціи и внѣшнія условія, вызвавшія крушеніе ригористическаго типа и его смѣну «лѣсковскими» типами.

Конечно, если бы принципъ «долга народу цивилизованныхъ классовъ» былъ чисто головнымъ, разсудочнымъ принципомъ, онъ не могъ бы поддерживать людей въ перенесеніи того аскетическаго режима, какой я показалъ въ знаменитой «бесѣдкѣ». Для этого нужно еще было и сильное чувство. И оно было, оно охватывало тогда многихъ, хотя и не всѣхъ одинаково сильно. И оно было формулировано впослѣдствіи журналистикой въ двухъ словахъ: «кающійся дворянинъ».

Кающійся дворянинъ былъ созданъ прямо литературой. Послѣ эмансипаціи литература сразу открыла глаза наиболѣе чуткимъ изъ дворянской и аристократической молодежи (среди описываемой мною компаніи большинство были дворяне-помѣщики, было два родовыхъ аристократа, а съ ними въ сношеніяхъ находились десятки другихъ такихъ же по всей Россіи). На что же открылись ихъ глаза и почему открылись именно въ то время? По очень простой причинѣ: о положеніи крестьянъ въ предыдущую эпоху не было возможности говорить. Даже такія невинныя вещи, какъ «Записки охотника», казались многимъ «опасной» литературой. И вдругъ не только стало возможнымъ писать о свободѣ крестьянъ, но стало возможнымъ говорить о долгѣ имъ. Въ печати нашей и заграничной стали выплывать наружу такіе факты прошлаго, которые заставляли содрогаться всякое чуткое сердце. И вотъ каждый изъ сознательной дворянской молодежи того времени чувствовалъ себя виновнымъ за всѣ прегрѣшенія предковъ. Тутъ дѣло

[1]) Или другое стихотвореніе:

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ и т. д.
Отведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви...

уже шло не о денежномъ долгѣ, не о денежной расплатѣ за цивилизацію, созданную этимъ самымъ крѣпостнымъ, котораго еще недавно можно было мѣнять на собакъ и лошадей, ссылать въ Сибирь и даже запарывать,—тутъ дѣло шло объ искупленіи общей вины. Это было религіозно-этическое чувство, вытекающее изъ великой формулы: «грѣхъ вашъ на дѣтяхъ вашихъ». Эти люди могли быть вовсе не религіозны въ обыкновенномъ смыслѣ. Тогда въ ходу уже были и О. Контъ, и Бюхнеръ, и Фейербахъ. Но религіозность, религіозная этика были въ крови и нервахъ, и онѣ дѣлали изъ этихъ людей настоящихъ «подвижниковъ». Онѣ требовали искупить грѣхи прошлаго какими нибудь осязательными, яркими жертвами, страданіями, подвигами... Это не было ни народолюбіе, ни народничество послѣдующихъ десятилѣтій, хотя эти два направленія въ жизни и литературѣ были прямымъ продолженіемъ того же настроенія: вѣдь, и позднѣе были десятки, даже сотни «народниковъ», искавшихъ подвига, самопожертвованія, почти самоистязанія, хотя у нихъ уже явились другія цѣли и планы.

Что же касается 60-хъ годовъ, то планы тогдашнихъ «ригористовъ» были у большинства мирные. Это не были даже утопіи Фурье, увлекавшія людей 1840-хъ годовъ въ кружкѣ Петрашевскаго, это были ближе всего планы Роберта Оуэна, Луи-Блана, офиціально отчасти напоминающіе работу Н. Левитскаго. То-есть, эти люди предполагали, что лучшій и ближайшій путь къ исцѣленію современнаго общества отъ его недуговъ состоитъ въ устройствѣ такъ называемыхъ «производительныхъ артелей или ассоціацій». На устройство этихъ-то ассоціацій или артелей и требовались деньги, такъ какъ ассоціаціи или артели предполагалось устраивать безъ участія капиталистовъ, требующихъ себѣ прибыли или процентовъ на капиталъ. Это все же отнимало бы часть заработка у самихъ артельщиковъ. Но отлично понимали, что артели, особенно крупныя, т. е. въ формѣ большихъ артельныхъ заводовъ и фабрикъ, невозможны безъ капитала. И вотъ кружокъ, носившій скромное названіе «Организація труда», собиралъ деньги, чтобы на нихъ давать ссуды на устройство артельныхъ предпріятій (производительныхъ артелей) безъ всякаго вознагражденія или %. Впрочемъ, важно было не это. Такая артель могла сама опредѣлить извѣстный взносъ въ общій капиталъ для ея расширенія, но это было уже ея добровольное дѣло.

Ссуды должны быть даваемы не прямо въ формѣ ссудъ, а примѣрно такъ, какъ началъ Робертъ Оуэнъ въ Нью-Ламаркѣ, а Левитскій въ Херсонской губерніи: основывалась фабрика или заводъ, или земледѣльческое предпріятіе, какъ будто обыкновенныя, т. е. имѣлся и хозяинъ, и его приказчики; рабочіе были бы на жалованьѣ. Въ концѣ извѣстнаго времени, когда дѣло уже стало

бы на ноги, членамъ такой артели былъ бы данъ отчетъ въ приходѣ и расходѣ, а также и въ полученныхъ прибыляхъ. Ихъ попросили бы назначить изъ этихъ прибылей жалованье распорядителямъ, затѣмъ отчислить извѣстную сумму на постепенное погашеніе ссуды, на потребности производства, на его улучшеніе и расширеніе; затѣмъ остатокъ они употребили бы на свои нужды, по собственному усмотрѣнію. При этомъ, конечно, было бы нежелательно раздѣленіе этого остатка между отдѣльными членами: вѣдь при раздѣлѣ каждому досталось бы немного. И вотъ, чтобы этого не случилось, необходимо было ставить условіемъ—употребленіе этого остатка артельно, на общія нужды артели, например̃ъ, школы, читальни, на возможно разумныя, развивающія развлеченія, на общій столъ, жилища etc., etc.

Уплачиваемая по частямъ ссуда поступала бы снова въ капиталъ кружка; изъ нея давались бы ссуды новымъ такимъ же артелямъ etc., etc. По мѣрѣ убѣжденія распорядителей, назначенныхъ отъ кружка, въ томъ, что участники артели поняли ея пользу и научились вести дѣло, кружокъ мало-по-малу передавалъ бы завѣдываніе хозяйствомъ и счетами самимъ артельщикамъ, а въ концѣ концовъ и совсѣмъ устранялся бы, чтобы помогать новымъ такимъ же учрежденіямъ. Кромѣ мелкихъ артелей, напримѣръ, швейной, переплетной, было уже приступлено къ устройству двухъ большихъ: одного завода въ Калужской губерніи и одной бумагопрядильной фабрики въ Московской губерніи. Закупались матеріалы, и такъ далѣе.

Все это считалось тогда «опаснымъ соціализмомъ» и кончилось неожиданной катастрофой, такъ какъ одно лицо изъ кружка удалилось отъ него, пошло совсѣмъ инымъ путемъ, убѣдило отстать отъ кружка еще двухъ-трехъ юношей и затѣмъ стало на путь такой дѣятельности, которая оборвала нормальное теченіе жизни не только у этого лица, но и у тѣхъ самоотверженныхъ гуманистовъ, которые были повинны только въ томъ, что когда-то были съ нимъ знакомы... Ихъ усилія остановить дѣятельность этого лица на его иномъ пути не имѣли успѣха. Задуманные планы, а также и все то, что уже было исполнено или начато, — исчезли безслѣдно. Источникъ первоначальнаго отдѣленія отъ кружка мирныхъ «кооператоровъ», какъ ихъ назвали бы теперь, болѣе крайняго кружка лежалъ именно въ томъ раздраженіи и озлобленіи, которое въ то время вспыхнуло подъ вліяніемъ реакціи, вторгнувшейся въ медовые мѣсяцы реформы. Особенно потрясла та литературная катастрофа съ любимымъ писателемъ, о которой я упомянулъ выше.

Я считалъ нужнымъ,—повторяю,—упомянуть о кружкѣ «кооператоровъ», такъ какъ онъ являлся прямымъ отраженіемъ, даже просто выполнителемъ тѣхъ идей, которыя въ то время были въ извѣстной части литературы. А съ другой стороны, онъ, въ свою очередь,

вліялъ на эту литературу, имѣлъ постоянное общеніе съ лучшими представителями ея, совѣтовался съ ними и такъ далѣе. Повторяю: литературу той эпохи обвиняли въ томъ, что она посѣяла де всякіе плевелы въ русской молодежи, а затѣмъ и въ русскомъ обществѣ. Во всякомъ обществѣ найдется немало различныхъ типовъ, возьмемъ ли мы общество дворянское, купеческое, мѣщанское и такъ далѣе. Среди этихъ обществъ будутъ типы и высоко-нравственные, альтрюистическіе, любящіе, будутъ и эгоисты, будутъ, наконецъ, люди, хотя и любящіе, но озлобленные своимъ прошлымъ или своимъ общественнымъ положеніемъ.

Я уже нарисовалъ выше (а теперь вы увидите, что нарисовалъ я не даромъ) то состояніе озлобленія, мести и ненависти, какое зародилось во мнѣ самомъ послѣ наказанія въ гимназіи.

Вообразите же себѣ, какая масса такихъ же озлобленныхъ прошлымъ должна была накопиться въ русскомъ обществѣ! А къ этому присоединилось озлобленіе реакціей...

Не удивительно, что то лицо, выдѣлившееся изъ кружка, которое было причиной крушенія добраго симпатичнаго дѣла, вышло изъ сравнительно низшихъ классовъ русскаго общества. Я уже показалъ, что «кающійся дворянинъ» жаждалъ только одного—искупить свою вину. Но могли быть представители другихъ слоевъ, которымъ хотѣлось и мстить. Но вотъ что замѣчательно,—и это я утверждаю, какъ фактъ: даже въ людяхъ съ жаждой мести она стала угасать въ ту эпоху, потому что тяжесть крѣпостного права была снята, и всѣ сердца размягчились, были полны радости, восторга, обожанія къ тому, кто все это совершилъ...

Однако, къ несчастью, въ то же время явились извнѣ и другія вѣянія. Я уже указывалъ, какъ эти другія вѣянія отразились у насъ въ гимназіи. Но они отразились и на тогдашней литературѣ, и на судьбѣ нѣсколькихъ наиболѣе любимыхъ писателей.

И вотъ, упоеніе первыми днями весны смѣнилось разочарованіемъ, которое было тѣмъ мрачнѣе, чѣмъ ярче свѣтило и грѣло солнце въ первые дни. Позднѣйшая литература только слегка отразила это унылое настроеніе, а ужъ никакъ не создала его. Эту литературу упрекали въ распространеніи пессимистическихъ взглядовъ. Но она была только слабымъ, тусклымъ зеркаломъ того унынія, того разочарованія и той мучительной душевной боли, которыя непосредственно зарождались рѣзкой волной реакціи. Насколько литература тутъ неповинна, видно изъ того, что въ кружкахъ молодежи (и тогдашней и позднѣйшей) ее постепенно начали обвинять въ отсталости, въ барствѣ, въ буржуазности и т. п., смотря потому, какая изъ этихъ bêtes noires считалась болѣе раздражающей въ то или иное десятилѣтіе.

Повторю еще разъ, чтобы меня не обвинили въ противорѣчіи съ тѣмъ, что сказано выше о кружкѣ ригористовъ-филантроповъ

изъ кающихся дворянъ: этотъ кружокъ еще былъ, дѣйствительно, отраженіемъ литературы начала 60-годовъ, потому что въ то время можно было яснѣе и откровеннѣе ставить и развивать принципы и идеи высшаго этическаго настроенія эпохи. Понятно, что въ силу этого единеніе литературы и общества (особенно молодежи) могло быть наиболѣе полнымъ и широкимъ. Позднѣе, это единеніе, въ силу условій, въ какихъ очутилась печать, стало не единеніемъ, а разобщеніемъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе становилось это разобщеніе: литература переставала руководить обществомъ и молодежью. Эта послѣдняя естественно стала искать кумировъ въ своихъ рядахъ, относясь къ литературѣ почти свысока, почти презрительно.

Въ словахъ Салтыкова: «писатель пописываетъ, а читатель почитываетъ», былъ горькій упрекъ не одному только «обществу» въ вульгарномъ смыслѣ этого слова. Нѣтъ! Въ этихъ словахъ,—не знаю, сознательно ли для самого нашего великаго сатирика,—отразился фактъ болѣе глубокій и не видимый на поверхности: литература ужъ не могла быть полной выразительницей общественныхъ теченій и направленій, созрѣвшихъ въ глубинѣ жизни. Тѣ вопросы, тѣ типы, которые она давала, уже мало занимали наиболѣе горячую и молодую часть общества. Руководительство этой частью ускользнуло отъ литературы. Жизнь этой части «отбилась» отъ литературы и пошла своими путями.

Литература не можетъ руководить тѣмъ, чего не можетъ разбирать свободно и не закутывая «въ сотни ризокъ», какъ говорилъ Салтыковъ о своихъ высоко-талантливыхъ произведеніяхъ, которыя приходилось писать «езоповскимъ языкомъ» (его же терминъ).

Рядомъ съ этимъ, послѣ этого разрыва литературы (т. е. высшихъ и высокоталантливыхъ умовъ страны) съ «толпой», началось и зарожденіе третьяго типа: «лѣсковскихъ» героевъ. Подъ этимъ словомъ «лѣсковскихъ» я подразумѣваю всю ту «чернь», всѣ тѣ подонки истинной тогдашней интеллигенціи, которые, пока она была цѣла, были счастливы, если имъ позволяли играть низшія роли, служить на посылкахъ и т. п. Но совершенно такъ же, какъ бываетъ въ домѣ, изъ котораго уѣхали господа, и осталась одна прислуга, которая пируетъ на свободѣ, надѣвъ господское платье,—совершенно также, говорю, пошло дѣло и въ средѣ общества безъ интеллигентныхъ руководителей высшаго умственнаго и этическаго порядка. Какихъ только кружковъ не создалось послѣ этого! Лѣсковскіе герои еще настоящіе гиганты передъ ними! Многіе помнятъ въ Москвѣ дѣла у мировыхъ судей о нѣкоторыхъ изъ членовъ такого рода, «съ позволенія сказать», кружковъ! Но теперь еще не время говорить о нихъ!

Такъ при чемъ же была тутъ литература, державшая всегда, даже въ самое печальное время свое, высоко знамя общественной этики, знамя самоотверженной гражданственности!

Не очевидно ли, что именно вслѣдствіе искусственнаго разрыва съ этой высокой литературой выплыли вновь всѣ инстинкты и страсти, воспитанныя при крѣпостномъ правѣ. Подобно тому, какъ въ мозгу загипнотизированнаго субъекта, когда усыплены высшіе центры сознанія, регулировавшіе ранѣе низшіе центры, начинаютъ дѣйствовать эти послѣдніе, проявляясь конвульсіями или автоматически-животными движеніями, такъ и въ обществѣ, когда парализованы высшіе центры умственной и этической жизни, дававшіе тонъ этой жизни,—возникаетъ дико-разнузданная, подсознательная, рефлекторная жизнь низшихъ центровъ. Эта полуинтеллигенція, лишенная вождей, и была принята многими за интеллигенцію 60-хъ годовъ. Это я видѣлъ собственными глазами, это я пережилъ самъ и объ этомъ свидѣтельствую.

VI.

Моя переписка съ редакторомъ литературной части журнала «Дѣло», А. К. Шеллеромъ.— Письмо Благосвѣтлова.— Личное знакомство съ А. К. Шеллеромъ и Благосвѣтловымъ.—Вечеръ у Благосвѣтлова.— Мое посѣщеніе М. Е. Салтыкова (Щедрина) и его пріемъ.— Позднѣйшая встрѣча съ нимъ въ 80-хъ годахъ.— Салтыковъ въ гробу.—Критическая статья, заказанная мнѣ Благосвѣтловымъ.— Неожиданная вражда ко мнѣ «Дѣла» по поводу изданія моихъ стиховъ.

Настоящія и правильныя отношенія мои съ литературнымъ міромъ начались только въ 1868 году, когда послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни вдали отъ Петербурга, въ далекой и наивной глуши крохотнаго уѣзднаго городка, я остался одинъ съ самимъ собой, началъ вдумываться въ свое прошлое, въ судьбу моихъ друзей и знакомыхъ, сталъ гораздо больше читать и учиться, сталъ мечтать и глубже, вдумчивѣе, если не сильнѣе, чувствовать. Стихи писались въ это время сами собою: говорить было не съ кѣмъ, изливаться некому, и вотъ говорилъ я съ бумагой, изливалъ свои чувства, свои думы, свою сердечную скорбь на той же бумагѣ.

Но и тутъ я все еще не рѣшался посылать моихъ стиховъ въ журналы.

Въ первый разъ такая рѣшимость явилась у меня въ концѣ 1868 г.

Первыя стихотворенія я послалъ Благосвѣтлову въ его тогдашній журналъ «Дѣло».

Какое чувство я испыталъ, получивъ вскорѣ послѣ этого дружеское, задушевное письмо А. К. Шеллера, завѣдывавшаго тогда литературнымъ отдѣломъ этого журнала! Онъ хвалилъ мои стихи, просилъ меня присылать все, что у меня набралось лучшаго, по моему мнѣнію; выслалъ мнѣ журналъ за тотъ годъ, а въ немъ были уже напечатаны два моихъ стихотворенія.

Въ томъ же письмѣ сообщалось, что Благосвѣтловъ будетъ мнѣ высылать 25 к. за строчку моихъ стихотвореній.

Съ этого момента началась моя переписка съ А. К. Ш—ромъ, почти исключительно дѣловая, но принесшая мнѣ въ то время огромную пользу. Она подняла мое самочувствіе, заставила меня сильнѣе работать. Она даже прямо помогла мнѣ работать, такъ какъ А. К. Ш—ръ предложилъ мнѣ, не хочу ли поручить ему пріобрѣтать для меня по уменьшенной цѣнѣ необходимыя мнѣ книги за счетъ моего гонорара.

Въ то время, не получая почти помощи отъ отца, я чувствовалъ сильную нужду, хотя цѣны на все были необыкновенны дешевы въ томъ захолустьѣ, гдѣ я жилъ. Напримѣръ, за $5^1/_2$ рублей въ мѣсяцъ можно было имѣть двѣ (правда, крохотныхъ) комнатки со столомъ и самоваромъ.

Впослѣдствіи за 8 рублей у меня была даже довольно комфортабельная квартира изъ двухъ комнатъ съ прихожей.

Но, благодаря стихамъ и А. К. Ш—ру, у меня начала даже составляться порядочная библіотека изъ избранныхъ научныхъ сочиненій.

Въ то же время постоянное появленіе моихъ стихотвореній въ «толстомъ» журналѣ улучшило нѣсколько мое положеніе въ глухомъ захолустьѣ.

Все это было великимъ пріобрѣтеніемъ для меня въ то время.

Въ концѣ 1869 года я получилъ письмо уже отъ самого Благосвѣтлова на бланкѣ редакціи. Онъ говорилъ нѣсколько сдержанныхъ комплиментовъ моимъ стихамъ, просилъ прислать что нибудь для январской книжки и торжественно объявлялъ, что прибавляетъ къ прежней построчной платѣ (25 к.) еще 5 копеекъ.

Я упоминаю объ этомъ для того, чтобы охарактеризовать одну черту Благосвѣтлова, о которой и до сихъ поръ я не могу вспомнить безъ тяжелаго, мучительнаго чувства, и которая выразилась въ странномъ поступкѣ со мною его редакція, о чемъ разскажу въ своемъ мѣстѣ, чтобы не забѣгать впередъ.

Я посылалъ стихи въ «Дѣло» въ теченіе 10 лѣтъ, т. е. до 1878 года, сперва изъ того же захолустья, а затѣмъ и изъ Орла, куда перебрался въ 1870 году.

Ни Благосвѣтлова, ни А. К. Ш—ра я не видѣлъ лично до конца 70-хъ годовъ, когда мнѣ удалось на нѣсколько дней заѣхать въ Петербургъ.

Второго я посѣтилъ въ его квартирѣ и былъ принятъ имъ съ истинно братскимъ радушіемъ, привѣтливостью и простотой. Въ самомъ дѣлѣ, отличительной чертой личнаго характера А. К. Ш—ра была чрезвычайная любовь къ русской литературѣ, а въ то же время, конечно, и къ начинающимъ писателямъ, подававшимъ какія либо надежды на будущее развитіе.

Для такихъ начинающихъ онъ готовъ былъ сдѣлать все, что было въ его силахъ, а ужъ что касается одобренія, подъема духовнаго, укрѣпленія надеждъ на свои силы, то едва ли кто нибудь другой былъ въ нашей литературѣ, кто также относился бы къ молодой пишущей братіи.

И такимъ А. К. Ш—ръ остался до своей смерти.

Говорятъ, таково же было отношеніе къ начинающимъ и В. Г. Бѣлинскаго. Изъ моего личнаго опыта я зналъ почти такое же отношеніе ко мнѣ М. Е. Салтыкова (Щедрина), когда я, въ тотъ же пріѣздъ въ Петербургъ, отнесъ ему мою юношескую «дррраму» въ стихахъ, изъ временъ крѣпостного права, написанную по разсказу моей квартирной хозяйки, въ томъ захолустьѣ, гдѣ я жилъ [1]).

Въ этой драмѣ я заплатилъ дань юношескому мелодраматизму и сентиментализму; я, напримѣръ, ввелъ въ нее неизбѣжную «любовь».

Салтыковъ не взялъ этой драмы, но пріема, сдѣланнаго имъ мнѣ въ его квартирѣ, я никогда не забуду. Быть можетъ, впрочемъ, онъ обусловливался въ значительной степени тѣмъ крайнимъ смущеніемъ и робостью, которыя охватили меня, когда я увидѣлъ передъ собою любимаго, почти боготворимаго мною сатирика. Когда онъ усадилъ меня около стола и сталъ разспрашивать, я едва могъ говорить отъ волненія. Но я былъ окончательно уничтоженъ его добротой и любезностью, когда въ передней, провожая меня, вслѣдствіе того, что горничная гдѣ-то замѣшкалась, онъ самъ (самъ!) помогъ мнѣ надѣть пальто!

Въ то время онъ не высказалъ мнѣ окончательнаго рѣшенія о моей драмѣ и сказалъ, что прочелъ только два ея дѣйствія. Въ редакціи же, куда я пришелъ черезъ нѣсколько дней, я слышалъ, какъ на вопросъ Плещеева:

— А что драма?

Онъ отвѣтилъ однимъ словомъ:

— Грубо!...

---

[1]) Мужъ моей хозяйки былъ въ 40-хъ годахъ любимымъ крѣпостнымъ лакеемъ мѣстнаго помѣщика З., который осыпалъ его милостями и щедротами. Но лакей не вынесъ вида страданій остальныхъ крѣпостныхъ, съ которыми З. обращался жестоко: онъ убѣжалъ, однако, лѣтъ черезъ 5 вернулся. Баринъ не только не наказалъ его, но подарилъ ему домъ въ городѣ, дорогую шубу и золотые часы. Дѣло въ томъ, что когда-то этотъ лакей насильно не пустилъ барина на пожаръ гумна, которое, какъ потомъ оказалось, было подожжено ночью крестьянами, съ цѣлью бросить помѣщика въ огонь. Проживъ послѣ побѣга года два и еще разъ спасши жизнь З., лакей не выдержалъ и въ концѣ 3-го года убилъ барина изъ ружья, черезъ стекло балконной двери. Его не только не подозрѣвали въ этомъ убійствѣ, но сдѣлали даже управляющимъ. Однако, видя, что десятки людей сидятъ въ тюрьмѣ по подозрѣнію, онъ явился въ судъ и заявилъ объ истинѣ... Приговоренный къ наказанію плетьми, онъ умеръ подъ ними въ г. Варнавинѣ, Костромской губерніи.

Быть можетъ, дѣло шло вовсе не о моей драмѣ, но въ то время мнѣ казалось, что все, что говорится въ редакціи, говорится обо мнѣ.

Тогда же я увидѣлъ въ первый разъ въ сборѣ почти всѣхъ тѣхъ людей, которые такъ волновали мое сердце въ провинціи: тутъ были и А. М. С—ій и Н. К. М—скій.

Я до сихъ поръ помню, что Салтыковъ разсказывалъ Н. К. М—скому, что къ нему являлся какой-то иностранный издатель, прося позволенія перевести его очерки (кажется, «Губернскіе»). Говорилъ онъ это довольно покойнымъ и небрежнымъ тономъ, даже нѣсколько насмѣшливымъ и грубоватымъ, но сердце мое подсказывало мнѣ, что онъ не можетъ не быть радъ уже потому одному, что каждому убѣжденному писателю дорого распространеніе его произведеній. Да и не даромъ же онъ разсказывалъ объ этомъ въ редакціи.

Послѣ этого я видѣлъ его только два раза: черезъ нѣсколько лѣтъ въ главномъ управленіи по дѣламъ печати, гдѣ я ожидалъ пріема, а онъ вышелъ изъ кабинета Ѳеоктистова и поразилъ меня своей памятью. Надо сказать, что я въ то время уже издавалъ свой журналъ и помѣстилъ тамъ статью о его произведеніяхъ. Статья была написана очень горячо и, между прочимъ, имѣла цѣлью отстранить отъ Салтыкова тѣ нападки и обвиненія, которыя посылались на него со стороны Страстнаго бульвара [1]).

И вотъ, не видѣвъ меня нѣсколько лѣтъ, онъ сразу узналъ меня, хотя я долженъ былъ значительно перемѣниться. Да и видѣлъ онъ меня раньше лишь нѣсколько минутъ. Салтыковъ, опираясь на палку, тяжелой поступью, направился прямо ко мнѣ (я сидѣлъ въ пріемной у стола налѣво) и своимъ грубоватымъ голосомъ, теперь значительно смягченнымъ, спросилъ:

— Вѣдь, вы Оболенскій? Вы теперь издаете журналъ?

Я отвѣтилъ утвердительно.

— Я его вижу. Желаю вамъ всякаго успѣха. Хорошо ли онъ идетъ у васъ? Какова подписка?

На прощанье онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и пожелалъ «прежде всего здоровья». «Вотъ я все прихварываю»,—добавилъ онъ.

На меня и въ этотъ разъ онъ произвелъ впечатлѣніе человѣка необыкновенно простого, полнаго внутренняго величія и мощи, большой сердечности и даже ласковости, рвущейся черезъ оболочку грубости и лаконичности, какъ результата мучительной болѣзни.

Еще разъ и послѣдній я видѣлъ его въ гробу. Онъ лежалъ тамъ, какъ-то съежившись, точно придавленный непобѣдимой, необъятно-могучей силой. Даже его голова стала какъ-то меньше. Я

1) Я тогда же послалъ эту книжку журнала Салтыкову, чтобы выразить ему этимъ мое глубокое уваженіе и сочувствіе.

не могъ смотрѣть на это тѣло, задавленное рокомъ, и плакалъ надъ нимъ, какъ ребенокъ. Ни однѣ литературныя похороны не производили на меня такого потрясающаго впечатлѣнія,—даже похороны Достоевскаго. Вѣдь тотъ, въ концѣ жизни, все же покорился судьбѣ и даже сдѣлалъ принципомъ своей проповѣди «смиреніе» и «покорность». Поэтому его смерть не была такой трагедіей, какъ смерть Салтыкова. Этотъ не покорялся судьбѣ до послѣдняго издыханія, боролся за жизнь, за мысль до послѣдняго момента, и даже въ гробѣ, даже мертвый, сохранилъ на своемъ лицѣ такое выраженіе, что, мнѣ казалось, его сжатыя уста каждую минуту готовы крикнуть грубымъ, хриповатымъ голосомъ:

— А я все же не покорюсь!

Таково мое общее впечатлѣніе и отъ этого человѣка, и отъ его сочиненій, и даже отъ его мертваго тѣла...

Но возвратимся къ Григорію Евлампіевичу Благосвѣтлову. Когда я увидѣлъ его, всѣ мои юношескія, провинціальныя представленія о редакторѣ такого либеральнаго органа, какъ «Дѣло», были потрясены: передо мной стоялъ суетливый, сухощавый человѣкъ, съ коротко остриженной, сѣдой и узкой головкой, съ пергаментнымъ, безцвѣтнымъ лицомъ стараго столоначальника, одеревенѣвшаго надъ бумагами.

Онъ извинился, что страшно занятъ, и пригласилъ къ себѣ вечеромъ:

— У меня соберутся сотрудники, съ которыми вамъ интересно будетъ познакомиться.

Вечеромъ я, конечно, явился, конфузясь и робѣя передъ небольшой группой лицъ, собравшихся въ довольно большой комнатѣ, повидимому, передъ кабинетомъ Благосвѣтлова, такъ какъ онъ часто убѣгалъ за какой-то занавѣсъ, когда ему приносили письма, бумаги и корректуры.

Вокругъ небольшого круглаго стола сидѣли на диванѣ и въ мягкихъ креслахъ слѣдующія лица: Мордовцевъ, Шеллеръ, Станюковичъ, Бажинъ (романистъ) и еще человѣка два-три, фамиліи которыхъ не помню.

Разговоры вертѣлись на литературныхъ сплетняхъ; разсказывались анекдоты, а въ углу, противоположномъ тому, гдѣ стоялъ диванъ, лакей приготовлялъ карточный столъ. Тутъ ужъ мои представленія о писателяхъ совершенно перевернулись вверхъ дномъ: «какъ,—думалъ я,—эти люди, поучающіе всю Россію, какъ слѣдуетъ жить разумно и нормально, проводятъ вечера за картами! Да что же это такое?»

Въ своей наивности я полагалъ, что играть въ карты могутъ только провинціальные чиновники, а писатели ведутъ постоянно умные разговоры о томъ, что пишутъ... Впослѣдствіи я узналъ,

что большинство «писателей» бѣгутъ отъ «умныхъ» разговоровъ, которые имъ и безъ того приходится вести съ читателями на бумагѣ.

Скоро около круглаго стола остались только трое, а остальные усѣлись за карты. Самъ Благосвѣтловъ не игралъ и даже исчезъ на нѣкоторое время за свою портьеру, извинившись, что долженъ просмотрѣть что-то очень нужное.

Разговоръ за нашимъ столомъ тянулся вяло и сонно; кто-то разсказывалъ о своемъ совершенно неинтересномъ путешествіи за границу. Я начиналъ дремать, а удалиться не рѣшался, не простившись съ хозяиномъ.

Однако, появился наконецъ и онъ и, отведя меня въ сторону, спросилъ: не хочу ли я имѣть болѣе постоянную работу при журналѣ, напримѣръ, критическую. Вѣдь, и Писаревъ началъ стихами, а потомъ оказался блестящимъ критикомъ.

Я отвѣтилъ, что не пробовалъ своихъ силъ на этомъ пути, но, такъ какъ очень люблю литературу, люблю говорить о ней и разбирать прочитанное, то я попробую.

— Вотъ и отлично. У меня есть одна книжечка, я вамъ ее дамъ, и вы попробуйте.

Онъ далъ мнѣ довольно толстую, но небольшихъ размѣровъ книгу. Это были беллетристическія произведенія Бажина, съ которымъ я только что разговаривалъ, и который мнѣ очень понравился.

— Быть можетъ, вы успѣете написать объ этой книгѣ еще до отъѣзда изъ Петербурга? Вѣдь, больше двухъ-трехъ дней на это не потребуется. А тогда мы увидимъ...

Я взялся попробовать.

Въ заключеніе насъ пригласили ужинать въ столовую. Проходя гостиныя, съ дорогой мебелью и зеркалами, наконецъ, сидя за столомъ, убраннымъ вазами съ фруктами и бронзовыми канделябрами, я совершенно терялъ голову отъ того, какъ могъ «позволить себѣ» такую «роскошь» издатель «Дѣла», котораго я считалъ ригористомъ!?

Послѣ ужина Благосвѣтловъ угощалъ всѣхъ сигарами, объявляя, что онѣ очень дороги и хороши.

Я скоро ушелъ, а остальные гости еще остались играть въ карты и бесѣдовать. Я торопился засѣсть сейчасъ же, ночью за чтеніе книги Бажина, чтобы успѣть въ три дня написать статью, заказанную мнѣ. И я ее, дѣйствительно, написалъ, но, увы, ей такъ и не удалось увидать свѣтъ! Теперь я понимаю, что о книжечкѣ нужно было написать небольшую библіографическую замѣтку; я же съ жаромъ новичка написалъ большую статью, въ которой дѣлалъ необыкновенныя открытія: напримѣръ, г. Бажинъ оказывался у меня сатирикомъ «соціальныхъ условій жизни» и т. п.

Уѣхавъ изъ Петербурга въ Орелъ, гдѣ я постоянно жилъ въ то время, я посылалъ въ «Дѣло» попрежнему стихи и даже боль-

шія поэмы (какъ, напримѣръ, «Конопля»). Благосвѣтловъ печаталъ ихъ въ такъ называемыхъ подписныхъ книжкахъ, а одинъ изъ членовъ редакціи «Дѣла» предложилъ мнѣ даже редактировать изданіе сборника моихъ стиховъ, о которомъ я началъ подумывать, по совѣту редактора тогдашняго «Орловскаго Вѣстника», А. Н. Чудинова.

Въ то же время издать мои стихи мнѣ предложилъ и профессоръ Н. П. Вагнеръ, вмѣсто гонорара за мою статью «Физіологическія объясненія нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты», которая печаталась въ нѣсколькихъ №№ его научно-литературнаго журнала «Свѣтъ» и была мною послана ему изъ Орла.

Я принялъ это послѣднее предложеніе и въ то же время сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ вагнеровскаго «Свѣта», отдавая туда всѣ стихи, беллетристику и научно-философскія статьи. Вотъ тутъ-то и случился тотъ фактъ, который и до сихъ поръ приводитъ меня въ изумленіе: когда въ 1878 г. вышла книжка моихъ стихотвореній, въ «Дѣлѣ» появилась страшно-ругательная, почти неприличная статья о ней. Такъ какъ большинство стихотвореній, вошедшихъ въ 1-й томъ, было напечатано въ томъ же «Дѣлѣ», то авторъ статьи долженъ былъ объяснить какъ нибудь это обстоятельство. И вотъ онъ объяснилъ его тѣмъ, что мои стихи помѣщались въ «Дѣлѣ» назатычку, по усмотрѣнію метранпажа, когда нужно было заполнить мѣсто между двумя статьями. Я такъ растерялся отъ этой статьи, что не сумѣлъ въ то время даже возразить на нее, такъ какъ могъ бы сдѣлать это съ документами въ рукахъ, напечатавъ письма самого Благосвѣтлова, гдѣ онъ просилъ присылать стихи къ январской книжкѣ и т. д. (они и теперь у меня цѣлы).

Но мнѣ казалось неприличнымъ возражать противъ «критики», и я ограничился только тѣмъ, что съ того времени уяснилъ себѣ значеніе редакторскихъ любезностей, а, переѣхавъ вскорѣ на житье въ Петербургъ, конечно, уже не переступилъ порога милой редакціи.

Это было только началомъ моихъ разочарованій въ литературномъ мірѣ. Почти одновременно съ этой замѣткой «Дѣла», рецензентъ одной газеты поступилъ съ моими стихами еще лучше: онъ выписалъ одну строку изъ моего стихотворенія, замѣнивъ въ ней слова «надо льдомъ» словами «подо льдомъ» и выражалъ свое изумленіе: «до чего могутъ дописаться современные поэты: у нихъ люди разговариваютъ подо льдомъ!»

Я бросился къ своей книжкѣ, проклиная въ душѣ корректора, но, къ моему величайшему изумленію, въ книжкѣ разговоръ происходилъ «надъ льдинами», и я съ той минуты началъ немножко уяснять себя, что значили слова «литературная критика», въ ихъ настоящемъ, дѣйствительномъ смыслѣ въ концѣ 70-хъ годовъ.

Л. Е. Оболенскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ МОЕЙ ПОРТРЕТНОЙ ГАЛЛЕРЕИ.

I.

Квачъ.

I.

Въ САМОМЪ началѣ 60-хъ годовъ, передъ «эмансипаціей», въ числѣ прочихъ вопросовъ, называвшихся тогда жгучими, былъ поднятъ вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Говорили не только о томъ, что пора отмѣнить порки въ гимназіяхъ, но что вообще не слѣдуетъ сѣчь кого бы то ни было. Отецъ мой, служившій по министерству путей сообщенія (онъ былъ инженеръ), особенно настаивалъ, чтобы тѣлесныя наказанія были отмѣнены въ его департаментѣ. Докладовъ высшему начальству онъ не дѣлалъ, а позвалъ вахтера и предупредилъ, что отнынѣ за провинности курьеровъ, сторожей и конюховъ драть не будутъ.

Вахтеръ былъ изъ крещеныхъ евреевъ и отличался изысканными манерами и томнымъ видомъ. Выслушавъ отца, онъ сказалъ:

— Только позвольте, ваше-скородіе, имъ этого не объявлять.

— Почему?

— Напьются. Пусть само собой образуется. Сразу невозможно. Сладу не будетъ.

Но, тѣмъ не менѣе, слухъ объ отцовскомъ распоряженіи разнесся очень скоро по двору. Сослуживцы отца распоряженія не

одобряли. Даже жена одного изъ вице-директоровъ въ видѣ упрека ему говорила:

— У меня была дальняя родственница въ театральномъ училищѣ,—хороша была, какъ ангелъ, — золотистыя кудри, коса до пятъ, танцовала, какъ пери. И ее, шестнадцатилѣтнюю красавицу, постоянно въ училищѣ сѣкли надзирательницы, и за что? За то, что она кокетничала глазками съ учениками на репетиціи въ театрѣ. Теперь она замужемъ за княземъ и всюду принята, и пользуется всеобщимъ уваженіемъ. А вы такъ заботитесь о пьяныхъ курьерахъ!

Къ общему удивленію и къ удивленію отца, его распоряженіе, вмѣсто того, чтобъ распустить, какъ-то всѣхъ подтянуло. Недѣли двѣ прошло настолько благополучно, что никакимъ наказаніямъ никого не пришлось подвергнуть.

— Тихо? — спрашивалъ отецъ.

— Тихо-то оно тихо,—загадочно отвѣчалъ вахтеръ.

— Да вѣдь всѣ довольны?

— Оно, конечно, довольны...

— Ну, такъ что же еще?

— Да вотъ Квачъ...

— Говори толкомъ.

— Да извольте сами его допросить.

— О чемъ мнѣ его допрашивать?

Вахтеръ оглянулся по сторонамъ, качнулся въ сторону начальника и, вытянувъ шею, шепотомъ сказалъ:

— Осуждаетъ.

Отецъ нахмурился. Квачъ чаще другихъ подвергался до сихъ поръ дёркѣ за пьянство, грубости вахтеру и драку съ товарищами. Это былъ угрюмый, черный хохолъ, маленькаго роста, совсѣмъ обрусѣвшій. Онъ былъ курьеромъ; когда былъ трезвъ, должность несъ истово, но это бывало рѣдко, потому что почти ежедневно онъ «къ дѣлу употребленъ быть не могъ». Его все собирались прогнать со службы, но все почему-то оставляли.

II.

На зовъ отца онъ явился заспанный, всклоченный, болѣе мрачный, чѣмъ всегда. На вахтера, который его привелъ, онъ смотрѣлъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ и, когда тотъ, тихонько притворивъ дверь и кашлянувъ въ кулакъ, вышелъ въ прихожую, даже хотѣлъ сплюнуть ему вслѣдъ, но удержался.

— Отчего ты не причесанъ? — спросилъ отецъ.—Что это за лохмы?

Квачъ провелъ рукой по головѣ, какъ бы желая убѣдиться, что у него за лохмы, но ничего не отвѣтилъ.

— Ты знаешь о моемъ распоряженіи: объ отмѣнѣ розогъ?

Онъ вскинулъ глазами красными и мутными, и опять опустилъ ихъ.

— Слышишь ты? Тебя я спрашиваю.

Онъ снова поднялъ глаза.

— Такъ точно.

Звуки онъ изъ себя выпиралъ хриплые и дикіе; когда его спрашивали, отчего у него такой голосъ, всегда отвѣчалъ: «извѣстно, кульеры всегда осипши по ихъ должности».

— Говорятъ, ты не одобряешь этой мѣры? продолжалъ отецъ.

Квачъ выразилъ на лицѣ полное презрѣніе.

— Это все вахтеръ, ваше-скородіе, наговариваетъ. Наушникъ, подлецъ.

Голова вахтера тотчасъ высунулась въ щель.

— Какой ты нестоющій человѣкъ,—заговорилъ онъ. И какъ ты смѣешь передъ его выскородіемъ...

Отецъ его прогналъ.

— Такъ это вахтеръ вретъ? Ты согласенъ, что и безъ порки прожить можно?—продолжалъ онъ.

Квачъ вздохнулъ, переступилъ съ ноги на ногу и сказалъ:

— Какъ вамъ будетъ угодно.

— Что угодно? Говори яснѣе.

— Ваша воля.

Отецъ вспылилъ.

— Да что ты прикидываешься дурнемъ? Я позвалъ тебя, потому что хочу узнать: зачѣмъ по-твоему розги нужны людямъ? Ну?

— Да вѣдь ваше-скородіе отмѣнили. Чего-жъ тутъ говорить...

— А ты бы не отмѣнилъ на моемъ мѣстѣ? Ну, что-жъ ты молчишь?

Квачъ кинулъ умоляющій взглядъ на отца.

— Ослобоните, ваше-скородіе.

— Значитъ, ты не хочешь мнѣ отвѣчать?

— Никакъ нѣтъ.

— Что такое «никакъ нѣтъ»? Хочешь, или не хочешь?

— Такъ точно...

— Пошелъ вонъ!

Квачъ сдѣлалъ налѣво кругомъ и вышелъ. Проходя мимо вахтера, онъ скосился на него и сказалъ:

— Соглядатый... бродяга...

III.

Близъ министерства былъ садъ, принадлежавшій одному училищу, куда мы, дѣти, ходили иногда играть въ тѣ часы, когда тамъ не было воспитанниковъ. Но по дорогѣ въ садъ намъ доставляло неизъяснимое наслажденіе забѣжать потихоньку на третій дворъ, гдѣ были конюшни, и гдѣ стояли лошади, предназначенныя

для курьерскихъ разъѣздовъ. Тамъ чудесно пахло душистымъ сѣномъ, конскимъ потомъ и махоркой. Кучера всѣ были веселые, и у нихъ всегда въ гостяхъ торчала какая нибудь горничная, всегда стояла бутылка вишневки, слышались прибаутки, смѣхъ, всегда пересуживали начальство. Я особенно любилъ кучера Петра, молодого веселаго парня, иногда ѣздившаго и съ отцомъ, и потому ко мнѣ всегда бл..говоливпіаго. Какъ разъ на другой день, послѣ допроса Квача, я забѣжалъ къ Петру и засталъ его съ нашей горничной Матрешей и Квачемъ. У нихъ шла перебранка. Квачъ въ сюртукѣ съ зелеными жгутами, въ фуражкѣ и съ ободраннымъ портфелемъ стоялъ сердито передъ Петромъ.

— Лясы точить только и есть вамъ дѣло, ироды!—кричалъ онъ.— Отчего въ упряжкѣ лошади нѣтъ? Вамъ отъ экзекутора велѣно, чтобъ всегда, какъ на пожаръ, были готовы. Въ армякѣ сиди, кнутъ въ рукахъ держи, шапку не смѣй снять.

— Ладно, поспѣешь,—сказалъ Петръ, лѣниво вставая.—Ни какихъ такихъ у васъ спѣховъ нѣтъ.

— А вамъ, Матрена Игнатьевна, даже нарочито непристойно съ этой навозной командой компанію водить,—обратился Квачъ къ Матренѣ,—да еще при господскомъ ребенкѣ. То есть совсѣмъ нынче стыдъ потерянъ.

Матрена шмыгнула подъ ворота.

— Куда торопитесь-то?—спросилъ Петръ, быстро и ловко взнуздывая тощую гнѣдую кобылу огромнаго роста, которая ходила легкой трусцой, но такъ разставляла свои длинныя ноги, что за ней на полныхъ рысяхъ не могли угнаться.

— Да опять сочинителя изъ квартала освобождать,—черти!

У насъ служилъ въ министерствѣ нѣкій К***,—поэтъ, и небезызвѣстный,—который пилъ горькую и нерѣдко оказывался въ какомъ нибудь кварталѣ, куда былъ взятъ за безобразіе въ публичномъ мѣстѣ. Послѣ его протрезвленія изъ департамента посылался курьеръ съ запиской экзекутора и съ удостовѣреніемъ личности К***,—только тогда его и освобождали изъ заточенія. Миссія эта всегда возлагалась на Квача.

— Что онъ часто началъ закручивать?—спросилъ Петръ.—На прошлой недѣлѣ въ четвертую адмиралтейскую ѣздили?

— А теперь въ Каретную поѣдемъ. Не дерутъ... Отодрать бы разъ,—узналъ, какъ шкандалить...

— Да вѣдь вотъ васъ, Кузьма Ивановичъ, какъ драли,—осклабился Петръ,—а все пользы мало вышло!

— Ну, ну! Подстегивай свои мо̀чки, не разговаривай!—сурово отозвался Квачъ и переложилъ портфель изъ одной руки въ другую.

— Нешто такъ дерутъ, какъ меня здѣсь драли!—заговорилъ онъ помолчавъ.—Вотъ ротный у насъ, царство небесное, Краюхинъ,—

такъ тотъ, точно, показывалъ себя. Какъ начнетъ, какъ начнетъ... такъ, знаешь, пухъ и перья... пухъ и перья...

Петръ началъ облачаться въ свой дырявый армякъ.

— А что это, Кузьма Ивановичъ, сказалъ онъ,—точно я ужъ давно васъ выпивши не видалъ?

Квачъ насупился.

— Зарокъ далъ,—проговорилъ онъ сквозь зубы.

— О—о! Давно ли?

— Да ужъ недѣли двѣ съ лишнимъ.

— Скажите! И думаете перенести?..

— Думалъ... А только теперь какъ разъ вдругъ эта отмѣна... Кабы зналъ,—не давалъ бы зарока.

— Садитесь, Кузьма Ивановичъ, всё готово,—предложилъ Петръ, стягиваясь кушакомъ.—А безъ дёрки-то трудновато выдержать?

— Кабы знать,—ни за что клятвы бы не далъ,—сокрушенно повторилъ курьеръ и сѣлъ на трясучія кривыя дрожки на стоячихъ рессорахъ.—Большое недоразумѣніе теперь выйти можетъ,—прибавилъ онъ, когда экипажъ съ дребезжаніемъ тронулся по двору.—Очень мнѣ это тяжело и непріятно...

IV.

Я не сказалъ отцу, что зналъ о зарокѣ Квача. Мнѣ казалось, что я посвященъ въ чужую тайну, и открывать ее не могу. Каждый день мнѣ доводилось его видѣть. То онъ приносилъ отцу какія-то бумаги, то выѣзжалъ съ Петромъ и съ какими-то посылками на почту, то привозилъ вытрезвленнаго К***. Я замѣчалъ, что Квачъ худѣетъ, желтѣетъ, дѣлается какимъ-то сѣрымъ, и все вспоминалъ его слова: «большое недоразумѣніе теперь выйти можетъ».

Однажды вечеромъ отецъ, по обыкновенію, раскладывалъ пасьянсъ въ гостиной. Я сидѣлъ тутъ же на диванѣ и смотрѣлъ картинки въ священной исторіи, «сочиненной для наслѣдника французскаго престола», какъ значилось на титульномъ листѣ, когда Матреша заявила, что Квачъ проситъ о немъ доложить.

— Пьяный?—спросилъ отецъ.

— Трезвый; только глаза бѣгаютъ.

Его впустили. Онъ вошелъ, сдѣлалъ отъ двери шага три и повалился отцу въ ноги.

— Ваше высокородіе, будьте отцомъ благодѣтелемъ!

Отецъ даже переполошился и бросилъ пасьянсъ.

— Что такое? Что случилось?

— Дозвольте васъ просить Христомъ Богомъ...

— Ну?...

— Прикажите меня выдрать.

Отца на шагъ назадъ откинуло.

— За что?

— Силъ моихъ нѣтъ. Что нибудь сдѣлаю... Я ужъ у попа былъ. Онъ говоритъ: крѣпись!...

— Встань. Дохни на меня.

Онъ дохнулъ. Духъ оказался «чистый». Отецъ помолчалъ.

— Вотъ что я тебѣ скажу,—проговорилъ онъ:—ищи другую службу.

Квачъ опять бухнулся на полъ.

— Не погубите, ваше-скородіе,—вѣкъ буду за васъ Бога молить.

— Да что же мнѣ съ тобой дѣлать?

— Прикажите высѣчь.

— Не могу. Сказалъ, что это отмѣнено, и измѣнять своего приказа не буду.

Онъ грустно понурился.

— Ваша воля,—проговорилъ онъ.

Онъ постоялъ у дверей, переминаясь съ ноги на ногу.

— Еще что надо?—спросилъ у него отецъ, отрываясь отъ картъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ, подавилъ вздохъ, сдѣлалъ налѣво кругомъ неторопливо, безо всякаго удовольствія и вышелъ.

— Вотъ изволь ладить съ этимъ народомъ,—сказалъ отецъ матери, смѣшивая пасьянсъ.—Чортъ ихъ знаетъ, что имъ нужно!

V.

Черезъ нѣсколько дней стали говорить, что вахтеръ высѣкъ Квача. Состоялось это втихомолку, на чердакѣ. Квачъ, чтобы не кричать, засунулъ въ ротъ полотенце. Вахтеръ накрѣпко привязалъ его къ экзекуторскому сундуку, при чемъ Квачъ подбодрялъ его: «туже правую руку, туже, чтобъ не вырваться,—вырвусь, храни Богъ,—изувѣчу тебя съ азарта». Вахтеръ привязалъ его аккуратно и отвелъ душу за всѣ прежнія обиды. Квачъ на день сказался больнымъ, но потомъ появился повеселѣвшимъ. Дошли эти слухи и до отца. Онъ позвалъ обоихъ. Оба отперлись.

— Никакъ нѣтъ, ничего такого не было. Люди наговариваютъ по злобѣ.

— Не свидѣтельствовать же мнѣ его,—сказалъ отецъ.—Какое мнѣ дѣло, что они другъ съ другомъ дѣлаютъ.

Жалованье свое Квачъ перевелъ на имя кумы. Онъ объяснилъ казначею, что желаетъ посылать деньги въ деревню и, чтобы сохранить ихъ, рѣшился на годъ передать свое право на полученіе какой-то Аринѣ Плисовой. Арина Плисова пришла въ кринолинѣ и съ охотой получила его жалованье, заявивъ, что и впредь будетъ неукоснительно приходить съ довѣренностью. Квачъ предупредилъ товарищей:

— Ежели теперь, братцы, я до жалованья въ долгъ просить буду, мнѣ нельзя давать: потому теперь ау! доходовъ никакихъ у меня нѣтъ.

И все шло благополучно. Но вдругъ подвернулись именины сторожа Епиктета. Епиктетъ былъ изъ духовныхъ, потому и носилъ такое нравоучительное имя, и уволенъ-то былъ изъ какой-то церковной школы тоже въ поученіе другимъ за тупость и нерадѣніе. Но сторожемъ онъ былъ очень скромнымъ и цѣлый годъ готовился къ торжеству своего тезоименитства, выставляя такое количество яствъ и питій, что спаивалъ всѣхъ служащихъ.

На епиктетовскихъ именинахъ Квача прорвало. Онъ напился сталъ плясать. Потомъ заплакалъ, сказалъ, что онъ человѣкъ погибшій, и утромъ проснулся у Петра въ конюшнѣ, въ пустомъ стойлѣ на соломѣ, предупредительно подостланной пріятелемъ. Онъ былъ мраченъ, блѣденъ и смотрѣлъ болѣе дико, чѣмъ всегда, вздрагивалъ и поводилъ глазами.

Середи дня онъ отправился къ кумѣ, но та его выгнала съ позоромъ, и обозвала пьяницей. Онъ пошелъ клянчить у пріятелей полтинника. Тѣ не дали. Онъ занялъ его у Матрешн и снова напился. Протрезвившись онъ пришелъ къ вахтеру и сказалъ:

— Погибшій я человѣкъ, и все мое спасеніе теперь, ежели бы горячихъ всыпать.

Но вахтеръ хотѣлъ его доканать своимъ презрѣніемъ.

— Очень мнѣ нужно со всякимъ пьяницей возиться, руки марать, да потомъ передъ господами начальствомъ въ отвѣтѣ быть.

— Что же мнѣ тогда дѣлать?

— Тебѣ самое настоящее дѣло повѣситься. Потому что больше ты ни на что не нуженъ.

VI.

Черезъ день встревоженный вахтеръ заявилъ моему отцу, что на заднемъ дворѣ произошла непріятность: пропало бѣлье, развѣшанное прачкой для просушки. Бѣлье принадлежало сторожамъ и курьерамъ, и стирала его прачка, которая всегда ихъ обстирывала. Развѣшивала она сушить бѣлье всегда въ одномъ мѣстѣ, искони вѣковъ, и никогда не пропадало ни одной вещи. А тутъ вдругъ украли три рубашки, и всѣ три принадлежали Квачу.

Немедленно произвели домашнее слѣдствіе. Прачка ревѣла и клялась, что это кто нибудь изъ своихъ, такъ какъ дѣйствительно на третій дворъ никогда никто изъ чужихъ не заходилъ. Вахтеръ угрюмо молчалъ и только изрѣдка, словно про себя, бормоталъ:

— Царица Небесная! Скажите, пожалуйста!

Квачъ лежалъ въ этотъ день въ лоскъ пьяный, и отъ него ничего нельзя было добиться, да и нечего отъ него добиваться было,

онъ же былъ пострадавшій. Къ нему трезвому пришла прачка и сказала:

— Что-жъ, моя вина! Я тебѣ, Кузьма Ивановичъ, сошью новыя двѣ рубашки.

Онъ глянулъ на нее мрачно:

— Не надо мнѣ твоихъ рубашекъ,—возразилъ онъ. — Кто укралъ, тотъ и отвѣтитъ.

Экзекуторъ дѣятельно производилъ слѣдствіе. Онъ опросилъ всѣхъ, кого только могъ. Удивительнѣе всего было то, что кучеренокъ сидѣлъ все утро у воротъ неотлучно и утверждалъ, что и кошки чужой не пробѣжало. Экзекуторъ посмотрѣлъ пристально на него и сказалъ:

— А если тебѣ баню прописать, можетъ, ты и припомнишь что еще?

Тотъ струхнулъ:

— Помилуйте, ваше благородіе, за что же?

— А вотъ за то, что у тебя сапоги новые. Откуда ты денегъ взялъ?

— У меня скоплены были, ей-Богу, были.

Экзекуторъ взялъ его за вихоръ и больно закрутилъ.

— Откуда ты скопить могъ, чертяга?

— Помилуйте,—нешто за эту рвань новые сапоги дадутъ?

Экзекуторъ сообразилъ, что оно, пожалуй, и такъ.

— И я-то дуракъ,—подумалъ онъ,—третій день вожусь изъ-за тряпья, цѣна-то которому сорокъ копеекъ.

А все-таки онъ велѣлъ посадить мальчишку въ темную на хлѣбъ и на воду.

VII.

Опять Матрена доложила отцу, что его хочетъ видѣть Квачъ.

— Надоѣлъ ты мнѣ, — сказалъ отецъ.— Уходи самъ, а то прогоню тебя! Каждый день пьянъ. Посмотри на свою образину.

Опять Квачъ бухнулся въ ноги.

— Ваше-скородіе, я къ вамъ съ докладомъ пришелъ — вора объявить.

— Нашелъ?

— Да нетрудно найтить-то.

— Кто же?

— Да я же самъ и укралъ.

Отецъ оторопѣлъ.

— Какъ свое же собственное бѣлье?

— Такъ точно. Силъ не было. Кабы выдрать меня въ тѣ поры, ничего бы такого не было.

— Зачѣмъ же ты кралъ?

— Продалъ. Опохмелиться очень хотѣлось.

— Зачѣмъ же красть?—прямо и продалъ бы свои вещи!

— Стыдно передъ товариствомъ было, ваше-скородіе.

Отецъ велѣлъ позвать вахтера.

— Я такъ и думалъ, что онъ, —сказалъ обрадованный вахтеръ.

— Ну, чего врать, гдѣ ты думалъ!—презрительно возразилъ ему Квачъ.

— Зачѣмъ же изъ-за тебя на невинныхъ людей нареканія?—спросилъ отецъ.

— Лукавый путаетъ, ваше-скородіе. Теперь одно только и остается: ежели полсотни мнѣ всыпать, чтобы дня три пролежать...

Отецъ обратился къ вахтеру:

— Что жъ намъ съ нимъ дѣлать? Коли онъ самъ у себя воровать началъ, такъ и у другихъ украдетъ.

— Ваше-скородіе,—молилъ Квачъ.—Въ послѣдній разъ прикажите выдрать. Въ назиданіе, чтобы такъ... чтобъ чувствовалъ я, и другіе чувствовали... Спасите человѣка!..

Отецъ ушелъ отъ него, хлопнувъ дверью. Квачъ не унялся. Его точно что захватило. Онъ пошелъ по всему начальству просить о томъ же. Вице-директоръ взбѣсился:

— Чтобъ духу твоего вечеромъ здѣсь не было,—слышишь: духу чтобъ не было!—кричалъ онъ.—Я распоряжусь, чтобъ тебя уволили. Я научу тебя совать носъ въ генеральскія квартиры безъ спроса!...

Въ тотъ же вечеръ Квача нашли повѣсившимся въ конюшнѣ.

II.

Упорный консерваторъ.

I.

Никита Всеволодовичъ Трапезниковъ, нашъ предводитель дворянства, былъ такой человѣкъ привычекъ, такой врагъ всякой перемѣны, всего новаго, что его даже жена называли «упорнымъ консерваторомъ». И не то, чтобы его консерватизмъ касался общественныхъ и политическихъ вопросовъ,—напротивъ того, онъ усиленно ратовалъ и за крестьянскую и потомъ за судебную реформу,—но онъ терпѣть не могъ новшествъ.

— Благодарю Бога за одно,—говорилъ онъ,—что не жилъ при Петрѣ. Я бы повѣсился. Если я привыкъ къ сапогамъ съ высо-

кими голенищами, такъ не заставляйте меня носить башмаковъ' это варварство.

Онъ когда-то былъ конногвардейцемъ, лихимъ кутилой, потомъ женился на богатой княжнѣ, сталъ хозяйничать самъ въ имѣньяхъ, заложилъ ихъ, деньги проѣлъ не только съ сосѣдями, но и со всей губерніей, и наконецъ удостоился быть избраннымъ въ губернскіе предводители. Его жизнь прошла совершенно такъ, какъ она прошла у сотенъ и тысячъ другихъ богатыхъ дворянъ. Даже у него колѣно было ушиблено на охотѣ, и жена его ревновала ко всѣмъ губернскимъ дамамъ,—словомъ это былъ типичный предводитель, выкроенный по разъ утвержденному образцу.

Когда его называли консерваторомъ,—онъ жестоко обижался.

— Позвольте, господа,—говорилъ онъ:—я «Колоколъ» получаю, у меня полный комплектъ «Полярной Звѣзды». Когда я за границей, всегда не премину повидаться съ Сашей,—мы любимъ другъ друга. Какой же я консерваторъ?

Саша—былъ Герценъ. Они приходились какими-то дальними родственниками.

Тѣмъ не менѣе, когда была утверждена желѣзная дорога черезъ нашъ городъ, онъ возмутился.

— Позвольте, господа! До столицы съ небольшимъ сто верстъ! За какими, съ позволенія сказать, чертями намъ эта линія? Чѣмъ мы такимъ торгуемъ, что намъ необходимо ускоренное движеніе? Товары? Какіе товары?

— Да чѣмъ, ваше превосходительство, вамъ мѣшаетъ эта линія?—спрашивали у него.

— Всѣмъ. Явится вокзалъ со скверным буфетомъ; начнутъ звонить, свистѣть, шумѣть, коптить. Всѣ станутъ торопиться; извозчики вздорожаютъ; пойдутъ крушенія, катастрофы; въ поляхъ будутъ давить скотъ и пьяныхъ проѣзжихъ...

— Такъ не надо намъ чугунокъ?

— Не надо. Я люблю все дѣлать съ удовольствіемъ. А какое же удовольствіе закупоривать себя въ эту коробку, дышать пылью, ѣхать съ какими-то прохвостами? Да меня калачемъ туда не заманите.

II.

И онъ не отступилъ отъ своего мнѣнія. Когда еще проводили желѣзную дорогу, онъ презрительно относился къ жившимъ въ городѣ инженерамъ и никогда ни одного изъ нихъ не пригласилъ къ себѣ. На открытіе вокзала онъ не пріѣхалъ, такъ какъ пригналъ къ этому времени какую-то грандіозную охоту на волковъ и увезъ съ собой нѣсколько представителей аристократіи. А послѣ открытія онъ ни разу такъ и не поѣхалъ по линіи, хотя рѣдкій

мѣсяцъ на день, на два онъ не заѣзжалъ въ столицу. Продѣлывалъ онъ это дѣйствительно со вкусомъ.

— Съѣзжу-ка я, Marie, къ министру,—говорилъ онъ женѣ,—за одно посѣщу Лукерью Пантелеевну. Если тебѣ что нужно, дай со мной записочку, я привезу.

Онъ отдавалъ распоряженіе своему камердинеру. Тотъ распоряжался всѣмъ, чѣмъ надо. Въ его легкій возокъ клали медвѣжью шубу, приводили лихую курьерскую тройку. Послѣ обѣда, часовъ въ десять, Никита Всеволодичъ не торопясь переодѣвался въ дорожное платье, выпивалъ на дорогу стаканъ пунша, заваливался въ уголъ возка и говорилъ лакею:

— Завтра ровно въ шесть часовъ чай въ Завалишинѣ, а чтобъ къ десяти быть у брата.

Лакей отвѣчалъ: «слушаю, ваше превосходительство»,- и перекладныя несли его по восемнадцати верстъ въ часъ, взметая снѣжную пыль на голубомъ просторѣ снѣжной пустыни, освѣщенномъ бѣжавшимъ по небу зеркальнымъ мѣсяцемъ. Ровно въ десять онъ подкатывалъ къ брату, важному чиновнику. А къ ночи тотъ же возокъ снова летѣлъ по прежней накатанной полозьями дорогѣ, но уже въ обратную сторону.

Лѣтомъ закладывалась чудесная вѣнская коляска. Если не спалось Никитѣ Всеволодовичу, онъ выходилъ на станціяхъ. У него всюду были знакомые и масса крестниковъ. Станціонные смотрители очень любили его приглашать крестить, и самъ Трапезниковъ любилъ эту церемонію. Бывало такъ, что самъ назначалъ время:

— Послѣзавтра на разсвѣтѣ мимо поѣду, зовите попа, а я крестъ и ризки захвачу.

Пріѣзжалъ онъ домой веселый, оживленный, раздавшій по дорогѣ рублей пятьдесятъ на чай, и говорилъ своимъ:

— По крайней мѣрѣ, не по звонку ѣхалъ.

Надъ его нелюбовью къ поѣздамъ подшучивали. Одинъ разъ его спѣшно вызвали въ Петербургъ. Была страшная распутица въ глухую осень. Онъ заказалъ экстренный поѣздъ. На полдорогѣ паровозъ, какъ нарочно, сошелъ съ рельсовъ,—и его везли пятнадцать часовъ. Назадъ онъ поѣхалъ на лошадяхъ. А потомъ онъ сдѣлалъ визитъ начальнику движенія и саркастически поблагодарилъ его за удовольствіе. Тотъ такъ сконфузился, что хотѣлъ возвратить ему плату за проѣздъ, но Трапезниковъ отказался.

— Жертвую эти деньги на стипендію имени строителей вашей дороги,—сказалъ онъ.

III.

«Консерватизмъ» особенно ярко сказался въ немъ при одномъ обстоятельствѣ. Дворянство затѣяло постройку новаго зданія своего собранія и ассигновало на этотъ предметъ очень значительную сумму. Постройку вздумали поручить предводителю, зная его за человѣка большого вкуса.

— Обращаю ваше вниманіе,—говорилъ одинъ изъ дворянъ, засѣдавшій въ комиссіи по постройкѣ,—на молодого архитектора Чурилина, который теперь положительно гремитъ въ столицѣ. Я бы предложилъ сдать постройку ему, дабы наше собраніе и со стороны фасада явилось украшеніемъ города.

Съ этимъ мнѣніемъ всѣ согласились, кромѣ предводителя.

— Позвольте, господа,—говорилъ онъ:—у насъ есть превосходный губернскій архитекторъ Тесаковъ. Посмотрите, какъ онъ построилъ казенную палату: какъ по ниточкѣ все зданіе. А кто такой этотъ Чурилинъ, и какъ онъ строитъ—неизвѣстно. Вы говорите, онъ церковь какую-то строилъ. Церковь—это одно, а наше собраніе—другое. Я бы предложилъ Тесакова. Прекрасный человѣкъ, хорошій семьянинъ, превосходно играетъ въ преферансъ. А Чурилина еще щупать надо, какой онъ такой.

Тѣмъ не менѣе, рѣшено было обратиться къ Чурилину. Никита Всеволодовичъ разыскалъ его и объяснилъ задачу. Тотъ сказалъ, что надо пріѣхать въ городъ и осмотрѣть самую площадь, чтобы зданіе подходило къ мѣстнымъ условіямъ и имѣло видъ среди другихъ построекъ.

— Да тамъ, родной мой, въ строгомъ смыслѣ построекъ нѣтъ,—возразилъ Трапезниковъ.—Просто дома—двухъэтажные и трехъэтажные. Вы сдѣлайте нашъ-то домъ повиднѣе, и, конечно, съ колоннами.

Вскорѣ Чурилинъ заявилъ, что, по его мнѣнію, зданіе можетъ быть построено въ одномъ изъ трехъ стилей: ренессансъ, мавританскомъ или древне-русскомъ.

— Вы мнѣ скажите, какой стиль вы предпочитаете, тогда я проектъ и разработаю,—говорилъ онъ.

— Ренессансъ—это на вокзалъ будетъ похоже,—сказалъ Никита Всеволодовичъ.—Мавританскій—тотъ еврействомъ пахнетъ. Въ мавританскомъ стилѣ надо банки строить. А вотъ въ русскомъ—это хорошо. Только не особенно древне-русскомъ, а такъ—среднемъ.

Архитекторъ засѣлъ за работу. Онъ только что получилъ званіе академика, и потому работалъ, закусивъ удила. У него появились и кокошники, и полотенца, и коньки, и рѣзные наличники на окнахъ. Сбоку онъ помѣстилъ башню съ шатровымъ верхомъ, и все расписалъ въ тонахъ старой Москвы: краснымъ, синимъ, жел-

тымъ и зеленымъ. Общество архитекторовъ заинтересовалось работой, а одинъ газетный художественный критикъ, видѣвшій проектъ, написалъ, что это откровеніе.

Но Трапезниковъ былъ другого мнѣнія. Когда онъ вошелъ въ мастерскую и увидѣлъ на огромномъ подрамникѣ блестяще нарисованный фасадъ на фонѣ фіолетоваго неба, онъ сразу сказалъ:

— Родной мой, это намъ никуда.

Архитекторъ вспыхнулъ:

— То-есть какъ никуда?

— А такъ. Я подъ русскимъ стилемъ не то подразумѣвалъ. Просто четыре колонки, фронтончикъ, гладкія стѣны. Чтобы простота была. А эти выверты, они недостойны дворянства. Тутъ претензія есть. Дворянство должно быть непоколебимо, спокойно и просто. Цвѣтъ зданія можетъ быть только бѣлый. А у васъ и красненькое, и синенькое, этого нельзя-съ; идеи нѣтъ.

— Идеи нѣтъ!—заскрежеталъ зубами художникъ. У васъ, а не у меня, милостивый государь, нѣтъ ни идеи ни вкуса. Тогда вамъ слѣдовало просто обратиться къ подрядчику и велѣть ему построить казарму, выкрашенную охрой.

— Нѣтъ-съ,—невозмутимо говорилъ Никита Всеволодовичъ.— Охрой красятъ только тюрьмы. А здѣсь—бѣлилами, одними только бѣлильцами. Гладкій, гладкій, чтобъ былъ фасадъ, какъ листъ писчей бумаги. А башенка—она смысла не имѣетъ.

— Отчего не имѣетъ?

— Зачѣмъ на дворянскомъ собраніи вышка? Что оттуда смотрѣть? Да такимъ фасадомъ мы весь городъ испортимъ. Что же дѣлать остальнымъ владѣльцамъ? У насъ и соборъ бѣлый, и казенная палата бѣлая, и губернаторскій домъ бѣлый, а мы, дворяне, вдругъ будемъ многоцвѣтные. И внутри тоже-съ. Гладкія колонны, гладкія стѣны. Хоры наверху арочками. А лѣпки никакой не нужно. И потомъ у васъ цвѣты какіе-то по стѣнкамъ. Нѣтъ, ужъ извините, а это совсѣмъ никуда не годится.

И кончилось тѣмъ, что Тесаковъ построилъ вторую казенную палату, съ шестью колоннами, портикомъ и фронтономъ. Никита Всеволодовичъ, проѣзжая мимо, всегда говорилъ:

— Не надоѣстъ, по крайней мѣрѣ. Сколько времени ни смотри, всегда одинаковое впечатлѣніе.

IV.

Никита Всеволодовичъ каждое утро пилъ кофе, сидя у большого венеціанскаго окна кабинета. Аккуратно прочитывалъ онъ газеты, аккуратно выпивалъ два стакана и выкуривалъ сигару. Напротивъ его дома стоялъ сѣренькій низенькій домикъ вдовы доктора Шютцъ. Аккуратно въ половинѣ девятаго къ подъѣздику дома подавали

старую костлявую сѣрую лошадь, и докторша ѣхала на рынокъ. Никита Всеволодовичъ привыкъ въ теченіе пяти лѣтъ видѣть, какъ сперва выходилъ гимназистъ, сынъ вдовы, потомъ выползала сама нѣмка. Оба садились въ сани, и старый кучеръ везъ ихъ сперва въ гимназію, потомъ на базаръ. Каждый разъ, при видѣ сѣраго мерина, Трапезниковъ замѣчалъ камердинеру:

— И вѣдь не издыхаетъ, бестія.

Однажды утромъ камердинеръ доложилъ, что меринъ издохъ. Никита Всеволодовичъ всполошился.

— Какъ издохъ? На чемъ же докторша будетъ ѣздить?

— Онѣ совсѣмъ лошадь держать не будутъ, говорятъ, средствъ нѣтъ.

— Что за вздоръ! Я привыкъ, чтобъ непремѣнно сѣрая лошадь...

Онъ до того разволновался, что навѣстилъ докторшу. Та подтвердила, что лошадь купить у нея средствъ нѣтъ.

— Такъ я васъ, сударыня, въ память вашего покойнаго мужа, попрошу принять отъ меня въ даръ лошадку. На чемъ же вашего сынка вы будете въ гимназію отправлять?

— Охъ, батюшка, да и изъ гимназіи-то взять придется. И въ гимназію платить нечѣмъ.

— Фу, какіе пустяки! Нельзя, нельзя... Онъ долженъ въ половинѣ девятаго уходить въ школу.

И онъ досталъ новаго сѣраго мерина, очень похожаго на прежняго, такого же стараго и такого же лѣниваго, а за сына внесъ плату въ гимназію.

Разъ осенью, когда уже начались классы, онъ замѣтилъ, что гимназистъ не появляется больше изъ дверей. Онъ справился. Оказалось, мальчикъ кончилъ гимназію и поступилъ въ университетъ.

— Удивительно, какъ у насъ нѣтъ до сихъ поръ университета!— сказалъ онъ и началъ проводить эту мысль въ высшихъ сферахъ. Но его проектъ провалился.

— Газу нѣтъ у васъ, водопроводовъ нѣтъ, а вы—университетъ!

Онъ началъ спорить, увѣряя, что сперва нуженъ университетъ, а потомъ газъ, а не наоборотъ. Но ему не повѣрили.

— Хоть небольшой университетикъ,—предлагалъ:—съ филологическимъ и медицинскимъ факультетомъ. Больше не надо. Посмотрите, какъ бы это оживило городъ.

Ему не вняли. Онъ потомъ упрекалъ всѣхъ:

— А еще консерваторомъ меня зовутъ!

V.

Сына онъ отдалъ въ Пажескій корпусъ потому, что самъ когда-то былъ пажомъ.

— Все тамъ знакомое,—говорилъ онъ,—и начальники—бывшіе товарищи, и церковь тоже.—Куда-же мнѣ его, въ лицей?—Я никого не знаю. Пусть пажомъ будетъ.

Когда по выходѣ въ полкъ, его Ваня проигралъ пятнадцать тысячъ какому-то грузинскому князю и пріѣхалъ къ нему за деньгами, онъ обнялъ его и сказалъ:

— Я этого ожидалъ, мы всѣ съ этого начинали.

И заплатилъ, безъ малѣйшаго упрека, только при прощаніи сказалъ Ванѣ:

— Можно только до двухъ разъ. Въ третій разъ не заплачу, и ты будешь скомпрометтированъ.

Обстановка у него была старинная. Если дѣлалось что нибудь новое, то онъ старался подогнать подъ старое. Съ грустью онъ узналъ отъ сына, что многіе учебники въ корпусѣ уже не тѣ, по которымъ онъ учился. Только одинъ Филаретовскій катехизисъ остался незыблемъ.

— Что значитъ крѣпко-то написано,—говорилъ онъ:—небось выдерживаетъ свое.

Когда въ городѣ временно завелась опера, онъ настаивалъ, чтобъ шла «Аскольдова могила». Его увѣряли, что время для «Могилы» прошло, но онъ въ отвѣтъ на это спѣлъ чудеснымъ баритономъ:

«Близко города Славянска»,

и спросилъ:—чѣмъ это хуже вашего Даргомыжскаго?

Его постоянно избирали въ предводители потому, что всѣ имъ были довольны. Когда одинъ министръ спросилъ у него:

— А вы давно предводительствуете?

Онъ отвѣтилъ:

— Четвертаго министра имѣю счастіе переживать въ этомъ званіи, ваше превосходительство.

По привычкѣ онъ держалъ при себѣ никуда негодныхъ людей, лошадей, собакъ; по привычкѣ былъ со всѣми любезенъ, и иногда только восклицалъ:

— Господи, какой мерзавецъ Вощенко! А привыкъ къ нему, не могу не подать руки.

Если у Никиты Всеволодовича спрашивали мнѣнія по какому нибудь вопросу, онъ спокойно заявлялъ, что у него нѣтъ никакого мнѣнія.

— Какъ же, вѣдь вы же думали что нибудь по этому поводу?

— Никогда не думалъ, и думать не буду.

— Да почему же?

— Потому, что я никогда ни о чемъ не думалъ, а всегда только дѣйствовалъ, когда приходила минута. Дѣйствовалъ по какому-то наитію. У меня отецъ былъ генералъ-губернаторъ, и тотъ всегда также поступалъ.

VI.

Характеръ Трапезникова не измѣнился до конца жизни. Когда онъ почувствовалъ, что ему плохо, жена посовѣтовала ему причаститься. Послали за соборнымъ протопопомъ, его духовникомъ. Но тотъ третій день болѣлъ желудкомъ, и вмѣсто него пришелъ другой протопопъ. Никита Всеволодовичъ его не принялъ.

— Во-первыхъ, онъ въ очкахъ ходитъ, я этого не люблю,— объяснилъ онъ: — а, во-вторыхъ, предводителя напутствовать непремѣнно долженъ старшій протопопъ, такъ полагается по званію.

Тщетно его жена умоляла «выполнить христіанскій долгъ». Онъ стоялъ на своемъ:

— Выздоровѣетъ попъ, пусть приходитъ, до тѣхъ поръ я подожду.

Каждые полчаса лакей вносилъ ему карточки лицъ, справлявшихся о его здоровьѣ. Онъ заставлялъ читать имена и запоминать, кто былъ, кто не былъ.

— Сегодня мало что-то было. Слѣдовало бы больше.

Поэтому въ слѣдующій разъ камердинеръ добавлялъ изъ вчерашнихъ карточекъ.

Съ докторомъ онъ очень спорилъ насчетъ лѣченія.

— Отчего вы мнѣ каломеля не даете?—спрашивалъ онъ.

— А зачѣмъ мнѣ вамъ давать каломель?

— Всегда въ такихъ случаяхъ даютъ.

— Ну, вотъ, вы лучше меня знаете!

— Конечно, лучше: я опытнѣе васъ, старше.

— Такъ и лѣчите себя сами.

— У меня патента нѣтъ.

— Ну, а если нѣтъ, такъ довольствуйтесь моей системой, а недовольны мною, позовите еще кого нибудь.

— Чего же вы сердитесь? Вотъ удивительный человѣкъ!

Трапезникова собрала консиліумъ. Ничего утѣшительнаго этотъ консиліумъ не выяснилъ. Старый, семидесятилѣтній докторъ Вехтеревъ, ѣздившій въ шинели съ пятью капюшонами, свирѣпо глядя черезъ очки, сказалъ ей:

— Сударыня, я долженъ васъ предупредить, что вы должны быть на все готовы. Вы понимаете, на что я намекаю,—на все

готовы! Ладаномъ пахнетъ-съ, ладаномъ! Удивляться тутъ нечего,—къ этому все идетъ. Впрочемъ, вы и сами не разсчитывайте на много лѣтъ: ну, семь-восемь протянете, не больше. Вы хлибкаго сложенія. Тогда, если вы вѣрите въ загробную жизнь,—вы можете снова соединиться.

И, утѣшивъ ее такимъ образомъ, онъ снова пошелъ къ больному, говоря, что и его надо предупредить.

— Завѣщаніе-то въ порядкѣ?—спросилъ онъ.

— Ну, конечно, въ порядкѣ,—недовольно отвѣтилъ Трапезниковъ,—что вы пустяки спрашиваете! Вы мнѣ лучше скажите, не не принять ли мнѣ каломелю?

— Хоть чорта, хоть дьявола принимайте,—не поможетъ,—съ наслажденіемъ сказалъ старикъ, и въ его взглядѣ была видна искренняя радость: «ты вотъ умираешь, а я старше тебя, да живу».

— А не позвать ли мнѣ изъ Москвы хорошаго доктора?—спросилъ саркастически Трапезниковъ.

— Захарьина выписывать?—еще язвительнѣе отвѣтилъ Вехтеревъ.—Лучше эти деньги на памятникъ себѣ прибавьте. Закажите съ бронзовымъ бюстомъ. Я уже заказалъ съ себя бронзовый бюстъ.

— А вы скоро отправитесь за мною?

— Скоро! Ха-ха! Она ко мнѣ давно добирается. Да я ее, подлую, режимомъ. Подойдетъ справа, слѣва—захватиться-то и не за что. Воздержную жизнь веду. Я въ безсмертіе не вѣрю. Я вѣрю, что мы такъ, на потѣху сами себѣ явились какъ пруссаки на кухнѣ, ползаемъ да усами шевелимъ, пока не облопаемся французской зеленью. Вы, кажется, вѣрующій? Утѣшайтесь, утѣшайтесь! Будете ходить по райскому саду въ верблюжьей шерсти и мандарины ѣсть... Ха-ха! А меня за эти слова черти будутъ на вертелѣ жарить... Ха-ха!.. Такъ цѣлую вѣчность... Ха-ха!.. За то, что усомнился... Милліонъ лѣтъ съ одного бока жарить, милліонъ лѣтъ съ другого...

— Боитесь чертей! — сказалъ умирающій,— боитесь! Стараетесь себя увѣрить, что ихъ нѣтъ, а сами все оглядываетесь, не торчитъ ли откуда нибудь хвостикъ.

У Вехтерева затряслась губа, онъ схватилъ свою шляпу, сказалъ: «Скоро вамъ конецъ, скоро!»—и уѣхалъ.

Черезъ недѣлю Вехтеревъ умеръ. Это Трапезникову очень понравилось. Онъ говорить уже не могъ, но еле простоналъ:

— Весьма радъ, весьма...

А затѣмъ умеръ и протопопъ. Трапезникову доложили объ этомъ. Онъ собрался съ силами и сказалъ:

— Архіерея хочу... въ митрѣ... лиловой рясѣ.

На архіерея онъ смотрѣлъ уже только однимъ глазомъ, и то совершенно безсмысленно. Черезъ день онъ подозвалъ лакея и показалъ шесть пальцевъ.

— Шесть часовъ? Теперь восемь,—сказалъ камердинеръ.

Умирающій недовѣрчиво замоталъ головой.

— Шесть... Чего же шесть?.. Шестое число?.. Шесть тысячъ?.. Можетъ, въ наслѣдство кому шесть тысячъ за уходъ?.. Нѣтъ. Шесть лошадей?.. Да? Шесть лошадей въ колесницу... Слушаю-съ, извѣстно, шесть по чину.

Это было послѣднее, чѣмъ распорядился консерваторъ.

П. Гнѣдичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

М. Е. САЛТЫКОВЪ ВЪ ТУЛѢ.

(Изъ воспоминаній сослуживца).

Тульской казенной палатѣ останется навсегда памятнымъ 1866-й годъ не столько по преобразованію ея и введенію новыхъ штатовъ во второй половинѣ года, сколько по замѣчательной перемѣнѣ въ личномъ составѣ ея.

Осенью того года, бывшій управляющій ея, М. Е. Клечановскій, перемѣщенъ въ каменецъ-подольскую палату, а на его мѣсто назначенъ въ Тулу извѣстный писатель М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), управлявшій дотолѣ пензенскою казенною палатой. Перемѣна эта не могла считаться неожиданной, въ виду непріязненныхъ отношеній къ палатѣ губернатора, М. Р. Шидловскаго, обвинявшаго ее въ небрежномъ исполненіи своихъ обязанностей и нерѣдко обращавшагося съ жалобами на нее въ министерство. Хотя вызванная этими жалобами ревизія и не обнаружила въ дѣлахъ палаты особыхъ упущеній, и командированному для ревизіи чиновнику особыхъ порученій министра, барону Корфу, самъ же губернаторъ на запросъ о личномъ составѣ палаты, отозвался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ объ управляющемъ палатой, какъ о честнѣйшемъ и благороднѣйшемъ человѣкѣ, а равно и о нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ ему членахъ общаго присутствія палаты, тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько времени, Шидловскій возобновилъ свои доносы, не прекращая ихъ даже и послѣ того, какъ вслѣдствіе обстоятельныхъ объясненій палаты по нѣкоторымъ изъ этихъ доносовъ, получилъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ предупрежденіе не обременять министерство напрасной перепиской. Подобныхъ замѣчаній не могъ выносить самолюбивый

губернаторъ и какъ бы въ оправданіе себя старался еще болѣе представлять дѣятельность палаты въ дурномъ свѣтѣ, такъ что въ сентябрѣ и октябрѣ мѣсяцахъ не проходило почти ни одной недѣли безъ запросовъ по его доносамъ. Понятно, что такія безпрерывныя пререканія болѣе и болѣе надоѣдали министерству и вынудили его перемѣнить управляющаго палатой. Слышно было, что при первомъ же, послѣ этой перемѣны, представленіи Шидловскаго министръ финансовъ сказалъ ему: «Теперь, генералъ, думаю, вы успокоитесь и не будете имѣть поводовъ жаловаться на тульскую палату; я выбралъ для васъ умнаго и энергичнаго управляющаго». Шидловскій будто бы горячо благодарилъ министра за этотъ выборъ. Онъ не зналъ, конечно, Салтыкова, и если бы могъ предвидѣть, какъ много непріятностей навлечетъ ему эта перемѣна, онъ не поблагодарилъ бы за нее министра, а скорѣе просилъ бы избавить его отъ вновь назначеннаго управляющаго и замѣнить кѣмъ либо другимъ.

Высочайшій приказъ о назначеніи Салтыкова управляющимъ къ намъ состоялся еще 11-го ноября, но не скоро дождались мы его прибытія въ Тулу: онъ пріѣхалъ уже недѣли черезъ три, когда мы перестали ожидать его, какъ прежде, изо дня въ день. Оставляя насъ въ неизвѣстности о времени своего пріѣзда, явившись къ намъ внезапно, онъ какъ бы хотѣлъ застать насъ на службѣ въ обычной обстановкѣ, безъ всякихъ приготовленій къ его пріему. И вотъ, въ одинъ изъ будничныхъ дней, придя въ палату, мы узнаемъ, что новый управляющій пріѣхалъ еще наканунѣ и сейчасъ будетъ у насъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ слышимъ, что начальники отдѣленій представлялись ему въ квартирѣ и остались недовольны его сухимъ и надменнымъ пріемомъ, при чемъ онъ будто бы даже высказалъ имъ свое неудовольствіе, зачѣмъ явились къ нему на квартиру представиться—могли бы сдѣлать это и въ палатѣ, по пріѣздѣ его туда. Дѣйствительно, почти вслѣдъ за ними является онъ самъ, суровый и мрачный на видъ, быстро проходитъ въ присутствіе, застаетъ тамъ старшаго дѣлопроизводителя съ кипою бумагъ на присутственномъ столѣ и, указывая на него, спрашиваетъ сопровождавшихъ его начальниковъ отдѣленій:

— Это кто такой?

Докладываютъ:

— Старшій дѣлопроизводитель.

— Зачѣмъ,—говоритъ, обращаясь къ нему,—вы здѣсь сидите?

Объясняютъ:

— По распоряженію бывшаго управляющаго всѣ члены общаго присутствія сидятъ здѣсь.

— Что же вы тутъ дѣлаете?

— Обсуждаемъ дѣла общаго присутствія.

— Что за дѣла такія? Вы знаете, что теперь управляющій

одинъ своею властью рѣшаетъ всѣ дѣла по докладу одного изъ начальниковъ отдѣленія, при чемъ же тутъ общее присутствіе ваше, и зачѣмъ будутъ торчать здѣсь другіе члены? Мѣшать только докладамъ, отвлекать отъ дѣла себя и другихъ пустою болтовней или непрошенными совѣтами? Вотъ нашли мѣсто для занятій! Развѣ чтобы подписывать, не читая бумаги, какія подложатъ? Эй, швейцаръ,—кричитъ онъ, указывая на зерцало,—убери подальше это воронье пугало, чтобы его тутъ не было [1]). Въ этой комнатѣ долженъ быть мой кабинетъ, а не какое-то миѳическое присутствіе. Я буду здѣсь сидѣть одинъ, а васъ прошу заниматься въ своихъ отдѣленіяхъ; когда будетъ нужно, позову васъ.

Съ удивленіемъ слушали мы эти странныя рѣчи, вовсе не похожія на обычныя привѣтствія, съ какими обращаются къ своимъ подчиненнымъ начальники отдѣльныхъ частей при вступленіи въ должность.

Въ сущности, замѣчанія управляющаго, конечно, были справедливы и вскорѣ были подтверждены циркуляромъ департамента государственнаго казначейства, отъ 10-го января 1867 года, о порядкѣ производства дѣлъ въ казенныхъ палатахъ. Но къ чему этотъ тонъ, рѣзкій и раздражительный? Изъ-за чего было такъ кипятиться, при отсутствіи какихъ бы то ни было возраженій съ нашей стороны, когда и сами мы хорошо понимали, что засѣданія общаго присутствія съ преобразованіемъ казенныхъ палатъ потеряли свое значеніе? Въ особенности съ какой стати понадобилось изливать свою желчь на неповинное въ нашихъ порядкахъ зерцало? Съ грустнымъ чувствомъ изгнанниковъ оставили мы излюбленный залъ своихъ засѣданій и вслѣдъ за управляющимъ направились черезъ канцелярію въ отдѣленіе казначейства. Здѣсь прежде другихъ представлялись ему чиновники особыхъ порученій. Спрашиваетъ ихъ:

— Чѣмъ занимаетесь?

Отвѣчаютъ:

— Повѣркой торговли.

— Еще чѣмъ?

— Собираніемъ свѣдѣній о недоимкахъ.

— Давно кончили?

— Въ сентябрѣ.

— А съ того времени что дѣлаете?

Молчатъ.

---

[1]) Впослѣдствіи эта выходка не прошла даромъ для Салтыкова, какъ онъ жаловался тульскому архіепископу: «Что это за кляузный городъ вашъ? Здѣсь всякое лыко въ строку. Вырвались у меня два неосторожныхъ слова относительно зерцала присутствія, пошли они гулять по Тулѣ, дошли до Петербурга, а тамъ взмылили мнѣ за нихъ голову, вышелъ, словно изъ бани».

Опять слышимъ крики:

— Повѣрочкой, повѣрочкой занимаются, и только. Что-жъ это за служба? Нѣтъ, я васъ заставлю бросить такія привычки. Съ завтрашняго дня извольте ходить въ палату—вмѣстѣ съ столоначальниками—помогать имъ кончать дѣла къ новому году. Пишите доклады, какіе дадутъ вамъ, и, чтобы я видѣлъ, чѣмъ каждый изъ васъ занимается, подавайте ихъ мнѣ отдѣльно [1]).

Затѣмъ, управляющій обошелъ всѣ столы въ отдѣленіяхъ, разспрашивая у каждаго столоначальника, какія у него дѣла, замѣтилъ тутъ же неравномѣрность въ распредѣленіи дѣлъ, что и поставилъ на видъ начальникамъ отдѣленій, а послѣ самъ старался уравнять труды дѣлопроизводителей, облегчивъ нѣкоторыхъ изъ нихъ передачею части дѣлъ въ другіе столы.

Разошлись мы по своимъ отдѣленіямъ, но отъ возмутительныхъ криковъ управляющаго не ушли. Особенно терпѣлъ отъ нихъ старшій дѣлопроизводитель, какъ по смежности канцеляріи съ комнатой присутствія или кабинета управляющаго, такъ и отъ безпрерывныхъ объясненій съ нимъ по дѣламъ, касающимся личныхъ распоряженій его. Являясь въ палату около 12-ти часовъ, управляющій прежде всего тщательно просматривалъ входящія бумаги, которыя велѣлъ распечатывать до своего прибытія, и если замѣчалъ по нимъ медленность въ исполненіи какихъ либо требованій, сейчасъ же вызывалъ дѣлопроизводителя, дѣлалъ ему строгое внушеніе, нерѣдко съ крикомъ и бранью. Сдавъ почту, по наложеніи резолюцій на бумагахъ, требующихъ какого либо распоряженія, Салтыковъ переходилъ къ объясненіямъ по докладамъ, найденнымъ, при просмотрѣ у себя дома, неудовлетворительными или неясными, на которыхъ было помѣчено: къ объясненію, а иногда съ прибавленіемъ рѣзкихъ замѣчаній, въ родѣ: «что за чушь», «какая путаница», «галиматья» и т. под. Понятно, что при такомъ предубѣжденіи противъ этихъ послѣднихъ докладовъ рѣдко обходилось безъ грубыхъ и желчныхъ выговоровъ составителю доклада, какъ бы онъ ни старался объяснять ихъ.

Бывали и такіе случаи, что иной бухгалтеръ не сумѣетъ объяснить хорошо своего доклада, тогда, конечно, раздраженіе и крики управляющаго удвоивались, иногда приходилось старшему дѣлопроизводителю или другому бухгалтеру, по выраженію Салтыкова, быть толмачемъ докладчика:

— Не понимаю,—кричалъ онъ,—что хочетъ сказать этотъ мудрецъ. Переведите, пожалуйста, бухгалтерскую тарабарщину его на общепонятный языкъ.

[1]) Это строгое требованіе, однако, мало исполнялось: только одинъ младшій чиновникъ написалъ нѣсколько докладовъ, а старшему было дано особое порученіе, съ наступленіемъ же новаго года чиновники особыхъ порученій были скоро откомандированы отъ палаты и больше не занимались въ ней.

Послѣ объясненій, всѣ относящіеся къ нимъ доклады большею частію тутъ же передѣлывались и исправлялись самимъ управляющимъ, а иные, оказавшіеся совершенно негодными, были возвращаемы надорванными для пересоставленія. Больше и чаще всѣхъ доставалось отъ управляющаго за промахи въ докладахъ и неисправности столоначальнику распорядительнаго стола, Б—ву. Дѣла у него въ столѣ было много, а помощники плохіе, да и самъ, хотя и труженикъ, но крайне нерасторонный и опрометчивый. То задерживалось у него составленіе ассигновокъ, то, при спѣшной работѣ, справки наводились невѣрно, отчего ассигновки получались съ ошибками, даже въ цифрахъ. Разъ поступаетъ требованіе изъ палаты государственныхъ имуществъ о выдачѣ третныхъ денегъ ассессору, назначенному совѣтникомъ въ одну изъ сибирскихъ палатъ. Вскорѣ приходитъ самъ ассессоръ и проситъ выдать ему деньги поскорѣе, потому что намѣренъ отправиться къ мѣсту назначенія въ тотъ же день. Столоначальникъ справляется по расписанію должностей, сколько полагается жалованья совѣтнику, составляетъ докладъ съ исполненіемъ и подаетъ управляющему для подписи. Салтыковъ бѣгло просмотрѣлъ докладъ, подписалъ ассигновку и хотѣлъ отдать ее Бого ву, только, къ счастію, вздумалось ему еще разъ провѣрить сумму выдаваемыхъ денегъ, — видитъ, назначено къ выдачѣ 1.500 рублей, спрашиваетъ: сумма вѣрна?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Какъ?—развѣ въ Сибири чиновники получаютъ втрое больше здѣшнихъ?

— Такъ значится въ расписаніи.

— Покажите.

Приносятъ расписаніе. Дѣйствительно жалованье совѣтникамъ означено цифрою 4.500 рублей, но впереди стоитъ цифра 3 (т. е. тремъ), которой не досмотрѣлъ Бого—въ.

Тутъ Салтыковъ положительно вышелъ изъ себя, ругался и кричалъ до хрипоты. На этотъ неистовый крикъ входитъ въ комнату присутствія старшій дѣлопроизводитель.

— Вотъ, батюшка,— кричитъ ему Салтыковъ,— какіе у насъ столоначальники! какъ обсчитываютъ управляющаго! Да у меня и волосъ на головѣ не достанетъ столько, сколько пришлось бы платить по начетамъ, если каждый день будемъ передавать по 1.000 рублей. Это не чиновникъ, а какая-то чума, язва, отъ которой нужно беречься.

Нескоро онъ успокоился послѣ такого раздраженія, но потомъ мы увидимъ, какъ поступилъ онъ съ этой язвой. Но еще раздраженнѣе былъ онъ разъ въ губерискомъ казначействѣ. Не понравилась ему почему-то вѣдомость казначейства, и вотъ передъ приходомъ въ палату онъ заходитъ въ казначейство и набрасывается съ азатромъ на казначея:

— Что вы тутъ напутали? Какъ не стыдно представлять такую вѣдомость!

Казначей, застигнутый врасплохъ, растерялся, сказалъ неудачно что-то въ свое оправданіе.

— Что?—закричалъ, выйдя изъ себя, Салтыковъ:—ахъ ты... и хватилъ несчастнаго площадною бранью.

Поблѣднѣлъ старикъ казначей и затрясся, а Салтыковъ швырнулъ ему чуть не въ лицо вѣдомость и ушелъ въ палату, но не прошло и десяти минутъ, какъ является опять въ казначейство, на этотъ разъ уже съ повинной головой:

— Простите меня, Бога ради, Василій Ипполитовичъ, я всегда васъ уважалъ и высоко цѣню вашу службу. Сорвалось какъ-то нелѣпое слово съ языка и самому досадно на себя. Извините, пожалуйста, и забудьте, что высказалъ вамъ въ пылу досады.

Тутъ только могли объяснить ему, что вѣдомость составлена правильно, съ показаніемъ всѣхъ кассовыхъ оборотовъ, которыхъ онъ не разобралъ, и Салтыковъ долженъ былъ сознаться, что онъ вдвойнѣ виноватъ, оскорбивъ совершенно напрасно образцоваго чиновника, какимъ былъ дѣйствительно губернскій казначей. Тяжело, конечно, было ему сознаваться въ этомъ, но какъ часто пришлось бы ему извиняться передъ своими подчиненными въ подобныхъ, хотя не столько грубыхъ оскорбленіяхъ, если бы онъ чувствовалъ, какъ горько было переносить беззащитному чиновнику такія оскорбленія, особенно не заслуженныя! Противъ справедливыхъ, хотя бы и строгихъ замѣчаній его, вызываемыхъ упущеніями или промахами по службѣ, конечно, никто не смѣлъ претендовать, но въ томъ-то и бѣда была, что нерѣдко въ состояніи раздраженія онъ не стѣснялся осыпать чиновниковъ рѣзкими укоризнами безъ всякой вины съ ихъ стороны или подъ пустыми предлогами!

Изъ множества такихъ случаевъ припоминаются особенно слѣдующіе.

Вскорѣ по пріѣздѣ Салтыкова зашелъ какъ-то въ канцелярію палаты бѣлевскій исправникъ и, увидавъ старшаго дѣлопроизводителя, съ которымъ служилъ нѣсколько лѣтъ въ кадетскомъ корпусѣ, садится къ столу и бесѣдуетъ съ нимъ, какъ съ старымъ знакомымъ. Салтыковъ видитъ все это черезъ стеклянную дверь, отдѣлявшую кабинетъ его отъ канцеляріи. Не прошло и пяти минутъ, какъ онъ выбѣгаетъ изъ своего кабинета и обращается къ исправнику.

— Вы кто такой?

Тотъ встаетъ, рекомендуется.

— Зачѣмъ пришли сюда?

— Нужно справиться кой о чемъ, увидалъ вотъ своего знакомаго (указывая на старшаго дѣлопроизводителя), и прошу его дать мнѣ справку.

— Да развѣ казенная палата справочное бюро какое нибудь или адресная контора, что вы обращаетесь сюда за справками?

— Я хотѣлъ бы повѣрнѣе узнать о нѣкоторыхъ недоимкахъ.

— У васъ есть недоимочный реестръ, казначейство подъ бокомъ, тамъ и можете справиться, а здѣсь вы только мѣшаете занятіямъ моихъ чиновниковъ, отвлекая ихъ отъ дѣла своими разговорами. Убирайтесь отсюда.

Исправникъ благодушно извинился и ушелъ, поспѣшивъ разсказать губернатору (товарищу по инженерной академіи), въ какую исторію онъ попалъ, и что за оригиналъ новый управляющій палаты. Губернаторъ самъ любилъ и нерѣдко позволялъ себѣ подобныя выходки, потому отъ души посмѣялся только надъ неловкимъ положеніемъ исправника. Но старшему дѣлопроизводителю было не до смѣха: онъ былъ педагогомъ болѣе 10-ти лѣтъ и вдругъ, благодаря такому несуразному требованію не вступать въ разговоры съ посторонними во время занятій, самъ очутился въ положеніи школьниковъ, которымъ запрещалъ разговаривать въ классѣ на урокахъ.

Каждое утро передъ своимъ приходомъ въ палату Салтыковъ присылалъ портфель съ просмотрѣнными имъ докладами, съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые пропущены имъ безъ замѣчаній, были розданы до него столоначальникамъ по принадлежности, а другіе, на которыхъ было написано: къ объясненію,—положены были на столъ къ нему. Такъ какъ при этихъ объясненіяхъ докладчики часто путались и терялись, упуская изъ виду или забывая обстоятельства дѣла, служившія къ подтвержденію докладовъ,—то они просили давать имъ напередъ просмотрѣть эти доклады, чтобы лучше приготовиться къ отвѣту на запросы управляющаго. Нѣсколько разъ это сходило имъ съ рукъ, но однажды Салтыковъ пришелъ раньше обыкновеннаго, доклады не были еще просмотрѣны и подложены на столъ къ нему. Тотчасъ же онъ зоветъ старшаго дѣлопроизводителя.

— Гдѣ же доклады? Кто смѣлъ ихъ брать отсюда?

— Чиновники взяли для просмотра, сейчасъ принесу.

И уходитъ поскорѣй собрать по столамъ.

— Господа, сдавайте скорѣе, управляющій сердится, зачѣмъ взяли?

Глядь, и управляющій бѣжитъ за нимъ, кричитъ: какъ смѣли брать!—собранные старшимъ дѣлопроизводителемъ вырываетъ у него изъ рукъ, самъ рветъ ихъ у столоначальниковъ, суетится, ругается: давайте скорѣй, зачѣмъ брали? Бѣгаетъ по отдѣленію казначейства, точно въ бѣлой горячкѣ. Словомъ выходило что-то дикое, крайне неприглядное и роняющее престижъ управляющаго.

Въ одно изъ засѣданій набралось по канцеляріи много исходящихъ бумагъ къ подписи управляющему. Старшій дѣлопроизводитель несетъ ихъ всѣ разомъ въ кабинетъ.

Увидавъ такую большую кипу, управляющій кричитъ:

— Это что такое? Откуда набралъ столько дряни? Самъ не могъ подписать, лѣзетъ съ ними къ управляющему.

— Нельзя, ваше превосходительство, такія бумаги, что должны итти за вашею подписью.

— Посмотримъ. Это что?

— Представленіе въ сенатъ жалобы одного торговца на постановленіе палаты объ оштрафованіи его.

Хмурится, но подписываетъ.

— Это?

— Однородное же представленіе.

— Глупый народъ, что выиграютъ этими жалобами? Это?

— Представленіе въ департаментъ объ ассигнованіи кредита.

— Былъ кредитъ, успѣли ужъ израсходовать!

— Много поступаетъ требованій.

— Вамъ сколько ни дай, все мало. Это?

— Просимъ согласія губернатора на опредѣленіе чиновниковъ (нѣсколько бумагъ).

— Ну, этихъ не подпишу. Я вамъ сказалъ, что на такихъ бумагахъ я буду подписывать только свою фамилію, а слово: управляющій, должно быть заранѣе написано переписчикомъ. Почему этого не исполнили?

— Вы знаете, какъ скрупулезенъ губернаторъ. Онъ обижается такою подписью.

— Вамъ-то что до этого? Дѣлайте, какъ приказываю. Не стану я угождать этому скоту.

Отшвыриваетъ бумаги.

— Это?

— Отвѣты на запросы, адресованные на ваше имя.

— Ну, эту-то дребедень не могъ самъ подписать?

— Да вѣдь васъ лично спрашиваютъ.

— Что жъ и написали бы: по приказанію управляющаго, казенная палата имѣетъ честь увѣдомить.

— Хорошо, въ слѣдующій разъ будемъ такъ писать, а приготовленные-то отвѣты ужъ подпишите.

Ворчитъ, но подписываетъ.

— Это еще что?

Паспортъ вдовѣ чиновника, по ея просьбѣ.

— Гоните ее въ полицію, стану выдавать еще паспорты имъ.

— Нельзя не выдать: это вдова бывшаго нашего чиновника. Вамъ извѣстно, что по закону вдовы чиновниковъ получаютъ виды на жительство отъ начальства своихъ мужей.

Подписываетъ съ раздраженіемъ, предварительно выругавъ несчастную вдову. Словомъ ни одной бумаги не было подписано безъ оговорокъ и замѣчаній. И придетъ же, подумаешь, такая блажь въ

голову: не затруднялся собственноручно писать всякаго рода представленія, разъясненія, замѣчанія, и вдругъ, ни съ того ни съ сего, начинаетъ тяготиться одною подписью готовыхъ исходящихъ!

Подобныя выходки Салтыкова, раздражительные крики, безпрерывно повторявшіеся, и вообще грубое и оскорбительное обращеніе производили, особенно на первыхъ порахъ, удручающее впечатлѣніе на чиновниковъ палаты. Нѣкоторые изъ нихъ прямо не выносили такого обращенія и тотчасъ же выходили въ отставку, другіе не разъ переболѣли, многіе обращались съ просьбою къ прежнему управляющему о переводѣ ихъ на службу въ Подольскую казенную палату, или старались пріискать мѣсто въ другихъ губернскихъ учрежденіяхъ. Къ счастію, нашелся добрый человѣкъ (пріѣхавшій съ управляющимъ изъ Пензы), который старался успокоить слишкомъ взволнованныхъ и встревоженныхъ дерзостями Салтыкова чиновниковъ. На запросы о причинахъ такихъ дерзостей, не вызываются ли онѣ какимъ либо предубѣжденіемъ противъ тульской казенной палаты и желаніемъ замѣнить ея чиновниковъ пензенскими, онъ увѣрялъ, что никакихъ предубѣжденій Салтыковъ не имѣетъ, что всѣ его грубыя выходки не болѣе, какъ мимолетныя вспышки желчной и нервной натуры его, безъ всякихъ заднихъ мыслей или затаенной злобы, и убѣждалъ ихъ не придавать значенія этимъ выходкамъ, указывая на обращеніе Салтыкова съ нимъ самимъ, подчасъ также грубое и раздражительное. Эти убѣжденія, чистосердечно высказанныя, нѣсколько ободрили чиновниковъ и ослабили опасенія ихъ за свою будущность. Съ теченіемъ времени они и сами стали замѣчать, что несуразная ругань управляющаго не такъ еще страшна и опасна, какъ казалось имъ прежде, не влечетъ за собою вредныхъ послѣдствій, кромѣ временной непріятности, и мало-по-малу убѣждались, что Салтыковъ не злой человѣкъ, а раздражительный и вспыльчивый крикунъ, почему, спокойнѣе относясь къ его крикамъ, какъ заурядным служебнымъ непріятностямъ, отложили свое намѣреніе уходить изъ палаты, а нѣкоторые взяли назадъ прошенія о переходѣ на службу въ другія учрежденія. Немало содѣйствовали этому убѣжденію и распоряженія управляющаго по повѣркѣ торгово-промышленныхъ заведеній. Откомандировавъ для повѣрки въ разные города съ уѣздами и части города Тулы пять чиновниковъ, онъ тѣмъ самымъ далъ возможность командированнымъ избавиться, хотя на время, отъ крикливыхъ замѣчаній своихъ, отчего производимое ими непріятное впечатлѣніе само собою ослабѣло и разсѣялось. Но, кромѣ того, при отправленіи чиновниковъ въ эти командировки замѣчалось въ управляющемъ уже другое настроеніе, слышались другія рѣчи. Поручая, напримѣръ, старшему дѣлопроизводителю повѣрить торгово-промышленныя предпріятія 2, 3 и 4 частей города Тулы и снабдивъ его въ доста-

точномъ количествѣ бланками свидѣтельствъ всякаго рода и билетовъ для раздачи торговцамъ, онъ говорилъ;

— Смотрите, чтобы не было укрывающихся отъ платежа пошлинъ, раздавайте документовъ—побольше, но актовъ о нарушеніяхъ составляйте поменьше. Между торговцами, и особенно кустарями тульскими, конечно, найдется немало бѣдняковъ; имъ и пошлины-то оплачивать тяжело, зачѣмъ же ихъ обременять еще штрафами по вашимъ актамъ? Тѣмъ, кто не въ силахъ сразу заплатить, давайте отсрочки, взыскивайте по частямъ (послѣднее, впрочемъ, распоряженіе было вскорѣ отмѣнено, какъ не удобное и неблаговидное), а съ упрямыхъ требуйте настойчиво, грозите штрафами, для большей острастки берите иногда съ собой полицейскаго чиновника, и только въ крайнихъ случаяхъ, когда уже никакія предупредительныя мѣры не подѣйствуютъ, прибѣгайте къ составленію протоколовъ.

Послѣ такихъ гуманныхъ внушеній всѣмъ и каждому изъ насъ стало ясно, что подъ суровою наружностью Салтыкова таятся добрыя чувства. Иногда эти чувства проявлялись и на дѣлѣ съ особою яркостью.

Такъ одинъ слесарь изъ бывшихъ оружейниковъ, имѣя двухъ постороннихъ работниковъ, уклонялся отъ выборки 9-ти-рублеваго свидѣтельства подъ вымышленнымъ предлогомъ, что найденные у него работники—его крестники и пріемыши, потому ихъ слѣдуетъ считать семейными, а не посторонними. Хотя заявленіе это было признано по акту торговой депутаціи несправедливымъ, но кустарь, явившись въ палату, разжалобилъ управляющаго такъ, что онъ велѣлъ произвесть обстоятельное дознаніе о рабочихъ этого кустаря (т. е. семейные ли они, или наемные) сначала старшему дѣлопроизводителю, а потомъ, когда опросомъ самихъ рабочихъ и сосѣдей подтвердилась неправильность означеннаго заявленія, полиціи, представившей противоположное дознаніе, и, получивъ послѣднее, радъ былъ освободить этого визжулю (какъ онъ выразился) не только отъ штрафа, но и отъ выборки свидѣтельства. При этомъ, смѣясь, Салтыковъ замѣтилъ старшему дѣлопроизводителю:

— Вотъ вы не умѣли составить дознанія объ Одоевцевѣ (фамилія кустаря), а полиція выдала удостовѣреніе въ его пользу.

Затѣмъ, на замѣчаніе, что не правильна и обидна для торговой депутаціи такая повѣрка дѣйствій ея чрезъ какого нибудь помощника надзирателя, онъ прибавилъ:

— Ну, претензіи-то всякія въ сторону, когда представляется возможность помочь бѣдному человѣку [1].

[1] Это милостивое распоряженіе Салтыкова оставалось въ силѣ только при немъ: въ послѣдующіе года Одоевцевъ обязанъ былъ платить и безпрекословно платилъ надлежащія промысловыя пошлины за своихъ работниковъ, наравнѣ съ другими кустарями.

Другой случай, свидѣтельствующій о состраданіи Салтыкова къ бѣднымъ торговцамъ, былъ еще нагляднѣе. Однажды, часовъ въ 11 утра, является въ палату цѣлая толпа рыночныхъ торговокъ, оштрафованныхъ по актамъ торговой депутаціи за невыборку билетовъ на торговлю изъ палатокъ отрѣзками ситцевъ и мелочнымъ галантерейрымъ товаромъ, и вотъ, какъ только входитъ Салтыковъ въ переднюю, толпа эта бросается передъ нимъ на колѣни съ слезной мольбой о пощадѣ, кричатъ всѣ вмѣстѣ, перебивая другъ друга: ваше превосходительство, помилосердуйте, не прикажите тѣснить и преслѣдовать насъ.

— Въ чемъ дѣло?—спрашиваетъ онъ.

Опять крики и вопли всѣхъ вмѣстѣ, такъ что трудно разобрать, чего хотятъ, а пройти не пускаютъ, хватаясь за ноги. Вырвавшись кое-какъ изъ этой толпы взволнованнымъ и разстроеннымъ, Салтыковъ набрасывается на старшаго дѣлопроизводителя:

— Это вы своими протоколами пригнали сюда сумасшедшихъ бабъ,—не могли тамъ на мѣстѣ разобрать ихъ и уладить дѣло!

— Что жъ я могъ сдѣлать? Билетовъ не взяли при всемъ настояніи, пропускать ихъ въ обиду другихъ исправныхъ плательщиковъ я не имѣлъ права, тѣмъ болѣе, что торговля ихъ у всѣхъ на виду, хотя прежде и пропускали ихъ. Вотъ и галдятъ теперь, чтобы опять позволили торговать безпошлинно.

— Ну, подите, убѣдите ихъ сами, что этого нельзя допускать, и пусть убираются отсюда.

Вышелъ къ нимъ старшій дѣлопроизводитель, онѣ и слушать его не стали. «Мы, говорятъ, желаемъ объяснить свои нужды самому генералу вашему, попросите его къ намъ». Но и генералъ, сколько ни разъяснялъ имъ, что законъ запрещаетъ безпошлинную торговлю, что, если имъ тяжело вдругъ заплатить требуемыя пошлины, могутъ платить по частямъ,—не могъ вразумить и успокоить ихъ. Потерявъ наконецъ терпѣніе, управляющій ушелъ въ свой кабинетъ, а ихъ велѣлъ выгнать. Тѣмъ не менѣе, благодаря этимъ воплямъ и мольбамъ о снисхожденіи, Салтыковъ принялъ живое участіе въ положеніи бѣдныхъ женщинъ: немедленно предписалъ полиціи произвесть дознанія объ имущественной несостоятельности ихъ, и затѣмъ, по полученіи этихъ дознаній, многихъ освободилъ отъ уплаты штрафа и пошлинъ, по безнадежности поступленія, объ остальныхъ просилъ полицеймейстера не требовать съ нихъ строго уплаты всей суммы взысканія вдругъ, а взыскивать понемногу и по частямъ, но въ томъ и другомъ случаѣ лавокъ ихъ не велѣлъ закрывать и не запрещалъ продолжать торговлю.

То и другое распоряженіе были явно неправильны и несогласны съ требованіями закона. Салтыковъ, конечно, вполнѣ со-

знавалъ это и все-таки предпочелъ лучше слѣдовать влеченію своего отзывчиваго сердца, чѣмъ руководствоваться буквою закона. Не разъ потомъ вспоминали съ благодарностью объ этомъ милостивомъ баринѣ бѣдныя торговки: въ послѣдующіе года ихъ всѣхъ поголовно обязывали выбирать билеты на торговлю, наказывая упрямыхъ штрафами, а иногда и запрещеніемъ торговать до выборки требуемаго билета.

Зато проходимцевъ, притворявшихся бѣдняками, Салтыковъ умѣлъ легко различать и по заслугамъ наказывать. Такъ однажды приходитъ къ нему съ просьбой о пощадѣ торговецъ, одѣтый, какъ послѣдній бѣднякъ, въ рваномъ сюртукѣ, въ худыхъ сапогахъ, падаетъ передъ нимъ на колѣни и жалуется на торговыхъ депутатовъ, что напрасно заставляютъ его выбирать гильдейскіе документы. «Помилосердуйте, говоритъ, ваше превосходительство, это мнѣ не подъ силу и вовсе не требуется по моей торговлѣ, такъ же незначительной, какъ въ другихъ мелочныхъ лавкахъ». Управляющій спокойно выслушалъ его, не прерывая, затѣмъ, потребовавъ протоколъ торговой депутаціи и прочитавъ въ немъ, что у этого мнимаго бѣдняка, кромѣ большой лавки съ желѣзомъ всякаго рода, имѣется еще набитый латунью, а частію старыми самоварами и приборами къ нимъ амбаръ для торговли мѣдью тайкомъ со двора,—вдругъ съ крикомъ и бранью обрушивается на него, какъ на обманщика:

— Вздумалъ еще жаловаться, я тебя проучу, сдеру съ тебя три шкуры (иначе сказать: взыщу тройной штрафъ), да еще подъ судъ отдамъ за воровскую торговлю, навѣрно, краденымъ изъ мастерскихъ матеріаломъ,—вонъ!—и уходитъ въ свой кабинетъ.

Испугался торговецъ, отворяетъ дверь кабинета, падаетъ опять на колѣни, со слезами проситъ прощенія, изъявляя полную готовность исполнить всѣ законныя требованія.

— Пошелъ, — говоритъ Салтыковъ,—сейчасъ же возьми изъ управы и принеси мнѣ сюда гильдейскіе документы.

Побѣжалъ торговецъ опрометью въ управу и не долѣе, какъ черезъ полчаса, предъявляетъ управляющему годовые свидѣтельство и билетъ 2-й гильдіи на свое имя, взятые, конечно, безъ зачета уплаченныхъ прежде пошлинъ за свидѣтельство на мелочной торгъ.

— Хорошо, что послушался,—говоритъ управляющій,—теперь можешь торговать свободно, чѣмъ хочешь, не только мѣдью, а и серебромъ и золотомъ. На этотъ разъ я избавлю тебя отъ штрафа, но смотри, если еще когда нибудь осмѣлишься не выбирать требуемыхъ для торговли документовъ, пощады не жди, я съ тобой раздѣлаюсь, будешь помнить.

— Не безпокойте ь, — говоритъ, — и такъ ужъ поучили, всю жизнь не забуду.

Прошло болѣе 25 лѣтъ послѣ того. Проученный Салтыковымъ торговецъ нажилъ большое состояніе, сталъ виднымъ купцомъ въ городѣ и на одно трехлѣтіе былъ избранъ членомъ отъ плательщиковъ въ присутствіе казенной палаты по раскладочному сбору. Въ первое же засѣданіе въ числѣ другихъ членовъ является и онъ въ палату по повѣсткѣ, въ назначенный для присутствія день и часъ, только въ какомъ-то растерянномъ видѣ, сторонясь отъ своихъ сочленовъ. Скоро, увидавъ составителя протокола, за который когда-то такъ больно досталось, онъ обращается къ нему съ упреками: «зачѣмъ, говоритъ, меня вызывали? мнѣ совѣстно быть здѣсь, вѣдь невольно вспоминается, какія глупости я продѣлывалъ, чтобъ избавиться отъ гильдейскихъ пошлинъ, и какъ отдѣлалъ меня за это вашъ тогдашній генералъ. Ужъ и сердитъ былъ кормилецъ! Конечно, насъ, дураковъ, такъ и слѣдуетъ учить. Дай Богъ ему здоровья за эту науку. Я свѣтъ увидалъ, когда по его требованію сталъ платить купеческій капиталъ и торговать открыто, чѣмъ вздумается, а все-таки тяжело вспомнить и теперь о прежнемъ униженіи, лучше уходить подальше отъ васъ и впередъ не зовите меня, не могу засѣдать въ вашемъ присутствіи». Вслѣдъ затѣмъ и ушелъ этотъ оригиналъ, а послѣ никогда и не былъ въ засѣданіяхъ присутствія, такъ что пришлось вмѣсто него приглашать на эти засѣданія кандидата.

Къ чиновникамъ, производившимъ повѣрку торговли, Салтыковъ относился такъ же строго, какъ и къ дѣлопроизводителямъ палаты, не терпѣлъ медленности въ ихъ дѣйствіяхъ, обязывалъ представлять повѣрочные журналы еженедѣльно, всегда самъ просматривалъ эти журналы, зорко слѣдилъ, нѣтъ ли какихъ упущеній и поблажекъ торговцамъ, всѣ ли они и ихъ приказчики снабжены надлежащими документами, своевременно ли сдаются въ казну собранныя за документы пошлины, а въ случаѣ какихъ либо недоразумѣній или замѣченныхъ неисправностей требовалъ тотчасъ же объясненій; но если при этомъ обнаруживаема была несправедливость или непрактичность его требованій, онъ не затруднялся исправлять свои ошибки новыми распоряженіями. Такъ, напримѣръ, старшему дѣлопроизводителю онъ вмѣнилъ въ обязанность окончить повѣрку торгово-промышленныхъ заведеній въ трехъ частяхъ города Тулы непремѣнно къ Святой недѣлѣ, т. е. меньше, чѣмъ въ три мѣсяца, и слышать не хотѣлъ, что отъ этой скорости казна можетъ потерпѣть значительный недоборъ пошлинъ, такъ какъ въ третьей и четвертой частяхъ города имѣется много кустарей, содержащихъ мастерскія безъ вывѣсокъ, отчего потребуется немало времени разыскивать ихъ.

— А вы, говоритъ, не тратьте времени на пустые разговоры и тогда успѣете повѣрить всѣ лавки и мастерскія, не пропуская ни одной.

Расчетъ его оказался, однакожъ, невѣрнымъ: послѣ повѣрки стали поступать безпрерывные доносы, что тѣ или другія мастерскія остались не провѣренными. Въ виду такихъ заявленій Салтыковъ распорядился назначить лѣтомъ вторичную повѣрку пропущенныхъ предпріятій, чтобы пополнить недоборъ отъ прежней спѣшной повѣрки.

Еще болѣе своеобразно и несдержанно велъ себя Салтыковъ въ отношеніи къ губернатору.

По пріѣздѣ въ Тулу управляющій нашъ какъ будто сошелся съ начальникомъ губерніи, М. Р. Шидловскимъ, нерѣдко бывалъ у него запросто, любилъ играть съ нимъ съ пикетъ. Казалось, что къ этому сближенію ихъ были прочные задатки: видимое сходство въ характерѣ ихъ служебной дѣятельности, одинаково живой и энергичной, въ строгомъ наблюденіи за исполненіемъ обязанностей службы подчиненными и даже въ манерѣ обращенія съ ними, наконецъ отсутствіе серіозныхъ поводовъ къ столкновеніямъ по службѣ, легко устранимымъ при взаимной уступчивости,— все это, на нашъ взглядъ, должно было располагать ихъ итти рука объ руку другъ съ другомъ въ дѣлахъ служебныхъ. И мы надѣялись, что при новомъ управляющемъ избавимся наконецъ отъ пререканій съ губернской администраціей, отъ надоѣвшихъ при прежнемъ управляющемъ объясненій и отписокъ по ея придирчивымъ запросамъ и жалобамъ. Но недолго пришлось намъ обольщать себя этими надеждами. Скоро дружелюбныя отношенія главарей нашихъ, неизвѣстно почему, смѣнились взаимною непріязнью. Уже въ половинѣ января въ статистическомъ комитетѣ, гдѣ пришлось ждать губернатора больше получаса, Салтыковъ слишкомъ рѣзко выражалъ свое нетерпѣніе (что де за невѣжество и свинство такое, зоветъ къ часу, а скоро два,— и его все нѣтъ, я не холопъ его и не мальчикъ, чтобы ждать его милость) и затѣмъ не постѣснился и лично высказать свое неудовольствіе Шидловскому, несмотря на извиненіе его въ невольной неаккуратности по случаю неожиданнаго пріѣзда кого-то изъ Петербурга. Черезъ нѣсколько времени въ засѣданіи особаго о земскихъ повинностяхъ присутствія, бывшемъ въ квартирѣ губернатора вечеромъ, когда Шидловскій читалъ по обыкновенію журналы присутствія, имъ же большею частью редактированные, и спрашивалъ членовъ, согласны ли на изложенныя въ нихъ постановленія, Салтыковъ сталъ возражать противъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, горячо оспаривалъ губернатора, говорилъ ему колкости, а тутъ еще ни къ селу, ни къ городу подвернулся полупьяный городской голова съ своей жалобой на губернаторскаго любимца-полицеймейстера, будто онъ воруетъ овесъ и сѣно, отпускаемые городомъ на пожарныхъ лошадей. Губернаторъ потерялъ терпѣніе и закрылъ засѣданіе, отзываясь невозможностью вести его въ виду возбужденнаго состоянія нѣкоторыхъ членовъ. Такой

отзывъ, приравнивающій замѣчанія Салтыкова къ неумѣстной претензіи городского головы, бывшаго въ нетрезвомъ видѣ, конечно, еще болѣе озлобилъ управляющаго, и онъ сталъ повсюду публично издѣваться надъ тульскимъ помпадуромъ, написалъ на него памфлетъ подъ названіемъ: «Губернаторъ съ фаршированной головой» [1]), и читалъ его довольно открыто своимъ клубнымъ собесѣдникамъ. Обо всемъ этомъ прислужники губернатора, конечно, не замедлили довести до его свѣдѣнія. Ну, и пошла писать губернія! посыпались разные запросы, жалобы на казенную палату, доносы,— успѣвай только отписываться. Къ довершенію зла, случилось еще слѣдующее обстоятельство: такъ какъ въ канцеляріи особаго присутствія и въ казенной палатѣ велись отдѣльные счета по приходу и расходу государственнаго земскаго сбора, и счета эти расходились во многомъ, то губернаторъ приказалъ своему чиновнику особыхъ порученій свѣрить получше счета канцеляріи и привести ихъ къ согласію съ палатскими счетами, чтобы въ обоихъ значились одинаковыя цифры. Чиновникъ является въ палату и упрашиваетъ бухгалтера помочь ему разобраться въ этой путаницѣ. Къ несчастію, въ то же время управляющій проходитъ по отдѣленію казначействъ, видитъ: у бухгалтерскаго стола сидитъ постороннее лицо, выписываетъ что-то изъ книгъ, отыскиваетъ какія-то бумаги въ дѣлахъ; узнаетъ, что это губернаторскій чиновникъ, и кричитъ:

— Это еще что? Кто вамъ позволилъ рыться въ палатскихъ книгахъ и дѣлахъ? Вонъ, чтобъ нога ваша не была здѣсь, губернатору вашему первое мѣсто въ палатѣ, а челяди его я знать не хочу, убирайтесь.

Вслѣдъ затѣмъ Салтыковъ зоветъ экзекутора и велитъ ему привѣсить къ дверямъ записку съ надписью: «входъ постороннимъ воспрещается», приказывая настрого не пускать никого, особенно губернаторскихъ чиновниковъ. Что оставалось послѣ того дѣлать бѣдному чиновнику? Оставить безъ исполненія данное порученіе онъ не смѣлъ и думать, такъ какъ губернаторъ не принималъ никакихъ отговорокъ, требуя всегда безпрекословнаго исполненія своихъ порученій. Вотъ и придумали они съ добрымъ бухгалтеромъ нашимъ заниматься повѣркою счетовъ въ неприсутственные дни, начиная съ четверга Страстной недѣли. Пришли въ этотъ день въ 11 часовъ утра въ полной увѣренности, что никто не помѣшаетъ ихъ заня-

[1]) Мнѣ не пришлось видѣть въ то время этого памфлета, не нахожу ничего подходящаго и въ сочиненіяхъ Салтыкова (изд. 1895 г.). Въ «Исторіи одного города», правда, имѣется фантастическій разсказъ о градоначальникѣ Глупова съ фаршированной головой (т. VII, стр. 116—122), но этотъ типъ (Прыщъ Ив. Пантел.) не имѣетъ ничего общаго съ Шидловскимъ, кромѣ развѣ названія майоромъ, такъ какъ и Шидловскій любилъ подписываться на исходящихъ бумагахъ: не губернаторъ, а генералъ-майоръ Шидловскій.

тіямъ, сидятъ затворившись и преспокойно повѣряютъ счета другъ у друга. Вдругъ совершенно неожиданно является въ палату управляющій, просмотрѣлъ почту, самъ распечаталъ входящія бумаги (предварительно обругавъ старшаго дѣлопроизводителя, что не пришелъ помочь ему), затѣмъ какъ бы машинально, слѣдуя своей привычкѣ, идетъ въ отдѣленіе казначействъ и къ удивленію застаетъ двухъ пріятелей на мѣстѣ преступленія. При видѣ ихъ онъ приходитъ въ крайнее раздраженіе.

— Я вамъ запретилъ ходить сюда,—кричитъ онъ чиновнику,— а вы опять тутъ! Вонъ! швейцаръ, выведи его,—ругаетъ своего бухгалтера, затѣмъ бѣжитъ въ кабинетъ и, потребовавъ листъ бумаги, быстро набрасываетъ на немъ жалобу министру на губернатора (что онъ де не только обременяетъ палату ненужными запросами и требованіями, но и отвлекаетъ бухгалтеровъ отъ дѣла безпрерывными командировками своихъ чиновниковъ въ палату для извлеченія какихъ-то справокъ изъ дѣлъ, для исправленія будто бы счетовъ, почему и проситъ оградить ввѣренную ему палату отъ неумѣстныхъ притязаній губернатора, устранить своевольный пересмотръ его чиновниками дѣлъ и книгъ палатскихъ). Затѣмъ велитъ скорѣе переписать это представленіе, безпрерывно понукая переписчика, и, когда оно было запечатано, расписывается въ полученіи пакета по разносной книгѣ, самъ несетъ его на почту, держа передъ собою, какъ бы на показъ всѣмъ. На полдорогѣ встрѣчается съ нимъ знакомая барыня и съ удивленіемъ спрашиваетъ:

— Куда это вы, Михаилъ Евграфовичъ?

— Иду Мишку травить.

— Какого Мишку?

— А вонъ (указывая на квартиру губернатора, помѣщавшуюся во второмъ этажѣ), что залѣзъ въ высокую берлогу.

— А! вѣрно, жалобу на губернатора хотите отправить? Чтожъ вы сами-то несете пакетъ?

— Покойнѣй будетъ на душѣ, когда самъ въ подлеца камень бросишь [1]).

Вскорѣ послѣ того Салтыковъ испрашиваетъ себѣ у министра десятидневный отпускъ въ Петербургъ для необходимыхъ объясненій по дѣламъ службы и, получивъ разрѣшеніе, немедленно уѣзжаетъ на Святой недѣлѣ... Какой былъ для него результатъ

---

[1]) Изъ чего, подумаешь, сыръ-боръ тутъ загорѣлся? кому мѣшали, какой вредъ дѣлу могли приносить эти совмѣстныя занятія губернаторскаго чиновника съ бухгалтеромъ палаты въ свободное время? Но, кромѣ того, что Салтыкова возмущали эти занятія, какъ самовольныя, начатыя безъ его позволенія и продолжаемыя вопреки его запрещенію, у него внѣдрилось странное подозрѣніе, будто бы губернаторскій чиновникъ былъ не болѣе, какъ шпіонъ, подосланный губернаторомъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, для отысканія въ дѣлахъ и счетахъ палаты новыхъ поводовъ къ доносамъ.

этихъ объясненій, намъ осталось неизвѣстнымъ. Только по возвращеніи изъ Петербурга Салтыковъ какъ будто сталъ сдержаннѣе и приличнѣе вести себя относительно губернатора. Зато губернаторъ не переставалъ осыпать палату своими требованіями и жалобами на казначейства, а съ Салтыковымъ даже и встрѣчаться не хотѣлъ. Придетъ, бывало, въ палату, спроситъ у швейцара въ передней, не раздѣваясь: «Управляющій здѣсь?» и если скажутъ: здѣсь, опвернется и былъ таковъ; если нѣтъ, пройдетъ въ присутствіе, вызоветъ, кого ему нужно изъ начальниковъ отдѣленія, разспроситъ, накричится въ волю и уйдетъ. Разъ, впрочемъ, почему-то онъ счелъ нужнымъ видѣться съ управляющимъ, чтобы высказать ему свое неудовольствіе (кажется, на губернскаго казначея за возвращеніе ассигновокъ, какъ неправильно составленныхъ), нашумѣлъ и вышелъ въ раздраженномъ состояніи. Салтыковъ выслушалъ эти замѣчанія молча, но, какъ только губернаторъ за дверь, разразился насмѣшками надъ нимъ, принялся передразнивать его и такъ удачно. что безъ смѣха нельзя было видѣть и слушать это обезьянство, а въ заключеніе сталъ ругать себя:

— Дуракъ я былъ, что уступилъ ему предсѣдательское мѣсто, пусть бы онъ постоялъ передо мною, пока кричалъ, это было бы хорошимъ урокомъ для него.

Издѣваться такъ надъ губернаторомъ Салтыковъ могъ безнаказанно, конечно, только въ своемъ кабинетѣ, но, къ сожалѣнію, онъ недолго слѣдовалъ петербургскимъ внушеніямъ объ осторожности и попрежнему пересталъ стѣсняться въ своихъ непріязненныхъ отзывахъ о Шидловскомъ повсюду и при всякой обстановкѣ. Такъ онъ часто обѣдывалъ въ буфетѣ Кремлевскаго сада съ полицеймейстеромъ и при этомъ любилъ приправлять свои обѣды неистощимыми сарказмами надъ губернаторомъ, которыми до того наконецъ надоѣлъ своему собесѣднику, что тотъ просилъ ради Бога избавить его отъ такихъ разговоровъ, чтобъ не быть вынужденнымъ передавать ихъ своему начальнику. Подобныя выходки Салтыкова скоро привели къ нежелательнымъ для него послѣдствіямъ. Въ послѣднихъ числахъ августа получается телеграмма на имя управляющаго палатою изъ канцеляріи министра, извѣщавшей его: «что де въ виду обострившихся отношеній вашихъ къ губернатору министръ находитъ неудобнымъ оставлять васъ въ Тулѣ на занимаемой вами должности и предлагаетъ избрать другую палату для своей дѣятельности». Прочитавъ телеграмму, Салтыковъ вскочилъ съ кресла, какъ ужаленный, сталъ бѣгать по своему длинному кабинету, съ крикомъ и бранью: «это онъ, его это дѣло, нѣтъ, живой не уступлю подлецу, не уйду отсюда», и на другой день уѣхалъ въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ остаться въ Тулѣ. Между тѣмъ, за нѣсколько дней до полученія этой телеграммы, онъ изумилъ насъ своимъ страннымъ распоряженіемъ: призываетъ стар-

шаго дѣлопроизводителя и приказываетъ ему просить согласія губернатора на опредѣленіе уѣзднымъ казначеемъ столоначальника палаты Бог—ва.

— Кого?—спрашиваетъ тотъ въ недоумѣніи.

— Что вы глухи что ли? Бог—ва.

— Помилуйте,—говоритъ,—не сами ли вы называли его язвой, которой нужно бояться, сколько разъ ругали за медленность, неаккуратность, опрометчивость въ составленіи ассигновокъ?

— Мало ли что? А вотъ теперь хочу опредѣлить его на высшую должность. Это мое дѣло, я опредѣляю, я одинъ и буду отвѣчать за свой выборъ. Пишите безъ разсужденій.

Дѣлать нечего, написали, какъ приказано, и вскорѣ по отъѣздѣ Салтыкова губернаторъ увѣдомилъ о неимѣніи съ его стороны препятствій на предположенное назначеніе Бог—ва. Вслѣдъ затѣмъ получается въ «Вѣстникѣ Финансовъ» высочайшій приказъ о перемѣщеніи Салтыкова на должность управляющаго казенной палатой въ Рязань, а на его мѣсто въ Тулу управляющаго симбирской палатой Щепкина. Въ виду этого, взяло членовъ присутствія раздумье: не лучше ли отложить опредѣленіе или отправленіе Бог—ва къ мѣсту назначенія до прибытія новаго управляющаго, какъ де онъ хочетъ, тѣмъ болѣе, что Бог—ву нужно еще сдавать дѣла новому столоначальнику. Но вотъ, послѣ 20-го числа сентября, возвращается въ Тулу Салтыковъ, зоветъ къ себѣ на квартиру старшаго дѣлопроизводителя, и между прочимъ спрашиваетъ его:

— А о Бог—вѣ пришло согласіе отъ губернатора?

— Да.

— Что жъ онъ отправился къ мѣсту новой службы?

— Нѣтъ.

— Это почему?

— Не сдалъ еще дѣлъ, при томъ члены присутствія затрудняются опредѣлять его до прибытія новаго управляющаго.

— Это что такое?—кричитъ Салтыковъ:—хотите что ли отмѣнить распоряженіе бывшаго управляющаго? Какъ вы смѣете это дѣлать? Да я васъ всѣхъ расшвыряю. Хорошо жъ, я буду сегодня въ палатѣ, посмотримъ, какъ вы не исполните моего распоряженія.

Дѣйствительно, вскорѣ Салтыковъ приходитъ въ палату, съ крикомъ и укоризнами обращается къ заступающему мѣсто управляющаго и заставляетъ его тотчасъ же записать въ книгу объ опредѣленіи Бог—ва, выдать ему прогоны и сдѣлать другія распоряженія о немедленномъ отправленіи новаго казначея къ мѣсту его служенія, и послѣ того, какъ требованіе его было исполнено, раскланивается съ нами.

— Теперь, говоритъ, прощайте, я ужъ больше не управляющій вамъ, видно, и правда, что два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживаются.

Этимъ и закончилъ Салтыковъ свою дѣятельность по тульской палатѣ. Финалъ, конечно, дѣлающій ему больше чести, чѣмъ вступленіе! Но эта поздняя заботливость о награжденіи чиновника, болѣе другихъ подвергавшагося его рѣзкимъ и грубымъ замѣчаніямъ, не принесла никакой пользы Бог—ву, а напротивъ поселила предубѣжденіе противъ него въ новомъ управляющемъ Щепкинѣ, оставшемся крайне недовольнымъ тѣмъ, что помимо его и безъ его согласія былъ опредѣленъ на отвѣтственную должность казначея неизвѣстный ему protégé Салтыкова.

Вслѣдствіе этого Бог—въ вскорѣ по опредѣленіи своемъ долженъ былъ взять двухмѣсячный отпускъ, а затѣмъ, бывъ отчисленъ отъ должности казначея къ штату палаты, вынужденъ былъ выйти въ отставку и искать себѣ мѣсто въ другомъ учрежденіи [1]).

Послѣ прощальнаго визита мы болѣе не видали Салтыкова. Уѣхалъ онъ отъ насъ безъ всякихъ проводовъ, какъ и пріѣхалъ безъ встрѣчъ. Яркимъ метеоромъ, съ шумомъ и трескомъ, пронесся онъ передъ нами и исчезъ навсегда, также незамѣтно и внезапно, какъ и появился. Но нельзя сказать, чтобы съ шумомъ и погибла память его.

Девять только мѣсяцевъ онъ управлялъ тульскою палатою, но и за это короткое время своею энергическою, неутомимою дѣятельностію, слѣды которой повсюду встрѣчаются въ уцѣлѣвшихъ дѣлахъ его управленія и остаются до сего времени не изгладимыми, онъ принесъ ощутительную пользу палатѣ: 1) упростивъ и ускоривъ дѣлопроизводство отмѣною журналовъ общаго присутствія, писавшихся прежде чуть не по каждому дѣлу, уменьшеніемъ докладовъ, при помощи своихъ резолюцій на входящихъ бумагахъ, неупустительными требованіями скорѣйшаго исполненія этихъ бумагъ зарѣшеніемъ массы старыхъ залежавшихся дѣлъ; 2) увеличивъ въ значительной степени сборъ торговыхъ пошлинъ по губерніи—тщательнымъ наблюденіемъ за дѣйствіями чиновниковъ, повѣрявшихъ торговлю, по ихъ журналамъ, актамъ или протоколамъ и по количеству проданныхъ торговыхъ документовъ; 3) упорядочивъ дѣлопроизводство о недоимкахъ окладного и неокладного сборовъ точнымъ распредѣленіемъ ихъ на категоріи: а) подлежащихъ сложенію по манифесту 28 октября 1866 г., властію самой палаты или съ разрѣшенія министерства и б) требующихъ неотложнаго взысканія, разъясненіемъ причинъ значительнаго накопленія ихъ въ

---

[1]) Такую же медвѣжью услугу оказалъ потомъ Салтыковъ начальнику отдѣленія рязанской палаты Васил. Но предупредивъ Щепкина, онъ исходатайствовалъ въ министерствѣ перемѣщеніе Васил. въ тульскую палату на мѣсто взятаго имъ къ себѣ изъ Тулы начальника отдѣленія. Щепкинъ еще болѣе былъ озлобленъ этою безцеремонностью Салтыкова, относился съ явнымъ недоброжелательствомъ къ навязанному ему начальнику отдѣленія и въ концѣ концовъ добился причисленія его къ министерству.

нѣкоторыхъ уѣздахъ и указаніемъ наиболѣе цѣлесообразныхъ мѣръ къ успѣшному взысканію ихъ,—благодаря чему, несмотря на несходство во взглядахъ [1]) на нѣкоторые виды недоимокъ съ губернской администраціей и встрѣчаемое поэтому иногда противодѣйствіе съ ея стороны, всей недоимки взыскано было при немъ до милліона. Многія изъ улучшеній, введенныхъ Салтыковымъ, напримѣръ, безотлагательное исполненіе входящихъ бумагъ, внимательное наблюденіе за поступленіемъ недоимокъ, прочно привились къ палатѣ, обратились въ традиціонную привычку ея дѣлопроизводителей, потому и не могутъ быть забыты. Да и само служебное положеніе дѣлопроизводителей и бухгалтеровъ заставляло потомъ не разъ пожалѣть о Михаилѣ Евграфовичѣ, неоднократно помянуть его добрымъ словомъ. При суровомъ режимѣ его преемника само собою приходило на память, что, во-первыхъ, какъ ни строгъ и требователенъ былъ Салтыковъ, но онъ не любилъ прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ относительно провинившихся чиновниковъ, никогда не пользовался страшнымъ для нихъ 3-мъ пунктомъ, и взысканія его большею частію ограничивались словеснымъ выговоромъ, болѣе или менѣе строгимъ, и въ рѣдкихъ случаяхъ —занесеніемъ въ штрафную книгу, при чемъ подобныя взысканія не только не препятствовали виновному продолжать службу на занимаемой имъ должности, но и не отнимали у него возможности получить впослѣдствіи высшее назначеніе [2]); что, во-вторыхъ, Салтыковъ терпѣть не могъ сплетней и наушничества на подчиненныхъ и безпощадно преслѣдовалъ клеветниковъ и интригановъ [3]), и, въ-третьихъ, заставляя столоначаль-

[1]) Въ этомъ отношеніи замѣчательно его пререканіе съ губернскимъ правленіемъ относительно принятія на счетъ казны издержекъ по пересылкѣ арестантовъ для водворенія на мѣсто ихъ постояннаго жительства. Салтыковъ не согласился съ заключеніемъ губернскаго правленія, что до кормовыхъ денегъ съ такихъ лицъ взыскивать не слѣдуетъ, а должно только отбирать отъ нихъ казенную одежду, и представленія полицейскихъ управленій о сложеніи такихъ недоимокъ оставлялъ безъ удовлетворенія. Дѣло дошло до сената, и сенатъ, вполнѣ одобривъ мнѣніе Салтыкова, утвердилъ заключеніе казенной палаты.

[2]) Какъ это мы видѣли уже изъ дѣла объ опредѣленіи Бог—ва, и какъ то же еще нагляднѣе подтверждалось опредѣленіемъ въ бухгалтеры казначейства одного помощника бухгалтера, внесеннаго прежде въ штрафную книгу за самовольное удержаніе въ свою пользу наградныхъ отъ земства 100 рублей.

[3]) По этому поводу больше всего припоминались два выдающихся случая: 1) вскорѣ по вступленіи въ должность Михаилъ Евграфовичъ оборвалъ одну бойкую барыню, пытавшуюся на одномъ вечерѣ очернить старшаго дѣлопроизводителя, чтобы предоставить его мѣсто своему мужу, котораго всячески расхваливала, какъ посторонняя женщина, и когда стало извѣстно, что эта жена слишкомъ усердствовала въ пользу своего мужа, Салтыковъ былъ возмущенъ ея наглостью и просилъ хозяйку не приглашать его къ себѣ на вечерній чай вмѣстѣ съ нею. «Ахъ, грошъ ей цѣна,—говорилъ онъ,—вздумала еще обманомъ, какъ посторонняя, заискивать у меня мѣста для мужа, унижая другихъ; не желаю больше и встрѣчаться съ такой нахальной особой». Послѣ этого сталъ и къ мужу этой барыни относиться съ презрѣніемъ и радъ былъ избавиться отъ него, содѣйствуя пере-

никовъ и бухгалтеровъ палаты неупустительно заниматься своимъ дѣломъ, Салтыковъ въ то же время старался облегчать труды ихъ личною своею работою. Кромѣ ежедневныхъ резолюцій на входящихъ бумагахъ, которыя оставалось только исполнять безъ всякихъ докладовъ, всѣ исходящія нешаблонныя бумаги, какъ-то: представленія въ министерство, отвѣты по предположеніямъ губернатора, на запросы контрольной палаты и другихъ учрежденій, личныя распоряженія и предписанія управляющаго, болѣе сложныя, редактировалъ большею частію онъ самъ. Мало того: иногда онъ составлялъ и доклады какъ бы самому себѣ. Бывало, придетъ, просмотритъ почту, объяснится по сданнымъ утромъ докладамъ, исправитъ ихъ, въ чемъ найдетъ нужнымъ, подпишетъ, какія подадутъ исходящія, и, отдѣлавшись отъ всего этого, ходитъ взадъ и впередъ въ своемъ кабинетѣ, а черезъ нѣсколько времени обращается къ старшему дѣлопроизводителю.

— Что жъ я слоняюсь изъ угла въ уголъ, когда всѣ сидятъ за дѣломъ, совѣстно, дайте мнѣ написать какой нибудь докладъ, по какимъ хотите дѣламъ вашимъ, ну, хоть по торговымъ!—напишетъ и предварительно дастъ на просмотръ:

— Посмотрите, говоритъ, не напуталъ ли я.

И вотъ однъ разъ пришлось уличить его въ неправильномъ постановленіи.

— Что жъ, говоритъ, исправьте, какъ нужно.

— Не угодно ли вашему превосходительству самому исправить свою резолюцію, неловко марать ее.

ходу его въ другую палату. 2) Салтыковъ старался выжить изъ палаты одного начальника отдѣленія, преслѣдуя его сначала, повидимому, за недѣятельность и безполезность для службы (онъ до мало помогаетъ своимъ столоначальникамъ и бухгалтерамъ, понукая ихъ только къ спѣшной работѣ, въ родѣ сельскаго старосты съ палкой, а самъ занимаясь лишь перестановкой запятыхъ или перемѣною выраженій въ ихъ докладахъ), и затѣмъ настоялъ на причисленіи его къ министерству. Что писалъ объ немъ Салтыковъ, осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ черновыя подобныхъ представленій онъ всегда оставлялъ у себя, не сдавая въ канцелярію, но впослѣдствіи онъ самъ объяснялъ причины непріязни къ этому вліятельному при прежнемъ управляющемъ совѣтнику не столько неспособностью его къ службѣ, сколько интригантствомъ и ябедничествомъ. «При первомъ же представленіи,—говорилъ Михаилъ Евграфовичъ,—этотъ господинъ вздумалъ аттестовать мнѣ своихъ товарищей по службѣ, такъ или иначе, но непремѣнно съ дурной стороны, предупреждая при томъ не довѣряться никому изъ нихъ, хотя я вовсе не требовалъ отъ него никакой аттестаціи о сослуживцахъ. Это тогда же возбудило во мнѣ антипатію къ нему и заставило отшатнуться отъ него. Затѣмъ, на Святой недѣлѣ, гуляя въ хорошую погоду, я вздумалъ зайти въ палату и, встрѣтивъ тамъ этого пріятеля, вступилъ въ разговоръ съ нимъ,—такія ужъ нашли на меня телячьи чувства,—а онъ, пользуясь моимъ ласковымъ обращеніемъ, ни къ селу, ни къ городу, сталъ еще больше разводить сплетни и ябеды на сослуживцевъ. Тогда я окончательно убѣдился, что это—негодяй, нетерпимый на службѣ, и счелъ долгомъ выбросить его изъ палаты, какъ вредную гадину».

— Что, говоритъ, за китайскія церемоніи? Марайте, сколько хотите, я напишу: исполнить.

И какъ живо кипѣла у него всякая работа! Какъ свободно передавалъ онъ на бумагу свои мысли! Бывало, вздумаетъ что написать въ министерство, потребуетъ листъ бумаги, и не далѣе какъ черезъ десять минутъ выноситъ его весь исписаннымъ безъ помарокъ, тогда какъ переписать этотъ листъ не успѣвали такъ скоро даже бойкіе писцы. И вообще затрудненій въ дѣлахъ для него какъ будто не существовало: самыя сложныя и запутанныя дѣла, которыя въ нѣсколько лѣтъ не могли распутать комиссіи, какъ, напримѣръ, дѣло по ликвидаціи приказа общественнаго призрѣнія, онъ одинъ рѣшалъ въ нѣсколько дней.

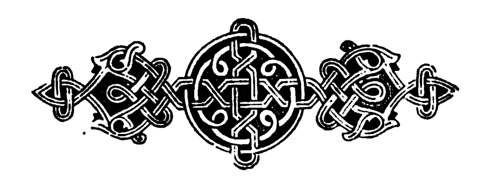
Припоминая все это, невольно преклоняешься передъ этою выдающеюся, богато одаренною, личностію, но тѣмъ болѣе затрудняешься понять, какъ могли образоваться и развиться въ такомъ высокообразованномъ и талантливомъ человѣкѣ свойства и привычки другого рода, компрометирующія и недостойныя его.

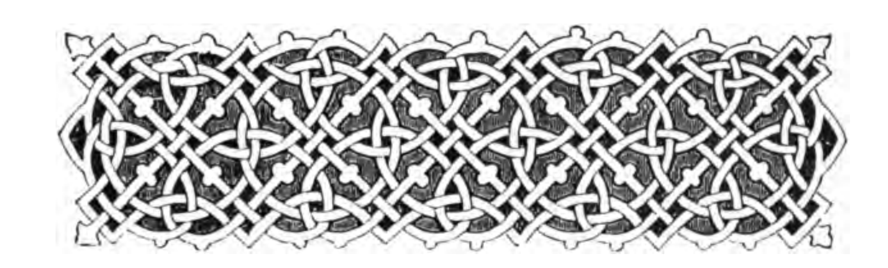
Живой и свѣтлый умъ Салтыкова, быстрота соображенія, помогавшая ему моментально схватывать всегда суть дѣла, хотя бы и сложнаго, какимъ-то чутьемъ угадывать неправильность счетовъ въ вѣдомостяхъ, безъ подсчета ихъ, прекрасная память, легко воспроизводившая всѣ детали прежнихъ дѣлъ, замѣчательная способность легко и свободно излагать свои мысли,—все это естественно поражало и изумляло ближайшихъ свидѣтелей его дѣятельности, сулило ему, повидимому, блестящую будущность государственнаго дѣятеля. Но его взбалмошный характеръ, болѣзненная раздражительность до самозабвенія, готовая поднять бурю въ стаканѣ воды, разразиться крикливою руганью изъ пустяковъ, крайне невоздержный и злой языкъ, гордое, презрительно-насмѣшливое, чуждое всякой привѣтливости, обращеніе съ окружающими—затмевали высокія качества его ума и отзывчиваго сердца, подрывали сочувствіе и уваженіе къ его личности, а несчастная страсть его открыто и безпощадно издѣваться надъ представителями высшей губернской администраціи, относя ихъ всѣхъ безразлично, кто бы они ни были, къ категоріи презрѣнныхъ Помпадуровъ,—отчего онъ не могъ сойтись и ужиться ни съ однимъ почти губернаторомъ,—дѣлала его нетерпимымъ на службѣ, такъ что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по перемѣщеніи изъ Тулы онъ вынужденъ былъ искать себѣ средствъ къ жизни на другомъ болѣе сродномъ ему поприщѣ, но и здѣсь, какъ извѣстно, въ качествѣ редактора большого журнала, онъ не всегда могъ владѣть собою, нерѣдко давалъ волю своему желчному языку, держалъ себя относительно своихъ молодыхъ сотрудниковъ такимъ же суровымъ и строгимъ генераломъ, какъ съ подчиненными на службѣ.

Такимъ генераломъ отъ литературы онъ и остался до конца своей жизни, не вступая болѣе на скользкій путь служебной дѣятельности.

Почти тридцать пять лѣтъ прошло со времени управленія Салтыкова тульской казенной палатой. Много перемѣнъ пережила она послѣ того, много видѣла хорошаго и дурного въ своемъ режимѣ. Но ни одинъ изъ управляющихъ не производилъ на чиновниковъ ея такого сильнаго впечатлѣнія, не оставилъ по себѣ такихъ яркихъ воспоминаній, какъ незабвенный Михаилъ Евграфовичъ. Изъ сослуживцевъ его осталось въ Палатѣ только четверо: начальникъ отдѣленія, податной инспекторъ, чиновникъ особыхъ порученій и архиваріусъ, и всѣ мы до сихъ поръ отчетливо представляемъ себѣ его обликъ и особенныя черты его дѣятельности. Какъ живой, стоитъ онъ и теперь передъ нами, вѣчно хмурый, какъ будто недовольный чѣмъ-то, разстроенный или озабоченный, съ неприглаженной шевелюрой, съ большими блестящими глазами, съ насмѣшливымъ выраженіемъ на лицѣ, нервно подергивая головой, какъ будто что-то тѣснило его шею, моментально готовый вспыхнуть, какъ порохъ, подвижной и быстрый не по лѣтамъ, строго внимательный къ требованіямъ службы и дѣйствіямъ чиновниковъ. Неизгладимыми также остаются въ нашей памяти своеобразный тонъ и складъ его рѣчи и самыя выраженія рѣзкія и мѣткія. Нѣтъ основанія сомнѣваться въ вѣрности и правдивости предлагаемыхъ вниманію читателей воспоминаній (тѣмъ болѣе; что составитель ихъ не находился въ особыхъ отношеніяхъ къ Салтыкову—ни въ близкихъ, ни въ непріязненныхъ). Это точная копія дѣйствій и подлинныхъ выраженій Салтыкова при управленіи его тульскою казенною палатою, безъ какихъ либо прибавленій и произвольныхъ измѣненій.

И. М. М.

ВЪ ЗАТОЧЕНІИ.

То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ...

«Шильонскій узникъ».

Черезъ мѣсяцъ послѣ моего ареста, когда я находился въ одиночномъ заключеніи, меня посѣтила моя сестра. Свиданіе происходило въ спеціальной комнатѣ, разгороженной посрединѣ двумя параллельными рѣшетками, въ разстояніи одна отъ другой около двухъ аршинъ. Мы вошли въ комнату разными дверями и стали у оконъ рѣшетокъ, между которыми сидѣлъ смотритель тюрьмы.

Послѣ первыхъ привѣтствій и слезъ сестра спросила меня:

— Я себѣ представить не могу, что ты здѣсь дѣлаешь въ четырехъ стѣнахъ! Какъ ты живешь въ этомъ каменномъ гробу?

Въ то время, по нѣкоторымъ причинамъ, я не могъ разсказать ей, какъ живутъ въ гробу; но теперь, когда прошла не одна десятилѣтняя давность, когда для меня тюрьма стала однимъ воспоминаніемъ, я предлагаю въ этомъ краткомъ очеркѣ посильный отвѣтъ.

I.

Судъ совершился. Меня переодѣли въ арестантскій костюмъ и отвезли въ только-что построенную тюрьму города N. Въ здѣшней камерѣ я не встрѣтилъ ничего новаго для себя, потому что раньше, еще до суда, меня выдержали въ одиночномъ заключеніи болѣе года. Тѣ же семь шаговъ въ длину и четыре въ ширину, какъ и

въ казематѣ первой тюрьмы. Также подъ потолкомъ маленькое оконце съ матовыми стеклами. Желѣзные столъ, стулъ и кровать. Впрочемъ, кровать здѣсь имѣла ту особенность, что днемъ она закидывалась къ стѣнѣ и запиралась на замокъ. Въ двери та же запирающаяся форточка, черезъ которую подаютъ пищу, а надъ нею небольшое глазное отверстіе, копейки въ три, для надзора за заключеннымъ. Все такъ знакомо, старо. Такой же холодный, жесткій полъ. Также на видномъ мѣстѣ виситъ объявленіе о степеняхъ наказанія за разные проступки въ стѣнахъ тюрьмы.

Но только, пожалуй, та разница: раньше, до суда, я изрѣдка имѣлъ свиданія съ родными и позволялъ себѣ мечтать, что вотъ-вотъ скоро выйду изъ тюрьмы, опять увижу свѣтъ Божій, зеленыя поля, лѣсъ, воду... А теперь, изолированному отъ всего міра, мнѣ остается сѣсть и замереть на нѣсколько лѣтъ... «И все покинуть, все забыть!»

Когда-то въ дѣтствѣ учили меня, что отличительное свойство животныхъ—свобода передвиженій. И вотъ въ настоящее время я лишенъ этой свободы. Въ этомъ смыслѣ я теперь не животное, или ужъ очень ограниченное—на пространствѣ двадцати пяти квадратныхъ аршинъ.

Если заключенный лишенъ движенія, зато у него есть время! Но зачѣмъ оно въ тюрьмѣ? Не лучше ли здѣсь не знать и его, не чувствовать?

Къ сожалѣнію, этого нельзя. Каждый часъ, каждые полчаса, даже каждыя четверть часа, въ тюрьмѣ, какъ нарочно, подчеркиваются или боемъ часовъ, или смѣною часовыхъ.

Люди прикладываютъ разную мѣрку ко времени; но несчастный узникъ, главнымъ образомъ, измѣряетъ его степенью своего терпѣнія. Онъ не проводитъ время въ тюрьмѣ, онъ терпитъ время, какъ вообще терпятъ или переносятъ что нибудь непріятное, скучное, тяжелое.

Съ такими мыслями я вошелъ въ новое свое заключеніе и уныло сталъ посматривать на отверстіе въ двери, въ которое непрестанно заглядывалъ глазъ часового.

И вотъ тоже удивительнѣйшее сочетаніе! Казалось бы, одиночное заключеніе, ты всегда одинъ, ты страдаешь отъ одиночества, а въ то же время ты никогда не одинъ! Ты ничего не можешь сдѣлать безъ свидѣтеля, ты всегда вдвоемъ съ незнакомымъ для тебя человѣкомъ, ты непрестанно мучишься отъ неотвязчиваго глаза.

Волей-неволей здѣсь приходится вести себя такъ, какъ если бы смотрѣлъ на тебя весь міръ.

На первыхъ порахъ,—сказалъ я себѣ,—вотъ программа: дѣлай здѣсь все такъ, чтобы не пришлось тебѣ ни передъ кѣмъ краснѣть за свои поступки. Когда живешь среди людей, приходится довольно

часто входить въ сдѣлку со своею совѣстью; но здѣсь ты одинъ, а потому отдохни теперь и умомъ, и сердцемъ.

Я сѣлъ на прикрѣпленную къ полу желѣзную скамейку и сталъ прислушиваться къ внѣшнимъ звукамъ. Черезъ окно съ двойными рамами ничего не проникаетъ. Да откуда и прiйти звукамъ, когда передъ тюрьмою высится гигантская стѣна, а за нею—развѣ только «море плещетъ»! Черезъ дверь, время отъ времени, доносится тихiй скрипъ сапоговъ подкрадывающихся часовыхъ.

Но вотъ раздались гулкiе шаги по каменному полу. Должно быть, уходятъ солдаты, которые привели меня сюда. Вотъ зашумѣли засовы. Вотъ тяжело стукнула желѣзная дверь. Ушли. Сразу все стихло. Вотъ она, ужасная гробовая тишина!

Я хотѣлъ подняться, чтобы походить, какъ вдругъ, слышу, раздался осторожный стукъ изъ сосѣдней камеры, а одновременно въ отверстiи двери показался глазъ часового.

Ну, вотъ,—подумалъ я, —сразу и испытанiе! Вводя меня въ камеру, смотритель предупредилъ, что перестукиваться съ сосѣдями безусловно запрещается, и заключенный, пойманный въ перестукиванiи, строго наказывается; а тутъ какъ разъ вызываютъ меня на отвѣтъ. Что дѣлать? Обманывать часового и украдкою отвѣчать сосѣду! Но вѣдь ты только-что рѣшилъ вести себя такъ, чтобы не краснѣть за свои поступки? Неужели унижаться передъ солдатами, нисходя до обмана и притворства?!

Въ прежней тюрьмѣ сначала я перестукивался, но подъ конецъ вынужденъ былъ бросить такой способъ переговариванiя. Помню, это было такъ. Зоветъ меня стукомъ сосѣдъ съ правой стороны и спрашиваетъ мое имя самымъ примитивнымъ способомъ, выражая а—однимъ ударомъ, б—двумя, тридцатую букву въ азбукѣ—тридцатью ударами и т. д. Такой прiемъ можетъ отбить всякую охоту у нервнаго субъекта. Все-таки мы столковались. Оказывается, этотъ молодой человѣкъ не былъ мнѣ знакомъ, но онъ очень интересовался другимъ моимъ сосѣдомъ. И вотъ они сдѣлали меня своимъ посредникомъ для сношенiй между собою. Случалось, что во время переговоровъ вдругъ врывался сторожъ и дѣлалъ грубыя замѣчанiя съ различными угрозами. Чтобы избѣгнуть всего этого, надо было перестукиваться воровскимъ образомъ, крадучись, т. е. выжидать время, когда отойдетъ сторожъ отъ двери, и согнутымъ пальцемъ стучать въ стѣну до новаго его прихода. Но чуть только заслышишь скрипъ подкрадывающихся шаговъ его, быстро отскакиваешь въ сторону и начинаешь ходить изъ угла въ уголъ, дѣлая самое невинное лицо. Эти продѣлки для меня были невыразимымъ нравственнымъ мученiемъ. Но оно еще усугублялось моимъ правымъ сосѣдомъ. Онъ никогда не спрашивалъ меня просто о предметѣ, а всегда съ предварительными словами:

— Будьте добры, спросите, пожалуйста, вашего сосѣда и т. д.

Ждешь, ждешь, когда онъ окончитъ свои вѣжливыя прелюдіи, а онъ, какъ нарочно, выколачиваетъ буквы по двадцати да по тридцати ударовъ:

— Простите меня, пожалуйста, я васъ еще попрошу спросить вашего сосѣда...

Я выходилъ изъ себя отъ нетерпѣнія, а тутъ еще сторожъ со своимъ глазомъ и скрипомъ подкрадывающихся шаговъ!

Правда, другой, лѣвый сосѣдъ, не терзалъ меня длинными фразами, напротивъ, онъ научилъ меня болѣе простому общепринятому способу перестукиванія [1]); но зато онъ имѣлъ удивительную способность каждый день сообщать невѣроятныя ужасающія новости и тѣмъ немало разстраивалъ мои нервы.

Имѣя въ прошломъ такой опытъ, собственно для себя я не хотѣлъ украдкой перестукиваться черезъ стѣнку. Но, можетъ быть, это нужно для моего сосѣда? Быть можетъ, онъ страдаетъ отъ одиночества и жаждетъ услышать хоть два—три слова отъ живого человѣка? Неужели не поддержать страдальца, который, можетъ быть, наканунѣ сумасшествія? Вѣдь, тотъ молодой человѣкъ, терзавшій меня длинными фразами, сошелъ съ ума не дольше, какъ черезъ три недѣли!

На меня нашло тяжелое раздумье. Я не зналъ, какъ мнѣ выйти изъ этого положенія. Препираться и браниться съ часовыми, обманывать ихъ, лгать, притворяться,—это такъ унизительно, это такое бремя для совѣсти! Нѣтъ, я подожду отвѣчать сосѣду: потомъ виднѣе будетъ, насколько я необходимъ ему.

Къ счастью, онъ и не настаивалъ. Скоро я услышалъ его стукъ въ другую камеру.

II.

И вотъ я добровольно обрекъ себя на абсолютное одиночество. Впрочемъ, я надѣялся, что найдутся и здѣсь мои неизмѣнные друзья, умные и талантливые—книги.

— Подожду день, другой,—рѣшилъ я про себя, — и если самъ смотритель не догадается дать мнѣ книгу, то придется попросить его. Ахъ, какъ здѣсь тяжело просить!...

Никогда не забуду, какъ я, будучи еще въ первой тюрьмѣ, нѣсколько дней подъ рядъ просилъ какую нибудь книгу для чтенія. Наконецъ, мнѣ подали съ ехидной улыбочкой крошечное засаленное евангеліе и потомъ долго любовались въ отверстіе двери, какое впечатлѣніе произведетъ на меня эта запачканная книжечка съ вырванными страницами.

---

[1]) Раздѣливъ всю азбуку на четыре строки, надо выстукивать номеръ строки и номеръ буквы въ ней.

Послѣ многихъ попытокъ, я рѣшилъ по возможности ничего не просить, безмолвно терпѣть, выжидать и не жаловаться. Холодно ли, протоптались ли подошвы въ башмакахъ, не хватаетъ ли хлѣба,—я молчалъ. И это, оказалось, самый лучшій способъ обращенія съ грубыми сторожами. Тогда они становились болѣе внимательны, вѣжливы и сами соображали, что мнѣ надо.

Сначала они привязывались ко мнѣ съ малѣйшими пустяками. Увидятъ, напримѣръ, на выбѣленной известью стѣнѣ небольшую черточку, можетъ быть, случайно сдѣланную на ходу ими же самими,—и сейчасъ же оскорбительные допросы и грубыя замѣчанія.

Въ новой тюрьмѣ съ этой стороны оказались другіе порядки. Здѣшній смотритель никогда не выпускалъ ключа изъ своихъ рукъ. Надо ли раздать узникамъ чай, обѣдъ, ужинъ, обойти ли ихъ съ докторомъ, или вывести ихъ на прогулку, въ ванну,—всегда во всѣхъ случаяхъ отворялъ и запиралъ камеры самъ смотритель, а потому сопровождающіе его солдаты постоянно были подъ надзоромъ своего начальника. Это, конечно, стѣсняло ихъ переходить человѣческія границы.

Нѣкоторые изъ заключенныхъ предпочитали другой способъ обращенія съ тюремщиками. Они постоянно входили съ ними въ пререканія, требовали, настаивали и въ то же время оборонялись, защищались всевозможными путями отъ ихъ грубостей и дерзостей. Иногда это приводило ихъ къ крайне прискорбнымъ столкновеніямъ.

Можетъ быть, такой образъ поведенія такъ или иначе разнообразилъ дни заключеннаго, давалъ ему участвовать въ маленькой драмѣ, а слѣдовательно давалъ сознаніе, что онъ еще борется, значитъ, живетъ, еще не умеръ нравственно; но мнѣ лично казалось, что лучше, молча, смотрѣть на всѣ тюремныя мелочи и великодушно переносить ихъ, насколько хватаетъ нравственныхъ и физическихъ силъ. Я предпочиталъ оградить себя, какъ Христосъ, божественнымъ молчаніемъ и невозмутимымъ терпѣніемъ. Правда, сначала было довольно трудно великодушничать съ тюремщиками, но зато впослѣдствіи я пользовался относительнымъ миромъ и спокойствіемъ души.

Весь первый день я проходилъ изъ угла въ уголъ камеры, раздумывая о предѣлахъ нашего мышленія. Удивительно, еще недавно, какая была масса впечатлѣній отъ суда, который продолжался цѣлую недѣлю, отъ свиданія со знакомыми, отъ переѣздовъ изъ одной тюрьмы въ другую,—и все это, какъ ножемъ, отрѣзано. Теперь мнѣ не хотѣлось ихъ вспоминать, и умъ готовъ былъ заняться совершенно отвлеченными предметами.

Полтора года прошло, какъ меня оторвали отъ родныхъ и друзей. Сначала только о нихъ и думалъ, а потомъ какъ будто

они стали для меня погружаться въ какую-то нирвану, какой-то туманъ забвенія мало-по-малу сталъ застилать мою прошлую жизнь... Все болѣе и болѣе освобождаясь отъ воспоминаній, въ это время мой умъ жадно искалъ новыхъ идей. Никогда ни раньше, ни послѣ я не замѣчалъ въ себѣ такой способности къ мышленію, какъ въ тюрьмѣ. Можетъ быть, голова и сердце работали сильнѣе оттого, что здѣсь тѣло было мало занято? Какъ бы то ни было, но я готовъ признать, что въ заключеніи умъ освобождается отъ узъ.

Расхаживая въ раздумьѣ, я и не замѣтилъ, какъ приблизилось время спать. Солдаты быстро вошли въ камеру, открыли замокъ у кровати и отвалили ее отъ стѣны. Тутъ было все необходимое для постели, и я поспѣшилъ улечься.

Мѣшалъ ли сильный свѣтъ лампы, или мои нервы были возбуждены переѣздомъ въ новую тюрьму, или же, наконецъ, на мнѣ оправдалась извѣстная примѣта—не спится на новомъ мѣстѣ,— только я на самомъ дѣлѣ долго не могъ заснуть. Невольно я сталъ слѣдить за часовымъ, какъ онъ подкрадывается къ двери и тихонько заглядываетъ въ мою камеру. Но это мнѣ скоро надоѣло, и я, закрывъ глаза, умышленно, чтобы утомить свой умъ, сталъ вычислять, сколько дней и часовъ прошло съ момента моего ареста. Наконецъ, я сталъ забываться...

— Ааааа!!—вдругъ раздался сильный долгій крикъ, полный ужаса.

У меня волосы стали дыбомъ, и я затрепеталъ, какъ въ лихорадкѣ. Когда крикъ прекратился, наступила подавляющая тишина, даже скрипъ шаговъ затихъ. Очевидно, кого нибудь изъ заключенныхъ давилъ кошмаръ.

Подобные крики мнѣ изрѣдка приходилось слышать и въ первой тюрьмѣ, но тамъ они раздавались не такъ громко, не такъ страшно, какъ здѣсь.

Я плотнѣе завернулся въ одѣяло и долго не могъ успокоиться. Сонъ совершенно отлетѣлъ отъ меня. Раздирающій крикъ все еще стоитъ въ ушахъ и возбуждаетъ въ моемъ представленіи одну картину страшнѣе другой.

Дощечка около глазного отверстія въ двери опять зашмыгала, опять время отъ времени сталъ появляться глазъ часового.

— Какъ это несносно!..

Но вотъ застучали желѣзные запоры входной двери въ тюрьму, послышался громкій стукъ сапоговъ о каменный полъ.

— Должно быть, смѣна часовыхъ! -подумалъ я.

Вдругъ хлопнула дверь отдаленной камеры.

— Что это? Неужели смотритель пришелъ? Зачѣмъ же онъ еще ночью обходитъ?

Я сталъ прислушиваться. Да, это онъ двигается вдоль камеръ, не скрывая своихъ шаговъ. Вотъ подходитъ къ моей двери, от-

крываетъ глазное отверстіе въ ней и заглядываетъ ко мнѣ. Отошелъ. У моего сосѣда открылъ дверную форточку и сдѣлалъ ему замѣчаніе. Да, это голосъ смотрителя.

— Однакоже и служитъ онъ! Цѣлый день на ногахъ, да еще и среди ночи дѣлать обходъ!

Прошло еще около часу прежде, чѣмъ я погрузился въ сонъ, но это былъ не сонъ, а, правильнѣе сказать, длинный рядъ тяжелыхъ сновидѣній, съ частыми просыпаніями.

Кто-то вдали истерично рыдаетъ. Сначала были прорывающіеся негромкіе звуки: очевидно страдалецъ сдерживалъ свой плачъ; потомъ они стали раздаваться все громче и громче, и наконецъ бѣдный человѣкъ не выдержалъ и зарыдалъ во всю силу своей тоски и боли. У меня у самого сердце болѣзненно сжалось, и я готовъ былъ тоже расплакаться.

— Ахъ, какъ тоскливо! Неужели никто не придетъ успокоить несчастнаго страдальца?

Я то приподымаюсь съ постели, какъ бы желая чѣмъ нибудь помочь ему, то безсильно опять валюсь на подушку. Пробовалъ закутаться въ одѣяло съ головою, но и это не мѣшало мнѣ слышать продолжающіяся истерическія рыданія.

Проходитъ еще часъ, другой, а плачъ не только не прекращается, но, мнѣ кажется, еще болѣе усиливается. Эта истерика совершенно женскаго характера.

До которыхъ же поръ это будетъ!

Я долго метался на постели, какъ бы въ агоніи, и только подъ утро затихъ и забылся на короткое время.

III.

Меня разбудилъ стукъ камерныхъ дверей. Разсвѣтало. Лишь только я успѣлъ натянуть на ноги толстые сѣрые штаны да на плечи накинуть такой же халатъ, какъ быстро влетѣли ко мнѣ солдаты, закрыли кровать, положили кусокъ хлѣба на столъ и также быстро исчезли.

Мнѣ, измученному безсонницею и ночными ужасами, было не до ѣды, и я грустно опустился на скамейку. Сегодня нѣтъ у меня вчерашняго настроенія думать объ отвлеченныхъ вопросахъ. Голова болитъ, какъ отъ угара. Хочется снова лечь и заснуть, но кровать на замкѣ.

— Что мнѣ дѣлать?!.

Меня охватила душевная слабость, отчаяніе; я не выдержалъ и, склонившись на руки, заплакалъ.

Чтобы не дѣлать часового свидѣтелемъ моихъ слезъ, мнѣ оставалось только одно—прижаться въ уголъ камеры около двери.

Вдругъ громкій стукъ въ дверь. Этимъ часовой даетъ знать, чтобы я не прятался и былъ все время на виду его.

— Странные люди! — подумалъ я: — они боятся и стерегутъ, какъ бы заключенный не наложилъ на себя рукъ. Но кому нужна его жизнь, когда она вычеркнута изъ списка живыхъ?

Оберегая заключенныхъ отъ попытки къ самоубійству, въ тюрьмѣ не даютъ имъ въ руки ни ножа, ни ножницъ, такъ что ногти на рукахъ и ногахъ стригутъ имъ послѣ бани сами солдаты, а мясо за обѣдомъ приносятъ уже нарѣзаннымъ на куски.

Къ самоубійству у меня не было никакого намѣренія, но отъ естественной смерти я не отказался бы, особенно въ такую минуту, когда часовой не позволяетъ стоять въ углу въ своей камерѣ заключенія.

А онъ, какъ нарочно, все чаще и чаще заглядываетъ ко мнѣ къ моему негодованію. Къ счастью, скоро послышался стукъ камерныхъ дверей.

Значитъ, новый обходъ смотрителя. Съ чѣмъ это?

Дошла и до меня очередь. Входитъ смотритель съ солдатами и съ докторомъ.

— Какъ здоровье? — спрашиваетъ послѣдній.

Я хотѣлъ разсказать о своемъ состояніи, о безсонной ночи, о безпомощныхъ рыданіяхъ заключеннаго, которыя мѣшали мнѣ заснуть, но, взглянувъ на смотрителя и солдатъ, запнулся и коротко выпалилъ:

— Здоровъ!

Докторъ ушелъ.

Я вспомнилъ свою первую ночь въ прежней тюрьмѣ, какъ я измученный на другой день попросилъ доктора, съ виду очень почтеннаго старичка, помочь мнѣ, а онъ мнѣ въ отвѣтъ:

— А вы когда сюда приведены?

— Вчера.

— Вчера! Ну, это понятно. Первое время всегда такъ бываетъ! Погодите, дня черезъ три-четыре поправитесь.

Повернулся и ушелъ. Я тогда же про себя далъ слово никогда къ нему не обращаться.

Пожалуй, и этотъ также утѣшитъ меня тремя днями, а то, чего добраго, и недѣлю положитъ. Ну, ужъ Богъ съ ними!

Лишь только обошелъ докторъ тюрьму, какъ снова захлопали двери камеръ, и послышались шаги солдатъ. Какъ-то неожиданно, минуя сосѣдніе номера, смотритель открылъ мою дверь и предложилъ пойти погулять. Я взялъ сѣрую шапку безъ козырька, съ большимъ чернымъ крестомъ на тульѣ, и съ любопытствомъ вышелъ изъ камеры. Солдатъ впереди, другой позади меня, а самъ смотритель замыкалъ наше шествіе на дворъ. Обогнувъ зданіе тюрьмы, мы пришли къ деревянной вышкѣ съ солдатами. Подъ

нею было нѣсколько смежныхъ дверей. Открыли одну изъ нихъ и впустили меня въ узкую клѣтку, сажени три-четыре длиною. Кругомъ досчатый высокій заборъ, подъ ногами голый песокъ, а вверху сѣрое пасмурное небо да вышка съ солдатами.

Черезъ нѣкоторое время ввели еще узника въ сосѣднюю клѣтку, потомъ еще и еще. Всѣ мы, раздѣленные непроницаемыми заборами, безмолвно стали ходить изъ одного конца въ другой. Подъ ногами ни травинки. Я наклонился и поднялъ бѣленькій камешекъ меньше горошинки. Вдругъ врывается въ мое отдѣленіе солдатъ и грубо требуетъ отъ меня то, что я поднялъ. Я подалъ. Онъ разочарованно взглянулъ на камешекъ и бросилъ его.

— Ничего нельзя, — строго замѣтилъ онъ мнѣ, — ни подымать, ни брать въ руки!

Нельзя сказать, чтобы при этихъ условіяхъ была веселая прогулка! Но недолго продолжалось это удовольствіе. Не прошло пятнадцати минутъ, какъ смотритель повелъ меня подъ охраною двухъ солдатъ опять въ тюрьму.

Боже мой! Что за убійственный запахъ въ камерѣ, когда придешь со свѣжаго воздуха! Неужели можно жить въ такой ужасной атмосферѣ?!

Въ отвѣтъ раздался только стукъ запирающейся двери.

Скучно. Пусто. Тяжело и нравственно и физически...

— Какое бездѣльное существованіе! Ахъ! дайте въ свѣтѣ подышать: еще мнѣ рано умирать, — вспомнилъ я «Узника» Жуковскаго.

Походивъ немного изъ угла въ уголъ камеры, я сѣлъ на скамейку, положилъ руки на столъ, а на нихъ голову. Такъ я просидѣлъ до времени обѣда, которое обозначилось похлопываніемъ дверныхъ дощечекъ. Когда смотритель подошелъ къ моей форточкѣ и открылъ ее ключемъ, она тяжело со стукомъ отвалилась назадъ, изображая собою маленькій столъ около семи вершковъ длины и пяти ширины. На нее поставили оловянную чашку со щами, покрытую тарелкою съ кашей. Я беру все это въ руки и переношу на свой желѣзный столъ. Любителямъ горячаго надо быстро ѣсть тюремный обѣдъ: металлическая посуда и желѣзный столъ быстро охлаждаютъ пищу. А ужъ кашу приходится ѣсть чуть тепленькою.

Въ началѣ своего пребыванія въ первой тюрьмѣ я много занимался пищей. Разбираешь, бывало, составъ ея, смакуешь, комбинируешь ее, много разсуждаешь о ея приготовленіи, мечтаешь о болѣе вкусныхъ вещахъ. Каждый день ждешь обѣда съ особеннымъ интересомъ. И не я одинъ увлекался столомъ въ тюрьмѣ. По разспросамъ другихъ, побывавшихъ въ одиночномъ заключеніи, я узналъ, что это общее правило для всѣхъ новичковъ заключенныхъ. Потомъ ужъ, черезъ годъ, ѣшь машинально, безсознательно. Да и то надо сказать: не велики разносолы подаются, чтобы раз-

бираться въ нихъ съ особеннымъ усердіемъ. Помню, въ первый день моего ареста я не обѣдалъ. Вечеромъ за ужиномъ подаютъ мнѣ чашку буквально пустыхъ щей. Я попробовалъ ихъ и заплакалъ. Мнѣ вспомнилось тогда пророческое замѣчаніе дежурнаго штабъ-офицера въ корпусѣ, когда мы кадетами перебрасывались за столомъ хлѣбными шариками.

— Господа,—говорилъ онъ, - относитесь внимательнѣе къ пищѣ, особенно къ хлѣбу. Богъ знаетъ, не придется ли вамъ испытать такое положеніе, когда вы оцѣните все значеніе куска хлѣба...

Къ моему удивленію, я скоро привыкъ и къ кашѣ и къ щамъ. А черный хлѣбъ по утрамъ казался мнѣ несравненно вкуснѣе сахарныхъ булочекъ, которыя я кушалъ когда-то на свободѣ. Мнѣ надо было проявлять особенное усиліе надъ собою, чтобы не сразу съѣсть всю дневную порцію хлѣба, фунта въ полтора, и оставить хоть немного на обѣдъ. Какъ все относительно на свѣтѣ! Въ тюрьмѣ это лучше всего познается.

Покончилъ съ обѣдомъ - значитъ, прожилъ половину дня. Надо прожить, провести еще другую половину!

Головная боль чуть-чуть унялась, но общее состояніе тягостное. Ничего не хочется ни дѣлать, ни думать. И смотрѣть не на что.

— Можетъ быть, почиталъ бы, если бы была сейчасъ книга. Надо попросить сегодня смотрителя. Самъ онъ, какъ видно, не догадается.

Оказалось, я былъ неправъ. Часа черезъ три послѣ обѣда смотритель открываетъ мою дверную форточку и подаетъ книгу: «Иллюстрированная исторія искусства» Любке. Въ данный моментъ я и ей обрадовался. Какъ бы желая подавить меня своимъ вниманіемъ, смотритель еще принесъ мнѣ «Библію» гражданской печати и маленькій молитвенникъ съ мѣсяцесловомъ.

Экое сразу богатство! Тутъ вѣдь все оцѣнишь.

Отъ радости я забылъ и про головную боль, и часового съ его недремлющимъ окомъ, и, кажется, самую тюрьму.

IV.

Потянулись тоскливые осенніе дни, потомъ зимніе... Монотонная жизнь въ четырехъ стѣнахъ разнообразилась только изрѣдка подаваемыми книгами изъ тюремной библіотеки. Но и здѣсь онѣ скоро дѣлались недоступными, потому что камера до нѣкоторой степени была темницею. Небольшое окно съ матовыми стеклами, въ разстояніи двухъ саженъ отъ стола, не могло давать много свѣту.

Уже черезъ два-три мѣсяца тюремнаго сидѣнія у меня при чтеніи книгъ глаза стали застилаться темными пятнами. И если я про-

должалъ напрягать свое зрѣніе, то появлялись никогда невидѣнныя мною раньше золотыя искры въ глазахъ.

Не имѣть возможности прочитать въ одиночной камерѣ книгу, когда она раскрытая лежитъ на столѣ,— это настоящія муки Тантала! Буквально, «духовной жаждою томимъ», я мысленно молилъ небо о ниспосланіи всеисцѣляющаго свѣта. Небо, должно быть, вняло мнѣ, потому что меня осѣнила мысль—лѣчить глаза ваннами. Ежедневно утромъ и вечеромъ я наливалъ въ умывальную чашу холодной воды и, закрывъ глаза, погружалъ въ нее все лицо до ушей минутъ на пятнадцать, на двадцать. Результатъ получился неожиданный. Я настолько укрѣпилъ свои глаза, что могъ читать въ полусвѣтлой камерѣ самую мелкую печать.

Забота о физическомъ здоровьѣ пошла дальше. Я положилъ себѣ за непремѣнное правило: передъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ, прежде чѣмъ сѣсть за столъ, обязательно продѣлать домашнюю гимнастику. Я махалъ въ разныя стороны руками и ногами, изгибался корпусомъ, качался, присѣдалъ, прыгалъ и даже бѣгалъ изъ угла въ уголъ съ подобраннымъ халатомъ. Видѣть въ это время со стороны мою согнутую фигуру въ арестантскомъ костюмѣ, я думаю, было и жалко и смѣшно.

Съ теченіемъ времени въ тюрьмѣ невольно становишься вялымъ, медленнымъ. Этому способствуетъ незначительность имѣющагося пространства и отсутствіе побуждающей причины торопиться. Напротивъ, является естественное желаніе продлить свои дѣла, чтобы скоротать время, не замѣчать его.

Для своего оживленія я придумалъ ежедневно по утрамъ мыть каменный полъ своей камеры. Но какъ? Лишь только послышатся первые звуки отпираемыхъ дверей, я хватаю тряпку (намъ онѣ выдавались для поддержанія чистоты въ камерѣ) и стремительно начинаю мыть полъ, чтобы въ короткій промежутокъ времени до прихода смотрителя успѣть съ нимъ покончить. Отъ такой работы пульсъ усиленно бился, и я чувствовалъ въ себѣ хоть нѣкоторое возбужденіе.

Заключенные постоянно жаловались на отсутствіе какой либо физической работы на свѣжемъ воздухѣ. Послѣ ряда просьбъ какъ нибудь занять насъ намъ насыпали въ каждую клѣтку для прогулки по кучѣ песку, предоставляя перебрасывать ее деревянной лопатой съ одного мѣста на другое. Сначала я энергично принялся за переливаніе изъ пустого въ порожнее, но потомъ эта безплодная работа, въ родѣ камня Сизифа, мнѣ надоѣла, и я сталъ заниматься болѣе осмысленнымъ изображеніемъ изъ песку рельефныхъ картъ знакомыхъ мѣстностей. Но это ужъ сводилось на дѣтскую игру «въ коровайчики» и не давало настоящаго физическаго труда.

Несмотря на мою заботу о поддержаніи здоровья, все-таки я былъ страшно слабъ и сильно отощалъ. Когда мнѣ разрѣшили дать

въ камеру аспидную доску, и я, окативъ ее водою, взглянулъ въ нее, какъ въ зеркало, то моимъ глазамъ представилось страшно исхудалое лицо сѣраго цвѣта безъ кровинки. Но это и понятно Развѣ можно сохранить здоровый цвѣтъ лица, живя нѣсколько лѣтъ подъ рядъ въ ...«уборной»! Иначе и нельзя назвать этотъ казематъ, гдѣ цѣлыя сутки стоитъ грязное желѣзное ведро въ простомъ деревянномъ ящикѣ и портитъ безъ того спертый воздухъ! Впрочемъ, такъ было въ первой тюрьмѣ, а въ этой, какъ недавно построенной, употреблена была болѣе культурная система этихъ ящиковъ. Во всякомъ случаѣ имъ не мѣсто быть въ жилыхъ комнатахъ.

Миска со щами—это самая большая тяжесть, которую приходилось приподымать за цѣлыя сутки, а потому отъ неупражненія всѣ мускулы замѣтно ослабли.

На первомъ свиданіи съ родными, послѣ трехлѣтняго молчанія въ тюрьмѣ, у меня заныли связки челюстей отъ непродолжительнаго разговора. Слухъ также ослабѣлъ отъ неупражненія. Съ первыхъ же фразъ родные замѣтили, что я плохо слышу. Мнѣ надо было дѣлать большое напряженіе, чтобы разобрать слова находящихся въ той же комнатѣ. А способность къ пѣнію у меня возвратилась не раньше, какъ черезъ полгода по выходѣ изъ тюрьмы.

Какъ-то пробовалъ я въ камерѣ читать книгу вполголоса. Сейчасъ же открылась дверь, и мнѣ сдѣлали внушеніе, зачѣмъ я читаю вслухъ.

— Но вѣдь я читалъ про себя вполголоса...

— Все равно нельзя: слышно!

Я не избѣгъ, конечно, присущихъ всѣмъ заключеннымъ явленій нервнаго разстройства и малокровія. Были такіе періоды, когда я не могъ просидѣть пяти минутъ, чтобы не вскочить и не растирать онѣмѣвшей ноги. Даже на постели я долженъ былъ непрестанно переворачиваться съ боку на бокъ, потому что онѣмѣніе распространялось не только на руку или на ногу, но на всю половину тѣла.

Вѣроятно, у меня сильно ослабла сердечная дѣятельность. Помимо этого, какихъ либо явныхъ острыхъ болѣзней я не замѣчалъ у себя; но зато явился страшный недугъ, отъ котораго я не могъ избавиться не только во все время пребыванія въ тюрьмѣ, но и долго потомъ. Это—кошмары. Каждую ночь, въ самый моментъ засыпанія, я чувствовалъ, что вдругъ кто-то на меня накидывается и сразу парализуетъ все мое тѣло: я не могу двинуть ни рукой, ни ногой. Хотя у меня моментально возвращалось сознаніе, тѣмъ не менѣе я не могъ проснуться, открыть глаза и лежалъ, какъ связанный. Послѣ отчаянной борьбы, послѣ чрезвычайныхъ усилій, я, наконецъ, овладѣвалъ собою, и просыпался страшно напуганный съ тяжелымъ дыханіемъ. Въ это время сердце долго и сильно тре-

петало (въ обыкновенное время у меня не было біенія сердца, и вообще потомъ, послѣ тюрьмы, врачи всегда находили, что у меня сердце въ порядкѣ). Замѣчательно, послѣ такой борьбы съ кошмаромъ, черезъ полчаса, много черезъ часъ, я засыпалъ сравнительно спокойно.

Эти кошмары были для меня чѣмъ-то роковымъ. Хочется спать. Я приготовлю постель, раздѣнусь, но ложиться боюсь: вотъ-вотъ сейчасъ начнется кошмаръ! Въ этомъ ожиданіи я частенько сидѣлъ на кровати и безсильно плакалъ.

Иной разъ случалось, что, какъ только чувствовалъ приступъ кошмара, я сразу просыпался и успѣвалъ овладѣть собою; но это не спасало меня отъ второго приступа. Такимъ образомъ, до конца пребыванія въ одиночномъ заключеніи, я почти никогда не засыпалъ спокойно, прежде чѣмъ не помучусь основательно въ кошмарѣ.

Ничто такъ не удручало меня въ тюрьмѣ, какъ эта безуспѣшная борьба съ кошмарами, и, вѣроятно, она положила свою печать угнетенія на мое лицо. Но я никогда не кричалъ, какъ тотъ бѣдный заключенный, который такъ сильно напугалъ меня въ первую ночь. Его тоже довольно таки часто давилъ кошмаръ; и сколько я ни прожилъ въ тюрьмѣ, никогда не могъ привыкнуть къ его ужасному, душу раздирающему крику.

Вѣроятно, мы страдали, отъ недостатка свѣжаго воздуха. Въ зимнее время форточки всегда были закрыты. Если и открывались въ наше отсутствіе во время прогулокъ, то минутъ на десять, пятнадцать—не больше.

V.

Незадолго передъ моимъ арестомъ мнѣ случилось въ разговорѣ съ однимъ докторомъ медицины коснуться вопроса объ одиночномъ заключеніи. Онъ тогда очень категорически замѣтилъ, что человѣкъ черезъ три мѣсяца одиночнаго заключенія обязательно сходитъ съ ума.

Это не совсѣмъ вѣрно. Хотя я зналъ заключенныхъ, которые и раньше трехъ мѣсяцевъ въ тюрьмѣ сходили съ ума, но еще больше видѣлъ людей, сидѣвшихъ въ одиночномъ заключеніи по пяти, по десяти лѣтъ и, славу Богу, сохранившихъ свой здравый умъ, какимъ они отличались и раньше.

Во всякомъ случаѣ слова доктора заронили въ мою душу боязнь тронуться разсудкомъ. Я рѣшилъ бороться съ этимъ угрожающимъ зломъ и съ первыхъ же дней пребыванія въ тюрьмѣ старался дисциплинировать свой умъ, занять его какою нибудь опредѣленною работой, лишь бы онъ не оставался празднымъ. Съ этою цѣлью я мысленно читалъ воображаемымъ слушателямъ лекціи по своимъ любимымъ предметамъ, по математикѣ, физикѣ

и астрономіи, сочинялъ стихи, дѣлалъ французскіе и англійскіе переводы, занимался классическими языками и др.

Занятіе греческимъ языкомъ въ тюрьмѣ безъ книгъ, безъ учителя, зная только нѣсколько греческихъ словъ, принятыхъ въ русскомъ языкѣ, покажется нѣсколько курьезнымъ. На самомъ же же дѣлѣ, это было здѣсь одно изъ пріятнѣйшихъ моихъ упражненій, возбудившее во мнѣ любовь къ филологическимъ изысканіямъ.

Я бралъ какое нибудь сложное греческое слово съ извѣстнымъ мнѣ значеніемъ, напримѣръ, эпитрахиль, и старался подыскать ему буквальный переводъ.

— Что такое въ немъ эпи?—задавалъ я себѣ вопросъ.—Я знаю эпиграфъ, эпитафія, епископъ. Изъ этого ряда словъ я дѣлаю заключеніе, что эпи—значитъ на. Далѣе, что значитъ трахиль? Въ моей памяти было одно знакомое слово съ подходящимъ корнемъ: трахеотомія—разсѣченіе горла. Теперь понятно! Эпитрахиль—то, что священникъ надѣваетъ на шею. Одно слово разобралъ, но на смѣну ему является сейчасъ же другое слово: трахеотомія. Я знаю томъ книги, а-томъ—недѣлимый. Ага! корень том означаетъ дѣлить, разсѣкать.

Подобнымъ образомъ, медленно расхаживая изъ угла въ уголъ своей камеры, я перебралъ всѣ извѣстныя мнѣ греческія слова. Но особенно благодарную пищу въ этомъ смыслѣ мнѣ дали собственныя имена. Ключемъ къ нимъ послужило слово ев-ангеліе благовѣстіе. Благодаря ему, быстро раскрывались тайны Евгенія, Евграфа, Евсевія, Евдокима и множества другихъ греческихъ именъ.

Впослѣдствіи, когда разрѣшили мнѣ въ тюрьмѣ пользоваться книгами и предоставили къ моимъ услугамъ цѣлую охапку классиковъ, я съ страстнымъ увлеченіемъ ухватился за греческую грамматику и жадно поглощалъ страницу за страницей.

Иной разъ откроется дверь, и смотритель пригласитъ итти на прогулку короткимъ возгласомъ:

— Гулять!

— Ахъ, некогда мнѣ!—озабоченно отвѣтишь ему, и потомъ, замѣтивъ улыбку на лицѣ смотрителя, самъ разсмѣешься. Въ тюрьмѣ, и некогда!

Я тогда думалъ о своихъ младшихъ братьяхъ, гимназистахъ: какъ бы вы поражены были моимъ вниманіемъ къ разнымъ аористамъ, анаколутіямъ, метатезисамъ и пролепсисамъ! Да, могу сказать: ни одинъ гимназистъ не раскрывалъ греческой книги съ такимъ удовольствіемъ, какъ я въ тюрьмѣ. Удивительно, здѣсь иногда получаешь необъяснимое блаженство, неподдѣльную дѣтскую радость отъ такихъ предметовъ, которые въ другомъ мѣстѣ вызвали бы скуку и нетерпѣніе. Напримѣръ, у меня одно время была изъ тюремной библіотеки алгебра Бертрана. Я выбиралъ изъ нея самыя трудныя, самыя сложныя задачи, и когда мнѣ удавалось сразу вѣрно рѣшить ихъ, я приходилъ въ такой непомѣрный восторгъ, что съ

неподдѣльнымъ чувствомъ наивно восклицалъ: «Есть ли математика въ царствѣ небесномъ?!»

Однако, — думалъ я,—сколько умственнаго труда и энергіи безполезно тратится въ одиночномъ заключеніи! Отчего бы не дать намъ переводить книги для печати? Отчего бы не занять насъ какими нибудь дѣльными статистическими или астрономическими вычисленіями? Вообще, отчего бы не воспользоваться трудами и способностями заключенныхъ? Вѣдь большая разница: заниматься для препровожденія времени или съ сознаніемъ, что твой трудъ не пропадетъ, а поступитъ для общаго блага. Наконецъ, кромѣ утилизаціи нашего труда, надо имѣть въ виду и развитіе нашихъ талантовъ. Говорятъ, время лучшій геній. Я увѣренъ, что дай каждому заключенному, по его желанію, музыкальный инструментъ, краски, глину, перо, и среди нихъ выработались бы прекрасные музыканты, художники, скульпторы, писатели. А вѣдь при одной аспидной доскѣ далеко не уйдешь! Что бы хорошаго ни придумалъ, какія бы удивительныя изысканія ни записалъ,—завтра надо стирать все это и готовить мѣсто для новыхъ сочиненій и вычисленій. И вотъ работа многихъ дней канула въ Лету!

Раньше, до тюрьмы, хотя и приходилось мнѣ заниматься и съ дѣтьми, и съ взрослыми, но это не было моей спеціальностью. Здѣсь же, въ одиночномъ заключеніи, рѣдкій день, чтобы я не прочиталъ мысленно лекціи воображаемымъ слушателямъ. Въ своемъ стараніи передать избранный предметъ четыремъ стѣнамъ камеры, какъ можно яснѣе и полнѣе, я находилъ пользу и для себя самого. Развивая заданную тему, всегда я натыкался на какіе нибудь новые для себя вопросы и приходилъ къ неожиданнымъ выводамъ.

Но, питая такимъ образомъ свой умъ, я не оставлялъ безъ пищи и чувство. Чуть слышно для себя, больше въ воображеніи, я запѣвалъ аріи изъ какой либо знакомой оперы, одновременно рисуя въ своемъ представленіи соотвѣтствующія сцены. Эти воображаемыя оперы сильно меня увлекали, а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напримѣръ, «Гугеноты», нерѣдко доводили и до слезъ.

Но читалъ ли я лекціи, или мысленно пѣлъ свои любимыя аріи, я всегда, какъ маятникъ, переходилъ изъ одного угла въ другой, ускоряя или умѣряя свой шагъ, сообразно настроенію. Это движеніе служило ритмомъ для моего пѣнія и рѣчи. Но если находило на меня глубокое раздумье, я буквально застывалъ на мѣстѣ, боясь шевельнуться, боясь спугнуть свои мысли, которыя лились непрерывнымъ потокомъ. Глаза въ это время, хотя и обращены были въ стѣну камеры, но смотрѣли въ пространство.

Я любилъ эти раздумья. Они находили на меня по вечерамъ передъ сномъ. Потомъ, когда у меня появились письменныя принадлежности, я старался сейчасъ же занести краткій конспектъ моихъ думъ на бумагу.

VI.

Время отъ времени, нашу тюрьму посѣщали разныя начальствующія лица. Почти послѣ каждаго прихода, въ нашихъ камерахъ появлялось что нибудь новое: то тряпки для уборки камеры, то горячая вода для мытья посуды, то блюдца для мыла, то аспидныя доски, то песокъ въ загородкахъ для прогулокъ и др. Очевидно, всѣ эти новинки были вызваны просьбами заключенныхъ.

Пробовалъ и я обращаться къ генераламъ со своими просьбами, но онѣ рѣдко исполнялись. Напримѣръ, просилъ, чтобы мнѣ разрѣшили переписку съ родными. Нельзя! Просилъ позволенія ходить въ мѣстную церковь. Нельзя, потому что церковь находится внѣ тюремной ограды.

Одинъ генералъ спрашивалъ меня о пищѣ. Не желая жаловаться или просить, я уклончиво замѣтилъ:

— Лично я ничего не имѣю противъ нея: она приготовляется изъ свѣжихъ продуктовъ.

— Но мнѣ хотѣлось бы знать,—настаивалъ генералъ,—какова она на вкусъ? Ну, какъ бы это сказать?.. Ѣстся ли?

— Да, ѣмъ по привычкѣ.

Сначала я пожалѣлъ, отчего не сказалъ, что подаваемая пища довольно тяжела и груба для насъ при такой малоподвижной жизни. Но потомъ пришелъ къ такому заключенію. Стоитъ ли просить о перемѣнѣ пищи? Не лучше ли дать намъ побольше случаевъ для движенія, т. е. побольше гулять, гимнастику, огородъ и вообще всякую физическую работу на чистомъ воздухѣ? Въ этомъ случаѣ я сравнивалъ свою тюрьму съ невольничьимъ кораблемъ извѣстнаго стихотворенія Гейне. Намъ тоже нужно переплыть большое пространство времени въ своихъ душныхъ казематахъ, а потому намъ тоже надо бы придумать какую нибудь пляску подъ музыку...

Мнѣ всегда раньше казалось, что войти въ комнату заключенныхъ какъ-то неловко, стыдно. Совѣстно за человѣка! Но вотъ теперь я самъ заключенный, и мнѣ стало стыдно встрѣчать входящихъ. Неловко было не за себя, а за нихъ. По своей чуткости и быстрой воспріимчивости, я мысленно входилъ въ положеніе посѣтителя и краснѣлъ за него, раздѣляя воображаемое мною его смущеніе.

Во всякомъ случаѣ начальствующія лица были до нѣкоторой степени пріятными гостями. Они вносили въ нашу однообразную жизнь хотя какое нибудь оживленіе; кромѣ того, напоминали о внѣшнемъ мірѣ, о возможности вернуться къ нему. Вѣдь самая сладкая мысль въ тюрьмѣ—это возвратиться домой. О, если бы можно было, какъ въ сказкѣ, обернуться голубемъ и хотя нѣ-

сколько минутъ побывать на родимой сторонѣ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается!

Замѣчательно, когда вспоминаешь прошлое, то сильнѣе всего жалѣешь о томъ, что не проявилъ своей любви къ ближнему тамъ, гдѣ могъ бы это сдѣлать. Сидя въ тюрьмѣ, страстно хочется загладить свои промахи именно въ этомъ смыслѣ. Временами прямо болѣешь платоническою любовью. Мнѣ кажется, въ Дантовскомъ аду на первомъ мѣстѣ надо поставить вотъ эти муки о пропущенной любви. Черезъ три года отчужденія отъ людей, въ сердцѣ не ощущаешь ни малѣйшей тѣни злобы къ нимъ. Они на извѣстномъ пространствѣ времени кажутся свѣтлыми ангелами. Такъ бы вотъ и заключилъ въ свои объятія весь міръ!

Въ этой непостижимой заочной любви къ людямъ я находилъ для себя источникъ утѣшенія.

— Если ты,—говорилъ я себѣ,—страдаешь и терпишь всевозможныя лишенія, то вѣдь и всѣ люди такъ или иначе страдаютъ. А потому подожди жаловаться на судьбу свою, подожди, когда другіе вытрутъ свои слезы.

И мнѣ казалось подъ впечатлѣніемъ этихъ думъ: чтобы помочь мнѣ,—надо помочь всему міру. Тогда только я утѣшусь.

Не потому ли въ тюрьмѣ такъ интенсивна любовь къ людямъ, что здѣсь ей не на комъ разрядиться, нѣтъ объекта любви? Съ солдатами-сторожами не смѣешь слова сказать, да и здѣсь они превратились въ нашихъ глазахъ въ какихъ-то бездушныхъ, нѣмыхъ машинъ, а со смотрителемъ едва перекинешься двумя-тремя короткими фразами за цѣлую недѣлю.

Впрочемъ, приходилъ ко мнѣ рѣдкій, но дорогой гость—священникъ здѣшней церкви. Его умная и сердечная бесѣда всегда успокоительно дѣйствовала на мою душу. Къ сожалѣнію, эти свиданія продолжались очень короткое время и при томъ въ присутствіи тѣхъ же нѣмыхъ свидѣтелей—солдатъ.

Подъ конецъ моего пребыванія въ тюрьмѣ судьба надо мною смилостивилась и неожиданно послала мнѣ друга.

Однажды, лѣтомъ, смотритель объявляетъ мнѣ, что я буду гулять вдвоемъ. Меня охватила невыразимая радость, но одновременно почувствовалъ и нѣкоторое смущеніе. Мнѣ казалось, что я уже отвыкъ отъ людей.

То лѣто обильно было водяными крылатками (sialis lutaria). Ими усыпанъ былъ весь тюремный дворъ, а красныя кирпичныя стѣны зданій казались отъ буроватыхъ крыльевъ этихъ насѣкомыхъ сѣрыми. Ихъ несмѣтное множество напоминало массы пролетной саранчи на югѣ. Но ожидаемое свиданіе отодвинуло это любопытное явленіе на второй планъ. Съ кѣмъ мнѣ придется увидѣться,—я еще не зналъ. Меня ввели въ загородку первымъ. Черезъ три-четыре минуту, слышу, ведутъ другого. Отворяется дверь,

и входитъ бѣлокурый человѣкъ въ такомъ же арестантскомъ костюмѣ, какъ и я. Но, Боже мой, что за видъ у него! Блѣдный, худой, съ болѣзненными тусклыми глазами; сѣрый халатъ повисъ складками, какъ на вѣшалкѣ; изъ башмаковъ выбились подвертки... Онъ не шагалъ, подымая ноги, а передвигалъ и волочилъ ихъ, какъ старикъ.

Пройдя два шага, онъ останавливается и смотритъ себѣ подъ ноги, какъ бы выбирая мѣсто, куда стать, чтобы не раздавить крылатокъ.

Я гляжу на него и поражаюсь. Можно ли заниматься въ этотъ моментъ насѣкомыми, когда передъ тобой стоитъ товарищъ по заключенію?! Или онъ тоже смущенъ предстоящимъ свиданіемъ и неловко скрываетъ свое смущеніе заботою о букашкахъ?!

— Не знаешь, куда и ступить: всюду давишь ихъ,— были первыя его слова.

— Не безпокойтесь,—замѣтилъ я ему въ отвѣтъ,—этотъ родъ животныхъ выдержитъ борьбу за существованіе дольше другихъ. Они посильнѣе въ этомъ случаѣ и медвѣдей.

— Какъ это такъ?

— Они защищены своею многочисленностью. Когда перебьютъ всѣхъ медвѣдей на земномъ шарѣ, эти крылатки навѣрно еще долго будутъ существовать. Но позвольте, что же это мы, не познакомившись, заговорили о какихъ-то букашкахъ.

Мы сказали другъ другу свои фамиліи. Во все время нашихъ первыхъ переговоровъ дверь была открыта, и солдаты вмѣстѣ съ смотрителемъ съ видимымъ любопытствомъ смотрѣли на наше свиданіе.

Когда они ушли, Николай,—такъ звали моего новаго товарища,— спрашиваетъ меня:

— Вы давно въ одиночномъ заключеніи?

— Три года.

Онъ недовѣрчиво заглянулъ мнѣ въ глаза и сталъ разспрашивать о моихъ занятіяхъ. Потомъ, когда черезъ десять минутъ оживленнаго разговора мы стали друзьями, онъ откровенно признался:

— А знаете ли, я вѣдь васъ заподозрѣлъ, когда вы сказали мнѣ, что сидѣли три года?

— Почему же?

— Да у васъ блестятъ глаза, какъ будто вы вчера пріѣхали изъ деревни. Я вотъ совсѣмъ ослабѣлъ глазами, теперь и читать не могу.

Я объяснилъ ему, что прежде я тоже не могъ читать, но потомъ, ежедневно дѣлая холодныя ванны для глазъ, снова укрѣпилъ ихъ.

Мы видѣлись во время прогулокъ два раза въ недѣлю. Каждый изъ насъ приходилъ на свиданіе съ кучею всевозможныхъ во-

просовъ, но предложить ихъ одинъ другому на разрѣшеніе никогда не успѣвали. Тогда мы придумали такую систему: какъ только встрѣчаемся въ загородкѣ, прежде всего выкладываемъ другъ другу всѣ наши заранѣе приготовленные вопросы. Иные сейчасъ же разрѣшались, а которые требовали болѣе обдуманнаго отвѣта, оставлялись до слѣдующаго свиданія. И о чемъ только не переговорили въ эти немногія минуты! Къ моему счастью, я встрѣтилъ въ Николаѣ тоже любителя математики и астрономіи. Эти науки онъ изучалъ въ Швейцарскомъ университетѣ. Въ тюрьмѣ у него явилась идея—ирраціональныя числа сдѣлать раціональными. Онъ говорилъ, что всѣ неразрѣшимыя въ опредѣленныхъ числахъ задачи легко и точно разрѣшаются, если мы возьмемъ за единицу счисленія не нашу обыкновенную единицу одного измѣренія, а единицу въ кубѣ, т. е. единицу трехъ измѣреній. И вотъ здѣсь, «на свободѣ», какъ совершенно серьезно выражался одинъ заключенный, Николай занялся безконечными вычисленіями.

Къ сожалѣнію, онъ настолько ослабъ глазами, что временами совершенно не могъ ни читать, ни писать. Иногда онъ выносилъ книгу на прогулку и просилъ меня прочитать ему наиболѣе заинтересовавшія его страницы. А вѣдь былъ когда-то красивый, здоровый, краснощекій юноша!

Будучи наслѣдникомъ большого имѣнія, Николай мечталъ по выходѣ изъ тюрьмы завести школу и отдать всѣ свои богатства, силы и способности дѣтямъ.

Въ одиночномъ заключеніи мы всѣ мечтали о выходѣ изъ тюрьмы, даже посаженные на долгіе сроки, и строили различные планы будущей жизни. И сколько я замѣтилъ, почти у всѣхъ было мирное идиллическое настроеніе, у всѣхъ тяготѣніе къ природѣ.

VII.

Съ тѣхъ поръ, какъ разрѣшили прогулку вдвоемъ, къ перестукиванію заключенныхъ стали относиться значительно слабѣе. Николай тоже перестукивался, и, благодаря ему, я узналъ много ужасныхъ подробностей жизни тюрьмы. Его разсказъ былъ грустная эпопея медленнаго умиранія заключенныхъ въ каменныхъ гробахъ. Иные не выдержали этого состоянія и сошли съ ума; другіе не хотѣли дожидаться естественной смерти и поспѣшили такъ или иначе развязаться съ тяжелою жизнью. «Свободой сталъ имъ смертный часъ».

При этихъ разсказахъ Николая о нашихъ соузникахъ, я уже не смѣлъ жаловаться на свое положеніе, какъ оно ни казалось мнѣ невыносимымъ. Я тогда скрылъ отъ него и свою тоску, и слёзы, и нравственныя муки, и старался показаться ему бодрымъ,

здоровымъ, живымъ, чтобы тѣмъ самымъ внушить и ему бодрость духа; но теперь, вспоминая всѣ ужасы тюрьмы, я говорю всякому сторstriking стороннику одиночнаго заключенія: о, если бы ты провелъ только однѣ сутки въ одиночной камерѣ, при опасеніи, что, можетъ быть, тебѣ придется и умереть въ ней! Впрочемъ, то, что я испыталъ, было порядочно давно. Можетъ быть, теперь нѣтъ ничего подобнаго въ современныхъ тюрьмахъ.

Сколько я могъ замѣтить, всѣ здоровяки, прежде жившіе въ деревнѣ среди луговъ и лѣсовъ, быстро хирѣли и умирали въ тюрьмѣ. Напротивъ, городскіе жители, съ малолѣтства приспособившіе свой организмъ къ испорченному воздуху нашихъ гигантскихъ кирпичныхъ домовъ, дольше выдерживали одиночное заключеніе. Не потому ли и я, какъ выросшій въ столицѣ, перенесъ четыре года въ душномъ каменномъ сундукѣ и живъ остался?!

Добившись одного, хочется получить и другое. У заключенныхъ явилось желаніе гулять попарно не съ однимъ и тѣмъ же товарищемъ, а со всѣми поочередно.

Для переговоровъ съ начальствомъ выбрали меня съ Николаемъ, и я немедленно обратился къ смотрителю:

— Нельзя ли мнѣ гулять поочередно со всѣми заключенными, а не съ однимъ Николаемъ все время?

Смотритель обѣщался доложить мою просьбу начальству.

Въ слѣдующую прогулку ко мнѣ приводятъ другого товарища. Низенькій, коренастый брюнетъ, съ рѣзкими чертами лица, и не въ халатѣ, а въ какой-то странной курточкѣ изъ грубаго сѣраго сукна. Онъ оказался экспансивнѣе Николая, и самъ первый бросился мнѣ на шею и сталъ крѣпко цѣловать, хотя мы не были знакомы. Раньше онъ былъ въ Сибири, убѣжалъ оттуда, былъ пойманъ на китайской границѣ и теперь посаженъ въ одиночное заключеніе. Оказалось, это онъ, съ виду удивительный крѣпышъ геркулесовскаго сложенія, каждую ночь кричитъ раздирающимъ голосомъ отъ страшныхъ кошмаровъ. Въ тюрьмѣ онъ сидитъ около года и мечтаетъ только объ одномъ: хорошо бы завести въ Малороссіи хуторокъ, при этомъ жениться на хохлушкѣ и коротать свой вѣкъ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ. На эту тему онъ слагалъ безконечные стихи, гдѣ непремѣнно фигурировали чернобривыя дивчыны, тѣнистыя левады, кавуны на баштанахъ и тому подобное въ хохлацкомъ жанрѣ, хотя онъ самъ по происхожденію черногорецъ.

Замѣчательно, въ тюрьмѣ рѣдко кто не сочиняетъ стиховъ. Говорятъ, въ клѣткѣ птицы лучше поютъ, чѣмъ на свободѣ. Можетъ быть, и мы, попавъ въ узкую клѣтку, тѣмъ большій просторъ получили для мысли и поэзіи?!

Впрочемъ, Николай, еще будучи на свободѣ, написалъ книжку стихотвореній. Если не считать дѣтскихъ опытовъ, раньше я не сочи-

нялъ стиховъ и, правду сказать, не питалъ особеннаго расположенія къ этому виду литературы, но въ тюрьмѣ и на меня снизошло вдохновеніе. Былъ такой періодъ, что я впродолженіе двухъ мѣсяцевъ каждый день записывалъ по одному или по два стихотворенія на аспидной доскѣ, но въ памяти удержалось немного. Всѣ они были лирическаго характера и при томъ очень сентиментальны.

Мнѣ кажется, наивность и сентиментальность съ годами развиваются у заключеннаго. Это я замѣтилъ и на себѣ самомъ, и особенно—на малороссійскомъ поэтѣ.

Разставаясь съ Өедоромъ, так звали моего новаго товарища,—я попрощался съ нимъ на мѣсяцъ или на два, когда снова дойдетъ до него очередь гулять со мною.

Черезъ три дня я опять шелъ на свиданіе съ товарищемъ по заключенію (прогулки вдвоемъ разрѣшались только два раза въ недѣлю). Кого-то на этотъ разъ пошлетъ мнѣ судьба?—думалъ я съ жаднымъ любопытствомъ.

Открываютъ дверь.... Опять Өедоръ!

Какъ ни пріятно было его видѣть, но я не могъ скрыть своего разочарованія.

На слѣдующей прогулкѣ опять приводятъ мнѣ малороссійскаго поэта.

— Если вы хотите,—обратился я снова къ смотрителю,—чтобы я постоянно гулялъ съ этимъ господиномъ, то дайте мнѣ еще хоть одно свиданіе съ прежнимъ товарищемъ Николаемъ. Дайте хоть проститься намъ.

Какъ разъ въ этотъ же день съ подобною просьбою обратился къ нему и Николай. Смотритель исполнилъ наши желанія, и я опять сталъ гулять съ Николаемъ. Очевидно, онъ не понялъ насъ. Онъ могъ подумать, что мы поссорились, разошлись, а потомъ, соскучившись другъ объ другѣ, опять захотѣли гулять вмѣстѣ. На самомъ же дѣлѣ я такъ привязался къ Николаю, что не имѣлъ никакого желанія мѣнять его на другого.

VIII.

Дни, мѣсяцы, годы идутъ своимъ чередомъ. Всякому движенію мы можемъ вообразить себѣ конецъ; только остановка теченія времени не укладывается въ нашемъ понятіи, какъ и представленіе о границахъ міроваго пространства. Бодрствуемъ ли мы, или спимъ, независимо отъ нашего сознанія, время неудержимо течетъ всеобъемлющимъ потокомъ.

Говорятъ, въ тюрьмѣ скоро проходитъ время. Да, пожалуй, это правда, когда оглянешься назадъ; но настоящее, текущее время то-

мительно длинно. Однообразіе дней въ четырехъ стѣнахъ также тяжело переживать, какъ итти по длинной, вязкой и скучной дорогѣ.

Многіе изъ заключенныхъ сбились со счета дней, и Николай при первомъ же свиданіи спросилъ у меня:

— А какое сегодня число и какой мѣсяцъ?

Я ему могъ отвѣтить, потому что велъ счётъ днямъ по страницамъ Библіи, прочитывая по одной ежедневно. Конечно, мнѣ пришлось такимъ образомъ прочитать всю Библію не одинъ разъ.

Зато дни недѣли мы всѣ строго знали. Традиціонный горохъ за обѣдомъ всегда вѣрно указывалъ среды и пятницы, а очередь гречневыхъ, яшныхъ и пшённыхъ кашъ служила указаніемъ другихъ дней недѣли. Среди такого строгаго однообразія въ тюрьмѣ только одинъ день въ году выдѣлялся своимъ столомъ—Пасха. Этотъ праздникъ памятенъ мнѣ еще и по другимъ обстоятельствамъ.

Вечеромъ въ страстную субботу, вспоминая, какъ въ дѣтствѣ мнѣ приходилось встрѣчать праздникъ Пасхи среди родныхъ, я такъ сильно разстроился, что не могъ спать. Расхаживая изъ угла въ уголъ камеры, я мысленно перецѣловалъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ; я готовъ былъ христосоваться со всѣмъ міромъ, со всѣми мириться и всѣхъ прощать.

Много зависитъ отъ точки зрѣнія,—думалъ я въ эту пасхальную ночь.—Чѣмъ дальше отъ тебя предметъ, тѣмъ болѣе относишься къ нему спокойно, безпристрастно! Когда читаешь древнюю исторію, напримѣръ, о походахъ Юлія Цезаря, то выказываешь одинаковое сочувствіе и Цезарю и его противнику Верцингеториксу. На такомъ большомъ протяженіи времени наши симпатіи, какъ лучи отдаленной свѣтящейся точки, почти параллельны къ обѣимъ народностямъ. Такъ съ большого разстоянія, напримѣръ, съ высочайшихъ точекъ звѣзднаго неба, наши сужденія о земной враждѣ были бы безпристрастны, какъ у Бога. Я теперь стою въ сторонѣ отъ міра, отъ его борьбы, отъ партій. Я вижу, что одна партія заботится о благѣ своей страны, но вѣдь и другая хлопочетъ о томъ же. И стóитъ лишь издали взглянуть на обѣ враждующія стороны, какъ сейчасъ же примиряешь ихъ въ душѣ своей...

Мои мысли прервалъ благовѣстъ пасхальный утрени. Я остановился и жадно, жадно прислушивался къ каждому удару колокола. Мнѣ такъ хотѣлось въ это время быть въ церкви, видѣть это множество праздничныхъ лицъ съ горящими свѣчами, слышать непрестанно повторяющееся «Христосъ воскресе»... У меня защемило сердце, и я чувствую вотъ, вотъ сейчасъ расплачусь. Я сталъ опять усиленно ходить по камерѣ и вспоминать пасхальныя пѣсни, которыя пѣвалъ когда-то мальчикомъ на клиросѣ.

Черезъ матовыя стекла показался разсвѣтъ. Почему-то я полагалъ, что смотритель придетъ къ намъ сейчасъ же послѣ обѣдни.

Вообще я ждалъ отъ этого дня чего-то особеннаго, выходящаго изъ ряды.

Прходитъ часъ, другой, а смотрителя все еще нѣтъ.

— Интересно,—думалъ я,—забудетъ ли онъ, хоть на минуту, свое офиціальное положеніе и подаритъ ли насъ по-христіански пасхальнымъ привѣтствіемъ? Можетъ быть, еще цѣловаться вздумаетъ?

Наконецъ, подошло обычное время утренней раздачи хлѣба, загромыхали засовы входной двери, застучали сапоги о каменный полъ и стали обычно, похлопывать одна за другою двери камеръ. Вотъ идутъ ко мнѣ. Я почувствовалъ маленькое смущеніе.

Какъ всегда, быстро влетѣли солдаты въ камеру, заперли кровать, поставили на столъ тарелку съ крашеными яйцами и съ кусками кулича и творогу и также быстро исчезли. Отъ смотрителя ни пасхальнаго привѣтствія, ни звука.

Не надо бы приносить сюда красныя яйца! Это только больше подчеркиваетъ всю отчужденность отъ міра, всю тягость каменнаго гроба. Яйцо говоритъ о воскресеніи, а мы все еще, какъ мертвые, и даже не знаемъ, воскреснемъ ли для этой жизни...

Еще грустнѣе стало. Сквозь слезы проглотилъ я нѣсколько кусочковъ кулича и безпомощно опустилъ голову на руку.

Безсонная ночь скоро сказалась, и я крѣпко заснулъ.

Вдругъ, слышу, кто-то будитъ меня, трясетъ за плечо. Я открылъ глаза, вскочилъ и съ ужасомъ отшатнулся: передо мною стоятъ солдаты съ обѣдомъ. Какъ они вошли сюда, что я не слышалъ шума отпираемыхъ дверей? Какъ это случилось, что меня, всегда чуткаго къ малѣйшему шуму, сильно тормошатъ, и я едва очнулся? Да не во снѣ ли это?

Я испугался и нѣсколько секундъ не могъ прійти въ себя. Смотритель, замѣтивъ у меня на лицѣ выраженіе ужаса, сталъ успокаивать. Только тогда я вспомнилъ, при какихъ обстоятельствахъ заснулъ, и сообразилъ, въ чемъ дѣло.

Съ этихъ поръ кровать мою не закладывали къ стѣнѣ и предоставляли мнѣ пользоваться ею и днемъ. Но я этого не дѣлалъ. Съ одной стороны, я боялся опуститься, ослабѣть духомъ, раскиснуть. Вѣдь кровать такъ располагаетъ къ лѣни и къ ненужному отдыху; съ другой, я боялся безсонныхъ ночей, если позволить себѣ высыпаться днемъ. Но зато открытая кровать послужила мнѣ отличнымъ столомъ. Въ это время я занимался греческими переводами и имѣлъ много справочныхъ книгъ, тетрадь съ перомъ и грифельную доску. На поларшинномъ столѣ не очень-то разложишься,—и я устилалъ раскрытыми книгами всю кровать и даже полъ. Но, чтобы заниматься за такимъ импровизированнымъ столомъ, приходилось становиться на колѣни.

Сначала отъ такого непривычнаго положенія у меня ныли ноги, но потомъ, когда на колѣняхъ отъ жесткаго пола появились мозоли, какъ у верблюда, я могъ простаивать такимъ образомъ болѣе часу.

Къ этому времени мнѣ разрѣшили пользоваться не только грифелемъ и карандашемъ, но и чернилами. А для записей, вмѣсто маленькихъ тетрадей въ 10—12 страницъ, мнѣ выдали переплетенную книгу въ двадцать три листа.

Оглядываясь на свое четырехлѣтнее пребываніе въ разныхъ тюрьмахъ, я вижу теперь, какъ много помогли мнѣ перенести всѣ невзгоды, скорби и болѣзни эти усиленныя занятія съ книгами.

IX.

Сегодня я не попалъ въ утреннюю прогулку, и за мной пришли послѣ обѣда, часу въ четвертомъ пополудни. Была прекрасная теплая погода. Въ воздухѣ тишина. Голубое небо. Не хотѣлось уходить со двора. Всего какихъ нибудь пятнадцать-двадцать минутъ чистаго воздуха!

Я тоскливо иду въ камеру между двумя солдатами. Они переступаютъ своимъ мѣрнымъ шагомъ не спѣша, но методично, какъ волы.

Вѣроятно, имъ ужасно надоѣло непрестанно ходить взадъ-впередъ изъ тюрьмы къ загородкамъ и обратно. Войдя въ камеру, я сразу замѣтилъ, что форточка открыта. Обыкновенно ее закрывали передъ приходомъ заключеннаго. Что это значитъ? Неужели забыли?—подумалъ я про себя и сильно обрадовался. Самъ я не могъ ее достать, такъ она была высока. Да не только форточку, но и сильно покатый подоконникъ я доставалъ лишь концами пальцевъ.

Оказывается, тутъ ничего не забываютъ. Форточку умышленно оставили открытою, ради наступившихъ теплыхъ дней.

Я стоялъ передъ окномъ и не могъ оторвать своихъ глазъ отъ кусочка голубого неба, на фонѣ котораго время отъ времени мелькали парочки пролетающихъ голубей.

Вѣдь вотъ, — думалъ я, — небольшой клочекъ неба, а сколько онъ возбуждаетъ чувства у заключеннаго и сколько даетъ пищи для его ума!

И вспомнилъ я, какъ, три года тому назадъ, лежалъ я навзничь со своимъ братомъ гимназистомъ на зеленой лужайкѣ и, нѣжась на солнцѣ, смотрѣлъ на голубое небо. У гимназиста все было такъ ясно, спокойно на душѣ, какъ въ небесной синевѣ, разстилающейся надъ нами необъятнымъ куполомъ. Онъ уже сталъ погружаться въ сладкую дрему и жмурилъ глаза, какъ разъѣвшійся котъ.

— Послушай, братъ,—говорю ему,—а что, если бы у васъ въ гимназіи задали написать сочиненіе о томъ, что ты сейчасъ видишь передъ своими глазами,—что бы ты написалъ?

— Да, что тутъ можно сказать,—лѣниво отвѣчаетъ онъ,—голубое небо, да больше ничего.

Я обрадовался тогда случаю щегольнуть своими познаніями и, помню, съ какимъ жаромъ, съ какою радостью я набросился на эту тему и сталъ ему украшать это голубое небо сперва поэзіею и философіей, потомъ забрался въ любимую область астрономіи, и тутъ ужъ мнѣ, какъ орлу въ вышинѣ, былъ полный просторъ! Я говорилъ, говорилъ, пока не позвали насъ домой.

Теперь вотъ я опять стою передъ голубымъ небомъ, а думы одна за другою бѣгутъ и бѣгутъ неудержимымъ потокомъ. Какъ будто вдохновеніе льется съ самаго неба.

— Ахъ, если бы и на ночь оставили форточку открытою!—мечталъ я, какъ о невыразимомъ счастьѣ.—Тогда блеснули бы мнѣ милыя звѣзды! Однако, сколько же времени я не видѣлъ ихъ? Въ послѣдній разъ я любовался ими два года тому назадъ, когда поздно вечеромъ повезли меня въ тюрьму послѣ допроса. Выходя изъ кареты, я взглянулъ на верхъ и замеръ отъ очарованія: все небо было усѣяно яркими звѣздами. Удивительно прекрасными онѣ кажутся, когда ихъ долго не видишь! О, если бы увидѣть мнѣ ихъ и сегодня!

Скоро стало смеркаться. Небо приняло зеленоватый оттѣнокъ. Я все еще стою передъ окномъ и соображаю, какія звѣзды могутъ быть сегодня ночью видимы изъ форточки.

Вдругъ раздаются нѣжные, слегка дрожащіе звуки корнетъ-а-пистона.

— Что за прелесть! И какъ гармонируетъ эта чудная знакомая мелодія тихому лѣтнему вечеру!

«Въ милыя горы
Мы возвратимся.
Прежнимъ покоемъ
Вновь насладимся».

— Кто же это играетъ? Вѣроятно, кто нибудь изъ города выѣхалъ на лодкѣ и плыветъ мимо стѣнъ тюрьмы. Эту пѣсенку я часто пѣлъ и игралъ когда-то въ молодости. Кто ея не знаетъ!

И предо мною встала картина послѣдняго дѣйствія «Трубадура». Каменные своды темницы въ крѣпости. Желѣзная рѣшетка въ окнѣ. На соломѣ лежитъ измученная мать трубадура и въ полуснѣ пророчески напѣваетъ ему сладкія грезы о свободной жизни.

— Боже мой,—затрепеталъ я весь отъ радостнаго волненія,—вѣдь это онъ намъ, намъ, заключеннымъ, играетъ эту милую

арію! Вѣдь это онъ умышленно подъѣхалъ къ намъ пролить своими нѣжными звуками сладостную надежду на возвращеніе въ родную семью, къ матери!..

Меня охватило необыкновенное одушевленіе. Мнѣ хотѣлось и крикнуть ему, что мы слышимъ его призывъ къ счастью, и одновременно пѣть съ нимъ. Я растерянно хватался за столъ, за стѣны, подходилъ къ двери, опять къ окну, воздѣвалъ руки къ небу. Я искалъ, кому бы сказать свои догадки, кому передать свои впечатлѣнія, свое чувство... А волшебные звуки какъ бы съ неба свалившагося трубадура продолжали навѣвать пріятныя мечты:

«Снова на лютнѣ
Ты заиграешь.
Счастье былое
Скоро увидишь».

Отъ умиленія у меня покатились слезы изъ глазъ, и я, весь потрясенный музыкою, изнемогающій отъ глубокаго волненія, опустился на скамейку. Въ эти счастливыя минуты, стараясь не проронить ни одного звука, я самъ готовъ былъ молиться вмѣстѣ съ Манрико, и уже мнѣ слышался его отвѣтный голосъ: «Вѣрь мнѣ, не даромъ ты уповаешь: я за тебя небеса умолю»...

Тррр... тррр... Отворяется дверь камеры, и входятъ солдаты. Одинъ ставитъ зажженную лампу на столъ, а другой крючкомъ на длинной палкѣ закрываетъ форточку.

Вся иллюзія разрушена. Отъ меня отняли и небо, и звѣзды, и божественные звуки... Я вспомнилъ тутъ евангельскаго бога чавъ аду, который, какъ и мы, заключенные, только иногда издали созерцалъ блаженство удостоенныхъ быть на лонѣ Авраама. Да, чѣмъ болѣе подчеркивается контрастъ нашего прозябанія, чѣмъ больше понимаешь, какая непереходимая бездна раздѣляетъ тюрьму отъ ликующаго міра, тѣмъ становится тягостнѣе для сердца, тѣмъ мучительнѣе для души.

Вскорѣ мнѣ пришлось снова испытать блаженныя минуты при открытой форточкѣ. 24-го августа выдался очень жаркій день. И, должно быть, на этотъ разъ смотритель сообразилъ, что въ камерѣ душно, потому что самъ предложилъ мнѣ:

— Не оставить ли на ночь форточку открытою?

— Пожалуйста, пожалуйста!—поспѣшилъ я согласиться.

О, какой я сегодня счастливый!.—мысленно восклицалъ я, предвкушая удовольствіе видѣть звѣзды.

Какъ намъ дороги самыя обыкновенныя вещи, когда мы ихъ лишаемся! Никто такъ не понимаетъ свободы, какъ испытавшій лишенія ея. Никто такъ не оцѣнитъ чистаго воздуха, какъ сидѣвшій въ душной тюрьмѣ.

Около восьми часовъ вечера на сѣверо-восточномъ небѣ сверкнула первая звѣздочка.

— Должно быть, Капелла,—подумалъ я.

Немного спустя, съ правой стороны отъ нея показались еще двѣ маленькія звѣздочки.

— Ну, конечно, это Капелла, Альфа созвѣздія Возничаго!

Я сейчасъ же зарисовалъ на память ихъ относительное положеніе и опять сталъ вглядываться въ темное небо.

— Звѣзды, вы всегда были любимымъ предметомъ мечтающихъ людей о любви и счастіи! О, эмблема свободы, не вѣщаете ли мнѣ скорое освобожденіе?! Прекрасная Капелла, я тебя первую увидѣлъ въ этомъ окнѣ! Будь же ты моею путеводною звѣздою и выведи меня отсюда!

Такъ я молился, въ священномъ упоеніи, глядя на мигающія звѣздочки.

Какъ ни былъ я восторженъ въ это время, но около полночи, вѣроятно, отъ прилива свѣжаго ночного воздуха, я заснулъ, сидя на скамейкѣ. Очнувшись въ третьемъ часу ночи, я снова прильнулъ взглядомъ къ форточкѣ. Картина измѣнилась. На восточной сторонѣ неба я увидѣлъ классическихъ братьевъ Діоскуровъ, двѣ яркихъ звѣзды, Кастора и Поллукса, а правѣе ихъ—блестящую планету Сатурнъ.

Касторъ и Поллуксъ, эти древніе покровители мореплавателей, считались у грековъ вѣрными указателями тихой и гостепріимной пристани. Имъ они приписывали и тѣ электрическіе огоньки, которые появляются въ тихую погоду на концахъ мачтъ.

Мнѣ, какъ моряку, вдвойнѣ пріятно было занести въ свою тетрадь и этихъ милыхъ вѣстниковъ счастливаго плаванія.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но до сего времени я бережно храню этотъ пожелтѣвшій листочекъ съ зарисованными на немъ звѣздами, какъ дорогую память о той единственной ночи въ тюрьмѣ, когда изъ глубины неба мелькнули мнѣ первые маяки на пути къ свободѣ.

X.

Первая моя тюрьма была болѣе доступна для животнаго міра. Кромѣ насѣкомыхъ, тогда ко мнѣ въ форточку залетали и птицы. А одна парочка голубей раза три принималась вить гнѣздо между рамами, несмотря на безжалостныя руки сторожей, убиравшихъ кучи ими натасканныхъ прутьевъ. Въ настоящей же тюрьмѣ моими гостями лѣтомъ были только комнатныя мухи да пауки-крестовики. Послѣдніе немало занимали меня по вечерамъ, когда они разойдутся по потолку ловить другъ друга. И тутъ мнѣ впервые пришлось наблюдать извѣстный фактъ, какъ пауки-самки пожирали своихъ самцовъ.

Но вотъ, въ послѣднихъ числахъ августа, залетаетъ ко мнѣ въ форточку желтенькая бабочка и спускается внизъ между рамами. Она начинаетъ безпокойно биться въ стекло, но не догадывается подняться до форточки. Весь день я наблюдалъ за нею, вполнѣ сочувствуя ея желанію выйти на волю.

— Мнѣ жаль тебя, слабенькая бабочка, но что же я могу для тебя сдѣлать? Я самъ четвертый годъ безсильно бьюсь около окна, чтобы вырваться на вольный свѣтъ. Мнѣ остается только раздѣлить съ тобою свое уединеніе да скудную трапезу.

И я мочилъ кусочки сахару и бросалъ ихъ къ ней между рамами. Она, къ моему удовольствію, сѣла на одинъ изъ нихъ и стала сосать его своимъ длиннымъ хоботкомъ.

Ночью у меня родилась идея—выудить бабочку на приманку. Я вытащилъ изъ простыни нѣсколько тонкихъ нитей и едва дождался, когда меня повели на прогулку. По дорогѣ къ загородкѣ я набрался храбрости и сорвалъ три желтыхъ цвѣтка одуванчика. Сторожа покосились на меня, но ничего не сказали. Я вздохнулъ облегченно и, крѣпко сжимая въ рукахъ цвѣты, ликовалъ въ душѣ, какъ я освобожу бабочку.

— Я тебѣ закину на ниткѣ цвѣточки, ты сядешь на нихъ, а я тихонько, тихонько подтяну тебя къ самой форточкѣ. Тогда лети, милая, куда хочешь!... Но что же это? Солдаты повернули въ другую сторону отъ тюрьмы?

Меня вводятъ въ другое зданіе, гдѣ я не вижу никакого признака живой души. Сырой, затхлый воздухъ и могильная тишина. Въ небольшой коридоръ выходитъ рядъ дверей. Открываютъ одну изъ нихъ и впускаютъ меня въ полусвѣтлый казематъ. Не успѣлъ я оглядѣться и сообразить, что это значитъ, какъ входитъ начальникъ тюрьмы и торжественно объявляетъ мнѣ, что мое одиночное заключеніе кончилось, и скоро предстоитъ мнѣ далекое путешествіе...

— Куда? Въ Сибирь?—спрашиваю его.

— Нѣтъ, немного дальше...

Я понялъ и тяжело вздохнулъ.

— Ну, что жъ?—утѣшалъ я себя.—На Сахалинѣ все-таки лучше, чѣмъ въ одиночномъ заключеніи. Тамъ есть чистый воздухъ, движеніе, полезная работа, а главное — люди. Гдѣ бы ни жить, но лишь бы съ людьми! Пусть это будутъ хоть и сахалинскіе!..

Но не всѣ заключенные смотрѣли на міръ, подобно мнѣ, черезъ призму добродушія. По разсказамъ Николая, въ тюрьмѣ совершается странный процессъ перерожденія людей. Тѣ, которые попадаютъ въ заключеніе озлобленными на весь строй существующей жизни, въ концѣ концовъ примиряются съ нимъ и съ рѣдкимъ благодушіемъ готовы все простить своимъ недругамъ; обратно, другіе, предпочитающіе всегда итти мирнымъ путемъ, въ одиночной тюрьмѣ страшно озлобляются и теряютъ всякую сдержанность.

Мнѣ не дали проститься съ ними. Какъ ни радовался я своему освобожденію, мнѣ жаль было разстаться и съ Николаемъ, и съ малороссійскимъ поэтомъ, да и со всѣми заключенными, съ которыми дѣлилъ всѣ невзгоды тюрьмы. Что я за счастливый такой, что раньше ихъ меня вывозятъ на Сахалинъ!..

Вечеромъ приходитъ ко мнѣ смотритель и поздравляетъ меня съ освобожденіемъ.

— Богъ дастъ,—говоритъ онъ,—и тамъ не долго васъ продержатъ. Тамъ есть разные разряды для ссыльныхъ, — испытуемые, исправляющіеся, поселенцы, крестьяне,—и по манифестамъ ихъ скоро переводятъ изъ одного разряда въ другой. Отъ души желаю вамъ скорѣй вернуться.

Это вниманіе ко мнѣ смотрителя удивило меня. Обыкновенно, всегда сдержанный, молчаливый, строгій исполнитель всѣхъ предписаній высшаго начальства, теперь вдругъ не выдержалъ, чтобы не побесѣдовать со мной неофиціально съ глазу на глазъ, а не при свидѣтеляхъ солдатахъ.

Когда, черезъ день, смотритель сдавалъ меня пріѣхавшему за мной офицеру, то попросилъ его не заковывать меня въ кандалы.

— Не безпокойтесь: не убѣжитъ!—прибавилъ онъ убѣжденно.

И вотъ растворились и для меня желѣзныя ворота тюремной ограды!

Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ,—
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ...

Вспомнилось мнѣ изъ «Шильонскаго узника».

Смотритель проводилъ меня до пристани, гдѣ поджидалъ большой баркасъ. А черезъ часъ я уже несся на почтовой тройкѣ къ ближайшей желѣзнодорожной станціи, чтобы оттуда отправиться на край свѣта, куда обыкновенно ѣдутъ со слезами и съ отчаяньемъ въ душѣ за свою судьбу. Но я ликовалъ! Да какъ и не радоваться, когда снова видишь оживленныя деревни вперемежку съ зелеными рощами и съ желтѣющими полями только что убраннаго хлѣба! Какъ не восторгаться, когда для глазъ открытъ просторъ всей земли и голубого неба! Каждую избушку, каждый кустикъ, каждую птичку привѣтствуешь, какъ что-то родное, давно невиданное.

Встрѣчающіеся крестьяне удивленно смотрѣли на меня, веселаго и улыбающагося, между хмурыми солдатами, лица которыхъ въ это время казались, вѣроятно, еще строже, еще суровѣе.

Какъ все относительно на свѣтѣ!

И. П. Миролюбовъ.

КАЗАНСКАЯ ГЕРОИНЯ „ВЪ ЛѢСАХЪ" АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО.

Кто читалъ «Въ лѣсахъ» Андрея Печерскаго, тотъ, безъ сомнѣнія, припомнитъ Марію Гавриловну, казанскую купеческую дочь, къ личности которой авторъ относится во все время разсказа съ постоянною симпатіею. Марія Гавриловна была родомъ изъ Казани, поэтому Андрей Печерскій всю четвертую главу 2-ой части своего произведенія посвятилъ этому городу. Но, описывая купеческій домъ и семью, изъ которой вышла его казанская героиня, авторъ, однако, не пожалѣлъ красокъ (которыми, всякій знаетъ, онъ умѣлъ владѣть съ замѣчательнымъ талантомъ), отчего романическая завязка въ судьбѣ Маріи Гавриловны перешла подъ перомъ Павла Ивановича далеко за предѣлы дѣйствительности, имѣвшей мѣсто въ Казани лѣтъ около сорока тому назадъ.

Собравъ свѣдѣнія, частію по архивнымъ документамъ, частію по устнымъ разсказамъ старожиловъ, мы можемъ безъ труда констатировать передъ читателемъ этотъ казанскій эпизодъ, изъ котораго П. И. Мельниковъ почерпнулъ романическій сюжетъ, вставленный имъ въ свои «заволжскіе очерки».

Извѣстно, что нашъ знаменитый беллетристъ-этнографъ служилъ долго чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и употреблялся большею частію для разслѣдованія разныхъ дѣлъ по части раскола, такъ какъ въ компетентности и глубокомъ пониманіи истинныхъ причинъ русскаго старообрядчества Мельниковъ не имѣлъ (да едва ли и теперь имѣетъ) себѣ равнаго знатока, по крайней мѣрѣ, по безпристрастному отношенію къ этому историческому явленію и его сущности. Въ Казани

какъ разъ возникло въ то время одно очень запутанное тяжебное уголовнаго характера дѣло между двумя старообрядцами различныхъ сектъ. Дѣло это доходило до синода, который, разсмотрѣвъ его, передалъ на окончательное рѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго сосредоточены русскія раскольничьи дѣла. Министръ поручилъ П. И. Мельникову произвести самое тщательное разслѣдованіе по этому дѣлу, для каковой цѣли онъ и прибылъ въ Казань. Суть дѣла заключалась въ слѣдующемъ.

Съ незапамятныхъ временъ славился въ Казани купеческій домъ Дегтяревыхъ. Старики, главные представители этого дома, давно умерли, и ко времени, къ которому относится нашъ разсказъ, остались лишь одни потомки, считавшіеся между собою въ двоюродномъ и троюродномъ родствѣ. Одни изъ нихъ были купцы, другіе—мѣщане.

Лѣтъ за пятьдесятъ до нашего времени, одинъ изъ членовъ этой фамиліи, Петръ Адріановичъ Дегтяревъ, былъ извѣстенъ, между прочимъ, тѣмъ, что началъ уголовный процессъ съ свекромъ дочери своей, Марьи, казанскимъ купцомъ Степаномъ Яковлевичемъ Мокеевымъ. Процессъ Дегтярева съ Мокеевымъ имѣлъ въ свое время громкую извѣстность въ нашемъ Поволжьѣ, такъ какъ герои его были люди торговые, извѣстные. Теперь, впрочемъ, едва ли кто помнитъ о нихъ.

Петръ Адріановичъ Дегтяревъ принадлежалъ сначала къ православной церкви, но съ 1846 г., т. е. со времени основанія старообрядцами-поповцами собственной іерархіи, заимствованной отъ греческой церкви, перешелъ въ это старообрядческое общество. Жена его, Евфросинья Ильинишна, была родомъ уральская казачка (урожденная Голчина), исконная староверка, отличавшаяся великою непримиримостію съ «велико-россійскою церковью». Семейство Дегтяревыхъ, кромѣ того, состояло изъ сына Андрея и дочери Маріи. Старшая дочь, Клавдія Петровна, находилась замужемъ за казанскимъ купеческимъ сыномъ, Абрамомъ Степановичемъ Горшенинымъ, между тѣмъ какъ младшая сестра ея, Марія, оставалось дѣвицею. Въ обществѣ казанскаго купечества было очень много красавицъ, но особенною миловидностію блистали въ описываемое время только двѣ: Екатерина Антоновна, дочь купца Антона Пароеновича Кондырина, и дѣвица Дегтярева, Марія Петровна, наружность которой произвела на министерскаго чиновника такое сильное впечатлѣніе, что онъ исписывалъ въ порученномъ ему слѣдственномъ дѣлѣ буквально цѣлые листы, посвящая ихъ характеристикѣ этой дѣвушки, и характеристика эта цѣликомъ перенесена потомъ въ его «заволжскіе очерки», для портрета Маріи Гавриловны.

Марія Петровна Дегтярева считалась въ Казани очень завидною невѣстою. Руки ея добивались не только купеческіе сыновья, но и молодые чиновники. Однако, религіозныя препятствія были для

Дегтяревыхъ сильною преградою къ свободѣ выбора жениха для ихъ дочери. Такъ шли дни, мѣсяцы и годы. Наконецъ, судьба повернула дѣло по-своему. Понравился Марьѣ Петровнѣ купеческій сынъ Степанъ Степановичъ Мокеевъ. Родители Мокѣева принадлежали къ Өедосѣевскому толку и ходили молиться на «Стекольный» [1]), хотя и имѣли собственную молельню при своемъ домѣ, въ Ягодной слободѣ. Старикъ Мокеевъ былъ казанскій купецъ, имѣлъ при домѣ большой заводъ, на которомъ вырабатывались разныя снасти и войлоки, и велъ обширную этимъ товаромъ торговлю. Человѣкъ онъ былъ суровый, упрямый, про него въ снастномъ ряду обыкновенно говорили: «Степана Яковлевича въ семи ступахъ не утолчешь». Еще фанатичнѣе была жена его, Акулина Максимовна.

Степанъ Степановичъ Мокеевъ не видалъ прежде Маріи Петровны Дегтяревой, а когда случайно встрѣтился съ нею на Казанкѣ, во время провожанія Смоленской иконы (а не встрѣчи, какъ сказано «Въ Лѣсахъ»), то все время не спускалъ съ нея глазъ. Наружность дѣвушки до того подѣйствовала на Мокеева, что онъ, какъ самъ говоритъ въ одномъ изъ имѣющихся въ «дѣлѣ» показаній, едва не лишился разсудка. Самъ онъ былъ тоже мужчина представительной наружности: высокъ ростомъ, статенъ корпусомъ, имѣлъ очень красивые, выразительные глаза и молодцоватую походку. Черезъ нѣсколько дней молодой человѣкъ сообщилъ свои сердечныя думы отцу и матери.

— Не рука она намъ!— отозвалась мать.— Я найду тебѣ невѣсту нашей вѣры...

Отецъ, зная хорошо семейство Дегтярева, его родню и связи съ именитыми купеческими фамиліями, очень непрочь былъ породниться съ этимъ домомъ; но согласіе на бракъ давалъ лишь при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы никакого церковнаго вѣнчанія отнюдь не было, а все дѣло ограничилось бы только однимъ благословеніемъ родителей, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. «Благословеніе бо отчее утверждаетъ домы чадъ»,— говорилъ онъ словами Сираха, и съ этого аргумента сдвинуть старика не было возможности. Сватовство, однако, началось...

Всѣ тонкости этого дѣла поручено было вести родственницѣ Мокеевыхъ, Пелагеѣ Лобашевой, которая оказалась хорошей по этой части мастерицей, ибо въ короткое время довела дѣло до «рукобитья». Вопросъ же о томъ: гдѣ и какъ должно быть совершено бракосочетаніе,—выясненъ былъ въ томъ смыслѣ, что хотя «вѣнчанія» на самомъ дѣлѣ учинено не будетъ, но что, для крѣпости

---

[1]) Старообрядческій скитъ, находящійся среди поля, недалеко отъ Казани, за Ямскими улицами. Встарину здѣсь былъ монастырь Димитрія Прилуцкаго, а потомъ вся эта усадьба перешла въ собственность бывшаго попечителя казанскихъ старообрядцевъ-безпоповцевъ, купца Василія Андреевича Савинова.

союза съ формальной стороны, бракъ будетъ записанъ въ метрическихъ книгахъ Ягодинской церкви, въ приходѣ которой находился домъ купца Мокеева. На такой компромиссъ отецъ невѣсты, послѣ сильной осады со стороны женщинъ, согласился.

Все устроилось, повидимому, благополучно. Бракъ совершился; обѣ стороны остались довольны; гости, пировавшіе на свадьбѣ,— еще довольнѣе. Молодые искренно любили другъ друга, другъ на друга не могли наглядѣться, всѣ знакомые говорили, что лучшей пары нельзя было придумать, и прочее.

Минулъ годъ. У молодыхъ Мокеевыхъ былъ уже маленькій сынъ Ваня. Оправившись отъ болѣзни родовъ, Марія Петровна явилась внезапно въ домъ своихъ родителей, Дегтяревыхъ, и къ общему изумленію объявила, что она къ Мокеевымъ возвращаться болѣе не намѣрена, что мужъ хотя и любитъ ее страстно, какъ и она его, но отъ свекра и свекрови ей нѣтъ житья: притѣсняютъ, оскорбляютъ, поминутно ворчатъ и очень явно выражаютъ къ ней полное свое нерасположеніе. Мужъ пробовалъ защищать ее, но защита эта оказывалась всякій разъ слабой и безуспѣшной, такъ какъ и самъ де онъ немало терпитъ отъ своихъ родителей, не смѣя выйти изъ повиновенія. Сообщала все это Марія Петровна, всхлипывая отъ слезъ; но сообщеніе ея было далеко не полное: она видимо колебалась пускаться въ подробности.

— Говори все!—произнесъ строго отецъ ея, инстинктивно отгадывая, что случилось что-то болѣе важное.

Дочь отвѣчала лишь слезами. Мужъ навѣстилъ ее въ тотъ же день; но отъ него тесть и теща добились еще меньше.

Наконецъ, спустя нѣсколько дней, молодушка въ интимной бесѣдѣ съ матерью проговорилась, что ее въ домѣ свекра «крестили».

— Какъ крестили!?—вскочилъ пораженный отецъ, узнавши новость.

Дочь испугалась и заплакала.

— Разсказывай по порядку: какъ дѣло было?—требовалъ Петръ Адріановичъ.

— Сначала долго уговаривали, а потомъ стали дѣлать угрозы...

— И ты согласилась! Отчего намъ не сказала?

— Мнѣ запретили... Я боялась, чтобы хуже не вышло.

Дегтяревъ, выслушавъ отъ дочери всѣ подробности, при которыхъ совершено было ея насильственное крещеніе, отправился къ своему священнику Трофиму Тихоновичу Щедрину за совѣтомъ и наставленіемъ. Трофимъ Тихоновичъ жилъ въ своемъ домѣ на Вознесенской улицѣ (теперь домъ купца Новикова). Старикъ даже руками всплеснулъ, узнавъ о скорбномъ событіи въ семьѣ Дегтярева. Чтобы обсудить дѣло толковѣе, Щедринъ послалъ за Лукою Ѳедоровичемъ Свѣшниковымъ, извѣстнымъ знатокомъ каноничес-

скихъ законоположеній. Однако, на этомъ совѣтѣ главнымъ виновникомъ признанъ не Мокеевъ, а самъ жалобщикъ Дегтяревъ.

— Ты гдѣ бралъ благословеніе на бракъ дочери своей съ безпоповцемъ?—спросилъ Лука Ѳедоровичъ.

— А развѣ есть въ томъ какая ересь?—оправдывался Петръ Адріановичъ.—Сами знаете, что византійскій императоръ Алексѣй Комненъ выдалъ свою дочь за турецкаго султана Махмета.

— Мы тебя не спрашиваемъ о томъ: льзя или нельзя выходить вѣрной за невѣрнаго, а ты намъ отвѣть: почему согласился на такой бракъ безъ епископскаго спросу?

Дегтяревъ смутился и не нашелся, что возразить.

— Заварилъ ты, Петръ Адріановичъ, кашу, не спрося насъ. Теперь и расхлебывай ее самъ!

Съ тѣмъ и отпустили несчастнаго отца во-свояси. Долго ходилъ Дегтяревъ, повѣсивъ голову.

— Махни рукой на все!—говорили ему купцы на базарѣ.

— Уговори Степана отдѣлиться отъ отца: пусть живетъ и торгуетъ съ тобой,—совѣтовали другіе.

Но утѣшенія пріятелей не удовлетворяли оскорбленнаго отца. Онъ искалъ способа смыть позоръ болѣе чувствительнымъ для противника образомъ. Кто-то шепнулъ ему, что для этакихъ «дѣловъ» существуетъ въ Казани подходящій человѣкъ, старый подьячій Михаилъ Алексѣевичъ Прозоровскій. Онъ де можетъ взяться за дѣло, если Дегтяревъ не пожалѣетъ денегъ. Петръ Адріановичъ отправился отыскивать названнаго подьячаго [1]).

— Обратись къ «единовѣрію», тогда начнемъ дѣло уголовнымъ порядкомъ,—сказалъ купцу Дегтяреву Прозоровскій.

Дегтяревъ передалъ такой совѣтъ женѣ. Та и руками, и ногами противъ единовѣрія.

— Да пойми ты, глупая женщина,—вспылилъ мужъ.—Вѣдь «наши» въ путь слова не хотятъ со мной молвить.

Но баба начала выть на весь домъ и на слова мужа не сдавалась.

— Ты оставайся,—сказалъ ей, помолчавъ немного, Петръ Адріановичъ,—а я пойду къ отцу Дмитрію [2]).

И хлопнулъ дверью. Съ Евфросиньей Ильиничной началась истерика.

Вскорѣ послѣ «присоединенія» поступило въ казанскую духовную консисторію прошеніе Петра Адріановича Дегтярева, въ которомъ обиженный жаловался не только на «перекрещеніе» Мокее-

---

[1]) М. А. Прозоровскій былъ извѣстный въ Казани «юсъ» по духовнымъ дѣламъ. Характеристика его описана когда-то въ «Современникѣ» (см. этотъ журналъ за 1860 г., май, стр. 69).

[2]) Единовѣрческій священникъ въ Казани.

нымъ своей невѣстки, а его, Дегтярева, дочери, но и на обманъ, выразившійся въ томъ, что дочь его, «Марія, оказалась съ мужемъ «не вѣнчанною» и ни въ какія метрическія книги бракъ ея незаписаннымъ».

Суть жалобы Дегтярева состояла въ слѣдующемъ (передаемъ въ извлеченіи подлинный текстъ ея, взятый изъ архивнаго дѣла):

«..... 30-го января 1852 года, я, Дегтяревъ, дочь свою Марію отдалъ въ замужество за казанскаго купеческаго сына Степана Степановича Мокеева съ тѣмъ, чтобы они были обрачены въ казанской Ягодинской церкви, такъ какъ купецъ Мокеевъ имѣетъ домъ въ приходѣ этой церкви. Въ доказательство согласія на такое условіе онъ, Мокеевъ, пригласилъ ягодинскихъ священниковъ: Петра Аквилянова и Николая Бальбуциновскаго съ ризницею къ себѣ въ домъ для благословенія брачной вечери. Здѣсь означенные священники дѣлали новобрачнымъ поздравленія съ законнымъ бракомъ, что и увѣрило его, Дегтярева, что дочь его обрачена. Свидѣтелями сего были приглашенные на брачную вечерю гости: Алексѣй Яковлевичъ Рыжаковъ, Иванъ Михайловичъ Ложкинъ, Ѳерапонтъ Владимировичъ Серебренниковъ, его жена Анна Ивановна, Степанъ Герасимовичъ Медвѣдевъ, съ женою Устиньею Никитишною, сыномъ Михаиломъ Степановичемъ и женою сего послѣдняго Екатериною Андреевною, Яковъ Викуловичъ Жаровъ и Павелъ Порфирьевичъ Лобановъ, съ женою Пелагеей Максимовной. Когда же дочь Марія разрѣшилась отъ бремени сыномъ Иваномъ, то онъ, Дегтяревъ, не знаетъ: кѣмъ крещенъ и гдѣ по смерти отпѣтъ и погребенъ сей младенецъ, а Марія, послѣ родовъ, съ согласія мужа ея, взята имъ къ себѣ въ домъ, гдѣ и открылся обманъ свекра ея, купца Мокеева. Дочь объявила, что она съ сыномъ Мокеева, Степаномъ, не вѣнчана, а черезъ нѣсколько времени къ сему присовокупила, что она въ домѣ свекра «перекрещена». Исполнить это надъ собою допустила по стѣсненной жизни и угрозамъ свекра и свекрови. Перекрещеніе совершено 23-го марта, черезъ два почти мѣсяца послѣ свадьбы, въ домовой молельнѣ Мокеевыхъ, духовникомъ ихъ, казанскимъ мѣщаниномъ Ларіономъ Сергѣевымъ Плакеинымъ, крестнымъ отцомъ ея былъ крестьянинъ гг. Шереметевыхъ, села Юрина (Васильсурскаго уѣзда), Алексѣй Васильевъ Стеневъ, а крестною матерью казанская купчиха Татіана Ѳедотова Мыльникова, а какія-то молитвы при этомъ случаѣ читала казанская мѣщанка Аграфена Зиновьева Забѣлина. Во время сего крещенія дочь его, Марія, простудясь отъ холодной воды, сдѣлалась больною. Такое поруганіе обряда православной церкви, совершенное надъ его дочерью, онъ, Дегтяревъ, считаетъ безчестнымъ, почему и проситъ, для пресѣченія таковаго беззаконія и удержанія Мокеева отъ обмановъ, произвести разслѣдованіе»...

По жалобѣ Дегтярева поручено было священнику Евдокіевской церкви Алексѣю Петровичу Самосатскому произвести строжайшее дознаніе. Изъ дознанія выяснилось, какъ донесъ Самосатскій консисторіи, что женихъ и невѣста суть раскольники, а потому консисторія постановила переслать все дѣло въ казанское губернское правленіе, на основаніи узаконеній, по которымъ ни о совершенныхъ раскольниками бракахъ, ни о крещеніи ихъ, ни о погребеніи умершихъ духовное начальство входить не должно. Губернское правленіе заключило: признать дѣло сіе подлежащимъ судебному разсмотрѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, куда, съ своимъ заключеніемъ, и внесло его чрезъ начальника губерніи.

Министръ внутреннихъ дѣлъ, находя, съ своей стороны, что дѣло это содержитъ въ себѣ оглашеніе въ обманѣ и совращеніе въ расколъ, а потому надлежитъ, по строжайшемъ изслѣдованіи, разсмотрѣнію уголовнаго суда,—призналъ нужнымъ произведенное уже изслѣдованіе дополнить въ гражданскомъ вѣдомствѣ и объ этомъ заключеніи сообщить святѣйшему синоду. По предложенію синодальнаго оберъ-прокурора, генералъ-адъютанта графа Протасова, синодъ, разсмотрѣвъ дѣло, заключилъ, что по объявленію, сдѣланному Петромъ Адріановичемъ Дегтяревымъ о подлогѣ, употребленномъ при совершеніи брака дочери его, изслѣдованіе таковаго подлога, какъ совершившагося между свѣтскими лицами, надлежало епархіальному начальству, на точномъ основаніи существующихъ узаконеній, представить гражданскому начальству, а потому святѣйшій синодъ опредѣлилъ: слѣдствіе, произведенное въ духовномъ вѣдомствѣ, признать недѣйствительнымъ и просить произвести по сему предмету новое строжайшее изслѣдованіе черезъ благонадежныхъ лицъ, при депутатѣ съ духовной стороны, назначенномъ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, а потому министръ внутреннихъ дѣлъ и поручилъ производство слѣдствія по сему предмету состоящему при министерствѣ, коллежскому совѣтнику Мельникову.

Павлу Ивановичу Мельникову Казань была хорошо извѣстна [1]). Здѣсь воспитывался онъ въ университетѣ (1834—1837 г.) и сюда пріѣзжалъ потомъ, въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, чтобы запечатать «Коровинскую часовню» — мѣсто богослуженія старообрядцевъ, пріемлющихъ священство. Но тогда никто здѣсь не замѣтилъ чиновника Мельникова, кромѣ «часовенныхъ», на которыхъ Павелъ Ивановичъ нагналъ порядочную панику. Еще менѣе казанцы подозрѣвали, что изъ этого чиновника, ѣздившаго по Заволожью упразднять старообрядческіе скиты и часовни, выйдетъ въ очень скоромъ времени столь извѣстный «Андрей Печерскій». И дѣйствительно съ появленіемъ въ 1852 году его повѣсти «Кра-

[1]) См. «Заволожскую Вивліоѳику». Выпускъ I. Казань. 1887 г. Стр. 36.

сильниковы», подписанной названнымъ псевдонимомъ, въ русской прессѣ всюду заговорили, что Павелъ Ивановичъ замѣчательный литераторъ; въ особенности въ большомъ восторгѣ были наши казанцы, вспомнивъ, что авторъ «Красильниковыхъ» питомецъ здѣшняго университета. Повѣсть Андрея Печерскаго обратила на себя вниманіе лучшихъ людей литературы того времени, поэтому вѣсть о пріѣздѣ въ Казань не Мельникова, а Андрея Печерскаго, быстро распространилась среди мѣстной интеллигенціи.

— Слышали? Авторъ «Красильниковыхъ» въ Казани!—говорилъ одинъ учитель словесности молодому профессору университета.

— Не только слышалъ, а даже былъ у него съ визитомъ.

— Этакій вы счастливецъ! Ну, что? какъ? Какое впечатлѣніе вынесли?

— Пренепріятное! Я отправился къ Павлу Ивановичу, конечно, не какъ къ чиновнику Мельникову, а какъ къ Андрею Печерскому, автору «Красильниковыхъ»... Прихожу и вижу: въ передней стоитъ на вытяжку жандармъ, далѣе другой. Самъ Павелъ Ивановичъ сидѣлъ въ роскошномъ кабинетѣ, развалясь въ креслахъ и съ видомъ «Юпитера олимпійскаго» распекалъ какую-то плачущую старуху, повидимому, старовѣрку, которая, насколько можно было понять изъ ея словъ, ходатайствовала о возвращеніи ей древней иконы, благословенія родителей, конфискованной Мельниковымъ во время разгрома «коровинской часовни». Представьте теперь мое неловкое положеніе: когда я шелъ къ этому литератору, всѣ мысли мои погружены были въ идеальный міръ художественныхъ образовъ и эстетическихъ красотъ... и вдругъ—такая обстановка, такая сцена!..

Павелъ Ивановичъ занималъ два лучшихъ номера въ гостиницѣ Акчурина, на Воскресенской улицѣ. Сдѣлавъ визиты городскимъ властямъ, слѣдователь приступилъ къ порученному ему дѣлу.

Но дѣло оказалось порядочно запутаннымъ. Со времени подачи Дегтяревымъ жалобы въ консисторію по день пріѣзда въ Казань министерскаго чиновника прошло около двухъ лѣтъ. Въ этотъ промежутокъ времени нѣкоторыя прикосновенныя къ дѣлу лица умерли, другія—запамятовали то, въ чемъ заключалась «суть дѣла». Степанъ Степановичъ Мокеевъ изъ боязни, чтобы суды не разлучили его съ красавицей женой, согласился обвѣнчаться съ нею въ казанской четырехъ-евангелистовской (единовѣрческой) церкви, тайно отъ своихъ родителей, что и совершилось 14-го апрѣля 1854 года.

Первою Мельниковъ привлекъ къ допросу героиню всего этого дѣла, Марію Петровну. Та въ слезы.

— Не въ рекруты ведутъ, чего боишься, дурочка!—уговаривалъ ея отецъ.

Но за молодую женщину вступилась ея мать:

— Ты одно вспомни, Петръ Адріановичъ!—говорила Дегтя-

реву жена:—вѣдь это тотъ самый Мельниковъ, который разорилъ у насъ «Домъ Пресвятой Богородицы» [1]).

Присланному жандарму скучно было слушать длинныя пререканія Дегтяревыхъ и слезы собравшихся бабъ. Онъ сталъ требовать, чтобы торопились.

— Я самъ отправлюсь съ ней,— заявилъ мужъ Маріи Петровны.

Слова его успокоили разомъ всѣхъ. Марія Петровна отерла слезы, одѣлась и вмѣстѣ съ мужемъ и въ сопровожденіи жандарма отправилась къ «Андрею Печерскому».

Въ кабинетѣ Павла Ивановича сидѣлъ казанскій городской голова, коммерціи совѣтникъ Анисимъ Кирилловичъ Меcетниковъ. Онъ пріѣхалъ заплатить визитъ министерскому чиновнику, но съ визитомъ соединена была и другая цѣль: дочь головы, Татьяна Анисимовна, по мужу Дегтярева, приходилась родственницей «нашей героинѣ», поэтому въ посѣщеніи городскимъ головою Мельникова заключалась дипломатическая нота... Впрочемъ, Анисимъ Кирилловичъ не сочувствовалъ процессу, называя его «кляузой» со стороны Петра Адріановича Дегтярева. Мельниковъ былъ того же мнѣнія.

Когда уѣхалъ городской голова, начался допросъ Маріи Петровны, показаніе которой въ существенныхъ чертахъ записано рукою слѣдователя въ подлинномъ архивномъ дѣлѣ такъ:

« . . . . Дочь Петра Адріанова Дегтярева, Марія Мокеева, подтверждая во всемъ жалобу своего отца, дополнила, что отецъ отдавалъ ее за Мокеева съ тѣмъ условіемъ, чтобы она была вѣнчана въ церкви. Во время бытности ея въ невѣстахъ женихъ всегда увѣрялъ ее, что они будутъ вѣнчаны въ церкви. Передъ свадьбою за нею пріѣхали: дружка Стахѣевъ и замужнія сестры жениха—Прасковья и Ѳедосья, съ которыми она, невѣста, и поѣхала, думая, что везутъ ее въ церковь; но вмѣсто того привезли ее въ домъ Мокеева, гдѣ былъ и женихъ ея, такъ какъ въ домѣ этомъ, на верху, была моленная, то отвели ее туда, и отецъ жениха, Степанъ Яковлевъ Мокеевъ, сталъ вѣнчать ихъ, при этомъ, хотя она и говорила, что условіе было вѣнчаться въ церкви, но Мокеевы уговорили ее не противиться, увѣряя, что это все равно, и что въ церковныхъ книгахъ бракъ будетъ записанъ, и что отецъ ея, Дегтяревъ, объ этомъ не узнаетъ. Будучи молода и неопытна, не имѣя надлежащаго духовнаго и нравственнаго назиданія, она не поняла важности того, къ чему ее уговаривали, а любовь ея къ жениху, полное довѣріе къ нему, какъ къ человѣку, который черезъ часъ будетъ мужемъ ея, и совершенное незнаніе дѣлъ церковныхъ и гражданскихъ, были причиною того, что она согласилась на вѣнчаніе ея по обряду поморскому, совершенному Степаномъ Яковле-

[1]) Коровинскую часовню.

вымъ Мокеевымъ. Онъ читалъ передъ ними молитвы и накладывалъ имъ на головы иконы; но вкругъ аналоя не обводилъ. При этомъ случаѣ были только домашніе Мокеева, т. е. жена его Акулина Максимовна, дочь ихъ дѣвица Евдокія, и двѣ замужнія дочери: Прасковья и Ѳедосья, съ которыми она пріѣхала, дружка Стахѣевъ и зять Мокеева, Кондратій Чирковъ; другихъ же никого она, Марья, не замѣтила. Послѣ вѣнчанія былъ ужинъ, за которымъ, кромѣ названныхъ выше домашнихъ лицъ, никого посторонних не было. На другой день дѣлала съ мужемъ визиты къ ея родителямъ и роднымъ и другимъ лицамъ, и вездѣ ихъ поздравляли съ законнымъ бракомъ. Въ праздникъ Срѣтенія, 2 февраля, были на вечерѣ у купца Степана Герасимовича Медвѣдева въ его домѣ на Булакѣ [1]), гдѣ тоже ихъ всѣ поздравляли; а 3 февраля былъ вечеръ у Мокеевыхъ. При чемъ ей строго запретили свекоръ и жена его говорить о «вѣнчаніи», а также и мужъ совѣтовалъ ей молчать объ этомъ, исполняя въ этомъ случаѣ волю родителей. Любя своего мужа, она не говорила никому того, что ей запретили. Вышедши такимъ образомъ замужъ за любимаго человѣка, она первое время пользовалась полнымъ расположеніемъ и вниманіемъ его родителей и не слыхала отъ нихъ никакого грубаго слова. Но когда наступилъ великій постъ, свекровь стала сначала слегка, а потомъ настойчиво говорить, чтобы она, Марья, «исправилась», то-есть вступила въ ихъ поморское общество. Мужъ, изъ повиновенія родителямъ, говорилъ ей о томъ же; но она не соглашалась. Тогда свекоръ и свекровь стали уже стращать ее разными угрозами, которыя косвеннымъ образомъ дѣйствовали и на мужа ея, поэтому и онъ уговаривалъ ее исполнить волю родителей его. Она все-таки цѣлый мѣсяцъ не соглашалась, борясь сама съ собою и, не смѣя въ то же время разсказать про все отцу своему родному, ибо, зная рѣшительный характеръ его, она опасалась, какъ бы отецъ не взялъ ея домой, оторвавъ отъ милаго ей человѣка, хотя и крайне безхарактернаго Степана Степановича.

«Наконецъ, привязанность къ мужу и желаніе вывести его самого изъ того невыносимаго положенія, въ какомъ находился онъ, терпя отъ родителей ежедневныя угнетенія, она приняла предложеніе, и 23 марта 1852 года ее «перекрестили» въ моленной Мокеева. Крестилъ ее ночью наставникъ поморской секты, Ларіонъ Сергѣевъ Плаксинъ; воспріемниками были: Алексѣй Васильевичъ Степевъ и купчиха Татьяна Ѳедотовна Мыльникова; при этомъ были также: свекоръ, свекровь, золовка ея Авдотья Степановна и мѣщанская дѣвушка Аграфена Зиновьевна Забѣлина, которая помогала Плаксину, читая за дьячка. Вода была холодная, и она, Марья Мокеева, какъ отъ простуды, такъ и отъ сильнаго душевнаго волненія (ей

[1]) Нынѣ домъ Патрикеева, на лѣвой набережной Булака.

дано было новое имя), сдѣлалась на другой день больна и четыре дня пролежала въ постели въ жару и безъ памяти. И хотя она нѣсколько оправилась, но долго ее мучила совѣсть, что сдѣлала такой страшный грѣхъ, принявъ противъ воли и желанія вторичное крещеніе. Впрочемъ, при совершеніи надъ нею этого обряда, на нее напалъ такой ужасъ, что она совсѣмъ почти потеряла въ то время сознаніе и очень смутно понимала то, что съ нею дѣлали..... Однако и послѣ «перекрещенія» положеніе ея въ домѣ Мокеевыхъ нисколько не улучшилось, хотя она жила смиренно, покорно подчиняясь всѣмъ принятымъ въ домѣ порядкамъ и обычаямъ. Старики боялись, чтобы она не высказалась передъ своимъ родителемъ о томъ, во-первыхъ, что ее вѣнчали не въ церкви, и, во-вторыхъ, о томъ, что ее «перекрестили»,— поэтому не пускали ея къ нимъ въ домъ и, когда она сдѣлалась больною, родителямъ ея не дали даже знать объ этомъ. Все это она терпѣливо переносила, любя своего мужа, хотя часто задумывалась надъ своею жизнію, и въ такіе часы особенно сильно совѣсть щемила ей сердце. Ей было тяжело сознавать и то, что ея бѣдные родители, отецъ и мать, такъ страстно ее любившіе и изъ любви къ ней рѣшившіеся выдать ее въ семью чуждыхъ имъ по вѣрѣ людей, остаются до сихъ поръ обманутыми.... Много разъ она совѣтовалась съ мужемъ своимъ, прося его отдѣлиться отъ отца, но мужъ уговаривалъ ее потерпѣть еще не много, и такъ шли дни за днями. Наконецъ, она разрѣшилась отъ бремени сыномъ. Гдѣ и когда крестили ея ребенка, она не знаетъ, а ей сказали только, что его зовутъ «Иваномъ», и больше ничего. Послѣ родовъ она заболѣла горячкою и очень долго не видѣла своего сынка и не знала, кто кормилъ его. Мужъ во все время ея болѣзни не отходилъ почти отъ ея кровати, оказывая ей самое нѣжное вниманіе и ласки, но это стоило ему большихъ непріятностей: старуха мать злилась и ворчала на него за то, что такъ сильно пекся о ней и не оставлялъ ее одну. Много, очень много претерпѣлъ онъ отъ стариковъ, и особенно отъ матери своей, за его привязанность и любовь къ женѣ... По выздоровленіи она не была уже въ силахъ сносить притѣсненій отъ Мокеевыхъ и съ согласія и разрѣшенія мужа ушла въ домъ своихъ родителей [1]) съ тѣмъ, чтобы не возвращаться въ Мокеевскій домъ»....

Мы не станемъ утруждать вниманіе читателя выписками изъ «дѣла» многочисленныхъ свидѣтельскихъ показаній, въ которыхъ рѣзко различались одинъ отъ другого два направленія: сторонники

[1]) Деревянный, въ три окошка на улицу, съ маленькимъ мезониномъ на верху, домъ Петра Адріановича Дегтярева цѣлъ до настоящаго времени. Онъ находится на правой сторонѣ Булака, у моста, противъ второй гимназіи, и принадлежитъ теперь стекольщику Соловьеву. Въ этомъ домѣ родилась и выросла Марія Петровна, по Печерскому Гавриловна, и отсюда же выходила она замужъ за Мокеева.

стариков Мокеевыхъ, принадлежавшіе къ одному съ ними религіозному согласію, показывали въ пользу ихъ, а другая часть свидѣтелей, сочувствовавшая сторонѣ Дегтяревыхъ, держала руку этихъ послѣднихъ.

При произведенномъ въ домѣ Мокеева обыскѣ найдены разныя старопечатныя книги, рукописные духовные сборники и цвѣтники. Кромѣ множества старинныхъ иконъ, украшавшихъ углы почти всѣхъ комнатъ, имѣлись литографированные портреты старообрядческихъ отцовъ и «страдальцевъ за вѣру»: Аввакума Петровича, Никиты Константиновича, Андрея Денисовича (кн. Мышецкаго), Данилы Викулича, Мануила Петровича, игуменіи Соломоніи Денисьевны (сестры Андрея Мышецкаго) и Павла, епископа коломенскаго, сосланнаго при Алексѣѣ Михайловичѣ за отказъ подписать соборное проклятіе на употребляющихъ двуперстіе и потомъ сожженнаго въ срубѣ. Всѣ эти вещи: книги, иконы и портреты, а также кадильницы съ рукоятками, лѣстовки, подручники, желтаго воска свѣчи и ладанъ,— были конфискованы и увезены полиціей въ духовную консисторію (см. листъ 156-й «дѣла»).

Результатомъ произведеннаго слѣдствія явилось слѣдующее судебное постановленіе, приводимое нами подлинникомъ изъ архивнаго дѣла.

«Казанскій городовой магистратъ мнѣніемъ своимъ, состоявшимся 23 марта 1856 года, постановилъ: 1) казанскаго купца Степана Яковлева Мокеева, жену его, Акулину Максимовну, и сына Степана, по предмету повѣнчанія Марьи Дегтяревой постарообрядчески противу воли ея и согласія родителей, а равно и по предмету принужденія перекреститься въ ихъ поморскую секту, на основаніи 1169, 1176 ст. XV тома св. зак. угол. и 97 ст. уложенія, какъ не сознавшихся и не уличенныхъ, отъ суда по сему дѣлу освободить; 2) прочихъ оговоренныхъ Дегтяревыми казанскихъ мѣщанъ Ларіона Козьмина Плаксина, Елисѣя Кузьмина, Степана Степанова Стахѣева, жену его Θедосью Степановну, Татьяну Θедотову Мыльникову, Аграфену Зиновьеву Забѣлину, Парѳена Иванова Камедина, Прасковью Степанову Чиркову, по несознанію и не доказательству ни въ какомъ преступленіи, по тѣмъ же 1169 и 1176 ст. XV т. и 97 ст. улож., отъ суда по сему дѣлу освободить; 3) мѣщанину Дегтяреву и его дочери предоставить право доказывать свою претензію отъ дѣла сего особо съ ясными доказательствами; 4) обстоятельство, относящееся до повѣнчанія Степана Мокеева съ Марьею Дегтяревою по-старообрядчески, за состояніемъ издавна въ расколѣ оставить безъ преслѣдованія; 5) купеческаго сына Степана Степанова Мокеева, изъявившаго желаніе присоединиться къ православной церкви безусловно, отослать въ Казанскую духовную консисторію для надлежащаго съ ея стороны въ отношеніи его распоряженія, и 6) издержанныя

чиновникомъ особыхъ порученій при г. министрѣ внутреннихъ дѣлъ Мельниковымъ, во время производства по сему предмету слѣдствія деньги 784 р. 50 к. сер. по неоткрытію виновныхъ принять на счетъ казны.

«Опись съ дѣломъ повѣрялъ столоначальникъ Кіаксаровъ, и недостатковъ въ ней нѣтъ.

«Законами повелѣно: тома XI, уст. предупр. и пресѣч. преступленій статьею 60:

«Раскольники не преслѣдуются за мнѣнія ихъ о вѣрѣ; но запрещается имъ совращать и склонять кого либо въ расколъ свой, подъ какимъ бы то видомъ ни было, чинить какія либо дерзости противу православной церкви или противу ея священнослужителей и вообще уклоняться почему либо отъ соблюденія общихъ правилъ благоустройства, законами опредѣленныхъ.

«Ст. 92: Полиція не должна входить въ частныя ссоры и несогласія между супругами; въ случаѣ же преступленія уголовнаго обязана, сообразуясь съ законами, производить слѣдствіе и предавать дѣло суду.

«Если случилось, что судебными приговорами, по упомянутымъ взысканіямъ учиненными, никто виновнымъ признанъ не былъ, то и о семъ судебныя мѣста увѣдомляютъ казенныя палаты, а сіи, получивъ таковыя увѣдомленія, деньги, по означеннымъ взысканіямъ употребленныя, записываютъ въ невозвратный расходъ, исключая оный изъ недоимокъ установленнымъ порядкомъ. Сія записка изъ дѣла составлена правильно, приличные законы списаны всѣ и болѣе приличныхъ законовъ по сему дѣлу нѣтъ, въ чемъ и подлежу отвѣтственности по законамъ за всякую неисправность, секретарь Октавъ.

«Приказали. Изъ дѣла сего видно: казанскій мѣщанинъ Петръ Дегтяревъ жаловался сперва въ сентябрѣ 1853 г. казанскому преосвященному, а потомъ и г. министру внутреннихъ дѣлъ: а) что дочь его Марья, отданная въ замужество въ январѣ 1852 г. за сына казанскаго купца Степана Яковлева Мокеева, съ условіемъ вѣнчаться въ православной церкви, вѣнчана съ нимъ не была, и бракъ совершенъ по обряду поморцевъ, б) что послѣ она, Марья, по притѣсненію Мокеевыхъ перекрещена была въ ту же поморскую секту, в) что рожденный отъ нея сынъ былъ также крещенъ и по смерти его погребенъ по обрядамъ той же секты, и г) что мужъ ея Марьи, сынъ Мокеева, теперь не признаетъ ея своею женою и получилъ паспортъ съ названіемъ холостъ, тогда какъ въ купеческихъ свидѣтельствахъ, выданныхъ Мокееву, дочь Дехтярева значилась женою сына Мокеева Степана, и на брачной вечери, бывшей у Мокеева, всѣ поздравляли ихъ съ законнымъ бракомъ, въ томъ числѣ и два приходскіе священника, тамъ же бывшіе для благословенія вечери. Но по произведеннымъ изслѣдованіямъ,

сперва по распоряженію преосвященнаго архіепископа Григорія [1]) чрезъ духовныхъ лицъ при депутатѣ съ градской стороны, а потомъ по распоряженію г. министра внутреннихъ дѣлъ чрезъ состоящаго при томъ министерствѣ коллежскаго совѣтника Мельникова, при депутатѣ съ духовной стороны и ратманѣ городового магистрата, изъясненная жалоба мѣщанина Дегтярева не подтвердилась и обнаружено: 1) что во время соединенія дочери Дегтярева съ сыномъ Мокеева, т. е. въ январѣ 1852 года, всѣ они состояли въ расколѣ, а именно Дегтяревъ съ семействомъ поповщинской секты, въ каковую, какъ самъ онъ при допросѣ сознался, отпалъ отъ православія, женившись въ 1826 году на раскольницѣ; а Мокеевъ съ семействомъ —поморской секты, въ которой, по его показанію, состоитъ со дня рожденія, хотя вѣнчанъ былъ въ 1824 году въ единовѣрческой церкви четырехъ евангелистовъ, находящейся въ г. Казани, но безъ обязанности неуклонно пребывать въ той церкви; 2) что при такомъ соединеніи дочери Дегтярѣва съ сыномъ Мокеева между ними никакого письменнаго условія вѣнчаться въ церкви не было, и Дегтеревымъ отпущена была дочь къ Мокееву съ одними родными Мокеевыхъ безъ поѣзжанъ, каковыми обыкновенно бываютъ изъ постороннихъ, посему и бракъ ихъ былъ совершенъ скрытно, по своимъ обрядамъ, только въ присутствіи родныхъ Мокеева, въ отдаленной комнатѣ, на чердакѣ, какъ объясняетъ самъ Мокеевъ, потому что въ нижнихъ комнатахъ были сторонніе люди, слѣдовательно, безъ постороннихъ свидѣтелей и безъ всякой огласки; 3) что съ того времени Марья Дегтярева, живя въ домѣ Мокеева, именовалась женою сына его Степана и значилась при полученіи Мокеевыми купеческихъ свидѣтельствъ, выданныхъ 20 декабря 1853 г. и 21 декабря 1854 г., наконецъ и въ 1855 г., при слѣдствіи, признавали ее, Марью, отецъ и мать Мокеевы невѣсткою, а сынъ ихъ Степанъ своею женою, произвольно отъ нихъ удалившеюся и не возвратившеюся, несмотря на многократныя просьбы мужа. Въ чемъ главнѣйше признаютъ они, Мокеевы, виновнымъ отца ея Дегтярева, который, домогаясь того, что она, Марья, съ мужемъ была отдѣлена отъ семейства Мокеевыхъ, успѣлъ возмутить ее къ тому; въ паспортѣ же, выданномъ сыну Мокеева 22 іюля 1853 г. (въ полученіи котораго расписывался отецъ Мокеева), названъ холостымъ, какъ объясняютъ Мокеевы, по ошибкѣ, происшедшей вслѣдствіе того, что этотъ паспортъ писанъ былъ съ прежняго, въ коемъ онъ значился, какъ и дѣйствительно тогда былъ, еще холостымъ; 4) что Дегтяревъ началъ дѣло сіе въ показанное время, т. е. черезъ 1 годъ и 8 мѣсяцевъ послѣ означеннаго брака дочери, вслѣдствіе изъясненнаго

---

[1]) Григорій Постниковъ, впослѣдствіи митрополитъ с.-петербургскій (ум. 1860 г.).

семейнаго раздора, взявъ къ себѣ дочь Марью и получа назадъ приданое ея за распискою, данною Мокееву того же 1853 года іюля 7, въ которой между прочимъ значится, что сію расписку онъ далъ, не доводя до судебнаго мѣста, въ чемъ и претендовать не будетъ, а далѣе сказано: «невѣнчанный бракъ за законъ не почитаю». Послѣ, а именно 14 февраля 1853 года, Дегтяревъ присоединился къ православію, на условіяхъ единовѣрія, потомъ и дочь его Марія, живя уже у отца, присоединена къ православію на тѣхъ же условіяхъ единовѣрія 12 февраля 1855 года, дотолѣ же она всегда состояла въ расколѣ, и чтобы она была перекрещиваема по обрядамъ поморской секты, когда находилась въ домѣ Мокеева, сего точно и ясно ничѣмъ не доказано, хотя же имѣется въ дѣлѣ показаніе наставника поморско-ѳедосѣевской секты Ларіона Плаксина, что ее Марью перекрещивалъ другой наставникъ Елисѣй Козьминъ, а самъ онъ, Плаксинъ, крестилъ только сына Петровой, внука Мокеева, но это показаніе, не сознанное Козьминымъ и само по себѣ разнорѣчащее показанію Марьи Петровой, не имѣетъ никакой достовѣрности; 5) что касается родныхъ и гостей, бывшихъ на брачной вечери и поздравлявшихъ дочь Дегтярева и сына Мокеева съ законнымъ бракомъ, то объясняется, что они, не бывъ при обрядѣ бракосочетанія новобрачныхъ, считали ихъ вѣнчавшимися въ церкви, тѣмъ болѣе, что здѣсь на вечери видѣли и двухъ приходскихъ священниковъ, также поздравлявшихъ съ законнымъ бракомъ, но священники, однако, этого не подтвердили. Впрочемъ, до какой степени уважительны объясненія тѣхъ священниковъ о причинѣ бытности ихъ на раскольнической брачной вечери, и почему они не донесли своему начальству о совершившемся у Мокеева бракѣ, это обстоятельство принадлежитъ особому разсмотрѣнію духовной власти, какъ и сказано въ послѣдовавшемъ уже по сему дѣлу заключеніи святѣйшаго синода,— разсмотрѣть это по рѣшеніи дѣла свѣтскимъ судомъ, и 6) между же тѣмъ Марья Дегтярева на вопросъ слѣдователя, желаетъ ли она снова сойтись съ мужемъ,—показала, что, любя своего мужа, который и самъ любитъ ее и жилъ съ ней хорошо, она желала бы съ нимъ законно обвѣнчаться и жить вмѣстѣ, онъ ни въ чемъ не виноватъ. Отецъ же Мокеева на вопросъ, желаетъ ли онъ, чтобы сынъ его обвѣнчался съ Марьей Петровой въ церкви, такъ какъ бракъ ихъ не законенъ,—отозвался, что, признавая совершенный бракъ законнымъ, онъ не хочетъ, чтобы бракъ былъ совершенъ въ церкви, не можетъ также и принять ее въ домъ, потому что отецъ ея подавалъ на него просьбу, и началось дѣло, но воли съ сына своего не снимаетъ, если онъ хочетъ, пусть обвѣнчается съ нею законно въ церкви и живетъ съ нею. Затѣмъ сынъ Мокеева, Степанъ, въ показаніи, отобранномъ слѣдователемъ 12 марта 1855 года, отозвался: а) что онъ признавалъ и теперь признаетъ Марью Пе-

трову своею женою, но ея дѣло было оставить его, и потому повѣнчаться съ нею не можетъ до того, когда правительство ихъ разберетъ, и б) что онъ церковью не пренебрегаетъ и самъ желаетъ присоединиться къ святой церкви безусловно и пребывать въ ней неуклонно. О таковомъ желаніи его, Степана Мокеева, присоединиться къ святой церкви слѣдователь сообщилъ 15 того же марта на распоряженіе г. начальника губерніи, а его превосходительство 16 того же марта отнесся къ епископу Никодиму [1]), викарію Казанской епархіи, для надлежащихъ со стороны его распоряженій. Потомъ, въ особомъ объясненіи, поданномъ слѣдователю, коллежскому совѣтнику Мельникову, купеческій сынъ Степанъ Мокеевъ 15 того же марта написалъ, что такъ какъ со стороны Марьи Петровой возведена на него и родителей его клевета, и при томъ отецъ ея при личной просьбѣ о возвращеніи ея, Марьи, выгналъ его, Степана, сказавъ: «нѣтъ тебѣ жены», и послѣ, взявъ приданое ея, поносилъ всячески и говорилъ, что его дочь не жена ему, то теперь брать ее и вѣнчаться съ нею не можетъ, какъ и любви къ ней такой, какую питалъ прежде, уже не имѣетъ за всѣ тѣ поступки. Дегтяревы и Мокеевы при послѣднемъ спросѣ слѣдователя 24 того жъ марта отозвались первые: желаютъ, чтобы бракъ былъ освященъ въ церкви, а послѣдніе, что не желаютъ сего, и къ тому отецъ и мать Мокеевы присовокупили: «благословенный нашъ родительскій бракъ почитаемъ и ко второму приступить не смѣемъ, здѣсь разумѣется бракъ сына Степана съ Марьею Петровой; о повѣнчаніи въ церкви воли отъ нихъ не отъемлемъ». На повальномъ обыскѣ поведеніе Дегтяревыхъ и Мокеевыхъ одобрено, и по справкамъ оказался только одинъ Мокеевъ бывшимъ подъ судомъ въ 1830 году по оговору, что онъ бѣглый солдатъ, но по рѣшенію уголовной палаты учиненъ свободнымъ отъ суда по непризнанію и недоказательству его въ томъ. Изъ таковыхъ обстоятельствъ дѣла сего уголовная палата находитъ: оглашеніе мѣщанина Петра Дегтярева а) въ обманѣ его при выходѣ дочери Марьи въ замужество за купеческаго сына Мокеева, тѣмъ что она осталась не вѣнчанною въ церкви, и б) въ совращеніи ея потомъ въ расколъ, будто бы по притѣсненію Мокеевыхъ, оказывается неосновательнымъ, ибо для перваго, т. е. для повѣнчанія брака въ церкви, имъ самимъ, Дегтяревымъ, состоявшимъ тогда, какъ и Мокеевъ, въ расколѣ, не было соглашено и соблюдено правилъ, предписанныхъ для сего въ 30 ст. св. зак. гражд. т. X, а, напротивъ, та дочь его была имъ отпущена къ Мокеевымъ безъ всякихъ существующихъ при православныхъ бракахъ обрядовъ, посему нынѣ, за силою 60 ст. XIV т. уст. предупрежд. и пресѣч. преступл., невозможно входить ни въ разсмотрѣніе допущеннаго соединенія дочери Дегтярева съ сыномъ

[1]) Никодимъ Казанцевъ, впослѣдствіи епископъ енисейскій († 1874 г.).

Мокеева по обрядамъ раскола, ни въ преслѣдованіе за мнѣніе ихъ о вѣрѣ. Что же относится до послѣдняго обстоятельства, т. е. совращенія дочери его въ расколъ, то по дѣлу видно, что она выходила въ замужество, какъ и рождена была въ расколѣ, въ каковой отпалъ самъ отецъ ея, проситель Дегтяревъ, изъ православія, женившись на раскольницѣ въ 1826 году; присоединеніе же къ православію, принятое на условіяхъ единовѣрія самимъ Дегтяревымъ въ 1853 году, когда онъ и дѣло сіе началъ, и означенною его дочерью Марьею въ 1855 году по разлукѣ уже ея съ мужемъ и когда началось дѣло сіе, есть само по себѣ доказательство того, что въ 1852 году во время соединенія ея Марьи Дегтяревой съ сыномъ Мокеева, они, Дегтяревы, не состояли въ православіи, слѣдовально и относить къ Мокеевымъ совращенія невозможно. Но, разрѣшая эти главныя въ дѣлѣ обстоятельства, палата усматриваетъ еще слѣдующіе предметы: 1) что дочь Дегтярева, отлучившаяся отъ мужа своего Степана Мокеева, желаетъ снова сойтись съ нимъ по освященіи брака ихъ въ церкви, чего главнѣйше и домогаются нынѣ Дегтяревы, и 2) что купеческій сынъ Степанъ Мокеевъ не отвергаетъ того, что означенная Марья Петрова есть жена его; но не соглашается брать ее и вѣнчаться съ нею въ церкви по поступкамъ ея противъ него и родителей его, самъ между тѣмъ изъявилъ желаніе присоединиться къ святой церкви безусловно и пребывать въ ней неуклонно, о чемъ сдѣлано уже и сношеніе со стороны начальника гуаерніи [1]) съ епископомъ Никодимомъ, викаріемъ Казанской епархіи. Но, сообразивъ эти предметы съ законами (вышеприввед. т. X, ст. 30 и т. XIV, ст. 92 и 315), палата не считаетъ себя въ правѣ входить въ разрѣшеніе ихъ, такъ какъ а) частныя ссоры и несогласія между супругами не принадлежатъ судебному разсмотрѣнію, б) браки раскольниковъ въ православной церкви совершаются только по желанію ихъ съ обязательствомъ быть въ православіи твердымъ и съ раскольниками согласія не имѣть, а браки правовѣрныхъ (къ числу коихъ нынѣ принадлежитъ Марья Дегтярева) съ раскольниками допускаются не иначе, какъ по принятіи сими послѣдними съ церковью святой соединенія, съ присягою. Но для такового обращенія къ православію господствующая церковь не допускаетъ себѣ ни малѣйшихъ понудительныхъ средствъ, а поступаетъ по обряду проповѣди апостольской, и потому палата полагаетъ: 1) обстоятельства соединенія и разлуки мѣщанской дочери Марьи Дегтяревой съ купеческимъ сыномъ Степаномъ Мокеевымъ, допущенныя по обрядамъ раскола, въ коемъ всѣ они тогда состояли, за силою 60 и 315 ст. уст. о предупр. и пресѣч. прест., оставить безъ преслѣдованія, 2) означенному купе-

---

[1]) Казанскимъ губернаторомъ былъ въ это время братъ извѣстнаго поэта, генералъ-лейтенантъ Ираклій Абрамовичъ Боратынскій († 1859 г.).

ческому сыну Степану Мокееву, изъявившему желаніе присоединиться къ православію (о чемъ сдѣлано уже сношеніе съ духовною властію), внушить, что бракъ его съ Марьею Петровою, какъ въ православномъ отношеніи для твердости и въ отвращеніе разврата, такъ и въ видахъ гражданскихъ для сохраненія законныхъ правъ дѣтямъ, требуетъ освященія и признанія его въ церкви по установленнымъ правиламъ, и что сего желаетъ жена его Марья Петрова, принявшая уже православіе и изъявляющая готовность примириться съ нимъ и жить вмѣстѣ, въ чемъ не отъемлютъ воли его и родители его Мокеевы. О чемъ къ свѣдѣнію и для надлежащаго увѣщанія Мокеева при обращеніи его въ православіе сообщить и Казанской духовной консисторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить на разсмотрѣніе той же консисторіи и обстоятельство дѣла сего, касающееся приходскихъ священниковъ Ягодинской церкви, бывшихъ на раскольнической брачной вечери у Мокеева; 3) какъ въ оглашаемомъ мѣщаниномъ Дегтяревымъ обманѣ о совращеніи дочери его Марьи ни означенный мужъ ея, купеческій сынъ Степанъ Степановъ, ни отецъ его Степанъ Яковлевъ и мать Акулина Максимовна Макеева, никто изъ всѣхъ прочихъ привлеченныхъ къ отвѣтственности по сему дѣлу лицъ, поименованныхъ во 2 пунктѣ мнѣнія городового магистрата, какъ-то: мѣщане Ларіонъ Плаксинъ, Елисѣй Козьминъ, Степанъ Стахѣевъ, Ѳедосей Степановъ, Татьяна Мыльникова, Аграфена Забѣлина, Прасковья Чиркова и Алексѣй Степевъ,—въ томъ не сознались, точно ясно не доказаны и не уличены, то всѣхъ ихъ, согласно мнѣнію того магистрата и на основаніи ст. 1169 св. зак. угол. т. XV, отъ суда освободить, и 4) затѣмъ издержанные состоящимъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ коллежскимъ совѣтникомъ Мельниковымъ, по его исчисленію, на подъемъ 450 рублей, на прогоны изъ С.-Петербурга до Казани и обратно, и разъѣзды для поѣздокъ изъ Казани въ пригородную слободу Ягодную 172 рубля 50 коп. суточныхъ и квартирныхъ, какъ не получающему жалованья, съ 19-го января по 19-е апрѣля, на три мѣсяца 162 рубля, а всего 784 рубля 50 коп., по неоткрытію виновныхъ, по силѣ 909 ст. св. зак. угол. т. XV, зачислить въ невозвратный доходъ, исключа оныя изъ недоимки установленнымъ порядкомъ. О чемъ довести до свѣдѣнія г. начальника губерніи для представленія министерству внутреннихъ дѣлъ. Рѣшеніе сіе объявить мѣщанину Дегтяреву, дочери его Марьѣ, купцу Степану Мокееву, женѣ его Акулинѣ Максимовой и сыну ихъ Степану въ палатѣ и для сего вызвать ихъ сюда черезъ казанскую градскую полицію по правиламъ 1350 ст. XV т. св. зак. угол. (по VI прод.), а о объявленіи всѣмъ прочимъ причастнымъ къ дѣлу лицамъ и для надлежащаго въ отношеніи ихъ исполненія послать указъ казанскому городовому магистрату и велѣть по исполненіи рапортовать. Но предварительно дѣло сіе съ рѣшительнымъ опредѣле-

ніемъ представить на утвержденіе къ начальнику губерніи. За предсѣдателя и. д. товарища Писаревъ. Читалъ Анучинъ 24 іюля. Засѣдатель Котеловъ. Сіе опредѣленіе г. предсѣдатель Перцовъ и засѣдатели: Андреевскій и Рязановъ, не подписали за бытіемъ на вакантномъ времени. 13 іюля 1856 года».

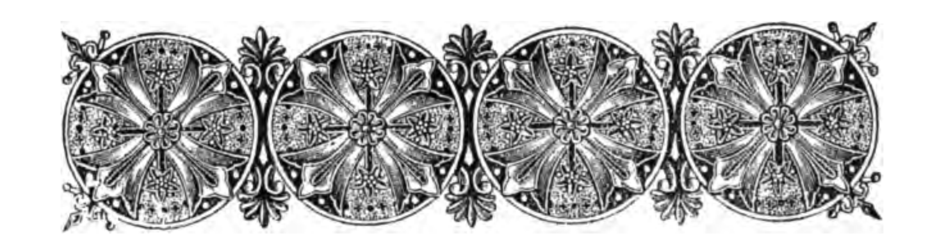
Въ Казани еще существуютъ люди, состоящіе въ родствѣ съ домомъ Дегтяревыхъ, изъ котораго вышла Марья Петровна Мокеева (по Печерскому—Марія Гавриловна Масленникова); съ ними пишущему эти строки случалось не разъ бесѣдовать. Изъ разспросовъ онъ получилъ о дальнѣйшей судьбѣ этой семьи слѣдующія свѣдѣнія.

Вскорѣ послѣ окончанія судебнаго процесса умеръ отецъ Марьи Петровны, Дегтяревъ, а еще немного спустя ея мужъ Степанъ Степановичъ Мокеевъ. Мать Маріи Петровны, строгая старовѣрка, рѣшила уѣхать съ дочерью въ одинъ изъ старообрядческихъ скитовъ Семеновскаго уѣзда, уцѣлѣвшихъ отъ разгрома. Здѣсь проживала почитаемая даже въ Казани знаменитая мать Манеоа, столь авторитетная игуменья комаровскаго скита. Она изрѣдка пріѣзжала въ Казань и была близка купеческому роду Дегтяревыхъ. Въ ея скитѣ, въ отдѣльномъ домикѣ, и поселилась Марья Петровна съ своею матерью.

Павлу Ивановичу Мельникову приходилось бывать въ скитахъ, въ томъ числѣ и комаровскомъ; въ немъ онъ встрѣтилъ старую знакомку, казанскую красавицу Марью Петровну. Назвавъ ее Марьей Гавриловной, Печерскій ввелъ ее въ рядъ героинь своего талантливаго литературнаго произведенія, столь извѣстнаго русскому читающему обществу, украсивъ біографію этой героини цвѣтами своей игривой фантазіи.

Н. Агафоновъ.

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА.

Тридцать шесть лѣтъ тому назадъ умеръ Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, и только на-дняхъ напечатаны сыномъ его, княземъ М. С. Волконскимъ, «Записки» [1]) покойнаго. Онѣ написаны имъ подъ старость, послѣ возвращенія изъ Сибири, въ продолженіе послѣднихъ шести лѣтъ его жизни, окончившейся на семьдесятъ восьмомъ году. Память его была настолько замѣчательна, что онъ не прибѣгалъ ни къ какимъ печатнымъ или письменнымъ матеріаламъ. По увѣренію сына, онъ провѣрилъ все написанное отцомъ, и оказалось, что всѣ сообщенные имъ факты исторически вѣрны. Такъ какъ самъ авторъ «Записокъ» прекратилъ ихъ на описаніи событій 1825 года, по причинѣ его смерти, то сынъ дополнилъ ихъ свѣдѣніями объ его процессѣ, жизни въ Сибири и о возвращеніи оттуда, а также объ его жизни до послѣднихъ минутъ.

Въ виду обширныхъ размѣровъ, въ которыхъ задуманы авторомъ его «Записки», и неожиданнаго ихъ прекращенія, мы, къ сожалѣнію, имѣемъ только пятьдесятъ страницъ относительно событій, предшествовавшихъ декабрьской катастрофѣ, а четыреста страницъ посвящены его предыдущей жизни. Впрочемъ, и онѣ представляютъ живую картину эпохи царствованія Александра I. Особый интересъ его разсказъ пріобрѣтаетъ отъ правдивости и яркости налагаемыхъ имъ красокъ на разсказываемыя имъ событія. Вѣрныя, хотя часто рѣзкія, характеристики его современниковъ и безпристрастные отзывы о лич-

[1]) Записки Сергѣя Григорьевича Волконскаго (декабриста). Изданіе князя М. С. Волконскаго. С.-Петербургъ. 1901.

востяхъ, несмотря на ихъ высокое положеніе, дѣлаютъ его «Записки» чрезвычайно любопытными, даже въ той ихъ части, которая не касается его дѣятельности, какъ декабриста. Поэтому, хотя мы обратимъ главное вниманіе на его жизнь въ качествѣ заговорщика и ссыльнаго, но кратко сообщимъ и рельефные факты въ историческомъ отношеніи, которые онъ сообщаетъ. Они тѣмъ болѣе интересны, что въ нихъ находится много новаго, несмотря на значительный запасъ свѣдѣній о царствованіи императора Александра, представленный въ книгахъ и статьяхъ, изданныхъ въ послѣдніе годы, особенно въ почтенномъ трудѣ Н. К. Шильдера.

Сынъ князя Григорія Семеновича Волконскаго и его жены княгини Александры Николаевны, урожденной княжны Репниной, Сергѣй Григорьевичъ родился княземъ и именовался имъ до лишенія его княжескаго и дворянскаго достоинства послѣ декабрьскихъ событій 1825 года. По этой причинѣ, для ясности разсказа, мы будемъ называть его княземъ въ первую эпоху его жизни. Четырнадцати лѣтъ онъ помѣщенъ былъ въ училище аббата Николя, которое тогда славилось, какъ лучшее, хотя, по его словамъ, «преподаваемая тамъ учебная система была весьма поверхностна и вовсе не энциклопедична». Окончивъ курсъ въ этомъ пансіонѣ, въ 1806 г. князь Волконскій поступилъ поручикомъ въ Кавалергардскій полкъ. Первымъ его наставникомъ по фронтовой службѣ былъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ, будущій князь, военный министръ и предсѣдатель государственнаго совѣта. Это первый человѣкъ, о которомъ упоминаетъ Волконскій и чрезвычайно рѣзко, называя его «шарлатаномъ безъ всякихъ дѣльныхъ способностей». Вообще своихъ тогдашнихъ начальниковъ и товарищей онъ характеризуетъ, за исключеніемъ весьма немногихъ, людьми «моральности сомнительной, весьма ложныхъ понятій о чести, весьма мало дѣльной образованности и почти во всѣхъ преобладаніе глупаго молодечества». Одно только, по его словамъ, было въ нихъ хорошо: это тѣсная товарищеская дружба.

Съ самаго перваго года своей службы князь Волконскій принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Франціи. Онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ главнокомандующему, графу Михаилу Ѳедотовичу Каменскому, «человѣку съ большой образованностью и военными достоинствами, но дряхлому и заносчивому и часто безразсудно вспыльчивому». Онъ пришелъ въ отчаяніе отъ разстроеннаго положенія арміи, и въ то самое время, когда войска вступали въ Пултускую битву, онъ сѣлъ на перекладную и уѣхалъ изъ арміи. Князь Волконскій остался было безъ мѣста, но Остерманъ-Толстой, командовавшій передовыми войсками, взялъ его къ себѣ тоже адъютантомъ. Послѣ перваго сраженія, въ которомъ участвовалъ князь Волконскій, русская армія отступила, благодаря непріязненнымъ отношеніямъ между генералами Бенингсеномъ и Буксгевденомъ,

оставшимися безъ высшаго начальника. Непростительная выходка Каменскаго обошлась ему дорого: онъ былъ лишенъ званія главнокомандующаго и сосланъ въ деревню. Беннигсенъ назначенъ былъ на его мѣсто, а Буксгевденъ также удаленъ изъ арміи. Второе большое сраженіе, въ которомъ участвовалъ Волконскій, было знаменитое Прейсишъ-Эйлауское; оно, по его словамъ, «ознаменовало стойкость русскихъ войскъ и пылъ натиска французовъ, предпріимчивость, военный взоръ, ученость, практичность Наполеона и хладнокровность, распорядительную дѣятельность и подобные же военный взглядъ, ученость и практичество Беннигсена».

Хотя всѣ усилія французской арміи не могли сбить русскихъ съ ихъ позиціи, они на другой день отступили, и военныя дѣйствія пріостановились на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ этой знаменитой битвѣ князь Волконскій былъ раненъ, и ему пришлось уѣхать въ Тильзитъ для лѣченія. Когда же онъ выздоровѣлъ, то былъ назначенъ состоять при Беннигсенѣ. По его словамъ, «для молодого человѣка главная квартира — школа подлости, интригъ, и память о ней не льнетъ къ его сердцу; тѣ же выходы дворцовые, тѣ же льстецы-идолопоклонники, а малое число работающихъ дѣльными занятіями,— та же масса тунеядцевъ». Вообще онъ рѣзко относился ко всему, что его окружало; такъ, напримѣръ, онъ говоритъ о безпорядкахъ коммиссаріатской и провіантскихъ частей: «Шефы полковъ по подрядной цѣнѣ брали отъ комиссіи денежныя выдачи, клали оныя къ себѣ въ карманъ и снабжали войска насильственными способами отъ жителей. Послѣ замиренія всѣ эти счеты поступили въ учрежденную въ Мемелѣ комиссію, которая ничего не распутала. Деньги, незаконно пріобрѣтенныя, остались въ карманахъ тѣхъ, которые по сдѣлкѣ между собою выдавали и получали, а однимъ только послѣдствіемъ было, что провіантскіе и комиссаріатскіе чиновники, носившіе до того обще-армейскій мундиръ, были лишены онаго и не считались болѣе по рангамъ военнымъ, а распредѣлены были по классамъ гражданскимъ. При этомъ случаѣ, къ стыду русскаго имени, нелишнимъ считаю замѣтить, что весь этотъ грабежъ повторился въ послѣднюю крымскую кампанію, гдѣ комиссія и полковые командиры въ эту гибельную минуту отечественнаго дѣла возобновили безстыдные грабежи, нажили значительныя суммы, иные купили имѣнія, а другіе, болѣе смышленые, вложили свои капиталы безыменными билетами въ кредитное учрежденіе. Горько упомянуть любящему свое отечество человѣку о поносныхъ сихъ дѣйствіяхъ, и какъ не сказать, что пока этихъ измѣнниковъ-воровъ не будутъ вѣшать, грабежи и безпорядки будутъ опять возобновляться».

Какъ только начались военныя дѣйствія, то произошла роковая Фридландская битва, имѣвшая послѣдствіемъ значительное пораженіе русскихъ. Во время битвы князь Волконскій былъ посланъ

въ городъ, чтобы посмотрѣть съ ратуши, приближаются ли французы, направленные въ тылъ русской арміи, и, между прочимъ, встрѣтилъ зрѣлище, весьма неожиданное и «стыдное для русскаго имени, особенно въ виду иностранцевъ». Комната, въ которую онъ вошелъ, была наполнена двумя генералами и многими штабъ- и оберъ-офицерами не ранеными, но отлучившимися со своихъ мѣстъ съ позиціи. Черезъ нѣсколько дней прибылъ въ армію императоръ Александръ и объявилъ, что заключено перемиріе. Затѣмъ произошло знаменитое Тильзитское свиданіе, и послѣ непродолжительныхъ переговоровъ былъ заключенъ миръ, вслѣдъ за которымъ армія вернулась въ Россію, въ томъ числѣ и Волконскій. На пути еще за границей многіе солдаты, около сотни, дезертировали, изъ боязни предстоящихъ имъ тяжкихъ фронтовыхъ занятій.

Въ Петербургѣ снова началась для князя Волконскаго та же разгульная жизнь среди офицеровъ Кавалергардскаго полка. Въ числѣ служебныхъ занятій было и пудренье волосъ. «У Чернышева, замѣчаетъ нашъ авторъ, это было государственное, общественное дѣло. Чтобы не въ обиду ему было сказано, на пустой его головѣ пудра ложилась ровными слоями. И какъ не сказать, что тогда, какъ и впослѣдствіи, пускать пыль въ глаза, и то чужими руками, было главнымъ его дѣломъ».

Въ 1808 г. и 1809 г. происходила война съ Швеціей, въ которой русскимъ главнокомандующимъ былъ Буксгевденъ. Князю Волконскому предложено было поступить къ нему адъютантомъ, но онъ, считая эту войну несправедливою, отказался и не принялъ въ ней участія. Поэтому онъ не описываетъ ея въ своихъ «Запискахъ», такъ какъ всегда придерживался правила описывать лишь то, что самъ видѣлъ и слышалъ. Однако, въ началѣ 1810 г. онъ снова очутился на полѣ брани, хотя, какъ во всю свою боевую жизнь, онъ постоянно состоялъ при штабахъ и теперь былъ назначенъ въ штабъ главнокомандующаго молдавской арміей, графа Каменскаго, сына фельдмаршала.

Взятіе Силистріи, неудачный штурмъ Рущука и счастливое Батинское сраженіе были выдающимися событіями турецкой войны. Съ трофеями послѣдней битвы былъ посланъ въ Петербургъ Волконскій и по дорогѣ встрѣтилъ фельдъегеря, который извѣстилъ его, что онъ назначенъ флигель-адъютантомъ государя. Новая жизнь началась для него, и, по его словамъ, пустой дворцовый бытъ не отличался ничѣмъ замѣчательнымъ. Какъ всегда, происходили безконечныя интриги и сплетни; только мелкими услугами снискивали царедворцы себѣ царскія милости. Изъ крупныхъ историческихъ событій во время дворцовой службы Волконскаго онъ упоминаетъ только о ссылкѣ Сперанскаго, причиной которой была интрига противъ него, главнымъ образомъ, графа Армфельда. Наканунѣ своего ареста онъ, выходя изъ кабинета государя, сказалъ дежурному

флигель-адъютанту, князю Волконскому: «Ну, хорошъ для меня день, государь долго и благосклонно меня выслушивалъ!» Черезъ сутки онъ уже ѣхалъ въ ссылку.

По дѣлу Сперанскаго князь еще прибавляетъ: «Мнѣ доподлинно разсказывали, но я не ручаюсь за добросовѣстность, что де-Сангленъ говорилъ потомъ: «Немудрено, что ничего не нашли у Сперанскаго,

Князь С. Г. Волконскій въ молодые годы.
(Съ портрета, приложеннаго къ его «Запискамъ»).

что могло его компрометировать; вѣдь Балашевъ вошелъ, самъ-другъ, съ Михаиломъ Михаиловичемъ въ кабинетъ сего послѣдняго и меня не допустилъ вмѣстѣ съ нимъ. Немудрено имъ было въ довольно продолжительное время en tête à tête истребить все, что бы выказало его сношенія съ Наполеономъ и его преступные замыслы». Съ одной стороны, вѣроятность, что по дружбѣ Балашевъ помогъ, насколько могъ, своему пріятелю, говоритъ въ пользу разсказа

де-Санглена, но, съ другой стороны, послѣдній былъ un homme sans foi ni loi и могъ сочинить все, что угодно противъ Сперанскаго. Козни враговъ Сперанскаго были тѣмъ удачнѣе, что противъ него было настроено общественное мнѣніе, вѣрившее въ его сношенія съ Наполеономъ. Однако Волконскій завѣряетъ, что самъ слышалъ отъ князя Григорія Ивановича Гагарина, которому въ 1814 году было поручено разсмотрѣть всѣ бумаги Сперанскаго, хранившіяся у самого государя подъ ключемъ, что имъ не найдено ни одного слова, подающаго подозрѣніе на Сперанскаго, хотя онъ перебралъ всѣ бумаги по листкамъ и строкамъ.

Наступилъ 1812 годъ. «Пораженія Аустерлицкое и Фридландское, Тильзитскій миръ, надменность французскихъ пословъ въ Петербургѣ, пассивность императора Александра передъ политикой Наполеона, — говоритъ Волконскій, — были глубокія раны въ сердцѣ русскаго. Мщеніе и мщеніе было единственнымъ чувствомъ, пылающимъ у всѣхъ и каждаго. Кто не раздѣлялъ этого — и весьма мало ихъ было — почитался отверженцемъ, презирался». Поэтому война съ французами была очень популярна съ самаго начала.

Весною войска были уже стянуты въ пограничныхъ западныхъ губерніяхъ, подъ начальствомъ Барклая-де-Толли и князя Багратіона. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ выѣхалъ въ армію государь, и въ Вильнѣ образовалась главная царская квартира. Жизнь тамъ до военныхъ дѣйствій была вполнѣ столичная. Праздники и торжества быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Очень парадно обставленъ былъ праздникъ Пасхи, и по этому случаю авторъ передаетъ любопытный разсказъ, который характеризуетъ странную любовь Александра «даже изъ религіознаго обряда дѣлать, какъ бы сказать, театральное, вахтъ-парадное представленіе». Къ извѣстному часу всѣ придворные должны были собраться, чтобы шествовать въ церковь, но Волконскій съ товарищемъ своимъ Лопухинымъ опоздалъ и, боясь получить выговоръ отъ государя, хотѣлъ пробраться заднимъ ходомъ въ церковь и оттуда незамѣтно дойти до своего мѣста. Но тамъ стоялъ придворный лакей и сказалъ: «Нельзя, тамъ государь». «Да что же онъ тамъ дѣлаетъ? — воскликнулъ Волконскій: — вѣдь служба еще не началась». — На это отвѣчалъ лакей: «Дѣлаетъ репетицію церковнаго служенія».

До открытія военныхъ дѣйствій въ придворномъ кружкѣ разсказывали объ одномъ событіи, о которомъ, по словамъ Волконскаго, кажется, не упомянуто ни у одного изъ русскихъ историковъ. Александръ послалъ тайно полковника Толя къ князю Іосифу Понятовскому, командовавшему тогда однимъ изъ корпусовъ Наполеоновской арміи. Толь былъ отправленъ въ партикулярномъ платьѣ, и ему поручено было завѣрить Понятовскаго, что государь намѣренъ возстановить Польшу, и что, если онъ, Понятовскій, согласится оставить Наполеона со своимъ войскомъ, то Александръ провозгла-

сить его королемъ польскимъ. Отвѣтъ Понятовскаго былъ отрицательный, и онъ сказалъ Толю, что благодаритъ государя за намѣреніе, но что честь ему не позволяетъ принять предложеніе, а въ удостовѣреніе уваженія и признательности къ государю онъ не дастъ гласности всему этому».

Наконецъ, во время бала, даннаго въ честь государя свитой, въ сосѣднемъ съ Вильной помѣстьѣ Беннигсена, Александръ получилъ извѣстіе о переправѣ Наполеона черезъ Нѣманъ, близъ Ковна, 12-го іюня. Хотя это извѣстіе было скрыто, и балъ продолжался, но война началась.

Что касается описанія этой войны, то Волконскій довольствуется, какъ всегда, только тѣмъ, чего былъ участникомъ или свидѣтелемъ. Судьба же предназначила ему очень не блестящую роль среди великихъ событій. Онъ не участвовалъ ни въ одномъ крупномъ дѣлѣ, издали только слышалъ пальбу подъ Бородинымъ и былъ назначенъ состоять въ распоряженіи генералъ-адъютанта барона Винценгероде. Лично для себя онъ былъ очень доволенъ своимъ начальникомъ, который былъ чрезвычайно милостивымъ и попечительнымъ. Ему сначала поручено было съ особымъ отрядомъ охранять Смоленскъ, а потомъ Барклай поручилъ ему дѣйствовать въ тылу французской арміи.

Почти безъ стычекъ съ непріятелемъ отрядъ Винценгероде дошелъ до Москвы, уже занятой французами, и, занявъ позицію въ окрестностяхъ, оставался тутъ все время, пока Наполеонъ былъ въ столицѣ. Посланный имъ съ извѣстіемъ о занятіи непріятелемъ Москвы, графъ Орловъ-Давыдовъ вернулся съ замѣчательнымъ отвѣтомъ государя, который былъ показанъ самимъ Винценгероде князю Волконскому, при Бенкендорфѣ и Нарышкинѣ со словами: «Regardez quel empereur à la Russie et nous». Въ этомъ письмѣ было буквально сказано: «Général! je ne puis concevoir ce qui a porté le général Koutouzoff à livrer Moscou à l'ennemi, après la victoire qu'il a remportée à Borodino, mais tout ce que je puis vous dire, c'est que dusse je, à la sueur de mon front, cultiver un coin de térre dans le fin fond de la Sibérie — jamais je ne consentirai à faire la paix avec l'implacable ennemi de la Russie et le mien». Это письмо, по увѣренію Михайловскаго-Данилевскаго, было написано Кутузову, который, по его же словамъ, первый увѣдомилъ государя о передачѣ Москвы въ руки непріятеля. Но Волконскій утверждаетъ, что означенное письмо дѣйствительно писано генералу Винценгероде, который показывалъ ему подлинный автографъ. О Данилевскомъ по этому случаю онъ отзывается очень рѣзко, какъ о невѣрномъ и пристрастномъ историкѣ.

Около этого времени у Винценгероде вышла непріятность, по поводу продовольствія войска реквизиціоннымъ способомъ. Помѣщики вопили противъ подобнаго грабежа, несмотря на свой хвале-

ный патріотизмъ и довели свои жалобы до графа Аракчеева, который прислалъ Винценгероде запросъ. Онъ былъ взбѣшенъ этимъ и написалъ государю собственноручное письмо, которое поручилъ Волконскому отвезти лично императору. Вотъ какъ онъ описываетъ исполненіе даннаго ему порученія: «Графъ Аракчеевъ повезъ меня во дворецъ, и я лично и безъ него былъ допущенъ къ государю. Подавъ ему депешу, доложилъ, что имѣю записку о личномъ докладѣ ему содержанія оной. Онъ и ту взялъ и, переговоривъ со мной о содержаніи всего врученнаго, сказалъ мнѣ: «Ты немного отдохнешь и потомъ получишь отправленіе отъ графа». Тутъ онъ мнѣ сдѣлалъ слѣдующіе вопросы: 1) «Каковъ духъ арміи?» Я ему отвѣчалъ: «Государь, отъ главнокомандующаго до послѣдняго солдата, всѣ готовы положить свою жизнь въ защитѣ отечества и вашего императорскаго величества». 2) «А духъ народный?» На это я отвѣчалъ: «Государь, вы должны имъ гордиться: каждый крестьянинъ —герой, преданный отечеству и вамъ». 3) «А дворянство?» «Государь», сказалъ я ему, «стыжусь, что принадлежу къ нему. Было много словъ, а на дѣлѣ—ничего». Государь тогда взялъ меня за руки и сказалъ: «Радъ, что вижу въ тебѣ эти чувства; спасибо, много спасибо. Передъ отправленіемъ я съ тобою увижусь и передамъ порученіе къ Винценгероде отъ меня прямо къ нему. Nous nous comprenons avec lui».

Прошло пять дней, и Волконскій не получалъ никакого извѣстія отъ государя. Онъ боялся, чтобы Винценгероде не приписалъ этого замедленія желанію повеселиться, а потому онъ поѣхалъ къ Маріи Антоновнѣ Нарышкиной, которая была дружна съ Винценгероде. Кромѣ того, ея сынъ былъ его товарищемъ и сослуживцемъ въ то время. «Нынче же скажу», отвѣтила она, и въ полночь прибылъ фельдъегерь съ извѣстіемъ, что государь ждетъ его на другое утро, ровно въ шесть часовъ. Въ назначенное время Волконскій былъ во дворцѣ, и императоръ принялъ его очень благосклонно. «Вотъ тебѣ письмо къ Винценгероде», сказалъ онъ, «генералъ пойметъ меня и убѣдится, что я имѣю полное уваженіе къ нему, но въ ходѣ дѣлъ административныхъ надо имъ давать общій ходъ, и поэтому, какъ тѣ бумаги, которыми онъ былъ недоволенъ, такъ и тѣ, которыя впредь могутъ быть ему не по сердцу, пусть его не тревожатъ, и пусть онъ кладетъ ихъ подъ красное сукно и не даетъ исполненія. Онъ и я, мы другъ друга понимаемъ, и ему нечего тревожиться. Поблагодари его отъ меня за преданность и службу. Черезъ нѣсколько часовъ потребуетъ тебя для отправленія графъ Алексѣй Андреевичъ, ты не говори, что я тебя требовалъ къ себѣ, и что ты получилъ отъ меня конвертъ для врученія Винценгероде». Къ этимъ словамъ государя Волконскій прибавляетъ: «Я указываю на это, какъ на странный фактъ, что государь себя подчиняетъ какой-то двуличной игрѣ съ Аракчеевымъ, и какъ доказательство силы Аракчеева у государя».

Черезъ нѣсколько часовъ онъ получилъ отъ Аракчеева отправленіе и поскакалъ обратно къ Винценгероде. Но по дорогѣ въ Вышневолоцкой станціи встрѣтилъ фельдъегеря, ѣдущаго изъ Мо-

Князь С. Г. Волконскій въ старости.
(Съ портрета, приложеннаго къ его «Запискамъ»).

сквы къ государю, и отъ него узналъ горестную вѣсть, что Винценгероде былъ взятъ въ плѣнъ французами, вмѣстѣ съ Нарышкинымъ. Впослѣдствіи, послѣ ихъ освобожденія, онъ слышалъ лично отъ нихъ самихъ объ этомъ плѣнѣ. Поэтому, хотя онъ лично не

участвовалъ въ этомъ эпизодѣ, но передаетъ его со словъ дѣйствующихъ лицъ. Въ это время дознано было, что французы собираются выйти изъ Москвы, и Винценгероде двинулъ свой отрядъ къ Бутырской заставѣ, а потомъ его авангардъ занялъ Москву, кромѣ Кремля. Его особенно безпокоило, что лазутчики извѣщали о сдѣланныхъ французами подкопахъ въ Кремлѣ, и хотѣлъ заключить перемиріе на сутки, подъ условіемъ, чтобы они не взрывали подкоповъ. Онъ отправился вдвоемъ съ Нарышкинымъ для переговоровъ съ непріятелемъ. По дорогѣ Иловайскій, начальникъ авангарда, предупредилъ его, что ѣхать въ Москву опасно, такъ какъ она не вся еще покинута французами. Винценгероде вспылилъ и закричалъ: «Такъ ты меня обманывалъ ложнымъ донесеніемъ, и ты, къ этому, я вижу, трусъ!» Взявъ небольшой конвой, онъ доѣхалъ до Тверскихъ воротъ и, оставивъ его на бульварѣ съ однимъ казакомъ и Нарышкинымъ, поѣхалъ дальше. Вскорѣ онъ наткнулся на постъ французскаго офицера и былъ взятъ въ плѣнъ такъ же, какъ казакъ и Нарышкинъ, хотя на пикѣ казака былъ привязанъ платокъ. Но французы не повѣрили, что они парламентеры, и приняли Винценгероде за офицера, сбившагося съ пути и хотѣвшаго прикрыть себя званіемъ парламентера. Тогда Винценгероде сказалъ, что онъ начальникъ русскаго отряда, желающій переговорить съ начальникомъ французскихъ войскъ въ Кремлѣ. Этотъ начальникъ былъ маршалъ Мортье. Онъ не могъ самъ распорядиться въ этомъ случаѣ и отослалъ плѣнныхъ къ Наполеону.

Французскій императоръ встрѣтилъ Винценгероде очень гнѣвно и сказалъ ему: «Je vous rencontrerai donc partout, où il y a guerre contre moi? Qu'est ce que c'est cette inimitié personelle? C'est à des misérábles comme vous, qu'est dû tant de sang versé. C'est à vous qu'on doit toutes les cruautés commises par une population déchaînee contre nous. Avez vous oublié, que vous êtes mon sujet? Vous êtes sujet de la confédération du Rhin, vous êtes donc mon sujet. Qu'on le fusille! Qu'on le fusille! Croyez vous, que je ne sais pas, que vous avez été à la rencontre de l'empereur Alexandre, lors de l'entrevue d'Erfurte, pour agir contre moi?» На это Винценгероде отвѣчалъ: «Я всегда ожидалъ, что меня убьетъ французская пуля. Что же касается до моей жены и дѣтей, то они подъ покровительствомъ императора Александра». Императоръ опять закричалъ: «Qu'on le fusille! Qu'on le fusille! ou plutôt qu'on fasse son procès et que dans les 24 heures il soit fusillé». Потомъ онъ обернулся къ Нарышкину и прибавилъ: «Pourquoi servez vous ces etrangers? Vous autres russe, vous êtes de braves gens, je vous estime; servez vos russes, mais non pas des miserables, comme lui».

Военный судъ былъ созванъ немедленно, и Винценгероде едва не приговорили къ смерти, какъ подданнаго рейнской конфедераціи, хотя онъ увѣрялъ, что родился въ Магдебургѣ отъ отца, служи-

вшаго въ прусской арміи. Но Кутузовъ, узнавъ о плѣнѣ Винценгероде, извѣстилъ Наполеона, что всѣ французскіе генералы, находящіеся въ плѣну въ Россіи, отвѣчаютъ за его голову. Въ виду этого Наполеонъ отмѣнилъ судъ и приказалъ отвезти Винценгероде къ королю Вестфальскому, который могъ съ нимъ распорядиться, какъ съ человѣкомъ, возставшимъ противъ своей родины Вестфаліи. Однако судьбѣ угодно было освободить Винценгероде отъ французскаго плѣна: онъ былъ отбитъ партизанскимъ отрядомъ около Минска.

Между тѣмъ князь Волконскій сначала продолжалъ служить въ своемъ отрядѣ подъ начальствомъ Иловайскаго, человѣка нераспорядительнаго и очень грубаго, къ тому же подозрительной честности. Забравъ въ Москвѣ французскіе обозы, онъ лично разсортировалъ находящіяся въ нихъ церковныя вещи и, которыя были побогаче, назначилъ въ церкви на Дону. «Попало ли все это въ церкви на Дону, или въ кладовыя Иловайскаго, — говоритъ Волконскій, — мнѣ неизвѣстно, но вѣрно то, что ни убѣжденія Бенкендорфа, ни мои увѣщеванія не отклонили его отъ своего рѣшенія». Вскорѣ на мѣсто Иловайскаго былъ назначенъ генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ, и Волконскаго онъ назначилъ начальникомъ особаго партизанскаго отряда. Съ этимъ отрядомъ онъ преслѣдовалъ французовъ въ разныхъ мѣстахъ. Часто случалось приходить въ столкновеніе со знаменитымъ Платовымъ, о которомъ онъ съ грустью передаетъ, что тотъ многое упускалъ по своей невоздержности. Вставъ на бивуакѣ, Платовъ пилъ водку, настоенную на горчицѣ до того, что сваливался съ ногъ, какъ снопъ. Въ то время, пока онъ спалъ, французы безпрепятственно продолжали свое отступленіе. Вообще Волконскій не съ большимъ сочувствіемъ отзывается о партизанахъ. По его словамъ, они много морочили читателей ихъ записокъ своими разсказами о небывалыхъ стычкахъ и опасностяхъ. Главное насчетъ опасностей Волконскій увѣряетъ, что большею частью партизаны не подвергались тѣмъ опасностямъ, которыя они выводили въ своихъ реляціяхъ, такъ какъ «они рыщутъ тамъ, гдѣ имъ по силамъ, и всегда имѣютъ въ виду самимъ не попасть впросакъ».

Во время преслѣдованія со своимъ партизанскимъ отрядомъ французовъ Волконскій участвовалъ во многихъ стычкахъ и взялъ въ плѣнъ многихъ непріятелей. Что же касается до общихъ дѣйствій русскихъ главнокомандующихъ, то онъ былъ очень недоволенъ ихъ медленностью и нераспорядительностью. Главная армія Кутузова шла по пятамъ французовъ, а корпусу графа Витгенштейна и арміи Чичагова было поручено общимъ движеніемъ препятствовать французамъ переправиться черезъ Березину. Но графъ Витгенштейнъ, по недоброжелательству къ Чичагову или изъ нежеланія дѣйствовать подъ его командой, уклонялся отъ общихъ дѣй-

ствій. Несмотря на всѣ увѣщеванія Дибича, онъ отвѣчалъ: «Пусть Чичаговъ возится съ французами, а когда уже по сю сторону останется ихъ хвостъ, тогда я дамъ имъ себя знать». Дѣйствительно онъ дозволилъ уйти хоть остаткамъ французовъ, и потомъ уничтожилъ ихъ хвостъ—дивизію генерала Партено. Такимъ образомъ, по словамъ Волконскаго, если бы графъ перешелъ Березину въ Лепелѣ и слѣдовалъ тѣмъ же берегомъ для соединенія съ Чичаговымъ, то скопленіе значительныхъ силъ воспрепятствовало бы всякой возможности переправы.

Наконецъ Волконскій достигъ Вильны, но совершенно больной. Когда онъ оправился отъ болѣзни, то явился къ государю, который между тѣмъ прибылъ въ Вильну. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ Винценгероде, который снова просилъ Волконскаго состоять при немъ, такъ какъ ему порученъ былъ новый корпусъ. Съ этимъ корпусомъ онъ одержалъ побѣду подъ Калишемъ, 2-го февраля 1813 года. За участіе въ этой битвѣ Волконскій былъ награжденъ Георгіемъ IV степени. Затѣмъ наступила продолжительная пріостановка военныхъ дѣйствій, и въ началѣ марта началась кампанія 1813 года.

Первой стоянкой корпуса Винценгероде былъ Дрезденъ, и тамъ пришло извѣстіе изъ Бунцлау о смерти главнокомандующаго Кутузова, на мѣсто котораго назначенъ былъ графъ Витгенштейнъ, очень популярный генералъ, по словамъ князя Волконскаго, но не имѣвшій тѣхъ многочисленныхъ дарованій, или, лучше сказать, того невыразимаго вдохновенія, которое дѣлаетъ полководцевъ. При первой стычкѣ своего авангарднаго отряда съ превосходной по численности французской арміей, Винценгероде долженъ былъ отступить и послалъ Волконскаго къ Витгенштейну за новыми приказаніями. Но онъ упорствовалъ на своемъ и отправилъ его къ государю сказать, что все идетъ благополучно. Государь пристально взглянулъ на князя послѣ его донесенія и сказалъ: «Ну, это не все, скажи мнѣ, какъ обсуживаетъ положеніе дѣлъ Винценгероде, и совѣстливо отвѣчай мнѣ на вопросъ».

— «Вы, государь,—отвѣчалъ Волконскій,—требуете отъ меня того, что совершенно будетъ противно переданному вамъ отъ графа, что я обязанъ былъ вамъ передать, какъ порученіе его къ вамъ, но, если вы желаете знать обсужденіе обстоятельствъ Винценгероде, то оно совершенно не соотвѣтствуетъ обсужденію, переданному мною отъ главнокомандующаго. Отъ Винценгероде требуютъ невозможнаго исполненія, и вопреки назначаемаго графъ Винценгероде увѣренъ, что необходимо сосредоточить все войско, и что неминуемо будетъ безотлагательно генеральное сраженіе». Государь похвалилъ Волконскаго за искренность и отпустилъ сказавъ:

— Передай Винценгероде признательность мою за все имъ сдѣланное и увѣренность, что онъ и я, мы другъ друга понимаемъ.

Дѣйствительно Винценгероде былъ совершенно правъ, и на другой день грянула Люценская битва. Французы нанесли союзникамъ то, что они называютъ «une déroute», и несмотря, на храбрость русскихъ, они должны были отступить. Въ главной квартирѣ увѣряли, что неудача произошла отъ недостатка артиллерійскихъ снарядовъ, но Ермоловъ, бывшій тогда начальникомъ артиллеріи, ясно доказалъ, что «это ложь», какъ рѣзко говоритъ Волконскій. Въ виду непріятности съ главнокомандующимъ, Винценгероде былъ назначенъ лично состоять при государѣ, а Волконскій снова, какъ флигель-адъютантъ, былъ отчисленъ въ главную квартиру и «билъ баклуши». Вскорѣ Барклай-де-Толли смѣнилъ Виттенштейна, который принялъ командованіе своимъ корпусомъ. Около этого времени была сформирована Сѣверная армія изъ русскихъ, прусскихъ и шведскихъ войскъ, подъ предводительствомъ шведскаго наслѣдника Бернадота. Такъ какъ Винценгероде поручено было командовать русскимъ отрядомъ, то онъ взялъ къ себѣ, въ качествѣ дежурнаго генерала, Волконскаго, который только что былъ произведенъ въ генералы.

Во время командованія этой арміей Бернадотъ былъ чрезвычайно популяренъ въ русскихъ войскахъ, отъ генерала до солдата, своей любезностью и предупредительностью. Онъ увѣрялъ открыто шведскихъ генераловъ, что они не умѣли воевать, и что имъ слѣдовало брать примѣръ съ русскихъ. Особенно онъ хвалилъ русскихъ солдатъ, для которыхъ, по его словамъ, не было ничего невозможнаго. Поэтому и русскіе солдаты любили его за ласковость и обходительность, выдачу двойной порціи водки и за расположеніе ихъ, когда была возможно, не на бивуакѣ, а на частной квартирѣ. Бернадотъ одержалъ блестящую побѣду подъ Деневицемъ и принялъ значительное участіе въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, названной «побоищемъ народовъ». Волконскій также отличился въ этихъ двухъ сраженіяхъ. Бернадотъ отозвался о немъ государю самымъ лестнымъ образомъ. «Но,— говоритъ Волконскій,—Бѣлый царь не любилъ баловать насъ, русскихъ, и отвѣтилъ Бернадоту, что я только исполнилъ свою обязанность. Но мнѣ все-таки лестна была похвала шведскаго принца». Однако, императоръ Александръ не забылъ Волконскаго и, несмотря на то, что за отечественную войну послѣдній получилъ въ награду много орденовъ, пожаловалъ ему черезъ нѣсколько дней Аннинскую ленту.

Въ французской кампаніи 1814 г. Волконскій былъ попрежнему дежурнымъ генераломъ при корпусѣ Винценгероде. Онъ принялъ участіе во взятіи города Суассона, которое совершенно неправильно приписалъ себѣ Чернышевъ, хотя въ этомъ событіи послѣдній вовсе не участвовалъ, что не мѣшало ему получить большую награду. Затѣмъ Волконскій долго оставался на стоянкѣ подъ Реймсомъ, гдѣ всего замѣчательнѣе было то, за недостаткомъ водки солдатамъ

выдавали ежедневно по полбутылкѣ шампанскаго. Оно, однако, не нравилось имъ, и они говорили:

— Вино это—просто квасокъ и нимало не по нутру намъ, въ сравненіи съ сивухой.

Сраженія подъ Красномъ и городомъ Лаономъ были послѣднія въ военной карьерѣ Волконскаго, который вообще въ своей жизни участвовалъ въ пятидесяти сраженіяхъ. Причиной этой перемѣны въ его службѣ были интриги генерала, графа Воронцова, противъ Винценгероде, во что послѣдній не хотѣлъ вѣрить, несмотря на искреннія предостереженія Волконскаго. Вообще Воронцевъ, хотя и не безъ военныхъ дарованій, но словамъкнязя, былъ излишне самонадѣянъ и склоненъ выказываться, какъ Чернышевъ. Видя, что интриги графа Воронцова все усиливаются, Волконскій думалъ, что они прекратятся съ его удаленіемъ, такъ какъ Воронцовъ считалъ обиднымъ для себя довѣріе къ нему Винценгероде. Поэтому онъ просилъ своего зятя, князя Петра Михайловича Волконскаго, бывшаго при особѣ государя, вызвать его въ главную квартиру.

Волконскому пришлось ѣхать въ главную квартиру государя окольнымъ путемъ, черезъ Кельнъ и Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ онъ узналъ, что союзныя войска заняли Парижъ, и что воцарился Людовикъ XVIII. Онъ тотчасъ прямо изъ Франкфурта поѣхалъ въ Петербургъ. Снова потекла пустая, свѣтская, шумная жизнь, и онъ предпочелъ взять долговременный отпускъ для посѣщенія Европы и даже Америки. Такъ какъ въ это время общее вниманіе было обращено на Вѣну, въ которой собрался конгрессъ, и находились всѣ союзники, то Волконскій посѣтилъ прежде всего этотъ городъ, въ качествѣ простого туриста. Конечно, онъ разсказываетъ и о русскихъ, которые были въ свитѣ императора Александра и также отдѣльно въ Вѣнѣ. Изъ его отзывовъ всего замѣчательнѣе то, что онъ разсказываетъ о будущемъ историкѣ отечественной войны Михайловскомъ-Данилевскомъ.

«О немъ можно сказать,—говоритъ онъ,—что сказалъ про него фельдмаршалъ Сакенъ, при чтеніи его «Исторіи кампаніи 1812 года»,—лакей: онъ, Данилевскій, въ Вѣнѣ былъ почти тѣмъ же, ибо черезъ него шли дѣла дворцовыя къ докладу П. М. Волконскому, т. е. былъ чѣмъ-то въ родѣ гофъ-фурьера».

Вскорѣ Волконскому надоѣла вѣнская жизнь, и онъ отправился въ Парижъ, гдѣ еще не бывалъ. Тамъ онъ познакомился съ всевозможными кружками, съ бывшей королевой голландской и бонапартистами, съ салонами легитимистскими и т. д. Но шумный Парижъ ему былъ не по сердцу, и онъ поѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ, однако, оставался недолго. Однажды на одной изъ лондонскихъ улицъ его встрѣтилъ сэръ Робертъ Вильсонъ, бывшій при русской арміи въ 1812 г., и закричалъ ему:

— Volkonsky, Volkonsky! savez-vous la grande nouvelle? Чортова кукла a debarqué en France.

Онъ всегда такъ называлъ Наполеона и такимъ образомъ передалъ Волконскому извѣстіе о возвращеніи французскаго императора съ острова Эльбы.

На другой день онъ отправился къ русскому посланнику въ Лондонѣ, князю Ливену, и просилъ визировать свой паспортъ. Но узнавъ, что Волконскій хотѣлъ ѣхать въ Парижъ, послѣдній отговаривалъ его всячески отъ этой поѣздки, увѣряя, что государь будетъ ею очень недоволенъ. Напротивъ Волконскій полагалъ, что она можетъ принести пользу государю, благодаря собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, и, во всякомъ случаѣ, рѣшился поѣхать въ Парижъ съ паспортомъ или безъ онаго. Тогда Ливенъ согласился, но заявилъ, что немедленно увѣдомитъ государя объ этомъ. Дѣйствительно онъ это сдѣлалъ, и, получивъ извѣстіе о поѣздкѣ Волконскаго въ Парижъ, императоръ Александръ сказалъ: «Je conçois que m-r Serge (такъ онъ называлъ его, чтобы отличить отъ другихъ членовъ его семейства, служившихъ при дворѣ) ait voulu voir ce qui se passe en France, mais, si avec sa tête un peu trop près du bonnet, il se charge d'une mission de Napoleon près de moi, прямо въ Петропавловскую крѣпость».

Прибывъ въ Парижъ, Волконскій засталъ Людовика XVIII наканунѣ бѣгства въ Гентъ, и черезъ сутки состоялся торжественный въѣздъ въ столицу Наполеона. Онъ цѣлый день проводилъ на улицѣ среди ликующей толпы и видѣлъ парадъ Наполеона, который возбуждалъ въ толпѣ неописанный восторгъ, но въ виду установленія правительства ста дней въ Парижѣ Волконскій не могъ долѣе оставаться тамъ и просилъ прежде рускаго посланника Бутягина, а потомъ французское министерство иностранныхъ дѣлъ, визировать свой паспортъ, но оба ему отказали. Тогда онъ обратился къ г-жѣ Копілэ, чтицѣ королевы голландской, съ которой онъ былъ знакомъ. Она немедленно ему доставила удовлетворительный отвѣтъ. По ея словамъ, императоръ разрѣшалъ ему выѣхать изъ Франціи и поручилъ королевѣ Гортензіи сообщить ему, чтобы онъ не думалъ о неизбѣжности войны французовъ съ союзниками. А если она и возгорѣлась бы, то и тогда всякій иностранецъ могъ бы покинуть Францію безъ всякаго затрудненія. Волконскій снова отправился въ Лондонъ и по дорогѣ едва не столкнулся съ военнымъ англійскимъ кораблемъ «Беллерофонъ», который, по его странному ошибочному выраженію, «плѣнилъ Наполеона послѣ Ватерлоо при попыткѣ его уѣхать въ Америку». Въ дѣйствительности же извѣстно, что Наполеонъ никогда не пытался отправиться въ Америку и самъ добровольно сдался англичанамъ.

Вскорѣ Волконскій узналъ, что русская армія направилась еще разъ на Францію. Покинувъ Лондонъ, какъ можно скорѣе,

онъ нагналъ армію въ Франкфуртѣ. Она была подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, Винценгероде былъ назначенъ корпуснымъ командиромъ второго резервнаго корпуса, а начальникомъ штаба этого корпуса князь Волконскій. Однако судьбѣ не было угодно, чтобы онъ снова участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, и послѣ Ватерлоо наступилъ долгій общеевропейскій миръ. Первое время онъ провелъ въ Парижѣ, при главной квартирѣ императора. Какъ онъ, такъ и всѣ были особенно взволнованы жестокостями реставраціи, и въ особенности его поразила казнь генерала Лабедойера и маршала Нея. Относительно перваго онъ всячески старался вмѣстѣ съ своей сестрой и женой брата добиться его помилованія черезъ герцогиню Ангулемскую, но тщетно. Узнавъ объ этихъ гуманныхъ стараніяхъ, императоръ Александръ поручилъ князю Петру Михайловичу Волконскому выразить ему свое негодованіе за то, что онъ не только себя, но и сестеръ увлекъ къ недолжнымъ дѣйствіямъ, и посовѣтовать не вмѣшиваться въ дѣла Франціи, а обратиться къ Россіи. «Исполнилъ ли я, —прибавляетъ Волконскій,— это его предназначеніе мнѣ, —будетъ видно въ концѣ моего повѣствованія».

Во время пребыванія государя въ Парижѣ особенно замѣчателенъ былъ смотръ всей русской арміи подъ Вертю. Всѣ иностранцы были поражены блестящимъ видомъ нашихъ войскъ. «Таковъ былъ тогда бытъ русскаго солдата,—говоритъ князь Волконскій,—снаружи казалось все гладко, глянцовито, чисто, а копни внутрь —все шероховато и подмазано, а часто гадко и безсовѣстно». Подобныя идеи уже давно проглядывали въ мысляхъ Волконскаго, но теперь онѣ стали все болѣе и болѣе внѣдряться въ его голову. «Зародышъ сознанія обязанностей гражданина,—говоритъ онъ,—началъ выказываться во мнѣ, причиною чего были народныя событія 1814—1815 годовъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. Они вселили въ меня, вмѣсто слѣпого повиновенія и отсутствія всякой самостоятельности, мысль, что гражданамъ свойственны обязанности отечественныя, идущія, по крайней мѣрѣ, на ряду съ вѣрноподданническими».

Съ подобнымъ настроеніемъ послѣ долгаго пребыванія въ Европѣ Волконскій вернулся въ Петербургъ. Недолго онъ оставался въ безцвѣтной столичной средѣ и вскорѣ былъ назначенъ командиромъ первой бригады второй уланской дивизіи, которая находилась въ Новоградѣ-Волынскомъ. Онъ немедленно отправился къ мѣсту своего служенія, гдѣ оставался около года, и потомъ послѣдовалъ со своей бригадой на стоянку въ Харьковскую губернію, въ городъ Сумы. Тутъ онъ велъ провинціальную полковую жизнь въ теченіе 1817—1818 годовъ. Наконецъ его бригада была раскассирована частью въ гвардейскій корпусъ, частью въ литовскій, а онъ получилъ бригаду во второй гусарской дивизіи. Оскорбившись на это назначеніе, безъ его согласія, которое обыкновенно спраши-

валось у генераловъ, Волконскій подалъ просьбу объ отпускѣ безъ срока за границу, что и воспослѣдовало.

Очутившись такимъ образомъ вольнымъ казакомъ, князь Волконскій еще болѣе предался своимъ новымъ мыслямъ, которыя особенно утвердились въ немъ послѣ рѣчи императора Александра на первомъ польскомъ сеймѣ. «Слова его,—говоритъ Волконскій,—о намѣреніи распространить въ Россіи вводимый имъ конституціонный порядокъ управленія сильное произвели впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ, какъ по любви моей къ отечеству, такъ и по желанію моему, чтобы отечество выдвинулось изъ грязной колеи внутренняго своего быта».

Прежде чѣмъ отправиться за границу, князь Волконскій поѣхалъ по дѣламъ въ Одессу и въ Петербургъ, откуда онъ выѣхалъ въ 1819 г. въ Кіевъ. Тамъ жилъ начальникъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса, Михаилъ Орловъ, товарищъ по воспитанію и службѣ Волконскаго, который и поселился на одной квартирѣ съ нимъ. У нихъ собирался кружокъ образованныхъ людей, какъ русскихъ, такъ и поляковъ. Этотъ кружокъ и сожитіе съ Орловымъ совершенно измѣнили всю жизнь Волконскаго. Орловъ былъ коноводомъ южной военной молодежи, которая перестала послѣ войнъ 1812—1813—1814 годовъ ненавидѣть Францію и сблизилась вообще съ Европой, «благодаря ея установленіямъ, порядкамъ правленія и народнымъ гарантіямъ». Подъ вліяніемъ раздѣляемыхъ Орловымъ и его друзьями мыслей, князь Волконскій повелъ совершенно новую жизнь и отказался отъ намѣренія поѣхать за границу, а послѣ продолжительнаго отпуска, проведеннаго въ различныхъ мѣстахъ Россіи, преимущественно на югѣ, онъ вступилъ снова на дѣйствительную службу, начальникомъ бригады въ 19-й дивизіи.

Изъ Кіева онъ заѣхалъ въ Тульчинъ, гдѣ была главная квартира второй арміи, командуемой тогда графомъ Витгенштейномъ, и тутъ онъ познакомился съ еще большимъ количествомъ людей тѣхъ же идей и убѣжденій, какъ встрѣченный въ Кіевѣ кружокъ. Онъ вошелъ съ ними въ дружескую связь, и вскорѣ его старый знакомый по гвардіи, фонъ-Визинъ, ввелъ его въ существовавшее среди нихъ тайное общество. Оно называлось «Союзомъ благоденствія», но было болѣе извѣстно подъ названіемъ «Зеленой книги», по цвѣту обертки его устава. Предсѣдательствующими Южной думы этого общества были адъютантъ главнокомандующаго, Павелъ Ивановичъ Пестель, по словамъ Волконскаго, «человѣкъ стойкаго характера, пылкаго чувства къ дѣлу, а также и великихъ дарованій», и Алексѣй Петровичъ Юшневскій, отличавшійся первыми качествами Пестеля, но не имѣвшій его «настойчивости или силы воли». Вообще обо всѣхъ членахъ общества Волконскій отзывается съ большимъ сочувствіемъ, и въ ихъ числѣ были одни изъ главныхъ будущихъ декабристовъ: фонъ-Визинъ, Василій Львовичъ Давыдовъ, Михаилъ

Ѳедоровичъ Орловъ, Якушкинъ, Александръ Николаевичъ Муравьевъ, Никита Александровичъ Муравьевъ, М. С. Лунинъ, братья Поджіо, докторъ Вольфъ, Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ и нѣкоторые другіе. «Всѣ они, говоритъ Волконскій, приняли радушно мое вступленіе въ члены тайнаго общества, и я съ тѣхъ поръ сталъ ревностнымъ его членомъ и скажу по совѣсти, что въ собственныхъ глазахъ вполнѣ понялъ, что я вступилъ на благородную стезю дѣятельности гражданской».

Первымъ дѣйствіемъ его въ качествѣ члена тайнаго общества была поѣздка въ Москву съ Орловымъ, Бурцевымъ и Комаровымъ въ качествѣ депутатовъ Южной думы. Въ это время съѣхались въ Москвѣ представители, кромѣ мѣстныхъ членовъ общества, и депутаты петербургскіе, въ томъ числѣ Ѳедоръ Глинка, а предсѣдателемъ съѣзда выбранъ Орловъ. Отъ петербургской думы было получено извѣстіе, подтвержденное Глинкой, адъютантомъ петербургскаго губернатора Милорадовича, что правительство возбудило надзоръ за дѣйствіями тайнаго общества. Поэтому петербургская дума полагала, что осторожнѣе ее закрыть, а членамъ дѣйствовать по одиночкѣ. Съѣздъ рѣшилъ съ этимъ согласиться и закрыть совокупныя два общества. Къ этому рѣшенію присоединился и Орловъ, но Волконскій не былъ допущенъ, какъ новый членъ общества, къ подачѣ голоса. Съ этимъ извѣстіемъ онъ поѣхалъ въ Кіевъ, но Южная дума не признала этого рѣшенія и почти единогласно постановила дѣйствовать по своей прежней программѣ. Въ Петербургѣ также продолжали дѣятельно работать, но отдѣльно. «Съ этого времени,—говоритъ Волконскій,—Южная и Сѣверная думы поставили себѣ различныя программы: Южная—чисто демократическую, а Сѣверная—монархическую-конституціонную. Въ то же время положено было, что цареубійство должно быть принято въ Южной думѣ основнымъ правиломъ, какъ для старыхъ, такъ и при пріемѣ новыхъ членовъ. Эта мѣра въ основаніи своемъ имѣла не безусловное приведеніе въ дѣйствительность, но была какъ бы обуздывающимъ предохранительнымъ средствомъ отъ удаленія членовъ изъ общества. Согласіе на такую мѣру уже не давало возможности къ выходу изъ общества, такъ какъ удаленіе изъ членовъ общества не уменьшало полной отвѣтственности за первоначальное согласіе. Это изложеніе не есть вымыселъ, теперь мною придуманный, но чистая того времени уловка, и это я высказываю по сущей истинѣ».

Хотя рѣшено было не дѣйствовать заодно Сѣверной и Южной думамъ, но ежегодно въ декабрѣ мѣсяцѣ Волконскій вмѣстѣ съ Давыдовымъ ѣздилъ въ Петербургъ для собесѣдованія о дѣйствіяхъ каждой порознь. Возвратясь они давали отчетъ своей думѣ о ходѣ дѣлъ Сѣвернаго общества и о дѣйствіяхъ правительства. Во время этихъ поѣздокъ онъ сошелся съ Никитой Муравьевымъ, съ Сергѣемъ Трубецкимъ и Митьковымъ, которые были главными членами

петербургской думы. Что же касается до отношеній правительства къ тайнымъ обществамъ, то по всему было видно, что оно знало объ ихъ существованіи. Въ доказательство этого, князь Волконскій приводитъ одно любопытное обстоятельство, лично касающееся до него. Въ 1823 году государь осенью дѣлалъ смотръ второй арміи и между прочимъ осматривалъ бригаду князя Волконскаго. Послѣ окончанія смотра государь назвалъ его по имени и сказалъ: «Я очень доволенъ вашей бригадой; Азовскій полкъ одинъ изъ лучшихъ полковъ моей арміи, а Днѣпровскій немного отсталъ, но видны и въ немъ слѣды вашихъ трудовъ, и по-моему гораздо для васъ выгоднѣе будетъ продолжать оные, а не заниматься управленіемъ моей имперіи, въ чемъ вы, извините меня, и толку не имѣете». Ясно было, что императоръ зналъ тогда много о тайномъ обществѣ, и взволнованный Волконскій рѣшилъ подать въ отставку, но его пріятель Киселевъ посовѣтовалъ ему написать оправдательное письмо государю. Волконскій такъ и сдѣлалъ, и государь, прочитавъ два раза письмо, сказалъ Киселеву: «M-r Serge меня не понялъ, я ему выразилъ, что пора остепениться, сойти съ дурного пути, имъ прежде принятаго, и что я вижу, что онъ это сдѣлалъ. Мнѣ кажется, что я проѣду черезъ его бригадную квартиру. Пусть онъ тамъ будетъ съ почетнымъ карауломъ; я тамъ успокою его и исправлю то ошибочное впечатлѣніе, которое произвели на него мои слова». Дѣйствительно Волконскій встрѣтилъ государя при проѣздѣ, и онъ, оставшись очень доволенъ карауломъ, сказалъ ему: «Ты не понялъ меня! Я хотѣлъ тебѣ сказать, что твоя головушка прежде заносилась туда, куда ей не слѣдовало бы заноситься. Но теперь я убѣдился, что ты принялся за дѣло. Продолжай, и мнѣ будетъ пріятно это въ тебѣ оцѣнивать».

Императоръ Александръ совершенно заблуждался, и князь Волконскій былъ такъ преданъ дѣламъ тайнаго общества, что рѣшительно ни о чемъ другомъ не заботился. Онъ уже давно былъ влюбленъ въ дочь Николая Николаевича Раевскаго, Марію Николаевну, но никакъ не могъ рѣшиться сдѣлать ей предложеніе. Наконецъ въ концѣ 1824 г. поручилъ это дѣло Михаилу Орлову, но просилъ его честно высказать все отцу и дочери относительно его участія въ тайномъ обществѣ. Самъ же, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія отказаннаго жениха, уѣхалъ на Кавказъ съ порученіемъ Южной думы узнать, дѣйствительно ли въ Тифлисѣ существуетъ тайное общество. Свѣдѣнія объ этомъ обстоятельствѣ онъ получилъ отъ Александра Ивановича Якубовича и до того фантастическія, что Якубовичъ намекалъ, хотя не прямо говорилъ, о существованіи тайнаго общества подъ главенствомъ самого главнокомандующаго Алексѣя Петровича Ермолова. Однако онъ такъ увлекался политическимъ переворотомъ въ Россіи, что передалъ всѣ разсказы Якубовича въ своемъ отчетѣ Верховной думѣ. Возвратясь въ Кіевъ, онъ

получилъ удовлетворительный отвѣтъ насчетъ своей свадьбы и женился въ январѣ 1825 г. Въ это же время состоялся на квартирѣ Волконскаго съѣздъ четырехъ делегатовъ отъ польскаго тайнаго общества и Южной думы. Со стороны перваго были представителями князь Яблоновскій, Чарковскій, а послѣдней—Волконскій и Пестель. Поляки предлагали соединиться съ русскими, но подъ условіемъ возвратить Польшѣ всѣ отторгнутыя губерніи. Пестель возражалъ, что о границахъ нельзя ставить кондицій, такъ какъ союзъ Польши съ Россіей не долженъ быть въ ущербъ послѣдней. Послѣ долгихъ преній поляки отказались отъ своихъ требованій, и главная цѣль обоихъ обществъ дѣйствовать сообща была единогласно принята.

Дѣла Южнаго общества быстрыми шагами подвигались впередъ, и уставъ его былъ написанъ отчасти Пестелемъ, а отчасти Николаемъ Ивановичемъ Тургеневымъ. Къ нему присоединенъ былъ очеркъ Пестеля, подъ названіемъ «Русская правда», и ему было поручено обработать административную часть и военную организацію, а Тургеневу—судопроизводство и финансы. Труды Тургенева впослѣдствіи не попали въ руки правительства, но много изъ того, что онъ напечаталъ за границей, освободившись отъ суда и слѣдствія, было цѣликомъ взято изъ бумагъ, приготовленныхъ имъ для Южнаго общества. Впослѣдствіи онъ упорно отрицалъ свое участіе въ тайномъ обществѣ, но, по словамъ Волконскаго, «это чистая ложь, потому что онъ считался Южной думой однимъ изъ учредителей Сѣвернаго общества, и мнѣ поручалось давать ему ежегодно отчетъ о нашихъ дѣйствіяхъ». Что же касается до «Русской правды», то она заключала въ себѣ постановленія, «что при удачѣ, вслѣдъ за переворотомъ, будетъ учреждено временное правительство на три года, а впослѣдствіи отберутъ отъ народа, чего и что хочетъ Россія». Дальнѣйшая судьба «Русской правды» была неудачная для членовъ тайнаго общества. Ея не уничтожили съ нѣкоторыми другими бумагами, а закопали въ одномъ огородѣ, гдѣ она была отыскана правительствомъ и служила главною уликой противъ Пестеля и всѣхъ членовъ тайнаго общества.

Уже давно распространялись слухи о тайныхъ обществахъ, но съ половины 1824 года стали предательски дѣйствовать, кромѣ Шервуда и Майбороды, о которыхъ извѣстно въ сочиненіяхъ, писанныхъ о декабристахъ, графъ Виттъ, начальникъ южныхъ поселеній, и его пріятель херсонскій помѣщикъ Бошнякъ. Желая вывернуться изъ затруднительной отвѣтственности по растратѣ значительныхъ суммъ по военнымъ поселеніямъ, онъ старался выказаться передъ государемъ и поручилъ Бошняку войти въ сношенія съ Южнымъ обществомъ. Послѣдній, умный и ловкій человѣкъ, сблизился съ Лихаревымъ, пылкимъ, неосторожнымъ человѣкомъ, и Давыдовымъ, увѣривъ ихъ, что Виттъ сочувствуетъ обществу, и его посредство можетъ принести большую пользу его членамъ.

Пестель и Юшневскій заподозрѣли, что дѣло неладно, и старались отклонить предложеніе Витта и Бошняка, которые, однако, продолжали тайкомъ собирать свѣдѣнія о тайномъ обществѣ.

19 ноября 1825 года умеръ въ Таганрогѣ императоръ Александръ. Въ это время князь Волконскій находился въ своей бригадной квартирѣ въ Умани и командовалъ 19-ю дивизіей за отсутствіемъ ея начальника Корнилова. Онъ привелъ дивизію къ присягѣ Константину Павловичу, какъ императору, и отвезъ присяжные листы главнокомандующему, графу Витгенштейну. Возвратясь домой, онъ былъ такъ удрученъ распространившимися слухами о началѣ арестовъ присланнымъ изъ Таганрога Чернышевымъ, что первымъ дѣломъ сжегъ всѣ компрометирующія его бумаги и отвезъ жену, которая была беременна, къ родственникамъ, изъ предосторожности. Самъ же отправился назадъ по служебнымъ обязанностямъ. Черезъ нѣсколько дней жена его родила старшаго сына, Николая. Онъ тотчасъ ее навѣстилъ и тутъ видѣлся на свободѣ въ послѣдній разъ. По дорогѣ обратно Волконскій узналъ о событіи 14 декабря, многочисленныхъ арестахъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и на югѣ.

Его очередь была близка: на другой же день, 8 января 1825 года, онъ былъ арестованъ и отправленъ съ фельдъегеремъ въ Петербургъ. Тамъ прямо его отвезли во дворецъ и сдали генералъ-адъютанту Василію Васильевичу Левашеву, его старому товарищу по Кавалергардскому полку. Онъ вышелъ изъ комнаты, чтобы доложить императору Николаю Павловичу объ его прибытіи. Въ протеченія нѣсколько минутъ наединѣ онъ взглянулъ вскользь на бумаги, оставленныя Левашевымъ. Это были показанія Басаргина и Якушкина, которые сознавались въ своей принадлежности къ тайному обществу, но въ первоначальномъ его видѣ, до московскаго съѣзда. Дочитать до конца интересные документы Волконскій не могъ, такъ какъ въ комнату явился государь съ Левашевымъ. «Отъ искренности вашихъ показаній зависитъ ваша участь,—сказалъ онъ,—будьте чистосердечны, и я обѣщаю вамъ помилованіе».

«Государь снова вышелъ,—говоритъ Волконскій,—и я остался съ глазу на глазъ съ Левашевымъ. Начался допросъ, и я, руководствуясь тѣми данными, которыя успѣлъ прочесть и въ убѣжденіи изъ многихъ прежде мнѣ извѣстныхъ данныхъ, что существованіе общества извѣстно, дѣлалъ свои показанія, не выходя изъ рамокъ устава «Зеленой книги». Какъ Левашевъ ни домогался отъ меня болѣе подробныхъ объясненій, выставляя и прежнія наши товарищескія отношенія и преданность его моему зятю, Петру Михайловичу, а потому и мнѣ,—ему все-таки не удалось узнать ничего болѣе. Левашевъ взялъ мой допросный листъ и пошелъ къ государю; вскорѣ оба опять воротились ко мнѣ; государь мнѣ сказалъ:

«— Я...»

Этимъ характернымъ выраженіемъ императора Николая Павловича кончаются записки князя С. Г. Волконскаго. Его смерть прекратила ихъ на самомъ интересномъ мѣстѣ.

Дополнить «Записки С. Г. Волконскаго» взялся его сынъ, князь Н. С. Волконскій. Прежде всего онъ описываетъ судъ надъ декабристами, а потомъ переходитъ къ каторгѣ въ Сибири, къ поселенію и возвращенію въ Европейскую Россію. Всего суду было предано шестьдесятъ одинъ членъ Сѣвернаго общества, тридцать семь—Южнаго и двадцать три—соединенныхъ славянъ, всего сто двадцать одинъ человѣкъ. Послѣ слѣдствія и верховно-уголовнаго суда черезъ шесть мѣсяцевъ былъ произнесенъ приговоръ, и всѣ подсудимые признаны подлежащими смертной казни. Но потомъ высочайшимъ указомъ смягчена эта мѣра наказанія, и только пятеро: Пестель, Рылѣевъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ и Коховскій, казнены, а остальные раздѣлены на одиннадцать разрядовъ. Первый разрядъ, состоящій изъ тридцати одного человѣка, въ числѣ которыхъ былъ Волконскій, приговорены къ каторжнымъ работамъ. Ему было опредѣлено двадцать лѣтъ каторги, а потомъ на поселеніе, «во уваженіе совершеннаго раскаянія». Въ приговорѣ относительно его сказано, что онъ участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе всей императорской фамиліи, имѣлъ умыселъ на заточеніе всей императорской фамиліи, участвовалъ въ Южномъ обществѣ и старался соединить его съ Сѣвернымъ. Дѣйствовалъ въ умыслѣ на отторженіе областей въ имперіи и употребилъ поддѣльную печать полевого аудиторіата. Два послѣднія обвиненія Волконскій отрицалъ, утверждая, что онъ всегда стоялъ за цѣлость имперіи, а, во-вторыхъ, никогда не употреблялъ поддѣльной печати. Что же касается до главнаго обвиненія противъ него, то Волконскій увѣрялъ, что онъ въ дѣйствительности не имѣлъ умысла на цареубійство, которое было признано Южнымъ обществомъ, какъ условіе, чтобы затруднить выходъ изъ общества. Какъ бы то ни было, онъ до конца считался по первому разряду, хотя императоръ Николай, по ходатайству его матери, согласился на перечисленіе его во второй разрядъ, что вполнѣ доказывается семейными документами Волконскаго.

До исполненія приговора и во время всего суда и слѣдствія князь Волконскій сидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, въ Петропавловской крѣпости, и только одинъ разъ ему дозволено было съ разрѣшенія императора видѣться со своей женой. 26 іюля, онъ былъ сосланъ въ Сибирь съ другими семью приговоренными: Трубецкимъ, Оболенскимъ, Муравьевымъ, Василіемъ Давыдовымъ, Якубовичемъ и двумя братьями Борисовыми. Они были закованы въ кандалы и находились въ сопровожденіи жандармовъ, которые отзывались о нихъ очень сочувственно во всю дорогу. Изъ Иркутска ихъ отправили на Нерчинскіе заводы, и 25 октября 1826 года они помѣщены

были въ Благодатномъ рудникѣ. Тюрьма, въ которой они находились, отличалась тѣснотой и грязью; она раздѣлялась на двѣ большія комнаты: въ одной находились обыкновенные каторжники, а въ другой восьмеро государственныхъ преступниковъ. Въ этой послѣдней комнатѣ были устроены маленькія отдѣленія, низкія и темныя, въ которыхъ нельзя было ни стоять, ни чѣмъ либо заниматься. Въ одномъ изъ нихъ содержался Волконскій, Трубецкой и Оболенскій. Арестанты, закованные въ кандалы, спускались въ шахты въ пять часовъ утра и работали до одиннадцати. Въ концѣ того же года работа была уменьшена, и генераломъ-губернаторомъ Восточной Сибири было предписано, чтобы ихъ употребляли въ работу безъ изнуренія.

Между тѣмъ княгиня Марія Николаевна Волконская и княгиня Трубецкая отправились изъ Петербурга въ Сибирь къ своимъ сосланнымъ мужьямъ. Волконская добилась тайно отъ своего семейства разрѣшенія на это императора, который, однако, три раза предупреждалъ ее, какимъ тяжелымъ испытаніямъ она подвергнется. Она твердо настояла на своемъ. 8 февраля 1827 года она прибыла съ княгиней Трубецкой на Благодатный рудникъ, и съ нея взяли подписку, что она будетъ во всемъ повиноваться начальству и сдѣлается совершенно причастной къ судьбѣ своего мужа, какъ жена ссыльнокаторжнаго. Она помѣстилась въ крестьянской избѣ противъ тюрьмы, сама съ княгиней Трубецкой убирала отведенное имъ помѣщеніе и сама варила себѣ кушанье, потому что ихъ горничныя оказались дурного поведенія и отосланы были обратно въ Россію. Видѣлась княгиня Волконская съ мужемъ тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Благодатный рудникъ въ его тюрьмѣ, и потомъ довольно часто происходили ихъ свиданія тамъ же. Все это она описываетъ подробно въ своихъ «Запискахъ», но, къ сожалѣнію, онѣ еще не изданы, хотя и хранятся въ ея семействѣ.

Черезъ 11 мѣсяцевъ выстроенъ былъ для декабристовъ большой острогъ въ селѣ Читѣ, и туда не только Благодатскихъ ссыльныхъ, но также изъ другихъ мѣстъ перевели ихъ. За два дня до нихъ прибыли въ Читу Волконская и Трубецкая. Собственно говоря, въ Читѣ не было каторжныхъ работъ за недостаткомъ заводовъ и рудниковъ, и декабристы занимались чисткой улицъ, исправленіемъ дорогъ, рытьемъ канавъ, огородными работами и мололи муку. Осужденные видѣлись со своими женами сначала у частокола два раза въ недѣлю, а впослѣдствіи ихъ сношенія были значительно облегчены. Тутъ не лишне прибавить, что въ Читѣ число женъ увеличилось до восьми и, кромѣ Трубецкой и Волконской, были еще Муравьева, Нарышкина, Энтальцева, Фонъ-Визина, Давыдова и Анненкова. Главный начальникъ осужденныхъ, генералъ-майоръ Лепарскій, очень гуманно къ нимъ относился и вообще былъ образованный, честный и добрый человѣкъ. Онъ всячески старался

смягчить настолько, насколько было можно, положеніе декабристовъ. Имъ разрѣшалось читать книги съ помѣткой «видалъ Лепарскій» и заниматься вмѣстѣ музыкой и пѣніемъ, преимущественно церковнымъ, а также устраивать лекціи между собою по физикѣ, химіи, анатоміи, прикладной математикѣ, русской исторіи, русской словесности и военнымъ наукамъ. Кромѣ того, они занимались различными ремеслами и рисованіемъ. Больныхъ разрѣшалось лѣчить декабристу доктору Вольфу. Наконецъ не безъ участія Лепарскаго были сняты по высочайшему повелѣнію съ осужденныхъ кандалы.

Такъ прожили четыре года декабристы въ Читѣ, и Лепарскій, въ виду тѣсноты ихъ жилья, построилъ въ Петровскомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ новый постоянный казематъ, куда лѣтомъ 1830 г. перебрались заключенные. Теперь помѣщеніе было гораздо больше и просторнѣе. Въ каждой изъ шестидесяти четырехъ келлій было семь аршинъ длины и шесть ширины, но онѣ были почти темныя, такъ какъ окна были маленькія надъ дверьми и выходили въ коридоръ. Однако вскорѣ Лепарскій выхлопоталъ измѣненіе высочайшаго плана, и въ наружной стѣнѣ каждой келліи было прорублено окно. Сначала жены раздѣляли помѣщеніе своихъ мужей, а потомъ построили себѣ небольшіе домики, куда отпускали въ опредѣленное время и мужей, а въ 1835 г. было разрѣшено Волконскому совершенно жить въ собственномъ домѣ. Въ томъ же году умерла его мать и оставила послѣ своей смерти письмо на имя императора, съ просьбой о помилованіи сына и возвращеніи его въ деревню. Государь нашелъ невозможнымъ удовлетворить ея желаніе, но освободилъ Волконскаго отъ каторжной работы, обративъ его въ Сибири на поселеніе. Однако вопросъ объ избраніи мѣста для поселенія тянулся почти два года, и только 26 марта 1837 года онъ переѣхалъ съ семействомъ на жительство въ селеніе Урикъ, близъ Иркутска. Тутъ выстроенъ былъ деревянный домъ, теплый и удобный, гдѣ Волконскіе жили долгіе годы.

Въ это время его семейство, за смертью старшаго его сына, оставшагося въ Россіи на попеченіи его матери, такъ какъ княгинѣ не дозволено было взять ребенка въ Сибирь, а также родившейся въ Читѣ дочери Софьи, состояло изъ сына Михаила и дочери Елены. Кромѣ семьи, Волконскіе имѣли еще вблизи своего жилища многихъ декабристовъ, также переѣхавшихъ на поселеніе съ Петровскаго завода въ Урикъ и его окрестности. Всѣхъ ихъ было двѣнадцать, да еще въ Иркутской губерніи, хотя и на далекомъ разстояніи, жили еще восемь декабристовъ. Особую пользу приносило Волконскому сожительство въ Урикѣ доктора Вольфа, который ухаживалъ за нимъ во время его частыхъ ревматизмовъ, вынуждавшихъ его нѣсколько разъ отпрашиваться у правительства на посѣщеніе мѣстныхъ минеральныхъ водъ. Въ своемъ тѣсномъ кружкѣ декабристы, а въ томъ числѣ Волконскій, жили

мирно, спокойно. Каждый изъ нихъ имѣлъ опредѣленный надѣлъ и многіе хозяйничали на немъ. Волконскій предался съ любовью агрономіи и чрезвычайно сблизился съ рабочими людьми, которые его чрезвычайно любили и постоянно обращались къ нему за совѣтами и содѣйствіемъ. Даже всѣ начальники не препятствовали этой близости декабристовъ къ народу, такъ какъ они постоянно вели себя безукоризненно. Главнымъ препровожденіемъ ихъ времени, кромѣ сельскихъ занятій, было чтеніе книгъ и газетъ, которыя доставлялись имъ изъ Иркутска, а также бесѣды другъ съ другомъ. Когда подросли дѣти Волконскаго, то онъ и жена, а также ближайшіе къ нимъ декабристы, давали имъ уроки французскаго, англійскаго и русскаго языковъ, а также математики, исторіи и географіи.

Въ 1841 году было высочайше разрѣшено помѣстить дѣтей декабристовъ въ казенное заведеніе, только съ воспрещеніемъ имъ носить фамилію отцевъ, а именоваться по отчеству отцевъ, т. е. Сергѣевыми, Ивановыми и т. д. Но Волконскій отказался отъ этого условія и оставилъ сына и дочь при себѣ. Воспитаніе ихъ было тѣмъ удобнѣе, что по нездоровью княгини Волконской всему семейству разрѣшено было жить въ Иркутскѣ въ 1845 году. Черезъ годъ они выхлопотали позволеніе помѣстить сына въ Иркутскую гимназію, при чемъ его просто занесли въ списки подъ названіемъ сынъ государственнаго преступника Сергѣя Волконскаго. Такимъ образомъ онъ сохранилъ фамилію отца и подъ этимъ именемъ поступилъ въ университетъ, а потомъ на службу по управленію Восточной Сибирью. На все это было выхлопотано высочайшее повелѣніе, и начальство всякій разъ отзывалось самымъ сочувственнымъ образомъ о молодомъ человѣкѣ, «который получилъ въ родительскомъ домѣ похвальное нравственное направленіе».

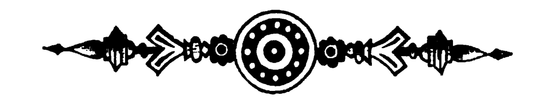
Съ назначеніемъ въ 1847 году генералъ-губернаторомъ въ Иркутскъ Николая Николаевича Муравьева, впослѣдствіи графа Муравьева-Амурскаго, совершенно измѣнилось положеніе декабристовъ. Онъ и всѣ начальствующія лица принимали ихъ у себя, заботились объ ихъ нуждахъ и постоянно ходатайствовали о нихъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Волконскаго обрадовали своимъ посѣщеніемъ сестра жены, Софья Николаевна Раевская, и его собственная сестра, вдова фельдмаршала, княгиня Софья Григорьевна Волконская. Въ это же время его дочь вышла замужъ за состоявшаго при губернаторѣ чиновника Молчанова и свободно съѣздила въ Петербургъ, а потомъ, вернувшись назадъ въ Иркутскъ, жила съ родителями въ новомъ построенномъ ими домѣ. Это было имъ тогда уже не трудно, такъ какъ они получили разрѣшеніе на расходованіе значительной суммы денегъ, тогда какъ прежде могли только тратить двѣ и потомъ четыре тысячи. Когда вспыхнула турецкая война, то Волконскій, несмотря на то, что ему было шестьде-

сятъ семь лѣтъ, просился въ Севастополь солдатомъ. Однако семейство упросило Муравьева отказать ему въ этой просьбѣ. Вскорѣ послѣ этого, княгиня Волконская, по разстроенному здоровью, выѣхала съ дочерью въ Москву съ разрѣшенія государя. Волконскій остался одинъ въ Иркутскѣ, но не надолго. Въ 1856 году, по случаю коронаціи, императоръ Александръ II помиловалъ его съ возвращеніемъ всѣхъ правъ, потомственнаго дворянства, но безъ княжескаго титула.

Черезъ тридцать одинъ годъ пребыванія въ Сибири, онъ, въ числѣ девятнадцати изъ ста двадцать одного декабриста, вернулся на родину. Хотя ему и было воспрещено жительство въ столицахъ, но онъ, главнымъ образомъ, послѣдніе годы жилъ въ Москвѣ, по ходатайству его стараго товарища, генералъ-губернатора московскаго, графа Закревскаго. Онъ также ѣздилъ нѣсколько разъ въ Петербургъ и за границу для своего лѣченія и свиданія съ больной женою. Во время пребыванія въ Москвѣ онъ вращался въ обществѣ старыхъ пріятелей, еще оставшихся въ живыхъ, и въ кружкѣ славянофиловъ. Особенно его занимало освобожденіе крестьянъ, и онъ считалъ 19-е февраля 1861 года лучшимъ днемъ въ его жизни. Черезъ два года съ него сняли всѣ ограниченія, которымъ онъ еще подвергался, т. е. полицейскій надзоръ, и семидесяти-пятилѣтній старикъ сталъ уже совершенно свободнымъ человѣкомъ. Когда сынъ его благодарилъ государя за эту новую, послѣднюю милость, то послѣдній сказалъ: «Повѣрь, что и я этому отъ души радъ и всегда былъ радъ, когда могъ что либо сдѣлать для вашего старика».

Однако старику не удалось спокойно дожить свою жизнь. Въ 1863 году, его поразила утрата жены, а затѣмъ его разбилъ параличъ. Онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ креслу на колесахъ, но все-таки сохранилъ свои умственныя силы и продолжалъ до послѣднихъ дней писать свои «Записки». Весною 1865 г. онъ умеръ въ Малороссіи, въ имѣніи дочери, и похороненъ рядомъ съ женою, столь поэтически воспѣтой Некрасовымъ.

В. А. Тимирязевъ.

МИѲИЧНОСТЬ „ЛЕРМОНТОВСКИХЪ МѢСТЪ“ ВЪ ПЯТИГОРСКѢ.

Въ іюлѣ прошлаго года маленькій курортный городокъ Сѣвернаго Кавказа, Пятигорскъ, отпраздновалъ (надобно сознаться, грустнымъ образомъ и не безъ инцидентовъ, безъ которыхъ, какъ видно, никогда не обходится ни одно русское празднество) шестидесятилѣтіе со дня смерти поэта Михаила Юрьевича Лермонтова.

Этимъ торжествомъ былъ, такъ сказать, подогрѣтъ интересъ къ памяти Лермонтова, какъ у всей интеллигентной Россіи, такъ и у бывшихъ на мѣстѣ празднованія «курсовыхъ», и многіе изъ послѣднихъ стали интересоваться тогда тѣми мѣстами, которыя такъ или иначе освящены именемъ поэта. У многихъ, прежде и не подозрѣвавшихъ истинной причины, почему въ пятигорскомъ городскомъ скверѣ красуется памятникъ Лермонтову (съ нисколько не похожимъ на оригиналъ лицомъ статуи), вполнѣ естественно явилось желаніе пополнить свои свѣдѣнія относительно этихъ мѣстъ,—и мѣсто «вѣчно злосчастной дуэли» (по выраженію сына Мартынова) поэта съ этимъ вторымъ Дантесомъ, его гротъ и домъ, гдѣ поэтъ жилъ въ періодъ 1837—1841 г.г., стали усердно посѣщаться больными и туристами.

Мною уже было напечатано въ «Историческомъ Вѣстникѣ» [1]) описаніе пятигорскихъ «Лермонтовскихъ мѣстъ» въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ они теперь находятся; но только относительно одного изъ нихъ (мѣста дуэли) было высказано, что это лишь предполагаемое, но едва ли настоящее мѣсто дуэли.

[1]) «На мѣстѣ послѣднихъ дней Лермонтова» («Историческій Вѣстникъ», 1901 г., VIII кн.).

Предметомъ же настоящей статьи будутъ служить новыя подтвержденія проблематичности мѣста поединка, а также и мѣста первоначальнаго его погребенія на пятигорскомъ кладбищѣ, домика, гдѣ онъ жилъ въ 1837—1841 г.г., и грота.

Оказывается, что, посѣщая всѣ эти мѣста, напрасно было бы думать, что мы созерцаемъ истинныя мѣста поединка, могилы и проч. Изъ массы противорѣчивыхъ показаній, какъ современниковъ, такъ и послѣдующихъ изыскателей въ этомъ направленіи, въ настоящее время можно выяснить лишь одно то, что за эти шестьдесятъ лѣтъ память о Лермонтовѣ въ Пятигорскѣ настолько потускнѣла, что здѣсь трудно добраться до истины, и приходится довольствоваться лишь сознаніемъ, что всѣ эти связанныя съ именемъ Лермонтова мѣста крайне проблематичны. Въ этомъ чрезвычайно характерно сказывается обычная черта насъ, русскихъ: небрежно относиться къ памяти своихъ великихъ людей и не хранить того, что относится къ ней.

Для составленія программы празднованія шестидесятилѣтія со дня смерти Лермонтова въ Пятигорскѣ была организована комиссія подъ предсѣдательствомъ завѣдующаго пятигорскимъ лѣсничествомъ, г. Гнѣвышева.

Казалось бы, что комиссія, прежде всего, озаботится установленіемъ подлинности того мѣста, на которомъ, какъ указываютъ, была дуэль. Но комиссія, видимо, поняла свою задачу иначе и на такіе «пустяки», какъ подлинность этого мѣста, рѣшительно не обратила никакого вниманія и занялась лишь составленіемъ программы для будущаго празднества.

Такимъ образомъ, на то, съ чего надобно было бы начать, комиссіей не было обращено никакого вниманія, хотя, казалось, этотъ пунктъ долженъ бы быть поставленъ кореннымъ въ программѣ занятій комиссіи. Въ силу этого, и «временной памятникъ» былъ поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находились поставленные въ 1881 году три сѣрые камня съ выцарапанными на нихъ безграмотными виршами какой-то В. Козловой, т. е. на мѣстѣ крайне проблематичномъ. Неужели нужно еще нѣсколько десятилѣтій, чтобы этотъ вопросъ обратилъ на себя серьезное вниманіе? Но вѣдь не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что чѣмъ дальше, тѣмъ память объ этомъ будетъ все болѣе и болѣе глохнуть, и наши потомки будутъ считать это мѣсто такимъ же миѳическимъ, какъ древнюю Атлантиду.

Такимъ образомъ, вопросъ: тутъ ли на самомъ дѣлѣ кончился «кровавый разговоръ» Лермонтова съ Мартыновымъ?—такъ и остается открытымъ и, можетъ быть, останется таковымъ навсегда.

Въ своей статьѣ «На мѣстѣ послѣднихъ дней Лермонтова» я разсказалъ про тщетныя старанія г. Филиппова разыскать, съ помощью современника поэта—Чухнина, мѣсто дуэли. Въ нынѣшнемъ году

Эр. Павгинскій [1]) отыскалъ этого Чухнина и сталъ разспрашивать его объ этомъ же мѣстѣ:

— «И мѣсто это вовсе не то, гдѣ стоялъ все время камень, а теперь стоитъ временный памятникъ»,—сказалъ на его вопросъ Чухнинъ.—«То мѣсто, гдѣ дѣйствительно былъ убитъ Лермонтовъ, и куда мы пріѣхали съ Мартыновымъ, было значительно ниже... Кругомъ былъ густой кустарникъ (послѣдняго теперь нѣтъ). Меня и начальство къ себѣ нѣсколько разъ призывало»,—закончилъ онъ,—«ѣздилъ я съ нимъ туда же и мѣсто настоящее указывалъ, но только оно втуне осталось».

Авторъ небольшой статьи «Курортныя рѣчи» («Донская Рѣчь», отъ 15-го іюля 1901 г.) говоритъ: «По словамъ тѣхъ же старожиловъ, мѣсто, гдѣ происходила дуэль Лермонтова, имѣло слѣдующіе отличительные признаки: на немъ стояло большое старое дерево, окруженное мелкимъ кустарникомъ... это очень важное обстоятельство, такъ какъ, произведя на этомъ мѣстѣ раскопки, можно было бы найти корни этого дерева, по которымъ точно опредѣлить настоящее мѣсто дуэли поэта».

Нѣкоторые же другіе авторы говорятъ, что дуэль происходила гораздо ближе къ Перкальской скалѣ. Между тѣмъ, мѣсто, гдѣ находится нынѣ памятникъ, отстоитъ отъ нея на почтенномъ разстояніи.

Такимъ образомъ, изъ всего вышесказаннаго мы видимъ, что мѣсто, гдѣ испустилъ послѣдній вздохъ великій поэтъ, совершенно неизвѣстно и останется таковымъ навсегда.

Мѣсто первоначальнаго погребенія Лермонтова на пятигорскомъ кладбищѣ (откуда оно бабушкой его было перевезено въ с. Тарханы, Пензенской губерніи) также неизвѣстно.

Въ біографическомъ очеркѣ, приложенномъ къ седьмому изданію сочиненій его, какъ я уже указалъ въ упомянутой моей статьѣ, говорится, что мѣсто это забыто и, кажется, отошло подъ выстроенную впослѣдствіи церковь, а камень, лежавшій на этой могилѣ, исчезъ.

Въ № 52 «Сезоннаго листка кавказскихъ минеральныхъ водъ» было напечатано, что въ Пятигорскѣ имѣется человѣкъ, нѣкій пятигорскій мѣщанинъ Николаенковъ, который можетъ съ точностью обозначить это мѣсто.

Но оказалось, что Николаенковъ заслуживаетъ мало вѣры.

Въ бытность мою въ Пятигорскѣ нынѣшнимъ лѣтомъ я узналъ, что городской голова этого города, г. Раковъ, и современникъ Лермонтова — протоіерей о. Василій Эрастовъ, рѣшили провѣрить это извѣстіе и вмѣстѣ съ Николаенковымъ стали отыскивать это

---

[1]) «Въ гостяхъ у современниковъ М. Ю. Лермонтова» («Донская Рѣчь» 15 іюля, 1901 г.).

памятное мѣсто. Но Николаенковъ такъ путалъ и перевиралъ все, что его знаніе этого мѣста оказалось подъ большимъ сомнѣніемъ. Протоколъ объ этихъ напрасныхъ поискахъ былъ посланъ въ «Сезонный Листокъ», но почему-то не былъ тамъ напечатанъ.

Между тѣмъ, относительно этого спорнаго вопроса мы имѣемъ цѣнное указаніе въ брошюрѣ К. П. Бѣлевича. Вотъ что онъ тамъ говоритъ:

«Бывши въ 1868 году въ первый разъ на водахъ, я тщетно разспрашивалъ знакомыхъ и незнакомыхъ пятигорцевъ объ этой интересной для каждаго русскаго могилѣ; тщетно я самъ искалъ ее, для чего перечитывалъ надписи на всѣхъ надгробныхъ памятникахъ.

«Не достигнувъ цѣли двукратныхъ поѣздокъ туда, я уѣхалъ въ Эссентуки. Но тамъ, бесѣдуя разъ въ паркѣ съ священникомъ Горячеводской станицы, отцомъ Василіемъ Митридатовымъ, я выразилъ свою досаду на мои напрасные поиски.

«— Не найдете такъ его могилу, ни за что не найдете,—сказалъ онъ самоувѣренно.—Подобно вамъ, я также искалъ ее напрасно, и не нашелъ бы никогда, если бы мнѣ не разсказалъ примѣтъ покойный отецъ Павелъ Александровскій, бывшій старшій пятигорскій священникъ, при которомъ она была вырыта. Не найдете, изволите видѣть, почему: Лермонтовъ былъ похороненъ почти, какъ самоубійца: нѣсколько въ сторонкѣ отъ кладбища, тогда еще не огороженнаго.

«— Много было хлопотъ, чтобы его похоронили по обряду! Младшій священникъ на отца Павла, его похоронившаго, написалъ тогда епископу ставропольскому доносъ... Рядомъ съ его могилою была могила самоубійцы, чиновника Медвѣдева... Впослѣдствіи, когда была выстроена церковь, обѣ эти могилы вошли въ ограду кладбища. На нихъ нѣтъ ни памятниковъ, ни крестовъ: это не болѣе, какъ двѣ рядышкомъ ямки, въ которыхъ кто-то посадилъ по деревцу.

«— Если хотите отыскать ту, въ которой покоился прахъ Лермонтова, станьте, когда будете на кладбищѣ, у первой ступени церковной паперти, лицомъ къ западу, прямо къ Ессентукамъ: отмѣрьте въ этомъ направленіи семнадцать шаговъ, и вы будете на его первой могилѣ. Она по лѣвую руку; та же, что по правую, къ сторонѣ Желѣзноводска, могила самоубійцы.

«... Спустя три недѣли послѣ этой врѣзавшейся въ мою память бесѣды, я уѣхалъ въ мѣсто моего служенія. Проѣзжая изъ Желѣзноводска мимо пятигорскаго кладбища, я посѣтилъ его снова. Въ этотъ послѣдній разъ, благодаря ясно описаннымъ примѣтамъ, я тотчасъ отыскалъ желанную могилу.

«Признаюсь, никогда бы я и прежде не подумалъ, что представившаяся моимъ глазамъ заросшая бурьяномъ яма, посреди

которой торчитъ засохшій лѣсной орѣхъ, не доросшій до своего обыкновеннаго роста, могила того, кому теперь Россія собирается поставить памятникъ»...

Но въ настоящее время и эти, описанные г. Бѣлевичемъ, признаки исчезли, и мѣсто это также останется неизвѣстнымъ навсегда.

Домикъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ во время своего пребыванія въ Пятигорскѣ, принадлежалъ въ то время, по словамъ Евграфа Чалова въ сообщеніи г. Филиппова [1]), нѣкоему Челяеву, а по словамъ Эр. Павгинскаго — Умановскому, отъ котораго перешелъ къ Вепшгорту, а отъ этого послѣдняго къ П. С. Георгіевскому, который владѣетъ имъ и въ настоящее время.

Какъ я уже говорилъ въ первой своей статьѣ, домомъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, называютъ флигель, помѣщающійся во дворѣ и съ имѣющейся на немъ доской съ надписью. Если мы будемъ сравнивать настоящій видъ дома съ таковымъ же на рисункахъ сороковыхъ годовъ, то оказывается, что онъ измѣнился до неузнаваемости.

Г. Павгинскій задался мыслью рѣшить вопросъ: гдѣ собственно жилъ поэтъ—во флигелѣ ли, который называютъ лермонтовскимъ домикомъ, или въ домѣ, выходящемъ окнами на улицу?

«Надпись утверждаетъ первое»,—говоритъ онъ,—«а между тѣмъ мнѣ пришлось столкнуться съ близкими знакомыми вдовы полковницы Батакиной, умершей въ Пятигорскѣ въ прошломъ году. Мужъ Батакиной во время печальной кончины Лермонтова былъ въ Пятигорскѣ полицеймейстеромъ. Батакины были въ дружескихъ отношеніяхъ съ поэтомъ, бывали у него и, если вѣрить словамъ ихъ близкихъ знакомыхъ, категорически утверждали, что Лермонтовъ жилъ въ домѣ, выходящемъ на улицу, а во флигелѣ помѣщался денщикъ.

«На основаніи такихъ шаткихъ источниковъ, я, конечно, не возбуждалъ бы этого вопроса, если бы того же самаго не слышалъ и отъ другихъ старожиловъ».

Такимъ образомъ, можно съ нѣкоторой утвердительностью думать, что доска съ надписью виситъ тоже надъ крайне проблематичнымъ мѣстомъ.

Четвертымъ такимъ проблематичнымъ мѣстомъ является и «Лермонтовскій гротъ», описаніе котораго я также далъ въ своей упомянутой статьѣ.

Но, оказывается, напрасно было бы думать, что именно въ этомъ гротѣ Лермонтовъ обдумывалъ свои дивныя вещи или слагалъ на своихъ враговъ остроумныя и злыя эпиграммы.

---

[1]) «Лермонтовъ на кавказскихъ водахъ» («Русская Мысль», XII, 1890 г.).

По словамъ протоіерея отца Василія Эрастова [1]), никакого грота тогда (въ бытность Лермонтова въ Пятигорскѣ) совершенно не существовало; было только два камня, на которыхъ, какъ говорятъ, часто сидѣлъ Лермонтовъ и писалъ стихи. Я много разъ приходилъ на это мѣсто, защищенное большими деревьями отъ солнца и представлявшее собою уютный уголокъ. Гротъ былъ сдѣланъ уже **послѣ** **смерти** Лермонтова, и теперь рѣшительно невозможно сказать: тѣ ли самые камни помѣщаются въ этомъ гротѣ, которые когда-то служили столомъ знаменитому поэту».

Такимъ образомъ, мы видимъ, что всѣ «Лермонтовскія мѣста» въ Пятигорскѣ имѣютъ крайне проблематичную подлинность. Но пятигорскому обывателю, конечно, это все равно: скажетъ «курсовому» легенду, что вотъ, молъ, на этомъ мѣстѣ былъ убитъ Лермонтовъ, здѣсь онъ погребенъ, здѣсь жилъ, а здѣсь писалъ стихи,— и больше ничего ему и не надобно: нѣкоторая мзда съ «курсового» стянута, и въ результатѣ и «курсовой» удовлетворенъ въ своемъ любопытствѣ, и пятигорецъ—въ своей алчности...

А до остального ему нѣтъ никакого дѣла...

Василій Якимовъ.

[1]) «Въ гостяхъ у современниковъ М. Ю. Лермонтова».

ТРУДОВАЯ ПОМОЩЬ ГОЛОДАЮЩИМЪ ВЪ 1899 ГОДУ.

I.

ЧТО, ЗЕМЛЯКЪ, не знаешь, какъ намъ въ Михайловку проѣхать?

Старикъ, къ которому обратился съ этимъ вопросомъ мой ямщикъ, отвѣтилъ не сразу. Казалось, что до сихъ поръ онъ совсѣмъ не замѣчалъ насъ и даже не слышалъ нашего приближенія, несмотря на то, что довольно бойкій звонъ нашего колокольчика рѣзко нарушалъ окружавшую насъ почти мертвую тишину. Сидя у околицы деревни, которой онъ считался сторожемъ, онъ даже не поднималъ глазъ для того, чтобы взглянуть, кто проѣзжаетъ мимо него, и только машинально снималъ съ головы шапку и протягивалъ ее проѣзжающимъ, прося у нихъ подаянія. Вліяніе голоднаго года, видимо, отразилось на немъ. Ноги его, раздутыя отъ цынги, казались какими-то громадами, которыя очень мало соотвѣтствовали его небольшому, худому и скрюченному туловищу.

Медленно пошевельнулъ онъ головой, поднялъ свои подслѣповатые глаза и равнодушнымъ тономъ переспросилъ ямщика:

— Куда? Въ Михайловку? Н... не... не знаю.

— Да какъ же не знаешь? Вотъ баринъ говоритъ — недалече, сказывали ему.

— Н... не... не знаю—тѣмъ же равнодушнымъ тономъ повторилъ старикъ и началъ усиленно мотать головой, какъ бы для того, чтобы убѣдить насъ, что онъ дѣйствительно не знаетъ, а не то, чтобы не хотѣлъ указать намъ дорогу.

Да ты послушай, дѣдушка, — вмѣшался я въ разговоръ: ты, быть можетъ, слышалъ, здѣсь работы устроены, чтобы голодающимъ помогать. Такъ вотъ не знаешь ли, куда это надо ѣхать?

— Работы? Царскія работы? Такъ ты бы такъ и сказалъ, — обратился старикъ какъ бы съ укоризною къ ямщику съ такой живостью, которой трудно было ожидать отъ него.— Какъ не знать? Да изъ нашей деревни много народу тамъ на хлѣбъ добываютъ. Слава Господу, Царь и Царица отъ голодной смерти спасаютъ.

Старикъ набожно перекрестился.

— Это, братецъ, тебѣ на середину Раткуля надо ѣхать, — продолжалъ онъ, обращаясь къ ямщику.—Чай, знаешь, гдѣ Раткуль?

— Знаю. Какъ не знать?—отвѣтилъ ямщикъ полуобиженнымъ тономъ. Ему было какъ будто неловко, что пришлось прибѣгнуть къ посторонней помощи.— И про работы знаю. Только вотъ не знаю, гдѣ эта Михайловка самая.

— Ну, такъ вотъ на Раткуль и поѣзжай. Тамъ они, значитъ, его и роютъ. Тамъ и спросишь.

— Да ладно ужъ, знаю,— нетерпѣливо повторилъ ямщикъ, передернулъ вожжами, и тройка наша понеслась по широкой улицѣ деревни, гдѣ все было молчаливо и пустынно, на всемъ лежала печать страшнаго бѣдствія—голода.

Это было лѣтомъ 1899 года, въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, гдѣ, какъ и въ Вятской и въ Симбирской губерніяхъ, была тогда на широкихъ началахъ организована трудовая помощь населенію, пострадавшему отъ неурожая, особымъ отрядомъ, отправленнымъ для этой цѣли съ соизволенія Ея Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны и работавшимъ здѣсь во главѣ съ уполномоченнымъ Ея Величества дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ М. Н. Галкинымъ-Враскимъ. Въ эту тяжелую годину, когда со всѣхъ концовъ Россіи полились средства для оказанія помощи голодающимъ, нашла себѣ примѣненіе также и трудовая помощь, первый опытъ которой принесъ съ собою самые лучшіе результаты. Въ основу дѣятельности отряда была положена та безусловно вѣрная мысль, что трудоспособному населенію помощь должна быть оказываема не даровою раздачею пищи, а предоставленіемъ заработка, который уже долженъ былъ дать ему средства къ существованію. При этомъ заработокъ этотъ доставался ему при выполненіи работъ, необходимыхъ для его же родной деревни, а, стало быть, и его же собственнаго хозяйства, такъ что такимъ образомъ одновременно достигались двѣ весьма важныя цѣли: и голодающее населеніе пріобрѣтало средства къ жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ находили себѣ удовлетвореніе такія наиболѣе насущныя нужды деревни, дѣйствіе которыхъ болѣзненно отзывается на всей ея жизни.

Раткуль, о которомъ говорилъ только что старикъ, было название цѣлой сѣти овраговъ, раскинувшихся по центральной части Спасскаго уѣзда и причинявшихъ немало бѣдъ ея населенію. Ямщикъ мой, видимо, старавшійся загладить невыгодное впечатлѣніе, которое могло бы составиться у меня объ его знакомствѣ съ мѣстностью послѣ разговора нашего со старикомъ, началъ подробно объяснять мнѣ, что это за овраги и каково ихъ значеніе для края.

— Вотъ, баринъ, — началъ онъ, — кабы Богъ далъ съ Раткулемъ этимъ справиться.

— А что?

— Да ужъ больно много бѣдъ отъ него. Что ни весна, то, значитъ, онъ тебѣ сверху цѣлыя горы песку приноситъ. А песокъ-то на низкихъ мѣстахъ осѣдаетъ, и всему твоему урожаю, значитъ, крышка.

— А развѣ до сихъ поръ ничего противъ этого не дѣлали?

— Какъ не дѣлать? Дѣлали. Да что толку? Тамъ да здѣсь плотины поставятъ, а какъ весною вода большая пойдетъ, — гдѣ ее удержать? Какъ щепочки, плотины эти самыя рветъ, и сладу никакого съ водою нѣтъ. А потомъ, какъ придетъ вода на низкое мѣсто, итти-то ей больше некуда — разливается и песку съ собою цѣлыя горы наноситъ. Сказываютъ старики, не одно озеро пескомъ-то этимъ самымъ засыпало. Да что старики! Я самъ помню — здѣсь въ одномъ мѣстѣ озеро было — такъ я еще мальчишкою въ немъ рыбу ловилъ. Славная такая рыба была, и крупная водилась. А теперь... и-и... не то, что рыбы — воды капельки въ озерѣ не осталось. Все, какъ есть, пескомъ засыпано.

Оказалось потомъ, что ямщикъ нисколько не преувеличивалъ. Какъ я узналъ изъ разсказовъ многихъ другихъ мѣстныхъ крестьянъ, а также и помѣщиковъ-старожиловъ, всего лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ мѣстность эта еще далеко не въ такой степени, какъ теперь, страдала отъ дѣйствія песковъ и овраговъ. Когда-то давно, во времена еще древнихъ болгаръ, населявшихъ въ этихъ мѣстахъ берега Волги, а затѣмъ и при татарахъ, здѣсь было всего вдоволь — и воды, и лѣса. Необозримые дремучіе лѣса покрывали собою цѣлыя тысячи десятинъ и лучше всего обезпечивали почвѣ равномѣрное распредѣленіе влаги. И дѣйствительно, въ то время мѣстность эта изобиловала массою озеръ, памятникомъ которыхъ остались до нашего времени лишь многочисленныя названія татарскихъ селеній, которыя всѣ почти оканчиваются словомъ: «куль», что значитъ «озеро». И это какъ разъ въ той мѣстности, гдѣ теперь проходитъ главный отрогъ цѣпи овраговъ, и гдѣ недостатокъ даже въ питьевой водѣ настолько силенъ, что жители принуждены пользоваться для питья дождевой водою, задерживаемою плотинами и запрудами. Безжалостный топоръ хищни-

ка-человѣка лишить этотъ край лучшей его силы и украшенія— его мощныхъ лѣсовъ, и этимъ положилъ начало цѣлому ряду гибельныхъ бѣдствій. Весеннія воды, не задерживаемыя уже лѣсами въ верхней части всей громадной площади уѣзда, представлющей какъ бы полуамфитеатръ со значительно поднятыми сторонами, стали стремительно стекать на дно этого полуамфитеатра, взрывая на своемъ пути песчаную почву и унося съ собою громадныя массы песку. Не встрѣчая на своемъ пути никакихъ преградъ, кромѣ мягкой и уступчивой почвы береговъ оврага, воды съ каждымъ годомъ захватывали своимъ теченіемъ все новые участки и, останавливаясь на болѣе низкихъ мѣстахъ, принесеннымъ ими пескомъ покрывали окрестныя поля, обращая ихъ изъ богатыхъ нашенъ въ безплодныя песчаныя пустыни.

Странное и безотрадное впечатлѣніе производитъ своимъ видомъ вся эта сѣть овраговъ. Только весною во время половодья оживляется она, когда бурнымъ потокомъ мчится весенняя вода, смывая все на пути своею непреодолимой стихійною силой. Въ обычное же время остается одно только обнаженное русло оврага, отъ котораго во всѣ стороны расходятся менѣе крутые овражки, такіе же желто-сѣрые, съ такими же однообразными песчаными берегами, то суживающимися, то расширяющимися до ширины довольно большой рѣки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ песку здѣсь до того много, что небезопасно бываетъ переѣзжать оврагъ даже въ совершенно сухое время, такъ какъ не разъ уже бывало, что цѣлыя телѣги буквально тонули въ этомъ морѣ песку вмѣстѣ съ лошадьми и сѣдоками.

Работы, предпринятыя здѣсь отрядомъ трудовой помощи, должны были предупредить на будущее время дальнѣйшее развитіе овраговъ тѣмъ, что, во-первыхъ, самыя вершины ихъ закрѣплялись, а, во-вторыхъ, въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ углублялось русло оврага, и закрѣплялись его берега, или же проводилось новое русло такъ, чтобы по нему могли течь весеннія воды, не разливаясь изъ береговъ и не уклоняясь никуда въ сторону, а направляясь прямо въ близлежащую рѣчку, впадающую въ Волгу. Въ общемъ всѣ работы производились на разстояніи около 3-хъ верстъ, при чемъ русло рылось глубиною въ $1^1/_2$ саж. и шириною въ $11^1/_2$ саж. При такой вмѣстимости его, разсчитанной на наибольшій объемъ воды, были всѣ основанія предполагать, что ей не удастся выступать изъ созданныхъ для нея береговъ, и что въ нихъ она послушно потечетъ по указанному ей направленію.

Главную часть работъ составляли землекопныя. Остальныя работы были лишь вспомогательными и заключались въ плетеніи плетней по берегамъ русла, для ихъ закрѣпленія, въ заготовкѣ для этого лѣсныхъ матеріаловъ, въ устройствѣ плотинъ въ наименѣе надежныхъ мѣстахъ, въ особенности на поворотахъ, гдѣ вода своимъ напоромъ могла бы вырвать плетни, и т. п.

Работы на оврагѣ Раткулѣ въ Спасскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи. Перспектива спрямленнаго русла.

Особое достоинство всѣхъ этихъ работъ, какъ и другихъ организованныхъ отрядомъ трудовой помощи за время его дѣятельности, заключалось въ ихъ простотѣ и несложности, которыя давали возможность занять ими каждаго нуждающагося, не имѣющаго по большей части никакихъ спеціальныхъ знаній. Кромѣ того, благодаря этому, всѣ онѣ не требовали никакого или почти никакого матеріала, ни какихъ либо особыхъ инструментовъ или приспособленій, чѣмъ значительно облегчались и удешевлялись организація ихъ и самое ихъ производство.

Еще не доѣзжая до самаго мѣста работъ, можно было издали видѣть, какая оживленная, кипучая дѣятельность тамъ происходитъ. Одни рабочіе рыли землю, другіе нагружали ее на тачки или носилки, третьи отвозили ее; еще дальше, гдѣ русло было уже готово, плели плетни для укрѣпленія его береговъ, подвозили хворостъ, старыя подводы, уже выгрузившія его, уступали мѣсто новымъ — работа такъ и кипѣла, и всѣ люди были, видимо, охвачены особымъ дѣловымъ настроеніемъ, которое всегда бываетъ неразлучно съ серьезнымъ и важнымъ дѣломъ.

И—странное дѣло находясь среди всей этой массы людей, переживавшихъ въ это время наиболѣе острый періодъ голода, нельзя было, кажется, и думать, что дѣйствительно только эта помощь, оказанная имъ въ крайнюю минуту, спасла ихъ, быть можетъ, отъ голодной смерти. Живительная сила труда оживила и этихъ несчастныхъ, и неразлучная у русскаго человѣка съ работою пѣсня раздавалась теперь тамъ, гдѣ еще такъ недавно слышались стоны отъ страданій переживаемаго голода. Бывали даже и такіе случаи, что иногда больные, не вполнѣ еще оправившіеся отъ болѣзни, являлись просить работы. Пишущему эти строки самому пришлось говорить съ однимъ изъ такихъ больныхъ, который, быть можетъ, знакомъ уже отчасти читающей публикѣ по корреспонденціи одного изъ сотрудниковъ «Новаго Времени», г. Молчанова, изъ Спасскаго уѣзда въ 1898 году. Это — крестьянинъ дер. Отрады, Ѳедоръ Гаранинъ, мужикъ лѣтъ 50-ти, котораго г. Молчановъ зимою видѣлъ совершенно разслабленнымъ и измученнымъ цынгою; къ веснѣ онъ почти совсѣмъ оправился и явился просить работы.

— И тебѣ не больно работать, на ногахъ стоять? — спросишь его.

— Для чего больно? Такъ, маненько слабость въ ногахъ есть. Да это пустяки, проходитъ.

— А ты все-таки дома бы посидѣлъ, полѣчился бы.

— Для чего я буду на печи лежать, коли работа есть? Грѣхъ вѣдь, баринъ. Слава Господу Богу, что работу послалъ.

Вообще крестьяне относились къ оказанной имъ помощи въ видѣ устройства работъ вполнѣ сознательно и не переставали выражать свою благодарность. Всѣ они понимали, что дѣлаютъ серьезное, важное дѣло, и дѣлали его поэтому въ такомъ порядкѣ, что за все

Укрѣпленіе песковъ близъ с. Кокряти, Спасскаго уѣзда, Казанской губ.

время работъ не произошло ни одного почти недоразумѣнія или несогласія. А между тѣмъ на работахъ, бывало, ежедневно находилось 700—800 человѣкъ, а все число наблюдавшихъ за работами и за порядкомъ на нихъ не превышало 7—8 человѣкъ, считая въ томъ числѣ и единственнаго полицейскаго стражника, командированнаго сюда для поддержанія порядка. Несмотря даже на то, что на сосѣднихъ участкахъ работали часто крестьяне разныхъ національностей—русскіе, чуваши, мордва, татары—миръ между сосѣдями никогда не нарушался. Лишь изрѣдка прорвется иногда на одномъ участкѣ среди работающихъ русскихъ чья нибудь веселая безобидная острота надъ сосѣдями, и тѣ, иногда даже и не понимая ея, сами же первые начинаютъ добродушно смѣяться надъ нею и скалить свои зубы.

Работы производились поартельно, такъ что каждой артели изъ 10—15 человѣкъ, по большей части, односельчанъ, съ выборнымъ старостою во главѣ, отводился для землекопныхъ работъ извѣстный участокъ земли, длиною отъ 2 до 15 саж., смотря по количеству рабочихъ въ артели. Отвѣтственнымъ лицомъ за всю артель являлся ея староста, которому и выдавались всѣ необходимые для работы инструменты, и съ которымъ производились и всѣ расчеты. При этомъ не разъ приходилось наблюдать, какое громадное значеніе имѣетъ въ глазахъ крестьянъ грамотность, когда случалось имѣть дѣло съ совершенно молодымъ старостою—безусымъ парнемъ, стоявшимъ во главѣ другихъ членовъ артели—гораздо болѣе старшихъ, а иногда и совсѣмъ стариковъ. Подойдешь иной разъ къ такой артели, кликнешь старосту, и невольно удивляешься, видя передъ собою какого нибудь молодого парня—почти мальчика.

— Ты, что ли, староста?

— Такъ точно, баринъ, староста.

— Что же это такой молодой? Что это вы, братцы, такого молодого старосту выбрали?

— Грамотный онъ. Грамотѣ разумѣетъ. Вотъ мы его, значитъ, и выбрали, потому наше дѣло темное,—отвѣчаютъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ сразу нѣсколько голосовъ.

Принимались работы также по участкамъ, при чемъ вычислялось количество кубическихъ саженъ вынутой земли, такъ какъ эти работы производились издѣльно по 1 рублю 25 коп. за каждую куб. саж. земли. По пріемкѣ участка старостѣ работавшей на немъ артели выдавалась особая записка съ расчетомъ количества вынутыхъ куб. саженъ земли и слѣдующаго за это вознагражденія, и по этой запискѣ уже онъ получалъ въ конторѣ деньги. Еще проще былъ, конечно, расчетъ съ поденными рабочими, которымъ уплачивалось вознагражденіе не за опредѣленное количество выполненной работы, а за тотъ или другой промежутокъ времени. Но поденные рабочіе, какъ это всегда бываетъ, работали далеко не съ такимъ усердіемъ,

Видъ дамбы, устроенной для предупрежденія разлива рѣки Усы по полямъ крестьянъ с. Горюшки, Симбирской губ., Сенгилеевскаго уѣзда.

какъ издѣльные, и поэтому за ними приходилось имѣть болѣе или менѣе строгое наблюденіе. Да и становился на поденныя работы почти всегда работникъ не очень прилежный и не особенно заботившійся о своемъ заработкѣ, такъ какъ добывалъ онъ на нихъ гораздо меньше, чѣмъ сколько онъ могъ бы получить на издѣльной работѣ. На издѣльной работѣ средній работникъ выработывалъ въ день 60—70 и до 80 коп., а поденщикъ получалъ пѣшій—40 коп., а конный 80 коп. Между поденщиками, особенно между конными, было довольно много бабъ, потому что работа по подвозкѣ матеріаловъ была одной изъ наиболѣе легкихъ, и любая баба или мальчикъ-подростокъ справлялись съ нею не хуже мужика. Для ближайшихъ крестьянъ эта возможность работать, предоставленная и бабамъ, и подросткамъ, сослужила очень большую службу, потому что крестьянинъ, имѣвшій лошадь, самъ становился на издѣльную работу, а бабу или подростка съ лошадью отправлялъ на поденщину, и такимъ образомъ вся семья заработывала за день до полутора рубля—заработокъ хоть куда. Бывали впрочемъ единичные случаи, что и бабы цѣлыми артелями становились на издѣльную работу, и хотя на такихъ участкахъ работа и подвигалась гораздо медленнѣе, чѣмъ у мужчинъ, но все-таки сдавался участокъ въ полной исправности, и бабы получали для себя довольно значительный заработокъ.

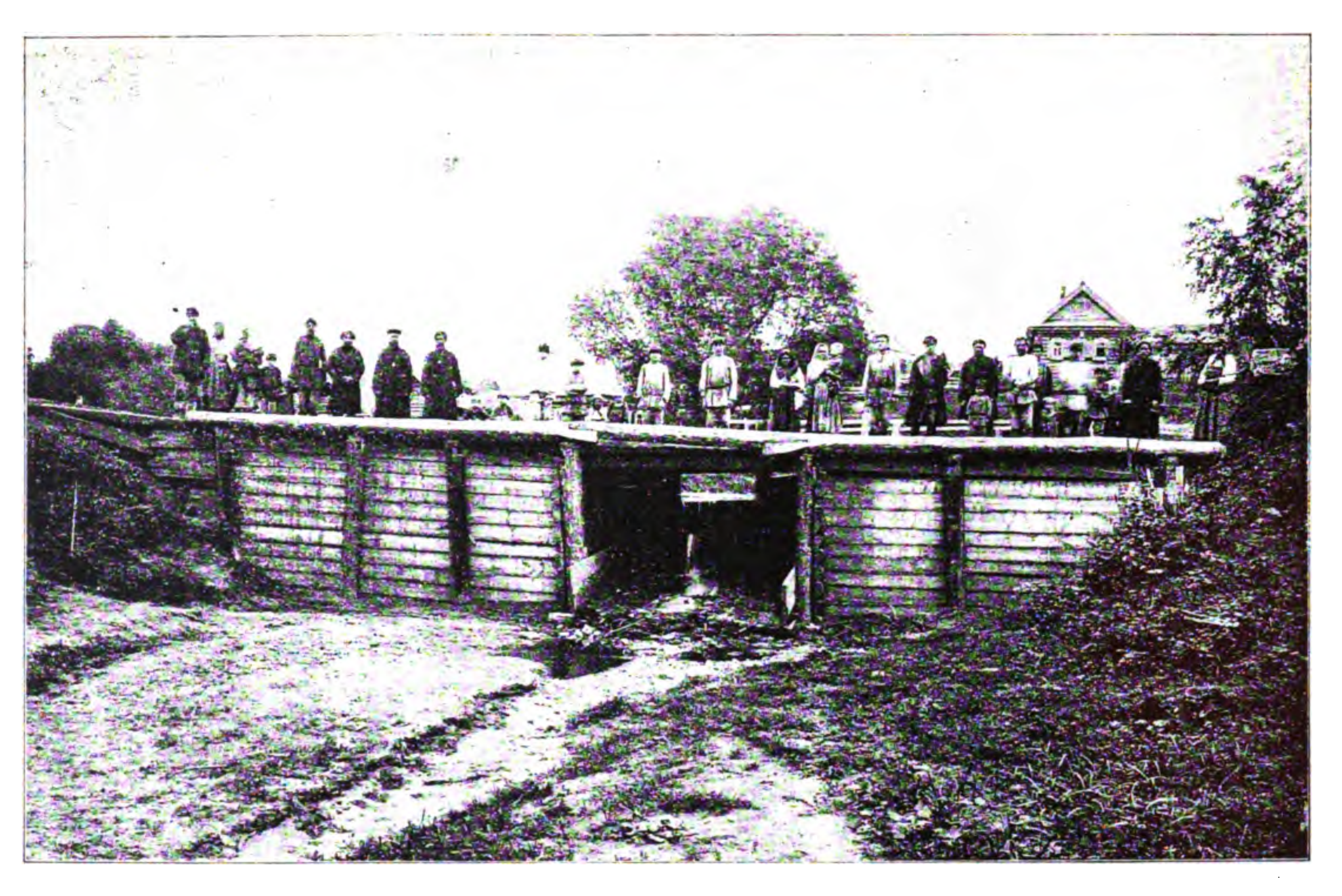
Заработанныя деньги обыкновенно выдавались рабочимъ—землекопамъ немедленно же по пріемкѣ отработаннаго ими участка, а поденнымъ—каждые 2—3 дня. Такая частая, почти безпрерывная выдача денегъ, хотя и сопряжена была со значительными хлопотами для немногочисленной вообще администраціи, но имѣла зато за собою то значительное преимущество, что устраняла возможность полученія рабочими заработка болѣе или менѣе крупными суммами и, благодаря этому, отдаляла ихъ отъ соблазна на радостяхъ послѣ получки потратить часть этой суммы непроизводительно. Кромѣ того, въ данномъ случаѣ необходимость производить расчетъ именно такимъ образомъ обусловливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе крестьяне приходили изъ довольно отдаленныхъ мѣстъ всего на нѣсколько дней для того, чтобы хоть что нибудь заработать и по возможности скорѣе вернуться къ себѣ домой. Заставлять ихъ ждать получки, если бы расчетъ производился только въ опредѣленные дни, было бы невозможно, и поэтому расплата съ ними обыкновенно производилась во всякое время немедленно же по окончаніи работы. Кромѣ этого, большинству землекопныхъ рабочихъ, работавшихъ цѣлыми артелями, выдавались деньги понемногу и впередъ, потому что расчетъ съ ними можно было производить лишь по окончаніи ими отведеннаго имъ участка; на это надо было иногда 4—5 дней, а между тѣмъ артели, случалось, совершенно ѣсть было нечего. Въ такихъ случаяхъ старостѣ артели выдавалась небольшая сумма въ

Освященіе моста, устроеннаго черезъ рѣчку Чечеру, въ с. Порѣцкомъ, Симбирской губ., Сенгилеевскаго уѣзда.

счетъ выполненной уже части работы, объ этомъ дѣлалась отмѣтка на *особомъ* ярлыкѣ, выдававшемся каждому старостѣ при началѣ работъ на участкѣ, и выданная впередъ сумма вычитывалась изъ всей суммы заработанныхъ денегъ, за получкою которыхъ являлся староста со своимъ ярлыкомъ по окончаніи участка. Вычетъ производился также тѣмъ изъ рабочихъ, которые брали что либо изъ съѣстныхъ припасовъ, продававшихся имъ тутъ же на мѣстѣ работъ. Эта заготовка припасовъ и продажа ихъ была организована также въ интересахъ рабочихъ, которые такимъ образомъ получали ихъ гораздо дешевле и съ гораздо меньшими хлопотами, чѣмъ если бы имъ приходилось отправляться за покупкою ихъ въ городъ или въ ближайшее село. Достаточно сказать, что, напримѣръ, фунтъ сахару, который стоилъ здѣсь въ розничной продажѣ 20 коп., рабочимъ продавался по 15 коп.; точно также продавались имъ и мука, пшено, горохъ, чай и т. п., и, конечно, они дѣлали на этомъ значительныя сбереженія, такъ какъ все это продавалось имъ по своей цѣнѣ и при томъ по расчету за гуртовую стоимость товара.

Начинались работы каждый день довольно рано съ 5—5½ часовъ утра, въ полдень давалось 1½–2 часа на обѣдъ вмѣстѣ съ отдыхомъ, а затѣмъ работа снова продолжалась и заканчивалась уже къ вечеру, къ 7-ми часамъ. Бывали иногда примѣры особаго трудолюбія, когда артель становилась на работу чуть ли не съ 3-хъ часовъ ночи, и трудно было этому препятствовать, если ей необходимо было закончить къ извѣстному сроку работу съ тѣмъ, чтобы поспѣть во время домой, иногда за 20—30 верстъ. Вообще обиліе пришлыхъ рабочихъ заставляло подчасъ нарушать нѣкоторыя условія общепринятаго порядка. Приходитъ, напримѣръ, въ субботу днемъ артель откуда нибудь изъ дальней деревни, отведешь ей участокъ и поставишь ее на работу; вечеромъ передъ окончаніемъ работъ проситъ она разрѣшить ей работать и завтра, въ воскресенье. Конечно, это непорядокъ, потому что въ воскресный день работать не полагается, однако разсудишь, что для голоднаго человѣка и праздникъ не въ праздникъ, что каждый рабочій день для него цѣнится на вѣсъ золота, что дома ждетъ его нѣсколько голодныхъ ртовъ, что наконецъ здѣсь, вдали отъ дома, онъ въ свободное время ничего другого и дѣлать не можетъ, какъ только слоняться безъ толку,—и, конечно, разрѣшишь артели работать. Такимъ образомъ безработныхъ дней почти не было, тѣмъ болѣе, что по праздничнымъ днямъ работало очень много нехристіанъ—мордвы, чувашей и татаръ, которые въ общемъ составляли около ⅓ всего числа рабочихъ.

Татары особенно сильно пострадали отъ послѣдствій неурожая, такъ какъ они вообще мало занимаются своею землею и сплошь и рядомъ ее покидаютъ для того, чтобы наниматься на полевыя работы къ окрестнымъ помѣщикамъ. Неудивительно, что при неуро-

Видъ водоема, устроеннаго въ с. Ключахъ, Казанской губ. и уѣзда.

жаѣ и при полномъ отсутствіи поэтому заработка имъ приходилось очень тяжело, такъ что для нихъ въ особенности устройство общественныхъ работъ было настоящимъ благодѣяніемъ.

Въ общемъ результаты, достигнутые устройствомъ общественныхъ работъ по укрѣпленію оврага Раткуля, получились самые благопріятные и вполнѣ оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды. Голодающему населенію оказана была помощь, и свыше 18.000 рублей перешли въ его руки въ видѣ заработной платы; и вмѣстѣ съ тѣмъ ему же было оказано большое благодѣяніе предохраненіемъ его на будущее время отъ опустошительнаго дѣйствія песковъ. Этотъ опытъ оказанія трудовой помощи наглядно убѣдилъ, какъ можно просто и хорошо, въ короткое время и съ небольшими средствами сдѣлать доброе и полезное дѣло.

II.

Въ томъ же Спасскомъ уѣздѣ и недалеко отъ овраговъ предпринята была еще одна крупная работа по укрѣпленію песковъ, отъ передвиженія которыхъ много терпѣло населеніе большого села Кокряти.

— Это что, баринъ,—говорилъ мнѣ мой ямщикъ, когда мы отъ мѣста работъ на Раткулѣ ѣхали по направленію къ Кокряти. —Здѣсь-то оно, конечно, бѣда большая съ пескомъ. А все же хоть разъ въ годъ его несетъ. А ужъ вотъ въ Кокряти, такъ это подлинное божеское наказаніе.

— А что?

— Да какъ же! Кругомъ, значитъ, всего села песокъ да песокъ. Видимо его, невидимо. И мягкій онъ, легкій такой, ну, словно твое перышко. Чуть только вѣтерокъ шелохнетъ, его и несетъ. Сегодня ты, скажемъ, здѣсь посѣялъ, а завтра глядишь — пескомъ все засыпало. Да что посѣвы—избы засыпаетъ. Мужики, вишь, хотѣли въ этомъ году новыхъ мѣстъ искать. Не втерпежъ стало, какъ уже крайнія-то избы засыпать стало.

— Ну, а теперь какъ же? Лучше?

— Вѣстимо, лучше. Его, значитъ, весь песокъ какъ бы связали плетнями будто. Теперь ему и не двинуться. Да вотъ, смотри, баринъ!

Я, посмотрѣвъ въ ту сторону, куда указывалъ ямщикъ, увидѣлъ дѣйствительно крайне интересную картину. Предо мною разстилалось настоящее песчаное море, въ разныхъ направленіяхъ перерѣзанное густою сѣтью плетней, между которыми, какъ острова въ этомъ песчаномъ морѣ, зеленѣли кусты растительности. Это и была та песчаная площадь, съ которой песокъ вѣтромъ переносился съ мѣста на мѣсто и затѣмъ осѣдалъ и на пашняхъ и у самыхъ избъ села, расположеннаго неподалеку отсюда. Работы, которыя

были предприняты здѣсь, заключались въ томъ, чтобы скрѣпить песчаную почву, и для этой цѣли и была устроена сплошная сѣть плетневыхъ загражденій, и, кромѣ того, произведена была засадка связывающими почву растеніями, преимущественно шелюгою, которая очень скоро уже дала прекрасные результаты. Такимъ образомъ и въ данномъ случаѣ двойная цѣль дѣятельности отряда была достигнута вполнѣ успѣшно: и голодавшему населенію предоставленъ былъ заработокъ, и, кромѣ того, улучшены были условія его земледѣльческаго благосостоянія.

Другія предпринятыя отрядомъ работы также вполнѣ соотвѣтствовали этой двойной его задачѣ, такъ какъ, если онѣ и не имѣли непосредственнаго значенія для улучшенія земледѣльческаго быта деревни, то во всякомъ случаѣ для общаго ея благосостоянія и благоустройства значеніе ихъ было несомнѣнно, и, напримѣръ, улучшеніе дорожныхъ сооруженій, водоснабженія, осушеніе болотъ и т. п. давали удовлетвореніе такимъ насущнымъ нуждамъ деревни, которыя составляютъ ея наиболѣе больныя мѣста.

Среди общественныхъ работъ, имѣвшихъ цѣлью улучшеніе старыхъ и устройство нѣкоторыхъ новыхъ дорожныхъ сооруженій, особеннаго вниманія заслуживаютъ по важности своей и по своему значенію исправленіе дороги на такъ называемомъ Мамыковскомъ трактѣ, въ Чистопольскомъ уѣздѣ, на протяженіи 3-хъ верстъ, и устройство дороги отъ города Малмыжа, Вятской губерніи, къ устью рѣки Шошмы, которое сократило разстояніе между Малмыжемъ и Вяткою на шесть верстъ. Понятно, что значеніе этой работы было весьма важно для всего окрестнаго населенія, тѣмъ болѣе, что прежняя окольная дорога была крайне тяжела и неустроена. Не менѣе велико было также значеніе работъ, предпринятыхъ по исправленію Мамыковскаго тракта: по этому тракту производится подвозъ хлѣбовъ къ Чистопольской пристани въ количествѣ нѣсколькихъ милліоновъ пудовъ ежегодно, а между тѣмъ исправленный теперь участокъ его былъ до этого крайне неустроенъ; не говоря уже о цѣлой массѣ рытвинъ и выбоинъ, сильно затруднявшихъ движеніе, по сторонамъ дороги находилось много канавъ, въ которыя нерѣдко сваливались цѣлые возы съ хлѣбомъ. О значеніи предпринятыхъ здѣсь работъ для мѣстнаго населенія лучше всего можно судить по тому, что на выполненіе ихъ поступили обильныя частныя пожертвованія отъ мѣстныхъ жителей, съ этимъ спеціальнымъ назначеніемъ. Но и кромѣ этихъ, болѣе крупныхъ работъ, важное значеніе должны были имѣть для населенія и другія подобныя работы, болѣе мелкія, устроенныя почти въ каждой деревнѣ, гдѣ только была нужда въ нихъ. Въ одномъ селѣ, напримѣръ, спускъ съ горы былъ до того крутъ, что на немъ не разъ бывали несчастные случаи паденія цѣлыхъ возовъ вмѣстѣ съ лошадьми; въ другомъ мѣстѣ дорога пролегаетъ по низинѣ, въ которой во время дождей ско-

пляется вода, такъ что дорога была совершенно непроѣзжею въ дождливое время года до тѣхъ поръ, пока не устроена была въ этомъ мѣстѣ прочная гать; во многихъ мѣстахъ необходимо было срыть косогоры, устроить болѣе отлогіе и широкіе спуски, особенно когда они вели къ мостамъ черезъ рѣки или овраги, облегчить подъемы и т. д. Не говоря уже объ общемъ значеніи всѣхъ подобныхъ работъ, важность ихъ въ особенности очевидна въ отдѣльныхъ случаяхъ необходимости пользоваться этими дорогами. Такъ, напримѣръ, между г. Арскомъ, Казанской губерніи, и селомъ Большіе-Верези дорога была небезопасна по своему состоянію по причинѣ весьма крутого спуска, на которомъ въ распутицу неоднократно бывали несчастные случаи. Послѣ того, какъ дорога была исправлена, и устроенъ былъ болѣе отлогій спускъ, въ селѣ Большіе-Верези случился пожаръ, и изъ города Арска была вызвана для его тушенія пожарная команда. Благодаря произведенному улучшенію пути, она своевременно поспѣла на мѣсто пожара, и онъ ограничился всего тремя избами; между тѣмъ, если бы дорога не была исправлена, то крестьяне, навѣрное, не могли бы своими силами такъ легко справиться съ огнемъ, и пожаръ могъ бы уничтожить всю деревню.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ видовъ работъ, имѣвшихъ цѣлью улучшеніе дорожныхъ сооруженій, явилось устройство мостовъ, которое было одною изъ насущнѣйшихъ нуждъ населенія. Кромѣ земскихъ мостовъ на большихъ дорогахъ, сооружаемыхъ и поддерживаемыхъ земствомъ, остальные мосты должны устраивать сами крестьяне, для которыхъ это является одною изъ главнѣйшихъ натуральныхъ повинностей. Къ сожалѣнію, однако, недостатокъ въ средствахъ, а также и въ правильномъ руководствѣ, служилъ причиною того, что крестьяне ограничивались сооруженіемъ лишь временныхъ, очень непрочныхъ мостовъ, которые легко сносятся большою водой, такъ что на время весенняго разлива приходится разбирать ихъ, чтобы спасти лѣсной матеріалъ. Такимъ образомъ на это время прекращается для крестьянъ и самая возможность сообщенія между деревнею и полями, и это отзывается очень вредно на полевыхъ работахъ. Кромѣ того, затрудняется также и пастьба скота, приходится или совершенно не загонять его въ деревню или переправлять на лодкахъ или паромахъ, при чемъ часто бываютъ случаи паденія его въ воду. Въ одномъ селѣ во время весенняго разлива совершенно прекращалось сообщеніе съ кладбищемъ, расположеннымъ на противоположной сторонѣ оврага; въ другомъ— населеніе одной части совершенно отрѣзывалось отъ другой, такъ какъ село расположено по обѣ стороны оврага.

Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ постройка прочныхъ постоянныхъ мостовъ являлась дѣломъ первой необходимости, и поэтому она организована была въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, такъ что

Расчистка ключа съ устройствомъ водоема, въ д. Кундуртѣ, Казанской губ. и уѣзда.

въ одной только Казанской губерніи было устроено 33 моста, причемъ израсходовано было на эти работы 4.272 рубля 85 коп.

Но едва ли не еще бо́льшее значеніе, чѣмъ дорожныя сооруженія, должны были имѣть предпринятыя отрядомъ работы по водоснабженію, отъ недостатковъ котораго такъ тяжко страдаетъ наша деревня, что не только нечѣмъ иногда бываетъ тушить пожаръ, но подчасъ и просто пить нечего. И приходится поневолѣ населенію довольствоваться дождевою водой, задерживаемою грязными навозными плотинами, а въ результатѣ изъ-за этого брюшной тифъ, холера и другія болѣзни.

Понятно, почему крестьяне больше всего цѣнили именно эти работы, и не было почти ни одной деревни, которая не просила бы устроить ихъ въ ней. Бывало, куда ни пріѣдешь, вездѣ слышишь одни и тѣ же разговоры.

— Ну, слава Богу, теперь Царскій колодезь есть. И пожаръ, упаси чего Боже, не такъ страшенъ, да и пить возможно.

— А какъ же вы раньше безъ воды обходились?

— А такъ и обходились, что грязную воду изъ-подъ плотины пили. Оттого, баютъ, и болѣсти у насъ всякія не переводились.

— Ну, а при пожарѣ-то какъ же?

— Да извѣстно какъ, на волю Божью. Ужъ у насъ, коли, не дай Богъ, пожаръ, такъ хоть туши, не туши—все одно. Воды во всей округѣ не найдешь. Только, значитъ, стой и смотри, да свое горе оплакивай.

Дѣйствительно, нужда въ водѣ повсюду была страшная, такъ что работы въ этомъ отношеніи было много, и въ одной только Казанской губерніи работы по водоснабженію выполнены были въ 87 различныхъ селахъ и деревняхъ. Главнѣйшіе виды ихъ заключались въ устройствѣ и исправленіи запрудъ и плотинъ, колодцевъ, водоемовъ, пожарныхъ баковъ, расчисткѣ и углубленіи ключей и прудовъ и т. п. Желательнѣе и важнѣе всего было, конечно, въ цѣляхъ обезпеченія населенія здоровою питьевой водой устройство прудовъ и расчистка ключей. Тамъ, гдѣ это было невозможно, приходилось довольствоваться устройствомъ плотинъ и запрудъ, но при этомъ обращено было особое вниманіе на ихъ прочность, такъ какъ въ противномъ случаѣ онѣ, какъ это бывало почти каждый годъ до сихъ поръ, размываются весеннею водой, и матеріалъ ихъ, по преимуществу навозный, еще болѣе загрязняетъ и отравляетъ воду.

Въ одномъ случаѣ была сдѣлана попытка удовлетворить потребности въ водоснабженіи совершенно своеобразнымъ для деревни способомъ—устройствомъ водопровода, или, вѣрнѣе, водотека. Дѣло въ томъ, что въ Сызранскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи два сосѣднихъ села находились въ очень неодинаковыхъ условіяхъ въ отношеніи водоснабженія: въ одномъ изъ нихъ вода въ обиліи до-

ставляется хорошими родниками, а до другого, расположеннаго отъ него въ разстоянiи около 1 версты, вода едва дотекала изъ этихъ родниковъ по оврагу. Всѣ попытки обезпечить второму селу свою воду оставались безуспѣшными, такъ какъ вода здѣсь оказывалась лишь на двѣнадцати-саженной глубинѣ, и приходилось ограничиваться поэтому лишь нѣсколькими вырытыми колодцами. Колодцы эти давали еще, пожалуй, достаточно питьевой воды, но зато въ пожарномъ отношенiи деревня была совершенно безпомощна, такъ что пожары не разъ опустошали ее чуть ли не до тла. Въ виду этого рѣшено было провести сюда воду по трубамъ изъ сосѣдняго села, при чемъ можно было дать также значительный заработокъ при изготовленiи трубъ мѣстнымъ гончарамъ, которыхъ здѣсь довольно много среди населенiя. Къ концу срока дѣятельности отряда всѣ трубы были уже готовы, и канавы для нихъ вырыты, производство же остальныхъ работъ приняло на себя мѣстное земство.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ выше работъ, общественныя работы выразились еще въ видѣ мѣръ къ осушенiю болотъ, предпринятыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣятельности отряда: около села Кулычъ, Вятской губернiи, и въ трехъ мѣстахъ въ Симбирской губернiи. Работы эти имѣли также громадное значенiе, такъ какъ болота эти, до ихъ осушенiя, оказывали самое вредное влiянiе на гигiеническое состоянiе мѣстности, и такiя болѣзни, какъ тифъ и лихорадка среди людей и сибирская язва на скотѣ, почти не прекращались. Теперь, надо надѣяться, этому положенъ конецъ.

И наконецъ, къ числу другихъ общественныхъ работъ должны быть отнесены многочисленныя строительныя работы по сооруженiю зданiй для различныхъ учрежденiй, въ большинствѣ своемъ призванныхъ къ жизни также дѣятельностью отряда и составившихъ особую ея отрасль, о которой будетъ рѣчь впереди. Только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ работы эти производились не для собственныхъ учрежденiй отряда, а для какихъ либо другихъ, имѣющихъ цѣлью также удовлетворенiе деревенскихъ нуждъ, но не входившихъ въ кругъ дѣятельности отряда, какъ, напримѣръ, школъ, больницъ и т. п. Особаго вниманiя заслуживаетъ въ этомъ отношенiи случай взаимодѣйствiя двухъ отрядовъ, бывшихъ исполнителями воль двухъ Августѣйшихъ Сестеръ—Ея Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны и Ея Высочества Великой Княгини Елизаветы Θеодоровны. Послѣднiй отрядъ, имѣвшiй своею спецiальной цѣлью оказанiе врачебной помощи населенiю, въ одномъ изъ пунктовъ своей дѣятельности, въ селѣ Альметьевѣ, Чистопольскаго уѣзда, пожертвовалъ все необходимое обзаведенiе для устройства фельдшерскаго пункта, въ которомъ давно уже ощущалась самая настоятельная необходимость, а отрядъ трудовой по-

мощи принять на себя постройку зданія для этого учрежденія, давшую значительный заработокъ населенію.

Невозможно далѣе перечислять здѣсь всѣ виды и формы общественныхъ работъ, а тѣмъ болѣе самыя работы въ отдѣльности, устроенныя за время дѣятельности отряда, потому что на это не хватило бы здѣсь ни мѣста, ни времени; приходится ограничиться лишь указаніемъ на то, что члены отряда не упускали изъ виду возможности доставить хотя бы и самый незначительный заработокъ населенію, такъ что на ряду съ такою крупною работой, какъ описанное выше укрѣпленіе оврага Раткуля, продолжавшееся цѣлое лѣто и давшее населенію свыше 18.000 рублей заработка, встрѣчаются въ общемъ спискѣ работъ также и такія незначительныя работы, какъ, напримѣръ, очистка дворовъ, въ которыхъ помѣщались лошади, закупленныя правительствомъ для раздачи наиболѣе нуждающимся крестьянамъ, оплата труда по перевозкѣ больныхъ въ больницу, устройство изгороди вокругъ кладбища и т. п. Общая же сумма средствъ, затраченныхъ отрядомъ на организацію общественныхъ работъ—свыше 86.000 рублей—и общее число ихъ—296 крупныхъ и болѣе мелкихъ работъ—даютъ самое наглядное представленіе объ этой сторонѣ дѣятельности отряда.

Къ общественнымъ работамъ по назначенію своему оказывать непосредственную помощь пострадавшимъ отъ неурожая наиболѣе тѣсно примыкаетъ также и особый видъ трудовой помощи, выразившійся въ видѣ раздачи на домъ крестьянамъ-кустарямъ разнаго рода матеріаловъ для работъ: мужчинамъ преимущественно конопли для витья веревокъ, а женщинамъ—пряжи для тканья холста. Насколько широко и правильно поставлено было отрядомъ это дѣло, можно судить по тому, что, напримѣръ, въ одномъ Сарапульскомъ уѣздѣ за 3 мѣсяца дѣятельности отряда было соткано 1132 холста длиною около 25 тысячъ аршинъ, а пеньки для витья веревокъ роздано было 735 пудовъ, и что всѣ изготовленныя крестьянами-кустарями издѣлія нашли себѣ хорошій сбытъ на Нижегородской ярмаркѣ. Кромѣ того, раздавалась иногда крестьянкамъ работа по изготовленію платья для особенно нуждающихся нетрудоспособныхъ, при условіи шитья ея на мѣстѣ и преимущественно изъ матеріала, изготовленнаго самими крестьянами.

III.

Устройство общественныхъ работъ составило собою главную задачу и большую часть содержанія дѣятельности отряда трудовой помощи. Но ими уже заранѣе рѣшено было не ограничиваться, и въ программѣ этой дѣятельности было намѣчено также и устройство постоянныхъ учрежденій трудовой помощи, какъ, напримѣръ, домовъ трудолюбія, трудовыхъ пунктовъ и т. п. Болѣе близкое зна-

Внутренній видъ яслей, въ с. Мордовѣ, Сенгилеевскаго уѣзда, Симбирской губ.

комство съ дѣломъ показало, что необходимо поставить этотъ вопросъ значительно шире и принять нѣкоторыя мѣры, которыя могли бы оказывать свое постоянное непосредственное дѣйствіе на улучшеніе трудовой жизни крестьянина.

Много вниманія удѣлилъ поэтому отрядъ трудовой помощи кустарному дѣлу, которое служитъ прочнымъ подспорьемъ главнѣйшему основанію этой жизни — земледѣлію. И здѣсь также дѣятельность отряда сопровождалась полнымъ успѣхомъ, такъ что ему удалось, напримѣръ, значительно подвинуть впередъ развитіе артельнаго начала, въ которомъ заключается единственное средство борьбы съ дѣятельностью скупщиковъ, крайне эксплуатирующихъ кустаря. Кромѣ того, отрядомъ отдано было также много вниманія развитію техническихъ знаній среди кустарей, и положено этому прочное начало основаніемъ цѣлой сѣти кустарныхъ мастерскихъ особаго типа, которыя должны имѣть немалое значеніе для правильнаго развитія нашего кустарнаго дѣла. Особенность этихъ мастерскихъ заключается въ совершенно практическомъ характерѣ постановки работъ въ нихъ, который даетъ возможность пользоваться ихъ услугами и взрослому кустарю, нисколько не затрудняя этимъ достиженія главной ихъ задачи: обученія дѣтей-подростковъ, для которыхъ знаніе того или иного ремесла должно служить весьма серьезнымъ подспорьемъ въ ихъ будущей трудовой жизни.

О значеніи подобныхъ мастерскихъ для всего вообще благосостоянія нашей деревни едва ли необходимо распространяться, если имѣть въ виду, въ какомъ трудномъ, подчасъ безвыходномъ положеніи оказывается крестьянинъ въ случаѣ надобности произвести даже не особенно сложную починку какого нибудь земледѣльческаго орудія или другого предмета своего незатѣйливаго обихода. Какая нибудь ничтожная поломка плуга вынуждаетъ его иногда ѣздить въ городъ за нѣсколько десятковъ верстъ, морить лошадь и наконецъ терять даже дорогое рабочее время въ самый разгаръ полевыхъ работъ. А между тѣмъ будь у него въ селѣ или по близости кузнечно-слесарная мастерская, то, уже не говоря о томъ, что какая нибудь ничтожная починка не влекла бы для него за собой такихъ тягостныхъ послѣдствій, онъ, быть можетъ, самъ бы могъ, при практическомъ характерѣ обученія въ этой мастерской, научиться помогать себѣ въ подобныхъ случаяхъ и обходиться безъ посторонней помощи.

Конечно, при основаніи подобныхъ мастерскихъ необходимо какъ можно тщательнѣе считаться съ истинными, дѣйствительными нуждами деревни, и въ этомъ отношеніи наилучшимъ примѣромъ можетъ опять-таки служить дѣятельность отряда трудовой помощи, основывавшаго мастерскія въ строгомъ соотвѣтствіи съ практическими реальными потребностями деревни вообще и данной мѣстности въ частности. Подтвержденіемъ этого могутъ служить, напримѣръ,

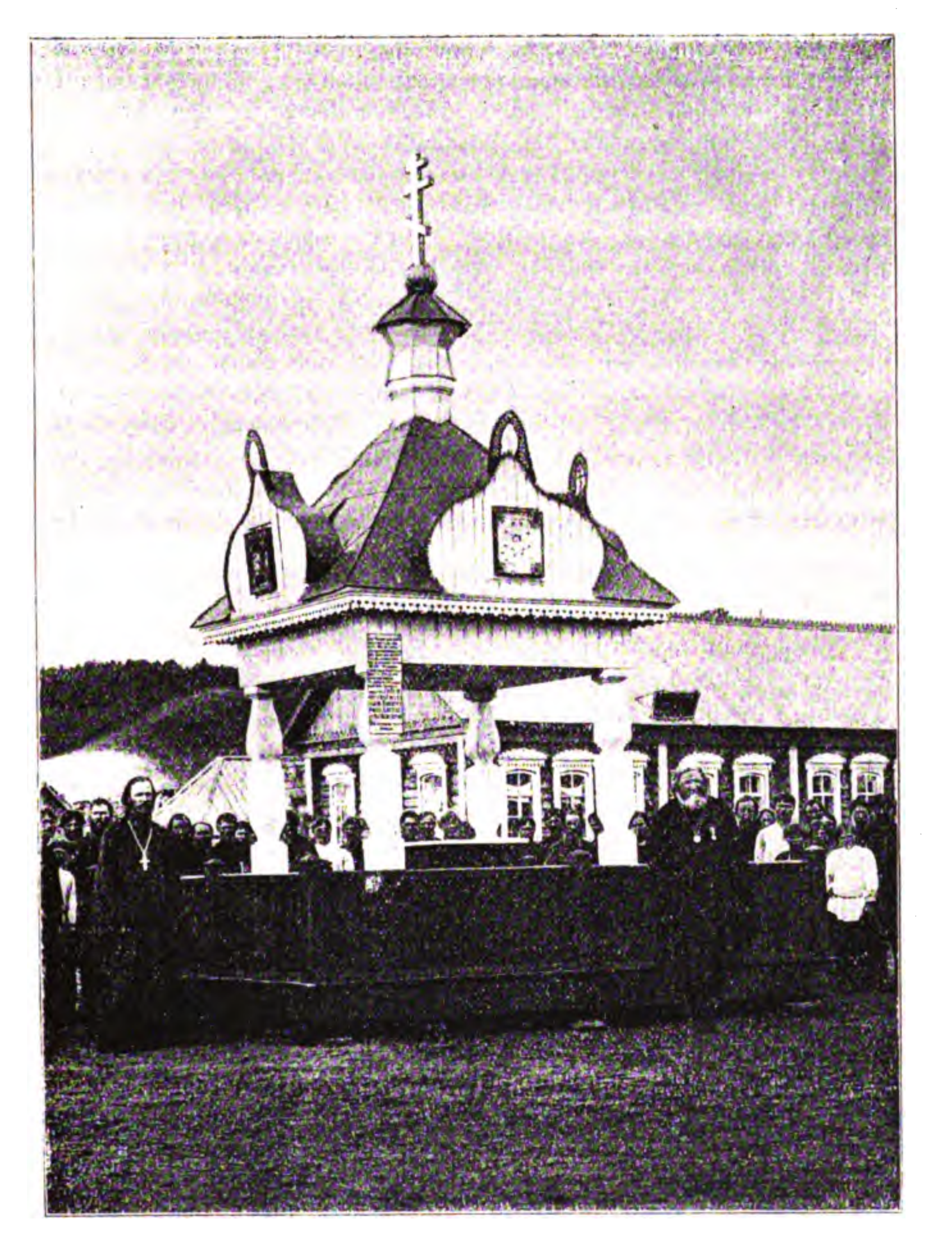
Ясли въ с. Шумовкѣ, Симбирской губ. и уѣзда. Площадка для игръ.

устройство мастерской для изготовленія принадлежностей пчеловодства въ г. Лаишевѣ, корзиночной мастерской въ пригородѣ Билярскѣ, Чистопольскаго уѣзда, особаго ремесленнаго класса по шитью кожаныхъ рукавицъ въ с. Б. Шемякинѣ, Тетюшинскаго уѣзда, передвижной школы кустарнаго ложечнаго производства въ Лаишевскомъ уѣздѣ и т. п. Всѣ подобныя спеціальныя мастерскія устраивались лишь въ такихъ мѣстахъ, гдѣ то или другое ремесло уже существовало, и гдѣ могъ быть поэтому обезпеченъ спросъ на его издѣлія. Впрочемъ большинство устроенныхъ мастерскихъ имѣли общій характеръ и предназначены были преимущественно для развитія такихъ всюду одинаково необходимыхъ ремеслъ, какъ кузнечно-слесарное, столярное, ткацкое и т. п.

Среди нихъ можно упомянуть о кузнечно-слесарныхъ мастерскихъ въ селѣ Базяковѣ и деревнѣ Отрадѣ, Спасскаго уѣзда, и въ селѣ Вязовыхъ, Свіяжскаго уѣзда, о столярно-токарной мастерской въ селѣ Русскіе Юрткули, Спасскаго уѣзда, о ткацкой мастерской въ дер. Отрадѣ, того же уѣзда, объ учебной мастерской кройки и шитья въ г. Тетюшахъ, объ учебно-показательной мастерской жестяного, слесарнаго, кузнечнаго и столярнаго ремеселъ въ выселкѣ Туть, Симбирскаго уѣзда, о школѣ для обученія различнымъ ремесламъ въ селѣ Елани, Лаишевскаго уѣзда и т. д. и т. д.

Для цѣлей же развитія спеціально кустарныхъ промысловъ немалое значеніе должны также имѣть устроенная въ г. Симбирскѣ постоянная показательная выставка образцовъ кустарныхъ и ремесленныхъ издѣлій, а также кустарные склады и музеи, устроенные въ Симбирской губерніи. Въ нихъ кустари могутъ легко знакомиться съ лучшими образцами своего промысла, а возможность организаціи въ связи съ ними правильной системы посредничества по пріобрѣтенію необходимыхъ матеріаловъ и по сбыту выработанныхъ издѣлій должна имѣть также весьма серіозное значеніе въ дѣлѣ существованія и развитія кустарныхъ промысловъ.

Къ разсмотрѣннымъ только что мѣропріятіямъ и учрежденіямъ, имѣющимъ скорѣе характеръ предупредительной, чѣмъ непосредственной борьбы съ нуждой, должны быть отнесены также и нѣкоторыя особаго рода попытки къ общему подъему благосостоянія крестьянства путемъ организаціи кредита и развитія взаимопомощи. Въ Сызранскомъ и Буинскомъ уѣздахъ Симбирской губерніи были образованы особые фонды по 500 рублей каждый на пріобрѣтеніе живого и мертвого инвентаря и вообще хозяйственной обстановки. Ссуды изъ этого фонда выдаются безпроцентно и даже безсрочно, но съ обязательствомъ для каждаго заемщика при первой же возможности возвратить полученную имъ ссуду. Не возвратившій же ссуды, несмотря на такую возможность, навсегда лишается права пользоваться пособіями изъ фонда. Въ селѣ Ныртахъ, Мамадышскаго уѣзда, составленъ особый оборотный фондъ для снабженія мѣстныхъ

Видъ часовни, сооруженной крестьянами с. Малая Борла, Сенгилеевскаго уѣзда, Симбирской губ., въ ознаменованіе царской милости, выразившейся въ оказаніи лѣтомъ 1899 года трудовой помощи.

кружевницъ матеріаломъ для плетенія кружевъ. Въ с. Егорьевскомъ, Лаишевскаго уѣзда, 19 домохозяевамъ выданы плуги, бороны и телѣги съ условіемъ пятимѣсячной выплаты за нихъ въ мѣстную постоянную кассу при церковно-приходскомъ попечительствѣ. Въ Вятской губерніи часть денегъ, вырученныхъ за проданные на Нижегородской ярмаркѣ выработанные крестьянами холсты и веревки, пошла на пріобрѣтеніе и предоставленіе въ пользованіе бѣднѣйшимъ сельскимъ обществамъ, въ числѣ около 20, по одному комплекту молотилки, сортировки, плуга и бороны съ тѣмъ, чтобы ими пользовались по очереди бѣднѣйшіе крестьяне.

Перечислять всѣ мѣропріятія на пользу улучшенія общаго благосостоянія и трудовой жизни крестьянства, совершенныя отрядомъ за краткій періодъ его дѣятельности, было бы очень долго, но, кажется, и приведенныхъ уже примѣровъ вполнѣ достаточно для того, чтобы судить о томъ, насколько была плодотворна также и эта сторона его дѣятельности. Остается развѣ только упомянуть еще о томъ, что мѣропріятія эти нашли себѣ осуществленіе въ 55 различныхъ пунктахъ, и что на нихъ затрачено было свыше 80.000 рублей.

IV.

Совершенно особою и довольно крупною отраслью дѣятельности отряда по оказанію трудовой помощи явилась организація учрежденій, устройство которыхъ, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ, не должно было совсѣмъ входить въ программу дѣятельности отряда, имѣвшаго своею цѣлью оказаніе спеціально трудовой помощи. И дѣйствительно нельзя не сознаться, что устройство яслей для малолѣтнихъ дѣтей не есть собственно мѣра непосредственно трудовой помощи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Отдавши, однако, эту дань логикѣ, трудно все-таки отрицать, что устройство яслей оказываетъ самое непосредственное вліяніе на весь складъ трудовой жизни крестьянской семьи въ страдную пору, когда брать дѣтей съ собой въ поле нельзя, оставаться вмѣстѣ съ ними дома для надзора за ними никто изъ взрослыхъ также не можетъ, и поневолѣ приходится оставлять ихъ на рукахъ какого нибудь «старшаго» семи-восьмилѣтняго ребенка, который и самъ-то еще нуждается въ надзорѣ. Основаніемъ яслей отрядъ значительно увеличилъ трудовую силу крестьянской семьи, давши возможность женщинамъ матерямъ спокойно уходить на работу, оставляя дѣтей въ ясляхъ, гдѣ за ними всегда былъ правильный и бдительный надзоръ. Не сразу, однако, поняли крестьяне значеніе яслей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они были устроены впервые, и не сразу удалось яслямъ снискать то сочувствіе со стороны населенія, которое на первыхъ же порахъ встрѣчало всѣ остальныя мѣры отряда. Слухи объ ясляхъ ходили одинъ другого нелѣпѣе и невѣ-

жественнѣе. Одни говорили, что дѣти набираются въ ясли для подготовленія изъ нихъ будущихъ солдатъ: это былъ отголосокъ воспоминаній о временахъ кантонистовъ и военныхъ поселеній. Но естественное недоумѣніе возбуждалъ въ этомъ случаѣ вопросъ, который многіе крестьяне дѣйствительно и задавали другъ другу: «а что же съ дѣвчонками-то будутъ дѣлать?», и недоумѣніе это разрѣшалось еще болѣе нелѣпыми предположеніями, что дѣтей набираютъ не для того, чтобы «записать на казну», а для подготовленія изъ нихъ слугъ антихристовыхъ, и что самыя ясли—дѣло рукъ антихриста. Впрочемъ такіе толки прекращались немедленно же при началѣ дѣятельности яслей, которое сопровождалось всегда служеніемъ молебна съ водосвятіемъ, такъ что распространять послѣ этого какіе либо слухи объ антихристѣ было немыслимо. Наконецъ ходили среди крестьянъ слухи объ ясляхъ еще болѣе своеобразные и не лишенные до нѣкоторой степени поэтической окраски: говорили, что будто бы гдѣ-то далеко «за моремъ», на какихъ-то «нѣмыхъ островахъ» рождающіяся дѣти не умѣютъ кричать и затѣмъ не научаются говорить. И вотъ теперь начинаютъ собирать въ ясляхъ дѣтей для того, чтобы отправить ихъ на эти «нѣмые острова», гдѣ они своимъ примѣромъ должны подѣйствовать на развитіе способности рѣчи у ихъ обитателей. И чего, чего только не говорили про ясли невѣжественные крестьяне!

Однако какъ ни нелѣпы всѣ подобные слухи, интересно все-таки отмѣтить, что въ основѣ ихъ распространенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ лежали такія положительныя соображенія, которыхъ, казалось бы, менѣе всего можно было ожидать въ данномъ случаѣ. Оказывается, что крестьянъ болѣе всего смущалъ даровой характеръ помощи, оказываемой яслями[1]); имъ было какъ-то странно видѣть, что являются чужіе имъ люди, которые предлагаютъ взять на себя заботу объ ихъ дѣтяхъ, и чтобы какъ нибудь объяснить себѣ это явленіе, они готовы были въ своемъ наивномъ невѣжествѣ строить предположенія о какихъ-то особыхъ своекорыстныхъ расчетахъ, будто бы руководившихъ устроителями яслей. Уже одно это доказываетъ, какъ велико было воспитательное значеніе дѣятельности отряда по оказанію трудовой помощи, укрѣпившей въ населеніи мысль о томъ, что трудовая помощь правильнѣе и разумнѣе даровой. И когда устраивались общественныя работы, то крестьяне шли на нихъ толпами, считая какъ нельзя болѣе естественнымъ получать плату за свой трудъ; а когда устраивались ясли, и крестьянамъ предлагали даромъ помѣщать въ нихъ своихъ дѣтей, то они не стѣснялись открыто выражать свое недовѣріе къ яслямъ и высказывать о нихъ самые нелѣпые слухи, въ родѣ переданныхъ выше.

---

[1]) См. объ этомъ весьма интересную статью г. Ганзена «Опытъ оздоровленія деревни». «Русская Мысль» 1900 г., 3, 4 и 5 книжки.

Конечно, все это ни въ какомъ случаѣ не значитъ, что отрядъ трудовой помощи поступилъ неправильно, выразивши одну изъ сторонъ своей дѣятельности въ видѣ устройства яслей. При полномъ незнакомствѣ крестьянъ съ подобными учрежденіями имѣлось въ виду даровымъ характеромъ ихъ привлечь крестьянъ къ помѣщенію дѣтей въ ясли, а не отклонить ихъ отъ этого, и положить такимъ образомъ основаніе развитію яслей въ будущемъ преимущественно на началахъ взаимопомощи среди самихъ крестьянъ. Однако сказанное выше даетъ, быть можетъ, основаніе выразить то мнѣніе, что и въ самомъ началѣ дѣятельности яслей возможно было привлечь крестьянъ къ несенію нѣкоторой, хотя бы и самой ничтожной части расходовъ по ихъ содержанію, такъ, чтобы это носило болѣе или менѣе обязательный, а не случайный характеръ.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что устройство яслей явилось для деревни истиннымъ благодѣяніемъ, и крестьяне, конечно, первые поняли и почувствовали это, лишь только уже первые шаги дѣятельности яслей дали имъ самое настоятельное доказательство дѣйствительнаго ея характера и назначенія. При этомъ надо отдать справедливость лицамъ, непосредственно завѣдывавшимъ яслями— преимущественно женамъ и дочерямъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, учительницамъ, фельдшерицамъ и другимъ, — что болѣе всего подѣйствовала въ этомъ случаѣ ихъ разумная самоотверженная дѣятельность на пользу важнаго дѣла, служенію которому онѣ отдавались всею душой. Работа ихъ была очень трудная, въ особенности въ началѣ, когда приходилось особенно осторожно относиться ко всякому сомнѣнію, къ малѣйшему признаку недовѣрія, выраженному кѣмъ либо изъ крестьянъ. Когда же дѣятельность яслей уже наладилась, и крестьяне начали приводить своихъ дѣтей толпами, то у надзирательницъ яслей положительно не хватало силъ услѣдить за всѣми дѣтьми и приходилось доводить ихъ до крайняго напряженія для того, чтобы не оставить дѣтей безъ надлежащаго надзора. Помощь, которую онѣ имѣли въ лицѣ нянекъ, была, къ сожалѣнію, слишкомъ ничтожна, такъ какъ хорошихъ нянекъ найти было очень трудно, почти невозможно. Почти всѣ няньки были или дѣвочки или старухи, такъ какъ только тѣ и другія не могли быть полезны въ полѣ и поэтому оставались дома. И трудно сказать, которыя изъ нихъ были лучше, тѣмъ болѣе, что и сами надзирательницы расходятся въ этомъ отношеніи въ своихъ мнѣніяхъ. Во всякомъ случаѣ хуже всѣхъ были такія старушки-няни, которыя и до открытія яслей были профессіональными няньками и нанимались на страдную пору къ крестьянамъ для надзора за дѣтьми. Открытіе яслей должно было значительно сократить ихъ дѣятельность, и поэтому онѣ относились къ нимъ крайне недружелюбно и, вѣроятно, даже сыграли не послѣднюю роль въ распространеніи о нихъ нелѣпыхъ слуховъ. Онѣ обыкновенно долго и не удержива-

лись въ ясляхъ, потому что, при крайне небрежномъ ихъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ, приходилось очень скоро удалять ихъ. Вообще вопросъ о прислугѣ для яслей былъ самымъ труднымъ вопросомъ всей ихъ организаціи, такъ какъ необходимо было, чтобы она выполняла тѣ требованія чистоты и гигіены, соблюденіе которыхъ было основнымъ началомъ всей ихъ дѣятельности. Это, конечно, не значитъ, чтобы въ организаціи и обстановкѣ яслей были допущены какія нибудь такія условія, которыя рѣзко отличались бы отъ обычныхъ условій жизни крестьянской среды; наоборотъ, обстановка яслей была самая простая, такъ какъ только въ этомъ случаѣ можно было надѣяться, что ясли окажутъ серьезное воспитательное дѣйствіе на крестьянскую среду, уча ее соблюденію тѣхъ требованій чистоты и гигіены, которыя ей вполнѣ доступны. Требованія эти главнымъ образомъ сводились къ тому, чтобы дѣти какъ можно чаще умывались, и чтобы малолѣтнія дѣти получали пищу, необременительную для ихъ слабыхъ желудковъ. А между тѣмъ рѣдко бывали случаи, чтобы какой нибудь ребенокъ не плакалъ и не сопротивлялся всѣми силами, когда въ первые дни его пребыванія въ ясляхъ его начинали умывать: видно было, что онъ прямо боится воды и не привыкъ къ ней. Не меньше возни было съ пищею, потому что очень часто матери, приходя на свиданіе съ дѣтьми, тайкомъ отъ надзирательницы, кормили грудныхъ ребятишекъ солеными огурцами и жеванымъ чернымъ хлѣбомъ. Нетрудно представить себѣ, къ какимъ это вело послѣдствіямъ, а когда надзирательницы, своевременно замѣтивъ подобное кормленіе, выговаривали за это матерямъ, то онѣ даже не пытались оправдываться и пресерьезно увѣряли, что «наши дѣти не господскія; имъ нужна твердая пища», и высказывали опасенія, что, питаясь однимъ молокомъ, дѣти голодаютъ.

Однако и въ этомъ отношеніи спокойная, настойчивая работа яслей скоро произвела перемѣну подобныхъ взглядовъ, когда крестьянки сами убѣдились, какъ легко и спокойно принимаетъ молочную пищу тотъ самый ребенокъ, который, естественно, рыдалъ и бился на рукахъ у матери, когда она запихивала ему ротъ цѣлыми кусками огурцовъ или жеванаго хлѣба. Только немногія, самыя упорныя, старались и это объяснить тѣмъ, что дѣтей въ ясляхъ «опаиваютъ», и поэтому они такія смирныя, но уже подобныя объясненія не встрѣчали себѣ никакого сочувствія со стороны громаднаго большинства матерей, и онѣ, наоборотъ, старались уже и дома такъ обходиться съ дѣтьми, какъ, онѣ видѣли, съ ними обходятся въ ясляхъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ это воспитательное дѣйствіе яслей сказывалось все полезнѣе и полезнѣе, и къ концу ихъ дѣятельности даже тѣ самые родители, которые вначалѣ пытались объяснить благотворное вліяніе яслей на состояніе здоровья дѣтей какими нибудь чудодѣйственными причинами одного происхожденія

со слухами объ ихъ антихристовомъ характерѣ, отъ всей души благодарили теперь завѣдывавшихъ яслями за ихъ отношенія къ дѣтямъ и сами просили у нихъ совѣтовъ на будущее время относительно ухода за дѣтьми и обращенія съ ними.

Такимъ образомъ работа яслей не пропала даромъ, а принесла всю ту пользу, какой только можно было ожидать отъ нея. Остается пожелать только, чтобы и въ отношеніи ихъ устройства временный характеръ обратился въ постоянный, такъ какъ нужда въ этомъ очевидна: число 7.865 дѣтей, пользовавшихся въ 1899 году яслями въ различныхъ 177 пунктахъ, гдѣ они были устроены, говоритъ за это достаточно наглядно и убѣдительно.

V.

Ознакомившись теперь съ содержаніемъ дѣятельности отряда по оказанію трудовой помощи, интересно коснуться еще въ общихъ чертахъ ея условій и обстановки и въ особенности отношенія къ ней крестьянскаго населенія. Послѣдній вопросъ заслуживаетъ преимущественно серіознаго вниманія, такъ какъ разрѣшеніе его въ томъ или иномъ смыслѣ можетъ дать наилучшія основанія для того, чтобы судить о степени нравственной цѣльности деревни и сравнительной пригодности для нея различныхъ видовъ оказанія помощи. Въ этомъ отношеніи необходимо сразу же засвидѣтельствовать, что дѣятельность отряда вызывала къ себѣ самое сочувственное отношеніе со стороны крестьянскаго населенія, и это можетъ служить наилучшимъ опроверженіемъ тѣхъ, правда, одинокихъ, но все же слышавшихся въ нашей печати мнѣній, которыя утверждаютъ, что «нашъ мужикъ лѣнивъ», и даже чуть ли не этимъ преимущественно пытаются объяснить и самое происхожденіе голода. Къ счастью, если только вообще въ данномъ случаѣ можно употребить такое выраженіе, бѣда не въ этомъ: русскій крестьянинъ не лѣнивъ и радъ работать, бѣда только въ томъ, что работа не всегда есть, и въ томъ-то и заключается громадная заслуга отряда трудовой помощи, что онъ взялъ на себя иниціативу создать работу и предоставленіемъ честнаго труда облегчить нуждающемуся крестьянину его бѣдственное состояніе.

И крестьяне до такой степени глубоко были проникнуты сознаніемъ всей важности и истиннаго значенія оказываемой имъ помощи, что сами шли навстрѣчу всѣмъ мѣропріятіямъ отряда. Уже при первыхъ слухахъ объ его предстоящей дѣятельности начали собираться сельскіе сходы для составленія приговоровъ съ ходатайствомъ о началѣ различныхъ работъ, а впослѣдствіи число этихъ приговоровъ возрасло до такой степени, что даже не всегда возможно было, за недостаткомъ силъ и средствъ, удовлетворить подобныя ходатайства. Едва ли не наилучшею оцѣнкою отношенія

крестьянъ къ дѣятельности отряда, въ особенности къ устроеннымъ имъ общественнымъ работамъ, можетъ служить слѣдующій отзывъ одного изъ лицъ, наиболѣе близко стоящихъ къ крестьянскому населенію—земскаго начальника одного изъ уѣздовъ, гдѣ была организована трудовая помощь: «Населеніе эту мѣру помощи приняло крайне сочувственно. Отъ многихъ крестьянъ слышалъ онъ отзывъ, что подобная помощь лучше даровыхъ столовыхъ, отъ нея получается двойная польза—и населеніе имѣетъ заработокъ, и деревня получаетъ нѣкоторое благоустройство». Очевидно, что истинное значеніе организованныхъ работъ и мѣропріятій было понято вполнѣ правильно, такъ что въ нѣкоторыхъ даже случаяхъ крестьяне, совѣстясь принимать подобное двойное благодѣяніе, при малѣйшей возможности выражали готовность довольствоваться лишь однимъ изъ нихъ, предлагая свой трудъ за самую ничтожную плату, а иногда даже даромъ для выполненія такихъ работъ, важность и необходимость которыхъ въ ихъ же собственныхъ интересахъ была имъ понятна и очевидна. Подобныя предложенія крестьянъ, разумѣется, отвергались, и они получали заработокъ за свой трудъ, такъ какъ въ этомъ заключалась главная цѣль дѣятельности отряда, но во всякомъ случаѣ самое появленіе этихъ предложеній лучше всего указываетъ на сознательное отношеніе крестьянскаго населенія къ этой дѣятельности и лучше цѣлыхъ томовъ отвлеченныхъ разсужденій способно опровергнуть мнѣніе о лѣни русскаго мужика. Въ селахъ Мордовскихъ и Подлѣсныхъ Юртkуляхъ, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи крестьяне предложили даромъ свой трудъ для устройства плотины, которая давно уже была имъ необходима. Имъ была, однако, выдана небольшая заработная плата, и крестьяне благословляли дѣятельность отряда, платившаго имъ деньги за выполненіе работъ, предпринятыхъ въ ихъ же собственныхъ интересахъ. Крестьяне села Кокряти, того же уѣзда, заработавшіе около 3.000 рублей на работахъ по укрѣпленію песковъ, надвигавшихся на ихъ село, и, благодаря этому, значительно поправившіеся еще до сбора новаго урожая, пожертвовали слѣдовавшіе имъ за работу 448 рублей 80 коп. на устройство иконостаса для второго придѣла въ мѣстномъ храмѣ въ память оказанной имъ Царской милости въ видѣ устройства работъ, давшихъ имъ значительный заработокъ и спасшихъ ихъ отъ надвиганія песковъ. Въ селѣ Бишевѣ, Тетюшскаго уѣзда, крестьяне также отказались отъ слѣдовавшаго имъ вознагражденія за произведенную расчистку пруда въ этомъ селѣ и передали всю заработанную ими сумму въ пользу недостроенной еще здѣсь церкви, какъ трудовую свою лепту.

Безконечно благодарные за оказанную помощь, крестьяне не упускали ни малѣйшаго случая и повода для того, чтобы выразить эту благодарность въ той или иной формѣ Матушкѣ-Царицѣ,

пославшей имъ эту помощь. Не говоря уже о цѣлой массѣ приговоровъ сельскихъ сходовъ съ постановленіями о принесеніи благодарности за заботы Государыни о потерпѣвшихъ отъ неурожая, благодарность эта выражалась также и въ наименованіи тѣхъ или другихъ произведенныхъ работъ, какъ, напримѣръ, колодцевъ, родниковъ и тому подобныхъ «Царскими» или «Царицыными», въ сооруженіи часовенъ во имя св. царицы Александры и тому подобное. Иногда благодарность эта выражалась въ самой простой и непосредственной формѣ, которая представлялась поэтому и наиболѣе умилительною, такъ что, напримѣръ, трудно было оставаться равнодушнымъ зрителемъ, когда въ одномъ изъ селъ, гдѣ была организована на самыхъ широкихъ началахъ дѣятельность отряда, во время пріѣзда уполномоченнаго д. т. с. М. Н. Галкина-Враскаго, отъ толпы отдѣлилась одна крестьянка и, низко поклонившись, выразила отъ имени своихъ односельчанъ просьбу передать искреннее, глубокое «спасибо царицѣ».

Среди интеллигентныхъ представителей мѣстнаго общества дѣятельность отряда также нашла себѣ полное сочувствіе. Послѣднее было тѣмъ болѣе важно, что члены отряда, при незначительности его состава (числомъ 11 человѣкъ со званіемъ помощниковъ уполномоченнаго [1]), 12-мъ былъ самъ уполномоченный), не могли, понятно, принимать на себя непосредственный надзоръ и руководство всѣми работами, производившимися одновременно въ нѣсколькихъ десяткахъ пунктовъ. Общее веденіе дѣла находилось въ рукахъ уполномоченнаго, который принялъ въ свое непосредственное завѣдываніе оказаніе помощи въ Казанской губерніи и, кромѣ того, находилъ еще время для того, чтобы объѣзжать и другія двѣ порученныя ему губерніи и слѣдить за ходомъ работъ своихъ помощниковъ. Въ каждой изъ губерній было нѣсколько такихъ его помощниковъ, изъ числа которыхъ одинъ старшій, и между ними были уже раздѣлены отдѣльные уѣзды, по которымъ они все время разъѣзжали, всюду призывая къ жизни горячую дѣятельность, принимая новыя мѣры, устраивая новыя работы и затѣмъ снова ихъ объѣзжая для того, чтобы слѣдить за ихъ ходомъ и движеніемъ. Ближайшій же непосредственный надзоръ за тѣмъ или инымъ дѣломъ принималъ на себя обыкновенно кто либо изъ мѣстныхъ интеллигентныхъ жителей—помѣщики и члены ихъ семей, земскіе начальники, священники, врачи, учителя, учительницы (по завѣдыванію устраиваемыми яслями) и проч. Эти же лица въ нѣкоторыхъ

---

[1]) Таковыми помощниками, распредѣленными распоряженіемъ уполномоченнаго по тремъ порученнымъ ему губерніямъ, были: по Казанской губерніи—В. Д. Евреиновъ, В. В. Шенгелидзе и А. Д. Педашенко, по Вятской - А. Б. Враской, П. Г. Ганзенъ, Л. В. Родзянко и М. Н. Ростовцевъ; по Симбирской—Е. Д. Максимовъ, гр. Я. Н. Ростовцевъ, Д. Н. Ломанъ и А Н. Окнишевичъ.

мѣстахъ образовали постоянные кружки трудовой помощи, ставящіе себѣ задачею поддержаніе основанныхъ за время дѣятельности отряда учрежденій и непосредственное веденіе дѣла въ будущемъ.

Близкое участіе въ осуществленіи задачъ отряда принимало, въ особенности въ Вятской губерніи, также и земство, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ принимало на себя часть расходовъ по общественнымъ работамъ, предлагало помощь своихъ техниковъ-спеціалистовъ, давало всѣ нужныя свѣдѣнія—однимъ словомъ во всемъ шло рука объ руку съ дѣятельностью отряда. Весьма важное содѣйствіе было оказано отряду представителями мѣстной администраціи и различныхъ вѣдомствъ, въ особенности же министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, которое, вполнѣ сочувствуя задачамъ дѣятельности отряда, дѣлало съ своей стороны всевозможное для того, чтобы облегчить ему ихъ выполненіе. Содѣйствіе это выразилось въ такихъ важныхъ мѣрахъ, какъ, напримѣръ, испрошеніе высочайшаго соизволенія на безплатный отпускъ лѣса изъ казенныхъ дачъ, разрѣшеніе пасти крестьянскій скотъ на казенныхъ лугахъ, командованіе своихъ техниковъ и спеціалистовъ для производства нѣкоторыхъ работъ и тому подобное. Въ особенности важное значеніе имѣлъ безплатный отпускъ лѣса—единственнаго матеріала, безъ котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя было обойтись при производствѣ даже самыхъ простыхъ работъ. Безплатное его полученіе сберегло отряду значительныя денежныя средства, и, благодаря этому, можно было увеличивать число самыхъ работъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общую сумму заработка, переходившаго въ руки населенія.

Такъ сдѣлано было общими усиліями на разумныхъ и прочныхъ основаніяхъ великое и доброе дѣло, примѣръ котораго можетъ служить хорошимъ указаніемъ, какъ надо вести борьбу съ ужаснымъ бѣдствіемъ голода, чтобы обезпечить себѣ побѣду въ этой борьбѣ и, по возможности, принять необходимыя мѣры къ предупрежденію новаго появленія этого страшнаго гостя.

А. М. Г—въ.

ОСТАТКИ БЫЛОГО ВЕЛИЧІЯ.

Много имѣется на святой Руси дворцовъ и «зàмковъ» — былыхъ барскихъ хоромъ, — которые стоятъ заброшенные и постепенно разрушаются и отъ времени, и отъ рукъ людскихъ. Русскіе люди не дорожатъ стариной, какъ это было доказано многочисленными примѣрами. Самыя археологическія общества учреждены у насъ, сравнительно, недавно, а «ученыя архивныя комиссіи» стали заводиться лишь съ 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія, то-есть, слишкомъ тысячу лѣтъ спустя послѣ основанія Россіи... Да и теперь еще не въ каждомъ губернскомъ городѣ существуютъ эти комиссіи. Вообще, у насъ немного людей, любящихъ и изучающихъ родную старину. Понятно послѣ этого, почему въ журналахъ и газетахъ появляются, время отъ времени, указанія на какую нибудь забытую и заброшенную, или расхищаемую и уничтожаемую старину: на соскобленныя фрески, на перестроиваемые, по откровеніямъ новѣйшаго зодчества, старинные величественные храмы, на погибающіе отъ нерадѣнія церковниковъ памятники древне-церковной иконописи, на памятники искусствъ, расхищаемые изъ старинныхъ барскихъ дворцовъ и сбываемые заграничнымъ скупщикамъ, на драгоцѣнныя библіотеки, попадающія на рынки, или въ руки малосвѣдущихъ книжныхъ барышниковъ, именующихъ себя «антикваріями»... Гдѣ, въ какой другой столицѣ Европы, мыслимы періодическіе наѣзды иностранцевъ, поселяющихся въ нашихъ столичныхъ городахъ, въ лучшихъ гостиницахъ, и развязно публикующихъ о себѣ на первыхъ страницахъ распространенныхъ газетъ, что они «покупаютъ, по высокой цѣнѣ», старинныя художественныя произведенія — золотыя, эмалевыя табакерки, старинное се-

ребро, фарфоръ, бронзу, миніатюры, гравюры, рукописи, художественную мебель и всѣ предметы роскоши, преимущественно 16-го, 17-го и 18-го столѣтій»[1]). И это въ то время, когда наши собственные музеи имѣютъ еще пустующіе залы и лишь на половину заполненныя витрины!.. Вѣдь маленькая, бѣдная—сравнительно съ Россіей—Италія, и та давнымъ давно регламентировала это дѣло и создала неодолимыя преграды вывозу художественныхъ сокровищъ изъ своей страны.

Все это невольно пришло мнѣ на мысль, когда я прочелъ въ декабрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» статью г. Г. Миллера «Судьба одного имѣнія», въ которой между прочимъ говорится о «библіотекѣ» графа Завадовскаго, доставшейся вмѣстѣ съ имѣніемъ въ руки какого-то «перекупщика», поселившагося въ бывшемъ дворцѣ Завадовскаго и «торгующаго, по словамъ г. Миллера, и лошадьми, и хлѣбомъ, и льномъ, и яйцами, и медомъ, и мебелью изъ барскаго дома»... Авторъ статьи выражаетъ справедливое опасеніе за судьбу этой библіотеки, и съ этой стороны его указаніе заслуживаетъ вниманія,—и черниговской архивной комиссіи, буде она существуетъ, слѣдовало бы, полагаемъ, заняться этимъ дѣломъ, то-есть, прежде всего сдѣлать извѣстнымъ каталогъ этой библіотеки и вообще характеръ имѣющихся тамъ книгъ, чего, къ сожалѣнію, не сдѣлалъ г. Миллеръ; въ статьѣ его встрѣчаются, кромѣ того, и явныя неточности, которыя я и позволяю себѣ, ради возстановленія истины, исправить. Кстати я разскажу здѣсь то, что мнѣ извѣстно о судьбѣ художественныхъ драгоцѣнностей, случайно попавшихъ въ концѣ восемнадцатаго вѣка въ домъ-дворецъ графа Завадовскаго, въ Черниговской губерніи, Суражскаго уѣзда (а не Сосницкаго), въ имѣніи Ляличи, а отнюдь не Яричи, какъ совершенно ошибочно называетъ это имѣніе г. Миллеръ, такъ увѣровавшій въ свою ошибку, что даже на корешкахъ книгъ видѣлъ буквы И. Я., то-есть, якобы имѣніе Яричи.

Г. Миллеръ разсказываетъ, что теперешній владѣлецъ имѣнія, «второй гильдіи купецъ Ив. Петровичъ Чуксинъ», сообщилъ ему, что въ это имѣніе, когда оно принадлежало уже ему, Чуксину, пріѣзжалъ, будто бы, «извѣстный антикварій Л—чъ», накупилъ на пятьсотъ рублей разнаго «хлама»—гобеленъ и севрскаго фарфора, а потомъ оказалось, «что онъ тысячъ на двадцать вещей увезъ»..... Здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ о г. Л. Л—ичѣ; но несомнѣнно также и то, что «купецъ 2-ой гильдіи Чуксинъ» любитъ, говоря мягко, фантазировать, и напрасно г. Миллеръ ему повѣрилъ. Извѣстному милліонеру и антикварію г. Л—ичу не было никакой надобности, «четыре года назадъ», т. е. въ 1896 году, пріѣзжать въ

[1]) Выписываю буквально съ первой страницы «Новаго Времени», № 9258, отъ 6 декабря минувшаго года.

Лялячи для покупки «хлама» на 500 рублей, когда онъ, еще въ 1875 году, пріобрѣлъ все это имѣніе, съ домомъ-дворцомъ и всею движимостью, по купчей крѣпости, отъ г. Атрыганьева, вмѣстѣ съ землею, которой оставалось тогда при имѣніи около семи тысячъ десятинъ. Пріобрѣтя имѣніе, г. Л—ичъ вывезъ изъ него, т. е., изъ дома-дворца, почти все, что только имѣло какую либо художественную или антикварную цѣнность: гобелены, мебель, картины, статуи, книги, и пр.; въ домѣ остались лишь мозаиковые полы, лѣпные цѣнные потолки, шкапы краснаго дерева, да кое-какая иная, менѣе цѣнная и болѣе громоздкая мебель. Осталась, если вѣрить завѣреніямъ г. Миллера, и часть книгъ и архива съ офиціальною частью переписки.

Затѣмъ, считаю необходимымъ разсказать дѣйствительно интересную «судьбу» этого имѣнія и художественныхъ, многоцѣнныхъ рѣдкостей, въ немъ находившихся, по имѣющимся у меня документамъ, историческимъ матеріаламъ и самымъ точнымъ и опредѣленнымъ свѣдѣніямъ.

Имѣніе Лялячи, бывшее Екатериныдаръ [1]), находящееся неподалеку отъ мѣстечка Клинцы, Суражскаго же уѣзда, было подарено Екатериною II одному изъ своихъ фаворитовъ, Завадовскому. Къ имѣнію принадлежало 2.500 душъ крестьянъ и 40 тысячъ десятинъ земли. Завадовскій выстроилъ въ имѣніи домъ-дворецъ съ примыкающими къ нему флигелями, всего числомъ въ 250 комнатъ. Домъ и флигеля занимали собою въ окружности одну версту. Завадовскій, устраивая свой дворецъ, не жалѣлъ никакихъ средствъ, и у него работали лучшіе русскіе и иностранные мастера. Домъ строился по чертежамъ и планамъ знаменитаго Растрелли, подъ наблюденіемъ лучшихъ архитекторовъ, приглашенныхъ изъ Петербурга. Затѣмъ, на убранство дома и отдѣлку его снаружи и внутри—на устройство его лѣпныхъ и художественно-расписанныхъ потолковъ, на мозаиковые полы, фарфоровыя печи, на малахитовые камины и пр. — было затрачено болѣе милліона рублей. Но это были еще далеко не всѣ затраты, сдѣланныя Завадовскимъ на внутреннее убранство своего дворца: главное оставалось впереди.

Въ это самое время во Франціи совершилась революція. Послѣ ареста несчастной королевы Маріи-Антуанетты, всѣ художественныя произведенія и драгоцѣнныя украшенія ея роскошнаго дворца въ Тріанонѣ подверглись распродажѣ. Бывшій въ то время государственный канцлеръ Россіи, графъ А. А. Безбородко, обладавшій, какъ извѣстно, несмѣтными богатствами и въ то же время осо-

---

[1]) Императоръ Павелъ, узнавъ, по восшествіи на престолъ, что имѣніе, бывшее Завадовскаго, называется «Екатеринымдаръ», приказалъ переименовать его въ Лялячи (т. е., ляльки, цацки, игрушки). И. З.

Главный домъ и часть флигелей въ имѣніи Ляличи.

бенною страстью пріобрѣтать художественныя произведенія, узнавъ о назначенной распродажѣ художественныхъ сокровищъ Тріанона, отправилъ въ Парижъ своихъ агентовъ, поручивъ имъ закупить «все, что можно, не стѣсняясь цѣною». И вотъ, въ результатѣ, бóльшая часть тріанонскихъ сокровищъ привезена была, «съ особливою бережливостью», въ Петербургъ—гобелены, бронза, севрскій фарфоръ, картины, статуи, мебель и прочее. Безбородко разставилъ все это въ своемъ роскошномъ домѣ (теперешній почтамтъ) и предложилъ императрицѣ осмотрѣть его покупку. Екатерина пришла въ восторгъ отъ всего видѣннаго—и пожелала пріобрѣсти все это для своего дворца. Безбородко любезно согласился уступить ей свое пріобрѣтеніе, и, по всей вѣроятности, дѣло на томъ бы и кончилось, и всѣ эти художественныя произведенія попали бы въ Зимній дворецъ и въ Эрмитажъ, если бы не фраза камеръ-фрейлины Протасовой, которой императрица объявила о своемъ намѣреніи пріобрѣсти вещи королевы.

— Вещи прекрасны, ваше величество,—отвѣчала Протасова,—но не забывайте, что онѣ обрызганы кровью...—то-есть, давая понять, что вещи попали въ Россію только потому, что ихъ владѣлицу ожидаетъ казнь... И императрица тотчасъ же отказалась отъ покупки и не пожелала болѣе никогда видѣть этихъ вещей.

Тогда, всѣ вещи, привезенныя изъ Тріанона, были подѣлены: одну часть, по своему выбору, оставилъ у себя Безбородко; другую часть пріобрѣлъ Разумовскій (одинъ изъ сыновей гетмана Кириллы Григорьевича), а третью часть купилъ Завадовскій, находившійся въ то время въ Петербургѣ, и тотчасъ же перевезъ пріобрѣтенныя сокровища въ Лячичи. Вскорѣ, однако, это имѣніе было куплено отъ Завадовскаго княземъ Потемкинымъ, который и владѣлъ имъ до своей смерти. По смерти Потемкина, Лялячи перешли, въ числѣ другихъ имѣній, къ его племяннику, генералъ-аншефу Василію Васильевичу Энгельгардту (г. Миллеръ ошибочно ставитъ иниціалы Н. Н. Энгельгардтъ), отъ котораго имѣніе поступило, по наслѣдству, къ его сыну, гвардіи полковнику Андрею Васильевичу Энгельгардту, въ семействѣ котораго и оставалось до 1847 года, когда было продано гвардіи ротмистру Атрыганьеву, а отъ него попало къ г. Л—ичу, извѣстному и едва ли не единственному—по суммѣ и значенію производимыхъ имъ оборотовъ—антикварію. Послѣдующая исторія этого имѣнія мнѣ неизвѣстна.

Относительно же дальнѣйшей судьбы находившихся въ имѣніи Лялячи драгоцѣнныхъ художественныхъ произведеній могу сообщить слѣдующія интересныя свѣдѣнія. При продажѣ имѣнія Атрыганьеву, часть вещей Маріи-Антуанетты была вывезена, по условію съ покупателемъ, въ смоленскія имѣнія А. А. Энгельгардта. Изъ этихъ вещей уцѣлѣло очень немного.

Г. Л—ичъ, пріобрѣтшій Лялячи уже отъ Атрыганьева, распродавалъ вывезенныя имъ оттуда художественныя произведенія

въ различныя руки. Между прочимъ, напримѣръ, имъ было продано парижскому Ротшильду бюро Маріи-Антуанетты, работы Маркетри, съ бронзовыми украшеніями работы Гутьеръ и съ медальонами севрскаго фарфора работы Буше. Это многоцѣнное бюро пожертвовано было барономъ Ротшильдомъ въ Луврскій музей. Затѣмъ, кровать Маріи-Антуанетты, попавшая въ Лялички же, была продана Л—ичемъ въ Кенсингтонскій музей; гобелены, проданные г. Л—ичемъ же, украшаютъ теперь, если не ошибаюсь, дворецъ Трокадеро въ Парижѣ; они были въ 1878 году въ Парижѣ, на выставкѣ: на всѣхъ на нихъ былъ вышитъ шифръ королевы, ея гербъ и корона. Извѣстно также, что часть художественныхъ сокровищъ, вывезенныхъ изъ Тріанона для Безбородко и не попавшая въ Лялички, находится въ Павловскѣ, во дворцѣ покойнаго великаго князя Константина Николаевича и въ Царскомъ Селѣ. Остальное разошлось, большею частію, по музеямъ Европы и Америки при помощи тѣхъ скупщиковъ, періодически появляющихся въ Петербургѣ и Москвѣ, о которыхъ мы упоминали выше [1]).

Затѣмъ, нахожу необходимымъ исправить еще одну неточность, имѣющуюся у того же г. Миллера въ его статьѣ «Судьба одного имѣнія». Онъ повѣствуетъ, что во время ночлега его въ имѣніи «Яричи» его вниманіе остановилось «не то на книгѣ, не то на тетради», развернувъ которую онъ прочиталъ: «Переписка съ свѣтлѣйшимъ» (т. е. съ Потемкинымъ)... Далѣе, онъ разсказываетъ: «Переписка съ свѣтлѣйшимъ оказалась какимъ-то (?) дѣломъ изъ архива Завадовскаго, возникшимъ по поводу путешествія императрицы Екатерины II въ Крымъ». Затѣмъ, г. Миллеръ приводитъ даже самый текстъ этой бумаги, помѣченный 1786 годомъ: «Предписывается вамъ отъ свѣтлѣйшаго князя для имѣнія Яричи, гдѣ предполагается остановка государыни, озаботиться достойной ея величеству обстановкой по рисункамъ для всѣхъ семнадцати комнатъ, кои будутъ высланы, равно и мастера, и предметы. Также передъ домомъ должно быть выстроено, яко случайно, по особому плану, двадцать мужицкихъ, деревенскихъ русскихъ избъ со всѣми хозяйскими принадлежностями, чего для имѣетъ прибыть къ вамъ сто плотниковъ съ приличествующимъ количествомъ мастеровъ».

«Далѣе,—продолжаетъ говорить г. Миллеръ,—бумага эта разрѣшала Завадовскому, не жалѣя денегъ, убрать и исполнить все съ царской роскошью и предписывала по всякому недоумѣнію

[1]) Доставляя, т. е. перепродавая, свои пріобрѣтенія въ музеи, скупщики продѣлываютъ при этомъ слѣдующія штуки: прежде всего, они подделываютъ съ каждой вещи точь-въ-точь такія же копіи, въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ, и затѣмъ распродаютъ ихъ постепенно, подъ видомъ подлинниковъ и оригиналовъ, въ частные, а, если удается, то и въ общественные музеи Европы и Америки, выручая такимъ образомъ съ лихвою затраченныя ими первоначально на покупку униковъ суммы. Н. З.

обращаться курьеромъ непосредственно къ свѣтлѣйшему. Подпись, слѣдовавшая за титуломъ: главный церемоніальный секретарь, къ сожалѣнію, неразборчива. Далѣе, въ дѣлѣ слѣдовали различныя дѣловыя бумаги, касавшіяся переписки Завадовскаго съ мѣстными властями по разнообразнымъ случаямъ, относившимся до возложеннаго на него порученія».

Еще черезъ двѣ страницы г. Миллеръ утверждаетъ, что въ его рукахъ, когда онъ провелъ ночь въ Ляличахъ, побывали и документы на владѣніе этимъ имѣніемъ—«купчія крѣпости, дарственная запись» и проч. «Первымъ документомъ, обратившимъ на себя вниманіе, оказалась жалованная грамота на имѣніе Яричи (?). Изъ грамоты этой видно: въ 1789 году, государыня Екатерина II, очень довольная трудомъ Завадовскаго по устройству церковнаго дѣла, такъ какъ Завадовскій этотъ, въ качествѣ предсѣдателя одной изъ церковныхъ комиссій (?), выяснилъ точную цифру церковныхъ доходовъ, по докладу свѣтлѣйшаго князя Потемкина, пожаловала ему, Завадовскому, имѣніе Яричи. Изъ бумагъ можно было заключить, что первоначальный маршрутъ государыни былъ измѣненъ, и Яричи не удостоились пріема царицы. Такимъ образомъ, труды Завадовскаго, хотя и не достигли цѣли, но не пропали: роскошное имѣніе досталось ему самому».

Тутъ все невѣрно -- отъ начала до конца. Во-первыхъ, имѣніе пожаловано было Завадовскому много ранѣе 1789 года и даже 1786 года, когда, по словамъ г. Миллера, шла рѣчь о пріемѣ Екатерины въ этомъ имѣніи. Во-вторыхъ, имѣніе пожаловано было Завадовскому совсѣмъ не за «предсѣдательство въ одной изъ церковныхъ комиссій» и отнюдь уже не «по докладу свѣтлѣйшаго князя Потемкина», его, въ извѣстномъ значеніи, соперника... который самъ потомъ и перекупилъ отъ Завадовскаго это имѣніе. Наконецъ, мыслимо ли допустить, что для пріема императрицы, на время лишь ея проѣзда, воздвигнутъ былъ въ степи, вдали отъ большой дороги, этотъ домъ-дворецъ въ 250 комнатъ, сооружавшійся, какъ извѣстно, въ теченіе трехъ лѣтъ Завадовскимъ, для самого себя?.. Апокрифическое происхожденіе «документа» доказывается, кромѣ того, еще слѣдующими двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, никакія Яричи не могли быть въ «документѣ», т. е. въ жалованной грамотѣ, даже и упоминаемы, такъ какъ имѣніе называлось «Екатеринодаръ», и лишь много позднѣе, именно въ 1797 году, стало именоваться «Ляличами»; а, во-вторыхъ, ни въ проектѣ путешествія Екатерины, составленномъ за годъ, именно въ 1786 году, ни послѣ, не было и рѣчи объ ея остановкѣ въ имѣніи ея бывшаго фаворита Завадовскаго, и, слѣдовательно, вовсе не могъ быть поэтому и измѣняемъ «первоначальный маршрутъ государыни», какъ утверждаетъ г. Миллеръ. Всѣ розсказни, которыя онъ записалъ со словъ нынѣшняго владѣтеля «Ляличъ»,

«купца второй гильдіи Чуксина», въ родѣ, напримѣръ, покупки г. Линевичемъ «на пятьсотъ рублей» гобеленъ и фарфора, оказываются чистѣйшимъ вымысломъ и опровергаются фактами и документами. Въ числѣ послѣднихъ является, между прочимъ, книжка, изданная въ 1786 году, имѣющая офиціальный характеръ и озаглавленная: «Путешествіе ея императорскаго величества въ полуденный край Россіи, предпріемлемое въ 1787 году», съ слѣдующимъ къ ней очень интереснымъ предисловіемъ:

«Высочайшая ея императорскаго величества послѣдовала воля, къ назиданію государственныхъ пользъ и къ усовершенствованію благоденствія ея подданныхъ, обозрѣть полуденный край обширныя своея имперіи, и вслѣдствіе сего намѣренія повелѣть соизволила: сдѣлать къ сему путешествію, начаться имѣющему въ генварѣ мѣсяцѣ будущаго года, надлежащее пріуготовленіе.

«Путешествіе сіе начнется отъ Санктпетербурга до Кіева сухимъ путемъ — чрезъ Смоленскъ, Новгородъ-Сѣверскій и Черниговъ, что учинитъ 1508 верстъ; отъ Кіева, Днѣпромъ на галерахъ, до Кайдакъ, гдѣ строится губернскій городъ Екатеринославль,— 446 верстъ; оттуда паки сухимъ путемъ до Херсона — 356 верстъ; отъ Херсона чрезъ Бериславль, Перекопъ и Бахчисарай до Севастополя—369 верстъ; отъ Севастополя чрезъ Бахчисарай, Акъ-Мечеть, Карасу-Базаръ, Судакъ и старый Крымъ до Ѳеодосіи — 216 верстъ; оттолѣ чрезъ Арабатъ, Геничи, Таганрогъ до Черкаска— 632 версты; отъ Черкаска чрезъ Азовъ, крѣпость святого Димитрія, Бахмутъ до Харькова — 677 верстъ; отъ Харькова чрезъ Бѣлгородъ, Курскъ, Орелъ, Тулу до Москвы — 725; а отъ сея столицы, чрезъ Тверь и Новгородъ, до Санктпетербурга—728 верстъ; и того, все путешествіе содержать будетъ 5657 верстъ».

Затѣмъ слѣдуетъ краткое описаніе «всѣхъ городовъ, знаменитыхъ рѣкъ, мѣстечекъ и достойныхъ замѣчанія урочищъ, чрезъ кои путешествіе сіе послѣдовать имѣетъ»; а въ концѣ книги приложена чрезвычайно тщательно исполненная карта путешествія, въ нѣсколько красокъ, на которой нанесены и поименованы всѣ предполагаемыя и намѣченныя остановки императрицы во время ея путешествія. Въ текстѣ же книжки, на страницѣ 140-й, показано еще болѣе подробное «Расписаніе станцій для шествія ея императорскаго величества въ полуденный край Россіи». Тутъ обозначены даже простые «постоялые дворы, гдѣ предполагалась, еще за годъ впередъ, остановка государыни; но нигдѣ имѣнія «Екатеринодаръ» въ этомъ маршрутѣ не встрѣчается. Еще менѣе, конечно, могло быть внесено въ этотъ маршрутъ названіе имѣнія «Яричи», передѣланное, повидимому, изъ слова Лялпчи— дѣйствительнаго въ настоящее время названія имѣнія—тѣмъ «возницею», котораго такъ тщательно выспрашивалъ г. Миллеръ, ѣдучи путемъ-дорогою...

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

САМОПОМОЩЬ СРЕДИ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ [1].

СПОКОЙНЫЙ наблюдатель судебъ русской литературы безъ труда подмѣтитъ одну особенность, придающую ей своеобразный отпечатокъ: на все откликалась русская литература, всѣми умственными теченіями руководила она, и это какъ бы мѣшало ей основательно заняться положеніемъ самого писателя, вопросомъ о его матеріальной обезпеченности. Слишкомъ хорошія и высокія слова были написаны на знамени блестящихъ дѣятелей литературы, чтобы можно было рядомъ съ ними поставить разсужденія о черномъ днѣ для писателя. Забота о другихъ, а не о себѣ, самоотверженное служеніе родинѣ—таковъ лозунгъ русскаго писателя. Еще не такъ давно вопросы о матеріальномъ обезпеченіи писателя казались слишкомъ низменными, чтобы ими было прилично заниматься. Да и давно ли литературный трудъ сталъ разсматриваться, какъ и всякій другой трудъ, вознаграждаемый по закону спроса и предложенія? Правда, въ условіяхъ развитія русской литературы были обстоятельства, тормозившія выработку правильнаго взгляда на литературный трудъ: литературная среда пополнялась или любителями, посвящавшими литературѣ лишь часы досуга, или лицами изъ привилегированнаго и потому вполнѣ обезпеченнаго сословія. Литературный заработокъ въ первую половину XIX в. былъ явленіемъ случайнымъ.

Рѣзкую перемѣну въ этомъ отношеніи представляетъ вторая половина этого вѣка. Въ литературѣ руководящую роль получаютъ

---

[1]) Рѣчь исп. обяз. предсѣдателя кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, Я. Н. Колубовскаго, произнесенная на торжественномъ собраніи членовъ кассы въ день ея десятилѣтняго юбилея, 9 декабря 1901 года. Отчетъ объ этомъ собраніи помѣщенъ въ «Смѣси. Ред.

дѣятели, которые берутся за перо уже не для того, чтобы наполнить свои досуги, но видятъ въ писательской дѣятельности призваніе своей жизни. Ряды писателей пополнились значительнымъ числомъ лицъ, поставленныхъ въ необходимость извлекать изъ своей дѣятельности средства къ существованію. Создается замѣтный кругъ писателей по профессіи, среди котораго неизбѣжно долженъ былъ зародиться духъ корпоративности, желанія поддерживать другъ друга. Самъ по себѣ, однако же, кругъ этотъ былъ не настолько великъ, чтобы матеріальная поддержка бѣдствующихъ собратій могла быть ему подъ силу. Вмѣстѣ съ тѣмъ то естественное соображеніе, что литературнымъ трудомъ пользуются широкіе слои общества, и что за это пользованіе они какъ бы въ долгу передъ писателемъ, привело къ мысли о необходимости особаго общества для пособія нуждающимся писателямъ. Мысль эта вышла изъ литературныхъ кружковъ и осуществлена въ 1859 г., въ видѣ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, организованнаго по почину Дружинина и поставившаго себѣ примѣромъ англійскій литературный фондъ. Какъ извѣстно, общество это состоитъ изъ лицъ, дѣлающихъ годовые членскіе взносы и желающихъ этимъ способомъ покровительствовать литературѣ и наукѣ, но завѣдываніе его дѣлами находится всецѣло въ рукахъ литераторовъ и ученыхъ.

Исторія русскаго литературнаго фонда представляетъ много поучительнаго. Много споровъ и толковъ вызывалъ онъ среди писателей, хотя остается внѣ сомнѣнія, что онъ всегда былъ отзывчивъ къ писательской нуждѣ, что немало услугъ оказалъ онъ русской литературѣ. Во главѣ фонда всегда стояли выдающіеся писатели и ученые, права которыхъ по завѣдыванію этимъ дѣломъ были внѣ спора. Что же въ такомъ случаѣ вызывало толки и даже нареканія на дѣятельность столь почтеннаго учрежденія? Уже года черезъ 3—4 послѣ учрежденія фонда звучитъ нотка недовольства имъ. Какъ ни отзывчивъ и деликатенъ былъ руководящій органъ общества, но все же писатель становится въ несвойственное ему положеніе просителя, рискующаго получить отказъ и во всякомъ случаѣ ставящаго на карту свое самолюбіе. Кромѣ того, уставъ фонда вмѣнялъ въ обязанность его комитету заботиться прежде всего объ осиротѣлыхъ семьяхъ писателей. Силою обстоятельствъ, однако, подъ вліяніемъ толковъ и недовольства, раздававшагося въ печати, общество постепенно, хотя и медленно, было приведено къ необходимости отвести первостепенную роль въ своихъ заботахъ нуждѣ писателей, а не только ихъ семей, и ввести въ практику ссуды, совершенно не предусмотрѣнныя уставомъ. Общество принимаетъ на себя посредничество между сотрудниками и издателями и оказываетъ всякаго рода нравственную поддержку; заходитъ рѣчь о ссудо-сберегательной кассѣ, проектъ

которой былъ представленъ въ 1879 г. на утвержденіе правительства, но остался неосуществленнымъ. Все это, однако же, не заглушило вполнѣ недовольства, и въ 1881 году яркимъ выразителемъ его выступилъ въ одномъ изъ общихъ собраній фонда Гр. К. Градовскій. Въ весьма рѣзко составленной запискѣ онъ указываетъ на то, что фондъ пораженъ органическимъ недугомъ, что онъ отжилъ свое время, что большинству тружениковъ литературы отъ него ни тепло, ни холодно, что единственно вѣрнымъ принципомъ помощи писателю является не благотвореніе, а самопомощь. «Какими лицемѣрными,—говоритъ здѣсь Градовскій,—должны казаться всѣ наши поученія о самодѣятельности и самопомощи, всѣ возгласы противъ эксплоатаціи труда и кулачества, если въ своемъ собственномъ дѣлѣ мы не можемъ вырваться изъ тѣхъ же условій, которыя порицаемъ въ обществѣ!» Градовскій не остался одинокимъ, и въ числѣ лицъ, поддерживавшихъ его и находившихъ, что литературный фондъ не соотвѣтствуетъ современнымъ условіямъ литературнаго труда, были писатели, впослѣдствіи, черезъ 10 лѣтъ, примкнувшіе къ Градовскому при учрежденіи имъ кассы литераторовъ, а именно: супруги Ватсонъ, С. А. Венгеровъ, А. П. Поповицкій и М. Л. Песковскій. Тѣмъ не менѣе записка Градовскаго о преобразованіи общества была встрѣчена полнымъ несочувствіемъ со стороны комитета, увидѣвшаго въ ней обвиненіе противъ своей дѣятельности, и въ общемъ собраніи 2-го февраля 1882 года большинствомъ двухъ голосовъ (16 противъ 14) была принята резолюція комитета такого содержанія: «тщательно обсудивъ мысль объ учрежденіи литературнаго общества на основахъ самопомощи, всѣ члены комитета пришли единогласно къ тому заключенію, что учрежденіе подобнаго общества было бы вполнѣ желательно и полезно, но что ходатайство о разрѣшеніи его должно идти отъ лицъ, которыя заявятъ желаніе въ немъ участвовать, а не отъ общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, которое и по своимъ цѣлямъ, указаннымъ въ уставѣ, и по способу дѣйствій, и, наконецъ, по составу членовъ имѣетъ совершенно иной характеръ». Такъ кончилась энергичная попытка Гр. К. Градовскаго внести въ литературный фондъ новыя начала для его дѣятельности. Все это вызвало цѣлую бурю и сильный отпоръ со стороны тѣхъ, кому фондъ былъ дорогъ, какъ ихъ дѣтище, и кто не могъ промѣнять дѣйствительную пользу настоящаго на гадательныя выгоды будущаго.

Повидимому, и самъ виновникъ этой бури на время примирился съ пораженіемъ, которое, впрочемъ, трудно считать побѣдой и для противной стороны. Случайное обстоятельство дало новый толчокъ мысли Гр. К. Градовскаго о необходимости самопомощи для писателей. Въ общемъ собраніи 2-го февраля 1889 г. В. И. Сергѣевичъ, состоявшій въ то время предсѣдателемъ фонда, остановился на его

тридцатилѣтнемъ прошломъ и удѣлилъ нѣсколько словъ сочувствія такъ называемой дружининской копейкѣ. Дружининъ, по мысли котораго учрежденъ фондъ, мечталъ о томъ, что издатели, строящіе свое благополучіе, по выраженію Салтыкова, на костяхъ писателей, нравственно обязаны подѣлиться съ фондомъ своими доходами, вносить въ его кассу хотя бы по копейкѣ съ каждаго подписчика. Подчеркивая значеніе дружининской копейки, В. И. Сергѣевичъ выразилъ надежду, что мысль о ней не заглохнетъ. Слова почтеннаго оратора встрѣчены были съ полнымъ сочувствіемъ, и уже черезъ нѣсколько дней въ комитетъ фонда было доставлено обращеніе, написанное рукою Н. А. Лейкина, такого содержанія: «Нижеподписавшіеся, обсудивъ вопросъ о дружининской копейкѣ, приняли слѣдующую резолюцію: просить комитетъ литературнаго фонда подвергнуть обсужденію вопросъ о введеніи въ устройство фонда принципа взаимопомощи и для этой цѣли, между прочимъ, предложить издателямъ газетъ и журналовъ вносить по копейкѣ съ подписчика и, сверхъ того, удерживать при выдачѣ гонорара извѣстное количество процентовъ (2—5), для образованія при фондѣ капитала для выдачи пенсій семействамъ литераторовъ и ученыхъ, участвовавшихъ въ образованіи этого капитала». Подъ этимъ заявленіемъ имѣется 26 подписей, изъ которыхъ только 11 принадлежатъ членамъ фонда, и среди которыхъ мы встрѣчаемъ будущихъ учредителей кассы взаимопомощи: А. П. Субботина, Гр. К. Градовскаго, Н. М. Минскаго, И. Ф. Василевскаго, С. А. Венгерова, А. М. Скабичевскаго, А. И. Поповицкаго, С. Н. Шубинскаго, В. О. Михневича, Р. И. Сементковскаго, В. И. Недзвѣцкаго, Я. Г. Гуревича, П. Г. Ганзена, А. А. Исаева, М. Л. Песковскаго и В. Р. Зотова. Комитетъ фонда не удовлетворился заявленіемъ столь общаго характера и просилъ доставить подробный проектъ, основанный на цифровыхъ расчетахъ. Съ этого момента все дѣло оказалось на плечахъ Гр. К. Градовскаго, который и доставилъ въ комитетъ фонда подробно разработанный проектъ «кассы взаимнаго вспоможенія». Здѣсь Гр. К. Градовскій сознается, что осуществленіе эмеритальной кассы, о которой онъ мечталъ ранѣе, почти невозможно, и что поэтому для проведенія въ матеріальный бытъ писателя идеи взаимопомощи необходимо избрать другой, болѣе простой путь.

На этотъ разъ предложеніе Гр. К. Градовскаго нашло если не поддержку, то во всякомъ случаѣ пассивное сочувствіе со стороны вліятельныхъ дѣятелей литературнаго фонда. Не обошлось, однако же, и безъ противодѣйствія: по свидѣтельству лицъ, имѣвшихъ въ то время близкое соприкосновеніе съ фондомъ, на новый проектъ не только косились, но и старались настроить такимъ же образомъ тѣхъ, кто не былъ зараженъ партійнымъ пристрастіемъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло ли говорило само за себя, или же обстоятельства сложились благопріятно для Гр. К. Градовскаго,—въ общемъ

собраніи фонда 22-го октября 1889 г. была избрана особая комиссія для разсмотрѣнія его проекта, въ составѣ самого Гр. К. Градовскаго, В. И. Сергѣевича и В. Г. Котельникова и кандидатовъ къ нимъ А. А. Исаева и В. Я. Беренштама, отъ комитета же фонда въ комиссіи участвовали П. А. Гайдебуровъ и Ѳ. Ѳ. Воропоновъ. Въ нѣдрахъ этой комиссіи касса взаимнаго вспоможенія превратилась въ кассу взаимопомощи при обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ, но, сравнивая первоначальный проектъ Гр. К. Градовскаго съ нынѣ дѣйствующимъ уставомъ, приходится признать, что важнѣйшія основанія кассы, оправдавшіяся въ настоящее время на десятилѣтнемъ опытѣ, были предусмотрѣны самимъ иниціаторомъ дѣла. Въ комиссіи весьма обстоятельно разработана была лишь та часть устава, которая касается управленія кассою, и введена одна ея особенность, не встрѣчающаяся въ учрежденіяхъ аналогичнаго типа и, повидимому, недостаточно оцѣненная еще и нынѣшними участниками кассы, а именно право участника распорядиться страховою суммою, какъ ему угодно. Въ то же время Гр. К. Градовскому пришлось отказаться отъ одной выгоды, которую онъ желалъ предоставить участникамъ кассы, а именно онъ хотѣлъ, чтобы страховая сумма выдавалась всякому участнику, дѣлавшему установленные взносы въ теченіе 25 лѣтъ. Взамѣнъ этого комиссія внесла статью, предоставляющую кассѣ возможность выдавать участникамъ пенсіи.

Работа комиссіи была окончена въ сравнительно короткій срокъ, несмотря на то, что приходилось останавливаться на весьма мелкихъ подробностяхъ дѣла. Впослѣдствіи, посвящая на одномъ изъ общихъ собраній кассы нѣсколько словъ памяти члена комиссіи и затѣмъ учредителя кассы П. А. Гайдебурова, Гр. К. Градовскій отмѣтилъ его заслугу передъ кассой, выразившуюся въ томъ, что, искушенный житейскимъ опытомъ, онъ весьма скептически относился къ различнымъ теоретическимъ предположеніямъ и тѣмъ вызывалъ необходимость предусмотрѣть для нихъ и выяснить твердую почву. Наконецъ, 22-го ноября 1890 года, уставъ кассы былъ утвержденъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Въ какомъ же положеніи было дѣло матеріальной помощи труженикамъ пера въ то время, когда, при довольно будничныхъ обстоятельствахъ, касса вступила въ жизнь?

Главная роль въ дѣлѣ этой помощи оставалась попрежнему за фондомъ. Въ 1891 году онъ считалъ въ своемъ составѣ около 700 человѣкъ, изъ которыхъ едва ли сотня принадлежала къ литературной семьѣ. Капиталъ его къ 1-му января 1891 года составлялъ 173.720 рублей 25 коп., а расходъ въ теченіе этого года достигалъ 23.970 р. 41 коп., при чемъ на всякаго рода пособія израсходовано 11.317 рублей, на пенсіи 6.914 рублей, на стипендіи 3.017 рублей 50 коп., на ссуды 600 рублей. Рядомъ съ фондомъ наро-

дились два весьма скромныхъ по своимъ размѣрамъ общества для пособія литераторамъ въ провинціи. Такъ 26-го января 1899 года открыло свои дѣйствія Одесское общество вспомоществованія литераторамъ и ученымъ, въ числѣ учредителей котораго находимъ имена профессора А. И. Кирпичникова, И. Н. Потапенко и П. А. Сергѣенко. Общество это имѣетъ весьма широкую задачу и не связано съ какимъ либо райономъ. Какъ гласитъ § 1 устава, цѣлью общество ставитъ «улучшеніе условій жизни литераторовъ и ученыхъ». Въ дальнѣйшихъ параграфахъ, однако, рѣчь идетъ почти исключительно о матеріальныхъ условіяхъ жизни писателей, самая же дѣятельность общества, если судить по его отчетамъ, показываетъ, что оно является лишь сколкомъ съ литературнаго фонда. Въ 1891 году оно считало въ своемъ составѣ около ста членовъ. Въ приходѣ у него было 444 рубля 36 коп., въ расходѣ 97 р. 81 к., не считая ссудъ; капиталъ составлялъ 1.978 рублей 91 коп., въ томъ числѣ въ ссудахъ 885 рублей.

Еще скромнѣе Саратовское общество вспомоществованія нуждающимся литераторамъ. Судя по отчету за время съ 19 февраля 1895 года по 30 марта 1896 года, оно считало въ своемъ составѣ всего только 28 членовъ, имѣло на приходѣ 123 р. 26 к., въ расходѣ 121 рубль 3 коп. и капиталъ въ 1.003 рубля 35 коп. Со времени возникновенія общества, съ 1888 года, т. е. за семь лѣтъ, ссудъ было выдано всего 23 лицамъ на 682 рубля. О томъ, какимъ сочувствіемъ общество пользовалось среди мѣстныхъ тружениковъ печати, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что шестая часть только что упомянутаго расхода въ 121 рубль 3 коп. пошла на уплату конторѣ «Саратовскаго Дневника» за публикаціи отъ имени общества. Къ счастію, въ лѣтописи русской журналистики фактъ этотъ надо считать, кажется, единственнымъ въ своемъ родѣ...

Итакъ, активъ нужды въ 1891 году доходилъ безъ малаго до 25.000 рублей. Трудно теперь сказать въ точности, каковъ былъ ея пассивъ, но во всякомъ случаѣ онъ былъ во много разъ больше актива.

Казалось бы, при такихъ обстоятельствахъ, новое учрежденіе, призванное къ жизни для борьбы съ писательскою нуждою, могло ожидать быстраго успѣха. Не то оказалось въ дѣйствительности. Понадобилось почти полгода для того, чтобы набрать необходимый кадръ учредителей въ 100 человѣкъ, и если 5 мая 1891 года касса, наконецъ, выступила первымъ учредительнымъ собраніемъ, то это еще не значитъ, что она заручилась уже къ тому времени законнымъ числомъ полноправныхъ членовъ: изъ ста учредителей къ осеннему собранію оказалось внесшихъ установленные взносы едва только 35. Какъ ни вѣрилъ въ будущность кассы ея основатель, но и онъ, видимо, пришелъ въ уныніе передъ такимъ повальнымъ равнодушіемъ къ новому учрежденію. Уныніе это ясно звучитъ въ

докладѣ Гр. К. Градовскаго въ первомъ обыкновенномъ собраніи членовъ. Зато тѣмъ рѣзче и пріятнѣе былъ переходъ отъ унынія къ заманчивымъ надеждамъ, когда неожиданно въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» появилась статья о кассѣ профессора И. И. Янжула, разъяснявшая ея значеніе какъ для литературнаго круга, такъ и для русской жизни вообще. Число членовъ замѣтно стало прибывать, и иниціатору всего дѣла не было уже надобности просить кого бы то ни было о вступленіи въ кассу чуть не въ личное ему одолженіе. Не страшна была уже и убыль по неплатежу взносовъ, доходившая до невѣроятной цифры 15%. Когда дѣло намѣренно раздувалось, къ нему приставали совершенно случайно люди, даже не отдававшіе себѣ въ немъ должнаго отчета. Такіе участники, попавшіе въ кассу по недоразумѣнію, отставали при первой же необходимости сдѣлать установленный взносъ. Для тѣхъ, кто спокойно относился къ дѣлу, жалѣть приходилось вовсе не кассу, которая, наоборотъ, избавлялась отъ неподходящихъ для нея элементовъ, а скорѣе тѣхъ изъ бывшихъ ея участниковъ, которые не могли понять ни своихъ собственныхъ выгодъ, ни идеи матеріальной взаимопомощи.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на всѣхъ подробностяхъ десятилѣтней дѣятельности кассы: многія изъ нихъ еще свѣжи въ памяти ея участниковъ. Достаточно отмѣтить вкратцѣ важнѣйшія стороны этой дѣятельности.

Замѣтную роль въ истекшій періодъ играютъ организаціонные вопросы. Уже на второй годъ дѣятельности кассы были выработаны и утверждены правила о нормировкѣ платежей и формы заявленій о назначеніи посмертныхъ выдачъ; вскорѣ послѣ этого утверждены были правила для московскаго отдѣленія и установленъ предѣльный возрастъ для вступленія въ члены кассы. Еще живѣе оказалась организаціонная работа за послѣдніе четыре года, когда не только избраннымъ, но и многимъ стало ясно, что касса отвѣчаетъ насущной потребности и носитъ въ себѣ всѣ признаки жизнеспособности. Въ двухъ направленіяхъ казалось желательнымъ раздвинуть ея рамки. Прежде всего надо было позаботиться о выработкѣ такихъ отношеній къ ея мѣстнымъ отдѣленіямъ, при которыхъ эти послѣднія могли бы развиваться съ пользою для общаго дѣла и не теряя своей самостоятельности. Много усилій понадобилось, чтобы установить, наконецъ, надлежащія отношенія, и, повидимому, въ настоящее время есть полное основаніе думать, что задача разрѣшена правильно. Затѣмъ необходимо было предусмотрѣть возможность постояннаго увеличенія числа членовъ. При первоначальномъ устройствѣ увеличеніе числа членовъ сверхъ извѣстной нормы грозило бы кассѣ серьезными потрясеніями, такъ какъ потребовало бы со стороны ея участниковъ непосильныхъ платежей. Для того, чтобы не преграждать доступа въ кассу всѣмъ

желающимъ и въ то же время чтобы не обременять наличныхъ участниковъ непосильными платежами, установлены группы, повидимому, вполнѣ удовлетворяющія этимъ двумъ цѣлямъ.

Если обычныя выдачи кассы могли итти своимъ порядкомъ, какъ только все было налажено, если онѣ сами по себѣ не требовали какихъ либо экстраординарныхъ мѣръ и заботъ, то въ иномъ положеніи былъ тотъ отдѣлъ кассы, который только намѣченъ въ ея уставѣ, но который, въ сущности, представляетъ самую привлекательную ея сторону. Рѣчь идетъ о пенсіяхъ, для которыхъ необходимо было выработать правила и изыскать денежныя средства. Дружными усиліями такихъ дѣятелей кассы, какъ О. К. Нотовичъ и А. П. Лукинъ, удалось довести пенсіонный капиталъ кассы до замѣтныхъ размѣровъ (43.000 рублей). Еще важнѣе было, однако же, совершенно неожиданное въ кассѣ возрожденіе дружининской копейки, обѣщающее уже въ недалекомъ будущемъ возможность значительнаго числа пенсій. Если дружининская копейка въ прежнемъ ея видѣ собиралась весьма туго, то это, надо думать, зависѣло отъ того, что издатели видѣли въ ней такой же, лишенный всякаго этическаго содержанія налогъ, какимъ является налогъ на промыслы, торговлю и т. п. Надо было найти иное основаніе для этой копейки, надо было подойти къ нравственному чувству и даже къ чувству простой порядочности, чтобы взиманіе такой копейки пошло легче и успѣшнѣе. По счастливой мысли члена кассы Альб. К. Гермоніуса, кассѣ удалось подвести подъ теоретически построенное зданіе весьма реальный фундаментъ, и можно надѣяться, что дѣло это навсегда останется связаннымъ съ кассой.

Въ заботахъ объ увеличеніи пенсіоннаго капитала кассы ея основатель, пользуясь своими личными отношеніями къ финансовымъ сферамъ, сдѣлалъ попытку заручиться, хотя бы заимообразно, пособіемъ изъ государственныхъ средствъ. Попытка эта, совершенно неожиданно для него самого, привела къ созданію фонда имени Императора Николая II, въ исторіи же кассы она дастъ еще одно свидѣтельство въ пользу того, съ какимъ усердіемъ ея основатель ратовалъ за кассу не только въ литературныхъ кругахъ, но и въ иныхъ сферахъ.

Почти одновременно съ пенсіонными правилами и правилами о распредѣленіи членовъ на группы была выработана инструкція для правленія, а въ самое послѣднее время — правила о ссудномъ капиталѣ имени В. О. Михневича.

Матеріальныя средства кассы достигаютъ 55.000 р., дѣйствительный же расходъ ея, при 650 членахъ, въ текущемъ году достигъ 20.000 р., за всѣ же десять лѣтъ израсходовано 61.000 р.

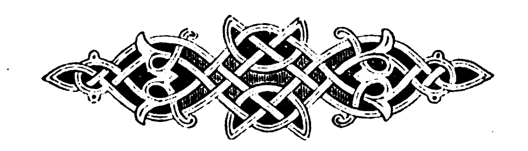
За десять лѣтъ существованія кассы многое улучшилось въ дѣлѣ матеріальной поддержки писателя. Литературный фондъ располагаетъ уже капиталомъ въ 453.293 р. 85 к. Расходъ его достигъ

суммы 37.578 р. 83 к., въ томъ числѣ пособій и безсрочныхъ ссудъ 27.406 р. 50 к., пенсій 5.687 р., стипендій 1.380 р. и на воспитаніе дѣтей 1.554 р. 50 к. Академическая комиссія для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ располагаетъ солидною суммою въ 50.000 р. Наконецъ касса выдаетъ уже 20.000 р. въ годъ. Активъ нужды достигъ, такимъ образомъ, въ настоящее время весьма крупной годовой цифры—107.000 р.

При видѣ столь внушительной суммы невольно является вопросъ, не все ли уже сдѣлано для матеріальной поддержки писателя, не обречена ли касса на застой, вызванный удовлетвореніемъ назрѣвшей потребности. Кажется, не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что кассу не можетъ постигнуть такой застой. Дѣло кассы—общее дѣло всѣхъ писателей, и сколько бы ни появлялось средствъ извнѣ, необходимость круговой корпоративной поруки останется совершенно внѣ колебанія этихъ инородныхъ элементовъ.

Если сдѣлать попытку приподнять слегка завѣсу будущаго, то передъ нами явится весьма привлекательная картина. Дѣло матеріальной взаимопомощи находится всецѣло въ рукахъ кассы; рамки ея устава расширены; она выдаетъ 30 пенсій; имѣетъ ссудо-сберегательный отдѣлъ. Часть ея капиталовъ реализована въ видѣ дома, въ которомъ она находитъ пріютъ не только для себя, но и оказываетъ гостепріимство всѣмъ другимъ литературнымъ учрежденіямъ. Миражъ ли это, или черты дѣйствительности,—во всякомъ случаѣ, можно сказать, значительная часть этой картины зависитъ отъ насъ самихъ, отъ сознанія, что индивидуальная единица—почти ничто, коллективная же—почти все.

Я. Колубовскій.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ П. И. БАРТЕНЕВА.

ЕРВАГО числа минувшаго декабря въ Москвѣ скромно былъ отпразднованъ пятидесятилѣтній юбилей учено-литературной и учено-издательской дѣятельности основателя «Русскаго Архива», Петра Ивановича Бартенева, оказавшаго немаловажныя услуги русской исторической наукѣ.

Петръ Ивановичъ Бартеневъ происходитъ изъ древняго дворянскаго рода; предки его служили воеводами еще въ XVI вѣкѣ; его отецъ Иванъ Осиповичъ, оставившій военную службу въ 1818 г., подполковникомъ Арзамасскаго конно-егерскаго полка, участвовалъ почти во всѣхъ войнахъ, бывшихъ въ царствованіе Александра Благословеннаго. Отъ его брака съ Аполлинаріей Петровной Бурцовой и родился 1-го октября 1829 г., въ родовомъ имѣніи своей матери, сельцѣ Королевщинѣ, Липецкаго уѣзда, Тамбовской губерніи, Петръ Ивановичъ. Получивъ первоначальное образованіе въ благородномъ пансіонѣ при Рязанской гимназіи, онъ съ 1847 по 1856 г. проходилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, по словесному отдѣленію историко-филологическаго факультета, гдѣ слушалъ Шевырева, Грановскаго, Каткова, Леонтьева, Соловьева, Буслаева и, «кромѣ того, пользовался ихъ личными бесѣдами», чему онъ самъ придаетъ немалое значеніе въ своей автобіографіи, помѣщенной въ книгѣ М. И. Семевскаго: «Мои знакомые». Впослѣдствіи онъ познакомился съ Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими, Елагинымъ и семьею Аксаковыхъ, и эти знакомства, читаемъ въ той же автобіографіи, «онъ почитаетъ счастіемъ своей литературной и общественной жизни».

Будучи еще студентомъ, П. И. занялся составленіемъ словаря къ памятникамъ русской письменности до XIII вѣка включительно,

за что лично получилъ одобреніе отъ навѣстившаго его М. П. Погодина и нѣсколько десятковъ томовъ «Москвитянина», и затѣмъ сдѣлалъ переводъ нѣмецкой книжки: «Göthe's Selbstcharacteristik aus seinen Briefen». По поводу этого перевода профессоръ Шевыревъ еще 26 января 1851 г. писалъ М. П. Погодину: «Посылаю тебѣ переводъ одной нѣмецкой брошюры объ нѣмецкой литературѣ, сдѣланный студентомъ Бартеневымъ. Переводъ хорошъ, и брошюра интересна. Ты его наградишь немногимъ: онъ бѣдный человѣкъ». Но Погодинъ почему-то не нашелъ возможнымъ напечатать его въ «Москвитянинѣ», и переводъ остался въ рукописи.

Въ томъ же 1851 г. П. И. посчастливилось познакомиться съ другомъ Пушкина, П. В. Нащокинымъ, отъ котораго онъ получилъ нѣсколько писемъ къ нему великаго поэта. Благоговѣя предъ его памятью, онъ снялъ съ нихъ копіи и послалъ послѣднія къ М. П. Погодину съ слѣдующей запиской: «Изъ писемъ Пушкина, сообщенныхъ мнѣ Нащокинымъ, несмотря на весь интересъ ихъ, къ сожалѣнію, кажется, почти ничего не можетъ пойти въ печать. Посылаю вамъ ихъ для пополненія вашего собранія» [1]). Но М. П. Погодинъ, нимало не смущаясь этимъ предостереженіемъ, помѣстилъ отрывки изъ писемъ Пушкина въ первой декабрьской книжкѣ «Москвитянина» за 1851 г., не назвавъ, однако, доставившаго ихъ [2]). Всѣхъ отрывковъ помѣщено 17, изъ писемъ, относящихся къ 1831—1836 гг. За исключеніемъ первыхъ шести всѣ въ болѣе полномъ видѣ напечатаны въ «Собраніи соч. Пушкина» подъ редакціей П. Морозова.

Вскорѣ по окончаніи университетскаго курса, П. И. Бартеневъ, рекомендованный профессоромъ Коссовичемъ и Погодинымъ, переѣхалъ въ Петербургъ и сдѣлался учителемъ дѣтей Л. Д. Шевичъ, сестры графини А. Д. Блудовой. Это обстоятельство, несмотря на кратковременность его пребыванія въ Петербургѣ, сблизило его съ Д. Н. Блудовымъ, «сдѣлавшимся для будущаго издателя «Русскаго Архива» живымъ источникомъ». Въ Петербургѣ же онъ познакомился и съ С. А. Соболевскимъ, сообщившимъ ему тоже немало матеріаловъ особенно по русской словесности.

Въ 1853 г., во время отъѣзда Погодина за границу, П. И. Бартеневъ завѣдывалъ «Москвитяниномъ» и тогда же между прочимъ писалъ ему: «у меня давно готова статья о Василіи Андреевичѣ Жуковскомъ, въ которую вошли письма покойнаго и нѣкоторыя свѣдѣнія, собранныя на родинѣ» [3]). Далѣе онъ высказывалъ свое желаніе видѣть ее напечатанною въ «Москвитянинѣ», но не иначе,

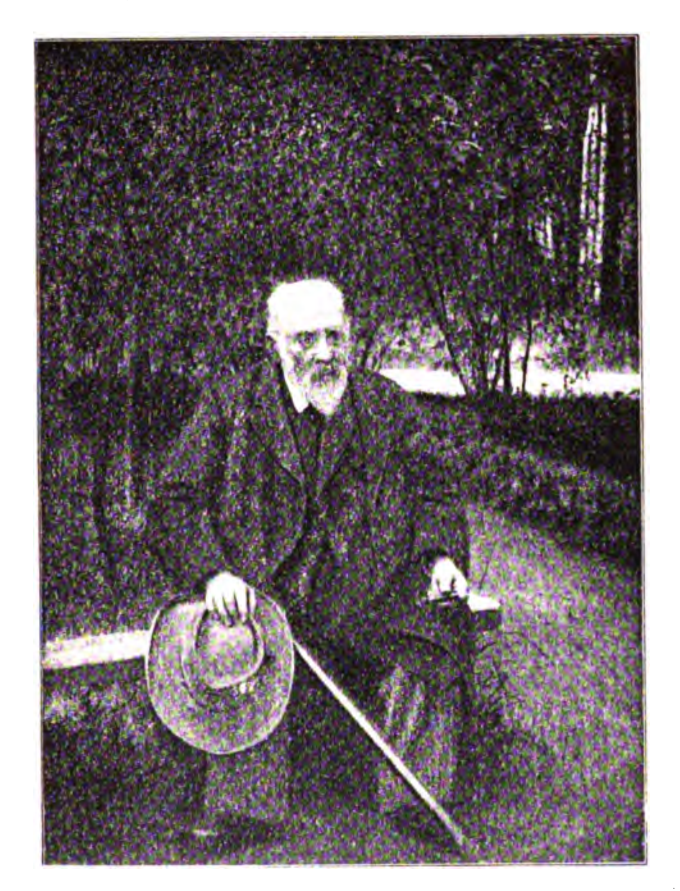
---

[1]) См. Н. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. XI, стр. 310.

[2]) Нѣтъ имени П. И. Бартенева даже въ составленномъ имъ указателѣ къ «Москвитянину» и въ «Puschkiniana» В. И. Межова; вотъ почему, намъ кажется, и стало распространеннымъ, съ легкой руки С. А. Венгерова, мнѣніе, что литературная дѣятельность П. И. Бартенева начинается лишь съ 1853 года.

[3]) См. Н. П. Барсуковъ, «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. XII, стр. 278—279.

какъ хотя бы за небольшой гонораръ. Вѣроятно, отвѣтъ М. П. Погодина былъ неблагопріятный, и довольно интересная статья «О сочиненіяхъ В. А. Жуковкаго» появилась на столбцахъ «Московскихъ Вѣдомостей» въ томъ же 1853 г., № 18. Вскорѣ тамъ же П. И. Бартеневъ напечаталъ новую статью: «Еще нѣсколько словъ о В. А. Жуковскомъ», гдѣ дѣлаетъ рядъ справедливыхъ и дѣльныхъ замѣча-

Петръ Ивановичъ Бартеневъ.

ній къ статьѣ А. Д. Галахова о Жуковскомъ. Послѣдній въ отвѣтъ написалъ: «Мнѣ тѣмъ пріятнѣе было вызвать замѣчанія г. Бартенева, что въ авторѣ ихъ вижу человѣка, занимающагося исторіей отечественной словесности и обладающаго основательными въ ней свѣдѣніями... Я прошу г. Бартенева сообщать свои замѣчанія и на слѣдующія статьи мои о Жуковскомъ».

Въ томъ же (1853) году, въ № 11 «Отечественныхъ Записокъ», появилась статья Бартенева: «Родъ и дѣтство Пушкина», откры-

вшая собою цѣлый рядъ другихъ его статей и замѣтокъ о поэтѣ, интересныхъ и основанныхъ на новыхъ матеріалахъ. Таковыми были, во-первыхъ, обширная статья: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи», печатавшаяся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», за 1854 и 1855 г., и вышедшая отдѣльно въ 1855 году.

Другимъ еще болѣе цѣннымъ трудомъ П. И. о Пушкинѣ были «Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина. Пушкинъ въ южной Россіи» (напечатано сначала въ «Русской Рѣчи» за 1861 г. и отдѣльно въ 1862 г., а затѣмъ въ «Русскомъ Архивѣ» за 1866 г., въ №№ 8—9). Далѣе слѣдовали его болѣе мелкія статьи и замѣтки: «Программа журнала, набросанная Пушкинымъ около 1832 года» («День», 1861 г., № 2); «А. С. Пушкинъ. Рѣчь по поводу открытія памятника» («Русскій Архивъ», 1880 г., кн. 2, стр. 467—487); «Еще нѣсколько словъ о новой главѣ изъ «Капитанской дочки» («Московскія Вѣдомости» 1880 г., № 279); «Черновые наброски поэмы «Мѣдный всадникъ» («Русскій Архивъ», 1881 г., т. III; здѣсь при описаніи набросковъ приведены въ выноскахъ и наиболѣе существенные варіанты и дополненія) и мн. др.

Въ 1856 г. начинается учено-издательская дѣятельность П. И., обогатившая русскую исторіографію цѣлымъ рядомъ матеріаловъ первостепеннаго значенія. Въ этомъ году онъ выпустилъ въ свѣтъ: «Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича, съ приложеніемъ уложенія сокольничьяго пути, съ пояснительною къ нему замѣткою С. Т. Аксакова, и съ портретомъ царя и снимками его почерка». Эта книга вызвала цѣлый рядъ рецензій и особенно обширную и даже нѣсколько придирчивую со стороны И. Е. Забѣлина, подъ заглавіемъ: «Черты русской жизни въ XVII столѣтіи» («Отечественныя Записки», 1857 г., № 1), но большинство критиковъ признало за нею большую заслугу для русской исторической науки. Впослѣдствіи П. И. Бартеневу удалось найти еще нѣсколько писемъ «тишайшаго» царя къ П. С. Хомякову, за 1656—1657 гг., которыя онъ и напечаталъ въ «Чтеніяхъ Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ» (1862 г., кн. 1).

Въ 1857 г. П. И. вступаетъ въ завѣдываніе «Русской Бесѣдой», и это обстоятельство какъ бы приковываетъ его къ занятію русской исторіей; даже «Русская Бесѣда» при немъ была по преимуществу историческимъ журналомъ. Въ ней П. И. напечаталъ: «Біографію графа А. И. Моркова» (кн. I, и отдѣльно: М., 1857 г., съ приложеніемъ нѣсколькихъ писемъ и донесеній Моркова императрицѣ Екатеринѣ II, на французскомъ языкѣ); «Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Біографическій очеркъ» (кн. IV); примѣчанія къ «Историческимъ бумагамъ XVIII вѣка, сообщеннымъ В. И. Ламанскимъ» (1860 г., № II, кн. 2), и «Біографическія воспоминанія объ А. С. Хомяковѣ» (1860 г., № II, кн. 20).

Но что еще болѣе должно было повліять на П. И. въ пользу занятія русской исторіей, такъ это управленіе его Чертковскою библіотекой, продолжавшееся съ 1859 до 1873 года. Библіотека А. Д. Черткова заключала въ себѣ богатѣйшее собраніе сочиненій на русскомъ и иностранныхъ языкахъ по древней и новой Россіи. До преобразованія Императорской Публичной библіотеки барономъ Корфомъ, отдѣлъ «Rossica» Чертковской библіотеки былъ первѣйшимъ въ Россіи. Въ 1867 г. въ библіотекѣ было до 13.500 сочиненій въ 21.350 томахъ, кромѣ рукописей. Въ 1873 г. она, какъ извѣстно, была переведена въ Румянцевскій музей, а теперь находится въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ. Частію заимствуя изъ нея, а частію изъ другихъ источниковъ, Бартеневъ напечаталъ: «Списокъ съ рядной записи, 7196 года» («Временникъ» Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ», кн. XVI), «Сотную выпись г. Дмитрова, 1624 г.» (ibid., кн. XXIV), «Свѣдѣнія объ арестованіи въ 1739 г. генералъ-майора Дюка де-Фаларн», присланнаго въ Россію съ секретными порученіями отъ Мекленбургъ-Шверинскаго герцога («Чтенія Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ», 1859 г., кн. 4), «Люди и дѣла прежняго времени по автографамъ. Императрица Екатерина II къ князю М. Н. Волконскому. Рядъ писемъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя» («Зритель», 1863 г., № 12--20), и др.

Съ 1863 г. при Чертковской библіотекѣ сталъ издаваться «Русскій Архивъ» (до 1871 г. по одному тому, затѣмъ два года по два тома и съ 1875 г. по три), перешедшій въ полное и единственное вѣдѣніе П. И. Бартенева лишь въ 1873 году. Содержаніе журнала съ первыхъ дней по настоящее время чисто фактическое. Статьи и монографіи обобщающаго характера появлялись и появляются сравнительно рѣдко, и вся энергія издателя направлена къ тому, чтобы собрать возможно большее количество историческаго и литературнаго матеріала послѣднихъ двухъ столѣтій—XVIII и XIX. По отношенію къ допетровской Руси въ числѣ матеріаловъ за все сорокалѣтіе изданія «Русскаго Архива» мы находимъ лишь «Путешествіе по Россіи голландца Стрюйса» (1880 г., т. I), нѣсколько матеріаловъ о Никонѣ и знаменитую «Челобитную Вас. Вас. Полозова царю Өедору Алексѣевичу» (1865 г.). Нѣсколько обильнѣе отдѣлъ статей и изслѣдованій; здѣсь помѣщены: «Правда о Лжедимитріи», Н. Павлова (1886 г., т. II), «Мининъ и Пожарскій», И. Е. Забѣлина (1872 г.), «Яицкое войско», В. Витевскаго (1879 г.), «Дьякъ Өедоръ Курицынъ», О. Ильинскаго (1895 г.), нѣсколько статей Д. И. Иловайскаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Матеріалы для своего журнала П. И. Бартеневъ черпалъ изъ государственныхъ архивовъ московскихъ: архива министерства юстиціи и главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, сенатскаго архива, московскихъ Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ

и др. Но самую обильную жатву, конечно, онъ собиралъ изъ частныхъ архивовъ (гр. Паниныхъ, кн. Воронцова, кн. А. М. Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, кн. А. А. Безбородко, гр. А. Г. Бобринскаго, Н. В. Сушкова, И. И. Неплюева, Олсуфьева, кн. Голицына, кн. Куракина, гр. В. А. Перовскаго, кн. Вяземскихъ, гр. Ѳ. В. Растопчина, митроп. Гавріила и Платона, А. Н. Оленина, М. П. Погодина и мног. др.).

Наибольшую и едва ли не самую цѣнную часть матеріаловъ «Русскаго Архива» составляютъ письма государей, ихъ указы, рескрипты и замѣтки, письма государственныхъ, общественныхъ и литературныхъ дѣятелей и разнаго рода документы о политическихъ событіяхъ. Болѣе всего писемъ и рескриптовъ государей осталось отъ Петра I и Екатерины II, особенно послѣдней. Что же касается переписки государственныхъ, общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, то она такъ пространна, и число корреспондентовъ ея такъ велико и разнообразно, что положительно нѣтъ возможности хотя бы вкратцѣ указать ихъ. Достаточно сказать, что едва ли найдется какой либо даже одинъ изъ нашихъ болѣе или менѣе видныхъ дѣятелей, не попавшій на страницы «Русскаго Архива». Рядомъ съ письмами писателей и ученыхъ нерѣдко попадаются и ихъ стихи и разнаго рода произведенія, не увидѣвшія своевременно свѣта вслѣдствіе строгости прежней цензуры.

Второе мѣсто послѣ указанныхъ матеріаловъ должны занять, по нашему мнѣнію, записки, воспоминанія, мемуары русскихъ и иностранцевъ о своемъ времени. Число ихъ тоже велико, но мы тѣмъ не менѣе укажемъ на болѣе цѣнныя и крупныя изъ нихъ, слѣдуя хронологическому порядку. Отъ времени Петра Великаго мы имѣемъ: «Записки» гр. Бассевича, относящіяся къ 1713—1725 гг. (1865 г.) [1]), Юста Юля, датскаго посланника (1892 г.), Вебера, разсказывающаго преимущественно о Петрѣ Великомъ и его преобразованіяхъ, и «Путешествія»: стольника П. А. Толстого за границу въ 1697—1699 гг. (1888 г.) и священника Лукьянова въ Святую землю (1863 г.). Затѣмъ къ царствованію преемниковъ Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II относятся: «Записки» Н. Б. Долгоруковой (1863 г.), «Превратности судьбы. Воспоминанія поляка на русской службѣ въ царствованіе Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны» (1898 г.), записки Фридриха Великаго о политическомъ отношеній его къ Россіи въ первую половину XVIII вѣка и воспоминанія М. В. Данилова и В. А. Нащокина.

Екатерининское царствованіе и по отношенію къ этому отдѣлу матеріаловъ является наиболѣе раскрытымъ и освѣщеннымъ. Кромѣ иностранцевъ, оставившихъ свои мемуары, —Штернберга, Дрампель-

---

[1]) Годъ въ скобкахъ означаетъ годъ «Русскаго Архива», въ которомъ были напечатаны упомянутыя записки.

мана, поляка конфедерата, сосланнаго въ Сибирь (1886), Гольца (1901 г.) и Гельбиха, мы находимъ записки и воспоминанія: Н. В. Сушкова, Гр. Ст. Винскаго (1877 г.), М. П. Антоновскаго (о Московскомъ университетѣ и о первыхъ судьбахъ Императорской Публичной библіотеки; 1885 г.), гр. А. П. Рибопьера (1877 г.), Е. Р. Дашковой, И. В. Лопухина (1884 г.), статсъ-секретарей Екатерины II— А. М. Грибовскаго (1899 г.) и А. В. Храповицкаго (1901 г.) и др.

Изъ времени Павла I выдаются лишь записки Порошина и Н. С. Ильинскаго (1879 г.). Затѣмъ о событіяхъ и лицахъ въ царствованіе Александра I имѣется записокъ и мемуаровъ, пожалуй, не менѣе, чѣмъ Екатерининскаго царствованія; войны его вызвали наибольшее число воспоминаній. Изъ записокъ иностранцевъ назовемъ записки: графини Эдлингъ (1887 г.), гр. Рошешуара (1890 г.), Ипполита Оже (1877 г.), Шевалье д'Изарна, Ланжерона и маркиза Пасторе (1900 г.), а изъ отечественныхъ мемуаристовъ—Н. Н. Муравьева-Карскаго, который продолжаетъ свои воспоминанія первыхъ годовъ царствованія Александра II, гр. М. Д. Бутурлина, также продолжающаго свои записки до 1860 г., П. Новосильцева, Н. Шенига, Ю. Н. Бартенева, А. Я. Булгакова, адм. Чичагова, И. О. Тимковскаго, И. В. Долгорукова (1892 г.) и мн. др.

Декабрьскія событія 1825 г. и послѣдующія войны также вызвали немало воспоминаній и среди нихъ, наиболѣе цѣнныхъ— И. И. Горбачевскаго (1882 г.), М. И. Муравьева-Апостола, Грабе-Горскаго, польскаго епископа Буткевича, В. А. Инсарскаго, Л. Ѳ. Львова (1885 г.), А. М. Фадѣева (1891 г.), Н. А. Рѣшетова, характеризующаго провинціальное общество и администрацію Николаевскаго времени (1885—1887 гг.), А. Н. Андреева (о встрѣчахъ съ артистами и писателями, попреимуществу; 1890 г.), графини А. Д. Блудовой, Г. П. Филипсона (1883—1884 гг.) и др.

Наконецъ изъ времени Александра II, царя освободителя, встрѣчаемъ записки Г. Д. Щербачева и А. П. Николаи, разсказывающихъ о крестьянской реформѣ (1891—1892 гг.), графа П. В. Берга, графа Д. Н. Толстого-Знаменскаго, князя Д. Д. Оболенскаго, Н. Д. Боготинова (1899 г.), Л. Л. Зиссермана и др.

Редактируя столь многочисленный и разнообразный матеріалъ, П. И. Бартеневъ почти каждыя записки, письма и другіе документы сопровождалъ своими примѣчаніями и очень часто предпосылалъ имъ довольно значительныя предисловія.

Выше мы сказали, что статей и изслѣдованій обобщающаго характера въ «Русскомъ Архивѣ» сравнительно немного. Но это «немногое», до нѣкоторой степени кажущееся по сравненію съ всепоглощающимъ обиліемъ матеріаловъ и при томъ во многихъ отношеніяхъ, цѣнное. Въ подтвержденіе своихъ словъ назовемъ хотя бы статьи: «Сенатъ въ царствованіе императрицы Екатерины II», В. Иконникова (1888 г.); «Верельскій мирный договоръ

со Швеціей, 1790 г.», графа Д. А. Толстого; «Исторія евреевъ въ Россіи при Екатеринѣ II, Павлѣ I и Александрѣ I», Шугурова (1894 г.); «Біографическій очеркъ протоіерея П. А. Алексѣева», А. Корсакова (1880 г.); «Канцлеръ А. А. Безбородко», Н. И. Григоровича (1874—1877); «Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ», А. П. Барсукова (1873); «Митрополитъ Гавріилъ Бануленко-Бодони, одинъ изъ замѣчательныхъ русскихъ архипастырей конца XVIII и начала XIX вв.», В. Жмакина (1898 г.); «Императрица Марія Ѳеодоровна», Е. С. Шумигорскаго (1889—1892 г.); «Москва въ 1812 году», «Французы въ Москвѣ въ 1812 году»—А. Н. Попова; «М. М. Сперанскій въ его государственной дѣятельности», профессора Ѳ. М. Дмитріева; «М. М. Сперанскій. Критико-историческое изслѣдованіе», М. П. Погодина; «Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій. Очеркъ его жизни и литературной дѣятельности» (1894 г.); «Свѣтлѣйшій князь Д. В. Голицынъ», графа М. В. Толстого; «Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій», Зиссермана, и мн. др.

Если прибавить еще, что довольно видное мѣсто занимала въ журналѣ библіографія, по крайней мѣрѣ, въ первыя десятилѣтія, и некрологія, то для всякаго будетъ понятно и очевидно, почему каждая книжка «Русскаго Архива» встрѣчалась съ особымъ удовольствіемъ, какъ вносившая новый свѣтъ на событія недавней старины, почему ни одинъ изслѣдователь, разъ онъ хочетъ коснуться событій или лицъ XVIII и XIX столѣтій, не можетъ обойтись безъ «Русскаго Архива», и, наконецъ, почему нельзя себѣ представить ни одной сколько нибудь серіозной библіотеки безъ этого важнаго собранія первоисточниковъ новой русской исторіи. Въ заключеніе нашихъ замѣтокъ о «Русскомъ Архивѣ» мы только позволили ли бы себѣ высказать издателю наше желаніе, которое, безъ сомнѣнія, раздѣлятъ всѣ занимающіеся русской исторіей, увидѣть къ концу 40-лѣтія «Русскаго Архива» полный сводный указатель встрѣчающихся въ немъ именъ и при томъ въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ обыкновенно прилагается къ декабрьской книжкѣ каждаго года.

Казалось бы, что изданіе такого журнала, какъ «Русскій Архивъ», должно было поглотить всю энергію издателя и его матеріалы, но, несмотря на это, онъ еще съ 1868 г. приступаетъ къ изданію цѣннѣйшихъ историческихъ сборниковъ: «Осьмнадцатый вѣкъ» (4 книги) и «Девятнадцатый вѣкъ» (2 книги, Москва, 1871—1872 гг.). Матеріалы и статьи, помѣщенныя въ этихъ сборникахъ, столь цѣнны и важны въ историческомъ отношеніи, что мы не считаемъ себя въ правѣ не упомянуть хотя бы о нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Больше всего помѣщено писемъ и бумагъ, относящихся къ царствованію Екатерины II (тутъ и ея переписка съ графомъ Броуномъ, съ княземъ М. Н. Волконскимъ и Дидро, и ея знаменитый

«Антидотъ»); нѣсколько документовъ изъ первыхъ годовъ царствованія Елисаветы Петровны и рескрипты и указы Петра I къ лифляндскому губернатору. Затѣмъ находимъ «Записки» графа Е. Ѳ. Комаровскаго, «Письма о Россіи Дука де-Лиріа» и «Житіе Ѳ. Вас. Ушакова» (статья А. Н. Радищева, съ послѣсловіемъ П. И. Бартенева). Изъ статей же «Осьмнадцатаго вѣка» назовемъ: «Дидро и его сношенія съ Екатериною II», М. Ѳ. Шугурова; «Екатерина I», Андреева, и «Послѣдній король польскій въ Гроднѣ и Литвѣ въ исходѣ XVIII вѣка», Де-Пуле.

Въ «Девятнадцатомъ вѣкѣ» помимо «Записокъ» Н. В. Басаргина и «Записокъ очевидца въ войнѣ Россіи противъ Тудціи и западныхъ державъ (1853—1855 гг.)», обращаютъ наибольшее вниманіе письма и записки графа Ѳ. В. Растопчина и бумаги К. Ѳ. Рылѣева.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія названныхъ сборниковъ, П. И. приступилъ къ редактированію новаго капитальнѣйшаго изданія «Архивъ князя Воронцова», котораго вышло 40 книгъ съ указателемъ. Представители этого славнаго рода, начиная съ М. И. Воронцова, занимали выдающіеся посты и играли роль первѣйшихъ государственныхъ дѣятелей въ теченіе болѣе ста лѣтъ; поэтому неудивительно, что въ ихъ бумагахъ и письмахъ находятся интереснѣйшія и вносящія новый свѣтъ данныя на современныя имъ событія и лица. Не только всѣ почти наиболѣе видные дѣятели XVIII и XIX столѣтій были съ ними въ перепискѣ, но и всѣ почти государи и особы царскаго дома (письма послѣднихъ занимаютъ цѣлый XXVIII-й томъ, помимо множества другихъ, помѣщенныхъ въ разныхъ томахъ «Архива»). Нѣтъ ни одного болѣе или менѣе выдающагося событія изъ внѣшней и внутренней политики Россіи, по поводу котораго мы не находили бы въ бумагахъ графовъ и князя Воронцовыхъ цѣнныхъ свѣдѣній. Указывать здѣсь подробнѣе на нихъ мы находимъ излишнимъ вслѣдствіе всеобщей извѣстности этого изданія и въ заключеніе своей замѣтки перейдемъ къ перечню цѣлаго ряда еще другихъ работъ юбиляра.

Наибольшее количество изъ нихъ принадлежитъ къ болѣе или менѣе крупнымъ некрологамъ и юбилейнымъ замѣткамъ, числомъ болѣе 25, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою цѣнность, какъ писанная лицомъ, хорошо знавшимъ и понимавшимъ покойнаго или юбиляра. Далѣе П. И. принадлежитъ рядъ крупныхъ библіографическихъ работъ («Указатели» къ журналамъ: «Русскій Вѣстникъ», за 1856—1862 гг.; «Русская Бесѣда», за все время изданія;«Москвитянинъ», за 1841 — 1853 гг.; «Московскіе Сборники», за 1846 — 1860 гг.; «Библіографическія Записки», за 1858—1861 гг.; указатель къ изданіямъ Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ за 1815—1865 гг.; «Всеобщая библіотека Россіи, или каталогъ книгъ для изученія нашего отечества во всѣхъ отношеніяхъ и по-

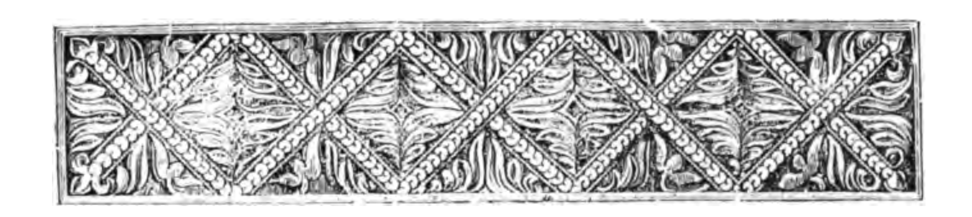
дробностяхъ, собранныхъ А. Д. Чертковымъ. Отдѣленіе первое— исторія; отдѣленіе второе—землеописаніе», М., 1869 г. и др.).

Наконецъ, онъ издалъ въ 1860 г. «Записки» Г. Р. Державина съ литературными и историческими примѣчаніями и два собственныхъ перевода: «Исторія Германіи съ древнѣйшихъ временъ до 1851 г.», Кольрауша (2 части, М., 1860 г.), и «Исторія Сербіи», Ранке (М., 1857 г.; 2-е изд., 1876 г.).

Сдѣланнымъ перечнемъ мы, конечно, далеко не исчерпали всѣхъ трудовъ П. И. Бартенева, но и указаннаго вполнѣ достаточно, чтобы видѣть и чтить въ немъ глубокаго знатока русской исторіи и литературы XVIII и XIX вѣковъ и истиннаго труженика на пользу изученія родной старины.

В. Е. Рудаковъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Горовцевъ. Трудовая помощь, какъ средство призрѣнія бѣдныхъ. Удостоено преміи Августѣйшаго Имени Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, учрежденной при комитетѣ попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Рекомендовано ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для пріобрѣтенія въ основныя и ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1901.

НАША литература о благотворительности увеличилась новымъ трудомъ, который уже по одному тому естественно привлекаетъ къ себѣ вниманіе, что предметомъ его является трудовая помощь, за послѣднее время занявшая одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ ряду другихъ средствъ борьбы съ нуждою и бѣдностью.

И нельзя не согласиться съ авторомъ книги, что мѣсто это занято ею вполнѣ заслуженно, что дѣйствительно трудовая помощь соединяетъ въ себѣ такія неоспоримыя достоинства, которыя должны вполнѣ обезпечивать ей дальнѣйшее развитіе и успѣхъ въ будущемъ. По отношенію къ трудоспособному бѣдняку она, конечно, должна вполнѣ замѣнить собою безпорядочную милостыню, которая только губитъ въ немъ энергію и охоту къ самостоятельному труду, соблазняя его возможностью жить на чужой счетъ. Кромѣ того, несомнѣнное преимущество ея заключается также и въ томъ, что она одна только даетъ возможность отличить честнаго истинно-нуждающагося бѣдняка отъ нищаго-профессіоналиста, который труда боится больше всего и, разумѣется, не легко согласится принять его вмѣсто милостыни. И наконецъ, она представляетъ еще и то матеріальное преимущество, что при оказаніи ея бѣднякъ хоть что нибудь

производитъ въ отплату за получаемую имъ помощь, такъ что помощь эта обходится обществу дешевле, чѣмъ даровая.

Понятно, что при такихъ своихъ достоинствахъ трудовая помощь нашла себѣ за послѣднее время самое широкое распространеніе во всемъ мірѣ, выразившись въ разнообразныхъ видахъ и формахъ, описанію и оцѣнкѣ которыхъ посвященъ названный выше трудъ. По обстоятельности своей въ этомъ отношеніи онъ едва ли не является однимъ изъ наиболѣе полныхъ въ спеціальной литературѣ по настоящему предмету.

Работу свою авторъ дѣлитъ на двѣ части, изъ которыхъ вторая и заключаетъ въ себѣ обзоръ современныхъ учрежденій трудовой помощи и ихъ дѣятельности, а первая, являясь какъ бы введеніемъ къ нему, посвящена выясненію общаго значенія труда, какъ средства борьбы съ бѣдностью —не только благотворительнаго, но также и предупредительнаго, и репрессивнаго. Съ особеннымъ вниманіемъ останавливается авторъ на послѣднемъ вопросѣ и выясняетъ значеніе предназначенныхъ для нищихъ-профессіоналистовъ рабочихъ домовъ, въ изобиліи существующихъ уже за границею, а у насъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще остающихся въ области пожеланій. Обращаясь затѣмъ къ непосредственному предмету своей работы —трудовой помощи, какъ мѣрѣ благотворительной, авторъ здѣсь же останавливается также и на разсмотрѣніи нѣкоторыхъ наиболѣе общихъ основныхъ вопросовъ благотворительности—о субъектѣ ея и пресловутомъ правѣ на помощь —и высказываетъ себя сторонникомъ волюнтарной системы, отрицающей юридическую обязанность государства приходить на помощь каждому нуждающемуся. Такое рѣшеніе вопроса представляется, правда, не безспорнымъ, особенно съ точки зрѣнія современной нѣмецкой школы, но во многихъ отношеніяхъ съ нимъ нельзя не согласиться, если имѣть въ виду главное положеніе волюнтаристовъ, что юридически признанное право на помощь должно неминуемо вести къ ослабленію самостоятельныхъ началъ въ жизни населенія. Послѣ этихъ общихъ вопросовъ авторъ переходитъ къ выясненію преимуществъ трудовой помощи, и здѣсь можно было бы упрекнуть его за нѣкоторую краткость и сжатость изложенія этой части его работы, если бы только недостатокъ этотъ не восполнялся съ избыткомъ тѣми интересными данными о трудовой помощи, которыя составляютъ собою содержаніе второй части его труда.

Послѣдовательно разсматриваетъ онъ сначала историческое развитіе идеи трудовой помощи, а затѣмъ современное ея положеніе во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра — въ Англіи, Голландіи, Германіи, Франціи, Бельгіи, Даніи, Австро-Венгріи, Швейцаріи, Америкѣ и, наконецъ, въ Россіи. Трудовой помощи въ Россіи посвящено болѣе половины всей книги, и это особенно поднимаетъ ея значеніе въ виду того серіознаго интереса современности, который пріобрѣла она у насъ съ начала дѣятельности домовъ трудолюбія. Дѣятельность эту авторъ разбираетъ во всѣхъ подробностяхъ, не оставивъ безъ разсмотрѣнія, кажется, ни одной ея стороны, начиная съ вопроса объ ея цѣли и назначеніи и кончая такими мелкими, повидимому, вопросами, какъ, напримѣръ, о размѣрахъ и помѣщеніи домовъ трудолюбія. Отдавая все должное ихъ дѣятельности, авторъ, однако, горячо ратуетъ за искорененіе

одного серіознаго ея несовершенства, обусловливаемаго впрочемъ не столько дѣятельностью этой самою по себѣ, сколько общею неудовлетворительностью всей нашей системы борьбы съ бѣдностью. Несовершенство это заключается въ той смѣшанности состава призрѣваемыхъ въ домахъ трудолюбія, которая, къ сожалѣнію, является теперь въ нихъ господствующею и подвергаетъ честнаго случайнаго бѣдняка опасности очутиться въ тлетворномъ сосѣдствѣ съ нищими-профессіоналистами, нерѣдко препровождаемыми сюда полиціею, вслѣдствіе отсутствія спеціально предназначенныхъ для нихъ репрессивныхъ рабочихъ домовъ съ принудительнымъ трудомъ. Изъ-за этого домъ трудолюбія иногда совершенно уклоняется отъ своего прямого назначенія, нисколько не привлекая къ себѣ случайныхъ бѣдняковъ, для которыхъ онъ въ дѣйствительности предназначенъ, и служа убѣжищемъ для нищихъ-профессіоналистовъ, для которыхъ онъ по всему своему режиму совершенно не приспособленъ.

Основная мысль автора о необходимости созданія особыхъ учрежденій для всякаго отдѣльнаго вида нуждающихся красною нитью проходитъ черезъ всю его книгу, и можно, конечно, въ этомъ отношеніи только вполнѣ ему сочувствовать и присоединиться къ высказываемой имъ надеждѣ, что въ будущемъ «домъ трудолюбія останется самимъ собою, а толчекъ, данный имъ всей нашей системѣ мѣръ борьбы съ бѣдностью, не пропадетъ даромъ, и здоровая идея труда ляжетъ въ самую глубь ея основанія». **А—скій.**

Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ, составленное по высочайшему повелѣнію А. Висковатовымъ въ 1862 году, переиздаваемое въ настоящее время техническимъ комитетомъ главнаго интендантскаго управленія. Спб. 1901.

Въ 1841—1862 годахъ военный историкъ А. В. Висковатовъ издалъ по высочайшему повелѣнію «Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ». Этотъ колоссальный трудъ, состоящій изъ сорока объемистыхъ томовъ съ 3.000 рисунками, составляя собственность военнаго министерства, въ продажу не поступалъ и вмѣстѣ съ «Хроникою россійской императорской арміи» князя С. Н. Долгорукова, изданной въ 1799 году, являлся почти единственнымъ источникомъ для всѣхъ справокъ, необходимыхъ для полковыхъ историковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представлялъ и общій интересъ, какъ сочетаніе художественнаго альбома съ единственною въ своемъ родѣ монографіею.

Не только описанія одежды и вооруженія касается трудъ Висковатова, какъ это можно было бы предполагать по его заглавію, но въ немъ подробно и послѣдовательно изложены: время сформированія частей войскъ, постигнія ихъ перемѣны, назначенія шефовъ, переименованія и проч. измѣненія въ ихъ исторіи; поэтому точность труда Висковатова представляетъ огромную важность для прибѣгающихъ къ нему историковъ, тѣмъ болѣе, что одна ошибка влечетъ за собою непоправимый рядъ погрѣшностей въ цѣлыхъ серіяхъ сочиненій. Почти каждая полковая исторія испещрена ссылками на «Висковатова»

и «Долгорукова», и когда въ «Русскомъ Инвалидѣ» въ началѣ 1901 года появились споры объ историческомъ происхожденіи казачьей одежды,—ссылки на Висковатова были безпрерывныя.

Между тѣмъ этотъ колоссальный трудъ испещренъ ошибками, пропусками и неточностями, совершенно обезцѣнивающими его значеніе, какъ источника для справокъ, при чемъ эти ошибки, пропуски и неточности встрѣчаются не только въ текстѣ, но и въ рисункахъ, являющихся нерѣдко лишь плодомъ фантазіи художниковъ, дѣлавшихъ ихъ на глазъ, а потому нѣкоторые предметы вооруженія получались, быть можетъ, и красивѣе, но далекими отъ дѣйствительности.

Такъ, напримѣръ, на рисункѣ «Оберъ-офицеръ и казакъ лейбъ-уральской сотни съ 1788 по 1801» (часть IX, рис. № 1202) какъ обмундированіе, такъ и вооруженіе казаковъ во всѣхъ мелочахъ не схожи съ образцами того времени.

Трудъ Висковатова давно уже сдѣлался большой рѣдкостью, и потому техническимъ комитетомъ главнаго интендантскаго управленія, подъ наблюденіемъ тайнаго совѣтника Верховцева, приступлено къ его переизданію. Въ настоящее время отпечатанъ уже 14-й томъ [1]). Какъ видно изъ огромнаго количества проспектовъ, разосланныхъ въ войска, это изданіе передано для продажи частному коммерческому предпринимателю, Я. Берману, который предлагаетъ его по подпискѣ приблизительно по цѣнѣ за всѣ сорокъ томовъ, отъ 400—500 рублей въ разсрочку, но съ тѣмъ, что подписавшійся на это изданіе уже не имѣетъ права отказаться отъ полученія его наложеннымъ платежемъ выпусками.

Наблюденіе за изданіемъ и его редакція поручены техническимъ комитетомъ штабсъ-капитану П. Ф. Пышкину.

Достаточно взять любой томъ этого новаго изданія и сличить его съ изданіемъ, законченнымъ въ 1862 г., чтобы убѣдиться, что оно представляетъ собою точнѣйшую копію съ изданія Висковатова, и что редакторъ не взялъ на себя труда не только дополнить, но и провѣрить Висковатова, вслѣдствіе чего и новое изданіе является съ такой массой ошибокъ, которыя дѣлаютъ его совершенно непригоднымъ и не достигающимъ цѣли—служить справочнымъ историческимъ источникомъ. Приведемъ для примѣра нѣкоторыя ошибки.

Въ томѣ VII Висковатовскаго изданія въ періодѣ 1796—1801 гг. (стр. 16 и 17) сдѣлано 5 пропусковъ; пропущено 1) на стр. 16 [2]), что 31-го января 1797 г. «Козловскій мушкетерскій полкъ названъ Старо-Баденскимъ и Бутырскій мушкетерскій полкъ Молодо-Баденскимъ, а прежнія имена сихъ полковъ отставляются» (высочайшій приказъ 31-го января 1797 г.); ранѣе, на стр. 12 и 13, эти же полки названы у Висковатова Старо-Баденскимъ и Молодо-Баденскимъ 3-го декабря 1796 г., но изъ предыдущаго, видно, что вы-

---

[1]) Быть можетъ, въ настоящее время и больше.

[2]) Первый обратилъ вниманіе на эти ошибки и заговорилъ о нихъ въ печати сначала въ № 205 «Варшавскаго Дневника» 1901 г., а затѣмъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1901 г. въ № 182 Б. Л. Тагѣевъ, послѣ чего стали появляться статьи, дополняющія его указанія (въ «Русскомъ Инвалидѣ» №№ 182, 199, 200, 219 и въ «Свѣтѣ» № 248 за 1901 г.). Ред.

сочайшій приказъ объ этомъ состоялся только лишь 31-го января 1797 г., т. е. почти годъ спустя. 2) Стр. 17: «Рязанскому мушкетерскому полку называться мушкетерскимъ генерала-отъ-инфантеріи Голенищева-Кутузова» (высоч. приказъ 2-го апрѣля 1798 г.). 3) Владимирскій мушкетерскій полкъ названъ по шефу мушкетерскимъ графа Гудовича 2-го (тотъ же приказъ). 4) Нарвскаго мушкетерскаго полка полковникъ Стремоуховъ произведенъ въ генералъ-майоры, съ назначеніемъ шефомъ въ Тифлисскій мушкетерскій полкъ, коему и носить имя шефа (высочайшій приказъ 5-го октября 1798 г.). 5) Бѣлозерскій полкъ названъ полкомъ генералъ-лейтенанта Будкевича 12-го октября 1798 г. («Хроника» Долгорукова, стр. 21); на настольной тетради сдѣлана помѣтка: «приказъ 30-го сентября 1798 г.» (?). На стр. 20 Черниговскій мушкетерскій названъ 31-го января 1798 г. генералъ-майора Эссена 1-го, тогда какъ онъ получилъ это названіе 1-го октября того же года (высочайшій приказъ 1-го октября 1798 г.).

На стр. 28 и другихъ пропущены чины, званія и титулы шефовъ, напримѣръ, генералъ-отъ-инфантеріи баронъ Спренгпортенъ названъ просто баронъ, также генералъ-лейтенантъ Сакенъ 1-й, и почти то же замѣчается у всѣхъ полковыхъ шефовъ на стр. 29—31. На стр. 35 опять пропущено, что 25-го декабря 1797 г. Екатеринославскому кирасирскому полку повелѣно называться полкомъ генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова 2-го (высочайшій приказъ 25-го декабря 1797 г.), а также что Кирасирскій военнаго ордена полкъ названъ по имени шефа, генералъ-лейтенанта Тормасова (высочайшій приказъ 18-го сентября 1798 г.). На стр. 36 пропущено опять 6 частей: 1) Псковскому драгунскому полку именоваться генералъ-майора, барона фонъ-деръ-Остенъ-Сакена (высочайшій приказъ 25-го сентября 1798 г.); 2) Рязанскому кирасирскому полку — генералъ-майора фонъ-Риделя (высочайшій приказъ 30-го сентября 1798 г.); 3) Казанскому кирасирскому полку именоваться генералъ-майора Бардакова полкомъ (высочайшій приказъ 10-го октября 1798 г.); 4) С.-Петербургскому драгунскому полку именоваться по имени шефа, генералъ-майора Шепелева (высочайшій приказъ 15-го октября 1798 г.); 5) Кіевскій кирасирскій полкъ названъ генералъ-лейтенанта графа Шувалова полкомъ 19-го октября 1798 г. («Хроника россійскихъ войскъ» С. Н. Долгорукова 1799 г., стр. 170); 6) Старо-Дубовскій кирасирскій полкъ названъ полкомъ генерала-отъ-кавалеріи Пумсена («Хроника» Долгорукова, 1799 г., стр. 173).

31 октября 1798 г. всѣмъ кавалерійскимъ полкамъ повелѣно называться по шефамъ, за исключеніемъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго его величества и лейбъ-гвардіи кирасирскаго ея величества, удержавшимъ свои наименованія. Вотъ тутъ-то и начинается у Висковатова новая путаница, и сюда онъ относитъ также и тѣ полки, якобы получившіе названія по шефамъ 31 октября 1798 г., которые получили ихъ гораздо раньше и съ означеннаго выше числа именовались «попрежнему по именамъ шефовъ»; здѣсь же слѣдуетъ цѣлый рядъ неточностей въ чинахъ и званіяхъ шефовъ. Перечисленіе ихъ заняло бы очень много мѣста. На стр. 43 генералъ-майоръ Зиманъ названъ Зиминымъ. На стр. 46. «осадный генералъ-лейтенанта Пилуса 23-го ноября 1797 г.—генералъ-майора Нелюбова, тогда какъ по высочайшему приказу это было 7-го марта

1800 г. На стр. 51 сказано: Фридрихсгамскому гарнизоннымъ... 6-го мая 1797 г. генералъ-майора Беклешева 2-го, а высочайшій приказъ отданъ объ этомъ 6-го мая 1799 г. На стр. 55 напечатано: «Могилевскому, переведенному въ Рогачевъ—гарнизоннымъ подполковника Неклюдова», а по хроникѣ Долгорукова стр. 119 выходитъ: «переведенному изъ Рогачева». (Высочайшаго приказа нѣтъ). Та же справка подтверждается и «Полн. Собр. зак. Росс. имперіи». На стр. 73 Аренсбургъ названъ Оренбургомъ; такимъ образомъ въ перечисленіи русскихъ городовъ явилось два Оренбурга. На стр. 74 значится, что Чугуевскій казачій полкъ упраздненъ 22 ноября 1796 г., тогда какъ это состоялось 22 декабря того же года (высочайшій приказъ 22 декабря 1796 г.).

Въ томѣ X (стр. 24, 109, 141, 252 и 358) по вопросу «объ образованіи дивизій» [1]) Висковатовъ пишетъ, что 1) 4-го мая 1806 г. составлены 13 дивизій; 2) «23-го августа 1806 г.—артиллерійскіе полки и прочіе были расформированы, и вмѣсто нихъ учреждены бригады»; 3) 13-го іюня 1807 г. при учрежденіи дивизій «всѣ 4 полка гвардейской пѣхоты и полки гвардейской кавалеріи поступили въ 1-ю дивизію». На основаніи же подлиннаго дѣла «объ образованіи дивизій» (архивъ канцеляріи военнаго мин.) это составленіе дивизій совершилось иначе, число ихъ было 12, и расписаніе утверждено не 4 мая, а 5 февраля. Артиллерійскіе полки расформированы не были, а всего только расписаны по дивизіямъ одновременно съ пѣхотой и кавалеріей, т. е. 5-го февраля (рапортъ графа Аракчеева отъ 28-го февраля 1806 г. за № 526 и расписаніе на 12-ть дивизій), а 23-го августа было высочайше утверждено «Положеніе о составленіи артиллерійскихъ бригадъ» (рапортъ графа Аракчеева 2-го августа 1806, № 2681, и П. С. З. Р. И., № 22249). Бригады не были учреждены, а повелѣно было «число всѣхъ артиллерійскихъ ротъ въ дивизіи именовать артиллерійскою бригадою».

Гвардія вошла въ составъ 1-й дивизіи не 13 іюня 1807 г., а на цѣлый годъ раньше.

30-го апрѣля 1806 г. была составлена изъ полковъ гвардіи и нѣкоторыхъ полковъ арміи «особая дивизія», подъ названіемъ первой дивизіи, ввѣренная его императорскому высочеству, цесаревичу Константину Павловичу (копія съ высочайшаго указа его высочеству и расписаніе 1-й дивизіи).

Въ расписаніи дивизій 15-я была учреждена вовсе «не по случаю умноженія арміи 17-ю полками» (Висковатовъ, стр. 27, т. X) и не 24 іюля (тамъ же), а 15-го іюня изъ «войскъ, на Іоническихъ островахъ находившихся (высочайшій указъ вице-адмиралу Сенявину отъ 15 іюня 1807 г.). 16-я, 17-я и 18-я дивизіи были образованы не 24 іюля (Висковатовъ, т. X, стр. 27), а 27-го сентября (высочайшее повелѣніе на имя генерала отъ кавалеріи Апраксина и генерала отъ инфантеріи Тутолмина).

Въ артиллерійскомъ его императорскаго высочества Михаила Павловича баталіонѣ (стр. 2) показаны къ 12 марта 1801 г. команды—піонерная, понтонная и фурштадтская, что полагалось по штату 1798 г. (П. С. З., № 18577),

[1]) «Русскій Инвалидъ» 7 октября 1901 г., № 219.

тогда какъ по штату 1799 г. (П. З., С. № 18937) командою значится только одна фурштадтская.

О распредѣленіи же піонерныхъ ротъ по дивизіямъ совершенно у Висковатого умалчивается, что является серіознымъ пробѣломъ (расписаніе войскъ на 12 дивизій и рапортъ инженеръ-генерала фонъ-Сухтелена его императорскому величеству отъ 15 іюля 1806 г.).

Въ отношеніи описанія [1]) вооруженія трудъ Висковатова не только даетъ очень мало матеріала для историковъ или для лицъ интересующихся этимъ вопросомъ, но настолько слабо составленъ, что положительно невозможно въ немъ разобраться, и онъ не можетъ быть исправленъ, а долженъ быть, составленъ заново. Несмотря на заглавіе, гласящее объ «Описаніи вооруженія» русскихъ войскъ, у Висковатова таковаго описанія, которое удовлетворяло бы самымъ невзыскательнымъ требованіямъ, не имѣется, и для доказательства, что даетъ въ этомъ отношеніи Висковатовъ, возьмемъ періодъ царствованія императора Николая I, наиболѣе богатый по количеству введенія въ наши войска разнообразныхъ системъ вооруженія. Ужъ одно пѣхотное ружье за этотъ промежутокъ времени имѣло высочайше утвержденные образцы 1828, 1839, 1843, 1845, 1852, 1854 годовъ. Въ это царствованіе вводится ударная система, развивается нарѣзное оружіе въ видѣ Литтихскаго штуцера, образца 1843 г., кавалерійскаго штуцера 1849 г. и нарѣзныхъ драгунскихъ карабиновъ и пѣхотныхъ ружей образца 1854 г. Утверждается образецъ казачьихъ ружей 1832 г. и карабинъ для всей кавалеріи 1833 г. Сферическая пуля замѣняется пулею съ ушками, Менье и Бельгійскою.

Что же даетъ относительно этого богатѣйшаго матеріалы 19-й томъ Висковатова, заключающій въ себѣ «Перемѣны въ обмундированіи и вооруженіи русскихъ войскъ съ 20-го ноября 1825 года по 18-е февраля 1855 года въ гренадерскихъ морскихъ и пѣхотныхъ полкахъ»? Вотъ что Висковатовъ говоритъ о русскомъ огнестрѣльномъ оружіи этого періода:

Въ гренадерскихъ полкахъ, 1846 г., іюня 23 (стр. 321), по случаю введенія въ пѣхотныхъ войскахъ ружей съ ударными замками, утверждено слѣдующее общее для всѣхъ сихъ войскъ описаніе пригонки капсюльной сумочки: въ пѣхотѣ капсюльная сумочка прикрѣпляется къ перевязи... и далѣе слѣдуетъ подробное описаніе этой пригонки.

1848 г., сентября 23 (стр. 323), въ дополненіе къ перемѣнамъ, состоявшимся 8-го августа сего года, утверждено слѣдующее описаніе пригонки патронтапа и капсюльной сумочки для войскъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса... слѣдуетъ описаніе 1849 г., сентября 14 (стр. 335), утвержденъ образецъ ударныхъ пистолетовъ для генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ гренадерскихъ и прочихъ пѣхотныхъ полковъ.

1855 г., февраля 13, утверждено слѣдующее описаніе новой пригонки капсюльной сумочки. . Тѣ же ссылки и въ пѣхотныхъ и въ морскихъ полкахъ 1846 г., іюня 23 (стр. 377), 1849 г., сентября 14 (стр. 378), 1855 г., февраля 13 (стр. 383).

---

[1]) См. «Русскій Инвалидъ», № 229, 1901 г., статья Өедорова.

Вотъ и все, что найдетъ желающій ознакомиться по Висковатову съ вооруженіемъ нашей армейской пѣхоты въ царствованіе императора Николая I. Даже не указана дата утвержденія перваго образца нашего ударнаго оружія, т. е. начала эры усовершенствованія русскаго вооруженія и изъятія кремневой системы. Одинъ только гладкоствольный пистолетъ образца 1849 г. нашелъ себѣ мѣсто у Висковатова, но зато описанія этого пистолета вовсе не имѣется.

Изъ множества рисунковъ, приложенныхъ къ 19 тому, только два касаются вооруженія. Замѣтимъ о вооруженіи гвардейской пѣхоты, изображенномъ въ 24 томѣ у Висковатова. Тѣ же четыре ссылки, какъ въ тяжелой, такъ и въ легкой гвардейской пѣхотѣ; тѣ же капсюльныя сумочки и тотъ же пистолетъ. О перемѣнахъ въ вооруженіи въ кавалерійскихъ частяхъ приведена за все царствованіе Николая I единственная ссылка 3 декабря 1834 г. (стр. 59)—«въ кирасирскихъ полкахъ пистолетовъ повелѣно вовсе не имѣть». А объ отмѣнѣ кирасирскихъ ружей и о введеніи карабиновъ, высочайше утвержденныхъ въ 1833 г. и поступившихъ на вооруженіе всей кавалеріи, вовсе ничего не говорится [1]).

Изъ всего сказаннаго можно вывести заключеніе, что «Историческое описаніе одежды и вооруженія россійскихъ войскъ» во всѣхъ отношеніяхъ требуетъ коренного не только пересмотра, но частію и пересозданія вновь. Что же касается I-го тома этого колоссальнаго труда, касающагося «допетровской Руси», то онъ представляетъ собою въ отношеніи одежды, оружія и конскаго снаряженія исключительно плодъ фантазіи и долженъ быть составленъ вновь при помощи лицъ, близко знакомыхъ съ исторіею и археологіею «допетровской Руси».

Исправить въ отдѣльномъ томѣ многочисленныя ошибки, допущенныя Висковатовымъ и буквально повторенныя въ изданіи техническаго комитета, совершенно неудобно, такъ какъ тогда разобраться въ этомъ трудѣ не будетъ уже никакой возможности. Исправленіе этого изданія должно быть выполнено отнюдь не частнымъ лицомъ, а только спеціальною для этого коммиссіею, и не кѣмъ другимъ, какъ казеннымъ учрежденіемъ, подъ наблюденіемъ компетентныхъ лицъ. Изданіе, подобное «Историческому описанію», какъ необходимый справочникъ для войскъ, должно быть изданіемъ оффиціальнымъ; только тогда къ нему можно будетъ отнестись съ довѣріемъ. Отъ изданія частнаго лица, гдѣ на первомъ планѣ соблюдается матеріальный расчетъ, врядъ ли можно ожидать добросовѣстнаго отношенія къ такому важному дѣлу.

Поэтому желательно, чтобы военное вѣдомство приняло на себя переизданіе этого труда и, пользуясь 40 томами Висковатова, какъ остовомъ, создало бы дѣйствительно полезное пособіе для полковыхъ историковъ, а не довольствовалось бы выпускомъ въ свѣтъ частными предпринимателями этого труда въ томъ видѣ, въ какомъ онъ печатается въ настоящее время.

П—скій.

---

[1]) Эти свѣдѣнія сообщены В. Федоровымъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1901 г., № 229.

Кавказъ и его герои. Въ двухъ книгахъ. Составилъ И. Н. Захарьинъ (Якунинъ). Спб. 1901.

Эта объемистая и интересная книга составлена очень старательно: въ нее вошло нѣсколько статей, написанныхъ составителемъ книги ранѣе и помѣщенныхъ въ журналахъ — въ «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Старинѣ»; между прочимъ, въ книгу вошли и тѣ статьи г. Захарьина о Черноморскомъ побережьѣ и о Ткварчельскихъ каменноугольныхъ копяхъ, что были напечатаны въ минувшемъ году въ «Историческомъ Вѣстникѣ», имѣющія теперь особенный интересъ, въ виду той кипучей дѣятельности, которая происходитъ въ настоящее время въ Сочи, въ Гаграхъ и далѣе, по всему кавказскому побережью, которому предсказываютъ въ недалекомъ будущемъ роль русской Ривьеры. Въ статьяхъ «Черноморское побережье Кавказа», «Русская Ривьера» и «Сѣрные источники близъ Сочи» читатели найдутъ самыя подробныя и точныя свѣдѣнія объ устроеніи этого побережья нынѣшнимъ министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ и о тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя осуществляются тамъ съ цѣлью заселенія береговой полосы.

Свою книгу г. Захарьинъ раздѣлилъ на двѣ части: въ первую вошли «святыни, богатства и народы» Кавказа, во второй же части передъ читателемъ проходятъ его «герои»: тутъ есть и наши—Ермоловъ, Котляровскій, Власовъ, Якубовичъ (извѣстный декабристъ), Пассекъ, Слѣпцовъ и много другихъ; есть и герои противной стороны: знаменитый Хаджи-Муратъ, Кази-Мулла, Казбичъ и, наконецъ, Шамиль, которымъ и заканчивается кавказскій циклъ героевъ. Составитель книги совершенно вѣрно говоритъ въ своемъ предисловіи, что «для русскихъ военныхъ людей Кавказъ былъ школою, гдѣ воспитывались и закалялись военные таланты, а равно и характеры многихъ даровитыхъ людей, посвятившихъ себя военному дѣлу»,—и въ его книгѣ, какъ въ калейдоскопѣ, проходятъ предъ нами эти чудо-богатыри, начиная съ А. П. Ермолова и кончая простымъ рядовымъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка Архипомъ Осиповымъ, взорвавшимъ на воздухъ себя и Михайловское укрѣпленіе, взятое горцами.

«Въ настоящее время, говоритъ г. Захарьинъ, Кавказъ замиренъ, и лишь совершающіеся въ этомъ краѣ время отъ времени разбои, убійства и грабежи напоминаютъ намъ о характерѣ хищныхъ и буйныхъ племенъ, населяющихъ его. Къ сожалѣнію, лучи свѣта, науки и цивилизаціи еще не проникли въ аулы горцевъ, расположенные въ дикихъ ущельяхъ мѣстныхъ горъ и скалъ. Религіозный фанатизмъ стоитъ въ этомъ случаѣ непреодолимою твердынею противъ русскихъ цивилизаторовъ и миссіонеровъ; но это вопросъ лишь времени, и тьма все-таки должна будетъ уступить свѣту; и тогда, конечно, не придется пожалѣть о тѣхъ жертвахъ и затратахъ, которыхъ стоитъ намъ этотъ богатѣйшій край, эта Колхида съ ея древними православными святынями и съ ея золотымъ руномъ—пальмовыми, орѣховыми, дубовыми и краснаго и каштановаго дерева лѣсами, въ которыхъ еще держатся рѣдкостные экземпляры зубровъ, барсовъ, туровъ, медвѣдей, кабановъ и множество иныхъ звѣрей и птицъ; съ табунами прекрасныхъ породъ лошадей, богатѣйшими садами, виноградни

ками, пчельниками и тутовымъ деревомъ, дающими прекрасные фрукты и медъ, вино и шелкъ; съ неисчерпаемыми богатствами, лежащими въ нѣдрахъ земли—съ этими многомилліонными, по цѣнности, фонтанами нефти, съ цѣлебными минеральными водами, съ серебряными, мѣдными и желѣзными рудами, съ богатѣйшими пластами алебастра, мрамора и лишь недавно открытыми каменноугольными копями—со всѣми этими щедрыми дарами природы, ожидающими лишь предпріимчивыхъ, знающихъ и трудолюбивыхъ людей для своей эксплоатаціи»...

Книга г. Захарьина даетъ весьма подробное и прекрасно составленное описаніе всѣхъ этихъ богатствъ теперешняго Кавказа и издана очень хорошо, заключая въ себѣ 30 печатныхъ листовъ и нѣсколько прекрасно исполненныхъ портретовъ.

В—нъ.

И. Божеряновъ. Невскій проспектъ. 1703—1903. Культурно-историческій очеркъ жизни Петербурга за два вѣка. Юбилейное изданіе А. И. Вильборга. Томъ I. Выпускъ I. Спб. 1902.

Это роскошное изданіе предпринято въ виду наступающаго двухсотлѣтія Петербурга. Оно будетъ выходить выпусками и составитъ два большихъ тома, въ размѣрѣ 60 печатныхъ листовъ, съ 600 иллюстраціями и 30 приложеніями на отдѣльныхъ листахъ, исполненными автотипіею, фотогравюрою, фототипіею и хромолитографіею. Текстъ принадлежитъ И. И. Божерянову, извѣстному знатоку петербургской старины. Вышедшій теперь первый выпускъ «Невскаго проспекта» обнимаетъ время отъ основанія Петербурга до воцаренія императрицы Елисаветы Петровны. Содержаніе его гораздо шире, нежели обѣщаетъ заглавіе. Г. Божеряновъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за развитіемъ Петербурга, перечисляетъ мѣры, предпринявшіяся къ его благоустройству, рисуетъ жизнь при дворѣ и въ обществѣ, приводитъ выдающіяся событія и т. д., однимъ словомъ, даетъ широкую, бытовую картину нравовъ и обычаевъ того времени. Въ первомъ выпускѣ болѣе 200 портретовъ, видовъ, бытовыхъ сценъ, снимковъ и другихъ иллюстрацій, воспроизведенныхъ съ рѣдчайшихъ оригиналовъ и частью появляющихся въ первый разъ. Всѣ они исполнены художественно, и изданіе г. Вильборга ни въ чемъ не уступаетъ лучшимъ заграничнымъ иллюстрированнымъ изданіямъ. Мы увѣрены, что «Невскій проспектъ» очень скоро потребуетъ втораго изданія, и потому позволяемъ себѣ указать на нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ него.

Существуютъ достовѣрные портреты Меншикова, напримѣръ, гравированный съ натуры, въ 1697 г., въ бытность его въ Лондонѣ, и повторенный въ Россіи граверомъ Аѳанасьевымъ; или современный ему портретъ масляными красками, находящійся въ Эрмитажѣ (фотографія съ него въ «Альбомѣ», изданномъ Лушевымъ). Для чего же понадобилось воспроизводить, вмѣсто нихъ, вымышленный портретъ, приложенный къ плохой нѣмецкой книжкѣ? Не менѣе фантастиченъ и портретъ шута Балакирева, воспроизведенный съ литографіи позднѣйшаго времени. Напрасно также помѣщена копія съ плохого рисунка Шарлеманя: «Императрица Анна Іоанновна принимаетъ самодержавіе», сдѣлан-

наго имъ для Генкелевскаго «Сѣвернаго Сіянія». Помимо невѣрности всей обстановки, на немъ, вмѣсто толстой и некрасивой Анны Іоанновны, изображена худенькая и молоденькая барышня, въ горностаевой мантіи, надѣтой на изнанку. Въ текстѣ г. Божеряновъ разсказываетъ, между прочимъ, со словъ Кампредона, о пропажѣ у ювелира Рокентина аграфа императрицы Екатерины I стоимостью въ 300.000 рублей. Этотъ бриллiантовый аграфъ былъ заказанъ Рокентину Меншиковымъ, намѣревавшимся поднести его императрицѣ въ подарокъ ко дню коронаціи, и цѣнился въ 100.000 рублей. Любопытныя подробности объ этой пропажѣ разсказаны Берхольцемъ въ IV части его «Дневника». Разсказъ о восшествіи на престолъ Анны Іоанновны г. Божеряновъ заимствуетъ изъ донесенія англійскаго резидента Рондо, ошибочно считая его наиболѣе достовѣрнымъ. Самое точное и подробное описаніе этого событія можно найти въ докторской диссертаціи профессора Корсакова «Воцареніе императрицы Анны Іоанновны», написанной по архивнымъ матеріаламъ и напечатанной въ 1880 году.

Эти въ сущности незначительныя неточности нисколько не уменьшаютъ достоинства труда г. Божерянова, который является цѣннымъ вкладомъ и въ нашу исторіографію, и въ нашу иконографію. **С. Ш.**

Византійскій Временникъ, издаваемый императорской академіей наукъ, подъ редакціей В. Э. Регеля. Томъ VIII. Вып. 1—2. Спб. 1901.

Отмѣченный томъ «Византійскаго Временника» состоитъ изъ трехъ отдѣловъ, изъ коихъ въ первомъ помѣщены изслѣдованія и матеріалы, во второмъ критика и библіографія, а въ третьемъ—мелкія извѣстія и замѣтки.

Въ первомъ отдѣлѣ напечатаны слѣдующія статьи:

1. Б. Меліоранскій: Изъ семейной исторіи аморійской династіи (стр. 1—37). Аморійская династія, какъ извѣстно, царствовала въ Византіи въ IX вѣкѣ (820—867 г.) и имѣла своими представителями на византійскомъ престолѣ трехъ императоровъ: Михаила II Косноязычнаго, Θеофила и Михаила III. Г. Меліоранскій въ своей статьѣ касается одного запутаннаго вопроса изъ семейной исторіи этой династіи, именно о супругѣ императора Михаила II, царицѣ Евфросинѣ, пытается разъяснить разнорѣчія о ней византійскихъ хроникъ IX—XII вѣковъ и установить ихъ генеалогію съ точки зрѣнія указаннаго вопроса.

2. С. Шестаковъ: Византійскій типъ Домостроя и черты сходства его съ Домостроемъ Сильвестра (стр. 38—63). Въ настоящей статьѣ сопоставляется русскій Домострой съ одной византійской его редакціей, изданной знаменитымъ нашимъ ученымъ В. Г. Васильевскимъ въ такъ называемомъ «Стратигикѣ» Кекавмена, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Назидательное слово къ царю». Подвергнувъ анализу содержаніе этой статьи, г. Шестаковъ находитъ въ ней немало мотивовъ и воззрѣній, сходныхъ съ мыслями русскаго Домостроя. Разумѣется, это еще не даетъ права говорить о какомъ нибудь

вліяніи византійскаго трактата на русскій Домострой. Важно, прежде всего, констатировать продолженіе существованія въ греческой письменности византійской эпохи того литературнаго жанра, основные элементы коего можно прослѣдить въ ней въ глубь вѣковъ до VII столѣтія до Рождества Христова (Гесіодъ). Подъ вліяніемъ новой религіи, кореннымъ образомъ преобразовавшей общественную этику, и новыхъ культурныхъ условій, этотъ жанръ явился потомъ въ совершенно измѣненномъ видѣ, осложненномъ рядомъ новыхъ мотивовъ. Но та же религія и та же культура изъ Византіи вліяла и на нашу общественную жизнь, нашу культуру и литературу. Это отразилось, въ частности, и на литературныхъ памятникахъ, византійскихъ и русскихъ, съ характеромъ Домостроя, между коими можно находить черты сходства, какъ и показываетъ сопоставленіе трактата Кекавмена съ Домостроемъ Сильвестра. Но какъ далеко восходитъ назадъ основа русскаго Домостроя въ характерныхъ его чертахъ,— это опредѣлить пока невозможно; во всякомъ случаѣ связь его съ византійскими памятниками болѣе значительна и жива, чѣмъ съ аналогичными литературными типами западнаго происхожденія.

3. Н. Адонцъ: «Начальная исторія Арменіи» у Себеоса въ ея отношеніяхъ къ трудамъ Моисея Хоренскаго и Фауста Византійскаго (стр. 64—105). Статья имѣетъ спеціальный характеръ и написана по поводу брошюры С. Малхасяна о томъ же предметѣ.

4. Д. Ѳ. Кобеко: Топографическія указанія Бесѣды о святыняхъ Царяграда (стр. 106—114). Въ 1890 году покойный академикъ Л. Н. Майковъ издалъ дотолѣ неизвѣстный въ печати памятникъ старинной русской литературы, которому, за недостаткомъ заглавія въ рукописяхъ, далъ названіе «Бесѣды о святыняхъ и другихъ достопамятностяхъ Царяграда». Г. Кобеко подвергъ этотъ памятникъ тщательному разсмотрѣнію и высказался довольно опредѣленно о происхожденіи и значеніи его. Сужденія почтеннаго автора возбудили нѣкоторыя недоумѣнія и сомнѣнія въ другихъ ученыхъ, преимущественно относительно достовѣрности топографическихъ указаній «Бесѣды». Въ настоящей статьѣ г. Кобеко еще разъ обращается къ топографическому матеріалу этого памятника и новыми соображеніями подкрѣпляетъ справедливость своихъ прежнихъ выводовъ.

5. В. К. Эрнштедтъ: «Реченія Эзопа» въ Москвѣ и Дрезденѣ (стр. 115—130). Рѣчь идетъ о рукописномъ греческомъ сборникѣ пословицъ Эзопа, часть коего находится въ Московской синодальной библіотекѣ, а другая часть, вѣроятно, чрезъ посредство извѣстнаго профессора Маттеи, попала въ королевскую публичную библіотеку въ Дрезденѣ. Московская половина «реченій Эзопа» издана въ печати въ 1900 году знаменитымъ нѣмецкимъ византологомъ, профессоромъ Мюнхенскаго университета, Карломъ Крумбахеромъ, а дрезденская часть, ускользнувшая отъ вниманія нѣмецкаго ученаго, и издана профессоромъ Эрнштедтомъ въ разсматриваемой статьѣ съ необходимыми комментаріями.

Во второмъ отдѣлѣ, кромѣ критическихъ статей о шести иностранныхъ книгахъ византологическаго содержанія (стр. 131—192), помѣщена весьма богатая и разнообразная библіографія по византологіи, съ тщательнымъ обзо-

ромъ новѣйшей литературы, вышедшей въ Россіи, Германіи, Франціи, Италіи, Англіи, Голландіи, Швеціи, Финляндіи, Греціи и Турціи (стр. 192—302). Интересующіеся византологіей найдутъ въ этомъ отдѣлѣ весьма полезныя свѣдѣнія и указанія для своихъ занятій, какой бы стороны предмета они ни касались.

Въ отдѣлѣ мелкихъ извѣстій и замѣтокъ (стр. 303—356) сообщается о дѣятельности русскаго археологическаго института въ Константинополѣ за 1899 и 1900 годы, о международномъ конгрессѣ по исторіи религій въ Парижѣ, о докладахъ, читанныхъ на засѣданіяхъ различныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій русскихъ и иностранныхъ и о нѣкоторыхъ новостяхъ въ области византологической дѣятельности, а также помѣщены некрологи казанскаго профессора Д. Ѳ. Бѣляева († 10 марта 1901 г.) и греческаго писателя Стаматіадиса. Такимъ образомъ, и этотъ отдѣлъ составленъ очень интересно.

Σ.

Исторія человѣчества. Всемірная исторія. Первый томъ подъ общей редакціей Ганса Гельмольта. Спб. 1902.

Въ послѣднее время сдѣлалась довольно популярной идея построенія исторіи на антропо-географическихъ началахъ. Попытка примѣненія этой идеи сдѣлана кружкомъ нѣмецкихъ ученыхъ во главѣ съ Гельмольтомъ, а честь популяризаціи этой идеи, благодаря увлекательной, оригинальной ея разработкѣ, принадлежитъ знаменитому антропо-географу Фридриху Ратцелю.

Превосходно изданный по-русски первый томъ этого обширнаго труда заключаетъ въ себѣ общее введеніе, исторію доисторическаго періода, исторію Америки и Тихій океанъ. Любопытно примѣненіе Гельмольтомъ метода Ратцеля ко всемірной исторіи.

Гельмольту необходимо было выработать такой планъ, который давалъ бы возможность представить цѣликомъ исторію всего человѣчества. Для этого въ основу своего построенія онъ положилъ этнографо-географическую точку зрѣнія, излагая «Всемірную исторію» по обширнымъ этнографическимъ районамъ. Къ особенностямъ и достоинствамъ предпринятаго труда (въ нѣмецкомъ оригиналѣ вышелъ пока первый томъ изъ предполагаемыхъ восьми), несомнѣнно, слѣдуетъ отнести то, что здѣсь намѣренно устраняется, и до сихъ поръ еще дѣлаемая историками, попытка провесть грань между этнологіей и исторической наукой, исключивъ изъ исторіи этнологію. Еще и до сихъ поръ приходится встрѣчаться съ такимъ устарѣлымъ взглядомъ, по которому «Исторія» ограничивается лишь опредѣленнымъ числомъ народовъ—«историческихъ». Этимъ народамъ противополагаются народы «неисторическіе», мѣсто которыхъ въ этнографіи только, а не въ исторіи. Противъ такого узкаго взгляда и составлена программа «Всемірной исторіи» Гельмольта. Ставя себѣ задачей изложить эволюцію всего человѣчества, въ связи съ естественными условіями, среди которыхъ эволюція совершилась, программа этого новаго труда заключаетъ въ себѣ не только «историческіе» народы, но и дикія, полукультурныя племена.

Исходнымъ пунктомъ, какъ выражается издатель, принята Америка, такъ какъ ея обитатели, по словамъ Ратцеля, «среди всѣхъ народовъ, стоящихъ на одинаковой ступени культурнаго развитія, стоятъ наиболѣе близко къ тѣмъ, которые живутъ къ западу отъ нихъ». «Она является восточной частью тихо-океанской области и одновременно востокомъ для населенной земли». Изъ программы видно, далѣе, что въ этомъ новомъ трудѣ впервые дается оцѣнка значенія океановъ. Планъ всего изданія, состоящаго изъ 8 томовъ, слѣдующій: въ первомъ томѣ помѣщено 6 статей: 1) «Понятіе о всемірной исторіи», 2) «Основныя понятія объ эволюціи человѣчества», 3) «Человѣчество, какъ жизненное явленіе земли», 4) «Первобытная исторія человѣчества», 5) «Исторія Америки» и 6) «Историческое значеніе Тихаго океана». Второй томъ охватываетъ собою Океанію, Восточную Азію, Индѣйскій океанъ; III—Западную Азію, Африку; IV—народы Средиземнаго моря; V—юго-восточную Европу, славянство; VI—исторію германцевъ и народовъ романскаго происхожденія; VII—Исторію Западной Европы до 1800 года и VIII томъ представитъ западную исторію въ XIX столѣтіи и Атлантическій океанъ.

Открывается «Всемірная исторія» вступительной статьей Гельмольта «Предметъ и задачи всемірной исторіи». Авторъ высказываетъ въ ней довольно избитыя положенія. Онъ начинаетъ съ того, что опредѣляетъ всемірную исторію, какъ исторію развитія всего человѣчества, требуетъ непремѣнно для историка знакомства съ методами изслѣдованія этнологіи, психологіи и физіологіи. Только изъ знакомства съ жизнью всѣхъ народовъ, говоритъ онъ, можетъ быть почерпнуто знаніе взаимной связи явленій во всемірной исторіи. Онъ требуетъ отъ всемірной исторіи нейтральности, ставитъ выше знаніе, основанное на фактахъ, чѣмъ любое умозрѣніе, и рѣшительно отвергаетъ телеологическую точку зрѣнія. «Желательно, чтобы историкъ»,—говоритъ авторъ,—«былъ независимъ во всѣхъ отношеніяхъ, а слѣдовательно и по отношенію къ самому себѣ», и міросозерцаніе, справедливое лишь отчасти, не должно вліять на самый трудъ по всеобщей исторіи. Авторъ высказывается и противъ ученія о необходимости, какъ разбитой теоріи, говоря, что монистическое міросозерцаніе на практикѣ непримѣнимо. Не раздѣляетъ онъ и «лжемудрости» тѣхъ матеріалистовъ, которые, «не упоминая ни одного имени», пишутъ теорію. Отрицая историческую необходимость, Гельмольтъ выдвигаетъ значеніе для историка времени, среды, обстановки, утверждая, что «въ цѣпи взаимныхъ вліяній ни одного звена не можетъ быть опущено», что прошлое коренится въ предшествовавшемъ, а, слѣдовательно, доисторическій періодъ долженъ быть предметомъ такого же вниманія, какъ и другіе.

Разсмотрѣвъ въ главѣ «Распредѣленіе матеріаловъ» разные способы изложенія всемірной исторіи, Гельмольтъ, руководствуясь взглядомъ этнолога на исторію, находитъ ихъ неудовлетворительными, главнымъ образомъ, потому, что всѣ теоріи игнорируютъ значеніе почвы, а между тѣмъ «два главныхъ творца исторіи—природа и человѣкъ». Исторія, по опредѣленію автора, «слагается изъ взаимодѣйствія природы и человѣка». Весь матеріалъ распредѣ-

ляется съ чисто географической точки зрѣнія, на основаніи «этнографическихъ областей» Фридриха Ратцеля. Съ такой точки зрѣнія не важны для автора, сообщества культурныя или естественныя, не имѣющія исторіи общества или высоко развитыя. Въ воздвигнутомъ зданіи всей населенной части земного шара найдется мѣсто для всѣхъ. Такова первая часть предполагаемаго труда. Вторая— будетъ состоять «въ обработкѣ матеріала съ психологической точки зрѣнія».

Статья профессора Колера очень ярко и талантливо разсматриваетъ «основныя понятія объ эволюціи и ростѣ того, что таится въ зародышѣ». Сжато даетъ понятіе знаменитый юристъ о матеріальной культурѣ, духовной, о выдѣленіи права, о соціальныхъ формахъ общественности и государственныхъ формахъ общества. Статья профессора Ратцеля представляетъ замѣчательный популярный очеркъ исторіи человѣчества, какъ жизненнаго явленія планеты въ связи съ основными положеніями антропогеографіи. Послѣдняя статья прочтется съ новымъ интересомъ: авторъ доказываетъ въ ней, что для всякой исторической силы первенствующее значеніе имѣетъ ея отношеніе къ безпрерывному процессу дифференціаціи.

Статья о доисторической жизни человѣчества принадлежитъ профессору Ранке, имя котораго хорошо извѣстно и нашей русской публикѣ по его сочиненію «Человѣкъ». Въ этой статьѣ съ одинаковой полнотою описана, какъ палеолитическая культурная исторія человѣчества, такъ и палеонтологія неолитическаго человѣка въ Европѣ.

Исторія Америки доведена до 1898 года, начиная съ картины американскихъ первобытныхъ народовъ. Можетъ быть, читатель не найдетъ здѣсь нѣкоторыхъ подробностей—путешествія Колумба, не встрѣтитъ онъ и глубокой оцѣнки личности геніальнаго мореплавателя. Но исторія путешествій съ цѣлью открытій изложена въ этой статьѣ вполнѣ достаточно.

Послѣдняя глава выясняетъ историческое значеніе Тихаго океана, который, какъ доказываетъ авторъ статьи, Вильчекъ, является сперва раздѣляющимъ элементомъ, дифференцирующимъ, а впослѣдствіи связующимъ. Въ настоящее время на Тихомъ океанѣ стоятъ другъ противъ друга два противника: желтая раса и бѣлая. «Какая бы великая роль,—говоритъ историкъ,—въ исторіи государствъ ни предназначалась материкамъ Стараго Свѣта, если только высшей задачей всемірной исторіи является единство человѣческаго рода, то рѣшеніе этой задачи надо искать въ Тихомъ океанѣ».

Переводъ вышедшаго перваго тома, исполненный подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго,—въ общемъ хорошій, но тяжеловатый, и значительно уступаетъ московскому изданію, одновременно съ этимъ изданіемъ выходящему.

К. Петровъ.

К. А. Ивановъ. Трубадуры, труверы и миннезенгеры. Спб. 1901.

Это не первое твореніе автора по средней исторіи. Авторъ издалъ цѣлый рядъ книгъ, въ которыхъ изложилъ всѣ выдающіяся явленія изъ жизни среднихъ вѣковъ. Началъ, конечно, онъ съ «систематическаго курса исторіи

среднихъ вѣковъ», а затѣмъ, не вмѣстивъ въ него въ желаемомъ количествѣ всего, авторъ даритъ обществу отдѣльныя книги, посвященныя спеціально какому нибудь одному явленію изъ жизни средневѣковаго общества. Г. Ивановъ не заботится о томъ, чтобы книга его была оригинальна, чтобы она давала что нибудь новое,—нѣтъ! При той поспѣшности, съ которой появляются его книги, этого, положимъ, и требовать нельзя.... Онъ просто компилируетъ труды другихъ и въ популярномъ изложеніи преподноситъ читателю. Способъ производства книгъ необыкновенно простъ: предисловіе—значеніе среднихъ вѣковъ въ исторіи развитія цивилизаціи, нѣсколько страницъ тому вопросу, которому назначена книга, затѣмъ большая часть книги—переводъ легендъ и сказаній, связанныхъ съ даннымъ вопросомъ.

Въ этой книгѣ г. Ивановъ не отступилъ отъ разъ начертаннаго плана. Къ сожалѣнію, въ своемъ предисловіи, говоря о значеніи среднихъ вѣковъ, онъ слишкомъ категорически заявляетъ, «что средніе вѣка сохранили для насъ античную цивилизацію и создали свою, которая стоитъ не ниже античной». Существуетъ и противоположное мнѣніе. Можетъ быть, правъ г. Ивановъ, но ограничиваться однимъ лирическимъ восклицаніемъ,если уже затронутъ этотъ вопросъ,—нельзя. Переходя далѣе, къ трубадурамъ, труверамъ и миннезенгерамъ, авторъ каждымъ посвящаетъ отдѣльный очеркъ, при чемъ этотъ очеркъ заполняется главнымъ образомъ легендами и біографіями трубадуровъ, труверовъ и миннезенгеровъ, такъ что обѣщаніе автора нарисовать внутреннюю жизнь рыцарей едва ли можно признать выполненнымъ. Положимъ, г. Ивановъ—не только историкъ, но и поэтъ. Почти всѣ переводы легендъ сдѣланы имъ. Книгу свою онъ начинаетъ страницей риторическихъ вопросовъ и совершенно забываетъ упомянуть о тѣхъ условіяхъ, которыя создали такую несложную внутреннюю жизнь рыцарей — любовь и военная слава почти цѣликомъ исчерпываютъ ея содержаніе.

Вообще же такая тенденціозная идеализація цѣлой эпохи невольно порождаетъ сомнѣніе въ серьезномъ научномъ знакомствѣ автора съ исторіей среднихъ вѣковъ.

Книга предназначается учащемуся «юношеству» и «широкой сферѣ образованнаго общества». Написана языкомъ легкимъ, довольно живо воспроизводитъ картины изъ жизни средневѣковаго общества, масса поэтическихъ переводовъ, сдѣланныхъ иногда довольно удачно, картинки (хотя и очень слабыя по исполненію)—все это дѣлаетъ книгу, дѣйствительно, пригодной для учащагося «юношества», служа пріятнымъ развлеченіемъ послѣ исторій для среднихъ учебныхъ заведеній г.г. Беллярминовыхъ и Иловайскихъ. Рекомендовать же книгу образованному обществу со стороны автора—смѣлость, запасся которой онъ, вѣроятно, изъ тѣхъ писемъ отъ читателей и читательницъ, «которыя онъ почти непрерывно получалъ въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ».

Ч—инъ.

Платформа, ея возникновеніе и развитіе. Сочиненіе Г. Джерсона. Томъ 2-й. Спб. 1901.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» было отмѣчено появленіе перваго тома этого замѣчательнаго труда въ русскомъ переводѣ. Теперь вышелъ второй и послѣдній томъ, такъ же отлично изданный и такъ же прекрасно переведенный подъ редакціей профессора В. Ѳ. Дерюжинскаго.

Второй томъ сочиненія Джерсона разсматриваетъ исторію митинговъ въ Англіи послѣ 1825 года до послѣдняго времени. Платформа сыграла крупную роль во время агитаціи по вопросу объ эмансипаціи католиковъ. До сихъ поръ платформа терпѣла стѣсненія не только отъ правительственнаго гнета, благодаря ограниченію права собраній и свободнаго выраженія мнѣній, но была слаба, благодаря отсутствію организаціи, контролирующей власти. Въ этомъ отношеніи, для выработки стройной и крѣпкой организаціи, Англія, какъ доказываетъ Джерсонъ въ первой главѣ второго тома (XIV главѣ III-й части), видѣла ирландское движеніе въ пользу эмансипаціи, и въ этомъ движеніи почерпнула для себя полезный урокъ, такъ какъ англійскому народу приходилось бороться за свою эмансипацію политическую, а ирландскому—за религіозную.

Вслѣдъ за всякимъ экономическимъ кризисомъ или послѣ народнаго движенія у сосѣдей, платформа въ Англіи начинаетъ усиленно проявляться, отличаясь болѣе рѣзкимъ и рѣшительнымъ характеромъ. Если страна поражена экономическимъ кризисомъ, результатомъ котораго являются неудовольствія и жалобы на голодъ и нищету, то платформа даетъ возможность доводить объ этихъ страданіяхъ до всеобщаго свѣдѣнія и указывать средства для облегченія положенія. Въ случаѣ же революціи въ сосѣднихъ странахъ возбужденіе передается массамъ, и результатомъ такого возбужденія является та же платформа. Вотъ почему, послѣ того какъ ирландская организація одержала блестящую побѣду, Англія ясно увидѣла силу платформы при помощи національной организаціи и дисциплинированія народныхъ массъ.

Католическая ассоціація послужила толчкомъ для агитаціи въ пользу парламентской реформы. Описаніе этой агитаціи—интереснѣйшія страницы сочиненія Джерсона. Онъ приводитъ рѣчи, отрывки изъ газетъ того времени и рисуетъ грандіозные митинги, проходившіе совершенно спокойно, хотя на нихъ, въ большинствѣ случаевъ, не было ни военной ни полицейской, ни судебной власти. Передъ обсужденіемъ билля о реформѣ Англія съ величайшимъ энтузіазмомъ и необыкновеннымъ единодушіемъ ожидала рѣшенія этого вопроса, а въ день обсужденія билля возбужденіе общества достигло наивысшей своей точки.

«Всѣ бросили свои обычныя занятія, какъ въ праздничный день, и озабоченность проявлялась какъ на всѣхъ лицахъ, такъ и во всѣхъ словахъ и поступкахъ. Повседневныя дѣла и интересы были забыты, и общее настроеніе какъ бы выражалось словами: подождемъ до завтра, нынѣшній день проведемъ, какъ придется; все равно мы не въ состояніи ни думать, ни заниматься дѣломъ, пока не узнаемъ объ окончательной судьбѣ билля о реформѣ». 7-го іюня по-

бѣда была одержана, въ г. Бирмингамѣ собрался митингъ въ 50 тысячъ человѣкъ, и прежде всего молитвою благодарили Бога «за торжество праваго дѣла».

Важнѣйшимъ результатомъ движенія въ пользу реформы было то, что министры, вожди политическихъ партій и другіе политическіе дѣятели стали обращаться къ платформѣ, какъ къ орудію политической и партійной борьбы. Сила платформы сказалась въ другомъ крупномъ движеніи—агитаціи чартистовъ, а также агитаціи противъ хлѣбныхъ законовъ.

Послѣ 1848 г. до 1865 года платформа мирно прогрессировала, не совершая ни одного значительнаго движенія. Все чаще выступали премьеры, члены настоящихъ и прошлыхъ кабинетовъ, все большее вліяніе оказывала платформа на палату. Одна изъ значительнѣйшихъ агитацій въ послѣднее тридцатилѣтіе XIX вѣка была вызвана турецкими звѣрствами. Здѣсь выразилась новая сторона сферы платформы: вступленіе на путь иностранной политики. До сихъ поръ ея дѣятельность касалась только внутренней политики страны, теперь она опредѣленно выразила намѣреніе воздѣйствовать на ходъ иностранной политики.

Заканчиваетъ Джерсонъ свой трудъ упованіями «на будущую судьбу этого великаго народа», на нее онъ смотритъ «съ полнымъ спокойствіемъ и твердой вѣрою», принимая во вниманіе «благородныя свойства англійскаго народа».

К. П. А—чъ.

Тардъ. Соціальная логика. Перевелъ съ французскаго М. Цейтлинъ. Спб. 1901.

Новое сочиненіе извѣстнаго французскаго соціолога представляетъ продолженіе и дополненіе того очерка общей соціологіи, который былъ выпущенъ авторомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ подъ названіемъ «Законы подражанія». На этотъ разъ Тардъ ставитъ цѣлью изученіе процесса образованія отдѣльныхъ соціальныхъ явленій. Мы можемъ, конечно, только въ краткихъ словахъ указать на содержаніе поучительной и обильной оригинальными мыслями книги французскаго мыслителя. Она раздѣляется на двѣ части. Первая—разсматриваетъ общіе принципы образованія различныхъ явленій; вторая—практическія примѣненія этихъ принциповъ. Индивидуальная логика, соціальный умъ, законы изобрѣтенія и извѣстная историческая послѣдовательность логическихъ состояній опредѣляютъ, по мнѣнію автора, языкъ, религію, сердце (т. е. совокупность чувствъ), экономическія отношенія, искусство. Вся соціальная жизнь разсматривается Тардомъ, какъ мѣняющееся распредѣленіе опредѣленнаго количества вѣрованія и желанія по различнымъ каналамъ языка, религіи, науки, промышленности, права и т. д. Результатомъ этого распредѣленія являются логика и телеологія. Такимъ образомъ реальныя отношенія представляютъ только видимыя выраженія соотвѣтствующихъ психологическихъ состояній. Проводя послѣдовательно свою точку зрѣнія, Тардъ даетъ, напримѣръ, слѣдующее опредѣленіе цѣнности: «цѣнность обозначаетъ результатъ столкновенія между двумя или нѣсколькими, сознательными или безсознательными, телеологическими силлогизмами, въ

каждомъ изъ которыхъ большою посылкою служитъ испытываемая потребность, малою—сужденіе относительно средства ея удовлетворенія, а заключеніемъ—обязанность пріобрѣсти или сохранить это средство».

Равновѣсіе общества представляется французскому мыслителю равновѣсіемъ вѣрованій, интересовъ и самолюбій опредѣленной группы людей; борьба духовной и свѣтской власти по поводу инвеститупы духовенства рисуется имъ какъ результатъ логическаго противорѣчія, и т. п. Ясно, что взглядъ на историческое движеніе, какъ на логическій процессъ, едва ли можетъ быть признанъ правильнымъ при современномъ состояніи соціальной науки; тѣмъ не менѣе трудъ Тарда содержитъ столько цѣнныхъ мыслей и возбуждаетъ такъ много вопросовъ, что заслуживаетъ вниманія всѣхъ интересующихся выясненіемъ процесса образованія соціальныхъ явленій. Книга проникнута живою любовью къ человѣчеству и стремленіемъ къ освобожденію личности отъ тѣхъ путъ, которыя накладываетъ на нее несовершенство современнаго соціальнаго строя—«если не наукѣ, а философіи, не утилитарной, а идеалистической морали доведется, ради вящаго умиротворенія людей, когда нибудь въ будущемъ замѣнить собой катехизисы и своды законовъ, то теперь можно, по крайней мѣрѣ, предвидѣть, что основнымъ характеромъ этой философіи явится отсутствіе противорѣчія между ней и какимъ бы то ни было ощущеніемъ, какой бы то ни было увѣренностью, т. е. чьимъ бы то ни было высоко-индивидуальнымъ вѣрованіемъ, и что эта мораль не станетъ прямо противиться удовлетворенію какого бы то ни было основного интереса»,—заканчиваетъ авторъ одну изъ главъ своей книги.

Внѣшній видъ изданія весьма приличенъ, и переводъ М. Цейтлина сдѣланъ вполнѣ удовлетворительно. **Н. О.**

Лѣтопись занятій археографической комиссіи за 1895—1899 годы Выпускъ XII. Тоже за 1900 годъ. Выпускъ XIII. Спб. 1901.

Скоро минетъ уже 70 лѣтъ, какъ дѣйствуетъ въ Петербургѣ археографическая комиссія министерства народнаго просвѣщенія. Ея дѣятельность по изданію историческихъ памятниковъ, конечно, хорошо извѣстна всѣмъ занимающимся и интересующимся русской исторіей. Особенно она возросла за послѣдніе годы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно привести ея изданія, хотя бы напечатанныя и печатающіяся въ 1901 году. Помимо трехъ выпусковъ «Лѣтописи занятій археографической комиссіи», въ этомъ году вышли въ свѣтъ: «Великія Минеи-Четіи», вып. IX и X, «Указатель къ актамъ юридическимъ Н. В. Калачова», «Полное собраніе русскихъ лѣтописей», т. XII, и др., и печатаются: «Полное собраніе русскихъ лѣтописей», т. II (Ипатьевская лѣтопись); тоже, т. XIII (Никоновская лѣтопись); тоже, т. XVII (Западно-русскія лѣтописи); Сибирскія лѣтописи; Новгородскія писцовыя книги, т. V; «Устюжскіе акты» (кн. III); «Письма іезуитовъ», «Памятники полемической литературы Западной Руси», кн. III; «Литовская метрика», т. I; «Указатель къ полному собранію русскихъ лѣтописей», отд. II (имена географическія);

«Донскія дѣла», т. II; «Дѣла тайнаго приказа» и др. Расходъ комиссіи по изданіямъ, конечно, растетъ, — за послѣдніе годы колеблется отъ 8.000 до 14.000 рублей,—но министерство народнаго просвѣщенія, невзирая на столь плодотворную ея дѣятельность, до сихъ поръ еще не озаботилось увеличеніемъ штатовъ комиссіи. Есть слухи, что новый ея предсѣдатель, графъ С. Д. Шереметевъ, намѣренъ добиться желаннаго увеличенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ принимаются мѣры къ пріобрѣтенію новаго помѣщенія для комиссіи, которая теперь ютится въ двухъ небольшихъ комнаткахъ на дворѣ зданія министерства народнаго просвѣщенія. Перемѣна этого помѣщенія тѣмъ болѣе необходима, что въ двухъ комнаткахъ не можетъ умѣщаться все болѣе и болѣе увеличивающаяся библіотека комиссіи, и что при нихъ для храненія ея изданій имѣются лишь подвалы. А что это за чудныя хранилища, скажемъ словами сотрудника комиссіи С. А. Адріанова: «Около 10.000 томовъ изданій комиссіи находилось до конца 1896 г. въ лѣвой подвальной кладовой. Доступъ въ нее довольно затруднителенъ, такъ какъ приходится сначала итти по темному подвальному переходу, заполненному старыми метлами, сломанными станками и еще какими-то предметами, которыхъ въ темнотѣ нельзя разглядѣть. Изъ этого перехода попадаешь въ довольно обширный курятникъ со смраднымъ воздухомъ и покрытый нечистотами. Изъ курятника двѣ двери ведутъ: одна—въ правую подвальную кладовую, другая—въ лѣвую. Лѣвая кладовая представляетъ помѣщеніе, совершенно не приспособленное для книжнаго склада. Это—обширный подвалъ со спертымъ, пропитаннымъ сыростью и подземными испареніями, промозглымъ воздухомъ. Сырость настолько велика, что штукатурка на стѣнахъ и сводахъ вся полопалась и частью поотвалилась, а оставшіеся куски штукатурки обрываются и падаютъ при легкомъ прикосновеніи. Повсюду, особенно въ углахъ и на нижнихъ полкахъ, видны обширныя пространства, покрытыя плѣсенью... Книги, которыя находятся на нижнихъ полкахъ, зарастаютъ плѣсенью, а всѣ вообще сильно разбухаютъ отъ сырости, и иногда верхнія обложки отклеиваются. Кромѣ того, стоя на мѣстѣ десятками лѣтъ, книги покрываются такимъ толстымъ слоемъ пыли, что нельзя разобрать не только того, что̀ напечатано на обложкѣ, но иногда и самаго цвѣта ея»... Въ результатѣ получилось, что «всѣ почти книги лѣвой кладовой въ бо̀льшей или меньшей степени пострадали... Нѣсколько десятковъ томовъ пришлось выбросить, такъ какъ онѣ превратились въ сплошную массу, разъѣденную плѣсенью, а изъ остального количества экземпляровъ весьма многіе нуждаются въ капитальной подправкѣ»... Нѣсколько удобнѣе правая кладовая, гдѣ хранится и сейчасъ болѣе 6.000 томовъ, но и въ ней много недостатковъ: «окно изъ нея выходитъ на улицу и находится на уровнѣ панели, а потому въ кладовую проникаетъ много пыли, которая и осаждается на изданіяхъ. Сметать эту пыль совершенно безполезно, такъ какъ черезъ недѣлю вся кладовая снова оказывается загрязненною»... (См. «Извлеченія изъ протоколовъ», май и сентябрь 1896 г., стр. 62, 63, 70 и 71, вып. XII).

Сколько же, спрашивается, погибло и продолжаетъ еще гибнуть десятковъ тысячъ рублей въ этихъ «чудныхъ хранилищахъ»!

«Лѣтописи» занятій комиссіи стали издаваться съ 1861 г.,—раньше протоколы ея печатались въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»,—

и до 1901 г. ихъ вышло всего 10 выпусковъ или книгъ. Въ засѣданіи 12-го декабря 1900 г. комиссія рѣшила сдѣлать «Лѣтопись занятій» ежегоднымъ изданіемъ, и къ прежней ея программѣ, въ которую входили: 1) обработка матеріаловъ, изданныхъ комиссіею, и самостоятельныя статьи историческаго или юридическаго содержанія; 2) матеріалы, которые не могутъ войти въ составъ изданій, предпринятыхъ комиссіею; 3) описаніе рукописей и актовъ, хранящихся въ ней; 4) указатель матеріаловъ по русской исторіи и русскому праву, разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ; 5) протоколы засѣданій и 6) отчеты о продажѣ изданій комиссіи, о денежныхъ суммахъ,—прибавлены списки библіотечнаго приращенія, біографіи и портреты дѣятелей комиссіи.

Обращаясь теперь къ содержанію разсматриваемыхъ выпусковъ «Лѣтописи», мы прежде всего укажемъ на нѣкоторыя «записки» гг. членовъ и ихъ «воспоминанія» объ умершихъ сочленахъ, помѣщенныя въ «извлеченіяхъ изъ протоколовъ». Изъ записокъ этихъ наибольшее историческое и историко-археографическое значеніе имѣютъ слѣдующія: 1) С. А. Бершадскаго—о содержаніи 62-хъ книгъ литовской метрики, за время отъ 1510 по 1588 гг., изъ которыхъ одна половина состоитъ изъ рѣшеній великаго князя, а другая изъ судебныхъ рѣшеній: земскаго маршалка, виленскаго, витебскаго, полоцкаго, берестейскаго и кобринскаго замковыхъ судовъ, шести магдебургій и проч.,—представляющихъ богатый матеріалъ какъ для знакомства съ интересами и нуждами всего государства, такъ и съ различными мѣстными особенностями; 2) А. Н. Барсуко а—о рукописяхъ, хранящихся въ архивѣ пензенскаго дворянскаго депутатскаго собранія и заключающихъ въ себѣ десятни Пензенской губерніи, не имѣющіяся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи; 3) В. Г. Дружинина — о документахъ, хранящихся въ архивѣ главнаго управленія казачьихъ войскъ въ С.-Петербургѣ и касающихся исторіи и быта донского казачьяго войска съ полнымъ ихъ перечнемъ; 4) С. А. Бѣлокурова—о документахъ приказа тайныхъ дѣлъ, найденныхъ имъ въ государственномъ архивѣ. Документы эти слѣдующіе: «Опись дѣлъ приказа тайныхъ дѣлъ», составленная въ 1676 г.; «Дѣло 1676—1683 гг. о посылкѣ документовъ приказа тайныхъ дѣлъ въ другіе приказы»; «Записки отпускамъ и книги о всякихъ дѣлахъ приказа тайныхъ дѣлъ» и «Дневальныя записки», веденныя въ приказѣ за время съ 1662 по 1673 годъ; 5) г. Прокоповича—о памятникахъ сибирской исторіи XVIII в., открытыхъ имъ въ моско скомъ отдѣленіи архива главнаго штаба и касающихся также общей исторіи Россіи, съ подробною описью, и 6) А. А. Шахматова—объ Ипатьевской лѣтописи и о западно-русскихъ лѣтописяхъ.

«Воспоминанія» же, правда, очень краткія, посвящены Н. И. Саввантову (А. Ѳ. Бычкова), А. И. Тимоѳееву, А. Ст. Попову (А. Ѳ. Бычкова), А. А. Кунику (его же), А. Ѳ. Бычкову (Л. Н. Майкова), В. Г. Васильевскому (С. Ѳ. Платонова) и Л. Н. Майкову (Н. А. Гильтебрандта).

Слѣдующій отдѣлъ: изслѣдованія и матеріалы, составляютъ: въ XII выпускѣ извѣстная уже по многимъ отзывамъ, появившимся въ прошломъ году въ печати, докторская диссертація М. А. Дьяконова—«Очерки изъ исторіи сельскаго населенія въ Московскомъ государствѣ», гдѣ говорится о крестья-

нахъ-старожильцахъ, крестьянахъ-порядчикахъ, о половникахъ поморскихъ уѣздовъ, бобыляхъ, задворныхъ людяхъ и монастырскихъ дѣтенышахъ,—и въ XIII выпускѣ—«Житіе преподобнаго Евфросина Синеезерскаго» (приготовилъ къ печати С. А. Адріановъ), «О супрасльскомъ спискѣ западно-русской лѣтописи»—А. А. Шахматова, «Описаніе документовъ собранія Ходоровича, принадлежащихъ археографической комисіи» (сост. Н. Ф. Чуриловскій), «Мелкія замѣтки къ Воскресенской лѣтописи»—А. Е. Прѣснякова, «Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ»—И. Гурлянда и «Жалованная грамота князя Юрія Лынгвеневича боярину Вороцу ноября 1455 года» (сообщ. Н. А. Гильтебрандтъ).

Изданное комиссіею «Житіе прен. Евфросина Синеезерскаго» написано въ 1650 г. инокомъ Троицкой Синеезерской пустыни, Іоною Филипповымъ Суровцынымъ, хорошо знакомымъ съ обычными литературными пріемами составителей житій и пользовавшимся разсказами современниковъ прен. Евфросина. «Житіе» по своему содержанію имѣетъ значеніе для исторіи смутнаго времени (прен. Евфросинъ былъ убитъ литовцами и казаками, напавшими на пустынь въ 1612 году) и «можетъ быть поставлено на ряду съ житіемъ прен. Иринарха Ростовскаго». Напечатано оно по рукописи конца XVIII вѣка, найденной и сообщенной комиссіи священникомъ Новгородской епархіи, Григоріемъ Яковцевскимъ.

«Лѣтописецъ Подоля» изъ Супрасльскаго монастыря, изданный еще въ 1820-хъ гг., съ рукописи 1519 г., переписанной Григоріемъ Ивановичемъ, по мнѣнію акад. А. А. Шахматова, составленъ въ срединѣ XV столѣтія и заключаетъ въ себѣ: 1) «Лѣтопись», въ которую входятъ: общерусская по характеру своему лѣтопись, составленная изъ соединенія Новгородской 1-й лѣтописи съ выборками изъ митрополичьяго свода, краткая смоленская лѣтопись и западно-русская хроника; 2) русскій переводъ Вислицкаго статута Казимира Великаго и 3) часть Кіево-печерскаго патерика.

Собраніе Ходоровича состоитъ изъ 86 документовъ; изъ нихъ западно-русскіе числомъ 45 относятся по времени написанія къ 1527—1644 годамъ и касаются бытовыхъ и юридическихъ отношеній попреимуществу обитателей «Жомонтской земли»; а остальные—польско-латинскіе—къ 1602—1776 гг. и «отличаются болѣе общественнымъ характеромъ, часто касаясь цѣлыхъ учрежденій и обширныхъ группъ населенія». Описаніе документовъ сопровождается значительными пояснительными примѣчаніями.

Наконецъ статья г. Гурлянда—«Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ», представляетъ собою «первую часть второй главы изъ подготовляемаго авторомъ спеціальнаго изслѣдованія о приказѣ тайныхъ дѣлъ». Въ ней онъ, прежде всего, пытается опредѣлить время и ходъ образованія приказа. Нѣкоторые новые документы, бывшіе у него въ разсмотрѣніи, дали ему возможность вывести слѣдующія два положенія: «во-первыхъ, приказъ развился изъ Дворцоваго приказа, путемъ выдѣленія изъ послѣдняго особой канцеляріи, которая постепенно получила весь смыслъ особаго приказа; во-вторыхъ, признаки такой особой канцеляріи замѣчаются еще въ самомъ началѣ царствованія Алексѣя Михаиловича». На основаніи этого г. Гурляндъ

утверждаетъ, что причину возникновенія тайнаго приказа слѣдуетъ искать «не въ вліяніяхъ отдѣльныхъ событій», какъ признавали ранѣе всѣ изслѣдователи, «а въ общей исторіи внутренняго управленія Московскаго государства XVII вѣка». Далѣе онъ приводитъ мнѣніе ученыхъ о дѣятельности и значеніи приказа и заканчиваетъ свою статью сообщеніемъ «свѣдѣній о каждомъ изъ тайныхъ дьяковъ». **В. Рудаковъ.**

Сборникъ императорскаго историческаго общества. Томъ сто одиннадцатый. Бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Іоанновны. Спб. 1901.

Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ бумаги кабинета министровъ за 1735 годъ. Содержаніе его чрезвычайно разнообразно, такъ какъ изъ кабинета исходили распоряженія и по самымъ крупнымъ и по самымъ мелкимъ дѣламъ. Наравнѣ съ распоряженіями, касающимися внѣшней политики, военныхъ дѣйствій, финансовъ, законодательства, внутренняго благоустройства, торговли, заготовленія провіанта, земельныхъ отношеній и т. п., встрѣчаются за подписью кабинетъ-министровъ и весьма куріозныя распоряженія. Напримѣръ, 28 апрѣля 1735 г. кабинетъ-министры пишутъ московскому военному губернатору, графу С. А. Салтыкову, слѣдующее «предложеніе»:

«Сіятельнѣйшій графъ, превосходительный генералъ и оберъ-гофмейстеръ, нашъ государь! Ея императорское величество изволила указать мартышку, которую прислалъ Лангъ и въ Москвѣ родила, прислать её и съ маленькою мартышкою ко д͏ору ея императорскаго величества въ Петербургъ. Того ради, изволите ваше сіятельство оныхъ мартышекъ всѣхъ и съ маленькою отправить, съ кѣмъ пристойно, и велѣть оныхъ мартышекъ въ пути нести всегда на рукахъ и беречь, чтобы имъ, а паче маленькой, никакого вреда не учинилось. И о семъ объявляя, пребываемъ вашего сіятельства нашего государя, покорные слуги».

Извѣстный шутъ Балакиревъ былъ страшный пьяница и подъ пьяную руку нерѣдко дебоширилъ, и вотъ, по высочайшему повелѣнію, объявляется: «съ барабаннымъ боемъ, по всѣмъ островамъ, чтобъ къ Балакиреву въ домъ никто не входилъ, и его бъ къ себѣ никто въ домъ свой не пущалъ, а ежели кто войдетъ къ нему въ домъ, или впуститъ къ себѣ, изъ знатныхъ—будетъ взятъ въ крѣпость, а горожане будутъ сосланы въ каторгу». Однако, черезъ мѣсяцъ императрица соскучилась о Балакиревѣ, и состоялось новое высочайшее повелѣніе: «къ Балакиреву въ домъ знатнымъ и всякаго чина людямъ ѣздить позволить и его, Балакирева, въ домы свои пускать безъ опасенія, токмо подъ такимъ подтвержденіемъ, ежели тѣ, пріѣзжающіе къ нему, Балакиреву, въ домъ, или онъ къ кому придетъ, и будутъ пить, и за то оные люди, какого бы кто званія ни былъ, будутъ жестоко штрафованы».

Въ бытовомъ отношеніи любопытно дѣло иркутскаго вице-губернатора Жолобова. Для изслѣдованія его беззаконныхъ дѣйствій, была учреждена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ кабинетъ-министра А. П. Волынскаго. Оказалось, что Жолобовъ бралъ взятки со всѣхъ, съ кого только могъ,

упустилъ казеннаго сбора 8.230 соболей, тайно провозилъ товары, съ крестьянъ подати собиралъ на себя, удерживалъ казацкое жалованье, китайскихъ перебѣжчиковъ, за взятки, не высылалъ за границу въ противность мирнаго договора, отбиралъ у дворянъ земли и отдавалъ своевольно пашеннымъ крестьянамъ за взятки, беззаконіемъ нажилъ 35.000 рублей, пыталъ безвинно, жегъ огнемъ и т. д. За всѣ эти преступленія Жолобову была отрублена голова.

Вообще, въ печатаемыхъ историческимъ обществомъ бумагахъ кабинетъ-министровъ заключается много интересныхъ документовъ для исторіи внутренняго состоянія Россіи въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, тѣмъ болѣе важныхъ, что это царствованіе очень мало разработано въ нашей исторической литературѣ. Сто одиннадцатый томъ сборника изданъ, въ научномъ отношеніи, безукоризненно подъ редакціей профессора Юрьевскаго университета А. Н. Филиппова. С. Ш.

З. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. Спб. 1901.

Авторъ этого очерка задался цѣлью изложить исторію присоединенія къ Россіи только восточной Грузіи, справедливо полагая, что присоединеніе Грузіи въ болѣе широкомъ смыслѣ нельзя пріурочить къ одному какому нибудь моменту, а нужно разсматривать его, «какъ серію историческихъ событій, какъ послѣдовательную утрату независимости отдѣльными грузинскими царствами и владѣніями, въ связи съ поступательнымъ движеніемъ Россіи къ Передней Азіи» (стр. 1—2).

Ограничивъ такимъ образомъ свою задачу, авторъ указываетъ и на характеръ изслѣдованія. Именно, онъ старается «обрисовать событіе въ его главныхъ очертаніяхъ, указать на нѣкоторыя условія, вызвавшія присоединеніе, и на обстановку, въ какой оно совершилось» (стр. IV). Вотъ почему онъ въ своемъ очеркѣ не останавливается особенно подробно на извѣстныхъ историческихъ фактахъ, а старается дать только, такъ сказать, общую ихъ характеристику.

Грузія, всегда находившаяся подъ воздѣйствіемъ различныхъ народовъ, въ этомъ тысячалѣтіи болѣе, чѣмъ когда либо, зависѣла отъ Передней Азіи. «Всякій разъ, когда является здѣсь какой нибудь крупный собиратель земель, когда слагается или усиливается какое нибудь мощное, хотя бы недолговѣчное политическое тѣло, Грузія оказывается или стѣсненной или порабощенной. Напротивъ, когда Передняя Азія представляетъ картину разложенія и политическаго упадка, Грузія возрождается, расцвѣтаетъ, крѣпнетъ, пока стихійный поворотъ исторіи снова не пресѣчетъ нормальнаго развитія страны» (стр. 2). XII вѣкъ, поэтому, вѣкъ разложенія сельджукскаго государства въ Персіи, совпадаетъ съ эпохой наибольшаго процвѣтанія Грузіи, съ золотымъ вѣкомъ ея исторіи, вѣкомъ Давида Возобновителя и Тамары, тогда какъ въ XIII в. она подвергается крайне опустошительному нашествію монголовъ. Въ XV вѣкѣ положеніе Грузіи еще болѣе осложняется. Съ паденіемъ Константинополя (1453 г.), слишкомъ надолго прервавшимъ общеніе Грузіи съ единовѣрными народами, она одна въ Азіи остается хранительницей православія и при томъ

среди такихъ жестокихъ и фанатичныхъ сосѣдей, какъ Турція и Персія, сосѣдей, постоянно вмѣшивавшихся въ ея дѣла и сильно угнетавшихъ ее.

Восточная Грузія находится теперь подъ вліяніемъ Персіи. Вліяніе это было очень тягостно для Грузіи, и она всячески старалась освободиться отъ него. Слиться съ Персіей, какъ того хотѣли шахи, она во всякомъ случаѣ не могла, во-первыхъ потому, что и «сама Персія не была цѣлостнымъ государствомъ, а скорѣй сложнымъ политическимъ тѣломъ, образованнымъ изъ единицъ не административнаго характера, а государственнаго» (32), а, во-вторыхъ, въ виду религіозной розни. Эта причина едва ли не главная. Персіяне, несмотря на всѣ усилія, не могли уничтожить православіе въ Грузіи. Въ самомъ большемъ случаѣ, грузинскіе цари только для виду принимали исламъ. Народъ же и въ это время ревностно относился къ православію и всячески готовъ былъ защищать его. Эти причины, создавшія только вассальное отношеніе Грузіи къ Персіи, а не полное единеніе, вызвали и то явленіе, красною нитью прорѣзывающее исторію Грузіи послѣднихъ трехъ вѣковъ, что взоры Грузіи всегда были обращены на единовѣрную Россію. Покровительство послѣдней она готова была купить цѣной вассальной зависимости. Безконечныя посольства грузинскихъ царей въ Россію въ XVI—XVII вв. всѣ имѣли въ виду эту цѣль. Какъ извѣстно, какого нибудь существеннаго результата они не имѣли. И такъ тянулось до временъ Петра Великаго. Только теперь, повидимому, начинаютъ сбываться надежды грузинскихъ царей. Задумавъ походъ противъ персовъ для завоеванія прикаспійскихъ степей, Петръ Великій къ соучастію въ этомъ походѣ пригласилъ и Вахтанга, царя карталинскаго. Вахтангъ съ восторгомъ принялъ это приглашеніе. Его воображенію рисовалось освобожденіе Грузіи и тѣсное единеніе съ Россіей. Но окончилось все это очень печально для Вахтанга. По различнымъ причинамъ походъ не состоялся, и грузинскій царь остался одинъ безъ всякой поддержки.

Послѣдующія событія: взятіе Тифлиса Константиномъ, царемъ кахетинскимъ, завоеваніе Карталиніи турками,—окончательно сломили Вахтанга. Въ довершеніе всего, Петръ Великій согласился съ тѣмъ пунктомъ трактата 1724 года, по которому Грузія признавалась находящеюся въ сферѣ вліянія Турціи.

Полной неудачей окончилась и другая попытка грузинскихъ царей сблизиться съ Россіей и при ея помощи оградить себя отъ своихъ враговъ. Мы говоримъ о первой турецкой войнѣ, въ которой грузинскіе цари Ираклій Карталинскій и Соломонъ Имеретинскій такъ охотно приняли участіе, и при томъ самое дѣятельное, надѣясь, что эта война надолго, если не навсегда, избавитъ ихъ отъ турокъ. Но Тотлебенъ, которому было поручено командованіе закавказскимъ корпусомъ, такъ велъ дѣло, что изъ этого предпріятія ничего не вышло. Самъ онъ потерялъ почти все свое войско, а грузинскіе цари получили отъ этого одни только политическія осложненія, не добившись даже того, чтобы о нихъ было сказано въ трактатѣ. Какъ извѣстно, о карталинскомъ и кахетинскомъ царяхъ въ Кучукъ-Кайнарджійскомъ трактатѣ ни слова не говорится, а Соломонъ попрежнему признается вассаломъ Турціи. Не говоримъ уже о томъ, что, благодаря ложнымъ донесеніямъ Тотлебена, Екатерина II окончательно разочаровалась въ грузинскихъ царяхъ и письменно выразила имъ свое неудовольствіе (107).

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и Праклію наконецъ удалось заключить трактатъ съ Россіей (1783 г.). По этому договору Грузія находится подъ протекторатомъ Россіи. Грузинскіе цари обязаны теперь извѣщать Россійскій дворъ о своемъ вступленіи на престолъ (арт. 3). Обязаны всегда быть готовыми на службу ея величества (арт. 7), наконецъ обязываются не вступать въ вассальную зависимость отъ какой либо иной державы (арт. 1) и за это пользуются особой милостью и покровительствомъ ея величества (арт. 2). Но, какъ исторія показала, и протекторатъ ничего не далъ Грузіи. Онъ не избавилъ ея отъ нашествія Ага-Магомета-хана, взявшаго Тифлисъ (12 сент. 1795 г.) и въ конецъ разорившаго его (стр. 156), не избавилъ и отъ набѣговъ дагестанскихъ горцевъ.

Въ 1796 году умерла Екатерина II, въ началѣ 1798 не стало Праклія. Событія идутъ теперь гораздо скорѣй. Павелъ I, утверждая царемъ Грузіи Георгія XII, что дѣлалось имъ согласно трактату 1783 года, принимая грузинскихъ пословъ, пріѣхавшихъ въ Петербургъ съ 16 просительными пунктами, въ которыхъ указаны условія болѣе тѣснаго объединенія Грузіи съ Россіей, «апробируя» эти пункты, императоръ въ то же время даетъ генералу Кноррингу такую инструкцію, чтобы въ Грузіи безъ соизволенія его, то-есть Павла I, не было приступлено къ назначенію наслѣдника Георгію XII (стр. 200), чтобы онъ представилъ описаніе Грузіи, могшее помочь при образованія управленія въ ней. Отъ этого было недалеко и до полнаго присоединенія Грузіи. Дѣйствительно, такъ и было. 28 сентября 1800 года скончался Георгій, и сейчасъ же была объявлена воля императора, а 18 января 1801 г. былъ объявленъ уже и манифестъ о присоединеніи Грузіи. Весь вопросъ, несомнѣнно, былъ бы рѣшенъ теперь, но Павелъ умеръ, не докончивъ этого дѣла, царевичъ Давидъ еще могъ обращаться въ это время къ Кноррингу съ просьбой исходатайствовать ему и царству его благоденственную высокомонаршую милость (стр. 205),—а Александръ I на первыхъ порахъ не хотѣлъ взять на свою совѣсть присоединеніе Грузіи безъ согласія на то самой Грузіи. Повидимому, можно было ожидать, что вопросъ этотъ будетъ пересмотрѣнъ, тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ въ это время были грузинскіе послы, пріѣхавшіе сюда съ тѣми же 16 пунктами, «апробованными» Павломъ I и получившими утвержденіе въ Грузіи. Но ожиданіе это не оправдалось. Вопросъ былъ переданъ въ государственный совѣтъ. Нѣсколько засѣданій было посвящено ему, и, несмотря на сильный протестъ графа Воронцова и графа Кочубея, горячо доказывавшихъ, что присоединеніе Грузіи и не законно и не принесетъ Россіи той пользы, которой отъ этого ожидали, вопросъ этотъ рѣшенъ былъ утвердительно. Засѣданіе 8 августа 1801 г., на которомъ окончательно рѣшенъ былъ этотъ вопросъ, во всякомъ случаѣ интересно. Здѣсь столкнулись два міросозерцанія, и старое побѣдило. 12 августа уже былъ обнародованъ 2-й манифестъ о присоединеніи Грузіи.

Таково сжатое содержаніе разсматриваемой нами книги. Новаго въ ней сравнительно немного. Нова точка зрѣнія. Авторъ все время старается подчеркнуть ту удивительную вѣру въ Россію, которой отличались при всѣхъ обстоятельствахъ грузинскіе цари, и которая побуждала ихъ во всѣхъ случаяхъ обращаться только къ ней. Много также страницъ посвящено и тому вопросу,

законно ли присоединеніе Грузіи, присоединеніе самовластное, исходившее только изъ Россіи, а не обоснованное на обоюдномъ договорѣ. Рѣшаетъ этотъ вопросъ авторъ отрицательно. Изложеніе книги не отличается особой цѣлостностью. Частыя отклоненія въ сторону мѣшаютъ плавному теченію мысли. Къ недостаткамъ книги относится также и то, что авторъ не вездѣ безпристрастенъ, что конечно, вредно отзывается на ней. Несмотря, однако, на эти недостатки, книжка имѣетъ интересъ, тѣмъ болѣе, что книга г. Дубровина, посвященная этому вопросу, въ сущности мало знакомитъ съ этимъ примѣчательнымъ фактомъ исторіи Россіи. **В. Логгиновъ.**

А. Бѣлгородскій. Кіевскій митрополитъ Іероѳей Малицкій. (1796—1799 г.). Кіевъ. 1901.

Сочиненіе г. Бѣлгородскаго имѣетъ задачей описать дѣятельность кіевскаго митрополита Іероѳея Малицкаго за трехлѣтній періодъ управленія его кіевской митрополіей, въ связи съ общимъ состояніемъ епархіальныхъ дѣлъ въ 1796—1799 годахъ. Въ русской литературѣ нѣтъ спеціальнаго труда, посвященнаго этому предмету. Имѣются лишь очень немногіе и недостаточные въ научномъ отношеніи біографическіе очерки и замѣтки, высказанные случайно и мимоходомъ въ двухъ-трехъ историческихъ работахъ, касающихся минувшей судьбы кіевской митрополіи. Для выполненія своей задачи, авторъ долженъ былъ обратиться къ архивнымъ матеріаламъ, находившимся въ кіевской духовной консисторіи, въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго собора и въ Кіевской духовной академіи. На основаніи вновь обслѣдованныхъ источниковъ, онъ и написалъ свою книгу, состоящую изъ предисловія, введенія и пяти главъ изслѣдованія.

Отмѣтивъ въ предисловіи задачу труда и его источники, г. Бѣлгородскій во введеніи (стр. 1—21) представляетъ краткія біографическія свѣдѣнія объ Іероѳеѣ Малицкомъ до вступленія его на каѳедру кіевской митрополіи включительно и намѣчаетъ задачу его дѣятельности въ этомъ званіи.

Въ первой главѣ изслѣдованія (стр. 22—48) говорится объ «устройствѣ правильной организаціи въ системѣ епархіальнаго управленія», а въ частности — о духовныхъ правленіяхъ, избраніи благочинныхъ, которые въ своей дѣятельности руководились особыми инструкціями, о дѣятельности духовной дикастеріи и такъ далѣе.

Во второй главѣ (стр. 49—92) рѣчь идетъ о внѣшнемъ и внутреннемъ благоустройствѣ церквей, возсоединившихся съ православіемъ изъ уніи и находившихся раньше въ предѣлахъ Польши. Положеніе этихъ церквей было крайне тяжелое. Онѣ были очень бѣдны, устроены по плану католическихъ храмовъ, неравномѣрно распредѣлены въ отношеніи населенія, не обезпечены матеріально и тому подобное. Митрополитъ Іероѳей привелъ эти церкви въ благолѣпный видъ внѣ и внутри, благоустроивъ православное въ нихъ богослуженіе и упорядочивъ церковную отчетность.

Въ главѣ третьей (стр. 93—129) говорится объ опредѣленіи на священническія и церковно-служительскія мѣста при митрополитѣ Іероѳеѣ. Въ этомъ случаѣ митрополитъ, по словамъ автора, положилъ твердое основаніе для по-

слѣдующихъ улучшеній ставленническаго вопроса. Своимъ мудрымъ отношеніемъ къ старинному обычаю приходскихъ выборовъ онъ немало способствовалъ его ослабленію и естественному разложенію, а своими важными распоряженіями по ставленническому дѣлопроизводству окончательно парализовалъ возможность въ будущемъ времени какихъ либо проявленій народнаго вмѣшательства въ дѣла епархіальнаго управленія. Въ отношеніи къ другому старинному обычаю — наслѣдственности церковныхъ мѣстъ, митрополитъ умѣлъ соединить строгое правосудіе съ чисто отеческимъ милосердіемъ. Наконецъ, онъ строго относился къ духовнымъ лицамъ, рукоположеннымъ въ Молдавіи и Валахіи, а также къ второбрачнымъ уніатскимъ священникамъ, и этимъ содѣйствовалъ очищенію клира отъ недостойныхъ членовъ.

Въ приложеніи къ этой главѣ (стр. 130—132) помѣщены статистическія данныя о состояніи прихожанъ, церквей и духовенства въ кіевской епархіи въ 1797—1799 годахъ.

Въ главѣ четвертой (стр. 133—166) разсказывается о фанатическихъ преслѣдованіяхъ православнаго духовенства со стороны помѣщиковъ въ царствованіе императора Павла Петровича, въ связи съ усилившеюся въ это время пропагандой уніатскаго и особенно католическаго вѣроученія, и о мѣрахъ, которыя предпринималъ митрополитъ Іеροѳей для защиты духовенства и для противодѣйствія инославному вѣроученію.

Глава пятая (стр. 167—205) посвящена описанію дѣятельности митрополита Іероѳея по отношенію къ кіевской духовной академіи, въ которой воспитывались будущіе церковные дѣятели Россіи. Заботу объ этомъ разсадникѣ просвѣщенія митрополитъ считалъ «первымъ долгомъ своего пастырскаго званія», хотя и не принадлежалъ къ питомцамъ Кіевской академіи, и много содѣйствовалъ учебному и матеріально-экономическому ея быту.

Въ приложеніи къ пятой главѣ (стр. 206—221) разсказывается о возстановленіи митрополитомъ Іероѳеемъ Кіево-Братскаго монастыря, упраздненнаго въ силу указа 1786 года.

Такимъ образомъ, митрополитъ Іероѳей Малицкій оставилъ немалый слѣдъ въ исторіи Кіевской епархіи своими разнообразными и полезными трудами на пользу мѣстной православной церкви. Благодаря дѣятельности этого выдающагося церковнаго администратора, Кіевская епархія всецѣло присоединилась къ великому тѣлу нашего необъятнаго отечества и стала въ XIX вѣкѣ жить общею жизнью со всѣми другими великороссійскими епархіями. Значитъ, кіевскій періодъ дѣятельности митрополита Іероѳея вполнѣ заслуживаетъ нарочитаго обзора.

Г. Бѣлгородскій исполнилъ свою задачу очень старательно. Онъ усердно ознакомился съ архивными матеріалами вопроса и тщательно извлекъ изъ нихъ необходимыя для него свѣдѣнія, которыя и расположилъ по плану, согласному съ существомъ предмета. Его трудъ очень полезенъ для исторіи Кіевской епархіи, а также можетъ имѣть и болѣе широкій историческій интересъ, въ виду того, что авторъ касается здѣсь и общаго теченія церковныхъ дѣлъ въ Кіевской митрополіи, коимъ можно находить аналогіи и въ другихъ епархіяхъ конца XVIII вѣка.

О.

Отчетъ Императорской Публичной библіотеки за 1897 годъ. Спб. 1900.

Отечественное книгохранилище располагаетъ незначительною суммою для своего существованія—135.915 рублей. На эту сумму оно содержитъ громадный штатъ служащихъ и прислуги, ремонтируетъ зданіе, исправляетъ зачитанныя книги и, наконецъ, «обогащается новыми изданіями, рукописями и т. п.». Вотъ на эту послѣднюю свою потребность и расходуетъ оно всего 39.305 р. 60 к. (въ 1897 г.), что составитъ всего 1/4 той суммы, которая ассигнуется на Публичную библіотеку [1]). Расходованіе такой суммы невольно останавливаетъ вниманіе на графѣ — «отказано въ требованіяхъ за неимѣніемъ сочиненія». Русскихъ сочиненій не имѣлось всего 312, цифра совсѣмъ незначительная, тѣмъ болѣе, что книги могло просто не имѣться въ моментъ требованія въ читальной залѣ, но она могла быть въ библіотекѣ. Совсѣмъ иначе съ иностранными книгами: отказано въ 4.017 сочиненіяхъ (на 440 сочиненій больше, чѣмъ въ 1896 г.), при чемъ самая большая цифра приходится на такія отрасли знанія, какъ естествознаніе (942), искусства и технологія (599) и исторія (445). Недостаточность ассигнуемой суммы сказывается и въ томъ, что очень часто приходится слышать «въ переплетѣ» или «исправляется», при чемъ въ переплетѣ книги бываютъ по цѣлому мѣсяцу. Въ отказанныхъ требованіяхъ есть и эта графа, и на общую цифру выданныхъ сочиненій 59.282 по отдѣленію книгъ на русскомъ языкѣ отказано 1.032, иностранныхъ—296. Въ данномъ случаѣ цифры говорятъ сами за себя.

Въ 1897 г. пріобрѣтенія библіотеки выражаются слѣдующей таблицей.

А. 1) По закону цензурнымъ вѣдомствомъ доставлено	23.716 соч.	въ	25.681 тт.
2) По распоряженіямъ различныхъ учрежденій	3.900 »	»	6.911 »
3) Частныхъ приношеній отъ 324 лицъ и учрежденій въ Россіи и за границей	11.214 »	»	12.110 »
4) Куплено самою библіотекою	4.246 »	»	6.745 » [2]).

	Рукописей, автографовъ и актовъ.	Эстамповъ и фотографій.	Географ. картъ и плановъ.	Нотъ.
Б. 1) Частныя приношенія	5.620	20	4	27
2) Изъ цензурныхъ установленій	—	1.248	33	782
3) Куплено библіотекою . . .	702	225	6	48
Итого . . .	6.322	1.493	43	857

Какъ цѣнное пріобрѣтеніе библіотеки, отмѣчаемъ даръ ея директора Бычкова: обширное собраніе актовъ (1022) XVII в., относящихся исключительно

[1]) На постройку новаго зданія по высочайшему повелѣнію 22 января 1896 г. отпущено 150.000 рублей.

[2]) Библіотека помимо цензурныхъ установленій и жертвованій должна была въ отчетномъ году пріобрѣсти книги у русскихъ книгопродавцевъ 2.390 соч. въ 2.785 тт., заграничныхъ—1.856 соч. въ 3.960 тт.

до Псковской области. Есть много исключительно статистическихъ документовъ.

Изъ рукописей заслуживаютъ особаго вниманія слѣдующія.

1) Десять писемъ А. С. Пушкина къ П. А. Осиповой и три письма къ А. Н. Вольфу. Всѣ письма, кромѣ одного къ Осиповой, помѣщены въ изданіи сочиненій Пушкина Литературнаго Фонда, но при сличеніи съ подлинниками оказывается, что изданы не совсѣмъ точно. 2) Томъ собственноручныхъ писемъ и записокъ знаменитаго архіепископа херсонскаго Иннокентія къ состоявшему при немъ іеромонаху Діонисію. Всѣхъ писемъ и записокъ въ этомъ томѣ 169; всѣ имѣютъ значеніе для біографіи нашего великаго проповѣдника. 3) Письма къ В. В. Стасову отъ А. А. Сѣрова, представляющія значительный интересъ для біографіи композитора. 4) Девять собственноручныхъ писемъ и записокъ статсъ-секретаря барона А. А. Корфа къ А. Г. Тройницкому, относящихся къ предполагавшемуся тогда учрежденію самостоятельнаго главнаго управленія по дѣламъ книгопечатанія, на правахъ министерства. 5) 72 письма и записокъ нашихъ литераторовъ и лицъ, служившихъ по цензурному вѣдомству, къ историку русскаго флота Ѳ. Ѳ. Веселаго, главнымъ образомъ за время службы его въ 1860 г. цензоромъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета и частію въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати. Письма содержатъ довольно любопытныя свѣдѣнія для исторіи русской цензуры. 6) Девять собственноручныхъ записокъ И. С. Аксакова, изъ нихъ двѣ къ Гилярову-Платонову, а семь къ Ѳ. А. Гилярову, и 7) черновые оригиналы нѣкоторыхъ трудовъ нашего извѣстнаго критика Н. Н. Страхова, бывшаго въ теченіе многихъ лѣтъ библіотекаремъ Императорской Публичной библіотеки.

Въ 1897 году для занятій въ библіотекѣ было выдано 15.316 билетовъ (на 820 больше, чѣмъ въ 1896 г.), въ томъ числѣ особамъ женскаго пола 2.728, что къ общему числу въ процентахъ выразится 17,8%. Большее число билетовъ приходится на учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ —4.464, при распредѣленіи по занятіямъ самое меньшее на долю телеграфистовъ (ихъ было въ библіотекѣ въ 1897 г. всего 2). Вслѣдствіе этого и число читателей распредѣляется неравномѣрно по мѣсяцамъ, и учебные мѣсяцы даютъ большее число читателей: цифра рѣзко падаетъ, если мы сравнимъ первый каникулярный мѣсяцъ съ послѣднимъ учебнымъ: въ мартѣ—14.550, въ маѣ—7.763. То же замѣчается и въ послѣднемъ каникулярномъ и первомъ учебномъ: августъ—7.287, сентябрь—15.917.

Выдано книгъ всего было 64.409 томовъ, при чемъ 21.700 приходится на періодическія изданія. Изъ этого числа первое мѣсто занимаетъ «Русская Мысль»—2.173 и послѣднее «Гимназія»—4. Всего же изъ 647 изданій на русскомъ языкѣ требовалось 277, изъ иностранныхъ журналовъ требовалось—53. Изъ сочиненій на русскомъ языкѣ требовались больше книги по богословію, исторіи и политическимъ наукамъ; на иностранныхъ языкахъ—по естествознанію и политическимъ наукамъ.

Къ отчету приложенъ каталогъ собранія рукописей П. И. Савваитова, принадлежащихъ теперь библіотекѣ, составленный Бычковымъ, и «Краткое

описаніе сирійской рукописи Новаго Завѣта», пріобрѣтенной библіотекою въ 1897 г., составленное Коковцевымъ.

Въ общемъ, отчетъ со всѣхъ сторонъ рисуетъ намъ положеніе библіотеки, и жаль, что въ немъ отсутствуютъ сравнительныя таблицы за прошлые года, которыя наглядно бы показывали, какъ растетъ отечественное книгохранилище. **Викт.**

Евгеній Пѣтуховъ. Проповѣди Гавріила Бужинскаго (1717—1727). Историко-литературные матеріалы изъ эпохи преобразованій. Юрьевъ. 1901.

За послѣдніе годы среди спеціалистовъ по вопросамъ нашей старинной письменности чрезвычайно развился вкусъ къ изданію всевозможныхъ сырыхъ матеріаловъ. Достаточно обнаружиться какой нибудь болѣе или менѣе старинной рукописи, хотя бы даже уже отчасти изданной, какъ ее тотчасъ самымъ старательнымъ образомъ перепишутъ, предадутъ тисненію, снабдятъ коротенькимъ введеніемъ библіографическаго характера и обширнымъ указателемъ — и ученое изданіе готово. При этомъ вопросъ о томъ, вносятъ ли публикуемые матеріалы что нибудь новое, есть ли у нихъ какой либо историко-литературный интересъ, или имъ лучше бы и не появляться вовсе на свѣтъ, для публикаторовъ не важенъ, и они, какъ видно, на немъ не останавливаются. Страсть къ сырью, неизбѣжно развивающая боязнь выводовъ, внѣдрилась въ ученые пріемы нашего времени настолько, что большинство современныхъ диссертацій можно читать лишь съ значительной и напрасной потерей труда и времени. Чтобы выудить изъ нихъ микроскопическіе выводы по микроскопическимъ вопросцамъ, приходится прочесть или, по крайней мѣрѣ, пересмотрѣть сотни страницъ, чуть не сплошь состоящихъ изъ рукописныхъ ссылокъ и выносокъ. Цитаты да еще съ сохраненіемъ правописанія подлинника, по возможности, церковно-славянскимъ шрифтомъ съ титлами и всякими значками, и выноски, цѣлыя тучи выносокъ, составляютъ необходимыя условія нынѣшнихъ якобы ученыхъ твореній. Любители перепечатывать старыя рукописи современнымъ шрифтомъ ссылаются обыкновенно на то, что не всѣ еще факты открыты, а безъ этого невозможно строить выводы и обобщенія. И мы вполнѣ понимаемъ справедливость этого ходячаго возраженія, не постигая, однако, къ чему тратить столько умственныхъ, физическихъ силъ и матеріальныхъ средствъ, чтобы къ десяти уже извѣстнымъ фактамъ, ярко характеризующимъ то или другое явленіе, присоединить еще одиннадцатый, безцвѣтный и блѣдный? Это — во-первыхъ. А, во-вторыхъ, не было и не будетъ, да и быть не можетъ — иначе наукѣ конецъ — такого времени, когда всѣ факты будутъ установлены и въ достаточной степени разъяснены. Старшее поколѣніе русскихъ ученыхъ: Буслаевъ, Тихонравовъ, Сухомлиновъ, работали въ такое время, когда фактовъ было вскрыто еще меньше, а между тѣмъ ихъ работы остаются до сихъ поръ классическими и поучительными образцами научнаго изслѣдованія, какъ по глубинѣ мысли, такъ и по обширности и всесторонности ихъ эрудиціи. Обуявшее наше время стремленіе къ открыванію новыхъ фактовъ, которое обычно выражается въ

напечатаніи какой нибудь случайно попавшей подъ руку рукописи, по большей части, ненужной и неинтересной, объясняется, по нашему мнѣнію, причинами совсѣмъ другого свойства и прежде всего тѣмъ, что напечатать сырой матеріалъ гораздо легче, чѣмъ дать о немъ хотя бы не большое, но дѣйствительно научное изслѣдованіе. Для этого вѣдь мало одного Sitzfleiss'a. Тутъ нуженъ и талантъ и широкое общее образованіе и наконецъ проникновеніе въ предметъ и эпоху, словомъ нужны свойства, которыя только и даютъ право носить высокое имя ученаго.

Ничѣмъ инымъ, кромѣ спортивной погони за открываніемъ новыхъ матеріаловъ, нельзя себѣ объяснить появленіе книги профессора Юрьевскаго университета г. Пѣтухова. «Проповѣди Бужинскаго» извѣстны были давнымъ давно, и все, что было въ нихъ интереснаго, было извлечено и издано еще Г. Ф. Миллеромъ, а затѣмъ извѣстнымъ Новиковымъ. Изданіями ихъ пользовался и митрополитъ Евгеній для своего словаря духовныхъ писателей, и Пекарскій, давшій почти законченную картину состоянія науки и литературы при Петрѣ Великомъ. Только что появившіеся матеріалы, печатавшіеся ранѣе г. Пѣтуховымъ, если не ошибаемся, въ «Запискахъ Юрьевскаго университета», не въ состояніи измѣнить или въ чемъ либо дополнить уже сложившееся представленіе объ этой эпохѣ. Изъ вновь изданныхъ и доселѣ неизвѣстныхъ проповѣдей Бужинскаго едва ли не самымъ интереснымъ представляется слово, сказанное имъ при погребеніи фельдмаршала Б. П. Шереметева. Да и отсюда, благодаря риторическому пустословію, обычному для того времени, почти нечего извлечь для характеристики фельдмаршала и его времени. Остальныя проповѣди—просто-напросто цвѣтистая и надутая риторика, столь любимая кіевскими учеными монахами, которыхъ Петръ Великій выписывалъ въ свою новую столицу, и къ группѣ которыхъ принадлежалъ и самъ Бужинскій.

Спрашивается, какая надобность для исторической науки печатать, да еще со всякими надстрочными знаками, и титлами матеріалы такого достоинства? Бужинскій, вовсе не такая крупная фигура въ исторіи русской жизни и просвѣщенія, чтобы стоило дорожить каждой строчкой, вышедшей изъ-подъ его пера, а тѣмъ болѣе печатать все это, педантично удерживая написаніе подлинника. Мы понимаемъ, что опасно раскрывать титло и вводить въ строку надстрочные знаки въ рукописяхъ очень старыхъ, не зная точно, какъ произносилось слово, въ такихъ случаяхъ легко впасть въ ошибку. Мудрено также избавиться отъ разныхъ сокращеній въ такомъ, напримѣръ, изданіи, какъ сборникъ Кирши Данилова, недавно изданный г. Шефферомъ. Тутъ отъ неправильнаго чтенія можетъ получиться лишній слогъ, который, въ свою очередь, можетъ не подойти къ ритму музыкальнаго напѣва былины. Но сохранять титлы и всякіе значки, затрудняющіе лишь чтеніе, въ рукописи XVIII вѣка, да еще такого неважнаго содержанія, какъ изданная г. Пѣтуховымъ, развѣ это не одинъ изъ тѣхъ quasi-ученыхъ атрибутовъ, безъ которыхъ будто бы немыслимо научное изданіе разныхъ «матеріаловъ»?

Намъ кажется, что публикаторъ поступилъ бы гораздо лучше, если бы по примѣру прежнихъ издателей извлекъ изъ найденной рукописи все, что имѣетъ хотя малѣйшее историко-литературное значеніе, и снабдилъ бы свою работу

возможно обстоятельнымъ очеркомъ жизни и трудовъ Бужинскаго въ связи съ состояніемъ его времени. Тогда вмѣсто увѣсистаго тома, стоящаго цѣлыхъ пять рублей и въ сущности ничего не дающаго, у читателя была бы полная характеристика облюбованнаго г. Пѣтуховымъ писателя. **А. Вв.**

Запорожская сѣчь. А. Кузьминъ. Москва. 1902.

Историческій и бытовой очеркъ «Запорожской сѣчи» А. Кузьмина не претендуетъ, по собственному признанію автора, «на новизну сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній, но имѣетъ цѣлью дать въ небольшомъ и общедоступномъ изложеніи возможно полное ознакомленіе съ исторіей и бытомъ Запорожской сѣчи». Названный трудъ вполнѣ оправдываетъ заявленіе автора, и при недороговизнѣ его (всего 40 коп.) онъ можетъ проникнуть въ дешевыя, народныя библіотеки, тѣмъ болѣе, что онъ составленъ по превосходнымъ источникамъ Эварницкаго, Костомарова, Мордовцева, Щебальскаго и другимъ компетентнымъ монографіямъ о Запорожьѣ. Авторъ разсказываетъ о заселеніи понизовья Днѣпра «сиромахами», такъ назывались на Украйнѣ бездомные скитальцы (волки). Они и были первыми обитателями сѣчи, совершавшими для грабежа морскіе походы на Крымъ и Турецчину, а сухопутные—на Польшу для самообороны. Обстоятельно изложена исторія Уніи и угнетенія простого народа панами, арендами церквей и рыбныхъ угодій—жидами, замѣною православной іерархіи по церквамъ уніатской и ограниченіемъ вольнаго казачества реестровыми списками. На этой почвѣ возникли народныя возстанія и наконецъ освобожденіе Украйны Богданомъ Хмельницкимъ и присоединеніе Малороссіи къ Россіи. Съ усиленіемъ центральной власти Россіи начинается паденіе Запорожской сѣчи, разоренной въ концѣ концовъ Петромъ I и Екатериной II. Запорожцы переселились на Дунай къ туркамъ, но въ царствованіе Николая Павловича опять вернулись въ подданство Россіи и были поселены на Кавказѣ, но уже съ полнымъ уничтоженіемъ автономіи и традицій Запорожья. **А. Фаресовъ.**

Szkice, wspomnienia, obrazki. Skreslil Wladyslaw Belza. Warszawa. 1901.

Въ этой книжкѣ помѣщено общимъ счетомъ 15 очерковъ историко-литературнаго содержанія; изъ нихъ первые девять очерковъ имѣютъ между собою ту связь, что касаются разныхъ, большею частью, второстепенныхъ и даже третьестепенныхъ событій изъ жизни Мицкевича, остальные же шесть очерковъ имѣютъ развѣ только то общее, что они написаны однимъ и тѣмъ же г. Белзой.

Несчастливая любовь къ Маріи Верещакъ сыграла немаловажную роль въ развитіи первой фазы творчества Мицкевича. Эпизодъ этотъ, конечно, заслуживаетъ вниманія со стороны литературной критики, но едва ли здѣсь умѣстенъ тотъ неумѣрно-взвинченный тонъ, которымъ г. Белза повѣствуетъ

исторію этой любви («Maryla i jej stosunek do Mickiewicza»). Авторъ просто надрывается въ усиліяхъ провести партію съ невѣроятно высокой тесситурой. Если говорить по правдѣ, вся исторія эта сложилась очень просто. Мицкевичъ воспылалъ сильною страстью къ красавицѣ, но такъ какъ онъ былъ только всего студентъ, да при томъ небогатый и незнатнаго рода, а между тѣмъ къ Марылѣ посватался богатый помѣщикъ Путткамеръ, украшенный графскимъ титуломъ, то она, какъ вполнѣ благоразумная дѣвушка, послушавшись совѣта родни, отдала руку и сердце Путткамеру. Мицкевичъ сильно перестрадалъ муками отвергнутой любви, а потомъ успокоился. Такимъ образомъ трагедія эта, по крайней мѣрѣ, на половину соткана на самой обыкновенной буржуазной подкладкѣ. Г. Белза—надо отдать ему въ этомъ справедливость—обнаружилъ много изобрѣтательности, чтобы обставить этотъ эпизодъ эффектнѣйшимъ образомъ и придать ему чарующую занимательность въ глазахъ читателя. Избравъ какой нибудь нарочито трогательный моментъ, г. Белза торжественно указываетъ на него читателю и произноситъ болѣе или менѣе прочувствованный монологъ, сохраняя на лицѣ своемъ умиленно-восторженное выраженіе. «О чемъ шептали тамъ другъ другу на ухо молодые влюбленные въ тѣнистой аллеѣ тугановецкаго сада, которая была любимымъ ихъ уголкомъ... это — тайна, которая вѣчно останется между ними двоими» (с. 21). Г. Белза особенно любитъ эти «тайны», которымъ суждено быть навѣки неразгаданными, такъ какъ едва ли у кого нибудь явится желаніе тратить время и трудъ на такіе въ существѣ дѣла пустяки. Иногда эта страсть къ тайнамъ заставляетъ г. Белзу перешагнуть ту черту, которая отдѣляетъ великое отъ смѣшного. Путткамеръ, замѣтивъ чувство Мицкевича къ Марылѣ, по-дружески съ глазу на глазъ переговорилъ съ Мицкевичемъ и «вынудилъ» молодого поэта дать слово, что онъ не будетъ становиться ему поперекъ пути. Г. Белза посвящаетъ почти страницу «домысламъ» на тему о томъ, «какимъ чудомъ молодой графъ могъ такъ скоро добиться желаемаго результата».

Мы остановились на этомъ очеркѣ—болѣе обширномъ по объему—въ виду того, что здѣсь ярче всего выступаетъ усвоенная г. Белзой манера вести изслѣдованіе. Въ томъ же духѣ и остальные очерки, темы которыхъ имѣютъ отношеніе къ жизни Мицкевича. Такъ, въ очеркѣ «Brat poety» г. Белза приводитъ скудныя данныя о Франциcкѣ Мицкевичѣ, старшемъ братѣ Адама, тоже имѣвшемъ наклонность къ стихотворству; имъ написана цѣлая поэма, отъ которой уцѣлѣлъ впрочемъ только слѣдующій первый стихъ: «Эй! куда летишь ты, литвинъ, на быстромъ конѣ?» Въ очеркѣ «Powrót taty» авторъ пытается отыскать автобіографическую подкладку баллады Мицкевича подъ тѣмъ же заглавіемъ. Въ очеркѣ «Król Hieronim w Nowogródku» авторъ пытается доказать легендарность занесеннаго въ біографіи Мицкевича извѣстія, будто бы въ 1812 г. король вестфальскій Іеронимъ останавливался въ домѣ отца Мицкевича. Довольно милой наивностью вѣетъ отъ очерка подъ заглавіемъ «Mickiewicz kompozytorem». Дочь Мицкевича передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что поэтъ очень любилъ музыку и даже подобралъ мелодію къ одной изъ одъ Горація и къ польской народной пѣсенкѣ «Шелъ шляхтичъ». Мелодія эта не сохранилась. Но вотъ судьба столкнула автора съ какимъ-то старымъ шлях-

тичемъ Невяровичемъ, который увѣрялъ, что онъ отлично запомнилъ одну изъ мелодій. «Не дадимъ ей погибнуть!»—воскликнулъ г. Белза и исполнилъ свое слово: въ сочельникъ 1881 г. (какая точность!) профессоръ львовской консерваторіи г. Островскій записалъ эту мелодію, которую пропѣлъ предъ нимъ Невяровичъ. Мелодія эта, возстановленная по памяти чрезъ 26 лѣтъ по смерти ея автора, не только была помѣщена въ польскихъ еженедѣльникахъ, но была выпущена даже отдѣльнымъ изданіемъ. По важности темы близко стоитъ къ этому очерку «Kartka Goethego». Здѣсь авторъ блестяще доказываетъ, что перо, подаренное Гете Мицкевичу, было не золотое, какъ то утверждаютъ многіе біографы поэта, а обыкновенное гусиное, и что стихотвореніе Гете, данное имъ Мицкевичу на память, не было писано отъ руки, а напечатано на особой карточкѣ (такихъ карточекъ съ своими стихотвореніями Гете заготовлялъ много для раздачи своимъ посѣтителямъ). Въ томъ же духѣ и остальные очерки, касающіеся Мицкевича. Только безпредѣльнымъ преклоненіемъ поляковъ предъ именемъ Мицкевича и можно объяснить такое явленіе, какъ усердную разработку совершенно малозначительныхъ частностей жизни поэта.

Другая категорія очерковъ, какъ мы упомянули выше, касается самыхъ разнообразныхъ темъ. Болѣе другихъ интересны воспоминанія о Викентіи Полѣ, извѣстномъ польскомъ поэтѣ. Остальные довольно безцвѣтны, а очеркъ Wasilko могъ бы быть исключенъ не только безъ ущерба для книжки, а даже къ большей выгодѣ ея.

Въ общемъ значеніе очерковъ и воспоминаній г. Белзы исчерпывается тѣмъ, что ими вносится нѣсколько мелкихъ фактическихъ поправокъ и дополненій въ біографію Мицкевича.

К. Х.

П. Лепорскій. Исторія Θессалоникскаго экзархата до времени присоединенія его къ Константинопольскому патріархату. Спб. 1901.

Θессалоникскій экзархатъ обнималъ собою такъ называемый восточный Иллирикъ, въ составъ коего въ древности входили: вся нынѣшняя Сербія, Черногорія, западная половина Болгаріи, Восточная часть Европейской Турціи (Албанія и Македонія), вся нынѣшняя Греція и островъ Критъ. Древняя (до VIII вѣка) исторія этой области, во главѣ съ городомъ Θессалоникой, имѣетъ большой интересъ. Восточный Иллирикъ—это тотъ пунктъ, изъ-за котораго уже въ началѣ V вѣка стали обостряться мирныя отношенія между римскимъ папою и константинопольскимъ патріархомъ, а въ концѣ концовъ и порвались вовсе. Находясь между двумя столицами восточно-римской имперіи, Византіей и Римомъ, восточный Иллирикъ рано или поздно долженъ былъ подчиниться церковной власти одной изъ нихъ. Но какой именно? Въ IV вѣкѣ епископъ Рима могъ разсчитывать, что восточный Иллирикъ со временемъ войдетъ въ составъ областей римскаго престола, такъ какъ и въ гражданскомъ отношеніи онъ принадлежалъ къ Западу. Между Римомъ и Иллирикомъ стали уже завязываться и дружественныя отношенія. Но въ то время, когда централизаторскіе планы римскаго епископа получили нѣкоторую гарантію и въ отношеніи къ Иллирику, произошелъ раз-

дѣлъ имперіи. Иллирикъ отошелъ къ Востоку, гдѣ и возникла новая столица, епископъ коей, находившійся въ большой близости къ Иллирику, могъ распространить свою власть и на него. Въ виду этого, папа Иннокентій I 17-го іюня 415 года формально учредилъ въ Иллирикѣ папскій викаріатъ, назначивъ своимъ экзархомъ или намѣстникомъ ѳессалоникскаго епископа, съ правомъ церковнаго представительства во всей этой области. Между тѣмъ къ Иллирику присматривались и въ Константинополѣ, гдѣ и сдѣлана была попытка устранить папское нововведеніе. 14-го іюня 421 года императоръ Ѳеодосій II издалъ эдиктъ, коимъ предписывалось всѣ церковныя дѣла въ Иллирикѣ вѣдать мѣстному собору, а въ сомнительныхъ случаяхъ обращаться къ епископу Константинополя, пользующемуся «прерогативами древняго Рима». Такимъ образомъ, папскому властолюбію былъ нанесенъ сильный ударъ. Но онъ скоро былъ ослабленъ въ своемъ дѣйствіи западнымъ императоромъ Гоноріемъ, который выступилъ защитникомъ правъ апостольскаго престола и упросилъ Ѳеодосія не нарушать якобы древнихъ порядковъ въ Иллирикѣ. Въ послѣдующее время византійское правительство, избѣгая ссоры съ папой и слѣдуя политикѣ уступокъ и даже заискиваній предъ нимъ, формально признало зависимость Иллирика отъ Рима. Въ 535 году императоръ Юстиніанъ I просилъ папу учредить новый викаріатъ въ городѣ Юстиніанѣ, резиденціи примаса образованнаго имъ независимаго церковнаго округа, а въ 545 году подтвердилъ его существованіе особой новеллой. Этимъ оффиціально признавался викаріатъ и въ Ѳессалоникѣ. Однако, и послѣ этого папѣ было трудно уберечь восточный Иллирикъ отъ вліянія Константинополя, тѣмъ болѣе, что сами иллирійскіе епископы и клирики нерѣдко обращались сюда по своимъ дѣламъ, въ виду близости Константинополя, его положенія, какъ столицы, и постепеннаго возрастанія власти мѣстнаго епископа, признанной даже халкедонскимъ вселенскимъ соборомъ. И вотъ, папы, съ одной стороны, стараются теоретически обосновать свои отношенія къ Иллирику, указывая на апостольское происхожденіе своей власти и давность ихъ права юрисдикціи надъ иллирійской церковью, а съ другой—подрываютъ посланіями въ Иллирикъ авторитетъ константинопольскаго епископа, считая его «ничтожнымъ епархіотомъ, подчиненнымъ ираклійскому митрополиту». Но и это не мѣшало константинопольскому епископу наносить новые и довольно сильные удары папскому властолюбію, какъ было это, напримѣръ, въ 531 году. И вплоть до VIII столѣтія папы трепетали за свою власть въ Иллирикѣ, должны были зорко охранять ее и оберегать, несмотря на формальное признаніе этой области владѣніемъ Рима. Конецъ папскому владычеству въ Иллирикѣ наступилъ лишь въ тридцатыхъ годахъ этого столѣтія, когда императоръ Левъ III Исавриникъ (717 — 741 г.) отнялъ его у папы и присоединилъ къ константинопольскому патріархату, мстя Риму за упорное противодѣйствіе его иконоборческимъ эдиктамъ, а главное— за неудачу военной экспедиціи, снаряженной для усмиренія возстанія въ Италіи, главнымъ виновникомъ коего былъ папа. Съ того времени Иллирикъ такъ и остался въ подчиненіи у константинопольскаго патріарха, несмотря на неоднократныя попытки папы вновь возвратить его себѣ. Это обстоятельство и было одной изъ причинъ разрыва церковнаго мира, а послѣ и единства между Востокомъ и Западомъ.

Такова древняя церковная исторія восточнаго Иллирика, какъ она представлялась въ наукѣ до 1891 года. Но съ этого года исторія Иллирика получила еще интересъ особаго рода. Дѣло въ томъ, что въ указанномъ году старокатолическій профессоръ Фридрихъ, подвергнувъ въ особомъ сочиненіи критикѣ такъ называемый «Сборникъ церкви ѳессалоникской», содержащій главные матеріалы для исторіи папскаго викаріатства въ Ѳессалоникѣ, заявилъ, что дѣло съ восточнымъ Иллирикомъ и Ѳессалоникой обстояло далеко не такъ, какъ оно изображено учеными, занимавшимися этимъ вопросомъ. Содержащіеся въ сборникѣ документы представляютъ колоссальный подлогъ въ интересахъ папства, никакого папскаго викаріатства въ Ѳессалоникѣ въ IV—V вѣкахъ не существовало. До двадцатыхъ годовъ V столѣтія иллирійская церковь пользовалась полнѣйшею автокефальностью, а съ этого времени была подчинена юрисдикціи епископа константинопольскаго. Впервые папскій викаріатъ явился въ Иллирикѣ лишь въ половинѣ VI вѣка и при томъ не въ Ѳессалоникѣ, а въ Юстиніанѣ, т. е. въ сѣверномъ Иллирикѣ. Идею этого учрежденія далъ римскому епископу императоръ Юстиніанъ, желавшій почетнымъ званіемъ «намѣстника апостольскаго престола» возвысить архіепископа вновь образованнаго имъ и независимаго отъ Ѳессалоники церковнаго округа. Кромѣ одного лишь почетнаго титула, викаріатъ ничего болѣе въ это время и не представлялъ.

Взглядъ мюнхенскаго академика Фридриха встрѣтилъ возраженія со стороны аббата Дюшена и іезуита Постицъ-Ринекка, но не вполнѣ основательныя и всестороннія. Въ виду этого г. Лепорскій и взялъ на себя задачу, съ одной стороны, вновь разсмотрѣть возраженія Фридриха противъ подлинности «Сборника ѳессалоникской церкви», а съ другой—изложить исторію ѳессалоникскаго экзархата на основаніи обслѣдованнаго, научнаго матеріала.

Въ зависимости отъ двойственности задачи, трудъ г. Лепорскаго состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой изъ нихъ (стр. 1—217) изложена исторія Ѳессалоникскаго экзархата до времени присоединенія его къ Константинопольскому патріархату, въ томъ видѣ, какъ она въ самыхъ общихъ и краткихъ чертахъ представлена и въ нашемъ изложеніи. Во второй части (стр.218—300) предложена реабилитація документовъ «Сборника ѳессалоникской церкви» и четырнадцатаго посланія римскаго папы Льва I. Здѣсь авторъ представляетъ критику Фридриха на эти документы и свою антикритику, въ коей шагъ за шагомъ слѣдитъ за аргументами старокатолическаго ученаго и противопоставляетъ его тезисамъ свои антитезисы. Эта часть сочиненія г. Лепорскаго имѣетъ спеціальный характеръ. Но авторъ и здѣсь, какъ и въ первой части, съ честью вышелъ изъ ученыхъ дебрей, намѣтилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ свои пути и развязалъ узлы, которые его предшественникъ находилъ возможнымъ только разрубить.

Въ приложеніи (стр. 301—308) находятся списки епархій и епископовъ восточнаго Иллирика и карта этой церковной области, прекрасно исполненная.

Вообще трудъ г. Лепорскаго является очень цѣннымъ. Любители серіознаго церковно-историческаго знанія съ большимъ удовольствіемъ ознакомятся съ этой работой.

Σ.

Автобіографія Абдурахманъ-хана, эмира Афганистана. Издана султаномъ Магометъ-ханомъ. Перевелъ съ англійскаго генеральнаго штаба полковникъ М. Грулевъ. Съ приложеніемъ карты Афганистана, портрета Абдурахманъ-хана и 8 рисунковъ. Въ двухъ томахъ. Изданіе В. Березовскаго. Спб. 1901.

Въ концѣ минувшаго года эта книга появилась на англійскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «The Life of Abdur-Rahman» («жизнь Абдурахмана»). Переведенная съ персидскаго и изданная государственнымъ секретаремъ афганскаго эмира Магометъ-ханомъ, она подверглась цѣлому ряду обсужденій англійской печати, старавшейся доказать непринадлежность ея перу Абдурахмана, но скоро сомнѣнія разъяснились: авторомъ большей части книги былъ установленъ дѣйствительно эмиръ Абдурахманъ, а потому она и представила собою особенный интересъ тѣмъ болѣе послѣ смерти эмира.

Полковникъ генеральнаго штаба Грулевъ далъ возможность и на русскомъ языкѣ ознакомиться съ этою безусловно прекрасною книгой, являющейся въ настоящее время единственнымъ источникомъ, гдѣ можно почерпнуть свѣдѣнія о состояніи сосѣдняго намъ Афганистана. Въ историческомъ отношеніи разсматриваемая книга представляетъ собою безусловный интересъ уже потому, что авторъ-эмиръ рисуетъ полную картину историческаго прошлаго своей страны, затѣмъ подробно касается своей жизни, полной чрезвычайно интересными событіями, касающимися даже близко и Россіи.

Далѣе онъ даетъ полное представленіе о современномъ состояніи промышленности, торговли, производства въ Афганистанѣ, о его администраціи и войскахъ, о политическомъ устройствѣ своего государства и тѣхъ мѣрахъ, которыми онъ сумѣлъ достигнуть полнаго объединенія Афганистана, состоящаго изъ множества отдѣльныхъ воинственныхъ племенъ, въ одно цѣлое. Не оставаясь голословнымъ, эмиръ приводитъ много интересныхъ фактовъ, а также касается характеристики лицъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться на пути своей дѣятельности; онъ взвѣшиваетъ каждый свой шагъ, обсуждая его съ своей точки зрѣнія, критикуя какъ свои дѣйствія, такъ и поступки англичанъ и русскихъ. Нельзя не замѣтить повышеннаго тона, въ которомъ все время своего повѣствованія держится эмиръ, но нельзя и согласиться съ переводчикомъ, который въ своемъ предисловіи и примѣчаніяхъ хочетъ во что бы то ни стало умалить достоинства Абдурахмана, которыми онъ, несомнѣнно, обладалъ, и предъявляетъ къ нему тѣ же требованія, какія можно предъявлять къ европейскимъ монархамъ.

Нельзя забывать, что Абдурахманъ самородокъ, что все, чего онъ достигъ, — только плоды его недюжиннаго ума. Не имѣя средствъ, онъ сумѣлъ заставить Англію платить ему субсидію, похожую на дань, и при этомъ сумѣлъ сохранить фактически свою независимость —и этого не цѣнитъ г. переводчикъ, нападая на эмира тамъ, гдѣ это не слѣдовало бы, и обходя своими примѣчаніями мѣста, которыя замалчивать тѣмъ болѣе ему, русскому офицеру, не подобаетъ.

Напримѣръ, на стр. 376 въ т. I, разсказывая о столкновеніи русскаго отряда на Памирѣ у Сумэ-таша съ афганцами, эмиръ, конечно, со словъ доносившихъ

ему объ этой стычкѣ афганцевъ и очевидно въ искаженномъ видѣ, обвиняетъ полковника Іонова (нынѣ генералъ-лейтенанта), что онъ при переговорахъ съ афганскимъ офицеромъ, капитаномъ Шамсуддинъ-ханомъ, ударилъ послѣдняго кулакомъ по лицу, чѣмъ и вызвалъ стычку, слѣдствіемъ которой было поголовное избіеніе афганскаго поста. Подобное обвиненіе пятномъ должно лечь на ни въ чемъ неповиннаго М. Е. Іонова, который и не думалъ ничего подобнаго совершать. Я, какъ свидѣтель всего происшедшаго и какъ участникъ рекогносцировки, во время которой и произошла упомянутая стычка, считаю своимъ долгомъ опровергнуть эту клевету, возводимую на бывшаго нашего начальника отряда. Во время переговоровъ съ капитаномъ Шамсуддинъ-ханомъ полковникъ Іоновъ былъ на лошади, капитанъ стоялъ отъ него довольно далеко и держалъ себя хотя немного рѣзко, но все же въ высшей степени корректно. Когда же афганецъ отказался наотрѣзъ оставить добровольно постъ, то Іоновъ приказалъ казакамъ перехватать афганцевъ, желая тѣмъ избѣгнуть кровопролитія, но афганцы открыли огонь, и Іонову ничего не оставалось, какъ отвѣчать тѣмъ же.

Г. Грулевъ, какъ служившій въ штабѣ Ферганской области, по всей вѣроятности, долженъ былъ бы знать объ этихъ подробностяхъ 12 іюля 1892 г., такъ какъ это событіе очень интересовало все общество во время его пребыванія въ Ферганѣ, и обходъ молчаніемъ клеветы Абдурахмана, возводимой на Іонова, ему не простителенъ. Въ одномъ голомъ фактѣ безъ личностей и то сквозитъ полнѣйшая невѣроятность. Можно ли допустить, чтобы какой либо изъ русскихъ офицеровъ при военныхъ переговорахъ съ врагомъ, себѣ подобнымъ же офицеромъ, ударилъ его по лицу,—нѣтъ, въ русской арміи этого быть не можетъ.

Затѣмъ г. Грулевъ обвиняетъ Абдурахмана за его неблагодарность къ Россіи. Молъ, ѣлъ нашу хлѣбъ-соль, а когда попалъ на престолъ, то повернулся къ намъ спиною ради англійскаго золота. И въ этомъ переводчикъ неправъ въ своихъ замѣчаніяхъ. Абдурахманъ цѣнитъ русское гостепріимство и на стр. 324 въ томѣ I самъ говоритъ, что никогда его не забудетъ, но какъ правитель, заботящійся о благосостояніи его страны, будетъ дружить съ Англіей, пока это ему будетъ необходимо. Наибольшій интересъ представляетъ собою 2-й томъ автобіографіи, въ которой эмиръ подробно касается престолонаслѣдія и считаетъ своимъ наслѣдникомъ того изъ сыновей, который будетъ избранъ народомъ, а что Хабибулла-ханъ при жизни его былъ лишь его первымъ помощникомъ. Затѣмъ онъ описываетъ заводы, фабрики и другія учрежденія Афганистана, конечно, не безъ хвастовства, такъ присущаго афганцамъ, но все же затрогиваетъ все, что только можетъ имѣть тотъ или другой интересъ. Вообще «автобіографія Абдурахмана» полна живого интереса.

Современное положеніе Афганистана дѣлаетъ ее просто необходимою для ознакомленія каждаго русскаго человѣка, интересующагося своимъ ближайшимъ сосѣдомъ въ Азіи—Афганистаномъ, съ которымъ быть, можетъ, еще придется посчитаться.

Издана книга безукоризненно, напечатана прекраснымъ четкимъ шрифтомъ, съ приложеніемъ рисунковъ, правда, устарѣлыхъ, особенно же въ отношеніи

изображаемаго на нихъ оружія. Да и сами афганцы нарисованы грубо, съ большимъ отступленіемъ отъ ихъ типа и одежды. Къ книгѣ приложена подробная карта.

Борисъ Тагѣевъ.

П. Пирлингъ. Изъ Смутнаго времени. Статьи и замѣтки. Спб. 1902.

Труды отца Пирлинга надъ научной разработкой русской исторіи пріобрѣли ему почетную извѣстность знатока въ избранной имъ эпохѣ Смутнаго времени Московскаго государства; не такъ давно еще появился въ свѣтъ его капитальный трудъ—La Russie et le Saint-Siège, томъ III, нынѣ выходящій и въ русскомъ переводѣ, а неутомимый ученый уже снова подарилъ читающую публику новымъ цѣннымъ произведеніемъ.

Назвать только что появившуюся книгу отца Пирлинга чѣмъ либо безусловно новымъ нельзя; эти его «статьи и замѣтки» представляютъ или рядъ этюдовъ къ вышеназванной его большой работѣ, этюдовъ, появлявшихся въ свое время въ различныхъ русскихъ и французскихъ историческихъ журналахъ, или же небольшія монографіи и замѣтки по особо интересующимъ его вопросамъ, развивающія болѣе подробно и обстоятельно темы, уже затронутыя имъ ранѣе. Поэтому съ внѣшней стороны книжка уважаемаго ученаго представляется въ видѣ случайнаго подбора статей, которыя, однако же, всѣ связаны одною руководящею идеею, придающею стройный, цѣлостный характеръ сборнику этихъ замѣтокъ. Это—все та же идея, которая красною нитью проходитъ чрезъ всѣ труды отца Пирлинга о Смутѣ—стремленіе доказать, что курія неповинна въ созданіи этой смуты, что самозванчество—чисто московское, русское дѣло, что отъ, кто называлъ себя царемъ Димитріемъ,—на дѣлѣ былъ бѣглымъ чудовскимъ монахомъ Гришкою Отрепьевымъ. Для доказательства этихъ положеній отецъ Пирлингъ пускаетъ въ ходъ цѣлый арсеналъ аргументовъ, заставляющій насъ невольно преклоняться предъ громадной начитанностью его въ источникахъ и пособіяхъ исторіи Смуты, а также и предъ его діалектической ловкостью, предъ его тонкимъ умѣньемъ доказывать то, что ему желательно доказать.

Не всѣ, однако же, доводы отца Пирлинга могутъ быть приняты безъ провѣрки, и не всѣ, какъ кажется, удовлетворяютъ требованіямъ такой провѣрки. Прежде всего нельзя считать достаточно убѣдительными аргументы уважаемаго ученаго въ пользу тожества названнаго Димитрія и Гришки Отрепьева, а также и его отрицательное отношеніе къ Массѣ, Маржерету и его полемику съ Н. И. Костомаровымъ. Нельзя, напримѣръ, настаивать на томъ, что если Годуновъ назвалъ самозванца Отрепьевымъ, то это такъ дѣйствительно и было; царю Борису было важно бросить въ народъ не непремѣнно настоящее имя своего врага, а вообще какое бы ни было имя; «въ самый разгаръ московской анархіи... другой клички не нашлось, кромѣ Гришки Отрепьева», говоритъ отецъ Пирлингъ; но можетъ ли онъ доказать, что это было потому, что имя Отрепьева было подлинное имя, а не потому, что съ этой кличкой свыклись? Димитрій, продолжаетъ онъ, подвергалъ семью Отрепьевыхъ гоненію, стало быть, онъ—Отрепьевъ; едва ли такъ: гоненія могутъ быть гораздо проще объяснены распространеніемъ въ народѣ несчастныхъ сплетенъ о Гришкѣ. Равнымъ образомъ и знаменитая

челобитная Отреньевыхъ царю Алексѣю о перемѣнѣ ихъ фамильнаго прозвища врядъ ли можетъ служить неоспоримымъ доказательствомъ: въ челобитной этой Отреньевы уже по самому ея свойству должны были неизбѣжно стоять на почвѣ официальныхъ воззрѣній. «Имя Гришки Отреньева появилось при Годуновѣ, имъ пользовалось правленіе Шуйскаго, его же выставляли и Романовы», пишетъ почтенный авторъ, считая это доводомъ въ пользу своего мнѣнія; но развѣ можно отрицать, что и Годунову, и Шуйскому, и Романовымъ — всѣмъ одинаково важно было настоять на самозванствѣ Димитрія, а опровергая другъ друга, едва ли могли они разсчитывать на довѣріе и къ собственнымъ утвержденіямъ.

Въ отношеніяхъ отца Пирлинга къ Маржерету проглядываетъ нѣкоторая странная двойственность: считая француза свидѣтелемъ, заслуживающимъ довѣрія, онъ въ то же время ему не довѣряетъ; говоря, что Маржеретъ долженъ былъ знать многое, тутъ же приводитъ грубѣйшую его ошибку и т. п. Что же касается до Массы, то давно уже обращено вниманіе на несовсѣмъ прочно обоснованное недовѣріе отца Пирлинга къ этому свидѣтелю: еще А. К. Мерцаловъ въ своихъ «Очеркахъ изъ исторіи Смутнаго времени» (стр. 25) очень подробно разсматриваетъ взглядъ отца Пирлинга на Массу и довольно основательно защищаетъ голландца противъ почтеннаго ученаго; послѣдній, напримѣръ, ставитъ Массѣ въ вину его религіозное небезпристрастіе и даже чуть ли не упрекаетъ его довольно сомнительнымъ семитическимъ происхожденіемъ, но почему же, если мы, слѣдуя отцу Пирлингу, будемъ довѣрять фанатику-іезуиту Лавицкому, мы откажемъ въ довѣріи врагу іезуитовъ, Массѣ? Въ общемъ выводы нашего автора о Массѣ сводятся къ слѣдующему: личныя его наблюденія большей частью выдерживаютъ провѣрку, когда же ему приходится говорить съ чужихъ словъ, онъ не всегда заслуживаетъ безусловнаго довѣрія; но вѣдь это не даетъ намъ права пренебрегать сказаніемъ Массы, какъ историческихъ источникомъ, скорѣе даже напротивъ.

Нельзя также думать, что отцу Пирлингу удалось совершенно обѣлить Польшу и курію отъ обвиненія въ злостномъ участіи въ Смутѣ и доказать даже едва ли не доброжелательное отношеніе папства къ Россіи. Трудно избавить польскихъ сенаторовъ отъ упрека въ двуличіи, когда они, противодѣйствуя политикѣ Сигизмунда III, въ то же время обманывали Постника-Огарева; трудно, кажется, опровергнуть подозрѣніе, что папы не помогли Сигизмунду въ походѣ 1610 года потому, что знали, что завоеваніе Московіи ведется не только для выгодъ католичества, но и въ интересахъ короля и Польши; поэтому, зная, что король начатаго дѣла во всякомъ случаѣ не броситъ, папство надѣялось достигнуть своего и не тратясь.

Помимо этихъ спорныхъ положеній, новая книга отца Пирлинга заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ выводовъ, драгоцѣнныхъ для всѣхъ, работающихъ надъ эпохой Смуты; особенно важны его замѣтки объ источникахъ исторіи названнаго Димитрія, источникахъ, по большей части, малоизвѣстныхъ. Трудъ уважаемаго ученаго, поэтому, несомнѣнно будетъ встрѣченъ сочувственно и получитъ широкое распространеніе. **М. П—й.**

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго правительствующаго синода. Томъ X (1730 г.). Спб. 1901.

Десятый томъ описанія архива святѣйшаго синода заключаетъ въ себѣ перечень 508 дѣлъ, касающихся вопросовъ церковныхъ, религіозныхъ, административныхъ, хозяйственныхъ, бытовыхъ и т. д. Каждое дѣло сопровождается краткимъ изложеніемъ его содержанія, а наиболѣе любопытныя дѣла приведены полностью. 1730 годъ, къ которому относятся эти дѣла, былъ обиленъ преслѣдованіями, возбужденными противъ лицъ, не сочувствовавшихъ избранію на престолъ, послѣ кончины Петра II, герцогини курляндской Анны Іоанновны. Въ числѣ пострадавшихъ находились и многія духовныя лица. Такъ, въ десятомъ томѣ подробно описанъ судъ надъ епископомъ воронежскимъ Львомъ Юрловымъ и кіевскимъ Варлаамомъ Вонатовичемъ, обвиненными въ томъ, что они своевременно не отслужили молебновъ по случаю восшествія императрицы на престолъ. Оба они были лишены сана и заточены въ монастырь. Весьма интересны матеріалы, касающіеся нашей церковной миссіи въ Китаѣ; вѣдомость о напечатанныхъ въ московской синодальной типографіи книгахъ, съ указаніемъ числа напечатанныхъ книгъ и ихъ стоимости: изъ вѣдомости видно, что съ 1665 по 1727 годъ выпущено 123.345 экземпляровъ, на сумму 82.724 рубля по продажной цѣнѣ; поименная вѣдомость учениковъ славяно-греко-латинской московской академіи, съ учрежденія синода; вѣдомость о московскомъ черномъ и бѣломъ духовенствѣ; дѣло о ложно вымышленномъ чудѣ отъ Богородичнаго образа, находящагося въ домѣ шляхтича Азанчеева и др. Вообще настоящій томъ «Описанія архива» обиленъ цѣннымъ матеріаломъ преимущественно для исторіи быта. Изданъ онъ подъ редакціей члена архивной К. Я. Здравомыслова и, можетъ въ всѣхъ отношеніяхъ служить образцомъ того, какъ слѣдуетъ издавать описанія архивныхъ дѣлъ. О. Ш.

Восковая свѣча въ греко-грузинской церкви. Юбилейное изданіе. Е. К. Тифлисъ. 1901.

Употребленіе воска и восковыхъ свѣчей восходитъ къ отдаленнѣйшимъ временамъ. По свидѣтельству Геродота и Страбона, персы хоронили покойниковъ, покрывъ трупъ воскомъ. Воскъ употреблялся для навощиванья дощечекъ, замѣнявшихъ бумагу, а египтяне употребляли его для бальзамированія труповъ. По Зороастру, воскъ служилъ жертвой для Ормузда. Въ языческую Грузію перешелъ изъ Персіи обычай возжигать свѣчи на особенно устроенныхъ жертвенницахъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ царевичъ Теймуразъ. Пчеловодство въ Грузіи, по Страбону, составляло распространенное занятіе. Изъ Поти вывозили въ древности воскъ и медъ. Христіанская церковь, возникшая изъ нѣдръ еврейской синагоги, удержала много обрядовъ ветхозавѣтныхъ и въ томъ числѣ употребленіе восковыхъ свѣчей, которыя, по словамъ Тертуліана, изображаютъ свѣтъ несотворенный. Въ VI вѣкѣ въ греческой церкви употребленіе восковыхъ свѣчей ограждается государственными законами. Въ грузинской церкви этотъ обычай восходитъ къ первымъ временамъ христіанства и укрѣпляется въ V—въ вѣкѣ при XIII сирійскихъ отцахъ. Какъ видно изъ гуджаръ, грузинскіе цари, князья, купцы и крестьяне добровольно облагали себя воскомъ въ пользу церкви. Авторъ подробно останавливается на изученіи церковно-свѣчного вопроса XVIII—XIX вѣковъ въ Грузіи. **А. Хах—овъ.**

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ДРЕВНЕ-ГРЕЧЕСКАЯ эпоха. Хотя на иностранныхъ языкахъ, особенно на нѣмецкомъ и англійскомъ, существуетъ много книгъ по греческой исторіи, но на-дняхъ вышелъ еще любопытный трудъ по этому предмету нѣмецкаго ученаго Юліуса Кэрста [1]). Повидимому, онъ болѣе стремится представить общую картину принциповъ и идей греческой эпохи, чѣмъ фактическую сторону ея исторіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ даже слишкомъ распространяется въ подробностяхъ, такъ какъ прежніе авторы, какъ нѣмцы Дройзенъ, Низэ и другіе, а также англичане Магаффи, Гольмъ и Гогардъ исчерпали всѣ матеріалы объ этомъ періодѣ. Съ сокращеніемъ его трудъ только бы выигралъ, и особенно вышедшій до сихъ поръ первый томъ, большая часть котораго посвящена исторіи Филиппа и Александра. Несмотря на это и на обычный тяжелый слогъ нѣмецкихъ ученыхъ, книга Кэрста чрезвычайно основательна, полезна и интересна. Указавъ на внутреннія причины цивилизаціи греческихъ городовъ, о которой нельзя сказать много новаго, онъ останавливается на исторіи македонскаго народа въ ту эпоху, когда Филиппъ довелъ его до могущества. Авторъ настаиваетъ на томъ, что македоняне болѣе принадлежали къ свойственной грекамъ рассѣ, чѣмъ иллирійцы и ѳракійцы, а потому эта нація легче восприняла греческую культуру. Даже македонскій языкъ, хотя совершенно отдѣльный, имѣлъ много общаго съ греческимъ. Еще замѣчательнѣе, что составъ македонскаго общества и отношенія между королями, благороднымъ сословіемъ и народомъ были чрезвычайно аналогичны съ поло-

[1]) Geschichte des hellenistischen Zeitalters. Von Julius Kaerst. Band I. Leipzig. 1901.

женіемъ греческаго общества въ эпоху Иліады. Но при этомъ, хотя Греція, съ теченіемъ времени, развивалась отъ сельской жизни до городской, отъ монархіи и аристократіи до демократіи, македоняне остались первобытными горными жителями, невѣжественными охотниками и пастухами. Такимъ образомъ они оставались въ резервѣ до упадка грековъ и составили средоточіе военной власти, покорившей при двухъ необыкновенныхъ государяхъ Грецію, Малую Азію и Востокъ. Потомъ Кэрстъ переходитъ въ настоящемъ томѣ къ другому интересному вопросу, именно къ обращенію Александра съ греками, преимущественно съ коринеской конфедераціей. Онъ началъ войну съ Персіей офиціально, какъ глава этой конфедераціи, но, въ сущности, мало пользовался ея помощью. Очень мало греческихъ войскъ принимало участіе въ наступательномъ движеніи, потому ли, что онъ не довѣрялъ имъ, или, что онъ считалъ ихъ гораздо ниже своихъ македонянъ въ военномъ отношеніи. Напротивъ, его флотъ, естественно, былъ болѣе греческимъ, чѣмъ его армія, а полевые отряды онъ распустилъ вскорѣ послѣ сраженія при Арбелахъ. Потому, справедливо заключаетъ Кэрстъ, Александръ мало надѣялся на союзниковъ грековъ и послѣ своей побѣды продолжалъ войну съ Персіей, уже какъ король Македоніи. Такимъ образомъ греки, взятые въ плѣнъ въ числѣ персидскихъ войскъ, не считались измѣнниками общему отечеству, какъ при Граникѣ, но приняты были за наемныхъ солдатъ и въ томъ же значеніи причислены въ македонскую армію. Что касается до военныхъ способностей Александра, то въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Кэрстъ приводитъ, однако, множество доказательствъ того, что Александръ не только на Востокѣ, но даже въ Греціи не противодѣйствовалъ своимъ современникамъ поклоняться ему, какъ божеству.

— **Юстиніанъ и византійская цивилизація въ VI вѣкѣ.** Уже нѣсколько лѣтъ вниманіе ученыхъ всѣхъ національностей обращено на исторію и цивилизацію Византійской имперіи. Прежнее пренебреженіе этимъ вопросомъ смѣнилось полнымъ сочувствіемъ. Между этими учеными, французскій историкъ, Шарль Диль, блестяще написавшій исторію византійскихъ частей Италіи и Африки, прибавилъ еще одинъ выдающійся трудъ [1]), относящійся къ царствованію Юстиніана, которое обнимало около половины VI столѣтія. До сихъ поръ, по странной случайности, не существовало на французскомъ языкѣ полнаго и цѣльнаго труда о царствованіи этого знаменитаго императора. Произведеніе Диля представляетъ не только историческій и описательный разсказъ различныхъ важныхъ событій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полную картину византійской жизни и цивилизаціи этой эпохи, со всѣми подробностями. Сдѣлавъ критическій обзоръ историческимъ источникамъ, весьма многочисленнымъ и разнообразнымъ, Шарль Диль посвящаетъ первую часть правительству. Въ послѣдовательныхъ главахъ онъ знакомитъ читателя прежде всего съ императоромъ, «хотѣвшимъ болѣе, чѣмъ кто либо другой, быть воплощеніемъ императорской идеи, дополнившейся христіанской». Это дѣлало его великимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, представляло затруднительнымъ вѣрное сужденіе о немъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ императрицѣ Ѳеодорѣ, которая, несмотря на свою легендарную

[1]) **Institusien et la civilisation bysantine au VI siècle, par C. Diehl. Paris. 1901.**

исторію, «была также великой государыней, занимая значительное мѣсто возлѣ Юстиніана, и очень часто играла рѣшительную роль въ управленіи государствомъ». По словамъ Диля, она была оригинальной и могущественной личностью. Ея деспотическій и высокомѣрный, энергичный и сильный характеръ съ рѣдкимъ, но сложнымъ умомъ представляли глубокій психологическій интересъ. Одна глава посвящена блестящему двору этихъ двухъ выскочекъ, сдѣлавшихся государями, и, наконецъ, министрамъ Юстиніана, между которыми было нѣсколько знаменитостей. Во второй части Диль знакомитъ съ колоссальными предпріятіями Юстиніана, съ управленіемъ и съ администраціей его громадной имперіи. Онъ послѣдовательно изучаетъ внутреннюю политику; она состояла въ избѣжаніи территоріальныхъ потерь и въ возстановленіи древней Римской имперіи. Его военной заботой была защита имперіи; онъ вновь создалъ армію, сдѣлавшуюся всемогущимъ орудіемъ. По этому поводу авторъ разсказываетъ о большихъ побѣдоносныхъ войнахъ, возвратившихъ имперіи Африку, Италію и, на короткое время, даже Испанію, а также относительно оборонительныхъ войнъ съ персами, съ ихъ королемъ Хозроемъ и различными варварскими народами сѣвера. Въ другихъ главахъ разсматриваются законодательные труды Юстиніана, «служившіе базисомъ не только въ средніе вѣка, но даже и теперь, при изученіи римскаго права». Что касается до административныхъ работъ, то его глубокія и плодотворныя реформы преобразовали Востокъ. Религіозные же его труды были различны и сложны, а дипломатическая дѣятельность—разнообразна и очень искусна. Послѣдняя часть самая новая, а также самая интересная. Она посвящена византійской цивилизаціи VI вѣка, и въ ней говорится о четырехъ большихъ городахъ имперіи: Константинополѣ, Аѳинахъ, Антіохіи и Равеннѣ. Каждый изъ нихъ представляетъ совершенно различныя стороны этой утонченной цивилизаціи. Константинополь—славный, христіанскій городъ, украшенный Юстиніаномъ благородными памятниками, между которыми Гипподромъ сдѣлался его форумомъ, а святая Софія—центромъ христіанскаго общества; Аѳины—послѣднее убѣжище опальнаго язычества; Антіохія—большая метрополія Азіи, еще вся пропитанная язычествомъ, несмотря на то, что была страстно религіозною; наконецъ, Равенна—столица византійской Италіи, вновь воздвигнутая на развалинахъ Западно-Римской имперіи. Описаніе Константинополя и великихъ созданій Юстиніана особенно обращаетъ на себя вниманіе читателя. Авторъ посвятилъ одну любопытную главу византійской торговлѣ VI вѣка, а другую—Риму и отношеніямъ имперіи къ папству, вліяніе котораго съ каждымъ днемъ тамъ увеличивалось. Относительно Равенны и ея церквей, съ великолѣпными мозаиками, авторъ, особенно хорошо изучившій эту сторону вопроса, говоритъ, что византійское искусство родилось и такъ славно развилось именно въ царствованіе Юстиніана. Вмѣстѣ съ тѣмъ книга великолѣпно издана и украшена множествомъ иллюстрацій.

— **Четырехсотлѣтіе Митиленской экспедиціи.** Во второмъ ноябрьскомъ нумерѣ «Correspondant» Шарль-де-ла-Ронсьеръ пишетъ [1]) о пер-

---

[1]) Le quatrieme centenaire de l'expédition de Mitylène, par Charle de La Ronciere. «La Corresdondant», 25 novembre, 1901.

вой французской экспедиціи на Митилены. 1501 года, 11 ноября, французская экспедиція, состоящая изъ девяноста кораблей и двадцати тысячъ людей, отправлялась изъ Митиленъ, не добившись отъ Блистательной Порты успѣха, несмотря на значительный флотъ. Ровно четыре столѣтія спустя, по странному совпаденію, день въ день 11 ноября, адмиралъ Гальяръ съ менѣе значительными силами покинулъ Митилены, получивъ полное удовлетвореніе отъ Порты на требованіе Франціи. Большая перемѣна произошла съ тѣхъ поръ въ Турціи. Въ 1501 году тамъ царствовалъ султанъ Баязетъ, который былъ далеко не «большимъ человѣкомъ». Его войска постоянно завоевывали венгерскую территорію, а его флотъ угрожалъ Италіи. Венеція была не въ состояніи пересилить Баязета и обратилась за помощью къ Франціи, папству и къ другимъ западнымъ христіанамъ. Почти всѣ пообѣщали направить свой флотъ къ Леванту для сохраненія интересовъ христіанства. Когда же пришло время дѣйствовать, то послѣдовало разногласіе изъ-за дѣлежа будущихъ побѣдъ. Испанцы не перешли границъ Неаполитанскаго королевства, оспариваемаго Франціей у Арагонскаго дома. Португальцы добрались до Кефалоніи, съ единственнымъ намѣреніемъ произвести иллюзію, что они сдѣлали попытку помочь, въ качествѣ же счастливыхъ соперниковъ венеціанскихъ купцовъ, они вовсе не думали поддерживать тѣхъ, чью торговлю они разорили открытіемъ новаго Индѣйскаго пути. Въ концѣ концевъ единственно Людовикъ XII пришелъ на помощь венеціанцамъ. Онъ не имѣлъ, по словамъ де-ла-Ронсьера, никакой задней мысли и никакого расчета, а желалъ лишь нанести ударъ Турецкой имперіи, возобновивъ противъ Константинополя крестовый походъ 1200 года. Въ свою очередь королева Анна, какъ добрая бретонка, выразила энтузіазмъ относительно этой идеи. Она вооружила на собственныя средства семь лучшихъ кораблей своего бретонскаго герцогства. Что касается Нормандіи, Прованса и Генуи, зависѣвшихъ тогда отъ олигархическаго правленія, то они также вооружили сильныя эскадры. Такимъ образомъ шестьдесятъ, хорошо вооруженныхъ, кораблей соединились въ Генуѣ, подъ предводительствомъ Филиппа Равенстена, генералъ-капитана французскаго флота. Надѣясь, по дорогѣ, соединиться съ другими христіанскими кораблями, Равенстенъ пустился въ путь къ Леванту. Тщетно прождавъ испанскую эскадру, онъ получилъ извѣстіе лишь отъ единственнаго флота, отправившагося въ путь въ одно время съ нимъ. Это были тридцать венеціанскихъ галеръ, стоящихъ въ Корфу, подъ предводительствомъ Пезаро. Послѣдній послалъ предложеніе Равенстену немедленно начать атаку крѣпости Валлона, убѣжища турецкихъ корсаровъ. Равенстенъ собралъ военный совѣтъ изъ главныхъ офицеровъ. При этомъ капитанъ провансальскихъ галеръ возсталъ противъ всякаго возвращенія назадъ и совѣтовалъ двинуться впередъ, чтобы начать атаку, прежде, чѣмъ наступитъ зима. Оставалось лишь выбрать пунктъ для атаки. Константинополь былъ защищенъ сильнымъ флотомъ, и о немъ не могло быть рѣчи. Наконецъ, по совѣту генуэзца, Стальено, бывшаго, когда-то, на службѣ у турокъ, выборъ палъ на Митилены. По словамъ Стальено, «этотъ островъ былъ богатъ, плодороденъ, и его легко было взять». Онъ служилъ лучшимъ базисомъ для атаки турецкихъ судовъ при выходѣ изъ Дарданеллъ. Рѣшивъ выбрать Митилены пунктомъ для атаки, военный совѣтъ

извѣстилъ объ этомъ Пезаро. Послѣдній тотчасъ же покинулъ Корфу и присоединился къ французскому флоту въ портѣ Милосѣ. 23 октября, 1501 года, ихъ флотъ приблизился къ Митиленамъ. Для избѣжанія неожиданностей со стороны турецкаго флота, былъ посланъ отрядъ, изъ восьми венеціанскихъ галеръ, въ крейсерство къ Дарданелламъ. Прежану-де-Биду было поручено, развѣдавъ о доступѣ къ укрѣпленіямъ Митилены, приготовиться къ атакѣ съ его четырьмя провансальскими галерами. Онъ отважно исполнилъ это порученіе подъ жестокимъ огнемъ. Митилена была защищена съ берега громадной башней, омывающейся моремъ. Это былъ первый редутъ, которымъ предстояло овладѣть. 26 октября Равенстенъ высадилъ 3.000 человѣкъ, изъ которыхъ двѣ трети были французы, съ двадцатью четырьмя осадными орудіями. Турки, оттѣсненные съ берега, стали отступать, шагъ за шагомъ къ предмѣстьямъ, которыя они были вынуждены покинуть. Знаменосецъ пѣхотинцевъ былъ убитъ при водруженіи знамени на наружныхъ валахъ Митилены, но его рота осталась обладательницей территоріи. Что касается турокъ, то они вышли тайно изъ города и сѣли на свои бригантины, затѣмъ высадились французамъ въ тылъ и, занявъ господствующую позицію, установили три пушки, очистивъ ими валы и сдѣлавъ ихъ ненадежными для защиты. Между тѣмъ Равенстенъ началъ обстрѣливать башню, находящуюся на берегу моря, стрѣльба изъ которой очень стѣсняла сношенія флота съ высаженными войсками. Цѣлую недѣлю продолжалось обстрѣливаніе. Нерѣдко въ ночной тишинѣ раздавалось пѣніе бретонцевъ, которое турки не нарушали, и даже установилась бесѣда на бретонскомъ нарѣчіи между однимъ уроженцемъ Кимперле, находившимся у турокъ, и морякомъ королевы Анны. Черезъ него узнали о бѣдственномъ положеніи турецкаго гарнизона. Дѣйствительно большая часть стѣнъ рушилась подъ французскими ядрами. Узнавъ объ этомъ, Равенстенъ далъ сигналъ къ штурму, оказавшемуся для французовъ неудачнымъ. Большая часть солдатъ была ранена или больна, а боевые запасы истощились. Ожидаемая Равенстеномъ эскадра родосскихъ рыцарей не появлялась; онъ рѣшилъ снять осаду и 29 октября снова посадилъ на суда артиллерію. На другой день, посланныя на развѣдки къ Дарданелламъ, венеціанскія галеры сообщили, что нечего бояться атаки со стороны турокъ. Венеціанцы настаивали на блокадѣ Митиленъ, гдѣ началъ проявляться голодъ. Было рѣшено снова высадиться, но внезапно появились семьсотъ турокъ и пробились черезъ войска, обступившія городъ. Французы смѣло отбивались, но потеряли большое количество людей. Еще попробовали сдѣлать приступъ, но и онъ не удался. Къ довершенію несчастія не было извѣстно объ ожидаемомъ французами родосскомъ флотѣ, состоявшемъ изъ 24 кораблей и 4.400 человѣкъ. Отступленіе снова было рѣшено и на этотъ разъ безвозвратно. Равенстенъ и Пезаро разстались. Первый направился къ Франціи, второй къ Греціи. 25-го ноября, въ день св. Екатерины, корабль Равенстена приблизился къ острову Цитеры—теперь Чериго—какъ внезапно поднялась буря. Равенстенъ скомандовалъ выбросить всѣ якоря, но въ одну минуту шкоты лопнули, мачты затрещали и съ шумомъ грохнулись—судно пошло по волѣ вѣтра. Никто не пробовалъ бороться со стихіей. Усталые, совершенно предавшіеся отчаянію люди неподвижно ожидали избавленія, или смерти.

Въ два часа утра раздался страшный трескъ: судно натолкнулось на подводные камни острова Цитеры и пошло ко дну. Равенстенъ и главныя лица помѣщались по обычаю наверху. Увидѣвъ при лунномъ освѣщеніи утесъ, они уцѣпились за него. Изъ шестисотъ человѣкъ экипажа спаслись лишь двѣсти, остальные погибли. Жители Цитеры оказались грубыми, непривѣтливыми и дикими. Они безчеловѣчно отнеслись къ несчастнымъ, потерпѣвшимъ крушеніе, покинувъ ихъ на произволъ судьбы. При восходѣ солнца Равенстенъ и его спутники увидѣли на морѣ приближавшійся большой корабль. Онъ уже былъ на короткомъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ погибло ихъ судно, какъ вдругъ громадная волна приподняла его и отбросила на одинъ изъ подводныхъ камней. Корабль пошелъ ко дну на глазахъ Равенстена, и не было возможности подать помощь. Только два человѣка были выброшены, въ безсознательномъ состояніи, на берегъ. Въ продолженіе 21-го дня Равенстенъ и его спутники скитались по острову, безъ одежды и пищи, прося у каждой двери милостыню, но жители Чериго и другихъ городовъ безжалостно отталкивали ихъ. Многіе изъ несчастныхъ скитальцевъ умерли отъ холода и голода. Наконецъ счастье повернулось къ нимъ, и въ одинъ прекрасный день, къ острову, совершенно случайно, приблизилась венеціанская галера, и капитанъ, высадивъ сто солдатъ, принудилъ жителей пріютить страдальцевъ. Затѣмъ онъ немедленно увѣдомилъ генуэзскую эскадру, находившуюся у Милоса, о требуемой поспѣшной помощи генералъ-капитаномъ. Тотчасъ же отправили къ острову Цитеры три галеры. Остальное путешествіе Равенстена обошлось безъ горестныхъ приключеній. Такъ неудачно окончилась первая Митиленская экспедиція.

— **Первый французскій комическій авторъ.** Густавъ Филиппонъ помѣстилъ въ послѣднемъ ноябрьскомъ нумерѣ «Revue Hebdomadaire» статью о первомъ французскомъ комическомъ авторѣ [1]). Этьенъ Жодель, по прозванію Парижанинъ, родился въ Парижѣ въ 1532 г. Онъ принадлежалъ къ Лимоденской дворянской семьѣ. Хотя Жодель былъ поэтъ и оставилъ множество поэтическихъ произведеній, но главное онъ создалъ французскую комедію. Жодель основательно зналъ греческій и латинскій языки, что позволяло ему познакомиться съ древними трагедіями и комедіями, проникнуться ими и дать французской публикѣ театральныя пьесы, основанныя на классическихъ традиціяхъ. Онъ сочинилъ много трагедій и, повидимому, большее количество комедій. Теперь существуетъ только три его произведенія—трагедіи: «Клеопатра въ плѣну» и «Дидона», и комедія: «Евгеній». Послѣдняя была представлена въ 1552 и 1558 г. Хотя и до Жоделя были авторы, печатавшіе и ставившіе на сценѣ свои произведенія, переведенныя французскими стихами изъ Софокла и Аристофана, въ особенности Баифъ въ 1537 г. и Ронсаръ въ 1549 г., но это были переводы. Жодель первый создалъ оригинальныя пьесы. Хотя его трагедіи много уступали комедіямъ, но, все-таки, онъ былъ первый, осмѣлившійся провозгласить побѣду французскаго языка. Его комедія «Евгеній» была не только французской по языку, которымъ въ ней говорили, но также по характеру и дѣйствію. Онъ

---

[1]) Estienne Jodelle Parision (1532—1273), par Gustave Philippon. La Revue Hebhomahaire, 30 novembre 1901

позаимствовалъ изъ классическихъ традицій только то, что навсегда должны остаться въ сценическомъ искусствѣ, и въ то же время основалъ настоящую французскую комедію, сохранивъ гальскія традиціи, переданныя фарсами и шуточными пьесами. Какимъ громаднымъ успѣхомъ пользовались пьесы Жоделя, видно изъ того, что король Генрихъ II пожелалъ присутствовать на первыхъ представленіяхъ «Евгенія» и драмы «Клеопатра въ плѣну», дававшихся съ большей пышностью въ Реймской коллегіи. Въ хроникѣ той эпохи упоминалось объ этомъ событіи, при чемъ говорилось, что лучшіе актеры того времени Реми, Белло и Жанъ де-ла-Перюзъ играли главныя роли. Это доказываетъ, какой репутаціи достигъ Жодель. Паскье прибавилъ въ хроникѣ, что король пожаловалъ Жоделю пятьсотъ экю и оказалъ ему еще другія милости, «тѣмъ болѣе, что эта новая вещь прекрасна и очень рѣдкая». Успѣхъ Жоделя былъ послѣднимъ ударомъ, нанесеннымъ «Товариществу Мистерій», игравшему около двухъ вѣковъ въ Бургонскомъ залѣ. Они были запрещены за три года передъ появленіемъ на сценѣ пьесъ Жоделя. «Товарищество» принуждено было играть фарсы и отдать свои залы моднымъ комедіантамъ. Такъ было положено начало французской комедіи. Жодель умеръ въ 1573 г.

— Энциклопедисты. До сихъ поръ еще не появлялось ни одного общаго изслѣдованія объ энциклопедистахъ, и Л. Дюкро, выпустивъ свой трудъ, пополнилъ этотъ пробѣлъ [1]). Авторъ говоритъ: «Энциклопедія, это XVIII вѣкъ, сокращенный, сжатый, превращенный въ словарь». Это не былъ трудъ секты, общества людей съ одинаковыми взглядами и убѣжденіями, взаимно уважающими другъ друга. Наоборотъ энциклопедисты были разныхъ мнѣній и даже между собою соперники, но у нихъ были три руководящія идеи: природа, разумъ и человѣчество, заставлявшія ихъ противиться во всѣхъ пунктахъ аскетизму и католической нетерпимости. Доктрина, заключающаяся въ этихъ трехъ словахъ, по мнѣнію Дюкро, имѣетъ начало въ идеяхъ Возрожденія, Реформаціи, свободомыслящихъ, Декарта, истолкованнаго на свой ладъ, Бейля и англійскихъ деистовъ. Они не республиканцы, еще менѣе «либералы», но они боролись противъ привилегій, въ пользу таланта, противъ всякаго рода злоупотребленій—въ пользу ремесленниковъ и крестьянъ, противъ судебныхъ пытокъ и юридическихъ смертоубійствъ, противъ нелѣпыхъ вѣрованій—въ пользу человѣчества. Энциклопедисты «хотѣли двинуть науку, резюмировать ее и опростонародить». Они тщательно скрывали борьбу противъ религіи, дѣлая видъ, что защищаютъ католическую вѣру, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, энергично ее подрывали. Съ перваго же времени энциклопедисты подверглись нападкамъ духовенства, которое поддерживали парламентъ и пасквилянты, а всѣхъ ожесточеннѣе Фреронъ. Энциклопедистамъ же покровительствовалъ Мальзербъ. Мысль о подобномъ изданіи явилась первому Дидро, принимавшему дѣятельное участіе въ энциклопедіи съ начала до конца. Онъ же былъ главнымъ редакторомъ, а его помощниками были Даламберъ, Вольтеръ, Жомонъ, Тюрго, а такъ называемыми «полу-энциклопедистами» аббатъ Кондильякъ, Бюффонъ Монтескье, Гельвецій, Дюкло, аббатъ Рейналь, Некеръ, баронъ Гольбахъ, аббатъ Мабли, ученые,

[1]) Les Encyclopedistes, par L. Ducros, Paris. 1901.

доктора, офицеры, инженеры, свѣтскіе люди, философы, и проч. Все это были люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ и убѣжденій. Бюффонъ заставилъ прождать одну статью четырнадцать лѣтъ. Что же касается Руссо, то онъ внезапно поссорился съ Дидро. Самыми энергичными дѣятелями, кромѣ Дидро, были Даламберъ, Жокуръ, Мармонтель и Вольтеръ. Энциклопедисты начали свою работу въ 1751 г., а окончили въ 1764. Послѣ появленія двухъ первыхъ томовъ, парламентъ остановилъ изданіе Энциклопедіи на восемнадцать мѣсяцевъ. Затѣмъ энциклопедисты снова принялись, съ прежнимъ жаромъ, за изданіе своего труда, но въ 1757 г. снова парламентъ запретилъ его. Одинъ изъ двухъ редакторовъ, Даламберъ, любившій больше всего покой, испугался и отказался сотрудничать. Ни Дидро, ни Вольтеръ не могли его вернуть къ прежнему рѣшенію. Но Дидро энергично и упорно отстаивалъ изданіе Энциклопедіи. Съ этой цѣлью онъ заинтересовалъ въ предпріятіи Помпадуръ, Ришелье, Берни, Шуазеля и Мальзерба, и наконецъ черезъ восемь лѣтъ добился отъ правительства разрѣшенія продолжать изданіе Энциклопедіи. При этомъ онъ энергично работалъ: руководилъ, писалъ и выбрасывалъ слишкомъ опасныя статьи. Узнавъ о затрудненіяхъ со стороны парламента, императрица Екатерина, покровительствовавшая Дидро, предложила ему пріѣхать въ Петербургъ для окончанія печатанія Энциклопедіи, но онъ отказался. Благодаря задержкамъ, послѣдній томъ появился въ 1772 г., а оглавленіе и прибавленіе вышли лишь въ 1780 г. Вся же энциклопедія состояла изъ 28 томовъ. По мнѣнію Дюкро, энциклопедисты служили прогрессу, какъ нравственному, такъ и политическому, однако, не имѣя прямого вліянія на революцію. Они распространили идею о естественномъ правѣ и естественномъ законѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣчаетъ, что Энциклопедія дурно составлена и страдаетъ ошибками.

— Адамъ Люксъ. Много писали о различныхъ жертвахъ революціи, но объ Адамѣ Люксѣ [1]), страстномъ поклонникѣ Шарлоты Корде, извѣстно немного. Въ одномъ изъ ноябрьскихъ нумеровъ «Revue Hebdomadaire» Поль Голо описываетъ эту интересную, съ психологической точки зрѣнія, личность. Адамъ Люксъ—нѣмецъ. Онъ родился 27 декабря 1765 г. въ германскомъ городѣ Обернбургѣ, близъ Майнца. Его родители были, вѣроятно, мелкіе мѣщане или зажиточные крестьяне. Образованіе Люкса было довольно сложное: онъ зналъ греческій и латинскій языки, изучалъ фармацевтику и медицину, но питая отвращеніе къ практическимъ занятіямъ анатоміей, не рѣшился продолжать этотъ путь. Поселившись на принадлежащемъ ему небольшомъ участкѣ земли, недалеко отъ Майнца, онъ занялся хлѣбопашествомъ. Вскорѣ Люксъ женился на своей родственницѣ, Сабинѣ Рейтеръ, и имѣлъ отъ нея двухъ дочерей. Онъ любилъ жену и дѣтей, и, вѣроятно, его жизнь протекла бы спокойно и счастливо, если бы не событія конца того вѣка, выбившія многихъ— не только французовъ, но также иностранцевъ — изъ предназначенной имъ судьбою колеи. Изъ послѣднихъ былъ иниціаторомъ Адамъ Люксъ. Восторгъ Жанъ-Жакомъ Руссо и его соціальными теоріями подготовили его къ этому. При томъ въ Майнцѣ больше, чѣмъ гдѣ либо, были люди, готовые воспламениться

[1]) Adam Lux, par Paul Gaulot. «La Revue Hebdomadaire», 8 novembre, 1901.

идей о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Когда дошло до нихъ извѣстіе, что Національный Конвентъ провозгласилъ республику 22 сентября 1792 г., они собрались, въ подражаніе французамъ, и выбрали Германскій Конвентъ. Узнавъ объ этомъ, Люксъ поспѣшилъ въ Майнцъ, такъ какъ уже нѣсколько времени онъ проводилъ мысль о республикѣ, и тотчасъ присоединился къ движенію въ пользу событій во Франціи. Въ знакъ этого онъ посадилъ на публичной площади Древо Свободы. Эта церемонія, устроенная по образцу французской, повидимому, связала нравственными узами городъ Майнцъ съ французской республикой. Вскорѣ жители Майнца были обрадованы извѣстіемъ о приближеніи французской арміи. 21 октября 1792 г. французы побѣдоносно вступили въ Майнцъ, вытѣснивъ австрійцевъ. Народъ встрѣтилъ армію радостными кликами. На другой день Германскій Конвентъ торжественно провозгласилъ присоединеніе Майнца къ Франціи. Желая имѣть прямое сношеніе съ Французскимъ Конвентомъ, онъ рѣшилъ отправить въ Парижъ делегатовъ. Выборъ палъ на Люкса, обладавшаго, кромѣ различныхъ достоинствъ, еще знаніемъ французскаго языка. Ему даны были два товарища — Форстеръ и Потоцкій. Въ концѣ марта 1793 г. они пустились въ путь, а 30 марта явились передъ Французскимъ Конвентомъ. Согласно обычаю имъ оказали торжественныя почести. Эта церемонія произвела на Люкса сильное впечатлѣніе, и онъ вышелъ изъ Конвента возбужденный, твердо вѣря въ республику и съ окрѣпшею любовью къ Франціи. Съ этой минуты Люксъ забылъ родину, своихъ, и твердо рѣшилъ посвятить себя новому отечеству. Парижъ въ его глазахъ сдѣлался центромъ свѣта, и онъ радовался, что будетъ свидѣтелемъ великихъ событій. Поселившись вблизи Тюльери, куда Конвентъ долженъ былъ перенести свои засѣданія, Люксъ сдѣлался самымъ усерднымъ его посѣтителемъ. По мѣрѣ того, какъ онъ присматривался къ депутатамъ, его восторгъ уменьшался. Онъ понялъ, насколько дѣйствительность мало соотвѣтствовала его надеждамъ. Ознакомившись съ политическими партіями, Люксъ замѣтилъ, что якобинцы выказываютъ болѣе ярости и ненависти, чѣмъ сдержанные жирондисты, и онъ перенесъ свой восторгъ на послѣднихъ, видя въ нихъ единственныхъ, истинныхъ представителей республики. Была минута, когда у Люкса явилась надежда, что жирондисты восторжествуютъ, но, нѣсколько дней спустя, одинъ изъ самыхъ ярыхъ якобинцевъ, Маратъ, оправданный судомъ, былъ съ тріумфомъ внесенъ, украшенный цвѣтами въ Конвентъ. Это страшное пораженіе жирондистовъ нанесло тяжелый ударъ Люксу. Къ довершенію несчастія, онъ узналъ, что его родной городъ осаждаемъ иностранными войсками, и французская республика, раздираемая внутренней борьбой партій, отступила передъ монархическими арміями Европы. Былъ моментъ, когда Люксъ хотѣлъ возвратиться въ Майнцъ, но событія въ Парижѣ остановили его. Въ это время сторонники Марата рѣшили отомстить тѣмъ, кто рѣшился его обвинять. Жирондисты принялись противодѣйствовать, и 18 мая вотировали основаніе комитета изъ двѣнадцати членовъ, которымъ было поручено заботиться о безопасности представителей народа. Якобинцы, съ своей стороны, призвали народъ къ оружію, и 31-го мая и 2-го іюня народъ предложилъ въ Собраніи арестовать 29 депутатовъ и двухъ министровъ. Люксъ болѣе не колебался. Его идеальныя понятія о сво-

бодѣ, равенствѣ и братствѣ были жестоко обмануты, и онъ, не задумываясь, рѣшился на самоубійство. Въ письмѣ къ двумъ знакомымъ жирондистамъ, Петьону и Гадэ, онъ объяснилъ свой планъ и причину своего безумія. «Жестокое негодованіе,—писалъ онъ,—овладѣвшее мною противъ побѣды преступленія, и надежда, что моя смерть можетъ произвесть впечатлѣніе на умъ гражданъ въ подобномъ кризисѣ, и этимъ будетъ избѣгнуто распущеніе Конвента, меня окончательно убѣждаютъ умереть. Моя смерть будетъ полезнѣе для свободы, чѣмъ моя жизнь». Въ то же время Люксъ приготовилъ рѣчь, которую хотѣлъ произнести въ Собраніи накапунѣ своей смерти, «чтобы жертва его была плодотворна». Но, несмотря на такое рѣшеніе, Люксъ не исполнилъ плана. Почему—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ его остановила не трусость. Вѣроятнѣе всего, онъ ожидалъ случая, благодаря которому его смерть произвела бы сильнѣйшее впечатлѣніе, а вслѣдствіе этого принесла бы большую пользу. Этотъ случай не долго заставилъ себя ожидать. 13-го іюня, вечеромъ, въ Парижѣ разнесся слухъ, что Марата убила Шарлота Кордэ, молодая, двадцати-четырехлѣтняя дѣвушка, пріѣхавшая съ этою цѣлью изъ Кана. Это извѣстіе произвело на Люкса сильное впечатлѣніе. Онъ упорно раздумывалъ о немъ. Если убійство «друга народа»,—разсуждалъ онъ,—не произвело перемѣны въ революціонной практикѣ якобинцевъ, то какое же впечатлѣніе произвела бы смерть неизвѣстнаго представителя Майнца, тѣмъ болѣе, что городъ долженъ вскорѣ попасть въ руки нѣмцевъ. Затѣмъ онъ сознавался внутренно, что молодая дѣвушка выказала страшную энергію, хотя въ принципѣ онъ возставалъ противъ убійствъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ жертвой былъ человѣкъ, не заслуживающій, по его мнѣнію, жалости. Въ то время, когда мужчины обсуждали—молодая дѣвушка дѣйствовала. Съ этой минуты мысль о Шарлотѣ Кордé не оставляла его. Онъ думалъ только о ней, имѣлъ одно желаніе—встрѣтить ее. Не имѣя случая видѣть ее иначе, онъ вмѣшался въ толпу въ день казни. Ставъ въ первый рядъ на дорогѣ, по которой должна была проѣхать телѣга съ Шарлотой Кордé, Люксъ нетерпѣливо ожидалъ. Впечатлѣніе, произведенное молодой дѣвушкой, довело его до экзальтаціи. Имъ овладѣли восторгъ, любовь, страсть. Люксъ чувствовалъ, что онъ болѣе не принадлежитъ себѣ: Шарлота Кордé овладѣла всѣмъ его существомъ. Теперь онъ окончательно рѣшилъ, что нашелъ свой путь и умреть, раздѣливъ славу той, которую онъ любитъ болѣе всего на свѣтѣ. Онъ не отрывалъ ни на секунду глазъ отъ Шарлоты Кордé, при поворотѣ процессіи въ улицу Сентъ-Онорэ, ихъ глаза встрѣтились. Что почувствовала Шарлота Кордé, и поняла ли она его—осталось неизвѣстно. Пробравшись къ телѣгѣ, насколько его допустилъ эскортъ, онъ шелъ все время рядомъ до эшафота. Вернувшись домой, Люксъ поспѣшно написалъ апологію Шарлоты Кордé, а чрезъ два дня онъ напечаталъ брошюру подъ заглавіемъ: «Шарлота Кордé». Въ ней онъ говорилъ, что, хотя лично не признаетъ убійство Марата законнымъ, но восхваляетъ Шарлоту Кордé во всѣхъ отношеніяхъ и считаетъ ея поступокъ выше геройства Брута. Почти одновременно вышла его вторая брошюра, но въ ней онъ не упоминаетъ ни слова о Шарлотѣ Кордé, а говоритъ лишь о своихъ политическихъ убѣжденіяхъ. 24-го іюля Люксъ былъ арестованъ. Въ тотъ же день онъ предсталъ передъ судьею Революціоннаго Трибунала. Послѣд-

ній вынесъ впечатлѣніе, что Люксъ — сумасшедшій, вслѣдствіе этого не спѣшили предать его суду. Только 2-го ноября его перевезли въ Консьержери. Въ этой, какъ ее называли тогда, «прихожей смерти» онъ оставался недолго. По словамъ одного соотечественника, уцѣлѣвшаго чудомъ отъ гильотины, Люксъ спокойно ожидалъ смерти. Въ тотъ день, когда ему вручили обвинительный актъ, онъ спокойно разговаривалъ объ опасностяхъ страстей и о недостаткахъ приговоровъ. Получивъ обвинительный актъ, онъ хладнокровно положилъ его въ карманъ. Ночью онъ писалъ, а утромъ плотно позавтракалъ и подарилъ свой плащъ какому-то несчастному узнику. 4-го ноября 1793 года онъ предсталъ передъ Революціоннымъ Трибуналомъ. Президентомъ былъ Дюма. Его признали виновнымъ и тотчасъ же повезли на казнь. По словамъ Дюлака, редактора «Glaive Vengeur», которому поручали сопровождать приговоренныхъ до эшафота для наблюденія ихъ нравственнаго состоянія, Люксъ всю дорогу прехладнокровно разговаривалъ и улыбался, спокойно смотря смерти въ глаза. На эшафотъ онъ вступилъ твердо, съ удивительнымъ хладнокровіемъ, и, прежде чѣмъ подвергся казни, обнялъ своихъ палачей.

— Марія-Луиза. Фредрикъ Массонъ обогатилъ Наполеоновскую литературу еще одной интересной книгой [1]). На этотъ разъ почтенный историкъ воскресилъ въ своемъ трудѣ личность Маріи-Луизы. Оставивъ въ сторонѣ все касающееся Наполеона, мы займемся только Маріей-Луизой. Обыкновенно было принято считать Жозефину добрымъ геніемъ Наполеона, тогда какъ Марію-Луизу представляли воплощеніемъ предательства и низости. Массонъ смотритъ совершенно иначе. Хотя онъ не приходитъ въ восторгъ отъ Маріи-Луизы и не оправдываетъ ея, тѣмъ не менѣе, онъ склоненъ ее извинять, а вмѣстѣ съ этимъ, какъ и въ прежнихъ сочиненіяхъ, развѣнчиваетъ Жозефину. Мастерски описавъ нравственное состояніе, царствовавшее въ Вѣнѣ въ 1810 г., Массонъ нарисовалъ картину ненависти австрійцевъ къ революціонной Франціи. Вліятельные кружки не скрывали своего негодованія при извѣстіи о переговорахъ относительно предполагаемаго брака Маріи-Луизы съ Наполеономъ. Марія-Людовика, третья жена, и въ то же время двоюродная сестра императора Франца II, явилась самымъ энергичнымъ противникомъ Наполеона. Она принадлежала къ Эстэ-Моденской вѣтви, сохранившей до конца отвращеніе ко всему, что прикасалось къ революціи. Марія-Людовика умоляла мужа, убѣждала падчерицу, которая была немного моложе ея, и смотрѣла на мачеху, какъ на старшую сестру. Но Францъ-Іосифъ преклонялся передъ государственной необходимостью, а Марія-Луиза — передъ отцовской волей. Меттернихъ писалъ по этому поводу: «Наши принцессы не привыкли избирать мужа, согласно расположенію своего сердца». Восемнадцатилѣтняя Марія-Луиза, внучка Маріи-Каролины Неаполитанской и вдвойнѣ двоюродная внучка Маріи-Антуанеты, была воспитана въ ненависти къ революціи, затѣмъ къ тому, кого называли Бонапартомъ, или «корсиканцемъ». Во время битвы при Маренго, Марія-Луиза была десятилѣтней дѣвочкой, и королева обѣихъ Сицилій, Марія-Каролина, изгнанная изъ своего государства, нарочно пріѣзжала разсказывать ей о революціи и о казни королей.

[1]) L'Impératrice Marie-Louse, par Frédric Masson. Paris. 1902.

Обычной забавой юной принцессы было играть съ братомъ въ маневры, устраиваемые изъ маленькихъ восковыхъ солдатъ. Самаго безобразнаго, черпаго, со свирѣпымъ лицомъ, они называли Бонапартомъ, при этомъ покрывали его булавочными уколами и осыпали проклятіями. Воспитательница или гофъ-мейстерина, руководившая первоначальнымъ воспитаніемъ принцессы, которая питала къ ней дочернюю нѣжность, была французскаго происхожденія. Выйдя замужъ за австрійскаго государственнаго человѣка, самаго яраго анти-революціоннаго борца, графа Коллоредо, дѣятеля третьей коалиціи, поплатившагося своимъ мѣстомъ за Аустерлицкую неудачу, она раздѣляла съ нимъ эту опалу. Питая ненависть къ Наполеону и Франціи, она вселяла въ сердцѣ своей воспитанницы то же чувство. Но, хотя принцесса и говорила, что видѣть Наполеона «было для нея самымъ худшимъ мученіемъ», однако ея страстное поклоненіе отцу и почти слѣпая любовь заставили ее безпрекословно повиноваться. Съ своей стороны, Францъ II, не отличавшійся умомъ, былъ прекраснымъ семьяниномъ, для котораго самымъ большимъ счастіемъ было жить патріархально въ своей семьѣ, все-таки преклонился передъ политической необходимостью. Но признавая, что Марія-Луиза лично не имѣла задней мысли, Массонъ утверждаетъ, что въ головѣ австрійскаго императора, въ особенности его канцлера, гнѣздился планъ—поручить принцессѣ роль Далилы. Если этотъ бракъ былъ непріятенъ Наполеону, то для австрійскаго императора и его министра онъ былъ политическимъ вопросомъ, и сердце не играло никакой роли. Однако, перспектива будущаго развода не имѣлась въ виду. Относительно свадебныхъ празднествъ въ Вѣнѣ и Парижѣ очень много писали, но Массонъ сообщаетъ нѣкоторыя оригинальныя подробности. Медовый мѣсяцъ Наполеона и Маріи-Луизы прошелъ безъ особеннаго удовольствія. Конечно, Наполеонъ, обладавшій южной пылкостью, а Марія-Луиза нѣмецкой сентиментальностью, не могли остаться совершенно равнодушны, но о томъ тѣсномъ сближеніи, какое обыкновенно происходитъ въ это время между новобрачными, не могло быть и мысли. Да и о чемъ могли бы они разговаривать? О дѣтствѣ и юныхъ дняхъ Маріи-Луизы? Тогда ей пришлось бы признаться, какъ она увертывалась отъ свиданія съ нимъ. Объ отцѣ и бабушкѣ? Они были разорены и умерли чрезъ Бонапарта. Въ свою очередь что могъ бы разсказать Наполеонъ о себѣ? Не говорить же ей о прежней нищетѣ, о черныхъ дняхъ, когда, чувствуя, что его счастье сомнительно, и судьба неблагопріятна, онъ думалъ о самоубійствѣ, тѣмъ менѣе о Жозефинѣ. Однако изъ приличія и изъ «уваженія къ человѣчеству», а также изъ снисхожденія къ беременной императрицѣ, желавшей видѣть мужа около себя, какъ она видѣла въ родной семьѣ, Наполеонъ провелъ первый годъ большую часть времени съ нею. Ради нея онъ назначалъ рѣже совѣтъ и смотры, для нея онъ согласился, несмотря на свою привычку завтракать на маленькомъ столикѣ, въ десять минутъ, засиживаться за обильными блюдами. Наполеонъ, не привычный къ бездѣйствію, не зналъ, какъ убить время. Онъ прибѣгнулъ къ развлеченіямъ, къ охотѣ, спектаклямъ и баламъ. Въ Рамбулье не брезгали грубыми шутками, бывшими въ то время въ большей модѣ. Для этой цѣли служилъ Боргезъ, мужъ Полины, сестры Наполеона. Подъ предлогомъ его именинъ дамы подносили ему букеты изъ крапивы и насыпали въ простыню его

постели конскій волосъ отъ щетокъ. Марія-Луиза находила эти шутки забавными и описывала ихъ отцу. Кромѣ того, въ Фонтенбло устраивались торжественныя крестины тѣхъ дѣтей, воспріемниками которыхъ была императорская чета. Часто устраивались парадные балы, на которыхъ самыя свѣтскія изъ принцессъ являлись во главѣ «кадрили», т. е. настоящаго балета, а также драматическіе и проч. представленія. Со дня рожденія сына, Наполеонъ, озабоченый приготовленіемъ къ походу въ Россію, снова отдался своей привычкѣ къ работѣ и отдѣльной жизни. Устраивая жизнь императрицы, Наполеонъ руководствовался культомъ къ этикету и недовѣріемъ къ женскому легкомыслію, убѣдившись, что «единственное средство помѣшать паденію женщины — поставить ее въ физическую невозможность измѣнить». Вслѣдствіе этого онъ устроилъ церемоніалъ, не допускающій видѣться съ императрицей, даже придворнымъ дамамъ, безъ особаго на то разрѣшенія. По этой же причинѣ были назначены для ежеминутнаго наблюденія за нею «красныя дамы». Это были вдовы и дочери офицеровъ, носившія амарантоваго цвѣта платья. Роли же камеръ-фрау исполняли «черныя дамы» и «бѣлыя дамы». Онѣ такъ назывались по цвѣту своихъ передниковъ. «Красныя дамы» присутствовали при туалетѣ, но не помогали, однако, императрицѣ одѣваться. Онѣ читали Маріи-Луизѣ и, чередуясь по четыре, дежурили день и ночь подлѣ нея и слѣдили, чтобы она никогда не оставалась ни съ кѣмъ наединѣ, въ особенности съ мужчиной, хотя бы это былъ самый скромный ея поставщикъ, или другое незначительное лицо. Однимъ словомъ было устроенъ какъ бы гаремъ. Бракъ Маріи-Луизы совпалъ съ реорганизаціей камергеровъ и статсъ-дамъ, задуманный въ духѣ Бурбоновъ и Габсбурговъ. Что руководило Наполеономъ—желаніе ли подражать роялистамъ и имперіалистамъ, или страсть выскочки,—сказать трудно. Онъ назначилъ на придворныя должности членовъ прежней аристократіи. Почему онъ выбралъ ихъ,—тоже неизвѣстно, можетъ быть, согласно сказанной имъ однажды фразѣ: «только эти люди умѣютъ хорошо служить». Первымъ милостынераздавателемъ императрицы, какъ и Жозефины, былъ одинъ изъ Рогановъ. Духовникомъ ея Наполеонъ выбралъ Нантскаго эпископа Дювуазена, который былъ столь же патеръ, какъ и царедворецъ. Онъ проповѣдывалъ Маріи-Луизѣ во всемъ слушаться мужа. Должность почетнаго придворнаго кавалера исполнялъ графъ Клавдій Богарне, отецъ великой герцогини Стефаніи, назначенный Наполеономъ изъ угожденія Жозефинѣ, но потомъ замѣненъ Нарбономъ. Оберъ-шталмейстеромъ былъ итальянецъ, принцъ Альдобрандини, братъ Камила Боргезе, еще болѣе смѣшной, чѣмъ первый. Придворныя дамы, предназначенныя лишь для парадной службы, выбирались изъ той же высшей аристократіи, но онѣ не сообщались лично съ императрицей. «Она не разговаривала съ ними и терпѣть не могла, когда онѣ разговаривали съ нею. Между ними была ледяная стѣна». Многія изъ нихъ принадлежали къ исторической аристократіи, какъ по имени мужа, такъ и по рожденію, напримѣръ, Жюстъ-де Ноайль, урожденная Перигоръ, графиня де-Бовэ урожденная Рошешуаръ и графиня де-Мармье, урожденная Шуазель. Послѣдняя любила, чтобы восхищались ея ногою. Въ день принесенія ею присяги Талейрана спросили, какое она произвела на него впечатлѣніе. «Я думаю, отвѣчалъ вѣчный насмѣшникъ, что

ея юбки слишкомъ коротки для принесенія присяги въ вѣрности». Статсъ-дамы, на обязанности которыхъ было завѣдываніе туалетами императрицы, вели волей-неволей частыя бесѣды съ нею. Нѣкоторыя изъ нихъ, безъ сомнѣнія, извлекали изъ этого пользу. Извѣстная въ лучшемъ обществѣ г-жа де-Люсэ, страстно любившая свою семью и съ независимымъ состояніемъ и характеромъ, исполняла свою обязанность съ большимъ тактомъ и добросовѣстностью. Она не извлекала пользы изъ своей службы, но, благодаря ея порядку, такъ же, какъ и скромности Маріи-Луизы, бюджетъ на туалеты императрицы установился съ такой точностью, какая никогда не была извѣстна при Жозефинѣ. Положеніе оберъ-статсъ-дамы было всѣхъ важнѣе и почетнѣе. Она дѣлалась неизбѣжно довѣреннымъ лицомъ, совѣтницей и наставницей вновь прибывшей императрицы. Говорятъ, что Наполеонъ сильно колебался, кого выбрать на эту почетную должность. Наконецъ его выборъ остановился на герцогинѣ Монтебелло, вдовѣ маршала Лана, извѣстной своей холодной красотой. Съ перваго взгляда казалось, что выборъ былъ удаченъ. Но Ланъ былъ извѣстенъ, какъ самый грубый изъ маршаловъ; онъ не признавалъ этикета и былъ самый щедрый на революціонныя выраженія. Его жена принадлежала къ мелкому бретонскому дворянству и вполнѣ раздѣляла его антипатіи къ старинной аристократіи. Состоя во главѣ придворныхъ дамъ, принадлежавшихъ къ самымъ стариннымъ фамиліямъ, герцогиня не взлюбила ихъ и передавала императрицѣ разныя сплетни о нихъ. Ненавидя этикетъ и парадные пріемы, она развила и въ Маріи-Луизѣ ту же антипатію. Она пріобрѣла отъ мужа страсть къ наживѣ, хотя гордая и прямая, она не попрошайничала открыто, но все-таки набрала невѣроятное количество художественныхъ произведеній. Послѣ ея смерти пришлось устроить шесть публичныхъ продажъ. Кромѣ того, она привыкла слышать въ обществѣ, посѣщавшемъ ея отца, разговоры, касавшіеся очень неизящныхъ предметовъ, какъ, напримѣръ, клистировъ и другихъ предметовъ въ томъ же родѣ. Этотъ вкусъ къ вульгарнымъ бесѣдамъ герцогиня передала императрицѣ. Вообще она много способствовала непопулярности Маріи-Луизы во всѣхъ слояхъ общества. Придворныя дамы, привыкшія ко вниманію и подаркамъ Жозефины, первыя начали насмѣхаться надъ неловкостью Маріи-Луизы. Въ утонченномъ и поверхностномъ обществѣ того времени, даже хорошія качества новой императрицы ставились ей въ вину. Какъ нѣмка, она любила серіозныя занятія лично для себя, а не для тщеславія: она читала много и толково для собственнаго удовлетворенія, что было совершенно противно нравамъ того времени. Это послужило поводомъ къ тому, что Марію-Луизу единогласно признали педанткой, глупой и надменной. Однако придворные попрежнему являлись ко двору, зная, что Наполеонъ не любилъ этимъ шутить. При дворѣ всѣ страшно скучали, съ трудомъ удерживались отъ зѣвоты, и только, когда удалялась императорская чета, на лѣстницахъ поднималось такое веселье, что, по словамъ одного современника, придворные походили на школьниковъ, только что отпущенныхъ на вакацію. Съ своей стороны буржуазія была еще менѣе довольна новой императрицей. На празднествахъ въ городской ратушѣ лица, не принадлежавшія ко двору, должны были держаться въ отдаленіи. Такое пренебреженіе

приписывали спеси Маріи-Луизы, между тѣмъ, этотъ этикетъ, въ сущности, былъ установленъ Наполеономъ. Когда императрица появлялась въ театрѣ, то вмѣсто улыбокъ, на которыя была щедра Жозефина, публика лицезрѣла, какъ Марія-Луиза во время антрактовъ упорно пряталась въ глубину ложи. Въ этомъ случаѣ она также слѣдовала совѣтамъ герцогини Монтебелло, замѣчавшей, что подданные не могутъ своими кликами располагать вниманіемъ государыни. Въ торговлѣ царствовало полное затишье, что приводило въ отчаяніе купцовъ. Марія-Луиза тратила такъ мало на свои туалеты, что издержанной въ одинъ годъ Жозефиной суммы хватило бы новой императрицѣ слишкомъ на четыре года. Обладая хорошимъ вкусомъ, г-жа Люсэ выбирала сама туалеты для Маріи-Луизы, при этомъ она умѣла просматривать счета и ежемѣсячно разсчитывалась съ поставщиками. Горько оплакивали купцы эпоху Жозефины, когда повсюду были ея неоплаченные счета. Впечатлѣніе народа тоже было не въ пользу новой императрицы. Хотя Жозефина осталась популярна, все-таки народъ смотрѣлъ на Марію-Луизу, какъ на залогъ мира и продолженіе династіи. Лица, видѣвшія ее на свадебныхъ празднествахъ въ Сенъ-Клу, Луврѣ и Тюльери, восхваляли цвѣтъ ея лица и глаза. Во время этихъ празднествъ уже замѣтно было желаніе отдѣлить дворъ отъ народа. Послѣ рожденія римскаго короля, и, вмѣсто того, чтобы императрицѣ отправиться въ Соборъ Богоматери для взятія молитвы послѣ родовъ, Наполеонъ устроилъ почти тайную церемонію въ одной изъ залъ Тюльери. И въ этомъ случаѣ народъ обвинилъ австріячку. Во время поѣздокъ по провинціямъ, которыя были тріумфомъ Жозефины, новая императрица имѣла полный неуспѣхъ. Не привычная сдерживать свои нервы и отказываться на время отъ удобствъ, она часто страдала мигренью, а потому иногда ничего не отвѣчала на подаваемые адресы. Но, даже вполнѣ здоровая, она не умѣла справляться съ овладѣвавшей ею застѣнчивостью, совершенно парализовавшей ее. Какъ обыкновенно бываетъ съ застѣнчивыми людьми, ея лицо принимало суровое выраженіе, а это подавало поводъ думать, что она презираетъ остальныхъ смертныхъ. Съ дѣтства не привычная къ самостоятельному мышленію, она принимала за истину, слышанныя ею, неоднократно, мнѣнія, что имперія — вѣчна. Изъ двухъ политическихъ совѣтниковъ, назначенныхъ ей Наполеономъ, одинъ былъ его братъ Іосифъ. Она всегда чувствовала къ нему антипатію, но послѣ своихъ преступныхъ, несвоевременныхъ посягательствъ онъ сдѣлался ей даже ненавистенъ. Другой — Камбасересъ, истрепанный болѣе излишествами въ удовольствіяхъ, чѣмъ годами, былъ совершенно ошеломленъ событіями и потерялъ свою пресловутую правильность ума и совершенно былъ неспособенъ дать какой либо совѣтъ. Когда римскій король съ крикомъ цѣплялся за мебель въ Тюильри, Марія-Луиза инстинктомъ угадывала, что, если она покинетъ Парижъ, корона будетъ для нея потеряна. 28-го мая она показала сына въ Совѣтѣ, явившись только къ чтенію письма, въ которомъ Наполеонъ совѣтовалъ сыну избѣжать судьбы Астіанакса, сына Гектора. Если до этого времени Маріи-Луизѣ не хватало рѣшимости и сообразительности, то нравственно она была безупречна. Въ Блуа она узнала объ отреченіи Наполеона отъ престола. Ея первымъ движеніемъ было броситься въ Фонтенбло,

и г-жа Люсэ, какъ образцовая жена, тайно ободряла ее. Дурные совѣты сначала шли не отъ союзниковъ, съ которыми у нея не было прямыхъ сношеній, а отъ герцогини Монтебелло, питавшей уже давно ненависть къ Наполеону. Съ другой стороны, неловкіе шаги Іосифа и Іеронима, считавшихъ себя обязанными силою заставить невѣстку слѣдовать за ними въ глубь Франціи, дали ей мысль искать покровительства отца. Въ Орлеанѣ она еще колебалась, и г-жа Монтескье чуть было не увлекла ее въ Гіенъ, гдѣ Наполеонъ назначилъ свиданіе. Но уже появились комиссары союзниковъ, и переписка Маріи-Луизы съ главной австрійской квартирой установилась. Все еще продолжая говорить о свиданіи съ Наполеономъ, и, можетъ быть, желая этого, Марія-Луиза, однако, объявила, что ей необходимо прежде увидѣться съ отцомъ и посовѣтоваться съ нимъ. Это рѣшеніе измѣнило все. Вновь захваченная и запутанная въ сѣтяхъ предразсудковъ, среди которыхъ она выросла, раздутыхъ еще болѣе побѣдою, и искушаемая обольщеніями самостоятельнаго положенія, она убѣдила себя, что ея бракъ изъ политическихъ видовъ расторгнутъ силою оружія. Теперь она имѣла право подумать о себѣ, послѣ того, какъ принесла себя въ жертву другимъ. Однако, даже въ Вѣнѣ, ее уговаривала бабушка Марія-Каролина Неаполитанская не рѣшаться на новый шагъ. «Когда выходятъ замужъ,—говорила Марія-Каролина,—то на всю жизнь». На замѣчаніе Маріи-Луизы, что ея двери охраняютъ, старая королева возразила: «можно уйти чрезъ окно». Отправляясь въ Аахенъ, она еще раздумывала: въ ней говорила совѣсть; но случайно или преднамѣренно ей дали въ провожатые Нейперга, извѣстнаго любезника, и его ухаживаніе очаровало ее. Ей понравилось въ немъ все, даже черная повязка, странно закрывающая одинъ его глазъ, и послѣднія колебанія исчезли. «Она — двадцати-трехлѣтняя нѣмка,—говоритъ Массонъ,—принцесса австрійской императорской крови, и если ей предстояло выбирать между нищетою, изгнаніемъ, неволей, уединенной жизнью съ развѣнчаннымъ мужемъ и независимостью, княжескимъ достоинствомъ, деньгами и роскошной жизнью съ поэтизированнымъ фаворитомъ,—она предпочла второе первому. Вмѣсто того, чтобы сдѣлаться женою узурпатора, «корсиканскаго людоѣда», она охотнѣе выбрала титулъ владѣтельной эрцъ-герцогини Пармской, Піаченцы и Гвасталлы. Пробывъ менѣе четырехъ лѣтъ императрицей Франціи, Марія-Луиза была тридцать три года герцогиней Пармской, и, оплакивая умершаго Нейперга, она замѣнила его преемникомъ.

— Конецъ переписки Баранта. Наконецъ, вышелъ восьмой и послѣдній томъ интересной переписки [1]) барона де-Баранта. Эта обширная переписка вполнѣ доказываетъ, что Талейранъ правильно сказалъ: «Я держу пари, что Барантъ никогда не создастъ себѣ врага». Дѣйствительно у него были многочисленные и избранные пріятели во всѣхъ партіяхъ. Но преимущественно онъ держался такъ называемыхъ дактринеровъ и, постоянно, съ ними переписывался. Особенно послѣднее время своей жизни, до котораго касается восьмой томъ, Барантъ посвящалъ дружеской перепискѣ. Какъ онъ, такъ и его пріятели были удалены отъ политическихъ дѣлъ, и они совершенно предались ака-

[1]) Souvenirs du baron de Barante. Tome 8. Paris. 1901.

демической и литературной игрѣ въ оппозицію. Хотя и принято называть эту оппозицію игрой, но она имѣла серіозное политическое значеніе. «Когда политика воспрещена, писалъ Барантъ, то литература принимаетъ характеръ, и критика отличается значеніемъ, которые одинаково избѣгаютъ законовъ печати». Поэтому неудивительно, что во время декабрьской имперіи, когда безмолвствовали трибуна и газеты, такъ важны были академическія манифестаціи, избраніе академиковъ и ихъ рѣчи. Въ продолженіе болѣе пятнадцати лѣтъ, академія была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ раздавалось свободное слово, терпимое правительствомъ. Одинъ остроумный человѣкъ того времени, но враждебный академикамъ, писалъ Баранту: «Ваши друзья всегда заняты и, быть можетъ, слишкомъ, академическими выборами». Но это было несправедливо, ибо питать культъ къ академическимъ традиціямъ было поддерживать своего рода свободу. Въ этомъ отношеніи сходилось большинство академиковъ: чистые доктринеры, ярые легитимисты, либеральные орлеанисты, даже клерикалы и республиканцы, если таковые находились. Каждая новая кандидатура возбуждала пламенную агитацію, и надо сознаться, что литературное значеніе кандидатовъ уступало ихъ политическому характеру. То же самое происходило и по случаю раздачи премій: брали въ соображеніе не достоинство книги, а оппозиціонную роль ея автора. «Въ сущности,—говоритъ по случаю одной выдачи преміи Гизо, — оба кандидата на премію написали одинаково плохія книги». Вездѣ и всегда имѣлось въ виду только одно — надѣлать скандалъ правительству и насолить Наполеону III. Живымъ откликомъ академической оппозиціи служитъ переписка Баранта и его пріятелей, главнымъ образомъ: Гизо, Молэ, Сентъ-Илера, Паскье, Виктора де-Брольи, герцогини де-Саганъ и т. д. Эта переписка, заключающаяся въ восьмомъ томѣ «Воспоминаній Баранта», продолжалась до 1866 года, когда умеръ Барантъ. Конечно, не одна академія составляла предметъ этихъ писемъ, въ ней говорилось и о политикѣ, кромѣ академическихъ агитацій. Самъ Барантъ писалъ не разъ о декабрьскомъ героѣ и выказывалъ всѣ его дурныя стороны. Такъ онъ писалъ: «Большинствомъ называемое общественное мнѣніе не что иное, какъ картонный плясунъ, приводимый въ движеніе императоромъ, который воображаетъ, что это живое существо». Всѣ политическія событія того времени: войны—крымская, итальянская и мексиканская, и польская агитація—одинаково заслуживали осужденіе доктринеровъ. Особенно политическими вопросами занимался Гизо, но его мнѣнія были далеко не правильными. Такъ онъ считалъ крымскую войну доказательствомъ несостоятельности неограниченнаго правленія, забывая, что побѣдительница Франція была апогеемъ деспотизма, и, осуждая политику Кавура, котораго Гизо не признавалъ государственнымъ человѣкомъ, онъ предсказывалъ гибель Италіи. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ Баранту отъ 28-го іюня 1866 г. онъ не только продолжаетъ свое предсказаніе насчетъ Италіи, но увѣряетъ, что и Пруссія потерпитъ пораженіе отъ австрійцевъ и тѣмъ вовлечетъ всю Европу въ общую страшную войну. Барантъ точно также предсказывалъ воинственное будущее всей Европѣ, но онъ былъ справедливѣе въ своихъ предсказаніяхъ, чѣмъ Гизо. По его мнѣнію въ письмѣ отъ 10-го іюня, «будущимъ поколѣніямъ подготовляются страшныя войны и

революціи, но теперешняя нація не одушевлена патріотизмомъ 1792 г.». Въ этомъ же письмѣ—послѣднемъ, которое онъ писалъ передъ смертью, Барантъ говоритъ: «Мнѣ восемьдесять четыре года, и я живу только въ половину». Эта половинная жизнь пресѣклась 21-го ноября того же года послѣ двухневной болѣзни. «Это былъ кроткій, добрый человѣкъ»,—сказалъ въ надгробной рѣчи герцогъ Брольи, который недавно умеръ, замыкая собою циклъ доктринеровъ, друзей Баранта.

— Тридцатилѣтіе Парижской коммуны. По случаю того, что прошло ровно тридцать лѣтъ послѣ рокового событія 1871 г., появились во многихъ французскихъ и иностранныхъ журналахъ краснорѣчивыя статьи, стремящіяся доказать, что въ этомъ событіи виноваты были не коммунары, какъ принято считать, а версальское правительство, съ его главою Тьеромъ. Наиболѣе интересныя изъ этихъ статей: этюдъ Армана Дайо въ первой октябрьской книжкѣ «Revue» подъ заглавіемъ: «Коммунистское возстаніе 18 марта 1871 г.: Кто отвѣтственъ за него?» [1]), и очеркъ американца Вилльяма Транта: «Парижская коммуна тридцать лѣтъ тому назадъ», въ августовской книжкѣ «Century magazine» [2]). Первый авторъ останавливается на прямой причинѣ катастрофы 1871 г. и на той отвѣтственности, которая должна пасть на версальское правительство за всѣ послѣдствія этого событія, стоившаго парижскому рабочему населенію около ста тысячъ человѣкъ. Поэтому онъ только разсматриваетъ происхожденіе коммуны, которую всячески версальское правительство подстрекало, и оставляетъ въ сторонѣ то страшное возмездіе, которымъ оно заплатило за причиненное имъ же возстаніе. Монархическія партіи, которыя тогда господствовали въ парламентѣ, понимали, что Парижъ былъ величайшей помѣхой своей приверженностью къ республикѣ—осуществленію ихъ плановъ. Поэтому на другой день послѣ капитуляціи и продолжительныхъ страданій отъ голода и холода, парижане увидѣли себя столь же отторгнутыми отъ остальной Франціи, какъ во время осады. Правительство отшатнулось отъ нихъ оттого, что они исполнили свою обязанность. Изъ этого рабочее населеніе Парижа ясно вывело заключеніе, что правительство хочетъ уничтожить республику, и рѣшилось во что бы то ни стало этому воспрепятствовать. Вотъ, по словамъ автора, настоящая причина появленія коммуны, несмотря на всѣ существующія легенды. Въ первые дни марта 1871 года парижане, несмотря на всѣ подстрекательства Законодательнаго Собранія, были чрезвычайно спокойны. Даже въ «Moniteur Universelle» напечатано было отъ 17 марта, что Парижъ совершенно спокоенъ. Но 18 числа правительственныя войска вздумали насильственно отнять пушки у парижанъ съ монмартрскихъ высотъ. Кровь была пролита, но солдаты не хотѣли сражаться и присоединились къ толпѣ. «Тогда,—говоритъ Дайо,—правительство сдѣлало ужасную и непростительную ошибку, быстро покинувъ Парижъ со всѣми властями и войсками, несмотря на энергичное

---

[1]) L' Insurrection communaliste du 18 mars 1871. Les Responsalilités. «La Revue», 1 octobre 1901.

[2]) The Paris commune, thirty years after; by William Trant.

и патріотическое сопротивленіе мэра, Жюля Ферри. Такимъ образомъ несчастный городъ былъ преданъ въ руки анархіи. Люди съ сердцемъ еще пытались образумить версальцевъ. На стѣнахъ Парижа расклеены были объявленія, подписанныя мэрами парижскихъ кварталовъ и ихъ помощниками, а также такими почтенными дѣятелями, какъ Шелькеръ, Клемансо, Локруа, Флокке и Гренио. Въ этихъ объявленіяхъ между прочимъ говорилось: «Одна всеобщая подача голосовъ можетъ успокоить умы, умиротворить улицу, обезпечить порядокъ, укрѣпить общее довѣріе, создать правильную администрацію и положить конецъ отвратительной борьбѣ, которая погубитъ республику въ волнахъ крови». Тринадцать депутатовъ отправились въ Версаль, чтобы изложить программу мэровъ. Напрасны, однако, были всѣ усилія, правительство уже рѣшило погубить Парижъ. При видѣ этой рѣшимости правительства, Тираръ воскликнулъ съ отчаянія: «Что дѣлать между анархіей въ Парижѣ и монархіей въ Версалѣ!». Такимъ образомъ изъ словъ Дайо ясно вытекаетъ, что версальскіе монархисты, опасаясь противодѣйствія парижанъ водворенію монархіи, залили волнами крови несчастное населеніе перваго города въ Европѣ.

Напротивъ, американецъ Трантъ, хотя и соглашается съ французомъ Дайо, что причиной возстанія Коммуны была дѣятельность версальцевъ,—подробно описываетъ послѣдніе дни Коммуны, а вовсе не занимается ея возникновеніемъ. Онъ самъ присутствовалъ при всѣхъ ужасахъ со стороны, такъ называемаго, законнаго правительства. Невозможно вообразить, до какихъ звѣрствъ доходили версальцы. Они убивали беззащитныхъ рабочихъ, и груды мертвецовъ валялись по улицамъ на каждомъ шагу. При этомъ не спрашивали, виновата ли несчастная жертва братоубійственной борьбы, а просто разстрѣливали каждаго, кто не только казался коммунаромъ, но высказывалъ какъ бы сочувствіе Коммунѣ, или осужденіе версальцамъ. Напримѣръ, Трантъ самъ видѣлъ слѣдующее событіе: одинъ офицеръ, стоя на улицѣ, расхваливалъ какому-то пріятелю храбрость правительственныхъ войскъ. Вблизи находился какой-то мирный рабочій и спокойно сказалъ: «Если бы ваши солдаты также сражались противъ пруссаковъ, то ничего этого не было бы». Услыхавъ этотъ отзывъ, офицеръ молча вынулъ изъ кармана пистолетъ и убилъ рабочаго на мѣстѣ. «Наша армія вела себя геройски,—говорилъ Тьеръ:—она поддерживала законъ и убивала злодѣевъ, во имя закона». Прочитавъ въ газетахъ эти слова главы правительства, американецъ спросилъ одного пріятеля француза: «А гдѣ же ваша прославленная свобода?» Французъ прехладнокровно снялъ свой башмакъ и сталъ искать въ башмакѣ что-то. Потомъ онъ сказалъ: «Свобода была бы тутъ въ послѣдніе два мѣсяца, но теперь, кажется, она совершенно пропала». Наконецъ, среди крови, огня и труповъ, Тьеръ взялъ Парижъ и могъ сказать: «я обладаю Парижемъ». Но этого ему было мало, и онъ сталъ открыто возлагать на коммунаровъ всю вину происшедшихъ ужасовъ, а главное пожаровъ. Съ его легкой руки всюду распространились толки о петролейщикахъ и петролейщицахъ. Американскій авторъ увѣряетъ, что онъ былъ самъ почти во всѣхъ мѣстахъ Парижа и, въ сущности, не видалъ ни одного поджигателя

и ни одного поджога. Если и происходили на улицахъ Парижа пожары, то благодаря канонадѣ версальцевъ. Самъ Макъ-Магонъ говоритъ въ своемъ официальномъ отчетѣ: «Огонь версальскихъ батарей былъ до того силенъ, что городъ во многихъ мѣстахъ запылалъ». Вотъ настоящая причина настоящихъ пожаровъ, а не петролейщики, которыхъ американецъ не видѣлъ ни одного. «Я рѣшительно отрицаю, чтобы эти злодѣи существовали», — говоритъ онъ. По его мнѣнію, пора уже высказать правду о Коммунѣ и ея противникахъ. «Можно и даже должно чрезъ тридцать лѣтъ вынести о тѣхъ и другихъ единственно правильный приговоръ: не виновны, на основаніи сумасшествія!» Однако, извѣстный англійскій военный корреспондентъ, Форбесъ, писавшій много о Коммунѣ и клеймившій петролейщиковъ, вступился за версальцевъ и напечаталъ въ томъ же журналѣ «Century Magazine» возраженіе на разсказъ Транта. Конечно, и американецъ, съ своей стороны, отвѣчалъ Форбессу, что, несмотря на всѣ увѣренія, рѣшительно не было ни петролейщиковъ, ни петролейщицъ. Главнымъ доказательствомъ этого обстоятельства служатъ протоколы версальскихъ военныхъ судовъ. Хотя множество несчастныхъ было поймано въ Парижѣ, будто бы съ поличнымъ, т. е. съ сосудомъ керосина, но ни одинъ изъ нихъ не былъ признанъ виновнымъ въ поджигательствѣ, такъ какъ не доказано было это преступленіе.

— Новая переписка Бисмарка. Наконецъ вышла 1-го декабря давно ожидаемая «Переписка Бисмарка» [1]). Горстъ Коль, уже напечатавшій цѣлую Бисмарковскую литературу, издалъ ее, какъ прибавленіе къ «Мыслямъ и воспоминаніямъ Бисмарка». Для этой переписки канцлеръ самъ выбиралъ письма, и Коль лишь передалъ въ типографію уже приготовленный и перемѣченный оригиналъ. По этому случаю въ нихъ отсутствуетъ та искренность и самопроизвольность, которыми полны «Письма къ невѣстѣ». Два тома «Переписки Бисмарка» составляютъ лишь треть всѣхъ имѣющихся писемъ, которыя относятся къ 1850—1887 годомъ Между ними имѣются въ большомъ количествѣ письма императора Вильгельма и множества политическихъ лицъ, какъ нѣмцевъ, такъ и иностранцевъ. Первый томъ посвященъ исключительно перепискѣ императора съ канцлеромъ и заключаетъ въ себѣ очень важные документы, но уже извѣстные и помѣщенные, какъ въ «Мысляхъ и воспоминаніяхъ», такъ и въ шести томахъ «Бисмарковскаго Ежегодника», а также въ другихъ распространенныхъ книгахъ о Бисмаркѣ. Новыя же письма перваго тома представляютъ мало интереса по своей незначительности. Во второмъ томѣ находятся неизданныя письма отъ различныхъ лицъ, что еще болѣе привлекаетъ вниманіе читателей. Конечно, и между ними есть документы различнаго интереса; нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, самаго Бисмарка—образцовыя произведенія дипломатіи и политической ловкости, но многія изъ писемъ его корреспондентовъ настолько прозаичны, что лишаютъ охоты читать ихъ, по крайней мѣрѣ, иностраннаго читателя. Обыкновенно принято считать Бисмарка чуть ли не единственнымъ виновникомъ нѣмецкаго единства, но пер-

[1]) Aus Bismarks Briefwechsel. Berlin. 1901. Zwei Bände.

вый томъ «Переписки» доказываетъ, что вліяніе Вильгельма было значительное, и что канцлеръ не былъ дѣятельнѣе своего государя. Прусскій король занимался всѣмъ, провѣрялъ все, постоянно мѣнялся мыслями съ Бисмаркомъ, ободрялъ его, иногда возражалъ ему, но, затѣмъ, оба приходили къ соглашенію. Въ особенности видно изъ писемъ ихъ трогательное, глубокое расположеніе другъ къ другу. Такъ, напримѣръ, Бисмаркъ писалъ 24-го декабря 1864 г. наканунѣ Рождества. «Накануне Рождества я испытываю необходимость увѣрить ваше величество, что вѣрность къ данному мнѣ Богомъ повелителю покоится на томъ же основаніи, какъ и мои религіозныя убѣжденія». Съ своей стороны Вильгельмъ выражалъ Бисмарку не менѣе искреннія чувства. Когда въ 1869 г. Бисмаркъ хотѣлъ выйти въ отставку, по политическимъ причинамъ, но подъ предлогомъ болѣзни, то императоръ написалъ ему слѣдующее письмо: «Никогда я не соглашусь на ваше удаленіе. Мое самое большое счастіе—жить съ вами и всегда быть въ твердомъ согласіи съ вами. Развѣ я отпущу васъ? Никогда! Спокойствіе и молитва все устроятъ. Вашъ наивѣрнѣйшій другъ Вильгельмъ». Замѣчательною чертою обоихъ былъ мистицизмъ. Императоръ, глубоко-религіозный человѣкъ, вѣрилъ въ божественность Спасителя, что выражалъ при всякомъ случаѣ. Онъ говорилъ въ 1875 г., принимая предсѣдательство въ Бранденбургскомъ синодѣ: «Если мы не вѣримъ въ божественность Христа—мы не христіане». Бисмаркъ съ своей стороны писалъ въ 1847 г.: «Всѣ государства, желающія удержаться, всѣ государства, желающія защитить свои права существованія отъ тѣхъ, кто на нихъ нападаетъ,—должны быть основаны на религіозной идеѣ». При этомъ онъ прибавляетъ, что «король, объявляющій себя государемъ милостью Божіей, не произноситъ, по моему мнѣнію, напрасную формулу». Въ безчисленныхъ случаяхъ Бисмаркъ выражалъ подобныя мнѣнія, какъ въ рѣчахъ, такъ и въ письмахъ. «Надо признать,—говорилъ Бисмаркъ 17 декабря 1873 года въ германской палатѣ,—что я всегда выражалъ твердо, ясно, публично мое протестантское убѣжденіе». Однако была минута въ 1865 г., когда его друзья чуть было не усомнились въ искренности религіозныхъ убѣжденій Бисмарка. Дѣло въ томъ, что онъ вздумалъ въ Гаштейнѣ,—снять фотографическій портретъ съ себя, вмѣстѣ съ пѣвицей Лукка, довольно въ романической позѣ. Эта игривость произвела такое волненіе въ средѣ консерваторовъ, что одному изъ нихъ, фонъ-Ромену, было поручено усовѣстить Бисмарка. Послѣдній отвѣтилъ длиннымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ писалъ, что: «хотя г-жа Лукка и пѣвица, но ее нельзя такъ же, какъ и меня, упрекнуть въ недозволенныхъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, если бы я зналъ, что это произведетъ такой скандалъ среди друзей, то, конечно, не допустилъ бы подобной шутки». Это письмо изъ втораго тома и приведено здѣсь только къ случаю. Переписка Бисмарка съ Вильгельмомъ большей частью въ библейскомъ направленіи; даже письмо его къ Вильгельму о маленькой собачкѣ, присланной ему Вильгельмомъ, написано библейскими цитатами. Второй томъ переписки интереснѣе перваго по своей новизнѣ. Между многочисленными письмами любопытно—графа Арнима, нѣмецкаго посланника въ Парижѣ, прославившагося процессомъ, затѣяннымъ противъ него Бисмаркомъ. Оно написано изъ Парижа относительно подозрѣній парижскаго

дантиста въ предполагаемомъ отравленіи Бисмарка. «Докторъ Эвансъ, — писалъ графъ Арнимъ,—сообщилъ мнѣ, что за послѣднее время одно дѣло, которое было у него въ подозрѣніи—отравленіе Кавура сигарой,—безусловно подтвердилось. Онъ совершенно убѣжденъ въ томъ, что утверждаетъ. Онъ считаетъ также своей обязанностію доказать, согласно нѣкоторымъ даннымъ, что нѣсколько фанатиковъ одинаковаго съ нимъ вѣроисповѣданія—Эвансъ католикъ,—покушались на ваше сіятельство. Онъ формально просилъ меня предупредить васъ объ этой опасности. Онъ не колеблясь думаетъ, что есть личности, желающія убить васъ посредствомъ вашей любимой привычки». «Развѣ князь Бисмаркъ много куритъ?»—спросилъ онъ меня. На мой утвердительный отвѣтъ, онъ заявилъ, что въ такомъ случаѣ навѣрно сыграетъ роль сигара Кавура. Я случайно замѣтилъ, что въ 1872 г. много говорилось объ отравленныхъ сигарахъ въ Лисабонѣ, во время многочисленнаго траура императорской семьи. Что до меня, то я мало вѣрю въ эти слухи. Тѣмъ не менѣе, было бы очень легко вручить вамъ ящикъ отравленныхъ сигаръ, если убійца не опасается погубить при этомъ и другихъ лицъ. Докторъ Эвансъ убѣжденъ, что эти опасенія основательны. Вотъ почему я взялся предупредить васъ объ этомъ». Затѣмъ не менѣе интересно предполагаемое свиданіе Гамбетты съ Бисмаркомъ. Близкій другъ Бисмарка, графъ Генкель фонъ-Доннерсмаркъ, проводилъ лѣто на своей виллѣ Понтшартренъ, гдѣ у него часто бывалъ Гамбетта. Въ одинъ изъ такихъ визитовъ графъ предложилъ ему войти въ сношенія съ Бисмаркомъ. Гамбетта принялъ съ удовольствіемъ это предложеніе. Оставалось узнать мнѣніе Бисмарка. Съ этой цѣлью графъ Генкель предложилъ ему познакомиться съ Гамбеттой, прекрасно знавшимъ Германію и ея дѣла. Бисмаркъ выразилъ не меньшее удовольствіе, но вслѣдствіе болѣзни, поручилъ сыну отвѣтить за него. Но сынъ не сумѣлъ передать мыслей своего знаменитаго отца. Однако чрезъ графа Генкеля Гамбетта обѣщалъ, что въ будущемъ поставитъ во главѣ внѣшней политики Франціи—протестанта, и въ 1877 г., Ганто предполагалось замѣнить Сенъ-Валье, котораго Гогенлоэ считалъ симпатичнымъ для Германіи. Несмотря на опасенія Бисмарка, графъ Генкель снова принялся за переговоры, относительно визита Гамбетты въ имѣніе Варзинъ, къ Бисмарку. На это Бисмаркъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ 28-го декабря 1877 года: «Дорогой графъ, — я очень вамъ благодаренъ за письмо отъ 23. Перемѣна въ дипломатической сферѣ Франціи меня необычайно обрадовала. Если что либо могло утвердить ваше довѣріе въ миролюбивомъ расположеніи французскаго правительства, то это—отозваніе Ганто, близко связаннаго съ врагами имперіи. Нѣтъ ли какихъ средствъ засвидѣтельствовать наше удовлетвореніе? Я былъ бы очень счастливъ. Что касается до выставки, то положительно не хватитъ времени нашимъ промышленникамъ на приготовленія, это совершенно невозможная вещь. Но я надѣюсь, что Гамбетта отъ этого не будетъ менѣе увѣренъ въ нашемъ расположеніи. Мнѣ было бы пріятно войти съ нимъ въ сношенія, но въ данный моментъ это испугало бы императора, ибо вліяніе Ганто и другихъ сдѣлало императора недовѣрчивымъ относительно революціонной пропаганды. Кромѣ того, въ интересахъ самого Гамбетты, я считаю этотъ визитъ преждевременнымъ. Было бы большой неосторожностью, съ

его стороны, скомпрометировать себя со мною. Я очень хочу, чтобы онъ сохранилъ свой авторитетъ, и потому не мнѣ нарушать его. Это рѣдкій, авторитетный темпераментъ, который еще существуетъ во Франціи. Во всякомъ случаѣ, я очень благодаренъ вамъ, что вы устроили не прямыя сношенія, которыми я воспользуюсь и заботливо сохраню. Вашъ Бисмаркъ». Послѣ этого письма переписка относительно Гамбетты продолжалась, но ни одного письма отъ 28-го декабря 1877 г. и по апрѣль 1878 г. не появилось въ этомъ томѣ. Въ этотъ промежутокъ времени кто-то уговорилъ Бисмарка, что свиданіе съ Гамбеттой не повлечетъ непріятныхъ послѣдствій, и 12-го апрѣля въ Берлинъ пришла телеграмма: «Посылка не можетъ прибыть ранѣе восьмого». Эта посылка была не кто иной, какъ Гамбетта, о которомъ извѣщалъ графъ Генкель. Знаменитое свиданіе было лишь вопросомъ времени, но неожиданное событіе измѣнило всѣ ожиданія. Внезапная смерть любимой тетки Гамбетты вызвала его въ Ниццу, и онъ поспѣшно отправился, не оставивъ никому своего адреса. Это событіе очень опечалило Генкеля и еще болѣе Бисмарка. 14-го апрѣля 1878 г. онъ писалъ одному своему другу: «Не имѣя ничего лучшаго дѣлать, я лѣчу свой ревматизмъ у камелька и любуюсь чудными розами, которыя вы прислали княгинѣ» Графъ Генкель написалъ 23 числа письмо Бисмарку, въ которомъ описывалъ смерть тетки Гамбетты: «Дорогой князь, тетка Гамбетты, заботившаяся объ его воспитаніи и образованіи, которое оплачивала своими средствами,—внезапно умерла. Онъ питалъ къ ней нѣжную привязанность, и ея смерть такъ жестоко поразила нашего друга, что онъ не хочетъ никого видѣть». Наконецъ 22-го апрѣля Гамбетта возвратился въ Парижъ и тотчасъ же написалъ Генкелю извиненіе, что оставилъ его письмо безъ отвѣта, объяснивъ причину. При этомъ онъ назначилъ на другой день свиданіе. Послѣ этого свиданія Генкелю телеграфировалъ въ Берлинъ: «Посылка отправляется въ воскресенье, прибудетъ въ Берлинъ понедѣльникъ вечеромъ и во вторникъ будетъ въ вашемъ распоряженіи, подробности слѣдуютъ. «Генкель». На этотъ разъ свиданіе казалось близкимъ, но оно было задержано однимъ парламентскимъ инцидентомъ. Вслѣдъ затѣмъ Генкель получилъ письмо съ извиненіемъ и объясненіемъ причины задержки. Тѣмъ и кончилась исторія о свиданіи Гамбетты съ Бисмаркомъ. Вопросъ о свиданіи Гамбетты съ Бисмаркомъ возбудилъ много шуму во французскихъ газетахъ, по случаю «Переписки» послѣдняго и много напечатано различныхъ извѣстій о таинственномъ путешествіи Гамбетты въ Берлинъ въ 1878 г. Относительно его свиданія съ Бисмаркомъ французы утверждаютъ, что оно не состоялось со стороны Гамбетты, а не Бисмарка. Такъ извѣстный Бловицъ утверждаетъ, что Бисмаркъ очень желалъ его видѣть и говорилъ: «Я отдаю полную справедливость Гамбеттѣ, онъ — единственная поразительная личность во Франціи, и я не хотѣлъ бы умереть, не увидавъ его». Но Бловицъ увѣряетъ, что онъ ставилъ необходимымъ условіемъ этого свиданія неупоминаніе въ разговорѣ объ Эльзасѣ. Когда же Бловицъ передалъ объ этомъ Гамбеттѣ, то послѣдній сказалъ: «Это совершенно невозможно. Я не могу встрѣтиться съ Бисмаркомъ и не говорить объ Эльзасѣ и Лотарингіи. Если я промолчу

объ этомъ предметѣ, это испортитъ весь разговоръ, и онъ почувствуетъ, что передъ нимъ человѣкъ, который не говоритъ, что думаетъ, и не думаетъ, что говоритъ».

— Первая королева Италіи. Недавно появилась въ Италіи книга, въ которой Онорато Ро обрисовываетъ королеву Маргариту Савойскую, вдову покойнаго короля Гумберта, какъ поклонницу и покровительницу литературы. Ея страсть къ книгамъ была такъ извѣстна съ дѣтства, что послѣ ея замужества ей прислали безконечное множество поздравленій, писемъ и адресовъ со всѣхъ концовъ свѣта. Она оцѣнила выше всѣхъ посланный автографъ Манцони, выражавшій «единеніе итальянскаго языка». Нѣсколько времени спустя, королева пожелала отблагодарить лично знаменитаго романиста. Случай представился вскорѣ послѣ рожденія неаполитанскаго принца. Манцони былъ принятъ на половинѣ королевы, и она пожелала, чтобы онъ взялъ на руки будущаго третьяго короля Италіи. По ея мнѣнію, это должно было принести счастіе наслѣднику престола. Королева Маргарита очень интересуется всѣмъ, что касается историческихъ, политическихъ и экономическихъ вопросовъ нашего времени. Ея любознательность удовлетворялъ «уважаемый наставникъ» Марко Мингетти. Она внимательно и съ пользой слушала его, но съ большимъ удовольствіемъ изучала греческій и латинскій языки, которые ей преподавалъ Руджеро Бонги, переведшій прекрасно «Діалоги Платона». Бонги являлся въ Квириналъ въ девять часовъ утра, гдѣ заставалъ свою ученицу уже за уроками, приготовляемыми ею самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Затѣмъ слѣдовали темы, изложенія и рѣчи. Вскорѣ она сдѣлала замѣтные успѣхи. Бонги съ гордостью показывалъ нѣкоторыя ея письма на латинскомъ языкѣ, въ которыхъ она благодарила своего учителя за его услуги и говорила, что ея самое страстное желаніе оправдать его стараніе. При жизни короля Гумберта королева правильно посѣщала всѣ конгрессы и собранія ученыхъ обществъ, собиравшихся въ Римѣ. Она отдавала предпочтеніе собраніямъ международнаго художественнаго общества. Обыкновенно она предупреждаетъ о своемъ желаніи присутствовать на собраніи только накапунѣ, посредствомъ конфиденціальнаго письма, адресованнаго на имя предсѣдателя общества. Она является неофиціально, чтобы не нарушать порядка засѣданій. Въ особенности королева интересуется литературой, и ея любимый поэтъ—Кардуччи. Но любовь къ литературѣ не мѣшаетъ ей интересоваться также изящными искусствами, и она съ удовольствіемъ посѣщаетъ мастерскія скульпторовъ и живописцевъ. Лѣтъ болѣе двадцать-пять тому назадъ, когда королева Маргарита была еще принцессой, знаменитый итальянскій скульпторъ, Джуліо Монтеверде, долго жилъ въ Монцѣ, съ цѣлью изваять черты лица главныхъ членовъ королевской семьи. Молодая принцесса, не терпѣвшая бездѣйствія, никакъ не могла спокойно выдержать позу, что было необходимо для скульптора. Наконецъ она придумала средство, чтобы ея фигура оставалась неподвижна — рисоват ьпортретъ самого Монтеверде. При этомъ она тщательно отдѣлывала его окладистую бороду, которой онъ гордился и которая дѣлала его похожимъ на Микель-Анджело. Изъ музыкантовъ королева предпочитаетъ Верди. Послѣ перваго представленія «Фальстафа», въ театрѣ Констанци, присутствовавшій на

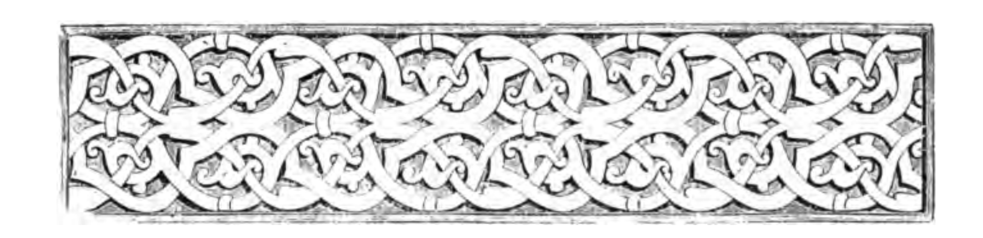
представленіи маэстро сидѣлъ между королемъ и королевой. При входѣ королевской четы раздались аплодисменты публики. Черезъ нѣсколько минутъ король съ королевой удалились изъ ложи, оставивъ одного Верди, чтобы аплодисменты публики отнеслись лично къ нему. Королева Маргарита слѣдитъ также за интеллектуальнымъ движеніемъ за границей, и всего болѣе интересуется нѣмецкими учеными историками, въ особенности Грегоровіусомъ. Однажды на балу у нѣмецкаго посланника королевѣ указали на одиноко стоявшаго въ размышленіи Грегоровіуса. Она тотчасъ послала къ нему камергера съ приглашеніемъ на слѣдующую кадриль. Но ученый не умѣлъ танцовать и разсыпался въ извиненіяхъ и сожалѣніяхъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ, совершенно огорченный, отправился домой.

— Смерть Пи-и-Маргалла и Карла Баркли. Двадцать девятаго ноября умеръ въ Мадридѣ испанскій депутатъ, нѣкогда бывшій президентомъ испанской республики—Франциско Пи-и-Маргаллъ. Родившись въ Барцелонѣ, 29 апрѣля 1824 г., Пи-и Маргаллъ былъ очень скромнаго происхожденія и, начавъ свою дѣятельность, какъ адвокатъ и публицистъ, онъ вскорѣ добился значительной репутаціи, какъ республиканской дѣятель. Другъ Прима, Кастелляра и Зориллы, Маргаллъ добился редакторства республиканской газеты «Duscussion». Принявъ участіе въ заговорѣ Прима, онъ былъ сосланъ въ 1866 г. и возвратился въ Испанію только послѣ паденія Изабеллы II. Въ послѣдующемъ году его родной городъ Барцелона избралъ его депутатомъ въ учредительное собраніе, и онъ принялъ участіе во всѣхъ кризисахъ, черезъ которые прошла Испанія въ это время. Будучи членомъ кортесовъ, онъ, во время царствованія Амедеевъ, былъ главою группы федеративныхъ республиканцевъ. Потомъ онъ содѣйствовалъ, болѣе всѣхъ другихъ, отказу отъ власти этого короля и учрежденію республики, 11 февраля 1873 г. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ постепенно былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, первымъ министромъ и президентомъ республики. Въ іюлѣ того же 1873 г. онъ уступилъ свою власть Сальмерону, а съ паденіемъ республики и возстановленіемъ монархической реставраціи, Маргаллъ покинулъ политическую дѣятельность и сдѣлался адвокатомъ. 3 мая 1874 г. онъ едва не сдѣлался жертвою покушенія противъ него фанатическаго патера. Десять лѣтъ спустя, Маргаллъ былъ посланъ своими соотечественниками депутатомъ въ кортесы и съ тѣхъ поръ былъ пламеннымъ защитникомъ политики федеративной республики. Онъ проповѣдывалъ самую широкую автономію, какъ въ провинціи, такъ и въ колоніи, а въ послѣднее время обратилъ на себя всеобщее вниманіе, какъ защитникъ сепаратистскаго движенія въ Каталоніи. Онъ умеръ на 76 г. жизни.

20 октября 1901 г. скончался видный представитель партіи швейцарскихъ соціалистовъ, Карлъ Баркли. Онъ было не только замѣчательнымъ соціалистомъ, но первымъ основателемъ демократическаго соціализма въ Швейцаріи. Баркли былъ во главѣ тамошняго рабочаго движенія и посвятилъ всю свою жизнь борьбѣ за соціальные интересы. Онъ былъ очень образованный человѣкъ и пополнялъ свое образованіе частыми путешествіями. Подолгу онъ проживалъ въ кружкахъ французскихъ рабочихъ въ Ліонѣ, Нимѣ, Марселѣ и

Парижѣ, который онъ впервые посѣтилъ въ 1845 г. Баркли находился въ близкихъ отношеніяхъ съ Викторомъ Консидераномъ и изучалъ Фурье. Въ 1850 г. онъ первый учредилъ кооперативное движеніе въ Швейцаріи, а въ 1853 г. Баркли отправился съ Консидераномъ и швейцарской фалангой въ Техасъ. Вернувшись въ Европу, въ 1858 г., онъ былъ до послѣдняго времени пламеннымъ поклонникомъ соціализма. Эти біографическія данныя о Карлѣ Баркли мы почерпнули изъ интересной статьи о немъ Ганса Мюллера, въ декабрьскомъ нумерѣ «Socialistische Monatshefte».

СМѢСЬ.

Географическое общество. I. 2-го ноября въ засѣданіи по отдѣленію этнографіи предсѣдателемъ отдѣленія В. И. Ламанскимъ было посвящено нѣсколько словъ памяти покойныхъ академиковъ, членовъ географическаго общества, С. В. Максимова и И. Н. Жданова. В. И. Ламанскій остановился на ихъ заслугахъ для этнографіи, заслуга передъ которой особенно велика И. Н. Жданова, какъ изслѣдователя народной русской поэзіи; въ этомъ отношеніи онъ долженъ занимать первое мѣсто послѣ Ор. Миллера и Веселовскаго. Въ этомъ же засѣданіи Е. Э. Линева сдѣлала сообщеніе о собраніи народныхъ напѣвовъ въ Новгородской губерніи. Е. Э. Линева познакомилась съ однимъ американцемъ, мистеромъ Креномъ, путешествовавшимъ по Россіи (мистеръ Кренъ былъ въ Россіи два раза, но оба его пріѣзда сопровождались недоразумѣніями и препятствіями, благодаря непривычкѣ американца къ нашей паспортной системѣ: въ первый разъ онъ утерялъ свой паспортъ, во второй онъ запасся двумя, но передъ въѣздомъ въ Россію отдалъ одинъ ѣхавшему также въ Россію, но не имѣвшему совершенно паспорта, другому американцу; такимъ образомъ оказалось въ Россіи въ одно время два путешествовавшихъ мистера Крена) и заинтересовавшимся обычаями и особенно русскимъ искусствомъ; онъ собралъ и предоставилъ въ распоряженіе нашего географическаго общества нѣкоторую сумму денегъ, предназначивъ ее для собиранія пѣсенъ. Сумма эта обществомъ была передана г-жѣ Линевой: послѣдняя предприняла на нее въ нынѣшнемъ году поѣздку, въ цѣляхъ собиранія пѣсенъ по уѣздамъ Череповецкому, Бѣлозерскому и Кирилловскому Новгородской губерніи, сдѣлавъ 1.500 верстъ и записавъ 230 пѣсенъ, изъ нихъ большинство воспроизведены на валикахъ фонографа. Г-жа Линева высказываетъ грустное предположеніе, что со смертью стариковъ скоро совершенно изсякнетъ источникъ старинной русской пѣсни подъ вліяніемъ новыхъ наслоеній въ видѣ пѣсенъ

[illegible]

…экспедиція главнымъ образомъ обратила вниманіе на рѣку Чулышманъ. Телецкое озеро по своей формѣ крайне извилисто, длина его около 75 верстъ, ширина же очень разнообразна, отъ 150 саженъ до 5 верстъ, глубина достигаетъ 150 саженъ, при чемъ вода очень прозрачна; берега озера недоступны, скалисты, иногда совершенно отвѣсны, такъ что текущія въ него рѣки образуютъ многочисленные водопады; озеро обильно рыбой — особый видъ сельди, таймень и другія; въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ Телецкому озерахъ встрѣчается неизвѣстная намъ порода рыбы. Собранныя экспедиціей богатыя коллекціи ботаническихъ, геологическихъ и зоологическихъ образцовъ, а также фотографическіе снимки озера и окрестностей, предоставлены были при чтеніи обозрѣнію публики.

III. Въ состоявшемся 23-го ноября подъ предсѣдательствомъ Д. П. Семенова засѣданіи по отдѣленію статистики, дѣйствительнымъ членомъ общества П. П. Боковымъ былъ доложенъ проектъ устройства «областного народно-хозяйственнаго музея», выработанный спеціально для этого составленною коммиссіей.

Проектъ говоритъ: у насъ вообще музеевъ еще немного, а существующіе мало доступны народу, да и мало пригодны для лицъ не подготовленныхъ. Въ виду этого очень желательно создать у насъ типъ наиболѣе полезнаго для народа музея, гдѣ каждый могъ бы почерпать необходимыя свѣдѣнія въ доступной формѣ. Такіе музеи нужно сооружать въ городахъ, къ которымъ наиболѣе тяготѣетъ населеніе по своему общественному строю. Такимъ ближайшимъ административнымъ центромъ является губернскій городъ. Каждая губернія должна самостоятельно собирать и изучать сырой матеріалъ по всѣмъ отрослямъ народнаго хозяйства, связывать же собранный матеріалъ необходимо въ одномъ главномъ центрѣ—Петербургѣ. Нельзя не придать большого практическаго значенія и точному изслѣдованію нашей общины, что только и можетъ дать намъ заключеніе о ея цѣлесообразности. Проектъ программы народно-хозяйственнаго музея включаетъ въ себѣ 16 отдѣловъ: границы и величина области, литература, климатъ, гидрографія, орографія, населеніе (движеніе населенія), исторія и этнографія, земледѣліе, садоводство, скотоводство, лѣсоводство, охота и рыболовство, промышленность и торговля, управленіе, церковь, языкъ, науки и искусства. Всѣ эти отдѣлы будутъ сопровождаться статистическими данными, графическими и картографическими изображеніями. IV. Въ засѣданіи по отдѣленіямъ географіи математической и физической, состоявшемся 27-го ноября подъ предсѣдательствомъ И. В. Мушкетова, было сдѣлано сообщеніе Н. И. Пузыревскаго: «Сыръ-Дарья, ея физическія свойства и судоходность». Докладчикъ былъ командированъ министерствомъ путей сообщенія на рекогносцировку вышеуказанной рѣки, послѣ сдѣланнаго въ 1900 году изысканія Оренбурго-Ташкентской дороги, въ цѣляхъ опредѣленія подвозной способности рѣки и возможности устройства пристани на Аральскомъ морѣ. Сыръ-Дарья, называемая въ верхнемъ теченіи Нарыма, получаетъ начало свое съ Тянь-Шана и, начиная съ Чиназа (при впаденіи Кары-Дарьи), становится возможной для судоходства. Въ настоящее время судоходство на Сыръ-Дарьѣ только сплавное. Занимаются имъ съ помощью самыхъ примитивныхъ судовъ, каюковъ, преимущественно уральскіе казаки; между тѣмъ еще въ 1870-хъ годахъ у насъ тамъ была значительная флотилія, состоявшая изъ нѣсколькихъ пароходовъ и баржъ. Какъ не окупающая расходовъ по своему содержанію, эта аральская флотилія была уничтожена. Изслѣдованія Сыръ-Дарьи привели докладчика къ заключенію о возможности устройства на ней судоходства, аналогичнаго съ такимъ же на Дону, т.-е. буксирнаго, только съ пароходами немного болѣе сильнаго типа. Среднее время прохода по рѣкѣ высчитывается въ 242 дня. Затѣмъ, предсѣдатель метеорологической коммиссіи профессоръ Воейковъ сообщилъ извѣстное уже заключеніе коммиссіи о способѣ предсказаніи погоды г. Демчинскаго. На предложеніе предсѣдателя высказаться по поводу доклада коммиссіи выступилъ г. Величкинъ, который предлагалъ сильнѣе мотивировать ненужность проектированныхъ г. Демчинскимъ метеорологическихъ наблюденій, но въ то же время находилъ, что коммиссіи не слѣдовало сводить въ своемъ докладѣ значеніе луны для погоды почти къ нулю, что это вопросъ еще открытый, и онъ, г. Величкинъ, имѣетъ основаніе думать, что луна играетъ немалую роль. Замѣчаніе

г. Величкина принято къ свѣдѣнію. Затѣмъ предсѣдатель собранія въ краткой рѣчи сказалъ, что вопросъ о теоріи г. Демчинскаго можетъ считаться для географическаго общества исчерпаннымъ. Географическое общество съ сочувствіемъ встрѣтило первые шаги г. Демчинскаго на поприщѣ открытія новыхъ путей въ метеорологіи. Къ сожалѣнію, скоро стали возникать сомнѣнія въ успѣшности занятій г. Демчинскаго, а теперь эти сомнѣнія уже перешли для общества въ полную увѣренность въ безполезности работъ г. Демчинскаго. Въ заключеніе предсѣдатель предложилъ выразить благодарность метерологической комиссіи и г. Грибоѣдову за ихъ труды по выясненію вопроса.

Общество Нестора-лѣтописца въ Кіевѣ. I. Годичное собраніе общества Нестора-лѣтописца происходило 27-го октября въ университетѣ св. Владиміра. Секретарь общества прочелъ отчетъ за 29-й годъ существованія общества, изъ котораго видно, что въ настоящее время числится 145 членовъ, въ томъ числѣ 21 почетныхъ. Составъ правленія прежній, съ предсѣдателемъ Н. П. Дашкевичемъ и товарищемъ А. М. Лазаревскимъ. Всѣхъ засѣданій было 14, и было прочитано 28 научныхъ сообщеніи по исторіи, литературѣ и археологіи. Общество продолжало изданіе своихъ Чтеній, которыя за истекшій годъ получили болѣе широкое развитіе и стали выходить 3-мѣсячными книжками. Для чествованія памяти Н. В. Гоголя въ февралѣ 1902 года, избрана особая комиссія по составленію сборника и устройству выставки въ память великаго писателя, при чемъ университетомъ дана довольно значительная субсидія. Библіотека общества заключаетъ 2.297 названій въ 5.174 томахъ, а также много рукописей и другихъ предметовъ. Средства общества къ 27-му октября сего года—2.746 рублей. Затѣмъ Н. П. Дашкевичъ прочелъ рѣчь «О литературныхъ стремленіяхъ XIX вѣка». II. 21-го февраля 1902 года, день пятидесятилѣтія со дня смерти Н. В. Гоголя, общество постановило ознаменовать: 1) устройствомъ торжественнаго засѣданія 21-го февраля 1902 года въ залѣ торжественныхъ собраній университета съ чтеніемъ рѣчей, посвященныхъ литературному творчеству покойнаго великаго писателя; 2) устройствомъ выставки портретовъ Н. В. Гоголя, разныхъ предметовъ, принадлежащихъ ему, изданій его сочиненій, гравюръ, видовъ мѣстностей родины писателя и т. п. и 3) устройствомъ ряда публичныхъ чтеній, посвященныхъ Н. В. Гоголю. Выставка продлится три дня—20-го, 21-го и 22-го февраля въ зданіи университета. Чтенія публичныхъ лекцій, которыя предполагаются платными, будутъ происходить въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, также въ университетѣ. Кромѣ того, ко дню пятидесятилѣтія кончины Н. В. Гоголя будетъ выпущенъ въ свѣтъ «Юбилейный сборникъ въ память Н. В. Гоголя». Въ сборникъ войдутъ статьи разныхъ авторовъ, рѣчи, прочитанныя въ торжественномъ собраніи 22-го февраля. Рѣчи будутъ произнесены: предсѣдателемъ общества Нестора-лѣтописца, профессоромъ Н. П. Дашкевичемъ—«О міровомъ значеніи творчества Гоголя», профессоромъ В. Н. Малининымъ—«О прозаическихъ сочиненіяхъ Гоголя» и приватъ-доцентомъ Лободою—«О драматическихъ произведеніяхъ Гоголя». Въ чтеніи лекцій о Гоголѣ примутъ участіе нѣкоторые изъ мѣстныхъ преподавателей гимназій: г. Шаровольскій—«Первые литературные дебюты Гоголя», г. Бакодоровъ—«Комедіи Гоголя», И. М. Каманинъ—«На-

ученыя и литературныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи», г. Кожинъ—«Гоголь и Мицкевичъ», г. Чаговецъ—«Семейная хроника Гоголя», г. Александровскій—«Гоголь и Бѣлинскій». Предметъ этихъ чтеній послужитъ матеріаломъ также для статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ, куда также войдутъ статьи: извѣстнаго знатока исторіи Малороссіи А. М. Лазаревскаго о «Предкахъ Гоголя», профессора Н. И. Петрова объ «Этнографическихъ особенностяхъ въ произведеніяхъ Гоголя» и др. На устраиваемой выставкѣ будутъ разные предметы, принадлежавшіе Н. В. Гоголю, въ томъ числѣ его трость, а также часть переписки Гоголя, хранившаяся до послѣдняго времени у сестры покойнаго писателя, М. В. Гоголь, проживающей въ своемъ хуторѣ Яновщинѣ, Миргородскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Весьма интересенъ также портретъ Гоголя, писанный масляными красками, изображающій его юношей въ мундирѣ студента Нѣжинскаго лицея, гдѣ воспитывался Гоголь. Портретъ этотъ хранится въ библіотекѣ университета. По слухамъ, на предстоящемъ торжественномъ собраніи будетъ присутствовать также сестра Гоголя. Несмотря на свой преклонный возрастъ, она вполнѣ бодрая и разсказываетъ много интересныхъ подробностей изъ жизни брата.

Общество любителей древней письменности 23-го ноября, Х. М. Лопаревъ сдѣлалъ сообщеніе о бракѣ княжны Мстиславны (1122 г.), о которой въ лѣтописяхъ говорится въ четырехъ-пяти словахъ. Дочь Мстислава и Христины, она была помолвлена за византійскаго наслѣдника престола Алексѣя, первороднаго сына императора Калуяна Комнена. Въ Византіи она получила новое имя Зои, была коронована, при чемъ получила титулъ севасты, и вѣнчана въ 1122 году. Такъ какъ у нея не было дѣтей, кромѣ одной дочери, императоръ Калуянъ сталъ охладѣвать къ женатому на ней сыну Алексѣю и переноситъ свою любовь съ Алексѣя на четвертаго изъ сыновей, Мануила, которому, какъ кажется, и намѣревался передать корону. Смерть Алексѣя въ 1142 году, повергая севасту Зою въ глубокій трауръ, развязала руки Калуяну. Остатокъ жизни Зоя проводила не въ монастырѣ, а въ мірѣ, въ обществѣ волхвовъ и чародѣевъ. Референтъ полагаетъ, что склонность къ чародѣйству Зоя могла вывезти изъ Руси, изъ Кіева, и что она оживила въ Византіи интересъ къ разнаго рода волхвованіямъ. Затѣмъ было прочитано Н. П. Кондаковымъ сообщеніе: «Изображенія князя Ярополка Изяславича въ Трирской псалтири». Такъ называемыя Трирскія рукописи хорошо вообще извѣстны западнымъ спеціалистамъ, но только въ текущемъ году открылось, что въ Твирской псалтири, хранящейся въ чивидальской библіотекѣ, находится пять византійскихъ миніатюръ, которыя относятся къ XI вѣку и изъ которыхъ двѣ съ изображеніями русскаго князя (одна изъ этихъ послѣднихъ миніатюръ имѣетъ подпись, сдѣланную славянскими буквами). Основываясь на снимкахъ, исполненныхъ въ краскахъ, по порученію императорской академіи наукъ г. Северьяновымъ, и на данныхъ нѣмецкаго изданія Трирской псалтири, докладчикъ представилъ свои соображенія объ этихъ миніатюрахъ. Въ послѣдней части сообщенія Н. П. Кондаковъ остановился на разборѣ самыхъ миніатюръ. Нѣмецкіе издатели Трирской псалтири склонны считать упомянутыя 5 миніатюръ имѣющими ближайшую связь съ современными имъ русскими миніатюрами и

въ частности съ миніатюрами Остромирова Евангелія и Святославова сборника, но, по мнѣнію Н. П. Кондакова, византійскій стиль въ названныхъ миніатюрахъ такъ выдержанъ, что рѣчь должна собственно итти только о томъ, исполнены ли онѣ грекомъ или хорошимъ ученикомъ греческаго каллиграфа. Отмѣченныя докладчикомъ отступленія отъ византійскаго канона миніатюристовъ заставляютъ его склониться къ мысли, что миніатюры исполнены не грекомъ. Въ заключеніе Н. П. Кондаковъ указалъ, что, не имѣя своеобразнаго характера миніатюръ Остромирова евангелія и Святославова сборника, миніатюры Трирской рукописи тѣмъ не менѣе имѣютъ важное значеніе. Особое вниманіе докладчикъ обратилъ на костюмъ и головной уборъ князя на миніатюрѣ, изображающей вѣнчаніе его на великокняженіе (Ярополкъ не дожилъ до вѣнчанія на великокняженіе, но, вѣроятно, мать его велѣла изобразить вѣнчаніе на основаніи буллы, данной Ярополку папою): корона на князѣ не императорская, а какъ у 3-го или 4-го чина; мантія подбита горностаемъ, какъ у чина герцогскаго достоинства; кафтанъ орнаментированъ, не какъ у императора и даже не какъ у первыхъ чиновъ и т. п.

Библіологическое общество. 15-го ноября состоялось общее собраніе русскаго библіологическаго общества. Собранію доложенъ былъ отчетъ Н. М. Лисовскаго о дѣйствіяхъ образованной подъ его предсѣдательствомъ особой комиссіи для выработки программы чествованія предстоящаго двухсотлѣтняго юбилея русской печати. Комиссіей намѣчена широкая программа юбилейнаго празднованія, для выполненія которой проектируется организовать особый комитетъ изъ представителей разныхъ ученыхъ обществъ и повременной печати. На посланныя въ этомъ смыслѣ предложенія уже полученъ отъ нѣкоторыхъ обществъ благопріятный отвѣтъ. Библіологическое общество съ своей стороны, кромѣ устройства посвященнаго юбилею торжественнаго собранія, намѣрено издать соотвѣтствующаго содержанія сборникъ. Затѣмъ Ѳ. А. Витбергомъ прочитанъ былъ рефератъ «Проектъ архива дома Романовыхъ». Отмѣтивъ возрастаніе въ русскомъ обществѣ интереса къ родной старинѣ, выразившееся въ учрежденіи множества ученыхъ обществъ, архивныхъ комиссій, музеевъ разныхъ типовъ и такъ далѣе, референтъ развивалъ мысль о желательности создать архивъ августѣйшей фамиліи Романовыхъ. По мнѣнію референта, такой архивъ-музей давалъ бы весьма интересное освѣщеніе нѣкоторыхъ знаменательныхъ событій русской исторіи, напримѣръ, девятнадцатаго февраля, иллюстрированнаго въ безчисленныхъ варіаціяхъ лубочными картинками, которыя теперь уже составляютъ рѣдкость. Далѣе А. Э. Мальмгренъ прочелъ докладъ «О Гапсальскомъ архивѣ». Референтомъ обслѣдованъ былъ лѣтомъ нынѣшняго года въ Гапсалѣ архивъ городской думы и лютеранской церкви. Городъ этотъ подвергался частымъ разграбленіямъ, большая часть архивовъ погибла, а часть перевезена въ 1888 г. въ Ревель. Въ архивѣ лютеранской церкви хранятся впрочемъ нѣкоторые сборники документовъ XVII и XVIII столѣтія и церковно-статистическія свѣдѣнія. Все это имѣетъ преимущественно мѣстное значеніе, хотя нѣкоторые документы интересны для исторіи вообще Прибалтійскаго края XVII—XVIII столѣтій, когда Гапсаль принималъ участіе въ борьбѣ Швеціи и Россіи. Нако-

нецъ президентомъ общества А. М. Ловягинымъ объявлено было объ избраніи академика Вл. Ив. Ламанскаго въ почетные члены общества. Заявленіе это покрыто было единодушными аплодисментами. Въ дѣйствительные члены избраны В. Θ. Мушниковъ, В. М. Грибовскій и В. К. Савеловъ.

Археологическое общество въ С.-Петербургѣ. I. Общее собраніе, подъ предсѣдательствомъ графа И. И. Толстого, состоялось 8-го ноября. Большинствомъ голосовъ въ члены медальной комиссіи избраны: проф. баронъ В. Р. Розенъ, директоръ археологическаго института проф. Н. В. Покровскій, проф. Н. И. Веселовскій, академикъ Н. П. Кондаковъ и С. Θ. Ольденбургъ. Открывая засѣданіе, предсѣдатель предложилъ почтить вставаніемъ память умершихъ членовъ общества: И. И. Корнилова, И. Е. Троицкаго, И. Н. Жданова и М. И. Сухомлинова. П. П. Покрышкинъ прочелъ рефератъ о «церквахъ въ Месемвріи». Церкви этого нѣкогда важнаго торговаго порта Византіи на Черномъ морѣ представляютъ собою остатки весьма художественныхъ произведеній архитектуры XIII — XIV столѣтій. Въ Месемвріи находится до 20 храмовъ въ развалинахъ. Осада русскими этого пункта въ 1830 и 1878 гг. и бомбардировка берега причинили огромныя опустошенія среди остатковъ древнихъ храмовъ. Референтъ лѣтомъ 1900 г. изучилъ тщательно эти остатки строеній и произвелъ съ нихъ множество фотографическихъ снимковъ, послужившихъ иллюстраціею доклада. Съ особенными подробностями референтъ описалъ устройство церкви «Пандакратора», расположенной на островкѣ въ Бургасскомъ заливѣ. Какъ церкви, такъ и другія постройки строились здѣсь прямо на скалистой почвѣ. Камень въ качествѣ строительнаго матеріала преобладаетъ, хотя кладка типа византійскаго (перемежающійся камень и кирпичъ). Расположеніе церквей на морскомъ берегу чрезвычайно живописно. Разрушенныя колонны кое-гдѣ замѣнены бревнами. Изъ особенностей построекъ референтъ отмѣтилъ: парусные своды, деревянныя связи, заложенныя глубоко въ кладку, голосники (горшки въ стѣнахъ съ отверстіемъ) и пр. Въ обсужденіи деталей построекъ приняли участіе: проф. Н. В. Покровскій, академикъ Н. П. Кондаковъ, князь П. А. Путятинъ и др. Затѣмъ произведены были выборы въ члены общества; избраны С. О. Цибульскій и Е. И. Минхъ. II. Засѣданіе восточнаго отдѣленія происходило 22-го ноября подъ предсѣдательствомъ проф. Н. И. Веселовскаго. Въ дополненіе къ возбужденному въ предыдущихъ засѣданіяхъ вопросу о впаденіи рѣки Амуръ-Дарьи въ Каспійское море князь П. А. Путятинъ указалъ на существованіе одной карты времени Петра Великаго. На картѣ упомянутая рѣка представлена вливающейся въ Каспійское море. А. Погодинъ прочелъ рефератъ, основанный на изученіи греческихъ надписей, найденныхъ въ Крыму, въ которомъ доказывалъ существованіе евреевъ въ древнемъ Босфорскомъ царствѣ и столицѣ его Пантикапеѣ (нынѣшней Керчи) еще въ IV вѣкѣ до Р. Х. Опредѣленное указаніе о еврейской синагогѣ относится, однако, уже ко времени 80-хъ г. по Р. Х. Надписи проливаютъ свѣтъ и на нѣкоторыя стороны еврейскаго быта. Селясь въ Босфорскомъ царствѣ, евреи оставляли въ большинствѣ случаевъ свои имена и принимали греческія. Излюбленное имя было Друзъ. Надпись на одной могильной плитѣ гласитъ: «Друзъ сынъ Мессіи», указывая на мессіанскія надежды евреевъ періода римлянъ,

Проф. Н. И. Веселовскій подтвердилъ, что и результаты раскопокъ ясно доказываютъ фактъ пребыванія евреевъ въ Крыму; центромъ ихъ была древняя Фанагорія. Второй докладъ иностраннаго корреспондента общества А. Грюнведеля, написанный по-русски самимъ авторомъ, прочтенъ былъ секретаремъ отдѣленія С. Ѳ. Ольденбургомъ. Докладъ снабженъ рисунками и составляетъ описаніе любопытной малоизвѣстной сіамской книги «Трай-пумъ» (три міра), написанной въ 1773 г. Длина книги 20 метровъ, ширина 1 метръ. Хранится она въ Берлинскомъ музеѣ. Три міра, ею описываемые, это небо, земля и адъ. Большинство рисунковъ изображаютъ главныя сцены изъ жизни Будды.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ. 10-го ноября состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда подъ почетнымъ предсѣдательствомъ предсѣдателя императорскаго Московскаго археологическаго общества, графини П. С. Уваровой. Профессоръ Д. И. Багалѣй познакомилъ съ результатами дѣятельности комитета за прошлый отчетный годъ и остановился на нуждахъ комитета по подготовкѣ выставокъ при археологическомъ съѣздѣ, а равно на тѣхъ изданіяхъ, которыя подготовляются къ съѣзду. Графиня П. С. Уварова выразила надежду на то, что комитету придетъ на помощь императорскій Харьковскій университетъ, харьковское городское общественное управленіе, губернское земство и губернское управленіе: первые—въ устройствѣ выставокъ, а послѣднее въ печатаніи каталога выставокъ, и обѣщала содѣйствіе и помощь комитету со стороны Московскаго археологическаго, общества, которое кромѣ матеріальной помощи въ дополненіе къ изданіямъ комитета, историко-филологическаго общества, харьковскаго губернскаго статистическаго комитета,—приготовить изданіе матеріала, доставленнаго харьковскимъ предварительнымъ комитетомъ: а) трудъ В. С. Познанскаго «О малороссійской одеждѣ», б) г. Левицкаго «О древностяхъ Путивля». Въ дополненіе къ докладу Д. И. Багалѣя о предметахъ предстоящей выставки, секретаремъ мѣстнаго статистическаго комитета, В. В. Ивановымъ, было сдѣлано сообщеніе о новомъ матеріалѣ для этнографическаго отдѣла выставки, который будетъ представленъ харьковскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ,—о планахъ на усадебныя мѣста отдѣльныхъ поселеній Харьковской губерніи. По предложенію харьковскаго губернатора, городскими управленіями и земскими начальниками доставляются въ статистическій комитетъ копіи съ имѣющихся плановъ на отдѣльныя поселенія. До настоящаго времени получено около 50-ти плановъ. Профессоръ М. Г. Халанскій прочелъ докладъ о своей поѣздкѣ въ Курскую губернію съ археологической и этнографической цѣлью лѣтомъ 1901 г. Въ іюнѣ 1901 г. М. Г. Халанскій посѣтилъ въ Курской губерніи гор. Путивль и села Линовъ (Путивльскаго уѣзда), Будановку (Курскаго уѣзда) и Гущино (Тимскаго уѣзда). Въ Путивлѣ онъ сосредоточилъ свои изслѣдованія на рукописяхъ Маклаковской библіотеки и на знаменитомъ надгробномъ камнѣ съ именемъ князя Василія, относимомъ къ XIII вѣку. Изъ рукописей библіотеки Маклакова М. Г. Халанскій изслѣдовалъ Провлемата — трактатъ по физіологіи, медицинѣ и гигіенѣ, изданный въ Краковѣ въ 1567 году типографомъ Схарфенбергомъ. Извѣстные донынѣ русскіе списки Провлемата, находящіеся въ Порѣчской библіотекѣ гр. Уваровыхъ, относятся къ XVII вѣку и предполагаютъ

изданный въ Краковѣ оригиналъ, которымъ, повидимому, и является рукопись Путивльской библіотеки Маклакова. Много затрудненій пришлось преодолѣть М. Г. Халанскому для того, чтобы установить правильную точку зрѣнія на знаменитый въ мѣстной исторіи гор. Путивля камень съ именемъ князя Василія. Надпись на камнѣ полустерта, и для возстановленія ея изслѣдователю пришлось прибѣгнуть къ пособію двухъ другихъ надгробныхъ плитъ, аналогичныхъ по характеру и пріемамъ письма съ первой, найденныхъ при раскопкѣ подполья Преображенской церкви и въ настоящее время вдѣланныхъ въ основаніе лѣвой арки этой церкви. Послѣ промывки поверхности камня и путемъ сличеній его съ двумя другими указанными надгробными плитами, опредѣленно относящимися къ XVII в., М. Г. Халанскому удалось точно установить вѣкъ, къ которому относится надпись: XVII вѣкъ. Годъ точно опредѣлить не оказалось возможнымъ, но приблизительно онъ или 7143 или 7153 отъ сотворенія міра, т. е. 1635 или 1645 отъ Р. Хр. Находящіяся въ надписи слова: князя Василія, по всей видимости, нанесены позднѣе какимъ либо мѣстнымъ путивльскимъ ученымъ патріотомъ, въ 30—40-е годы XIX столѣтія съ цѣлью мистифицировать связь Слова о полку Игоревѣ и одного изъ героевъ, воспѣтыхъ въ этомъ произведеніи съ городомъ Путивлемъ. Первоначальное предположеніе, возникшее въ Путивлѣ, о значеніи надписи на камнѣ касалось именно Владиміра (Василія) Игоревича, удѣльнаго князя Путивльскаго XII вѣка. Въ селѣ Линовѣ М. Г. Халанскій продолжалъ свои прошлогодпія занятія говоромъ мѣстныхъ крестьянъ, называемыхъ въ Путивльскомъ уѣздѣ горюнами. По мнѣнію докладчика, «горюны», вѣроятно, старинные жители данной мѣстности, поселившіеся здѣсь еще въ пору литовско-польскаго владычества, приписанные, можетъ быть, позднѣе къ Молченскому монастырю и поэтому названные «горюнами», т. е. горемыками. По языку горюны занимають переходное мѣсто отъ южно-великоруссовъ къ бѣлоруссамъ. М. Г. Халанскій пріобрѣлъ въ Линовѣ очень интересный женскій горюнскій костюмъ, который будетъ демонстрированъ на имѣющей быть при съѣздѣ выставкѣ. Въ селѣ Будановкѣ, Курскаго уѣзда, и нѣкоторыхъ ближайшихъ къ нему селахъ Курскаго и Фатежскаго уѣздовъ, входившихъ въ районъ владѣній Коренскаго монастыря, живутъ саяны. М. Г. Халанскій занимался изученіемъ и говора саяновъ, повѣряя свои прежнія наблюденія и сдѣланныя студентомъ Харьковскаго университета, г. Федоровскимъ. Вопреки мнѣнію г. Добротворскаго, отождествлявшаго «горюновъ» и «саяновъ», М. Г. Халанскій устанавливаетъ существенную разницу между тѣми и другими: саяны чистые южно-великоруссы, измѣняющіе окончанія именъ прилагательныхъ и мѣстоименій —ого, его въ ова или ыва и ива, чего у горюновъ не бываетъ. Горюны—чистые «сгуны», т. е. говорятъ яго, мого и т. д. Женщины-саянки носятъ старинные костюмы, очень цѣнные и весьма любопытные для археологіи русскаго быта. Одинъ такой женскій костюмъ пріобрѣтенъ докладчикомъ и будетъ выставленъ на съѣздѣ. Изъ Будановки М. Г. Халанскій проѣхалъ въ Гущино, Тимскаго уѣзда, но нашелъ говоръ гущинскихъ крестьянъ сходнымъ съ говоромъ щигровскихъ крестьянъ, образцы котораго имъ ранѣе представлены. Послѣ доклада о своей поѣздкѣ М. Г. Халанскій доложилъ комитету о получен-

ныхъ имъ трудахъ по исторіи и археологіи Путивля г. Левицкаго (Исторія Путивля и о Путивльской иконѣ Божіей Матери) и г. Рябинина (о Преображенской церкви гор. Путивля) и объ ожидаемомъ трудѣ г. В. В. Кобелецкаго — карта кургановъ Путивльскаго уѣзда. Первые три труда рѣшено печатать частію въ Трудахъ харьковскаго предварительнаго комитета, частію (Исторія гор. Путивля) въ Трудахъ Московскаго археологическаго общества. По предложенію М. Г. Халанскаго избранъ въ члены комитета В. В. Кобелецкій, пожертвовавшій университету для археологическаго съѣзда цѣнную коллекцію древнихъ монетъ, найденныхъ въ гор. Путивлѣ. Г-жа А. Я. Ефименко познакомила съ результатами своихъ изслѣдованій «стоянокъ» на лѣвомъ берегу Донца, противъ с. Кочетка. Культурный слой помѣщается подъ верхнимъ сыпучимъ пескомъ, онъ до 1 аршина толщины. Докладчицей, кромѣ трехъ стоянокъ, найдена стоянка—мастерская по выдѣлкѣ кремневыхъ орудій—на правомъ берегу р. Бабки. На стоянкахъ найдены—каменныя орудія разнообразной величины и формы: ножи, скребки, кремневыя орудія, стрѣлы и др. Кромѣ того, стрѣлы бронзовыя, желѣзныя, фрагменты глиняныхъ сосудовъ, изъ которыхъ нѣкоторые орнаментированы; пряслица, бусы и кольцо изъ крученной бронзовой проволоки. Профессоры Е. К. Рѣдинъ и Д. И. Багалѣй доложили: 1) увѣдомленіе рыльской уѣздной земской управы о назначеніи ею 50 рублей для пріобрѣтенія въ уѣздѣ старинныхъ предметовъ для выставки при съѣздѣ; 2) полтавскаго губернскаго земскаго собранія—о назначеніи для той же цѣли—300 рублей (пересланы полтавской комиссіи по устройству XII археологическаго съѣзда), 3) екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія о назначеніи 200 рублей для той же цѣли (на эти деньги и тѣ, что будутъ отпущены Славяносербскимъ уѣздомъ,—комитетомъ поручено Е. Н. Радаковой пріобрѣтеніе этнографическихъ памятниковъ въ предѣлахъ Екатеринославской губ.—для поступленія ихъ на выставку и въ этнографическій музей (при историко-филологическомъ обществѣ Харьковскаго университета); 4) увѣдомленіе наказного атамана Кубанскаго казачьяго войска о передачѣ ассигнованныхъ областнымъ управленіемъ 500 рублей на расходы по археологическимъ изысканіямъ — обществу любителей изученія Кубанской области; 5) увѣдомленіе земскаго начальника 9-го стана Бердянскаго уѣзда о присылкѣ комитету бронзоваго наконечника стрѣлы и верхняго конца плечевой кости, вѣроятно, мамонта, 29 фун. вѣсомъ (переданы въ музей для выставки); 6) благодарность г. Татищева за избраніе его въ члены комитета; 7) о присылкѣ г-жей Томилиной фотографій съ каменныхъ бабъ, находящихся въ слободѣ Мантуровѣ, Тимскаго уѣзда, въ ея саду, и съ нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ; 8) о присылкѣ ученикомъ 6-го класса 1-й гимназіи г. Денисовымъ въ даръ комитету и музею: векселя 1814 года и трехъ фотографій съ каменныхъ бабъ, ученикомъ Эльниндомъ одной фотографіи съ каменной бабы и г. Кулаковымъ (Харьковъ) древняго описанія явленія Ахтырской чудотворной иконы Богоматери; 9) сообщеніе Я. О. Балясчаго о нахожденіи двухъ каменныхъ бабъ близъ Новаго Мерчика въ имѣніи г. Духовского; 10) сообщеніе Гусева о приготовляемомъ ко времени съѣзда «Путеводителѣ по гор. Харькову» съ иллюстраціями и просьбу о редакціи комитетомъ текста (рѣшено просьбу исполнить и

пріобрѣсти у г. Гусева 100—150 экз. «Путеводителя» для раздачи гг. депутатамъ); 11) объ открытой комитетомъ подпискѣ на изданіе «Южно-русскій орнаментъ» по матеріалу, собранному г-жей Литвиновой: цѣна экземпляра 2 рубля, чистый сборъ поступитъ въ пользу этнографическаго музея при историко-филологическомъ обществѣ Харьковскаго университета (бывшіе въ засѣданіи комитета члены подписались на 17 экземпляровъ); 12) сообщеніе о древностяхъ въ селѣ Муравномъ, Ахтырскаго уѣзда (у Л. Я. Бразеля), въ Черленовской волости, Лебединскаго уѣзда, въ Старобѣльской волости. Предварительный комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, сдѣлавшимъ ему сообщенія и приславшимъ въ даръ и для выставокъ предметы древности, искусства. Въ члены комитета избраны: П. И. Харитоненко, Г. М. Линтваревъ, В. Е. Данилевичъ, Е. М. Духовской, г. Ильинскій (Курскъ). Профессоръ Д. И. Багалѣй доложилъ о проектѣ, исходящемъ отъ нѣкоторыхъ членовъ губернской земской управы—устроить рядъ лекцій для народныхъ учителей по первобытной археологіи, археографіи, церковной археологіи, этнографіи, исторіи края съ объясненіемъ предметовъ, которые будутъ на выставкахъ при археологическомъ съѣздѣ. Г. М. Линтваревъ обратился къ комитету съ просьбой о прочтеніи подобныхъ лекцій на выставкахъ для учителей, которые будутъ въ августѣ мѣсяцѣ въ Харьковѣ на педагогическихъ курсахъ. Комитетъ, принимая во вниманіе тотъ трудъ, который народные учителя приняли на себя по собиранію различныхъ свѣдѣній для археологическаго съѣздахъ, и сознавая важность распространенія историко-археологическихъ знаній, рѣшилъ просить членовъ комитета и членовъ XII археологическаго съѣзда, спеціалистовъ по различнымъ областямъ археологіи о прочтеніи ими вышеуказанныхъ лекцій для народныхъ учителей на выставкахъ при археологическомъ съѣздѣ.

Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 10-го декабря состоялось очередное общее собраніе, въ которомъ между прочимъ обсуждался вопросъ объ ознаменованіи исполняющагося 2-го октября 1902 года 350-лѣтія взятія Казани. Послѣ продолжительныхъ преній было рѣшено: вмѣсто издаваемыхъ обществомъ «Извѣстій» (двухмѣсячный журналъ) напечатать въ 1902 году сборникъ, сохраняющій имя и внѣшность этого органа («Извѣстія. Томъ XVIII»), но не имѣющій характера періодичности (что не мѣшаетъ ему быть раздѣленнымъ на обычное число выпусковъ). Содержаніе будущаго сборника пока опредѣлено только въ самыхъ общихъ чертахъ; сюда должны войти статьи, касающіяся послѣднихъ временъ самостоятельности Казанскаго царства, взаимныхъ отношеній ислама и христіанства во вновь покоренномъ краѣ, колонизаціи послѣдняго русскими и т. п.; сверхъ того, предполагается въ этомъ же сборникѣ напечатать списокъ казанскихъ воеводъ и губернаторовъ съ краткими замѣтками объ ихъ служебной дѣятельности и матеріалы по генеалогіи казанскаго дворянства. Для изданія этого сборника избрана особая коммиссія. Изъ трехъ научныхъ сообщеній, внесенныхъ въ программу засѣданія, было сдѣлано два: члена-сотрудника общества, о. І. Шестакова «Свадебные обычаи инородцевъ-пермяковъ Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи» и дѣйстви-

тельнаго члена А. А. Сухарева «Къ вопросу о бытѣ татаръ-мусульманъ Казанскаго уѣзда (путевыя наблюденія)». Первый изъ названныхъ докладовъ вызвалъ среди членовъ общества оживленныя пренія, результаты которыхъ свелись къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ относительно принадлежности пермякамъ свадебнаго ритуала, описаннаго въ рефератѣ о. Шестакова. Къ сожалѣнію, выяснить эти недоразумѣнія, благодаря отсутствію въ засѣданіи автора доклада, не удалось. Съ особымъ интересомъ было выслушано второе сообщеніе. Находясь по роду своей дѣятельности (земскаго врача) въ частомъ соприкосновеніи съ крестьянскимъ населеніемъ Казанскаго уѣзда, г. Сухаревъ не пропускалъ случая знакомиться со всѣми подробностями быта мѣстныхъ жителей, значительную долю которыхъ составляютъ татары. Исходя изъ антропологической точки зрѣнія, авторъ доклада, однако, сообщилъ множество любопытныхъ свѣдѣній чисто этнографическаго характера, иллюстрируя свое сообщеніе демонстраціей нѣкоторыхъ предметовъ домашняго обихода татаръ. Рефератъ г. Сухарева далъ чрезвычайно живую картину обстановки будничной жизни татаръ Казанскаго уѣзда, и потому остается только пожелать, чтобы набросанный имъ очеркъ сдѣлался, при посредствѣ печати, достояніемъ читающей публики.

Русское общество дѣятелей печатнаго дѣла. 28-го ноября, очень подробно обсуждался подъ предсѣдательствомъ В. В. Сабанина вопросъ объ отпускѣ статистико-библіографической комиссіи, образованной при обществѣ, добавочной суммы, въ размѣрѣ 800 рублей, на изданіе общества «Систематическая роспись книгамъ, вышедшимъ въ свѣтъ». Было рѣшено почти единогласно отпустить въ распоряженіе комиссіи означенную сумму и благодарить предсѣдателя комиссіи М. Я. Виллie и членовъ за ихъ дѣятельность. Постановлено затѣмъ для наибольшаго распространенія изданія общества обратиться съ просьбою ко всѣмъ редакціямъ газетъ и журналовъ о напечатаніи объявленія. Общее собраніе вполнѣ согласилось съ предложеніемъ совѣта — взамѣнъ издаваемыхъ обществомъ бюллетеней, печатаніе которыхъ обходится не дешево, помѣщать свѣдѣнія о дѣятельности Русскаго общества дѣятелей печатнаго дѣла въ журналѣ «Печатное Искусство», издаваемомъ I. I. Леманомъ. По окончаніи собранія состоялась, подъ предсѣдательствомъ Г. И. Франка, техническая бесѣда. А. Г. Бремзенъ сдѣлалъ интересный докладъ о важномъ для типографовъ дѣлѣ — смываніи красочныхъ валиковъ новымъ составомъ «лаволь», вмѣсто скипидара. Новый составъ былъ выписанъ изъ Германіи экспедиціею заготовленія государственныхъ бумагъ, которая и подвергла его испытанію. Опыты оказались во всѣхъ отношеніяхъ удачными. Благодаря химическимъ свойствамъ «лаволя», при печатаніи не приходилось останавливать машины — какъ при смывкѣ валиковъ скипидаромъ — нѣсколько разъ въ день, и въ общемъ получилось значительно большее число печатныхъ листовъ. При смывкѣ валиковъ «лаволемъ» расходъ сравнительно со скипидаромъ увеличивается на 40%. По изслѣдованіи въ экспедиціи, «лаволь» содержитъ въ себѣ: скипидаръ, бензолъ и гарніусное мыло. Однако точный составъ «лаволя» не извѣстенъ, такъ какъ изобрѣтатель держитъ его въ секретѣ. Въ виду того,

что выписываніе «лаволя» изъ-за границы, благодаря таможеннымъ условіямъ, обходится не дешево, экспедиція приготовила составъ у себя по слѣдующему рецепту: воды — 10 частей, скипидара — 2 части и затѣмъ гарпіусное мыло, для приготовленія котораго было взято 100 частей гарпіуса, 45 частей воды и 11 частей соды. Кромѣ хорошаго дѣйствія на типографскіе валики, «лаволь» не можетъ вызывать у рабочихъ, занимающихся смываніемъ валиковъ скипидаромъ, такой болѣзни, какъ экзема, которая считается между ними профессіональной.

Пятидесятилѣтіе восточно-сибирскаго отдѣла географическаго общества. 17-го ноября, восточно-сибирскій отдѣлъ императорскаго русскаго географическаго общества праздновалъ пятидесятилѣтіе своей научной дѣятельности. Необходимость въ Сибири учрежденія, въ которомъ могли бы сосредоточиваться и развиваться научныя силы мѣстныхъ изслѣдователей страны, сознавалась еще въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія. Основаніе въ Петербургѣ географическаго общества отозвалось прежде всего въ Сибири и дало толчокъ къ возникновенію въ средѣ сибиряковъ учрежденія, которое поставило бы себѣ задачей всестороннее изслѣдованіе ихъ родины. 6-го апрѣля 1851 года, государь императоръ, по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, разрѣшилъ учрежденіе сибирскаго отдѣла географическаго общества, на содержаніе котораго повелѣно было отпускать ежегодную субсидію въ размѣрѣ 2.000 рублей. 17-го ноября, ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ собственной квартирѣ Н. Н. Муравьева было первое торжественное засѣданіе и открытіе вновь учрежденнаго отдѣла. Основаніе его, по справедливой оцѣнкѣ Венюкова, открыло новые горизонты для изученія востока Азіи и дало новый полетъ русской географической наукѣ. Первые два года самостоятельной жизни новаго учрежденія не представляютъ ничего особеннаго: оно только-что намѣчало планы для своей дѣятельности, но уже въ 1853 году отдѣлъ снарядилъ первую свою самостоятельную экспедицію на рѣку Вилюй, подъ начальствомъ Маака и топографа Зондгагена. Не мѣшаетъ упомянуть, что съ дѣятельностью новаго отдѣла была тѣсно связана дѣятельность вновь организованнаго, по мысли Муравьева, корпуса топографовъ Восточной Сибири, изъ состава котораго и вышли первые піонеры изученія страны и первые дѣятельные сотрудники вновь открытаго учрежденія. Въ послѣдующіе годы вниманіе отдѣла, какъ и вниманіе вообще всѣхъ географовъ тогдашней эпохи, было отвлечено открытіемъ рѣки Амура и изслѣдованіемъ этой неизвѣстной до тѣхъ поръ области. Цѣнные труды экспедиціи Маака на Амурѣ и Уссури были первыми вкладами въ дѣло научнаго изслѣдованія Амура, вмѣстѣ съ трудами Максимовича, Шренка, Шварца, Шмита, Радде, Венюкова и друг. Труды Витимской и Туруханской экспедицій горнаго инженера Лопатина, Олекминской экспедиціи Кропоткина и Полякова, наконецъ, Чукотская экспедиція барона Майделя внесли въ науку массу неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ данныхъ о географіи и природѣ посѣщенныхъ ими странъ. Нѣтъ возможности въ краткой замѣткѣ упомянуть всѣхъ ученыхъ и путешественниковъ, работавшихъ подъ знаменемъ сибирскаго отдѣла, который въ 1877 году, съ откры-

тіемъ въ Омскѣ новаго отдѣла, западно-сибирскаго, былъ переименованъ въ восточно-сибирскій. Чѣмъ ближе мы подходимъ къ нашему времени, тѣмъ труднѣе и труднѣе становится исчисленіе многочисленныхъ изслѣдователей въ русскихъ частяхъ Сибири и прилегающихъ частяхъ Азіи. Извѣстный знатокъ Азіи, Венюковъ, еще въ 1875 году на Парижскомъ географическомъ конгрессѣ представилъ вниманію ученыхъ списокъ русскихъ путешественниковъ за періодъ съ 1854 по 1874 годъ, въ которомъ было болѣе 270 именъ, изъ которыхъ главная масса выпала на Восточную Сибирь и принадлежала членамъ сибирскаго отдѣла. Цѣнныя работы послѣдняго и множество неопубликованныхъ результатовъ, въ видѣ собранныхъ матеріаловъ и богатѣйшихъ коллекцій, къ несчастію, потеряны для науки, такъ какъ лѣтомъ 1879 года отдѣлъ постигло большое бѣдствіе: огромное зданіе, занимаемое отдѣломъ, всѣ собранныя многолѣтними трудами его сокровища, единственная по полнотѣ сочиненій о Сибири библіотека, содержащая изданія Общества и рѣдкія рукописи, подлинныя карты, замѣчательныя по полнотѣ естественно-историческія и этнографическія коллекціи, сдѣлались жертвой пламени. Къ счастію, для отдѣла, новый его покровитель, генералъ-губернаторъ Анучинъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы возстановить отдѣлъ изъ развалинъ. Благодаря его стараніямъ и отзывчивости мѣстнаго сибирскаго общества, воздвиглось новое зданіе отдѣла, лучшее украшеніе города Иркутска. Научная дѣятельность отдѣла возобновилась съ новою силой. Участіе его въ международной полярной экспедиціи (къ устью р. Лены), содѣйствіе экспедиціи Норденшельда (на Вегѣ), работы Черскаго на крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири, изслѣдованія Саянъ (Бобырь и Ячевскій) и превосходныя работы Обручева по геологіи и орографіи Восточной Сибири— все это капитальнѣйшія основы нашихъ знаній объ Азіатскомъ материкѣ. Дальнѣйшія работы Затопляева, Хангалова, Прейна, Подгорбунскаго, Кроля, Приклонскаго, Сѣрошевскаго и другихъ изданы подъ редакціей Клеменца, Ядринцева и Потанина, являются результатомъ дѣятельности послѣднихъ лѣтъ. Кромѣ періодическихъ Извѣстій, отдѣломъ издано много спеціальныхъ изслѣдованій, касающихся различныхъ вопросовъ чистой географіи, этнографіи, статистики и естествознанія. Помимо чисто-научной дѣятельности, отдѣлъ съ самаго начала своего существованія поставилъ своею задачей поддерживать нравственныя силы ученыхъ, заѣзжающихъ въ Сибирь, и немногіе труженики, отдававшіе свои силы на изученіе края, находили въ отдѣлѣ нравственную поддержку и спасеніе среди тяжелыхъ условій жизни на окраинѣ. Великій Сибирскій путь приблизилъ Сибирь къ Россіи, открытіе Томскаго университета, казалось, должно бы было нѣсколько парализовать дѣятельность Восточно-Сибирскаго отдѣла, но, вопреки такого рода предположеніямъ, отдѣлъ попрежнему растетъ и развивается, почерпая силы для своей дѣятельности въ томъ же сибирскомъ обществѣ, изъ коего онъ возникъ, и которое его поддерживало въ трудныя минуты его существованія. Въ то время, когда другіе его собратія, въ видѣ отдѣловъ Юго-Западнаго и Сѣверо-Западнаго, уже успѣли закрыться, Восточно-Сибирскій отдѣлъ продолжаетъ не только попрежнему функціонировать, но является способнымъ выдѣлять изъ себя кадры и для новыхъ отдѣ-

леній, какъ, напримѣръ, въ видѣ общества изученія Амурскаго края. Если первоначальная дѣятельность отдѣла была обязана по преимуществу лицамъ, прибывшимъ изъ Европейской Россіи, то въ настоящее время сибирское общество настолько созрѣло, что уже изъ своей среды дало рядъ дѣятелей по изслѣдованію Сибири, которые съ достоинствомъ поддерживаютъ славу своихъ предшественниковъ.

Десятилѣтній юбилей кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 9 декабря исполнилось десятилѣтіе со дня учрежденія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. По этому случаю, въ собраніи экономистовъ, состоялось торжественное собраніе членовъ кассы. Оно открылось рѣчью предсѣдателя правленія, Я. Н. Колубовскаго. «Къ сожалѣнію,—сказалъ Я. Н.,— сегодняшнее торжество носитъ унылый характеръ, такъ какъ учредитель кассы и ея руководитель сраженъ тяжелымъ недугомъ, и его нѣтъ среди насъ. Я не буду долго распространяться о значеніи кассы, какъ безусловно полезнаго общественнаго учрежденія; достаточно будетъ, если я напомню собранію, что касса въ настоящее время является единственнымъ связующимъ элементомъ всѣхъ литераторовъ». Послѣ этого Я. Н. Колубовскій прочиталъ краткую историческую записку о кассѣ, которая напечатана въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника». Затѣмъ слѣдовало отличавшееся полнотой и обстоятельностью сообщеніе Б. Б. Глинскаго: «Г. К. Градовскій, какъ литературный дѣятель». Сообщеніе это будетъ также напечатано въ одной изъ ближайшихъ книжекъ нашего журнала. Далѣе были прочитаны воспоминанія члена кассы А. А. Луговаго: «Первые шаги кассы». За болѣзнью автора воспоминанія читалъ И. Ф. Василевскій. Затѣмъ было объявлено объ учрежденіи пенсіи имени Г. К. Градовскаго. Капиталъ составляется изъ добровольной подписки членовъ кассы. Въ настоящее время собрано уже около 400 рублей. Послѣ этого были прочитаны привѣтственныя телеграммы и письма отъ различныхъ учрежденій и частныхъ лицъ. Между прочимъ, было прочитано письмо Гр. К. Градовского, написанное имъ собственноручно карандашемъ 6-го декабря въ Кіевѣ. Письмо это адресовано на имя исполняющаго обязанности предсѣдателя Я. Н. Колубовскаго: «Многоуважаемый Яковъ Николаевичъ! Сегодня прочелъ извѣстіе, что 9-го декабря состоится общее собраніе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ для празднованія 10-лѣтія существованія ея. Позвольте мнѣ просить васъ быть истолкователемъ моихъ чувствъ передъ этимъ общимъ собраніемъ и примите сами мои поздравленія и глубочайшую благодарность за все сдѣланное и дѣлаемое вами для кассы... Тяжко страдая на смертномъ одрѣ, собираю послѣднія силы, чтобы написать эти строки. Сердечно радуюсь росту кассы въ моемъ отсутствіи... Люди уходятъ, умираютъ, а полезныя учрежденія живутъ, находя новыхъ и лучшихъ дѣятелей. Желаю кассѣ и всѣмъ трудящимся дѣятелямъ ея неиссякаемыхъ силъ и средствъ, дальнѣйшаго, еще болѣе быстраго и плодотворнаго развитія — на пользу родной литературы и русской науки. Пусть наша касса и патронировавшій ее литературный фондъ докажутъ, что русскимъ писателямъ живется, наконецъ, на Руси и долго и хорошо... Много лѣтъ вамъ и всѣмъ подвижникамъ русской литературы и науки. Живите, дѣйствуйте и не поминайте лихомъ несчастнаго умирающаго. Григорій Градов-

скій». Далѣе были прочитаны привѣтствія отъ литературнаго фонда, отъ постоянной комиссіи при академіи наукъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, отъ кіевскаго отдѣленія кассы, отъ «Вѣстника Европы», отъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», отъ «Историческаго Вѣстника», отъ «Новостей», отъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», отъ «Русскихъ Вѣдомостей», отъ «Новостей Дня», отъ совѣта русскаго библіографическаго общества, отъ изданій Сойкина, отъ изданій Вольфа, отъ С. Н. Кулябки, Ободовскаго, г-жи Михневичъ, Подвысоцкаго и отъ многихъ провинціальныхъ изданій. Послѣ прочтенія телеграммъ начался пріемъ депутацій: отъ московскаго отдѣленія кассы, отъ собранія экономистовъ (Бородинъ), отъ журнала «Стрекоза», отъ журнала «Промышленный Міръ», отъ журнала «Отдыхъ», отъ журнала «Театръ и Искусство» (Далматовъ и Кугель), отъ журнала «Нива», отъ редакціи «Россіи», отъ редакціи «Орловскаго Вѣстника» и отъ многихъ другихъ. Я. Г. Гуревичъ, принося поздравленіе отъ редакціи «Русская Школа», сказалъ приблизительно слѣдующее: чѣмъ дольше будетъ существовать касса, тѣмъ болѣе мы будемъ благодарны ея учредителю, знаменитому публицисту. Когда Г. К. заболѣлъ, и его дѣтище, касса, находилось на смертномъ одрѣ, такъ какъ работы накопилось много, многое нужно было привести въ порядокъ. За это взялся Я. Н. Колубовскій, исполнившій это съ рѣдкой любовью и энергіей. Собраніе, по предложенію Я. Г., выразило благодарность Я. Н. долго несмолкавшими аплодисментами. Далѣе Я. Г. Гуревичъ указалъ, что пенсіонный капиталъ кассы достигъ, благодаря гг. Колубовскому, Нотовичу и Лукину, 45.000 р.

Памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II въ Вильнѣ. Высочайше учрежденный, подъ предсѣдательствомъ виленскаго губернатора, генерала фонъ-Валя комитетъ по постройкѣ памятника императрицѣ Екатеринѣ II проситъ насъ напечатать слѣдующее заявленіе. Древнее достояніе нашего отечества— Западная Русь, въ силу неблагопріятныхъ историческихъ событій, находилась подъ иноземнымъ игомъ въ теченіе трехвѣкового періода времени. Только въ славное царствованіе императрицы Екатерины II помощь Россіи этой родной окраинѣ могла вполнѣ осуществиться и привела, наконецъ, къ давно желанному возсоединенію Западной Руси съ Русью Московскою. Съ этого момента, подъ скипетромъ русскихъ царей, Западная Русь уже спокойно и твердо ступила на путь свободнаго культурнаго развитія и объединенія съ остальною Россіею. Въ память этого знаменательнаго дѣянія великой монархини, Его Императорскому Величеству благоугодно было 9-го февраля 1899 года Высочайше соизволить на открытіе повсемѣстной въ имперіи подписки для сбора пожертвованій на сооруженіе въ г. Вильнѣ, какъ центрѣ края, памятника императрицѣ Екатеринѣ II, «какъ главной виновницѣ возвращенія Россіи отторгнутаго отъ нея Бѣлорусскаго края». Такое монаршее соизволеніе открыло всѣмъ русскимъ людямъ возможность внести свою лепту на это общерусское дѣло, въ которомъ дорогъ не одинъ рубль, а дорога и каждая копейка, присланная со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества, какъ дань священной памяти великой радѣтельницы Русской земли. Стоимость памятника опредѣляется въ 165—170 тысячъ рублей, изъ коихъ недостаетъ еще тысячъ пять-

десять. Поэтому комитетъ настоящимъ объявленіемъ доводитъ объ этомъ до всеобщаго свѣдѣнія и проситъ, особенно редакціи періодическихъ изданій, принять живое участіе въ дѣлѣ сбора пожертвованій на сооружаемый въ г. Вильнѣ памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II. Пожертвованія, въ какомъ бы размѣрѣ они ни были, могутъ быть сдаваемы въ любое казначейство, или, по желанію жертвователей, высылаемы непосредственно въ комитетъ по постройкѣ памятника, въ г. Вильну.

НЕКРОЛОГИ.

Дашковъ, Д. Д. 8-го декабря скончался писатель, предсѣдатель уфимской земской управы Дмитрій Дмитріевичъ Дашковъ. Покойный, сынъ бывшаго министра юстиціи, образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, на историко-филологическомъ факультетѣ, гдѣ окончилъ курсъ кандидатомъ въ 1861 году; до назначенія своего предсѣдатемъ уфимской земской управы Д. Д. Дашковъ прослужилъ три трехлѣтія гласнымъ рязанскаго земства и оказалъ безспорныя заслуги земскому дѣлу. Будучи отличнымъ ораторомъ и живой душой земства, покойный поднималъ немало вопросовъ, относящихся къ дѣятельности земства по народному образованію, по сельскому хозяйству—по осушенію болотъ, лѣсоразведенію, лѣсоохраненію, и его проекты по большей части принимались безпрекословно.

Въ литературѣ покойный извѣстенъ, какъ сотрудникъ «Журнала Министерства Народнаго просвѣщенія», «Учителя», «Современной Лѣтописи», «Бесѣды въ обществѣ любителей россійской словесности», «Голоса», Бесѣды» (С. А. Юрьева), «Вѣстника Европы» и др.

Изъ статей его укажемъ: «Оксфордскій университетъ», «Бесѣды о русской исторіи», «О проектѣ устава низшихъ и среднихъ училищъ», «Продажа башкирскихъ земель», «О положеніи нашихъ народныхъ училищъ», «Вопросъ о посессіонныхъ владѣніяхъ», «Стихи и сказанія про Алексѣя Божьяго человѣка», «О мѣрахъ къ поддержанію мѣднаго производства на южномъ Уралѣ».

Отдѣльными брошюрами изданы слѣдующія произведенія Дашкова: «Какихъ учительскихъ семинарій намъ не нужно?» (Москва, 1878 г.), «Земское дѣло», «Нѣсколько словъ о начальныхъ народныхъ училищахъ» (Москва, 1871 г.); «Курсы для взрослыхъ» (Рязань, 1889 г.) и др. (Некрологъ его: «Россія» 1901 г., № 947).

† **Змѣевъ, Л. Ѳ.** 2-го декабря, скончался врачъ-библіографъ Левъ Ѳедоровичъ Змѣевъ. Покойный происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, родился

3 декабря 1832 года въ селѣ Россошахъ, Коротоякскаго уѣзда, Воронежской губерніи, воспитаніе получилъ въ воронежской гимназіи и на медицинскомъ факультетѣ Московскаго университета. Выпущенный со званіемъ лѣкаря въ въ 1857 г., втеченіе трехъ лѣтъ слушалъ лекціи за границей (въ Парижѣ) и по возвращеніи въ Москву выдержалъ докторскій экзаменъ. Съ 1863 по 1869 г. Змѣевъ служилъ врачомъ при кавказскихъ минеральныхъ водахъ, будучи, кромѣ того, пятигорскимъ и георгіевскимъ судебнымъ слѣдователемъ; затѣмъ состоялъ при медицинскомъ департаментѣ, въ 1873—1874 гг. служилъ земскимъ врачемъ въ Коротоякскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи, а въ 1875—1876 гг. снова совершенствовался за границей. Дальнѣйшая служба Змѣева проходитъ снова на Кавказѣ въ должности главнаго врача разныхъ военныхъ госпиталей, отъ которой онъ былъ уволенъ въ 1879 г., и тогда же занялъ мѣсто санитарнаго врача самарскаго губернскаго земства; 15-го сентября 1883 года получилъ степень доктора медицины и въ томъ же году званіе врачебнаго инспектора, послѣ чего служилъ при медицинскомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Медицинской библіографіей Змѣевъ началъ заниматься еще въ 1860-хъ годахъ, результатомъ явились статьи: «Къ біографіи Н. М. Амбодика» (Максимовича), «Матеріалы для біографіи Дядьковскаго», «Очеркъ иностранной медицинской журналистики въ Россіи», «Біографія Л. Е. Піотрашко», «Библіографическій указатель по русской бальнеологіи», «Списокъ сочиненій Я. А. Чистовича» и полезное справочное изданіе «Русскіе врачи-писатели». Изъ трудовъ Змѣева чисто медицинскихъ извѣстны статьи: «Объ эпидеміяхъ въ Кисловодскѣ», «Нѣсколько данныхъ для изученія низшихъ водорослей въ кавказскихъ минеральныхъ водахъ», «Къ вопросу о сущности патолого-гистологическихъ измѣненій въ мѣстѣ искривленія матки», «Медико-топографическое описаніе народонаселенія Бугульминскаго уѣзда, Самарской губерніи», «Кто сдѣлалъ первое вскрытіе холернаго трупа въ Европѣ?» и проч. Кромѣ того, Змѣевъ напечаталъ нѣсколько статей по пчеловодству въ «Трудахъ императорскаго вольнаго экономическаго общества». (Некрологъ его: «Россія», 1901 г., № 939).

† **Лесевичъ, Л. П.** 21-го ноября, въ имѣніи Матюшевкѣ, Лубенскаго уѣзда, Полтавской губерніи, скончалась послѣ тяжкой болѣзни довольно извѣстная переводчица-писательница, Лидія Пармёновна Лесевичъ, урожденная Пичугина. Покойная родилась въ 1844 году, образованіе получила на Аларчинскихъ курсахъ (нынѣ высшіе женскіе); въ литературѣ Л. П. извѣстна по своимъ статьямъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» В. Ѳ. Корша, «Отечественныхъ Запискахъ» и «Мірѣ Божіемъ» и главнымъ образомъ хорошими переводами, сдѣланными ею вмѣстѣ съ сестрою Ю. П. Ватсонъ; изъ нихъ укажемъ слѣдующіе: Легувэ «Отцы и дѣти», А. Монжена «Путешествіе вокругъ моего кабинета», Воскэ «Руанскія работницы» и др. Въ послѣдніе годы жизни Л. П. переѣхала въ Восточную Сибирь, гдѣ всецѣло посвятила себя на служеніе ближнимъ: устраивала ясли, обучала дѣтей грамотѣ и оказывала медицинскую помощь нуждающимся. (Некрологи ея: «Россія», 1901 г., № 939; «Новое Время» 1901 г., № 9263).

† **Мартыновъ, А. В.** 17-го ноября, въ Москвѣ, скончался профессоръ богословія при Московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ, протоіерей Александръ Васильевичъ Мартыновъ. Покойный по окончаніи курса въ Московской духовной академіи былъ оставленъ при академіи въ качествѣ преподавателя патристики и, защитивъ диссертацію на степень магистра богословія, былъ назначенъ доцентомъ по этой каѳедрѣ. Принявъ въ 1893 году духовный санъ, Мартыновъ былъ переведенъ ректоромъ въ Харьковскую духовную семинарію и съ 1894 г. профессоромъ богословія въ Московскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ; кромѣ того, покойный читалъ лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ. Перу Мартынова принадлежатъ слѣдующіе труды: «Ученіе св. Григорія, епископа Нисскаго, о природѣ человѣка», «Нравственное ученіе Климента Александрійскаго по сравненію съ стоическимъ», «Къ вопросу о церковномъ учительствѣ» и др. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1901, № 9238).

† **Меженниновъ, Н. П.** 28-го ноября, скончался инженеръ путей сообщенія Николай Павловичъ Меженниновъ. Имя покойнаго въ инженерномъ и желѣзнодорожномъ мірѣ пользовалось обширной извѣстностью, какъ дѣятеля съ широкими научными знаніями, многосторонней опытностью и неутомимой энергіей, отличавшагося при томъ добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ. Обычная желѣзнодорожная служба не удовлетворяла его. Онъ всегда стремился туда, гдѣ требовались предпріимчивость и отвѣтственная созидательная работа. Сперва изысканія, затѣмъ постройка Средне-Сибирской желѣзной дороги наиболѣе удовлеторяли его стремленія. Н. П. происходилъ изъ старинной дворянской семьи. По окончаніи курса на физико-математическомъ факультетѣ Московскаго университета со степенью кандидата онъ поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, изъ котораго вышелъ съ званіемъ инженера-поручика путей сообщенія. Съ 1863 г. его дѣятельность была всецѣло посвящена вѣдомству путей сообщенія. Онъ участвовалъ въ постройкѣ Курско-Кіевской желѣзной дороги, производилъ изысканія линіи отъ Конотопа до Минска (губернскаго), былъ начальникомъ изысканій желѣзной дороги отъ Вильны до Минска, наблюдалъ за постройкой Ландварово-Роменской жел. д., былъ инспекторомъ Уральской горнозаводской ж. д., строителемъ наиболѣе труднаго участка Оренбургской желѣзной дороги отъ Самары до Оренбурга, главнымъ инженеромъ по постройкѣ Сумскаго участка. Немало потрудился покойный надъ устройствомъ Николаевскаго порта, по постройкѣ участка Полѣсскихъ дорогъ отъ Вильны до Ровно и въ качествѣ директора правленія Закавказской желѣзной дороги Въ 1887 г. ему были поручены изысканія Средне-Сибирской дороги, и съ этого года онъ посвятилъ свои силы постройкѣ Великаго Сибирскаго пути; съ 1889 г. по 1892 г., когда первоначальныя изысканія находились на разсмотрѣніи въ Петербургѣ, онъ построилъ Джанкой-Ѳеодосійскую желѣзную дорогу. (Некрологъ его: «Нов. Вр.» 1901, № 9246).

† **Миклашевскій, И. Н.** 2-го декабря, въ Харьковѣ, скончался профессоръ политической экономіи въ мѣстномъ университетѣ Иванъ Николаевичъ Миклашевскій. Покойный происходилъ изъ стараго малороссійскаго дворянскаго рода, родился въ 1858 году въ Черниговской губерніи, образованіе получилъ

въ Петербургскомъ и Новороссійскомъ университетахъ. Въ последнемъ онъ окончилъ курсъ на физико-математическомъ факультетѣ и здѣсь, въ Одессѣ, получилъ золотую медаль за «Геологію Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи». Позднѣе, выдержавъ экзаменъ на степень кандидата сельскаго хозяйства, а потомъ на кандидата правъ, онъ блестяще защитилъ диссертацію на степень магистра («Къ исторіи сельско-хозяйственнаго быта Московскаго государства», ч. I, «Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII в.»), послѣ чего былъ назначенъ (1894) членомъ особой совѣщательной коммисіи въ Симферополѣ для выработки закона о пользованіи водами въ Крыму. Затѣмъ, онъ читалъ (1894—1895) лекціи, въ качествѣ приватъ-доцента, въ Московскомъ университетѣ, въ межевомъ институтѣ и техническомъ училищѣ, въ Петровской земледѣльческой академіи (до закрытія ея); въ 1896 г. былъ назначенъ профессоромъ въ Ярославскій лицей, а отсюда переведенъ на каѳедру политической экономіи и статистики въ Харьковскій университетъ. Кромѣ того, онъ трудился въ качествѣ уѣзднаго и губернскаго гласнаго въ черниговскомъ земствѣ.

Помимо диссертаціи Миклашевскій напечаталъ: «Очерки крестьянскаго хозяйства въ Малороссіи», «Законъ о сбереженіи лѣсовъ въ Россіи», «Du prix de revient des principaux céréales en Russie et en Allemagne», «Die Entwickelung des landwirtschaftlichen Bildungswesens in Russland», «Задачи экономіи и полиціи сельскаго хозяйства», рядъ статей (преимущественно по водному праву) въ «Русской Мысли», «Журналѣ Министерства Юстиціи», «Трудахъ Московскаго общества сельскаго хозяйства», въ «Русскомъ Курьерѣ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Юридическомъ Вѣстникѣ», «Журналѣ сельскаго хозяйства и лѣсоводства», «Сельскомъ Хозяинѣ», «Земскомъ Сборникѣ Черниговской губерніи», «Словарѣ Брокгауза» и проч. Послѣдніе годы жизни покойный работалъ надъ докторской диссертаціей, которая осталась не доконченной. (Некрологъ его: «Россія» 1901, № 940).

† **Наумовъ, Н. И.** 10-го декабря, въ Томскѣ, умеръ извѣстный беллетристъ-народникъ Николай Ивановичъ Наумовъ. Покойный былъ бытописателемъ преимущественно сибирскаго крестьянства, отличающагося значительною зажиточностью. Принадлежа, однако, къ школѣ идеализаторовъ, Н. И. видитъ въ сибирскомъ крестьянинѣ образецъ всяческихъ добродѣтелей, въ такую же крайность впалъ Н. И., описывая кулаковъ-міроѣдовъ самыми черными красками. Тѣмъ не менѣе многія произведенія его читаются съ большимъ интересомъ и обнаруживаютъ въ авторѣ недюжинный талантъ и тонкое знаніе народа.

Н. И. родился въ 1838 г., отецъ его служилъ въ Сибири прокуроромъ и совѣтникомъ уѣзднаго правленія, вращался въ кругу декабристовъ и отличался своею честностью. Мать Н. И. умерла рано, росъ онъ одиноко, затѣмъ поступилъ въ томскую гимназію, но дальше первыхъ классовъ не пошелъ вслѣдствіе матеріальной нужды. Затѣмъ Н. И. поступилъ на службу юнкеромъ, однако въ 1860 г., увлеченный новыми вѣяніями, уѣхалъ въ Петербургъ и записался вольнослушателемъ въ университетъ, готовясь сдавать гимназическій экзаменъ. Но ему не удалось продолжать университетскаго курса. Позднѣе онъ

служилъ въ военномъ министерствѣ и былъ комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Сибири.

Расцвѣтъ литературной дѣятельности и извѣстности Н. Н. относится къ 70-мъ годамъ, когда въ «Отечеств. Зап.» и «Дѣлѣ» появились его разсказы: «Тишь да гладь», «Деревенскій торгашъ», «Паутина» и др. Но еще въ 1858 г. Н. Н. выступилъ въ «Военн. Сборникѣ» подъ псевдонимомъ Корзунова съ разсказомъ «Случай изъ солдатской жизни», а въ 1861 г. въ «Свѣточѣ» былъ помѣщенъ рядъ его разсказовъ «Мирныя сцены изъ военнаго быта». Вниманіе читающей публики было привлечено авторомъ разсказомъ «У перевоза», напечатанномъ въ «Современникѣ» 1863 г. Покойный работалъ, кромѣ того, въ «Народной Бесѣдѣ», «Искрѣ», «Очеркахъ», издаваемыхъ подъ редакціей Г. З. Елисѣева, «Русскомъ Богатствѣ», «Устояхъ» и «Восточномъ Обозрѣніи». Многіе разсказы его вышли отдѣльными сборниками подъ заглавіями: «Сила соломy ломитъ», «Въ тихомъ омутѣ», «Въ забытомъ краю», «Паутина», а въ 1897 г. въ Петербургѣ изданы «Сочиненія Н. Н. Наумова». (Некрологи его: «Нов. Вр.», 1901, № 9258; «Россія», 1901, № 945).

† **Пуликовскій, А. О.** 3-го декабря, скончался въ Петербургской Маріинской больницѣ одинъ изъ старѣйшихъ педагоговъ, авторъ цѣлаго ряда учебниковъ и руководствъ по географіи, генералъ-майоръ Александръ Осиповичъ Пуликовскій. Покойный происходилъ изъ дворянъ Могилевской губерніи, родился въ 1822 году, воспитаніе получилъ въ новгородскомъ корпусѣ и въ дворянскомъ полку, впослѣдствіи преобразованномъ въ Константиновское военное училище. Свою преподавательскую дѣятельность А. О. началъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ Павловскомъ корпусѣ и продолжалъ въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, въ пажескомъ корпусѣ, въ гимназіи Гуревича, въ женской гимназіи Оболенской и на педагогическихъ женскихъ курсахъ. Превосходно знавшій свой предметъ, будучи замѣчательнымъ чертежникомъ и блестящимъ преподавателемъ, покойный имѣлъ массу уроковъ и на педагогическомъ поприщѣ съ честью пробылъ свыше 55 лѣтъ. Имъ составлены: «Учебникъ всеобщей географіи», «Отечественная географія для среднихъ учебныхъ заведеній», «Общій обзоръ земного шара въ физическомъ, этнографическомъ и политическомъ отношеніяхъ», «Учебникъ всеобщей географіи для среднихъ учебныхъ заведеній», «Учебный географическій атласъ съ указаніемъ пріема черченія картъ» и проч. Кромѣ того, покойный напечаталъ нѣсколько статей въ «Журналѣ для воспитанія», «Учителѣ» и другихъ изданіяхъ. (Некрологъ его: «Россія», 1901, № 940).

† **Ремезовъ, М. Н.** 2-го декабря, въ Москвѣ, скончался довольно извѣстный беллетристъ, Митрофанъ Ниловичъ Ремезовъ. Покойный родился въ Тамбовской губ., въ 1835 г. Во время подготовительныхъ работъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, онъ участвовалъ въ тамбовскомъ губернскомъ комитетѣ. Затѣмъ служилъ мировымъ посредникомъ, участковымъ мировымъ судьей и цензоромъ иностранной печати въ Москвѣ до 1888 г. Въ литературѣ покойный извѣстенъ, какъ дѣятельный сотрудникъ «Русской Мысли», гдѣ онъ началъ печататься съ 1884 г. Въ этомъ журналѣ онъ печа-

талъ свои разсказы и повѣсти, библіографическія замѣтки, театральные и художественные обзоры подъ заголовкомъ «Современное искусство» (за подписью Ан.) и письма туриста. До сотрудничества въ «Русской Мысли», Ремезовъ печатался въ мелкихъ московскихъ журналахъ: «Газетѣ Гатцука», «Радугѣ», «Зрителѣ», «Будильникѣ» и друг., попреимуществу подъ псевдонимами: «Макс. Антаевъ», «М. Анютинъ». Отдѣльно изданы слѣдующія произведенія Ремезова: повѣсть «Нашихъ полей ягода», «Клеопатра, картины античной жизни», «Іудея и Римъ», «Картины жизни Византіи», «Византія и византійцы конца X вѣка», «Эпилоги византійскихъ драмъ». (Некрологи его: «Россія», 1901, № 938; «Нов. Время», 1901, № 9252).

Самаринъ, Д. Ѳ. 2-го декабря, въ Москвѣ, скоропостижно скончался писатель, общественный дѣятель Дмитрій Ѳедоровичъ Самаринъ. Покойный, младшій братъ знаменитаго публициста Юрія Ѳедоровича Самарина, родился въ въ 1827 году; образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ; на литературное поприще выступилъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, когда въ различныхъ періодическихъ московскихъ изданіяхъ стали появляться его статьи, попреимуществу, о сельской общинѣ, о надѣлѣ крестьянъ землею и вообще по крестьянскому вопросу. Печатью были замѣчены слѣдующія статьи его: «Баронъ Шульцъ фонъ-Ашераденъ и д-ръ Меркль» (въ «Сельскомъ Благоустройствѣ»), дающая характеристику двухъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ въ Лифляндіи; «Уставная грамота. Оброчная подать» (въ «Днѣ» Аксакова), гдѣ высказаны мысли о правѣ владѣній крестьянскихъ общинъ землею и о значеніи оброка, какъ подати; «Передѣлъ общинныхъ полей»—статья относительно обезпеченія духовенства (въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» Гилярова-Платонова, 1873 г.);—«Приходъ церквей» (въ «Москвѣ» 1864 г.) и рядъ статей объ общинномъ владѣніи землею въ «Современной Лѣтописи» Каткова. Самаринъ являлся однимъ изъ послѣднихъ видныхъ представителей славянофильской партіи; свою теорію онъ отстаивалъ особенно ревниво въ брошюрѣ, вышедшей подъ заглавіемъ «Поборникъ вселенной правды», въ ней онъ доказывалъ ошибочное истолкованіе Владиміромъ Соловьевымъ славянофильскаго ученія въ его «Очеркахъ изъ исторіи русскаго самосознанія». Значительной заслугой покойнаго передъ русскимъ обществомъ должно быть признано такъ же изданіе имъ съ многочисленными примѣчаніями собранія сочиненій его брата Юрія Ѳедоровича. (Некрологъ его: «Россія» 1901, № 939; «Новое Время» 1901, № 9251).

Совѣтовъ, А. В. 24 ноября, скончался заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета, знаменитый агрономъ, Александръ Васильевичъ Совѣтовъ. Покойный родился въ 1830 году и первоначальное образованіе получилъ въ Александровской духовной семинаріи, а спеціальное—въ Горыгорѣцкомъ земледѣльческомъ институтѣ. По окончаніи здѣсь курса въ 1850 г., онъ былъ отправленъ, для усовершенствованія въ практическихъ сельскохозяйственныхъ познаніяхъ, сперва въ Тульскую губернію, въ имѣніе графа Бобринскаго, съ цѣлью изученія свеклосахарнаго производства, затѣмъ—въ губерніи Прибалтійскія, для ознакомленія съ мѣстнымъ сельскимъ хозяйствомъ и преимущественно съ винокуреніемъ и пивовареніемъ, а далѣе, въ 1853 году,—за гра-

ницу. Объѣхавъ Германію, Голландію, Данію, Венгрію, Молдавію и Валахію, Совѣтовъ усердно работалъ въ технической лабораторіи при гогенгеймской земледѣльческой академіи, близъ Штутгарта, подъ руководствомъ профессора Сименса, около года, а лѣтомъ 1854 года жилъ въ Баваріи, Швейцаріи, Сѣверной Италіи и долѣе всего въ Бельгіи, гдѣ наблюдалъ за земледѣльческой и технической обработкой льна, осенніе же мѣсяцы посвятилъ изученію свеклосахарнаго дѣла, главнымъ образомъ въ помѣстьѣ Шланъ, подъ Прагой, въ Магдебургѣ и Силезіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ успѣхомъ выполнилъ порученіе, данное ему земледѣльческимъ институтомъ,—покупку и доставку въ Россію разныхъ породъ крупнаго рогатаго скота и тонкорунныхъ мериносовыхъ овецъ.

Возвратясь въ 1855 г. на родину, Совѣтовъ получилъ въ Горыгорѣцкомъ институтѣ каѳедру сельской технологіи, а немного позднѣе—энциклопедіи сельскаго хозяйства, и, кромѣ того, преподавалъ недолгое время агрономическую химію и завѣдывалъ лабораторіей института въ 1858—1859 гг. Въ 1859 г. онъ отправился въ Москву и защитилъ съ большимъ успѣхомъ въ тамошнемъ университетѣ диссертацію «О разведеніи кормовыхъ травъ», за которую и удостоился степени магистра. Въ томъ же году онъ былъ приглашенъ въ С.-Петербургскій университетъ въ качествѣ адъюнкта. Его магистерская диссертація вышла отдѣльнымъ изданіемъ и, разойдясь въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, вскорѣ сдѣлалась необходимѣйшей книгой каждаго русскаго деревенскаго хозяина, являясь своего рода краеугольнымъ камнемъ въ нашей сельскохозяйственной наукѣ. Въ слѣдующемъ 1860 году, Совѣтовъ сталъ во главѣ журнала «Труды императорскаго вольнаго экономическаго общества», который онъ редактировалъ цѣлыхъ 25 лѣтъ, внесъ въ него много жизни и помѣстилъ въ этомъ изданіи много работъ, мелкихъ статей и замѣтокъ по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Годами пятью ранѣе онъ былъ избранъ членомъ вольно-экономическаго общества, затѣмъ—предсѣдателемъ 1-го отдѣленія его, и трудился въ этой должности 30 лѣтъ. Много лѣтъ Совѣтовъ подготовлялся къ своей докторской диссертаціи—«О системахъ земледѣлія», и защитилъ ее въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1866 г. Она также выдержала нѣсколько изданій и заслужила большую популярность среди агрономовъ-практиковъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ Совѣтовъ посѣтилъ разныя губерніи Россіи, гдѣ наблюдалъ надъ производствомъ опытовъ разнаго удобренія, предпринятыхъ вольно-экономическимъ обществомъ, а въ слѣдующемъ году, съ ученой цѣлью, командированъ былъ въ Бретань. Вообще онъ совершилъ немало поѣздокъ за границу, въ интересахъ нашей агрономіи. Въ 1871—1897 гг. онъ занималъ должность секретаря въ петербургскомъ собраніи сельскихъ хозяевъ, въ 1883 г. былъ избранъ почетнымъ членомъ вольно-экономическаго общества и не разъ былъ имъ чествуемъ за свои заслуги. Онъ состоялъ также почетнымъ членомъ ученаго комитета министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, московскаго общества сельскаго хозяйства и цѣлаго ряда другихъ обществъ и учрежденій. Кромѣ оригинальныхъ трудовъ, Совѣтовъ редактировалъ сельскохозяйственный отдѣлъ въ словарѣ Брокгаута-Ефрона и нѣсколько переводовъ и пособій по сельскому хозяйству—Пабста, Шмидта и др.

Похороны покойнаго профессора состоялись въ Александро-Невской лаврѣ 28 ноября при большомъ стеченіи профессоровъ и учащейся молодежи.

На кладбищѣ, надъ свѣжею могилою профессоръ Х. Я. Гоби сказалъ слѣдующую рѣчь:

«Прежде чѣмъ мать сыра-земля приметъ въ свои объятія, навѣки скроетъ отъ насъ горячо любимаго нами А. В., который однимъ былъ родственникомъ, другомъ, другимъ—дорогимъ товарищемъ и незабвеннымъ учителемъ, да будетъ намъ позволено сказать ему въ послѣднюю минуту горячее «прости». Да выразитъ оно глубокую скорбь и безвозвратную потерю нашу въ лицѣ дорогого А. В. Здѣсь не мѣсто говорить о заслугахъ умершаго, скажемъ лишь, что онъ былъ преисполненъ такого всепрощенія и любви къ ближнему, которыя вообще проявляются рѣдко, а теперь въ особенности. Онъ ими ярко освѣщалъ свой земной путь, который теперь является, на скорбь намъ, пресѣченнымъ. Да явятся они намъ утѣшеніемъ въ нашей печали. Пусть эта земля, любвеобильнымъ сыномъ которой онъ былъ, которую онъ изучалъ всю свою жизнь, пусть она его успокоитъ. Да будетъ она ему легка».

(Ст. П. В. Быкова о немъ въ «Россіи» 1901, № 930).

Шараневичъ, И. И. 22 ноября, ст. ст. скончался во Львовѣ д-ръ Исидоръ Ивановичъ Шараневичъ, профессоръ знаменитаго мѣстнаго Ставропигійскаго института. Покойный родился въ 1829 г., въ Козаржѣ, въ Галиціи. Во Львовскомъ университетѣ читалъ одно время австрійскую исторію. Написалъ и издалъ: «Die Hypatios-Chronik als Quellerbeitrag zur österreichischen Geschichte» (Львовъ, 1872), «Стародавные галицкіе городы» (3 тома, 1861—1862), «Исторія галицко-володымірской Руси» (1863), «Rys wewnętrznych stosunków Galicji Wschodniej w drugiej polowie XV wieku» (1869), «O zródfach sfuzgcych do gfebszego poznania dziejow kraju ojczystego» (1870), «Zaczgtki slowiaúskie w stoku Karpat» (1870), «Kritische Blicke in die Geschichte der Karpathen-Völker im Alterthum und im Mittelalter» (Львовъ 1871), «Rzut oka na beneficjá kosciofa ruskiego za czasów rzeczypospolitej polskiej» (1875) «Географическо-историческія статьи» (1875) «Krótki opis geograficzny i topograficzny austrjacko-wegierskiej monarchji» (1875) и др. Подъ его руководствомъ и наблюденіемъ изданъ въ 1886 г. первый томъ монументальнаго юбилейнаго изданія въ память 300-лѣтняго юбилея Львовскаго ставропигійскаго братства. Много статей покойнаго разсѣяно по разнымъ научнымъ журналамъ и сборникамъ нѣмецкимъ, русинскимъ и польскимъ, а также въ изданіяхъ краковской академіи наукъ. Шараневичъ состоялъ членомъ названной академіи и почетнымъ докторомъ университета св. Владиміра и Ягеллонскаго въ Краковѣ. Въ лицѣ почившаго сошелъ съ жизненной сцены ученый-русинъ, посвятившій всю свою жизнь наукѣ и установленію на почвѣ ея добрыхъ отношеній между своими соотечественниками русинами и поляками.

Шелгунова, Л. П. 13 декабря, скончалась вдова извѣстнаго публициста Н. В. Шелгунова—Людмила Петровна Шелгунова Покойная пользовалась извѣстностью одной изъ лучшихъ переводчицъ произведеній иностранныхъ авторовъ на русскій языкъ. Она трудилась на литературномъ поприщѣ болѣе 50-ти лѣтъ, напечатавъ свой первый переводъ романа Жоржъ-Зандъ

«François le Champi», подъ заглавіемъ «Франсуа», въ 1849 году въ «Сынѣ Отечества». Съ тѣхъ поръ переводы ея появлялись въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Словѣ», «Дѣлѣ», «Женскомъ Вѣстникѣ», «Недѣлѣ», «Современникѣ», «Дѣтскомъ чтеніи» и др., а также издавались отдѣльно. Л. П. въ дни своей молодости вращалась въ журнальныхъ кружкахъ, въ которыхъ постоянными собесѣдниками являлись Н. Г. Чернышевскій, Д. И. Писаревъ, Н. А. Добролюбовъ, М. Л. Михайловъ и другіе. Традиціи добраго стараго времени она сохраняла до конца своей жизни, отличаясь чуткостью и отзывчивостью ко всему честному и хорошему. Покойная родилась въ Перми 27 февраля 1832 года, воспитывалась она въ С.-Петербургѣ, въ англійскомъ пансіонѣ Лоу. Изъ сдѣланныхъ ею переводовъ назовемъ «Всемірную исторію» Шлоссера подъ редакціей В. А. Зайцева (первые пять томовъ переведены подъ редакціей Н. Г. Чернышевскаго) «Женщины французской революціи: Сталь и Роланъ» Шлоссера, разсказы Ауэрбаха: «Босоножка» и др., фантастическіе романы Жюля Верна («Англичане на сѣверномъ полюсѣ» «Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути» и др.), восточную эпопею «Тысяча и одна ночь; разсказы Шехерезады (6 томовъ), переложеніе романовъ Диккенса для юношества и др. Помимо переводовъ покойная написала и нѣсколько самостоятельныхъ разсказовъ и стихотвореній, напечатанныхъ преимущественно въ «Библіотекѣ для Чтенія», «Дѣлѣ», «Живописномъ Обозрѣніи». Между прочимъ Л. П. издала обширную переписку со своимъ мужемъ Н. В. Шелгуновымъ подъ заглавіемъ «Изъ прошлаго». (Некрологи ея: «Нов. Время» 1901, № 9262; «Россія» 1901, № 949).

Историческіе очерки и разсказы

С. Н. Шубинскаго.

Содержаніе: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году.—Вѣнценосный хирургъ.—Петръ Великій въ Дептфордѣ.—Императорскій титулъ.—Первые балы въ Россіи.—Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ.—Свадьба карликовъ.—Московскій маскарадъ 1722 года.—Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ.—Первый петербургскій генералъ-полицеймейстеръ.—Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Іоанновны.—Березовскіе ссыльные.—Дочь Бирона.—Убійство Синклера.—Холмогорская старина.—Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія.—Русскій чудакъ XVIII столѣтія.—Графъ К. Г. Разумовскій.—Екатерина II и ея два статсъ-секретаря.—Столѣтіе кончины князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.—Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Кирьянова дача княгини Дашковой. — Александрова дача.—Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году.—Пѣвица Габріэли.—Подпоручикъ Федосѣевъ.—Семейное преданіе.—Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ.—Мнимое завѣщаніе Петра Великаго.—Кладбищенская литература. Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ этой книгѣ.

Изданіе третье, дополненное и исправленное. Съ 52 портретами и иллюстраціями.

Цѣна 3 рубля.

Дозволено цензурою 22 декабря 1901 г. С.-Петербургъ.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13.

НА ЗАКАТѢ СЛАВЫ

КОМЕДІЯ-БЫЛЬ КОНЦА XVIII ВѢКА

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ВЪ СТИХАХЪ

А. МОСОЛОВА

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ «ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1902

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графиня Варвара Головина, жена гофмейстера великокняжескаго двора.
Графиня Шувалова, гофмейстерина.
Графиня Анна Толстая, жена гофмаршала.
Княгиня де-Тарантъ, бывшая статсъ-дама французской королевы, эмигрантка.
Олечка }
Розали } балетныя танцовщицы.
Князь Платонъ Зубовъ, генералъ-адъютантъ.
Графъ Безбородко, вице-канцлеръ.
Графъ Николай Головинъ, гофмейстеръ великокняжескаго двора.
Федоръ Васильевичъ Растопчинъ, кавалеръ при цесаревичѣ Павлѣ.
Князь Адамъ Чарторижскій, кавалеръ при великомъ князѣ Александрѣ.
Грибовскій, статсъ-секретарь.
Сутерлапъ, придворный банкиръ.
Камеръ-лакей.
Слуга Головиныхъ.
Придворные, гости, слуги.

Дѣйствіе происходитъ въ 1796 году въ С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ.

Дѣйствіе I. Вечерняя серенада въ Царскосельскомъ саду.
Дѣйствіе II. Праздникъ на дачѣ графа Безбородко въ Полюстровѣ.
Дѣйствіе III. Пріемный день графини Головиной.
Дѣйствіе IV. Въ уборной дворца.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Площадка въ саду подъ колоннадой Царскосельскаго дворца. Лунный вечеръ. Придворные служители разставляютъ складные стулья и столики, развѣшиваютъ разноцвѣтные фонари.

ЯВЛЕНІЕ I.

Князь Зубовъ, Грибовскій.

ЗУБОВЪ.

Смотри, не ошибись, всего важнѣй начало!
Она появится сегодня въ голубомъ,
Мантилья бѣлая, такое жъ опахало,
А шляпа помпадуръ съ сиреневымъ перомъ,
Въ придворныхъ дамахъ зависть возбуждая
Расцвѣтомъ юности и дивной красоты.
Къ ея стопамъ пусть сыплются цвѣты!
При нашей встрѣчѣ, зорко наблюдая,
Дай знакъ, чтобы ударить по струнамъ!
Сегодня все благопріятно намъ:
И лунный блескъ, и яркихъ звѣздъ мерцанье,
И вѣтеръ стихъ, и липъ душистыхъ цвѣтъ...
Пусть арфы мѣрное бряцанье
Навстрѣчу ей раздастся, какъ привѣтъ
Моей души, какъ сердца содроганье.

ГРИБОВСКІЙ.

Исполню все. Вашъ замыселъ великъ.

ЗУБОВЪ.

Да, мыслями я вдаль давно уже проникъ:
Всѣ гатчинцы не нашего покроя,
И съ ними не сойтись; давно на юный дворъ
Внимательно я устремляю взоръ,
Для дней грядущихъ планы строя.
Великій князь со мною заодно.
Жаль, молодъ онъ, глядитъ односторонне,
Зато великая княгиня ужъ давно
Относится гораздо благосклоннѣй,
А музыка, какъ тайное звено,
Связуетъ насъ и тихо и незримо
Въ ней будитъ радость жить и быть любимой.

ГРИВОВСКІЙ.

Но государыня?

ЗУБОВЪ.

Ей радостно вдвойнѣ,
Когда вниманіе оказываютъ мнѣ.
Великая княгиня Лисавета
Душѣ ея особенно близка.
Мы знаемъ, какъ она отъ счастья далека,
Какъ сердце проситъ счастья въ эти лѣта!

ГРИВОВСКІЙ.

Повѣрьте, все понятно для меня.

ЗУБОВЪ.

Я вѣрно шелъ, спокойно, шагъ за шагомъ
И, кажется, теперь дождался дня?
Ты, говорятъ, работалъ предъ куртагомъ
У государыни?

ГРИВОВСКІЙ.

Такъ точно, князь.
Немедленно, отъ васъ же возвратясь,
Я позванъ былъ. Обычная диктовка.

ЗУБОВЪ.

Сначала слушаешь, а послѣ по часамъ,
Съ перомъ въ рукѣ, диктуешь мысли самъ?

ГРИВОВСКІЙ.

Но какъ же быть? Во всемъ нужна сноровка.
Мы съ государыней привыкли не дремать,
Входя во все, вникая даже въ малость,
И, замѣчая въ ней порой усталость,
Мы бережемъ ее, какъ благостную мать.

ЗУБОВЪ.

Все мысли прежнія?

ГРИВОВСКІЙ.

По тѣмъ же все причинамъ
Никакъ не можетъ кончить манифестъ,
Въ исторіи Петра съ несчастнымъ сыномъ
Все ищемъ подходящихъ мѣстъ.
Опасное предвидя самовластье,
О будущемъ тревожась каждый мигъ,
Хотѣли бы безъ шума, безъ интригъ
Возможныя предотвратить несчастья.
Намедни, все прочтя, разставивши значки,
Изволила сказать, кладя на столъ очки:
«Въ солдатики играть ему довольно,
«На это вѣчно деньги нужны имъ;
«Но если отречется добровольно,
Мы ихъ тогда вполнѣ озолотимъ».
Услышавъ, я не проронилъ ни звука,
Но твердую прочелъ въ ея чертахъ
Рѣшимость на престолъ возвесть любимца-внука,
И каждый день все то же на устахъ...

ЗУБОВЪ.

Знай, моего тутъ не было совѣта,
Я осмотрителенъ. Нѣтъ, Боже, сохрани!
Коль допытаются когда нибудь они,
Раскроютъ все, сживутъ тебя со свѣта,
И горькіе для насъ настанутъ дни:
Какъ разъ твою узнаютъ руку...

ГРИВОВСКІЙ.

Ахъ, князь! Служа, приму и смерть, и муку;
Но, тайну царскую по совѣсти храня,
Я сдѣлать все, что могъ. Довольно для меня.

Однажды возражалъ я очень кротко
И только намекнулъ издалека,
Что дѣлу этому противникъ—Безбородко,
Разгнѣвались, бранили старика,
Да такъ, что я внималъ какъ бы въ испугѣ.
Замѣтивъ, ласково трепали по плечу,
Съ улыбкой говоря: «Ты знаешь, я шучу».
И стали прославлять его заслуги...

ЗУБОВЪ.

Способности его и знанія цѣню
И объ умѣ его я мнѣнія того же;
Онъ забѣгаетъ здѣсь не разъ на дню,
Хоть ужъ давненько сталъ вельможей.

ГРИБОВСКІЙ.

Къ несчастью, Безбородко не одинъ,
Не всѣ у васъ толкаются въ прихожей,
За нимъ стоитъ отважный Растопчинъ?

ЗУБОВЪ.

Не нравится мнѣ этотъ Ѳедька шалый,
Глаза рысиные, язвительная рѣчь,
Опасный человѣкъ, и намъ бы не мѣшало
Отсюдова его подалѣе упечь...
Вели присматривать. Съ Головиною
У нихъ какъ будто шашни? Въ эту связь
Проникни и развѣдай стороною.
Ужъ если я пойду на нихъ войною,
То имъ не сдобровать.

ГРИБОВСКІЙ.

Навѣрно, князь.
Навлечь вашъ гнѣвъ? Что можетъ быть печальнѣй?

ЗУБОВЪ.

Я на поклонъ пройду къ опочивальнѣ,
Чтобъ не было тревоги лишней тамъ.
Надѣюсь, что удастся серенада?
Пора огни зажечь въ аллеяхъ сада
И музыку разставить по мѣстамъ.

[Князь Зубовъ удаляется садомъ ко дворцу; по знаку Грибовскаго лакеи проводятъ артиста съ золоченой арфой; Грибовскій помѣщаетъ его за деревьями и тамъ скрывается; зажигаютъ фонари; съ другой стороны входятъ графъ Безбородко, опираясь на трость, и Растопчинъ].

ЯВЛЕНІЕ II.

Графъ Безбородко, Растопчинъ.

БЕЗБОРОДКО.

Я слушаю.

РАСТОПЧИНЪ.

Давно искалъ я случай
Явиться къ вамъ съ поникшей головой:
Надъ Гатчиной нависла снова туча,
Въ тревогѣ цесаревичъ; злой молвой
Въ кругахъ дворцовыхъ пущенъ слухъ тревожный,
Что отъ престола будетъ устраненъ.
Не даромъ же нашъ дворъ во всемъ стѣсненъ?
Сдается мнѣ, что это слухъ не ложный,
Что многихъ мы въ погибель вовлечемъ...

БЕЗБОРОДКО.

По-моему, все это небылицы!
У Зубова всѣ тайны подъ ключемъ,
Его проси, а я тутъ не при чемъ,
Иныя у него довѣренныя лица.

РАСТОПЧИНЪ.

Я знаю, что его всесильна власть,
Обильно сыплются черезъ него щедроты,
А намъ готовится и ужъ близка напасть,
И мнѣ грозятъ тяжелыя заботы.
На что надѣяться? Откуда ждать добра,
Когда лишить готовятся престола,
Кого же? Правнука великаго Петра!
И вѣдь не бунтъ стрѣльцовъ, не дворская крамола,
Нѣтъ, въ сердце матери вливая горькій ядъ,
Отечеству бѣдой, раздорами грозятъ!
Ужель хулители отнынѣ будутъ правы?
Мы вѣрить не хотимъ, царевичъ удрученъ.
Ужель закатъ такой великой славы
Навѣки будетъ омраченъ?

БЕЗБОРОДКО.

Узнаешь самъ, какъ трудно у престола,
Когда твои настанутъ времена.

Тяжелая мной проходилась школа,
А будущность и для меня темна,
Зловѣщимъ затуманена покровомъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Мы передъ прихотью не склонимъ головы,
Мы, графъ, надѣемся, что не дадите вы
Такъ поступить, въ противность всѣмъ основамъ;
Одни лишь вы способны остеречь.

БЕЗБОРОДКО.

Есть тайности, гдѣ каждый связанъ словомъ,
Такъ нечего вести объ этомъ рѣчь.
Отечеству служу нелицемѣрно,
Хоть милости ко мнѣ и велики,
И награжденъ за все я безпримѣрно,
Но къ дѣлу темному не приложу руки.
Нѣтъ, чтобъ однимъ неосторожнымъ шагомъ
Все прошлое свое похоронить!?
Будь скроменъ и держись пока за флагомъ,
Но не теряй свою изъ виду нить.
Придетъ пора, и для тебя не худо
Усердно послужить любимому царю;
Но знай... Ты не предатель, не Іуда,
Отечески съ тобою говорю:
Сомнительно, чтобъ цесаревичъ Павелъ
Когда нибудь Россіей мудро правилъ.
Не чтитъ онъ матери великія своей;
Совѣтниковъ ея, испытанныхъ вождей
Едва ли бъ онъ при должностяхъ оставилъ?

РАСТОПЧИНЪ.

Есть исключенья, графъ, для избранныхъ людей,
Судьба ему готовитъ путь тернистый,
Его намѣренья возвышенны и чисты.

БЕЗБОРОДКО.

Безмѣрно пропасть глубока
Между намѣреньемъ и дѣломъ.
Для управленія народомъ столь незрѣлымъ
Нужны искусная и твердая рука,
Великій умъ, чтобы обнять все въ цѣломъ
И прозрѣвать въ грядущіе вѣка.

РАСТОПЧИНЪ.

Вы правы, графъ, задача велика!

БЕЗБОРОДКО.

Да вотъ что, другъ. Ужъ о дѣлахъ довольно.
Мнѣ душно здѣсь и все не по плечу,
Лишь государыня отпуститъ—улечу
Въ Полюстрово мое пожить привольно
Въ кругу друзей и вѣтреныхъ дѣвицъ,
Не видя по долгу фальшивыхъ этихъ лицъ
Толпы искательной и жадной.
Тамъ надъ Невою дышится прохладно,
Въ веселомъ отдыхѣ дождуся именинъ
И для друзей большой банкетъ устрою,
Съ огнями, съ музыкой и съ карточной игрою.
Надѣюсь и тебя увидѣть, Растопчинъ?
Подъ вечеръ балъ начнется маскерадный.
Я друга твоего зову—Головина.
Хоть онъ и вѣтреникъ изрядный,
Да Олечка моя съ Розаліей дружна.
Пожалуй, пріѣзжай, тебѣ всѣ будемъ рады,
Сберется весь балетъ, ты старый театралъ.
А вотъ, спускаются всѣ наши съ колоннады,
Шуваловой итти я въ парѣ обѣщалъ.

[Безбородко, кивая, удаляется навстрѣчу спускающимся съ лѣстницы придворнымъ и раскланивается. Растопчинъ отходитъ въ глубину сада].

ЯВЛЕНІЕ III.

Растопчинъ, графъ Головинъ съ графиней Толстою, затѣмъ княгиня де-Тарантъ, графиня Головина съ княземъ Чарторижскимъ, Безбородко съ Шуваловой, позднѣе **Зубовъ,** за нимъ вдали **Грибовскій.**

ТОЛСТАЯ.

Какъ государыня уходитъ нынче рано,
Такъ не бывало прежде никогда.

ГОЛОВИНЪ.

Зато восходитъ новая звѣзда
Во мглѣ придворнаго тумана.

ТОЛСТАЯ.

О комъ вы говорите?

ГОЛОВИНЪ.

Все о ней.
Великая княгиня Лисавета,
Державинскою музою воспѣта,
Становится кумиромъ нашихъ дней.
Ужъ на нее направлены всѣ стрѣлы,
Князь Зубовъ около; онъ человѣкъ умѣлый.

ТОЛСТАЯ.

Возможно ли?

ГОЛОВИНЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ князь Платонъ
Всему даетъ въ Россіи тонъ...

ТОЛСТАЯ.

Здѣсь, при дворѣ, но не въ Россіи...

ГОЛОВИНЪ.

Пускай такъ думаютъ другіе.

ТОЛСТАЯ.

Вы нынче злы ужасно, Головинъ.

ГОЛОВИНЪ.

Быть слишкомъ добрымъ, право, нѣтъ причинъ.

ТОЛСТАЯ.

А Варенька?

ГОЛОВИНЪ.

Мы съ нею очень дружны,
Я все хорошее нашелъ въ моей женѣ,
Да слишкомъ ужъ умна; порой сдается мнѣ,
Что я въ семьѣ балластъ ненужный.

ДЕ-ТАРАНТЪ [подходя въ безпокойствѣ].

Гдѣ Варенька? Свой фермуаръ жемчужный
Мнѣ бросила, исчезла... но куда?

ТОЛСТАЯ.

У государыни, я думаю, въ уборной...

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Вездѣ ищу, но нѣтъ нигдѣ слѣда!

ГОЛОВИНЪ.

Навѣрно прячется въ толпѣ придворной.
Ее вести былъ долженъ Растопчинъ?

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Я знаю, но, увы, онъ здѣсь одинъ
И тоже прячется... [Удаляется].

ГОЛОВИНЪ [оглядываясь,—увидя Растопчина].

Что это, другъ любезный,
Куда же ты дѣвалъ мою жену?

РАСТОПЧИНЪ.

До времени разспросы безполезны,
Въ сохранности тебѣ ее верну.

ГОЛОВИНЪ.

Что жъ это, господа? Коварство и измѣна?
Я требую тебя къ отвѣту!

РАСТОПЧИНЪ.

Ну, изволь.
Сейчасъ произойдетъ комическая сцена,
И главную она сыграетъ роль.

ГОЛОВИНЪ.

Ну, это весело. Я вижу, ты въ ударѣ.
Вѣдь, здѣсь не Гатчина, гдѣ «лозунгъ» и «пароль»
Звучатъ, какъ музыка, гдѣ всѣ—какъ на пожарѣ,
И посреди военной суеты
Всѣ мечутся.

РАСТОПЧИНЪ.

Посторонись, разиня,
Въ своемъ ораторствѣ не замѣчаешь ты:
Съ террасы, правильнѣй—съ небесной высоты,

Спускается великая княгиня,
На руку Чарторижскаго склонясь.

ТОЛСТАЯ.

Сейчасъ появится и самъ свѣтлѣйшій князь.

[Проходятъ далѣе, всѣ сторонятся. Головина, въ туалетѣ великой княгини и подъ вуалемъ, опираясь на руку Чарторижскаго].

ГОЛОВИНА.

Ахъ, мнѣ не по сердцу слова любви и лести,
О правдѣ божіей соскучилась душа.
Нѣтъ, вовсе я не такъ ужъ хороша,
Чтобъ всѣхъ плѣнять. Нѣтъ, слишкомъ много чести!

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Во мракѣ сѣвера сіяя, какъ звѣзда,
Вы отвергаете невиннѣйшія ласки.
Въ моемъ отечествѣ, въ цвѣтущіе года,
Культъ женской красоты въ почетѣ былъ всегда.

ГОЛОВИНА.

Пока не дожили до горестной развязки.

[Грибовскій даетъ знакъ. Артистъ между деревьями начинаетъ на арфѣ итальянскую мелодію].

ЗУБОВЪ [быстро подходя и низко снимая шляпу].

Я счастливъ, и душа невольно смущена...

ГОЛОВИНА.

Напрасно, вамъ смущаться бы не надо.

ЗУБОВЪ.

Я счастливъ тѣмъ, что эта серенада
Присутствіемъ такимъ освящена.
Вниманье ваше—высшая награда...

ГОЛОВИНА.

О, если бы я раньше знать могла,
Что вы себя сочтете награжденнымъ?

ЗУБОВЪ.

У вашихъ ногъ слугою приближеннымъ
Вся жизнь моя катилась бы свѣтла,

Наполнена мелодіей небесной!
Да не страшать васъ дерзкія мечты,
Пусть съ недоступной смертнымъ высоты
Лишь взглядъ...

ГОЛОВИНА [подымая вуаль].

Да это очень интересно.

ЗУБОВЪ.

Что это значитъ? Вы!

ГОЛОВИНА.

Мнѣ, право, жаль,
Что, опустивъ нечаянно вуаль,
Я показалась вамъ великою княгиней.
Она не будетъ здѣсь.

ЗУБОВЪ [надѣвая шляпу].

Но по какой причинѣ?

ГОЛОВИНА.

Недомоганіе, боязнь смутить гостей,
Желанье уклониться отъ затѣй,
Избѣгнуть, наконецъ, игры опасной.
Сомнѣнья больше нѣтъ, и вы напрасно
Мнѣ сдѣлали привѣтомъ вашимъ честь...

ЗУБОВЪ.

Въ васъ, можетъ быть; во мнѣ сомнѣнье есть.
Какъ вижу я, насмѣшница вы, право.
Тутъ все обдумано: и самый вашъ нарядъ,
И этотъ кавалеръ, и, наконецъ, вашъ взглядъ,
Вуалемъ скрытый такъ лукаво.
Но, выбравши меня предметомъ для забавъ,
Забыли вы, что для подобной цѣли
Предметъ достойный ближе вы имѣли.
Не за одно ль и вѣтреный вашъ графъ?
Не слишкомъ дорожитъ и онъ моей пріязнью...

ГОЛОВИНА.

Вы не повѣрите, какъ ваша рѣчь смѣшна:
Вы вздумали пугать? Прошли тѣ времена!
Ужъ ежели стращать, такъ прямо смертной казнью.

Хоть нашей бабушкѣ урѣзанъ былъ языкъ,
Хоть мучили ее, но въ вѣкъ Екатерины
Отъ этихъ ужасовъ давно нашъ дворъ отвыкъ
И честной женщинѣ бояться нѣтъ причины.

ЗУБОВЪ.

Вы худо поняли. Я дѣлалъ все, что могъ,
Чтобъ ваше пробудить къ себѣ участье...

ГОЛОВИНА.

Напрасно думали. Вотъ вамъ впередъ урокъ,
Сердитый левъ съ раскрытой пастью!

ЗУБОВЪ [кланяясь и отходя].

О, если бы со льва я бралъ примѣръ!

ЧАРТОРИЖСКІЙ [подавая Головиной руку].

Вы мнѣ позволите?

ГОЛОВИНА.

Простите, не позволю.
Давая руку вамъ, чужую волю
Я исполняла. Здѣсь мой кавалеръ.

[Указываетъ на Растопчина и удаляется съ нимъ].

ЗУБОВЪ [вслѣдъ удаляющейся Головиной].

Вотъ проповѣдница возвышенной морали!
Ну, берегись, чтобъ злые языки
Тебя самой не замарали!

ШУВАЛОВА [кладя ему сзади руку на плечо].

Великъ твой гнѣвъ, да руки коротки?

ЗУБОВЪ [узнавъ ее].

Вы видѣли? И радуетесь вмѣстѣ,
Предавъ меня такъ ловко на позоръ
Моимъ врагамъ безъ совѣсти и чести?
Вотъ ваша преданность! И вѣрьте въ этотъ вздоръ!
Не вами ли о перьяхъ, о мантильѣ
Вчера еще я былъ предупрежденъ?
Васъ радуетъ теперь мое безсилье?
Что жъ? Радуйтесь! Я горько уязвленъ.

Нѣтъ, не нуждаюсь я ни въ дружбѣ, ни въ совѣтѣ,
Теперь я чувствую, какъ страшно одинокъ,
Несчастнѣе меня нѣтъ никого на свѣтѣ.
Какъ эту пытку вынести я могъ?
Я задыхаюся, все сердце заходило,
Я плакать, я рыдать готовъ.

ШУВАЛОВА.

Послушай, постыдись подобныхъ словъ,
Вѣдь это будутъ слезы крокодила.
Ты ихъ для случая иного сбереги,
Умѣрь свои нескромные шаги,
Головина тебя перехитрила.

ЗУБОВЪ.

Пора ихъ всѣхъ стереть съ лица земли!
Мнѣ прямо ненавистно это имя!
Да это заговоръ; но чтобы вмѣстѣ съ ними
И вы глумиться такъ могли?

ШУВАЛОВА.

Умолкни, чтобъ не каяться напрасно.
Упреками меня ты осыпалъ не разъ.
Придешь въ себя, тогда все станетъ ясно.
Одумайся жъ, сними повязку съ глазъ.
Ты Вареньку избралъ неосторожно,
Надѣясь, что она съ княгиней всѣхъ дружнѣй
И будетъ угождать твоей затѣѣ сложной.
Могла ль она придумать что умнѣй
Въ своей восторженной привязанности къ ней,
Чтобъ дерзости твоей поставить здѣсь преграды
И прекратить всѣмъ видимый скандалъ?
Твои вздыханія, двусмысленные взгляды,
И встрѣчи робкія, и эти серенады?
Когда бы ты спокойно разсуждалъ,
То вѣрно бы держалъ себя построже?

ЗУВОВЪ.

Отъ государыни не разъ я слышалъ то же:
«Не впутывай Головину, оставь,
Она невинная и добрая простушка».
Вотъ простота! Мнѣ—быть ея игрушкой
И позволять себя дурачить въявь?

ШУВАЛОВА.

Не стыдно ли? Чудесною судьбою
Не по заслугамъ ты превознесенъ.
Не заносись, одумайся, Платонъ!
Все преклоняется въ Россіи предъ тобою
И охлажденія одинъ лишь ты избѣгъ,
Такое счастіе не можетъ длиться вѣкъ!
Я предана тебѣ, всѣмъ жертвовать готова,
И счастіемъ и чувствами къ роднѣ.
Ты знаешь, я всегда свое исполню слово...

ЗУБОВЪ.

Ну, ну, довольно! Вотъ что нужно мнѣ:
Предъ этой женщиной умѣло обнаружа
Невѣрности и похожденья мужа,
Измучить сердце ей, да такъ, чтобы она
Узнала, какъ въ своей наивности смѣшна,
Какъ счастіе ея семейное непрочно.
Но мало этого; намъ надо юный дворъ
Увѣрить, что она раздула все нарочно,
Чтобъ властвовать одной, посѣявши раздоръ.
Чтобъ клеветы она узнала гнетъ тяжелый,
Чтобъ крѣпко чувствовать она могла уколы,
И были бы они остры и горячи.

ШУВАЛОВА.

Довольно, понято. Напрасно не учи [удаляется].

ЗУБОВЪ.

Грибовскій, подойди. Я вижу, ты сконфуженъ,
Ты возмущенъ, что намъ не повезло?
Чтобъ вырвать съ корнемъ это зло,
Твой гибкій умъ особенно мнѣ нуженъ.
Мой праздникъ мнѣ противенъ, и теперь
Охотно бъ я спровадилъ всѣхъ за дверь.
Вели поторопить и пѣніе и ужинъ!

[Оборачиваясь и увидя Безбородко].

Простите, графъ, я не замѣтилъ васъ.
Тутъ небольшая вышла перепалка
Съ Головиной. Случалось ужъ не разъ,
А все же мнѣ ее какъ будто жалко.

БЕЗБОРОДКО.

Добра и простодушна, вотъ бѣда.

ЗУБОВЪ.

Да, въ обществѣ прослывши за простую,
Дивлюся я, какъ мало въ ней стыда?
Вѣдь съ Витвортомъ она свела Толстую.
Мужъ возмущенъ, да что же проку въ томъ?
Зачѣмъ къ Головинымъ се пускаетъ въ домъ,
Гдѣ иностранщины голодной вѣчно стая?
Сближать ихъ у себя она бы не должна:
Мужья ихъ сослуживцы, а Толстая
Съ великою княгинею дружна...

БЕЗБОРОДКО.

У нихъ пристрастіе къ французамъ да къ полякамъ...

ЗУБОВЪ.

Что наша милая великая княжна,
И какъ дѣла идутъ со шведскимъ бракомъ?

БЕЗБОРОДКО.

Надежда на успѣхъ еще не велика.
Хоть съ регентомъ большія переписки,
Но къ соглашенію, однако жъ, мы не близки;
Подробности окончены пока,
Когда же главное рѣшимъ,—вопросъ о вѣрѣ,
Предъ ними распахнемъ гостепріимно двери
И при свиданьи все уладимъ въ сентябрѣ,
Когда и праздники начнутся при дворѣ.

ЗУБОВЪ.

Я съ государыней ужъ говорилъ объ этомъ,
Но съ мыслями ея согласенъ не вполнѣ.
Постыднымъ кажется возиться мнѣ
Со шведской гордостью и съ шведскимъ этикетомъ.
Притомъ у короля непостоянный нравъ,
Прикрытый лишь надменностью холодной,
Посланникъ же его предательски лукавъ.
Коль скоро государынѣ угодно,
Я буду помогать, и дѣло не за мной;

Но если мы потерпимъ неудачу
И даже вновь пойдемъ на нихъ войной,
То я объ этомъ не заплачу.

БЕЗБОРОДКО.

Къ несчастью, въ Персію отправлены полки!
Конечно, побѣдить и мы имѣемъ шансы,
Но затрудненія, однако жъ, велики,
Пока у насъ разстроены финансы,
И въ арміи разбросанность частей.

ШУВАЛОВА [осторожно подходя].

Простите, если я мѣшаю разговору?
Князь, такъ нельзя бросать своихъ гостей,
И я уже наслушалася вздору.
Своимъ явленіемъ ты все разсѣешь въ пору,
Какъ Аполлонъ, ты укротишь тотчасъ
Игрою дивною на лютняхъ и волторнахъ
Болтливыхъ дамъ, приспѣшниковъ придворныхъ

ЗУБОВЪ.

Я покоряюсь вамъ; но язычекъ у васъ!

ШУВАЛОВА.

Онъ для друзей моихъ всегда къ услугамъ,
Зато враги—не попадайся мнѣ!
Ступай же къ нимъ. Мы сядемъ въ сторонѣ
Потолковать со старымъ другомъ.

[Зубовъ удаляется].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Шувалова, Безбородко, потомъ Чарторижскій, де-Тарантъ, Толстая, Головина и Головинъ.

БЕЗБОРОДКО.

Ахъ, помогли бы вы его недугамъ!

ШУВАЛОВА.

Съ недугомъ были вы сейчасъ наединѣ.
Не бойтесь! Я, вѣдь, это вамъ добра желая...
Князь Зубовъ вашъ недугъ, другого нѣтъ.

Мнѣ очень жаль, я женщина не злая
И никому не выдамъ вашъ секретъ.
Но шутки въ сторону. Платона я жалѣю,
Онъ такъ заботливо сплеталъ всю эту сѣть,
И вдругъ разстроили невинную затѣю...

БЕЗБОРОДКО.

Конечно, какъ его не пожалѣть?

ШУВАЛОВА.

Однако, это все пока не очень ясно,
И тутъ видна искусная рука.

БЕЗБОРОДКО.

Навѣрно, это все идетъ отъ поляка.
Ихъ ко двору приблизили напрасно,
Имъ сердцемъ преданы великіе князья,
Всегда при нихъ, совсѣмъ одна семья...

ШУВАЛОВА.

Ужъ этотъ князь Адамъ! Вотъ легокъ на поминѣ.
Смотрите, подъ руку съ французскою княгиней.

Князь Чарторижскій и княгиня де-Тарантъ проходятъ, не замѣчая сидящихъ].

ДЕ-ТАРАНТЪ.

У русскихъ все пока зависитъ отъ лица,
Въ ихъ обществѣ еще такъ много дѣтства.
Здѣсь надо дѣйствовать на женскія сердца,
На ихъ тщеславіе и пошлое кокетство.

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Я это часто слышалъ отъ отца;
Но, самъ теперь людей и нравы изучая
И въ обществѣ, и въ царственныхъ дворцахъ,
Я понялъ, какъ силенъ московскій духъ въ сердцахъ,
И въ будущемъ я добраго не чаю.

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Но Александръ?

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Увы, надежда здѣсь слаба.
Его межъ двухъ огней поставила судьба;

Любимецъ бабушки, однако жъ сынъ послушный,
Отмѣнно вкрадчивый, плѣнительный на видъ,
Всегда мечтательный, нерѣдко двоедушный,
Подобный сфинксъ что въ будущемъ сулитъ?

ДЕ-ТАРАНТЪ.

А Зубовъ?

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

На него надежды также мало,
Онъ приписалъ себѣ послѣдній нашъ раздѣлъ.
Ужъ Зубовъ при концѣ, а мы глядимъ въ начало,
И кто бъ ни царствовалъ, онъ будетъ не у дѣлъ.

ШУВАЛОВА.

Княгиня, какъ вы музыкой довольны?

ДЕ-ТАРАНТЪ [оборачиваясь].

Простите. Насъ такъ занялъ разговоръ.
Не дурно былъ пропѣтъ дуэтъ бе-мольный,
А остальное все—ужасный вздоръ.
Мы также слушали малороссійскій хоръ,
Но бѣдный князь Адамъ едва не умеръ,
Пока пѣвцы тянули первый нумеръ.

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Признаться, въ музыкѣ я не большой знатокъ.

ШУВАЛОВА.

Присядьте къ намъ, составимте кружокъ.
Наскучивъ пѣніемъ бе-мольнаго дуэта,
Навѣрно явятся Головина съ Толстой
Блеснуть нарядами и юной красотой.
Толстую очень жаль, несчастная Анета!
Посланникъ англійскій ее околдовалъ,
Всегда у нихъ, повсюду неразлученъ.

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Все отъ бездѣлія, а для семьи—скандалъ.

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Что въ немъ она нашла? И старъ и скученъ.

[Въ глубинѣ сцены появляются Головина и Толстая].

ГОЛОВИНА.

Анета милая, ты бродишь все, какъ тѣнь?

ТОЛСТАЯ.

Я безъ него нигдѣ не нахожу покоя,
О немъ я думаю теперь и ночь и день,
Не радуетъ меня веселье никакое;
Ни дѣти, ни семья, всѣхъ менѣе мой мужъ;
Все это лишнее, какъ будто безполезно...

ГОЛОВИНА.

Несчастная! Вѣдь ты скользишь надъ бездной...
Смотри, ты этихъ чувствъ ему не обнаружь,
Какъ упрекать тебя онъ горько станетъ!

ТОЛСТАЯ.

Онъ такъ теперь своей карьерой занятъ.

ГОЛОВИНА.

Но вспомни, вѣдь у насъ обязанности есть
Оберегать супружескую честь.
Гдѣ жъ сердце у тебя, гдѣ, наконецъ, твой разумъ?

ТОЛСТАЯ.

Сама не вѣдаю, куда все дѣлось разомъ...

ШУВАЛОВА.

Красавицы, идите къ намъ сюда.
Совѣтъ мой вамъ: спокойствія побольше!
Ты, Варенька, всегда росла на волѣ,
Волнуешься...

ГОЛОВИНА.

Спокойна я всегда,
Особенной вины я за собой не знаю.

ШУВАЛОВА.

Ну, полно, милая, однако же весь дворъ
Ведетъ теперь объ этомъ разговоръ,
И ловкости твоей дивятся всѣ, родная.

Тебя успѣхи ждутъ большіе впереди,
Но осторожнѣй будь, не повреди
Ты отношенія съ великою княгиней.
Ужъ если на тебя нашелъ подобный стихъ...

ДИ-ТАРАНТЪ.

Совѣтовъ, Варенька, не слушайся ничьихъ,
Ты поступила героиней.
Останься жъ вѣрною ты сердцу своему.

ГОЛОВИНЪ [спѣшно входя].

Послушай, Варенька, ищу тебя повсюду,
Что сдѣлалось съ тобою?

[отводитъ жену въ сторону].

Почему
Затѣяла ты эту кутерьму?
Всѣ гости чувствуютъ неловкость и остуду,
Князь мраченъ, всѣ кругомъ повѣся носъ.
Чѣмъ это кончится—еще большой вопросъ,
А князю Зубову доставитъ огорченье.
Вѣдь онъ злопамятенъ, и такъ на насъ сердитъ,
Зачѣмъ съ огнемъ играть? Великъ его кредитъ,
Такъ можно пошатнуть все наше положенье,
И это намъ, навѣрно, повредитъ.

ГОЛОВИНА.

Нотація твоя теперь уже не въ пору,
Да развѣ я способствовать могла
Подобной низости, подобному позору?

ГОЛОВИНЪ.

Довольно, если мы воздержимся отъ зла,
Въ чужія-то зачѣмъ мѣшаться намъ дѣла?
Враги твои всѣхъ болѣ будутъ рады.

ГОЛОВИНА.

Отъ злыхъ волковъ спасаю я овецъ;
А въ жизни лучшей нѣтъ отрады
Для чистыхъ и чувствительныхъ сердецъ.

ГОЛОВИНЪ.

Всегда вредна излишняя опека,
Не цѣнимъ мы чужихъ о насъ заботъ,

А покровителей клянемъ изъ рода въ родъ.
Что дѣлать? Таково ужъ сердце человѣка.

ГОЛОВИНА.

Ты страннымъ говоришь какимъ-то языкомъ,
И на тебя все это не похоже:
Нельзя такъ думать русскому вельможѣ.
Гнѣвъ Зубова всѣмъ хорошо знакомъ,
Но государыня не дастъ меня въ обиду.

ГОЛОВИНЪ.

Конечно, можетъ быть... для виду.

ГОЛОВИНА.

Не вѣрится, она ко мнѣ добра.

ГОЛОВИНЪ.

Но вѣдь къ нему она еще добрѣе?

ГОЛОВИНА.

Что жъ изъ того?

ГОЛОВИНЪ.

А то, что насъ скорѣе
Съ тобою удалить возможно отъ двора.

ГОЛОВИНА.

Ахъ, Николай, что сдѣлалось съ тобою?
Мнѣ кажется, что ты уже не тотъ.
Я думала, ты посланъ мнѣ судьбою
Опорой твердою, защитой отъ заботъ.
И это было все, и такъ еще недавно!
И только съ нѣкоторыхъ поръ
Все измѣнилося въ тебѣ, и слишкомъ явно:
Твой ровный тонъ, твой мягкій разговоръ.
На скромный мой вопросъ ты отвѣчаешь ѣдко,
Сближаешься съ порочными людьми,
Ты вечера проводишь дома рѣдко,
Не такъ ужъ ласковъ ты становишься съ дѣтьми.

ГОЛОВИНЪ.

Мнѣ даже говорить объ этомъ неудобно,
Мнѣ страннымъ кажется, мнѣ думалось всегда,
Подозрѣвать меня ты не способна?
Что я вспылю? Великая бѣда!

ГОЛОВИНА.

Ты сдержанъ былъ...

ГОЛОВИНЪ.

Точь въ точь вашъ англичанинъ?
Все это мелочи; но если цѣлый рядъ...

ГОЛОВИНА.

Какія жъ мелочи? Нѣтъ, люди говорятъ,
Что вѣтренъ ты, что ты непостояненъ.

ГОЛОВИНЪ.

Кого ты слушаешь? Ты знаешь, люди злы,
Одни завидуютъ, другіе просто трусятъ;
Всѣ сплетни свѣтскія - жужжаніе пчелы,
Не обращай вниманья—не укусятъ.

ГОЛОВИНА.

Не трогаютъ меня ни сплетни, ни молва,
Къ злословію во мнѣ, ты знаешь, сердце глухо,
Но иногда нескромныя слова
До моего доходятъ слуха,
И бѣдная моя мутится голова...

ГОЛОВИНЪ.

Нѣтъ, Варенька, ты подъ чужимъ вліяньемъ.
Столь добрая жена, заботливая мать,
Ты начинаешь все превратно понимать.

ГОЛОВИНА.

Моя любовь мнѣ служитъ оправданьемъ.

ГОЛОВИНЪ.

Понятно, что ты любишь, какъ жена.

ГОЛОВИНА.

Да развѣ есть любовь другая?

ГОЛОВИНЪ.

Случается; но только, дорогая,
О ней и знать ты не должна.
Будь снисходительна, не мучь себя напрасно,
На эти пустяки не трать безъ нужды силъ...

ГОЛОВИНА.

О снисхожденіи ты прежде не просилъ,
Нѣтъ, это было бы и горько и ужасно!

ШУВАЛОВА [подходя къ Головинымъ].

Ну, милые, всему вѣдь мѣра есть.
И дома отъ подобныхъ объясненій
Успѣете другъ другу надоѣсть.

ГОЛОВИНЪ.

Вы, тетушка, всегда нашъ добрый геній,
Вы—мирный духъ надъ нашею семьей,
Толкую Варенькѣ, а ей все непонятно,
Такъ будьте жъ вы хоть намъ судьей.

ГОЛОВИНА.

Въ судѣ людскомъ все такъ лицепріятно.

ШУВАЛОВА.

По мнѣ, не стоило совсѣмъ и затѣвать,
Все это обошлось бы преспокойно;
Но ты увѣрила, что будто недостойно
Отъ подданныхъ концерты принимать.
Что жъ? Береги ее, свою богиню!
Но, вѣдь, и боги любятъ ѳиміамъ,
Такъ извинительно желать его и намъ.
За что ты бѣдную великую княгиню
Заставила весь вечеръ проскучать?
А вечеръ, какъ нарочно, дивный...
Нельзя же быть всегда такой наивной?

ГОЛОВИНА.

Мнѣ остается слушать и молчать.

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Вы къ Варенькѣ вполнѣ несправедливы.

ШУВАЛОВА.

Напрасно. Мы поемъ на разные мотивы,
И ваши мнѣнія на всѣхъ наводятъ сплинъ.

ГОЛОВИНЪ [увидя входящаго Растопчина].

Вотъ тоже обладатель этой тайны.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Растопчинъ.

ШУВАЛОВА [Растопчину].

Ужъ не сообщникъ ли случайный?

РАСТОПЧИНЪ.

Хотите, чтобъ за все отвѣтилъ я одинъ?
Мнѣ будетъ это не впервые,
Не даромъ прошлымъ лѣтомъ я
Въ деревню былъ отправленъ... для житья,
Чтобъ собирать цвѣточки полевые.

ШУВАЛОВА.

Не рано ль ссылка кончилась твоя?

РАСТОПЧИНЪ.

Мнѣ кажется, что вы, пожалуй, правы:
Тамъ жизнь привольнѣе, я не искатель славы.

ЧАРТОРИЖСКІЙ [подходя къ Растопчину].

Что князь?

РАСТОПЧИНЪ.

Судить такъ трудно по лицу
Всесильнаго и умнаго вельможи,
Но, видимо, и онъ доволенъ тоже,
Что музыка подходитъ ужъ къ концу.
Да кстати, вотъ сигнальная ракета!

[Вправо за сценой слышно въ отдаленіи шипѣніе ракеты и виденъ мерцающій свѣтъ].

За озеромъ пускать сбираются огни.

ШУВАЛОВА.

Что жъ? Поглядимъ, какъ справятся они?

[къ Безбородко].

Вы съ нами, графъ?

[Толстой].

И ты пойдешь, Анета?

БЕЗБОРОДКО.

Хоть ноги плохо служатъ на бѣду,
Но дѣлать нечего, велите—я иду.

[Безбородко подаетъ руку Шуваловой, за ними Чарторижскій съ до-Тарантъ, Головинъ съ Толстою, Головина садится, Растопчинъ стоитъ около въ неувѣренности].

ГОЛОВИНЪ [ведя Толстую].

Графинюшка, вы смотрите уныло?

ТОЛСТАЯ.

Глубокая тоска мнѣ давитъ грудь.

[Всѣ удаляются, кромѣ Головиной и Растопчина].

РАСТОПЧИНЪ.

Всѣ тронулись. Угодно вамъ взглянуть?

ГОЛОВИНА.

Къ чему? Мнѣ это все давно постыло.

[Изъ сада доносятся звуки музыки].

ЯВЛЕНІЕ VI.

Растопчинъ, Головина, въ концѣ **Грибовскій** и **Зубовъ.**

РАСТОПЧИНЪ.

О, какъ теперь я понимаю васъ!
Какъ я сегодня любовался вами,
Когда однѣ, окружены волками,
Спокойны подъ огнемъ зловѣщихъ глазъ,
Вы всѣхъ смутили дивной простотою.
Такъ вотъ они, притворные друзья!
Когда бъ не стыдъ, да вѣдь молился бъ я
Предъ вами, на колѣняхъ стоя!

ГОЛОВИНА.

Ну, полноте, не смѣйтесь надо мной;
Я въ мысли Зубова проникла, но не сразу,
А планъ его былъ темный и дрянной.

РАСТОПЧИНЪ.

Онъ разнесетъ вездѣ свою заразу!

ГОЛОВИНА.

Тутъ снисходительность нужна,
Ужъ такова его природа...

РАСТОПЧИНЪ.

Природа? Можетъ быть. А все-таки скверна
Сирена мужескаго рода!

ГОЛОВИНА.

Однако мнѣ ужасно тяжело;
Я, добрый другъ, собою не довольна.
Мой Николай выноситъ это зло,
Мнѣ за него обидно, горько, больно.

РАСТОПЧИНЪ.

Вы правы. Мнѣ казалось иногда,
Что даже въ немъ, къ несчастію, дурное
Вліяніе оставила среда.
Конечно, это все лишь напускное,
И тѣ, кто съ нимъ, какъ я, всего дружнѣй,
Въ безпечности его находятъ оправданье.
Но если бы судьба была умнѣй
И надѣляла всѣхъ насъ по призванью,
Навѣрно, я любилъ бы васъ нѣжнѣй!

ГОЛОВИНА [вставая].

Одумайтесь... Да это вѣдь признанье?
И въ ваше сердце заползла змѣя!
Иль уваженья больше я не стою,
И вы меня считаете пустою?
Женатый человѣкъ! У васъ уже семья.
Подумайте, легко ль утратить вѣру
Въ тѣхъ, кто мечтой вознесенъ на пьедесталъ,
Кто добродѣтели давалъ и вѣсъ и мѣру?

РАСТОПЧИНЪ [закрывая лицо руками].

О, какъ себѣ теперь я гадокъ сталъ!
И если бъ вашъ упрекъ звучалъ сурово?
Въ моемъ безуміи я, право, не пойму,
Что сдѣлалось со мной. Зачѣмъ и почему?..

Забудьте, я молю, забудьте. Дайте слово,
Что изъ ума и сердца навсегда
Вы это вырвете безъ всякаго слѣда.
Велите умереть, назначьте мнѣ мученье.
Порывистость моя виною этихъ словъ
Безумныхъ. Все я выполнить готовъ,
Чтобъ только заслужить у васъ прощенье.

ГОЛОВИНА.

Вашъ приговоръ ужъ черезчуръ суровъ,
Въ другихъ я понимаю увлеченье
И васъ, мой другъ, не стала бы казнить
За вздоръ такой, неловкость, неумѣстность...

РАСТОПЧИНЪ.

Такъ я прощенъ? Я буду снова жить?
Всего ужаснѣе была бы неизвѣстность!

[Наклоняется и горячо цѣлуетъ руку].

ГРИВОВСКІЙ [осторожно подходя и приподымая шляпу, вкрадчивымъ голосомъ].

Графиня, къ ужину позвольте васъ просить.

[Головина вздрагиваетъ; въ отдаленіи показывается Зубовъ и пристально смотритъ].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Уголъ богатой гостиной въ домѣ графа Безбородко въ Полюстровѣ. Въ глубинѣ двери: направо въ галлерею, налѣво въ залъ. Большое освѣщеніе, карточные столы. Направо на авансценѣ за ширмою канапе и кресла. Въ глубинѣ движеніе гостей, въ маскахъ и безъ масокъ. За однимъ изъ карточныхъ столовъ Безбородко и Головинъ играютъ въ пикетъ. Олечка и Розали расположились за ширмой, съ масками въ рукахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Олечка, Розали, Безбородко, Головинъ.

ОЛЕЧКА.

Съ нимъ очень просто. Посчитаюсь крупно
И не останусь никогда въ долгу.

РОЗАЛИ.

Съ твоимъ умомъ тебѣ все такъ доступно!
Никакъ налюбоваться не могу
На брошь твою съ брильянтовымъ аграфомъ,
Легко тебѣ съ твоимъ богатымъ графомъ;
Онъ всѣмъ поклонникамъ—живой примѣръ.

ОЛЕЧКА.

Я въ немъ цѣню покорность, постоянство;
Пріятнѣй былъ бы мнѣ красивый офицеръ,
Но смерть боюсь: пойдутъ игра да пьянство.
А чѣмъ же не хорошъ твой Головинъ?

РОЗАЛИ.

Какая жъ это жизнь? Позоръ одинъ!
Помилуй, задолжала всюду въ лавки,
И совѣстно казаться торгашамъ.
Сулилъ онъ мнѣ три тысчи на булавки,
А деньги выдаются по грошамъ.
Да жаль его. Не даромъ всѣ мы дуры,
Меня устроилъ бы давно банкиръ-еврей,
Да нехристь онъ, я удавлюсь скорѣй!..
Ужъ мнѣ Грибовскій началъ строить куры.

ОЛЕЧКА.

Ну, для тебя такой поклонникъ простъ.

РОЗАЛИ.

Не говори. Теперь онъ входитъ въ ростъ
И, еслибъ только я была кокеткой...

ОЛЕЧКА.

Онъ къ намъ теперь бываетъ очень рѣдко.

РОЗАЛИ.

Сегодня будетъ, прямо такъ сказалъ:
«Въ обѣдъ не попаду, а прикачу на балъ».
Боюсь, чтобъ онъ не сталъ моимъ кумиромъ!

ОЛЕЧКА.

Что Өедя твой?

РОЗАЛИ.

Растетъ не по годамъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Растопчинъ, за нимъ **Сутерланъ.**

РАСТОПЧИНЪ [подходя къ Розали].

Вы здѣсь? А я искалъ васъ по садамъ,
Чтобъ познакомили меня съ банкиромъ.

РОЗАЛИ [оглядываясь].

Онъ тутъ порхаетъ между балеринъ
И прячется отъ насъ за эти ширмы,
Раскрашенъ и разряженъ, какъ павлинъ.

[Отыскавъ Сутерлана и подводя къ Растопчину].

Самъ Сутерланъ, глава извѣстной фирмы,
Пріятель мой: полковникъ Растопчинъ!

[Отходятъ съ Олечкой къ карточному столу, становятся за Безбородко и Головинымъ].

СУТЕРЛАНЪ.

Я очень счастливъ, мнѣ весьма пріятно.

РАСТОПЧИНЪ.

Навѣрно, васъ предупредилъ мой другъ
О важномъ дѣлѣ?

СУТЕРЛАНЪ.

О, мнѣ все понятно!
Я все обдумалъ, но нельзя же вдругъ.
Подумайте, легко ли: полъ-мильона?!

РАСТОПЧИНЪ.

Но вы имѣете достаточно порукъ?

СУТЕРЛАНЪ.

Что въ нихъ? Лишь та высокая персона...

РАСТОПЧИНЪ.

Мое имѣніе, имѣнія жены,
Семья Голицыныхъ, а съ ней Головины...

СУТЕРЛАНЪ.

Графъ Головинъ и такъ мнѣ долженъ много,
А тамъ еще что будетъ впереди!
А государыня? Лишь слухъ до ней дойди,
Она со мной поступитъ очень строго
И удалитъ, пожалуй, изъ столицъ?
Для цесаревича заемъ, конечно, мелкій...

РАСТОПЧИНЪ.

Вы знаете, что въ денежныя сдѣлки
Нельзя замѣшивать такихъ высокихъ лицъ.

СУТЕРЛАНЪ.

Не надо подписи, но ласковое слово
Цѣннѣе золота бываетъ иногда.

Съ моей душой, служить всегда готовой,
Вѣдь, честь дороже денегъ, господа!

РАСТОПЧИНЪ.

Но въ общемъ вамъ подходятъ ли условья?
Повѣрьте, васъ не позабудетъ онъ.

СУТЕРЛАНЪ.

Къ такимъ дѣламъ я отношусь съ любовью,
Но.... ежели онъ не взойдетъ на тронъ?

РАСТОПЧИНЪ.

Такихъ примѣровъ не было въ Россіи...

СУТЕРЛАНЪ.

Однако же царевичъ Алексѣй?

РАСТОПЧИНЪ.

Что съ вами? Предъ лицемъ Европы всей?
Объ этомъ ужъ заботятся другіе,
Я честью вамъ ручаюсь...

СУТЕРЛАНЪ.

О, тогда!
Я вѣрю, что взойдетъ его звѣзда.
Царевичу я преданъ непритворно,
Служить ему готовъ не я одинъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Чтобъ кончить все, ко мнѣ прошу покорно,
Вы, говорятъ, большой знатокъ картинъ?

СУТЕРЛАНЪ.

О, да, вполнѣ. Въ картинахъ толкъ я знаю
Не менѣе, чѣмъ въ женской красотѣ.
Вѣдь тиціанову я отыскалъ Данаю?
Въ тѣни завѣсъ, въ роскошной наготѣ
Любуется дождемъ изъ золота надъ нею,
Съ восточной нѣгою, разлитой по лицу!
Когда я прохожу случайно по дворцу,
То передъ этою картиной столбенѣю.
Да, золото великій талисманъ!
Не старится, хотя и потускнѣетъ.

РАСТОПЧИНЪ [трепля его по плечу].

Цѣнить его никто не разумѣетъ,
Какъ нашъ банкиръ придворный Сутерланъ!

СУТЕРЛАНЪ.

Повѣрьте, я готовъ служить изъ чести...

РАСТОПЧИНЪ.

Такъ кончимъ все до пятаго числа?
Насъ не должны здѣсь долго видѣть вмѣстѣ,
До скораго свиданья.

[Подходитъ къ Безбородко, Сутерланъ исчезаетъ].

Какъ дѣла?

БЕЗБОРОДКО.

Да скверно, безъ тебя тутъ безпорядки,
Я восемь насчитать могу едва.

ГОЛОВИНЪ [открывая свои карты].

Шесть и шестнадцать, двадцать два.
Четырнадцать валетовъ, три десятки,
Вы ходите, беру подъ рядъ всѣ взятки,
Съ капотомъ, съ лэзою сто тридцать пять.

БЕЗБОРОДКО.

Безжалостно. Я проигралъ опять!
Въ противность правилу, ему во всемъ удача, —
Не правъ ли я, скажите, Розали,—
И въ картахъ и въ любви?

ГОЛОВИНЪ.

Графъ, ваша сдача.

БЕЗБОРОДКО.

Да ужъ окончены всѣ наши короли,
Всѣ вами взяты, проигралъ злодѣю,
Пожалуй, съ тысячу?

ГОЛОВИНЪ [подсчитывая].

Нѣтъ, цѣлыхъ двѣ имѣю.

РОЗАЛИ.

Ну, Николай, ты нынче молодецъ,
Я скоро ждать начну твои подарки.

ОЛЕЧКА.

А я все жду, настанетъ ли конецъ.

БЕЗБОРОДКО [разсчитываясь].

Не время ли за плясъ, мои сударки?

ОЛЕЧКА.

Мы графа ждемъ, всѣ наши гости въ паркѣ,
Съ обѣда не успѣли отдохнуть.

РАСТОПЧИНЪ.

Лѣниво собираются танцоры,
А, кажется, здѣсь царство Терпсихоры,
И къ радостямъ любви свободный путь?

БЕЗБОРОДКО [принимаясь за пасьянсъ, Головину].

Вы часто ль, графъ, видаете Толстого?

ГОЛОВИНЪ.

Встрѣчаемся по службѣ что ни день,
Но ѣздить къ намъ онъ пересталъ безъ зова.
Все некогда; вѣрнѣй всего, что лѣнь.
Мы встарину съ нимъ были очень дружны,
Да, видно, нынѣ ужъ не слишкомъ нужны,
А тутъ бѣда стряслась съ его женой,
Кому жъ такіе случаи пріятны?
Онъ человѣкъ властительный и знатный,
Не хочетъ въ роли быть смѣшной.
Бѣдняжка, возится съ своимъ кумиромъ,
Хоть образумиться давно бы ей пора.
Не разъ я говорилъ: какого ждать добра
Въ союзѣ граціи съ такимъ сатиромъ?

БЕЗБОРОДКО [къ Розали].

Съ кѣмъ танцы вы начнете, Розали?

РОЗАЛИ.

Съ Грибовскимъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Съ этимъ выходцемъ изъ ада?
Удачнѣе вы выбрать не могли.

БЕЗБОРОДКО [взглядывая на выходящія изъ галлереи пары].

Не холодно ль, что всѣ бѣгутъ изъ сада?

ОЛЕЧКА.

Нѣтъ, видно, гаснуть начали огни.

РОЗАЛИ [отводя Головина].

Мнѣ говорить съ тобой сегодня надо.

ГОЛОВИНЪ.

Не мѣсто здѣсь совсѣмъ для болтовни.

РОЗАЛИ.

Болтать съ тобой ужъ миновало время,
И долго ждать, чтобъ были мы одни.
Я знаю ваше вѣтреное племя,
Искусниковъ вездѣ срывать цвѣты,
Разыгрывать вздыхателей для виду,
Но отъ меня не отвертишься ты:
Я не изъ тѣхъ, чтобъ дать себя въ обиду.

ГОЛОВИНЪ.

Да что ты? Въ каждомъ дѣйствіи простомъ
Ты видишь только сторону дурную.
Вѣдь, я тебя напрасно не ревную?

РОЗАЛИ.

Ну, это мы увидимъ все потомъ.
Когда такимъ родишься безсердечнымъ,
Всегда во всемъ съ другими будешь правъ.

[Розали отходитъ къ дверямъ, ведущимъ въ галлерею, откуда постепенно выходятъ, проходя въ залъ, гости. Головинъ уводитъ туда же подъ руку Олечку].

ЯВЛЕНІЕ II.

Безбородко, Растопчинъ, вдали **Розали.**

БЕЗБОРОДКО [взглянувъ вслѣдъ удаляющемуся Головину].

У друга твоего веселый нравъ,
Всегда готовъ водиться съ первымъ встрѣчнымъ,
Есть слухъ, не прочь чужихъ морочить женъ,
Знать, подъ звѣздой счастливою рожденъ,
Я не видалъ его иначе, какъ безпечнымъ?

РАСТОПЧИНЪ.

Нѣтъ, жизнь его теперь не весела,
Съ графинею у нихъ идетъ не гладко,
Безпечностью, отсутствіемъ порядка
Изрядно поразстроилъ онъ дѣла,
А послѣ царскосельской серенады
Клевреты Зубова ведутъ подъ нихъ подкопъ
Съ большою хитростью, не вѣдая пощады,
Того гляди, спровадятъ живо въ гробъ!

БЕЗБОРОДКО.

Ужъ будто онъ такъ мстителенъ и злобенъ?
Я, право, не могу его постичь.

РАСТОПЧИНЪ.

А ясно, кажется: онъ просто божій бичъ.
Не даромъ онъ лукавъ, женоподобенъ,
Съ улыбочкою томной на устахъ.
Извѣстно, что опаснѣйшія свойства
Скрываются всегда въ такихъ чертахъ.
Откуда же всѣ наши неустройства?
Не диво ли, что этотъ пустозвонъ
Ужъ мнитъ себя великимъ человѣкомъ,
И тѣнь Потемкина ему смущаетъ сонъ.

БЕЗБОРОДКО [со вздохомъ].

Ахъ, не ровняй съ тѣмъ невозвратнымъ вѣкомъ,
Не поминай о славной той порѣ!

РАСТОПЧИНЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ стянулъ къ себѣ всѣ нити,
Способностямъ нѣтъ хода при дворѣ,
Всѣ загнаны. Державина возьмите,
Онъ не одинъ, ему подобныхъ тьма.

БЕЗБОРОДКО.

Въ немъ, правда, даръ великій стихотворства,
Но человѣкъ тяжелаго ума
И въ нравѣ непріятное упорство.

РАСТОПЧИНЪ.

А Трощинскій? Чего жъ еще умнѣй?
Подумаешь, теперь Грибовскій сила!
Тутъ вашъ грѣшокъ: вѣдь, этотъ змѣй
Съ улыбкой ангела, съ душою алгвазила...

БЕЗБОРОДКО.

То правда, вскормленъ на груди моей.

РАСТОПЧИНЪ.

Но милостей онъ прежнихъ ужъ не цѣнитъ,
Хоть вышелъ въ люди, вамъ благодаря.

БЕЗБОРОДКО.

Разборчивѣй бери секретаря,
Почти всегда предастъ или измѣнитъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Всѣмъ видны Зубова великія дѣла:
Вездѣ растлѣніе, повсюду бездна зла,
И я исходъ предчувствую печальный.

БЕЗБОРОДКО.

Что дѣлать, братъ? Ихъ сила верхъ взяла,
Онъ человѣкъ универсальный!

РАСТОПЧИНЪ.

Обидно то, что въ этакихъ рукахъ
Главнѣйшіе дѣла и интересы,

Что вы сторонитесь, а разные повѣсы
Плывутъ на полныхъ парусахъ
И тѣшатся своей мишурной славой,
И все глядитъ изъ ихъ нечистыхъ рукъ,
Что съ ними даже старшій царскій внукъ,
И Чарторижскіе со всей своей оравой,
Весь юный дворъ за ними по слѣдамъ...

БЕЗБОРОДКО.

При молодомъ дворѣ вашъ князь Адамъ
Соперникъ Зубова.

РАСТОПЧИНЪ.

Ну, это слишкомъ смѣло!

БЕЗБОРОДКО.

Ихъ самомнѣнью нынче нѣтъ предѣла.
[Бросая карты, встаетъ, беретъ Растопчина за руку].
Все это мнѣ сносить не по годамъ,
Душа измучилась, и сердце наболѣло!
Повѣришь ли, одной живу мечтой:
Устроивши Густава бракъ съ царевной
И миру сѣвера могучій давъ устой,
Преграду положить опасности вседневной;
Затѣмъ ужъ навсегда съ житейской суетой
Разстаться и въ Москву...

РАСТОПЧИНЪ.

Да это святотатство!
Тогда во всемъ восторжествуетъ зло!
А власть, почетъ, вліянье и богатство?

БЕЗБОРОДКО.

Я не искалъ, оно само пришло.
Копить богатствъ мнѣ нѣтъ причины,
Богатство хорошо, какъ рама для картины;
Но если съ рамою возиться цѣлый вѣкъ,
То въ этомъ главное погибнетъ—человѣкъ.
Повѣрь, я говорю безъ всякаго расчета,
Не надо власти мнѣ, вліянья и почета,
Жаль государыню, не жалко должностей...

РАСТОПЧИНЪ.

Дивлюсь я вамъ! Сейчасъ, пройдя по заламъ,
Я наблюдалъ смѣшеніе гостей:
Подьячіе тутъ рядомъ съ генераломъ,
Банкиръ голландскій съ гвардіи капраломъ,
Охота вамъ возиться съ мелкотой?

БЕЗБОРОДКО.

Я не смотрю на то, кто знатенъ,
Чей полонъ, чей кошель пустой,
По мнѣ, лишь былъ бы нравъ пріятенъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Но въ женщинахъ, конечно, съ красотой?

БЕЗБОРОДКО.

Предъ свѣтомъ я не надѣвалъ личины,
Кто безъ грѣха? [Увидя входящаго изъ галлереи Грибовскаго].
А, дорогой землякъ!
Спасибо, что мои припомнилъ именины,
Не часто видимся, какія бы причины?
Ужъ я раздумывалъ и такъ и сякъ...

[Растопчинъ, косо взглянувъ на Грибовскаго, удаляется въ залъ].

ЯВЛЕНІЕ III.

Безбородко, Грибовскій, Розали.

ГРИБОВСКІЙ.

Вы, графъ, ко мнѣ немилостивы стали,
Таитесь отъ прежняго слуги,
Все наговоръ одинъ, повѣрьте, все враги.

БЕЗБОРОДКО.

О милостяхъ ты говоришь спроста ли?
Нѣтъ, не привыкъ я дѣйствовать тайкомъ,
Какія отъ тебя быть могутъ тайны?
Мы вспоены однимъ съ тобою молокомъ,
Чего намъ чваниться? Мы оба изъ Украйны.
Какая въ милостяхъ моихъ тебѣ нужда?
Ты скоро станешь самъ вельможей.

ГРИВОВСКІЙ.

Довѣрье ваше мнѣ всего дороже,
И сохранить его желалъ бы я всегда...

БЕЗБОРОДКО.

Ты облеченъ довѣріемъ царицы,
Я въ исполнителя простого обращенъ,
Такихъ, какъ я, отнынѣ легіонъ;
Тебѣ подобныхъ—развѣ единицы?
Лѣнивцемъ вы прославили меня,
И не гоняюсь я, ты знаешь, за дѣлами,
Уже давно я дожидаюсь дня,
Чтобы порхнуть свободными крылами
И съ беззаботностью о славѣ, о молвѣ
Спокойно дни мои оканчивать въ Москвѣ.

ГРИВОВСКІЙ.

Нѣтъ, никогда я не былъ лицемѣромъ
И, какъ учителю, отвѣчу напрямикъ,
Что если я чего нибудь достигъ,
Лишь оттого, что васъ имѣлъ примѣромъ.
Мы преклоняемся предъ вами, вѣрьте, графъ!

[Изъ зала раздаются звуки менуэта; Розали, стоявшая поодаль въ нетерпѣніи, быстро подходитъ къ Безбородко].

РОЗАЛИ.

Позвольте завладѣть любезнымъ кавалеромъ?

БЕЗБОРОДКО.

Я уступаю силѣ вашихъ правъ,
Склоняясь предъ звѣздой балетной...

[Грибовскій увлекаетъ Розали, надѣвающую маску; игроки окружаютъ Безбородко и вмѣстѣ съ нимъ отходятъ къ дверямъ смотрѣть на танцы. Изъ галлереи осторожно входятъ графини Шувалова и Головина, обѣ въ домино и въ маскахъ; немного погодя, за ними крадется Сутерландъ].

ЯВЛЕНІЕ IV.

Шувалова, Головина, въ отдаленіи **Сутерланъ.**

ШУВАЛОВА.

Вотъ видишь, я была вполнѣ права,
Что мы пройдемъ повсюду незамѣтно.

ГОЛОВИНА.

Въ груди стучитъ, мутится голова,
Въ глазахъ мелькаютъ огненные круги...
Я на ногахъ держусь едва-едва,
Какъ будто въ лихорадочномъ недугѣ...

ШУВАЛОВА.

Ты овладѣть собой теперь должна,
Ничто не достигается безъ риска.

ГОЛОВИНА.

Какая цѣпь тревогъ и мукъ нужна,
Чтобъ чувствами такъ опуститься низко,
Чтобъ всѣмъ завѣтнымъ пренебречь заразъ?
Напрасно я противилась упорно,
Чтобъ нынѣ, подчиняясь такъ покорно,
Воочію увидѣть безъ прикрасъ
Свое несчастіе?

ШУВАЛОВА.

Да, счастье хрупко,
Надъ нимъ всегда виситъ дамокловъ мечъ,
Но надобно изъ каждаго поступка
Умѣть одно полезное извлечь.
Вотъ табуретъ. Привстань, гляди все прямо,
И наблюдать и видѣть—здѣсь просторъ,
Вотъ, рядомъ съ Николаемъ, эта дама,
Съ которой онъ вступаетъ въ разговоръ,
Здѣсь за хозяйку съ нѣкоторыхъ поръ.
Какая грація и роскошь туалета!
А вотъ съ Грибовскимъ рядомъ—Розали.

ГОЛОВИНА.

Откуда жъ вы узнать ихъ такъ могли?

ШУВАЛОВА.

Да это все танцорки изъ балета,
Весь городъ къ нимъ привыкъ уже давно;
Ихъ прошлое покрыто часто мракомъ,
Но многія ведутъ себя умно
И съ знатными людьми кончаютъ бракомъ.

ГОЛОВИНА.

Пороками себя ронястъ знать.

ШУВАЛОВА.

Къ несчастью, да. Твое сужденье вѣрно,
Но только строгостью чрезмѣрной
Изъ общества нельзя порокъ изгнать.
Да и къ чему? Всѣ эти пѣсни стары!

СУТЕРЛАНЪ [осторожно приближаясь къ Шуваловой].

Переступивъ сейчасъ черезъ порогъ,
Почувствовавъ таинственныя чары,
Я одолѣть волненія не могъ

[Головина отходитъ, волнуется]

И приближаюсь съ трепетомъ понятнымъ:
Съ предчувствіемъ спѣша на маскарадъ,
Не обманулся я, и былъ бы радъ
Вамъ сдѣлаться хоть чѣмъ нибудь пріятнымъ:
Оказывать услуги—мой завѣтъ!

ШУВАЛОВА.

Ступайте прочь! Къ чему всѣ эти сказки?

СУТЕРЛАНЪ.

Не брезгайте, плѣнительныя маски.
Желающимъ проникнуть въ нашъ балетъ
Я—вѣрный путь, со мной успѣхъ и слава.
Не правда ли, я сразу понялъ васъ:
Для графа здѣсь готовится забава [указывая на Головину].
Подъ этой маской—дорогой алмазъ?
Жаль, что старикъ измѣнчиваго нрава
И сердцемъ преждевременно угасъ!
Вамъ скажутъ всѣ, кто знаетъ Безбородко.

И, если я рѣшаюсь вамъ помочь,
Чтобъ отъ него избавить вашу дочь.
Мы съ нимъ издавна на ногѣ короткой,
Онъ такъ и говоритъ мнѣ: «милый другъ».
Мы—ветераны.

ШУВАЛОВА.

Это все прекрасно,
Но насъ прошу избавить отъ услугъ!

СУТЕРЛАНЪ.

Вы избѣгаете меня совсѣмъ напрасно.

ШУВАЛОВА.

Я вижу, вы ужаснѣйшій нахалъ.

СУТЕРЛАНЪ.

Что жъ изъ того? Здѣсь не придворный балъ.
Я въ обществѣ веду иныя рѣчи.
Здѣсь веселятся всѣ—и младъ, и старъ,
Здѣсь не скрываютъ ногъ и обнажаютъ плечи
А красота, невинность—здѣсь товаръ.

ГОЛОВИНА [тихо Шуваловой].

Отъ этого рѣшительнаго плута
Нельзя ли будетъ отвязаться намъ?
Я мучаюсь, гляжу по сторонамъ,
Мнѣ дорога здѣсь каждая минута. [Отходитъ].

СУТЕРЛАНЪ.

Повѣрьте, если бъ я назвался вамъ,
Вы на меня взглянули бы иначе,
Такихъ, какъ я, въ Россіи только два,
И оба здѣсь теперь на этой дачѣ,
Пусть у него сильнѣе голова,
Зато ужъ я, навѣрное, богаче...

ШУВАЛОВА.

Вы съ этого бы начали давно,
Все остальное—лишняя тирада,
Намъ душно здѣсь...

СУТЕРЛАНЪ [дѣлая быстрое движеніе].

Я отворю окно?

ШУВАЛОВА [останавливая].

Нѣтъ, вотъ что: два стакана лимонада
И ждите насъ въ ротондѣ угловой.
Я вижу, вы мужчина съ головой,
Мы выйдемъ вмѣстѣ всѣ калиткой сада.

СУТЕРЛАНЪ.

Лечу, лечу, какъ лань неуловимъ!
За ужиномъ возьму осадой Трою,
А тамъ, быть можетъ, имъ открою
Мой маскерадный псевдонимъ!

[Быстро удаляется въ галлерею].

ШУВАЛОВА.

Ну, Сутерланъ, потѣшусь я надъ нимъ,
Хорошъ банкиръ, любитель маскерадовъ!

ГОЛОВИНА.

Какъ можно въ домъ пускать подобныхъ гадовъ?
Противный, невозможный господинъ.
Я вынесла ужаснѣйшую муку!
Вотъ танцы кончились, и Растопчинъ
Приблизился и взялъ его подъ руку,
Уйдемъ скорѣй!

ШУВАЛОВА [удерживая ее].

Нѣтъ, лучше подождемъ.

[Отводитъ ее и усаживаетъ за ширмы, музыка утихаетъ].

Терпѣніе, и соберися съ духомъ,
Чтобъ рѣчи ихъ усвоить чуткимъ слухомъ,
Когда они появятся вдвоемъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Растопчинъ и Головинъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Не сравнивай меня со здѣшней знатью,
Не говори, что я чрезмѣрно строгъ.
Не мудрено. Вѣдь, мы съ тобой, какъ братья!

Ты добръ, но вѣтренъ, это не порокъ,
Но изрѣдка теряешь чувство мѣры,
Не сознаешь или не видишь зла.
Неужто эта жизнь тебѣ мила,
И вырваться изъ душной атмосферы
Въ тебѣ самомъ желанья вовсе нѣтъ?
Иль эти узы такъ нерасторжимы,
Что ты уже не въ силахъ видѣть вредъ
Своей семьѣ, всечасно наносимый?
Скажи, зачѣмъ—вѣдь, ты себѣ не врагъ—
Забросилъ ты семейный свой очагъ?

ГОЛОВИНЪ.

Я слушаю спокойно, терпѣливо,
Такъ говорить причина быть должна?
Неужто Варенька? Возможно ль, чтобъ она
Съ душой чувствительной, самолюбивой
Въ свои завѣтныя, семейныя дѣла
Такъ близко посвятить тебя могла?

РАСТОПЧИНЪ.

Ну, вотъ еще. Мнѣ, право, видѣть больно,
Какъ ты превратно понялъ рѣчь мою.
Вѣдь за тебя и за твою семью
Я сердцемъ сокрушаюся невольно.
Къ чему винить другихъ? Вѣдь ты
Не вѣришь самъ и вѣдаешь отлично,
Что нѣтъ такой душевной чистоты,
Какъ у нея, любви столь безграничной,
Которой ты пренебрегалъ давно!
Бываютъ слезы, иногда не зримы,
Но чувствовать ихъ сердцемъ намъ дано!

ГОЛОВИНЪ.

Да это слезы женщины любимой!
Спасибо за признанье, вѣрный другъ.
Вотъ ты всегда такой нетерпѣливый...
Не такъ ужъ я чрезмѣрно близорукъ,
Но хорошо, что мужъ я не ревнивый,
Да Вареньку мнѣ ревновать грѣшно,
Къ тебѣ же ревновать—совсѣмъ нелѣпо,
И вѣрю ей я безгранично, слѣпо.
Признаться, даже мнѣ порой смѣшно,
Насколько чужды ей всѣ эти бредни.

Не важенъ, правда, бытъ семейный мой,
Но самъ, вѣдь, ты мнѣ сказывалъ намедни,
Что Варенька въ дому окружена чумой.
Не это ль, самъ суди, всему причиной?
Когда бы ни вернулся я домой,
Ихъ общество всегда у насъ въ гостиной.
Пригрѣли мы княгиню де-Тарантъ,
Съ ней наползли аббаты и маркизы,
И всѣ хозяева, у всѣхъ свои капризы,
Что день, то новый эмигрантъ.
Могу ли я всегда, не лицемѣря,
Выслушивать ихъ однотонный вздоръ,
Ихъ розсказни о превосходствѣ въ вѣрѣ,
О варварствѣ Россіи вѣчный споръ?

РАСТОПЧИНЪ.

Но согласись, что это лишь забавно,
Что собственно худого въ этомъ нѣтъ:
Все это, наконецъ, явилось такъ недавно,
А связь твоя ужъ длится много лѣтъ?
И если бы ты счастливъ былъ безмѣрно?
Нисколько! Расшатавъ семейный строй,
Ты съ Розою дѣла ведешь прескверно
И чаще вечера проводишь за игрой.
Могу ли я спокойными глазами
Смотрѣть, какъ другъ, въ глаза твоей женѣ
И чувствовать, что втайнѣ, въ тишинѣ,
Они полны смущеньемъ и слезами?
Нерѣдко ты небреженъ и жестокъ.
Вотъ Царское. Она, съ душою кроткой,
Дастъ временщику такой урокъ,
И что въ тебѣ встрѣчаетъ? Лишь упрекъ,
Да кѣмъ еще прикрытый? Злою теткой!

ГОЛОВИНЪ.

Ну, въ этомъ я вполнѣ неуязвимъ,
И оправдаться мнѣ совсѣмъ не трудно:
Шувалова вертѣть умѣетъ имъ,
А съ Зубовымъ бороться безразсудно.
Онъ для нея все прежній херувимъ.
[Шувалова нервно встаетъ, Головина ее удерживаетъ].
По-старому, онъ дорогъ ей и нынѣ,
Онъ цѣли съ ней, какъ съ многими, достигъ,
И за одинъ минувшій счастья мигъ
Онъ ею властвуетъ, какъ вѣрною рабыней...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Розали [подкрадываясь изъ зала].

РОЗАЛИ.

Насталъ же наконецъ и мой чередъ...

РАСТОПЧИНЪ.

Я удалюсь?

РОЗАЛИ.

Зачѣмъ? Вы самый близкій
И знать должны, что на себя беретъ
Вотъ этотъ человѣкъ и злой, и низкій...

ГОЛОВИНЪ.

Да что жъ это? Откуда эта прыть?

РОЗАЛИ.

Не знаешь ты? А цѣлыя недѣли
Гдѣ пропадать изволилъ? Неужели
Ты думалъ отъ меня свои продѣлки скрыть?

ГОЛОВИНЪ.

Дворъ въ Царскомъ былъ...

РОЗАЛИ.

Но знаю я отлично,
Что въ городъ вы пріѣхали давно,
Мы днями цѣлыми сидимъ, глядимъ въ окно,
Сосѣдей совѣстно, предъ ними неприлично!
А Ѳедя ждетъ обѣщанныхъ солдатъ,
И если ужъ со мной тебѣ немило,
То, вѣдь, сынокъ ни въ чемъ не виноватъ.

ГОЛОВИНЪ.

Здоровъ ли онъ?

РОЗАЛИ.

Хранимъ небесной силой,
Играетъ, рѣзвится нашъ милый голубокъ,
Что утро—крестному готовитъ онъ стишокъ,
Въ саду, когда хорошая погода.
Пріѣхалъ бы? А то глядишь все въ лѣсъ...

ГОЛОВИНЪ.

Ахъ, Розочка, пришла къ намъ эта мода,
Чтобъ знатнымъ людямъ содержать метресъ,
И вотъ съ тобой я въ эту петлю влѣзъ!

РОЗАЛИ.

А счастливъ былъ вотъ ужъ четыре года?..

ГОЛОВИНЪ.

Не стану врать, случалось иногда.
Хоть постоянство мнѣ совсѣмъ не сродно,
А все жъ я дѣлалъ, что тебѣ угодно.
Я тотъ же все; но, вѣдь, идутъ года,
Тамъ служба, тамъ дѣла, —заботъ немало!
По совѣсти скажи, для счастья полноты
Чего еще тебѣ не доставало?
Заботы всѣ и всѣ мои мечты...

РОЗАЛИ.

Отмѣнная твоя о насъ забота!
Смотрѣла я на домъ у Козьяго болота,
Сквернѣе дома нѣтъ на Малой Мастерской:
Въ одинъ этажъ и о пяти окошкахъ,
Какая-то изба на курьихъ ножкахъ,
Не стану жить я въ гадости такой!
Все гнило тамъ и на дворѣ такъ мерзко.
Не то у Олечки: на солнцѣ, въ Офицерской,
Три полныхъ этажа, четвертый антресоль,
Вотъ домъ, ты мнѣ такой купить изволь,
Чтобъ не глядѣла я покинутой сироткой...

ГОЛОВИНЪ.

Ахъ, милая, и тутъ не безъ причинъ,
Вѣдь у нея кошель глубокій—Безбородко;
Онъ старый холостякъ, я—семьянинъ.

РОЗАЛИ.

Намъ до семьи твоей какое жъ дѣло?
Вѣдь не съ семьею ты годъ цѣлый
Выманивалъ меня изъ-за кулисъ,
Пока совсѣмъ на шеѣ не повисъ?

ГОЛОВИНЪ.

Чертеночекъ, какъ все въ тебѣ красиво,
Попрежнему ты дьявольски мила,
Стройна и граціозна—и не диво,
Что такъ меня приворожить могла.
Люблю тебя за то, что не спесива;
Свести съ ума могли бы хоть кого

[обнимая]

Вотъ этой шейки нѣжные изгибы...
Дай ручку мнѣ!...

РОЗАЛИ.

Не стоишь ты того,
Вотъ кончикъ пальца.

ГОЛОВИНЪ [цѣлуя ее въ шею].

Мы съ тобой могли бы
Быть счастливы до завтрашняго дня?...
Поѣдемъ? Здѣсь карета у меня...

ГОЛОВИНА [падая на канапе и хватаясь за сердце].

Нѣтъ больше силъ страдать, терпѣть. Довольно!

[Графиня Шувалова третъ ей виски, всѣ озираются].

ГОЛОВИНЪ.

Что это тамъ?

РОЗАЛИ.

Навѣрно, западня,
Съ тобою до грѣха дойдешь невольно.

[Исчезаетъ, музыка и танцы возобновляются. Растопчинъ, заглянувъ за ширму, быстро отступаетъ].

ГОЛОВИНЪ.

Да что же тамъ?

РАСТОПЧИНЪ.

Не безпокой, уйдемъ,
Подъ маской неизвѣстныя двѣ дамы...

ГОЛОВИНЪ [отстраняя его].

Ну, нѣтъ, позволь, я человѣкъ упрямый
И наглость не терплю. Хорошъ пріемъ!

Хотя бъ онѣ принадлежали къ свѣту,
Подслушивать интимный разговоръ?

РАСТОПЧИНЪ.

Ты общее вниманье обратишь...

ГОЛОВИНЪ [прорываясь за ширмы].

Все вздоръ!
Да это Варенька! Я вижу по браслету.
Возможно ли? Ей дурно! Растопчинъ,
Какъ быть теперь? Предательство такое!

ШУВАЛОВА [стараясь измѣнить голосъ].

Нельзя ли вамъ оставить насъ въ покоѣ.
Какая нынче наглость у мужчинъ!

ГОЛОВИНЪ.

Здѣсь? Съ тетушкой? Совсѣмъ непостижимо!

ГОЛОВИНА.

Оставь же насъ. Прошу тебя, уйди,
Мнѣ слышать голосъ твой невыносимо.

ГОЛОВИНЪ.

Куда-жъ уйти? Съ отчаяньемъ въ груди,
Съ истерзанной душой, съ такимъ позоромъ?
Нѣтъ, я люблю тебя! Нѣтъ, ты добра,
Не гнѣвомъ, праведнымъ твоимъ укоромъ
Я побѣжденъ, свалилась съ плечъ гора!
Окончены преступные обманы,
Я понялъ весь ихъ ужасъ и позоръ,
Я чувствую, какъ тяжки эти раны!
Забудь же ихъ! склони ко мнѣ твой взоръ!

[На колѣняхъ].

Прости меня! Да, сердцу слишкомъ жутко
Томиться ложью. Только пожелай,—
И я спасенъ.

ГОЛОВИНА [вставая съ усиліемъ, съ отброшенной маской].

Довольно, Николай,
Ужъ слишкомъ долго длится эта шутка,
И тетушкѣ не видно въ ней конца!

[Къ Шуваловой].

Боюсь, не приняли-бъ вы наши разговоры
За явное начало крупной ссоры
И не сочли его въ душѣ за наглеца?

[Къ Растопчину].

Вамъ, добрый другъ, я очень благодарна,
Что сцену разыграть намъ помогли.
А эта милая дѣвица Розали?
Жаль, что она ужъ черезчуръ вульгарно
Нелегкую свою сыграла роль....

ГОЛОВИНЪ.

Молю тебя, прости.

ГОЛОВИНА [тѣмъ же тономъ].

Ты оттѣнилъ искусно,
Что вышло-бъ у другого слишкомъ гнусно
И пошло, и банально. Мудрено-ль,
Что и артисты славные порою
Не трогаютъ сердецъ своей игрою?
А ты съ достоинствомъ и такъ умно
Выдерживалъ различныя нападки.

ГОЛОВИНЪ [тихо ей].

Повѣрь, я сознаю уже давно,
Какъ всѣ мои поступки были гадки.

ШУВАЛОВА [Головиной].

Ты насъ, мой другъ, напрасно не морочь!
Уѣдемъ поскорѣй отсюда прочь.
Тебѣ самой, вѣдь, послѣ будетъ хуже.

ГОЛОВИНА.

Нѣтъ, тетушка, простите нашъ обманъ.
У насъ искусно былъ задуманъ планъ,
И, какъ всегда, я не ошиблась въ мужѣ.
Я рада ужъ тому, что съ этихъ поръ
О счастьѣ нашемъ вѣчная забота
У васъ исчезнетъ, и пройдетъ охота
Смущать меня, вступать со мною въ споръ.
Доказывать, что долгъ и добродѣтель
Условный, никому ненужный вздоръ.
Вотъ Растопчинъ всему живой свидѣтель!
Хоть шутка наша, можетъ быть, глупа,
Тутъ мѣста нѣтъ ни ревности, ни злобѣ.

Нѣтъ, тетенька, ужъ я не такъ слѣпа.

[Головину].

Да вотъ еще. Наемной той особѣ,
Которою такъ славится балетъ,
Прошу, отдай вотъ этотъ мой браслетъ,
Украшенный змѣиной головою,
Ея игрой заслуженный вполнѣ;
Какъ твой подарокъ, онъ не нуженъ мнѣ,
И, если я домой вернусь живою,
Не о нарядахъ думать я должна.

[Шуваловой].

Вамъ, тетушка, со мной не по дорогѣ,
И ѣхать я желала бы одна.

ШУВАЛОВА.

Подумай, ты едва волочишь ноги?

ГОЛОВИНА.

Нѣтъ, для чего-жъ вамъ дѣлать лишній кругъ?

РАСТОПЧИНЪ.

Здѣсь у меня карета съ гайдуками,
Васъ отвезутъ?

ГОЛОВИНА.

Спасибо, добрый другъ!

[Головину].

Разбита жизнь твоими же руками.
Я чашу горести всю выпила до дна;
Иди, не нарушай всеобщее веселье,
Ступай къ гостямъ, я быть хочу одна,
Одна, какъ инокиня въ кельѣ,
Съ молитвой за тебя....

[Подаетъ руку Растопчину и удаляется].

ШУВАЛОВА [Головину].

А ты хорошъ!
Своей женѣ не знаешь вовсе цѣну.
Когда бы ты вонзилъ ей въ сердце ножъ,
Она простила бы, простила бы измѣну,
Но какъ простить позорнѣйшую ложь?

[Изъ зала шумно выступаютъ танцоры, впереди всѣхъ Грибовскій съ Олечкой, и съ удивленіемъ останавливаются. Изъ галлереи появляется Сутерланъ съ двумя стаканами въ рукахъ].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Гостиная въ столичномъ домѣ Головиныхъ. Въ глубинѣ раскрытая дверь въ залъ, направо дверь въ комнаты графини, налѣво — въ комнаты графа.

ЯВЛЕНІЕ I.

Головинъ, Растопчинъ [расхаживаютъ взадъ и впередъ].

РАСТОПЧИНЪ.

Не падай духомъ. Слабостью смиренной
Вернешь ли ты любовь ея? Ничуть.
Развей въ себѣ привычку постепенно
Настойчиво желать чего нибудь.
Къ тебѣ тогда все выйдетъ на подмогу,
Отвяжешься отъ всякихъ лишнихъ путъ,
Всѣ способы незримо тутъ какъ тутъ,
И выходъ простъ на ровную дорогу.

ГОЛОВИНЪ.

Не выдержать съ характеромъ моимъ!
Измучился я въ эти три недѣли.
Мнѣ легче было у ея постели
Сидѣть всю ночь. Я былъ неутомимъ;
Но чувствовать себя какъ бы прощеннымъ
Изъ жалости, быть у себя чужимъ,
Встрѣчаясь съ подозрѣньемъ затаеннымъ?
Ума во мнѣ, настойчивости нѣтъ.

Зато у нихъ обдумано все тонко,
Съ княгинею во всемъ у ней совѣтъ,
Меня теперь трактуютъ, какъ ребенка,
И ласкова жъ она, хоть бы упрекъ!
Заботится, чтобъ не было мнѣ скучно,
Чтобъ дома не сидѣлъ я безотлучно,
Чтобъ въ гости ѣздилъ, чтобъ себя берегъ,
Ты не повѣришь, какъ все это сложно,
Какъ, наконецъ, все надоѣло мнѣ.
Голубчикъ, выручи, но осторожно,
Къ тебѣ она довѣрчива вполнѣ...

РАСТОПЧИНЪ.

Надѣюсь, мнѣ графиню видѣть можно?

ГОЛОВИНЪ.

Сегодня да. Съ вчерашняго утра
Къ намъ ѣздить перестали доктора,
Хотя они ее лѣчили скверно.
Старайся втолковать моей женѣ,
Что возвратить пора довѣрье мнѣ,
Что я вернулся къ ней не лицемѣрно,
Не для того, чтобъ все разрушить вновь.
Вѣдь ей самой не заглушить любовь
Ничѣмъ, ни этой дружбой эфемерной
Съ княгиней де-Тарантъ... Какой въ ней прокъ?
Какъ намъ отдѣлаться отъ этого нароста?
Все видитъ, все читаетъ между строкъ...

РАСТОПЧИНЪ.

Ты какъ же объяснилъ?

ГОЛОВИНЪ.

Да очень просто.
Сказалъ, что ты справлялся всякій день,
Что свидѣться тебѣ весьма пріятно.
Сперва она смутилась, точно тѣнь
Мелькнула на лицѣ. Оно понятно.
А почему? Ты это знаешь самъ...

РАСТОПЧИНЪ [задумчиво].

Я опасаюсь, что не будетъ прока...

[Изъ залы слышны дѣтскіе разговоры и возгласы].

ГОЛОВИНЪ.

Я узнаю по дѣтскимъ голосамъ
Начало музыкальнаго урока.
Ихъ строгій менторъ явится сюда.
Ехидна эта мнѣ воротитъ спину.
Смягчить ее ты можешь безъ труда,
А я благоразумно васъ покину.

[Головинъ уходитъ къ себѣ, изъ залы появляется княгиня де-Тарантъ съ книгой и съ большими очками въ рукахъ. За сценой слышна дѣтская игра на клавикордахъ, временами затихающая].

ЯВЛЕНІЕ II.

Растопчинъ, де-Тарантъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Княгиня, вашъ слуга, примите мой привѣтъ.

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Ахъ, вѣрный другъ, давно васъ здѣсь не видно.
Вотъ времена! И это высшій свѣтъ!
А онъ еще зоветъ меня ехидной!
Бываютъ же подобные мужья?
Возможны ли столь наглые обманы?
Потокъ бѣжитъ, бѣжитъ и въ наши страны,
И въ здѣшній дворъ извѣрилась ужъ я!
Здѣсь все стоитъ на хитрости и лести.
Хоть мы теперь не ѣздимъ ко двору,
Но странныя, загадочныя вѣсти
Дошли до насъ сегодня по утру.
Какой ударъ народной вашей чести!
Возможно ли? Мнѣ вѣрится съ трудомъ,
Чтобы король, при томъ женихъ влюбленный,
Такъ оскорбилъ ближайшій царскій домъ?!

РАСТОПЧИНЪ.

Къ несчастью, да. Мы были въ малой тронной,
Томительно надѣясь каждый мигъ,
Что Безбородко сломитъ духъ упорный
И короля и челяди придворной.
Онъ имъ не разъ удачно когти стригъ,
Въ искусствѣ дипломата изощренный;

Но часъ прошелъ, и онъ предсталъ смущенный
И передъ трономъ головой поникъ...
Всѣ дрогнули, смятенье вкругъ царицы,
Негодованію, казалось, нѣтъ границы,
И ясное всегда ея чело
Смертельнымъ ужасомъ на мигъ заволокло,
И слезы навернулись на рѣсницы
Княжны отвергнутой. Все ясно намъ.
Хотя никто не подавалъ и виду,
Всѣ, чувствуя жестокую обиду,
Безмолвно разбрелися по домамъ.
Такъ сговоръ этотъ кончился печально,
Звуча какой-то пѣснью погребальной....

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Единственный въ исторіи примѣръ,
Такое нарушенье этикета,
И это все изъ-за различья вѣръ!

РАСТОПЧИНЪ.

Позорно то, что онъ тянулъ все это
И къ дерзости въ послѣдній мигъ прибѣгъ.
Таковъ фанатикъ на ступеняхъ трона!...
Вы что читаете?

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Творенья Масильона.

РАСТОПЧИНЪ.

Вотъ это былъ великій человѣкъ,
Каратель всѣхъ неправдъ и лицемѣрья.

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Такихъ людей ужъ не родитъ нашъ вѣкъ,
Безумный вѣкъ свободы и безвѣрья.

РАСТОПЧИНЪ.

И въ наши дни есть вѣрныя сердца,
И вѣра ихъ въ добро несокрушима....

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Однакожъ нѣтъ ни звука изъ дворца,
И всѣ курьеры проѣзжаютъ мимо.

Признаться, я не приложу ума:
Казалось бы, при этой дружбѣ нѣжной
Великая княгиня неизбѣжно
Пришлетъ узнать иль навѣститъ сама?
Но дни идутъ, проходятъ и недѣли,
А мы, прождавъ напрасно, не имѣли
Ни отклика, ни вѣсточки простой.
Я вижу: Вареньку смущаетъ что-то,
Хоть и таитъ она съ обычной добротой...

РАСТОПЧИНЪ.

Тутъ тетушки Шуваловой работа:
Въ злословьѣ, уснащенномъ клеветой,
Въ угоду Зубову она неутомима,
Отъ нихъ весь дворъ интригой зараженъ.
Лишь вашими заботами хранима,
Подъ этой кровлей лучшая изъ женъ
Укрыта отъ навѣтовъ безопасно.

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Простите, я забыла, что васъ ждутъ,
И заставляю васъ терять напрасно
Такъ много дорогихъ для васъ минутъ.
[Направляется къ двери. Входитъ графиня Головина].
Да вотъ она, сестра моя меньшая....
[Головина и де-Тарантъ нѣжно обнимаются].

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, графиня Головина.

ГОЛОВИНА.

Зачѣмъ—сестра? Вы близки мнѣ, какъ мать....

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Теперь друзей ты можешь принимать,
Садитесь здѣсь, я вамъ не помѣшаю.
[Усадивъ Головину, отходитъ и, надѣвъ очки, принимается за чтеніе].

ГОЛОВИНА.

Не скрою, что мнѣ горько видѣть васъ,
Да, горько потому, что вамъ все ясно,

Безсиліе мое такъ полно, такъ ужасно,
Что на людей не подымала бъ глазъ,
И если бы мнѣ выборъ былъ свободный,
Не стала бъ несть я жизни тяготу.
Убожество свое и наготу
Къ чему скрывать? Вы слишкомъ благородны.
Предъ вами я, какъ жалкая раба,
Навѣки обреченная въ неволю.

РАСТОПЧИНЪ.

Простите, если я себѣ позволю
Возстать всѣмъ сердцемъ. Видно, мнѣ судьба
Все тяжкое валить себѣ на плечи.
Упадокъ силъ, мучительный недугъ,
Конечно, не могли исчезнуть вдругъ,
Особенно съ послѣдней нашей встрѣчи.
И все-таки изъ миновавшихъ бѣдъ
Вы вышли съ торжествомъ. Давно ли
Извѣдалъ я всю силу вашей воли?
Онъ слово далъ, и сдержитъ свой обѣтъ!
Не даромъ я ношу названье друга,
Незримо здѣсь, въ дни вашего недуга,
Я наблюдалъ: огромный переломъ
Въ душѣ его свершился постепенно,
Онъ вѣренъ вамъ, и вѣренъ неизмѣнно....

ГОЛОВИНА.

Вы были бы отличнѣйшимъ посломъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Онъ вовсе не способенъ лицемѣрить,
Вполнѣ готовъ вступить на путь добра.
Забыть нельзя, но извинить пора.

ГОЛОВИНА.

Я вѣрить не могу, но буду вѣрить.

РАСТОПЧИНЪ.

А съ вѣрою вернется къ вамъ покой,
Въ чистѣйшихъ радостяхъ минуютъ годы,
Забудутся бывалыя невзгоды,
Забвеніе все сниметъ, какъ рукой.
А дѣточки? Хотя бы эти звуки?

ГОЛОВИНА.

И съ ними пробуждаются во мнѣ
Лишь размышленья тяжкія и муки.

РАСТОПЧИНЪ.

Но въ будущемъ вознаградятъ вдвойнѣ.
Окружены заботой дружбы нѣжной,
Вы возродитесь къ жизни безмятежной,
Я чувствую....

ГОЛОВИНА.

Оставимъ этотъ бредъ,
Чтобъ не нажить иныхъ, горчайшихъ бѣдъ.
Вамъ все сказалъ давно вашъ умъ пытливый,
Нѣтъ, не страшитъ меня вульгарный грѣхъ,
Я не таюсь; но будьте справедливы,
Вѣдь, сердце у меня такое жъ, какъ у всѣхъ,
И слабости природныя всѣ тѣ же.
Трудна борьба, влагайте мечъ въ ножны,
Забудемъ все, но только мы должны
Встрѣчаться съ вами сколь возможно рѣже....

РАСТОПЧИНЪ [вскакивая].

За что жъ это? Жестокія слова!
Любовь моя неужли ихъ достойна?
И вы могли сказать ихъ такъ спокойно?
У старой дружбы есть свои права!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, графиня Толстая.

ТОЛСТАЯ.

Прости, что я врываюсь безъ доклада,
По старой памяти и на правахъ
Подруги вѣрной.

ГОЛОВИНА.

Только на словахъ?
Ну, Богъ съ тобой, тебя я видѣть рада,
Садись.

[Цѣлованье, привѣтствія, Растопчинъ подсаживается къ де-Тарантъ, которая непривѣтливо здоровается съ Толстой].

ТОЛСТАЯ.

Ты очень, говорятъ, больна?
Осунулась, и какъ-то впали щеки.
Повѣрь мнѣ, еслибъ я была вольна,
Не стала бы ты дѣлать мнѣ упреки,
Безъ устали у твоего одра
Сидѣла бы я ночи до утра,
Забывши о своей печальной долѣ...

ГОЛОВИНА.

Всегда тебѣ моя открыта дверь,
И навѣщать меня въ твоей же волѣ.

ТОЛСТАЯ.

Въ былыя времена, но не теперь.

ГОЛОВИНА.

Что жъ вызвало такую перемѣну?

ТОЛСТАЯ.

А мужъ? Представь ужаснѣйшую сцену:
Сжавъ кулаки, разсвирѣпѣвъ, какъ звѣрь,
Корилъ мое распутство и измѣну.
Отгородилъ меня отъ васъ стѣной,
Ревнивой злостью самъ себя настроивъ,
Онъ не гнушается и бранью площадной,
Ужъ дѣло доходило до побоевъ,
И вотъ теперь рѣшилась я бѣжать...

ГОЛОВИНА.

Бѣжать?

ТОЛСТАЯ.

Смѣешься ты? Нѣтъ, кромѣ шутокъ,
Пришла въ послѣдній разъ тебя прижать
Къ груди, расцѣловать твоихъ малютокъ.

ГОЛОВИНА.

Коль правда, то моихъ не трогай дочерей.
Къ чему смущать? Пусть учатся покойно.

ТОЛСТАЯ (вставая).

Я знаю, что въ твоихъ глазахъ я не достойна.
Но дай взглянуть на нихъ изъ-за дверей.

(Возвращаясь послѣ минутнаго раздумья у дверей въ залъ).

Подумаешь, какъ въ свѣтѣ все условно.
Еще вчера казалась жизнь моя
Завидной всѣмъ, блаженная семья!
И вдругъ теперь все кинуть хладнокровно?
Но дѣлать нечего—такъ суждено.
Меня смущаетъ въ этомъ лишь одно:
Мой мужъ кричитъ, что ты во всемъ виновна.

ГОЛОВИНА.

Какъ? На меня валить твою вину?
Пусть въ домѣ у него короткая расправа,
Но кто жъ ему насъ оскорблять далъ право?

ТОЛСТАЯ.

Онъ всѣхъ винитъ, а не тебя одну.
Порою слушать совѣстно и жалко
Всю эту брань, весь этотъ дикій лай,
Всѣмъ вѣдомо, что ты у насъ весталка,
Что лучшій въ томъ судья твой Николай...

ГОЛОВИНА.

Но какъ же ты миришься съ этой бранью?

ТОЛСТАЯ.

Я въ домѣ у себя обречена молчанью,
Чуть что, онъ тотчасъ двери на запоръ,
И не унять тогда его свирѣпость...

ГОЛОВИНА (быстро вставая).

Дозволивъ повторять подобную нелѣпость,
Вѣдь ты готовила, однако, мой позоръ!
Всю блажь твою я выносила долго
Съ надеждою, съ увѣренностью въ томъ,
Что ты удержишься, опомнишься потомъ;
Но, потерявъ теперь сознанье долга,
Не видишь ты, какъ сдѣлалась пошла!
Такихъ друзей мнѣ болѣе не надо,

Жалѣю, что съ тобой дружила я измлада,
И я дивлюсь, что ты сюда пришла
Съ своимъ дыханьемъ ядовитымъ?..
[Отворачивается, всѣ тровожно приближаются].

ТОЛСТАЯ.

Ну, вотъ! И здѣсь, какъ дома, вѣчно брань.
Помилуй, я пришла къ тебѣ съ визитомъ
И въ мысляхъ не имѣла...

ГОЛОВИНА.

Перестань.
Теперь уже излишни оправданья,
Прости и знай, что я не помню зла...

ДЕ-ТАРАНТЪ [Толстой, направляясь къ Головиной].

Въ васъ сердца нѣтъ, нѣтъ вовсе состраданья,
Она болѣзнь едва превозмогла.

РАСТОПЧИНЪ.

Графиня все еще нуждается въ покоѣ.

ТОЛСТАЯ.

Не знаю, что жъ я сдѣлала такое?
Все ясно, кажется...

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Змѣей сюда вползла!

ТОЛСТАЯ [въ дверяхъ].

Прощай же, Варенька.

СЛУГА [въ дверяхъ, вслѣдъ за Толстой].

Князь Чарторижскій
Подъѣхали. Угодно ли принять?

РАСТОПЧИНЪ.

Вѣдь, кажется, онъ человѣкъ не близкій?
Чтобъ хуже вамъ не сдѣлалось опять?
Къ чему? Пускай бы лучше ѣхалъ мимо.

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Ну, нѣтъ, принять его необходимо,
Такихъ друзей не надо отгонять...

ГОЛОВИНА.

Такъ какъ же? Ну, просите... если надо.
Я всякому теперь вниманью рада. [Въ раздумьѣ].
Не странно ль, вѣдая, какъ я больна,
Не справиться, однако же, ни разу?
Сильнѣе пожалѣла бы она
Левретку или треснувшую вазу!

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Великая княгиня такъ добра,
И ей твое отнюдь не чуждо горе.
Повѣрь, все это разъяснится вскорѣ,
Тутъ, вѣрно, виноваты доктора?..

ГОЛОВИНА.

Не думаю. Врачи иного сорта
Вплели меня безъ всякаго стыда
Въ интригу темную Анеты и Витворта.
Позорно, что имъ вѣрятъ безъ труда!
Мнѣ стало все яснѣе въ дни болѣзней,
Открылись всѣ ихъ ходы и шаги,
И вижу я, что злѣйшіе враги
Становятся передъ бѣдой любезнѣй...

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, кромѣ **Толстой, князь Чарторижскій.**

ЧАРТОРИЖСКІЙ [любезно раскланиваясь и цѣлуя руку].

Я радуюсь, какъ радуется другъ,
Имѣющій особыя причины.
Я разгадалъ по лицамъ вашихъ слугъ,
Что, наконецъ, здѣсь сняты карантины,
Что миновалъ томившій васъ недугъ.
Всѣ вѣрные друзья здѣсь неизмѣнно?

РАСТОПЧИНЪ.

Я также здѣсь допущенъ въ первый разъ.

ЧАРТОРИЖСКІЙ [Головиной, какъ бы не замѣчая].

Я посѣтить давно стремился васъ.

ГОЛОВИНА.

Вниманіе такое очень цѣнно...

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Безъ васъ внезапно пріунылъ нашъ дворъ,
Хоть въ свѣтѣ любятъ облекаться тайной,
Однакожъ говорили разный вздоръ,
И лишь на-дняхъ я все узналъ случайно.
Мы все возились съ шведскимъ королемъ,
Позавчера на строгановскомъ балѣ,
Съ великимъ княземъ проходя по залѣ,
Мы какъ-то очутились вдругъ вдвоемъ,
Внезапно государыня предъ нами,
Я—шагъ назадъ, и тутъ любимый внукъ
Былъ озадаченъ строгими рѣчами
За то, что умолчалъ про вашъ недугъ.
И въ первый разъ изъ устъ Екатерины
Я услыхалъ сорвавшійся упрекъ,
Невольно я при этомъ подстерегъ
И гнѣвъ ея, и взглядъ ея орлиный...

ГОЛОВИНА.

Подобный гнѣвъ отъ ласки не далекъ...

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Я и спѣшилъ къ вамъ съ этой доброй вѣстью,
Боясь, чтобъ, какъ всегда, людская злость...

[Замѣтивъ входящаго Головина и направляясь къ нему].

А, вотъ и графъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Головинъ.

ГОЛОВИНЪ.

Я очень тронутъ честью
Васъ видѣть здѣсь. Вы нынче рѣдкій гость.

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Все празднества теперь у здѣшней знати...

СЛУГА [въ дверяхъ].

Графиня тетушка.

ГОЛОВИНЪ.

А, очень кстати!
[входитъ графиня Шувалова]
Соскучились по васъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, графиня Шувалова.

ШУВАЛОВА.

Не ври, дружокъ.
Друзей у васъ, гляди, полны хоромы,
Тутъ все свои, всѣ, кажется, знакомы?
Пріятно встрѣтить дружескій кружокъ.

ГОЛОВИНЪ.

Пожалуйте, садитесь, вотъ вамъ кресло.

ШУВАЛОВА [обнимая Головину и осматривая ее].

Ну, Варенька, да ты совсѣмъ воскресла,
Попрежнему мила и весела
И новою красою расцвѣла.

ГОЛОВИНА.

Толстая говоритъ совсѣмъ иначе...

ШУВАЛОВА.

Мы съ ней переглянулись чрезъ окно,
Отъѣхала она въ слезахъ и въ плачѣ,
Что тутъ у васъ? Не видѣлись давно.

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Пустое все. Разнузданные нравы...

ШУВАЛОВА.

Ахъ, милая княгиня, мудрено
Въ нашъ монастырь вводить свои уставы,
Вы видите повсюду грѣхъ да зло...
Я, Варенька, къ тебѣ имѣю дѣло,
Ты можешь говорить со мною смѣло,
Скажи мнѣ, что у васъ произошло
Съ великою княгиней? Что за ссора?

ГОЛОВИНА.

Могу увѣрить васъ, что ничего...

ШУВАЛОВА.

Ну, какъ же? Не было бъ иначе разговора.
Ты знаешь все отъ друга своего
Растопчина?

ГОЛОВИНА.

Я ничего не знаю.

ШУВАЛОВА.

Не знаешь? И моя тутъ хата съ краю,
Однакожъ я была потрясена,
Когда мнѣ изъ дворца записку эту
Сегодня принесли чуть не до свѣту,
Я долго не могла понять со сна...

ГОЛОВИНА.

Вамъ вздумалось смутить меня запиской?

ШУВАЛОВА.

Меня къ тебѣ считаютъ самой близкой,
Я такъ была отъ мысли далека
Быть избранной для этой передачи,
И лучше бъ ей дать знать тебѣ иначе,
Да вотъ, прочти сама.

ГОЛОВИНА [разсматривая письмо].

Ея рука?

[Читаетъ съ пропусками, про себя].

«Жестоко... все жъ она мой другъ давнишній...
Отнынѣ пропасть цѣлая легла...
Скорблю... но объясненія излишни,
Я поступить иначе не могла.
Должны разстаться мы... развязка эта
Для сердца моего... такъ тяжела.
Пускай забудетъ все. Ели-са-вета».

ШУВАЛОВА.

Я знаю, какъ ты съ ней была дружна,
И отношу все это къ наговорамъ...

[Вставая].

Оставь ее... она мнѣ не нужна,

[Отходитъ къ остальному обществу, Растопчинъ съ участіемъ подходитъ къ Головиной].

ГОЛОВИНА.

Вы знаете? Я изгнана съ позоромъ,
Безъ объясненій, и молчать должна,
Когда меня терзаютъ хладнокровно,
А мужъ опять найдетъ, что я виновна!

[Подавая Растопчину записку].

Вотъ вамъ и дружба, и ея права!

ШУВАЛОВА [Головину].

Теперь ты можешь ѣздить по знакомымъ...

ЧАРТОРИЖСКІЙ [къ де-Таранть].

По городу ужъ пронеслась молва,
Что бѣдствіе стряслось надъ этимъ домомъ.

РАСТОПЧИНЪ [по прочтеніи].

Нѣтъ, не пойму, мнѣ вѣрится едва,
Да это просто заговоръ бѣсовскій?!

СЛУГА [въ дверяхъ].

Отъ государыни статсъ-секретарь Грибовскій.

ГОЛОВИНА.

Просите.

РАСТОПЧИНЪ.

Ужъ не новая ль бѣда?

ГОЛОВИНЪ [идя на встрѣчу].

Ну, вспомнили! Я говорилъ всегда.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣ же, Грибовскій.

ГОЛОВИНЪ.

Насъ трогаетъ монаршее вниманье,
Пожалуйте, прошу покорно сѣсть.

ГРИБОВСКІЙ [цѣлуя руку Головиной].

Я скромный исполнитель приказанья,
Но счастливъ, что имѣю эту честь.

ГОЛОВИНЪ.

Помилуйте. Столь близкая персона...

ГРИБОВСКІЙ.

Освѣдомясь на-дняхъ отъ Роджерсона,
Что тяжкій недугъ держитъ васъ вдали
Отъ праздниковъ, гдѣ вы блистать могли,
Немало сокрушались и съ упрекомъ
Замѣтили, какъ будто ненарокомъ,
Что ранѣе никто не подалъ вѣсть.
Объ этомъ рѣчь зашла за туалетомъ,
И лично мнѣ приказано отвезть
Вамъ эту памятку: въ ковчегѣ этомъ
Хранится медальонъ съ ея портретомъ
Работы Лампи. Отдавая мнѣ,
Шутливо объяснить мнѣ повелѣли,
Чтобы черты ея забыть вы не успѣли...

ГОЛОВИНА [любуясь медальономъ].

Я тронута, я счастлива вполнѣ...
Какъ яркій солнца лучъ, и вотъ откуда!
Княгиня, полюбуйтесь. Что за чудо! [Всѣ обступаютъ ее].

ГОЛОВИНЪ (цѣлуя жену).

Сбылись твои завѣтныя мечты,
Безцѣнный даръ владычицы полночной!

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Какая кисть, прелестныя черты!

ШУВАЛОВА.

У Салтыковой есть такой же точно.

ГОЛОВИНА (Грибовскому).

Сердечно благодарна лично вамъ.
Чувствительна, какъ женщина, къ словамъ,
Желала бы вамъ отплатить сторицей...
Мы всѣ горюемъ объ императрицѣ,
Не можемъ надивиться королю,
Его двуличности и хладнокровью!
О государынѣ я искренно скорблю,
Боюсь, что отразится на здоровьѣ?

ГРИБОВСКІЙ.

Конечно. Вѣдь года свое берутъ,
А царское, что день, тяжелѣ - бремя,
И съ лѣтами томительнѣе трудъ.
Мы бережно слѣдимъ и дѣлимъ время
Среди заботъ, веселостей двора,
Не тратя даромъ силъ ея безцѣнныхъ.
Сегодня всѣ тревожились съ утра,
Но, появясь средь самыхъ приближенныхъ,
Призналась имъ, съ улыбкой на устахъ,—
Какая при такихъ лѣтахъ
Въ ея великомъ сердцѣ сила!—
Что съ дня вступленья на престолъ,—
Вотъ тридцать пятый годъ пошелъ,—
Ужаснѣй ночь не проводила.

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Легко ли ей такое горе снесть?
Тутъ все задѣто: гордость, слава, честь...

ГОЛОВИНЪ.

Король Густавъ возмездія достоинъ!

РАСТОПЧИНЪ.

Къ прискорбью, злополучный этотъ бракъ
Высокомѣрьемъ Зубова разстроенъ.

ГРИБОВСКІЙ.

Ну, нѣтъ. За князя я вполнѣ спокоенъ,
Все это плодъ пустыхъ придворныхъ вракъ.

РАСТОПЧИНЪ [сдавленнымъ голосомъ].

Родители такъ думаютъ объ этомъ,
А, вѣдь, они отъ всѣхъ стоятъ вдали,
И мысли ихъ услужливымъ клевретамъ
Извѣстны быть, конечно, не могли.

ГОЛОВИНА [становясь посрединѣ].

По-моему, тутъ ясенъ Промыслъ Божій!
Что если бъ возгорѣлась вновь война?
Вѣдь родина ей все-таки дороже,
Въ средѣ враговъ страдала бы она. [Забываясь].
Ужасна жизнь межъ долгомъ и любовью,
Въ тревогахъ постоянныхъ и въ борьбѣ!
Нерѣдко сердце истекаетъ кровью,
А тутъ смирись и покорись судьбѣ!
Подобный крестъ нести не всякій въ силахъ,
А въ жертву насъ приносятъ такъ легко?
Вѣдь, мы страдаемъ такъ же глубоко,
Вѣдь, та же кровь струится въ нашихъ жилахъ!
Но этотъ свѣтъ безжалостно жестокъ:
Какъ просто... приласкать одной рукою
И въ кудри вплесть съ улыбкою цвѣтокъ,
А сердце разорвать въ куски другою?!
[Слабѣя, склоняется на руку мужа].

ШУВАЛОВА.

Она больна! Къ чему вся эта рѣчь?

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Къ тому, что ей всѣ ваши козни видны.
[Направляется къ Головиной].

ЧАРТОРИЖСКІЙ [Грибовскому тихо].

Откуда взялся этотъ тонъ обидный
Въ ея устахъ?

ГОЛОВИНЪ.

Пошла бы ты прилечь?

ГОЛОВИНА [слѣдуя за мужемъ].

Несчастіе приковываетъ взоры,
Развязываетъ злые языки.
Я рада, что отъ нихъ мы далеки
И не должны въ чужихъ искать опоры.

ШУВАЛОВА [вслѣдъ Головиной, подавая руку Чарторижскому].

Вы слышали? Въ ней гордость сатаны!..

ГРИВОВСКІЙ [проходя мимо Растопчина].

Мы свидимся? Подобные укоры...

РАСТОПЧИНЪ.

Надѣюсь. Счеты будутъ сведены.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Уборная во дворцѣ. Дверь въ глубинѣ въ пріемную, налѣво — окно, направо — дверь въ опочивальню. У этой закрытой двери камеръ-лакей. Вблизи на табуретѣ сидитъ Безбородко въ уныніи. Въ глубинѣ группы вельможъ и дамъ, тихо бесѣдующихъ. Проходятъ доктора, слуги и служанки. Грибовскій и князь Чарторижскій входятъ вмѣстѣ. Вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Безбородко, Чарторижскій и Грибовскій.

ГРИБОВСКІЙ.

Печально, неожиданность большая,
Ужасный день! Но гдѣ жъ узнали вы?

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Обычную прогулку совершая,
Съ великимъ княземъ шли мы вдоль Невы
И, разговоръ ведя о чемъ-то вздорный,
Мы весело болтали. Только вдругъ,
Невдалекѣ бѣжитъ лакей придворный,
Руками машетъ, на лицѣ испугъ...
Увидѣвъ насъ, поднявши треуголку,
Бормочетъ намъ невнятное старикъ...
Мы сразу не могли добраться толку,
Кого ударъ нечаянно постигъ?
Мы бросились, все объяснилось вскорѣ,
Великій князь въ невыразимомъ горѣ,

А между тѣмъ не далѣ, какъ вчера,
Она князьямъ великимъ говорила,
Что ужъ давно такъ не была бодра.

ГРИВОВСКІЙ.

Кто жъ думать могъ, что такъ близка могила?

[Входятъ Шувалова и Толстая, послѣдняя робко озираясь].

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Шувалова и Толстая.

ГРИВОВСКІЙ [Шуваловой].

Князь Зубовъ ожидаетъ васъ давно.
Онъ въ горести, разскажетъ все подробно...

ШУВАЛОВА.

Мнѣ кажется, теперь ужъ все равно,
Пускай поплачетъ, это плачъ надгробный!
Какъ быстро это все произошло.
Сознанье есть однако?

ГРИВОВСКІЙ.

О, когда бы?
Движенья, слухъ и зрѣнье очень слабы,
Лишь сердце крѣпко, дышитъ тяжело.

[Шувалова направляется къ Безбородко].

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

А бѣдный князь? Онъ долженъ быть разстроенъ?

ГРИВОВСКІЙ.

Увы, какъ всадникъ, сверженный съ коня.
Онъ жалокъ, какъ въ бою сраженный воинъ,
То плачетъ, то къ себѣ зоветъ меня.

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Скажите, вамъ, конечно, ужъ извѣстно,
Что цесаревичъ вступитъ на престолъ?
Довольно властвовалъ въ Россіи женскій полъ.

Отнынѣ все устроится чудесно,
И, можетъ быть, всеобщая печаль
Утихнетъ такъ же скоро?

ГРИБОВСКІЙ.

Очень жаль!

[Чарторижскій отходитъ].

ТОЛСТАЯ [подходя къ Грибовскому]

Неужто правда? Нѣтъ надежды болѣ?
И мы ее ужъ не увидимъ вновь?

ГРИБОВСКІЙ.

Нельзя сказать, теперь все въ Божьей волѣ,
Хотя врачи пускали тщетно кровь...

ТОЛСТАЯ.

Неужто Павелъ будетъ на престолѣ?
Вдругъ Англіи объявитъ онъ войну!
А Витвортъ? Какъ же я его тогда верну?

ГРИБОВСКІЙ.

Для любящихъ и войны не преграда.

[Подходя къ Безбородко].

Свѣтлѣйшій князь желалъ бы видѣть васъ.

БЕЗБОРОДКО.

Къ чему теперь? О томъ ли думать надо,
Когда насъ покидаетъ въ этотъ часъ
Всей нашей жизни радость и услада?

ГРИБОВСКІЙ.

Я вижу, графъ, что вы удручены.
А взоры всѣхъ на васъ устремлены,
Переворотъ произойдетъ немалый,
Все круто перемѣнится...

БЕЗБОРОДКО.

Такъ что жъ?

ГРИВОВСКІЙ.

Изъ Гатчины появятся капралы
Смирять высокомѣріе вельможъ.
Всѣ станутъ попрекать, топить другъ друга...

БЕЗБОРОДКО.

Конечно, вамъ теперь придется туго.

ГРИВОВСКІЙ.

Что дѣлать, графъ? Я знаю, что погибъ,
Хотя спасти меня, конечно, вы могли бъ.

БЕЗБОРОДКО.

Чтобъ я другихъ спасать пустился сдуру,
Когда свою сберечь бы только шкуру?

ГРИВОВСКІЙ.

Нѣтъ, милости великія васъ ждутъ.
Повѣрьте, я проникъ въ его натуру:
Наступятъ дни неслыханныхъ причудъ.
Намъ только съ княземъ будетъ очень скверно...

БЕЗБОРОДКО.

Грядущее отъ насъ утаено.

ГРИВОВСКІЙ.

Но государыня отгадывала вѣрно:
Все было бы давно устранено,
Когда бъ вы не противились чрезмѣрно,
Не шли одни въ совѣтѣ противъ всѣхъ.
Вѣдь, матери вѣрнѣй судить о сынѣ,
И юный Александръ царилъ бы нынѣ,
Вы правили бъ, а слава и успѣхъ
За вами слѣдомъ къ радости народной...

БЕЗБОРОДКО.

Объ этомъ ты не говори здѣсь вслухъ,
Къ такимъ затѣямъ я и нѣмъ и глухъ.

ГРИВОВСКІЙ.

Я говорить теперь могу свободно:
Теряя голову, не плачь по волосамъ!
Вамъ съ княземъ повидаться не угодно?

БЕЗБОРОДКО.

Не тронусь я, пускай приходитъ самъ.

[Грибовскій удаляется].

ТОЛСТАЯ [Чарторижскому].

Вы, кажется, дружны съ Головиными?

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Не болѣе, чѣмъ съ многими иными.

ТОЛСТАЯ.

Онъ съ Гатчиной хранилъ какъ будто связь,
Оказывалъ по временамъ услуги,
Къ нему благоволилъ великій князь,
Мы съ ней росли, какъ нѣжныя подруги,
Мнѣ думалось, что, съ юности сроднясь,
Не разойдемся мы въ житейскомъ морѣ.

[Въ дверяхъ появляются Головины и де-Тарантъ].

Да вотъ они... Какъ жаль, зачѣмъ мы въ ссорѣ?

[Отходитъ въ сторону].

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, кромѣ Грибовскаго, Головинъ, Головина, де-Тарантъ.

ГОЛОВИНЪ [увидѣвъ Чарторижскаго].

Ударъ судьбы убійственно жестокъ!

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Увы, законъ всеобщій, неизмѣнный...

ГОЛОВИНЪ.

Свершается, а кто бы думать могъ,
Что смерть ворвется въ царственный чертогъ?
Невольно трепетъ чувствуешь священный.
Но, можетъ быть, поправится?

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Едва ль.
Самъ Роджерсонъ сказалъ, что безнадежна.

ГОЛОВИНЪ [женѣ].

Да, Варенька, понятна мнѣ печаль
Твоей души чувствительной и нѣжной!
Давно ль тебя такъ радовалъ портретъ?
Давно ли только радостныя лица
Стекались въ домъ излюбленной царицы?

[Къ Чарторижскому].

Король Густавъ нанесъ намъ этотъ вредъ!
Такой разрывъ, вы только это взвѣсьте,
Разстроилъ всѣ союзы, цѣлый планъ;
Но имъ урокъ хорошій будетъ данъ...
Изъ Гатчины имѣются ли вѣсти?

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Туда гонецъ помчался за гонцомъ.
Князь Зубовъ, упредить другихъ желая,
Тотчасъ отправилъ брата Николая;
Съ какимъ-то онъ воротится лицомъ?

ГОЛОВИНЪ.

Вы правы, я за это не отвѣчу.
А Растопчинъ?

ЧАРТОРИЖСКІЙ.

Онъ ускакалъ на встрѣчу.

ГОЛОВИНЪ.

Ну, этотъ все устроитъ молодцомъ,
Онъ знаетъ духъ и сердце властелина!
Пусть говорятъ, что онъ неукротимъ,
Теперь безгласною предстанетъ передъ нимъ
Великая Екатерина!...

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Всѣ въ ужасѣ, и дворъ собрался весь.

ГОЛОВИНА.

Я чувствую себя столь одинокой,
Что страннымъ кажется: зачѣмъ я здѣсь?

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Судьба тебя преслѣдуетъ жестоко.

ШУВАЛОВА [подходя къ Головинымъ].

Ну, милые, настали ваши дни.

ГОЛОВИНА.

Не наши только скорби и печали.

ШУВАЛОВА.

Не въ скорби сила, тутъ не вы одни,
Поплачутъ, пожалѣютъ всѣ въ началѣ,
Но, вѣдь, у всѣхъ на сердцѣ свой расчетъ.
Намъ весело жилось съ императрицей,
А все-таки недѣли не пройдетъ:
Всѣ побѣгутъ за новой колесницей,
Любимчики ухватятся сперва,
А тамъ настанетъ общая горячка,
Всѣ станутъ предъявлять свои права...

[Головина удаляется].

[Головину].

Не унимается твоя гордячка,
А, кажется, проучена тобой?

ГОЛОВИНЪ.

Ну, полноте, теперь я мужъ примѣрный,
Вы все свое. Одинъ поступокъ скверный?...

ШУВАЛОВА.

Мнѣ странно, что и ты забилъ отбой.

ЧАРТОРИЖСКІЙ [де-Тарантъ].

Сдается мнѣ, что хитрый Безбородко
Войдетъ во власть черезъ Растопчина.

ДЕ-ТАРАНТЪ.

Признаться, это будетъ не находка.
Я очень мало имъ увлечена.

БЕЗБОРОДКО [подойдя къ Головиной].

Присядьте здѣсь, мнѣ легче будетъ съ вами,
Невольно слезы льются, какъ рѣка,
Мою печаль не выразить словами,
Здѣсь вы однѣ поймете старика!

Одни лишь мы тревогѣ общей чужды,
Въ царицѣ мы оплакиваемъ мать.
Вамъ сердце чуткое дано, чтобъ понимать,
И мнѣ отъ васъ таиться нѣту нужды,
Вѣдь, съ грустью я слѣдилъ до сей поры...

ГОЛОВИНА [перебивая].

Я знаю, графъ, что вы ко мнѣ добры,
Что, представляясь ко всему небрежнымъ,
Вы можете быть другомъ самымъ нѣжнымъ.

БЕЗБОРОДКО.

Увы, все лучшее давно въ себѣ убивъ,
Я чувствую теперь невольно угрызенья:
Какъ часто я бывалъ неряшливъ, нерадивъ,
Какъ часто я нуждался въ снисхожденьѣ!

ГОЛОВИНА [увидѣвъ входящаго Зубова].

Князь Зубовъ здѣсь, и я покину васъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, Зубовъ, съ нимъ **Грибовскій.**

ЗУБОВЪ.

Какое тутъ собраніе большое!
Не скроешься отъ ихъ нескромныхъ глазъ,
Легко ли мнѣ съ истерзанной душою?
[Увидѣвъ Головина].
А, графъ любезный, вотъ ударъ судьбы!

ГОЛОВИНЪ.

Господь послалъ большое испытанье.

ЗУБОВЪ.

Еще велики силы для борьбы,
Хотя, увы, потеряно сознанье.
[Головиной].
Вотъ и графиня. Вѣрьте мнѣ, не разъ
Съ любовью говорили мы о васъ
И вспоминать изволили недавно.

Служить другимъ всегда я былъ готовъ,
И для добра я не щадилъ трудовъ.
Вотъ, какъ теперь кончаю я безславно,
Жалѣть меня здѣсь станетъ кто едва ль....

ГОЛОВИНА.

Нѣтъ, князь, напрасно. Мнѣ васъ очень жаль.

ЗУБОВЪ.

Я зналъ всегда, что вы великодушны.
Теперь меня всѣ станутъ проклинать
Безжалостно; но надо дѣло знать:
Я поступалъ всегда, какъ сынъ послушный....

ГОЛОВИНА.

Я отъ проклятій слишкомъ далека.

ЗУБОВЪ.

Мой жребій также былъ подчасъ не сладокъ,
И жизнь моя далеко не легка!

[Направляется къ Безбородко].

ГОЛОВИНА.

Мнѣ жаль его....

ДЕ-ТАРАНТЪ.

По мнѣ, онъ просто гадокъ,
Какъ всѣ временщики.

ЗУБОВЪ [Безбородко].

Позвольте, графъ,
Прибѣгнуть къ вамъ, единой всѣмъ опорѣ.

БЕЗБОРОДКО.

Мы всѣ теперь въ одномъ всеобщемъ горѣ.
Господь рѣшитъ, кто виноватъ, кто правъ.

ЗУБОВЪ.

Заслуги ваши ярки предъ престоломъ,
Отечество признало ихъ давно,
Мнѣ только нынѣ, видно, суждено
Подвергнуться мучительнымъ уколамъ.
Я зналъ давно, что смерть ея могла
Мнѣ причинить великія напасти.

БЕЗБОРОДКО.

Для всякаго, кто долго былъ у власти,
Что взглядъ чужой, то острая игла.
Повѣрьте, вамъ никакъ не будетъ худо.

ЗУБОВЪ.

О, если бы свершилось это чудо,
И селибъ я отсюда вышелъ цѣлъ!
А знаете-ль, бѣда моя откуда?
Съ Нелидовой я ладить не умѣлъ.
Извольте угождать невзрачнымъ дѣвамъ?!

БЕЗБОРОДКО.

Я тоже состою подъ этимъ гнѣвомъ.

ЗУБОВЪ.

Васъ выручитъ навѣрно Растопчинъ,
А на меня онъ смотритъ очень косо
И дуется.

БЕЗБОРОДКО.

Кажись, не безъ причинъ?

ЗУБОВЪ.

Все это началось изъ-за вопроса
О цесаревичѣ, когда возникъ
У государыни проектъ необычайный
Лишить его престола.

КАМЕРЪ-ЛАКЕЙ [тихо Зубову].

Духовникъ
Готовится поднесть Святыя Тайны.

[Камеръ-лакей отворяетъ двери и становится на колѣни, Зубовъ быстро направляется въ опочивальню, всѣ благоговѣйно преклоняютъ колѣни. Черезъ минуту въ заднихъ дверяхъ появляется Растопчинъ, многіе оглядываются, перешептываются. Камеръ-лакей закрываетъ двери, Безбородко встаетъ при его помощи и садится снова на табуретъ, поникнувъ головой].

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, кромѣ Зубова, Растопчинъ.

ГОЛОВИНЪ [направляясь къ Растопчину].

Ну, милый другъ, давно тебѣ пора,
Мы безъ тебя въ убійственной тревогѣ.
Къ тебѣ... Ты, слышимъ, улетѣлъ съ утра.
Гдѣ встрѣтились?

РАСТОПЧИНЪ.

Какъ разъ на полдорогѣ.

ГОЛОВИНЪ.

А тутъ у насъ на всѣ лады звонятъ
И въ ходъ пускаютъ всякую нелѣпость,
Что будто бы Грибовскаго казнятъ?

РАСТОПЧИНЪ.

Ну, нѣтъ, зачѣмъ? Его посадятъ въ крѣпость.

ГОЛОВИНЪ.

Что Зубова отправятъ въ рудники?

РАСТОПЧИНЪ.

Вотъ вздоръ! Повѣрь мнѣ, съ превеликой честью
Отъѣдетъ онъ въ курляндскія помѣстья,
Пускай себѣ разводитъ цвѣтники!
Есть для тебя хорошее извѣстье,
Я все молчалъ, но зналъ уже давно:
Ты будешь управлять почтовой частью
Съ сенаторствомъ, конечно, за одно,
Чтобы облечь тебя обширной властью.
Для нашей дружбы новое звено!

ГОЛОВИНЪ.

Спасибо, другъ, до смерти не забуду
Виватъ! Какъ будутъ всѣ мои враги
Завидовать, дивясь такому чуду....

РАСТОПЧИНЪ.

Ты это все пока въ секретѣ береги.
[Направляется къ Безбородко, который, замѣтивъ его, обнимаетъ].

БЕЗБОРОДКО.

Ахъ, Ѳединька, мужъ нынѣ знаменитый,
Будь мнѣ заступникъ, бью тебѣ челомъ,
Въ нуждѣ и въ горести прикрой своимъ крыломъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Нѣтъ, графъ. Не вамъ искать во мнѣ защиты.
Нашъ государь васъ цѣнитъ выше всѣхъ,
И покидать его въ такое время—грѣхъ.

БЕЗБОРОДКО.

Спасибо, ты утѣшилъ несказанно.
И радъ бы я служить, да, видитъ Богъ,
Отъ тягостныхъ трудовъ я изнемогъ
И о покоѣ мыслю непрестанно.
Хоть за меня ты постоишь горой,
Хоть вѣрности твоей я знаю цѣну,
Но хворости свои куда-жъ я дѣну,
Когда кругомъ измѣнится весь строй?

РАСТОПЧИНЪ.

О, нѣтъ, повѣрьте мнѣ, и въ новомъ строѣ
Заблещутъ ярче старые герои.
Не знаете ли, гдѣ Алексѣй Орловъ?
Здѣсь во дворцѣ его теперь не видно.

БЕЗБОРОДКО.

Я слышалъ, онъ съ недѣлю нездоровъ,
Къ нему вчера сзывали докторовъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Небось, ему казаться здѣсь обидно?

БЕЗБОРОДКО.

Конечно, государь немилостивъ къ нему,
Предъ нимъ они, быть можетъ, и не правы.
Старайся защитить творцовъ народной славы,
Столь доблестныхъ по духу и уму.

Орловы любы русскому народу:
Онъ видитъ въ нихъ своихъ богатырей,
Такіе слуги нужны для царей,
А зло минувшее пусть канетъ въ воду!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Зубовъ.

ЗУБОВЪ [выходя изъ опочивальни и увидѣвъ Растопчина].

А, наконецъ! Я чрезвычайно радъ,
Но гдѣ жъ великій князь?

РАСТОПЧИНЪ.

За мною слѣдомъ
Изволитъ государь пріѣхать, тамъ вашъ братъ,
Онъ прискакалъ какъ разъ передъ обѣдомъ
И первымъ сообщилъ имъ эту вѣсть.

ЗУБОВЪ.

Счастливцу выпала такая честь.
Я приказалъ, чтобъ мчался безъ оглядки,
Чтобы поспѣть съ извѣстьемъ роковымъ.

РАСТОПЧИНЪ.

Я государя встрѣтилъ у Рогатки
И прискакалъ сюда передовымъ.
Онъ долженъ быть съ минуты на минуту.

ЗУБОВЪ.

Отсутствіе владыки въ скорбный часъ
Повергло насъ въ уныніе и смуту.
Я счастливъ, что сегодня вижу васъ,
Давно мнѣ что-то сердце тяготило,
Я все хотѣлъ.... Я замѣчалъ не разъ,
Что многое казалось вамъ не мило.
Не время вамъ, конечно, все узнать,
Тутъ были разныя Грибовскаго продѣлки,
Для васъ онѣ, понятно, слишкомъ мелки,
Чтобъ стоило о нихъ упоминать;
Но съ вами я всегда бывалъ любезенъ....

РАСТОПЧИНЪ.

Напрасно вы, за прошлое смутясь,
Оправдывать себя стремитесь, князь,
Я не могу ни въ чемъ вамъ быть полезенъ.

[Отворачивается и, переходя отъ одного докучнаго къ другому, старается приблизиться къ Головиной].

ГРИБОВСКІЙ [быстро подходя].

Прислалъ спросить дежурный адъютантъ
Угодно ли принять вамъ Сутерлана?
Онъ ломится...

ЗУБОВЪ.

Каковъ, однако, франтъ?
Къ чему теперь мнѣ эта обезьяна?
Сказать ему, что поздно... нѣтъ, что рано.

[Грибовскій удаляется передать приказаніе].

ШУВАЛОВА [подходя сзади къ растерявшемуся Зубову].

Стыдился бъ ты, плѣнительный Платонъ,
Гдѣ жъ у тебя достоинство вельможи?
Ты сгорбился, приниженъ и смущенъ
И жалкія предъ свѣтомъ строишь рожи.

ЗУБОВЪ.

Я думалъ, вы утѣшите меня.

ШУВАЛОВА.

Быть нянькою? Благодарю покорно!
Ты валишься и валишься позорно,
Ни мужества, ни чувства, ни огня...

ЗУБОВЪ.

Легко вамъ разговаривать, вы—дамы,
Вамъ все возможно, только васъ не тронь.

ШУВАЛОВА.

И въ счастьѣ ты остался тотъ же самый,
Разбитый на ноги, красивый конь!
Совѣтую раздумать на досугѣ. [Отходитъ].

ЗУБОВЪ [отыскивая глазами Грибовскаго].

Вчера еще навязчивые слуги
Сегодня раздираютъ и клянутъ.

ГРИБОВСКІЙ.

Васъ это удивляетъ? Что за диво?
Гораздо хуже, если насъ вернутъ
Служить въ строю съ напудренною гривой?

ЗУБОВЪ.

Ну, нѣтъ, не тѣ ужъ нынѣ времена.

ГРИБОВСКІЙ.

Къ несчастью, подошли совсѣмъ другія.

ЗУБОВЪ.

Посѣяны благія сѣмена...

ГРИБОВСКІЙ.

Но скоро ли ростки дадутъ въ Россіи?

ЗУБОВЪ.

Я замѣчаю съ нѣкоторыхъ поръ,
Что ты городишь преопасный вздоръ.

[Смѣшивается съ другими[.

РАСТОПЧИНЪ [подходя къ Головиной].

Я приближаюсь съ трепетомъ невольнымъ,
Безстрастнаго увидѣвъ судію...

ГОЛОВИНА.

Не съ чувствомъ ли самодовольнымъ
Смущаете застѣнчивость мою?

РАСТОПЧИНЪ.

О, нѣтъ, я въ васъ одной ищу опоры,
Отъ васъ зависитъ силъ моихъ подъемъ,
Мы многое свершили бы вдвоемъ,
И къ вамъ теперь я устремляю взоры,
Сердечный трепетъ наполняетъ грудь,
Я чувствую, что въ вашемъ приговорѣ
Я здѣсь прочту... надежду или горе?

ГОЛОВИНА.

Для васъ теперь открытъ широкій путь,
И вамъ не время заниматься вздоромъ,
Вамъ надобно страшиться чѣмъ нибудь
Дать поводъ къ основательнымъ укорамъ.
Вашъ путь широкъ, но вмѣстѣ и тернистъ.
Желаю, чтобъ въ борьбѣ неотвратимой
Попрежнему онъ оставался чистъ!
Вы были мнѣ милѣй тогда—гонимый,
Мнѣ нравился вашъ правъ неукротимый,
Но съ нимъ во власти сущая бѣда...

РАСТОПЧИНЪ.

Мнѣ грезилось: вы—яркая звѣзда,
Заблещете въ моемъ значеньѣ новомъ...

ГОЛОВИНА.

Довольствуйтесь моимъ послѣднимъ словомъ,
Я жъ удалюсь; отраднѣй будетъ мнѣ
Слѣдить за всѣмъ, держася въ сторонѣ.
Работайте съ моимъ достойнымъ мужемъ,
А я отъ васъ останусь далека.
Я знаю, мы посердимся, потужимъ,
Но все пройдетъ, бѣда не велика!
Я думала, что больше нѣтъ возврата
Ни вамъ, ни мнѣ къ соблазну и грѣху,
Надѣялась всегда въ васъ видѣть брата,
Открывшись вамъ, какъ будто на духу;
Но, видно, страсть сильна и ядовита,
За сердцемъ притаилася въ углу?..

РАСТОПЧИНЪ.

Какъ молотомъ вы бьете по стеклу!

ГОЛОВИНА.

Мечта о личномъ счастіи разбита.
Мнѣ долгъ велитъ для милыхъ дочерей
Отдать всю жизнь, я имъ одна защита.
Какъ видите, я дѣлаюсь добрѣй?
Мое все кончено...

ЧАРТОРИЖСКІЙ (у окна).

Не гатчинцы ли это?
Грибовскій, встань къ окну, сюда взгляни.

РАСТОПЧИНЪ [привлеченный этимъ].

Конечно, нѣтъ сомнѣнья, ихъ карета,
Задвигались вдоль площади огни.

]Быстро направляется къ выходу].

ЗУБОВЪ [Грибовскому].

Такъ вотъ когда я за тебя отвѣчу!
Настали жъ эти роковые дни.
Но дѣлать нечего, идемъ навстрѣчу!

ГРИБОВСКІЙ.

Зачѣмъ же мнѣ? Ступайте вы одни.

[Зубовъ, укоризненно взглянувъ, удаляется].

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, кромѣ Растопчина и Зубова.

ШУВАЛОВА [около Безбородко].

Казалось бы, урокъ для всѣхъ жестокій,
Мы рано позабыли старину.

БЕЗБОРОДКО.

Вѣдь, пропадаютъ даромъ всѣ уроки.

ШУВАЛОВА.

Не вѣрьте вы ни въ чемъ Растопчину.

БЕЗБОРОДКО.

Ахъ, матушка, и самому Вольтеру
Мы все-таки не вѣримъ черезъ мѣру...

[Шувалова отходитъ къ Чарторижскому].

ДЕ-ТАРАНТЪ [Головиной].

Ты попросить могла бъ Растопчина,
Чтобъ пенсія моя была сохранена.

ГОЛОВИНА.

Я попрошу объ этомъ Безбородко.

[Направляясь къ Безбородко, сталкивается съ мужемъ].

ШУВАЛОВА [Чарторижскому].

Взгляните на племянницу: что съ ней?
Вдругъ пріосанилась и сдѣлалась важнѣй
И словно говорить не хочетъ съ теткой.

ГОЛОВИНЪ [женѣ, сказавъ ей что-то на ухо].

Да, Варенька, не такъ ужъ я былъ простъ,
Съ Растопчинымъ не разрывая дружбы:
Теперь и я займу высокій постъ
И съ выгодой и съ пользою для службы.

ГОЛОВИНА.

Я рада, что тебя займутъ дѣла,
Что такъ внезапно улыбнулось счастье,
Но, вѣдая такою трудной частью,
Отвѣтственность ужасно тяжела?

ГОЛОВИНЪ.

Отвѣтственность? Ты понимаешь много!
Отвѣшивать предъ сильными поклонъ?
Вѣдь, въ неисправностяхъ отвѣтятъ строго
У насъ чиновникъ или почтальонъ.

ГОЛОВИНА.

Какъ странно понялъ ты свою задачу!
Откуда почерпнулъ ты этотъ взглядъ?

ГОЛОВИНЪ.

Я это все теперь переиначу! [Отходитъ, надувшись].

ГОЛОВИНА [подходя къ Безбородко].

Вы, графъ, одни?

БЕЗБОРОДКО.

Пускай себѣ гудятъ,
А я въ душѣ молюсь и тихо плачу.

Не трогаетъ меня ихъ суета,
И лишь однимъ теперь я озабоченъ,
Насколько передъ ней душа чиста.
Не все ль равно кто здѣсь изъ насъ непроченъ?
Лишь ей одной принадлежу я весь.
Не чувствуютъ всѣ собранные здѣсь,
Возросшіе въ ея златыхъ оковахъ,
Чѣмъ безъ нея мы были бы доднесь?
Мнѣ видѣлось въ ея дѣяньяхъ новыхъ
Лишь продолженье славныхъ дней Петровыхъ.
Все вѣяло живительнымъ трудомъ,
Великихъ дѣлъ свершилося немало,
Все высился нашъ крѣпкій русскій домъ,
И передъ взоромъ каждаго вставало
Все славное, чѣмъ Русь гордилась встарь,
И мудрое ея правленье было кротко,
Проникнуто любовью...

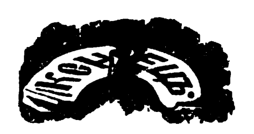
[Изъ дверей опочивальни показывается Растопчинъ—всѣ вздрагиваютъ, оправляются].

РАСТОПЧИНЪ [громко].

Государь
Просить изволитъ графа Безбородко!

[Придворные окружаютъ Растопчина].

ЗАНАВѢСЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“**.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

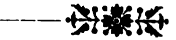
Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

 ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ПОПРАВКА. Статья о Н. Ѳ. фонъ-Крузе, напечатанная въ октябрьской книжкѣ 1901 года, должна быть подписана фамиліей: Н. П. Измалковъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ.
ФЕВРАЛЬ, 1902

СОДЕРЖАНІЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1902 г.

См. слѣд. стр.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

21-го февраля исполняется пятьдесятъ лѣтъ со дня кончины Н. В. Гоголя. По этому случаю редакція «Историческаго Вѣстника» посвящаетъ февральскую книжку журнала почти исключительно статьямъ о Гоголѣ. Изъ нихъ въ статьѣ П. Е. Щеголева «Школьные годы Гоголя» и въ воспоминаніяхъ В. И. Любича-Романовича «Гоголь въ Нѣжинскомъ лицеѣ» сообщается нѣсколько новыхъ данныхъ для біографіи великаго писателя; но особенно важное значеніе имѣютъ подлинныя рукописи самаго Гоголя, предоставленныя въ наше распоряженіе Павломъ Яковлевичемъ Дашковымъ, которому приносимъ нашу глубокую благодарность за неизмѣнное, радушное содѣйствіе, оказываемое имъ намъ съ самого основанія «Историческаго Вѣстника». Значеніе и происхожденіе рукописей Гоголя, сообщенныхъ П. Я. Дашковымъ, подробно объяснены въ статьѣ К. Н. Михайлова «Вновь найденныя рукописи Гоголя». Полагая, что все касающееся Гоголя не можетъ не интересоватъ нашихъ читателей, мы даемъ въ приложеніи къ этой книжкѣ факсимиле нѣсколькихъ его рукописей, принадлежащихъ П. Я. Дашкову, и въ числѣ ихъ трехъ неизданныхъ, именно: письмо Гоголя къ сестрамъ, черновой набросокъ отзыва объ альманахѣ «Утренняя Заря» и первоначальный текстъ повѣсти «Пропавшая грамота», остававшійся до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ всѣмъ издателямъ сочиненій Гоголя и заключающій въ себѣ многочисленные и существенные варіанты сравнительно съ напечатаннымъ текстомъ.

Портретъ Н. В. Гоголя въ бытность его въ Гимназіи Высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ. По наброску одного изъ нѣжинскихъ товарищей.

Изъ № 15 «Иллюстрація», издававшейся въ 1845 году Н. В. Кукольникомъ.

доз. ценз. 18 янв. 1902 г. спб.

ТРАГИЗМЪ БЕЗВОЛІЯ.[1]

VII.

После свиданія со слѣдователемъ въ Москвѣ никто больше не безпокоилъ Ивкова.

Одинъ только разъ, будучи уже въ Петербургѣ, получилъ онъ «оттуда» запросъ, косвенно касавшійся несчастнаго событія, имѣвшаго такое роковое вліяніе на его судьбу. У него спрашивали: куда желаетъ онъ, чтобъ ему доставили вещи, отданныя на храненіе Ильѣ?

Бумага эта, напрасно проискавъ его въ Москвѣ, дошла до него довольно поздно, и онъ поспѣшилъ отвѣтить просьбой выслать ему вещи въ Петербургъ, гдѣ онъ намѣренъ ждать обѣщаннаго перевода въ Владивостокъ.

Недѣли черезъ двѣ, вещи прибыли, тщательно упакованныя... Ильей, безъ сомнѣнія,—кѣмъ же больше? Онъ этимъ занимался на просторѣ, въ дни ожиданія, пока не разыскали трупа еврейки и не привлекли его къ слѣдствію.

Ивковъ холодѣлъ отъ ужаса при одной мысли разбирать эти вещи и прямо съ желѣзной дороги отвезъ ихъ въ складъ на храненіе.

Наступила осень. Переводъ его затягивался.

Впрочемъ, занятый исключительно самоусыпленіемъ, онъ ничего и не предпринималъ, чтобы подвинуть дѣло. Послѣ сильныхъ ощущеній, испытанныхъ въ Москвѣ и здѣсь, до прихода вещей «оттуда» и до сдачи ихъ въ складъ, имъ овладѣла апатія.

---

[1]) Продолженіе. «См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 7.

Въ Петербургѣ было легче жить такъ, какъ ему хотѣлось, не было здѣсь людей, принимавшихъ въ немъ участія и отъ которыхъ было бы трудно скрывать мучительную тайну: здѣсь у него были только такіе знакомые, которымъ было все равно, здоровъ онъ или боленъ, веселъ или печаленъ, часто или рѣдко онъ съ ними видится.

По пріѣздѣ, наэлектризированный новыми планами, онъ первое время хлопоталъ и суетился, разыскивалъ нужныхъ людей, являлся къ вліятельнымъ лицамъ и заручался обѣщаніями, которыя отъ него зависѣло видѣть исполненными, еслибъ оптимистическое настроеніе, въ которомъ онъ находился, продолжалось; но оно стало постепенно измѣняться, опять начали имъ овладѣвать сомнѣнія, напала безсонница, и съ каждымъ днемъ все труднѣе становилось отрываться отъ мучительныхъ мыслей объ Ильѣ и убитой еврейкѣ.

И опять потянуло его къ уединенію, какъ пьяницу къ вину.

Жизнь въ шумной и людной гостинницѣ становилась нестерпима, и онъ началъ мечтать о комнатѣ въ тихомъ семействѣ, гдѣ можно было бы пребывать по цѣлымъ днямъ въ покоѣ и тишинѣ.

Намекнулъ ли онъ кому нибудь объ этой мечтѣ, или про нее узнали какимъ нибудь инымъ образомъ, но въ одинъ прекрасный день, когда раздраженный болѣе обыкновеннаго громкимъ говоромъ сосѣдей, пріѣхавшихъ изъ провинціи сдавать дѣтей въ учебныя заведенія, онъ собирался раньше обыкновеннаго выйти изъ дома, посыльный принесъ ему письмо, надписанное незнакомой рукой, слѣдующаго содержанія:

«Вы здѣсь одни, какъ и я. Не думаю, чтобъ вамъ было удобно жить въ гостинницѣ. Зайдите взглянуть на комнату, которую я сдаю. Другихъ жильцовъ, кромѣ васъ, у меня не будетъ. Во избѣжаніе недоразумѣній, предупреждаю васъ, что я старуха».

Слѣдовала подпись и адресъ, неподалеку отъ той улицы, гдѣ была гостинница.

Фамилія писавшей ему была совершенно неизвѣстна, но душа его была въ такомъ смятеніи, что онъ не останавливался на вопросѣ: откуда узнала она не только его имя и отчество, но даже такія подробности, что онъ одинокъ, что ему надоѣло жить въ гостинницѣ, и что онъ мечтаетъ о тихомъ пристанищѣ, гдѣ можно было бы жить, никого не видя и ничего не слыша?

— «Умная, должно быть, старуха, —думалъ онъ, перечитывая письмо, написанное твердымъ мужскимъ почеркомъ, на дорогой бумагѣ, съ княжескимъ гербомъ въ заголовкѣ и на конвертѣ.—Ни одного лишняго бабьяго слова не приплела къ своему предложенію, только самое необходимое».

Онъ положилъ письмо въ карманъ, давая себѣ слово непремѣнно воспользоваться имъ послѣ того, какъ узнаетъ, въ какомъ положеніи находится дѣло о его переводѣ. Если ему пред-

стоитъ въ скоромъ времени совсѣмъ покинуть Петербургъ, то не стоитъ и переѣзжать изъ гостинницы.

Остановившись на этомъ намѣреніи, онъ дошелъ до Таврическаго сада, просидѣлъ дольше обыкновеннаго въ тѣни деревьевъ у пруда и, дождавшись шести часовъ, побрелъ домой обѣдать.

Когда онъ поднимался по лѣстницѣ въ свой номеръ, его догналъ коридорный и подалъ ему карточку.

— Спрашивали, когда вернетесь, и приказали имъ тотчасъ же доложить,— объявилъ онъ при этомъ.

На карточкѣ стояло имя Фролова, товарища его по полку.

— Кто ему сказалъ, что я здѣсь?—спросилъ онъ въ то время, какъ сердце его болѣзненно сжималось при воспоминаніи о мѣстѣ, гдѣ произошло роковое событіе.

— Сами прочитали вашу фамилію на доскѣ.

«На доскѣ прочиталъ! Скорѣе переѣхать въ такой домъ, гдѣ фамиліи на доскахъ при входѣ не выставляютъ!» замелькало въ головѣ Ивкова.

— Прикажете имъ доложить, что вы вернулись? Они той же минутой къ вамъ сойдутъ.

— Не надо, я долженъ сейчасъ выйти, меня ждутъ обѣдать,—поспѣшилъ объявить Ивковъ.—Самъ къ нему зайду, когда будетъ время,—нашелъ онъ нужнымъ прибавить, входя въ свою комнату, и, наскоро переодѣвшись, опять вышелъ на улицу, не зная, куда итти, лишь бы только подальше отъ человѣка, который могъ ему сообщить о томъ, что «тамъ» дѣлается.

На Невскомъ онъ зашелъ въ ресторанъ и спросилъ обѣдать, думая все о томъ же: не уѣхать ли ему совсѣмъ изъ Петербурга, чтобъ не встрѣчаться съ Фроловымъ?

Но онъ испыталъ, какъ раздражительно на него дѣйствуетъ дорожная суматоха и неминуемыя столкновенія съ незнакомыми личностями при переѣздахъ съ мѣста на мѣсто. Къ тому же, гдѣ же можно лучше скрыться отъ докучливыхъ встрѣчъ, какъ не въ Петербургѣ?

Вспомнилось полученное утромъ письмо отъ незнакомой дамы, и на сердцѣ полегчало. Удивительно кстати явилось ея предложеніе! Онъ завтра же зайдетъ взглянуть на комнату, о которой она ему пишетъ, а сегодня надо убить время въ какомъ нибудь загородномъ театрѣ.

Пообѣдавъ и просмотрѣвъ журналы, онъ отправился къ конкѣ на Михайловской, чтобъ доѣхать до театра, гдѣ бывалъ уже нѣсколько разъ, и гдѣ ему удавалось забываться.

Начинало темнѣть, когда онъ подошелъ къ готовящейся отъѣзжать каретѣ. Со всѣхъ сторонъ валилъ къ ней народъ, однако ему удалось найти мѣсто, и усаживаясь онъ радовался, что избавленъ на время отъ непріятныхъ встрѣчъ, какъ вдругъ на площадку вско-

чилъ новый пассажиръ, громко объявляя, что онъ тутъ постоитъ, пока не очистится мѣсто внутри.

Ивковъ узналъ голосъ Фролова, невольно отвернулся къ окну и, замирая отъ тяжелыхъ предчувствій, сталъ всматриваться въ дома, утопавшіе въ густой мглѣ наступившихъ сумерекъ.

Но это ни къ чему не повело: при первой остановкѣ, когда сидѣвшая рядомъ съ нимъ женщина вышла изъ конки, Фроловъ поспѣшилъ занять ея мѣсто. Скрываться отъ него дольше было бы по меньшей мѣрѣ глупо, и онъ протянулъ ему руку со словами:

— Здравствуйте, Фроловъ

— Николай Ивановичъ! Вотъ кстати! Я съ утра, какъ увидѣлъ ваше имя на доскѣ, ищу съ вами встрѣчи!—весело вскричалъ Фроловъ, пожимая протянутую ему руку.—А вы все еще въ Петербургѣ? У насъ всѣ думаютъ, что вы давно въ Владивостокѣ. Я очень удивился, когда узналъ, что вы здѣсь.

— Да вотъ, до сихъ поръ съ переводомъ тянутъ,—отвѣчалъ Ивковъ тѣмъ естественнымъ тономъ, который у него всегда являлся, когда приходилось, такъ или иначе, прикасаться къ тому, что имѣло отношеніе къ его тайнѣ.—Мнѣ давно хочется попытать счастье въ новыхъ мѣстахъ. Что у насъ за жизнь, одно прозябаніе!

— Что жъ, вы, можетъ быть, и правы. Я бы и самъ, кабы не семья... А у насъ все попрежнему. Кузнецовъ рѣшился, наконецъ, сдѣлать предложеніе Тюфякиной, Кострицина опять убѣжала отъ мужа, на этотъ разъ съ товарищемъ прокурора, Петровымъ... Про вашего Илью вы вѣрно слышали?

— Слышалъ, что онъ въ какую-то глупую исторію влипался, по поводу убійства еврейки, но это оказалось, разумѣется, вздоромъ?

— Какой же вздоръ, когда его судили!

— Что вы говорите! Меня о немъ спрашивали, я былъ увѣренъ, что до суда не дойдетъ.

— Какое тамъ! Его судили, и до сихъ поръ про дѣло это толкуютъ въ городѣ. Наши судейскіе опомниться не могутъ отъ конфуза... Впрочемъ, какой же тутъ конфузъ? Разъ человѣкъ, будь онъ хоть распрокуроръ, сознаетъ невиновность подсудимаго, развѣ онъ можетъ его обвинять?

— Такъ Илью оправдали?—спросилъ дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ Ивковъ.

Полъ-жизни отдалъ бы онъ за утвердительный отвѣтъ, но его продолжали держать въ недоумѣніи.

— Въ томъ и дѣло, что нѣтъ. Прокуроръ отказался его обвинить, а судьи закатали. Я, какъ очевидецъ, вамъ могу разсказать, какъ все было, продолжалъ Фроловъ, не замѣчая, какъ поблѣднѣлъ его слушатель.—На меня вашъ Илья, какъ и на всѣхъ, произвелъ

странное впечатлѣніе. Глядитъ на всѣхъ спокойно и все повторяетъ: «я ея не убивалъ, ваше б-діе!»—и такимъ тономъ, точно не каторга его ждетъ, а монаршее благоволеніе.

— Какъ же вы говорите, что его оправдали?—съ трудомъ произнесъ Ивковъ.

— Я вамъ этого не сказалъ, я говорю, что прокуроръ въ самую послѣднюю минуту отказался его обвинять и обыкновенно такъ бываетъ, что въ подобныхъ случаяхъ судьи выносятъ оправдательный приговоръ, но на этотъ разъ вышло иначе: его закатали. И вотъ этимъ-то всѣ и возмущены. Правда, что до сихъ поръ на убійцу не удалось напасть, но развѣ это причина осуждать человѣка, противъ котораго такія ничтожныя улики? Развѣ мало преступленій остается нераскрытыми?

— Разумѣется,—со вздохомъ облегченія согласился Ивковъ.

Онъ убѣдился, что опасаться Фролова нечего: не для того искалъ онъ съ нимъ встрѣчи, чтобъ выразить подозрѣнія на его счетъ.

— И чѣмъ же все кончилось?—спросилъ онъ.

— Прокуроръ подалъ на кассацію, и всѣ увѣрены, что просьбу его уважатъ.

— Значитъ, Илью будутъ судить во второй разъ?

— Да. И надо полагать, что новый составъ судей его оправдаетъ.

— Навѣрное?

— Странный вы человѣкъ, Николай Ивановичъ! Кто же можетъ за это поручиться?—отвѣчалъ Фроловъ, поднимаясь съ мѣста, чтобъ выйти изъ кареты, которая остановилась, доѣхавъ до мѣста своего назначенія.—Идемте скорѣе въ кассу, чтобъ попытаться взять билеты рядомъ. Терпѣть не могу сидѣть съ незнакомыми, съ которыми нельзя перекинуться словомъ...

Но толпа ихъ разъединила, и они потеряли другъ друга изъ виду.

Ивковъ взялъ билетъ въ партеръ. Съ того мѣста, которое онъ занялъ, Фролова не было видно, но въ антрактѣ они встрѣтились въ саду.

Фроловъ прохаживался по аллеѣ, освѣщенной разноцвѣтными фонариками, съ молодымъ человѣкомъ, котораго онъ представилъ Ивкову, какъ дальняго своего родственника, кандидата на судебныя должности, Захарина.

И, обращаясь къ этому послѣднему:—А это Николай Ивановичъ Ивковъ, тотъ самый офицеръ, у котораго тотъ субъектъ служилъ денщикомъ,—сказалъ онъ. И, снова обращаясь къ Ивкову, прибавилъ:—Вотъ недавно сдалъ экзаменъ и интересуется всѣми выдающимися судебными процессами.

— А вы находите дѣло Ильи выдающимся? спросилъ Ивковъ у молодого кандидата.

— Чтобъ прокуроръ отказался обвинять подсудимаго, котораго самъ же предалъ суду, ужъ одно это представляетъ знаменательный фактъ, но чтобъ, не взирая на это, судьи, да еще коронные, а не присяжные засѣдатели, какъ въ гражданскомъ судѣ, вынесли обвинительный приговоръ, это еще любопытнѣе,—объявилъ Захаринъ съ серьезною важностью начинающаго свою карьеру общественнаго дѣятеля.

Разговоръ на эту тему продолжался до конца антракта, и Ивковъ могъ быть собою вполнѣ доволенъ. Онъ вмѣшивался въ бесѣду настолько, насколько слѣдовало человѣку, интересующемуся дѣломъ по близости своей къ подсудимому, не высказывая ни единаго слова, могущаго вызвать подозрѣніе. Глядя на него со стороны, никому бы и въ голову не пришло догадаться, какъ онъ далекъ душой отъ окружавшей его дѣйствительности, а между тѣмъ, съ первыхъ же словъ Фролова въ конкѣ, унесся онъ воображеніемъ «туда», и какъ живыя вставали передъ его духовными очами малѣйшія подробности драмы, разыгравшейся въ судѣ полтора мѣсяца тому назадъ, когда онъ шатался по Петербургу въ поискахъ за душевнымъ покоемъ, котораго нигдѣ не находилъ.

Послѣдуй онъ тогда влеченію сердца, влекущему его «туда», гдѣ Илья, не мудрствуя лукаво, свершалъ тотъ подвигъ христіанской любви, выше котораго, по словамъ Спасителя, человѣку нельзя свершить, очень можетъ быть, что теперь онъ бы успокоился и могъ бы думать о чемъ либо иномъ, кромѣ какъ о томъ: устоитъ ли Илья въ добровольно принятой на себя пыткѣ, или не устоитъ?

Въ настоящее время, благодаря встрѣчѣ съ Фроловымъ, отвѣтъ на вопросъ этотъ навертывался утвердительный: если до сихъ поръ, и выслушавъ приговоръ, осуждавшій его на каторгу, Илья не выдалъ своего барина, то странно было бы сомнѣваться въ томъ, что онъ не сдержитъ и дальше своего обѣщанія.

Да и на счастливый исходъ дѣла представлялось теперь несравненно больше данныхъ, чѣмъ прежде.

Почему же Ивкову было такъ тяжело, такъ нестерпимо тяжело?

Опять спустился занавѣсъ, наступилъ антрактъ, и Фроловъ съ Захаринымъ разыскали его въ саду, куда онъ вышелъ раньше ихъ.

И тотчасъ же, забывая всякую предосторожность, заговорилъ онъ съ ними про Илью.

Однако, какъ ни умудренъ былъ наукой юный кандидатъ на судебныя должности, на вопросъ Ивкова: неужели можетъ такъ случиться, чтобъ новые судьи обвинили Илью?—онъ не рѣшился отвѣчать категорически.

— Мало ли что можетъ случиться!

И въ подтвержденіе этого мнѣнія онъ сталъ ссылаться на примѣры.

Но Ивковъ былъ слишкомъ утомленъ душевными потрясеніями, чтобъ его слушать. Онъ уносился мыслями все дальше и дальше, все мучительнѣе ему было встряхиваться, чтобъ заставлять себя интересоваться тѣмъ, чѣмъ другіе интересовались, возражать, отвѣчать на вопросы. Какъ избавленію, обрадовался онъ звонку, призывавшему ихъ въ зрительный залъ, гдѣ можно было забыться, оставаясь наединѣ съ самимъ собой.

По окончаніи представленія Фроловъ предложилъ ему ѣхать домой вмѣстѣ съ нимъ. Отказаться не было никакой возможности, и дорогой спутникъ Ивкова, между прочимъ, сказалъ, что, по мнѣнію Захарина, вторичнаго суда надъ Ильей раньше, какъ черезъ полгода, ждать нельзя.

— Почему такъ долго?

— Да потому, что хлопотать за него некому. Дѣло пойдетъ въ очередь, или, лучше сказать, внѣ очереди, когда нельзя будетъ дольше его откладывать. Вы ужъ тогда будете далеко, — прибавилъ онъ.

— Надо надѣяться,— поспѣшилъ согласиться Ивковъ.

И прибавилъ къ этому, что ему надо завтра чуть свѣтъ ѣхать въ Финляндію, чтобъ повидаться съ родственниками, которые тамъ живутъ на дачѣ.— Надо пользоваться свободнымъ временемъ, выйдетъ назначеніе, придется, можетъ быть, немедленно уѣзжать...

— И надолго вы туда?

— Недѣли на двѣ...

— Мы, значитъ, больше не увидимся. Очень радъ, что хоть сегодняшній вечеръ удалось провести вмѣстѣ.

VIII.

Всю ночь Ивковъ не смыкалъ глазъ, такъ взволновали его неожиданныя извѣстія.

Поднялся онъ съ постели чуть свѣтъ и принялся за укладку вещей. Въ девять часовъ позвонилъ и объявилъ вошедшему на зовъ лакею, что онъ уѣзжаетъ, и чтобъ ему приготовили счетъ.

Погода была пасмурная. Отъ свинцовыхъ тучъ, нависшихъ надъ городомъ, было такъ темно, что съ трудомъ можно было разбирать газеты, поданныя ему вмѣстѣ съ чаемъ и со счетомъ.

Онъ подумалъ, что наступаетъ осень, отвратительнѣйшее время года въ Петербургѣ для человѣка, не имѣющаго домашней обстановки, что скоро нельзя будетъ проводить цѣлые дни въ Таврическомъ или Лѣтнемъ саду, какъ онъ это дѣлалъ до сихъ поръ, чтобъ спастись отъ надоѣвшей до тошноты суматохи въ гостиницѣ, и рѣшилъ взять болѣе удобное помѣщеніе.

Но итти къ таинственной незнакомкѣ, предлагавшей ему у себя пристанище, было рано; до двѣнадцати часовъ, навѣрное, не приметъ.

Расплатившись по счету, онъ приказалъ хранить свои вещи, пока за ними не пришлетъ, и пошелъ бродить по городу, останавливаясь передъ магазинами и машинально перечитывая этикетки на вещахъ, выставленныхъ въ окнахъ.

Потомъ онъ зашелъ въ читальню, просмотрѣлъ новые журналы и, убивъ такимъ образомъ время до половины перваго, отправился разыскивать домъ, означенный въ письмѣ, съ которымъ не разставался.

Домъ этотъ, въ одной изъ самыхъ бойкихъ улицъ, близъ Невскаго, оказался современной постройки, пятиэтажный, съ парадными подъѣздами, не только на улицѣ, но также и на дворѣ, куда онъ и направился, слѣдуя указаніямъ письма.

На вопросъ его, какъ найти 42-й номеръ, швейцаръ, стоявшій передъ дверью, рекомендовалъ ему подняться до самаго верха и позвонить у двери.

— По этой лѣстницѣ, у насъ на самомъ верху другихъ жильцовъ, кромѣ княгини, нѣтъ, сейчасъ найдете,—прибавилъ онъ.

Широкая свѣтлая лѣстница, покрытая ковромъ, произвела на Ивкова пріятное впечатлѣніе тишиною, комфортомъ и пустотой. Когда онъ поднимался по ней мимо запертыхъ дверей, съ фамиліями жильцовъ на металлическихъ дощечкахъ, ему не встрѣтилось ни души. Безъ труда нашелъ онъ номеръ 42-й, и, хотя на двери не было ни карточки, ни дощечки съ именемъ жильцовъ, онъ не задумался позвонить.

Ему пришлось ждать довольно долго прежде, чѣмъ за дверью раздались шаги и ключъ повернулся въ замкѣ.

— Что вамъ угодно?—спросила дѣвушка, съ довольно красивыми чертами поблекшаго лица, въ классическомъ костюмѣ субретки: темномъ платьѣ, бѣломъ передникѣ и съ гладко зачесанными волосами.

Вопросъ свой она произнесла съ холодною вѣжливостью и дверь пріотворила настолько, чтобъ не дозволить незнакомцу даже взглядомъ проникнуть въ квартиру.

— Я Ивковъ, ваша барыня мнѣ писала про комнату, которая у васъ сдается.

Окинувъ его съ ногъ до головы внимательнымъ взглядомъ, она сняла цѣпь съ двери и пригласила его войти.

— Извольте здѣсь подождать, я доложу ея сіятельству.

И, притворивъ за нимъ дверь, оставила его одного въ темной прихожей.

Прошло нѣсколько минутъ въ полнѣйшей тишинѣ. Про него точно забыли. Соскучившись ждать въ темнотѣ, онъ началъ искать выхода въ другую комнату, нашелъ ощупью дверь, попробовалъ ее растворить, и, когда она подалась, онъ увидалъ большую и оригинально убранную гостиную.

Впрочемъ, слово «убранство» сюда не подходило, здѣсь царилъ полный безпорядокъ, какъ передъ отъѣздомъ или по возвращеніи изъ дальняго путешествія, когда не успѣли еще распаковать дорожныхъ сундуковъ и чемодановъ, стоявшихъ среди комнаты вперемежку съ мебелью красивой заграничной работы и обитой, должно быть, дорогой матеріей, если судить по кистямъ и бахромѣ, кое-гдѣ выступавшимъ изъ-подъ чехловъ, которыми она была покрыта.

Но что въ особенности привлекло вниманіе Ивкова, это высокія пальмы и другія растенія, одно роскошнѣе другого, красовавшіяся не у оконъ, какъ обыкновенно, а среди комнаты и на извѣстномъ разстояніи одно отъ другого, какъ на выставкахъ. Ихъ широкіе листья, вѣерообразные, стрѣльчатые и перистые, раскидывались во всѣ стороны, свѣжіе, жирные, глянцовитые, безъ пылинки, безъ пятнышка.

Комната была полукруглая, въ пять оконъ, ничѣмъ не завѣшенныхъ и съ чисто промытыми стеклами, выходившихъ на открытое пространство, высоко надъ сосѣдними крышами.

Любуясь изъ нихъ небомъ, можно было забыть, что находишься въ пыльномъ, душномъ городѣ, а царившая вокругъ тишина довершала иллюзію.

Ивкову было тутъ такъ хорошо, что онъ съ досадой вздрогнулъ, когда позади его раздались шаги, и явилась знакомая ему горничная.

— Ея сіятельство васъ проситъ осмотрѣть ту комнату, которая у насъ сдается, — объявила она, не выражая ни малѣйшаго удивленія при видѣ растворенной двери, передъ которой она его застала.

Онъ послѣдовалъ за нею въ длинный коридоръ, въ концѣ котораго была дверь въ предназначенное для него помѣщеніе.

Здѣсь ему понравилось еще больше, чѣмъ въ круглой гостиной. Комната была просторная и свѣтлая, обставлена всѣмъ необходимымъ для спокойной и комфортабельной жизни. Единственная дверь и оба окна были задрапированы тяжелыми занавѣсами, а когда онъ раздвинулъ кисейныя сторы передъ стеклами, то могъ любоваться небомъ, какъ и въ круглой гостиной. И тутъ такъ же, какъ и тамъ, было тихо, и можно было воображать себя въ деревнѣ.

«Вотъ гдѣ можно все забыть! Остальной міръ такъ далекъ, что никто меня здѣсь и не найдетъ!»—подумалъ онъ.

И какъ хорошо, что его оставили здѣсь одного, чтобъ ознакомиться на просторѣ съ новымъ помѣщеніемъ!

Надъ ночнымъ столикомъ бѣлѣлась пуговка электрическаго звонка; онъ ее надавилъ и сказалъ явившейся горничной, что комната ему нравится, и что онъ ее возьметъ, если условія, на которыхъ ее сдаютъ, окажутся для него подходящими.

— Княгиня васъ проситъ къ нимъ пожаловать,—объявила она. выходя въ коридоръ, куда онъ за нею послѣдовалъ.

«Зачѣмъ упомянулъ я про условія, когда нѣтъ такой жертвы, которой я бы не принесъ, чтобъ только здѣсь остаться!»—думалъ онъ.

Снова вошли они въ прихожую, уже освѣщенную лампой, и, остановившись передъ дверью въ углубленіи стѣны, спутница его постучалась въ нее, не дождавшись отвѣта изнутри, ее растворила и, пропустивъ его впередъ со словомъ: пожалуйте-съ, скрылась, опустивъ за нимъ портьеру.

Полутемный покой, въ которомъ онъ очутился, былъ освѣщенъ, какъ ночью, чрезвычайно пріятнымъ свѣтомъ, разливавшимся изъ-подъ абажура на лампѣ, стоявшей на столѣ у низкой и широкой кровати среди комнаты, на пунцовомъ коврѣ.

Тутъ пахло чрезвычайно крѣпкими духами, и первое, что его поразило среди сравнительной темноты (производившей странное впечатлѣніе послѣ дневного свѣта, изъ котораго онъ сюда пришелъ), была женская фигура въ бѣломъ, лежавшая на кровати и больше похожая на призракъ изъ фантастической сказки, чѣмъ на существо изъ дѣйствительной жизни.

Странно худое лицо смотрѣло на него пристальнымъ, холоднымъ взглядомъ большихъ ввалившихся глазъ изъ-подъ завитковъ черныхъ волосъ, низко спускавшихся на лобъ. Костлявая рука, съ перстнями на всѣхъ пальцахъ, покоилась на бѣлой турецкой шали, прикрывавшей ея ноги выше колѣнъ, придерживая книгу въ переплетѣ. Оставляя углы комнаты въ тѣни, свѣтъ изъ-подъ абажура освѣщалъ близъ стоявшіе предметы: этажерку съ книгами и брошюрами, а также низкое обитое пунцовымъ атласомъ кресло, на которое молча указали Ивкову.

Онъ сѣлъ и тогда только замѣтилъ сѣрую кошку, свернувшуюся въ складкахъ шали и лежавшую такъ неподвижно, что, еслибъ не сверкавшіе фосфорическимъ блескомъ глаза, онъ бы принялъ ее за чучелу.

Прошло довольно продолжительное время въ неловкомъ молчаніи. Онъ ждалъ, чтобъ княгиня заговорила, а она продолжала на него смотрѣть и съ такимъ спокойнымъ любопытствомъ его разглядывала, точно передъ нею не живой человѣкъ, а неодушевленный предметъ. Наконецъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, чтобъ стряхнуть все сильнѣе и сильнѣе овладѣвавшее имъ оцѣпенѣніе, онъ прервалъ молчаніе, грозившее затянуться на неопредѣленное время, и объявилъ, что комната, которую она сдастъ, ему нравится, и что онъ съ удовольствіемъ ее бы взялъ.

И смолкъ, не зная, что къ этому прибавить.

Она продолжала на него смотрѣть, но выраженіе ея взгляда начало постепенно измѣняться; въ немъ не было уже прежняго на-

пряженнаго вниманія, жизнь въ немъ стала гаснуть. Глаза все еще смотрѣли, но ничего не видѣли, это были глаза мертвеца.

Онъ ждалъ, не ощущая ни досады, ни нетерпѣнія. Овладѣвшая имъ истома притупляла умъ и сердце. Ни о чемъ не хотѣлось думать, а между тѣмъ онъ сознавалъ вполнѣ ясно то, что съ нимъ происходило, и, всматриваясь въ лицо своей новой знакомой, спрашивалъ себя: «Сколько ей можетъ быть лѣтъ? Пятьдесятъ? Семьдесятъ? Сто?»

Она себя называла старухой, но, припоминая выраженіе ея взгляда за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, онъ рѣшилъ про себя, что у старухъ такихъ глазъ не бываетъ, проницательныхъ и притягательныхъ. Теперь только, когда жизнь въ нихъ померкла, могъ онъ отъ нихъ оторваться, чтобъ разглядѣть остальныя черты ея лица: длинный тонкій носъ, острый подбородокъ, впалыя щеки, обтянутыя нарумяненной кожей. Губы и брови тоже были подкрашены. Поры такъ затянулись, что краска въ нихъ не впитывалась, а засыхала на поверхности, какъ на пергаментѣ.

И вдругъ, она зажмурилась и морщась, какъ отъ боли, снова раскрыла уже живые глаза и спросила: можно ли съ нимъ говорить по-французски?

Онъ отвѣчалъ утвердительно, и на ея лицѣ выразилось нѣчто въ родѣ удовольствія.

— Мнѣ трудно говорить по-русски. Я долго жила за границей... Да и вообще все русское мнѣ чуждо и довольно.... противно,—прибавила она, съ запинкой передъ послѣднимъ словомъ, точно пытаясь проникнуть въ его мысли, чтобъ угадать, какъ онъ отнесется къ ея заявленію.

И, вѣроятно, успокоившись на этотъ счетъ, она объявила, что желала бы получать за комнату 25 рублей въ мѣсяцъ.

— Вамъ это не дорого?

— Нисколько. Помѣщеніе такъ удобно...

— Здѣсь тихо. Кому нуженъ покой и одиночество, тотъ долженъ жить, какъ я. Свѣтъ мнѣ въ тягость... Свѣтъ во всѣхъ смыслахъ,— прибавила она, кивая на горѣвшую возлѣ нея лампу и на плотно спущенныя драпировки у оконъ.

— И мнѣ также,—вырвалось у него.

Она продолжала пристально на него смотрѣть,

— У васъ хорошъ выговоръ. Вы жили во Франціи?

— Нѣтъ, но въ дѣтствѣ при мнѣ была француженка.

И, невольно повинуясь потребности высказать ей то, что, судя по напряженному вниманію, съ которымъ она его слушала, ей хотѣлось отъ него узнать, онъ разсказалъ ей такія подробности о своемъ дѣтствѣ и отрочествѣ, о которыхъ никогда почти не вспоминалъ, и которыя всплывали ему на умъ по мѣрѣ того, какъ слова срывались съ его губъ.

Она слушала его внимательно. Можетъ быть, вниманіе это и поощряло его къ откровенности; такъ или иначе, но онъ разсказалъ ей и про смерть матери и про женитьбу отца на дѣвушкѣ моложе его лѣтъ на тридцать, про поступленіе его въ московскій корпусъ, про отъѣздъ отца въ Сибирь на службу, гдѣ онъ и умеръ, не успѣвъ проститься съ сыномъ.

— Есть у васъ родственники?—спросила она.

Вопросъ этотъ воскресилъ въ его памяти недавнее пребываніе въ Москвѣ и то, что заставило его оттуда бѣжать. Злая змѣя, заснувшая было въ его груди, зашевелилась, и хотя почти тотчасъ же опять замерла, однако говорить больше не хотѣлось, и на умѣ завертѣлся вопросъ: «Для чего я все это ей разсказалъ? Какое ей до этого дѣло?»

И дѣйствительно, она какъ будто забыла про то, что онъ ей сказалъ, и, переждавъ немного, спросила, любитъ ли онъ читать.

Вопросъ этотъ такъ мало вязался съ предметомъ его рѣчи, что смутилъ его, неожиданнымъ образомъ нарушая нить его мыслей.

— Кто же не читаетъ!—отвѣтилъ онъ съ досадой.

— У меня много книгъ, я могу вамъ ихъ давать. У меня такія книги, которыхъ вы здѣсь не достанете, ихъ запрещено привозить въ Россію.

Онъ молча поблагодарилъ наклоненіемъ головы, въ то время, какъ въ умѣ его завертѣлся вопросъ: не къ участницѣ ли политическаго заговора онъ попалъ? Ему говорили, что такія личности считаютъ своимъ долгомъ заниматься пропагандой.

— А на счетъ всего прочаго обращайтесь, пожалуйста, къ Лизѣ.

Это было похоже на намекъ о прекращеніи аудіенціи, но, мысленно повторяя себѣ, что пора уходить, онъ не трогался съ мѣста. Воцарилось молчаніе, прерываемое только шуршаніемъ ея руки по одѣялу, которое она разглаживала ладонью, устремивъ глаза въ пространство.

Оставаться дольше казалось неловко, и, сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ поднялся съ мѣста.

— Такъ я переберусь сегодня же, если позволите,—проговорилъ онъ и, озадаченный ея молчаніемъ, прибавилъ, переждавъ съ минуту:—въ какое время мнѣ лучше переѣхать, чтобъ васъ не безпокоить?

— Мнѣ все равно, спросите у Лизы,—отвѣчала она слабѣющимъ голосомъ, опуская голову на подушки и закрывая глаза.

Онъ поспѣшилъ выйти, провожаемый сверкающими глазами кошки.

Въ прихожей его ждала Лиза. Онъ передалъ ей деньги за комнату и замѣтилъ, что ему хотѣлось бы переѣхать сегодня.

— Когда вамъ будетъ угодно. У насъ всегда такъ, какъ теперь. Княгиня почиваютъ днемъ. Ложатся во второмъ часу, а вста-

ютъ въ первомъ ночи,—прибавила она, взглянувъ на часы, висѣвшіе рядомъ съ лампой и показывавшіе половину третьяго.

Онъ пробылъ здѣсь болѣе часа.

Выходить на шумную людную улицу не хотѣлось, клонило ко сну. Хорошо бы здѣсь остаться! Да и куда итти? Въ гостиницу, чтобъ встрѣтиться съ Фроловымъ, который непремѣнно заговоритъ про Илью?..

Ему стало такъ жутко при этой мысли, что чувство это, безъ сомнѣнія, отразилось на его лицѣ, потому что догадливая Лиза поспѣшила вывести его изъ затрудненія.

— Не прикажете ли послать за вашими вещами въ гостиницу?—предложила она.—Зачѣмъ же вамъ самимъ безпокоиться? У меня есть такой человѣкъ, ему можно поручить.

Ивковъ согласился и прошелъ въ комнату, которую могъ считать на цѣлый мѣсяцъ своей. Тутъ онъ повалился на кровать и крѣпко заснулъ.

IX.

Когда онъ проснулся, было совсѣмъ темно. Онъ зажегъ свѣчу и увидалъ, что вещи его принесены и сложены у двери.

Часы показывали половину двѣнадцатаго.

Пробужденія его, повидимому, дожидались; раздался стукъ въ дверь, и вошла Лиза съ зажженной лампой и съ пачкой книгъ.

— Княгиня приказала вамъ передать, что если вы эти книги читали, она вамъ можетъ прислать другія,—объявила она, ставя лампу на столъ передъ диваномъ и кладя рядомъ книги.—Угодно самоваръ?

Чаю ему не хотѣлось. Ничего ему не хотѣлось, кромѣ покоя. Сонъ его не освѣжилъ. Онъ чувствовалъ себя разбитымъ и съ ноющими членами, точно послѣ изнурительнаго физическаго труда, но зато нервы притупились, и обычной ноющей боли въ сердцѣ не ощущалось.

— Если позволите, я уложу ваши вещи въ комодъ, чтобъ онѣ не мялись,—предложила Лиза, не настаивая на самоварѣ.

Онъ подалъ ей ключи и сѣлъ въ глубокое кресло у стола съ лампой.

Взявъ одну изъ книгъ, онъ началъ ее перелистывать довольно лѣниво и разсѣянно, но съ первыхъ же строкъ такъ увлекся, что не замѣтилъ, какъ Лиза, окончивъ уборку вещей, вышла изъ комнаты.

То, что онъ нашелъ въ богато иллюстрированномъ изданіи, попавшемъ ему въ руки такимъ непредвидѣннымъ образомъ, было такъ ново, цинично и дерзко, изложено такъ красиво, смѣло и увлекательно, что будило въ умѣ непреодолимое желаніе проникнуть все

глубже и глубже въ смыслъ, скрывавшійся подъ темными намеками, дразнившими воображеніе таинственнымъ обаяніемъ.

Перечитывая нѣкоторыя строки, особенно поразившія его, онъ давалъ себѣ слово непремѣнно узнать отъ княгини ихъ значеніе.

Она должна была знать...

Странное дѣло! Никогда не тянуло его къ мистическому, къ тому, что принято называть сверхъестественнымъ, а тутъ онъ вдругъ, точно подъ чьимъ-то напітіемъ, постигъ наслажденіе погружаться въ невѣдомыя дебри, гдѣ все было такъ далеко отъ дѣйствительности, что про нее можно было забыть.

Перелистовавъ книгу, онъ отложилъ ее въ сторону, чтобъ впослѣдствіи внимательнѣе перечитать, и принялся за другую, въ надеждѣ найти въ ней ключъ къ пониманію первой.

Здѣсь оказалось множество иллюстрацій съ описаніемъ умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ извращеній, о которыхъ онъ раньше смутно слышалъ, а также и такихъ, о которыхъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія...

И все это было описано въ такомъ духѣ и представлялось въ такомъ свѣтѣ, что онъ и этой книгой увлекся столько же, сколько и первой.

Вотъ что ему было надо! Вотъ къ чему онъ безсознательно стремился, съ тѣхъ поръ, какъ силой обстоятельствъ онъ отлучилъ себя отъ среды людей, съ которыми раньше одинаково мыслилъ и чувствовалъ.

Раньше, до перемѣны, свершившейся въ его духовномъ мірѣ.

Передъ нимъ раскрывался новый міръ взамѣнъ утраченнаго, таинственный и мрачный, но какой обаятельный и любопытный!

Только съ тѣми, для кого пишутся такія книги, найдетъ онъ путь къ новой жизни.

X.

Изъ комнаты Ивкова Лиза дошла до конца коридора, повернула въ другой поуже, спустилась внизъ ступеней на пять, въ антресоли, гдѣ была кухня и комнаты для прислуги, одна большая, занятая ею, другая маленькая, гдѣ спала, когда ей это дозволялось, несчастное существо, Лукерья, взятая ей въ помощницы для черныхъ работъ и находившаяся въ полномъ ея распоряженіи.

О существованіи Лукерьи въ квартирѣ княгиня знала потому только, что платила ей черезъ Лизу жалованье. Лукерьѣ, подъ страхомъ немедленнаго изгнанія, запрещено было попадаться на глаза княгинѣ, и она такъ опасалась нарушить это запрещеніе, что когда приносила воду для поливки растеній, съ трепетомъ озиралась по сторонамъ, чтобъ при малѣйшемъ шорохѣ обратиться въ бѣгство.

Лиза заглянула въ кухню, гдѣ раба ея раздувала самоваръ, и приказала нести его къ ней въ комнату, когда будетъ готовъ.

— Василій Игнатьичъ спрашивали пива,—робко доложила Лукерья.

— Принеси. Да живо у меня! Чтобъ одна нога здѣсь, другая тамъ!—приказала ея повелительница и прошла къ себѣ.

Тутъ, передъ накрытымъ пестрой скатертью столомъ, сидѣлъ красивый гвардеецъ лѣтъ двадцати двухъ, съ папиросой въ зубахъ и съ «Петербургскимъ Листкомъ» въ рукахъ.

— Справили службу?—спросилъ онъ, откладывая газету и усиленно выпуская дымъ изъ папиросы.—Съ жильцомъ-то, видать, хлопотъ у васъ прибавилось?

— Понятно, а все же закусить успѣемъ. Чаю не желаетъ, занялся книжками, говорила она, уставляя столъ посудой и закусками, которыя вынимала изъ шкапа.—Все это я въ Милютиныхъ купила, барыня меня туда за фруктами и за вареньемъ посылала,—объясняла она, вывертывая изъ бумаги сыръ, колбасу, кильки.—У насъ сегодня парадный чай.

— Новаго жильца будете угощать?

— Его самаго. Будетъ онъ у насъ въ чести, пока не надоѣстъ.

И, усѣвшись рядомъ со своимъ гостемъ, она спросила:—Нравится?

— Ничего. Горяченькаго бы чего нибудь, отъ соленаго-то душа загорится,—отвѣчалъ онъ, пережевывая хлѣбъ съ сыромъ.

— Сейчасъ самоваръ подадутъ,—сказала она, нѣжно заглядывая ему въ глаза.

— Я не про то,—замѣтилъ онъ съ гримасой, принимаясь за колбасу.—Чай, это чтобъ кишки прополоскать.

— За пивомъ послала.

— Да я къ тому, что намеднись меня Аннушка, изъ пятаго номера, горячимъ ростбифомъ съ гарниромъ угостила.

— Ей есть гдѣ украсть, а у меня одна барыня, да и та ничего не кушаетъ, и остатковъ у насъ не бываетъ. Говорила вамъ, какъ знакомились: окромя холодныхъ закусокъ, ничего не ждите,—сердито проворчала она, отодвигаясь отъ него.

— Да я только такъ, къ слову,—поспѣшилъ онъ поправиться, отхватывая ножомъ кусокъ колбасы.

— То-то къ слову. Слова-то у васъ мужицкія, вотъ что! И никакого обращенія съ достойной дѣвицей вы не понимаете,—брюжжала она, продолжая отъ него отвертываться.

Наступило молчаніе, къ счастью, вскорѣ прерванное появленіемъ Лукерьи съ самоваромъ и съ бутылками подъ мышками. Уставивъ свою ношу на столъ и получивъ объѣдки отъ закуски, она вышла, а Лиза съ гостемъ принялись за чаепитіе.

— А гдѣ же онъ будетъ обѣдать, когда вы дома ничего не варите?—спросилъ Василій Игнатьичъ, кивая по направленію къ двери.

— А песъ его знаетъ! Сегодня обѣдъ проспалъ. Какъ очумѣлый, изъ ейной спальни вышелъ, блѣдный, шатается. Хотѣлъ самъ за вещами ѣхать, да я не пустила. Куда такому на улицу выходить, за пьянаго бы, чего добраго, приняли. Вотъ какъ его, съ непривычки, отъ ейныхъ духовъ закачало! Какъ повалился на кровать, такъ и заснулъ. Какъ Андрей вещи принесъ, какъ онъ ихъ поставилъ,—ничего не слыхалъ. Сейчасъ только проснулся, гдѣ ужъ теперь обѣдать! Добрые люди ужинаютъ да спать ложатся. Она въ духи-то, что округъ себя прыскаетъ, стала чего-то подмѣшивать. Ужъ на что я ко всѣмъ ейнымъ запахамъ принюхалась, а этого вынести не могу. Намеднись насилу у нея выстояла, какъ вышла за дверь, такъ вытошнило.

— Тэкъ-съ, служба ваша тоже не изъ легкихъ,—глубокомысленно замѣтилъ ея собесѣдникъ.

— Не говорите! Знали бы да вѣдали тѣ, что мнѣ завидуютъ, во что мнѣ большое-то жалованье обходится, перестали бы на мой счетъ языки-то чесать. Ужъ одно то возьмите, что ни единой ноченьки выспаться не дадутъ. Вотъ и вы уйдете, и Лукерья завалится спать, и весь домъ захрапитъ, а моя тутъ только и поднимется, да и давай чудить, съ цвѣтами возиться, въ книжку, что у нея подъ ключомъ въ столѣ заперта, писать, либо вещи мыть да чистить. А то такъ наряжаться вздумаетъ, разодѣнется, волосы себѣ уберетъ, какъ на балъ, да и сядетъ изъ окна смотрѣть.

— На что же она смотритъ, когда стѣны кругомъ? Кабы окна на улицу выходили...

— И во дворѣ люди живутъ, а ей все антиресно знать: кто въ какомъ часу вернулся, одинъ или съ дамой, кто когда вышелъ. Возьметъ бинокль, чтобъ лучше сквозь стекла въ чужія квартиры заглядывать. Гдѣ нѣтъ сторокъ или забыли спустить, все видно, вотъ она и забавляется, какъ въ театрѣ. Много она такимъ манеромъ секретовъ узнала!... Кушайте пиво-то, пока холодное.

Онъ осушилъ стаканъ, который она ему налила, и закурилъ новую папиросу, а она, между тѣмъ, продолжала свои изліянія.

— Дрыхнетъ со второго часу до полуночи, проснется, какъ мертвая, ничего не видитъ и не слышитъ, только тогда и оживѣетъ, когда зелья своего клюкнетъ.

— Да что это у нея за зелье? Вино что ли какое?

— Какое тамъ вино! Ядъ, чистый ядъ! Отъ самого доктора слышала, за которымъ я въ позапрошломъ году бѣгала, когда она у меня трое сутокъ глазъ не раскрывала. «Такой порціи, говоритъ, какъ ваша княгиня кажинный день принимаетъ, достаточно, чтобъ троихъ человѣкъ на тотъ свѣтъ отправить». А она ничего, при-

выкла. И другихъ пріучаетъ. Была у насъ тутъ сосѣдка, молоденькая дамочка, такъ наша княгиня такъ ее заласкала, что та безъ насъ просто жить не могла. Ночью, бывало, отъ мужа убѣжитъ, чтобъ съ нашей вѣдьмой посидѣть. Тоже начала въ себя этотъ самый ядъ впускать. Хорошо, что супругъ сѣйный во-время спохватился и въ провинцію ее увезъ. Ужъ какъ они тамъ таперь, не знаю. Можетъ, и отвыкла, снадобья этого тамъ не достанешь.

— А гдѣ же вы его здѣсь достаете?

— Это тоже исторія любопытная, когда нибудь разскажу на досугѣ...

Въ кухнѣ громко зазвонили часы.

— Надо иттить ее будить! вскричала она, срываясь съ мѣста и подбѣгая къ зеркалу, чтобъ оправить волосы и платье.

— Успѣете еще! Вы хотѣли разсказать про племянницу вашей барыни, какъ она своего супруга сумасшедшимъ сдѣлала.

— Ну, этого въ скорости не разскажешь, издавна тянется дѣло и хитро затѣяно... Вы меня подождете здѣсь?

— Не знаю, право,—нерѣшительно отвѣчалъ онъ.

— Чего тутъ не знать? Нешто вы вашему ефрейтору не сказались?—сердито спросила она, надѣвая свѣжій передникъ и расправляя кружевца передъ зеркаломъ.

— Сказать-то сказался...

— Такъ что же васъ удерживаетъ? Прежде упрашивать васъ оставаться не надо было, сами были рады радешеньки,—прибавила она съ горечью.

— Да полно вамъ,—съ досадой махнулъ онъ рукой.

— Какъ знаете! На колѣни не стану, не безпокойтесь,—продолжала она съ возрастающимъ раздраженіемъ.—Мы тоже не изъ послѣднихъ, сословія хоша и женскаго, а понимать можемъ, чего кавалеръ стоитъ... Не чета вамъ господинъ, а такой, передъ которымъ вы иначе, какъ руки по швамъ, разговаривать не смѣете, третьяго дня мнѣ коробку конфетъ поднесъ съ комплиментомъ. Вотъ, если не вѣрите,—прибавила она, указывая на розовую коробку отъ конфетъ, красовавшуюся на комодѣ.

— Да я что же, нешто я отказываюсь,—произнесъ онъ съ смущеніемъ.

— Какъ желаете,—отрѣзала она.

И, не дожидаясь возраженія, прошла въ коридоръ, не оборачиваясь.

XI.

На часахъ у княгини тоже пробило двѣнадцать.

Хозяйка, въ томъ же перемятомъ пенюарѣ, въ которомъ она принимала за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ Ивкова, съ книгой въ рукѣ и съ кошкой на ногахъ, спала такъ крѣпко, что не шелохнулась, когда вошла Лиза съ зажженной лампой въ рукахъ.

Лампа горѣла такъ ярко, что кошка приподнялась и сверкнула своими зелеными глазами на вошедшую, но княгиня оставалась неподвижна, съ вытянутыми, какъ у мертвой, чертами на посинѣломъ лицѣ. Должно быть, Лиза привыкла видѣть ее такой; совершенно равнодушно и не принимая никакихъ предосторожностей, чтобъ ея не разбудить, сняла она съ догоравшей у постели лампы абажуръ, надѣла его на вновь принесенную, которую поставила на мѣсто первой, и, пригнувшись къ лицу спящей, громко объявила, что пробило двѣнадцать.

— Ваше с—во приказали себя разбудить ровно въ двѣнадцать часовъ,—повторила она раза три безъ результата.

Госпожа ея не подавала признака жизни.

Подождавъ съ минуту, Лиза схватила кошку за загривокъ и швырнула ее на спящую, со словами: теперь ужъ ты ее буди.

Мѣра эта подѣйствовала. Когда кошка заскребла когтями по кружевамъ на ея груди, княгиня открыла глаза, но прошло довольно много времени прежде, чѣмъ въ нихъ засвѣтилась жизнь, и эти открытые безъ взгляда глаза были ужасны.

Но и этимъ явленіемъ Лиза нимало не смутилась; переждавъ немного, она повторила фразу, произнесенную раньше: вы приказали себя разбудить ровно въ двѣнадцать, ваше с—во.

Наконецъ, княгиня очнулась, и первымъ ея движеніемъ было протянуть руку къ столику, взять съ него граненый флаконъ и хлебнуть глотокъ заключавшейся въ немъ жидкости. Послѣ этого, все тѣмъ же автоматическимъ движеніемъ поставивъ флаконъ на мѣсто, она откинулась на подушки и закрыла глаза. Въ такомъ положеніи она пролежала довольно долго. Кошка, свернувшаяся на ея груди, блаженно бурчала, а Лиза приводила въ порядокъ комнату.

Мало-по-малу снадобье начало дѣйствовать; лицо княгини постепенно оживало и преображалось, черты становились подвижнѣе, синеватая блѣдность уступала мѣсто слабому румянцу, она дышала глубже и свободнѣе и, наконецъ, открывъ глаза, спросила:

— Что дѣлаетъ г-нъ Ивковъ?

— Читаютъ. Спрашивала, не угодно ли чаю, ничего не отвѣчали.

— Оставьте его въ покоѣ. Самъ скажетъ, когда ему будетъ что нибудь нужно. Приготовьте чай въ столовой, черезъ часъ я

спрошу самоваръ,—продолжала княгиня съ возрастающимъ оживленіемъ.

Съ каждымъ словомъ голосъ ея становился громче, движенія порывистѣе, взглядъ пронзительнѣе, и не успѣла Лиза выйти, какъ она соскочила съ постели съ живостью пятнадцатилѣтней дѣвочки, подбѣжала босыми ногами къ двери, задвинула задвижку и принялась за свой туалетъ.

Прежде всего она зажгла въ канделябрахъ передъ туалетнымъ зеркаломъ свѣчи, сѣла передъ нимъ и принялась за гримировку своего поблекшаго лица.

Опытнѣйшая актриса позавидовала бы искусству, съ которымъ она бѣлилась, румянилась, разрисовывала жилки, подводила брови и тѣни подъ глазами. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, она принялась за прическу и воздвигла на своей почти совершенно лысой головѣ такой шедевръ изъ фальшивыхъ локоновъ и косъ, что любой куаферъ пришелъ бы отъ него въ восторгъ.

Окончивъ прическу, она растворила глубокую шифоньерку и вынула изъ нея тщательно завернутое въ шелковую бумагу бархатное платье, внимательно осмотрѣла его и надѣла на себя.

Платье было ветхо, во многихъ мѣстахъ лоснилось и протерлось, да и по фасону его можно было убѣдиться, что шито оно много лѣтъ тому назадъ, но когда она прикрыла себѣ плечи бѣлымъ кружевнымъ шарфомъ, красиво обмотавъ его вокругъ морщинистой шеи, весь ея нарядъ принялъ такой богатый и изящный видъ, что никому бы и въ голову не пришло подмѣчать его изъяны.

Отступивъ шага на три отъ трюмо, она нѣсколько минутъ любовалась собою, улыбаясь странной, загадочной улыбкой... Призракамъ изъ далекаго прошлаго, проносившимся въ ея воображеніи, можетъ быть?

Затѣмъ, погасивъ свѣчи у трюмо и на туалетномъ столѣ, она прошла черезъ гостиную въ столовую, гдѣ былъ красиво сервированъ чай.

— Скажите г-ну Ивкову, что я прошу его кушать чай,—приказала она вошедшей съ серебрянымъ самоваромъ Лизѣ.

И, откинувъ граціознымъ движеніемъ длинный шлейфъ, сѣла передъ столомъ, уставленнымъ дорогимъ сервизомъ и хрустальными вазами съ печеньемъ и фруктами.

Ивковъ такъ мало ожидалъ приглашенія, что первымъ его движеніемъ было отказаться отъ него, но когда Лиза ему объявила, что княгиня ждетъ его въ столовой, у него не хватило духу сказать, что онъ не придетъ, и, наскоро оправивъ свой костюмъ, онъ вышелъ въ коридоръ, освѣщенный полосой свѣта, пронизывавшагося изъ полурастворенной двери въ столовую.

Княгиня наливала ему чай въ стаканъ, когда онъ вошелъ.

Чай былъ крѣпкій, душистый и чрезвычайно вкусный. Замѣ-

тивъ, что онъ пьетъ его съ удовольствіемъ, она сказала, что получаетъ его прямо изъ Китая, отъ пріятеля, съ которымъ познакомилась въ Парижѣ, гдѣ онъ учился.

— Теперь этотъ бывшій студентъ важный государственный дѣятель. Я съ нимъ въ перепискѣ. Много хлопотъ надѣлаетъ онъ Россіи,—прибавила она съ усмѣшкой.

— Какимъ образомъ?—спросилъ Ивковъ.

— Онъ во главѣ тайнаго общества, задавшагося цѣлью истребленія иностранцевъ въ странѣ, между прочимъ, и русскихъ,—холодно пояснила она, точно дѣло идетъ о самомъ обыкновенномъ явленіи, и спросила, какъ понравились ему книги, которыя она ему прислала.

Онъ сознался, что многаго въ нихъ не понялъ.

Она съ любопытствомъ на него посмотрѣла.

— Вотъ какъ! Даже не поняли? Къ сожалѣнію, я вамъ это объяснить не могу. Надо собственнымъ умомъ до этого дойти, вымучить въ себѣ, такъ сказать, пониманіе этихъ идей, освоиться съ ними, и тогда будетъ хорошо... насколько можетъ быть хорошо человѣку, постигшему гнусный смыслъ, или, лучше сказать, безсмысліе жизни... Но васъ это все-таки заинтересовало? Вы этого не нашли глупымъ вздоромъ?

— Нѣтъ, вздоромъ этого отнюдь назвать нельзя, но это, можетъ быть, безнравственно...

— Со мною вы про нравственность, пожалуйста, не говорите,—рѣзко прервала она его.—Я этихъ глупостей не признаю. И если вдуматься хорошенько, то и различія между зломъ и добромъ не существуетъ,—продолжала она.—Я вамъ это сейчасъ поясню примѣромъ. На-дняхъ мнѣ разсказывали такой случай. Здѣсь есть писатель, вы его знаете по его произведеніямъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ, уже старикъ, изъ корифеевъ литературы. Пришелъ онъ въ Казанскій соборъ (панихиду должны были по комъ-то служить, въ видѣ демонстраціи), и тамъ, среди публики, собравшейся къ обѣднѣ, видитъ знакомаго, съ сынишкой лѣтъ восьми. Подходитъ. Здороваются. «Какъ вы сюда попали?»—спрашиваетъ отецъ ребенка, который зналъ старика за свободнаго мыслителя. «По дѣлу»,—отвѣчаетъ этотъ послѣдній. Ребенокъ, воспитанный въ отсталыхъ религіозныхъ понятіяхъ, нашелъ этотъ отвѣтъ страннымъ и вмѣшался въ разговоръ. «Вы пришли Богу молиться?»—спросилъ онъ. «Нѣтъ, голубчикъ,—отвѣчалъ писатель,—я никогда не молюсь Богу потому, что Бога нѣтъ».—«Какъ? Папа! ты слышишь, что онъ говоритъ?!»—вскричалъ мальчуганъ, блѣднѣя отъ ужаса и пятясь отъ старика, какъ отъ зачумленнаго. Отецъ растерялся, хотѣлъ возражать, но такъ какъ возразить было нечего, въ смущеніи поспѣшилъ отойти подальше отъ старика, котораго, безъ сомнѣнія, иначе, какъ развратителемъ молодежи, теперь не называетъ. А между тѣмъ,

если взглянуть на дѣло трезво, развѣ этотъ развратникъ поступилъ дурно, сказавши ребенку правду? Почему въ иныхъ случаяхъ правду надо говорить, а въ другихъ нѣтъ? Вѣдь правда одна!

— Разумѣется, — согласился Ивковъ машинально, тѣмъ безучастнымъ тономъ, которымъ онъ въ деревнѣ у тетки обозвалъ дуракомъ священника, лишившаго причастія согрѣшившую даму.

Какъ выброшенный съ корабля на необитаемый островъ, онъ чувствовалъ себя такъ далеко отъ всего остального міра, что ничто изъ того, что тамъ происходило, его не интересовало.

Можетъ быть, ему поэтому и было хорошо съ княгиней, что и она была въ томъ же положеніи, какъ и онъ, тоже выброшенная силой обстоятельствъ за бортъ корабля, плывшаго по житейскому морю.

Она отвернулась отъ него, чтобъ долить чайникъ, и, глядя на ея стройную фигуру и на ея гибкій станъ, онъ представлялъ ее себѣ такой, какой она была много лѣтъ тому назадъ, и спрашивалъ себя: «что она такое—не желающая стариться фантазерка или полупомѣшанная психопатка? И что довело ее до такого состоянія?»

Какъ бы тамъ ни было, но она не похожа была на тѣхъ людей, общество которыхъ ему было невыносимо, и правила и законы которыхъ становились ему съ каждымъ днемъ все тягостнѣе и непонятнѣе.

И вдругъ, точно угадывая его мысли, она проговорила, какъ бы про себя и не глядя на него:

— Для людей, въ исключительномъ положеніи, которыхъ ходячая мораль удовлетворить не можетъ... та мораль, что учитъ вѣрить безъ доказательствъ въ Бога, въ будущую жизнь и предписываетъ пренебрегать дѣйствительными благами изъ-за призрака, изъ-за тѣни.....

— Вы намекаете на христіанство,—сказалъ Ивковъ.

— Да,—отвѣчала она рѣзкимъ, вызывающимъ тономъ.—Я не христіанка. Ни въ вашего Бога, ни въ загробную жизнь я не вѣрю и ничего, кромѣ того, что вижу, чувствую и понимаю, не признаю. Я изъ тѣхъ, которые убѣждены, что человѣкъ долженъ стараться устроиться на землѣ какъ можно лучше потому, что другой жизни у него не будетъ. Въ молодости я вѣрила въ Бога и въ какую-то высшую справедливость и истину, но меня просвѣтили, и, конечно, отъ свѣта къ тьмѣ я не вернусь. Да это, при всемъ желаніи, было бы невозможно. Нигдѣ и ни въ чемъ не могла я найти утѣшенія и покоя, не могла забыть... Надо испытать этотъ ужасъ—невозможность забыть, чтобъ его понять!.... Однимъ словомъ, оставаться христіаннномъ человѣку въ исключительномъ положеніи невозможно! И чѣмъ раньше постигнешь эту истину, тѣмъ лучше, меньше разочарованій, меньше времени будешь находиться въ заблужденіи и по-пустому терять силу и энергію... Вотъ почему тотъ старикъ, про

котораго, я вамъ сейчасъ разсказала, поступилъ правильно, сказавъ правду ребенку. Слова его останутся у него въ памяти и принесутъ плодъ. При первомъ ударѣ судьбы онъ ихъ вспомнитъ и, кто знаетъ, можетъ быть, все, чему его до тѣхъ поръ учили, разлетится въ прахъ много скорѣе, чѣмъ если бъ онъ не слышалъ этихъ словъ. Воспринятое разъ впечатлѣніе изъ мозга не выкинешь, его можно только на время заглушить, затмить другими, усыпить, но когда оно согласно съ разумомъ, то всегда въ данную минуту воспрянетъ,—прибавила она съ усмѣшкой.

Ивкову хотѣлось возражать. Задушенное новыми впечатлѣніями чувство проснулось въ глубинѣ души и мысли въ защиту вѣры, въ которой онъ выросъ, затѣснились въ его мозгу, но слова не выговаривались. Опять нашло на него гнетущее душу безсиліе, затмевавшее умъ и сковывавшее языкъ, уже испытанное имъ при первомъ свиданіи съ этой странной женщиной.

Но какъ тогда, такъ и теперь, въ безсиліи этомъ не было ничего непріятнаго, и не ощущалось ни малѣйшаго желанія противъ него бороться.

А она между тѣмъ продолжала:

— Многіе одинаково съ нами мыслятъ, но сознаться въ этомъ не хотятъ. А есть такіе, которые не могутъ сознаться потому, что не отдаютъ себѣ яснаго отчета, въ чемъ именно заключается прогрессъ, передъ которымъ преклоняются, которому служатъ съ благоговѣніемъ, какъ служили раньше Богу, и все еще воображаютъ себя послѣдователями Распятаго жидами двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. И какъ они заблуждаются! Развѣ не изъ «нашихъ» тѣ, что ратуютъ за непротивленіе инстинктамъ и страстямъ, вложеннымъ въ насъ самой природой? Развѣ не изъ «нашихъ» оправдывающіе всѣ преступленія, подъ предлогомъ аффекта, психическаго настроенія, наслѣдственности и тому подобнаго? Вѣдь и мы тоже утверждаемъ, что человѣкъ также мало отвѣтственъ за свои поступки, какъ и за мысли свои и желанія.....

— Но какъ же тогда?..

Она поняла недоговоренный отъ недоумѣнія вопросъ и пожала плечами.

— Объ этомъ позаботятся грядущія поколѣнія. Наше дѣло расчистить мѣсто для новой постройки отъ мусора, скопившагося вѣками. Когда будетъ чисто, свѣтло, просторно, явятся и строители, найдется матеріалъ, и новые люди свободно примутся за новое дѣло, руководствуясь ничѣмъ незатемненнымъ разумомъ, вольно и безъ преградъ. Природа не дремлетъ и пустоты не терпитъ; ея безсознательная заботливость обо всемъ живущемъ безгранична. Въ этомъ заключается ея достоинство и сила. Стройка уже началась. Повсюду старыя вѣрованія замѣняются мало-по-малу новыми. Пресловутое ученіе Евангелія, казавшееся незыблемымъ,

уже коментируется, исправляется, смыслъ его примѣняютъ къ потребностямъ современнаго духа. . . . .
. . . .

«Законы церкви должны быть человѣчны и согласоваться съ человѣческими потребностями», вспомнились вдругъ Ивкову слова тетки. И отвѣтъ священника: «Законы наши не отъ міра сего»...

Изъ всего перечувствованнаго и передуманнаго имъ за послѣднее время только эти слова и уцѣлѣли у него въ памяти, все остальное тонуло въ безпросвѣтной мглѣ.

А княгиня продолжала распространяться о міровой эволюціи, о томъ, что если противъ новыхъ болѣзней, неизвѣстныхъ нашимъ дѣдамъ, открываются новыя лѣкарства, то и противъ душевныхъ недуговъ каждый день изобрѣтаются новыя средства истинными друзьями человѣчества, не тѣми, что проповѣдываютъ переносить съ безропотною покорностью посылаемое свыше страданіе, а тѣми, что учатъ бороться противъ несовершенствъ нашей природы, искусственно исправлять эти несовершенства притупляющими боль, какъ физическую, такъ и душевную, успокоительными и усыпляющими средствами.

— Слышали вы про гипнотизмъ? — спросила она. — Недалеко то время, когда сила эта сдѣлается всеобщимъ достояніемъ, да не такъ, какъ теперь, чтобъ одинъ человѣкъ зависѣлъ отъ другого, а будетъ открытъ способъ душевнаго самоусыпленія, доступный каждому...

«Хорошо было бы обладать этимъ даромъ!»—подумалъ Ивковъ.

Голосъ его собесѣдницы, мягкій и вкрадчивый, проникалъ въ самую глубь его души, дѣйствуя на нее именно такимъ усыпляющимъ образомъ, постепенно притупляя чувствительность нервовъ.

Будь онъ душевно бодръ и здоровъ, происходи этотъ разговоръ на свѣжемъ воздухѣ, а не въ душной комнатѣ, пропитанной опьяняющимъ ароматомъ духовъ, его, можетъ быть, непріятно поразила бы злоба, съ которой она произносила слова: «христіанство», «Богъ», «Евангеліе», но мучительный гнетъ, давившій его грудь, не дозволялъ ему разбираться въ странныхъ понятіяхъ, которыя она развивала. Ни о чемъ не могъ онъ думать, кромѣ какъ о томъ, чтобъ обрѣсти желаемый покой.

А что покой этотъ онъ здѣсь найдетъ, за это ему ручалось то, что въ присутствіи своей новой знакомой онъ ни разу не вспомнилъ про Илью и про убитую еврейку.

Въ ту ночь въ дневникѣ княгини появилась первая замѣтка объ Ивковѣ.

«Наружность симпатичная. Черты лица правильныя, сложенъ прекрасно, но старообразенъ и манеръ никакихъ. Въ общемъ солдафонъ и производитъ впечатлѣніе зашибленнаго судьбой субъекта съ развинченными нервами. Подозрителенъ и скрытенъ. Безъ со-

мнѣнія, есть что скрывать. Несчастіе или преступленіе? Узнаю. Наружностью напоминаетъ немного маркиза Р. Глядя на него, вспомнился балъ въ Тюильри, на которомъ мнѣ представили маркиза. Маленькій Ефрусси мнѣ сказалъ, что можно въ меня безъ ума влюбиться за одно только то, какъ я опахиваюсь вѣеромъ... Герцогиня М. была въ своихъ знаменитыхъ жемчугахъ, а принцесса А. съ красными розами въ волосахъ, ужасными, неуклюже приколотыми... Ефрусси всѣхъ насмѣшилъ предположеніемъ, что прическа эта — месть куафера за измѣну. Острота эта имѣла большой успѣхъ....».

Н. И. Мердеръ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ М. А. ПАТКУЛЬ [1].

II.

Возвращеніе въ Гельсингфорсъ.—Болѣзнь тетушки.—Порядокъ нашей жизни.—Переѣздъ въ Ревель.—Первый романъ.—Снова въ Гельсингфорсѣ.—Финляндскіе обычаи.—Поѣздка въ Петербургъ.—Царскосельская желѣзная дорога.—Бракосочетаніе великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ.—Возвращеніе съ Ревель.—Буря на морѣ.—Знакомство съ англичаниномъ.—Посѣщеніе острова Гогланда.—Сюрпризъ дѣдушкѣ.—Жизнь въ Гельсингфорсѣ.—Эпизодъ съ камеръ-юнкеромъ Ш.—Оригинальныя сватовства.—Юбилей Гельсингфорскаго университета.—Неудачное предложеніе.—Я. К. Гротъ.—Послѣдствіе одного изъ его стихотвореній.

КОГДА минуло девять дней со дня кончины матушки, мы начали собираться домой. При прощаніи тетушка объявила намъ, что съ разрѣшенія родителей она пріѣдетъ провести съ нами зиму.

Разставаясь съ дѣдушкой и бабушкой, я благодарила ихъ, что отпускаютъ къ намъ tante Caherine, а отецъ далъ имъ обѣщаніе присылать насъ на лѣтнее время къ нимъ. Я радовалась пріѣзду тетушки; для моей пятнадцатилѣтней неопытности веденіе всего хозяйства и присмотръ за дѣтьми являлись задачей слишкомъ трудною и отвѣтственною, тѣмъ болѣе, что мое образованіе далеко не было окончено.

По пріѣздѣ домой мы почувствовали, что намъ во всемъ въ каждой комнатѣ не доставало маменьки. Комната отца была на верху, а наши внизу. Онъ началъ страдать безсонницей, и долго до глубокой ночи я слышала надъ нами его шаги, когда онъ про-

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 81.

хаживался взадъ и впередъ по комнатамъ. Я за него ужасно боялась; часто, когда шаги его умолкали, я поднималась на цыпочкахъ по лѣстницѣ, желая убѣдиться, уснулъ ли онъ, и, подходя къ двери его спальни, я видѣла, что свѣчка горитъ на столѣ, а онъ, стоя на колѣняхъ передъ портретомъ матери, заливается слезами. Я никогда не рѣшалась войти къ нему, боясь помѣшать святымъ слезамъ страждущаго сердца; постою у дверей, поплачу съ нимъ и тихо ухожу къ себѣ. Онъ никогда не подозрѣвалъ, что я была свидѣтельницей пролитыхъ имъ слезъ въ тяжелыя безсонныя ночи. Наконецъ, пріѣхала тетушка. Спустя недѣлю, она заболѣла оспой и требовала, чтобъ мы всѣ перешли на верхъ. Устроивъ сестеръ и братьевъ съ нянькой, подъ надзоромъ отца, я осталась внизу, помѣстилась рядомъ съ комнатой тетушки, приказавъ прислугѣ ей объ этомъ не говорить. Только, когда она поправилась, я призналась, что все время оставалась возлѣ нея. Къ счастью, никто въ домѣ не заразился, даже m-elle Balzer, которая была большая трусиха и по цѣлымъ днямъ сидѣла передъ зеркаломъ, выжидая появленія оспы. Хозяйство осталось на моихъ рукахъ, какъ это было при маменькѣ. Въ семь часовъ я вставала, дѣтей поила молокомъ, остальныхъ кофеемъ и, выдавъ повару провизію, садилась за уроки. Съ m-elle Balzer я мало подвигалась впередъ, а потому просила разрѣшенія тетушки заниматься одной. Только диктовки дѣлала съ ней, и переводы мои она поправляла. Часы мои были всѣ распредѣлены. До двухъ безъ перерыва я занималась науками и языками. Въ періодъ моего образованія я много перечитала серьезныхъ книгъ, по выбору тетушки, которою строго цензуровалось мое чтеніе. Тѣ мѣста, которыя, по мнѣнію ея, читать мнѣ не слѣдовало, скалывались булавкой; никогда мнѣ и въ голову не приходило заглядывать въ запрещенныя страницы. Къ поэзіи я всегда имѣла большую слабость, поэтому много знала наизусть, какъ изъ нашихъ русскихъ поэтовъ, такъ и изъ французскихъ и нѣмецкихъ. Въ два часа мы отправлялись гулять. Въ три обѣдали. До пяти время было свободное, мы проводили его въ играхъ съ сестрами и братьями. Въ пять я отправлялась внизъ, гдѣ принималась за чтеніе и переписку съ родными и подругами.

Зима прошла тихо; по случаю траура мы никуда не выѣзжали, но добрые знакомые, особенно моряки, навѣщали насъ. Весною мы переѣхали въ Ревель на фрегатѣ «Діана», командиромъ котораго былъ А. А. Бровцынъ. Переходъ нашъ далеко не былъ такъ удаченъ, какъ предыдущіе наши переѣзды. Только на пятый день мы бросили якорь на Ревельскомъ рейдѣ; то былъ противный вѣтеръ, то полнѣйшій штиль, такъ что все время приходилось лавировать. Испытали мы также шквалъ, который налетѣлъ довольно неожиданно, но паруса успѣли спустить, накренило фрегатъ порядкомъ, и, признаться, было совсѣмъ непріятно чувствовать себя на боку,

одинъ бортъ чуть не касался воды, а другой стоялъ дыбомъ. Къ счастью, это продолжалось очень недолго.

Въ 3-хъ верстахъ отъ города у дѣдушки была дача, куда мы переѣхали всѣ вмѣстѣ на лѣто. Домъ, съ трехъ сторонъ окруженный сосновой рощей, былъ достаточно великъ, чтобъ пріютить насъ всѣхъ. Передъ домомъ, со стороны въѣзда, былъ обширный дворъ со всѣми службами, кухней, скотнымъ дворомъ, конюшней и людскими, а съ другой стороны, за рощей, шла большая дорога. Лошади и экипажи были въ нашемъ распоряженіи, мы пользовались ими и часто ѣздили въ окрестности Ревеля, которыя очень живописны, какъ Фаллъ, Лукка, Вимсъ; не доѣзжая послѣдняго, виднѣлись развалины монастыря Бригиттъ. За дворомъ со службами былъ довольно большой сосновый лѣсокъ, куда мы отправлялись за грибами, когда наставала грибная пора. Заложатъ бывало телѣги, на нихъ навалятъ сѣно, всѣ усаживались, забравъ съ собой бѣлевыя корзины, и отправлялись въ лѣсъ. Я предпочитала ѣхать верхомъ на рабочей лошади, тетушка давала мнѣ свое сѣдло; амазонка въ деревнѣ не требовалась. Какъ было весело, когда мы возвращались съ полными корзинами!

Къ дѣдушкѣ часто пріѣзжалъ его крестникъ, молодой офицеръ, съ румянцемъ на щекахъ, довольно смазливый. Нужно же было брату моему сообщить мнѣ подъ большимъ секретомъ, что я нравлюсь ему. Хотя я побранила брата, что онъ передастъ мнѣ такія глупости, но это польстило моему самолюбію, и я стала воображать себѣ, что онъ тоже мнѣ нравится. Поѣхали мы однажды кататься въ линейкѣ; онъ былъ съ нами и сидѣлъ на противоположномъ концѣ отъ меня. Когда мы вернулись домой, тетушка меня позвала и съ очень недовольнымъ видомъ сказала, что Д... во время прогулки глазъ съ меня не спускалъ, и что если этотъ молокососъ и мальчишка позволитъ себѣ корчить влюбленнаго, то его принимать больше не будутъ, а мнѣ она не позволитъ кокетничать съ нимъ. Я чувствовала себя настолько оскорбленной этимъ незаслуженнымъ выговоромъ, что вся вспыхнула и отвѣтила, что никому не могу запретить смотрѣть на меня, я же ни разу не взглянула на него, кокеткой никогда не была и не буду. Признаться, я даже не понимала значенія этого слова. Обиженная я ушла въ свою комнату, расплакалась и цѣлый вечеръ не показывалась; глаза опухли и покраснѣли. Но этотъ урокъ былъ достаточенъ, чтобъ Д. пересталъ мнѣ нравиться; я не могла простить ему, что изъ-за него получила незаслуженный выговоръ и плакала. Если это можно назвать романомъ, то онъ былъ первымъ.

13-го сентября была годовщина кончины матери, и мы вскорѣ уѣхали обратно въ Гельсингфорсъ; трауръ мы носили годъ и шесть недѣль.

По окончаніи этого срока меня начали вывозить на маленькіе вечера. У однихъ знакомыхъ меня просили быть въ числѣ воспріем-

ницъ, на что я получила согласіе отца и тетушки. Крестныхъ въ Финляндіи по обыкновенію нѣсколько паръ, становились всѣ по старшинству, я была моложе всѣхъ, поэтому стояла послѣдней, а противъ меня находился незнакомый финляндецъ въ очкахъ; по-нашему онъ приходился мнѣ кумомъ. Когда пасторъ кончилъ обрядъ таинства, каждый изъ мужчинъ кланялся своей дамѣ, а она ему присѣдала; каковъ былъ мой ужасъ, когда послѣ поклона мой кавалеръ, подойдя ко мнѣ, наклонился и, не говоря ни слова, вдругъ поцѣловалъ въ щеку. Въ первую минуту я была такъ поражена этой дерзостью, что остолбенѣла, кровь хлынула къ лицу, потомъ я убѣжала въ другую комнату и расплакалась. Полагая, что со мной сдѣлалось дурно, нѣкоторыя изъ подругъ побѣжали за мной; когда я объяснила имъ причину моихъ слезъ, то онѣ разсмѣялись и въ оправданье смѣльчака сказали, что это такой обычай, что младшая пара должна поцѣловать другъ друга.

Вотъ дикій обычай; о немъ должны были, по крайней мѣрѣ, предупредить меня. Понятно, что послѣ этого я никогда больше не соглашалась быть воспріемницей. Когда моему куму передали, что я ужасно обидѣлась на него и сердита, онъ подошелъ сконфуженный, извинился, пробормоталъ что-то, чего я даже не разслышала и куда-то скрылся.

Все время, проведенное мною въ Финляндіи, я вспоминаю съ удовольствіемъ и благодарностію. Общество меня черезчуръ баловало. До тѣхъ поръ, пока я не пріѣду на вечеръ, танцы не начинались, и мнѣ предоставлялось назначать ихъ по моему усмотрѣнію. Не знаю, чѣмъ я заслужила общее расположеніе. Подруги мои, родители ихъ, старики и старушки, могу сказать безъ всякаго хвастовства, любили меня; къ послѣднимъ я была всегда предупредительна и внимательна, говорила по-шведски съ тѣми, которые не знали другого языка. Мы веселились отъ души на этихъ безцеремонныхъ и незатѣйливыхъ вечерахъ; туалеты самые скромные, бѣлое кисейное, барежевое или mousseline de laine платье, волосы зачесаны гладко, бантикъ или живой розанъ, сафьяные башмаки съ перевязанной крестообразно лентой сверхъ чулка, вотъ и весь нарядъ. Угощеніе состояло изъ чая и питья. Въ рѣдкихъ случаяхъ подавалось мороженое, а ужинъ разносился послѣ мазурки и состоялъ изъ тартинокъ и кипяченаго молока съ пивомъ, такъ называемаго Bierkäse (Öllust), которое всѣ очень любили. Бульонъ являлся на большихъ балахъ, даваемыхъ въ торжественные дни царскихъ праздниковъ генералъ-губернаторомъ. Отсутствіе роскоши, радушіе хозяевъ и непринужденность носили отпечатокъ семейныхъ вечеровъ.

Въ отвѣтъ на всѣ приглашенія отецъ рѣшился дать у себя танцовальный вечеръ. Къ семи часамъ съѣхались наши милые моряки съ женами и молодежь. Восьмой былъ часъ, кареты слышно

ѣздятъ взадъ и впередъ, а остальные гости не являлись. Тогда пришла мнѣ мысль посмотрѣть, не виситъ ли въ сѣняхъ надъ дверью ящикъ, такъ называемый у нихъ visit lådo. Злополучный ящикъ дѣйствительно висѣлъ, а вывѣшивается онъ тогда, когда нѣтъ дома, чтобъ даромъ не звонить. Въ него опускались визитныя карточки. Какъ только ящикъ былъ снятъ, залъ наполнился гостями. Видѣли, что домъ освѣщенъ, а церемонились войти потому, что ящикъ не снятъ. Въ Финляндіи были и другіе обычаи. Ѣздили вечеромъ на огонекъ: если увидятъ, что въ люстрѣ зажженъ огарокъ, это значило—«милости просимъ».

Утренніе визиты вообще дѣлали очень рѣдко; мужчины всѣ болѣе или менѣе были заняты службой, а хозяйки и матери, дорожа золотымъ временемъ, не тратили его напрасно. Передъ праздникомъ закладывалась вечеромъ карета, человѣка снабжали спискомъ и визитными карточками, которые онъ развозилъ, стоя на запяткахъ съ фонаремъ въ рукахъ. Лѣстницы въ непріемные дни не освѣщались. Объѣхавъ всѣ знакомые дома и опустивъ карточки въ вывѣшенные ящики, онъ возвращался домой. Всѣ знали, что карточки развозятся, но дѣлали видъ, что были лично.

На слѣдующій годъ меня и сестру Aline отецъ съ тетушкой взяли съ собой въ Петербургъ. Меньшія сестры и братья остались въ Ревелѣ у дѣдушки. Въ столицу мы прибыли на пароходѣ. Главною цѣлью нашей поѣздки было для сестры усовершенствоваться въ музыкѣ, къ которой она имѣла способность, и для насъ обѣихъ брать уроки танцевъ исключительно характерныхъ для пріобрѣтенія гибкости и граціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать намъ возможность видѣть торжества, по случаю предстоящаго бракосочетанія великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Погостивъ нѣсколько дней въ Кронштадтѣ у тетушки Вѣры Леонтьевны Ивановой, мужъ которой былъ переведенъ туда изъ Ревеля, мы поселились въ Петербургѣ въ домѣ однихъ родственниковъ, которые предоставили намъ свою квартиру. Сами они были въ деревнѣ.

Мы часто ѣздили въ Павловскъ къ родственницѣ нашей, Маріи Христофоровнѣ Шевичъ, рожденной Бенкендорфъ, сестрѣ шефа жандармовъ. Съ невольнымъ страхомъ мы въ первый разъ сѣли въ вагонъ царскосельской желѣзной дороги, которая была открыта только весной. Для насъ это было диковиной.

Ко дню бракосочетанія великой княжны г-жа Шевичъ прислала намъ билеты для входа на хоры Зимняго дворца къ выходу, обѣду и балу куртагъ. Мы отправились заблаговременно, въ надеждѣ получить хорошія мѣста, но, къ нашему разочарованію, перила хоръ были заняты дамами въ нѣсколько рядовъ, и намъ пришлось стоять совсѣмъ позади, откуда положительно ничего не было видно. Какъ только начался выходъ, вся толпа ринулась впередъ; иные локтями проталкивали себѣ дорогу, а у одной барыни

были въ ходу булавки, она колола вправо и влѣво, кто вскрикнетъ, кто взвизгнетъ, а кто бранился. Насъ, которые никогда ничего подобнаго не видѣли, эти сцены поражали. Духота была невыносимая, многимъ дѣлалось дурно, кого выводили, а кого даже выносили. Наконецъ я спросила тетушку по-французски, не лучше ли намъ уйти, потому что мы рѣшительно ничего не видимъ, и прибавила: «je suis sûre que m-ame Schevitch nous cherche des yeux et s'etonne de ne pas nous voir, nous ayant indiqué la place que nous devions occuper». При этихъ словахъ, дама, стоявшая передо мной, обернулась и предложила занять ея мѣсто, обѣщавъ провести насъ впередъ; она шепнула что-то стоявшимъ передъ ней, вѣроятно, знакомымъ, тѣ раздвинулись, и она втолкнула насъ впередъ. Благодаря ей, мы отлично видѣли, когда новобрачные и вся царская семья возвращались изъ церкви. Какъ изященъ и богатъ придворный русскій костюмъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ носитъ отпечатокъ чего-то родного, національнаго. Во время обѣда играло нѣсколько хоровъ музыки и пѣли артисты итальянской оперы. Вечерній балъ состоялъ только изъ полонеза.

Простясь съ родными и знакомыми, послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ столицѣ, мы на частномъ пароходѣ «Storfursten» отправились въ Ревель. По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ Кронштадта, поднявшійся вѣтеръ все усивался, а къ вечеру превратился въ штормъ, такъ что намъ пришлось сойти въ каюту. Но оставаться тамъ было невозможно; кромѣ сестры и меня, всѣхъ укачало, поэтому мы вдвоемъ предпочли вернуться на палубу. Гроза разразилась, молнія сверкала, волны, перекатываясь черезъ бортъ, заставляли насъ волею-неволею брать ванну. Капитанъ сжалился надъ нами и перевелъ насъ выше, т.-е. на ютъ, гдѣ онъ самъ ходилъ взадъ и впередъ, и гдѣ рулевой правилъ подъ его наблюденіемъ. Сестру я укутала въ пледъ, она скоро уснула, положивъ голову ко мнѣ на колѣни. Капитанъ ходилъ озабоченный, отдавая разныя приказанія. Я спросила его, гдѣ мы, и почему приготовляютъ якорь. Мы подходили къ Гогланду, и капитанъ не рѣшался въ такую темную ночь пройти мимо острова, гдѣ такъ много подводныхъ камней; кромѣ того, при ходѣ всего два узла въ часъ, не хватило бы топлива. Пароходъ остановился послѣ второго брошеннаго якоря противъ острова. Къ утру буря стихла, солнышко свѣтило весело, небо было ясно; если бы не сырая одежда наша, то можно было предположить, что буря и гроза снились намъ во снѣ. Рѣшено было, что мы простоимъ здѣсь нѣсколько часовъ, пока море не успокоится. Отецъ предложилъ намъ съѣхать на берегъ, осмотрѣть Гогландъ. Это предложеніе было принято съ восторгомъ. Къ намъ присоединились двое нашихъ спутниковъ, англичанинъ и американецъ, съ которыми мы познакомились наканунѣ. Знакомство съ англичаниномъ было довольно оригинально. Мы сидѣли съ тетуш-

кой на палубѣ, смотрѣли, какъ исчезалъ изъ нашихъ глазъ сначала Кронштадтъ, потомъ берегъ, и наконецъ надъ нами было только небо, а кругомъ необозримое пространство воды. Возлѣ меня сидѣлъ незнакомый господинъ, безукоризненно одѣтый и молчаливый. Вскорѣ началъ накрапывать дождь, сосѣдъ мой ушелъ и возвратился черезъ короткое время, держа, въ рукахъ два полѣна дровъ. Дойдя до меня, онъ нагнулся, одно полѣно положилъ мнѣ подъ ноги, а другое себѣ и сѣлъ опять рядомъ со мной. Я покраснѣла, поблагодарила, не взглянувъ на него, и отодвинула полѣно къ тетушкѣ. Увидя это, онъ подвинулъ мнѣ свое, а себѣ принесъ другое. Тутъ онъ рѣшился представиться, назвавъ себя лордомъ Ellers. Разговорился на довольно ломаномъ французскомъ языкѣ, зналъ нѣсколько русскихъ словъ и даже романсъ «Ты не повѣришь, какъ ты мила». Но выговаривалъ такъ, что я съ трудомъ удержалась, чтобъ не разсмѣяться. Знаю, что это было бы стыдно, потому что не слѣдуетъ смѣяться, если иностранцы плохо выговариваютъ по-русски.

Лоцманъ, который собирался уѣхать съ парохода, охотно согласился за возмездіе перевезти насъ по одиночкѣ въ своемъ крошечномъ яликѣ. Пристани съ этой стороны не было, пристать къ самому берегу было нельзя, и намъ пришлось на довольно большомъ разстояніи перепрыгивать по камнямъ, торчавшимъ изъ воды. Недалеко отъ берега стояло нѣсколько избъ, мы вошли въ первую; она удивила насъ своею опрятностью. Чистенькая постель, наволочка съ прошивками. Передъ окномъ далеко не молодая чухонка плела кружева на коклюшкахъ. Зная немного чухонскій языкъ, я спросила, можно ли получить у нея простоквашу и черный хлѣбъ. Она намъ тотчасъ же все принесла, и мы позавтракали съ большимъ аппетитомъ. Всѣ избы исключительно принадлежали рыбакамъ. Мужчины занимаются рыболовствомъ; рыбу они возятъ въ Финляндію и тамъ мѣняютъ ее на хлѣбъ и другіе необходимые припасы. Простившись съ хозяйкой, мы собрались перейти на другую сторону острова, гдѣ стоитъ маякъ, но когда поднялись на гору, тотчасъ рѣшили спуститься обратно, такъ какъ вѣтеръ былъ настолько силенъ, что съ ногъ сшибалъ. Вернулись мы на пароходъ въ рыбацкихъ лодкахъ, покрытыхъ рыбьей чешуей, на которой, за неимѣніемъ въ нихъ скамейки, пришлось сидѣть на днѣ. Мы были покрыты этой чешуей, и рыбный запахъ преслѣдовалъ насъ цѣлый день. На слѣдующее утро мы прибыли благополучно въ Ревель, опоздавъ на цѣлыя сутки. Всѣ наши были въ тревогѣ; въ ту бурную ночь слышались пушечные выстрѣлы съ судовъ, просящихъ о помощи. Нѣсколько купеческихъ судовъ пострадали, могъ и нашъ пароходъ подвергнуться крушенію.

Разсказамъ о всемъ видѣнномъ въ столицѣ не было конца; пищи для разговора хватило надолго. Было о чемъ разсказывать. Сколько разныхъ впечатлѣній мы вынесли изъ пребыванія нашего въ столицѣ! Самъ Петербургъ, учителя, поѣздки въ Павловскъ по неслыханному дотолѣ желѣзнодорожному пути, свадьба великой княгини, иллюминація, театры.

Тетушка, желая, чтобъ родители ея могли оцѣнить сдѣланные нами успѣхи въ Петербургѣ, заставляла сестру мою Aline играть на рояли все, чему она выучилась, и задумала также сдѣлать старикамъ сюрпризъ, показать, какъ мы танцуемъ. Сшили намъ хорошенькіе костюмы. Въ рощѣ выбрали удобную площадку, выровняли и утрамбовали ее, такъ что танцовать на ней было удобно. Дѣдушка узнавъ, что ему и бабушкѣ готовится сюрпризъ, хотѣлъ въ свою очередь сдѣлать то же для насъ; онъ нанялъ къ этому дню музыку и пригласилъ гостей.

Колокольчикъ далъ сигналъ, чтобъ мы стали на свои мѣста. Второй звонокъ вызвалъ зрителей въ рощу. Вспыхнули бенгальскіе огни, освѣтившіе насъ, и мы съ сестрой протанцовали вначалѣ качучу съ кастаньетками, затѣмъ гитану. По числу аплодировавшихъ рукъ, мы могли бы догадаться, что, кромѣ родныхъ, есть и посторонніе; но, къ счастью, мы этого не подозрѣвали, а то навѣрное сконфузились бы. Послѣ этого протанцовали русскую плавную и граціозную, а для финала дикую цыганскую, очень живую, съ быстрыми движеніями и подергиваньемъ плечъ. Для каждаго танца былъ національный костюмъ. Дѣдушка и бабушка были очень довольны, а сестры и братья любовались нами. Танцы наши имъ были въ диковину. Въ этотъ вечеръ меня пригласилъ на мазурку видный молодой морякъ, считавшійся львомъ въ нашемъ обществѣ. Мнѣ казалось, что я выросла въ глазахъ всѣхъ. Какъ глупы мы бываемъ въ молодости, и какъ наказана я была за свою самоувѣренность! Стоя послѣ ужина у двери зала, я услышала въ другой комнатѣ весьма интересный и поучительный для меня разговоръ. Барышня, qui faisait la pluie et le beau temps, подошла къ моему кавалеру и спросила его съ ироніей, веселился ли онъ, танцуя со мной. Притаивъ дыханье, я невольно стала прислушиваться къ его отвѣту, и каково было мое разочарованіе и досада, когда онъ отвѣтилъ, что, такъ какъ она отказала ему, то онъ предпочелъ танцовать съ ребенкомъ, чѣмъ съ кѣмъ либо другимъ. Назвать ребенкомъ меня, семнадцатилѣтнюю дѣвушку, вѣдь это была кровная обида, стало быть, онъ танцовалъ со мною только par dépit. Въ слѣдующемъ году, когда на какомъ-то балѣ много было желающихъ танцовать со мной мазурку, онъ тоже подошелъ пригласить меня; отдавая ее при немъ другому, я сказала, что хочу избавить его отъ скуки танцовать съ ребенкомъ, какъ въ прошломъ году.

Онъ сконфузился, замѣтилъ мнѣ, что я злопамятна, если цѣлый годъ не могла простить ему необдуманное выраженіе. Злопамятной я никогда не была, но спуску не давала никому.

Осенью, когда эскадра отправилась на зимовку въ Свеаборгъ, мы вмѣстѣ съ ней вернулись въ Гельсингфорсъ, гдѣ зима прошла очень весело и оживленно. Баловъ и вечеровъ было много. Первый балъ давался въ Свеаборгѣ у адмирала Вальронда. Море только что задернулось легкимъ слоемъ льда, и насъ по одиночкѣ въ чухонскихъ саняхъ перевезли въ крѣпость. Ледъ былъ прозраченъ, какъ зеркало; видно было, какъ подъ нимъ слегка переливалась вода. Теперь ни за что не рѣшилась бы переѣхать такую гладкую и непрочную поверхность моря, а въ то время я не была знакома со страхомъ, все казалось мнѣ трынъ-травой. Что значитъ молодость! Послѣ бала мы ночевали у знакомыхъ, а на слѣдующее утро наши милые моряки и танцоры любезно перекатили насъ на креслахъ до самой пристани, несмотря на трехъ-верстное разстояніе.

Въ этотъ сезонъ много было вечеровъ у всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Въ офицерскомъ собраніи Свеаборга былъ костюмированный вечеръ: у насъ былъ спектакль на французскомъ языкѣ, шла Lucie ou la soeur de lait; пьеса исключительно изъ женскихъ ролей. Кто въ ней участвовалъ, кромѣ сестры моей Aline и меня, не помню, но что я вызвала у всѣхъ на глазахъ слезы, исполняя роль Lucie, это мнѣ памятно. Послѣ спектакля мы танцовали. Rosine Hartman, дочь профессора медицины и хирургіи и генералъ-инспектора всѣхъ клиникъ въ Финляндіи, была лучшая моя подруга. Она была, въ полномъ смыслѣ, прелестная блондинка съ чудно голубыми глазами и женственными мягкими движеніями. Мы жили очень близко другъ отъ друга, такъ что видѣлись почти ежедневно; то она забѣжитъ ко мнѣ, то я перебѣгу площадку и зайду къ ней. Другая подруга была дочь губернатора графа Армфельда, Матильда. Высокая, очень эффектная брюнетка, она воспитывалась въ институтѣ и потому хорошо говорила по-русски. Кто-то посвятилъ намъ кадриль, назвавъ каждую фигуру тѣмъ цвѣткомъ, какимъ каждую изъ насъ прозвали: ее пунцовой камеліей, Rosine подснѣжникомъ, сестру ея Найму шиповникомъ, а меня бенгальской розой. Мы такъ мало цѣнили это подношеніе, что я даже его не сохранила и не помню, кто былъ авторомъ.

Въ зиму, когда веселье было въ разгарѣ, пріѣхалъ изъ Петербурга пасынокъ одного изъ тамошнихъ сенаторовъ, Ш., камеръ-юнкеръ, съ красивой наружностью. Когда мы, подруги, собирались, то много было разговора о немъ, и мы добивались другъ у друга, кому изъ насъ трехъ онъ больше нравится, при чемъ разбирали его, и каждая дѣлала свои замѣчанія; кто находилъ, что онъ важничаетъ, кто—что онъ фатъ, а кто—что его красота немного женообразна; тѣмъ не менѣе, общій выводъ былъ въ его

*

пользу, до слѣдующаго откровеннаго разговора съ его братомъ, котораго я знала съ самаго пріѣзда нашего въ Гельсингфорсъ еще студентомъ. Танцуя со мной на одномъ изъ вечеровъ, онъ сказалъ, что сообщитъ мнѣ очень интересный фактъ, и тутъ же разсказалъ, что я брату его нравлюсь до такой степени, что, пріѣхавъ домой съ послѣдняго бала, онъ на слѣдующій день принарядился, чтобы ѣхать сдѣлать мнѣ предложеніе, но зашелъ къ матери объявить ей о своемъ намѣреніи. «А спросила ли его матушка, выйду ли я за него?» — замѣтила я, желая прекратить этотъ оригинальный и вмѣстѣ съ тѣмъ неловкій разговоръ, но онъ перебилъ меня, прося, чтобъ я дослушала до конца, и продолжалъ: на это матушка посовѣтовала ему обдумать хорошенько свое намѣреніе; для того, чтобы жить въ Петербургѣ и посѣщать общество, какъ онъ къ этому привыкъ, надо имѣть средства, тогда какъ ни у него, ни у васъ ихъ нѣтъ, а потому, зная его благоразуміе, она увѣрена, что вспышка эта такъ же скоро пройдетъ, какъ пришла. И что же вы думаете? Братъ на другой же день объявилъ матери, что онъ согласенъ съ нею, тѣмъ и кончилось его намѣреніе сдѣлать предложеніе. При этихъ словахъ мы оба разразились смѣхомъ; я была большая хохотунья. Братъ его, стоявшій въ концѣ зала, замѣтивъ, что мы смѣемся отъ души, подошелъ къ намъ, держа свой клякъ настоящимъ франтомъ, и спросилъ съ улыбкой о причинѣ нашего заразительнаго смѣха. Я едва могла выговорить, что братъ его разсказалъ мнѣ такой уморительный анекдотъ, что я не могла удержаться, чтобъ не расхохотаться. Какъ онъ ни допытывался о причинѣ смѣха, но ни я ни братъ его не сказали.

Хотя я смѣялась, но въ душѣ мнѣ было досадно; камеръ-юнкеръ представлялся намъ чѣмъ-то идеальнымъ и вдругъ оказался зауряднымъ, слабохарактернымъ. Я тутъ же рѣшила, что онъ тряпка, колпакъ, и вся иллюзія пропала. Вскорѣ онъ уѣхалъ и не могъ уже кружить голову никому.

Въ эту зиму у меня явились два претендента; пріѣхала одна маменька къ тетушкѣ, попросила позвать меня, имѣя необходимость лично меня видѣть и переговорить со мной. Послѣ нѣкотораго вступленія она объявила, что пріѣхала просить моей руки для сына, самъ же онъ не рѣшался явиться по своей застѣнчивости, которой я не могла не замѣтить въ немъ. Онъ необтесанъ, мало образованъ, и добрая маменька надѣется, что я не откажу составить его счастіе и взяться за его воспитаніе. Немало стоило мнѣ труда, чтобъ не фыркнуть ей въ глаза, однако я очень серіозно и вѣжливо благодарила за сдѣланную мнѣ честь, при этомъ объявила, что я вовсе не собираюсь еще выходить замужъ и къ тому же слишкомъ молода и недостаточно образована сама, чтобъ воспитывать себѣ мужа.

Когда эта мамаша уѣхала, тетушка расцѣловала меня за то, что я такъ хорошо и деликатно отказала, а сама была просто возмущена, по ея словамъ, дерзостью этой дамы.

Вскорѣ послѣ этого явилась одна очень хорошая наша знакомая, тоже русская, жена моряка; она пріѣхала сватать меня для брата, котораго я знала съ дѣтства. Какъ она ни старалась выставлять всѣ его качества, между которыми выхваляла способность дѣлать наколки, бантики съ большимъ вкусомъ, доказывая при этомъ всю для меня выгоду, но соблазнить меня ей не удалось. Братъ ея, бѣленькій, съ очень тоненькимъ фальцетнымъ голоскомъ, скорѣе походилъ на женщину, чѣмъ на мужчину. Поблагодаривъ ее, я прибавила, что сама рукодѣльница и въ помощи не нуждаюсь; когда же она посовѣтовала мнѣ хорошенько подумать, я положительно ей объявила, что вовсе не намѣрена еще выходить замужъ. А тетушка моя все возмущалась, что выпадаютъ на мою долю женихи, вовсе не подходящіе ко мнѣ, по ея мнѣнію. «Хоть ты и безприданница, но не бойся быть разборчивой, за калѣку не выйдешь»,—говорила она мнѣ.

Мнѣ многіе нравились, какъ часто нравятся молодые люди, иногда изъ благодарности за вниманіе и расположеніе, ласкающія самолюбіе. Нѣкоторые изъ вздыхателей обращались прямо къ тетушкѣ, нѣкоторымъ она отказывала, не спросивъ меня, а другіе получали отказъ мой черезъ нее, поэтому, встрѣчаясь съ ними, я дѣлала видъ, что ничего не знаю, и, благодаря этому, отношенія наши оставались непринужденными.

Нашъ сосѣдъ, баронъ Клинковштремъ, вдовый, очень умный старикъ, былъ большой оригиналъ, онъ часто навѣщалъ насъ, по вечерамъ, и мы очень были довольны его посѣщеніями; все, что онъ разсказывалъ, было очень интересно. У него былъ женатый сынъ и внучата, но жили они не вмѣстѣ. Однажды, вечеромъ, когда я подавала ему стаканъ чая, онъ спросилъ меня, люблю ли я его. Такъ какъ я знала его оригинальность, то вопросъ его вовсе не удивилъ меня, и я отвѣтила: «да, баронъ».—«Хотите быть моей женой?»—«Нѣтъ!» -отвѣтила я смѣясь.—«Почему нѣтъ?—спросилъ онъ:—мнѣ тяжело самому вести хозяйство, подагра часто мучитъ меня, да наконецъ скучно быть одному, и я желалъ бы имѣть подругу». Я посмотрѣла на него пристально, желая прочесть въ глазахъ его, шутка ли это, или нѣтъ.—«Вы шутите,—сказала я,—потому что, если вы сдѣлали бы серьезно этотъ вопросъ, то, поблагодаривъ васъ за сдѣланную мнѣ честь, я съ свойственною мнѣ откровенностью сказала бы: вы, баронъ, для меня слишкомъ стары, капризы, простительные вашимъ лѣтамъ, я, быть можетъ, не сумѣла бы переносить съ терпѣньемъ, а рѣшиться посвятить свою молодость на то, чтобъ няньчиться съ мужемъ подагрикомъ, у меня не хватило бы духу». Тетушка посмотрѣла на меня съ удивленіемъ, она не ожидала, что я съ такою храбростью

выскажу ему то, что ду́маю. Баронъ протянулъ мнѣ руку, сказавъ, что моя откровенность нравится ему, шутить онъ не думалъ, хотя высказанное мною для него не лестно, но, можетъ быть, обдумавъ хорошенько, я соглашусь на его предложеніе. На это я отвѣтила, что тронута его расположеніемъ, но рѣшенія своего не измѣню.

Когда онъ ушелъ, тетушка сказала: «je crois que le vieux n'est pas dans son bon sens». Несмотря на мой отказъ, мы всегда были съ нимъ добрыми друзьями; я была тронута, когда, уходя отъ насъ, онъ по своему обыкновенію поцѣловалъ меня въ лобъ и, протянувъ руку тетушкѣ, сказалъ: «C'est une fille d'or, —heureux qui la possedera». Когда послѣ этого случилось намъ быть у него вечеромъ, онъ мнѣ говорилъ, указывая на мѣсто хозяйки: «вотъ гдѣ назначалось вамъ мѣсто!» а я смѣясь отвѣчала ему: «это счастье, что я не рѣшилась на ваше предложенье, j'aurai fait ici le diable à quatre et vous aurai fait fuir de la maison». Разговоръ этотъ кончился смѣхомъ.

Послѣ каждаго бала или вечера, когда тетушка уляжется, я имѣла обыкновеніе, сидя на ея кровати, передавать ей всѣ впечатлѣнія, всѣ разговоры, не скрывая и комплиментовъ, которые мнѣ говорились. Она часто повторяла, чтобъ я не вѣрила пустымъ, свѣтскимъ похваламъ, не воображала бы, что хороша собой, и прибавляла, что скромность въ дѣвушкѣ лучшая красота, а доброе сердце лучшее достояніе.

Лѣтомъ предстояло празднество двухсотлѣтняго юбилея университета въ Гельсингфорсѣ. Мнѣ очень хотѣлось присутствовать на немъ, но на лѣто мы уѣхали въ Ревель, поэтому я не имѣла никакой надежды поѣхать въ Гельсингфорсъ. Къ великой, однако, моей радости, отецъ привезъ тетушкѣ письмо отъ графини Пушкиной, рожденной Шернваль, въ которомъ она просила ее отпустить меня къ ней, чтобъ присутствовать на торжествѣ, обѣщая беречь меня, какъ дочь.

Сшили мнѣ бальное платье, снарядили въ путь, и мы съ отцемъ поплыли на пароходѣ къ финскимъ берегамъ. Наканунѣ юбилея, насъ собралось много молодыхъ дѣвицъ у Гартмана, и мы плели гирлянды изъ зелени для украшенія актовой залы и лавровые вѣнки для студентовъ, которые удостоятся степени магистра. Зелень приносили цѣлыми корзинами, готовыя гирлянды отправлялись къ мѣсту назначенія, и тамъ ихъ развѣшивали. Не помню, въ которомъ часу всѣ собрались въ только что оконченную шведскую церковь на Сенатской площади, гдѣ служба еще не совершалась. Публика усѣлась на приготовленныя мѣста. Впереди сидѣлъ въ креслѣ покрытый сѣдиной старикъ Франценъ, извѣстный шведскій поэтъ, всѣми уважаемая личность; возлѣ него стоялъ внукъ его Гартманъ, студентъ. По окончаніи акта, старику дѣду и внуку были надѣты на головы лавровые вѣнки. Было очень трогательно, когда Франценъ всталъ, обнялъ своего внука и прослезился.

Много молодыхъ студентовъ были удостоены званія магистра. Вечеромъ былъ балъ въ общественномъ залѣ; коронованная молодежь танцовала въ лавровыхъ вѣнкахъ. Цвѣтовъ къ балу я съ собой не привезла, поэтому попросила дѣвушку послать набрать мнѣ васильковъ и сплела себѣ вѣнокъ, но когда сестра графини, Аврора Карловна Демидова, присутствуя при нашемъ туалетѣ, увидѣла, что я намѣреваюсь надѣть васильки, уговорила меня ихъ не надѣвать, говоря, что съ моимъ смуглымъ цвѣтомъ лица и черными волосами вечеромъ будетъ не хорошо; она тотчасъ же поѣхала къ себѣ домой и привезла вѣнокъ изъ пунцовыхъ цвѣтовъ и коралловую ратиге. Я долго не соглашалась ее надѣть, не желая быть вороной въ павлиньихъ перьяхъ, сказавъ ей, что боюсь надѣвать чужія вещи, такъ какъ можно ихъ потерять; она такъ любезно настаивала, что дольше я отказываться не смѣла. Съ графиней Пушкиной насъ поѣхало трое: племянница ея, княжна Sophie Шаховская, m-lle Виллебрандъ и я. Мы много танцовали и очень веселились. У графини мы встрѣтились съ княземъ Владимиромъ Ѳедоровичемъ Одоевскимъ, который зналъ меня ребенкомъ; мы, дѣти, очень любили его, а потому встрѣтиться съ нимъ мнѣ было очень пріятно. У нея же познакомилась съ Петромъ Александровичемъ Плетневымъ и съ Яковомъ Карловичемъ Гротомъ. Какъ пріятно проходило время въ обществѣ такихъ умныхъ и милыхъ людей! Графиня Пушкина была прелестная, веселая и милая женщина. Сестра ея, А. К. Демидова, красавица въ полномъ смыслѣ слова, серьезная, съ отпечаткомъ грусти въ глазахъ. Она проводила лѣто въ имѣніи своемъ Трескенда, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Гельсингфорса, куда мы съ графиней довольно часто ѣздили обѣдать къ ней.

Передъ отъѣздомъ мнѣ написали на память въ альбомѣ князь Одоевскій прозой, а Плетневъ и Гротъ стихами.

По возвращеніи моемъ въ Ревель, къ дѣдушкѣ сталъ ѣздить все чаще и чаще Р...., высокій, длинноносый статскій, который преслѣдовалъ меня своимъ ухаживаніемъ и вздохами. Дѣдушка спросилъ меня разъ, замѣтила ли я, какими телячьими глазами онъ смотритъ на меня, а я въ свою очередь спросила, слышитъ ли дѣдушка, какъ онъ вздыхаетъ при мнѣ, на это онъ отвѣчалъ: «видно, втюрился въ тебя».

Разъ я бѣжала черезъ дворъ изъ кухни, гдѣ варила варенье, въ передникѣ, съ засученными рукавами, съ ложкою въ рукахъ и раскраснѣвшейся физіономіей. У самаго подъѣзда я чуть не столкнулась съ Р... Въ отвѣтъ на его поклонъ я кивнула ему головой и не слушая, что онъ говорилъ, пробѣжала мимо него, прямо къ себѣ на верхъ, откуда не сходила до его отъѣзда подъ предлогомъ головной боли.

Однажды собирались мы на танцовальный вечеръ въ Салонъ.

Только-что я начала причесываться, за мной прислала тетушка, чтобъ я сошла къ гостямъ, которые желали видѣть меня. Узнавъ, что это Р... съ матерью, и досадуя на несвоевременное посѣщеніе, я заколола косу и, желая показаться уродомъ, причесала гладко переднія пряди волосъ и, связавъ ихъ узломъ подъ самымъ подбородкомъ, сошла внизъ. Когда я вошла, тетушка пришла въ ужасъ отъ моей прически. Представили меня матери Р..., которая пріѣхала, какъ видно, знакомиться со мною. Я извинилась, что явилась въ такомъ безобразномъ видѣ, а она наговорила мнѣ цѣлый коробъ любезностей по этому поводу. Въ ту минуту, какъ я поклонилась, чтобъ уйти и избавиться отъ глупаго положенія, въ которомъ находилась, Р... подскочилъ ко мнѣ и пригласилъ на мазурку, которая, къ сожалѣнію, никому не была обѣщана.

Когда мы пріѣхали въ Салонъ, Р... встрѣтилъ меня въ дверяхъ съ букетомъ цвѣтовъ, который я наотрѣзъ отказалась принять. Какъ видно, онъ этого никакъ не ожидалъ и, вставъ въ театральную позу, бросилъ его къ моимъ ногамъ со словами: «Allez fanez sous ses pieds». Это вышло такъ смѣшно, что я быстро повернулась и отошла, чтобъ не расхохотаться ему въ лицо.

За мазуркой онъ началъ увѣрять, что его мать въ восторгѣ отъ меня, чему я, конечно, не повѣрила, не думая, что можно прійти въ восторгъ отъ фигуры, явившейся съ такой оригинальной и неприглядной прической, заслужившей мнѣ выговоръ тетушки. Затѣмъ начались убійственные вздохи, за которыми послѣдовало предложеніе руки и сердца и увѣреніе въ самой пламенной любви. Сознаюсь откровенно, что на этотъ разъ я была черезчуръ не любезна, даже жестокосердна. Я не сочла нужнымъ поблагодарить за сдѣланную мнѣ честь, какъ это принято, отказала наотрѣзъ и, повернувъ ему спину, начала разговаривать съ моимъ сосѣдомъ. По окончаніи злополучной мазурки, я встала, поклонилась и направилась къ тетушкѣ. Р... пошелъ за мной и предупредилъ, что на слѣдующее утро онъ явится переговорить съ отцомъ моимъ, который сумѣетъ склонить меня на согласіе. Это нахальство такъ взорвало меня, что я остановилась, взглянула на него съ презрѣніемъ и сказала:

— Неужели вы думаете, что отецъ противъ моей воли заставить меня выйти за человѣка, котораго я не люблю? Этого никогда не будетъ.

Когда мы возвращались съ бала, я передала отцу и тетушкѣ весь разговоръ съ Р..., предупредивъ о визитѣ его. Отецъ обѣщалъ принять его и сказать, что я хозяйка своего сердца, что отъ меня зависитъ располагать своей судьбой, и что совѣтуетъ ему отказаться отъ всякой надежды на мое согласіе. Я впрочемъ сомнѣвалась, что онъ пріѣдетъ послѣ всѣхъ любезностей, которыя ему пришлось слышать отъ меня.

Р... дѣйствительно явился на другое утро, но съ чѣмъ пріѣхалъ, съ тѣмъ и уѣхалъ. Спустя нѣкоторое время, мы вернулись въ Гельсингфорсъ, и къ великому моему удовольствію я избавилась отъ встрѣчи съ нимъ.

III.

Пріѣздъ въ Петербургъ.—Балъ у Лазаревыхъ.—Каламбуръ великаго князя Михаила Павловича на мой счетъ.—Танцовальный вечеръ у Хитровыхъ.—Знакомство съ Паткулемъ.—Представленіе мое цесаревичу Александру Николаевичу.—Его выборъ меня въ мазуркѣ.—Стихи Мятлева, посвященные мнѣ.—Folle journée у графини Воронцовой.—Выходки Мятлева.—Разговоръ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.—Шутка Мятлева и ея послѣдствія для меня.—Посѣщеніе Паткуля.—Его неожиданная откровенность.—Маскарадъ въ Большомъ театрѣ.—Вечеръ у Хитрова.—Находчивость Мятлева.—Поѣздка въ Кронштадтъ.—Подслушанный разговоръ.

Было рѣшено, что отецъ отвезетъ зимой брата моего Николая въ Петербургъ, чтобъ помѣстить его въ Царскосельскій лицей, но предварительно въ приготовительный пансіонъ Оболенскаго. Тетушка предложила взять меня съ собой. Списались съ дядей, старшимъ братомъ отца, который съ удовольствіемъ пожелалъ принять насъ у себя.

Поѣздка наша была назначена на 2-е января 1841 года.

На Рождество была у насъ ёлка; изъ передней былъ брошенъ пакетъ на мое имя. Этотъ обычай въ Финляндіи называется Zulklapp. Узнавъ почеркъ Я. К. Грота, я выбѣжала въ переднюю и узнала въ человѣкѣ, одѣтомъ въ вывороченную мѣхомъ кверху шубу, Я. К. Грота, который, снявъ свой медвѣжій костюмъ, вошелъ со мною въ залъ. Посѣщая насъ довольно часто, онъ читалъ намъ свои чудные переводы шведскихъ поэтовъ и считался у насъ дорогимъ гостемъ. Тутъ я взялась за брошенный пакетъ; по мѣрѣ того, какъ онъ развертывался, адресы мѣнялись, послѣдній наконецъ былъ на мое имя. Въ немъ была круглая длинная бомбоньерка, а въ ней много другихъ, одна меньше другой, и въ каждой изъ нихъ листокъ со стихами его сочиненія, которые составляли одно цѣлое. Они написаны были по случаю предстоящаго отъѣзда моего въ Петербургъ съ предупрежденіями и наставленіями истиннаго друга, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ для меня лестные.

Онъ самъ ихъ прочелъ и по окончаніи просилъ разрѣшить напечатать ихъ въ «Современникѣ». Несмотря на то, что я убѣдительно просила его этого не дѣлать и не давала своего согласія, тѣмъ не менѣе, пріѣхавъ въ Петербургъ, я увидѣла ихъ напечатанными въ издававшемся Плетневымъ журналѣ «Современникъ». Стихамъ его я обязана успѣхомъ моимъ въ свѣтѣ. Плетневъ прочелъ ихъ наслѣднику Александру Николаевичу, журналъ былъ распространенъ, всѣ ждали съ нетерпѣніемъ пріѣзда провин-

ціалки, точно чего-то невиданнаго. Гротъ скрылъ это отъ меня и, вѣроятно, послалъ стихи для напечатанія другу своему Плетневу раньше, чѣмъ спросилъ мое разрѣшеніе.

День былъ морозный, погода ясная, солнышко весело освѣщало природу, когда мы 2-го января 1841-го года тронулись въ путь. Въ первой кибиткѣ ѣхали m-elle Balzer съ братомъ, въ другой, вслѣдъ за ними, отецъ со мной. Дорога мнѣ очень понравилась; то она извивалась между гранитными скалами и лѣсомъ, то шла съ горы на гору. Снѣгъ на солнцѣ искрился, а деревья, покрытыя инеемъ, блестѣли разноцвѣтными камнями. Ямщики въ Финляндіи ѣздятъ очень неосторожно: въ гору они тащатся шагомъ, самъ возница идетъ рядомъ съ повозкой, а съ горы, сѣвъ на облучокъ, несется, какъ шальной, того и гляди, что сани задѣнутъ за скалу и перекувырнутся или полетятъ съ нами въ пропасть. Мнѣ въ первый разъ приходилось ѣхать зимой сухимъ путемъ по петербургской дорогѣ, и я невольно любовалась живописной мѣстностью, несмотря на то, что все было покрыто толстымъ слоемъ снѣга. Въ Борго на станціи насъ встрѣтилъ Яковъ Карловичъ Гротъ, который, кажется, былъ въ то время у Рунеберга, извѣстнаго шведскаго поэта.

Пока перекладывали лошадей, мы закусили, напились чаю и, простившись съ Яковомъ Карловичемъ, который проводилъ меня пожеланіемъ скорѣй вернуться, поѣхали дальше.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, дядюшка, котораго я почти не помнила, и тетушка, которой я совсѣмъ не знала, встрѣтили насъ радушно и по-родственному. Съ тетушкой, несмотря на разницу нашихъ лѣтъ, мы тотчасъ сошлись и подружились, а дядюшка не только полюбилъ меня, но баловалъ, такъ что тетушка увѣряла, что съ моимъ пріѣздомъ онъ сталъ неузнаваемъ; обыкновенно серіозный, онъ смѣялся отъ души, когда я выкидывала разные фарсы и представляла сцены изъ видѣнныхъ въ театрѣ пьесъ и балетовъ.

Какъ только отецъ отдохнулъ съ дороги, и мое обвѣтрѣвшее отъ стужи лицо приняло свой первобытный видъ, мы поѣхали къ М. Х. Шевичъ, которая обрадовалась моему пріѣзду и желая, чтобъ я попала на всѣ предстоящіе балы, дала отцу списокъ лицъ, которымъ онъ долженъ сдѣлать со мной визитъ. Первые, къ кому мы поѣхали помимо списка, были: Демидова, графиня Мусина-Пушкина, сестра графа, княгиня Шаховская и Оболенская.

Сдѣлавъ всѣ остальные визиты, согласно желанію m-me Шевичъ, мы получили приглашеніе на балъ къ Лазаревымъ. День я провела у Шевичъ, тамъ я одѣвалась, такъ какъ она везла меня на балъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ вошла племянница ея, княгиня Т....кая, которая сочла своимъ долгомъ предупредить меня не на-

дѣяться на танцоровъ, прибавивъ, что теперь мода на дамъ, а барышни сидятъ. Я ей отвѣтила, что, не имѣя ни одного знакомаго кавалера въ Петербургѣ, я вовсе не разсчитываю быть приглашенной. Пріѣхали мы довольно рано; Марія Христофоровна представила меня хозяйкѣ, хозяину дома и нѣкоторымъ знакомымъ ей дамамъ, какъ свою родственницу.

При видѣ такого многочисленнаго общества и богатой роскошной обстановки, я была смущена и стояла возлѣ m-me Шевичъ, которая познакомила меня съ нѣкоторыми барышнями, а хозяйка, очень любезная и привѣтливая, представила мнѣ кавалеровъ. Домъ Лазаревыхъ и теперь стоитъ на Невскомъ, рядомъ съ Армянской церковью.

Каково было мое удивленіе, когда всѣ мои танцы были разобраны, а во время вальса я не сходила съ паркета.

Тутъ я подумала, что княгиня Т.... хотѣла напугать меня тѣмъ, что барышни не танцуютъ.

Пріѣхалъ на балъ великій князь Михаилъ Павловичъ, котораго мнѣ пришлось видѣть въ первый разъ; онъ былъ серіозенъ и показался мнѣ даже суровымъ.

Во время одной кадрили, рѣшительно не помню, кто подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что великій князь спросилъ, кто я, и, узнавъ мою фамилію, не преминулъ сдѣлать на мой счетъ каламбуръ, до которыхъ онъ большой охотникъ. Меня заинтриговало, какой онъ могъ сдѣлать каламбуръ на мой счетъ, не зная меня вовсе. Вотъ какой, отвѣтили мнѣ: «nous avons eu la plus belle traversée de Helsingfors à Petersbourg». Я покраснѣла, сконфузилась и отвѣтила, что комплиментъ этотъ я на свой счетъ принять не могу.

Мой первый выѣздъ въ большой свѣтъ былъ настолько удаченъ, что мнѣ не такъ уже странно было появляться на остальные балы и вечера, которыхъ въ ту зиму была цѣлая серія.

M-me Шевичъ представляла меня всѣмъ: «ma nièce la marquise Travesay», и благодаря этому, я была приглашена на всѣ балы, которые давались у Хитровыхъ, Уваровыхъ, Лазаревыхъ, Нарышкиныхъ, Сухозанетъ, Бѣлосельскихъ и Воронцовыхъ.

На балѣ графа Воронцова-Дашкова былъ наслѣдникъ. Онъ оставался недолго и не танцовалъ. Это былъ первый разъ, что я его видѣла послѣ того, какъ онъ пріѣзжалъ юношей въ Ревель, съ товарищами своими Віельгорскимъ и Паткулемъ. Помню, какъ мы дѣвочками бѣгали въ Екатериналь, гдѣ, стоя передъ балкономъ, любовались цесаревичемъ. Могла ли я думать тогда, что со временемъ и я буду близка ко двору.

Въ этотъ вечеръ я танцовала съ Ш.......ъ. Во время танца онъ поразилъ меня вопросомъ, слышала ли я, что въ Петербургѣ распространился слухъ, будто я его невѣста. Вспомнивъ разсказанный мнѣ братомъ его въ Гельсингфорсѣ эпизодъ его съ матерью,

когда онъ намѣревался ѣхать просить моей руки, я чуть не расхохоталась, но, къ счастью, удержалась и сказала смѣясь, что эта новость до меня еще не дошла, и надѣюсь, этотъ нелѣпый слухъ не распространится. Онъ же можетъ быть совершенно спокоенъ; я пріѣхала сюда повеселиться, но отнюдь не подыскивать себѣ жениховъ. Если же рѣшусь когда нибудь выйти замужъ, то не иначе, какъ по любви, и предпочту военнаго статскому. «Какъ это лестно для насъ, статскихъ»,—отвѣтилъ онъ съ поклономъ и ироническою улыбкой. «Простите мою откровенность,—сказала я,—но я всегда говорю то, что думаю, хотя откровенность бываетъ иногда неумѣстна». Я сильно подозрѣваю, что переданный мнѣ слухъ былъ придуманъ имъ самимъ.

На танцовальномъ вечерѣ у Хитровыхъ я была одѣта довольно просто: въ бѣломъ кисейномъ платьѣ съ складками и бѣлымъ пунцовымъ цвѣткомъ на головѣ. Вѣроятно, благодаря моей французской фамиліи, вообразили себѣ, что я пріѣхала изъ Парижа, окружили меня, какъ только я вошла въ гостиную, начали восторгаться моимъ платьемъ, нашли въ немъ un cachet parisien и увѣряли, что только тамъ умѣютъ одѣваться со вкусомъ. Когда я сказала, что платье сшито дома, и въ Парижѣ я никогда не была, то вѣрить не хотѣли, утверждая, что даже выговоръ у меня парижскій, хотя онъ ничѣмъ не отличался отъ выговора другихъ.

На этомъ вечерѣ Шервалъ подошелъ ко мнѣ во время кадрили и поздоровавшись представилъ пріятеля своего Паткуля, считая нужнымъ прибавить о его качествахъ: «очень добрый, милый, но вѣтреный молодой человѣкъ». На это я спросила, всегда ли онъ представляетъ своихъ друзей съ подобными атестатами.

Въ разговорѣ Паткуль сказалъ, что видѣлъ меня на балѣ графа Воронцова, гдѣ онъ былъ съ наслѣдникомъ, который оставался недолго, и Паткуль, какъ дежурный, уѣхалъ вмѣстѣ съ его высочествомъ. Всѣ танцы были мною заранѣе обѣщаны, а съ нимъ удалось сдѣлать только нѣсколько туровъ вальса. На память свою трудно было разсчитывать, поэтому дамы имѣли очень маленькія книжки въ оправѣ слоновой кости, въ которыхъ записывалось, на какомъ балу, съ кѣмъ и что танцуешь.

На приглашеніе его дать ему какой нибудь танецъ на одинъ изъ предстоящихъ баловъ я ни одного обѣщать не могла: всѣ были обѣщаны заранѣе.

Слѣдующій балъ былъ въ дворянскомъ собраніи; я была въ бѣломъ креповомъ платьѣ съ розовымъ вѣнкомъ на головѣ, а мои двѣ густыя косы, спущенныя петлей къ затылку, придерживались воткнутымъ кинжаломъ, рукоятка котораго была украшена цвѣтными камнями (подарокъ m-me Шевичъ). Когда раздался сигналъ мазурки, моего кавалера еще не было, и я обѣщала Паткулю танцовать съ нимъ, если тотъ не явится. Но въ ту же минуту под-

летѣлъ Феншау (конногренадеръ) съ извиненіемъ, что не подоспѣлъ во время, объяснивъ, что задержка была за лошадьми, которыхъ онъ съ трудомъ досталъ въ Петергофѣ. Паткуль выразилъ ему свое сожалѣніе, что, благодаря его пріѣзду, не можетъ танцовать мазурку со мной, но просилъ его оставить ему мѣсто возлѣ насъ, пока онъ пойдетъ отыскивать себѣ даму.

Во время фигуры съ qualitées графъ Иванъ А. Апраксинъ, выбравъ меня и вторую даму, спросилъ, какими qualitées мы будемъ. Я отвѣтила: «caprice du sort», а другая выбрала «caprice des dames». Не спросивъ насъ, къ кому подвести, и не предупредивъ, онъ прямо направился къ наслѣднику. На просьбу мою подвести насъ къ простому смертному, онъ вполголоса сказалъ мнѣ: «это по желанію его высочества». Наслѣдникъ выбралъ caprice des dames и протянулъ мнѣ руку. «Pardon, monseigneur, ce n'est pas moi», сказала я великому князю. Взглянувъ на Апраксина какъ бы вопросительно, онъ пошелъ танцовать съ той дамой, а Апраксинъ, ударивъ себя по лбу, проговорилъ: «ахъ, я телятина! телятина!» Когда я спросила, за что онъ себя такъ величаетъ, онъ сказалъ: «условлено было, что васъ назову первой».

Не прошло и двухъ минутъ, какъ подводятъ ко мнѣ наслѣдника. Когда дама, подведшая ко мнѣ кавалеровъ, сказала: «Caprice du sort», было бы черезчуръ наивно не понять, что это его высочество. Танцуя со мной, онъ сказалъ: «c'est au caprice du sort que je dois le plaisir de faire votre connaissance». Доведя меня до мѣста, онъ сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ и отошелъ въ противоположный конецъ зала, гдѣ стоялъ государь и великій князь Михаилъ Павловичъ.

Паткуль просилъ меня, когда дойдетъ до насъ очередь, выбрать наслѣдника. Я долго не соглашалась, но когда онъ мнѣ сказалъ по секрету, что это— по желанію его высочества, отказать было нельзя. Откуда у меня явилась храбрость, не знаю. Взявъ Паткуля за руку, мы прошли весь залъ.

Сдѣлавъ низкій поклонъ государю, возлѣ котораго стоялъ наслѣдникъ, я спросила его высочество: смѣю ли побезпокоить его. Онъ поспѣшилъ снять саблю, которую взялъ у него государь, а шляпу великій князь Михаилъ Павловичъ. Когда я подвела своихъ кавалеровъ къ дамѣ, та, понятно, выбрала того, котораго я назвала первымъ. Такъ какъ эта дама была моей сосѣдкой за мазуркой, то наслѣдникъ, доведя ее до мѣста, остался нѣкоторое время стоять около насъ.

Между тѣмъ, начали показываться маски, подходили, интриговали, или просто стояли изъ любопытства и желанья видѣть ближе красавца наслѣдника. Въ одинъ изъ туровъ мазурки мой кавалеръ такъ быстро повернулъ меня, что кинжалъ выпалъ изъ косы почти къ ногамъ наслѣдника. Я такъ быстро нагнулась, что

подняла его сама, хотя многіе бросились за нимъ, и воткнула себѣ въ голову. Маска, стоявшая за мной, спросила, чье сердце я намѣрена была пронзить, на что я не задумалась отвѣтить: «если бы знала, кто подъ маской, то сказала бы—ваше». Послышалось «браво», а маска, въ одеждѣ капуцина, сложивъ крестообразно руки на груди, проговорила со вздохомъ: «мое давно ранено вами». Это было сказано такъ комично, что невольно всѣ разсмѣялись.

Наслѣдникъ вспомнивъ, что государь держитъ его саблю, а дядя шляпу, направился къ нимъ быстрыми шагами.

Съ наплывомъ масокъ танцы прекратились; m-me Шевичъ взяла меня подъ руку, и мы усѣлись на одной изъ верхнихъ скамеекъ залы, чтобы лучше видѣть, какъ прохаживаются маски. Вскорѣ подошли къ намъ Мятлевъ, Паткуль и графъ Апраксинъ, предлагая пройтись по галлереѣ. Апраксинъ взялъ подъ руку m-me Шевичъ, Мятлевъ—меня, а Паткуль шелъ возлѣ меня. Приведя насъ въ одну изъ комнатъ, гдѣ сидѣлъ съ маской великій князь Михаилъ Павловичъ, Мятлевъ усадилъ насъ и, взявъ слово отъ m-me Шевичъ, что мы дождемся его возвращенія, вышелъ опять въ залъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ вошелъ наслѣдникъ, за нимъ Мятлевъ и цѣлая толпа любопытныхъ.

Мы встали, когда подошелъ къ намъ великій князь, но онъ заставилъ насъ сѣсть, а самъ стоя разговаривалъ съ нами. Вдругъ Мятлевъ попросилъ наслѣдника позволить ему прочесть стихи, которые онъ посвятилъ мнѣ, и на одобрительный отвѣтъ онъ началъ декламировать. Не знаю, что я готова была бы дать, чтобъ избавиться отъ такой пытки; я не знала, куда смотрѣть, наконецъ мнѣ стало невтерпежъ, я чувствовала, что расплачусь, и рѣшилась просить его высочество приказать Мятлеву не продолжать. Вѣроятно, по выраженію моего лица и глазъ наслѣдникъ понялъ, что это мнѣ въ тягость, и сказалъ Мятлеву: «ты доскажешь мнѣ ихъ въ другой разъ». Вскорѣ послѣ этого наслѣдникъ простился съ нами, и мы уѣхали домой.

Когда я сидѣла съ m-me Шевичъ въ каретѣ и жаловалась ей на Мятлева, что онъ поставилъ меня въ такое ужасное положеніе, декламируя стихи въ присутствіи наслѣдника и такой многочисленной публики, добрая старушка не нашла ничего предосудительнаго со стороны Матлева и находила скорѣе, что это была любезность. Если бы я вращалась всегда въ большомъ свѣтѣ и воспитана была бы иначе, можетъ быть, и я не нашла бы въ этомъ ничего такого ужаснаго.

Балъ у графа Уварова былъ предпослѣднимъ. На этомъ балѣ вышло недоразумѣніе съ танцами. Оказалось, что я пятерымъ обѣщала одну и ту же кадриль. Мнѣ кажется, эти господа просто сочинили: обѣщать двумъ могло случиться, но пятерымъ—что-то неправдоподобно. Никто изъ претендентовъ не хотѣлъ уступить

одинъ другому; желая доказать, что преимущества не даю никому, я предложила вытянуть на узелки. Платокъ m-me Шевичъ служилъ пятымъ концемъ. Узелокъ прекратилъ споръ: тотъ, кому онъ достался, танцовалъ со мной эту злосчастную кадриль.

Паткуль, съ которымъ мнѣ ни разу не удалось танцовать ни мазурку, ни котильонъ, ни даже кадриль, былъ въ отчаяніи, что на послѣдній балъ у Воронцова мазурка была обѣщана конногвардейцу графу Палену, и ни одного свободнаго танца не было. Мы были приглашены только на вечерній балъ. Передъ ужиномъ графиня Воронцова подошла къ m-me Шевичъ и сказала ей, что надѣется видѣть меня съ ней у себя въ воскресенье: «je vous prie instamment de ne manquer ni le matin ni le soir». Шевичъ поблагодарила, но вмѣстѣ съ тѣмъ объяснила, что до насъ касается только приглашеніе на вечеръ, на это графиня выразила свое удивленіе, сказавъ, что, если такъ, то это произошло по невольной ошибкѣ, и, обратясь ко мнѣ, любезно сказала: «je ne veux pas que ma matinée soit gatée par votre absence, je vous attends sans faûte». Поблагодаривъ графиню, я сказала, что, если это не слишкомъ утомитъ ma tante, то я, конечно, воспользуюсь ея любезнымъ приглашеніемъ.

Паткуль, узнавъ отъ графини, что мы будемъ утромъ, не прозѣвалъ пригласить меня на мазурку, которую я обѣщала ему съ удовольствіемъ. Онъ нравился мнѣ за то, что никогда комплиментовъ не говорилъ, былъ вѣжливый, внимательный и веселый молодой человѣкъ. Танцовалъ онъ, какъ никто; говоря о немъ тетушкѣ, я увѣряла, что онъ танцуетъ идеально. Что я нравлюсь ему, это не трудно было замѣтить, а «что сердце сердцу вѣсть даетъ», это —старая поговорка.

Для утренняго бала Воронцовыхъ дядя подарилъ мнѣ свѣтложелтаго крепу на платье, говоря—что этотъ цвѣтъ къ лицу брюнеткамъ. Платье сшили у тетушки, она подобрала цвѣты, и къ назначенному дню, folle journée, все было готово. Утромъ получила записку отъ Мятлева съ какимъ-то порученіемъ къ отцу и вмѣстѣ съ просьбою дать ему кадриль утромъ и вечеромъ; обѣ первыя были свободны, поэтому обѣщаны ему.

Первый, кто насъ встрѣтилъ у Воронцовыхъ, былъ Паткуль.

Мало-по-малу приглашенные съѣзжались, залъ наполнялся. Наслѣдникъ пріѣхалъ довольно рано, когда гостей было еще не много; Мятлевъ воспользовался этимъ и, стоя въ дверяхъ возлѣ него, вытащилъ изъ кармана записочку, далъ прочесть наслѣднику; взглянувъ на меня и получивъ ее обратно, поцѣловалъ бумажку и сунулъ снова въ карманъ. Я догадалась, что это, вѣроятно, моя утренняя записка. Фарсы Мятлева переходили ужъ черезъ границу всякаго къ нему снисхожденія; я была просто возмущена. Въ добавокъ всего, подойдя ко мнѣ, онъ сказалъ: «Его высочество

нашелъ, что вы очень мило пишете». Одно, что мнѣ оставалось отвѣтить, это выразить сожалѣніе, что я имѣла глупость отвѣтить на его записку. Вслѣдъ за этимъ онъ спросилъ, замѣтила ли я, что у наслѣдника выросла бородавка. Хотя я доказывала, что это не что иное, какъ англійскій пластырь, что, вѣроятно, за бритьемъ его высочество порѣзался, онъ настаивалъ на своемъ. Когда его высочество къ намъ подошелъ и началъ разговаривать, Мятлевъ опять подвернулся и началъ доказывать мнѣ, что у наслѣдника не бородавка, какъ я увѣряла его, а пластырь. Обратясь къ m-me Шевичъ, я просила ее, какъ свидѣтельницу спора моего съ Мятлевымъ, сказать, кто изъ насъ утверждалъ, что это бородавка. Мятлевъ разсмѣялся и сказалъ, что онъ шутилъ.

Да! но шутка, конечно, неумѣстная, не говоря о себѣ, но въ отношеніи наслѣдника я никакъ не могла примириться съ такимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ его высочествомъ. Царская семья была для насъ чуть ли не земнымъ божествомъ, съ ранняго дѣтства насъ пріучили на колѣняхъ молиться за государя, императрицу и наслѣдника, а Мятлевъ вдругъ сочиняетъ о какой-то бородавкѣ, тутъ же при его высочествѣ. Когда я танцовала кадриль съ великимъ княземъ, то лишь отвѣчала на его вопросы, а сама заговаривать съ нимъ не рисковала.

Въ одинъ изъ промежутковъ между танцами, ко мнѣ подошелъ генералъ Чичеринъ и передалъ, что великій князь Михаилъ Павловичъ желаетъ познакомиться со мной. Видя, что онъ направляется ко мнѣ, я сдѣлала нѣсколько шаговъ ему на встрѣчу. Его высочество показался мнѣ менѣе суровымъ, чѣмъ на балѣ Лазарева, гдѣ я видѣла его въ первый разъ; мы церемонно поклонились другъ другу. Великій князь улыбнулся, сказалъ, что видѣлъ меня на балѣ Лазаревыхъ, спросилъ, давно ли я пріѣхала, веселюсь ли, довольна ли своимъ пребываніемъ, и спросилъ наконецъ, передали ли мнѣ каламбуръ, сдѣланный имъ на мой счетъ. Со страха, что онъ повторитъ его, я отвѣтила: «да, мнѣ передали его, но онъ слишкомъ лестенъ, чтобъ я могла принять его на свой счетъ». На это онъ отвѣтилъ, что отъ своихъ словъ не отказывается и готовъ повторить. Мнѣ такъ часто приходилось конфузиться и краснѣть въ этотъ день, что перечесть трудно.

По окончаніи мазурки, которую я танцовала съ Паткулемъ, всѣ отправились въ столовую къ завтраку. За столомъ я сидѣла между m-me Шевичъ и Мятлевымъ, который смѣшилъ не только насъ, но и сосѣдей. Завтракъ начался блинами. Передъ жаркимъ Мятлевъ взялъ мой букетъ, присланный мнѣ племянникомъ m-me Шевичъ, Золотницкимъ, положилъ его себѣ на тарелку и, искрошивъ мои бѣдные цвѣты на мелкіе куски, началъ заправлять салатъ. M-me Шевичъ, видя это, сказала: «voyons s'il va manger cette salade?» на что я отвѣтила: «s'il la mange, il va s'empoisonner où

s'étrangler». Окончивъ свою работу, онъ вдругъ, подозвавъ арапа, велѣлъ отнести салатъ адъютанту наслѣдника Паткулю и сказать, что салатъ приготовленъ изъ букета маркизы. Этимъ поступкомъ я была такъ оскорблена, такъ непріятно поражена, что слезы начали подступать къ горлу, и я упросила m-me Шевичъ встать и уѣхать, предупреждая, что иначе я расплачусь. Всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ шутка Мятлева не только не поразила, но всѣ смѣялись и смотрѣли то на меня, то на Паткуля, сидѣвшаго за другимъ столомъ. Добрая Марія Христофоровна, благодаря мнѣ, не кончила завтракать; мы встали изъ-за стола, но какъ ни старались удалиться, не бывъ замѣченными, хозяйка дома догнала насъ въ дверяхъ съ вопросомъ, что случилось. Моя внезапная головная боль была вымышленнымъ предлогомъ; но на просьбу графини непремѣнно вернуться вечеромъ обѣщаніе было дано. Мятлеву, который тоже побѣжалъ за нами, m-me Шевичъ сдѣлала выговоръ; на всѣ его извиненія и увѣренія, что онъ никакъ не думалъ сдѣлать мнѣ этимъ непріятное, я не отвѣчала ему ни слова. Въ каретѣ я расплакалась, Марія Христофоровна утѣшала меня, увѣряя, что Мятлевъ такъ извѣстенъ своими фарсами и шутками, что на него не обижается никто. «Но вѣдь я чужая! пріѣзжая! вы не подумали о томъ, каково мнѣ будетъ вечеромъ встрѣтиться съ Паткулемъ».

Такъ какъ m-me Шевичъ жила на Владимирской, а Воронцовы на Дворцовой набережной, то она просила графиню Ржевусскую позволить намъ переодѣться на вечеръ у нея; квартира ихъ была не далеко. Генералъ-адъютанта графа Ржевусскаго я встрѣчала на балахъ, но никогда не видѣла графини.

Намъ была отведена большая, удобная комната, гдѣ мы застали своихъ горничныхъ съ разложенными по стульямъ платьями. Отдохнувъ немного, мы переодѣлись и пошли въ столовую, гдѣ графиня ожидала насъ съ чаемъ. Тутъ я была ей представлена. Поблагодаривъ ее за гостепріимство и простившись съ ней, мы поѣхали къ Воронцовымъ. Я ѣхала далеко не съ такимъ спокойнымъ сердцемъ, какъ прежде. Исторія съ букетомъ, безъ сомнѣнія, извѣстна всѣмъ, а главное меня смущала встрѣча съ Паткулемъ.

Войдя въ сѣни, мы увидѣли, что императрица медленно поднимается по лѣстницѣ, а за ней шелъ государь поддерживая ее за талію, чтобъ облегчить ей подъемъ.

Обождавъ немного, и мы поднялись. На верхней площадкѣ, съ которой дверь въ залъ была открыта, сидѣла императрица и отдыхала. Государь, стоявшій рядомъ, держался за спинку стула. Послѣ нашего поклона ихъ величествамъ, императрица подозвала m-me Шевичъ, а я стала у самой стѣны, опустивъ глаза, чувствовала на себѣ пристальный взглядъ ихъ величествъ. Стоять такъ близко отъ нихъ и бояться взглянуть было для меня очень тяжело; не имѣя счастія знать ихъ лично, я питала къ нимъ какую-

то безграничную, восторженную любовь. Когда ея величество отпустила М. Х., мы вошли въ залъ. У самыхъ дверей поджидалъ насъ Мятлевъ съ огромнымъ букетомъ, и, ставъ предо мною на колѣно, онъ упрашивалъ принять букетъ въ знакъ того, что я прощаю ему утренній поступокъ. «Ради Бога встаньте,—сказала я съ испугомъ:—ихъ величества на площадкѣ, увидятъ эту сцену, и что они подумаютъ обо мнѣ? Если вы сію минуту не встанете, я уѣду съ бала». Онъ всталъ, но попросилъ m-me Шевичъ уговорить меня взять букетъ, а тотъ, который былъ у меня въ рукахъ, она взяла себѣ. Тутъ подлетѣлъ Золотницкій съ упрекомъ, что я предпочла его букету поднесенный Мятлевымъ. На это я сказала ему, что онъ не имѣетъ права быть въ претензіи, такъ какъ утромъ я была съ его букетомъ (конецъ котораго былъ такимъ трагическимъ).

Какъ я ни старалась стоять за m-me Шевичъ, она все выдвигала меня впередъ; на мой вопросъ, зачѣмъ она не хочетъ, чтобъ я стояла позади, гдѣ мнѣ было гораздо пріятнѣе прятаться послѣ всѣхъ выходокъ Мятлева, она мнѣ сказала шепотомъ, что императрица, желая разсмотрѣть меня, просила ее поставить меня такъ, чтобъ она могла меня видѣть.

Съ наслѣдникомъ я танцовала одну кадриль, Паткуль былъ постояннымъ его vis à vis.

Во время котильона, въ фигурѣ, гдѣ дамы становятся пирамидой, мнѣ нѣсколько разъ сряду пришлось танцовать съ наслѣдникомъ. Замѣтивъ, что Мятлевъ, бывшій коноводомъ, посмотрѣлъ на меня и началъ разсчитывать и размѣщать кавалеровъ, я въ ту минуту, какъ они тронулись съ мѣста, моментально перешла на другое. Когда кончилась фигура, онъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ, что я перехитрила его, а я посовѣтовала ему предоставить случаю, кому съ кѣмъ танцовать, а не разсчитывать впередъ.

Послѣ ужина балъ кончился въ два часа гросфатеромъ; я танцовала съ Мятлевымъ взамѣнъ первой кадрили, на которую мы опоздали.

Наступилъ великій постъ, въ первый же день пріѣхали къ намъ съ визитомъ Шерваль съ Паткулемъ; послѣдній привезъ мнѣ списокъ кавалеровъ, съ которыми я танцовала наканунѣ, а возлѣ имени наслѣдника было нарисовано солнце. Для него его высочество былъ сіяющимъ свѣтиломъ.

Вечеромъ я была приглашена къ графинѣ Е. К. Пушкиной, которая желая, чтобъ до отъѣзда нашего я провела еще вечеръ у нея, собрала своихъ родныхъ, сестеръ графа, княгинь Шаховскую и Оболенскую съ дочерью, сестру свою А. К. Демидову и графиню Армфельдъ съ ея дочерью Матильдой; изъ мужчинъ самъ хозяинъ дома, Шерваль, баронъ Клинковштремъ и, къ великому моему удивленію, Паткуль, который не былъ до того знакомъ въ домѣ. Во время своего визита у насъ, Шерваль спросилъ меня, буду ли

я вечеромъ у сестры его; узнавъ, что да, Паткуль сдѣлалъ въ то же утро визитъ Пушкинымъ и былъ приглашенъ. Послѣ исторіи съ салатомъ, я избѣгала говорить съ Паткулемъ; онъ былъ настолько деликатенъ, что ни слова не намекнулъ о немъ.

Передъ разъѣздомъ, Матильда, узнавъ, что на другой день по случаю нѣмецкой масленицы былъ назначенъ маскарадъ въ Большомъ театрѣ, упросила мать свезти ее, говоря, что ей очень интересно видѣть маскарадъ, о которомъ не имѣла никакого понятія. Графиня уговорила отца ѣхать тоже; рѣшено было взять ложу пополамъ, а Паткуль взялся намъ доставить ее.

Тетушка Траверсе никогда не ложилась спать, пока я не вернусь домой; узнавъ о маскарадѣ, она тотчасъ согласилась сопровождать меня и обѣщала обо всемъ позаботиться.

Утромъ заѣхалъ Паткуль, а такъ какъ онъ не былъ принятъ, потому что, кромѣ меня, никого не было дома, то велѣлъ передать мнѣ записку, въ которой, указывая № ложи, подписался: «votre très humble serviteur et adorateur». Когда тетушка прочла записку, то сказала смѣясь, что мы, кажется, не на шутку втюрились другъ въ друга.

Можно ли было такъ выразиться «втюрились»? На мое замѣчаніе, что выраженіе далеко не изящное, тетушка оправдалась тѣмъ, что это любимое выраженіе дяди.

Во время обѣда раздался звонокъ; доложили: «Паткуль», который, узнавъ, что отца нѣтъ дома, велѣлъ просить меня выйти къ нему на минуту, такъ какъ онъ имѣлъ порученіе наслѣдника Александра Николаевича къ отцу.

Такъ какъ ни дяди ни тетушки не было, tante Nathalie, которая, къ счастью, находилась въ это время со мной и дѣтьми дяди, за столомъ, согласилась пойти со мной и принять Паткуля. Мы вышли въ гостиную, съ салфетками въ рукахъ, я представила tante Nathalie Паткуля; онъ извинился, что явился въ неурочный часъ. Предложивъ ему стулъ, я сѣла на диванъ, отъ котораго тетя отказалась.

Порученіе наслѣдника состояло въ томъ, что его высочество желаетъ видѣть отца и назначаетъ пріемъ въ воскресенье черезъ недѣлю.

Въ концѣ второй недѣли мы собирались ѣхать въ обратный путь, но я не замедлила сказать, что отецъ, конечно, охотно отложитъ нашъ отъѣздъ, чтобъ имѣть счастіе представиться наслѣднику.

Увлекаясь разговоромъ, Паткуль, вѣроятно, забылъ, что прервалъ нашъ обѣдъ, и такъ долго засидѣлся, что наконецъ я спросила, обѣдалъ ли онъ. Отвѣтъ былъ отрицательный; на это я ему сказала, что хозяевъ нѣтъ дома, и пригласить я его не могу, впрочемъ, прибавила я, обѣдъ постный, рыбный, а рыбу, по его

словамъ, онъ не любитъ. Увѣренія, что онъ съ дѣтства привыкъ къ постному столу, любитъ и рыбу, ни къ чему не привели. Въ заключеніе своего визита онъ спросилъ меня, знаю ли я о слухѣ, который носится по городу, что онъ женихъ.

На вопросъ мой, можно ли поздравить его, онъ отвѣтилъ, что это зависитъ отъ меня, такъ какъ его невѣстой называютъ меня.

Я такъ испугалась его наивнаго отвѣта и, боясь, чтобъ tante Nathalie не услышала, уронила нарочно салфетку на полъ и, поднимая её, сказала въ полголоса, не стыдно ли ему повторять такіе нелѣпые слухи, что, если тетушка слышала, что онъ сказалъ, то мнѣ сдѣлаютъ выговоръ, зачѣмъ я приняла его, но, такъ какъ она немного туга на ухо, то, надѣюсь, она не разслышала. Повидимому, онъ былъ озадаченъ моимъ отвѣтомъ и уѣхалъ въ недоумѣніи, какъ понять мои слова: «нелѣпые слухи».

Tante Nathalie пришлось доѣдать остывшій обѣдъ, а наивная откровенность Паткуля такъ смутила меня, что мнѣ уже, понятно, было не до ѣды.

Къ вечеру были готовы наши черныя домино, бархатныя полумаски, статская ливрея для выѣздного, и тетушкой было даже предусмотрѣно человѣка окрестить другимъ именемъ и заставить его вызубрить нѣмецкую фамилію, подъ которой онъ долженъ кликнуть карету.

Въ минуту нашего отъѣзда дядя поднесъ мнѣ букетъ.

Войдя въ ложу, мы застали въ ней графиню Армфельдъ съ дочерью, Шервиля и Паткуля; кавалеры встали, поклонились. Первый тотчасъ вышелъ и отправился въ залъ, а второй, обратившись къ моей спутницѣ, которую по фигурѣ онъ принялъ за tante Nathalie, просилъ позволенія остаться, въ чемъ отказа ему не было.

Разговаривая съ ней, онъ обратился ко мнѣ съ замѣчаніемъ, что тетушка моя отлично слышитъ. На это я стала увѣрять, что въ первый разъ вижу его, поэтому никогда не могла говорить о глухотѣ какой-то тетушки, что мы совсѣмъ случайно попали въ эту ложу, уступивъ просьбѣ двухъ масокъ помѣняться съ нами мѣстами. Голосъ мой совершенно измѣнился, благодаря орѣху, находившемуся подъ языкомъ.

Я сидѣла за Матильдой Армфельдъ, которая забавлялась моей находчивостью интриговать, а бѣдный Паткуль былъ въ полномъ недоумѣніи, я ли это или нѣтъ.

Пробывъ около полутора часа, мы всѣ вышли изъ ложи, чтобъ ѣхать домой. Паткуль проводилъ насъ, крикнулъ человѣка, который явился съ шубами, вызубривъ свое вымышленное имя. Пока тотъ ходилъ за каретой, Паткуль выпросилъ у меня цвѣтокъ изъ букета; долго я не рѣшалась, но, когда тетушка упрекнула

меня въ скупости, то, передавая ему просимое, я сказала, что разочарованіе его будетъ немалое, когда онъ узнаетъ, что получилъ его совсѣмъ отъ другой личности, чѣмъ думаетъ. Лицо его приняло такое недоумѣвающее и грустное выраженіе, что тетушка не вытерпѣла и сказала, чтобъ онъ не вѣрилъ маскамъ, которыя по принятому обычаю рѣдко говорятъ правду, добавивъ въ заключеніе: «вы не ошиблись, это она». Онъ просіялъ мгновенно, поцѣловалъ ей руку и сказалъ: «я былъ увѣренъ, сердце не могло обмануть меня». Проводить насъ до кареты я не позволила.

Дома я сдѣлала тетушкѣ выговоръ за ея неосторожность, особенно послѣ того слуха, который Паткуль такъ необдуманно передалъ мнѣ за нѣсколько часовъ, но тетушка стояла на своемъ, увѣряя, что нельзя отталкивать человѣка, который, повидимому, такъ сильно полюбилъ меня и, конечно, имѣетъ серіозныя намѣренія, если рѣшился повторить мнѣ, какъ будто городской слухъ, что я его невѣста. Но тетушка убѣдить меня не могла, я до самаго конца, какъ онъ сильно ни нравился мнѣ, сумѣла скрыть отъ него то глубокое чувство, которое онъ заронилъ въ мое сердце.

На первой недѣлѣ Паткуль больше къ намъ не заѣзжалъ; я тоже проводила время дома, только навѣщала иногда Марію Христофоровну, чтобы узнать, не очень ли утомили её выѣзды со мной, понимая, какую жертву старушка приносила для меня. Её и двухъ падчерицъ ея очень занимали разсказы о вечерѣ у Пушкиной и о маскарадѣ; вообще все, что касалось меня, интересовало ихъ.

Въ началѣ второй недѣли былъ вечеръ у Хитрово; я была предупреждена, что мы будемъ en petit comitè et en pays de connaissance.

Я поѣхала съ графиней Пушкиной, и когда мы вошли въ гостиную, меня тотчасъ обступили знакомыя барышни съ вопросомъ, правда ли, что я невѣста Паткуля. На такой нескромный вопросъ я отвѣтила, что меня удивляетъ, кто занимается распространеніемъ такихъ слуховъ, и было бы очень интересно знать ихъ автора. Это было сказано съ видомъ такого неудовольствія, что на цѣлый вечеръ я избавилась отъ дальнѣйшихъ разспросовъ. Во время чая я услышала за спиною знакомые шаги и звяканье шноръ. Шериваль, стоявшій по другую сторону стола, пристально смотрѣлъ на меня, точно изучая выраженіе моего лица. Я чувствовала этотъ взглядъ, хотя не видѣла его. Вѣроятно, я покраснѣла, потому что Мятлевъ, стоявшій возлѣ меня, схватилъ со стола тарелку съ печеньемъ и, подавая её, высыпалъ все мнѣ на платье и на полъ. Я отодвинула стулъ и, упрекая его въ неловкости, начала подбирать печенье на тарелку, а онъ, ставъ на колѣно, чтобъ собрать съ полу, шепнулъ:

— Простите, я сдѣлалъ это умышленно; краснѣя, вы чуть не выдали себя, а за вами наблюдаютъ.

На этотъ разъ онъ дѣйствительно оказалъ мнѣ услугу; я успѣла вполнѣ овладѣть собою, когда Шерваль мнѣ сказалъ, что мнѣ давно кланяются, а я не обращаю никакого вниманія. Отдавая поклонъ Паткулю, я извинилась и свалила всю вину на неловкость Мятлева.

Вечеръ прошелъ въ общихъ разговорахъ, въ разспросахъ о Финляндіи, однимъ словомъ было очень оживленно, благодаря Мятлеву, который смѣшилъ всѣхъ запасомъ своихъ фарсовъ. За ужиномъ, когда подали шампанское, Шерваль выпилъ за мое здоровье, пожелавъ мнѣ счастливаго пути и скораго возвращенія.

Только что я взялась за бокалъ, чтобъ отвѣтить, или, вѣрнѣе, поблагодарить, онъ обратился къ Паткулю и отчеканилъ громогласно: «пью за твое здоровье, пожелавъ тебѣ полнаго успѣха и счастія!»

Не дотронувшись до краевъ своего бокала, я поставила его на мѣсто. Послѣ ужина онъ подошелъ спросить, за что я такъ грозно посмотрѣла на него и не отвѣтила на предложенный тостъ. Я только могла сказать, что была поражена его безтактностью: пить за мое здоровье и тутъ же обратиться къ Паткулю съ разными пожеланіями, когда между нами нѣтъ ничего общаго; это было въ отношеніи меня крайне неделикатно и неумѣстно. Онъ былъ сконфуженъ, извинился, говоря, что никакъ не думалъ, чтобъ я могла принять это къ сердцу.

На слѣдующій день пріѣхалъ Паткуль съ визитомъ. Узнавъ изъ разговора отца, что мы на другой день ѣдемъ въ Кронштадтъ, онъ предложилъ довезти насъ на тройкѣ, вѣроятно, предполагая, что если отецъ согласится, то и меня возьмутъ въ сани; но отецъ отказался ѣхать въ открытомъ экипажѣ.

Въ назначенный для нашей поѣздки день, Паткуль пріѣхалъ рано утромъ, надѣясь склонить отца, но предложеніе его было отклонено и на этотъ разъ. Въ скважину слегка отвернутой сторы я видѣла, какъ онъ въ убранныхъ коврами саняхъ на щегольской тройкѣ, звеня бубенчиками, проскакалъ мимо дома, заглядывая въ окна, въ которыхъ сквозь спущенныя сторы никого не было видно.

За нами заѣхала tante Nathalie въ четырехмѣстной наемной каретѣ; на запяткахъ красовался огромный тюкъ сѣна, для прокормленія лошадей на сутки.

День былъ морозный, снѣгъ сильно скрипѣлъ подъ колесами. Съ моей стороны окно было спущено, а въ другое ничего не было видно, такъ сильно оно обледенѣло. Заворачивая на Англійскую набережную, я издали увидѣла всадника, догонявшаго насъ на сѣромъ конѣ. Какое-то внутреннее предчувствіе шептало мнѣ: «это онъ», и я не ошиблась.

Подъѣхавъ и поздоровавшись съ нами, онъ проводилъ насъ до самаго взморья. Когда мы проѣхали по льду версту или двѣ, мнѣ послы-

шался конскій топотъ: это былъ Паткуль, который вернулся, чтобъ узнать, когда мы пріѣдемъ обратно. Желая, чтобъ Паткуль, который былъ въ одномъ сюртукѣ, уѣхалъ скорѣе, я поторопилась отвѣтить за отца, который какъ-то медлилъ, что мы пріѣдемъ на слѣдующій день къ двумъ часамъ.

Тетушка и дядя Ивановы, не видѣвшіе насъ еще съ пріѣзда въ Петербургъ, обрадовались намъ; tante Nathalie была родная сестра tante Vera.

Пошли разспросы о всемъ, что я видала, о вынесенныхъ мною впечатлѣніяхъ изъ большого блестящаго свѣта, о томъ, какъ веселилась, но вдругъ дядя, съ улыбкой и покачавъ головою, спросилъ, почему я скрываю, что за мной сильно ухаживаетъ одинъ молодой адъютантъ, кажется, прибавилъ онъ, Паткуль, что слухъ этотъ дошелъ и до нихъ, и спросилъ при этомъ, нравится ли онъ мнѣ. Я вся вспыхнула! Въ отвѣтѣ моемъ, что не дѣлаю никакого различія между нимъ и другими, потому что всѣ одинаково любезны со мной, я, признаться, на этотъ разъ была не откровенна.

Вечеромъ мы всѣ отправились въ офицерское собраніе, на которомъ почти исключительно были моряки, большею частью, мнѣ знакомые. Тамъ я чувствовала себя въ своей средѣ; оно и понятно, вѣдь съ дѣтства я вращалась въ обществѣ моряковъ. Провела время на вечерѣ я очень пріятно. Надо отдать полную справедливость морскимъ офицерамъ; они умѣли принимать у себя съ такимъ радушіемъ, что въ обществѣ ихъ никто изъ приглашенныхъ не чувствовалъ себя чужимъ, и все сливалось какъ бы въ одну семью.

Послѣ долгаго времени мнѣ пришлось встрѣтиться тамъ съ адмираломъ Ф. Ф. Беллингсгаузеномъ и женой его Анной Дмитріевной, которой я восхищалась съ дѣтства. Домой мы вернулись довольно поздно. Утромъ я проснулась отъ разговора въ сосѣдней комнатѣ между отцомъ и тетушками. Услышавъ имя Паткуля, я стала прислушиваться.

Тетушки совѣтовали отцу положить конецъ его ухаживанью; онъ слишкомъ молодъ, говорятъ, вѣтренъ, и, какъ это часто бываетъ въ большомъ свѣтѣ, молодежь ухаживаетъ для препровожденія времени, а съ моей пылкой, экзальтированной натурой я могу полюбить его серіозно, и если онъ не имѣетъ намѣренія жениться на мнѣ, то обманутая надежда можетъ очень повліять на мое здоровье. Отецъ старался успокоить ихъ, утверждалъ, что, положа руку на сердце, онъ не замѣтилъ, чтобъ я отличала Паткуля отъ другихъ.

Я кашлянула въ доказательство, что проснулась, вскочила, одѣлась живо, вышла веселая въ столовую. Поздоровавшись со всѣми, налила себѣ чай, не показывая вида, что услышала разговоръ.

М. А. Паткуль.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ МОЕЙ ПОРТРЕТНОЙ ГАЛЛЕРЕИ[1].

III.

Протестантъ.

По МОСКОВСКОМУ обычаю — быть непремѣнно послѣ спектакля въ трактирѣ — я попалъ изъ театра въ аляповатый, съ претензіей на «стиль» обѣденный залъ одного изъ модныхъ ресторановъ. Воздухъ былъ наполненъ одуряющимъ ароматомъ папиросъ, сигаръ, прогорклаго масла, лука, рыбы, лавроваго листа и пива. Москвичъ не любитъ отдѣльнаго кабинета и размѣщается всегда въ общей залѣ, чтобы всѣ видѣли, что онъ ѣстъ и пьетъ. Поэтому народа было множество, и у всѣхъ столовъ виднѣлись объемистыя чрева туземцевъ. Я едва нашелъ свободный столикъ по самой серединѣ зала.

Не успѣлъ я дать заказъ вспотѣвшему татарину, какъ надо мной раздался голосъ:

— Боже мой! Кого я вижу! Сколько лѣтъ!

Первое, что бросилось мнѣ въ глаза, — были зубы; удивительные, огромные зубы,—одно изъ самыхъ чудовищныхъ издѣлій какого нибудь провинціальнаго дантиста. Они блестѣли, какъ у хорошо препарированнаго скелета, и улыбались загробной улыбкой.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», LXXVII, стр. 140.

По этимъ зубамъ я сразу узналъ извѣстнаго артиста Гринича—человѣка лѣтъ шестидесяти, сухого, длиннаго, съ римскимъ профилемъ, гладко причесаннаго, щеголевато одѣтаго, съ неизмѣннымъ цилиндромъ въ рукахъ.

Я понялъ, что онъ сядетъ непремѣнно противъ меня, и прежде чѣмъ я отдалъ себѣ отчетъ въ этой мысли, онъ уже спросилъ:

— Вы позволите? Все полно. Человѣкъ, прими шляпу.

Человѣкъ принялъ шляпу и отодвинулъ стулъ передъ другимъ человѣкомъ. Гриничъ опустился на сидѣніе какъ-то по-театральному и, грустно смотря на меня, сказалъ:

— Да, давно-давно не видались.

Гриничъ сперва былъ на императорской сценѣ въ Петербургѣ, потомъ ушелъ въ провинцію; потомъ опять появился въ Москвѣ на казенной сценѣ; потомъ антрепренерствовалъ въ какихъ-то странныхъ городахъ, гдѣ дѣлалъ, по собственнымъ словамъ, колоссальныя дѣла. Въ концѣ концовъ онъ бросилъ антрепризу и сдѣлался резонеромъ. Актеръ онъ былъ въ высшей степени деревянный, но мнившій о себѣ очень много, и главное — считавшій себя глубоко-образованнымъ человѣкомъ, обладающимъ вдобавокъ превосходной библіотекой. Превосходная библіотека, на которую онъ ничего не жалѣлъ, исчерпывалась Шекспиромъ въ русскомъ переводѣ со скверными рисунками, Доуденомъ, Кречмеромъ и, конечно, Гервинусомъ. Просмотрѣвъ болѣе или менѣе поверхностно эти книги, Гриничъ заявилъ, что послѣ университета онъ докончилъ свое воспитаніе самообразованіемъ. Но что значило—«послѣ университета», и на что намекалъ онъ,—это всегда оставалось тайною.

Его я не видѣлъ дѣйствительно очень давно. Бутылка мадеры скоро развязала ему языкъ. Онъ началъ мнѣ разсказывать скучнѣйшіе анекдоты объ артистахъ. Это было очень тоскливо и бездарно. Я перевелъ разговоръ на другую тему.

— Павелъ Игнатьевичъ, вы—человѣкъ, много повидавшій. Скажите мнѣ, насколько шагнула впередъ наша сцена въ послѣднія сорокъ лѣтъ?

Онъ уставился на меня своими молочными маленькими глазками.

— Ушла впередъ?—переспросилъ онъ меня.—Вы, быть можетъ, хотѣли сказать—шагнула назадъ? О, назадъ она шагнула гигантскимъ шагомъ.

— Неужели?

— Натурально. Со всѣхъ сторонъ—одно оскудѣніе.

— Не преувеличиваете ли вы?

— Ха-ха! Я преувеличиваю? Оглянитесь вокругъ себя, что вы увидите. Одни суррогаты.

— Даже суррогаты?

— Не будемъ говорить о Мочаловыхъ, Каратыгиныхъ, Щепкиныхъ. Я не засталъ ихъ: я засталъ только ихъ традиціи, еще свѣжія, полныя благоуханія. Не будемъ говорить о нихъ. Но я вамъ укажу на такіе устои, какъ Васильевы, Самойловъ, Самаринъ, Шумскій, Живокини, Садовскій! Вотъ киты, на которыхъ держался граціозный храмъ искусства. А теперь? Я васъ призываю оглянуться. Еще въ женщинахъ вы найдете консепсію творчества,—въ видѣ отдѣльныхъ брильянтовъ онѣ горятъ тамъ и тутъ. Но,—я спрашиваю васъ,—мужской персоналъ? Развѣ онъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ запросомъ эстетическихъ требованій? И не только у насъ, повсюду въ Европѣ. Великій Ольриджъ умеръ...

— Экъ, куда вы махнули!—не удержался я.

— Я его засталъ,—я игралъ съ нимъ, я игралъ этого венеціанца, какъ его... брата Дездемоны, что пріѣзжаетъ посломъ. Помните? Я былъ тогда такъ юнъ, но ростъ у меня былъ такой же, и меня Ольриджъ самъ выбралъ въ посольство. Росси—гигантъ—умеръ. Сальвини—дряхлъ. Кто же на ихъ мѣсто? Коклэнъ? Сюлли? Поссартъ? Да развѣ это не святотатство—сравнивать карликовъ, пигмеевъ, лиллипутовъ съ этими Гаргантюа, колоссами Родосскими, Голіаѳами, Полиоемами?

Онъ любилъ блеснуть своимъ «самообразованіемъ», и, признаться сказать, слушать его было довольно трудно.

— Оскудѣніе,—повторилъ онъ,—измельчаніе, раздробленіе... Все кажется миніатюрнымъ. Точно изъ настоящаго театра перенеслись въ кукольный. Всё, литература, и та осталась назади. Мы въ прошломъ видимъ тѣни Гоголя, Грибоѣдова, Островскаго. Всё плетется по ихъ стопамъ... Посмотрите на Западъ. Ибсенъ! Ха-ха! Ибсенъ! Что такое Ибсенъ? Что такое Гауптманъ?

Онъ стиснулъ свои великолѣпные зубы, зажмурилъ глаза и со стономъ покачалъ головою.

— Посмотрите въ исторію,—мрачно, отчеканивая слова, заговорилъ онъ.—Посмотрите, откуда пошелъ театръ. Его начало—религіозное служеніе, религіозная процессія, гимнъ божеству. Что можетъ быть прекраснѣе? Что можетъ быть священнѣе? Жрецъ и артистъ, артистъ и жрецъ—понятія, сливавшіяся въ народномъ представленіи.

Онъ медленно выпилъ рюмку модеры и посмотрѣлъ на свѣтъ, много ли осталось въ бутылкѣ.

— Искусство сливалось въ народномъ воображеніи,—продолжалъ онъ,—со всѣмъ лучшимъ, что было въ его груди. Античный грекъ ассимилировалъ оба представленія,—они сплотились въ одну амальгаму, и электризовали стеклянный кругъ просцеціума, вызывая живыя искры въ поэзіи. Даже школьная драма среднихъ вѣковъ и та заслуживаетъ преклоненія. Вѣкъ Елизаветы... Но что же намъ говорить о вѣкѣ Елизаветы: я изучалъ этотъ періодъ осо-

бенно радикально, и держусь обособленнаго мнѣнія. Если бы не Бэконъ (я не вѣрю въ Шекспира, я вѣрю только въ Бэкона),— весь періодъ представился бы для меня мрачнымъ балаганомъ. Только геній этого великаго мыслителя явился маякомъ во тьмѣ. И съ тѣхъ поръ мы всё падали. Въ Шиллерѣ какъ будто чувствуется кульминація, но одно мгновеніе—и волна упала.

Онъ ударилъ ладонью объ столъ, чтобы показать, какъ упала эта волна.

— Упали всѣ требованія,—заговорилъ онъ, сдѣлавъ два-три глотка.—Прежде отъ артистовъ требовался голосъ, ростъ...

При словѣ «голосъ» онъ взялъ низкую ноту, при словѣ «ростъ» выпрямилъ спину.

— Прежде требовались извѣстныя ассоціаціи идей, преданности дѣлу. Потомъ стали требовать нутра. Теперь требуютъ, знаете, чего?

Онъ наклонился ко мнѣ черезъ столъ и замогильнымъ голосомъ сказалъ:

— Нерва!

Онъ откинулся, осклабилъ свои челюсти и издали посмотрѣлъ, какое онъ на меня произвелъ впечатлѣніе.

— Нерва! И еще выдумали словечко: настроенія! Каково? Вѣдь это жупельныя слова! Теперь, извольте видѣть, если артистъ выйдетъ на сцену,—и всего его дергаетъ, какъ въ пляскѣ святого Витта,—то ротъ скрутитъ, то носъ сморщилъ, то въ одну сторону рвапется, то въ другую—такъ это значитъ, что онъ нервный актеръ. Теперь всѣ роли психопатически надо играть—всё медицинскими случаями,—тогда только и успѣхъ можно имѣть. А настроеніе—это Метерлинкъ съ Гауптманомъ изобрѣли, а до нихъ тужился на этотъ счетъ Ибсенъ. Всѣхъ я ихъ проштудировалъ,—и знаете, къ какому заключенію пришёлъ? Мозгляки!

— Строгій вы человѣкъ!—сказалъ я.

— Но справедливый. Вѣдь вы посмотрите, какъ Ибсенъ пишетъ. Надо сказать: «я думаю, нынче въ нашемъ округѣ будетъ голодъ». А онъ пишетъ: «Да, Фритьйовъ, этой зимой въ Бьёрзундѣ и дальше на шхерахъ не будетъ по праздникамъ раздаваться веселыхъ пѣсенъ, и цѣна на алыя ленты упадетъ». А метерлинковское настроеніе,—оно развѣ малаго стóитъ? Я недавно спорилъ на этотъ счетъ съ однимъ здѣшнимъ профессоромъ. Хотите, говорю, прочту первое явленіе изъ новой пьесы Метерлинка? Я перевожу. И прочелъ ему. Онъ говоритъ, что это хорошо.

Гриничъ запустилъ руку въ карманъ, вынулъ въ четверо сложенный листъ бумаги и торопливо (чтобъ я не вздумалъ остановить его) началъ читать.

Сидятъ: Генрихъ, Берта, Ада, Луиза, ея бабушка, инженеръ Зандъ, ну, и такъ далѣе—десять человѣкъ. Сумерки.

Одна свѣча. Дождь. Говорятъ медленно по очереди, въ темнотѣ трудно распознать, кто именно говоритъ, но слышны голоса:

«— Свѣча горитъ тускло.

«— За окномъ идетъ дождь.

«— Дождь стучитъ по желѣзной крышѣ.

«— Быть можетъ, на морѣ гибнетъ шкуна.

«— Если вѣтеръ не уймется, то шкуна погибнетъ.

«— Черезъ двѣсти лѣтъ, весьма возможно, будутъ летать выше полосы вѣтра.

«— Возможно, что будутъ сообщаться еще инымъ образомъ.

«— Кто это кашлянулъ?

«— Кто-то кашлянулъ.

«— Быть можетъ, это бабушка?

«— Бѣдная бабушка очень стара.

«— У бабушки ревматизмъ въ сочлененіяхъ.

«— Бабушкѣ докторъ прописалъ втираніе за ухо и шпанскую мушку между лопатокъ.

«— А брата Андрея всё нѣтъ.

«— Онъ пошелъ спасать утопленницу.

«— Спасетъ ли братъ Андрей утопленницу?

«— Едва ли. Вѣтеръ не унимается, дождь стучитъ за окномъ по желѣзной крышѣ, свѣча горитъ тускло, бабушка кашляетъ, и на морѣ гибнетъ шкуна».

Гриничъ уставился на меня.

— И такъ, профессоръ нашелъ,—продолжалъ онъ, складывая бумагу,—что это хорошо, потому что тутъ есть настроеніе. Понимаете, настроеніе! Ну, а знаете, что это такое? Это мною выписана страница переводовъ изъ самоучителя англійскаго языка, при чемъ послѣдняя фраза служитъ для повторенія всего предыдущаго. Да-съ, цѣликомъ страница сто шестьдесятъ первая, изданія 1882 года. Это писано тогда, когда о настроеніяхъ въ литературѣ и не мечтали.

Онъ отеръ вспотѣвшее лицо платкомъ.

— При такихъ условіяхъ, вы сами поймете, какъ тяжело работать истинному артисту. Вдобавокъ, антрепренеры теперь заѣдены рефлексіей. Они непремѣнно хотятъ, чтобы въ каждомъ выходѣ было настроеніе. Коли Чацкій выходитъ на сцену, такъ непремѣнно лицо красное съ морозу, всклоченный, въ снѣгѣ, и хромаетъ, при чемъ требуютъ, чтобы исполнитель особенно подчеркнулъ: «...верстъ больше семисотъ пронесся,—вихорь, буря, и растерялся весь и падалъ сколько разъ»,—и при этомъ показалъ на ушибленную ногу.—Ну, а я-съ этого не могу. Я человѣкъ стараго закала. Да-съ. Прежде на мелочи не обращали вниманія, смотрѣли на главное. Коли пѣвецъ—такъ голоса требовали. А теперь говорятъ: голоса нѣтъ, зато играетъ божественно. Теперь на выговоръ у пѣвцовъ

вниманіе обращаютъ, а прежде пѣвцы однѣ гласныя пѣли. Бывало, выйдетъ Зибель и запоетъ:

Ра... а... н... о вы ой,
...ѣты ...он!..

— И все понимали и восторгались. Я помню, въ оперѣ дебютировала чухонка, пѣла партію Вани,—и ничего, хлопали, даромъ что она говорила:

По рукомъ се молситъ,
Моностирь рѣпко питъ...

— Тогда цѣнили контральто, а не то, какъ произносятъ: «крѣпко» или «рѣпко».

Онъ съ горя налилъ еще стаканчикъ и выпилъ.

—Детали!—заговорилъ онъ снова.—Позвольте, что такое детали? Да я вамъ такую деталь загну, что диву дадитесь, а будетъ ли въ этомъ благородство,—вотъ вопросъ? Я не вижу признака бла-ародства и порядочности во всѣхъ этихъ деталяхъ. Ты икни на сценѣ, но такъ, чтобъ это благородно было. Вонъ Самойловъ, блаженной памяти, рычалъ-съ во Фролѣ Скобѣевѣ,—рычалъ-съ, ибо хотѣлъ отмѣтить въ монастырскомъ сторожѣ результаты постной пищи-съ. Но выходило при этомъ творчество. А нынче вмѣсто благородства—какія-то жалкія посягательства на порядочный тонъ. Совершенно разучились говорить, какъ говорятъ короли,—нисколько стали не похожи на королей. Бывало, въ старое время, сядетъ король на тронъ, такъ онъ трещитъ подъ нимъ, топнетъ, такъ оруженосцы въ сторону шарахнутся. А нынче сидятъ на кончикѣ стула, пошевелиться боятся, потому что передъ поднятіемъ занавѣса антрепренеръ сказалъ: «вы, батюшка, поосторожнѣе: тронное-то кресло изъ Берлина выписано, семьдесятъ пять марокъ заплочено,—не разрушьте его Христа-ради».

Гриничъ подозвалъ лакея, сморщился и велѣлъ подать сигаръ высшаго сорта.

— Опять же этотъ реализмъ,—значительно сжавши губы, заговорилъ онъ.—Ручки мѣдныя стали къ дверямъ придѣлывать. Говорятъ, что безъ мѣдной ручки иллюзіи нѣтъ; а она мнѣ мѣшать играетъ... играть мѣшаетъ,—хотѣлъ я сказать.

— Да чѣмъ же она вамъ помѣха?

— Чѣмъ-съ? А тѣмъ, что она блеститъ. Тѣмъ, что зритель на нее больше будетъ смотрѣть, чѣмъ на меня,—она зрителя развлечетъ. Констатирую фактъ.

— Плохо же вы будете играть,—засмѣялся я,—если дверная ручка будетъ интереснѣе васъ на сценѣ.

Онъ какъ будто изумился и внимательно посмотрѣлъ на меня.

— Я къ ней не привыкъ, этого довольно,—проговорилъ онъ.—И зритель не привыкъ. Къ чему же она?

— Ну, а вотъ новое поколѣніе артистовъ, — сказалъ я,—и зритель къ ручкамъ этимъ привыкнетъ, и все пойдетъ хорошо.

Онъ грустно посмотрѣлъ на меня.

— И вы за эти мелочи?

— Да кому же онѣ мѣшаютъ? Вы играйте хорошо и не обращайте вниманія на пустяки.

— Гм... Вотъ теперь вздумали въ одну половину дверей входить. Другую запираютъ. Это ужъ прямо подлость. Гвоздями заколачиваютъ. Хватишь рукой, — ни съ мѣста. А прежде, бывало, сразмаху какъ обѣ половинки двинешь,—трескъ по всему театру пойдетъ,—вызовутъ разъ десять. Теперь вотъ и выходить на вызовы во время дѣйствія запрещено. А вѣдь это какъ вліяетъ на самочувствіе исполнителя. Аплодисментъ, — вѣдь онъ подымаетъ артиста. Въ прежнее время, бывало, прочтешь «А судьи кто?»—аплодисментъ; поклонишься разъ, другой, третій,—а публика: «bis, bis!»—ну, и повторишь монологъ сначала. Вы думаете, давно это было? Въ Петербургѣ, на казенной сценѣ всего тридцать лѣтъ назадъ! А въ провинціи, батюшка, предсмертный монологъ повторяли. Да-съ! Мертвецъ воскреснетъ, снова всё прочтетъ отъ доски до доски, а потомъ ужъ и умретъ—вторично. И вы думаете, отъ этого хуже настроеніе было? Да въ такомъ настроеніи публика уходила, что потомъ дней пять только и было разговора, что о спектаклѣ. Что нынче завели писать декораціи чуть ли не по фотографіямъ съ натуры—все это вздоръ. Бывало у насъ «Чайный цвѣтокъ» и «Смерть Грознаго» въ однѣхъ декораціяхъ шли—и все хорошо было. Прежде сошьетъ, бывало, коричневую парочку jeune premier, да такъ весь сезонъ въ ней любовниковъ и играетъ. А нынче придираются къ нему: «по афишѣ полтора года прошло, а вы все въ томъ же галстукѣ». Вотъ и все, на что вниманіе обращаютъ! А дальше этого нейдутъ. Вотъ актеръ Пеликанъ-Замойскій играетъ Ришелье, и по немъ котята ползаютъ. Только за это его и вызываютъ! Полевого переводъ Гамлета стали хаять! Это Полевого-то! Въ подлинникѣ, видите ли, нѣтъ совсѣмъ фразъ: «За человѣка страшно мнѣ!» или тамъ: «Въ бѣлыхъ перьяхъ статный воинъ!»—да чортъ ли, что нѣтъ! За то вѣдь всѣ привыкли... Не выпить ли коньячку или ликеру?

— Нѣтъ, я думаю, спать пора,—возразилъ я.

На подъѣздѣ мы стали прощаться.

— Падаетъ, падаетъ театральное искусство, скользитъ подъ гору,—говорилъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку.—Вотъ, говорятъ, теперь въ Англіи требуется, чтобы каждый актеръ и плясалъ, и пѣлъ, и игралъ. Къ этому все идетъ. Прежде былъ храмъ—тамъ молились, а кончимъ шутовствомъ. Вы куда—направо? И я съ вами.

Онъ раскрылъ зонтикъ, и мы зашлепали калошами по мокрому снѣгу.

— Потомъ-съ еще одно препечальное явленіе,— продолжалъ онъ: — смѣху нѣтъ. Пропалъ смѣхъ. Испугались смѣха. Боятся,—а не глупо ли смѣяться? Не показалось бы это другимъ смѣшно? И такая канитель пошла въ репертуарѣ, что съ тоски всѣ дохнуть. Идейный, видите, репертуаръ! Въ каждой пьесѣ кого нибудь среда заѣла, и непремѣнно нужно застрѣлиться кому нибудь. Прежде помню: Василій Самойловъ драму играетъ, а сейчасъ послѣ него Павелъ Васильевъ—водевиль. А на другой день —наоборотъ. Сегодня «Грозный» и «Ожиданіе кометы», а завтра—«Бѣдность не порокъ» и «Тесть любитъ честь». И не гнушались, и публика до конца спектакля сидѣла и смѣялась, и хохотала... А Живокини-съ, что Живокини дѣлалъ!.. А теперь рецензентъ, если бы его увидѣлъ, чего бы нашелъ! Сказалъ бы, что, дескать, дѣйствуетъ на низменные инстинкты толпы. Вѣдь нынче рецензенты всѣхъ увѣряютъ, что непремѣнно въ театрахъ скучать надо, потому что, молъ, театръ школа. А какая же, дескать, школа, если въ ней весело. Я недавно прижалъ къ стѣнѣ одного рецензента, спрашиваю: «Скажите мнѣ,— ваша экспансивность вѣдь дѣлана, вѣдь вы не пропустили черезъ фильтръ души то, что пишете? А онъ, знаете, съ легкимъ сердцемъ и не безъ наглости отвѣчаетъ: «Я долженъ вамъ сказать, что я не только о васъ, актерахъ, но и о своихъ рецензіяхъ весьма невысокаго мнѣнія». Какъ вамъ это нравится?

У подъѣзда гостиницы, гдѣ я остановился, мы простились окончательно. Онъ еще разъ грустно пожалъ мнѣ руку, и мы разстались.

IV.

Еловыя шишки.

I.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, когда только что стали проводить въ Финляндіи желѣзныя дороги, подъ Выборгомъ, верстахъ въ двѣнадцати отъ города, ближе къ морю, жила Анна Ивановна Фрей, толстая старушка, вдова финляндскаго аптекаря, по рожденію русская, даже природная москвичка. Была она ключницей въ одномъ генеральскомъ семействѣ, пріѣхала на лѣто въ Гельсингфорсъ, а къ осени вышла замужъ за помощника провизора, не то шведа, не то финляндца Фрея. Лѣтъ двадцать она прожила вполнѣ мирно и счастливо съ своимъ супругомъ, хотя ни онъ за это время не научился говорить по-русски, ни она по-фински, и наконецъ, скоро-

нила его, получивъ отъ него въ наслѣдство крохотный домикъ на озерѣ, двухъ коровъ, шесть барановъ, хромую рыжую собаку, чернаго кота, пѣтуха и одиннадцать куръ. Наслѣдье неважное, и, быть можетъ, старушка жила бы впроголодь, если бы не шла о ней слава не только по всему округу, но и въ самомъ Петербургѣ, что она удивительная лѣкарка и лѣчитъ болѣзни только неисцѣлимыя, когда доктора не помогаютъ. Практику она имѣла очень солидную, быть можетъ, и до сихъ поръ кое-кто у насъ ее помнитъ, тѣмъ болѣе, что результаты ея лѣченія въ большинствѣ случаевъ оказывались очень удачными.

Познакомился я съ ней вотъ по какому случаю.

Былъ у насъ одинъ дальній родственникъ, отставной ротмистръ гвардіи, Петръ Ивановичъ Бабиковъ, который послѣ севастопольской кампаніи до того растолстѣлъ, что изъ чувства состраданія къ животнымъ не рѣшался больше садиться на лошадь. Въ послѣднее время, въ бытность его въ полку, церемонія, съ какой онъ садился въ сѣдло, возбуждала всеобщую веселость. Для этого приносили спеціальную лѣстницу, доходившую какъ разъ до стремени. Петръ Ивановичъ перекидывалъ ногу черезъ сѣдло, стоя на лѣстницѣ, а потомъ ему уже вдѣвали въ стремена концы сапогъ. Его конь, гнѣдой, огромный, носившій непоэтическое имя «Брандахлыста», недружелюбно поглядывалъ на грузнаго хозяина и косился на него однимъ глазомъ, когда тотъ карабкался вверхъ по лѣстницѣ. Бывало, какъ онъ сядетъ на сѣдло, въ «Брандахлыстѣ» что-то крякнетъ, словно подалось нѣсколько позвонковъ. Одинъ изъ его начальниковъ говаривалъ:

— Чортъ тебя знаетъ, Бабиковъ, хотя бы на верблюдѣ ты выѣзжалъ передъ фронтомъ, все было бы приличнѣе.

Наконецъ, онъ вышелъ въ отставку, и по настоянію врачей сталъ ѣздить за границу на воды. Пріѣзжалъ онъ оттуда осунувшійся, вялый, испостившійся, ругалъ нѣмецкихъ докторовъ, говорилъ, что они уморятъ его діэтой, и съ новымъ азартомъ накидывался на паштеты, страсбургскіе пироги, на хересъ и шампанское. Ѣлъ онъ феноменально, съѣдая половину каплуна заразъ, обсасывая и перегрызая всѣ кости. Двигаться онъ не любилъ, и послѣ обѣда сидѣлъ часа два неподвижно, самъ себя называя «констрикторомъ, проглотившимъ быка».

Въ теченіе трехъ лѣтъ со дня отставки онъ до того отучнѣлъ, что у него образовалось три подбородка и два затылка, а щеки приняли такой видъ, точно подъ каждой изъ нихъ лежало по картофелинѣ. А ему не было и тридцати пяти лѣтъ. Онъ засыпалъ, сидя въ креслахъ, не только у себя дома, но и въ гостяхъ, и передъ обѣдомъ, и послѣ обѣда, — только не спалъ во время обѣда, пожирая все, что ни подавали на столъ.

Моя мать много разъ совѣтовала ему лѣчиться, какъ надо.

— Не могу-съ,—говорилъ онъ.—Воздержаніе отъ пищи для меня невозможно. Жить одинъ разъ. Лучше я пятью годками раньше покончу расчеты, но поѣмъ и попью. Вотъ, еслибъ такой докторъ нашелся, чтобъ безъ діэты лѣчилъ,—другое дѣло.

Встрѣтился онъ у насъ однажды съ нѣкіимъ старичкомъ Скрипицынымъ, лѣчившимся всегда гомеопатіей. Посовѣтовалъ онъ ему принимать какое-то «дѣленіе». Но Петръ Ивановичъ наотрѣзъ отказался, говоря, что это не по его комплекціи. Господинъ Скрипицынъ подумалъ и сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ вамъ слѣдуетъ обратиться къ Аннѣ Ивановнѣ, въ городъ Выборгъ. Эта женщина излѣчиваетъ все неизлѣчимое. При этомъ лѣкарствъ никакихъ никогда не даетъ ни внутрь, ни снаружи.

Петръ Ивановичъ вдругъ заинтересовался Анной Ивановной. Онъ проявилъ необычайное оживленіе, два раза заѣзжалъ къ Скрипицыну и кончилъ тѣмъ, что рѣшилъ самъ ѣхать въ Выборгъ, а, чтобъ скучно ему не было, прихватилъ меня.

Дѣло было на Святой. Святая была поздняя, и снѣга давно уже не было и за городомъ. Поѣзда у финновъ тогда ходили медлительнѣе, чѣмъ теперь, и мы часовъ пять ѣхали до Выборга. Дорога отъ Выборга было еще болѣе затруднительна, такъ какъ хотя нашъ возница и зналъ дорогу, но вёзъ насъ по такимъ дебрямъ, что только колеса подъ нами похрустывали. Какъ ни выбиралъ Петръ Ивановичъ экипажъ пошире, но все же мнѣ пришлось висѣть гдѣ-то на крылѣ и крѣпко держаться за тучную массу Петра Ивановича, чтобы не шлепнуться въ лужу. Когда насъ потряхивало особенно сильно на камняхъ и выбоинахъ, Петръ Ивановичъ говорилъ:

— Если она заставитъ меня разъ въ недѣлю къ себѣ ѣздить, такъ точно, что похудѣешь.

Отъ сосенъ лился смолистый весенній ароматъ. Солнце грѣло. Голубыя озёра, только что освободившіяся ото льда, ярко сверкали подъ его лучами. Я съ завистью смотрѣлъ на бѣлоголовыхъ босыхъ ребятъ, перебѣгавшихъ, какъ зайцы, черезъ дорогу; я завидовалъ, что имъ не придется на Ѳоминой итти въ гимназію...

Анну Ивановну мы застали за самоваромъ. Въ переднемъ углу у нея висѣлъ настоящаго владимирскаго письма Никола, съ заткнутой вербой и фарфоровымъ яйцомъ подъ лампадкой. Постель помѣщалась тутъ же и представляла собою двойную перину, съ цѣлой башней уходившихъ подъ потолокъ подушекъ: очевидно, это были реликвіи прежней брачной постели.

Приняла она насъ радушно, но осторожно. На ея широкомъ, бѣломъ лицѣ, отразилась легкая тревога, которая вскорѣ прошла. Она пѣвучимъ голоскомъ предложила намъ чая, и когда Петръ Ивановичъ сказалъ:

— А вѣдь мы, матушка, къ вамъ по дѣлу,—она торопливо перебила его:

— Знаю, батюшка, знаю. Поможемъ, коли Богъ захочетъ.

Ей прислуживала старая чухонка, очень расторопная, мастерица печь хлѣбы и бить масло. По крайней мѣрѣ, мы оказали достодолжную честь этимъ продуктамъ. Въ комнатѣ было душно, но старушка сидѣла въ тепломъ платкѣ. За окномъ синѣлъ далекій лѣсъ, на озерѣ шептались молоденькія елки.

Послѣ чая взяла она его руку, загнула рукавъ и потыкала въ тѣло пальцемъ. Также тихо и пѣвучѐ стала она разспрашивать обо всемъ: что онъ ѣстъ, что пьетъ, много ли спитъ, много ли ходитъ. И о сердцѣ спросила, и о печенкѣ, и о головныхъ боляхъ. Потомъ мотнула головой и сказала:

— Что же, коли будете мое лѣченіе исполнять, такъ къ осени совсѣмъ себя не узнаете. А только у меня уговоръ. Никому не говорить, чѣмъ я лѣчу. Ежели дадите вы мнѣ такое обѣщаніе, тогда извольте. Ни лѣкарствъ, ни діэтъ никакихъ. Кушайте что угодно, и насчетъ питья тоже.

Петръ Ивановичъ такъ обрадовался, что тутъ же поклялся на образъ.

— Зачѣмъ клясться? - клясться грѣхъ,- -сказала она.- -Мнѣ слова вашего достаточно. Вотъ, можетъ, молодой баринокъ выйдетъ, -при нихъ я говорить не стану.

Я вышелъ изъ домика и сталъ бродить по озеру, разсматривая огромные камни, которые казались допотопными бегемотами, высунувшими изъ воды на припекъ весенняго солнца свои окаменѣлыя спины. Дышалось такъ легко, пахло такой здоровой сыростью, что я не завидовалъ тѣмъ, кто остался въ душной избѣ.

Къ вечеру мы еле добрались до Выборга. Петръ Ивановичъ какъ будто былъ разочарованъ. Когда я его разспрашивалъ о томъ, что сказала старуха, онъ отвѣчалъ:

— Я не могу тебѣ сказать, въ чемъ система лѣченія, потому что она взяла съ меня слово молчать. Не то это лѣченіе, не то колдовство. Скажу тебѣ только то, что будутъ знать всѣ: я долженъ по преимуществу все дѣлать лѣвой рукой, ѣсть что угодно, пить что угодно, но условіе питья—пить самыми маленькими глотками. На будущей недѣлѣ я переѣзжаю на дачу и принимаюсь за лѣченіе.

Черезъ недѣлю онъ перебрался въ Парголово. Старуха внимательно разспросила у него, гдѣ онъ будетъ проводить лѣто, сказавъ, что отъ мѣстности будетъ зависѣть лѣченіе. Парголово она одобрила и сказала:

— Лучше бы подъ Москвою. Но и въ Парголовѣ хорошо. Только дождей не бойтесь, если пойдутъ.

Взяла она за совѣтъ двадцать пять рублей и прибавила:

— Коли къ концу лѣта хорошо себя почувствуете, пришлите, что пожелаете.

Переѣхавъ на дачу, стоявшую въ густомъ лѣсу (тогда второе Парголово было куда глуше, чѣмъ теперь), онъ позвалъ своего денщика и сказалъ:

— Купи мнѣ корзинку, въ родѣ тѣхъ, съ какими бабы ходятъ за грибами, да поприличнѣе. Разбуди меня завтра въ семь часовъ, да не подумай, что я съ ума спятилъ.

— Натощакъ пойдете?—спросилъ денщикъ.

— Вотъ дуракъ-то! Довольно я натощакъ за границей походилъ. Нѣтъ, братъ, ты мнѣ кофе приготовь, да маслица, да яичекъ, да вчерашней холодной телятинки, да тамъ елисѣевскій язычекъ есть, да икорка. Я червячка заморю, да и отправлюсь.

Заморилъ онъ червячка, взялъ корзинку и пошелъ въ лѣсъ, переваливаясь съ ноги на ногу и такъ ихъ разставляя, точно шелъ по палубѣ во время бури.

Воротился онъ часа черезъ два и принесъ лукошко, наполовину наполненное... еловыми шишками.

— Говорятъ, ихъ какъ-то пекутъ,—замѣтилъ денщикъ.

— Ну, и пеки,—отвѣтилъ Петръ Ивановичъ,—а мнѣ не надо. А ты лучше поставь большой ларь, я туда складывать ихъ буду.

Съ этого дня Петръ Ивановичъ аккуратно, несмотря ни на какую погоду, отправлялся въ лѣсъ. Что онъ тамъ дѣлалъ — неизвѣстно; но, два часа спустя, онъ возвращался, высыпалъ на столъ шишки, пересчитывалъ ихъ, сваливалъ въ ларь и весело потиралъ себѣ животъ.

— Вы, что же, подрядъ на очистку лѣса взяли? — спросилъ денщикъ, вообще обращавшійся съ ротмистромъ очень сурово.— Позвольте хоть самовары этими самыми шишками наставлять. Онѣ за первый сортъ грѣютъ.

Вскорѣ не только на дачѣ ротмистра, но и у всѣхъ сосѣдей сталъ клубиться изъ самоварныхъ трубъ ароматическій синій дымъ. Денщикъ усердно раздавалъ горничнымъ шишки.

— Ежели этотъ ларь въ городъ взять,—говорилъ онъ,—всю зиму можно елками по лѣстницѣ чадить.

Между тѣмъ Петръ Ивановичъ чувствовалъ себя очень хорошо. Онъ вѣшался, мѣрился и находилъ, что сбавка жира идетъ систематично на убыль. Лѣвой рукой онъ привыкъ дѣйствовать настолько успѣшно, что даже наливалъ ею водку. Когда у него спрашивали, зачѣмъ онъ записывается въ лѣвши, онъ отвѣчалъ:

— Для симметріи.

Какъ бы то ни было, но къ осени Петръ Ивановичъ былъ неузнаваемъ. Онъ такъ подтянулъ свою талію и при этомъ такъ поздоровѣлъ, словно съ него свалилось лѣтъ десять. Когда у него спрашивали, чѣмъ онъ этого достигъ, онъ загадочно улыбался:

— Слово далъ молчать. Не могу. Все дѣло въ еловыхъ шишкахъ.

Надъ нимъ смѣялись, а онъ смѣялся надъ окружающими. Осенью онъ поѣхалъ къ Аннѣ Ивановнѣ поблагодарить ее лично и отвезъ ей сто рублей.

— Откуда у васъ ваши знанія, матушка?—спрашивалъ онъ.

— Отъ покойника моего, родной,—отвѣчала она.—Мой покойникъ былъ ученый фармацевтъ. А у нихъ, у шведовъ, есть много лѣкарствъ, что наши доктора и не знаютъ. Я и ревматизмъ пользую, и веснушки снимаю, и желудокъ выправляю, и солитера выманиваю. Ко мнѣ отъ одной великой княжны пріѣзжали насчетъ веснушекъ. Двѣсти рублей дали, — я въ два дня сняла. Много у насъ своего. А только я не люблю, когда говорятъ, что я лѣкарка. Какая же я лѣкарка, ежели я безъ лѣкарствъ? Я ужъ скорѣй скажу, чтобъ кто отъ чего воздержался, а внутрь — ничего наливать не надо, и всякое лѣкарство, кромѣ зла, ничего не принесетъ. Я и отъ чахотки пользую. У меня по сосѣдству въ домикѣ двѣ дѣвочки жили съ гувернантками, — одна изъ аглицкаго посольства, а другая—полковничья дочь. Годковъ по четырнадцати. Здоровыя стали—теперь такія краснощекія.

— А чѣмъ же вы ихъ лѣчили?

— Да вотъ видите, батюшка, озеро-то какое; снѣгъ-то на немъ бѣлый-бѣлый. Тишина здѣсь зимой а отъ снѣга духъ идетъ, такой, точно вино бродитъ. И отъ сосны свой духъ. Да если еще солнышко выглянетъ, да въ снѣжки немножко поиграть, да на салазкахъ покататься,—куда тебѣ всѣ болѣзни дѣнутся... Конечно, коли ужъ не въ послѣднемъ градусѣ, когда только крестикъ да могилка остается... Вѣдь вотъ и вамъ, батюшка, зимой въ снѣжки бы... Хорошо. Въ прежнее время зимнія забавы бывали. А теперь, какъ пошли газовые фонари да пароходы, —всѣмъ некогда стало. Прежде на рѣкѣ стѣна на стѣну шли, по льду, бывало; потомъ у кого ребро треснуло, у кого печень помята, у кого вмѣсто глаза рѣпа цѣлая. А смотрите — мѣсяцъ прошелъ, и опять всѣ здоровы, и другъ на друга лѣзутъ. И до ста лѣтъ доживали. А теперь вотъ какъ стали всѣ по комнатамъ сидѣть да ноги въ калоши прятать, болѣзни и пошли. Прежде подошва была у людей тверже, потому что они лѣтомъ въ лѣсу босые ходили, а теперь и ребятамъ разуваться не даютъ. А человѣкъ долженъ землю ногой чувствовать, потому она его мать.

Старуха посмотрѣла на меня и мой мундирчикъ.

— Вотъ и баринокъ: учится, учится, а босикомъ не ходитъ, сосной не дышитъ. Смотришь: кха, кха,—закашлялъ. Тутъ болитъ, тамъ болитъ, въ горлѣ саднитъ. Потомъ докторъ пріѣдетъ, анисовыхъ порошковъ дастъ, а съ нихъ и толкъ одинъ что тошнитъ...

— А вы бы, матушка, къ намъ въ Петербургъ пріѣхали: большая практика была бы у васъ,—посовѣтовалъ Бабиковъ.

— Нѣтъ, ужъ это увольте, сударь мой. Чухны ко мнѣ относятся очень деликатно, а вотъ наши-то больно косятся. Тутъ докторъ изъ госпиталя мнѣ говорилъ: «вы, говоритъ, сударыня моя, безъ диплома народъ лѣчите, а не хотите ли въ тюрьму?»—и докторъ-то русскій. А въ Петербургѣ тамъ меня мигомъ: разъ-два, и отправили на Офицерскую, къ Литовскому рынку. Здѣсь мнѣ куда покойнѣе, особливо послѣ того, какъ я губернатора отъ геморроя использовала.

Что у Анны Ивановны практика была большая,—это было несомнѣнно. Изъ Петербурга къ ней многіе писали, прилагая обычные двадцать пять рублей и подробно описывая болѣзнь. Она отвѣчала немедленно, а иногда просила пріѣхать лично, сама же по старости въ городъ не ѣздила, или отговаривалась старостью, чтобы не входить въ непріятныя отношенія съ докторами. Но здоровье ея было плохо, потому что прожила она недолго, и умерла какъ разъ во время сербскаго движенія. Помню особенно ясно это потому, что покойный Черняевъ все къ ней собирался въ ея Лахти, а потомъ, увлеченный славянами, исчезъ изъ Петербурга. Послѣ войны старушки уже въ живыхъ не было. Многіе къ ней хотѣли обратиться за совѣтомъ, привезя съ Дуная самый разнообразный выборъ болѣзней, но въ отвѣтъ на посланныя письма кто-то, отлично писавшій по-русски, сообщилъ, что Анна Ивановна скончалась апоплектическимъ ударомъ. Подписи подъ письмами не было, но то, что корреспондентъ писалъ апоплектическій, а не апоплексическій, доказывало, что это былъ человѣкъ, близкій медицинѣ, и имѣлъ правильное представленіе о томъ, какъ пишутся спеціальные термины.

II.

Много лѣтъ прошло. Во время моихъ скитаній по Финляндіи мнѣ разъ пришлось ѣхать съ какимъ-то военнымъ докторомъ, повидимому, русскимъ. Разговоръ вертѣлся на тему о лѣченіи закаливаньемъ, только что входившимъ тогда въ моду съ легкой руки Кнейпа. Докторъ былъ хорошо освѣдомленъ о томъ, какъ практикуютъ это лѣченіе на Скандинавскомъ полуостровѣ, и говорилъ, что правильно поставленное закаливанье можетъ наполовину уменьшить число заболѣваній и смертности въ интеллигентномъ классѣ, только путемъ правильнаго режима, который особенно строго слѣдуетъ примѣнять къ дѣтямъ.

Мнѣ вдругъ вспомнилась Анна Ивановна.

— А знаете, докторъ,—сказалъ я:—я зналъ одну лѣкарку, которая вылѣчивала болѣзни еловыми шишками. У меня былъ родствен-

никъ, болѣе двадцати лѣтъ поддерживавшій себя при помощи ея лѣченія и только недавно умершій отъ астмы.

— Что такое?— заинтересовался докторъ.— Разскажите, пожалуйста.

Я началъ припоминать все то, что разсказано выше. Но вдругъ меня докторъ прервалъ:

— Да вы про Анну Ивановну разсказываете, про мою тетку. Ну-те, ну-те, продолжайте, это очень интересно.

Когда я досказалъ о еловыхъ шишкахъ и о чудодѣйственныхъ ихъ свойствахъ, онъ расхохотался.

— И такъ вашъ родственникъ и не открылъ тайны секрета? — спросилъ онъ.

Я сказалъ, что нѣтъ.

— А вы знаете, никакого секрета не было. Дѣло все заключалось въ томъ, что онъ долженъ былъ набрать лѣвой рукой извѣстное число шишекъ въ теченіе двухъ часовъ и принести домой. Если бы вашъ родственникъ былъ человѣкъ «темный», Анна Ивановна заставляла бы его послѣ каждой поднятой шишки говорить: «шишка-шишка, исцѣли меня, раба божьяго такого-то». А если бы это было лицо духовное, такъ она предложила бы ему молитву: «Мати Божія, безъ истлѣнія Бога слова родшая, помилуй мя!» Я знаю, она такъ одного протопопа выпользовала.

— Что же это такое?—спросилъ я.

— Превосходное лѣченіе. Вы представьте разницу между нашимъ лѣченьемъ и ея. Мы должны снять сальникъ у разжирѣвшаго человѣка. Въ прежнее время посылали на воды, прописывали всевозможныя ванны, утомительныя прогулки, выпотѣніе, діэту. Заставляли пить натощакъ отвратительную щелочную воду. Теперь мы говоримъ: надо производить массажъ живота и гимнастику этихъ мышцъ. И вотъ больной приходитъ въ гимнастическую залу, и подъ руководствомъ фельдшера начинаются сгибанія и разгибанія, ѣзда верхомъ на деревянной кобылѣ и прочее и прочее. Теперь сообразите: сто сгибаній (что было бы невозможно утомительно въ гимнастической залѣ) весьма легко произвести въ теченіе двухъ часовъ, на чистомъ утреннемъ воздухѣ. Замѣтьте, тетка рекомендовала подбирать еловыя шишки, слѣдовательно, эти сгибанія совершаются въ хвойномъ лѣсу, когда онъ весь еще полонъ благоуханіями ночи. Принести домой сотню шишекъ въ корзинкѣ— это моціонъ. Подсчетъ ихъ укажетъ, вѣрно ли продѣлано число назначенныхъ сгибаній...

— Но при чемъ же лѣвая рука и молитва?

— Лѣвая рука при томъ, что у насъ очень часто правая половина тѣла развита въ ущербъ лѣвой. Гимнастика лѣвой руки очень часто благотворно вліяетъ на развитіе легкихъ. Что же касается молитвы, то она играетъ роль паузы послѣ каждаго сгибанія: бы-

строе, непрерывное наклоненіе для тучнаго человѣка можетъ повліять на сердце. Признаться сказать, я въ первый разъ слышу, что тетка предлагала собирать только еловыя шишки: вѣроятно, въ Парголовѣ она не надѣялась на сборъ цвѣтовъ. А паціенткамъ она преимущественно назначала цвѣты: навязать ежедневно утромъ букетъ изъ полутораста полевыхъ цвѣтовъ. Итого полтораста сгибаній утромъ въ полѣ. Иногда она предлагала поднимать камешки, это тѣмъ, кто жилъ на берегу моря, и перебрасывать ихъ черезъ плечо назадъ, тоже приговаривая что-то въ родѣ: «пусть съ меня камнемъ лихая болѣзнь свалится». Это тоже очень почтенное и здоровое занятіе, особливо если камни фунта по три.

— Что же, она отъ мужа унаслѣдовала свои знанія?

— Да, отчасти отъ мужа, отчасти отъ какой-то старухи финки. Система закаливанья, о которой мы только что съ вами говорили, практиковалась ею въ ревматическихъ случаяхъ съ большимъ успѣхомъ. Въ той глуши, гдѣ она жила, былъ устроенъ ею маленькій пансіонъ,—километрахъ въ двухъ отъ ея домика, и тамъ по ея указаніямъ закаливались больные. Она всегда только всѣхъ просила: «миленькіе, не разсказывайте обо мнѣ въ Петербургѣ: ничего путнаго изъ этого не выйдетъ». Ея предчувствіе оправдалось. Ее рѣшили привлечь къ суду. Она бросила все, продала домикъ и переселилась въ другое мѣсто, перемѣнивъ фамилію. Въ Финляндіи это вѣдь легко дѣлается: просто заявляютъ мѣстному начальству: вотъ, молъ, фамилія моя была такая-то, а теперь такая-то. Паспортовъ въ то время не спрашивали. На письма изъ Петербурга я отвѣчалъ, что она умерла; такъ постепенно и замеръ о ней слухъ. А она скончалась всего лѣтъ пять назадъ, восьмидесятилѣтней бодрой старушкой. Такъ, знаете, хорошо, по-старинному: утромъ сама кофе сварила, а въ два часа ужъ холодная была. Я долженъ вамъ сказать, что лично всѣмъ обязанъ Аннѣ Ивановнѣ. Она была изъ духовныхъ, и я тоже. Остался я сиротой, воспитывался въ семинаріи, долженъ былъ священствовать. Ну, а она отговорила: я къ ней на лѣто подъ Выборгъ всегда пріѣзжалъ. Настояла, чтобъ я въ медицинскую академію пошелъ. Тридцать рублей въ мѣсяцъ мнѣ на прожитіе давала, кромѣ того, что платье и бѣлье въ началѣ каждаго года дѣлала. «У насъ, говоритъ, лѣкарей хорошихъ нѣтъ: поучись, и я тебя кой-чему научу. Коли ты къ своей учености моего ума прибавишь, толкъ-то и выйдетъ».

— И много она вамъ знаній сообщила?

— Много. Все это у нея было въ туманѣ: конечно, она даже объ анатоміи не имѣла ни малѣйшаго понятія, но она была на прямой дорогѣ. Лѣченіе солнечными лучами, и мѣстное, и всего тѣла, у нея было поставлено очень раціонально. Только покойный Сергѣй Петровичъ Боткинъ, съ которымъ мнѣ довелось бесѣдовать по этому поводу, сказалъ, что лѣченіе свѣтомъ, воздухомъ, тепломъ и холодомъ имѣетъ огромную будущность.

— И до сихъ поръ вы практикуете средства вашей тетки?

— До сихъ поръ. Въ послѣднее время я предлагалъ ей открыть сообща пансіонъ, конечно, подъ моимъ именемъ, и чтобъ она за всѣмъ смотрѣла. Но она уже стара была. «Вотъ, кабы двадцать лѣтъ назадъ, другое дѣло, а теперь ноженьки не носятъ, годы подкашиваютъ».

— Почему же къ ней тогда такъ сурово отнеслись?

— Какой-то статскій совѣтникъ напечаталъ въ газетахъ статью о томъ, что знахарка-чухонка выманила у него обманнымъ путемъ двадцать пять рублей за лѣченіе ребенка, который умеръ, прежде чѣмъ былъ довезенъ до ея трущобы. Долго не могли разобраться, какому начальству она подвѣдомственна—петербургскому или выборгскому. Наконецъ, ей прислали полуофиціальную бумагу изъ Петербурга. Старуха такъ перепугалась, что замахала руками. «Да ну ихъ совсѣмъ, ничего мнѣ не надо! Проживу и такъ». Переѣхала въ Лавизу,—можетъ, знаете такое мѣстечко? Тамъ и жила. Послѣ смерти у нея оказалась въ банкѣ сорокъ семь тысячъ марокъ... Финны пользовались у нея постоянно, только перебралась она подальше, туда, гдѣ ея не безпокоили...

П. Гнѣдичъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ [1].

(1854—1892 г.).

VII.

Н. П. Колюпановъ въ провинціи.—А. Фетъ и легенды, ходившія въ Орлѣ о его отношеніи къ крестьянамъ.—П. Ф. Христіановичъ, какъ музыкальный эстетикъ, композиторъ, замѣчательный піанистъ и не менѣе замѣчательный предсѣдатель суда.

МНѢ ХОТѢЛОСЬ БЫ, прежде чѣмъ я приступлю къ воспоминаніямъ конца 70-хъ и 80-хъ годовъ, сказать нѣсколько словъ о моихъ встрѣчахъ съ извѣстнымъ Ниломъ Петровичемъ Колюпановымъ, редактировавшимъ въ теченіе нѣкотораго времени Коршевскія «С.-Петербургскія Вѣдомости», и А. А. Фетомъ (Шеншинымъ).

Перваго изъ нихъ я нѣсколько разъ видѣлъ въ томъ сѣверномъ захолустьѣ, гдѣ жилъ съ 1866 года по 1870 годъ. Въ то время Колюпановъ былъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ сосѣднемъ (Ветлужскомъ) уѣздѣ и нерѣдко пріѣзжалъ въ нашъ уѣздъ по земскимъ дѣламъ, а одинъ разъ взялъ даже на себя защиту подсудимаго въ мѣстномъ съѣздѣ мировыхъ судей. Читателю покажется страннымъ: съ какой стати предводитель одного изъ двухъ сосѣднихъ уѣздовъ ѣдетъ защищать какого-то маленькаго подсудимаго передъ мировыми судьями сосѣдняго уѣзда? Но, чтобы понять это, нужно нѣсколько ознакомиться съ характеромъ Колюпанова. Я достаточно выражу свою мысль, если скажу, что все это онъ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXXVII, стр. 105.

дѣлалъ въ силу природнаго «юмора», рѣшительно не позволявшаго ему смотрѣть покойно на нѣкоторые провинціальные курьезы. А такихъ было немало. Чтобы наглядно характеризовать тогдашнее передовое сословіе въ этомъ заброшенномъ уголкѣ, разскажу два-три факта. По поводу одного изъ постановленій нѣкоего уѣзднаго земства, Колюпановъ нашелъ возможность затѣять съ нимъ юмористическую полемику въ качествѣ предводителя ближайшаго уѣзда, которому де это постановленіе земства неудобно. Протестъ Колюпанова былъ написанъ остроумно и вызывалъ смѣхъ въ публикѣ, бывшей въ собраніи, гдѣ докладывался этотъ протестъ. Его читалъ вслухъ самъ предводитель сказаннаго уѣзда. Нужно было слышать это чтеніе, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ попадались иностранныя слова, употребляемыя въ русскомъ языкѣ. По прочтеніи, предводитель сказалъ рѣчь, въ которой, чтобы уязвить противника, нѣсколько разъ назвалъ его бумагу «фельестономъ», а его самого «фельестонистомъ», полагая, что онъ совершенно правильно произноситъ слово «фельетонъ» и «фельетонистъ».

Колюпанову, исключительно ради потѣхи, удалось затянуть это дѣло на три земскихъ собранія, такъ какъ на два онъ нарочно присылалъ изъ Ветлуги эстафету съ просьбой отложить рѣшеніе вопроса, вслѣдствіе его болѣзни. Другой предводитель дворянства (вблизи отъ тѣхъ же мѣстъ) такъ пилъ, что старшинамъ, у которыхъ онъ останавливался по пути отъ города до своего имѣнія, приходилось запирать его для вытрезвленія, Это—не анекдотъ, а фактъ.

Такъ вотъ среди такого-то «юмористическаго» района, и развлекался Колюпановъ. Защиту дѣла въ съѣздѣ мировыхъ судей онъ взялъ также для развлеченія.

Надо сказать, что вслѣдствіе какой-то застарѣлой болѣзни онъ совершенно не имѣлъ голоса и могъ говорить только шопотомъ. Ужъ одно это обстоятельство дѣлало засѣданіе съѣзда, гдѣ онъ явился защитникомъ, достаточно юмористическимъ. Всѣ судьи, товарищъ прокурора и нѣкоторая часть публики должны были образовать около него тѣсный кружокъ, чтобы слышать рѣчь остроумнаго шутника.

То же было и въ земскомъ собраніи, когда онъ явился, наконецъ, поддерживать свой протестъ.

Не знаю, проявлялъ ли Колюпановъ свой юморъ въ Ветлужскомъ уѣздѣ. Онъ былъ тамъ предводителемъ дворянства на особомъ положеніи: собственнаго ценза у него тамъ не было, не было и достаточныхъ средствъ къ жизни, и мѣстное дворянство давало ему и цензъ, и жалованье (строго говоря, одно очень богатое лицо изъ среды этого дворянства, нѣкій г. Л—въ). Вообще, въ этомъ уѣздѣ было нѣсколько больше интеллигентныхъ людей, чѣмъ въ Варнавинскомъ, хотя и тамъ, какъ видите, пришлось «выписать» предводителя дворянства.

Пріѣзжая въ Варнавинъ, Колюпановъ останавливался у своей хорошей знакомой, очень интеллигентной барыни, В. С—ской (урожденной Жоховой, сестры извѣстнаго Жохова, убитаго на дуэли). Мужъ С—ской, бывшій конногвардеецъ, получилъ довольно видное мѣсто въ Варнавинскомъ уѣздѣ въ видѣ почетной ссылки (онъ немножко черезчуръ покучивалъ въ Петербургѣ). У этой-то С—ской я и встрѣтилъ Нила Петровича.

У него была одна особенность: цѣлый день онъ спалъ, а ночью работалъ и разговаривалъ безъ конца. В. П. С—ская, цѣня его остроуміе, приносила себя, такъ сказать, въ жертву этимъ привычкамъ, а чтобы не очень утомляться самой, приглашала и другихъ собесѣдниковъ для пріѣзжаго гостя.

Колюпановъ вышучивалъ все, даже самого себя. Не забуду, какъ я былъ пораженъ его разсказомъ о двухъ докладныхъ запискахъ, которыя онъ составилъ «по заказу»: одну для нижегородскихъ купцовъ, а другую для какого-то акціонернаго общества въ Москвѣ. Онъ юмористически описывалъ, сколько «тысячъ» ему предлагали, и сколько онъ просилъ, и на чемъ «порѣшили». Слушая все это, можно было подумать, что человѣкъ самъ на себя сочиняетъ небылицы.

Въ подобномъ же полуфантастическомъ родѣ были его разсказы о своихъ побѣдахъ надъ женщинами въ губернскомъ городѣ К. Нужно сказать, что онъ былъ не только не красивъ, но прямо безобразенъ, особенно своей неряшливостью: волосы нечесанные, грязные; коричневая «визитка» въ пятнахъ; изъ-за галстука торчалъ воротникъ фланелевой, грязной фуфайки, съ которой онъ не разставался.

Кромѣ того, онъ безпрестанно плевалъ кругомъ себя.

И вотъ представьте такую фигуру разсказывающей, какъ онъ совершалъ побѣды надъ сердцами дамъ губернскаго бомонда!

— Нѣтъ ничего легче,—говорилъ онъ своимъ глухимъ шопотомъ:—женщину нужно только посильнѣе разозлить. А я на это мастеръ!

Съ А. А. Фетомъ я встрѣтился позднѣе, въ 1877 году, въ Орлѣ. Онъ жилъ въ своемъ наслѣдственномъ (отъ А. Шеншина) имѣніи, въ Мценскомъ уѣздѣ и тамъ же былъ мировымъ судьею. Въ Орелъ онъ пріѣзжалъ по дѣламъ, иногда не своимъ собственнымъ, а фирмы «Петра Боткина сыновей» (знаменитыхъ чайныхъ торговцевъ и ближайшихъ родственниковъ проф. Боткина, если я не ошибаюсь). Одинъ разъ онъ по довѣренности Боткиныхъ передалъ мнѣ ихъ взысканіе въ нѣсколько тысячъ съ одного изъ орловскихъ чайныхъ торговцевъ (я занимался въ Орлѣ адвокатурой).

Но чаще всего онъ пріѣзжалъ въ Орелъ, чтобы пофилософствовать и послушать игру на фортепіано выдающагося музыканта Ни-

колая Филипповича Христіановича, бывшаго въ то время товарищемъ предсѣдателя окружного суда. Христіановичъ былъ не только выдающійся піанистъ, но и авторъ очень изящныхъ статей о Шопенѣ, Шуманѣ и Шубертѣ, печатавшихся сперва въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 50-хъ годовъ, а затѣмъ выдержавшихъ два изданія въ видѣ отдѣльной книжки. Я не знаю на русскомъ языкѣ ничего болѣе увлекательнаго и поэтичнаго по музыкѣ, какъ эти статьи страстнаго музыканта и въ то же время замѣчательнаго юриста.

Въ самомъ дѣлѣ, курьезныя совмѣстительства встрѣчаются у насъ на Руси! Одинъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ композиторовъ, Бородинъ, былъ химикъ и даже профессоръ химіи; композиторъ и музыкальный критикъ Кюи — профессоръ артиллерійской академіи; поэтъ «шопота робкаго дыханья и трелей соловья», А. Фетъ—провинціальный мировой судья, наконецъ, талантливѣйшій изъ предсѣдателей окружного суда (по уголовнымъ дѣламъ) Христіановичъ—въ то же время не только далъ намъ одну изъ лучшихъ работъ по музыкальной литературѣ и былъ не только выдающимся піанистомъ, но и недюжиннымъ композиторомъ: имъ было написано нѣсколько интересныхъ мазурокъ (въ духѣ Шопена), двѣ сказки (одна очень большая и чрезвычайно талантливая) и одна легенда на текстъ изъ Гейне. Я перечисляю тѣ его произведенія, которыя появились въ печати. Къ сожалѣнію, ихъ мало знаютъ, быть можетъ, вслѣдствіе техническихъ трудностей. Но я, слышавшій ихъ въ исполненіи самого автора, а затѣмъ, въ исполненіи нѣсколькихъ лицъ, которымъ рекомендовалъ эти пьесы, могу увѣрить, что виртуозъ, ознакомившійся съ этими талантливыми произведеніями, пріобрѣлъ бы въ нихъ весьма цѣнные номера для своихъ концертовъ. Не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о замѣчательной манерѣ игры Христіановича, манерѣ, рѣдко встрѣчающейся. Какъ уже видно изъ его этюда о Шопенѣ, Шуманѣ и Шубертѣ, это были его любимые композиторы, вліяніе которыхъ отразилось на собственныхъ произведеніяхъ автора. Но, какъ піанистъ, онъ поставилъ себѣ идеаломъ игру Шопена, которую съ такой художественной подробностью описалъ въ своемъ этюдѣ, что человѣкъ, даже не слышавшій Шопена, можетъ составить себѣ нѣкоторое представленіе объ этой игрѣ. Отличительная особенность игры Шопена (а вслѣдъ за нимъ, и Христіановича) состояла въ томъ, чтобы заставить рояль при помощи педали и разнообразнаго удара (или туше) давать звуки, иногда совершенно чуждые этому инструменту, т. е. отчасти подражающіе другимъ инструментамъ, отчасти приближающіеся къ звукамъ человѣческаго голоса и наиболѣе поэтическимъ шумамъ и голосамъ природы (шелесту листьевъ, журчанью ручья, паденію дождя, пѣнію птицъ, звуковому впечатлѣнію ночной тишины, топоту коня и и т. п., и т. п.). И Христіановичъ добился этого совершенства:

слушая въ его исполненіи нѣкоторые ноктюрны Шопена, нѣкоторыя произведенія Шумана и Шуберта, а также и его собственныя (особенно — сказку), вы иногда положительно забывали, что слышите рояль. Въ балладахъ Шопена вы ярко различали отрывные звуки арфы или лютни, звукъ мечей, вопли сражающихся, мѣдныя трубы; въ ноктюрнахъ, передъ вами вставала ночь—лунная, тихая или бурная съ разыгрывающейся грозой, каплями дождя и раскатами грома, съ чарующей тишиной, наполненной какими-то волшебными звуками, напоминающими колокольчики эльфовъ, или съ доносящимися откуда-то звуками церковнаго органа, съ воплями и стонами могучаго requiem или похороннаго марша. Въ его сказкѣ вы слышали конька-горбунка, жаръ птицу, походъ какихъ-то сказочныхъ великановъ и т. д., и т. д., однимъ словомъ самые разнообразные элементы русской сказки, чарующіе души нашихъ дѣтей и простого народа. При его особенномъ совершенствѣ въ выполненіи сложныхъ трелей, сложныхъ форшлаговъ и т. п. фіоритурныхъ украшеній, напоминающихъ рулады, вамъ казалось, что изъ рояли сыплются искры жаръ-птицы, серебристое сіяніе луны, вдругъ освѣтившей струистую поверхность воды, и т. п. И это было не моимъ только личнымъ впечатлѣніемъ: всѣ его слушатели, понимающіе и любящіе музыку, замѣчали у него эту удивительную способность вызывать звуками въ воображеніи — зрительные образы, полные поэзіи, полуфантастическіе, полуреальные. Это была «musique pittoresque», какъ говорятъ французы, т.-е. «живописная музыка», однако безъ всякихъ крайностей, т.-е. рисовавшая только то, что можетъ въ музыкѣ вызывать по ассоціаціи или звукоподражательности зрительные образы.

Надо было видѣть Христіановича во время игры! Его симпатичное интеллигентное лицо, съ нѣсколько выступавшими впередъ губами, показывало, что онъ весь погруженъ въ звуки. Верхняя губа приподнималась выше обыкновеннаго, и усы надъ ней топорщились. Ноги работали все время, какъ при игрѣ на органѣ. И только остальное туловище его довольно полнаго тѣла было покойно, нѣсколько наклоняясь надъ клавіатурой.

Жаль, если его произведенія забудутся [1]).

Такъ вотъ къ этому Христіановичу и любилъ изрѣдка пріѣзжать Фетъ. Здѣсь онъ находилъ себѣ слушателей, могъ и самъ послушать многое. Наружность Фета въ то время совершенно не гармонировала съ установившимся представленіемъ о поэтическихъ натурахъ: разжирѣвшій, съ сиплымъ голосомъ, нечистоплотный, съ лицомъ, заросшимъ волосами, онъ производилъ непріятное впечатлѣніе человѣческой развалины.

[1]) Добавлю, что Христіановичъ много сдѣлалъ для музыкальнаго образованія вообще: въ Ярославлѣ имъ былъ основанъ музыкальный кружокъ, а въ Орлѣ отдѣленіе «Русскаго музыкальнаго общества».

Христіановичъ любилъ его посѣщенія, хотя общественное направленіе двухъ этихъ талантливыхъ людей было совершенно противоположно: Христіановичъ, какъ предсѣдатель уголовнаго суда, былъ воплощенная гуманность и терпимость, поскольку онѣ были воплощены въ видѣ основныхъ началъ въ нашихъ «новыхъ» судебныхъ уставахъ. Подсудимый, кто бы онъ ни былъ, могъ быть покоенъ за то, что ни одинъ крохотный фактъ, ни одна черта въ показаніяхъ свидѣтелей, служащіе въ пользу оправданія, не будутъ пропущены предсѣдателемъ, который непремѣнно обратитъ на нихъ вниманіе присяжныхъ, если бы даже защитникъ подсудимаго какъ нибудь упустилъ ихъ.

О дѣятельности Фета, какъ мирового судьи, ходили въ Орлѣ совсѣмъ иные слухи. Нѣкоторые изъ нихъ были почти легендарны, хотя и передавались людьми, заслуживающими полнаго довѣрія. Не ручаясь, однако, за истину, я могу здѣсь разсказать одну изъ такихъ легендъ, разсказанную мнѣ однимъ молодымъ помѣщикомъ Мценскаго уѣзда, Щ—вымъ, печатавшимъ свои разсказы и корреспонденціи въ нѣкоторыхъ столичныхъ журналахъ и газетахъ, а также въ «Орловскомъ Вѣстникѣ». Передавали, будто бы Фетъ ѣхалъ однажды въ свою камеру. На дорогѣ онъ обогналъ крестьянина, который, узнавъ его, выхватилъ изъ-за пазухи прошеніе, приготовленное заранѣе и которое онъ несъ, чтобы подать судьѣ, т. е. Фету. И вотъ поэтъ «звуковъ нѣжныхъ и молитвъ» велѣлъ будто бы остановить лошадей и сказалъ мужику:

— Я на дорогѣ прошеній не принимаю, а въ камерѣ буду лишь нѣсколько минутъ, а потому, если ты хочешь, чтобы прошеніе было принято, бѣги за экипажемъ.

И крестьянинъ бѣжалъ, говорятъ, три версты. По другому варіанту, крестьянинъ долженъ былъ впрячься въ экипажъ въ видѣ пристяжной, но этому мнѣ просто не хочется вѣрить...

Замѣчательно, что эту легенду я слышалъ не отъ одного Щ—ва. Ее знали многіе. Отвращеніе и какая-то патологическая ненависть къ крестьянамъ со стороны Фета есть дѣйствительный фактъ. Этого враждебнаго чувства онъ не скрывалъ и въ своихъ публицистическихъ замѣткахъ въ тогдашнихъ изданіяхъ Каткова, но отъ теоретической вражды до возмутительной жестокости еще огромное разстояніе, а потому, повторяю, я передаю вышеприведенный разсказъ, не какъ фактъ, а какъ легенду: вѣдь, извѣстно, что легенды, несмотря на свою фантастичность, имѣютъ, по большей части, нѣкоторое, хотя иногда и весьма отдаленное реальное основаніе: нѣтъ дыма безъ огня.

VIII.

Н. П. Вагнеръ (Котъ-Мурлыка).—Первые шаги въ литературѣ П. А. Надсона.— А. П. Чеховъ.—Эпизодъ съ поэмой «Іуда».—Поэтъ Соймоновъ.—Проф. А. П. Бородинъ (композиторъ).

Въ Петербургъ я перебрался въ концѣ 1878 года съ тою цѣлью, чтобы издавать научно-литературный журналъ «Свѣтъ» на компанейскихъ началахъ съ профессоромъ зоологіи, Н. П. Вагнеромъ, который въ то время пріобрѣлъ симпатичную и громкую извѣстность своими поэтичными и высокоталантливыми «Сказками» (подъ псевдонимомъ «Котъ-Мурлыка»).

До этого журналъ издавался имъ уже два года. Я помѣстилъ въ немъ нѣсколько статей по соціологіи и психологіи, нѣсколько стихотвореній и большой разсказъ. Эти работы понравились Вагнеру; кромѣ того, его дѣятельность, какъ издателя-редактора, встрѣчала значительное отвлеченіе въ профессурѣ. Вотъ чѣмъ объясняется его желаніе, а затѣмъ и рѣшеніе, имѣть меня своимъ компаньономъ-помощникомъ. Условіе было заключено нами еще лѣтомъ 1878 г., когда я нарочно для этого пріѣзжалъ въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ нашей совмѣстной работы уже сказались нѣкоторыя неудобства: мнѣ приходилось безпрестанно ѣздить на Васильевскій островъ съ Песковъ, гдѣ я вынужденъ былъ поселиться, такъ какъ мнѣ необходимо было жить вблизи женскихъ медицинскихъ курсовъ, помѣщавшихся въ то время на Пескахъ, въ Николаевскомъ сухопутномъ госпиталѣ.

Другое неудобство состояло въ томъ, что, сходясь съ почтеннымъ профессоромъ въ основныхъ нашихъ научныхъ стремленіяхъ, мы расходились въ нѣкоторыхъ деталяхъ, и хотя въ условіи нашемъ онъ обязывался не проводить въ своихъ статьяхъ этого частнаго своего воззрѣнія, а я обязывался не нападать на него, однако въ практикѣ иногда случались разногласія: то мнѣ казалось, что въ какой нибудь статьѣ почтеннаго ученаго проглядываетъ тенденція, которую мы рѣшили устранить, то ему казалось, что въ моей статьѣ проглядываетъ явно недружелюбное отношеніе къ ней (дѣло идетъ «о спиритуализмѣ», которымъ въ то время увлекался поэтъ-профессоръ). Говоря по правдѣ, мы оба очень корректно относились къ принятымъ на себя обязательствамъ въ этомъ отношеніи, и вообще о многоуважаемомъ Николаѣ Петровичѣ я долженъ сказать, что болѣе мягкаго, гуманнаго, терпимаго и христіански-настроеннаго человѣка я никогда не встрѣчалъ ни прежде, ни потомъ. Онъ былъ вовсе не фанатикъ «спиритуализма» (или «спиритизма»), а широко и свободно-мыслящій чело-

вѣкъ, который страстно возмущался тѣмъ, что общество и большинство ученыхъ отвергаютъ великій вопросъ безъ предварительнаго опытнаго изслѣдованія. Онъ видѣлъ въ этомъ недостатокъ свободы мысли, отсутствіе истинной «научности» мышленія, такъ какъ истинная наука ничего не принимаетъ безъ точнаго изслѣдованія, но ничего и не отвергаетъ, не подвергнувъ изслѣдованію.

Помимо этого, Вагнера влекла къ спиритуализму и его поэтическая натура, вдохновенно-фантастическое настроеніе его крупнаго, художественнаго таланта, наконецъ, его этическое настроеніе. Онъ гораздо раньше Льва Толстого сталъ задумываться о значеніи «любви», какъ основного принципа жизни и морали. Онъ всюду искалъ обоснованія этого принципа, а вовсе не въ одномъ «спиритуализмѣ», какъ это казалось полуневѣжественной публикѣ и мелкимъ газетнымъ зубоскаламъ. Такъ, напримѣръ, онъ видимо, увлекался и философіей Шопенгауэра, у котораго этика основана также на «симпатіи», связывающей людей, благодаря единству ихъ «сущности», хотя это единство и облечено въ раздѣляющія, индивидуальныя оболочки.

Насъ вначалѣ и сблизила больше всего эта «этика любви», которой я и посвятилъ первыя мои статьи въ «Свѣтѣ» 1879 г.

Тѣмъ не менѣе, повторяю, иногда все же возникали нѣкоторыя недоразумѣнія по поводу преимущественно моихъ статей.

Помню, напримѣръ, такой случай разногласія: я отдалъ въ наборъ свою статью о происхожденіи «анимизма» (или «фетишизма») по теоріямъ современныхъ антропологовъ (Тайлора, Леббока и другихъ). Такъ какъ вопросъ шелъ о происхожденіи первобытныхъ вѣрованій въ души умершихъ, то мнѣ думалось, что это не касается современнаго философскаго и эмпирическаго спиритуализма. Вагнеръ полагалъ наоборотъ, что эта статья, хотя и косвенно, дискредитируетъ его взгляды и взгляды его друзей, чѣмъ ставитъ его въ неловкое положеніе передъ ними. Однако, терпимость его и въ этомъ случаѣ была такъ велика, что онъ согласится на помѣщеніе статьи.

Тѣмъ не менѣе, во избѣжаніе какихъ либо пререканій, мы рѣшили, что фактическое редактированіе буду вести я, а Н. П. Вагнеръ будетъ только участвовать въ журналѣ, взявъ на себя исключительно отдѣлъ естественныхъ наукъ. А чтобы дать мнѣ еще большую свободу, онъ на 1880 годъ получилъ разрѣшеніе на журналъ «Мысль», который и передалъ подъ мое фактическое редакторство. «Свѣтъ» же совершенно прекратился въ концѣ 1879 г.

Послѣ двухъ лѣтъ редактированія «Мысли» мнѣ удалось пріобрѣсти отъ г-жи Бажиной ея журналъ «Русское Богатство», куда и перешли подписчики «Мысли».

Весь этотъ періодъ съ 1879 года прошелъ у меня въ усиленной литературной и редакціонной работѣ, отнимавшей почти все мое

время. Однако, онъ же ознаменованъ для меня и наиболѣе интересными литературными встрѣчами и знакомствами.

Наибольшій интересъ представляетъ, конечно, знакомство съ Надсономъ, начавшимъ помѣщать свои стихи въ журналѣ Вагнера. Въ то время Надсонъ былъ еще молоденькимъ мальчикомъ, кадетомъ, но Вагнеръ, благодаря своей художественной чуткости, первый замѣтилъ талантъ его, о чемъ писалъ мнѣ въ письмѣ, съ которымъ Надсонъ пришелъ въ первый разъ ко мнѣ, когда редактированіе «Свѣта» перешло фактически въ мои руки. Не могу не замѣтить, что и талантъ Антона Павловича Чехова былъ замѣченъ ранѣе другихъ Н. П. Вагнеромъ. Считаю нужнымъ сдѣлать эту оговорку въ виду того, что многоуважаемый Викторъ Александровичъ Гольцевъ въ своей статьѣ о Чеховѣ приписалъ эту честь исключительно мнѣ. Правда, первая въ нашей критической литературѣ, безусловно-хвалебная статья объ этюдахъ А. П. Чехова принадлежала мнѣ. Но ранѣе ея появленія Н. П. Вагнеръ въ частномъ разговорѣ со мною совѣтовалъ мнѣ обратить вниманіе на «замѣчательные» очерки Чехова.

— Это—талантъ незаурядный! О немъ стоитъ поговорить!—волновался Николай Петровичъ съ горячностью, свойственной его живой, энергичной натурѣ [1]).

И вотъ, пробѣжавъ письмо Вагнера о «талантливомъ поэтѣ, на котораго стоитъ обратить особое вниманіе, какъ мнѣ кажется»,—скромно добавлялъ Вагнеръ,—я былъ очень удивленъ, увидѣвъ передъ собой совсѣмъ почти ребенка, въ кадетской шинелькѣ, съ обычнымъ башлыкомъ, концы котораго были скрещены на груди.

Юноша, видимо, конфузился и робѣлъ.

— Я принесъ,—сказалъ онъ тихимъ, пріятнымъ голосомъ,—нѣсколько новыхъ стихотвореній.

— Пожалуйста, покажите,—отвѣтилъ я нѣсколько недовѣрчиво, но въ то же время и съ огромной симпатіей къ этому взволнованному юношѣ: его каріе глаза, его худощавое лицо сразу напомнили мнѣ Вормса. Цѣлый рядъ сценъ изъ моей юношеской жизни выплылъ изъ глубины души, и мнѣ казалось, что я уже давно знаю этого юношу, что черезъ его глаза на меня смотрятъ глаза умершаго друга и товарища.

А въ это время онъ вытаскивалъ изъ-за пазухи какія-то бумажки и двѣ изъ нихъ подалъ мнѣ. Даже эта манера—писать на отдѣльныхъ, небольшихъ клочкахъ, напомнила мнѣ Вормса, который

---

[1]) Этой живости и энергіи характера (а вовсе не фанатическому увлеченію) слѣдуетъ приписать и то, что Вагнеръ быстро выдвинулся въ глазахъ публики, какъ спиритъ: то, что многіе дѣлали сравнительно вяло, у Вагнера закипѣло, облеклось въ энергическіе опыты, статьи, собранія и тому подобное. Но такая энергія сказывалась во всемъ, за что принимался этотъ рѣдкій человѣкъ.

писалъ такимъ же образомъ и только, когда вполнѣ былъ удовлетворенъ формой стихотворенія, переписывалъ его въ свои тетрадки.

Стихи Надсона сразу поразили меня. Одно изъ нихъ было озаглавлено «Слово» (я его помѣстилъ въ «Свѣтѣ» 1879 г.). Меня поразило то, какимъ образомъ въ умѣ мальчика-кадета могли зарождаться такія мысли, такое глубокое отношеніе къ слову, къ призванію поэта.

Когда я оторвался отъ его стиховъ и снова посмотрѣлъ въ его каріе глаза, мнѣ нарисовался уже иной образъ, который я видѣлъ только на портретахъ, образъ Лермонтова. Военный костюмъ юноши, вѣроятно, помогъ этому представленію, но больше всего эта аналогія была вызвана силой стиха у Надсона, чеканкой этого стиха, въ которомъ все было просто, а въ то же время необыкновенно музыкально, сжато, какъ у Лермонтова, такъ что ни одного слова нельзя было выбросить изъ его стихотворенія, замѣнить его другимъ.

Я тотчасъ и сказалъ Надсону объ этой мысли моей, высказавъ ее, однако, очень осторожно, чтобы не зародить въ немъ преждевременнаго самомнѣнія, которое могло отразиться на тщательномъ отношеніи его къ формѣ и обработкѣ ея. Съ другой стороны, мнѣ хотѣлось все же дать ему понять, что онъ обладаетъ недюжинной способностью, что ей необходимо отдаться всецѣло, забывъ все другое, посвятивъ себя всего, почти аскетически, именно этому призванію.

Въ этомъ родѣ и была моя рѣчь. Я основывалъ ее на авторитетахъ. Привелъ слова Гете, сказавшаго, что не достаточно быть геніемъ отъ природы, нужно еще умѣть трудиться, чтобы стать геніемъ. Привелъ слова Достоевскаго о необходимости почти аскетическаго отношенія къ литературному призванію. Наконецъ, чтобы Надсонъ не отвлекался какими либо внѣшними условіями и вліяніями отъ своего призванія, я сказалъ ему, что если онъ будетъ работать, читать, учиться, то я увѣряю его, что изъ него выйдетъ поэтъ не ниже Лермонтова.

Послѣ этой бесѣды Надсонъ не разъ бывалъ у меня, но всегда держался нѣсколько молчаливо и робко. Только однажды, уже черезъ годъ послѣ нашего перваго знакомства, онъ совершенно откровенно передалъ мнѣ нѣкоторыя сомнѣнія, тяжело мучившія его душу.

Дѣло въ томъ, что черезъ Н. П. Вагнера онъ познакомился съ однимъ семействомъ, въ которомъ была молодая дѣвушка. По словамъ Надсона, онъ увидѣлъ въ ней существо, выше котораго ничего не могъ представить себѣ. «И вотъ въ послѣднее время,— продолжалъ онъ,— меня мучатъ сомнѣнія въ этой дѣвушкѣ. Я подозрѣваю ее въ томъ, что она вмѣстѣ съ небольшимъ кружкомъ собирающихся у нихъ спиритовъ симулируетъ явленія спири-

тизма... Я замѣтилъ кое-что... Меня мучитъ мысль, что я ее подозрѣваю, и этимъ, быть можетъ, совершаю кощунство... А что, если мои подозрѣнія ошибочны? И какая цѣль можетъ быть у нея да и у другихъ увлекать меня на этотъ путь? А между тѣмъ я не могу отдѣлаться отъ мысли, что какая-то цѣль, какая-то задняя мысль у нихъ есть... Быть можетъ, она только слѣпое орудіе! Быть можетъ, всѣ они дѣлаютъ это съ доброй цѣлью— поддержать во мнѣ религіозную вѣру... Но зачѣмъ такіе косвенные, непрямые пути? Развѣ истина можетъ достигнуться обманомъ?!».

Онъ былъ страшно потрясенъ этими сомнѣніями и едва не плакалъ отъ горя.

— Я такъ въ нихъ вѣрилъ! — говорилъ онъ:—это были единственные люди, которые были мнѣ близки, какъ родная семья; у нихъ мнѣ было такъ тепло, такъ хорошо! И теперь все это разрушено, все погибло! Я все подозрѣваю! Я не могу относиться къ нимъ попрежнему! И у меня нѣтъ никого въ жизни!..

Не помню, что я говорилъ ему по этому поводу. Знаю только, что старался его успокоить, поселивъ въ немъ убѣжденіе, что если дѣйствительно эти люди симулировали явленія, то ихъ можно простить отчасти потому, что иной цѣли, кромѣ доброй и полной любви къ нему, тутъ допустить невозможно, а отчасти потому, что они сами, очевидно, страстно увлечены своей вѣрой, увлечены фанатически. А такое увлеченіе, конечно, не одно и то же съ мелочнымъ расчетомъ или обыкновеннымъ обманомъ.

Мало-по-малу Надсонъ рѣже приходилъ въ редакцію. У него заводились новыя знакомства; между прочимъ, онъ познакомился съ А. Н. Плещеевымъ, который совершенно завладѣлъ имъ для «Отечественныхъ Записокъ».

Послѣднія его стихотворенія, напечатанныя у меня, были «Слово» и «Іуда». Ихъ принесъ мнѣ лѣтомъ одинъ изъ его товарищей кадетъ (Надсонъ уѣзжалъ куда-то въ деревню). «Слово» онъ просилъ напечатать, а «Іуду» только прочесть, такъ какъ Надсонъ сомнѣвался, достаточно ли хороша эта «поэма». «Однако,—прибавилъ юноша,—если вы найдете «Іуду» достойнымъ печати, то Надсонъ будетъ радъ его помѣщенію». Упоминаю объ этомъ потому, что въ запискахъ Надсона этотъ эпизодъ переданъ не вполнѣ точно: онъ говоритъ тамъ, что я напечаталъ «Іуду» безъ его согласія, а также безъ его согласія прибавилъ нѣсколько строкъ своихъ, относительно которыхъ и была сдѣлана оговорка, что онѣ не принадлежатъ Надсону [1]). Быть можетъ, Надсонъ, отдавая сти-

[1]) Въ этихъ строкахъ говорится, что если бы Іуда понималъ ученіе Христа, то онъ повѣрилъ бы и его всепрощающему милосердію даже къ врагамъ своимъ и въ то же время къ самому Іудѣ. Мое понятіе о христіанскомъ всепрощеніи не мирилось съ местью даже Іудѣ.

хотвореніе своему товарищу, и говорилъ ему, что онъ не желаетъ видѣть его напечатаннымъ. Но мнѣ эти слова были переданы условно, то-есть окончательное рѣшеніе — печатать или не печатать «Іуду»—было предоставлено на мое усмотрѣніе. Косвенное доказательство этому можно видѣть и въ присылкѣ Надсономъ одновременно съ «Іудой» вышеупомянутаго стихотворенія «Слово», которое помѣщено въ той же книжкѣ. Наконецъ, мы не одинъ разъ встрѣчались съ Надсономъ впослѣдствіи и въ семьѣ одной писательницы С—вой и въ Пушкинскомъ кружкѣ, и ни разу покойный поэтъ не выразилъ мнѣ какого либо неудовольствія за напечатаніе «Іуды» и прибавку къ поэмѣ нѣсколькихъ строкъ. Даже послѣднее наше, довольно тяжелое объясненіе въ «Пушкинскомъ кружкѣ», когда я упрекнулъ его, что онъ забылъ свою «колыбель» (т. е. мой журналъ), не вызвало съ его стороны ни малѣйшаго упоминанія объ «Іудѣ». Напротивъ, онъ сказалъ при нѣсколькихъ лицахъ, которыя живы и теперь и могутъ подтвердить мои слова (а именно при поэтѣ Н. И. Позняковѣ, беллетристѣ Рыбаковѣ и нѣсколькихъ другихъ), что много разъ собирался дать свои стихи въ мой журналъ и побывать у меня, но былъ въ разъѣздахъ, писалъ мало, а все, что удавалось написать, у него перехватывали. Это объясненіе окончилось объятіями и поцѣлуями. Поэтому, когда я прочелъ это мѣсто изъ записокъ Надсона, цитированное г. Венгеровымъ (точности котораго я не могу не вѣрить), оно не могло не поразить меня, какъ совершенная неожиданность.

Къ моимъ воспоминаніямъ о Надсонѣ я не прибавлю больше ничего, такъ какъ о его наружности, необыкновенной симпатичности, задушевной веселости въ обществѣ уже достаточно говорилось другими. Я могу только подтвердить это.

Кончая о Надсонѣ, не могу не вспомнить о другомъ поэтѣ того же времени, Соймоновѣ, рано умершемъ отъ чахотки. Онъ бывалъ у меня часто; являлся постояннымъ посѣтителемъ и членомъ «Пушкинскаго кружка».

Его наружность, съ темными карими глазами и длинными волосами (традиціонная форма поэтовъ, усвоенная и Надсономъ, когда онъ надѣлъ статскій костюмъ), была весьма эффектна, какъ и его стихотворенія, и его чтеніе ихъ.

Стихи его всегда отличались яркой, даже нѣсколько приподнятой энергичностью тоски. Читалъ онъ ихъ съ горячими жестами, искренно увлекаясь, блѣднѣя и сверкая глазами. Но въ этомъ не было рисовки. По натурѣ своей, это былъ человѣкъ безусловно искренній, горячій, увлекающійся настроеніемъ и самыми «словами» своихъ стиховъ. Подготовка и образованіе его, какъ и большинства тогдашнихъ поэтовъ, были не высоки.

Насколько былъ искрененъ этотъ человѣкъ, доказывается послѣдними годами его жизни, когда онъ пріютилъ у себя извѣстную

Семенову, послѣ ея оправданія въ убійствѣ. Это помѣщеніе въ своей семьѣ существа, явно болѣзненнаго и отверженнаго обществомъ, стоило ему, кажется, немало тревогъ и душевныхъ волненій. Быть можетъ, они даже помогли развитію его смертельной болѣзни.

Изъ менѣе важныхъ воспоминаній этого времени не могу не упомянуть теперь о встрѣчѣ съ композиторомъ и профессоромъ химіи А. П. Бородинымъ при довольно оригинальныхъ обстоятельствахъ. Упоминаю о нихъ потому, что они характеризуютъ Александра Порфирьевича, какъ человѣка, а еще болѣе — оттѣняютъ его отношеніе къ своимъ студентамъ и молодежи вообще.

Въ числѣ моихъ юныхъ знакомыхъ была очень симпатичная супружеская чета: онъ былъ еще студентомъ академіи, она—слушательница женскихъ врачебныхъ курсовъ. Первые годы своего знакомства они любили другъ друга «платонически», а затѣмъ нашли, что лучше жениться, жить вмѣстѣ и сообща работать. Въ то время это бывало нерѣдко и нисколько не мѣшало научной работѣ, а еще помогало, что доказывается той четой, о которой я говорю: и мужъ, и жена отлично окончили медицинскій курсъ. Занятіямъ не помѣшало и то, что у молодыхъ супруговъ родился ребенокъ. Я, въ числѣ самыхъ близкихъ друзей, былъ приглашенъ на крестины, а кумомъ долженъ былъ явиться не кто иной, какъ А. П. Бородинъ, кумой же — одна товарка молодой матери, слушательница врачебныхъ курсовъ. Супруги П. жили въ двухъ маленькихъ каморкахъ, на четвертомъ этажѣ, и нужно было видѣть въ этомъ крохотномъ помѣщеніи, среди юныхъ, торжественныхъ лицъ, высокую, довольно полную фигуру любимаго профессора. Послѣ крестинъ устроилась чисто студенческая, дешевенькая закуска (дѣло было вечеромъ), въ которой принялъ участіе и Бородинъ. И какія милыя, задушевныя, чисто товарищескія рѣчи велись при этомъ!

Бородинъ любилъ молодежь не тенденціозно или принципіально, а просто по натурѣ своей, сохранившей юношескую душевную свѣжесть. Студенты и студентки собирались у него не для однѣхъ серьезныхъ бесѣдъ, но и затѣмъ, чтобы потанцовать, подурачиться, а на святкахъ — нарядиться. И во всѣхъ этихъ забавахъ принималъ участіе многоуважаемый профессоръ. Онъ и умеръ на одной изъ такихъ вечеринокъ своихъ.

Среди молодежи ходило много анекдотовъ о разсѣянности Бородина. Сообщу одинъ изъ нихъ, наиболѣе курьезный. Однажды гости и молодежь довольно долго засидѣлись у него. И вотъ, забывъ, что онъ хозяинъ, а не гость, Бородинъ встаетъ со словами:

— Ну, господа, пословица говоритъ: «порядочные люди посидятъ, да уйдутъ». Пора и по домамъ.

Онъ простился со всѣми, вышелъ въ переднюю, надѣлъ шубу,

калоши и ушелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился, встрѣченный общимъ дружнымъ хохотомъ и смѣясь самъ надъ своей разсѣянностью:

— Представьте себѣ,—говорилъ онъ,—вѣдь мнѣ вообразилось, что я въ гостяхъ.

Самъ я не былъ свидѣтелемъ этого случая и, какъ говорится, «продаю его, за что купилъ».

IX.

Литературные обѣды «большіе» и литературные обѣды «малые».—И. О. Горбуновъ на «большомъ» обѣдѣ и его разсказъ отъ имени генерала Дитятина о ветлянской чумѣ. — Ѳ. М. Достоевскій на тѣхъ же обѣдахъ. — Его столкновеніе съ Н. С. Курочкинымъ.—Его объясненіе о причинахъ помѣщенія «Братьевъ Карамазовыхъ» въ «Русскомъ Вѣстникѣ».—Характеристика Достоевскаго.—Два слова о враждѣ литературныхъ партій pro и contra такой вражды. — Проектъ Г. К. Градовскаго на тѣхъ же «большихъ» обѣдахъ.—Обѣдъ Тургеневу.—Мое знакомство съ Тургеневымъ на обѣдѣ и затѣмъ въ «Европейской гостиницѣ». — Общее впечатлѣніе отъ Тургенева, какъ человѣка. — А. Г. Рубинштейнъ на томъ же обѣдѣ.—«Малые» обѣды.—Н. Шелгуновъ. — Письмо обѣдающихъ къ одному петербургскому администратору.

Къ этому времени относятся знаменитые «литературные обѣды», о которыхъ слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ перейду къ такъ называемому тургеневскому обѣду и моему недолгому знакомству съ нашимъ высоко-талантливымъ романистомъ.

На литературныхъ обѣдахъ участвовалъ весь «цвѣтъ» тогдашней литературы и журналистики, исключая, впрочемъ, лицъ, стоявшихъ во главѣ «Отечественныхъ Записокъ». Я встрѣчалъ здѣсь всю редакцію «Вѣстника Европы», «Голоса» (въ томъ числѣ А. А. Краевскаго), «Молвы», «Дѣла», «Недѣли» etc., etc. На нихъ постоянно присутствовали и Ѳ. М. Достоевскій, И. Ѳ. Горбуновъ.

Этотъ послѣдній, во время одного изъ такихъ обѣдовъ, по просьбѣ окружающихъ, поднялся съ своего мѣста, оперся на стулъ и произнесъ крайне остроумный монологъ-тостъ отъ лица генерала Дитятина. Тостъ былъ за военныхъ генераловъ и мотивировался «усмиреніемъ» чумы въ Ветлянкѣ «военнымъ генераломъ» Лорисъ-Меликовымъ (конечно, генералъ Дитятинъ перечислялъ всѣ его чины, титулъ, мѣсто служенія и проч.). Свою мотивировку тоста Дитятинъ началъ съ перечисленія лицъ, посланныхъ на «чуму», до «военнаго генерала». Всѣ они ничего не могли сдѣлать. Но вотъ поѣхалъ «военный генералъ» и все усмирилъ, и чумы какъ не бывало!

На одномъ изъ этихъ обѣдовъ мнѣ пришлось увидѣть, до какой крайней, болѣзненной нервности могъ доходить Ѳ. М. Достоевскій. Вотъ этотъ эпизодъ.

Николай Степановичъ Курочкинъ, братъ бывшаго редактора «Искры», Василія Степановича (въ то время уже умершаго), сидѣлъ за столомъ противъ Өедора Михайловича и разсказывалъ двумъ-тремъ сосѣдямъ, внимательно его слушавшимъ, свои любопытныя наблюденія надъ жизнеспособностью очень талантливыхъ людей (Николай Степановичъ былъ одновременно — и поэтъ, и врачъ). Между прочимъ, онъ привелъ въ примѣръ Салтыкова (Щедрина), котораго изслѣдовалъ, какъ врачъ, еще въ то время, когда тотъ былъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, и нашелъ у него такой порокъ сердца, отъ котораго давно умеръ бы всякій «обыкновенный» смертный. Между тѣмъ, Салтыковъ живетъ и усиленно работаетъ.

Вдругъ Достоевскій съ крикомъ и почти съ пѣной у рта набросился на Курочкина. Трудно даже было понять его мысль и причину гнѣва. Онъ кричалъ, что современные врачи и физіологи перепутали всѣ понятія! Что сердце не есть комокъ мускуловъ, а важная духовно-нравственная сила, и т. д., и т. д. Курочкинъ пытался возразить покойно, что онъ говорилъ только о «сердцѣ» въ анатомическомъ смыслѣ, но Достоевскій не унимался. Тогда Курочкинъ пожалъ плечами и замолчалъ; примолкли и всѣ окружающіе, съ тревогой смотря на великаго романиста, который, какъ извѣстно, страдалъ падучей болѣзнью. Его раздраженіе могло кончиться припадкомъ, а это было бы, конечно, весьма мучительно для обѣдавшихъ.

Мало-по-малу Достоевскій стихъ и успокоился, а Курочкинъ не продолжалъ разговора.

На которомъ-то изъ этихъ обѣдовъ два молодыхъ и горячихъ сотрудника «Недѣли» (Юзовъ и Червинскій) стали упрекать Достоевскаго за то, что онъ печатаетъ свои романы въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и этимъ содѣйствуетъ распространенію журнала, направленія котораго, конечно, не можетъ раздѣлять. Достоевскій сталъ горячо оправдываться тѣмъ, что ему нужно жить и кормить семью, а между тѣмъ журналы съ болѣе симпатичнымъ направленіемъ отказались его печатать. Онъ сослался на Н. П. Вагнера, который подтвердилъ, что ѣздилъ съ предложеніемъ Достоевскаго въ одинъ изъ лучшихъ журналовъ, но тамъ категорически отказались даже вести переговоры по этому вопросу.

Такимъ образомъ, болѣзненная нервность нашего великаго романиста можетъ быть объясняема и не одной болѣзнью, а всѣми тѣми нравственными пытками, какимъ ему приходилось подвергаться въ то время. Извѣстно, что онъ писалъ въ своемъ «Дневникѣ» о нападкахъ журналистики, послѣдовавшихъ противъ него послѣ рѣчи на Пушкинскомъ праздникѣ,—рѣчи, которая сперва увлекла и захватила всѣхъ, а потомъ вызвала еще большее взаимное раздраженіе и ненависть партій. Достоевскій писалъ тогда, что

пресса симпатичнаго направленія гораздо меньше шельмовала знаменитыхъ въ то время Ландсберга и Юханцова, чѣмъ его. А между тѣмъ, онъ былъ виноватъ только въ томъ, что желалъ нѣкотораго умиротворенія враговъ, поѣдавшихъ другъ друга.

Достоевскій былъ «идеалистъ слова»: онъ вѣрилъ, какъ и Пушкинъ, что можно «глаголомъ жечь сердца людей» и не только жечь, но и обращать въ пепелъ накопившуюся въ сердцахъ вражду, муку и обиды. Но опытъ показалъ ему, какъ невѣрно это идеальное представленіе о могуществѣ «слова», хотя бы и самаго геніальнаго. Люди очень злопамятны и мстительны, и нерѣдко ихъ не только не приходится винить въ этомъ, но было бы какъ-то странно, а, быть можетъ, и не вполнѣ нравственно, если бы они легко забывали обиды, особенно если эти обиды нанесены не имъ лично, а истинѣ, родинѣ или тому дѣлу, которое они считаютъ святымъ. Я говорю, что иногда не было бы даже вполнѣ нравственнымъ, потому что очень приближалось бы къ индифферентизму, къ тому, что Христосъ заклеймилъ словами: «вы—ни теплы, ни холодны». Да и, кромѣ того, подобный индифферентизмъ отнималъ бы одинъ изъ побудительныхъ мотивовъ у людей —сдерживать (хотя бы даже наружно) проявленія своей безнравственности.

Негодующее общественное мнѣніе есть въ этикѣ то самое, чѣмъ уголовная кара является въ области права. Понимая эту точку зрѣнія, я понималъ и точку зрѣнія Достоевскаго и въ то время стоялъ даже больше на его сторонѣ. Эта точка зрѣнія состоитъ въ томъ, что этическая сдержанность, обусловленная страхомъ общественнаго негодованія, не есть еще истинная нравственность. Мирное сближеніе, хотя бы на какихъ нибудь ограниченныхъ мостикахъ между различными направленіями, можетъ скорѣе повести къ воцаренію между людьми болѣе нравственныхъ отношеній, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Уже одно то, что люди, соединіеся другъ съ другомъ, хотя бы на почвѣ какой нибудь одной идеи (напримѣръ, любви къ Пушкину и т. п.), будутъ невольно сдержаннѣе и въ другихъ отношеніяхъ: вѣдь, трудно завтра бить человѣка той самой рукой, которая вчера пожимала ему руку. Трудно, послѣ ряда любезностей, оказанныхъ вчерашнему собесѣднику, сегодня поносить его и предавать анаѳемѣ. И это «трудно» не есть уже дѣло страха и опасенія общественнаго негодованія, а дѣло невольно зарождающейся между людьми симпатіи, когда они сходятся лично вмѣстѣ, видятъ и слышатъ другъ друга... Но зародыши симпатіи являются уже первымъ посѣвомъ истинно-нравственныхъ отношеній.

Такимъ образомъ, этически Достоевскій былъ вполнѣ правъ, стремясь къ миротворчеству. Онъ, быть можетъ, былъ правъ и практически въ смыслѣ наибольшей взаимной дипломатіи разныхъ партій нашей литературы.

Сколько печальныхъ послѣдствій взаимнаго озлобленія было бы предотвращено (быть можетъ), если бы взаимная ненависть была менѣе обострена! Сколькимъ обязана реакція послѣдующихъ годовъ, быть можетъ, именно крайнему раздраженію литературныхъ группъ, изъ которыхъ одна ежедневно поносила, обвиняла и дискредитировала другую, а другая должна была отдѣлываться или презрительнымъ молчаніемъ, или полусловами, запутанными въ сотни «ризокъ». Между тѣмъ, вѣдь, послѣдствія-то этого полнаго отсутствія «дипломатичности» у нашихъ литературныхъ партій или направленій сказывались на всей странѣ. Поэтому не правъ ли былъ Достоевскій, хотя, быть можетъ, онъ въ то время и не преслѣдовалъ «дипломатическихъ» цѣлей, а поступалъ просто по инстинкту, по влiянію своего любящаго, измученнаго, изстрадавшагося сердца, безпредѣльно любившаго Россію и ея народъ, и, дѣйствительно, простившаго и этой Россіи и ея народу, всѣ обиды, нанесенныя лично ему, его мученической жизни... А ужъ это ли не были обиды великія!

Но хотя онъ смотрѣлъ на вещи шире, чѣмъ другіе, заглядывалъ дальше въ грядущее (быть можетъ, не холоднымъ умомъ, а вѣщимъ сердцемъ), однако онъ, очевидно, не зналъ одного, что миротворцамъ всегда живется на свѣтѣ хуже другихъ. Не даромъ миротворчество введено христіанской этикой въ одну изъ величайшихъ добродѣтелей: если бы оно было легко, если бы оно не грозило тяжкими страданіями и испытаніями, оно и добродѣтелью было бы неважной! Не велика добродѣтель творить то, что легко безопасно творить.

Если принять во вниманіе все это, вотъ то непониманіе его стремленій даже со стороны лучшихъ и благороднѣйшихъ представителей того времени, то будетъ понятна и болѣзненная нервность Достоевскаго.

А если прибавить къ этому, что при его роковой болѣзни ему приходилось работать почти, какъ чернорабочему, да и тутъ встрѣчать отказы въ пріемѣ работы, что ему приходилось страшно нуждаться, вѣчно занимать, вѣчно должать, —то покажется удивительнымъ, какъ еще могъ жить и работать этотъ великій, геніальный человѣкъ! Кто видѣлъ квартирку, въ которой онъ жилъ съ семьей передъ смертью, эту бѣдную, жалкую квартирку, тотъ пойметъ все это еще больше. Его сочиненія до похоронъ почти не шли въ публикѣ! Только похороны, сдѣлавшія вдругъ громкимъ его имя, заставили расшевелиться читателей и создали благосостояніе его семьѣ.

На тѣхъ же обѣдахъ Г. К. Градовскому пришла мысль объ устройствѣ литературнаго учрежденія, въ родѣ возникшаго впослѣдствіи суда чести (при «Союзѣ писателей»), съ цѣлью нѣсколько урегули-

ровать полемическую разнузданность, царившую въ то время. Послѣ одного изъ обѣдовъ объ этомъ вопросѣ шли горячія рѣчи, выступали различные ораторы. Почти всѣ говорившіе склонялись въ пользу такого учрежденія. Но вотъ выступилъ Николай Степановичъ Таганцевъ (въ то время профессоръ уголовнаго права) и сталъ доказывать, что такое учрежденіе невозможно практически, такъ какъ у него не будетъ никакой юридической силы. Рѣчь авторитетнаго профессора показалась настолько убѣдительной, что предложеніе Градовскаго не осуществилось.

Едва ли многоуважаемый Николай Степановичъ былъ правъ тогда: опытъ «Союза писателей» и его «суда чести» доказалъ, что и безъ особыхъ «юридическихъ», карательныхъ правъ, мнѣніе лицъ авторитетныхъ въ литературномъ и нравственномъ отношеніяхъ можетъ имѣть большой вѣсъ и вліяніе въ писательской средѣ, конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ.

Тургеневскій обѣдъ отличался отъ обыкновенныхъ «литературныхъ» обѣдовъ тѣмъ, что былъ разъ въ пять многолюднѣе. Кромѣ мужчинъ, здѣсь были и дамы; кромѣ литераторовъ, были виртуозы (въ томъ числѣ А. Г. Рубинштейнъ), артисты императорскихъ театровъ, знаменитые художники и даже была одна натурщица, участвовавшая въ живой картинѣ и затѣмъ оставшаяся на вечерѣ (съ танцами) въ своемъ древне-греческомъ костюмѣ. Съ писателями были и ихъ жены. Тургенева встрѣтили аплодисментами, посадили на почетное мѣсто, затѣмъ начались тосты, рѣчи, чтеніе стиховъ и писемъ тѣхъ лицъ, которыя лично не могли (или не пожелали) участвовать въ торжествѣ.

Однимъ изъ распорядителей обѣда былъ Н. А. Гайдебуровъ.

Я приготовилъ къ этому «торжеству» небольшое стихотвореніе, въ которомъ, въ формѣ очень вѣжливой, выразилъ отъ лица русской молодежи желаніе видѣть Тургенева живущимъ въ Россіи на болѣе продолжительные сроки. Въ стихахъ было лишь въ началѣ нѣсколько щекотливое мѣсто. Вотъ оно:

Ты не забытъ ни юностью родной,
Ни русской женщиной, ни прессой,
Хотя давно живешь въ странѣ чужой,
Вдали отъ «розъ» россійскаго прогресса.

Впрочемъ, этотъ намекъ на абсентеизмъ Тургенева смягчался дальше выраженіемъ горячаго уваженія къ его таланту и столько же горячаго желанія чаще видѣть его въ своей средѣ, какъ руководителя общественныхъ чувствъ и думъ.

При началѣ чтенія Тургеневъ прикрылъ глаза рукой, какъ бы смутясь отъ неловкости вступленія, но къ концу его лицо прояснилось, а когда стихотвореніе заставили повторить, онъ, повидимому, вполнѣ искренно благодарилъ меня, вставъ съ своего мѣста и долго

пожимая через столъ мою руку своей большой рукой гиганта. Послѣ обѣда, онъ выразилъ желаніе ближе познакомиться со мной, разговаривалъ нѣсколько минутъ, такъ какъ желающихъ поговорить съ нимъ было немало.

Онъ сидѣлъ на маленькомъ мягкомъ диванчикѣ рядомъ съ Рубинштейномъ, а лица, разговаривавшія съ нимъ, присаживались на томъ же диванчикѣ, и одинъ смѣнялъ другого. Тургеневъ пригласилъ меня побывать у него на слѣдующій день въ гостиницѣ «Европа», разспросивъ предварительно о моемъ журналѣ. Мало-помалу, эти полуофиціальныя бесѣды смѣнились бесѣдой болѣе общей; Тургенева окружили. Иные сидѣли, другіе стояли, слушали и подавали реплики. Такъ какъ въ числѣ лицъ, окружавшихъ теперь Тургенева, были художники (если память не измѣняетъ мнѣ, то былъ и Крамской, и Рѣпинъ, не считая другихъ), то Тургеневъ заговорилъ о желательности видѣть иллюстраціи къ произведеніямъ лучшихъ русскихъ писателей и поэтовъ, сдѣланныя кистью или карандашомъ нашихъ выдающихся живописцевъ. Онъ приводилъ въ примѣръ картины Лиценъ Мейера къ Шиллеровскому «Колоколу» и Гётевскому «Фаусту» и ставилъ ихъ образцомъ того, что было бы желательно.

Съ большимъ интересомъ слушалъ Тургеневъ мелодекламацію Лишина и чтеніе подъ музыку Далматова (въ то время артиста Императорскихъ театровъ), объявившаго заранѣе, что у него очень плохая память, и дѣйствительно, прерывавшаго раза два свое чтеніе, пока ему не подсказывали забытаго слова или строфы. Потомъ кто-то пѣлъ. Затѣмъ А. Г. Рубинштейнъ сыгралъ свои варіаціи, или, точнѣе, фантазію на русскія темы, кажется, экспромтомъ. Фантазія начиналась пѣсней «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ».

Рояль стоялъ не на возвышеніи, и слушатели окружили артиста тѣсной толпой.

Послѣ живыхъ картинъ Тургеневъ уѣхалъ, извиняясь странной усталостью, а публика начала танцовать; нѣкоторая же часть ея усѣлась за карты, и въ томъ числѣ Рубинштейнъ. И опять это меня чрезвычайно поразило, какъ когда-то на вечерѣ у Благосвѣтлова: я никогда бы не повѣрилъ, что великій виртуозъ играетъ не только на рояли, но и на зеленомъ полѣ. Нѣсколько разъ я подходилъ къ этому столу, чтобы всмотрѣться въ выраженіе его глазъ, смотрѣвшихъ въ карты: «какъ онъ можетъ думать объ этомъ, когда можетъ думать о музыкѣ?» спрашивалъ я себя съ наивностью еще не опетербуржившагося провинціала. Къ концу вечера веселье стало проявляться довольно шумно: въ одной изъ комнатъ, за столомъ съ бутылками, я увидѣлъ ту хорошенькую натурщицу въ греческомъ костюмѣ, о которой упоминалъ выше. Сидѣвшіе съ нею требовали, чтобы она встала на столъ и произнесла тостъ. Она безъ малѣйшаго смущенія сдѣлала это, а вслѣдъ за нею на столъ взобрался одинъ писа-

тель драматургъ, ужъ пожилой, съ солиднымъ брюшкомъ и лысиной. Онъ «распалился», что къ нему, впрочемъ, вовсе не шло.

На другой день я былъ у Тургенева въ «Европейской гостиницѣ». Помѣстился онъ въ небольшомъ номерѣ, состоявшемъ изъ двухъ, а, быть можетъ, и трехъ комнатъ, съ неприхотливой мебелью, напомнившей мнѣ старо-помѣщичьи дома. Тургеневъ былъ въ длинномъ сюртукѣ, въ родѣ халата. Онъ бесѣдовалъ со мною около четверти часа, очень просто, любезно и даже задушевно: мы оказались земляками по Орловской губерніи. Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ весьма страннаго полнаго старичка, съ краснымъ лицомъ, сѣдыми бакенбардами и вытаращенными глазами въ родѣ глазъ рака. На немъ былъ старый короткій сюртучокъ. Старикъ оказался нѣмцемъ, и, какъ выразился Тургеневъ, его «старымъ пріятелемъ по деревнѣ».

Иванъ Сергѣевичъ ему очень обрадовался, а у старика были даже слезы на глазахъ. Мнѣ не хотѣлось мѣшать ихъ встрѣчѣ и бесѣдѣ, и я поспѣшилъ проститься. Тургеневъ на прощанье сказалъ мнѣ, чтобы я не сердился, если онъ лично не будетъ у меня: «я останусь здѣсь лишь на нѣсколько дней и долженъ сдѣлать массу обязательныхъ посѣщеній. Поэтому примите отъ меня вмѣсто визита эту карточку. Я напишу на ней мой парижскій адресъ, и вѣрьте, что, если вы пріѣдете туда или дадите мнѣ какое нибудь порученіе, я буду очень, очень радъ».

Онъ присѣлъ къ круглому столу передъ диваномъ, написалъ свой адресъ на карточкѣ и, проводивъ меня до передней, простился еще разъ.

Карточка была небольшая, на глянцовитой бумагѣ; имя и фамилія были отлитографированы по-французски.

Эта карточка была косвеннымъ отвѣтомъ на мое стихотвореніе, приглашавшее подольше пожить съ нами...

Общее мое впечатлѣніе отъ этого знакомства, при моемъ тогдашнемъ народническомъ настроеніи, было не изъ особенно пріятныхъ.

«Баринъ, чистокровный русскій старый баринъ»,—думалъ я, сходя съ лѣстницы и потомъ идя по засыпаннымъ снѣгомъ улицамъ. Мнѣ не понравилась даже его наружность, въ которой нельзя было уловить никакого выраженія, кромѣ вѣжливости, любезности и только. Что онъ чувствовалъ, что онъ думалъ, это оставалось тайной. Его вопросы о литературѣ, о новыхъ ея теченіяхъ были какъ-то мимолетны, въ нихъ не чувствовалось живого, глубокаго интереса къ русской жизни, какъ будто бы онъ былъ или совершенно равнодушенъ къ этой жизни или увѣренъ, что ее знаетъ вполнѣ, и что никто ему не скажетъ ничего новаго, а если онъ и предлагаетъ нѣкоторые вопросы, то только для того, чтобы быть любезнымъ.

Вообще же впечатлѣніе было таково, что онъ страшно далекъ отъ міра, который дорогъ мнѣ и людямъ, окружавшимъ меня въ то время, что между нами нѣтъ даже возможности представить себѣ какой нибудь мостикъ, какое нибудь общеніе, что это—человѣкъ совсѣмъ иного міра, иныхъ привычекъ, вкусовъ, чѣмъ мы... Однимъ словомъ, это человѣкъ очень умный, быть можетъ, геніальный, очень симпатичный и милый, но совершенно чужой. И не потому чужой, что онъ живетъ во Франціи: нѣтъ, я знавалъ много французовъ и въ то время, и послѣ, съ которыми послѣ десяти фразъ чувствовалъ полное идейное родство и близость по стремленію и чувствамъ. Нѣтъ, этотъ великій романистъ русскій былъ чужой по-другому. Я въ то время не могъ отвѣтить: «по какому же?» По впослѣдствіи, прочтя одно изъ его «Стихотвореній въ прозѣ», въ которомъ онъ видитъ во снѣ, что крестьяне ворвались въ его деревенскій домъ и собираются его повѣсить,— я понялъ, почему онъ совсѣмъ чужой. Мы видѣли въ то время въ народѣ источникъ будущей, истинной жизни великой нашей Россіи, а ему тотъ же народъ казался толпой дикарей, способныхъ только на кровавыя расправы. Это былъ взглядъ стараго помѣщика, страхъ стараго помѣщика, хотя и высоко-просвѣщеннаго и либеральнаго. Но его просвѣщеніе, его знакомство съ Франціей XVIII в. и съ нашей исторіей XVI в., на которую есть такіе яркіе намеки въ «Призракахъ», гдѣ автору чудится дымъ пожаровъ и крики «сарынь на кичку», это просвѣщеніе только еще больше напугало его и отшатнуло отъ Россіи. Въ ней онъ не видѣлъ, кажется, ничего, кромѣ смерти, тьмы невѣжества и тупой, безсмысленной жестокости.

А что видѣли мы тогда, это будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ, а теперь, чтобы закончить о литературныхъ обѣдахъ въ 1880-хъ годахъ, добавлю, что, кромѣ тѣхъ «большихъ» обѣдовъ, о которыхъ говорилось выше, устроивались еще маленькіе; во главѣ этихъ послѣднихъ стояли нѣкоторые (болѣе молодые) сотрудники и члены редакціи «Отечественныхъ Записокъ», «Дѣла» и «Недѣли», а именно отъ послѣднихъ посѣщали эти обѣды— Шелгуновъ, І. Юзовъ, Червинскій...

Эти обѣды проходили не такъ торжественно, какъ обѣды умѣренно-либеральной печати, за то здѣсь было больше внутренней, идейной жизни и литературныхъ интересовъ. Не забуду, какъ однажды напали на Н. В. Шелгунова послѣ появленія какой-то его статьи, показавшейся нѣсколькимъ членамъ обѣда маленькимъ «lapsus linguae» почтеннаго и всѣми уважаемаго писателя-публициста. Такъ какъ Шелгунова всѣ собиравшіеся тамъ любили искренно, а въ его литературной безупречности и безусловной корректности ни у кого не было даже и тѣни сомнѣній, то, быть можетъ, употребленное мною выраженіе «напали» нельзя считать вполнѣ точнымъ, но я не сумѣлъ подыскать другого.

Впечатлѣніе, которое производилъ на меня лично (да и на всѣхъ) Н. В. Шелгуновъ, отличалось чрезвычайной симпатичностью: онъ поражалъ простой искренностью, отсутствіемъ малѣйшей позировки, самомнѣнія и желанія овладѣть общимъ вниманіемъ, пріобрѣсти «престижъ» и т. д. Онъ говорилъ то, что думалъ и чувствовалъ, не заколачивалъ себя въ установленныя колодки кружка, которому въ общихъ принципахъ не могъ не быть вѣренъ безусловно уже по самой натурѣ своей. Разногласіе могло быть въ мелкихъ деталяхъ, и вотъ этимъ-то провинился онъ въ вышеупомянутой статьѣ, отстаивая свое право на оригинальность мысли въ частныхъ вопросахъ. Несогласные же съ этой статьей полагали, что частный вопросъ, поднятый и рѣшенный «по-своему» Шелгуновымъ, тѣсно связанъ съ болѣе общимъ и принципіальнымъ.

Какъ-то придя на одинъ изъ этихъ обѣдовъ, я замѣтилъ необычайное стеченіе народа. Были и такіе люди, которые никогда ихъ не посѣщали или являлись очень рѣдко. У всѣхъ были хмурыя, нѣсколько встревоженныя физіономіи. Съ невольной болью и тревогой чувствовалось отсутствіе среди обѣдающихъ двухъ наиболѣе видныхъ и цѣнимыхъ представителей тогдашней печати. Около этого-то отсутствія ихъ и вертѣлись почти всѣ рѣчи. Въ серединѣ обѣда былъ прочтенъ проектъ «докладной записки», или, вѣрнѣе, большого мотивированнаго письма отъ лица петербургскихъ писателей на имя одного изъ высшихъ администраторовъ столицы. Это письмо имѣло связь съ отсутствіемъ на обѣдѣ двухъ постоянныхъ участниковъ его. Послѣ обѣда начались подписи на этомъ письмѣ, которыя впослѣдствіи внѣ обѣда достигли сотни именъ [1]).

Послѣ этого періода «Sturm und Drang» обѣды стали рѣдѣть, сдѣлались менѣе оживленными и частыми, а къ веснѣ и совсѣмъ прекратились. На послѣдній обѣдъ явилось только четыре прежнихъ участника.

Л. Е. Оболенскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

[1]) Письмо отказался подписать І. Юзовъ (по особымъ условіямъ своего положенія, о которыхъ будетъ ниже) и я, такъ какъ не былъ согласенъ съ редакціей одного мѣста и прислалъ на другой день свою редакцію этого мѣста на имя П. И. В—а, прося его приложить мое письмо къ общему. Не подписалъ письма и Салтыковъ, которому это было предложено впослѣдствіи.

ИЗЪ ШКОЛЬНЫХЪ ЛѢТЪ Н. В. ГОГОЛЯ[1].

(1821—1825).

I.

Ник. Вас. Гоголь—въ Полтавѣ. — Справки Вас. Аѳ. Гоголя о Нѣжинской гимназіи и хлопоты объ опредѣленіи сына.—Нѣжинская гимназія въ 1821 году, до поступленія Гоголя.—Зачисленіе Ник. Вас. въ пансіонеры и пріемные экзамены.—Сношенія Вас. Аѳ. съ надзирателемъ Зельднеромъ и директоромъ гимназіи Орлаемъ.—Характеристика Зельднера.—Письмо И. С. Орлая къ Вас. Аѳ. Гоголю отъ 28-го марта 1824 года.

ВАСИЛІЙ Аѳанасьевичъ Гоголь очень заботился о воспитаніи своихъ сыновей, Николая и Ивана. Сначала они учились у наемнаго семинариста. Когда Николаю было около десяти лѣтъ, братьевъ отвезли въ Полтаву и помѣстили на квартиру у учителя, который долженъ былъ готовить ихъ къ поступленію въ гимназію. Отъ Полтавы очень недалеко до Яновщины, деревни Гоголей, и мальчики врядъ ли остро чувствовали свою оторванность отъ дома. Конечно, ихъ нерѣдко посѣщали; между деревней и городомъ за-

---

[1]) Источниками при составленіи этой статьи служили: «Письма Н. В. Гоголя», редакція В. И. Шенрока, изд. А. Ф. Маркса, и нѣкоторыя напечатанныя здѣсь впервые письма современниковъ гимназической жизни Гоголя. За сообщеніе этихъ матеріаловъ приношу искреннюю благодарность В. Я. Головнѣ. Литература: «Записки о жизни Гоголя» П. А. Кулиша; «Матеріалы для біографіи Гоголя» В. И. Шенрока; «Гимназія высшихъ наукъ и лицей князя Безбородко». Изд. 2-е. Спб. 1881 г.; статья Н. А. Лавровскаго «Гимназія высшихъ наукъ кн. Безбородко въ Нѣжинѣ» въ «Извѣстіяхъ ист.-фил. института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ», т. III, 1879 г.; статья проф. Кояловича: «Дѣтство и юность Гоголя» въ «Московскомъ Сборникѣ» 1887 года; «Изъ ученическихъ лѣтъ Гоголя» П. В. Владимірова. Отдѣльныхъ ссылокъ на эти работы не дѣлается; другія указаны въ текстѣ.

вязалась переписка. Изъ этого періода жизни Николая Васильевича въ Полтавѣ до насъ дошло три его письма домой. Изъ нихъ нельзя извлекать данныхъ для характеристики мальчика: почти нельзя сомнѣваться въ томъ, что если не цѣликомъ диктовали эти письма, то очень помогали въ ихъ составленіи старшіе, по всей вѣроятности, менторъ мальчиковъ—учитель гимназіи. «Я поставилъ для себя первымъ долгомъ и первымъ удовольствіемъ молить Бога о сохраненіи безцѣннаго для меня здравія вашего» (изъ перваго письма); «дай Богъ, чтобы безцѣнное ваше для меня здоровье продолжалось вѣчно въ самомъ цвѣтущемъ состояніи» (изъ третьяго письма). Эти фразы не могутъ принадлежать десятилѣтнему мальчику. Онѣ написаны въ стилѣ писемъ того времени, и этому стилю мальчика учили. Онъ усвоивалъ стереотипныя формулы для выраженія извѣстныхъ чувствъ, не разбираясь въ содержаніи словъ. Для характеристики жизни дѣтей Василія Аѳанасьевича въ Полтавѣ эти письма даютъ очень мало. Ученіе шло неважно. «Ваканціи быстро приближаются,—писалъ мальчикъ:—я не успѣлъ еще окончить всего: слѣдовательно нужно заняться ваканціями, чтобы съ честью поспѣть во второй классъ. Учитель математики мнѣ необходимъ». По всей вѣроятности, ученіе затрудняло болѣзненное состояніе мальчика. Николай Васильевичъ съ дѣтства страдалъ золотухой, изъ ушей у него текло. «Благодаря родительскому вашему о мнѣ попеченію, я, слава Богу, чувствую себя здоровымъ совершенно. Настойку, оставленную вами, папенька, я продолжаю, по данному наставленію». Интересно второе письмо Николая Васильевича, адресованное бабушкѣ; совсѣмъ дѣтское содержаніе, а стиль письма, какъ у взрослыхъ: «Дражайшая бабушка! Извините меня въ томъ, что долгое время не могъ писать къ вамъ, дражайшая бабушка. Покорно благодарю васъ, что вы прислали гостинецъ мнѣ. Отъ всего сердца желаю вамъ благополучія и долголѣтней жизни, при чемъ остаюсь вашъ покорный внукъ, Николай Яновскій».

Когда мальчиковъ взяли домой на каникулы, и младшій братъ Иванъ умеръ (9-ти лѣтъ отъ роду), Николай Васильевичъ (будучи старше его годомъ) оставался нѣкоторое время дома. Отношенія къ брату и его смерть оставили глубокіе слѣды въ жизни Гоголя. Другъ Николая Васильевича и товарищъ по школѣ Н. Я. Прокоповичъ вспоминалъ о томъ, какъ Гоголь, находясь еще въ одномъ изъ первыхъ классовъ нѣжинской гимназіи, читалъ ему свою стихотворную балладу, подъ заглавіемъ «Двѣ рыбки». Въ аллегорической формѣ Николай Васильевичъ очень трогательно разсказывалъ здѣсь о своей судьбѣ и о судьбѣ брата.

Въ 1820 году распространились извѣстія объ основаніи въ Нѣжинѣ учебнаго заведенія. Черниговскій губернскій прокуроръ Е. И. Бажановъ, хорошій знакомый Василія Аѳанасьевича, сообщилъ ему по-

Н. В. ГОГОЛЬ.

Съ гравюры Іордана, сдѣланной съ портрета, писаннаго Моллеромъ въ 1841 году.

Доз. ценз. 18 янв. 1902 г. спб.

дробности о гимназіи высшихъ наукъ и посовѣтовалъ отдать сына въ пансіонъ, находящійся при нѣжинскомъ училищѣ. Въ январѣ 1821 года Василій Аѳанасьевичъ обратился съ письмомъ къ директору нѣжинской гимназіи В. Г. Кукольнику, прося извѣстить его, можетъ ли онъ помѣстить въ нѣжинскомъ пансіонѣ своего сына. Не получая отвѣта, 12 февраля онъ отправилъ новое письмо къ Кукольнику, не зная о его скоропостижной смерти 6 февраля. Василій Аѳанасьевичъ «всенижайше просилъ удостоить его извѣщеніемъ, можетъ ли онъ быть столько счастливымъ, чтобы воспитать сына подъ покровительствомъ Кукольника». Нарочный, отвозившій это письмо, привезъ отвѣтъ временнаго правленія гимназіи отъ 18 февраля 1821 года. Василію Аѳанасьевичу писали, что сынъ его можетъ быть принятъ, и увѣряли, что, несмотря на внезапную смерть директора, дѣла училища находятся въ полномъ и ясномъ порядкѣ.

Не удовлетворяясь этими свѣдѣніями, отецъ Гоголя сталъ наводить справки о гимназіи у тѣхъ, кто разсчитывалъ отдать туда своихъ дѣтей. Онъ обратился съ запросомъ о «подробностяхъ помѣщенія дѣтей въ Нѣжинскомъ училищѣ» къ нѣкоему Григорію Кидтяцъ и получилъ отъ него слѣдующее письмо.

«Милостивый государь Василій Аѳанасьевичъ, письмо ваше, которымъ вы желаете знать о подробностяхъ помѣщенія дѣтей въ Нѣжинскомъ училищѣ, я съ истиннымъ удовольствіемъ получилъ, но жалѣю сердечно, что не могу вамъ желаемыхъ вами подробностей описать, ибо я и самъ еще дѣтей моихъ не помѣстилъ. Я имѣю извѣстія изъ Нѣжина, что училище еще не открыто; учатся же ученики у тѣхъ самыхъ учителей приватно, для приготовленія ихъ въ высшіе классы, при открытіи церемоніально училища. Открытіе же будетъ непремѣнно въ маѣ мѣсяцѣ, но не знаю, котораго числа точно. Сердечно радуюсь, что сынъ вашъ будетъ въ одномъ училищѣ съ моими. Я повезу моихъ дѣтей съ половины мая въ Нѣжинъ, и причина тому чистосердечнѣйшая та, что не могу прежде сего времени собраться на деньги [1]). Съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ есмь и всегда буду вашъ покорнѣйшій слуга, Григорій Кидтяцъ. 1821 года, апрѣля 4 дня Г. Градижскъ [2]). П. П. Хотя мы и не имѣемъ чести быть знакомыми почтеннѣйшей супругѣ вашей, но просимъ отъ меня и отъ Елизаветы Павловны засвидѣтельствовать наше истинное почтеніе, которое равнымъ образомъ съ братскимъ щирымъ поклономъ Елисавета Павловна и вамъ свидѣтельствуетъ».

---

[1]) Въ спискахъ окончившихъ курсъ въ Нѣжинскомъ училищѣ фамилія Кидтяцъ не встрѣчается.

[2]) Заштатный городъ, Полтавской губерніи, Кременчугскаго уѣзда, при Днѣпрѣ.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о Нѣжинскомъ училищѣ далъ Василію Аѳанасьевичу его сосѣдъ Михаилъ Щербакъ, который уже отдалъ своего сына Михаила въ гимназію и самъ побывалъ въ Нѣжинѣ [1]). Онъ писалъ:

«Милостивый государь Василій Аѳанасьевичъ, на письмо ваше честь имѣю увѣдомить васъ, что я никакого не могу еще дѣлать заключенія о гимназіи высшихъ наукъ, учрежденной въ Нѣжинѣ покойнымъ совѣтникомъ княземъ Безбородко; когда отвозилъ я туда меньшаго сына моего, то въ то время нашелъ я тамъ только одного директора г-на статскаго совѣтника Кукольника, и двухъ надзирателей; въ теченіе шести мѣсяцевъ, какъ сынъ мой тамъ находился, прибыли еще нѣкоторые профессора и учители, но гимназія за неприбытіемъ остальныхъ еще и понынѣ формально не открыта. Директоръ, сколько въ короткое пребываніе мое въ Нѣжинѣ могъ замѣтить, показался мнѣ человѣкомъ образованнымъ, добрымъ и усерднымъ къ дѣтямъ, но, можетъ быть, и до васъ дошелъ слухъ, что онъ уже умеръ самымъ несчастнымъ образомъ, бросившись съ третьяго этажа гимназическаго дома изъ окошка; конечно, сдѣлалъ онъ сіе не по какой другой причинѣ, какъ по болѣзни. Въ сей гимназіи находится теперь около тридцати пансіонеровъ, въ томъ числѣ хорошихъ фамилій, два сына Григорія Петровича Милорадовича, Скоропадскіе и протчіе, вотъ вамъ все, что знаю о сей гимназіи, сказываютъ, что учатся хорошо, но такъ какъ дѣти малыя, то ихъ только пріуготовляютъ, а въ протчемъ преподаваться будутъ всѣ науки, какія и въ университетахъ преподаются, и кто кончитъ курсъ наукъ въ сей гимназіи, тотъ уже за полученіемъ аттестата пользуется тѣми же преимуществами, какими пользуются студенты, изъ университетовъ выпущаемые. Съ совершеннымъ почтеніемъ и такой же преданностью навсегда пребуду, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугой, Михаилъ Щербакъ. По сей же почтѣ я писалъ къ любезной сестрицѣ Аннѣ Матвѣевнѣ [2]). 1821 года апрѣля 7 дня, деревня Щербаневка».

Свѣдѣнія, сообщенныя Щербакомъ, были вѣрны. Дѣйствительно, гимназія была еще совсѣмъ не устроена. Кукольникъ, прибывшій въ Нѣжинъ въ августѣ 1820 года, несмотря на энергичную дѣятельность, могъ сдѣлать немного. Учителя еще не съѣхались. Вначалѣ, кромѣ самого Кукольника, преподававшаго чуть не всѣ предметы, и законоучителя Григоровича, педагогической дѣятельностью занимались надзиратели Аманъ и Зельднеръ: о нихъ-то и говоритъ Щербакъ. Аманъ преподавалъ французскій языкъ, Зельднеръ—нѣмецкій. Потомъ прибыли младшій профессоръ нѣмецкаго

[1]) Съ сыномъ Щербака, Михаиломъ, Гоголь и А. С. Данилевскій ѣздили вмѣстѣ на каникулы.

[2]) Родная тетка Марьи Ивановны Гоголь.

языка Миллеръ и русскаго — Чекіевъ. Учениковъ было немного, но у нихъ была крайне разнообразная подготовка. Первое время дѣтей дѣйствительно только пріуготовляли, чтобы потомъ по устройствѣ гимназіи распредѣлить ихъ въ зависимости отъ ихъ познаній по отдѣленіямъ. Послѣ смерти В. Г. Кукольника (6 февраля 1821 года) нестроенія увеличились. «Множество мелкихъ интригъ и замѣшательствъ наполняли собою смутное время отъ смерти перваго директора до вступленія новаго, отъ 6 февраля до 1 ноября 1821 года. Слухи о происходившихъ въ гимназіи безпорядкахъ съ быстротой народной молвы распространялись не только въ Нѣжинѣ, но и далеко за его предѣлами; они производили большую тревогу между родителями и родственниками воспитанниковъ».

Эти слухи, однако, не отклонили Василія Аѳанасьевича отъ намѣренія помѣстить сына въ Нѣжинскую гимназію. Весной 1821 года мальчика привезли въ Нѣжинъ. 1-го мая 1821 года, 11 лѣтъ отъ роду, Николай Васильевичъ былъ принятъ въ гимназію въ число своекоштныхъ пансіонеровъ. Приняли его на старшее изъ существовавшихъ въ это время двухъ отдѣленій, и первое время онъ, какъ и другіе, долженъ былъ готовиться къ пріемнымъ экзаменамъ; они были произведены 21—28 іюня. Послѣ испытаній всѣ ученики были раздѣлены на три отдѣленія: лучшіе, въ числѣ 21, образовали третье, старшее, худшіе—второе и вновь поступавшіе—первое. Гоголь не выказалъ большихъ познаній: его экзаменныя отмѣтки: священная исторія—4, Законъ Божій—4, россійскій языкъ—2, ариѳметика—2, географія—2, исторія—2, латинскій языкъ—2, французскій языкъ—1, нѣмецкій языкъ—2, рисованіе—1. Послѣ экзаменовъ Гоголь не былъ переведенъ въ старшую группу и былъ оставленъ въ томъ второмъ отдѣленіи, въ какомъ онъ былъ до сихъ поръ. Василій Аѳанасьевичъ, по всей вѣроятности, самъ привезъ своего сына въ Нѣжинъ: во всякомъ случаѣ онъ былъ въ Нѣжинѣ, лично ознакомился съ положеніемъ дѣла, завелъ знакомство съ наставниками и въ особенности съ надзирателемъ Зельднеромъ. Послѣ экзаменовъ Николай Васильевичъ уѣхалъ домой на каникулы, а въ августѣ мѣсяцѣ старый знакомый отца Гоголя, прокуроръ Бажановъ, снова привезъ мальчика въ Нѣжинъ. Въ день пріѣзда вслѣдъ за нимъ прибылъ съ провизіей, предназначавшейся въ даръ Зельднеру, поваръ Гоголей, крѣпостной слуга Семенъ. Василій Аѳанасьевичъ еще лѣтомъ обращался къ временному правленію училища съ просьбой «принять двороваго его повара въ число служителей безъ всякой за то платы». Конечно, отецъ руководился въ этомъ случаѣ не только тѣмъ соображеніемъ, что слуга будетъ помогать мальчику, но и тѣмъ, что онъ своимъ присутствіемъ будетъ напоминать ему ту родную атмосферу, отъ которой его въ первый разъ такъ рѣзко отрывали.

Въ исторіи первыхъ лѣтъ пребыванія Гоголя въ Нѣжинѣ игралъ извѣстную роль надзиратель пансіона и преподаватель нѣмецкаго языка, Егоръ Ивановичъ Зельднеръ. Отсылая сына въ Нѣжинъ, Василій Аѳанасьевичъ просилъ Зельднера позаботиться и посмотрѣть за мальчикомъ. Зельднеръ обѣщалъ сдѣлать это. «Въ разсужденіи его здоровья и во всѣхъ случаяхъ я буду ему вторымъ отцомъ и прошу васъ нималѣйше себя безпокоить»,—писалъ онъ Василію Аѳанасьевичу. Зельднеръ долженъ былъ блюсти за здоровьемъ мальчика, слѣдить за его благонравіемъ и успѣхами, воздѣйствовать на него, когда нужно. И о здоровьѣ, и объ успѣхахъ Зельднеръ отписывалъ Василію Аѳанасьевичу, сообщая также и обо всѣхъ новостяхъ въ жизни училища. До насъ дошло четыре письма Зельднера къ отцу Гоголя отъ 1821—1822 годовъ. Конечно, услуги Зельднера не были даровыми: отношенія отца Гоголя къ его наставнику были основаны на взаимныхъ одолженіяхъ и были «патріархальными». Зельднеру поставляли продукты васильевской экономіи. И онъ въ письмѣ не разъ обращаетъ вниманіе Василія Аѳанасьевича на то, чего онъ хочетъ. «Есть ли васъ не очень безпокоитъ,—просилъ Зельднеръ,—то тогда прошу васъ покорнѣйше мнѣ купить одинъ или два возовъ венгерскихъ сливъ; что они стоятъ, я вамъ съ большимъ удовольствіемъ и благодарностью заплачу». Вотъ еще одна наивная просьба Зельднера: «По случаю, что вы прислали сушоныхъ вишень и сливъ къ сыну, я узналъ, что у васъ садовникъ дѣлаетъ такихъ прекрасныхъ корзинокъ; естьли можно было васъ безпокоить, то я бы просилъ васъ покорнѣйше, чтобъ вы мнѣ сдѣлали одолженіе заказать у него двухъ немного болѣе, нежели того, который вы прислали съ вишнями», и т. д...

Зельднеръ, какъ можно судить по немногимъ, дошедшимъ до насъ даннымъ, былъ типичнымъ педагогомъ-«нѣмцемъ». Происхожденіе его неизвѣстно. Вдова директора Кукольника въ своихъ извѣтахъ на гимназичечкую корпорацію утверждала, что «Зельднеръ, какъ иностранецъ, будучи неизвѣстнаго состоянія, едва ли можетъ принадлежать къ благородному сословію». Ученики не любили его, и свой авторитетъ онъ сохранялъ только въ глазахъ маленькихъ воспитанниковъ. Съ смѣшной фигурой, онъ былъ неистощимымъ предметомъ для насмѣшекъ. Въ воспоминаніяхъ г. Пашкова, напечатанныхъ въ «Берегѣ» (№ 268, отъ 18-го декабря 1880 года), разсказывается о томъ, какъ Гоголь умѣлъ организовать систематически-шутливое преслѣдованіе искусно-скрываемыми шалостями противъ Зельднера [1]). Въ рапортѣ инспектора гимназіи отъ 20-го ноября 1826 года отмѣчено, что пансіонеръ Данилевскій посаженъ на послѣднее мѣсто за то, что «пѣлъ пѣсенку, давно сочиненную противъ надзирателя Зельднера». Этотъ наказанный пансіо-

---

[1]) Шенрокъ. Мат I, 137.

неръ, ближайшій другъ Гоголя, А. С. Данилевскій сохранилъ въ своихъ воспоминаніяхъ одну сценку, ярко рисующую отношеніе мальчиковъ и Гоголя къ своему ментору. «Помню одинъ забавный случай съ надзирателемъ Зельднеромъ,—разсказывалъ А. С. Данилевскій г. Шенроку.—Зельднеръ навязался ѣхать съ нами. Коляску прислали четвероместную. Было бы мѣсто для всѣхъ, но къ намъ напросился еще нѣкто Щербакъ... Зельднеръ еще сохранялъ тогда для насъ авторитетъ; его присутствіе насъ очень стѣсняло. Къ тому же съ нимъ было несчастіе: каждый разъ, когда онъ пускался въ дорогу, съ нимъ случалось разстройство желудка, да и въ деревнѣ жить съ нимъ было не очень пріятно. Онъ ѣхалъ къ намъ обоимъ, но обоимъ не хотѣлось его брать. Когда условились съ нимъ ѣхать, то онъ пошелъ съ нами на черный дворъ, гдѣ была коляска, и хотѣлъ непремѣнно доказать, что можно ѣхать впятеромъ... Наружность его была забавна, ноги циркулемъ... Наконецъ, все было готово къ отъѣзду. Наканунѣ жена Зельднера, Марья Николаевна, напекла намъ на дорогу пирожковъ, и на другой день, чѣмъ свѣтъ, мы должны были тронуться въ путь. Но мы составили заговоръ—уѣхать ранѣе. На другой день, утромъ, пріѣхавшій за нами человѣкъ Гоголя, Ѳедоръ, разбудилъ насъ въ музеѣ (такъ назывались отдѣленія, на которыя раздѣлялись воспитанники). Зельднеръ потомъ насъ долго искалъ и ни за что не хотѣлъ повѣрить, что мы уѣхали. «А мерзкая мальчишка!..» говорилъ онъ».

Не стоитъ говорить о какихъ либо педагогическихъ принципахъ Зельднера, потому что врядъ ли они были. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ онъ самъ высказываетъ въ письмѣ къ Василію Аѳанасьевичу. «Безъ маленькіе благородніе наказаніе не воспитывается не одинъ молодой человѣкъ, и мы всѣ такъ въ нашихъ молодыхъ лѣтахъ были возпитанны». Зельднеръ былъ не только надзирателемъ въ пансіонѣ и преподавателемъ въ гимназіи, онъ бралъ къ себѣ на квартиру вольно-приходящихъ учениковъ. Попечитель округа дѣлалъ по этому поводу запросъ назначенному на мѣсто Кукольника новому директору Орлаю. Повидимому, и Зельднеръ и другой надзиратель, державшій пансіонеровъ, Аманъ, не особенно смотрѣли за нравственностью воспитанниковъ. Помѣщикъ Краснокутскій доносилъ попечителю, что «нѣкоторые изъ воспитанниковъ, жившихъ у нихъ, заражены венерической болѣзнью». Орлай препроводилъ попечителю объясненіе Амана и Зельднера, что «родителямъ содержимыхъ ими дѣтей извѣстно, что они всегда въ связяхъ общежитія вели себя благородно, отличались добронравіемъ, почему многіе изъ родителей ввѣряли имъ дѣтей своихъ для наставническаго смотрѣнія и упражненія въ иностранныхъ языкахъ, что таковое довѣріе всегда было оправдано особеннымъ о дѣтяхъ попеченіемъ, что съ своей стороны родители находятъ оное таковымъ, каковаго только желать имъ можно» и т. д. Сооб-

щаемыхъ здѣсь свѣдѣній достаточно для характеристики того лица, которое стояло такъ близко къ мальчику Гоголю.

Послѣ назначенія директоромъ училища Орлая, мальчикъ нашелъ въ немъ еще одного человѣка, участливо относившагося къ нему. Съ Иваномъ Семеновичемъ Орлаемъ Василій Аѳанасьевичъ встрѣтился въ Кибинцахъ, имѣніи Д. Т. Трощинскаго, лѣтомъ 1821 года, когда Орлай заѣзжалъ въ Нѣжинъ съ цѣлью познакомиться съ мѣстомъ своего возможнаго служенія и купилъ въ Миргородскомъ уѣздѣ небольшую деревню. У Василія Аѳанасьевича и Орлая существовали тоже «патріархальныя» отношенія: они были связаны взаимными одолженіями и услугами. Орлай покровительствовалъ сыну Василія Аѳанасьевича, удовлетворялъ, когда нужно, его денежныя нужды, а Василій Аѳанасьевичъ присматривалъ за его деревенькой, находившейся по сосѣдству съ деревней матери Николая Васильевича, и исполнялъ кое-какія просьбы Орлая; пріискалъ покупателя на имѣніе и т. д. Въ письмахъ перваго періода пребыванія своего въ гимназіи (1821—1825 гг.) Николай Васильевичъ упоминаетъ всегда съ доброжелательнымъ чувствомъ объ Орлаѣ. Н. В. Кукольникъ, вспоминая объ отношеніяхъ Орлая къ Николаю Васильевичу, передаетъ слѣдующій характерный эпизодъ: Иванъ Семеновичъ не жаловалъ, если ученики во время лекцій оставляли классы и прогуливались по коридорамъ, а Гоголь любилъ эти прогулки, и потому не мудрено, что частенько натыкался на директора, но всегда выходилъ изъ бѣды и всегда одной и той же продѣлкой. Завидѣвъ Ивана Семеновича издали, Гоголь не прятался, шолъ прямо къ нему на встрѣчу, раскланивался и докладывалъ: «ваше превосходительство! Я сейчасъ получилъ отъ матушки письмо. Она поручила засвидѣтельствовать вашему превосходительству усерднѣйшій поклонъ и донести, что по вашему имѣнію идетъ все очень хорошо»...—«Душевно благодарю! Будете писать къ матушкѣ, не забудьте поклониться и отъ меня и поблагодарить»... Таковъ былъ обыкновенный отвѣтъ Ивана Семеновича, и Гоголь безнаказанно продолжалъ свою прогулку по коридорамъ».

Иванъ Семеновичъ Орлай и Василій Аѳанасьевичъ находились въ перепискѣ. Въ нашемъ распоряженіи находится одно письмо Ивана Семеновича къ Гоголю. Оно ярко рисуетъ сущность ихъ отношеній другъ къ другу и даетъ любопытныя свѣдѣнія объ успѣхахъ учениковъ гимназіи высшихъ наукъ, происходившихъ изъ Полтавской губерніи и, конечно, извѣстныхъ Василію Аѳанасьевичу. Самая форма, въ которой заключены оцѣнки ихъ познаній, характерна для личности Орлая. Между прочимъ онъ даетъ отзывъ и о Николаѣ Васильевичѣ. Приводимъ это до сихъ поръ ненапечатанное письмо.

«Милостивый государь, почтеннѣйшій другъ Василій Аѳанасьевичъ! Уже много времени прошло, что мы не бесѣдуемъ письменно,

причиною сему, конечно, и мои и ваши завѣты. Я знаю, сколь много любите вы сына своего, а по сему и считаю во-первыхъ нужнымъ увѣдомить васъ, что онъ здоровъ и хорошо учится.

«Послѣ посѣщенія вашего, въ подвѣдомой мнѣ гимназіи высшихъ наукъ князя Безбородко произошли великія перемѣны къ усовершенствованію ея, что вы изволите усмотрѣть изъ приложеннаго при семъ списка чиновниковъ, на лицо находящихся. Къ великому моему удовольствію, могу васъ увѣдомить, что питомцы изъ Полтавской губерніи верхъ берутъ надъ другими. Въ 7-мъ классѣ Рѣдькинъ изъ Роменъ занимаетъ первое мѣсто, какъ по успѣхамъ въ наукахъ и языкахъ, такъ и по поведенію; Барановъ изъ Сорочинцы въ томъ же классѣ послѣ полугодичнаго испытанія занялъ второе мѣсто и состязается съ Рѣдькинымъ о первенствѣ; Бороздинъ въ шестомъ классѣ въ числѣ превосходныхъ; Пащенко въ третьемъ классѣ первенствуетъ; Данилевскій въ пятомъ классѣ превосходный, Полторацкій во второмъ классѣ превосходный и Забѣлла въ томъ же классѣ взялъ верхъ надъ всѣми. Жаль, что вашъ сынъ иногда лѣнится, но когда принимается за дѣло, то и съ другими можетъ поравняться, что и доказываетъ его отличныя способности. Такъ какъ мой Михайлодаръ отъ бытности моей въ Нѣжинѣ приноситъ мнѣ мало выгоды, то я прошу васъ пріискать мнѣ покупщика и увѣдомить меня о цѣнѣ, какую дадутъ за оный. Скотъ мой доселѣ находился у Петра Ивановича Ломиковскаго; я прошу васъ попросить Петра Ивановича передать оный крѣпостнымъ моимъ, при Михайлодарѣ находящимся. Его высокопревосходительству Димитрію Прокофьевичу [1] и его превосходительству Андрею Андреевичу [2], равно какъ и почтеннѣйшей вашей супругѣ Марьѣ Ивановнѣ прошу засвидѣтельствовать мое высокопочитаніе и преданность. Впрочемъ имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ вашъ покорный слуга Иванъ Орлай. Нѣжинъ. 28 марта 1824».

II.

Первый мѣсяцъ школьной жизни Николая Васильевича.—Исторія перваго искренняго письма Гоголя и возникновеніе неискренности.—Письма Зельднера о школьной жизни Николая Васильевича (1821—1822 г.г.).

Въ августѣ мѣсяцѣ 1821 года, прокуроръ Бажановъ привезъ сына Василія Аѳанасьевича въ Нѣжинъ и сдалъ его въ пансіонъ. Въ первый разъ одиннадцатилѣтній мальчикъ оставался надолго одинъ, вдали отъ своихъ родныхъ; на этотъ разъ не было съ нимъ

---

[1]) Трощинскій, министръ, жившій на покоѣ въ Кибинцахъ, недалеко отъ Васильевки.

[2]) Трощинскій, племянникъ Дм. Прокоф. Трощинскаго.

и брата, который раздѣлялъ его одиночество въ Полтавѣ. Съ своими товарищами-земляками онъ не такъ скоро сошелся. Только слуга Семенъ, котораго прислали вмѣстѣ съ нимъ изъ дома и который былъ теперь поваромъ при пансіонѣ, напоминалъ ему о родномъ домѣ, утѣшалъ его въ безутѣшной, дѣтской скорби. Около мальчика былъ еще Зельднеръ, котораго Василій Аѳанасьевичъ просилъ позаботиться о сынѣ, но отношенія этого надзирателя далеко не напоминали родственныхъ и дружескихъ отношеній. Онъ не входилъ въ настроеніе своего питомца, да и не могъ, пожалуй, тепло и сердечно отнестись къ маленькому мальчику, оторванному отъ дома. Его обязанности состояли только въ томъ, чтобы время отъ времени сообщать отцу, что съ сыномъ все благополучно, что онъ, «слава Богу, здоровъ и благополученъ». Первыя письма мальчика проходили черезъ его руки: первое изъ дошедшихъ до насъ нѣжинскихъ писемъ было переслано имъ при своемъ письмѣ. Этотъ контроль не могъ не отозваться на содержаніи писемъ; въ нихъ нельзя было писать о своихъ чувствахъ, нужно было писать, какъ надо, какъ пишутъ, нужно было для выраженія тѣхъ или другихъ отношеній употреблять установленныя формулы съ общимъ содержаніемъ, крайне не характернымъ для пишущаго лица. Поэтому въ первыхъ письмахъ Гоголя нельзя, какъ это дѣлаетъ Кояловичъ [1]), усматривать его первыхъ литературныхъ опытовъ. Онъ просто писалъ, какъ писали и совѣтовали ему писать старшіе. «Какъ бы я желалъ, чтобы вы были въ совершенномъ здравіи и благополучіи, дай Богъ, чтобы Онъ принялъ желаніе вашего сына, который навсегда съ истиннымъ почтеніемъ и преданностью останется вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ». Такими фразами переполнены первыя письма Гоголя, и нѣтъ возможности видѣть въ нихъ первыя попытки писать: совершался безсознательно процессъ усвоенія стиля, эпистолярной формы. Пускать въ ходъ готовыя формы для выраженія извѣстныхъ настроеній, не вносить въ нихъ сознательно оттѣнковъ, бросающихъ свѣтъ на истинное отношеніе автора къ своему предмету, вошло у Гоголя въ привычку, и это обстоятельство всегда нужно имѣть въ виду при анализѣ его писемъ.

По письмамъ Николая Васильевича (IV—VII письма въ первомъ томѣ «Писемъ Н. В. Гоголя», изданныхъ Марксомъ) и по дошедшимъ до насъ, но до сихъ поръ не напечатаннымъ письмамъ Зельднера, можно составить себѣ яркое представленіе о томъ, какъ мальчикъ-Гоголь пережилъ свой первый мѣсяцъ гимназической жизни. Вскорѣ по пріѣздѣ Гоголя въ Нѣжинъ Зельднеръ отправилъ отцу Гоголя слѣдующее письмо:

---

[1]) «Московскій Сборникъ», 1887, 286.

«Милостивый Государь мой Василій Афанасіевичъ! Въ день пріѣзда вашего сына съ г-номъ Бажановымъ пріѣхалъ также вечеру поваръ вашъ и привезъ мнѣ всѣ провизіе о котораго вы изволите говорить въ вашемъ письмѣ, которое я имѣлъ удовольствіе получить на сихъ дняхъ. Я покорнише васъ благодарю за этую присилку и за деньги, которіи мнѣ слѣдовали по щетамъ моемъ. Сынъ вашъ, слава Богу! здоровъ и благополученъ, какъ вы видите изъ его письмо. Въ разсужденіи его здоровіи и во всѣхъ случаяхъ я буду его вторимъ отцемъ и прошу васъ не малѣйше себѣ безпокоить. Въ писаніи онъ нѣсколько лѣнивъ, и я ужасно занятъ, но я посмотрю, что онъ почаще пишеть, а я также буду писать, сколько мое время позволить. Я очень бы желалъ быть у васъ въ Кибинцахъ, но такъ какъ мнѣ теперь не нужно ѣхать въ Харьковъ и мое должность не позволить быть въ отсудствіе, я не думаю имѣть въ скоромъ времени удовольствіе у васъ быть; но скоро ожидаемъ васъ здѣсь. Повторяю моя прозба пріѣхать, когда вы пріѣдеть прямо ко мнѣ на дворъ, а я вамъ доставлю всѣ выгоды. Есть ли васъ не очень безпокоить, то тогда прошу васъ покорный мнѣ тамъ купить одинъ или два возовъ венгерскихъ сливъ; что они стоить, я вамъ съ большимъ удовольствіемъ и благодарностью разплачу. Какъ скоро о открытіѣ и пріѣздѣ новаго директора будеть слишно, то тогда вамъ сейчасъ пишу. Прошу свидѣтелствовать мое почтеніе супругѣ вашей и имѣю честь пробыть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію Милостивой Госуд:! вашъ покорн: слуга Е. Зельднеръ 1821 года 13 августа. Въ Нѣжинѣ».

Приложенное къ этому письму Зельднера письмо Гоголя-сына—типичная формула для выраженія извѣстнаго отношенія. Вотъ оно цѣликомъ: «Дражайшіе родители, папенька и маменька! Освѣдомившись, что вы находитесь здоровы, пишу къ вамъ единственно для того, чтобы благодарить васъ за ваше родительское ко мнѣ расположеніе и просить Бога, чтобы даровалъ вамъ совершенное здравіе и спокойствіе. Что касается до меня, я, слава Богу, здоровъ, чего желая вамъ остаюсь навсегда вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ и покорнымъ слугою Николай Гоголь-Яновскій». Конечно, въ такой формулѣ, да еще прошедшей черезъ руки педагога, нечего искать данныхъ для характеристики душевнаго состоянія. Мальчикъ чувствовалъ себя совсѣмъ не такъ хорошо, какъ значится въ формулѣ, и ему хотѣлось написать совсѣмъ не то, что онъ написалъ, но письмо, написанное иначе, нужно было переслать другимъ путемъ, а не черезъ Зельднера. И, несмотря на то, что оно попалось на глаза Зельднеру, и онъ запретилъ его посылать, мальчикъ все-таки нашелъ случай доставить письмо своимъ родителямъ. Письмо это сохранилось и среди всѣхъ остальныхъ дѣтскихъ писемъ поражаетъ своею искренностью и цѣльностью. Мальчикъ

писалъ о томъ, что ему грустно, и не заботился о впечатлѣніи, которое можетъ произвести его письмо на отца и мать. А оно произвело эффектъ необычайный. Василій Аѳанасьевичъ и Марія Ивановна безъ ума любили своего сына: слова «безъ ума», кажется, не будутъ преувеличеніемъ. Стоило имъ получить письмо сына, въ которомъ онъ писалъ о своей грусти, и которое вносило диссонансъ въ сообщенія Зельднера, и въ Нѣжинъ полетѣли запросы о здоровьѣ Николая Васильевича. Мы приведемъ одинъ очень характерный отрывокъ изъ неизданнаго письма Ольги Дмитріевны Трощинской къ Марьѣ Ивановнѣ Гоголь, съ которой она дѣятельно переписывалась и отъ которой узнала о грустномъ положеніи Никоши (такъ звали Николая Васильевича въ семьѣ) и о горѣ Василія Аѳанасьевича. Письмо это помѣчено: «14 сентября 1821 года, Кагорлыкъ». «Скажи своему Василечкѣ (т. е. Василію Аѳанасьевичу),— пишетъ Трощинская,—что я при первомъ свиданіи съ нимъ выдеру ему уши, за то что онъ всякую бездѣлицу очень горячо принимаетъ. Не стыдно ль ему занемочь отъ того, что Никоша скучаетъ въ пансіонѣ безъ васъ, это не новое, что дѣти, послѣ ваканціи и разставшись съ родителями, грустятъ. Прости, мой дружочекъ, будь благоразумнѣе его, не огорчайся такой бездѣлицей и береги свое здоровье, ибо оно очень драгоцѣнно для дѣтей твоихъ».

На запросъ Василія Аѳанасьевича Зельднеръ отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ, рисующимъ то настроеніе, въ которомъ мальчикъ писалъ свое первое искреннее письмо.

«Милостивый Государь, почтеннѣйшій Василій Афанасіевичь! Жалъ, очень жалъ мнѣ, что сынъ вашь вамъ причинилъ чрезъ его безразсудность столько безпокойствъ и печалъ. Онъ, слава Богу, пріѣхалъ здоровъ къ намъ и былъ также здоровъ и веселъ до сихъ поръ. Вчера, въ этое самое время, когда я преподавалъ немецкой языкъ во второмъ классѣ, гдѣ и онъ помѣстился, пришелъ Карль Карловичь (Фибингъ, гимназическій врачъ), какъ обыкновенно каждый день, спросить, нѣтъ ли кто боленъ, и спрашивалъ, разговорившій болѣе 10 минутъ съ вашымъ сыномъ, а именно его объ его здоровіи, пишеть ли онъ часто къ вамъ, здорови ли вы и прочіе, на чего онъ отвѣчалъ, что онъ совершенно здоровъ, Фибингъ также продолжалъ: не течеть ли его ухо и не чувствуетъ ли онъ никакой боль, и онъ на всѣ вопросы отвѣчалъ, что онъ совершенно здоровъ. Что̀ сынъ вашь очень не разсудный мальчикъ во всѣхъ дѣлахъ и что онъ часто во зло употребляетъ ваше отеческой любовъ, отъ того я вамъ только одинъ примѣръ здѣсъ скажу. За двѣ недѣли онъ долженъ былъ наказанъ быть за незнаніе урокъ, и за то я приказалъ ему не дать чаю послѣ обѣда, потому что онъ еще не разъ во все это время, что онъ здѣсь, зналь (?). Другое утро я его принудилъ писать къ вамъ письмо, какъ я и всѣ мои товарищи его безпрестанно должны принудить

учиться (ибо иначе онъ не принимается за урокъ) и писавшій письмо, я вдругъ вижу, что онъ вамъ писалъ слѣдующія слова: «почтеннѣйшій папинька! Спѣшите пріѣхать, чтобъ вы видѣли, въ какомъ печалѣ сынъ вашъ и какой участь онъ имѣетъ». Видѣвши эти строки, я ему выговоръ здѣлалъ и не позволилъ, что онъ такой письмо отправилъ, но что онъ писалъ справедливо и особливо о своемъ здоровьѣ. Я увѣренъ, что сіе извѣстіе вамъ очень непріятно, потому вы—отецъ и имѣете только одного сына, но будьте спокойны и увѣрены, что мы всѣ будемъ стараться ему отвикать худыя привычки и научить ему самой лучшій правъ. Что касается до сохраненія его здоровья, я не перестану всегда исполнить ваше прозьбы, такъ какъ это, кромѣ того, уже наша должность требуетъ. Я не хотѣлъ вамъ все сіе писать, но вы требуете отъ меня, что я вамъ обстоятельно писалъ. Есть ли вы точно истинно полагаете всегда на мое попеченіе и справедливость къ вашему сыну, то тогда я всегда буду объ немъ стараться и все для его дѣлать, что въ моемъ состояніи, но много родителей есть, хотя очень разумные, которые въ разсужденіи своихъ дѣтей слѣпы и даже сердятся, если имъ говорятъ правду.

«Безъ маленькіе благородніе наказаніе не воспитывается не одинъ молодой человѣкъ, и мы всѣ такъ въ нашихъ молодыхъ лѣтахъ были воспитанны. Еще сынъ вашъ нуждается деньгами, и я ему уже нѣсколько давалъ по его просьбѣ. Онъ говоритъ, что поваръ вашъ ему препорученныя деньги почти на дорогѣ издерживалъ. Я ему еще дамъ, когда нужно будетъ. Вино я не получилъ. Когда я вамъ не пишу впередъ о болѣзни вашего сына, то тогда почитаете за обманъ. Въ прочемъ имѣю честь пребыть съ всегдашнимъ высокопочитаніемъ, Милостивый государь, вашъ покорн: слуга Егоръ Зельднеръ. Моя жена и я свидѣтельствуемъ наше почтеніе вашей почтеннѣйшей супругѣ. 1821 года 1 сентября. Въ Нѣжинѣ».

Но какое же это письмо надѣлало столько тревоги, такъ взволновало родителей и заставило Зельднера сообщить кое-что изъ тайнъ гимназической жизни? Оно такъ выдѣляется изъ всѣхъ другихъ писемъ, такъ характерно для мальчика Гоголя, что мы приведемъ его здѣсь цѣликомъ: «Дражайшіе родители, папенька и маменька! Весьма опечалился, услыша, что вы пріѣдете еще въ октябрѣ мѣсяцѣ. Ахъ, какъ бы я желалъ, еслибъ вы пріѣхали какъ можно поскорѣй и узнали бъ объ участи своего сына! Прежде каникулъ писалъ я, что мнѣ здѣсь хорошо, а теперь—напротивъ того. О, если бы, дражайшіе родители, пріѣхали въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, тогда бы вы услышали, что со мною дѣлается! Мнѣ послѣ каникулъ сдѣлалось такъ грустно, что всякій Божій день слезы рѣкой льются, и самъ не знаю отчего, а особливо когда вспомню объ васъ, то градомъ такъ и льются. И теперь у меня грудь такъ

болитъ, что даже не могу много писать. Простите мнѣ за мою дерзость, но нужда все заставитъ дѣлать. Прощайте, дражайшіе родители! далѣе слезы мѣшаютъ мнѣ писать. Не забудьте также добраго моего Симона, который такъ старается обо мнѣ, что не прошло ни одной ночи, чтобы онъ не увѣщевалъ меня не плакать объ васъ, дражайшіе родители, и часто просиживалъ по цѣлой ночи надо мною. Уже его просилъ, чтобы онъ пошелъ спать, но никакъ не могъ принудить. Жалованья ему не выдаютъ, и онъ принужденъ самъ на насъ всѣхъ готовить кушанье, ибо другого повара нѣту. Былъ одинъ, и тотъ выпросился домой на два мѣсяца... P. S. Учениковъ же о сю пору и половины нѣту. 1821 года, августа 14-го. Нѣжинъ».

Это письмо такъ ярко и такъ искренно написано, и его авторъ, какъ живой, является въ нашемъ воображеніи. Одиннадцати-лѣтній мальчикъ, котораго дома любили безъ ума, на рукахъ носили... единственный сынъ, гордость семьи... необыкновенно впечатлительный и ужасно набалованный... И онъ остался одинъ, въ пансіонѣ. Скучно здѣсь, воспитатели и учителя его каждый день «принуждаютъ», а отца, мать и домъ онъ такъ еще не скоро увидитъ. И мальчикъ просто заливается отъ слезъ; онъ такой набалованный: ему ужъ показалось, что и грудь болитъ. Во всемъ письмѣ — жажда ласки, а тутъ — этотъ «нѣмецъ», который какъ разъ наканунѣ наказалъ его, чая не приказалъ давать ему послѣ обѣда. Мальчикъ не привыкъ къ такому обращенію: его дѣтское самолюбіе было рѣзко задѣто. Наказаній онъ не выносилъ и, чтобы избѣжать ихъ, пускался иногда на необыкновенныя хитрости. Очень кстати привести здѣсь изъ воспоминаній Кукольника одинъ эпизодъ: «Гоголь, еще въ низшихъ классахъ, какъ-то провинился, такъ что попалъ въ уголовную категорію. «Плохо, братъ»,—сказалъ кто-то изъ товарищей: «высѣкутъ!» «Завтра!» отвѣчалъ Гоголь. Но приговоръ утвержденъ, ликторы явились. Гоголь вскрикиваетъ такъ пронзительно, что мы всѣ испугались, и сходитъ съ ума. Поднимается суматоха. Гоголя ведутъ въ больницу и лѣчатъ отъ сумасшествія. Словомъ до того искусно притворился, что мы всѣ были убѣждены въ его помѣшательствѣ».

Первое искреннее письмо имѣло послѣдствія, которыя врядъ ли ожидалъ его авторъ. Надзиратель сдѣлалъ, конечно, строгій выговоръ мальчику и поставилъ ему на видъ, что такъ нельзя писать письма родителямъ, такъ какъ такія письма слишкомъ тревожатъ ихъ. Родители, съ своей стороны, въ письмахъ къ сыну, по всей вѣроятности, тоже упрекали мальчика: изъ этихъ упрековъ мальчикъ могъ заключить, что его отношеніе къ родителямъ было безжалостнымъ, такъ какъ онъ не предусмотрѣлъ того впечатлѣнія, которое должно было произвести его письмо на людей, становившихся по временамъ больными отъ любви къ нему. Николай Ва-

сильевичъ долженъ былъ, и по настоянію Зельднера, конечно, и подъ вліяніемъ родительскихъ писемъ, извиняться въ томъ горѣ, которое причинило его письмо, и немного измѣнить свое прежнее сообщеніе о болѣзни и тѣмъ успокоить родителей. «Дражайшіе родители, папенька и маменька!—писалъ мальчикъ 6-го сентября 1821 года,—извините меня, что я писалъ такое письмо къ вамъ. Но когда бы вы знали, въ какомъ я тогда находился положеніи! Пріѣхавши въ Нѣжинъ, на другой день стала у меня болѣть грудь. Ночью такъ у меня болѣла грудь, что я не могъ свободно дышать. Поутру стало лучше, но грудь моя все-таки болѣла, а потому я опасался, чтобы не было чего нибудь худого, и притомъ мнѣ было очень грустно въ разлукѣ съ вами. Но теперь, славу Богу, все прошло, и я здоровъ и веселъ».

Исторія съ первымъ искреннимъ письмомъ имѣла большое значеніе въ развитіи душевнаго настроенія мальчика, начинавшаго жить сознательной жизнью. Прежде онъ учился у старшихъ искусству писать письма и безсознательно усвоивалъ извѣстныя принятыя выраженія и формулы и принятый эпистолярный стиль, не раздумывая о томъ, что формулы выраженія чувствъ и самое содержаніе ихъ расходятся. Теперь, послѣ перваго опыта искренняго письма, онъ понялъ необходимость, удобство и значеніе формъ, позволяющихъ поверхностно относиться къ содержанію настроенія. Еще одинъ урокъ Гоголь вынесъ изъ этой исторіи. Онъ понялъ, что не всегда нужно и стоитъ писать то, что имѣешь на душѣ, что нужно приспособляться и соображаться съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое могутъ вызвать его письма въ читателѣ. И дѣйствительно, изъ чтенія переписки Гоголя выносишь убѣжденіе въ томъ, что Гоголь почти всегда проектировалъ содержаніе своихъ писемъ въ душѣ своего читателя. Такое отношеніе Гоголя къ своимъ письмамъ всегда нужно принимать во вниманіе при оцѣнкѣ ихъ искренности и ихъ значенія для исторіи души Гоголя. Таковы были тѣ первыя впечатлѣнія, которыя принесла школа жизни великому сатирику. Они далеко не были мимолетными, въ сущности они были частнымъ проявленіемъ отношенія человѣка къ одному очень большому жизненному вопросу. Та дѣйствительность, которая окружала Гоголя въ дѣтскомъ возрастѣ, съ особенной опредѣленностью и рѣзкостью ставила этотъ вопросъ: можно ли думать одно и говорить другое, не то, что думаешь? Къ сожалѣнію, современная Гоголю дѣйствительность отвѣчала на этотъ вопросъ утвердительно. И дома, изъ отношенія своихъ родителей хотя бы къ Трощинскому, и въ училищѣ, изъ отношенія педагоговъ къ его отцу и къ нему, мальчикъ видѣлъ, какъ расходится слово и мысль, и какъ неискреннее отношеніе входитъ въ плоть и кровь людей.

Послѣ инцидента съ письмомъ школьная жизнь Гоголя вошла въ колею. Время развѣяло грусть, и обиходъ гимназической жизни

долженъ былъ затянуть и Николая Васильевича. Зельднеръ попрежнему отписывался, сообщая Василію Аѳанасьевичу о гимназическихъ новостяхъ и о здоровьѣ его сына; только теперь онъ считалъ нужнымъ къ фразѣ «вашъ сынъ здоровъ» прибавлять «и веселъ». Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1821 года Зельднеръ отправилъ Василію Аѳанасьевичу слѣдующее письмо:

«Милостивый Государь Василій Афанасіевичъ! Пріятнѣйшее письмо ваше отъ 14-го с. м. я имѣлъ честь получить, также какъ и на имя сына вашего, который до сихъ поръ, слава Богу, въ совершенномъ добромъ здоровьѣ и очень веселъ. Я также могу вамъ справедливо сказать, что я на счетъ его прилежности теперь очень доволенъ. И надѣюсь, что онъ и больше будетъ слѣдовать впередъ примѣрамъ лучшихъ учениковъ и моимъ безпрестаннымъ добрымъ наставленіямъ. Что касается до новаго начальника нашей гимназіи, я имѣю честь вамъ сказать, что справедливо, что Иванъ Семеновичъ Орлай отъ 3 числа прошлаго мѣсяца утвержденъ директоромъ, о чемъ всѣ мы чрезвычайно рады, особливо я, потому что моя жена съ семействомъ его довольно кратко знакомъ и хвалитъ не только его, а тоже всю его фамилію. Еще могу вамъ сказать, что попечитель Харьковскаго учебнаго округа Корнѣевъ прошлаго мѣсяца намъ приказалъ тотчасъ выгнать госпожу Кукольникову съ семействомъ изъ нашей гимназіи по причинѣ разныхъ неудовольствій и безпокойства, которое она намъ сдѣлала [1]).

«Дѣти наши всѣ въ мондирѣ и очень хорошо одѣты. Еще прибавлены два учителя: протопопъ Павелъ, какъ законоучитель, и профессоръ политическихъ наукъ, г-нъ Билевичъ. Извините, что я очень рѣдко пишу вамъ. Я такъ занятъ дома и въ гимназіи, что я не найду время писать. При семъ свидѣтельствую усерднѣйшее почтеніе, съ коимъ не перестану быть вашъ, милостивый государь, покорный слуга Е. Зельднеръ. 1821 года 22 октября, въ Нѣжинѣ».

Съ пріѣздомъ Орлая, заботы Зельднера о Николаѣ Васильевичѣ уменьшились, потому что Орлай былъ также знакомъ Василію Аѳанасьевичу и для него готовъ былъ позаботиться о сынѣ. Съ теченіемъ времени, Зельднеръ отошелъ на второй планъ въ жизни своего питомца, и авторитетъ его падалъ по мѣрѣ того, какъ подростали его ученики. Страхъ и боязнь смѣнились насмѣшками и издѣвательствами. Кромѣ приведенныхъ уже писемъ Зельднера къ Василію Аѳанасьевичу, сохранилось еще одно, которое было написано, повидимому, по одному поводу, изложенному въ концѣ письма.

---

[1]) Вдова Кукольника послѣ смерти мужа занималась сочиненіемъ извѣтовъ на преподавателей гимназіи и въ томъ числѣ и на Зельднера.

«Милостивый Государь Василій Аѳанасіевичь! Пріятнѣйшее письмо ваше я имѣлъ удовольствіе получить 5-ю с. м. Изъ онаго вижу, что вы изволите пріѣхать сюда при первомъ зимнемъ пути для свиданія съ сыномъ вашимъ Николаемъ, чему и я очень радъ буду. Вы напрасно безпокоитесь, милостивый государь, въ разсужденіи здоровья его, ибо, гдѣ Иванъ Семеновичъ (Орлай) печется о благополучіи и здоровьѣ дѣтей и добрый пріятель, какъ я считаюсь съ вами быть, тамъ родители могутъ быть совершенно спокойны. Правда, что сынъ вашъ былъ боленъ, имѣлъ шкарлатина, и его болѣзнь продолжался почти 2 недѣли, но мы такъ его берегли, какъ роднаго сына, и имѣли надъ нимъ всевозможный присмотръ. Послѣ болѣзни мы все еще не позволяли ему итти за столъ въ низъ, чтобъ не простудился, цѣлую недѣлю, но теперь могу васъ увѣрить, что онъ совершенно выздоровѣлъ.

«По случаю, что вы прислали сушоныхъ вишенъ и слнвъ къ сыну, я узналъ, что у васъ садовникъ дѣлаетъ такихъ прекрасныхъ корзинокъ; естьли можно было васъ безпокоить, то я бы просилъ васъ покорнѣйше, чтобъ вы мнѣ сдѣлали одолженіе заказать у него двухъ, немного болѣе, нежели того, который вы прислали съ вишнями, а одной овальной въ два больше, какъ этихъ, а что слѣдуетъ за нихъ, я буду за работу съ удовольствіемъ ему заплатить, но послѣдній прошу заказать съ дугою. Моя жена и я свидѣтельствуемъ вамъ и почтеннѣйшей супругѣ вашей наше нижайшее почтеніе. Въ прочемъ желая вамъ совершенное здоровье и благополучіе, имѣю честь пробыть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію вашь, милостивый государь, покорнѣйшій слуга Егоръ Зельднеръ. P. S. Я теперь тоже перешелъ въ гимназію и живу тамъ, гдѣ прежде жилъ профессоръ Миллеръ, когда вамъ эта квартира извѣстна. 1822 года 8 ноября. Нѣжинъ».

Болѣзнь, о которой пишетъ въ этомъ письмѣ Зельднеръ, приключилась съ Гоголемъ осенью 1822 года. Въ письмѣ отъ 10-го октября 1822 года Николай Васильевичъ сообщаетъ родителямъ: «Извините, что столь долгое время не могъ писать къ вамъ. Причиною сему было, что я опасно былъ боленъ; но теперь уже почти выздоровѣлъ». Въ этомъ же письмѣ мальчикъ проситъ своихъ родителей вспомнить обѣщаніе прислать сушеныхъ вишенъ безъ косточекъ. Корзины, въ которыхъ прислали изъ Васильевки эти вишни, соблазнили Зельднера и, кажется, вызвали въ немъ желаніе сообщить Василію Аѳанасьевичу о его сынѣ.

III.

Къ психологіи дѣтства Гоголя: основное настроеніе его душевныхъ переживаній; отношеніе къ товарищамъ, значеніе мистификаціи въ его жизни. — Исторія внѣшнихъ успѣховъ Гоголя въ школѣ, театрѣ и литературѣ. — Ростъ духовной личности Гоголя.—Смерть отца.—Значеніе игры въ дѣтствѣ Гоголя.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1825 года умеръ Василій Аѳанасьевичъ Гоголь. Его смерть была самымъ значительнымъ и самымъ тяжелымъ событіемъ въ исторіи внутренней жизни Николая Васильевича въ гимназическіе годы. Она застала его въ періодъ формировки характера, выработки нѣкоторыхъ убѣжденій и правилъ жизни и завершила этотъ процессъ. Гоголь изъ отрока сталъ юношей; беззаботность въ сферѣ жизненныхъ отношеній замѣнилась серьезнымъ настроеніемъ; жизнь напомнила юношѣ объ обязанностяхъ, потребовала отъ него извѣстнаго отношенія къ нимъ и заставила его глубже и серьезнѣе взглянуть на окружающее. Эту перемѣну сознавалъ самъ Гоголь, и она рѣзко отразилась на его письмахъ измѣненіемъ тона и содержаніемъ переписки. Мы—въ правѣ выдѣлить періодъ жизни Гоголя со дня поступленія въ гимназію до смерти отца и подвергнуть его разсмотрѣнію. Вообще въ томъ возростѣ, о которомъ мы будемъ говорить, возростѣ отъ 11-ти до 16-ти лѣтъ, исчезаетъ хаосъ общихъ чертъ и настроеній, характеризующихъ не лицо, а только возростъ, и проявляется индивидуальность, особенность природы. Гоголь развивался гораздо быстрѣе, чѣмъ средній мальчикъ, и созрѣлъ раньше сверстниковъ. Конечно, мы не въ состояніи возсоздать внутренній міръ мальчика-Гоголя за это время; мы можемъ лишь намѣтить нѣкоторыя черты характера, которыя отличали Гоголя во все время его жизни, нѣкоторыя настроенія, которыя стали основными, нѣкоторыя склонности, которыя проводили его до могилы. Быть можетъ, намъ удастся уловить тѣ внутренніе мотивы, которые направляли его жизнь въ то время и сохранили свою силу и въ зрѣломъ возростѣ. Конечно, въ началѣ они могли и не сознаваться, и лишь съ теченіемъ времени становились сознательными.

Источниками нашихъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ жизни Николая Васильевича (1821—1825 гг.) являются его письма домой и разсказы его школьныхъ товарищей. Письма, конечно, важнѣе воспоминаній: послѣднія писались, спустя слишкомъ долгій промежутокъ послѣ событій, о которыхъ идетъ рѣчь; они окрашены иногда въ субъективный тонъ, и не на все въ нихъ можно положиться. Матеріалъ, доставляемый письмами, достовѣрнѣе, но, къ сожалѣнію, онъ слишкомъ скуденъ. Николай Васильевичъ не писалъ о своей внутренней жизни и вообще избѣгалъ въ письмахъ всего, что могло бы встревожить его родителей. Содержаніе писемъ инте-

Портретъ Гоголя, рисованный карандашемъ съ натуры извѣстнымъ художникомъ А. А. Ивановымъ, въ Римѣ.

Доз. ценз. 18 янв. 1902 г. спб.

ресующаго насъ періода сводится къ сообщеніямъ о новостяхъ гимназической жизни, нерѣдкимъ просьбамъ о высылкѣ различныхъ книгъ, съѣстныхъ припасовъ и денегъ. При чтеніи многочисленныхъ просьбъ о высылкѣ денегъ всегда чувствуется, во-первыхъ, то, что пишущій не сознаетъ въ себѣ права на деньги, и, во-вторыхъ, что деньги, очевидно, цѣнились въ семьѣ Гоголей и давались съ трудомъ. Гоголь почти никогда не обращается съ прямыми и краткими просьбами. Онъ начинаетъ иногда издалека, описываетъ свои нужды и полувопросительно говоритъ о деньгахъ. «Еще ежели бы вы прислали денегъ мнѣ, потому что моя казна вся истощилась»... «Прошу васъ прислать мнѣ сколько нибудь денегъ, потому что у меня онѣ вовсе сошли, такъ что я найдусь принужденнымъ занять; да и взаймы достать негдѣ; а мнѣ надо ужасно, а особенно въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ»... «Такъ, ежели можно... прислать немного денегъ. Сдѣлайте милость, не откажите въ этой просьбѣ». Изрѣдка Гоголь справляется о своихъ домашнихъ и родныхъ и передаетъ имъ поклоны. Лишь въ немногихъ мѣстахъ Гоголь отступаетъ отъ принятаго имъ описательнаго или просительнаго тона и сообщаетъ нѣсколько цѣнныхъ данныхъ для исторіи его внутренняго роста.

До поступленія въ нѣжинскую гимназію Гоголь росъ въ своемъ родномъ домѣ, въ сѣрой обстановкѣ помѣщичьей семьи средней руки. Отецъ и мать—люди среднихъ дарованій, средняго, обычнаго уровня въ взглядахъ на жизнь. Если бы у нихъ не было знаменитаго сына, то ихъ имена исчезли бы въ мракѣ неизвѣстности, и, смѣемъ думать, даже исторія украинской литературы не отмѣтила бы на своихъ страницахъ значенія Гоголя-отца въ исторіи малорусскаго театра. Біографы Николая Васильевича Гоголя взяли на себя задачу доказать, что у замѣчательнаго сына должны были быть и очень замѣчательные родители, но мы не намѣрены здѣсь заниматься вопросомъ объ обстановкѣ дѣтской жизни Гоголя и отсылаемъ читателя къ нашей статьѣ «О первыхъ вліяніяхъ», имѣющей появиться въ «Литературномъ Вѣстникѣ» 1902 года. Здѣсь мы намѣтимъ только важнѣйшее изъ того, что принесъ съ собой Гоголь въ школу. Изъ родного дома Гоголь получилъ любовь къ книгѣ и литературѣ и вынесъ убѣжденіе, что литература имѣетъ извѣстное значеніе. Для него было и этого достаточно. Для насъ неважно знать, какое значеніе признавали за литературой его родители, какіе пробѣлы восполняло чтеніе въ ихъ жизни, съ какой оцѣнкой подходили они къ литературнымъ произведеніямъ. Во всякомъ случаѣ, въ домѣ Гоголей книга считалась вещью, имѣющей извѣстную цѣнность. Андрей Андреевичъ Трощинскій въ находящемся въ нашемъ распоряженіи письмѣ къ Марьѣ Ивановнѣ Гоголь отъ 12-го апрѣля 1813 года писалъ: «Весьма похвально, что вы занимаетесь въ досужее время чтеніемъ полезныхъ книгъ. Жаль

только того, что въ походной моей библіотекѣ немного находится такихъ, которыя относятся къ образованію вкуса, сердца и разума. Мнѣ помнится, что Василій Аѳанасьевичъ имѣлъ намѣреніе запастись сего рода книгами; но, повидимому, крѣпится денежными на то издержками. Со временемъ, однакожъ, я надѣюсь, что онъ лучше вразумится отъ меня о необходимости имѣть у себя избранную библіотеку и о существенной пользѣ, пріобрѣтаемой въ общежитіи, а особливо при воспитаніи дѣтей молодцевъ-сыновей, которыхъ обязанъ онъ обще съ вами готовить на службу царю и отечеству». Театральныя представленія и сценическіе успѣхи Василія Аѳанасьевича и отчасти Марьи Ивановны способствовали зарожденію въ сынѣ страсти къ театру и воспитывали его комизмъ, который родился вмѣстѣ съ нимъ. Здѣсь не мѣсто останавливаться на томъ, при какихъ условіяхъ и въ какой обстановкѣ Василій Аѳанасьевичъ удовлетворялъ своей страсти къ сценѣ. Въ томъ же письмѣ, изъ котораго мы только что привели отрывокъ, А. А. Трощинскій пишетъ: «Весьма также васъ похваляю за доставленное вами благодѣтелю нашему (т. е. Дмитрію Прокофьевичу Трощинскому, на домашнемъ театрѣ котораго отличался отецъ Гоголя) семейное удовольствіе въ принятіи на себя обязанностей по театральнымъ представленіямъ, кои въ согласномъ семейственномъ быту, наипаче для стариковъ, въ большомъ свѣтѣ жившихъ, доставляютъ забавное времяпрепровожденіе».

И такъ своей семьѣ и своимъ родителямъ Гоголь въ большой мѣрѣ обязанъ своей любовью къ книгѣ и къ сценической игрѣ. Но семья и родители дали ему не только это. Изъ дома въ школу мальчикъ принесъ сознаніе объективной цѣнности и значительности своей личности. И мать, и отецъ чрезвычайно любили своего сына, на рукахъ носили его; они ждали отъ него такъ много, носились съ нимъ. Конечно, въ нихъ говорила беззавѣтная любовь къ сыну скорѣе, чѣмъ убѣжденіе, вынесенное изъ наблюденія надъ дарованіями мальчика. Впослѣдствіи Гоголь писалъ о своемъ воспитаніи матери. «Вы употребляли все стараніе воспитать меня какъ можно лучше; но, къ несчастію, родители рѣдко бываютъ хорошими воспитателями своихъ дѣтей. Вы были тогда еще молоды, въ первый разъ имѣли дѣтей, въ первый разъ имѣли съ ними обращеніе, и такъ могли ли вы знать, какъ именно должно приступить, что именно нужно? Я помню: я ничего сильно не чувствовалъ, я глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ». Марья Ивановна всегда расточала похвалы своему сыну передъ каждымъ собесѣдникомъ, и Николай Васильевичъ въ письмахъ зрѣлаго возроста не разъ упрекалъ ее въ этомъ и пробовалъ убѣдить ее въ неумѣстности похвалъ. О томъ, какое впечатлѣніе производили разговоры Марьи Ивановны о сынѣ, видно изъ слѣдующаго любо-

пытнаго отрывка изъ письма Василія Яковлевича Ломиковскаго къ Ивану Романовичу Мартосу [1]). Ломиковскій, повидимому, близко зналъ семью Гоголей и тотъ кругъ сосѣдей, въ которомъ они вращались. Письмо написано 9 января 1830 года, послѣ того какъ Николай Васильевичъ совершилъ неудачное путешествіе за границу. Сужденіе Ломиковскаго о Гоголѣ, его матери и А. А. Трощинскомъ очень характерно и оставалось незамѣченнымъ изслѣдователями Гоголя. Въ виду его интереса позволяемъ себѣ привести это мѣсто все цѣликомъ, хотя для нашей цѣли достаточно было бы нѣсколькихъ строкъ изъ него. «Марья Ивановна весьма ошиблась заключеніями своими о геніальномъ мужѣ, сынѣ ея Никошѣ; онъ, бывъ выпущенъ изъ нѣжинскаго училища, нигдѣ не захотѣлъ служить, какъ въ одномъ изъ министерствъ, и отправился въ столицу съ великими намѣреніями и вообще съ общеполезными предпріятіями, во-первыхъ, сообщить матушкѣ не менѣе 6.000 рублей денегъ, кои онъ имѣетъ получить за свои трагедіи; во-вторыхъ, исходатайствовать Малороссіи увольненіе отъ всѣхъ податей. Таковыя способности восхищали матушку, и она находитъ любимой разговоръ свой разсказами о необыкновенныхъ дарованіяхъ Никоши. Едва Никоша прибылъ въ столицу, какъ началъ просить у матушки денегъ, коихъ она переслала выше состоянія; наконецъ, она, думаю, не безъ помощи А. А. (т. е. Андрея Андреевича Трощинскаго) собрала 1.500 рублей для заплаты процентовъ въ банкъ; для исполненія сего вѣрнѣе человѣка не могла найти матушка, какъ сына своего, и тѣмъ вѣрнѣе было сіе, что сыново же имѣніе находится подъ залогомъ. Геній Никоша, получивъ такой купъ, зѣло возрадовался и поѣхалъ съ сими деньгами вояжировать за границу, но, увидѣвши границу, издержалъ всѣ деньги и возвратился вспять въ столицу.... Андр. Андр., будучи еще въ Кибенцахъ, узнавъ о такихъ подвигахъ Никоши, сказалъ: «мерзавецъ! Не будетъ съ него добра».... Теперь же Никоша пишетъ къ матушкѣ: «я удивляюсь, почему хвалятъ Петербургъ, городъ сей превозносятъ болѣе, чѣмъ заслуживаетъ, и я, любезная маменька, намѣренъ ѣхать въ Соединенные Штаты и прочее тому подобное».

Нужно замѣтить, что Марья Ивановна, разсказывая постоянно о дорогомъ Никошѣ, имѣла привычку читать его письма и въ своихъ письмахъ къ роднымъ пересказывать ихъ содержаніе. Свидѣтельство Ломиковскаго относится сравнительно къ послѣднему времени, но нѣтъ сомнѣнія, что родители съ самаго ранняго дѣтства такъ относились къ своему сыну.

[1]) «Кіевская Старина», 1898, іюнь—августъ, стр. 122. Въ перепискѣ Ломиковскаго встрѣчается немало любопытныхъ данныхъ для характеристики помѣщичьей среды 20-хъ годовъ, см. о Ломиковскомъ «Кіевск. Стар.», 1897, ноябрь, стр. 41, и Шенрокъ, Матеріалы, IV, 315.

Окруженный любовью своихъ родныхъ, постоянно разсказывающихъ ему о необыкновенныхъ способностяхъ, необыкновенномъ будущемъ, мальчикъ привыкъ въ своемъ сознаніи оцѣнивать себя очень высоко и выдѣлять изъ среды своихъ сверстниковъ. Но Гоголь былъ не изъ тѣхъ людей, которые высказываютъ свои затаенныя мысли; сознаніе своего превосходства онъ носилъ въ себѣ и рѣдко, рѣдко проговаривался о немъ. Конечно, тутъ вліяло и отношеніе его товарищей къ нему. Въ то время, какъ всѣ были увѣрены и предсказывали, что Никошѣ предстоитъ блестящая будущность, что онъ необыкновенный мальчикъ, въ школѣ товарищи, не знавшіе и не имѣвшіе никакой возможности знать о будущемъ Никоши, относились къ нему въ лучшемъ случаѣ безразлично. «Николай Васильевичъ, вспоминалъ впослѣдствіи А. С. Данилевскій, долго казался заурядным мальчикомъ.... Надъ нимъ много смѣялись, трунили». Другой товарищъ Артыновъ говоритъ о Гоголѣ: «Вообще Гоголь былъ самая обыкновенная посредственность, и никому изъ насъ въ голову не приходило, чтобы онъ могъ впослѣдствіи прославиться на поприщѣ русской литературы» [1]). Итакъ, юные товарищи Гоголя не знали о немъ того, что онъ самъ зналъ о себѣ; они упорно отказывались признать за нимъ право на превосходство. Какъ же, однако, относился къ нимъ мальчикъ? Не отсюда ли ведетъ свое начало одиночество и скрытность мальчика-Гоголя, оставшіяся за нимъ на всю жизнь и достовѣрно засвидѣтельствованныя? П. А. Кулишъ характеризуетъ мальчика-Гоголя въ слѣдующихъ часто приводимыхъ строкахъ: «Онъ любимецъ своихъ товарищей, которыхъ привлекала къ нему его неистощимая шутливость, но между ними немногихъ только, и самыхъ лучшихъ по нравственности и способностямъ, онъ избираетъ въ товарищи своихъ ребяческихъ затѣй, прогулокъ и любимыхъ бесѣдъ, и эти немногіе пользовались только въ нѣкоторой степени его довѣріемъ. Онъ многое отъ нихъ скрывалъ, повидимому, безъ всякой причины, или облекалъ таинственнымъ покровомъ шутки. Рѣчь его отличалась словами малоупотребительными, старинными или насмѣшливыми; но въ устахъ его все получало такія оригинальныя формы, которыми нельзя было не любоваться. У него все перерабатывалось въ горнилѣ юмора. Слово его было такъ мѣтко, что товарищи боялись вступать съ нимъ въ состязаніе».

Эта страдающая излишнимъ догматизмомъ характеристика мальчика-Гоголя, основанная на неизвѣстныхъ для насъ данныхъ, врядъ ли вѣрна дѣйствительности. Совершенно произвольно утвержденіе о томъ, будто Гоголь выбиралъ въ свои товарищи немногихъ, лучшихъ по нравственности или способностямъ. Ближайшими школь-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1877, № 10, стр. 191.

ными товарищами были А. С. Данилевскій, Барановъ, земляки и сосѣди по деревнямъ. Невѣрно также утвержденіе П. А. Кулиша, будто Гоголь былъ любимцемъ своихъ товарищей, которыхъ привлекала къ нему его неистощимая шутливость. Воспоминанія В. И. Любича-Романовича, печатаемыя вслѣдъ за этой статьей, ясно рисуютъ отношенія большинства школьниковъ къ Гоголю; въ нихъ, быть можетъ, даже слишкомъ густо наложена краска. «Благодаря его неряшливости, мы всѣ брезговали подавать ему руки при встрѣчѣ въ классѣ... Николай Васильевичъ жилъ среди насъ какимъ-то анахоретомъ и дружбы ни съ кѣмъ не велъ, вѣчно оставаясь одинъ... Жизнь Николая Васильевича въ школѣ была въ сущности адомъ... Надъ всѣмъ мы смѣялись, во всемъ у него находили недостатки, отрицали въ немъ всякое дарованіе и стремленіе къ самообразованію, къ наукамъ». Въ такомъ отношеніи товарищей къ Гоголю играли извѣстную роль и чувство брезгливости отъ неприглядности и неряшливости Николая Васильевича и чувство аристократической заносчивости. Большинство изъ нихъ были дѣтьми аристократовъ, а Николай Васильевичъ былъ сынъ мелкаго малороссійскаго помѣщика. Наконецъ, П. А. Кулишъ говоритъ о томъ, что шутливость Гоголя привлекала къ нему его товарищей. Врядъ ли это вѣрно; насмѣшка была сильнымъ оружіемъ въ рукахъ Гоголя. Даже мягкій и добрый А. С. Данилевскій также замѣчаетъ нѣкоторую враждебность и насмѣшливость въ отношеніяхъ Гоголя къ товарищамъ. «Онъ относился къ товарищамъ, говоритъ А. С. Данилевскій, саркастически, любилъ посмѣяться и давалъ прозвища».

Какія же другія могли быть отношенія у Гоголя, таившаго въ себѣ сознаніе большого будущаго и вѣру въ себя, и у сверстниковъ, которые считали его заурядным мальчикомъ и думали объ играхъ? «Въ тѣ годы, писалъ Николай Васильевичъ въ «Авторской исповѣди», когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ (а задумываться о будущемъ я началъ рано, въ ту пору, когда всѣ мои сверстники думали еще объ играхъ), мысль о писательствѣ мнѣ никогда не входила въ умъ, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій, и что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра.... Первые мои опыты, первыя упражненія въ сочиненіяхъ, къ которымъ я получилъ навыкъ въ послѣднее время пребыванія моего въ школѣ, были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ. Ни я самъ, ни сотоварищи мои, упражнявшіеся вмѣстѣ со мной въ сочиненіяхъ, не думали, что мнѣ придется быть писателемъ комическимъ и сатирическимъ, хотя, несмотря на мой меланхолическій отъ природы характеръ, на меня часто находила охота шутить и даже надоѣдать другимъ моими шутками, хотя въ самыхъ раннихъ сужденіяхъ моихъ о людяхъ находили умѣнье замѣчать тѣ особенности, которыя ускользаютъ отъ вниманія другихъ

людей, какъ крупныя, такъ мелкія и смѣшныя. Говорили, что я умѣю не то, что передразнить, но угадать человѣка, то-есть угадать, что онъ долженъ въ такихъ случаяхъ сказать съ удержаніемъ самаго склада его мыслей и рѣчей».

Гоголя всю его жизнь не покидало сознаніе субъективной значительности и объективной важности того, что совершалось въ его душѣ. Это была та тайна, которую онъ носилъ въ себѣ до могилы. Припомните его страстныя мольбы о помощи, направленныя къ друзьямъ именно во имя вѣры въ то, что всегда было въ его душѣ. Въ дѣтствѣ мальчика должно было поразить то противорѣчіе, въ которомъ находилась его душа съ сознаніемъ великой тайны въ себѣ, къ тѣмъ душамъ, которыя онъ могъ наблюдать и которыя ничего не хранили въ себѣ. Отсюда противоположность тѣхъ оцѣнокъ, которыя онъ дѣлалъ себѣ и имъ; отсюда одиночество, которое проводило его до могилы. Могъ ли онъ искренно относиться къ своимъ товарищамъ? Если онъ чувствовалъ ту противоположность между собой и ими, которую мы только что охарактеризовали, то какъ онъ долженъ былъ отвѣтить на вопросъ: заслуживали ли и способны ли они были оцѣнить его искренность? Товарищи смѣялись и трунили надъ нимъ; онъ платилъ имъ тою же монетой. По всей вѣроятности, онъ всегда чувствовалъ къ нимъ еще нѣкоторую долю презрѣнія. Не презрѣніемъ ли дышатъ эти строки изъ письма къ Высоцкому отъ 26 іюня 1827 года: «Какъ тяжко быть зарыту вмѣстѣ съ созданьями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія, высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться... Изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда, кому бы сказать что нибудь».

Окружавшая Гоголя среда, которую онъ въ глубинѣ души считалъ ниже себя, была для него предметомъ наблюденій, и эти товарищи, смѣявшіеся и трунившіе надъ нимъ, сдѣлались неистощимымъ предметомъ для шутокъ. Если обратить вниманіе на характеръ этихъ шутокъ, придется отмѣтить въ нихъ долю злорадства и далеко не дружелюбное отношеніе Гоголя къ своимъ сверстникамъ. Вспомните эти приводимые во всѣхъ біографіяхъ стихи маленькаго Гоголя на Бороздина, прозваннаго имъ же за низкую стрижку волосъ Разстригою Спиридономъ. «Вечеромъ, въ день именинъ Бороздина, 12-го декабря, Гоголь выставилъ въ гимназической залѣ транспарантъ собственнаго издѣлія, съ изображеніемъ чорта, стригущаго дервиша, съ слѣдующимъ акростихомъ:

«Се образъ жизни нечестивой,
Пугалище (дервишей) всѣхъ,
Инокъ монастыря,
Разстрига, сотворившій грѣхъ.

И за сіе-то преступленье
Досталъ онъ титулъ сей.
О чтецъ! имѣй терпѣнье,
Начальныя слова въ устахъ запечатлѣй!»

Или вотъ еще одна шутка. Гоголь увѣрялъ одного изъ своихъ товарищей въ томъ, что у него не человѣческіе, а бычачьи глаза, и увѣрялъ до того, что довелъ его до легкой степени помѣшательства. Въ это время, по всей вѣроятности, чувство презрѣнія къ средѣ нашло исходъ.

Понятны причины того духовнаго одиночества, которое еще въ дѣтствѣ чувствовалъ Гоголь. «Недовѣрчивый ни къ кому, писалъ о себѣ Гоголь дядѣ въ 1827 году, скрытный, я никому не повѣрялъ своихъ тайныхъ помышленій, не дѣлалъ ничего, что бы могло выявить глубь души моей. Да и кому бы я повѣрилъ и для чего бы высказалъ себя? Не для того ли, чтобы смѣялись надъ моимъ сумасбродствомъ, чтобы считали пылкимъ мечтателемъ, пустымъ человѣкомъ? Никому, и даже изъ своихъ товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно достойныхъ. Я не знаю, почему я проговорился теперь передъ вами... Ежели же вы и не поучаствуете мнѣ, по крайней мѣрѣ, вы затаите мое письмо, такъ же, какъ я таилъ въ себѣ одномъ свои упрямыя предначертанія. Доказательствомъ сему можетъ (смыслъ неясенъ!) -- во все время бытія моего съ вами я ни разу не давалъ себя узнать, занимался игрушками и никогда почти не заводилъ рѣчи о выборѣ будущей моей службы, о моихъ планахъ и проч.». Но одиночество рождаетъ чувство необыкновенной грусти. Всѣхъ знавшихъ Гоголя всегда поражало удивительное сочетаніе меланхоліи, грусти и юмора. «Смѣхъ сквозь слезы» — обычная характеристика его юмора. И въ дѣтскіе годы Гоголь отличался меланхолическимъ характеромъ. Уже въ одномъ изъ первыхъ классовъ онъ излилъ свой лиризмъ въ трогательной балладѣ о судьбѣ двухъ рыбокъ -- двухъ братьевъ, о которой вспоминалъ Н. Я. Прокоповичъ.

При такомъ отношеніи къ товарищамъ, которые были въ его глазахъ ничтожными «существованіями», у мальчика утрачивалось сознаніе значенія искренности въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ. Вѣдь послѣдніе все равно не поймутъ той тайны, что есть въ душѣ, а самое значительное въ жизни — это именно ношеніе въ себѣ тайны и сознанія своего значенія. Если не поймутъ и не раздѣлятъ его думъ, то не удобнѣе ли замѣнить искренность игрой? Не все ли равно, если будутъ спрашивать о мотивахъ того или другого рѣшенія и поступка, привести одинъ мотивъ вмѣсто другого? Не все ли равно, если въ разсказѣ о томъ, что было, ввести то, чего не было? Отсюда — страсть къ мистификаціи, отличительная черта гоголевской психологіи. Мы уже приводили разсказъ Кукольника о томъ, какъ Гоголь

симулировалъ помѣшательство, желая избавиться отъ наказанія. Товарищи за наклонность къ мистификаціи называли его «таинственный Карла». Въ жизни Гоголя было немало мистификацій, иногда совершенныхъ съ какой нибудь цѣлью, иногда совсѣмъ безцѣльныхъ. Сколько было мистификаціи въ эпизодѣ съ поѣздкой Гоголя за границу! Стоитъ вспомнить объ исторіи тѣхъ писемъ, которыя получала отъ него мать изъ-за границы въ то время, какъ ея сынъ проживалъ въ Москвѣ. Не характерно ли, что мистификація является сюжетомъ главнѣйшихъ произведеній Гоголя? Наконецъ, стоитъ привести любопытный разсказъ объ одной поѣздкѣ Гоголя, Данилевскаго и Пащенка, тоже школьнаго товарища. «Пащенко ѣхалъ впереди и разсказывалъ, что за нимъ ѣдетъ ревизоръ, скрывающій цѣль своей поѣздки. Когда Гоголь съ Данилевскимъ появлялись на станціяхъ, ихъ принимали всюду съ необычайной любезностью и предупредительностью. Въ подорожной Гоголя значилось: адъюнктъ-профессоръ, что принималось обыкновенно сбитыми съ толку смотрителями чуть ли не за адъютанта его императорскаго величества. Гоголь держалъ себя, конечно, какъ частный человѣкъ, но какъ будто изъ простого любопытства спрашивалъ: «покажите, пожалуйста, если можно, какія здѣсь лошади; я бы хотѣлъ посмотрѣть ихъ» и пр.».

Гоголь не считалъ нужнымъ дѣлиться своими мыслями съ товарищами отчасти потому, что считалъ ихъ недостойными, отчасти потому, что они отвѣтили бы на его искренность насмѣшками и издѣвательствомъ. И безъ того ихъ много пришлось на его долю въ той маленькой борьбѣ за жизнь, которая шла въ школѣ. Предъ окончаніемъ курса Николай Васильевичъ писалъ матери: «Я больше поиспыталъ горя и нуждъ, нежели вы думаете; я нарочно старался у васъ всегда, когда бывалъ дома, показывать разсѣянность, своенравіе и проч., чтобы вы думали, что я мало обтерся, что мало былъ прижимаемъ зломъ. Но врядъ ли кто вынесъ столько неблагодарностей, несправедливостей, глупыхъ, смѣшныхъ притязаній, холоднаго презрѣнія и проч.... Нѣтъ, я слишкомъ много зналъ людей, чтобы быть мечтателемъ». Гоголю, за которымъ никто изъ товарищей не признавалъ значительности его душевныхъ переживаній, самолюбивому мальчику нужно было искать арену, на которой бы онъ могъ показать свое превосходство. И онъ нашелъ ее. Кромѣ ученія, жизнь гимназіи заполняли еще литературныя занятія и театральныя представленія. И въ этой сферѣ тѣ наблюденія, которыя онъ привезъ съ собой изъ дома, помогли выдѣлиться и руководить своими товарищами, заявить надъ ними свое превосходство, отъ котораго онъ былъ далекъ въ ученіѣ.

Учебныя занятія были самой незначительной стороной гимназической жизни Гоголя. Подходящимъ опредѣленіемъ его отношенія къ школьному знанію и ученію будетъ сказать, что онъ не обращалъ вниманія на ученіе. Намъ извѣстны его отмѣтки, но, право,

о нихъ не стоитъ и говорить: до того жалокъ этотъ матеріалъ для біографіи Гоголя. Обязательныя занятія стояли у мальчика на второмъ планѣ. По обычной школьной терминологіи, онъ плохо учился и плохо велъ себя. Одинъ изъ его учителей, Кулжинскій, въ 1854 году, вспоминалъ о Гоголѣ: «Онъ учился у меня три года и ничему не научился, какъ только переводить первый параграфъ изъ христоматіи при латинской грамматикѣ Кошанскаго: Universus mundus plerumque distribuitur in duas partes, coelum et terram (за что и былъ прозванъ вмѣстѣ съ другими латинистами Universus mundus). Во время лекцій, Гоголь всегда, бывало, подъ скамьею держитъ какую нибудь книгу, не обращая вниманія ни на coelum, ни на terram. Надобно признаться, что не только у меня, но и у другихъ товарищей моихъ онъ, право, ничему не научился. Школа пріучила его только къ нѣкоторой логической формальности и послѣдовательности понятій и мыслей, а болѣе ничѣмъ онъ намъ не обязанъ... Гоголя знали только, какъ лѣниваго, хотя, повидимому, не бездарнаго юношу, который не потрудился даже научиться русскому правописанію». Отзывъ Орлая въ приведенномъ раньше письмѣ, повидимому, очень близокъ къ правдѣ. «Жаль, что вашъ сынъ иногда лѣнится, но когда принимается за дѣло, то и съ другими можетъ поравняться, что и доказываетъ его отличныя способности». Поведеніе Гоголя оставляло желать многаго, съ обычной педагогической точки зрѣнія. Смѣшно читать записи въ журналѣ: «13-го декабря Яновскій за дурныя слова стоялъ въ углу, того же числа за неопрятность стоялъ въ углу, 19-го декабря Яновскій за лѣность былъ безъ обѣда и въ углу, 20-го декабря Яновскій за то, что занимался во время класса священника съ игрушками, былъ безъ чая». Самъ Гоголь мало писалъ о томъ, какъ идетъ его ученіе; вообще онъ въ это время не любилъ писать и рѣдко сообщалъ о томъ, что ему не удавалось. Въ письмахъ интересующаго насъ періода жизни о школьныхъ успѣхахъ Николая Васильевича мы встрѣтили только стереотипныя фразы: «Слава Богу, учусь со всѣмъ стараніемъ; стараюсь всѣми силами учиться и вести себя хорошо; увѣдомляю васъ, что я учусь хорошо, по крайней мѣрѣ, сколько дозволяютъ силы».

Не чувствуя никакой склонности къ ученію, Гоголь съ первыхъ лѣтъ своего пребыванія въ школѣ интересовался необязательными занятіями. Уже въ первыхъ письмахъ домой начинаются запросы родителямъ: «Если угодно вамъ будетъ, чтобъ я учился танцовать и играть на скрипкѣ и фортепіано, такъ извольте заплатить 10 рублей въ мѣсяцъ. Я уже подписался, хотѣвъ учиться на сихъ инструментахъ, также и танцовать, но не знаю, какъ вамъ будетъ угодно» (отъ 10-го декабря 1821 года). Но больше всего успѣховъ сдѣлалъ Николай Васильевичъ въ рисованіи, и въ этой сферѣ онъ одержалъ, кажется, первую побѣду надъ своими товарищами, показавъ

имъ свое превосходство надъ ними. Гоголь съ ранняго дѣтства любилъ рисовать, эта привычка сохранилась на всю жизнь. «Я всегда чувствовалъ маленькую страсть къ живописи»,—говорилъ онъ самъ о себѣ. Въ Нѣжинской гимназіи нашелся хорошій учитель рисованія, человѣкъ, необыкновенно преданный своему искусству, К. С. Павловъ. Онъ направлялъ желанія мальчика и способствовалъ его развитію. Уже на третій годъ своего пребыванія въ школѣ онъ рисовалъ пастелью картинки. Онъ отсылалъ ихъ домой, и ему доставляло большое удовольствіе говорить о своихъ успѣхахъ въ живописи. «Извините, что я вамъ не посылалъ картинъ,—пишетъ онъ 22-го января 1824 года.—Вы, видно, не поняли, что я вамъ говорилъ: потому что эти картины, которыя я вамъ хочу послать, были рисованы пастельными карандашами, и не могутъ никакъ для пробыть, чтобъ не потереться, ежели сейчасъ не вставить въ рамки; и для того прошу васъ и повторяю прислать мнѣ рамки такой величины, какъ я вамъ писалъ, т. е. двѣ такихъ, которыя бы имѣли $^3/_4$ аршина въ длину и $^1/_2$ аршина въ ширину, а одну такую, которая бы имѣла $1^1/_4$ длины и $^3/_4$ ширины, да еще маленькихъ двѣ $^1/_4$ и 2 вершка длины и $^1/_4$ ширины». Въ этомъ же письмѣ Гоголь пишетъ: «Ежели бы вы увидѣли, какъ я теперь рисую! (Я говорю о себѣ безъ всякаго самолюбія)». Въ письмѣ безъ даты, отнесенномъ издателями къ концу 1824 года, Гоголь пишетъ: «Я трудился долго и наконецъ успѣлъ нарисовать 3 картины, а 4-ю еще только что началъ, и можно сказать, что стоитъ чего нибудь. Ежели бъ вы ихъ повидѣли, то, вѣрно бы, не могли повѣрить, что я рисовалъ... Прошу васъ покорнѣйше заказать рамки... Вы, я думаю, не допустите погибнуть столько себя прославившимъ рисункамъ».

Другимъ поприщемъ, на которомъ честолюбіе Николая Васильевича могло находить удовлетвореніе, были сценическія представленія. Здѣсь Гоголь являлся первымъ лицомъ. Онъ пользовался своими впечатлѣніями, вынесенными изъ домашняго театра Трощинскаго, и указаніями своего отца, къ которому онъ обращался съ просьбами о полотнѣ, костюмахъ и другихъ нужныхъ пособіяхъ для театра. Онъ былъ не только актеромъ, но и декораторомъ, бутафоромъ и режиссеромъ. Между прочимъ онъ поставилъ и одну изъ комедій своего отца. Театръ при училищѣ возникъ въ 1827 году, но отдѣльныя представленія были гораздо раньше. Уже въ январѣ 1824 года Гоголь извѣщаетъ отца о томъ, что первой пьесой, которая пойдетъ у нихъ, будетъ «Эдипъ въ Аѳинахъ», трагедія Озерова, и обѣщаетъ сообщить, какъ онъ сыграетъ свою роль. По отзывамъ всѣхъ товарищей Гоголя, онъ былъ прекрасный актеръ. Мы выше приводили цитату изъ Гоголя о его способностяхъ копировать окружающихъ, «не то, что передразнить, но угадать, что человѣкъ долженъ въ такихъ и такихъ случаяхъ сказать, съ удержаніемъ самаго склада и образа его мыслей и рѣчей». Игра Гоголя не

была простой имитаціей; она была и творчествомъ. Гоголю особенно удавались роли комическія: онъ игралъ Василису въ пьесѣ Крылова «Урокъ дочкамъ», Простакову въ «Недорослѣ». На учениковъ гимназіи игра Николая Васильевича производила огромное впечатлѣніе: они всѣ думали, что Гоголь поступитъ на сцену, что у него громадный сценическій талантъ, что онъ затмилъ бы и знаменитыхъ комиковъ-артистовъ, если бы вступилъ на сцену. «Если бы онъ поступилъ на сцену, онъ былъ бы Щепкинымъ»,—говоритъ А. С. Данилевскій. Очевидно, первые театральные дебюты были удачны и выдвинули Гоголя впередъ. Въ концѣ 1824 года онъ, съ сознаніемъ собственнаго достоинства, писалъ отцу: «Сдѣлайте милость, объявите мнѣ, поѣду ли я домой на Рождество; то, по вашему обѣщанію, прошу мнѣ прислать роль. Будьте увѣрены, что я ее хорошо сыграю, чѣмъ я вамъ буду много благодаренъ».

Въ игрѣ Гоголя было много творчества и реализма. Вотъ разсказъ одного изъ товарищей объ игрѣ Гоголя: «Вотъ является дряхлый старикъ въ простомъ кожухѣ, въ бараньей шапкѣ и въ смазныхъ сапогахъ. Опираясь на палку, онъ едва передвигается, доходитъ крехтя до скамьи и садится. Сидитъ, трясется, крехтитъ, хихикаетъ и кашляетъ, да, наконецъ, захихикалъ и закашлялъ такимъ удушливымъ и сильнымъ старческимъ кашлямъ, съ неожиданнымъ прибавленіемъ, что вся публика грохнула и разразилась неудержимымъ смѣхомъ». Извѣстно, что Гоголь въ началѣ своей жизни въ Петербургѣ пытался пойти на сцену, держалъ даже экзаменъ и провалился: современная школа театральной игры, ходульной и неестественной, не могла бы помириться съ такими проблесками творчества и реализма.

Наконецъ, еще въ одной области Гоголь могъ развернуть свои дарованія—въ литературѣ. Въ вторую половину своего пребыванія въ гимназіи, Николай Васильевичъ особенно предавался литературной и журнальной дѣятельности, но начало ея падаетъ на первый, интересующій насъ періодъ жизни Гоголя въ гимназіи. Гоголь находился въ счастливыхъ условіяхъ: гимназія жила въ литературной атмосферѣ. «Литература процвѣтала въ нашей гимназіи, вспоминаетъ одинъ товарищъ Гоголя, и уже проявлялись таланты Гоголя, Кукольника, Николая Прокоповича, Данилевскаго, Родзянко и другихъ, оставшихся неизвѣстными по обстоятельствамъ ихъ жизни или рано сошедшихъ въ могилу». Нужно отмѣтить, что литературныя занятія не встрѣчали поощренія со стороны школы, и литературный интересъ не получалъ возбужденій на урокахъ словесности. «Профессоръ Никольскій о древнихъ и западныхъ литературахъ не имѣлъ никакого понятія. Въ русской литературѣ онъ восхищался Херасковымъ и Сумароковымъ: Озерова, Батюшкова и Жуковскаго находилъ недовольно классическими, а языкъ и мысли Пушкина тривіальными, сознавая, впрочемъ, ихъ гармонію».

Воспитанники гимназіи выписывали въ складчину журналы, и Гоголь былъ ихъ хранителемъ. «Книги выдавались библіотекаремъ для чтенія по очереди. Получавшій для прочтенія книгу долженъ былъ въ присутствіи библіотекаря усѣсться чинно на скамейку въ классной залѣ, на указанномъ ему мѣстѣ, а не вставать съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не возвратитъ книги. Этого мало: библіотекарь собственноручно завертывалъ въ бумажки большой и указательный пальцы каждому читателю, и тогда только ввѣрялъ ему книгу». Немало книгъ Гоголь выписывалъ изъ дома и изъ библіотеки Трощинскаго въ Кибинцахъ. Книги, которыя проситъ мальчикъ въ своихъ первыхъ письмахъ изъ школы, — различные учебники, но уже въ 1823 году онъ обращается съ просьбой выслать «Вѣстникъ Европы», въ 1824 году онъ проситъ прислать ему комедіи: «Бѣдность и благородство души», «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», «Богатонъ или провинціалъ въ столицѣ»; въ другомъ письмѣ этого же года онъ говоритъ о «Собраніи образцовыхъ сочиненій въ стихахъ». Не разъ встрѣчаются, кромѣ того, просьбы прислать книгъ «на дорогу для разогнанія скуки» во время поѣздки домой на каникулы.

До насъ не дошли первые литературные опыты Гоголя; у насъ есть только заключенія о нихъ его товарищей. По словамъ А. С. Данилевскаго, въ Нѣжинѣ Гоголь писалъ во вкусѣ Бестужева, и у него встрѣчались пышныя описанія природы, лѣса и т. п. Въ лицейскомъ журналѣ «Звѣзда», издававшемся Гоголемъ, была помѣщена его повѣсть «Братья Твердиславичи» (подражаніе повѣстямъ, появлявшимся въ тогдашнихъ современныхъ альманахахъ). Въ «Авторской исповѣди» Гоголь сообщилъ: «Первые мои опыты, первыя упражненія въ сочиненіяхъ были почти всѣ въ лирическомъ и серьезномъ родѣ». Но уже въ первые годы гимназической жизни съ этими вліяніями Марлинскаго и странныхъ повѣстей современныхъ альманаховъ начало бороться вліяніе поэзіи А. С. Пушкина. А. С. Данилевскій вспоминалъ о томъ, какъ онъ, Гоголь и Прокоповичъ собирались втроемъ и читали «Онѣгина» Пушкина, который выходилъ тогда по главамъ. Уже въ это время Гоголь восхищался Пушкинымъ. Въ письмѣ 1824 года Николай Васильевичъ пишетъ домой: «Вы писали мнѣ про стихи, которые я точно забылъ: 2 тетради со стихами и одна «Эдипъ», которыя, сдѣлайте милость, пришлите мнѣ скорѣе. Также вы писали про одну новую балладу и про Пушкина поэму «Онѣгина»; то прошу васъ, нельзя ли мнѣ и ихъ прислать? Еще нѣтъ ли у васъ какихъ нибудь стиховъ? то и тѣ пришлите». Судя по всѣмъ даннымъ, нужно признать, что первые опыты Гоголя были подражаніями произведеніямъ, переполнявшимъ современную литературу, подражаніями не по содержанію, а по «высокому» стилю. Намъ кажется, письмо Николая Васильевича отъ 13 іюня 1824 года, первое изъ сохра-

шившихся, представляетъ ясные слѣды литературныхъ занятій автора. До сихъ поръ письма Гоголя были извѣщеніями, ихъ стиль былъ дѣловымъ, безъ картинныхъ выраженій, безъ образовъ, безъ эпитетовъ. Въ этомъ письмѣ встрѣчаются литературныя фразы, отдѣланныя въ стилѣ того времени; уже съ этихъ поръ риторика начинаетъ вить гнѣздо въ произведеніяхъ Гоголя. «Я вамъ писалъ о пріятномъ путешествіи, которое мы скоро предпримемъ, о радостномъ нашемъ свиданіи, о удовольствіяхъ, которыя я буду вкушать. Развѣ это такой мелочный предметъ, который должно оставить безъ вниманія? Вѣрьте, любезные родители, что вся, такъ сказать, жизнь моя основана на этомъ. Сіе блаженное время я почитаю центромъ моихъ желаній, источникомъ моихъ удовольствій... Ожидаю со дня на день сего времени (отъѣзда). Уже вижу все милое сердцу, вижу васъ, вижу милую родину, вижу тихій Псёлъ, мерцающій сквозь легкое покрывало, которое я скоро сброшу, насладясь истиннымъ счастіемъ, забывъ протекшія быстро горести. Одна счастливая минута можетъ вознаградить за годы скорбей». Очевидно, Гоголь старался объ усвоеніи принятаго литературнаго стиля: письмо отъ 1 октября 1824 года, въ которомъ онъ поздравлялъ свою мать съ днемъ ангела, безукоризненно съ точки зрѣнія тѣхъ требованій, которыя предъявлялись въ то время стилю. Этотъ навыкъ писать очень помогъ Гоголю въ тѣхъ письмахъ, которыя онъ писалъ матери послѣ смерти отца.

Въ занятіяхъ литературныхъ и художественныхъ, на подмосткахъ гимназическаго театра, мальчикъ-Гоголь находилъ удовлетвореніе своему честолюбію и своему стремленію выдѣлиться и выказать свое превосходство надъ товарищами. Въ глубинѣ души онъ всегда чувствовалъ его, но его занимало и интересовало и выраженіе этого превосходства внѣ. Въ борьбѣ за первое мѣсто въ товарищеской средѣ совершался ростъ духовной личности Гоголя. Онъ очень рано почувствовалъ свои права на званіе большого человѣка. Въ январѣ 1824 года (когда ему еще не было 15 лѣтъ) онъ писалъ родителямъ: «Вы пишете, что я васъ не извѣщаю о томъ, что у насъ дѣлается и случается со мною. Позвольте мнѣ вамъ сказать, что мнѣ бы самому очень было любопытно знать, что дѣлается, какъ съ вами, такъ и съ посторонними лицами. Напримѣръ, къ величайшему моему сожалѣнію, узналъ я о смерти Василія Васильевича Капниста; но вы мнѣ объ этомъ ничего не сказали, какъ будто бы я еще о сію пору ребенокъ и еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, и будто бы на меня ничего нельзя положиться. Я думаю, дражайшій папенька, ежели бы меня увидѣли, то точно бы сказали, что я перемѣнился, какъ въ нравственности, такъ и въ успѣхахъ». Тяжелый ударъ, разразившійся надъ семьей Гоголя, только укрѣпилъ въ немъ сознаніе своей зрѣлости.

Василій Аѳанасьевичъ Гоголь умеръ въ первыхъ числахъ апрѣля 1825 года. Сына не сразу извѣстили о смерти отца. Марья Ива-

ловна не рѣшилась сообщить печальное извѣстіе прямо сыну и обратилась къ его товарищу Баранову съ просьбой приготовить его постепенно и потомъ уже объявить о несчастіи. Барановъ исполнилъ порученіе и писалъ Марьѣ Ивановнѣ 24 апрѣля 1825 года слѣдующее: «Милостивая государыня Марья Ивановна! Съ крайнимъ прискорбіемъ долженъ былъ принять на себя обязанность объявить сыну вашему о его несчастіи, но я не имѣлъ столько твердости духа, чтобы могъ самъ сказать ему объ этомъ, а поручилъ сіе одному изъ моихъ товарищей, приготовивъ напередъ его вашимъ письмомъ, а на второй день извѣстіемъ объ отчаянной болѣзни покойника, на третій день по утру онъ узналъ о постигшей смерти его родителя. Полагаясь на милосерднаго Бога, нимало не сомнѣвайтесь о здоровьѣ Николая Васильевича и о томъ, можетъ ли онъ безвредно перенести постигнія его непріятности. Онъ имѣетъ довольно разсудка, чѣмъ укрѣпиться твердостью духа, и хотя не съ совершеннымъ спокойствіемъ противостоять предназначенію судьбы; да притомъ и мы стараемся всячески развеселить и разсѣять его мысли. Онъ безпокоится только о вашемъ здоровьѣ и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ времени, въ которое можно будетъ увидѣть и утѣшить васъ въ горести. Препровождая при семъ письмо къ вамъ отъ Николая Васильевича... честь имѣю пребыть вашъ всепокорнѣйшій слуга П. Барановъ».

Въ приложенномъ къ этому посланію Баранова письмѣ Николая Васильевича поражаетъ обиліе риторическихъ фигуръ и изысканный риторическій стиль. Но не нужно подозрѣвать искренности горя мальчика; нужно только вспомнить, что онъ усвоилъ себѣ обычный стиль и, по требованіямъ этого стиля, не могъ иначе написать. Интересно признаніе 16-лѣтняго мальчика: «Ударъ сей я перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина. Правда, сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ; однакожъ не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ». И въ эту тяжелую минуту жизни мальчикъ остался вѣренъ себѣ, вѣренъ своему желанію не посвящать другихъ въ тайны своей души. Въ слѣдующихъ строкахъ письма, желая охарактеризовать свое состояніе, Гоголь беретъ одинъ моментъ изъ своихъ переживаній; и только потому, что онъ ограничивается однимъ моментомъ, кажется, что онъ не совсѣмъ искрененъ. «Оставшись же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего; и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая наконецъ превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія къ Всевышнему». За этими строками слѣдуетъ риторическое воззваніе, нисколько не отвѣчающее душевнымъ переживаніямъ: «Благословляю тебя, священная вѣра! Въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей го-

рести» и т. д. Но сквозь броню риторическихъ восклицаній пробивается горячее чувство къ матери, стремленіе утѣшить ее и ослабить ея горе. Гоголь пишетъ о томъ, что ему очень хочется видѣть ее, читать ея письма, что его счастье и его покой зависятъ отъ счастья матери. И какъ бы занимая въ семьѣ мѣсто покойнаго отца, онъ настоятельно проситъ сообщеній о томъ, что происходитъ дома: «увѣдомьте меня о домашнихъ дѣлахъ и тому подобныхъ происшествіяхъ».

Но послѣ письма, извѣщавшаго о смерти отца, послѣдовалъ большой перерывъ въ перепискѣ. Несмотря на свои горячія и неоднократныя просьбы, Гоголь не получалъ изъ дома писемъ, и это его очень волновало и тревожило. «Ежели я не получу отвѣта на эти письма, писалъ онъ въ отчаяніи, то сіе молчаніе будетъ самый ужасный для меня признакъ; тогда-то я прибѣгну къ отчаянію, и оно-то дастъ мнѣ средство, какъ избавиться отъ сей мрачной неизвѣстности. Теперь вы видите, что отъ одного вашего слова зависитъ счастіе и несчастіе вашего сына».

Только въ іюнѣ пришло письмо отъ Марьи Ивановны и опять не прямо къ сыну, а къ Баранову, который отвѣчалъ Марьѣ Ивановнѣ слѣдующее: «Милостивая государыня, Марья Ивановна! Получа почтеннѣйшее ваше письмо, я немедленно показалъ оное Николаю Васильевичу и тѣмъ успокоилъ его на счетъ вашего здоровья; онъ, какъ говоритъ, писалъ къ вамъ отъ 24-го мая. Здоровье его съ самаго пріѣзда моего въ Нѣжинъ и до сихъ поръ находится въ хорошемъ состояніи, и дабы болѣе увѣрить васъ въ семъ, онъ обѣщалъ написать вмѣстѣ со мною къ вамъ письмо и въ ономъ за себя увѣдомить. Приближающіеся экзамены весьма много приносятъ развлеченія вашему сыну, ибо онъ занимается пріуготовленіемъ къ оному; въ свободное же время я съ Сашею (по всей вѣроятности, А. С. Данилевскимъ) и другими товарищами всегда съ нимъ разговариваемъ и чрезъ сіе приносимъ ему развлеченіе. Николай Васильевичъ желаетъ получить отъ васъ письмо, въ которомъ бы вы увѣдомили его о своемъ здоровьѣ и на счетъ присылки за нимъ на каникулы... 3-го іюня 1825 года, Нѣжинъ. П. Барановъ».

За это время тревогъ и ожиданій Николай Васильевичъ много передумалъ и привелъ въ систему нѣкоторыя свои мысли. 3-го іюня онъ писалъ матери: «Смѣю вамъ сказать, что я пріобрѣлъ уже довольно и другихъ качествъ, которыя, я думаю, вы сами увидите; можно сказать, обработалъ-таки свои понятія, которыя сдѣлались гораздо проницательнѣе, дальновиднѣе». Отрокъ превращается въ юношу, является сознаніе своего значенія для окружающихъ, твердая увѣренность въ томъ, что онъ оправдаетъ свое назначеніе. Въ послѣднемъ письмѣ 1824—1825 учебнаго года Гоголь съ вѣрой зрѣлаго человѣка, способнаго руководить другими,

писалъ матери: «Зачѣмъ предаваться горестнымъ мечтаніямъ?.. Будемъ надѣяться на Всевышняго, въ рукахъ Котораго находится судьба наша. Что касается до меня, то я совершу свой путь въ семъ мірѣ, и ежели все такъ, какъ предназначено всякому человѣку, по крайней мѣрѣ, буду стараться сколько возможно быть таковымъ». Съ этого времени неясныя мечты о неизвѣстномъ, но блестящемъ будущемъ смѣняются думами объ опредѣленномъ родѣ дѣятельности—государственной службѣ. Гоголь начинаетъ сознательнѣе работать для опредѣленныхъ, поставленныхъ имъ себѣ цѣлей, и эта работа наполняетъ второй періодъ его гимназической жизни.

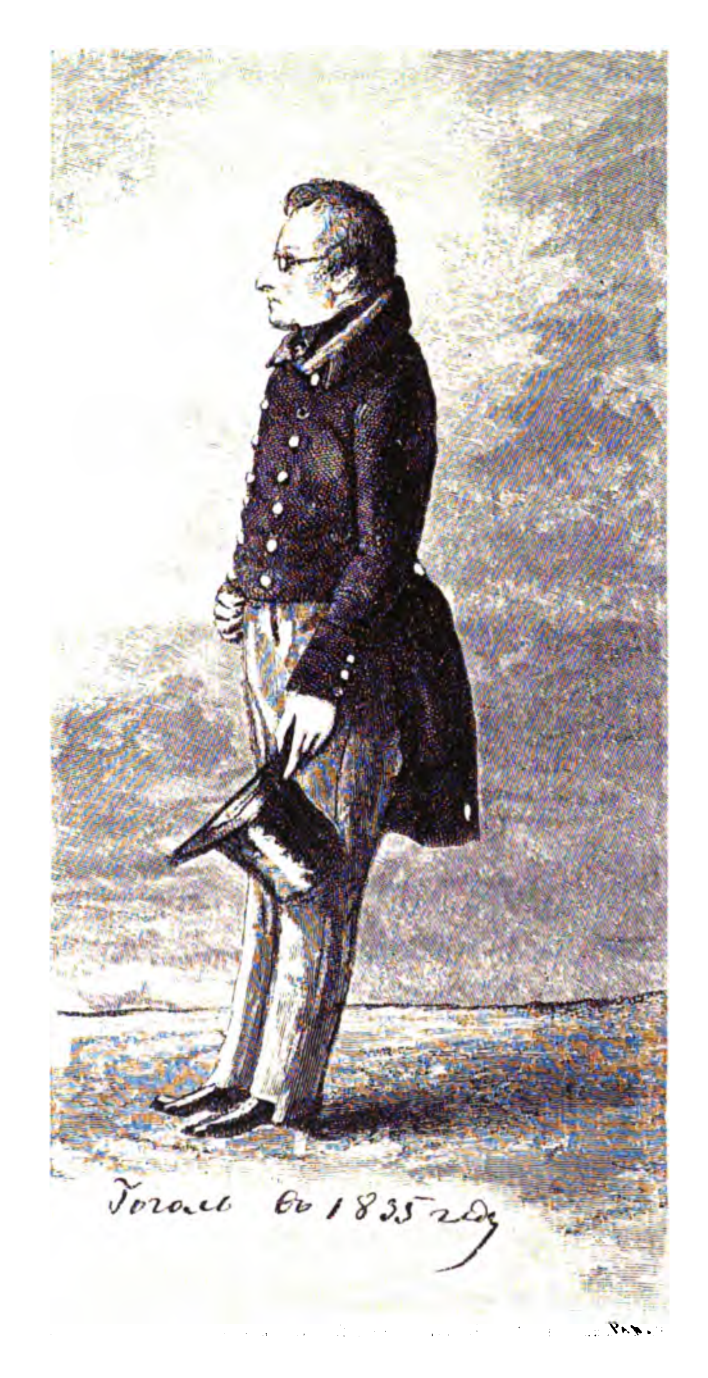
Если мы бѣгло переберемъ всѣ извѣстные намъ факты изъ дѣтской жизни Гоголя, насъ поразитъ обиліе одного элемента въ его жизни—игры. Стремленіе играть возникало изъ различныхъ сторонъ его духовнаго склада и прежде всего изъ полноты, избытка жизни, которая ключемъ била въ мальчикѣ. Въ игрѣ онъ развивалъ свои способности: его игра на сценѣ, его насмѣшливыя передразниванія и подражанія знакомымъ лицамъ давали выходъ чувству жизни. Кромѣ этого источника, игра была слѣдствіемъ той оцѣнки, какую Гоголь дѣлалъ окружавшей его дѣйствительности. Товарищи не заслуживали того, чтобы ихъ знакомить съ тѣми родниками настоящей жизни, которые кипѣли въ глубинѣ его души. На этой почвѣ игра превращалась въ мистификацію и становилась творческой. Дѣйствительная жизнь и жизнь, какъ она являлась въ этой игрѣми-стификаціи, становились неразличимыми. Изъ неразличимости переживаній жизненныхъ и переживаній въ игрѣ выростало художественное творчество Гоголя. А. М. Стороженко разсказываетъ объ одной юношеской шуткѣ Гоголя-мальчика, которому въ это время не было еще 14-ти лѣтъ. Она поразительна именно потому, что въ ней дѣйствительность и игра почти сливаются, незамѣтно переходя одна въ другую. Надѣемся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за слишкомъ большую цитату.

«Послѣ обѣда, кто-то дернулъ меня за фалдочку; оглянувшись, я увидѣлъ Гоголя.—Пойдемъ въ садъ,—шепнулъ онъ и довольно скоро пошелъ въ диванную; я послѣдовалъ за нимъ и, пройдя нѣсколько комнатъ, мы вышли на террасу...

— Знаете ли, что̀ сдѣлаемъ?—сказалъ Гоголь:—мы теперь свободны часа на три; пойдемъ въ лѣсъ?

— Пожалуй,—отвѣчалъ я:—но какъ мы переберемся черезъ рѣку?

— Вѣроятно, тамъ отыщемъ челнокъ, а, можетъ быть, и мостъ есть. «Мы спустились съ горы прямикомъ, перелѣзли черезъ заборъ и очутились въ узкомъ и длинномъ переулкѣ, въ родѣ того, какой раздѣлялъ усадьбы Ивана Ивановича отъ Ивана Никифоровича.

Портретъ Гоголя, рисованный съ натуры актеромъ П. А. Каратыгинымъ, въ 1835 году.

доз. ценз. 18 янв. 1902 г. спб.

— Направо или налѣво?—спросилъ я, видя, что Гоголь съ нерѣшимостью посматривалъ то въ ту, то въ другую сторону переулка.

— Далеко придется обходить,—отвѣчалъ онъ.

— Что̀-жъ дѣлать?

— Отправимся прямо.

— Черезъ леваду?

— Да.

— Пожалуй.

«На основаніи принятой отъ поляковъ пословицы: «шляхтичъ на своемъ огородѣ равенъ воеводѣ», въ Малороссіи считается преступленіемъ нарушить спокойствіе владѣльца; но я былъ очень сговорчивъ и первый полѣзъ черезъ плетень. Внезапное наше появленіе произвело тревогу. Собаки лаяли, злобно кидаясь на насъ, куры съ крикомъ и кудахтаньемъ разбѣжались, и мы не успѣли сдѣлать двадцати шаговъ, какъ увидѣли высокую, дебелую молодицу, съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, который жевалъ пирогъ съ вишнями и выпачкалъ себѣ лицо до ушей.

— Эй, вы, школяры!—закричала она:—зачѣмъ, что̀ тутъ забыли? Убирайтесь, пока не досталось вамъ по шеямъ!

— Вотъ злючка!—сказалъ Гоголь и смѣло продолжалъ итти; я не отставалъ отъ него.

— Что̀-жъ, не слышите?—продолжала молодица, озлобляясь:—оглохнули? Вонъ, говорю, курохваты, а не то позову чоловика (мужа), такъ онъ вамъ ноги поперебиваетъ, чтобъ въ другой разъ черезъ чужіе плетни не лазили!

— Постой,—сказалъ Гоголь:—я тебя еще не такъ разсержу!

— Что̀ вамъ нужно?.. зачѣмъ пришли, ироды?—грозно спросила молодица, остановясь въ нѣсколькихъ отъ насъ шагахъ.

— Намъ сказали,—отвѣчалъ спокойно Гоголь:—что живетъ молодица, у которой дитина похожа на поросенка.

— Что̀ такое?—воскликнула молодица, съ недоумѣніемъ посматривая то на насъ, то на свое дѣтище.

— Да вотъ оно!—вскричалъ Гоголь, указывая на ребенка:—какое сходство! настоящій поросенокъ!

— Удивительное, чистѣйшій поросенокъ!—подхватилъ я, захохотавъ во все горло.

— Какъ! моя дитина похожа на поросенка!—заревѣла молодица, блѣднѣя отъ злости:—шибеники (достойные висѣлицы, сорванцы), чтобъ вы не дождали завтрашняго дня, сто болячекъ вамъ!.. Остапе, Остапе!—закричала она, какъ будто ее рѣзали,—Скорѣй, Остапе!..—и кинулась навстрѣчу мужу, который, неспѣша, подходилъ къ намъ съ заступомъ въ рукахъ.

— Бей ихъ заступомъ!—вопила молодица, указывая на насъ:—бей, говорю, шибениковъ! Знаешь ли, что̀ они говорятъ?

— Чего ты такъ раскудахталась?—спросилъ мужикъ, остановясь:—я думалъ, что съ тебя кожу сдираютъ.

— Послушай, Остапе, что эти богомерзкіе школяры, проды, выгадываютъ!—задыхаясь отъ злобы, говорила молодица:—разсказываютъ, что наша дитина похожа на поросенка!

— Чтó жъ, можетъ быть, и правда,—отвѣчалъ мужикъ хладнокровно:—это тебѣ за то, что ты меня кабаномъ называешь.

«Нѣтъ словъ выразить бѣшенства молодицы. Она бранилась, плевалась, проклинала мужа, насъ, и съ ругательствами, угрозами, отправилась въ хату. Не ожидая такой благополучной развязки, мы очень обрадовались, а Остапъ, понурившись, стоялъ, опершись на заступъ.

— Чтó вамъ нужно, панычи?—спросилъ онъ, когда брань его жены затихла.

— Мы пробираемся на ту сторону,—сказалъ Гоголь, указывая на лѣсъ.

— Ступайте жъ по этой дорожкѣ: черезъ хату вамъ было бы ближе, да теперь не безопасно; жена моя не охотница до шутокъ и можетъ васъ поколотить.

«Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, Остапъ остановилъ насъ.

— Послушайте, панычи, если вы увидите мою жену, не трогайте ее, не дразните, теперь и безъ того мнѣ будетъ съ нею возни на цѣлую недѣлю.

— Если мы и увидимъ,—сказалъ Гоголь, улыбаясь:—то помиримся.

— Не докажите этого, нѣтъ; вы не знаете моей жинки: станете мириться—еще хуже разбѣсите!

«Мы пошли по указанной дорожкѣ.

— Сколько юмору, ума, такта!—сказалъ съ одушевленіемъ Гоголь:—другой бы затѣялъ драку, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы вся эта исторія кончилась, а онъ поступилъ, какъ самый тонкій дипломатъ; все обратилъ въ шутку—настоящій Безбородко!

«Выйдя изъ левады, мы повернули налѣво и, подходя къ хатѣ Остапа, увидѣли жену его, стоявшую возлѣ дверей. Ребенка держала она на лѣвой рукѣ, а правая вооружена была толстой палкой. Лицо ея было блѣдно, а изъ-подъ нахмуренныхъ бровей злобно сверкали черные глаза. Гоголь повернулся къ ней.

— Не трогайте ее,—сказалъ я:—она еще вытянетъ васъ палкой.

— Не бойтесь, все кончится благополучно.

— Не подходи!—закричала молодица, замахиваясь палкой:—ей-Богу, ударю!

— Безсовѣстная, Бога ты не боишься,—говорилъ Гоголь, подходя къ ней и не обращая вниманія на угрозы.—Ну, скажи на милость, какъ тебѣ не грѣхъ думать, что твоя дитина похожа на поросенка?

— Зачѣмъ же ты это говорилъ?

— Дура! шутокъ не понимаешь, а еще хотѣла, чтобъ Остапъ заступомъ проломалъ намъ головы; вѣдь ты знаешь, кто это такой?— шепнулъ Гоголь, показывая на меня:—это изъ суда чиновникъ, пріѣхалъ взыскивать недоимки.

— Зачѣмъ же вы, какъ злодіи (воры), лазите по плетнямъ да собакъ дразните!

— Ну, полно же, не къ лицу такой красивой молодицѣ сердиться. Славный у тебя хлопчикъ, знатный изъ него выйдетъ писарчукъ: когда выростетъ, громада выберетъ его въ головы.

«Гоголь погладилъ по головѣ ребенка, и я подошелъ и также поласкалъ дитя.

— Не выберутъ,—отвѣчала молодица смягчаясь:—мы бѣдны, а въ головы выбираютъ только богатыхъ.

— Ну, такъ въ москали возьмутъ.

— Боже, сохрани!

— Эка важность! въ унтера произведутъ, придетъ до тебя въ отпускъ въ крестахъ, такимъ молодцомъ, что все село будетъ снимать передъ нимъ шапки, а какъ пойдетъ по улицѣ да брязнетъ шпорами, сабелькой, такъ дивчата будутъ глядѣть на него да облизываться: «чей это?—спросятъ,—служивый»?... Какъ тебя зовутъ?...

— Мартой.

— Мартинъ, скажутъ, да и молодецъ же какой, точно намалеванный! А потомъ не придетъ уже, а пріѣдетъ къ тебѣ тройкой, въ кибиткѣ, офицеромъ и всякаго богатства съ собой навезетъ и гостинцевъ.

— Что это вы выгадываете,—можно ли?

— А почему жъ нѣтъ? Мало ли теперь изъ унтеровъ выслуживаются въ офицеры!

— Да, конечно; вотъ Оксанинъ пятый годъ уже офицеромъ и Петровъ также, чуть ли городничимъ не поставили его въ Лохвицу.

— Вотъ и твоего также поставятъ городничимъ въ Роменъ. Тогда-то заживешь! въ какомъ будешь почетѣ, уваженіи, одѣнутъ тебя, какъ пани.

— Полно вамъ выгадывать неподобное!—вскричала молодица, радостно захохотавъ:—можно ли человѣку дожить до такого счастія?

«Тутъ Гоголь съ необыкновенной увлекательностью началъ описывать привольное ея житье въ Ромнахъ: какъ квартальные будутъ передъ нею расталкивать народъ, когда она войдетъ въ церковь, какъ купцы будутъ угощать ее и подносить варенуху на серебряномъ подносѣ, низко кланяясь и величая сударыней матушкой; какъ во время ярмарки она будетъ ходить по лавкамъ и брать на выборъ, какъ изъ собственнаго сундука, разные товары безплатно; какъ сынъ ея женится на богатой панночкѣ, и тому подобное. Молодица слушала Гоголя съ напряженнымъ вниманіемъ,

ловила каждое его слово. Глаза ея сіяли радостно; щеки покрылись яркимъ румянцемъ.

— Бѣдный мой Аверко, — восклицаетъ она, нѣжно прижимая дитя къ груди:—смѣются надъ нами, смѣются!

«Но Аверко не льнулъ къ груди матери, а пристально смотрѣлъ на Гоголя, какъ будто понималъ и также интересовался его разсказомъ, и когда онъ кончилъ, то Аверко какъ бы въ награду подалъ ему свой недоѣденный пирогъ, сказавъ отрывисто: «на!».

— Видишь ли, какой разумный и добрый,—сказалъ Гоголь:— вотъ что значитъ казакъ: еще на рукахъ, а уже разумнѣе своей матери; а ты еще умничаешь, да хочешь верховодить надъ мужемъ, и сердилась на него за то, что онъ намъ костей не переломалъ.

— Простите, паночку,—отвѣчала молодица, низко кланяясь: — я не знала, что вы такіе добрые панычи. Сказано: у бабы волосъ долгъ, да умъ коротокъ. Конечно, жена всегда глупѣе чоловика и должна слушать и повиноваться ему—такъ и въ святомъ писаніи написано.

«Остапъ показался изъ-за угла хаты и прервалъ рѣчь Марты.

— Третій годъ женатъ,—сказалъ онъ, съ удивленіемъ посматривая на Гоголя,—и впервые пришлось услышать отъ жены разумное слово. Нѣтъ, панычу, воля ваша, а вы что-то не простое, я шелъ сюда и боялся, чтобъ она вамъ носовъ не откусала, ажъ, смотрю, вы ее въ ягничку (овечку) обернули.

— Послушай, Остапе,—ласково отозвалась Марта:—послушай, что панычъ разсказываетъ!

«Но Остапъ, не слушая жены, съ удивленіемъ продолжалъ смотрѣть на Гоголя.

— Не простое, ей-ей, не простое,—бормоталъ онъ:—просто чаровникъ (чародѣй)! Смотри, какая добрая и разумная стала, и святое писаніе знаетъ, какъ будто грамотная.

«Я также раздѣлялъ мнѣніе Остапа; искусство, съ которымъ Гоголь укротилъ взбѣшенную женщину, казалось мнѣ невѣроятнымъ; въ его юныя лѣта еще невозможно было проникать въ сердце человѣческое до того, чтобъ играть имъ, какъ мячикомъ; но Гоголь, безсознательно, силою своего генія, постигалъ уже тайные изгибы сердца.

— Разскажите же, паночку,—просила Марта Гоголя умоляющимъ голосомъ:—Остапе, послушай!

— Послѣ разскажу,—отвѣчалъ Гоголь,—а теперь научите, какъ намъ переправиться черезъ рѣку.

— Я попрошу у Кондрата челнокъ,—сказала Марта и, передавъ дитя на руки мужа, побѣжала въ сосѣднюю хату.

«Мы не успѣли дойти до того мѣста, гдѣ была лодка, какъ Марта догнала насъ, съ весломъ въ рукѣ...

«Лицо Гоголя горѣло яркимъ румянцемъ; взглядъ сверкалъ вдохновенію. Веселая, насмѣшливая улыбка исчезла, и физіономія его приняла выраженіе серьезное, степенное».

Въ этомъ эпизодѣ много игры, игры человѣческой душой. Понятно, что Гоголь съ своей страстью къ игрѣ производилъ въ дѣтствѣ различное, многообразное впечатлѣніе. Въ немъ было много лицъ, подчиняющихся его волѣ. «Я почитаюсь загадкой для всѣхъ, никто не разгадалъ меня совершенно. У васъ почитаютъ меня своенравнымъ, какимъ-то несноснымъ педантомъ, думающимъ, что онъ умнѣе всѣхъ, что онъ созданъ на другой ладъ отъ людей. Вѣрите ли, что я внутренно самъ смѣялся надъ собой вмѣстѣ съ вами? Здѣсь меня называютъ смиренникомъ, идеаломъ кротости и терпѣнія. Въ одномъ мѣстѣ я самый тихій, скромный, учтивый, въ другомъ — угрюмый, задумчивый, неотесанный и проч., въ третьемъ — болтливъ и докучливъ до чрезвычайности, у иныхъ — уменъ, у другихъ — глупъ», — такъ писалъ о себѣ Гоголь въ 1828 году незадолго до окончанія своего ученья.

Игра кладетъ извѣстный отпечатокъ на дѣтство и юность Гоголя: игра, какъ результатъ полноты душевныхъ переживаній; игра-мистификація и игра-творчество. Игра во всѣхъ ея формахъ имѣла значеніе и для всей жизни Гоголя и для его творчества. Въ художественномъ воспроизведеніи жизни, въ различныхъ комбинаціяхъ сюжета, въ художественныхъ характеристикахъ дѣйствующихъ лицъ, въ процессѣ творчества игра является необходимымъ и существеннымъ элементомъ. Игра становится связующимъ звеномъ между дѣйствительной жизнью художника и дѣйствительностью, какъ она пересоздается въ творчествѣ; она иногда стираетъ различіе между этими областями, переходя изъ одной въ другую; она можетъ объяснить нѣкоторыя тайны души Гоголя и нѣкоторыя особенности его взглядовъ на міръ.

«Что кажется великимъ и глубокимъ,
Здѣсь на землѣ — всегда одна игра!
Одинъ толпой насмѣшливо играетъ,
Другой пустымъ безумьемъ суевѣровъ,
И, можетъ быть, играетъ кто-то солнцемъ
И звѣздами... А онъ — душой людей!
Глубокій смыслъ находитъ тотъ, кто ищетъ!
Сплетаются въ одно и ложь и правда,
И жизнь и сонъ».

П. Е. Щеголевъ.

Вологда.
1901.

ГОГОЛЬ ВЪ НѢЖИНСКОМЪ ЛИЦЕѢ.

(Изъ воспоминаній В. И. Любичъ-Романовича).

Въ 1888 году, скончался въ С.-Петербургѣ извѣстный въ свое время писатель и одинъ изъ друзей А. С Пушкина, Василій Игнатьевичъ Любичъ-Романовичъ. Сынъ генерала екатерининской эпохи, онъ получилъ свое первоначальное образованіе въ знаменитой тогда полоцкой іезуитской школѣ, а потомъ, для усовершенствованія «въ высшихъ наукахъ», перешелъ въ нѣжинскій Безбородковскій лицей, въ то время еще называвшійся школою высшихъ наукъ, гдѣ одновременно съ нимъ воспитывался и Николай Васильевичъ Гоголь.

Я познакомился съ Василіемъ Игнатьевичемъ въ С.-Петербургѣ, въ 1880 году, на торжественномъ открытіи литературнаго кружка, основаннаго тогда въ память Пушкина, и скоро сошелся съ нимъ настолько близко, что, умирая, онъ завѣщалъ мнѣ свои бумаги. Часто посѣщая Василія Игнатьевича и проводя у него цѣлые вечера, я записывалъ то, что мнѣ казалось интереснымъ изъ его разсказовъ. Привожу изъ нихъ то, что касается Гоголя, съ которымъ Любичъ-Романовичъ былъ однокашникомъ по Нѣжинскому лицею. С. Н. Глѣбовъ.

I.

Это было своего рода событіе для насъ, учениковъ въ Нѣжинской Безбородковской гимназіи высшихъ наукъ, когда къ намъ былъ привезенъ Н. В. Гоголь, какъ новый товарищъ по школьной семьѣ, какихъ у насъ, къ слову сказать, въ то время не особенно таки было много, —разсказывалъ Василій Игнатьевичъ, хотя въ

нашемъ кругу и были такіе выдающіеся писатели первой половины XIX вѣка, какъ Кукольникъ (авторъ «Торквато Тассо»), Гребенка (малороссійскій поэтъ), Рѣдкинъ (впослѣдствіи ректоръ С.-Петербургскаго университета и директоръ департамента удѣловъ) и др.

Хохота у насъ было немало, когда мы увидѣли, что изъ хохлацкой простой брички, заложенной двумя волами и сопровождаемой только однимъ усачемъ-запорожцемъ, выкатили какой-то странный свертокъ, не то тюкъ, не то узелъ какого-то домашняго скарба, завернутый въ платки и одѣяла и увязанный поперекъ кушаками и шалями, и при помощи сопровождавшаго его усача вкатили къ намъ въ лицей. Распакованный передъ нами узелъ этотъ, оказалось, содержалъ въ себѣ небольшого роста худенькаго молодого человѣка, похожаго на пигалицу, съ тонкимъ длиннымъ носомъ, изъ котораго что-то сочилось. . Все лицо нашего новаго товарища было покрыто какими-то прыщами и представляло собою сплошную болячку, не то осеннаго больного, не то худосочнаго субъекта. Изъ ушей у него также текла какая-то жидкость, хотя уши и были заткнуты большими комками просмоленной пакли...

Таковъ былъ Н. В. Гоголь, таково было наше первое впечатлѣніе отъ встрѣчи съ нимъ... Такъ онъ у насъ потомъ и назывался «пигалицей»... Сколько мы въ немъ ни отыскивали человѣческаго образа, чтобы перестать называть его птицею, но, не найдя таковаго, такъ и оставили за нимъ эту первую, данную ему въ моментъ его пріѣзда къ намъ кличку...

Конечно, это Гоголю очень не нравилось, и онъ, не чувствуя силъ сбросить съ себя эту тяжесть нравственнаго давленія своихъ товарищей, постоянно косился на насъ, держался отъ всѣхъ въ сторонѣ, смотрѣлъ всегда букой, ничего не говорилъ съ нами и былъ вообще человѣкомъ не отъ міра нашего...

Эти насмѣшки наши надъ Гоголемъ еще болѣе усугублялись потому, что онъ держалъ себя какимъ-то демократомъ среди насъ, дѣтей аристократовъ, рѣдко когда мылъ себѣ лицо и руки по утрамъ каждаго дня, ходилъ всегда въ грязномъ бѣльѣ и выпачканномъ платьѣ. Въ карманахъ брюкъ у него постоянно имѣлся значительный запасъ всякихъ сладостей, какъ, напримѣръ, конфетъ и пряниковъ. И все это, по временамъ доставая оттуда, онъ жевалъ не переставая, даже и въ классахъ, во время занятій... Но для того, чтобы это ему легче было совершать въ присутствіи другихъ, его классныхъ товарищей, онъ незамѣтнымъ для насъ образомъ обыкновенно забивался куда нибудь въ уголъ, подальше отъ всѣхъ и тамъ уже поѣдалъ свое лакомство... Чтобы занять въ классахъ такое удобное мѣстечко, гдѣ бы его никто не видѣлъ, онъ обыкновенно приходилъ въ аудиторію первымъ или послѣднимъ и, засѣвъ въ заднихъ рядахъ никѣмъ незамѣченнымъ, также и уходилъ изъ класса, чтобы не подлежать осмѣянію...

Эта пытка въ школѣ для Гоголя тянулась въ продолженіе всего времени, пока онъ оставался въ Нѣжинѣ... Благодаря его неряшливости, мы всѣ брезговали подавать ему руки при встрѣчѣ въ классахъ. Да и онъ самъ, замѣчая это, не искалъ отъ насъ добраго привѣтствія, стараясь всегда не замѣчать никого изъ насъ.. Словомъ, Николай Васильевичъ жилъ среди насъ какимъ-то анахоретомъ и дружбы ни съ кѣмъ не велъ, вѣчно оставаясь одинъ... Мы настолько привыкли къ брезгливому чувству своему въ отношеніи къ Гоголю, что въ концѣ концовъ даже перестали брать въ руки и тѣ книги въ библіотекѣ, которыя онъ держалъ когда либо въ своихъ рукахъ, боясь заразиться отъ него какой нибудь нечистью... Доктора, однако, находили его вполнѣ здоровымъ физически, хотя въ то же время и признавали за нимъ золотушный недугъ... Но этого они не находили вреднымъ для другихъ, его товарищей. Хотя этотъ діагнозъ и успокоивалъ насъ относительно заразы отъ него, но мы, однако, мало вѣрили въ него и отдавались чувству собственнаго отвращенія къ золотушному Гоголю... И при этой-то болѣзни онъ еще постоянно сосалъ медовые пряники, ѣлъ всякія сладости и пилъ грушевый квасъ, который былъ его любимымъ напиткомъ. Гоголь или самъ его приготовлялъ изъ моченыхъ лѣсныхъ грушъ, — какихъ здѣсь было всегда вдоволь, благодаря большому количеству грушевыхъ лѣсовъ въ Черниговской губерніи, въ Стародубскомъ и другихъ уѣздахъ,—или же покупалъ его на городскомъ базарѣ у разносчиковъ-торговцевъ, попреимуществу у бабъ-хохлушекъ, такихъ же неряшливыхъ, какъ и онъ самъ. Но его ничуть, однако, не смущала эта базарная неряшливость торговцевъ, и онъ съ наслажденіемъ поѣдалъ все, что пріобрѣталъ тутъ, какъ съѣдобное. Привычка держать себя просто въ отношеніи пищи у себя дома, въ деревнѣ, гдѣ онъ получилъ первоначальное воспитаніе, не покидала его и въ Нѣжинѣ, во время жизни среди людей болѣе его избалованныхъ въ вос[illegible]льномъ значеніи, чѣмъ онъ самъ. Это все вмѣстѣ взятое никогда [illegible] насъ болѣе ничего не вызывало по отношенію къ Гоголю, какъ лишь одно отвращеніе...

II.

Такимъ образомъ, жизнь Николая Васильевича въ школѣ была въ сущности адомъ для него. Съ одной стороны, онъ тяготился своимъ «хуторнымъ происхожденіемъ» однодворца, съ другой — физической неприглядностію... И надъ всѣмъ-то мы смѣялись, во всемъ у него находили недостатки и отрицали въ немъ всякое дарованіе и стремленіе къ образованію, къ наукамъ...

Понимая это наше отношеніе къ нему, Гоголь и самъ уже никогда не дерзалъ заявлять себя передъ нами съ этой стороны. Отъ природы впечатлительный, онъ понималъ это наше отноше-

ніе къ нему, какъ признакъ столичной кичливости дѣтей аристократовъ, и потому самъ по-своему игнорировалъ насъ, знать не хотѣлъ... Онъ искалъ сближенія лишь съ людьми, себѣ равными, напримѣръ, со своимъ «дядькою», прислугою вообще и съ базарными торговцами на рынкѣ Нѣжина—въ особенности. Это сближеніе его съ людьми простыми, не претендующими на изящество манеръ, изысканность рѣчи и на выборъ предмета бесѣды, очевидно, давало ему своего рода наслажденіе въ жизни, удовлетворяло его эстетическія потребности и вызывало въ немъ поэтическое настроеніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы это замѣчали потому, что онъ, послѣ каждаго такого новаго знакомства гдѣ либо, подолгу запирался въ своей комнатѣ и заносилъ на бумагу свои впечатлѣнія.

Было ли это все имъ занесенное такимъ образомъ на бумагу когда либо передано гласности, сказать трудно, такъ какъ изъ всѣхъ вышедшихъ впослѣдствіи его произведеній не видно было, чтобы онъ написалъ что нибудь исключительное изъ нѣжинской жизни... А тѣ вирши, которыя онъ писалъ здѣсь въ стихахъ, не предавались имъ гласности. Правда, онъ присылалъ иногда свои стишки въ нашъ школьный, рукописный журналъ, по временамъ выходившій въ Нѣжинѣ подъ названіемъ «Навозъ парнасскій», но имъ не давали мѣста на столбцахъ изданія, какъ потому, что они не отвѣчали нашимъ задачамъ, такъ и потому, что въ нихъ было больше прозы, чѣмъ стиховъ. Да и проза-то была какая-то тягучая, точно кислое тѣсто, и мало отвѣчавшая нашей тогдашней лаконичности, какой мы придерживались, беря примѣръ съ А. С. Пушкина. Но Гоголь никакихъ примѣровъ не выносилъ, не умѣлъ ихъ ставить себѣ на видъ; онъ былъ самобытенъ, безподражателенъ, оригиналенъ по-своему. Черта эта въ немъ нами не одобрялась потому, что мы въ то время переживали эпоху подражанія какому либо изъ прославившихся своими литературными произведеніями поэтовъ и ставили себя въ зависимость отъ его вліяній на насъ. Но Гоголь, говорю я, былъ неподражателенъ, онъ оставался во всемъ самобытенъ, и это-то еще болѣе отлучило его отъ насъ и сдѣлало, можно сказать, отшельникомъ, нелюдимомъ, какихъ другихъ у насъ, кромѣ него, не было въ школѣ.

Жить особнякомъ среди людей, ему равныхъ по своему положенію, какими были мы, ученики школы, конечно, Николаю Васильевичу было не легко, но также трудно ему было и пріобщиться нашихъ тайнъ, не будучи достаточно подготовленнымъ къ тому, чтобы быть съ нами аристократомъ, раздѣлять наши вкусы и подражать нашимъ божкамъ, какими у насъ были Байронъ, Пушкинъ и др.

Однажды, впрочемъ, мы помѣстили въ «Навозѣ парнасскомъ» одно изъ небольшихъ стихотвореній Гоголя, изъ малороссійской жизни, на тему «какъ жили въ старину», но и то лишь потому,

чтобы надъ нимъ потомъ посмѣяться, придать его литературному труду юродивый характеръ и отблагодарить его за эти вирши фунтомъ медовыхъ пряниковъ, которые онъ любилъ и которые ему были преподнесены черезъ особую депутацію въ одной изъ аудиторій, передъ классными занятіями. Но на это Гоголь страшно разсердился и швырнулъ подарокъ чуть не въ лицо депутатамъ, а потомъ, оставивъ классъ, почти двѣ недѣли въ него не появлялся, подъ предлогомъ болѣзни, и вообще послѣ этого относился къ намъ чрезвычайно недружелюбно и всѣхъ насъ сторонился такъ, какъ бы онъ насъ никогда не зналъ.

Вообще Николай Васильевичъ служилъ намъ въ школѣ объектомъ забавы, остротъ и насмѣшекъ, и это тянулось до тѣхъ поръ, пока онъ пребывалъ въ нашей средѣ. И не было случая при встрѣчѣ съ нимъ, чтобы мы обошлись безъ какой либо остроты, пущенной на его счетъ, и безъ того, чтобы еще лишній разъ не посмѣяться надъ нимъ. Это была какая-то мишень для насъ, въ которую мы пускали всякіе отбросы нашей мысли безъ всякой справки о томъ, достигнутъ ли они своей цѣли и принесутъ ли намъ свой плодъ невзыскательной потѣхи... И эти потѣхи надъ Гоголемъ были чисто дѣтскія, избѣжать которыхъ въ нашемъ возрастѣ было почти невозможно. Не знаю, какъ другіе ученики школы, но я, съ своей стороны, говоря откровенно, не придавалъ имъ другого значенія, кромѣ шалости. Но эта шалость, однако, угнетала духъ юнаго Гоголя и приводила его въ ярость противъ насъ, когда дѣло доходило до личнаго столкновенія, подобно тому, какъ то было въ моментъ преподнесенія ему нами подарка чрезъ особую депутацію за его стихотвореніе, помѣщенное въ нашемъ «Навозѣ парнасскомъ», какъ смѣхотворный образецъ будущаго великаго писателя. Но мы въ то время, когда знали Гоголя въ школѣ, не только не могли подозрѣвать въ немъ «великаго», но даже не видѣли и малаго. Хотя его школьные успѣхи и шли наравнѣ съ нашими, но это еще не давало намъ повода думать, что въ немъ обнаружится литературный талантъ... Этого не замѣчали также и наши учителя. Вѣроятно, это происходило отъ того, что Гоголь никогда не обнаруживалъ ни передъ кѣмъ своихъ литературныхъ замысловъ и не говорилъ никому, что онъ что нибудь создастъ серьезное. Все это творилось имъ подъ спудомъ, скрыто отъ насъ, невѣдомо ни для кого. То, что намъ было извѣстно изъ Гоголевскихъ литературныхъ произведеній, какъ образцы его дарованій въ поэзіи и прозѣ, обнаруженные по школѣ, не внушало никому никакого довѣрія къ Николаю Васильевичу, что онъ когда либо станетъ большимъ писателемъ. И даже впослѣдствіи мы, его однокашники, встрѣтили появленіе «Ревизора» скептически и не переставали говорить до конца самой жизни Гоголя, что все это, имъ произведенное, суть недоразумѣніе времени, фантазія другихъ лицъ,

извѣстныхъ автору, мысль которыхъ онъ сумѣлъ вложить въ литературную форму. А «Мертвыя Души»—такъ это прямо идея Пушкина, возникшая въ его умѣ еще въ то время, когда онъ жилъ въ Новороссіи. И если онъ не претендовалъ на то, что Гоголь ее похитилъ у него, то лишь потому, какъ говорилъ онъ самъ мнѣ потомъ, «что я, можетъ быть, и не осуществилъ бы ея, потому что у меня много было другого дѣла, также важнаго по существу своему и требующаго немедленнаго осуществленія»... Вотъ что Пушкинъ говорилъ мнѣ о Гоголевскомъ творчествѣ...

— «Ревизоръ»—тоже моя идея. Это какъ разъ относилось къ двадцатымъ годамъ, когда я былъ въ Новороссіи... Типъ Хлестакова у меня былъ намѣченъ въ живомъ лицѣ... Это своего Митрофанушка, только болѣе обтесанный и менѣе отроченъ... характеру своему также наивенъ и скроменъ,.. чего, однако, не далъ своему Хлестакову, вложивъ въ его рѣчь дозу нах и увѣренной глупости... Да, именно «увѣренной глупости» что Хлестаковъ сознаетъ свое глупое положеніе среди се наго городничаго, но все-таки его поддерживаетъ, увѣренны что его глупый умъ, по сравненію съ глупостію уѣздн ства, много значительнѣе... Даже высшая одесская власть, въ вѣдѣніи которой я находился тогда, какъ ный, и та ничѣмъ не уступала Гоголевскому Сквозни скому... По своему мягкому и доброму характеру, знам нистративный мужъ въ эпоху «Николаевскихъ войн селевъ, этотъ господарь Молдавіи и Валахіи и ві нистръ государственныхъ имуществъ, тоже былъ своемъ родѣ, потому что онъ весь уходилъ въ а камердинера, который ему говорилъ, что «этого» «того» помиловать и т. д.

Но такой оборотъ дѣла, однако, не умалялъ левскихъ произведеній... Съ этимъ соглашался Но онъ только не одобрялъ стиля Гоголевска

— «Въ этомъ есть что-то недосказанное,- растянутость рѣчи уменьшаетъ впечатлител ему случай скоро забывать только что про гое — сжатость письма,— это сама сила, д каждому, когда она его поглощаетъ... К должна быть конкретна... Абстрактность даетъ. Живые типы, имъ выведенные, д противъ, они сказочны... Дѣлать новѣс нельзя въ образѣ кузнеца Вакулы съ нѣчто въ духѣ бабушкиныхъ сказокъ, вліяніемъ кирпичнаго жара, пылко видѣніе человѣка»...

Таковъ Гоголь, по заключенію отрицалъ въ немъ творческаго да

простые смертные, однако, не находили въ Гоголѣ никакихъ заслугъ передъ обществомъ и смотрѣли на его литературные труды съ презрѣніемъ... Было ли это то, что называется аристократической кичливостью, или что другое,—я сказать не могу, но фактъ тотъ, что среди насъ, современниковъ Гоголя, трудно было отыскать человѣка, хотя бы сколько нибудь симпатизировавшаго «Мертвымъ Душамъ» или «Ревизору», и тѣмъ болѣе еще «Кузнецу Вакулѣ», ибо мы въ то время смотрѣли на литературу, какъ на творчество высшей среды. А Гоголь занялся какими-то Коробочками, Ноздревыми и Дмухановскими-Сквозниками... Это-то и отталкивало насъ отъ него.

III.

Въ числѣ странностей Гоголя было много его своеобразныхъ взглядовъ на все окружающее его общество и на то, что это общество признавало для себя закономъ или правиломъ жизни, какъ нѣчто неизбѣжное, чему слѣдовало поклоняться, вѣровать... И это-то все Николай Васильевичъ игнорировалъ, называлъ баловствомъ, недостойнымъ дѣломъ, отъ котораго надо было бѣжать, открещиваться, какъ отъ антихриста, и избавлять себя, какъ отъ врага, мечемъ мысли... Можетъ быть, это было и оригинально съ его точки зрѣнія, но не раціонально, однако, на нашъ вглядъ, и мы смѣялись надъ нимъ въ этомъ случаѣ, какъ могли, и называли его карбонаріемъ...

Въ церкви, напримѣръ, Гоголь никогда не крестился передъ образами святыхъ отцевъ нашихъ и не клалъ передъ алтаремъ поклоновъ наравнѣ съ другими молящимися, но святыя молитвы слушалъ со вниманіемъ, иногда даже повторялъ ихъ нараспѣвъ, какъ бы служа самъ себѣ отдѣльную литургію или литію... Дьячковъ онъ осуждалъ за гнусавость пѣнія, невнятность чтенія псалтыря и за скороговорку великопостной службы... Не одобрялъ онъ также степеней и градацій въ церкви и толкалъ мужика впередъ, говоря: «Тебѣ Богъ нужнѣе, чѣмъ другимъ, иди къ Нему ближе»... Это иногда вызывало нареканіе на него со стороны именитыхъ гражданъ Нѣжина, но онъ не обращалъ на то никакого вниманія и всегда оставлялъ протестантовъ безъ отвѣта... Не находя ничего лучшимъ для себя, какъ сдѣлать что нибудь для мужика полезное, онъ нерѣдко обращался къ нему въ церкви съ вопросомъ: «Есть ли у тебя деньги на свѣчку?» и, получивъ отрицательный отвѣтъ, сейчасъ же вынималъ изъ кармана какую нибудь монету и отдавалъ ее мужику, говоря: «на, поди, поставь свѣчку, кому ты желаешь, да самъ поставь, это лучше, чѣмъ кто другой за тебя поставитъ»... И мужикъ шелъ ставить свѣчку тому образу, которому онъ молится... Это постоянно вызывало толкотню въ церкви, на что иные сѣтовали, предлагая передавать свѣчи

черезъ руки другихъ лицъ, стоящихъ впереди подателя... Но Гоголь былъ счастливъ... Онъ торжествовалъ, что его цѣль была достигнута, и мужикъ подошелъ къ алтарю, опередивъ всѣ мундиры, стоящіе передъ амвономъ... Ему только этого и нужно было; онъ только того и хотѣлъ, чтобы мужикъ потерся своимъ зипуномъ о блестящіе мундиры и попачкалъ бы ихъ своей пыльцой... Однажды, Гоголь, недовольный пѣніемъ дьячковъ, зашелъ къ нему на клиросъ и сталъ подпѣвать обѣдню, ясно произнося слова молитвъ, но священникъ, услышавшій незнакомый ему голосъ, выглянулъ изъ алтаря и, увидѣвъ Николая Васильевича, велѣлъ ему удалиться... Это страшно разобидѣло Гоголя, и онъ пересталъ ходить въ церковь. Замѣчая его отсутствіе за обѣдней, священникъ прочелъ ему нотацію и сказалъ, что, если онъ и впредь не будетъ посѣщать храма Божія, то наложитъ на него эпитимію... Но Гоголь этого не устранился и попрежнему за обѣдню не ходилъ. Эпитимію же, на него наложенную священникомъ, онъ также не пожелалъ выполнять въ церкви въ присутствіи всѣхъ молящихся и постоянно отзывался больнымъ... За это ему въ «поведеніи» была поставлена единица, и онъ надъ ней посмѣялся въ слѣдующихъ словахъ: «Хорошо, что не двойка; единицу-то хоть можно принять за туза, а двойка такъ и останется двойкой»...

Вообще, Гоголь отличался всякими странностями, даже и въ словахъ. На дѣлѣ же онъ иногда превосходилъ самого себя. Забывая часто, что онъ человѣкъ, Гоголь, бывало, то кричитъ козломъ, ходя у себя по комнатѣ, то поетъ пѣтухомъ среди ночи, то хрюкаетъ свиньей, забравшись куда нибудь въ темный уголъ. И когда его спрашивали объ этомъ, почему онъ подражаетъ крикамъ животныхъ, то онъ отвѣчалъ, что «я предпочитаю быть одинъ въ обществѣ свиней, чѣмъ среди людей»...

Такое отрицаніе было у него къ обмѣну мыслей съ людьми. Такъ, онъ не любилъ насъ, дѣтей аристократовъ, будучи самъ демократомъ. И все это потому, что мы дурно относились къ нему, какъ къ товарищу. А будь мы менѣе надменны съ нимъ въ обращеніи, весьма возможно, что Гоголь былъ бы общительнѣйшій человѣкъ среди своихъ товарищей, и мы многое услышали бы отъ него, чего до сихъ поръ еще не сказала о немъ біографія. Но теперь сказать о Гоголѣ-юношѣ приходится очень мало, потому что его внутренній міръ для насъ остался закрытымъ, а тѣ незначительныя проявленія его въ обыденной жизни, которыя мы наблюдали въ немъ, не даютъ того субъекта, который скрывался въ Гоголѣ.

Вообще, какъ уже сказано, Николай Васильевичъ не любилъ подражать кому бы то ни было... ибо это была натура противорѣчій. Все, что казалось людямъ изящнымъ, приличнымъ, ему, напротивъ, представлялось безобразнымъ, гривуазнымъ. Въ оби-

ходѣ своемъ онъ не любилъ симметріи, разставлялъ въ комнатѣ мебель не такъ, какъ у всѣхъ, напримѣръ, по стѣнамъ, у столовъ, а въ углахъ и по срединѣ комнаты; столы же ставилъ у печки и у кровати, точно въ лазаретѣ или въ больницѣ. Ходилъ онъ по улицѣ или по аллеямъ сада обыкновенно лѣвой стороной, постоянно сталкиваясь съ прохожими. Это давало случай обращать на него вниманіе всѣхъ постороннихъ и посылать ему вслѣдъ «невѣжа». Но Гоголь обыкновенно этого не слышалъ и всякія оскорбленія для себя считалъ недосягаемыми, говоря: «Грязное къ чистому не пристанетъ... Вотъ если бы я васъ мазнулъ чѣмъ нибудь, ну, тогда было бы, пожалуй, чувствительно»...

Прогуливаясь какъ-то по аллеямъ лицейскаго сада лѣвой стороной, Гоголь толкнулъ плечомъ одного изъ воспитанниковъ, на что тотъ сказалъ ему «дуракъ»; «ну, ты, умный, отвѣтилъ Николай Васильевичъ,- и оба мы соврали»... Вообще, онъ, бывая въ обществѣ, ходилъ съ опущенной головой и ни на кого не глядѣлъ. Это придавало ему видъ человѣка, глубоко занятаго чѣмъ-то, или суроваго субъекта, пренебрегавшаго всѣми людьми. Но въ общемъ онъ вовсе не былъ золъ, напротивъ, его душа всегда была отзывчива къ ближнему. Такъ, напримѣръ, онъ никогда не могъ пройти мимо нищаго, чтобы не подать ему что могъ, если имѣлъ, и всегда говорилъ просившему у него подаянія «извините», когда нечего было вложить тому въ руку. Однажды ему даже случилось остаться въ долгу у одной нищенки, которой ему нечего было подать въ то время, когда онъ проходилъ мимо нея, и на ея слова «подайте Христа ради» отвѣтилъ: «сочтите за мной»... И въ слѣдующій разъ, когда та обратилась къ нему съ той же просьбой, какъ прежде, онъ подалъ ей вдвойнѣ, добавивъ при этомъ: «тутъ и долгъ мой»... Вообще, Гоголь относился къ бѣдности съ большимъ вниманіемъ и, когда встрѣчался съ нею, переживалъ тяжелыя минуты.

— Я бы перевелъ всѣхъ нищихъ,—говорилъ онъ иногда: если бы имѣлъ на это силу и власть.

— Но какъ бы вы это сдѣлали?—спрашивали его.

— Да всѣмъ бы построилъ дома, далъ бы имъ земли и заставилъ бы работать для себя... А то вѣдь имъ головы преклонить некуда, потому они и побираются. При домѣ же и землѣ они этого не захотѣли бы для себя... Вѣдь просить милостыню—позоръ. Всякій это знаетъ. А если онъ проситъ, то, стало быть, нуждается, и потому ему надо подать. А при домѣ и землѣ онъ не пошелъ бы побираться...

Такъ Гоголь думалъ о нищихъ, такъ онъ полагалъ извести нищету и, не имѣя средствъ, чтобы помочь видимому горю, скорбѣлъ въ душѣ.

Какъ человѣкъ, выросшій въ сосѣдствѣ самой природы, Николай Васильевичъ любилъ ботанику. И всегда, когда у него была

свободная минута, онъ отправлялся въ лицейскій садъ и тамъ подолгу бесѣдовалъ съ садовникомъ о предметахъ его задачъ.

— Ты разсаживай деревья не по ранжиру, какъ войска въ строю, одинъ подлѣ другого на разсчитанномъ разстояніи, а такъ, какъ сама природа это дѣлаетъ,—говорилъ онъ.

И, взявъ въ руку нѣсколько камешковъ, онъ бросалъ ихъ на поляну, добавляя при томъ: «вотъ тутъ и сажай деревцо, гдѣ камень упалъ».

— Да вѣдь это будетъ зря,—отвѣчалъ садовникъ.

— Самъ-то ты «зря». Что природа-то хуже насъ понимаетъ свое дѣло, а она все такъ сажаетъ... А то что это?—точно солдатъ, разставилъ въ шеренгу: на два аршина всякое деревцо... Да развѣ въ лѣсу это есть?.. Тамъ всякое растеніе цвѣтетъ, гдѣ ему удобно, а ты заставляешь его расти, гдѣ тебѣ хочется. Ну, на что это похоже?..

Но садовникъ съ Гоголемъ не соглашался и называлъ его «чудакомъ-бариномъ»... На это Николай Васильевичъ страшно сердился, но никогда не ругался, чтобы выразить свое неудовольствіе «невѣждѣ».

— Это ужъ его такъ люди научили, говорилъ онъ,—а люди учатъ всегда тому, что противно природѣ... И это у нихъ называется культурой,—добавлялъ онъ,—какая это культура, гдѣ идетъ ломка всего естества... Это варварство одно... А я бы на твоемъ мѣстѣ, Ермилъ,—продолжалъ онъ назидать садовника,—поступилъ такъ, какъ я тебѣ говорю. На господъ же ты плюнь. Они сами не знаютъ, чего отъ тебя требуютъ. Имъ бы только маршировка. Они деревья тоже хотятъ выучить ходить по командѣ: лѣвая, правая—гдѣ сторона... Да, все равно, гдѣ бы она ни была. И я иду тамъ, гдѣ мнѣ нравится. Вотъ такъ и деревцо растетъ, гдѣ ему хорошо. А ты хочешь заставить его цвѣсти тамъ, гдѣ тебѣ нужно. Вотъ почему у тебя фрукты-то плохо и родятся. А ты посмотри, сколько ихъ въ лѣсу. И все это потому, что они тамъ растутъ свободно, безъ принужденія. А если бы ты ихъ принуждалъ, то они тебѣ ничего бы и не дали. Такъ всегда. Ты это по себѣ знай. Вѣдь свобода дорога?.. Ну, деревцо тоже любитъ свободу... А ты его стѣсняешь... Оно растетъ, а ты срѣзаешь. Зачѣмъ это? Пусть стремится къ Богу. Всякому поближе къ небу хочется. Ну, деревцо тоже вверхъ лѣзетъ. А ты его рѣжешь. Не трогай. Пусть себѣ растетъ.

— Невозможно-съ, господа требуютъ «подравнять».

— Ну, а ты плюнь на господъ. Порченые они люди, портятъ и тебя, а ты въ угоду имъ портишь свои деревца. Не дѣлай этого Угода дураку—хуже всего.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Развѣ умный скажетъ: отрѣжь мнѣ голову, а они велятъ рѣзать головки деревцамъ.

— Это точно.

— Да я ужъ зря не скажу. Все, что тебѣ вымолвлю, будетъ правда.

— Это точно, что головки деревцамъ рѣзать не слѣдъ. Деревцо-то отъ того чахнетъ.

— И умираетъ.

— И умираетъ... Это бываетъ... Точно... Особливо, ежели глубоко возьмешь...

— Вотъ ты и подумай, что я говорю... И Гоголь былъ въ восторгѣ, что «урезонилъ» садовника.

— А то ни одинъ человѣкъ не хочетъ согласиться со мною,—говорилъ онъ... Вѣдь обидно... И добро бы я кому зла желалъ. Такъ нѣтъ же, вотъ не хотятъ согласиться.

Убѣжденный всегда въ своей правотѣ, Гоголь сильно грустилъ, когда съ нимъ кто либо не соглашался.

— Я только говорю то, что знаю, въ чемъ убѣжденъ, и въ этомъ мнѣ не вѣрятъ... Ну, какъ не обидно тутъ...

Вотъ почему онъ часто и не договаривалъ того, что хотѣлъ сказать, если вступалъ съ кѣмъ въ разговоръ, опасаясь, что ему не повѣрятъ, и что его истина, изреченная устами правды, останется непринятой. Изъ-за этого онъ получилъ прозвище «мертвой мысли», то-есть человѣка, съ которымъ умретъ все, что онъ создалъ, что думалъ, ибо онъ никогда не изрекалъ ни передъ кѣмъ того, что мыслилъ... И все это потому, что онъ опасался за напрасный трудъ разсыпать бисеръ передъ свиньями... Скрытность эта сдѣлала Гоголя застѣнчивымъ, молчаливымъ. Но на самомъ же дѣлѣ онъ хотѣлъ и говорить, и подѣлиться своими мыслями, но странность его натуры погружала его въ самого себя... Отсюда у него появилась мрачность, нелюдимость и необщительность. Было ли это явленіе въ Гоголѣ чѣмъ либо болѣзненнымъ, самонадѣяннымъ и горделивымъ, внушеннымъ маніей величія,—пусть скажетъ объ этомъ его біографъ, а я передаю лишь голые факты, которые были вынесены нами изъ непосредственнаго сношенія съ нимъ во время школьной жизни. Гоголь былъ молчаливъ даже въ случаяхъ его оскорбленія.

— Что это?—говорилъ онъ,—отвѣчать на оскорбленіе?... Да кто это можетъ сказать, что я его принялъ?... А если отвѣчать, то это значитъ сознавать себя оскорбленнымъ.

— Но развѣ вы не сознаете этого?—спрашивали его.

— Ничуть.

— Почему?

— Потому, что я считаю себя выше всякихъ оскорбленій... Говоря иначе, я не считаю себя заслуживающимъ оскорбленія, а потому и не принимаю его на себя.

Таково было отношеніе Гоголя къ оскорбленіямъ. Вотъ почему онъ всегда и проходилъ мимо насъ, своихъ соклассниковъ, не про-

Портретъ Гоголя, приложенный къ «Московскому Сборнику» изданному С. Т. Аксаковымъ въ 1852 году.

доз. ценз. 18 янв. 1902 г. спб.

ронить ни одного членораздѣльнаго звука въ то время, когда мы надъ нимъ смѣялись. Быть такимъ терпѣливымъ къ своимъ оскорбителямъ могъ только характеръ твердый. И Гоголь его имѣлъ. Замкнутость въ немъ доходила до высшей степени. Какой другой человѣкъ могъ бы перенести столько насмѣшекъ, сколько переносилъ ихъ отъ насъ Гоголь. И все это молчаливо. Безропотно онъ также переносилъ и всѣ выговоры начальства, касавшіеся его неряшества въ обиходѣ собственной личности. Напримѣръ, ему многократно ставилась на видъ его безприческа. Растрепанность головы Гоголя вошла у насъ въ общую насмѣшку, и мы говорили другимъ своимъ соклассникамъ, неопрятно державшимся, что онъ похожъ на Гоголя. И Николай Васильевичъ дѣйствительно былъ образцомъ неряшливости. Голова у него едва ли когда причесывалась имъ; волосы съ нея падали ему на лицо нерасчесанными прядями. Стричься онъ также не любилъ часто, какъ этого требовало отъ насъ школьное начальство. Вообще, Гоголь шелъ наперекоръ всѣмъ стихіямъ. Заставить его сдѣлать что нибудь такое, что дѣлали другіе воспитанники лицея, было никакъ нельзя.

— Что я за попугай!—отвѣчалъ онъ на такое предложеніе...— Я самъ знаю, что мнѣ нужно.

Итакъ его оставляли въ покоѣ «съ предупрежденіемъ впредь этого не дѣлать». Но онъ всегда дѣлалъ такъ, какъ хотѣлъ, а не такъ, какъ ему приказано...

Надъ чѣмъ другимъ Гоголь, можетъ быть, и работалъ въ школѣ наравнѣ съ нами, но надъ своей разговорной рѣчью онъ поставилъ крестъ... И такое, бывало, словечко скажетъ, что надъ нимъ весь классъ въ голосъ разсмѣется... Однажды, ему это было поставлено на видъ однимъ изъ нашихъ преподавателей, но Гоголь ему на это отвѣтилъ:

— А чѣмъ вы докажете, что я по-своему неправильно говорю?

И такъ всегда. И чѣмъ дольше его увѣряли въ противномъ, тѣмъ непреклоннѣе становился онъ въ своемъ упорствѣ... Это была какая-та холодная скала, отъ которой отскакивало все, принятое въ общежитіи...

— Почему вы думаете, что я болѣе васъ циниченъ?—говорилъ онъ.

— Потому,—отвѣчали ему,—что это признается всѣми.

— Ну, эти «всѣ» иногда менѣе одного смыслятъ.

Самоувѣренность Гоголя была такимъ образомъ непоколебима. Оставалось только преклоняться передъ нимъ... И всѣ махнули рукой на него. А онъ, какъ бы не замѣчая этого, говорилъ:

— Ну, что, чья теперь взяла?.. Кто правъ во всемъ?...

— Да, конечно, не вы,—отвѣчали ему.

— Но не вы же?—раздраженно говорилъ онъ.—Вотъ если бы вы доказали мнѣ свою правоту, ну, тогда я повѣрилъ бы...

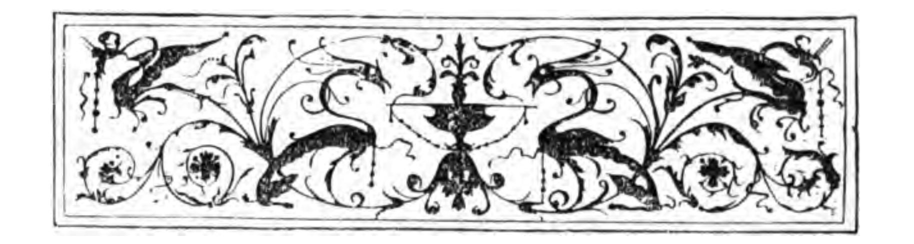
— Да такихъ доказательствъ нѣтъ еще на свѣтѣ, въ которыя бы вы увѣровали.

— Ну, а если нѣтъ, такъ и говорить нечего о томъ...

Противопоставить ему что нибудь въ этомъ случаѣ было совсѣмъ невозможно, ибо онъ все равно ни съ чѣмъ не согласился бы.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Воспоминанія В. И. Любича-Романовича касаются мало изслѣдованнаго и важнаго для біографіи Гоголя вопроса объ отношеніяхъ, существовавшихъ между нимъ и его товарищами, и даютъ матеріалъ, разрушающій принятыя въ литературѣ, страдающія догматизмомъ и мало обоснованныя, характеристики школьной жизни Гоголя. По обычному представленію, въ ней царила тишь да гладь, а, по воспоминаніямъ Любича-Романовича, въ ней шла маленькая борьба за существованіе. Выясненію дѣйствительнаго положенія Гоголя въ школѣ посвящена помѣщенная выше статья г. Щеголева. Въ воспоминаніяхъ Любича-Романовича, сдѣланныхъ имъ въ старости и дошедшихъ до насъ черезъ вторыя руки,—много субъективнаго элемента; любопытно, что чувство недружелюбія сохранилось у него до глубокой старости. Понятно, что эти воспоминанія страдаютъ нѣкоторыми неточностями. Изъ нихъ главнѣйшая въ невѣрномъ освѣщеніи журнальной дѣятельности Гоголя въ школѣ. Быть можетъ, разсказчику измѣняетъ память, быть можетъ, пристрастное отношеніе къ Гоголю заводитъ его слишкомъ далеко въ отрицаніи школьныхъ успѣховъ Гоголя. Другіе источники удостовѣряютъ, что Гоголь принималъ активное участіе въ общей литературной дѣятельности школы и самъ издавалъ журналъ. Исторія съ «Парнасскимъ навозомъ», разсказанная Любичемъ-Романовичемъ, совершенно противорѣчитъ тому, что объ этомъ говорится въ «Исторіи лицея князя Безбородко» (Спб., 1859, стр. 33) и въ извѣстныхъ «Запискахъ о жизни Гоголя» Кулиша (I, 27), гдѣ мы находимъ слѣдующее извѣстіе: «Журналъ Гоголя имѣетъ происхожденіе комическое. Былъ въ гимназіи одинъ ученикъ съ необыкновенной страстью къ стихотворству и съ отсутствіемъ всякаго таланта,—словомъ, маленькій Тредьяковскій. Гоголь собралъ его стихи, придалъ имъ названіе «Альманаха» и издалъ подъ заглавіемъ «Парнасскій навозъ».

ГОГОЛЬ И РОМАНЫ ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

I.

Забытый нынѣ критикъ пятидесятыхъ годовъ, Дружининъ, однимъ изъ существенныхъ, вредныхъ недостатковъ русской журналистики признавалъ ся замѣчательное невниманіе къ дѣятелямъ нашей словесности, жившимъ до пушкинскаго періода.

«Мы вѣтрены, заносчивы, лѣнивы и весьма бѣдны образованіемъ. Мы не любимъ говорить о старомъ только потому, что по этой части знаемъ весьма мало».

Говоря старинным слогомъ, «вертоградъ современнаго русскаго Пинда, изобилуя цвѣтами благоуханными и плодами прелестными, полонъ крапивы и сорныхъ травъ, въ количествѣ ужасающемъ». Эта крапива, эти сорныя травы, являются въ видѣ парадоксовъ, опрометчивыхъ сужденій, ложныхъ взглядовъ, одностороннихъ выводовъ, наконецъ цѣлаго разсадника общихъ мѣстъ, сдѣлавшихся законами литературными.

«Не желаете ли перечня этихъ общихъ мѣстъ?—спрашиваетъ Дружининъ.—У насъ въ литературѣ весьма часто упоминается имя Нарѣжнаго, хотя мы вполнѣ убѣждены, что изъ лицъ, упоминающихъ это имя, можетъ быть, одно или два знаютъ Нарѣжнаго не по наслышкѣ. Итакъ, Нарѣжнаго признано называть не бездарнымъ юмористомъ, имѣющимъ кое-что общее съ Гоголемъ, но все-таки писателемъ отжившимъ, нелѣпымъ, неудобочитаемымъ. Когда придетъ время, и этотъ въ высшей степени замѣчательный расказчикъ будетъ оцѣненъ по совѣсти, прежній вѣтреный пред-

разсудокъ погибнетъ навѣки, но теперь этотъ предразсудокъ живетъ и стоитъ несокрушимымъ общимъ мѣстомъ, кустомъ зловредной крапивы въ нашемъ вертоградѣ».

Къ сожалѣнію, и теперь, черезъ полъ-столѣтія послѣ этихъ строкъ Дружинина для Нарѣжнаго, какъ и для многихъ другихъ словесниковъ нашихъ первой четверти XIX-го вѣка, не пришло еще время. Мало, почти ничего не сдѣлано для изученія эволюціи литературныхъ формъ, и въ частности нашего романа, въ области котораго вышеупомянутый Нарѣжный былъ непосредственнымъ предшественникомъ Гоголя.

Ни удѣльный вѣсъ, такъ сказать, этого романиста, ни степень его вліянія на Гоголя не опредѣлены съ достаточной обстоятельностью и точностью.

Замѣчательное явленіе: первые наши романисты—поляки. Нарѣжный—сынъ шляхтича польскаго, хотя и родился въ мѣстечкѣ Устивицы, Миргородской сотни Гадячскаго повѣта—въ мѣстахъ, гдѣ дѣйствуютъ и герои малороссійскихъ повѣстей Гоголя; затѣмъ Ѳаддей Булгаринъ, авторъ «Ивана Выжигина», въ 20-хъ годахъ блестящій, модный литераторъ, позднѣе—«притча во языцехъ», кровный полякъ, изъ испанскаго легіона поляковъ наполеоновской арміи; наконецъ, Осипъ (Іосифъ)-Юліанъ Сенковскій, знаменитый баронъ Брамбеусъ, авторъ «фантастическихъ путешествій» и многихъ повѣстей, отъ остроумія котораго помѣщичья молодежь надрывала животики,—вотъ наши первые беллетристы. За поляками въ тридцатыхъ уже годахъ выступаютъ малороссы—Квитка, Гребенка, великій Гоголь, и только въ 40-хъ годахъ русская проза становится достояніемъ преимущественно великороссовъ изъ коренной Руси, выступаютъ костромичи, орловцы... Чѣмъ бы мы ни объясняли такую послѣдовательность, фактически она тѣмъ не менѣе наблюдается и соотвѣтствуетъ исторической постепенности, съ которою западная культура распространялась по великой равнинѣ отъ Вислы и Нѣмана къ Днѣпру и Волгѣ. Сначала съ XVI-го вѣка эта культура охватила Польшу. Уже отъ Польши воспринимаетъ ее Малороссія, и когда съ начала XVIII-го вѣка начинають и въ Великороссіи насаждаться опыты культуры, когда «божественны науки, чрезъ горы, рѣки и моря, въ Россію простирали руки» къ монарху Петру, мы воспользовались ученостью малороссовъ-кіевлянъ. Что касается собственно романа, то въ эволюціи его формъ можно доказать несомнѣнную преемственную связь хотя бы между Нарѣжнымъ и Гоголемъ.

Русскій романъ образовался подъ вліяніемъ романа переводнаго, который переходитъ въ подражательный, а затѣмъ въ болѣе или менѣе самобытный. Реально-сатирическій романъ Скаррона, Форестьера, Лесажа, сатирико-философскій романъ Вольтера; «Новая Элоиза» Руссо и сентиментальные романы Стерна, Ричард-

сона, «Векфильдскій священникъ»—вотъ образцы XVIII-го вѣка, продолжавшіе свое вліяніе на русскую прозу и въ первое десятилѣтіе XIX-го. Копія, съ небольшими, зародышевыми намеками на самобытность, вотъ съ чего началъ русскій прозаикъ въ области романа.

Матеріальныя причины заставляли почти всѣхъ прозаиковъ начала вѣка, кромѣ оригинальныхъ произведеній, заниматься также и переводами. Издатели въ то время рисковали тратиться лишь на бумагу, печать и переводы. Ручательствомъ успѣшнаго сбыта книги къ тому же служило имя иностраннаго автора, популярное среди русскихъ читателей, благоговѣвшихъ передъ всѣмъ иностраннымъ. Вообще, писатель предпочиталъ стихотворство—прозѣ, переводъ—оригинальному творчеству въ области романа. «Одобреніе и награды слабы, говоритъ современникъ, а досада и неудовольствія, сопряженныя съ состояніемъ писателя, такъ велики, что должно имѣть страстную любовь къ словесности, чтобы заниматься ею долго; я говорю о прозаическихъ писателяхъ» [1]).

Къ роману съ пренебреженіемъ относились и теоріи словеснаго искусства. Такъ въ книгѣ Мейнерса, переведенной проф. Сохацкимъ, читаемъ:«Романы не могутъ еще и тогда одобряемы быть для чтенія, когда они прямо не вредятъ сердцу; ибо они разными образами бываютъ зловредны разуму и назначенію дѣвицъ и молодыхъ людей. Привычка читать романы пагубна или опасна, хотя бы ни противъ одного читаемаго романа порознь ничего сказать было нельзя» [2]).

Романы составляли тайную пищу дѣвицъ, прятавшихъ ихъ подъ подушку, запретный плодъ, конечно, тѣмъ болѣе сладкій. Романы читали, чтобы «лучше любиться» (по выраженію «водяного Гомера», Хераскова). Спросъ былъ на нихъ все-таки значительный. «Раскройте Московскія Вѣдомости! говоритъ Жуковскій,—о чемъ гремятъ книгопродавцы въ витійственныхъ своихъ прокламаціяхъ? О романахъ ужасныхъ, забавныхъ, чувствительныхъ, сатирическихъ, моральныхъ и прочее, и прочее. Что покупаютъ охотнѣе посѣтители Никольской улицы въ Москвѣ? Романы. Въ чемъ состоитъ достоинство этихъ прославляемыхъ романовъ? Всегда почти въ одномъ великолѣпномъ названіи, которымъ обманываютъ любопытство. Какая отъ нихъ польза? Рѣшительно никакой» [3]).

Жуковскій влагаетъ этотъ суровый приговоръ въ уста литературнаго стародума—«чудака, котораго мнѣніе рѣдко согласно съ общимъ, который молчитъ, когда другіе кричатъ, и хмурится, когда другіе смѣются». Но самъ Жуковскій былъ замѣчательнымъ про-

[1]) «Цвѣтникъ», іюнь, 1810 г., ч. VI.
[2]) Мейнерсъ. Начертаніе теоріи изящныхъ наукъ. М. 1808. Стр. 344.
[3]) Письмо изъ уѣзда. 1808. г. Соч. Изд. 8-е, т. V, стр. 247.

заикомъ этой эпохи. Онъ занимался и переводами, которыми обыкновенно не пренебрегали тогда молодые писатели. Такъ Измайловъ разсказываетъ, что Н. И. Гречъ, «въ свободное отъ должности время, для пользы многочисленнаго своего семейства, переводилъ, за деньги, для журналистовъ и для книгопродавцевъ» [1]).

Разнообразіе переводныхъ романовъ поразительное. На ряду съ романами XVIII-го вѣка встрѣчаются и романы XVII и даже XVI-го. При Екатеринѣ II-й сравнительно всего больше переведено романовъ: д'Арно, Вольтера, Виланда, Мармонтеля, Флоріана, Лесажа, Фильдинга; при Павлѣ I-мъ—Дидеро (Дидеротъ), Дюкре-Дюмениля, Горжа; при Александрѣ I-мъ—г-жи Жанлисъ (Жанли), Радклифъ, Августа Лафонтена, Коцебу, Шатобріана, Крамера, Маріи Ропчъ. Почти всѣ романы Коцебу, Радклифъ и Жанлисъ были переведены на русскій языкъ [2]).

Въ прозѣ начала вѣка замѣчается два направленія—сентиментальное, представителемъ котораго въ своихъ повѣстяхъ былъ Карамзинъ и его многочисленные послѣдователи и подражатели. Оно шло отъ романовъ Руссо, Стерна, Ричардсона. Другое направленіе реально-сатирическое, болѣе оригинальное, представлялось Нарѣжнымъ, пользовавшимся несомнѣнно польскими образцами; только въ 20-хъ годахъ къ этимъ двумъ направленіямъ присоединяется третье—романтическое, въ видѣ свѣтской повѣсти, съ элементомъ фантастическаго, представителями котораго были—Марлинскій (Бестужевъ) и князь Одоевскій. Замѣтное вліяніе на прозу Гоголя имѣли романы Нарѣжнаго, Булгарина, повѣсти князя Одоевскаго.

Только къ половинѣ двадцатыхъ годовъ русскому читателю пріѣлись Коцебу, Радклифъ, Лафонтенъ и дргіе посредственные, пошловатые романисты запада. Начинаютъ читать Купера и Вальтеръ-Скотта. Русскіе переводы ихъ романовъ съ подлинника явились лишь послѣ 1824 года. Въ «Прибавленіи» къ первому номеру «Телеграфа» читаемъ: «На русскомъ языкѣ не было еще ни одного перевода изъ нѣсколькихъ романовъ г. Купера, американскаго сочинителя и соперника Вальтеръ-Скотта. Скоро выйдетъ въ Москвѣ лучшій романъ Куперовъ—«Шпіонъ» [3]).

«Надобно отличить,—читаемъ въ «Обозрѣніи русской литературы въ 1824 г.»,—отъ произведеній литературной промышленности новые переводы романовъ Вальтеръ-Скотта. Намъ обѣщаютъ переводы съ англійскихъ подлинниковъ; до сихъ поръ изданы съ французскаго: Пуритане и Гей-Меннерингъ, не очень исправно переведенные» [4]).

---

[1]) О праздникѣ по случаю десятилѣтія «Сына Отечества». 1822 г. Соч. т. II. М. 1891. Стр. 158.

[2]) Бѣлозерская. В. Т. Нарѣжный. Историко-литературный очеркъ. Изд. 2-е. Спб. 1896 г. Стр. 35.

[3]) Взглядъ на Москву 1824 года.

[4]) Моск. Телеграфъ, 1825 г., январь, № 2, стр. 142.

Въ томъ же «Обозрѣніи» отмѣчается переворотъ въ потребленіи переводной литературы и во вкусахъ читателей:

«Съ удовольствіемъ скажемъ, что нынѣшній годъ кустарныя издѣлія особенныхъ русскихъ переводчиковъ были не столь многочисленны, какъ прежде (предлагаемъ это названіе нашей публикѣ: такъ называютъ въ Москвѣ разныя издѣлія—платки, ситцы, холстинки и проч., по деревнямъ дѣлаемыя на одну руки, какъ говорятъ купцы. Сіи издѣлія отличны удивительною дешевизною; а кто не знаетъ—что дешево, то гнило?)... Не знаемъ, что этому причиной: охота ли къ чтенію подобныхъ веществъ уменьшается или что другое; по крайней мѣрѣ, цѣна ихъ упала не по курсу! Любое твореніе Радклифъ, Дюкре-Дюмениля, А. Лафонтена, Шписа, можно купить съ уступкой 50 процентовъ на 100 противъ цѣнъ, выставленныхъ въ каталогахъ книгопродавцевъ».

II.

Въ двадцатые годы вполнѣ развернулся выдающійся талантъ Василія Трофимовича Нарѣжнаго (1780—1825), появился рядъ его замѣчательныхъ романовъ и повѣстей: «Аристіонъ» (1822), «Запорожецъ», «Заморскій принцъ» (1824), «Бурсакъ» (1824), «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ» (1825), «Черный годъ» (1829). Тѣмъ не менѣе онъ не былъ оцѣненъ современниками и вскорѣ забытъ совершенно. Сдѣлавъ чрезвычайно много для литературы, какъ непосредственный предшественникъ Гоголя, имѣвшій на него замѣтное вліяніе, Нарѣжный для читателей и критики его времени остался явленіемъ непонятнымъ.

Вотъ отзывы о Нарѣжномъ «Московскаго Телеграфа» графа Полевого:

«Г. Нарѣжный издалъ «Бурсака», романъ въ 4 книжкахъ, и «Повѣсти» въ двухъ. И въ томъ и въ другомъ сочиненіи замѣтна извѣстная уже способность г. Нарѣжнаго описывать бытъ народный и рисовать характеры; но все затмевается выборомъ низкихъ предметовъ, неприличными, несносными выраженіями, и ходомъ приключеній, по-старинному обдѣланныхъ... Пусть г. Нарѣжный вводитъ читателей въ высшій кругъ людей, болѣе старается о слогѣ, о связи и простотѣ приключеній и мы ручаемся за успѣхъ его романовъ» [1]).

«В. Т. Нарѣжный, скончавшійся въ іюлѣ сего года, подавалъ нѣкогда большія о себѣ надежды. Обстоятельства—тяжелая цѣпь, часто угнетающая таланты, остановили и Нарѣжнаго на его поприщѣ... Въ послѣднее время жизни своей г. Нарѣжный началъ писать русскіе, или, лучше сказать, малороссійскіе романы. «Бур-

[1]) М. Т., 1825. № 1. Стр. 87 и 88.

сакъ», изданный въ прошломъ году, заключая въ себѣ живыя картины старинной Малороссіи, много мыслей и правдивыхъ описаній, принятъ былъ съ похвалою, несмотря на недостатки, какъ-то: грубость слога, невѣроятность происшествій и низость нѣкоторыхъ описаній» [1]).

Въ «Письмѣ изъ Парижа» кн. П. А. Вяземскій такъ отозвался о Нарѣжномъ:

«Не удовлетворяя вполнѣ эстетическимъ требованіямъ искусства, Нарѣжный побѣдилъ первый, и покамѣстъ одинъ (писано въ 1825 г.), трудность, которую, признаюсь, почиталъ я до того непобѣдимою; мнѣ казалось, что наши нравы, что вообще нашъ народный бытъ, не имѣетъ или имѣетъ мало оконечностей любопытныхъ, кои могъ бы схватить наблюдатель, для составленія русскаго романа. Правда, что авторъ нашъ, наблюдатель несовершенно русскій, а малороссійскій, и что его два лучшіе романа, «Бурсакъ» и «Два Ивана», относятся къ эпохѣ, когда Малороссія еще имѣла свою особенную и характеристическую физіономію; правда и то, что Нарѣжный не берется быть живописцемъ природы изящной, а сбивается болѣе на краски Теньера, Гогарта или Пиго [2]). Картины его имѣютъ обыкновенно черты каррикатурныя, но не менѣе того обнаруживается вездѣ умъ оригинальный, веселый, смѣтливый въ наблюденіяхъ, а кое-гдѣ прорываются черты истинной чувствительности. Ходъ происшествій его довольно запутанъ, но развязка ихъ естественна... Жаль, что языкъ непріятный, грубый, иногда даже дикій, вкусъ неочищенный, или, справедливѣе, совершенное отсутствіе вкуса, много вредятъ достоинству сихъ романовъ; но со всѣмъ тѣмъ они занимаютъ мѣсто въ числѣ замѣчательныхъ произведеній нашей лѣнивой и періодической словесности. Изъ нашихъ писателей не многихъ станетъ на книгу, не только что на нѣсколько томовъ» [3]).

Обвиненіе въ «грубости» повторяетъ Дельвигъ:

«Нарѣжный былъ Теньеръ, и еще русскій Теньеръ романа. Какъ китайскіе романы обдаютъ насъ запахомъ чая, такъ что, читая ихъ, сидишь какъ будто по уши въ цибикѣ, такъ романы Нарѣжнаго обдаютъ насъ «варенухою», и куда авторъ ни вводитъ насъ, а все, кажется, не выходишь у него изъ корчмы» [4]).

Замѣчательно, что даже новѣйшая изслѣдовательница, г-жа Бѣлозерская, повторяетъ эти обвиненія романиста въ грубости стиля.

---

[1]) М. Т., 1825 г. № XVI. Стр. 346.

[2]) Pigault de l'Epinoy, dit Pigault-Lebrun (1753—1835), французскій романистъ и драматургъ. Его многочисленные романы составляютъ 20 томовъ собранія сочиненій. Первый его романъ «l'Enfant du carnaval» вышелъ въ 1792 г. Веселость, порою цинизмъ, вотъ его качества. Онъ превосходный наблюдатель и живописецъ нравовъ. Его называютъ даже вторымъ Рабле.

[3]) М. Т. 1825. № 22.

[4]) 1830 г. Дельвигъ. Соч., изд. 1895 г., стр. 128.

Между тѣмъ въ позднѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Нарѣжный далъ образцы превосходной прозы. Картины его — часто пастели, нѣжнаго и тонкаго письма. Реализмъ Нарѣжнаго, вотъ что заставляетъ его обвинять въ грубости, сальности и т. д. Тѣ же обвиненія повторяли и противъ Гоголя, но его геній ихъ побѣдилъ, и къ тому же Гоголя защищалъ своимъ щитомъ такой паладинъ русской критики, какъ Бѣлинскій.

Нарѣжный превосходно зналъ и изображалъ историческую и бытовую Малороссію. Въ концѣ XVIII-го вѣка Украйна еще не потеряла своихъ своеобразныхъ мѣстныхъ красокъ. Простые казаки расхаживали въ черкескахъ и шапкахъ, съ подбритымъ чубомъ и турецкою саблею.

Нарѣжному не приходилось, какъ впослѣдствіи Гоголю, собирать свѣдѣнія о старыхъ обычаяхъ или выписывать образцы народной одежды. Онъ видѣлъ ихъ съ дѣтства; видѣлъ старинныя казацкія хаты съ ихъ убранствомъ, широкіе рѣшетчатые дворы сотниковъ и дома ихъ, раздѣленные надвое, съ сквозными сѣнями. Еще живы были представители Запорожской сѣчи, уничтоженной въ 1775 году, а также внуки и правнуки участниковъ войнъ Хмельницкаго. Разсказы ихъ о казацкихъ подвигахъ и послѣднихъ гетманахъ, слышанные въ дѣтствѣ, должны были глубоко врѣзаться въ памяти Нарѣжнаго [1]).

Не менѣе Малороссіи извѣстна была Нарѣжному и великороссійская жизнь, какъ это доказываетъ его замѣчательный романъ «Россійскій Жилблазъ», вышедшій въ 1814 г. Служба въ Грузіи отразилась въ романѣ «Черный годъ». Мы видимъ мощный регистръ таланта романиста, громадный захватъ имъ жизни. Кавказъ и Грузія, Малороссія, бурса и войско казацкое, гетманская ставка и разбойничьи притоны, Москва начала вѣка, масоны, игроки, бытъ русскихъ помѣщиковъ, чиновниковъ, приказныхъ — цѣлый міръ отразился въ произведеніяхъ Нарѣжнаго, чрезвычайно любопытныхъ для изученія.

Бѣлинскій понималъ значеніе Нарѣжнаго:

«Русскихъ романистовъ, говоритъ онъ, было много, а романовъ мало, и между романистами совершенно забытъ ихъ родоначальникъ Нарѣжный... Появленіе Булгарина въ качествѣ романиста было упреждено появленіемъ на томъ же поприщѣ Нарѣжнаго, человѣка съ замѣчательнымъ и оригинальнымъ талантомъ» [2]).

Выше мы уже привели мнѣніе о Нарѣжномъ критика 50-хъ годовъ Дружинина. Но наиболѣе замѣчательную характеристику находимъ въ письмѣ И. А. Гончарова къ М. И. Семевскому отъ 11-го декабря 1874 года:

---

[1]) Тимковскій. Мое опредѣленіе на службу. Москвитянинъ, т. V. 1852. Ч. I. Стр. 1—26. Бѣлозерская. Ч. II. Стр. 4—5.

[2]) Соч., изд. Солдатенкова, т. VI. Стр. 68—69, и т. XII, стр. 58.

«Бѣлинскій глубоко правъ, отличивъ его (Нарѣжнаго) талантъ и оцѣнивъ его, какъ перваго русскаго по времени романиста. Онъ школы Фонвизина, его послѣдователь и предтеча Гоголя. Я не хочу преувеличивать, прочитайте внимательно, и вы увидите въ немъ намеки, конечно, слабые, туманные, часто въ изуродованной формѣ, на типы характерные, созданные въ такомъ совершенствѣ Гоголемъ. Онъ часто впадаетъ въ манеру и тонъ Фонвизина и какъ будто предсказываетъ Гоголя. Натурально, у него не могли идеи выработаться въ характеры, по отсутствію явившихся у насъ впослѣдствіи новыхъ формъ и пріемовъ искусства, но эти идеи носятся въ туманныхъ образахъ—и скупого, и старыхъ помѣщиковъ, и всего того быта, который потомъ ожилъ такъ реально у нашихъ художниковъ,—но онъ всецѣло принадлежитъ къ реальной школѣ, начатой Фонвизинымъ и возведенной на высшую степень Гоголемъ... Въ современной литературѣ это была бы сильная фигура... Въ этихъ безпорядочныхъ строкахъ я, конечно, не успѣлъ выразить того, что считаю Фонвизина, Нарѣжнаго и Гоголя главными представителями чисто реальной школы».

Итакъ, по мнѣнію Гончарова, романистъ 20-хъ годовъ, Нарѣжный, есть «предтеча» Гоголя; «намеки на типы», получившіе наименованіе спеціально «гоголевскихъ типовъ», уже являются въ его романахъ; Нарѣжный «предсказываетъ» Гоголя; «идея быта», который «ожилъ» подъ перомъ Гоголя, «носятся въ туманныхъ образахъ» у Нарѣжнаго, который одинъ изъ «представителей чисто реальной школы».

Подвергнемъ же анализу произведенія Нарѣжнаго съ этой точки зрѣнія.

III.

Изображеніе внутренняго распорядка южно-русской бурсы, а также типы бурсаковъ у Гоголя находимъ преимущественно въ фантастической повѣсти «Вій», отчасти и въ «Тарасѣ Бульбѣ», гдѣ на первыхъ страницахъ показывается предъ нами бурсацкій обликъ юныхъ сыновей Бульбы.

Наконецъ, что такое самая «сѣчь», какъ не родъ суровой, своеобразной «бурсы»? Надо принять во вниманіе, что въ той «бурсѣ», которую описываетъ Нарѣжный, нерѣдко воспитывалась дворянская молодежь Малороссіи. Во всякомъ случаѣ, это не было узко-замкнутое, наполнявшееся единственно сыновьями духовенства учрежденіе, какъ позднѣйшая «бурса», хотя бы Помяловскаго.

Нарѣжный выясняетъ прежде Гоголя основы этого своеобразнаго братства.

«Есть многіе сельскіе и иногородніе отцы, кои, охотно желая видѣть сыновей своихъ учеными, по бѣдности не въ силахъ содержать ихъ въ городѣ, гдѣ понадобилось бы платить за квартиру и за пищу... Помощью вкладовъ щедрыхъ обывателей и по распоряженію монастырей, при каждой семинаріи устроены просторныя избы съ печью или и двумя, окруженныя внутри широкими лавками; на счетъ также монастыря снабжаются онѣ отопленіемъ, и болѣе ничѣмъ. Сіи-то избы называются бурсами, а проживающіе въ нихъ школьники бурсаками. Старшій изъ студентовъ, по волѣ ректора, управляетъ другими, нося величественное имя консула, въ томъ предположеніи, что и начальный Римъ былъ не что иное, какъ бурса» [1]).

Въ живыхъ описаніяхъ знакомитъ насъ Нарѣжный съ внѣшностью бурсаковъ и ихъ помѣщенія. Онъ изображаетъ первыя впечатлѣнія новичка среди столь суровой обстановки.

«Чтобъ я милостивѣе былъ принятъ, то отецъ мой вручилъ консулу полтину денегъ, прося приготовить праздничный ужинъ. Послѣ чего, снабдя меня соломеннымъ мѣшкомъ и какою-то латинскою книгою на польскомъ языкѣ и благословя гривною денегъ, сказалъ: «Неонъ! не печалься, другъ мой! Я оставляю тебя въ надежномъ пристанищѣ. Бойся Бога, чти старшихъ и слушайся, не лги и не кради, — тогда ты угоденъ будешь и Богу, и людямъ. Учись прилежно, когда хочешь быть благополученъ»... Стоя у дверей бурсы, я провожалъ ихъ слезящими глазами; когда же скрылись, то я вздумалъ осмотрѣть кругомъ новое мое обиталище.

«Это былъ сарай, состроенный изъ плетня, обмазанный изнутри и снаружи желтою глиною; крыша была соломенная; двери и четыре круглыя окна освѣщали это зданіе. Впереди имѣло оно обширный пустырь, поросшій высокимъ бурьяномъ; торчало... съ десятокъ полуусохшихъ шелковичныхъ деревьевъ; съ задней стороны примыкалось къ высокому берегу рѣки Десны; правая боковая сторона граничила съ заборомъ огромнаго сада, принадлежащаго монастырю... лѣвая съ чьимъ-то пространнымъ огородомъ, на углу коего стоялъ шинокъ.

«...Я вошелъ въ бурсу и усѣлся въ углу на лавкѣ... Консулъ — это былъ высокій, дородный, смуглый мужчина, съ большими черными усами — лежалъ на лавкѣ на войлокѣ, склонивъ голову на связку травы и держа въ рукахъ претолстую тетрадь. Изъ двадцати пяти моихъ товарищей... человѣка съ четыре уже усланы для закупки вещей, нужныхъ къ ужину, а остальные заняты различнымъ образомъ. Иной басилъ ужаснымъ голосомъ духовную пѣсню; другой бренчалъ на балалайкѣ, подъ звукъ коей человѣка

[1]) Бурсакъ. Соч. ч. I. Изд. 2-е. 1835. Стр. 6—7.

два-три скакали въ присядку; нѣкоторые боролись или бились на кулачкахъ... Солнце клонилось къ западу; купчины возвратились, принесли съ собою полъ-барана, мѣшокъ со пшеномъ и деревянную баклагу съ пѣнникомъ. Консулъ сейчасъ вскочилъ и, овладѣвъ баклагою, отвѣдалъ и, похваляя напитокъ, пошелъ съ нею на берегъ Десны... Три кашевара развели огонь, утвердили треножный таганъ, разсѣкли баранину на куски по числу братіи и начали стряпню. Между тѣмъ консулъ, отдѣлившись съ шестью гокарищами, сѣлъ на берегу и началъ цѣловаться съ баклагою» [1]).

Несмотря на жестокія наказанія, въ родѣ крапивы, ударовъ лопатками по ладонямъ, лозановъ и прочаго, въ бурсакахъ Нарѣжнаго замѣтенъ духъ своеобразной гордости своимъ сословіемъ. Новичку объясняютъ:

«Почтенное сословіе бурсаковъ образуетъ въ маломъ видѣ великолѣпный Римъ, и консулъ управляетъ онымъ вмѣстѣ съ сенатомъ. Въ консулы избирается старшій изъ богослововъ, а поэты, богословы и философы образуютъ сенаторовъ; риторы составляютъ ликторовъ, или исполнителей приговоровъ сенатскихъ; прочіе называются целерами, или бѣгунами, которые употребляются на разсылки; прочіе составляютъ плебеянъ, или чернь — простой народъ. Видишь, какъ все это прекрасно устроено!» [2]).

Такъ же, какъ Гоголь въ «Віѣ», Нарѣжный въ «Бурсакѣ» описываетъ пѣніе по дворамъ обывателей и грабительскіе походы бурсаковъ въ ночное время на сосѣдніе огороды:

«Въ бурсѣ раздался басистый голосъ консула: «Ребята! на работу!» Тотчасъ четыре философа, взявъ на плечи по огромному мѣшку, стали поодаль одинъ отъ другого. Консулъ, стоя противъ нихъ, началъ пальцемъ указывать то на того, то на другого изъ прочей ватаги, и въ мигъ къ каждому мѣшконосцу присоединилось по нѣскольку риторовъ, поэтовъ и инфимовъ» [3]).

«Вступили мы на дворъ... и начался духовный концертъ. Я взглянулъ на своего вождя, и ужасъ обнялъ меня. Представь себѣ, кто хочетъ, высокаго чернаго мужчину, съ разинутою пастью, выпучившаго страшные глаза и дерущаго горло, шевеля длинными усами...» [4]).

Вотъ описаніе ночного нападенія бурсаковъ на огородъ.

«Шесть дынеграбителей, скинувъ сюртуки (ибо по званію философовъ и риторовъ имъ предосудительно уже ходить въ халатахъ), отправились... Въ огородѣ сначала разсыпались въ разныя стороны. При свѣтѣ луны видно было каждое ихъ движеніе. Они

[1]) Ibid., стр. 7—1.
[2]) Ibid., 17.
[3]) *Ibid.*, 19.
[4]) *Ibid.*, 21.

терзали растенія, коренья и что имъ ни попадалось... Вдругъ, какъ жабы изъ земли, человѣкъ съ двадцать и болѣе возникли съ рогатинали и окружили онѣмѣвшихъ философовъ и риторовъ: «Сдавайтесь!» [1]).

Бурсакъ Неонъ Хлопотинскій въ романѣ Нарѣжнаго затѣмъ попадаетъ въ малороссійское войско, въ Батуринъ, служитъ при дворѣ гетмана, участвуетъ въ битвахъ. Между тѣмъ другой бурсакъ—Сарвилъ, изгнанный изъ бурсы, дѣлается атаманомъ разбойниковъ, готовясь въ крайнемъ случаѣ бѣжать въ Запорожскую сѣчь, эту «чудовищную столицу свободы, равенства и безчинія всякаго рода». Сцены вольнаго житья бродячихъ рыцарей вплетаются въ романъ съ историческими описаніями. Вглядываясь въ общій замыселъ Нарѣжнаго, нельзя не прійти къ заключенію, что не только бытовыя подробности описаній повторились у Гоголя, но и цѣлое имѣло на него вліяніе. Изъ суровой, но по-своему свободной бурсы выходили закаленные характеры, которымъ оставалась или сѣчь, или шайка, вообще военное поприще, при чемъ бурсакъ виденъ былъ въ нихъ до конца дней. Въ «Віѣ» и въ «Тарасѣ Бульбѣ» Гоголя видимъ такихъ бурсаковъ, при чемъ мысль сдѣлать «бурсу» преддверіемъ «сѣчи» и кинуть двухъ бурсаковъ съ порога школы въ кипень военной жизни почерпнута великимъ поэтомъ у Нарѣжнаго. Нарѣжный любилъ описывать бытъ мелкой шляхты и русскихъ князей, преблагополучно пашущихъ свои нивы (въ «Россійскомъ Жилблазѣ»). Въ «Бурсакѣ» Нарѣжный даетъ характерное изображеніе «вольнаго шляхтича».

«Мы поворотили коней съ дороги. Крестьянинъ, который былъ отъ насъ саженяхъ въ двадцати, кинулъ свой плугъ и воловъ, опрометью бросился къ телѣгѣ и скрылся за нею. Я хотѣлъ спросить у своего спутника, чего мужикъ испугался, но онъ, усмѣхнувшись, сказалъ: «я догадываюсь, что это шляхтичъ». Минуту спустя, послѣдовало превращеніе. Изъ-за телѣги показался и шелъ прямо на насъ мужчина въ синемъ поношенномъ жупанѣ; длинная сабля волоклась за нимъ. Довольно издали онъ снялъ шапку, поклонился съ ласковою улыбкою и вскричалъ: Добро пожаловать, господа кавалеры! Сердечно жалѣю, что домокъ мой не близко отсюда, а время наступаетъ полдничать. Во время полуденнаго зноя я немного уснулъ, а бездѣльники мои подданные разбрелись до одного. Впрочемъ, господа, если вы чувствуете позывъ на ѣду, то милости прошу пожаловать къ моей бричкѣ. Тамъ найдете вы свиное сало, мягче и вкуснѣе всякаго масла, довольное число преизящныхъ луковицъ, величиною въ рослую рѣпу, и хлѣбъ, какого лучше не ѣстъ и самъ гетманъ... [2]).

---

[1]) Ibid., 89.
[2]) Ibid., 143—144.

Невольно этотъ комическій образъ просится въ сопоставленіе съ той оголодалой толпой шляхтичей, которые присутствуютъ на казни Остапа у Гоголя.

IV.

Романъ «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ» представляетъ во многомъ большое сходство съ «Повѣстью о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ».

Нарѣжный рисуетъ бытъ старинныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ средней руки и описываетъ судьбу трехъ семействъ, разоренныхъ въ конецъ многолѣтней тяжбой изъ-за ничтожнаго повода.

По объясненію одного изъ «позывающихся» дѣло было такъ:

«Лѣтъ около десяти передъ этимъ, мы, оба Ивана, покойно жили въ хуторахъ своихъ, занимаясь въ простые дни сельскимъ хозяйствомъ, а праздничные проводя за горшками варенухи»... ссора начинается изъ-за пары кроликовъ, подаренныхъ пятилѣтнему мальчику. «Звѣрки начали плодиться... Когда оба наши семейства, въ послѣобѣденное время сидя подъ цвѣтущими вишневыми и сливяными деревьями, слушали разсказы Ивана старшаго о военныхъ его подвигахъ и на досугѣ высчитывали количество будущихъ плодовъ, раздавшійся мгновенно ружейный выстрѣлъ привелъ всѣхъ въ содроганіе; однако мы скоро оправились, вскочили и подбѣжали къ плетневому забору, раздѣлявшему оба сада. Тутъ опять послѣдовалъ выстрѣлъ, и мы вскорѣ увидѣли, что прямо къ намъ бѣжитъ куча кроликовъ, одинъ безъ ноги, другой безъ уса, третій безъ зубовъ... Тутъ же показался сосѣдъ, шляхтичъ Харитонъ Заноза, съ ружьемъ въ рукахъ»... [1]).

«Ахъ, ты, невѣжа, бурлакъ! и ты осмѣлился говорить это военному человѣку, не скинувъ колпака! —вскричалъ другъ мой Иванъ, и съ быстротой вѣтра выдернулъ колъ изъ забора, взмахнулъ, и колпакъ взвился на воздухъ... Вотъ основа тяжбы. Начались слѣдствія, переизслѣдованія, и день ото дня дѣло наше становилось запутаннѣе... Во всегдашнемъ ратоборствѣ протекло около десяти лѣтъ. Въ теченіе сего времени съ нашей стороны погублены: цѣлое стадо гусей, утокъ, множество свиней, овецъ, козъ и барановъ; за-то и у пана Харитона убыло: три пары рабочихъ воловъ, двѣ лошади и нѣсколько коровъ съ теленками. Но это мелочи! Харитонъ сожегъ у меня гумно, а мы выжгли у него цѣлое поле съ созрѣвшимъ хлѣбомъ; онъ подкопалъ у насъ водяную мельницу, а мы сожгли у него двѣ вѣтряныхъ» [2]).

Романъ начинается описаніемъ грозы подъ Миргородомъ, сопровождаемой сильными порывами вѣтра и проливнымъ дождемъ.

---

1) Два Ивана. Соч., часть III. Изд. 2-е. 1836. Стр. 19 и 20.
2) Два Ивана. Стр. 22.

«Въ это время, и подлинно невеселое, два молодые странствующіе философа изъ Полтавской семинаріи, исчерпавъ въ этомъ храмѣ весь кладезь мудрости и бывъ выпущены на свою волю, пробирались по глинистой дорогѣ сквозь лѣсъ дремучій. Почти на каждомъ шагу они останавливались, чтобы имъ закрыть руками глаза, ослѣпляемые блескомъ молніи, или заткнуть уши, оглушаемыя разрывами грома, или смыть со щекъ и выжать съ усовъ жидкую грязь, со шляпъ струившуюся. «Вотъ настоящій Девкаліоновъ потопъ»,—сказалъ одинъ изъ философовъ» [1]).

Вся сцена живо напоминаетъ ночное путешествіе бурсаковъ въ «Віѣ» Гоголя. Въ дальнѣйшихъ сценахъ романа прекрасны по тонкому юмору и лукавому простодушію описанія свиданій юныхъ шляхтичей съ наивными сельскими красавицами на баштанѣ, поджиданіе ихъ въ бурьянѣ, въ сумерки. Эти картины, хотя и бѣдныя деталями, писаны нѣжной пастелью. Невольно приходитъ на умъ, что Гоголь до извѣстной степени отъ Нарѣжнаго перенялъ своихъ малороссійскихъ любящихся, а также усвоилъ всю эту мѣстную прелесть бурьяна, баштановъ, горилки, варенухи и т. д. Описаніе поджога мельницы въ романѣ Нарѣжнаго, по общему тону, напоминаетъ уничтоженіе гусинаго хлѣва въ повѣсти Гоголя о ссорѣ Перерепенка съ Довгочхуномъ.

Шляхтичи ведутъ политичныя бесѣды со своими зазнобами:

«Часто ли ходите вы на баштанъ?—Каждый вечеръ,—отвѣчала Раиса, потупивъ взоры.—Такъ мы каждый вечеръ будемъ дожидаться васъ у плетневой калитки!—воскликнулъ студентъ.—А если кто провѣдаетъ?—Кого понесетъ нелегкое въ поздній вечеръ на чужой баштанъ, когда у всякаго есть свой» [2])?

Руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что «никому на мысль не придетъ, что шляхтичи, и при томъ люди ученые, гнѣздятся въ бурьянѣ до полночи»,—«влюбленные философы, взявши по торбѣ, на крылахъ любви полетѣли къ извѣстной плетневой калиткѣ, заглянули на баштанъ, и, никого не видя, засѣли въ большомъ бурьянѣ рослымъ вдоль забора. Головы ихъ ежеминутно выставлялись... Около часа они провели въ этомъ незавидномъ упражненіи, и оно имъ надоѣло. Наконецъ красавицы показались, и головы перестали высовываться изъ бурьяна».

Наконецъ, въ романѣ Нарѣжнаго есть сцена, которую можно сопоставить съ описаніемъ чтенія псалтыря философомъ Хомою надъ панночкою-колдуньей въ «Віѣ», только у Нарѣжнаго сцена чисто комическаго характера.

«Наступали сумерки, и нарочно приглашенныя старухи опрятали тѣло покойнаго, одѣли въ чистое бѣлье и въ любимую кармазин-

[1]) Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ. Соч., ч. III. Изд. 2-е. 1886.
[2]) Два Ивана. Стр. 88.

ную черкеску... и уложили на столъ, по угламъ коего горѣли четыре большихъ церковныхъ подсвѣчника... Дьячекъ Ѳома, осушивъ изъ поставленной подлѣ него сулеи добрую мѣру, богобоязненно возгласилъ: Блаженъ мужъ... Долго занятъ былъ почтенный Ѳома тремя различными предметами: чтеніемъ, лобызаніемъ съ сулеею и зѣваньемъ. Когда пѣтухи первымъ пѣніемъ возвѣстили полночь, то Ѳомѣ показалось, что покровъ на покойникѣ шевелится... Панъ Харитонъ за четверть часа уже проснулся. Услыша бормотаніе Ѳомы, онъ узналъ, что тотъ читаетъ псалтырь. Открывъ до половины глаза и видя себя на столѣ... онъ сейчасъ же догадался, что его соннаго сочли мертвымъ и готовили къ погребенію. По своему крутому праву, онъ хотѣлъ было оторвать у дьячка пучекъ, но скоро отдумалъ... Посему, когда Ѳома, поднося къ губамъ сулею, возгласилъ: вѣчный покой душѣ Харитоновой! — то онъ ласково отвѣчалъ: Спасибо, дружище!.. Ѳома оцѣпенѣлъ, пальцы рукъ его прильнули къ сулеѣ... онъ только и чувствовалъ, что волоса головы его, собранные въ пучокъ, трещали».

Во всѣхъ этихъ сценахъ нельзя не чувствовать перваго вѣянія того характернаго юмора, который затѣмъ достигаетъ полноты выраженія у Гоголя.

V.

Въ 1822 году, вышла повѣсть Нарѣжнаго «Аристіонъ или перевоспитаніе». Въ началѣ изображена разгульная жизнь богатаго дворянчика въ Петербургѣ, кончающаяся тѣмъ, что онъ совершенно запутывается въ долгахъ. Вѣрный дядька его Макаръ, пользуясь отчаяніемъ своего господина, увозитъ его въ Украину, на родину. Тамъ отецъ Аристіона, котораго сынъ считаетъ умершимъ, начинаетъ съ помощью своего друга его перевоспитаніе. Мистификація, придуманная для этого, и незамысловата, и невѣроятна, но авторъ даетъ рядъ превосходныхъ бытовыхъ картинъ. Предъ нами смѣло очерченные наброски типовъ помѣщиковъ, съ ихъ семейной и домашней обстановкой, нравами и привычками, пана Парамона, проводящаго дни въ пьяномъ разгулѣ, наконецъ, пана Тараха, который, по замѣчанію А. Галахова, представляетъ фамильное сходство съ «Гарпагономъ великорусскимъ», воплощеннымъ въ Плюшкинѣ. Напримѣръ, панъ Тарахъ, подобно Плюшкину, былъ нѣкогда только бережливымъ хозяиномъ, «но достоинство это простеръ до того, что сдѣлался гнуснымъ скрягою» [1]).

Вотъ описаніе прототипа Плюшкина — пана Тараха:

«Босой, въ лохмотьяхъ, малый ихъ встрѣтилъ и ввелъ въ комнату къ хозяевамъ. Блѣдный, изсохшій, съ тусклыми взорами ста-

[1]) Исторія русской словесности А. Галахова, т. II. Спб. 1868. Стр. 183. «В. Т. Нарѣжный», очеркъ Бѣлозерской. Изд. 2-е, ч. II, стр. 106.

Портретъ Гоголя приложенный къ «Запискамъ о жизни Гоголя» изданнымъ Кулишемъ.

доз. ценз. 18 янв. 1902 г. спв.

рикъ сидѣлъ на скамейкѣ у непокрытаго запачканнаго стола. Предъ нимъ стояла миса яшной кашицы, въ которую онъ наливалъ по каплямъ льняное масло. Подлѣ него сидѣла такая же старуха и считала капли. Когда она произнесла охриплымъ голосомъ: десять! рука у старца вздрогнула, остановилась, и банка съ масломъ поставлена на столъ. Тутъ хозяева примѣтили гостей, встали и, наговоривъ кучу деревенскихъ учтивостей, просили раздѣлить умѣренную трапезу. «Я весьма недомогаю,—сказалъ плачевно Тарахъ,— и лѣкарь совѣтуетъ держать діэту». По объясненію крестьянъ скупца:

«Если бы можно было изъ десяти скрягъ слѣпить одного, то вышелъ бы истинный панъ Тарахъ, а супруга его и того лучше... челядинцы ихъ состоятъ изъ парней, у коихъ, кромѣ лохмотьевъ на тѣлѣ и отваги на душѣ, ничего не осталось, и дѣвокъ такого-жъ покрова. Посредствомъ этихъ слугъ демонскихъ приманиваютъ они нашихъ быковъ, коровъ, овецъ, куръ и гусей»...

Мы видимъ уже тутъ начало того «рыболовства», которымъ занимался Плюшкинъ у Гоголя. Противоположность Тараху—разгульный панъ Парамонъ, рисующійся въ обстановкѣ каррикатуры Гогарда.

«Они подошли къ прекрасному лѣсняку дубовому, но только очень рѣдкому, и сквозь просѣки увидѣли по правую руку развалины довольно обширной деревни, а по лѣвую господскій домъ, также довольно обширный и также близкій къ разрушенію. Едва они вошли въ сей лѣснякъ, какъ цѣлая куча полунагихъ мальчиковъ и дѣвчонокъ бросились къ нимъ... Въ мигъ они окружили пришельцевъ и подняли ужасный вопль, называя ихъ красавчиками, голубчиками, солнышками красными... Бѣдняжки протягивали руки, дергали за полы, падали ницъ, хватались за ноги».

«Молча вступили они на дворъ помѣщичьяго дома... По серединѣ двора стояли до десятка мальчиковъ босыхъ, покрытыхъ лохмотьями. Между ними отличался одинъ своимъ нарядомъ. Хотя и онъ былъ также босъ, но зато въ полосатыхъ тиковыхъ шароварахъ и въ синей суконной курткѣ съ металлическими пуговицами. Сей щеголь стоялъ, уже нагнувши голову и протянувъ шею. Въ мигъ запачканный мальчишка вскочилъ ему на плеча, и началось торжественное шествіе вдоль двора. Прочіе подняли радостный крикъ и хохотню... Это значитъ, что господскій сынъ, играя въ городки съ своими челядинцами, проигралъ, и въ наказаніе везетъ на себѣ выигравшаго... Они вошли на крыльцо, а потомъ и въ переднюю. Тамъ молодая, довольно пріятнаго вида дѣвка, также въ полосатой тиковой юбкѣ и синей суконной кофтѣ, въ старыхъ башмакахъ на босую ногу, сидѣла на скамьѣ, задравши голову и зажмуря глаза. Изъ шести молодыхъ дѣвокъ, одѣтыхъ по-домашнему, т. е. въ однѣхъ рубашкахъ и плахтахъ, одна держала въ

правой рукѣ замасленную карту, хлопала ею по носу помянутую красавицу, такъ что слезы катились градомъ изъ сомкнутыхъ глазъ ея... Это второе дѣйствіе комедіи и представляетъ хозяйскую дочь, окруженную своими наперсницами. Она забавлялась съ ними игрою въ «носки», и какъ проиграла, то носъ ея и выдерживаетъ заслуженное наказаніе. Красавицы эти, стоя спинами къ пришельцамъ, а при томъ въ одинъ голосъ считая разы ударовъ, и не примѣтили, какъ они вошли въ переднюю и вступили изъ нея въ гостиную».

«Тамъ было человѣкъ слишкомъ десять однихъ мужчинъ. За тремя столами играли въ карты; на четвертомъ стояли два огромныхъ горшка,—и какъ по запаху слышно было—съ варенухой... Хохотъ, крикъ, удары кулаками или трубками по столамъ и громкія брани... колебали дымный воздухъ въ комнатѣ. Однако же эта сумахота не помѣшала пирующимъ примѣтить посѣтителей. Всѣ быстро поднялись съ мѣстъ своихъ, и хозяинъ, въ халатѣ изъ той же матеріи, изъ которой были шаровары на сынѣ и юбка на дочери, съ огромною дубовою трубкой въ рукѣ, съ кожанымъ табачнымъ мѣшкомъ на поясѣ, подбѣжалъ къ Кассіану и, схвативъ его за руку дружелюбно, вскричалъ: добро пожаловать, милостивецъ!.. Я надѣюсь, милостивецъ, что гости мои, а они изъ лучшихъ сосѣднихъ дворянъ, не помѣшаютъ вамъ продолженіемъ своей забавы!»

Затѣмъ слѣдуетъ попойка: «Прибѣжали двѣ дѣвки изъ числа игравшихъ въ «носки». Парамонъ молча указалъ чубукомъ на горшки; дѣвки схватили ихъ и унесли, а минуты черезъ двѣ явились съ двумя другими, изъ коихъ столбомъ выходилъ дымъ ароматическій».

Въ заключеніе гости были приглашены полюбоваться доморощеннымъ балетомъ:

«Вышедъ на крыльцо, и дѣйствительно увидѣли нѣчто очень забавное. По правую руку стояли три искусника съ своими орудіями; одинъ—кривой съ гудкомъ, другой — хромой съ волынкою, третій — горбатый съ цимбалами. По лѣвую съ дюжину парней и столько же молодыхъ бабъ и дѣвокъ. У воротъ панскаго двора толпилось множество народа обоего пола и разнаго возраста. Какъ скоро гости усѣлись на скамьяхъ и на ступеняхъ, панъ Парамонъ возвысилъ надъ головою своею чубукъ, потрясъ имъ троекратно и вскричалъ: а, ну! Въ мигъ загудѣлъ гудокъ, заревѣла волынка, зазвенѣли цимбалы. Плясуны и плясуньи зашевелились, задвигались, запрыгали... Панъ Парамонъ сказалъ, трепля себя по брюху: «Милостивецъ! люблю жить весело!» [1]).

---

[1]) Аристіонъ. Гл. XLVIII. Дворянскія увеселенія по деревнямъ.

VI.

Проза двадцатыхъ годовъ была до того бѣдна сколько нибудь литературными произведеніями, что появленіе въ 1829 году «Ивана Выжигина», «нравственно-сатирическаго» романа Өаддея Булгарина въ 4-хъ частяхъ, явилось довольно выдающимся событіемъ. Надо принять во вниманіе условія минуты, чтобы оцѣнить значеніе романа и позабыть на время послѣдующую позорно-плачевную «эволюцію» Өаддея Венедиктовича. «Въ кабинетахъ, въ гостиныхъ, на биржѣ, въ городахъ, въ деревняхъ, въ цѣлой Россіи сочиненія г. Булгарина, и особенно «Иванъ Выжигинъ», составляютъ предметъ разговоровъ»,—писалъ «Московскій Телеграфъ». Просвѣщенные и невѣжды, умные и неразумные, дамы, старики, офицеры, купцы, чиновники, даже дѣвушки и дѣти толкуютъ о Булгаринѣ, о его успѣхахъ литературныхъ. Разговоры о «Иванѣ Выжигинѣ» составляютъ приправу холодныхъ визитовъ, скучныхъ посѣщеній, столкновеній дѣловыхъ людей и сборищъ за сытными обѣдами. Все это показываетъ, во-первыхъ, что сочиненія г. Булгарина читаются во всей русской Россіи; во-вторыхъ, что они обращаютъ на себя общее вниманіе... Кажется, мы не сказали лишняго, назвавъ успѣхъ г. Булгарина огромнымъ, необыкновеннымъ... Книги, которыя въ мѣсяцъ распродаются тысячами экземпляровъ, становятся предметомъ разговоровъ всюду, у всѣхъ, и вызываютъ отчаянныя нападенія въ нѣкоторыхъ журналахъ, эти книги несомнѣнно имѣютъ успѣхъ огромный. Дѣло неоспоримое: сочиненія г. Булгарина и его «Иванъ Выжигинъ» удостоились сего успѣха».

Должно забыть о всемъ, что появилось послѣ 1829 года, и оглянуться на то крайне скудное достояніе русской прозы, которое ему предшествовало и почти исчерпывалось повѣстями Карамзина, да романами Нарѣжнаго, чтобы понять значеніе «Выжигина».

Наиболѣе интересна третья часть романа: изображеніе уѣзднаго города, чиновничьей среды и провинціальныхъ помѣщиковъ. Эта часть оказала извѣстное вліяніе и на Гоголя.

Тутъ любопытно изображеніе, какъ «гг. таможенные чиновники расхаживали вокругъ кипъ съ товарами, какъ лисицы вокругъ курятника».

Описываются уѣздныя моды:

«Въ уѣздномъ городѣ всякой молодецъ на свой образецъ... Молодые люди носили ужасныя бакенбарды, усы, закоптѣлые отъ табачнаго дыма, и испанскую бородку. Растрепанная голова покрыта была картузомъ или фуражкою. Венгерка, т. е. сюртукъ, убранный шнурками по-гусарски, или казачій чекмень, длинные плисовые или нанковые шаровары и черный галстухъ составляли весь нарядъ

уѣзднаго щеголя. Фраки хранились на важные случаи, балы, свадьбы и званые обѣды».

Описывается обѣдъ въ чиновничьей средѣ:

«Вино размочило твердыя приказныя сердца, и откровенность поднялась изъ нихъ... «Мартынычъ!—воскликнулъ секретарь земскаго суда такъ громко, что окна затряслись въ домѣ:—Мартынычъ! Измѣнилъ ты мнѣ, окаянный, выпустилъ медвѣдя изъ моихъ тенетъ. Вѣкъ бы тебѣ не простилъ, еслибъ не жена твоя, моя кумушка».—«Полно, не сердись, Карпычъ,—отвѣчалъ уѣздный стряпчій:—когда бы ты одинъ содралъ шкуру съ медвѣдя, то намъ не досталось бы ни клока шерсти. Нечего сказать, ты мастеръ потрошить просителей, Карпъ Карпычъ, а у меня вѣдь также жена и дѣтки хлѣба просятъ». Наконецъ, въ описаніи уѣздныхъ помѣщиковъ встрѣчаемъ несомнѣннаго благоразумнаго Костанджогло. Это—помѣщикъ Россіяниновъ, у котораго «вездѣ на низкихъ мѣстностяхъ выкопаны были канавы для стеченія излишней воды съ пашней». Описаніе посѣщенія усадьбы этого идеальнаго булгаринскаго помѣщика вполнѣ напоминаетъ визитъ Чичикова къ гоголевскому Костанджогло, у котораго «всякая дрянь дастъ доходъ». Понятна поэтому удушливая фальшь этого вымученнаго «положительнаго» человѣка». А если принять во вниманіе, что въ свою очередь «положительный» и достаточно деревянный Штольцъ въ «Обломовѣ» Гончарова есть прямой сколокъ съ Костанджогло и по генеалогіи литературной эволюціи приходится внукомъ булгаринскому «господину Россіянинову», то получается какъ бы родовая струя фальши, послѣдовательно просочившаяся изъ литературной трясины на вершину нашего Парнасса.

Пріѣхавъ въ деревню идеальнаго помѣщика, образцово-добродѣтельное дѣйствующее лицо въ булгаринскомъ романѣ, нѣкто «Миловидинъ», всплеснуло руками отъ удивленія и воскликнуло: «Вотъ какова можетъ и должна быть цѣлая Россія!...». Вошли въ кабинетъ г-на Россіянинова. Это была обширная комната, вокругъ которой стояли огромные шкафы съ книгами на латинскомъ, греческомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ и русскомъ языкахъ. Посреди комнаты находились три стола; на одномъ лежали новые журналы и газеты. Въ другой комнатѣ, прилегающей къ кабинету, находились, въ шкафахъ же, физическіе инструменты, химическіе аппараты, модели разныхъ машинъ, собраніе минераловъ.

— «Здѣсь пахнетъ Европою»—сказалъ Миловидинъ.

«Слѣдуя совѣту моего тестя,—объясняетъ г. Россіяниновъ,—*я началъ* хозяйничать не на англійскій или нѣмецкій манеръ, но *сообразуясь* съ климатомъ нашимъ, съ почвою земли и обычаями. *Всѣ нововведе*нія не иначе приведены были мною въ исполненіе, *какъ послѣ* многихъ опытовъ».

Представляя своего Костанджогло (или Скудронжогло, по другой редакціи), Гоголь замѣчаетъ, что онъ былъ «не совсѣмъ русскаго происхожденія». «Есть, впрочемъ, много на Руси русскихъ не-русскаго происхожденія, но въ душѣ русскихъ». Такъ какъ этотъ идеальный помѣщикъ, прежде чѣмъ появиться во второй части «Мертвыхъ Душъ», вывелся въ романѣ Булгарина, то понятно его «не-русское происхожденіе». Если Гоголь его дѣлаетъ какимъ-то грекосомъ, а Гончаровъ — нѣмцемъ, то здѣсь говорилъ инстинктъ правдивости въ великихъ художникахъ, въ непостижимомъ ослѣпленіи принимавшихъ за живую личность картонную фигурку. Истинный отецъ этого «идеальнаго помѣщика» Булгаринъ, напротивъ, надѣлилъ свое созданіе самымъ русскимъ, такъ сказать, трактирно-русскимъ наименованіемъ, чтобы уже и сомнѣнія не было — «Россіяниновъ».

VII.

Открывая въ произведеніяхъ великаго юмориста слѣды вліянія предшествующихъ писателей, мы, конечно, чужды смѣшной цѣли укорять за эти слѣды Гоголя. Оригинальность его нисколько не страдаетъ отъ признанія, что отчасти въ описаніяхъ на него повліялъ кричащей красочностью своего слога Бестужевъ-Марлинскій, на что въ очеркѣ «Римъ» указывалъ Бѣлинскій; что на петербургскихъ повѣстяхъ Гоголя съ ихъ «фосфоричностью» и фантастическимъ элементомъ сказались повѣсти князя Одоевскаго; что значительно оправдывается сравнительнымъ анализомъ убѣжденіе Гончарова, что Нарѣжный — «предтеча» Гоголя, его «предсказываетъ», даетъ «намеки на типы», Гоголемъ развитые, и въ туманныхъ образахъ уже возсоздаетъ «идеи быта», затѣмъ ожившаго подъ геніальной кистью великаго поэта; что булгаринскій господинъ Россіяниновъ идеальный помѣщикъ-практикъ, несомнѣнно перекочевалъ во вторую часть «Мертвыхъ Душъ», явясь тамъ въ облагороженной, но столь же фальшиво-деревянной фигурѣ Костанджогло—Скудронжогло, что пьеса Квитки «Пріѣзжій изъ столицы» по идеѣ сходна съ «Ревизоромъ», а заключительная сцена комедіи, по мнѣнію знатока Гоголя—В. И. Шенрока, близко напоминаетъ такую же сцену въ комедіи «Пирогъ» Крылова; что въ свою очередь типы Подколесина и Кочкарева изъ «Женитьбы» въ блѣдныхъ прообразахъ являются въ комедіи Хмельницкаго «Нерѣшительный». Всѣ эти указанія столь же мало касаются оригинальности Гоголя, какъ и тотъ фактъ, что идея «Мертвыхъ Душъ» передана ему Пушкинымъ.

Цѣль этихъ указаній совершенно иная—показать ту эволюцію и постепенность въ выработкѣ формъ и типовъ, которая несомнѣнно существуетъ въ литературѣ. При чемъ, послѣ долгихъ усилій, иногда весьма даровитыхъ писателей, вдругъ является могучій

таланть, который покрываетъ блѣдный рисунокъ предшествовавшихъ ему словесниковъ огненными красками, одушевляетъ жизнью типы, рождавшіеся и пытавшіеся жить, но не жившіе.

Съ тѣмъ вмѣстѣ мгновенно удѣломъ предшественниковъ генія бываетъ полное забвеніе, какъ будто бы ихъ и не было никогда. Но историкъ литературной эволюціи обязанъ возстановить права забытыхъ писателей на ту тяжкую работу, черновую, подготовительную, которую они какъ бы то ни было сдѣлали.

Николай А. Энгельгардтъ.

2473
1